

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 06994239 3

Сочиненія И. С. Аксакова

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

1860—1886

—♦—♦—♦—

—
v. 1. 5

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».

Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876., 1877 и 1878.

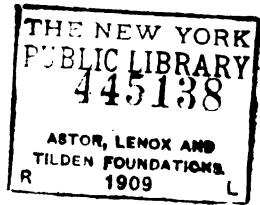

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).

Леонт. пер., домъ Лаврова.

1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Предисловие	V —VII
2. Статьи изъ газеты «День»	3 — 87
3. Статьи изъ газеты «Москва»	91 —178
4. Статьи изъ газеты «Москвичъ»	181—210
5. Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ	213—315
6. Статьи изъ газеты «Русь»	319—791

Оговорка.—Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что въ нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковымъ. Это именно статья, напечатанная въ отдѣлѣ статей газеты «Москва», на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гилярову-Шлатонову, какъ бывшему сотруднику «Москвы». Считаемъ необходимо оговорить эту прискорбную ошибку.

Предисловіе.

Собрание сочинений И. С. Аксакова начинается статьями и рѣчами по Славянскому и вообще Восточному вопросу *). Онѣ поставлены напередъ въ виду современного интереса къ восточнымъ дѣламъ, оживившагося послѣ сухой Филиппопольской революціи и послѣдовавшихъ за нею событий, не улегшихся вполнѣ и до сихъ поръ. Несмотря на двадцатипятилѣтній періодъ, истекшій со времени первого слова, высказанного издателемъ «Дня» о славянскомъ значеніи Россіи и налагаемой отсюда на нее обязанности, и до послѣдней статьи издателя «Руси», ни одна строка по восточнымъ дѣламъ не только не потеряла своей современности, но многія, даже изъ самыхъ первыхъ, какъ будто писаны вчера. Если нѣкоторыя предостереженія тогдашняго времени и утратили повидимому свою практическую

*.) Книжка Стихотвореній, напечатанная для подписчиковъ „Руси“ въ вознагражденіе за недополученные №№ газеты и наднихъ вышедшая вторымъ изданіемъ, не относится къ настоящему изданію. Въ *Собрании Сочинений* стихотворенія найдутъ свое мѣсто; тамъ они будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чего не было соблюдено въ предшествовавшей книжкѣ, съ прибавленіемъ всѣхъ неизданныхъ еще стихотвореній И. С. Аксакова.

примѣнимость, упраздненная историческими фактами (напримѣръ, что Россія не допустить, чтобы Австрія присоединила себѣ Боснию или повелѣвала Сербію), то фактическое опроверженіе служить въ такихъ случаѣахъ только разительнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности высказанныхъ положеній.

Но важнѣе мѣткости тѣхъ или другихъ частныхъ замѣчаній общая идея, связывающая всѣ статьи и рѣчи: освѣженіе ея въ современномъ сознаніи тѣмъ важнѣе, чѣмъ одностороннѣе судять еще о славянофильствѣ многіе. Съ этой точки зренія (и опять не безъ прямой примѣнимости къ настоящему моменту) заслуживаются вниманія апологетической статьи за возставшихъ Кандіотовъ, а равно и сужденія по случаю переворота, совершенного Кузою въ Дунайскихъ княжествахъ. Затѣмъ общія сужденія о связи между народностями и вѣрою, о дѣйствіи, оказываемомъ на молодые Балканскіе народы соблазномъ вѣнѣній цивилизаций, о неразрывной зависимости, въ которую поставлена историческая жизнь Славянскихъ народовъ отъ Россіи и обратно,—все это не настолько еще вошло въ круговоротъ общественного сознанія, чтобы утратить свою свѣжесть.

Вышесказанное относится преимущественно къ статьямъ раннаго периода (въ „Днѣ“, „Москвѣ“ и „Москвичѣ“). На статьяхъ „Руси“, равно и на рѣчахъ, произнесенныхъ въ Славянскомъ Комитетѣ, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ выступалъ не только публицистомъ, но и дѣятелемъ, не останавливается: то и другое въ свѣжей памяти у всѣхъ. Характеръ дѣятеля впрочемъ проходитъ по всему периоду. „День“ уже застаетъ Аксакова секретаремъ того

Комитета, которого онъ былъ потомъ столь славнымъ предсѣдателемъ; сколько намъ известно, самое учрежденіе Славянскаго Комитета состоялось не безъ прямыхъ винченій Ивана Сергеевича, съ которыми онъ обращался къ своимъ старшимъ друзьямъ послѣ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1859 году.

Статьи и рѣчи располагаются въ хронологическомъ порядкѣ. Но ими обнимается не все, писанное и сказанное по Восточному вопросу; помѣщается лишь то, что было уже въ печати. Многія письма очень существенные по содержанію, нѣкоторыя рѣчи (например славянскимъ гостямъ во время Этнографического Съезда), нѣкоторые адресы — могутъ увидѣть свѣтъ только послѣ полнаго разбора бумагъ, оставшихся отъ издателя „Руси“.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861—1862 г.

(СЛАВЯНСКИЙ ОБЗОРЪ.)

Из № 1. Октябрь 1861.

Никто, конечно, не станет отрицать то огромное значение, которое, въ наше время, выпало на долю общественному мнѣнію въ Европѣ. Оно является не только участникомъ въ разрѣшеніи современныхъ вопросовъ, но и могущественнымъ двигателемъ во всѣхъ сложныхъправленіяхъ политического и общественнаго организма Западнаго міра. Это сила, съ которой приходится поневолѣ считаться всѣмъ государствамъ, принадлежащимъ къ политической системѣ Европы (не исключая и Турціи), — и не только считаться, но и бороться равнымъ оружіемъ, противополагая мысли мысль, знанію знаніе, нравственному началу нравственное же начало самобытно выработанное и крѣпкое всею ясностью сознанія; однимъ словомъ — это та сила, отъ которой не ограждаютъ ни крѣпостныя стѣны, ни армстронговы пушки, и которая можетъ быть побѣждена только мыслью и словомъ.

Но на обширномъ и шумномъ полѣ Европейской публицистики одиноко и безоружно стоитъ идея Русской народности. Не имѣя, или имѣя, но мало, достойныхъ представителей, «Русская национальность», вместо того, чтобы раскрывать передъ міромъ все богатство своего внутренняго содержанія, — постоянно ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи Европы, заискивая его благосклонность или чрезъ низкое отреченіе отъ своихъ началъ, или чрезъ смиренное и унизительное безмолвіе. Таковы, по крайней мѣрѣ, общія черты нашихъ прежнихъ отношеній къ Европѣ въ той обла-

сти, которая не ограждалась обаяниемъ или страхомъ вѣнчанаго могущества Россіи. Наши публицисты за границей, писавшіе по Французски, съ своей стороны не только не способствовали къ разъясненію понятія объ Русской народности, но поражали самихъ иностранцевъ страстью своего безпристрастія къ родной землѣ и мужествомъ осужденія. Положимъ, эти послѣдніе были искрены и относились къ дѣлу, если иногда и ошибочно, то серьезно, но что сказать о Русской литературѣ и о Русскомъ обществѣ? Кто не знаетъ, что мы ничего такъ не боялись и не боимся, какъ насмѣшки или менторскаго выговора Европейцевъ, что мы, какъ грѣха, стыдимся подозрѣнія къ патріотизму и краснѣемъ, когда иностранцы уличать насъ въ соблюдении какихъ либо народныхъ обычаевъ и обрядовъ; что мы съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительного благоволенія, всякой, сколько нибудь милостивый отзывъ Западнаго писаки и съ восторгомъ перепечатываемъ данные имъ аттестаты у себя въ газетахъ. Русские путешественники за границей не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы стереть съ себя всякое отличіе, налагаемое на нихъ Русскою народностью, или, если уже ея скрыть нельзя, чтобы придать ей какую-то чуждую Европейскую щеголеватость, способную снискать намъ одобрительную, наглу, барскую ласку Француза. Тѣмъ не менѣе ложный стыдъ, постоянная несвобода или вѣчная тяжелая забота о томъ, чтобы не провиниться противъ *comme il faut*—накладываются на Русскихъ за границей печать такой особенности, что вы ми гомъузнаете Русскаго путешественника изъ тысячи иностранцевъ.

Къ чему же привели насъ эти отношенія Русскаго общества къ Западу, что выигрывали мы отъ этого, обильно расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?

Не только не погладили насъ по головкѣ, не только похвали нашему благонравію не дождались мы отъ Европы, но напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, Европейцы честять насъ именемъ варваровъ и чуть-чуть не любовдовъ. Постоянно не понимаемые, не знаемые, мы, Русскіе, своимъ поведеніемъ еще болѣе обезсиливаемъ свое политическое зна-

ченіе, и общественное мнѣніе Запада является намъ враждебнымъ при всякомъ событіи, гдѣ, силою исторіи, выдвигается впередъ идея Русской народности. На просторѣ и безпрепятственно подвигается противу насъ Европейская публицистика, куетъ оружіе, разглашаетъ клеветы, созидаетъ цѣлую теоріи, подкашивающія наше нравственное могущество,—а мы молчимъ; съ нашей стороны нѣтъ ни борьбы, ни отпора, наше печатное слово блѣдно и вяло,—и постоянный натискъ духовныхъ враждебныхъ силъ Запада колеблетъ внутри самой Россіи сознаніе нашей силы и нашей правды, ясное разумѣніе нашихъ правъ и обязанностей, опасностей и выгодъ!

И не только Россія, но и весь Славянскій, или вѣрнѣе Православно-Славянскій, міръ раздѣляеть съ нею ту же участъ. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купимъ; пора понять, что ненависть, не рѣдко инстинктивная, Запада къ Славянскому Православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; эти причины—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлого міра къ новому, которому принадлежить будущность. Пора намъ наконецъ принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицистою Европы, за себя и за нашихъ братьевъ-Славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы Славяне, сохранившіе вѣрность Славянскимъ началамъ, если могущественнѣйший представитель этого міра, Русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего исторического подвига и призванія?

А между тѣмъ никогда такъ сильно и настойчиво не ощущалась потребность живаго, умственного и духовнаго отпора со стороны Россіи, какъ въ настоящую минуту. Оставляя въ сторонѣ значеніе этого отпора для самой внутренней жизни Россіи, укажемъ только на наши внѣшнія, международныя отношенія, и именно къ племенамъ Славянскимъ.

Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа, міръ Славянскій вообще, и міръ Православный въ особенности, выступаетъ теперь на поприще исторіи. Славянъ, свободныхъ отъ чуждаго ига, нѣтъ нигдѣ,

кромъ Россіи. Кромъ Россіи, вездѣ Славянскую народность гнетутъ или Нѣмцы или Турки. По мѣрѣ возрастанія политического могущества Россіи, возрождались въ порабощенныхъ племенахъ: надежда на избавление отъ позорного ярма и чувство Славянской народности. Освободить изъ-подъ материального и духовнаго гнета народы Славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго, и, пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣнью могущественныхъ крылья Русскаго орла--вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи. Но со-знаемъ ли мы и сознаютъ ли Славяне — наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся Славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что выше мы сами уже указали на это сочувствіе. Но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ; дѣло въ томъ, что сочувствіе опиралось до сихъ порь на естественное чувство Славянскихъ народовъ, не спроявлявшееся съ дипломатическими лѣтописами и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизациі Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе разумной основы, и переходя изъ области естественнаго чувства въ область со-знанія, подвергаетъ повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность Славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ называемые интеллигентные, образованные классы у Славянъ Восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаниемъ общества и нашей журналистики (объ отдельныхъ явленіяхъ говорить нечего), не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ Западное просвѣщеніе,— мало по малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братій. Безсильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ слова) помошь Западныхъ народовъ, исконныхъ враговъ Славянскаго міра. Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, но еще болѣе — яснымъ сознаніемъ Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долголѣтнимъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы

Славяне домогаться этого сознанія отъ Русской журналистики!

Русская журналистика и Русская публика горячатся изо всѣхъ силъ по поводу единства Италии, проливаются чуть не рѣки слезъ умиленія при чтеніи рѣчей *del re galant'* пошто, негодуютъ на Боржеса или на Шіавоне, какъ на личныхъ своихъ непріятелей, ссорятся и спорятъ изъ-за Чіальдини или Мингетти, отправляются на поклоненіе въ Капреру,— и въ тоже время раздѣляютъ мнѣніе Англійскихъ министровъ о необходимости Англійскаго ига надъ Іоническими островами, ради благосостоянія послѣднихъ; готовы признать Фіуме (Рѣку), Истрію и весь Далматинскій берегъ Итальянскими странами; не на шутку утверждаютъ, что пора забыть племенные вражды въ Турецкой имперіи и примириться съ новымъ способомъ управления въ Турціи; наконецъ, даже изъявляя сочувствіе, перепечатываютъ, сами не замѣчая, ложныя и искаженные извѣстія о дѣлахъ и дѣятеляхъ Славянскихъ. И не мудрено. Спросите по совѣсти болѣшую часть профессоровъ Всеобщей Исторіи въ нашихъ Русскихъ университетахъ — знакома ли имъ исторія, не только прочихъ Славянскихъ племенъ, но и ближайшей къ намъ Польши? Каждый изъ нихъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, сознается, что нѣтъ, не знакома вовсе. Да и откуда ему знать! Нѣмцы (кромѣ Ранке) о томъ не писали; составители учебниковъ всеобщей исторіи мало обращали на то вниманія; для чтенія источниковъ нужно знать языки и имѣть къ тому интересъ, который не былъ ему внушенъ ни Европейскими, ни нашими Русскими прославленными учеными и наставниками! Очевидно, нельзя слишкомъ строго винить и журналистику. Къ тому же, слѣдуетъ, по справедливости, замѣтить, что всего мѣсяца два, какъ состоялось разрѣшеніе получать Славянскія газеты по почтѣ, и то не иначе, какъ черезъ Петербургскую газетную экспедицію *). Съ другой стороны равнодушіе публики также охлаждало ревность многихъ благонамѣренныхъ журналистовъ. Мы здѣсь не говоримъ, конечно, про Русскую Бесѣду: она одна соблюдала постоянную связь съ Славянами, благотворно дѣйствовала на умы образован-

*) См. С.-Петерб. Вѣдом., 1861 г. № 171.

ныхъ нашихъ единоплеменниковъ и поддерживала въ нихъ сочувствие къ Россіи; но она стояла особнякомъ въ Русской журналистикѣ, и, какъ ученый сборникъ, а не газета, не могла идти въ состязаніе съ периодическою, газетною литературою.

Какъ бы то ни было, но теперь замѣчаются и въ Русской журналистикѣ признаки сочувствія къ Славянскому дѣлу. Самыя вѣрныя свѣденія находили мы до сихъ поръ въ Славянскомъ отдѣлѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, помѣщавшіяся впрочемъ какъ-то случайно, рѣдко и безъ системы. Весьма интересныя корреспонденціи изъ Праги помѣщаются иногда въ Современной Лѣтописи и Московскихъ Вѣдомостяхъ. Можно надѣяться, что съ полученіемъ Славянскихъ газетъ и при усиливающемся числѣ Русскихъ путешественниковъ по землямъ Славянскимъ,— наши Русскія газеты будутъ почерпать Славянскія извѣстія изъ живыхъ мѣстныхъ родниковъ, и проникнутся сами искреннимъ сочувствіемъ къ нашимъ единоплеменнымъ братьямъ.

Открывая Славянскій отдѣлъ въ нашемъ изданіи, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что сдѣлаемъ его со временемъ довольно полнымъ источникомъ разнообразныхъ и вѣрныхъ свѣденій о положеніи и движеніи Славянскаго дѣла. Но мы поставили себѣ и другую задачу. Возвращаясь къ тому, что говорили мы въ началѣ статьи, мы желали бы (и приглашаемъ къ тому и другіе органы нашей печати) имѣть въ виду не однихъ Русскихъ, но и Славянскихъ читателей, сообщать не одни свѣденія, но и обсуждать общіе вопросы, постоянно возбуждаемые антагонизмомъ Западнаго и Славянскаго міра, и не оставлять безъ вниманія враждебныя выходки Европейской публицистики. Въ Европѣ насы не читаются, скажутъ журналисты. Будутъ читать, какъ скоро будетъ чтѣ читать. Бѣда въ томъ, что въ Европѣ теперь и читать-то почти нечего, кромѣ переводовъ и повторенія, давно ей знакомыхъ, доктринъ и теорій. Къ тому же опроверженіе доводовъ Европейскихъ публицистовъ полезно не столько для Европы, сколько для насы, Русскихъ, для нашего «образованнаго» общества.

Таковы наши намѣренія. Исполненіе не всегда зависитъ отъ насы и во всякомъ случаѣ будетъ совершаться посте-

пенно. Такъ и теперь многія ожидаемыя нами корреспонденціи не поспѣли къ сроку. Но, повторяемъ, не однѣ корреспонденціи станемъ мы предлагать читателямъ, мы будемъ помѣщать и описанія и исторические очерки Славянскихъ земель, и разсказы путешественниковъ и статьи по внутреннимъ общественнымъ Славянскимъ вопросамъ. Именно теперь, въ настоящую трудную минуту, нужно было бы живое и дружеское слово Славянамъ, такое слово, которое, возбуждая и поддерживая въ нихъ чувство Славянской народности, въ тоже время скрѣпляло бы ихъ духовную связь съ Россіею, связь безъ которой ихъ собственное, самобытное развитие и преуспѣяніе — немыслимо и невозможно! Пусть помнить это Славяне!

Изъ № 3. Октябрь 1861 г.

Примѣчаніе къ письму Жинзифова къ статьѣ и нѣсколько словъ о Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ. Съ истиннымъ огорченіемъ прочли мы,—и, скрѣпя сердце, печатаемъ мы это письмо. Совѣтно и стыдно вѣтомъ признаться, а вѣдь все, сказанное г. Жинзифовымъ о нашемъ невѣжествѣ, совершенная правда! Грустно подумать, какъ болѣзненно должно гнести оно пребывающихъ среди насъ нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій! Мало того, что ихъ жгутъ, рѣжутъ и позорятъ Турки, тѣснить и давать Греки,—мало того, они и въ Россіи плохо утѣшены нами, они встрѣчаются странный, холодный приемъ, какъ чужіе,—хуже, чѣмъ чужіе, чѣмъ напр. Французы и Англичане; они,—съ такимъ упорствомъ и мужествомъ, сквозь бездуу золь и несчастій, пронесшіе до нашихъ временъ свою народность — почти не поврежденою,—они не находятъ ни привѣта сочувственнаго, ни слова ободрѣнія, ни похвалы, ни признательности за свой великий, духовный подвигъ!...

Конечно — объяснить почему Славяне насъ знаютъ, а мы ихъ такъ плохо знаемъ, дѣло не трудное. *Они* нуждаются въ насъ, а не мы: они чаютъ отъ насъ духовной и материальной помощи, и освобожденія отъ турецкаго, греческаго или нѣмецкаго ига,—а русскій народъ, для разрѣшенія сво-

ихъ внутреннихъ вопросовъ, обойдется и безъ ихъ содѣйствія. Очевидно, что тотъ, кто нуждается въ другомъ, непремѣнно долженъ знать того другаго, отъ котораго ждетъ себѣ спасенія. Но именно потому, что мы многочисленны, сильны, независимы отъ виѣшиаго ига, живемъ и движемся и развиваемся на просторѣ цѣлымъ, единственно во всемъ мірѣ свободнымъ, могучимъ славянскимъ народомъ,—именно потому, естественно было бы намъ, по крайней мѣрѣ, проникнуться чувствомъ великодушія, свойственнымъ сильному относительно слабаго. Но тутъ дѣло не о великодушіи. Мы, какъ Русскіе, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный долгъ, свои обязанности относительно нашихъ страждущихъ младшихъ братій, повинность, налагаемую на насъ исторіей. Но мы не вѣрны своему призванію!

Про простой народъ и даже про купцовъ говорить нечего. Народъ не сочувствуетъ Славянамъ потому единствено, что не знаетъ. Купцамъ, конечно, стыдно оправдываться невѣжествомъ, потому что они имѣютъ всѣ способы къ образованію, но едвали у кого достанеть духу глумиться надъ невѣжествомъ нашихъ крестьянъ, когда они, по нашей же винѣ, были до самаго послѣдняго времени лишены всякихъ средствъ выучиться даже грамотѣ. Во всякомъ случаѣ здѣсь причиною недостатка сочувствія—одно незнаніе. Про Грековъ народъ слышалъ; ему известно, что вѣра его «Греческаго закона»; симпатіи же къ Грекамъ, къ характеру ихъ—не питаетъ онъ ни малѣйшей. Между тѣмъ по всей Россіи ходятъ греческие монахи и рассказываютъ ему, что тамъ, въ той странѣ, откуда родомъ и Николай Чудотворецъ, и Василій Великій, и Ioannъ Златоустъ, живутъ и до сихъ поръ православные Греки, угнетенные Турками,—и вотъ, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ,— собираются ежегодно и отсылаются въ Грецію десятки миллионовъ трудовыхъ, радостно жертвуемыхъ копѣекъ! Вѣдай нашъ народъ правду про Болгаръ и прочихъ православныхъ Славянъ.—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, онъ помогалъ бы также охотно, если еще не охотнѣе, чѣмъ Грекамъ.

Но общество наше... ему извиненія нѣтъ; объяснить же его равнодушіе къ Славянамъ очень легко. Это симптомъ того же общаго недуга, который давно разлагаетъ мало-по-малу все наше общественное тѣло. Не можетъ быть сочувствія къ Сла-

вянской народности тамъ, гдѣ есть отчужденіе отъ своей собственной народности, явное къ ней равнодушіе и полный разрывъ со всѣми историческими преданіями своего племени!

Впрочемъ и среди общества находятся исключения, а теперь они встречаются все чаще и чаще. Года два тому назадъ учредился въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, который, между прочимъ, содержитъ на свой счетъ болѣе 12 молодыхъ Болгаръ, прїхавшихъ въ Россію учиться, и по возможности снабжаетъ книгами народныя училища въ Болгаріи. Не имѣя никакого основнаго капитала, Комитетъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, или, лучше сказать, свою благотворительную дѣятельность, помошью разныхъ, временныхъ, случайныхъ пожертвованій. Но именно потому, что сочувствіе къ Славянамъ распространено въ очень тѣсномъ кругу, необходимость жертвованія ложится всею своею тяжестью на весьма незначительное число лицъ, искренно преданныхъ Славянскому дѣлу.

Междудѣмъ было бы чрезвычайно полезно и важно, еслибы Комитетъ могъ разширить размѣры своей дѣятельности. Жаждадъ просвѣщенію возбуждена въ Болгарахъ съ неимовѣрною силой: Иезуиты искусно этимъ пользуются и доставляютъ имъ всѣ способы щѣхать въ Парижъ или другіе города, въ полной увѣренности, что воспитавшись во Франціи или Германіи, Болгаре разъединятся духовно съ Россіею, а слѣдовательно и съ своею народностью. И они не ошибаются. Недавно въ Парижѣ учредилось цѣлое общество съ цѣлью распространенія въ Болгаріи католицизма, или по крайней мѣрѣ унії (т. е. признанія Римскаго папы съ сохраненіемъ православныхъ обрядовъ): это общество въ быстромъ времени пріобрѣло огромныя средства, такъ что тагаться съ нимъ бѣдному, лѣнивому уму и душею, Русскому обществу было бы невозможно, еслибы народъ Болгарскій самъ не держался крѣпко Православія, единственнаго оплота своей народности. Однако жъ и тамъ отдѣльные члены отпадаютъ одинъ за другимъ, и во многихъ Болгарахъ, воспитавшихся за границей, замѣчается шаткость Вѣры и вѣрности своему народу. Что значать наши 12, 15 человѣкъ Болгаръ, учащихся въ Москвѣ, противъ нѣсколькихъ сотенъ Болгаръ, слушающихъ лекціи въ Германскихъ и Французскихъ университетахъ и коллегіяхъ?

Между тѣмъ несомнѣнно, что Болгаринъ, воспитывающійся здѣсь въ Россіи, какъ бы плохо его ни учили, не утрачиваетъ своей народности, не перестаетъ быть Болгариномъ, и сохраняетъ или даже приобрѣтаетъ возможность явиться полезнымъ слугою своей родины. Московскій университетъ можетъ, по справедливости, гордиться тѣмъ, что дамъ Болгаріи двухъ полезныхъ, замѣчательныхъ дѣятелей, бывшихъ Московскихъ студентовъ, гг. Найдена Герова и Савву Филаретова.

Мы сообщимъ въ скоромъ времени нашимъ читателямъ подробный отчетъ о средствахъ (весьма ограниченныхъ) и о дѣятельности Славянскаго Комитета въ Москвѣ, также выписку изъ его протоколовъ,— а покуда обращаемся съ просьбою ко всѣмъ нашимъ читателямъ, сколько-нибудь бодрствующимъ мыслю и сердцемъ, сколько-нибудь неравнодушнымъ къ интересамъ Русской и Славянской народности (и владѣющимъ при томъ лишию колѣйко, ибо на нѣть — и суда нѣть): помочь намъ образовать Славянскій капиталъ для содѣйствія духовному возрожденію Славянъ, и присыпать свои пожертвованія къ намъ, въ Редакцію. Редакторъ газеты «День» въ тоже время и секретарь Славянскаго Благотворительного Комитета. Разумѣется, о каждой полученной колѣйкѣ будеть тотчасъ же опубликовано въ нашей газетѣ.

Посмотримъ, какъ отзовутся на это наши купцы! Признатъся сказать, мы на нихъ много надѣемся. Вѣдь жертвуютъ же они, и жертвуютъ огромныя суммы, не только на церкви, но и на разныя, не всегда нужныя, большою частью ради тщеславія воздвигаемыя, новыя богатыя ограды и колокольни и кельи монастырямъ, и безъ того страшно богатымъ,— и такимъ образомъ прикладываютъ къ шубѣ да еще шубу! Не лучше ли шубу-то отдать не имущему шубы, сирому и нагому?

Въ статьѣ г. Жинзифова есть еще предметъ, котораго мы не коснулись: это взаимныя отношенія Грековъ и Болгаръ. Въ другой разъ мы подробно потолкуемъ съ читателями объ этомъ важномъ и печальному явленіи. Россія въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьею, вполнѣ безпристрастнымъ; да и вообще ея обязанность и призваніе явиться не только судьей, но и миротворцемъ въ борьбѣ Болгаръ и Грековъ, въ распѣвѣ всѣхъ Славянскихъ народностей между собою, и служить имъ всѣмъ живою связью и центромъ соединенія!

11 Мая 1862 г. въ Москвѣ.

11-го числа этого мѣсяца было совершено въ церкви Московского Университета, по ходатайству членовъ Славянского Комитета, торжественное богослуженіе съ молебномъ, въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ Славянскихъ — Кирилла и Меѳодія,— въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ забвенія... Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе памяти тѣхъ, кому обязанъ Славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ скро-вищемъ: въ минеяхъ XII вѣка еще встрѣчается отдельная служба св. Кириллу съ особымъ канономъ, но въ позднѣйшія времена — хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ — Русская церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ св. угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія.

Какъ ни скромно было торжество 11 Мая, оно все же было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ Славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи Славянства. Это празднество служитъ залогомъ будущаго духовнаго воз-соединенія всѣхъ Славянъ, звеномъ, связующимъ разрознен-ныхъ братьевъ.

Читатели наши, безъ сомнѣнія, прочли (по крайней мѣрѣ, къ чести ихъ мы должны предположить, что они прочли) статьи о Кириллѣ и Меѳодіи г. Гильфердинга въ 25, 28, 29, 30 и 31 №№ нашей газеты. Въ предисловіи ко 2 письму мы объяснили всю политическую важность, всю дѣйстви-тельную современность въ XIX вѣкѣ вопроса о времени изобрѣтенія кириллицы, о дѣятельности, проявленной Кирилломъ и Меѳодіемъ въ IX вѣкѣ. Мы упомянули о томъ жи-вомъ значеніи, которое имѣютъ въ Славянскомъ мірѣ исторія и археологія, представляющія для современного Славянского возрожденія разумную опору исторической памяти, просвѣт-ленной и очищенной наукой; мы указали на прописки като-лическаго міра — ослабить связующую силу общей для всѣхъ Славянъ и сохранившейся только у православныхъ — Славян-ской азбуки; на басню, умышленно сочиненную Латиня-

нами съ тою цѣлью, чтобы уваженіе къ памяти христіанскихъ первоучителей въ Славянскомъ мірѣ — нисколько не налагало на Славянъ обязанности держаться Славянскихъ письменъ, а напротивъ еще сильнѣе связывало ихъ съ Латинскою стихіей; мы напомнили о празднествѣ, готовающемся въ 1863 году, по случаю тысячелѣтія христіанской проповѣди Кирилла и Меѳодія у Западныхъ Славянъ, отступившихъ, для Латинскаго вѣроисповѣданія и Латинскаго алфавита, отъ преданія Вѣры, преподанного имъ первоучителями, и отъ установленныхъ и освященныхъ ими начертаній Славянскаго слова!..

Молва о празднествѣ 11 Мая въ Москвѣ разнесется по всѣмъ Славянскимъ странамъ радостною вѣстью будущаго освобожденія: потому что невозможно духовное возрожденіе Славянъ безъ участія многомилліоннаго Русскаго племени въ общемъ подвигѣ Славянскаго самосознанія. Пробужденіе идеи Славянства въ Россіи даетъ нравственную опору неутомимымъ бойцамъ и мужественнымъ страдальцамъ Славянства — нашимъ братьямъ, угнетеннымъ внѣшнимъ игомъ Нѣмцевъ и Турокъ, и въ то же время созидаетъ прочную основу и для нашего Русскаго народнаго возрожденія. Крѣпче и сильнѣе почувствуетъ себя Русская народность, сознавая свое духовное единство съ Славянскимъ міромъ, и уже не одиночную борьбу поведеть она съ своими внутренними домашними врагами — общими врагами Славянъ — ренегатами Русской народности!

Въ 10 часовъ въ пятницу 11 Мая, въ церкви Московскаго Университета, главнаго представителя науки въ Россіи, началось праздничное богослуженіе, въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ, и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ совершающему торжеству. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что дамъ было едва ли не больше, чѣмъ мужчинъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторые былидержаны дома обязанностями службы, а нѣкоторые узнали о назначенному торжествѣ уже поздно, такъ какъ въ газетахъ возвѣщено было о немъ только наканунѣ.

Нельзя было безъ особеннаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе именъ «святыхъ Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія», или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ Славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ предъ симъ,

читались книги, напечатанные тѣми же письменами, какими напечатаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ, дѣломъ Кирилла и Меѳодія, благодарили предстоявшіе Кирилла и Меѳодія—просвѣтителей и молитвенниковъ Славянскаго міра. Особенное молитвенное движение выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли — частію заимствованная изъ древней рукописной мицей XII вѣка, частію вновь составленная пѣсни:

«Наста день свѣтлыя памяти святыхъ первоучителей Славянскія земли, святителей Кирилла и Меѳодія, иже любовю Христовою распалиямы и духомъ истины просвѣщаемы, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отнюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовы сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: Отче нашъ, иже еси на небесахъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовю Сына Твоего во единомъ языцѣ и во всѣхъ языцѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино.»

Другая:

«Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, потомъ же Словенскихъ племенъ явившійся апостолъ и первохудожникъ Словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленного и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ, блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ, позднихъ сокровища вѣры вашея наслѣдниковъ, пѣсни благодаренія приемше, Бога Слова молите, да въ православный вѣрѣ и премудрости насъ возвращая и утверждая, спасеть души наша.»

Предъ окончаніемъ литургіи, совершившій священодѣйствие, священникъ университетскаго храма, и профессоръ университета, Н. А. Сергиевскій произнесъ слѣдующее краткое слово, высказанное съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ:

«Въ 1855 году, въ день столѣтнаго юбилея здѣшняго университета, принесена частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей Славянскихъ (*).

*) Эта частица принесена была Московскому Университету въ даръ М. П. Погодинымъ. Въ 1835 была отдѣлена отъ части руки св. Ки-

«Не можемъ сказать, съ какою именно цѣлію было сдѣлано это приношеніе. Конечно, на праздникъ первого Русскаго университета было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить перстъ, впервые начертавшій Славянскія письмена, не мертвыя и убивающія, но словомъ Евангельской истины отъ начала оживленныхъ. Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтнаго юбилея университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-Славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ 855 годъ предполагался годомъ изобрѣтенія Славянскихъ письменъ.

«Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго - дорогаго, хотя и невольно забытаго.

«Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей Славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Будемъ надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей землѣ Русской.

«Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали намъ слова Евангелія на нашемъ родномъ языѣ, поборая сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ ревнителей яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишить насъ разумнаго благочестія и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуетъ «трехъязычниками (*). Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языѣ. Составитель древнаго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: «словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, bla-

рилла, хранящейся въ Пражскомъ Соборѣ, частица для Моравской митрополіи, где св. Меѳодій святилъ церковь, и въ тоже самое время каноникомъ Пешиною, въ присутствіи Ганки, Шафарика, Колара, отдана была, по усиленной просьбѣ, частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Каноникъ Пешина выдалъ на нее свидѣтельство на Латинскомъ языѣ. См. Моск. Вѣд. 1862 г. № 106.

Ped.

*) См. о древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію. Москва 1856 г. стр. 9.

женный, Христа, Сына Божія, премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ трезвичниковъ». (пес. З рукос. мицк. синод. типогр. № 6).

«Мы слишкомъ, такъ сказать, богаты богатствомъ слова Божія, дошедшаго намъ изначала на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы всякий и всегда могъ чувствовать драгоценность и благотворность этого сокровища. Сытому надо вспомнить голодного, чтобы чувствовать радость въ сытости и благодарить насыщающаго. А есть слово пророческое и о гладѣ слышанія слова Божія... Пожелаютъ люди услышать слово Божіе, но не услышать... Это голодъ безъ возможности насытиться. Молитвами просвѣтителей нашихъ, не дай намъ Богъ, чтобы когда нибудь пришло на насъ то грозное слово пророческое!..» *)

Тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы Кирилла и Меѳодія для университетской церкви,—и собрано до 300 р. сер. Написаніе иконы будетъ стоить особеннаго труда художнику, такъ какъ ни въ одной церкви въ Россіи нѣть изображенія Св. Первоучителей Славянскихъ. Художнику необходимо будетъ справиться въ древнихъ храмахъ и монастыряхъ Славянскихъ и Греческихъ.

Но неужели только иконой и окончится дѣло? Не напрасно произнесено было напоминаніе о гладѣ слышанія слова Божія. Въ Москвѣ существуетъ Славянскій комитетъ, созданный именно съ цѣлью доставить, по возможности, Славянамъ, угнетеннымъ Турецкимъ игомъ,—средства къ просвѣщенію, къ утоленію «духовнаго глада» словомъ науки. Комитетъ содержитъ на свой счетъ въ Москвѣ 12 молодыхъ Славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые слушаютъ лекціи въ университетѣ, другіе готовятся ко вступленію въ университетъ или въ духовныя семинаріи: но это содержаніе — стоящее 3000 р. сер., исчерпываетъ почти всѣ средства Комитета,—а сколько еще другихъ непредвидѣнныхъ издержекъ: отправленіе большихъ и окончившихъ ученіе на родину, снабженіе ихъ книгами.. Кромѣ частной благотворительности — другой мате-

*) Изъ «Правосл. Обозр.» № 5.

ріальної помоці Комітетъ ни откуда не имѣть. Съ при-
знательностью должны мы вспомнить, что послѣ открытия сбора
приношений въ Редакціи «Дня», слишкомъ 2000 р. сер.
получено въ редакціи изо всѣхъ концовъ Россіи, нерѣдко
отъ самыхъ бѣдныхъ людей (да благо имъ будетъ за эти
святые лепты!),—но этого еще недостаточно. Не 12, а го-
раздо болѣе молодыхъ Славянъ должны бы мы были воспи-
тывать въ Россіи, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ
учителей, насадителей просвѣщенія въ Болгаріи, Сербіи,
Босніи, Герцеговинѣ, будущихъ дѣятелей возрожденія и осво-
божденія! Сколькоимъ жаждущимъ ученія приходится отказы-
вать Комітету, за неимѣніемъ лишней тысячи рублей. и какъ
тяжела эта печальная необходимость отказа, какъ стыдно и
совѣстно дѣлается за равнодушіе нашего общества! Какъ въ
особенности прискорбно равнодушіе и невѣжество нашихъ
богатыхъ торговцевъ, которые на Славянъ не даютъ ни ко-
пѣйки, а между тѣмъ жертвуютъ, какъ недавно одинъ ку-
пецъ въ Замоскворѣчи, по 25,000 р. сер. на ненужную
отдѣлку богатаго храма, не разумѣя другаго способа прино-
шенія угодныхъ жертвъ Богу!..

Но во всякомъ случаѣ—начало положено. Когда въ пер-
вый разъ, лѣтъ 30 тому назадъ, заявлено было иѣкоторыми
сочувствіе къ Славянамъ — какими насыпками и бранью
встрѣчено было въ Русскомъ обществѣ только что возни-
кавшее новое направленіе! Теперь кругъ сочувствующихъ
расширяется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, не смотря
на насышки Петербургской журналистики, Современниковъ,
Инвалидовъ и т. п. Впрочемъ, Петербургскимъ журналамъ
такъ и слѣдуетъ: они вѣрны той идеѣ, которую олицетво-
ряеть собою созданіе Петра — Санктпетербургъ: городъ съ
Нѣмецкимъ именемъ, пожалованный въ столицы Русской
земли.

Слѣшимъ добавить, что не въ одной университетской
церкви, но и въ храмѣ Московской духовной семинаріи, въ
тотъ же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была
празднована память св. первоучителей Славянскихъ молеб-
номъ, на который были приглашены всѣ ученики. Намъ
остается пожелать, чтобы это празднованіе установилось по
всей Россіи, отъ Успенского собора въ Москвѣ до сельской

церкви въ самомъ глухомъ захолустъ. Если бы — вѣроятно подъ влияніемъ Грековъ — не произошло въ нашей Церкви этого страннаго забвенія тѣхъ, кому мы, Славяне, обязаны больше, чѣмъ Грекамъ,—если бы не прерывалось въ церквяхъ пѣніе каноновъ въ честь Св. Кирилла и Меѳодія,— Русскій народъ вѣдалъ бы больше о Славянахъ и своемъ Славянскомъ происхожденіи, чѣмъ вѣдаетъ теперь: онъ зналъ бы, что тотъ языкъ, на которомъ онъ славить Бога, есть Славянскій языкъ — единый и общій для всѣхъ Славянъ, оставшихся вѣрными преданію Славянскихъ первоучителей и апостоловъ.....

Изъ № 35, г. 1862.

Рана и пѣнъ Гарибальди отзовутся неблагопріятными послѣдствіями не только для Италии, но и для всѣхъ Славянскихъ племенъ на Востокѣ, воюющихъ за то же начало народной независимости и свободы. Имя Гарибальди вполнѣ народно между Славянами въ Турціи, и въ особенности теперь въ Сербіи, Черногоріи и Герцеговинѣ. Зная впечатлительность нашихъ единоплеменниковъ, мы думаемъ, что молва о торжествѣ Піемонтскаго правительства произведетъ уныніе въ рядахъ защитниковъ вѣры и народности, этихъ мужественныхъ «стоятелей» за самыя святыя права, такъ попираемыхъ благоустроеннымъ и просвѣщеннымъ правительствами христіанской Европы — Австріи и Англіи! Мы боимся, чтобы вѣсть о Гарибальди не ослабила напряженія, на которое и безъ того давно истощается Сербія, и которое, казалось, должно было наконецъ увѣнчаться послѣдней, рѣшительной борьбой Славянъ съ Турками...

Гарибальди напоминаетъ собою историческихъ дѣятелей давно прошедшихъ временъ. Это лицо будто высѣчено изъ древняго мрамора. Признаться сказать, при общемъ понижении уровня — душъ, умовъ и талантовъ человѣческихъ,—всѧкое явленіе нравственной личности, выдающейся изъ однообразной современной общественной среды способно возбуждать наше полное сочувствіе. Само собою разумѣется, что мы здѣсь привѣтствуемъ не бунтъ личности, не успѣхъ личнаго эгоизма, а торжество личной свободы духа, безусловно отдав-

шейся на службу общей цѣли, и то благотворное дѣйствіе, которое еще способна оказывать на человѣчество личная добродѣтель отдѣльного человѣка. Преданность идеѣ, чистота, безкорыстіе, готовность къ самопожертвованіямъ въ Гарибальди—поднимали нравственный уровень нашего современаго общества. Любовь къ отчизнѣ и народности, достойная всякаго уваженія сама по себѣ, никогда не оправдываетъ средствъ безнравственныхъ; она требуетъ чистыхъ дѣятелей, и значеніе Гарибальди состоить не въ его храбрости и геройствѣ, не въ его военному талантѣ и патріотизмѣ, — а именно въ его нравственныхъ качествахъ, въ его личной духовной доблести.

Обращаясь затѣмъ къ Піемонтскому правительству мы охотно уступаемъ мѣсто замѣткѣ, присланной намъ отъ одного изъ сослуживцевъ «Дня» *), и приводимъ ее вполнѣ:

« Въ трагической коллизіи, обагрившей Италію, кого винить? Правительство, которому цѣлый народъ ввѣрилъ свою судьбу, правительство, отвѣтственное передъ своимъ народомъ и передъ всею Европою, очевидно, не могло увлечься восторженнымъ порывомъ малочисленной дружины и ринуться, зажмуривъ глаза, въ темную область неизвѣстнаго. Но не могло ли оно, по крайней мѣрѣ, задержать этотъ порывъ до времени, не прибѣгая къ силѣ, успокоить взволнованія страсти и приberечь дорогую для Италіи кровь? Странно бы было изъ Москвы предпринимать ревизію надъ Піемонтскимъ министерствомъ, придумывать для него программу и уличать его въ ненаходчивости, когда, конечно, оно было заинтересовано болѣе чѣмъ кто нибудь въ предупрежденіи междоусобной схватки. Къ тому же мы знаемъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, убѣжденія, предостереженія, уступки, ласки, угрозы, словомъ всѣ средства были употреблены въ дѣло — къ несчастью, безъ успѣха. Кого жъ винить? Винить ли Гарибальди за то, что народная волна, поднявшая его на высоту исторического дѣятеля, не улеглась передъ холмами Рима и лагунами Венециі? Винить ли его за то, что сердце его и вся Италія твердили: «мало», когда Императоръ Французовъ рѣшилъ про себя, что довольно. Нако-

*) Юрія Федоровича Самарина. Прим. изд.

нецъ, винить ли его за то, что онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, той вѣрѣ, которая наканунѣ воскресила его родину, передъ этимъ подняла изъ гроба Грецію и рано или поздно воскресить Славянъ?

«Двѣ силы правятъ судьбами народовъ: творческая сила безотчетного вдохновенія, пробивающая для исторіи новые пути, раздвигающая ея поприще, вводящая новыхъ дѣятелей на смѣну старыхъ,—и сила умирающаго разсчета, приводящая въ стройность и закрѣпляющая плоды народнаго творчества. Бываютъ минуты, когда желанное равновѣсие между этими двумя силами нарушается, вслѣдствіе цѣлой совокупности непредотвратимыхъ условій, завѣщанныхъ настоящему отжившими поколѣніями. Въ подобныхъ случаяхъ — жертвы неизбѣжны. Хотя старая поговорка и гласить: горе побѣжденнымъ! но дѣло въ томъ, что въ историческихъ тѣжбахъ, побѣда не всегда остается на сторонѣ того, кто удерживаетъ за собою поле битвы и подбираетъ добычу. Часто, окончательное торжество дѣла требуетъ цѣлаго ряда пораженій. Вспомнимъ, сколько частныхъ восстаній, неудачныхъ порывовъ къ свободѣ и безразсчетныхъ вспышекъ, залитыхъ кровью, должна была явить Греція, какъ бы въ доказательство своей живучести, прежде чѣмъ она одолѣла долготерпѣливоѣ равнодушіе Европы и завоевала ея сочувствіе. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ, устяяннымъ развалинами и трупами, предстоитъ теперь пробиваться и другимъ племенамъ. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ пораженіе Гарибальди подвижетъ дѣло окончательнаго возстановленія независимой Италии въ ея естественныхъ границахъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ случайная удача. Побѣда, одержанная Шіемонтскимъ правительствомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ налагаются на побѣдителя нравственную обязанность оправдать свое торжество передъ побѣженными, и потому, окончено ли политическое поприще Гарибальди или нѣтъ, правительство вынуждено будетъ принять отъ него, признать своимъ и поднять еще выше знамя, выпавшее изъ его рукъ»...

Конечно, только принять отъ Гарибальди посланичество народной воли, можетъ Піемонтское правительство возстановить значеніе законной власти, спасти единство Италии и изгладить невольное оскорблениe, нанесенное имъ чувству

нравственной правды, оскорблениe, котораго не могутъ ослабить никакія доказательства въ пользу необходимости печальной катастрофы, никакіе справедливые, по видимому, разсчеты практическаго благоразумія. Горе той политической мудрости, которая опрометчиво попираетъ нравственныя требованія народа, которая не съумѣеть уловить историческую минуту, когда самое дерзкое безотчетное чаяніе способно обратиться въ дѣйствительность, мечтательное — сдѣлаться неотложною необходимостью, казавшееся несбыточнымъ — стать жизненною правою!.. И съ этимъ словомъ, мы переходимъ къ Сербіи...

—

На Сербію обращены теперь взоры всѣхъ племенъ Славянскихъ, стонущихъ подъ Турецкимъ игомъ; къ ней устремляются упованія Болгаръ и Босняковъ, на ея помошь разсчитываютъ утомленные въ борьбѣ Герцеговаки и Черногорцы. Подними она знамя возстанія, и Славяне въ Турціи встанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, всего удобнѣе сгруппироваться Сербскому племени, — и если надежды прочихъ Славянъ могутъ еще казаться несбыточными политическими снами, то прочное освобожденіе Сербскаго народа вовсе не принадлежитъ къ разряду мечтаній!

Сербскій народъ въ полномъ вооруженіи, въ страстномъ напряженіи силъ, ждетъ мановенія своего князя къ открытыму возстанію и къ рѣшительной битвѣ.... Что же князь Михаилъ? Время дорого, нельзя безнаказанно играть возбужденіемъ чувствъ народныхъ, то поднимать, то спускать жаръ патріотизма на потребное для правительственныйыхъ соображеній число градусовъ. Нѣть ничего безотраднѣе обманутыхъ ожиданий и напрасныхъ напряженій: за ними неминуемо слѣдуетъ ослабленіе и упадокъ духа. Что же держитъ князя Михаила?.. Дипломатія, собственная нерѣшительность, и — къ несчастію — притязаніе на политическую мудрость, на политическое *somme il faut*, притязаніе быть правителемъ благоустроенного государства, когда онъ долженъ быть вождемъ юнакомъ цѣлаго народа-юнаковъ *)!

*) Юнакъ — витязь, удалецъ, молодецъ.

Сербія, по нашему мнѣнію, шла въ послѣднее время довольно ложнымъ путемъ развитія. Вместо того, чтобы устремить всѣ силы и всѣ помыслы къ достижению одной единственной цѣли, т. е. освобожденія всего Сербскаго племени,— Сербія, или, лучше сказать, ея правительство старалось поскорѣе перенять виѣшнія формы Европейской гражданственности и придать себѣ видъ благоустроенного сложившагося государства. Прямо отъ первобытныхъ формъ быта, суда и расправы, оно круто перешло къ формамъ и приемамъ старой Европейской администраціи, обзавелось бюрократіей, «аппеляционнымъ» и «кассационнымъ» судомъ, министерствомъ и всевозможными присутственными мѣстами. Все это, по нашему мнѣнію, было преждевременно и во многомъ ослабляло Сербію: оно подрывало въ ней прежнюю непосредственную, нѣсколько дикую силу народности, и не дало, да и не могло еще дать ей, въ замѣнѣ, силы правильно и прочно организованныхъ государствъ. Эта правительственная атмосфера къ счастію освѣжается отъ времени до времени народными скupштинами (собраніями) чисто Славянского устройства, но и сюда правительство уже впустило (какъ это было на послѣдней скупшинѣ) начало регламентациіи, нарушающей ихъ истинный, народный характеръ и грозящей обратить ихъ въ какое-то жалкое Европейское представительство. Государство въ Сербіи слишкомъ молодо и слабо: въ ней вся сила и крѣпость въ народѣ; спасеть Сербію, конечно, не ея государственный механизмъ, не регулярная армія, плохо обученная, а народъ, въ которомъ всякий мужчина юнакъ и воинъ. Ошибка Сербскаго правительства и князя состоять, какъ намъ кажется, именно въ томъ, что они слишкомъ много придаютъ значенія силѣ своей правительственной механики. Вида дѣйствительную слабость своего новорожденного государственного организма, они теряютъ вѣру въ силы самаго Сербскаго народа, въ дѣйствіе народнаго энтузиазма; они забываютъ, что единственное спасеніе Сербіи теперь въ томъ, чтѣ не укладывается въ формы виѣшнаго благоустройства,—какъ понимаетъ его западная Европа, а именно: въ простотѣ формъ народнаго гражданскаго быта, въ духѣ юначества, еще къ счастію живущемъ въ народѣ. Мы нисколько, разумѣется, не теряемъ надежды на

Сербскій народъ, но указали только на ошибки правительства и на причины нерѣшительныхъ дѣйствій князя Михаила. Такъ, напримѣръ, едва ли не ошибку сдѣлало Сербское правительство, не воспользовавшись бомбардированиемъ Бѣлграда и не допустивши народъ къ немедленному овладѣнію крѣпостью. Какъ ни сильны ея твердыни, какъ ни искусны артиллеристы Турскаго гарнизона (къ несчастію, большою частью Поляки и Мадьяры), но нѣтъ сомнѣнія, крѣпость не выдержала бы приступа вознегодавшаго Сербскаго народа! Если бы Сербы заняли крѣпость и истребили Турскій гарнизонъ, дѣло дипломатіи было бы легче и ей пришлось бы только признать совершившійся фактъ—*le fait accompli*.

Пусть же князь Михаилъ вспомнить своего недавно умершаго доблестнаго отца, «Старого Милоша», совершившаго свой бессмертный подвигъ вторичнаго освобожденія Сербіи—съ средствами ничтожнѣйшими, нежели тѣ, которыми теперь располагаетъ его сынъ!..

Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, князь приказалъ созвать скуштину и передать вопросъ о войнѣ на рѣшеніе Сербскаго народа, сдѣлавъ народъ и отвѣтственнымъ за всѣ послѣдствія его рѣшенія. Конечно, это лучшее, что можетъ теперь сдѣлать князь въ своемъ положеніи,— но жаль, что онъ ранѣе не прибѣгъ къ этой мѣрѣ и тѣмъ упустилъ, можетъ быть, много благопріятнаго времени...

Турція готовится къ отчаянной защитѣ; положеніе обѣихъ сторонъ такъ натануто, вражда противниковъ такъ распалена, что если теперь дипломаты и успѣютъ отвратить взаимное объявление правильной законной войны, то не отвратятъ они беззаконнаго взрыва насилиственно сдержаныхъ вулканическихъ стихій Славянской народной почвы, со всѣми его бѣдствіями и ужасами. Дипломаты, отказываясь разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ конференцій, ускоряютъ его насилиственную развязку, и не только не предупреждаютъ народныхъ бѣдствій, но вызываютъ, накликаютъ ихъ на тѣхъ, кого взялись охранять. Изъ тѣхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о Цареградскихъ конференціяхъ, видно, что требования Порты, Англіи и Австріи взяли перевѣсь надъ требованіемъ Россіи и Франціі—относительно срытія Бѣлградской крѣпости. Что доставило этотъ перевѣсь, мы не знаемъ,

и ясно не понимаемъ: настойчивость и рѣшиимость Англіи и Австріи не могли бытъ подкрѣплены никакими положительными угрозами; обѣ державы въ равной степени не желаютъ Европейской войны и не готовы къ ней, какъ и Россія и Франція—следовательно угрозы не могутъ бытъ страшны. Англія, конечно, можетъ тайно снабжать Турцію денежными субсидіями, но не въ правѣ открыто помочь ей, не нарушая Парижскаго трактата. Австрія же, если бы и вздумала ввести въ Бѣлградскую крѣпость Австрійскій гарнизонъ, вмѣсто Турецкаго, можетъ бытъ легко обуздана...

Изъ прилагаемаго ниже письма изъ Бухареста—читатель увидитъ положеніе дѣль въ Болгаріи. Оно невыносимо, и Турецкій фанатизмъ готовить намъ и въ Европейской Турціи повтореніе Сирійской рѣзни.

Покуда Сербія недоумѣваетъ, покуда прочіе Славяне страдаютъ, ждуть и еще продолжаютъ смиряться, Черногорцы одни принали на себя всю тяжесть убийственной кровопролитной войны съ громадными Оттоманскими полчищами, и безъ помощи, безъ снарядовъ совершаютъ истинно изумительные подвиги мужества и терпѣнія. Только ненависть Латино-Германскаго міра къ міру Славянскому можетъ объяснить холодное равнодушіе Европы къ подвигамъ мученичества Православныхъ Христіанъ на Востокѣ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость противъ магометанского варварства и тираніи. И неужели же должны погибнуть наши единоплеменники и единовѣрцы въ ихъ священной борьбѣ за то, что и для насъ всего святѣе въ мірѣ!... А онъ погибнетъ, весь, до единаго человѣка, этотъ малочисленный Черногорский народъ, онъ будеть подавленъ Азіатскими ордами,—если не протанутъ ему руку спасенія. По послѣднимъ известіямъ борьба продолжается. Мужество Черногорцевъ не слабѣетъ, но рады ихъ рѣдкоются отъ множества убитыхъ и раненыхъ, и боевые припасы истощаются...

И такъ на одномъ краю уже пылаетъ война, и зарево пожара готово обнять все Православное Славянское христіанство. Турки предаются бѣшеной мести, жгутъ, грабить, рѣжутъ, срамятъ дѣтей, безчестятъ женъ и девицъ. Наши

единовѣрцы и единоплеменники, поднявшіе знамя борьбы за Православную Церковь и за избавленіе отъ магометанскаго ига, истекаютъ кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни ободренія. Полы ихъ разорены, да и некогда ихъ обрабатывать, — припасы и снаряды истрачены, имъ грозить голодъ, и въ случаѣ пораженія еще худшее рабство.... Мы ли не Христіане, мы ли не Православные, не Русскіе, не Славянѣ? Забудемъ ли мы святыхъ обязанности духовнаго и кровнаго братства?...

Если Россія по разнымъ, безо всяаго сомнѣнія уважительнымъ причинамъ, не можетъ помочь Православнымъ Славянамъ непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ, то пошлемъ имъ денежнное пособіе, въ которомъ они такъ нуждаются....

Въ «Journal de St. Pétersbourg», офиціальномъ органѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и въ газетѣ «Современное Слово» уже открыта подписка въ пользу разоренныхъ и бѣдствующихъ Черногорцевъ, а также въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Современной Лѣтописи». Временная пріостановка «Дня» помѣщала Редакціи и Славянскому Комитету, которому «День» служить органомъ, приступить ранѣе къ подобной же подпискѣ, которую открыть давно рѣшила Редакція. Теперь же отъ имени Славянскаго Комитета и отъ имени Редакціи «Дня», по ея желанію, объявляемъ:

Подписку въ пользу бѣдствующихъ Православныхъ Славянъ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость.

Мы возлагаемъ особенную надежду на наше Русское торговое сословіе, всегда щедрое и великодушное, когда дѣло идетъ о благѣ церкви и страждущихъ братьевъ. Приношенія могутъ присыпаться и доставляться — или прямо въ Редакцію «Дня», или же къ нижеописавшемуся секретарю Славянскаго Комитета, или же на имя временнаго предсѣдателя Славянскаго Комитета, М. П. Погодина (въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ). Кромѣ того желающіе могутъ адресовать свою денежную помощь: въ Харьковѣ профессору П. А. Лавровскому; въ Киевѣ — Д. С. С. Михаилу Владимировичу Юзефовичу; въ Тифлісѣ Генералль-Майору Иваницкому, — отъ которыхъ деньги будутъ пересыпаться въ Ре-

дакцію «Дня». Обо всѣхъ полученныхъ пожертвованіяхъ (записываемыхъ въ особо заведенную шнуровую книгу) будетъ немедленно публиковано, а также и о времени отсылки денегъ къ Славянамъ, на мѣсто битвы. Начинаемъ....

1864 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 28 марта.

Недавно *Morning Post*, одинъ изъ значительныхъ органовъ Англійской журналистики, сливущій въ то же время органомъ лорда Пальмерстона, пугнулъ всю Европу призракомъ воскрешающаго Священное Союза,—т. е. того тѣснѣйшаго союза между правительствами Австрійскимъ, Русскимъ и Прусскимъ, который лѣтъ сорокъ сряду владычествовалъ надъ народами Европы и былъ наконецъ подорванъ Восточной воиною. Вызывая изъ могилы такое грозное привидѣніе, Англійское министерство имѣло въ виду—разраженіемъ противъ Россіи національного чувства Французовъ и возбужденіемъ общественного негодованія въ Европѣ предупредить возможность всякой коалиціи между тремя Сѣверными великими державами и парализовать дружный напоръ Австріи и Пруссіи на беззащитную Данію. Дѣйствіе, произведенное статьею газеты *Morning Post*, было такъ сильно, впечатлѣніе такъ серьезно, что всѣ три Сѣверные державы поспѣшили оправдаться передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и отречься отъ всякаго помысла о подобномъ союзѣ... Русскимъ читателямъ, вѣроятно, памятна статья, напечатанная по этому случаю въ *Journal de St.-Pétersbourg*, где высказано прямо, энергически, повидимому съ искреннимъ негодованіемъ, съ чувствомъ глубоко оскорбленного достоинства, что Священный Союзъ, какъ «заговоръ правительствъ противъ свободы народовъ» (такъ честятъ его Европейскіе публицисты), уже болѣе невозможенъ въ наше время и долженъ уступить мѣсто союзу правительствъ и народовъ на пользу цивилизациіи, просвѣщенія, правильнаго прогресса и проч. и

проч. и проч. Такими и подобными разсуждениями въ отмѣнно-либеральномъ смыслѣ старался *Journal de St.-Pétersbourg* успокоить встревоженные умы Европы.

Вчитываясь съ особеннымъ удовольствиемъ въ статью помѣщеннную въ *Journal de St.-Pétersbonrg* и восхваляя мудрость Русского правительства, признавшаго отреченіе отъ Священнаго Союза съ Австріей и Пруссіей нужнымъ и благовременнымъ, мы радовались такому гласному заявленію, такому торжественному со стороны кабинетовъ признанію сего Союза—дѣломъ.... тяжелой памяти для народовъ!... Самъ по себѣ, впрочемъ, союзъ съ сосѣдними государствами не могъ бы, казалось, представлять ничего предосудительного; на-противъ, добрыя отношенія къ сосѣдямъ обусловливаютъ миръ и спокойствіе, необходимые для внутренняго преуспѣянія: это истина старая, всѣмъ извѣстная. Отъ этого, казалось бы, и отказываться нечего, да и ни для кого, по видимому, въ подобномъ положеніи дѣль не можетъ быть повода къ тревогѣ и опасеніямъ... Отъ чего же отрекалась Россія, по смыслу статьи *Journal de St.-Pétersbourg*?

Отъ идеи Священнаго Союза, отъ принципа непремѣнной политической солидарности Россіи съ Австріей и Пруссіей, отъ круговой поруки, которая, по плану союзниковъ, должна была связать и связывала нѣкогда эти три великия державы, дѣлала ихъ отвѣтственными другъ за друга и за цѣлостъ владѣній каждой изъ нихъ,—установляла между ними единство политическихъ взглядовъ, общность правительственной системы и правительственныхъ воззрѣній на нравственное и умственное развитіе подвластнаго имъ человѣчества... Вотъ отъ чего счѣль нужнымъ и поспѣшилъ отречься Русскій кабинетъ чрезъ *Journal de St.-Pétersbourg*! Въ самомъ дѣль, въ силу этой круговой поруки, Россія въ продолженіи долгаго времени господствовала своимъ вліяніемъ въ Германіи почти полновластно, берегла и блюла Германское, не только вѣнчаное, но и внутреннее *statu quo*, какъ будто ей нѣчто дорогое и близкое, — и таковою неослабною заботливостью объ интересахъ Нѣмецкихъ государствъ возбудила къ себѣ дружную непріязнь Германскаго общества. Понятно, что мысль о возобновленіи этой опеки, еще живущей въ памяти Германскаго населенія и олицетворявшейся въ образѣ знаме-

нитаго Священного Союза, способна была смутить и встревожить всѣхъ, когда-то состоявшихъ подъ этой опекой; и нельзя не признать, что Англійское министерство не напрасно выдвинуло впередъ, ради своихъ цѣлей, призракъ Священного Союза, какъ самое дѣйствительное средство. Что же касается до Россіи, то естественнымъ результатомъ Священного Союза, какъ круговой поруки Россіи съ Нѣмецкими державами, было, между прочимъ, враждебное отношеніе Россіи къ Славянскимъ народностямъ и невѣрное направление Восточного вопроса... Съ безпрѣмѣрнымъ самоотверженіемъ, съ рыцарскою честностью послужило Русское правительство идея Священного Союза! Эта идея сковывала насъ по рукамъ и по ногамъ не только на Западѣ Европы, но и на Востокѣ, въ Турціи, въ Дунайскихъ княжествахъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Славянскимъ народамъ. Благодаря ей, мы забывали, что Русскіе интересы противоположны интересамъ Австрійскимъ; что наша сила, наше значеніе въ Европѣ должно опираться преимущественно на сочувствіе къ намъ Славянскихъ народовъ, находящихся подъ властью Австрійцевъ и Туровъ; что Австрія есть злѣйший врагъ освобожденія Славянъ даже изъ-подъ Турецкаго ига, и что следовательно всякий сердечный союзъ нашъ сть Австрійскою властью только упрочивалъ это иго и отвращалъ отъ насъ симпатіи нашихъ единоплеменныхъ и большою частью единовѣрныхъ братій,—нашихъ естественныхъ союзниковъ. Благодаря ей, этой идеѣ, мы отказывали въ своемъ содѣйствіи свободѣ Италіи, отставали Бурбоновъ въ Неаполѣ, во Франціи, и столько лѣтъ разыгрывали въ Европѣ, по Французскому выражению, роль адвоката дѣлъ *пропащихъ*—*avocat des causes perdues!*... Все это, болѣе или менѣе, отражалось и на внутренней жизни Россіи...

Но все это миновало, и мы, благодаря Бога, дождались того времени, когда само Русское правительство осудило предъ лицомъ всей Европы систему, воплощенную въ образѣ Священного Союза, и торжественно протестовало противъ введенаго на Россію обвиненія въ желаніи возвратиться къ этой системѣ! Осуждена солидарность съ Австріей и Пруссіей, осуждена политика, дѣлавшая насъ рыцарями легитимности въ Европѣ, защитниками механическаго равно-

всієї и врагами національностей! Казалось бы, теперь по праву можемъ мы надѣяться на сочувствие всіхъ угнетенныхъ Славянскихъ народностей...

Но старая закваска еще долго бродитъ; но корни, оставшіеся въ землѣ не вполнѣ на-чисто вырытыми, еще способны иногда пускать отростки при благопріятныхъ условіяхъ погоды и почвы. Мы признаемъ себя не въ правѣ входить въ обсужденіе современныхъ политическихъ дѣйствій Русскаго кабинета, къ тому же намъ мало извѣстныхъ,—но мы можемъ и считаемъ своею обязанностью произнести наше мнѣніе о тѣхъ соображеніяхъ, которыя Нѣмецкіе журналы въ Германіи—и въ самой Россіи—позволяютъ себѣ предлагать Русскому правительству. Въ St.-Petersburger Zeitung (№ 19 Марта) напечатана статья, которая на другой же день появилась въ переводѣ на самомъ мѣстѣ газеты *Голосъ*, съ замѣчаніемъ отъ редакціи, что «эта статья заслуживаетъ серьезнаго вниманія.» Не знаемъ, что хотѣлъ этимъ сказать *Голосъ*, но знаемъ, что общедоступность языка, на которомъ издается St.-Petersburger Zeitung, даетъ ходъ этой газетѣ въ Германіи и что статья эта будетъ, безъ сомнѣнія, замѣчена и прочтена въ Австріи и Пруссіи съ удовольствиемъ столь же великимъ, сколько велико было или будетъ, по всей вѣроятности, неудовольствие Русскихъ читателей.

Если эта статья не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Священномъ Союзѣ, то она тѣмъ не менѣе старается доказать необходимость *круговой поруки* и уже существующую солидарность интересовъ—на этотъ разъ не между Россіею, Австріею и Пруссіею, но между Россіею, Австріею и Турцией. Нѣмецкій публицистъ пытается воскресить *Священный Союзъ* въ новой формѣ, замѣнивъ Пруссію—*Оttomanской Портой*. *Порт*, Россія и Австрія, Австрія, Россія и *Порт*, повторяетъ на каждомъ шагу, кажется и не подозрѣвая, сколько оскорбительного заключается для насъ въ этомъ его сопоставленіи! Откуда же взялось это сопоставленіе? Или направленіе нашей политики не довольно рѣшительно, или знамя наше выставлено не довольно высоко и развернуто не во всю его ширину? Или, можетъ быть, и дѣйствительно въ нашей современной политикѣ есть что-нибудь дающее къ тому поводъ?

Статья, перепечатанная въ *Голосъ*, развиваетъ ту мысль, что опасность, грозящая спокойствію Европы отъ Шлезвигъ-Гольтингского вопроса—ничто въ сравненіи съ опасностями, сорѣвающимися для Европы въ Дунайскихъ княжествахъ. Авторъ сильно нападаетъ на князя Кузу и его правительство за гостепріимство, оказанное вождамъ космополитической революціи,—указываетъ на затѣваемыя въ княжествахъ Кошутомъ, Клапкой, Тюрромъ приготовленія, на подвозъ оружія Французскими судами, на цѣлый составляющійся тамъ «арсеналъ, предназначенный для нападенія на *пограничные государства*» (стало быть и Турці? Мы понимаемъ негодованіе автора при мысли о нападеніи на Россію, даже на Австрію, но желали бы знать, почему собственно онъ заботится о Турці?) «Князь Куз, говоритъ онъ, попираетъ Шаризскій трактатъ, попираетъ всѣ трактаты, попираетъ права *своего верховнаго государя* (т. е. Турскаго Падишаха? Жаль только, что Нѣмцы не распространяютъ такого же уваженія легитимности на права верховнаго государя Шлезвигъ-Гольстейна, т. е. Датскаго короля). «Неужели, продолжаетъ авторъ, Россія, Порта и Австрія должны быть спокойными зрительницами, когда на ихъ границахъ роются подкопы, и пр.? Это невозможно! Порта, Россія и Австрія не могутъ спокойно смотрѣть на происки въ Дунайскихъ княжествахъ... рано или поздно онъ должны будутъ принять энергическія мѣры» и т. д.

И такъ Нѣмецкая Санктпетербургская газета признаетъ до такой степени тождественными интересы магометанской Порты, православной Россіи и католической Австріи, что приглашаетъ ихъ даже дѣйствовать вмѣстѣ, не только для охраненія границъ Россіи и Австріи, но и для огражденія цѣлости Турціи и правъ «верховнаго государя»—Турскаго Султана! И должно сознаться, что подобное мнѣніе вообще въ ходу въ Австрійской журналистицѣ, да и нѣкоторые Русские публицисты начинаютъ уже указывать, хотя еще только намеками, на необходимость тѣснѣшаго сближенія съ Австріей—по крайней мѣрѣ въ настоящее время... Необходимость эту доказываютъ они обыкновенно солидарностью нашей съ Австріей въ дѣлѣ Польскомъ (роковое послѣдствіе совмѣстнаго съ Австріей дѣлежа Польши), и настоятельно

нуждою стать вмѣстѣ противъ современныхъ революціонныхъ кововъ, которымъ театромъ служать теперь Дунайскія княжества.

Неужели однако не видятъ защитники тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей, къ чему неминуемо должно привести нась это сближеніе? Къ тому, чтобы отстаивать существующее *statu quo* въ Турціи—нужное для видовъ Австрійской политики! Къ тому, чтобы отвратить отъ нась вновь симпатію народовъ Славянскихъ, угнетаемыхъ Турцией, довести ихъ до отчаянія и толкнуть ихъ въ готовыя объятія Франціи и Англіи! Къ тому, чтобы потерять значеніе, которое мы имѣемъ на Востокѣ и котораго главное основаніе лежитъ въ единоплеменности и единовѣріи нашемъ съ 8 миллионами Турецкихъ подданныхъ. Къ тому, чтобы разрѣшеніе Восточного вопроса передать окончательно въ руки Франціи и Англіи, которая уже умѣли воспользоваться затрудненіями, порожденными для нась Польскимъ вопросомъ, и къ которымъ уже и теперь начинаютъ обращаться, съ мольбой и надеждой, взоры Болгаръ, Сербовъ, Босанцевъ, Черногорцевъ. Къ тому, наконецъ, чтобы пробудить къ намъ антипатію со стороны всего, что свободно или любить свободу, чтобы навлечь на нась подозрѣніе Франціи и Англіи, чтобы накликать на нась вновь Восточную войну и заставить нась вновь испытать предательство Австріи! Вотъ результаты того сближенія, которое рекомендуютъ намъ Нѣмецкіе политики-публицисты! Но неужели въ самомъ дѣлѣ Россія должна пожертвовать интересами своими на Востокѣ — интересамъ своимъ въ Польшѣ и на алтарѣ Польши заклать свое призваніе, какъ Славянской державы? Неужели дѣйствительно Россія поставлена въ такую безвыходную дилемму: что домогаясь выгоднаго для себя рѣшенія Польского вопроса—она упускаетъ изъ своихъ рукъ вопросъ Восточный; домогаясь достиженія цѣлей своихъ на Востокѣ, она проигрываетъ въ Польшѣ? Неужели Польскій и Восточный вопросы находятся въ прямомъ противорѣчіи между собою,—и такъ какъ теперь на первомъ планѣ стоять вопросъ Польскій, то неужели для удовлетворительного его разрѣшенія, намъ нѣть никакого другаго выхода изъ этого *cercle vicieux*, въ который мы поставлены—какъ союзъ Австріи, какъ сліяніе нашихъ госу-

дарственныхъ интересовъ съ Австрійскими, а слѣдовательно и удержаніе Славянъ подъ Турецкимъ игомъ, согласно требованіямъ Австрійской политики??..

Мы думаемъ, что есть возможность и другого исхода... Дѣло въ томъ, что между интересами Россіи въ Польшѣ (правильно понимаемыми) и интересами Россіи на Востокѣ въ сущности нѣтъ и вовсе не должно быть той противоположности, которую сочинили себѣ Нѣмецкіе, а можетъ быть и нѣкоторые Русскіе политики-публицисты. Мы убѣждены даже, что правильное разрѣшеніе Восточнаго вопроса обуславливаетъ правильное разрѣшеніе и вопроса Польскаго, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ эти два вопроса тѣсно связаны между собою и могутъ быть разрѣшены, по нашему мнѣнію, только на основаніи одного и того же принципа... Въ противномъ случаѣ Россіи дѣйствительно предстоитъ лишь одно: сближаться съ Австріей ради солидарности интересовъ въ Польскомъ дѣлѣ, отречься навсегда отъ своего Славянскаго призванія и отъ всякаго значенія на Дунаѣ, Черномъ морѣ и вообще на Востокѣ и взамѣнъ того—все больше и больше сливаться своими интересами съ интересами враждебныхъ Славянству государствъ... Желательно ли это для Россіи?...

Солидарность съ Австріей и Пруссіей въ Польскомъ дѣлѣ!.. По нашему мнѣнію, намъ слѣдовало бы избавиться отъ этой солидарности. Вопросъ Польскій долженъ быть поставленъ для Россіи совершенно *иначе*, чѣмъ для Австріи и Пруссіи. У насъ съ Польшею свои историческіе счеты, совершенно не Прусскіе и Австрійскіе. Слѣдовательно и ликвидациѣ или погашеніе нашихъ счетовъ должно совершиться совершенно независимо отъ этихъ державъ, вѣтъ всякой заботы объ интересахъ Австріи и Пруссіи въ Галиціи и Познани. Такъ, напримѣръ, Россія призвала къ новой жизни 3½ миллиона Польскихъ крестьянъ и придала черезъ то новую силу Польской народности: такая мѣра, думаемъ мы, или окончательный результатъ ея—находится въ прямомъ противорѣчіи съ видами Пруссіи, ищущей не оживить, а онѣмечить у себя Польскую народность.

Постараемся формулировать нашу мысль яснѣе. Ее можно выразить въ слѣдующихъ тезисахъ:

I. Основаніе, на которомъ въ настоящее время поставленъ у насъ Польскій вопросъ, налагаетъ на Русскую политику (по мнѣнію некоторыхъ публицистовъ) тѣсную—невольную—солидарность съ политикою Австрійской.

II. Солидарность съ Австріей, какъ показано выше, противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, всѣмъ интересамъ Россіи,— особенно на Востокѣ; отвращаетъ отъ насъ симпатіи народовъ, направляетъ къ вредному для насъ исходу Восточный вопросъ, передаетъ этотъ жизненный для насъ вопросъ въ руки Англіи и Франціи, заставляетъ насъ измѣнить своему долгу, своему историческому призванію, какъ Славянской державы....

III. Слѣдовательно, мы должны бы, кажется, стараться всѣми мѣрами освободить свою политику отъ этой роковой солидарности съ Австріей. Для этого намъ казалось бы необходимо:

IV. Отыскать для Польского вопроса иное основаніе, не жели то, на какомъ онъ стоитъ въ Пруссіи и Австріи, и именно такое, которое бы не осуждало насъ на солидарность съ политикой этихъ Нѣмецкихъ державъ, и

V. въ тоже время не становило бы Польского вопроса намъ поперекъ—въ разрѣшеніи вопроса Восточного, въ дѣлѣ освобожденія Славянскихъ племенъ въ Турціи. Прискать такое основаніе,— какъ средство избавиться отъ внутренняго противорѣчія по отношенію къ Польскому и Восточному вопросамъ— вотъ въ чёмъ, по нашему мнѣнію, лежитъ теперь задача для нашей публицистики.

Что касается до Дунайскихъ княжествъ, то нельзя не замѣтить, что отношеніе наше къ вопросу о монастырскихъ имуществахъ ослабило повидимому наше значеніе въ княжествахъ и расположило къ намъ непріязненно Румынское населеніе. Читателямъ уже извѣстенъ нашъ взглядъ на дѣло объ имуществахъ: мы не считаемъ справедливыми притязанія фанариотовъ, и если не можемъ хвалить способа дѣйствій князя Кузы, то тѣмъ не менѣе думаемъ, что Россія, а не кому другому, слѣдовала бы стать во главѣ національного дѣла въ Румынскихъ княжествахъ и руководить ихъ своимъ законнымъ и естественнымъ вліяніемъ: мы смѣемъ думать, что при такомъ образѣ дѣйствій со стороны Россіи, не имѣла бы

тамъ успѣха ни латинская, ни революціонная пропаганда. Посмотрите на дѣйствія Англіи: какъ сильно сначала возставалъ Англійскій кабинетъ противъ отнятія монастырскихъ имуществъ, защищая Грековъ и интересы Порты, и потомъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, сталъ на сторону княжествъ, вмѣстѣ съ Франціей... О перемѣнѣ политики Англіи въ отношеніи къ Славянамъ, о пробудившемся вдругъ сочувствіи Англичанъ къ Сербамъ, уже не разъ было засвидѣтельствовано и рѣчами въ парламентахъ и журналами. Но этого мало. Наполеонъ III—въ Восточномъ вопросѣ становится также на сторону «народовъ» и «национального дѣла», и такимъ образомъ какъ будто оттеръ насъ (позволимъ себѣ это выраженіе) отъ того мѣста, которое принадлежитъ намъ по праву. Что же мы-то выиграемъ отъ сближенія съ Нѣмцами? То, что на нашей Южной границѣ, между Славянами, на Дунай, въ княжествахъ, въ Сербіи, утверждается враждебное намъ вліяніе и занимаютъ крѣпкую позицію Англія и Франція. То, что чистое дѣло освобожденія народностей смѣшано съ нечистымъ дѣломъ космополитической революціи,—то наконецъ, что отпаденіе Венгрии отъ Австріи выходитъ для нашей политики опаснымъ дѣломъ и что все тѣснѣе и уже стягивается узель нашей солидарности съ Австріей!...

Будемъ надѣяться, что наша дипломатія, съ такимъ близкательнымъ успѣхомъ поддержавшая въ прошломъ году честь Русского имени въ Европѣ, сумѣеть и на этотъ разъ опѣнить и поддержать истинные интересы Россіи и не поставить ее въ противорѣчіе съ ея Славянскимъ призваніемъ въ исторіи человѣчества.

Москва, 30 Мая.

Вы за кого, читатель? За Аугустенбургскаго или за Ольденбургскаго? Или, быть можетъ, вы вовсе не допускаете отдѣленія Шлезвингъ-Гольштейна отъ Датскаго королевства? или же вы, хотя и допускаете отдѣленіе, но только Гольштейна и половины Шлезвига, а другую половину оставляете Даніи? При томъ вы, вѣроятно, никакъ не хотите, чтобы отдѣленный Шлезвигъ-Гольштейнъ увеличилъ собою владѣнія

Пруссії, или вошелъ въ составъ Германскаго союза,—никакъ! Усиленіе Германской конфедераци! Въ самомъ дѣлѣ страшно—за Россію страшно, не правда ли? Да еще, пожалуй, Пруссія прибереть къ своимъ рукамъ Киль... Вы ужъ, конечно, на это не согласитесь, читатель, — вы встревожены замыслами Пруссіи,—да къ тому-же вѣдь не можете вы не чувствовать никакого влеченія къ Голштиніи, не можете же вы оставаться равнодушными къ извѣстнымъ Русскимъ правамъ на эти Нѣмецкія области? Развѣ Голштинія ничего не говорить вашему сердцу?... Увы, читатель, ничего она не говорить вашему честному сердцу, равнодушны вы къ Русскимъ извѣстнымъ правамъ, какъ ни горячатся изъ-за нихъ нѣкоторые публицисты,—да по правдѣ сказать, ничего она не говорить и нашему сердцу: *День* даже и не отозвался до сихъ поръ ни однимъ словомъ на Датско-Германскій вопросъ. Мы даже и не понимаемъ ясно, что за дѣло Россіи до Шлезвигъ-Гольштейнскай путаницы, и какая опасность грозить Россіи отъ того, что Нѣмецкій *Bund* приметъ въ свои драхлыя объятія Шлезвигъ-Гольштейнъ, хотя бы и съ морскою пристанью Килемъ? Опасна намъ не Германія, а германизмъ; опасны не Нѣмецкія государства, а Нѣмецкая государственность,—то Нѣмецкое государственное искусство, *deutsche Staatkunst*, о которомъ съ такою гордостью говорить Дерптскій *Tagesblatt* въ своемъ отвѣтѣ на статью *Московскихъ Вѣдомостей*. «Мы не менѣе Русскихъ участвовали въ созданіи Российской имперіи, восклицаетъ эта газета, — Российская имперія запечатлѣна Нѣмецкою кровью, Нѣмецкимъ разумомъ, Нѣмецкимъ государственнымъ мастерствомъ»... Спорить съ Дерптскою газетой мы нисколько и не намѣрены, и обратимся снова къ Датско-Германскому вопросу. Менѣе опасности представляеть намъ стремленіе самой Германіи къ государственному единству, чѣмъ наше собственное стремленіе къ вмѣшательству въ ея политическія дѣла. Переносить центръ тяжести нашей политики на Германію—намъ кажется совершенно невыгоднымъ для интересовъ Россіи. Не на безсиліи сосѣдей должны мы основывать нашу силу, — и забота о политическомъ равновѣсіи Европы можетъ быть совершенно чужда Русскому государству, для котораго ничье политическое преобладаніе не

страшно, если оно (т. е. государство) съумѣть устраниТЬ всѣ причины внутренней своей слабости и уврачевать разъѣдающіе его недуги. Центръ тяжести нашей виѣшней политики, по нашему мнѣнію, долженъ быть на Востокѣ, и всякое отвлеченіе нашего вниманія отъ дѣлъ восточныхъ, всякия дипломатическая комбинаціи, имѣющія исключительно въ предметѣ — или установление солидарности съ Германскими государствами, или безкорыстное упроченіе благосостоянія Германцевъ, или правильное и равномѣрное, внутри самой Германіи и для ея блага, размѣщеніе Нѣмецкихъ силъ, или удержаніе Европейскаго statu quo и мнимаго политическаго равновѣсія,—всѣ подобныя заботы только отдаляютъ насъ отъ исполненія нашего настоящаго призванія на Востокѣ. Что намъ за дѣло до того, будетъ ли Наполеонъ владѣть берегами Рейна, или нѣтъ? Какой отъ того ущербъ для Россіи? Намъ приличнѣе заботиться о Дунаѣ, нежели о Рейнѣ, и нѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши попеченія о чуждомъ намъ Рейнѣ повредили бы нашимъ интересамъ на родномъ намъ Дунаѣ. Повредили бы они намъ во всѣхъ отношеніяхъ: и потому, что раздражили бы безъ надобности ту державу, которая, въ отмщеніе, можетъ удобнѣе всего испортить наше положеніе на Востокѣ,—и потому, что дружеская связь съ Нѣмецкими державами, солидарность съ Германскими интересами уже сама по себѣ способна сковать нашу дѣятельность на Востокѣ, дать анти-Славянское направленіе всей нашей виѣшней политикѣ.

А дѣла на Востокѣ обстоять для насъ болѣе чѣмъ не благополучно,—и можно, кажется, предсказать, что чѣмъ тѣснѣе будетъ нашъ союзъ съ Австріей и Пруссіей, тѣмъ слабѣе будетъ наше значеніе на Востокѣ; чѣмъ усерднѣе будемъ мы вмѣшиваться въ интересы Германіи, тѣмъ болѣе будемъ мы отстранены отъ интересовъ намъ совершенно близкихъ, родныхъ, кровныхъ, на Дунай и за Дунаемъ. Никто изъ Русскихъ, конечно, не станетъ спорить, что положеніе право-славнаго Славянскаго міра касается насъ нѣсколько ближе, чѣмъ интересы Италіи или Германіи. Вопросъ Дунайскій въ настоящую минуту неизмѣримо важнѣе для Россіи Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса, и мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что имѣя представителя Русской державы не

только во Франкфуртѣ, но—еще очень недавно—даже при дворѣ Римскаго Папы (съ такою безумною, но честною откровенностью возвѣстившаго въ слухъ всему миру презрѣніе, ненависть и злобу латинства къ православной Россіи),—мы въ то же время не имѣемъ посланника въ Царьградѣ, уступая такимъ образомъ свободное поле напору Франціи и Англіи на Турукъ и на Славянъ. Нельзя не пожелать, чтобы хоть нѣкоторая доля той энергіи, которую проявила Россія въ сношеніяхъ своихъ съ Европою по случаю Польскихъ дѣлъ, была приложена и къ нашей политикѣ на Востокѣ.

Наши газеты пылаютъ негодованіемъ на Молдаво-Вламскаго господаря за его продѣлку 2 Мая. Князь Александръ Іоаннъ I, или по просту князь Кузя, разыгралъ на своеемъ маленькомъ театрѣ роль Наполеона III-го, своего образца и покровителя. Слѣдовательно, о нравственности поступка тутъ не можетъ быть и рѣчи; но нельзя не отдать справедливости Кузѣ, что онъ исполнилъ свою роль довольно искусно и необыкновенно смѣло. Можно ли было бы когда ожидать, что въ то время, когда мы съ такою добросовѣстностью блюдемъ условія Парижскаго трактата, не пытаясь даже порвать ихъ,—Дунайскія княжества,—тѣ самыя Дунайскія княжества которыя, такъ сказать, взлѣяны подъ нашимъ крыломъ,—безъ всякой церемоніи и безъ нашего спроса, нарушать конвенцію, основанную на этомъ же Парижскомъ трактатѣ и дерзко разширять свою власть и силу — къ совершенѣйшему изумленію большей части гарантированныхъ державъ, — къ ущербу Турецкаго верховнаго господства и отчасти даже къ нашей невыгодѣ? Этого, конечно, нельзя было и ожидать, но важно для насъ не усиленіе Дунайскихъ княжествъ и не государственные продѣлки Кузы,—а то странное положеніе, въ которое такимъ образомъ ставитъ насъ политика Франціи, съ помощью которой такъ бойко распорядился и распоряжается маленькой Волошской Наполеонъ III. За неимѣніемъ другихъ данныхъ, намъ приходится опредѣлять это положеніе по газетнымъ извѣстіямъ и по тѣмъ статьямъ, которыя появляются, по поводу Дунайскихъ княжествъ, въ *Journal de St. Pétersbourg* и *Sanctpetersburger Zeitung*. Въ обѣихъ газетахъ, но въ особенности въ послѣдней (которой это и болѣе къ лицу, какъ Нѣмецкой) вступаются, съ чувствомъ глубо-

каго негодованія на кназя Кузу, за верховныя права Его Величества Султана, — а въ осужденіи дѣйствій Молдаво-Влапскаго господара описираются — на нарушенную имъ конвенцію 1858 года. на *Парижскій трактатъ!* Еслибы мы могли придавать особое значение толкамъ этихъ газетъ, то было бы отъ чего прийти въ отчаяніе: Россіи вступаться за султана противъ христіанъ, Россіи поддерживать Турецкое иго, Россіи ссылаться на Парижскій трактатъ, который лишилъ ее, между прочимъ, и преобладанія на Востокѣ!.. Вотъ это-то наше положеніе, котораго такъ желаетъ для Россіи Нѣмецкая Санктпетербургская газета, было бы торжествомъ для Франціи и равнялось бы совершенному пораженію для нашей политики!.. Напротивъ: въ головѣ всякаго стремленія христіанъ къ освобожденію изъ-подъ магометанскаго иго должна бы, кажется, стоять Россія, — и возвставать противъ нарушенія Парижскаго трактата, по нашему мнѣнію, не согласно ни съ ея достоинствомъ, ни съ ея пользою. Чѣмъ больше дыръ въ этомъ трактатѣ, тѣмъ скорѣе онъ разорвется, — а это не можетъ не быть въ интересахъ нашей политики на Востокѣ, и эти интересы поважнѣе нашихъ интересовъ въ Германіи! Если бы мы теперь, въ союзѣ съ Австріей и Турціей, захотѣли восстановить права султана въ Малахіи и Молдавіи и силу нарушенной конвенції, то мы поставили бы себя въ непріязненные отношенія не только къ населенію Румунскихъ княжествъ, но и къ Славянскому населенію Турціи, явились бы противниками ихъ свободы. Добровольно лишай Славянскія племена всякой надежды на поддержку Россіи, мы тѣмъ самымъ толкаемъ ихъ въ объятія Франціи или Англіи, заставляемъ ихъ ожидать спасенія отъ Гарibalди и отъ космополитической революціонной партіи, сближаться съ латинскимъ Западомъ — и наконецъ измѣнить строгости своихъ национальныхъ началъ, уклоняться отъ своего Славянскаго пути.

Значеніе Россіи на Востокѣ, обаяніе ея могущества, притягательная ея сила — постоянно и видимо слабѣютъ, а влияніе Англіи и Франціи, ихъ обаяніе, какъ политическое, такъ и общественное, безпрестанно возрастаєтъ. Дѣятельность латинской пропаганды между Болгарами принимаетъ все большие и большиe размѣры; тысячи агентовъ католицизма стараются обольстить Болгаръ на соединеніе съ Римскою цер-

ковью,—объшаютъ имъ всевозможныя материальныя и политическія блага — изъ-за одной только уступки съ ихъ стороны: признанія Болгарами верховнаго духовнаго господства Римскаго Папы. Извѣстно, что проповѣдники католицизма раздвинули теперь рамки своей пропаганды: они допускаютъ нынѣ и сохраненіе восточнаго обряда и употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, но требуютъ только одного: признанія главенства Папы. Для невѣжественныхъ и простодушныхъ Болгарскихъ поселанъ, забитыхъ нуждой и бѣдой, утѣшеннѣй всяческимъ разнообразнымъ гнетомъ, такое требование не должно бы казаться чѣмъ-то особенно-важнымъ. Оно можетъ представляться имъ не болѣе, какъ перемѣною духовной власти,—и перемѣною даже желанною, потому что тягостнѣе и мучительнѣе власти Греческихъ іерарховъ власть Рима едва-ли будетъ. Поэтому нельзя не подивиться той твердости, съ которой Болгары противостоятъ до сихъ поръ всѣмъ искушеніямъ, обольщеніямъ и соблазнамъ и сохраняютъ вѣрность православію и своей народности, смутно чувствуя, что измѣна православію ведеть за собою и измѣну народности.

Читателямъ *Дня*, безъ сомнѣнія, извѣстно, какая вражда пытается, къ прискорбию православнаго міра, между Болгарскимъ народомъ и Греческимъ высшимъ духовенствомъ. Съ пробужденiemъ народнаго самосознанія въ Болгарахъ, они по-желали имѣть своихъ Болгарскихъ епархиальныхъ правителей, свое народное церковное управление, свои народныя школы и вообще высвободиться изъ подъ духовнаго гнета Грековъ, или, правильнѣе говоря, Греческой іерархіи. Надо вспомнить, что у Болгаръ нѣтъ ни дворянства, ни средняго сословія, что единственnoю просвѣщенnoю силoю Славянъ въ Турціи можетъ стать только православнoe духовенство, и поэтому понятно, какъ важно, какъ нужно для Славянъ, чтобы эта сила была *своя*, одной съ ними національности,—чтобъ духовенство было — Славянское. Къ тому же въ Турціи только въ области церковной даруется христіанамъ, со стороны Турско-го правительства, автономія или самоуправление,—а потому не только ради духовныхъ, но и ради политическихъ интересовъ Болгарской народности, необходимо для Болгаръ воспользоваться всей полнотой возможнаго христіанамъ въ Турціи самоуправлія. — Мы не станемъ повторять обвиненій въ

аичности и корыстолюбії, которыми со всѣхъ сторонъ подвергаются Греческие іерархи, — если не всѣ, то большая часть изъ нихъ: этого не отрицаютъ и защитники Грековъ, объясняя поборы, которыми они разоряютъ свою Славянскую наству, необходимостью уплачивать дань Турецкому правительству. Мы не будемъ передавать рассказовъ и о нравственности Греческихъ іерарховъ: безъ сомнѣнія есть между ними люди и святые по жизни; мы возстаемъ не на образъ дѣйствій того или другаго Греческаго епископа, а на образъ мыслей, на общее стремленіе Константинопольскаго престола подчинить Болгаръ своей духовной власти, элленизировать ихъ или огречить, т. е. обезнародить, подавить въ нихъ всяко возрожденіе Болгарской національности. Для Грековъ — Славяне, даже и православные, кажутся по прежнему *варварами*, и Славянская національность — достойною презрѣнія... Такимъ образомъ положеніе православія въ Востокѣ самое безотрадное. Что видѣть предъ собою Болгаре, въ правящей ими церкви? Корыстолюбивую, жадную власть, отагчающую ихъ поборами, постоянно опирающуюся на грубую Турецкую силу; видѣть Грековъ, утѣсняющихъ Славянъ — помощью Турецкихъ темницъ, Турецкихъ палачей, Турецкаго безсудія; видѣть православныхъ іерарховъ, служащихъ клевретами у Турецкаго правительства, постоянно возбуждающихъ его противъ Болгаръ, постоянно обвиняющихъ Болгаръ предъ Турками въ политическихъ сношенияхъ съ Московою. Читатели *Дня* знаютъ, что въ Москвѣ существуетъ благотворительный Славянскій комитетъ, который на свои, весьма скучные средства, даетъ образованіе нѣсколькимъ молодымъ Болгарамъ — здѣсь въ Москвѣ, отчасти въ Киевѣ и Петербургѣ. Эти молодые люди пріѣзжаютъ сюда, въ православную и родную Россію, съ тѣмъ чтобы учиться и, по окончаніи курса наукъ, занять у себя на родинѣ, въ Болгаріи, мѣста учителей народныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ было бы удобнѣе отправляться, вмѣсто Россіи, во Францію, гдѣ ученіе лучше, гдѣ имъ настежь отверзаютъ двери и объятія — и правительство и общество католической пропаганды на Востокѣ, обладающее огромными — не нашими средствами. Но несомнѣнно то, что Славяне, кончившіе образованіе свое въ Россіи, не только не утрачиваютъ своей національности и

остаются Славянами, но еще сильнѣе укрѣпляются въ своей любви къ родинѣ,—чего нельзя сказать про тѣхъ, которые учатся во Франціи или даже въ Германіи: поэтому желательно, въ интересѣ Славянской народности и православія, чтобы какъ можно болѣе Турецкихъ Славанъ воспитывалось именно въ Россіи. Но Славянскій комитетъ поставленъ теперь въ великое затрудненіе и не рѣшается отпускать молодыхъ питомцевъ своихъ на родину, ибо это значило бы отпускать ихъ на вѣрную смерть или вѣчное заточеніе. Въ качествѣ Русскаго подданнаго Болгаринъ не можетъ быть учителемъ школы въ Болгаріи; какъ Турецкій подданный — онъ находится въ полной зависимости отъ Турецкаго произвола: Турки сами по себѣ смотрятъ уже подозрительно на всякаго Славянина пріѣхавшаго изъ Россіи, а Греческіе іерархи, видя въ образованныхъ православныхъ Славянахъ опасныхъ враговъ своему деспотизму и Греческому преобладанію, стараются всячески избыть ихъ, дѣлаютъ на нихъ доносы, и многие наши воспитанники были, въ недавнее время, или лишены жизни, или заточены, или вынуждены спасаться бѣгствомъ!

Болгаре просятъ себѣ независимой патріархіи, независимаго отъ Грековъ церковнаго управлениія, или по крайней мѣрѣ Болгарскихъ епархиальныхъ начальниковъ — хотя бы даже подъ властью Цареградскаго патріарха — вездѣ, гдѣ живутъ Болгаре. Греки, ослѣпленные алчностью и властолюбіемъ, отказываютъ имъ въ этой, вполнѣ законной и вполнѣ согласной съ духомъ православія просьбѣ. Они боятся лишиться своихъ доходовъ, а главное — они боятся очутиться въ меньшинствѣ сравнительно съ Славянскими іерархами, ибо Болгаръ православныхъ, въ сравненіи съ Греками, въ десять разъ больше. Такимъ образомъ — простымъ людямъ, неспособнымъ постигать во всей тонкости отличіе православнаго догматизма отъ Римскаго и тѣ неизбѣжныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ тотъ и другой въ развитіи историческомъ, — простымъ православнымъ Славянамъ Православная Церковь является воплощеною въ лицѣ ненавистныхъ имъ фанаріотовъ. А такъ какъ изъ великаго, единственно-свободнаго православнаго Славянскаго Царства не свѣтить имъ лучъ надежды на избавленіе отъ духовнаго гнета, — а на-

противъ, фанариоты находять себѣ въ Россіи общественную поддержку (и даже заступничество въ литературѣ — въ лицѣ г. Неклюдова и проч.), — то можно ли удивляться, если они, Болгаре, склонять наконецъ свой утомленный слухъ къ прельщніямъ Римскихъ проповѣдниковъ, — Французскихъ или Англійскихъ дипломатическихъ агентовъ? Достаточно быть Болгарину католикомъ, протестантомъ или просто даже уніатомъ, — онъ находится себѣ покровительство у Французского, Англійского или Австрійского посланника, и покровительство вполнѣ могущественное, вполнѣ надежное. Если же онъ, Болгаринъ, остается вѣренъ православію и любить свою Славянскую народность, борется за нее, работает ей, — его преслѣдуется фанаріотъ-епископъ, преслѣдуется магометанская власть, подстрекаемая представителями православія, Греками-іерархами, — а въ Русскомъ посольствѣ, не имѣющемъ даже и посланника, онъ не обрѣтаетъ энергической защиты. Да и можно ли намъ, — особенно если бы мы стали ратовать, по совѣту Sanctpetersb. Zeitung, за верховныя права Султана, за Парижскій трактать, за честь Константинопольской іерархіи, являться защитниками Славянства? Между тѣмъ очевидно, что если Россія въ самомъ скоромъ времени не вступится въ Болгарскій церковный вопросѣ; если она будетъ отстаивать фанаріотовъ противъ Славянскихъ племенъ, — она погубить дѣло православія на Востокѣ, она ввергнетъ миллионы православныхъ — въ пасть Риму!.. Православная Румунія уже находится подъ вліяніемъ Франціи и отъ нея чаетъ себѣ спасенія. Черногорскій князь, также отчаявшись въ помоши со стороны Россіи (которая на Вѣнскомъ конгрессѣ побудила Черногорцевъ передать Австріи единственную пристань, дающую имъ средства къ жизни, Каттарскій портъ), слушается внушеній Французскихъ. Сербское княжество, пугаясь солидарности Россійскихъ интересовъ съ Австрійскими, и слабаго дѣйствія Россіи на Востокѣ, также устремляетъ свои взоры на «великаго Императора Франковъ, освободителя утѣсненныхъ національностей». Вотъ какую славу — славу освободителя утѣсненныхъ національностей — пробрѣла себѣ Франція на Востокѣ. Мы этой репутаціи не имѣемъ. А кажется — кому бы естественнѣе заботиться объ освобожденії угнетенной православной народности Славян-

ской — Франкской ли латинской, или же Русской православной державѣ? Но покуда мы заняты у себя на Западѣ и озабочены дѣлами Германіи, — Франція и Англія не дремлютъ, употребляютъ всѣ усилия къ извращенію естественныхъ отношеній Славянъ къ Россіи, — и успѣваютъ. И успѣхи ихъ быстры, достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Намъ же — политики Нѣмецкой Санктпетербургской газеты (получившей какое-то особенное видное мѣсто въ послѣднее время между нашими журналами) совѣтуютъ противопоставить дѣйствіямъ Англіи и Франціи, поддерживаемымъ сочувствіемъ угнетенныхъ Славянскихъ народовъ — защиту верховныхъ правъ угнетателей-Турокъ и букву Парижскаго трактата, — по видимому изъ всѣхъ участниковъ трактата обязательного только для насъ однихъ!.. Эти же политики, какъ и слѣдовало предположить, рекомендуютъ намъ и сближеніе съ Австріей, не разумѣя, а можетъ быть и разумѣя, что насколько мы сблизимся съ Австріей, настолько мы отделимся отъ естественныхъ и единственныхъ нашихъ союзниковъ — Славянъ...

1865 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 13 ноября.

Когда, послѣ Вѣнской революціи 1848 года, собрался Славянскій сеймъ въ Прагѣ, Славяне, съ своими различными нарѣчіями, пришли въ затрудненіе — на какомъ общемъ языке имѣть объясняться. Дѣйствительно — для идеи всеславянства, за неимѣніемъ чего другаго, нуженъ, по крайней мѣрѣ, хоть общий языкъ — и Австрійскіе Славяне избрали сами, добровольно, общимъ для Славянъ языкомъ — языкъ *Нѣмецкій*. Точно также признали они тогда и высшимъ политическимъ началомъ для Славянской федераціи — начало Нѣмецкое, — власть Нѣмецкаго императора. Тогда-то и выработалась у Австрійскихъ Славянъ, преимущественно у Чеховъ, теорія равноправности всѣхъ Австрійскихъ народовъ, или же федераціи — на Нѣмецкомъ цементѣ. Мы уже говорили о томъ,

что эта теорія, заключая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, *contradictio in adjecto*, должна въ самомъ своемъ основаніи. Но она оказывается несостоительною и по слѣдующимъ причинамъ:

Для федераціи необходимо раздѣлить имперію на группы, представляющія каждая какое-либо цѣльное тѣло, какъ въ географическомъ, этнографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Но при этомъ-то распределеніи на группы и возникаютъ новые, нескончаемые споры между самими Славянами... Чехамъ хотѣлось бы примкнуть Словаковъ къ своей группѣ, но Словаки—это даровитѣйшее и почтеннѣйшее изъ западныхъ Славянскихъ племенъ—не желаютъ быть поглощеными Чехами, а главное не желаютъ быть отдѣленными отъ той многочисленной части Словацкаго племени, которая обитаетъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства. Для правильнаго распределенія слѣдовало бы сдѣлать изъ Венгрии одну цѣльную группу,— но для этого надо напередъ опредѣлить: что такое Венгрия? Мы уже говорили въ предпослѣднемъ № о составѣ Венгерскаго королества и о притязаніяхъ Мадьярскаго племени относительно Славянъ. Для Венгрии существуетъ такой же вопросъ, что и для Австріи: быть ли ей собственно Мадьярской или Славянской? Если признать за Славянами, населяющими Венгрию, политическую самостоятельность, такъ на долю Мадьярамъ достанется очень не много, да и совершилъ эту операцию раздѣленія,— при той смѣшанности населения, которая существуетъ въ провинціяхъ даже собственно Венгерскихъ,—трудно, почти невозможно. Между тѣмъ, если бы даже отдѣлить отъ Венгрии Хорватію съ Славоніей, и изъ остальныхъ земель Венгерскаго королевства создать отдельную группу Мадьярской народности, то и тогда бы пришлось пожертвовать ей многими Славянскими національностями, напр. Словаками, Русскими Руси Угорской, Сербами Венгерской провинціи Баната, и пр. Съ другой стороны православные Сербы Баната не хотятъ быть причисленными и къ группѣ Хорватскаго, такъ называемаго Триединаго или же Иллірійскаго королевства,— составленного изъ такихъ же Сербовъ, но преимущественно католиковъ и имѣвшихъ разное съ православными историческое развитіе. Поэтому всѣ эти племена воюютъ противъ Чешской идеи

федерациі и знаютъ, что при такомъ образованіи группъ, они бы должны были лишиться своей племенной самобытности. Они требуютъ приложения къ себѣ, во всей строгости, принципа «равноправности», но строгая послѣдовательность въ приложении этого принципа потребовала бы раздробленія Австріи на такія мельчайшія группы, при которыхъ невозможна никакая политическая цѣльность; пришлось бы дѣлить Австрію не по областямъ только, но по округамъ, уѣздамъ и даже волостямъ. Надо помнить, что кромѣ Славянъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ Австрія имѣть у себя еще и Румунъ и Итальянцевъ.

Можетъ быть, Австрія и справилась бы кое-какъ съ этимъ вопросомъ, если бы имѣла дѣло съ одними только Славянскими племенами, не обладающими покуда ни политическимъ честолюбіемъ, ни политическою жизненною, дѣятельною силой, и подорванными въ своей духовной цѣльности внутреннимъ противорѣчіемъ: мы разумѣемъ въ послѣднемъ случаѣ Славянскія племена, которые исказили начало Славянской народности антиславянскимъ началомъ латинства и имѣютъ своимъ духовнымъ отечествомъ — Римъ. Самые покорные покуда подданные Австріи — Славяне (о Полякахъ мы не говоримъ; ихъ слишкомъ мало.) Самыя лучшія войска въ Австріи, какъ мы уже сказали, Славянскія; никто не служилъ такъ усердно Нѣмецкому знамени Австріи, какъ Хорваты и Галицкіе мужики. Тяжело въ этомъ сознаваться, но нельзя утаить правду: изъ Австрійскихъ Сербовъ выходитъ Австрійскихъ военныхъ генераловъ премножество: мучениковъ народности — ни одного. Австрійскіе Сербы употребляются Австріею на дипломатической службѣ въ Турціи, какъ самые надежные исполнители ея антиславянскихъ политическихъ видовъ. Но въ составѣ Австрійской имперіи есть неразлагающееся тѣло, которое нельзя ни онѣмечить, ни ослабить — это Мадьяры. Съ Мадьярскимъ племенемъ, какъ съ племенемъ энергическимъ и воинственнымъ, Австрійскому правительству нельзя не считаться. Его одного серьезно боится Австрія. Прочія же народности внушаютъ ей опасенія — покуда не столько сами по себѣ, сколько по той опорѣ, которую можетъ найти ихъ племенной духъ въ политикѣ го-

сударствъ иностранныхъ: напр. Итальянская народность—во Франціи, Русская народность Галиції—въ Россіи, и т. д.

Такимъ образомъ—система федерація встрѣчаетъ сопротивление со стороны тѣхъ племенъ, которымъ пришлось бы быть поглощенными въ группахъ крупнѣйшей и сильнѣйшей племенной индивидуальности, а приложеніе начала равноправности, съ одной стороны, потребовало бы кройки Австрійской имперіи на мелкіе лоскуты; съ другой стороны скрушилось бы о противодѣйствіе Мадьярскаго племени. Опетьтися на Славянъ и сломить Мадьярское сопротивленіе вооруженною рукою — конечно удалось однажды Австріи (въ 1849 г.) и то съ помощью Россіи, — но великая разница опереться Нѣмецкому правительству на Славянъ, какъ на материальную силу для войны, въ которой всѣ составные части этой силы безличны, или же опереться на Славянъ, какъ на жизненный принципъ нормального политического существованія. Можно противопоставить Мадьярскимъ гонведамъ Славянскихъ солдатъ въ Нѣмецкихъ мундирахъ, но какъ скоро дѣло идетъ не о грубой, безличной материальной силѣ, а о началѣ духовномъ, полагаемомъ во главу политического зданія,—обще-славянская идея разлетается какъ прізракъ, а остаются племенные элементы—Чешскій, Хорватскій, Сербскій и т. д., изъ коихъ ни одинъ не представляетъ такой внутренней духовной силы, которая бы могла дать Австріи новое политическое самоопределѣніе и поставить Славянскій элементъ выше элемента Нѣмецкаго—хотя уже и ослабѣвшаго. Мы уже не говоримъ о томъ внутреннемъ диссонансѣ, который звучитъ въ словахъ: *Славянская федерація на Нѣмецкой закваскѣ*: на подобныхъ компромиссахъ не можетъ создаться никакое прочное зданіе. Прибавимъ къ этому, что терзаемая войнами извѣтъ, совершенно разстроенная въ финансовомъ отношеніи, побуждаемая новѣйшими требованіями времени и общественного мнѣнія, Австрія рѣшилась оставить съ 1860 года прежнюю систему абсолютизма и выступила на путь конституціонный. Неумолимая логика требуетъ послѣдовательности, а эта послѣдовательность привела къ тому, что всѣ крупныя и малыя племена обрѣли себѣ голосъ и представительство,—заявляютъ о своихъ правахъ на существованіе громче, чѣмъ когда либо,

и въ силу своихъ конституціонныхъ правъ затрудняютъ ходъ общей государственной машины. Вѣнскное правительство пробовало было прибѣгнуть къ прежнимъ способамъ самоуправства надъ племенами, но тогда тотчасъ же колебался нравственный кредитъ, пріобрѣтенный ею введеніемъ конституціи. А между тѣмъ и самая конституція, подвинувшая племенное развитіе народовъ, не подвинула никакъ разрѣшенію рокового для Австріи вопроса о бытіи, и Вѣна еще не выдала у себя полнаго сейма, проектированного императорскими «дипломами» 1860 и 1861 года. Венгрия не выслала своихъ депутатовъ въ Вѣну и пересилила Австрійское правительство.

Вследствіе этого, наконецъ, Австрія пошла на сдѣлку съ Мадьярами. Союзъ Нѣмецкаго и Мадьярскаго элементовъ, единственныхъ серьезныхъ политическихъ элементовъ въ Имперіи—и называется *дуализмъ*, котораго такъ боятся, и спра-ведливо боятся, бѣдные, разъединенные между собою и запутанные во внутреннихъ противорѣчіяхъ 15 миллионовъ Славянъ. Въ случаѣ успѣха этой системы, Славяне Венгерского королевства принесены были бы въ жертву Мадьярамъ; прочие Славяне — въ жертву Нѣмцамъ. Но нельзя ожидать для Австріи ни успѣха отъ этой системы, ни даже строгаго ея приложенія. Ревнивое Нѣмецкое чувство Австрійскаго правительства никогда не будетъ въ состояніи спокойно покориться преобладанію Мадьярскаго элемента и при-мириться съ торжествомъ Мадьярской энергіи: ибо настоящая уступка со стороны Австріи есть побѣда Мадьяръ. Вѣн-ская политика не можетъ отказаться отъ правила, которое до сихъ поръ составляло для него условіе жизни: *divide et impera*, и боясь Мадьярской силы, оно явно или исподтишка будетъ противопоставлять ей Славянское населеніе. Съ дру-гой стороны масса 15 миллионовъ недовольныхъ, хотя бы и самыхъ незлобивыхъ подданныхъ, не можетъ не озабочивать правительства даже самого могущественнаго, не только Австріи, окруженнай врагами и постоянно угрожаемой политическою инициативою Наполеона и Бисмарка. Австрія, на-конецъ, не можетъ же забыть, что рядомъ съ 15 миллионами оскорблѣнныхъ такимъ образомъ Славянъ, существуетъ Сла-вианская держава съ 60 миллионами Славянскаго населенія...

Встревоженный, не угрозами, а еще только всплески Славянъ, Императоръ Францъ-Иосифъ, послѣ уступокъ, сдѣланыхъ имъ Венгрии, поспѣшилъ утѣшить Славянскихъ своихъ подданныхъ манифестомъ 20 Сентября, въ которомъ обѣщаетъ вопросъ объ устройствѣ Австрійской имперіи предложить на обсужденіе «всльмъ своимъ народамъ».

Таково положеніе Австріи *съ ея народами*. Таково положеніе каждой страны сборной, составная части которой не претворились въ общую органическую сущность, не создали изъ себя цѣльного политического организма, цѣльной национальности. Слава Богу, у насъ въ Россіи, не смотря на разныя новѣйшія точки зренія, одинъ народъ — Русскій; одна национальность — Русская, — которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно на качественной силѣ. Но это такъ, къ слову. Трудно гадать — какая участіе ожидаетъ Славянство въ Австріи... Не могутъ не возбуждать нашего полнаго сочувствія эти искрѣ усилия сохранить свою Славянскую личность, эти предложенія права на индивидуальную жизнь, если не на политическую самостоятельность, — эта упругость, эта живучесть, это исканіе общей для себя почвы, эта борьба, производимая при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, средними и низшими классами населенія, — Славянами-плебеями, при измѣнѣ Славянъ-аристократовъ, которые большею частью отвѣтились, омадьярились, обытальзились или даже орумунились! Но до тѣхъ поръ и нельзя ожидать благопріятнаго поворота судьбы для Австрійского Славянства, пока оно не найдется для себя общей родной почвы, пока не придетъ къ полному сознанію духовной сущности Славянскихъ началь и не выйдетъ изъ того духовнаго съ ними противорѣчія, въ которое, какъ мы показали выше, погружены многіе изъ Славянскихъ племенъ, напр. Чехи. Славянская федерація, о которой мечтаютъ Чехи, возможна будетъ только тогда, когда отыщется для нея высшее политическое, но Славянское же, — не отвлеченное, а живое и дѣйствительно сущее начало. Но главнѣе и важнѣе всего, повторяемъ, для идеи всеславянского братства — идея высшаго духовнаго объединенія въ вѣрѣ. Пусть западные Славяне ищутъ прежде всего такого объединенія и поревнуютъ о чистотѣ славянъ

вянского идеала вѣры и церкви, — а «остальное приложится»...

Призвание Россіи ясно. Она — единственная представительница этихъ искомыхъ для Славянъ — начальъ, и должна высоко и въ строгой чистотѣ держать политическое и духовное знамя Славянства, — не въ смыслѣ честолюбивыхъ замысловъ, а въ значеніи символа указующаго путь, дающаго силу жить и бодрость упованія бѣдствующимъ Славянскимъ братьямъ.

При такомъ положеніи Австріи, спрашивается, къ чему можетъ послужить сближеніе Россіи съ нею? Сближаясь съ нею, съ Австрійскимъ правительствомъ, не становится ли Россія въ солидарность съ тою или другою изъ системъ Австрійского управления, которая въ сущности, въ концѣ концовъ, суть системы утѣшненія Славянского племени? Не компрометируетъ ли таковое сближеніе — единственную Славянскую могучую державу, представительницу Славянского и православнаго міра, т. е. Россію? И въ состояніи ли сближеніе Россіи съ Австріей сколько нибудь помѣшать развитію могущества Пруссіи на Сѣверѣ Германіи, — чтѣ одно только можетъ насъ озабочивать? Развѣ способенъ союзъ нашъ съ Австріей доставить ей серьезныя выгоды и утвердить ея преобладаніе въ Германіи, когда ни одного изъ вознагражденій, какія она можетъ получить за свои потери въ Средней Европѣ, и которая ей сулить Бисмаркъ и Наполеонъ, не можетъ допустить политика Россіи? Ни Босніи, ни княжества Сербіи, ни Дунайскихъ княжествъ не можетъ уступить Австріи Россія. Такимъ образомъ совсѣмъ относительно сближенія съ Австріей, которое впрочемъ мы не имѣемъ положительного права назвать существующимъ, — кажется намъвшенiemъ скорѣе политической рутинѣ, чѣмъ яснымъ сознанiemъ Русскихъ интересовъ... Сила Россіи не въ союзникахъ, а въ ней самой, въ ея собственной вѣрности своему духовному знамени, своимъ основнымъ народнымъ — Русскимъ и обще-Славянскимъ началамъ.

Из №№ 41, 43 и 44.

ДОГОВОРЪ ПОРТЫ СЪ ЧЕРНОГОРИЕЮ.

Статья I.

Война Черногорія съ Турцией прекратилась; князь Николай подписалъ условія мира; въ Скутари или Скадрѣ праздновали «счастливый исходъ войны», обѣдомъ у Турскаго сердаря-экрема, въ присутствіи Черногорскаго «министра иностраннѣй» Ива Ракова,—совершенно на Европейскій манеръ, съ тостами, спичами, однимъ словомъ такъ, какъ водится между двумя цивилизованными, благовоспитанными государствами. Турки уже приступили къ исполненію условій мирного договора, т. е. къ проведенію военной дороги сквозь всю Черногорію, и устройству блокгаузовъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться Турскіе гарнизоны: изъ Царьграда уже прибыли съ этою цѣлью Турскіе инженеры, разумѣется, большою частью Поляки,—къ несчастію, самые усердные, въ настоящее время, пособники Турціи въ угнетеніи Славянскихъ народностей.

Читателямъ нашимъ уже извѣстны статьи мирного трактата Порты съ Черногоріей: онъ напечатаны у насъ въ 38 №. Такого позорнаго мира еще не приходилось заключать Черногорцамъ съ самаго того времени, какъ, въ концѣ XV вѣка, Черная Гора водрузила знамя Славянской независимости и стала единственнымъ убѣжищемъ непокоренныхъ Славянъ. Бѣдный Черногорскій народъ! Что должно испытывать его гордое сердце, какимъ негодованіемъ долженъ онъ быть проникнуть противъ своихъ братій Славянъ, не пришедшихъ къ нему на помощь, противъ дипломатіи, связывавшей ему руки на защиту и вообще дѣйствующей въ Европѣ съ такими высшими видами безпредвѣтствія, благодаря которымъ сильному полному простору нападать на слабаго, а слабому ни защититься, ни прибѣгнуть къ чужой защитѣ нельзя! Россия протестовала противъ условій мира, и мы, конечно, этому очень рады; но нельзя не пожалѣть, что этотъ протестъ явился поздно, тогда, когда уже не было возможности отвратить послѣдствій долгой, упорной войны. Какъ ни велики вообще

матеріальныя бѣдствія Черногорцевъ, но всѣ эти, такъ сказать, физическія страданія храбраго Черногорскаго народа ничто въ сравненіи съ его нравственными страданіями, съ мученіями оскорблennой народной гордости, — все это разореніе, эти потери — ничто въ сравненіи съ потерю славы и прежней независимости. Конечно, не на главу Черногорскаго народа падаетъ позоръ заключеннаго мира; его храбрость и мужество тѣ же, какія проявлять онъ и прежде, въ теченіи четырехъ вѣковъ, — но мысль невольно задается вопросомъ: какимъ образомъ совершилось теперь то, чего не могли достичнуть самыя грозныя усиія Оттомановъ — во дни оны, когда Исламъ съ свѣжей энергией, съ дикимъ вдохновеніемъ фанатизма, ломалъ и сокрушалъ своими несмѣтными полчищами крѣпчайшія твердыни Европы?

Трудно человѣку, никогда не бывшему въ Черногоріи составить себѣ полное живое представлѣніе о томъ, что такое это страна, это «государство», эта такъ-называемая «столица» Цетинье, это «правительство» и отношенія его къ народу. Всѣ эти слова: государство, столица, правительство, здѣсь совершенно неумѣстны, и однакожъ они затемняютъ настоящее пониманіе дѣла не только у насъ и въ Европѣ, не только у публицистовъ и дипломатовъ, но и въ самой Черногоріи. Намъ удалось посѣтить Цетинье ровно два года тому назадъ, недѣли за двѣ до смерти князя Данила, — и мы въ немногихъ словахъ передадимъ читателю выводъ изъ нашихъ путевыхъ впечатлѣній.

Надъ великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ заливомъ Адріатического мора, Бокко-ди-Каттаро, гдѣ изъ-подъ подошвы береговыхъ скалъ врывается въ море подземная рѣка Каттаро или Ко-торъ, — возносится высоко къ небу дикіе, голые, каменные утесы. Это Черногорія. Горный хребетъ, идущій вдоль всего Далматинскаго прибрежья, достигаетъ здѣсь своей наибольшей высоты и всего ближе подошелъ къ морю, почти нависъ надъ заливомъ, простирая надъ нимъ свои освѣжительныя, мрачныя тѣни. У ногъ его лѣпится на узкихъ и тѣсныхъ уступахъ, между скалами и моремъ, небольшой городокъ, называемый по имени залива, и принадлежащий съ 1815 г. Австріи. Славяне называютъ его просто Которъ. Черногорцы, помогавшіе Русскимъ въ войнѣ противъ Французовъ и со-

действовавшие экспедиции адмирала Сенявина, отняли Бокко-ди-Каттарскую пристань у Французовъ и владѣли ею лѣтъ 7; но въ 1815 году должны были уступить этотъ единственный свой приморскій портъ, составлявшій для нихъ непремѣнное условіе безбѣдного существованія, уступить Габсбургскому дому—уступить безъ войны, единствено по требованію Императора Александра, великодушнаго благотворителя Австрійцевъ и Пруссаковъ.—Отъ Коттора до Цетиня всего шесть часовъ пути, самаго крутаго подъема, не смотря на то, что, облегченія ради, дорога идетъ изгибами или зигзагами. Мы сказали: дорога, но и это слово сюда не годится; въ Цетинѣ нельзя проѣхать ни въ какомъ экипажѣ, ни даже въ самой простой телѣгѣ, ни даже въ Турецкой арбѣ, а можно только вскарабкаться, взлѣзть по острымъ каменямъ пѣшкомъ или на привычномъ цѣпкомъ конѣ. Всѣ тяжести переносятся на выночныхъ животныхъ или на плечахъ Черногорскихъ дѣвицъ и женщинъ: самъ Черногорецъ такой унизительной работой никогда не займется, и преспокойно идетъ себѣ съ ружьемъ и съ длинной трубкой подъ жены, сгибающейся подъ тяжестью ноши.

Однимъ словомъ, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ, или нахїй расположенныхъ на склонѣ горъ, настоящая Черногорія есть груда такихъ дикихъ, неприступныхъ, голыхъ утесовъ, гдѣ самая земля рѣдкость: все камень! Кому не извѣстно народное сказаніе, что Богъ несъ мѣшокъ съ камнями, мѣшокъ прорвался, камни выссыпались беспорядочномъ кучей и назывались Черногоріей. Ни звѣрь, ни птица, кромѣ серны да орла, сами не заходятъ сюда, въ этотъ лабиринтъ скаль и ущелій,—только одинъ человѣкъ могъ вздумать обратить эти скалы въ жилище! Но конечно—не добрая воля, а только крайняя необходимость способна удерживать его на этихъ дикихъ, не-привѣтныхъ, пустынныхъ вершинахъ.

И дѣйствительно, Черногорія, разматриваемая не просто, какъ географическая мѣстность, а какъ населенная страна, создана только крайнею историческою необходимостью: спасаясь отъ напора волнъ все шире и шире разливающейся Оттоманской стихіи, православные Славяне Сербскаго племени удалились не только въ горы, гдѣ и прежде было небольшое населеніе съ своими банами, но и на утесы, куда не рѣша-

лась прежде проникать нога человѣка,—и скоро гнѣздо независимаго, непокоренного Славянства на Балканскомъ полуостровѣ—явилось тамъ, гдѣ доселѣ только орлы вили гнѣзда! Пусть читатели не принимаютъ этого за поэтическую метаформу. Прозаичнѣе выразиться нельзя; не мы виноваты, если такова поэзія дѣйствительности.

Очевидно, что въ такомъ заоблачномъ сосѣдствѣ съ орлами, при такихъ неестественныхъ условіяхъ жизни, невозможна какое бы то ни было правильное гражданское устройство, да и просто немыслимо никакое образованное общество. Черногорія—это временный таборъ, боевой станъ, собравшійся для опредѣленной цѣли, для временнаго дѣла,—но вовсе не осѣдлое обиталище человѣческаго общества. Нужды нѣтъ, что эта времененная необходимость продолжается уже четыре вѣка: прогоните Турокъ изъ Европы, обезпечьте Черногорцамъ во владѣніе равнину и море,—и люди сойдутъ съ горъ. Черногоріи не будетъ, и опять только одни орлы останутся хозяевами утесовъ. *Борьба съ Турками—вотъ чѣмъ обуславливается существование Черногоріи, вотъ причина и цѣль ея бытія,* вотъ ея историческое призваніе, вотъ ея дѣло и подвигъ: никакой другой гражданской задачи, предлежащей другимъ обществамъ, она не имѣть и имѣть не можетъ. Требовать отъ Черногоріи административнаго и полицейскаго благоустройства—почти то же, что требовать отъ военнаго лагеря, во время войны, въ виду непріятеля, правильныхъ отправлений гражданскаго общества! Чтонибудь одно: или этотъ лагерь существуетъ для войны, или если онъ не хочетъ или лишенъ возможности драться, онъ долженъ разойтись, перестать быть лагеремъ, и избравъ себѣ болѣе удобное мѣсто, основать тамъ мирное гражданское общество. Развѣ можно было бы отнести къ Запорожской Сѣчи съ требованіемъ, чтобы она не воевала съ Татарами и Поляками, и жила жизнью мирныхъ поселанъ? Если бъ это было возможно, тогда Сѣчь сама отреклась бы отъ своего начала, во имя котораго она исторически существовала.

Точно таково положеніе Черногоріи. Война съ Турцией продолжается у нея четыре вѣка сряду. Это не значитъ, чтобы Черногорцы дрались каждый день, чтобы не было перемирия и затишья; можетъ случиться и то и другое; но знамя,

ихъ собравшее, вызвавшее на жизнь въ этихъ неприступныхъ утесахъ, это знамя — борьба съ Турцией за независимость не столько личную, сколько все-Славянскую, — месть за угнетенныхъ Славянъ. Тамъ нѣть ни сословій, ни классовъ, ни раздѣленія на военныхъ или штатскихъ, на регулярное или нерегулярное войско, на ремесленниковъ, купцовъ, воиновъ: тамъ всѣ — только воины; одно занятіе — война, — и война не какъ ремесло, а какъ священная цѣль. Прекратите поводь къ войнѣ, и Черногорцы, по свойству Славянского племени, скоро обратятся въ самыхъ мирныхъ гражданъ. Разумѣется, въ досужее время всѣ промышляютъ, чѣмъ могутъ, чтобы добыть средствъ къ жизни, но только въ досужее время, — а это случается не часто. Даже духовные — и тѣ прежде всего воины, а уже потомъ служители алтаря.

При такомъ положеніи дѣлъ можетъ ли быть рѣчь о какомъ нибудь административномъ благочиніи, о созданіи въ Черногоріи правильного государства, гражданскихъ порядковъ? Не странны ли требованія дипломатовъ и публицистовъ, чтобы Черногорцы жили какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ Европейцамъ? Не смѣшны ли самыя обвиненія Черногорцевъ въ грабежахъ и убийствахъ, и тѣ названія, которыми честитъ ихъ Европейская публицистика? Убийство, конечно, явленіе безнравственное, но однакоже цивилизованные народы дозволяютъ себѣ прибѣгать къ нему и даже къ грабежу во время войны?...

А Черногорецъ въ войнѣ постоянной!... Перестать убивать и преслѣдовать Турка — значитъ перестать видѣть въ немъ врага, и, напротивъ того, видѣть въ немъ доброго сосѣда; видѣть же въ немъ доброго сосѣда — значитъ признать право Туровъ на обладаніе Славянскими землями, — т. е. отречься отъ своей вѣры, отъ своего знамени, отъ исторического призванія Черногорію! Черногорія — это четырехвѣковой протестъ *всего* Славянского племени противъ мусульманской тираниіи въ христіанской Европѣ, это свидѣтельство его жизненности: отказаться отъ этого протesta — для Черногоріи то же, что подписать себѣ смертный приговоръ. Дипломаты, требовавшіе, чтобы Черногорія вела себя относительно Туровъ благонравно, конечно считали свои требованія вполнѣ благодѣтельными для страны, но эти требованія были

для Черногорцевъ опаснѣе Турецкихъ нашествій. Вражда Черногорцевъ къ Туркамъ, какъ мы уже сказали, вовсе не вражда личная Черногорского народа, а все-Славянская; независимость Черногоріи — есть залогъ будущей независимости всего Славянского населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Черногорцы имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а по своему отношенію ко всему Славянству, не какъ Черногорцы, жители такой-то мѣстности, во столько-то квадратныхъ миль, — а какъ казаки, передовые люди, пionеры Славянской свободы! Если вы отнимете это значеніе у Черногоріи, что останется? каменистая, непроизводительная мѣстность, голые скалы, которыми и дорожить нечего, — сотни тысяч голодныхъ, полудикихъ людей, забравшихся на такие утесы, где нѣть возможности создать никакого общества. Когда болѣе десятка миллионовъ христіанъ состоится подъ владычествомъ Турокъ, независимость сотни тысячъ людей представляется уже дѣломъ относительно — неважнымъ.... Да, Европейская дипломатія и политическое честолюбіе князя Данила, — стремившіяся создать изъ Черногоріи «государство», обособить ее, сдѣлать изъ нея что-то — само по себѣ существующее, — ослабили силы Черногоріи еще задолго до Омеръ-паші!

По нашему мнѣнію, если обсуждать дѣло отвлеченно, въ принципѣ, — никакая государственная форма не можетъ имѣть мѣста въ этой странѣ; Черногорія не есть, не можетъ и не должна быть политическимъ тѣломъ. Черногорія бессильна — какъ государство; Черногорія неодолима — какъ боевой станъ, какъ воинская община. Какъ государство, она такъ микроскопично мала, что развѣ только передъ Рейсъ-Шлейсъ-Грейцъ-Лобенстейнъ-Эберсдорфъ, съ ихъ Генрихами ХХ—LXXII, можетъ хвастаться своими размѣрами; какъ военный станъ — она богата просторомъ. Какъ государство — она бѣдна, лишена способовъ для мирнаго, гражданскаго существованія; какъ военный и постоянно воюющей станъ — она въ состояніи добывать себѣ нужные средства. Какъ государство — Черногорія, невольно, сама въ себѣ даетъ доступъ требованіямъ, удовлетвореніе которыхъ разорительно для страны, а неудовлетвореніе тягостно для государственного самолюбія; какъ военный станъ, какъ военная община — Черногорія можетъ или могла бы сохранить простоту жизни и нравовъ, отсут-

ствіе притязаній на виѣшність, нерѣдко жалкихъ и недостойныхъ.... Съ государственной формой и какъ политическое тѣло — Черногорія непремѣнно утратить равенство, цѣльность, явится уже не какъ воинствующій самоправящій народъ, а какъ правительство и какъ народъ, которые могутъ быть и несогласны между собою.... Разгоните станъ — онъ собирается вновь; а государству, такого размѣра, какъ Черногорское, потерпѣвъ пораженіе, трудно подняться. Станъ можетъ прятаться въ ущельяхъ и на утесахъ, а государству, заразившемуся притязаніями на виѣшній порядокъ, оставаться тамъ невозможно: если же оно остается, то противорѣчить своему принципу, — и внутренній разладъ подточить, какъ червь, ту самую силу и крѣпость, которая необходимы для политического бытія....

Такъ и случилось.

Можно полагать, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, что независимость Дольной и Горной Зеты (Черногорії) начинается съ 1368 года, когда бани ея изъ рода Балшичей не захотѣли признать Вукошина (отца Марко Кралевича), убийцу царя Сербскаго Уроша, своимъ господиномъ. Вскорѣ затѣмъ, а особенно послѣ Коссовской битвы (1389), началась непрерывная борьба съ Турками, и Черная Гора стала убѣжищемъ вольныхъ Сербовъ.

Внукъ знаменитаго князя Ивана Черноевича, боровшагося съ Магометомъ II, Георгій, женатый на Венеціанкѣ изъ фамиліи Мочениго, перѣхалъ въ Венецію около 1520 г., оставилъ всю власть тогдашнему митрополиту Вавилѣ, и съ тѣхъ поръ Черногорія управлялась «владыками» до 1852 г.

Что можетъ быть, повидимому, страннѣе такого явленія: военный станъ управляемый духовнымъ лицомъ! Что, кажется, могло бы быть приличнѣе, удобнѣе и проще управленія княжескаго? По нашему мнѣнію, это именно объясняется тѣмъ, что Черногорцы не могли допустить, не ставши въ противорѣчіе сами съ собою, никакой известной готовой формы политического устройства. Временное убѣжище, для временнай цѣли, не могло служить мѣстомъ для прочныхъ гражданскихъ созиданій, да и никакая форма политического устройства не была бы въ состояніи тамъ удержаться при отсутствіи условій, необходимыхъ для гражданскаго бытія.

Кромъ того званіе князя давало просторъ личному честолюбію и всякімъ политическимъ обольщеніямъ, а Черногорцы чувствовали, что «государь» слишкомъ крупень для Черногорія, въ государственной обстановкѣ, становилась безсильнѣе Черногорія безгосударной. Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, нечего было и мечтать объ организаціи независимаго государства на вершинахъ голыхъ утесовъ: сильнымъ оно быть не могло; слабое, оно было слабѣе всякаго простаго бытоваго строя. Тяжеловѣсный государственный снарядъ, способный упрочить независимость и крѣпость государства, быль невозможенъ; легкій снарядъ — быль негоденъ. Черногоріи не нужно было никакого правительства, тѣмъ менѣе *двора*: ей нуженъ быль отъ времени до времени военачальникъ, и нужна была власть духовная, для блюденія чистоты и цѣлости православной церкви. Власть гражданская, сама по себѣ существующая, — къ тому же бессильная держать въ уздѣ вольныхъ горцевъ, смѣнилась авторитетомъ церкви — безусловно читымъ; владыка знаменовалъ собою единство и союзъ духовный, которому Черногорія, при слабости политическихъ и гражданскихъ узъ, обязана тѣмъ, что сохранилась до нашего времени.

Разумѣется, такое совмѣщеніе обязанностей было исполнено внутренняго противорѣчія, и митрополиты нерѣдко обращались не только въ гражданскихъ правителей, но и въ военноначальниковъ: это и должно было случиться тамъ, гдѣ война, освященная религіознымъ чувствомъ, составляла цѣль самаго существованія. Но за то, въ числѣ владыкъ, быль одинъ такой духовной жизни, что Черногорцы признаютъ его за святаго, и чествуютъ мощи его, покоящіяся на вершинѣ возвышенійшаго утеса.

Удивительное явленіе, въ высшей степени оригинальное, и, — вопреки всѣмъ дешевымъ моралистамъ, клеймящимъ Черногорскіе обычай, нравы и все устройство — варварствомъ, невѣжествомъ, безчеловѣчіемъ, — возбуждающее невольное уваженіе! — Вообразите себѣ горсть храбрыхъ, рѣшившихся противостоять бурѣ магометанства: одни, безъ всякихъ надежды на чужую помощь, безъ всякихъ пособій науки, искусства, дипломатіи, водружаютъ они въ скалахъ знамя незави-

симости и крестъ христіанства. Простецы, отвѣленные отъ всего остального, образованного міра, съ святыми залогами въ рукахъ, они бываютъ четыре вѣка неутомимо и непрестанно. Ничто не мѣшало имъ купить покой и благоденствіе и покровительство Турокъ покорностию Исламу, или допущеніемъ самыхъ, по видимому незначительныхъ, уступокъ или сдѣлокъ, — но они остались вѣрны вѣрѣ и Славянской народности, ни разу не запятнавъ себя измѣною. Они окружены врагами, они въ теченіи четырехсотъ лѣтъ каждый день жизни покупаютъ цѣною крови, своей или вражьей, — не-когда имъ позаботиться о духовной сторонѣ бытія, дорогой каждому Славянскому племени; мгла невѣжества все болѣе и болѣе сгущается надъ ними, они коснѣютъ и дичають,— грубѣютъ и извращаются ихъ понятія въ этой вѣковой школѣ грабежа и убийства.... Такъ, казалось бы, должно быть; такъ оно и есть отчасти; но христіанскій, Славянскій народъ, Черногорцы изумительными усилиями не дали заглохнуть въ себѣ святому завѣту вѣры. Военный станъ подчиняетъ себя добровольно власти духовнаго лица, единаго нравоучителя, чистаго отъ крови (такимъ представляется принципъ, хотя онъ, можетъ быть, и не сознавался, и едва ли когда былъ выполненяемъ); лишенные пособій духовныхъ за недостаткомъ церквей, училищъ и священниковъ, они, такъ сказать, пробовляются, въ теченіи четырехъ вѣковъ, тѣми началами христіанской нравственности, которая сохранила память народнаго сердца. Прочтите исторію Черногоріи, посѣтите страну, познакомьтесь съ самимъ народомъ и вы удивитесь, вы воздержитесь отъ упрековъ, вы почувствуете, что правосудный Богъ не взыщетъ съ нихъ за то невольное огрубѣніе духа, котораго цѣною купили они свободу своей вѣры и независимость!

Соблазнъ явился — съ другой стороны. Четыре вѣка такихъ напряженій, такого неестественного состоянія, такого напраснаго ожиданія конца Турецкому владычеству въ Европѣ, наконецъ примѣръ Сербіи, сложившейся въ княжество, хотя и подвластное султану, — заставили Черногорцевъ снова искать выхода своему положенію, склонили ихъ поддаться политической мечтѣ племянника покойнаго владыки, молодаго

Даниила... Преемникъ митрополита сталъ княземъ. Переворотъ въ судьбѣ Черногоріи наступилъ рѣшительный...

Статья II.

Съ начала XVIII столѣтія установился обычай, обязательный для всѣхъ избираемыхъ народомъ во владыки, совершасть путешествіе съ Черной Горы на берега Финскаго залива и тамъ, въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ официальнымъ признаніемъ Русскаго Двора, получать и даръ архиерейства чрезъ рукоположеніе Русскихъ епископовъ. Владыка Петръ II, назначивъ себѣ преемникомъ племянника своего, Данила, отправилъ его для «воспитанія» въ Вѣну. Разумѣется, воспитанія никакого не было, но хмѣль Европейской цивилизациіи мигомъ ошибъ молодаго воспріимчиваго полудикаго горца: — въ головѣ его зароились разныя мечты и планы, и когда, по кончинѣ Петра II-го, Данило отправился для посвященія въ Петербургѣ, то съ дороги написалъ въ Черногорію, что его намѣреніе — быть княземъ, а не владыкой, разумѣется если Русскій Императоръ будетъ на это согласенъ, — а въ согласіе его Данило почему-то несомнѣнно вѣрилъ. Черногорцы, озадаченные смѣлымъ, рѣшительнымъ, «юнацкимъ» тономъ Данила (а юначество или молодечество встрѣтить всегда сочувствіе въ воинственномъ племени), — освятили всенароднымъ рѣшеніемъ честолюбивый замыселъ Данила. Всѣ эти предварительные переговоры производились безъ всякой дипломатической огласки.

Скромно, смиреннымъ кандидатомъ въ монахи и архиереи явился Данило въ Петербургѣ, и, какъ подобало, былъ помѣщенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, или на какомъ-то монастырскомъ подворье. Пишущій эти строки слышалъ нѣкоторыя нижеслѣдующія подробности отъ самого князя Данила, который любилъ вспоминать и рассказывать объ этой своей удачѣ, объ этой важной эпохѣ въ судьбѣ Черногоріи. По его словамъ, въ его положеніи принялъ участіе князь Паскевичъ, съ которымъ онъ видѣлся проѣздомъ чрезъ Варшаву и который взялся походатайствовать объ немъ у покойнаго Государа. — Прошло нѣсколько времени довольно скучныхъ ожиданій и скучнаго монастырскаго заключенія, —

рассказывалъ Данило,— объявляютъ Данилѣ повелѣніе быть во дворцѣ, на аудіенціи у Императора, въ такомъ-то часу. Данило явился. «Ну что, чѣмъ хочешь быть — архіереемъ или княземъ?» спросилъ Государь. — «Какъ угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству», отвѣчалъ ловкій Черногорецъ. — «Почему-жъ тебѣ монахомъ не быть?» — «Не чувствую призванія, Ваше Величество, жениться хочу.» — «Какой же ты монахъ!» сказалъ Императоръ Николай и прибавилъ многозначительно: «будешь княземъ».

И стала Данило княземъ, тотчасъ же выѣхалъ изъ монастыря, облекся въ блестящій Черногорскій костюмъ, и загушилъ по Невскому проспекту, а Европа съ изумленіемъ узнала, что на политическомъ горизонтѣ нежданно-негаданно, безъ ея спроса и вѣдома, явилось новое политическое тѣло, что въ ряду самостоятельныхъ державъ прибавилось одной державой, а въ семье владѣтельныхъ царственныхъ домовъ — однимъ домомъ, одной династіей больше. Особенно неожиданъ и непріятель былъ этотъ сюрпризъ для Турціи. Но въ то время (въ началѣ 1852 года) Франція была занята своими внутренними дѣлами, и никто не посмѣлъ явить себя рѣшительнымъ противникомъ Русской политики. Нѣтъ, однакоже, никако сомнѣнія, что созданіе независимаго «государства» на Балканскомъ полуостровѣ было однимъ изъ сильныхъ поводовъ къ озлобленію Турціи и Европы противъ Россіи, а вскорѣ — и къ Восточной войнѣ. Впрочемъ, намъ совершенно неизвѣстна дипломатическая переписка Россіи по этому предмету; точно также, передавая разсказъ Даниила, мы вовсе не принимаемъ на себя отвѣтственности за точность его разговора съ покойнымъ Государемъ: но по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ передавалъ его Черногорскій князь, такова легенда — сложившаяся по всей Черногоріи.

Пробывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, князь Данило отправился домой, въ свои родимыя горы, и со всей энергіей молодости, со всей настойчивостью убѣжденія, принялъся за выполненіе своей любимой мечты: сдѣлать изъ Черногоріи настоящее государство,—которое бы служило для остальныхъ Туредскихъ Славянъ тѣмъ, чѣмъ былъ — нѣсколько лѣтъ спустя — Піемонтъ для Италіи. Онъ круто принялъся за преобразованіе Черногоріи; первые его шаги были означенено-

ваны дѣлами насилия и жестокаго деспотизма. Въ этой странѣ, гдѣ «отсѣчь главу» у Турка—значить менѣе, нежели раздавить паука, гдѣ даже дѣти играютъ въ битвы и въ отсѣченіе главъ, упражняясь надъ какими-нибудь животными или дикими растеніями,—гдѣ съ самаго раннаго возраста человѣкъ ни на минуту днемъ не разстается съ смертоносными орудіями, съ наточенными кинжалами и заряженными «пушками» (т. е. ружьями),—въ такой странѣ грубая сила естественно является единственную разрѣшительницею вопросовъ и недоумѣній, единственнымъ рычагомъ для политического правленія. — Многіе изъ близкихъ родственниковъ князя и изъ другихъ честныхъ родовъ Черногоріи (например Радоничи *) не захотѣли подчиниться деспотизму Данилы; — возникли партіи, заговоры: онъ казнилъ дядю, казнилъ еще нѣсколько человѣкъ, а остальныхъ выгналъ вонъ изъ Черногоріи, не смотря на ихъ именитость.

Ему хотѣлось, во что бы ни стало, добиться признанія Черногоріи княжествомъ отъ всѣхъ Европейскихъ державъ; изъ независимости *de facto* — сдѣлать независимость *de jure*, ввести ее въ политическую систему, въ область Европейского международного права. Для этого надобно было на первыхъ же порахъ показать себя совершенно самостоятельнымъ относительно Россіи и заявить міру о раздѣльности своихъ интересовъ съ интересами Русскими, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за тѣмъ началась Восточная война, и Европа враждебно отнеслась ко всѣмъ Славянскимъ племенамъ въ Турціи, подозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ Россіи. — Мало того: надобно было заискывать благосклонности у возраставшаго могущества Франціи, повелителю которой, какъ и всякому энергическому смѣлому честолюбцу, вполнѣ сочувствовалъ Данило; наконецъ эти же причины заставили его изо всѣхъ силъ наряжать Черногорію въ государственный мундиръ, и рисоваться предъ Европой благоустроенною страною, имѣющею крѣпкое правительство — *un gouvernement fort* — (самое могучее право на лестное вниманіе кабинетовъ), страною не варварскою, а цивилизованною или стремящеюся къ

*) Въ родѣ которыхъ управление гражданскими дѣлами, однакожъ безъ характера верховной власти, было наследственное.

цивилизациою съ честью занимать мѣсто рядомъ съ другими цивилизованными націями. — Онь воспиртиль Черногорцамъ переходить границы и нападать на Турецкія селенія — со времія мира, и чтобы дать Европѣ доказательство искренности своихъ распоряженій — казнилъ послушниковъ своей воли; онъ цѣтался стать и отчасти стать къ Турціи — какъ государство къ государству, между которыми можетъ быть миръ, можетъ быть и война, и которыхъ взаимные отношенія обусловливаются трактатами на общемъ Европейскомъ правѣ. Когда, при подписаніи Парижскаго мира, въ опубликованныхъ протоколахъ конгресса, Даніле не нашелъ подтвержденія политическому существованію Черногоріи, онъ протестовалъ ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, добивался благоволенія Людовика Наполеона, сначала посыпалъ къ нему своего перваго адъютанта съ оружиемъ — въ подарокъ императорскому принцу, потомъ и самъ ѣздилъ въ Парижъ... Результатомъ его стараний, а также и успѣшной войны съ Турками и блестательной Грачевской побѣды, одержанной его братомъ Мирко 13 Марта 1858 года и вѣроятно еще памятной, по гастрономическимъ, Русскимъ читателямъ, — результатомъ были Константиносольская конференція, которая и признали нужнымъ опредѣлить границы между Турецкими и Черногорскими владѣніями, обозначить на картѣ и отмежевать въ натурѣ пространство, называемое Черногоріей. Князь добивался при этомъ «соленої водицы», какъ выражаются Черногорцы, т. е. клочка земли у моря, пристани, которая бы поставила ихъ торговлю въ независимость отъ Австріи и Турціи, владѣющихъ берегомъ Адриатики, и дала бы имъ, черезъ торговлю, средства къ существованію, — но происки Англіи, Турціи и Австріи перемогли усилия прочихъ благопріятствующихъ Черногоріи державъ. Собралась межевая комиссія, всѣ иностранные представители привезли своихъ топографовъ, — генеральное и чрезполосное межеваніе установлено предѣлы новому политическому тѣлу, не удовлетворивъ ни Черногорцевъ, ни Турокъ. «Правительство» — потому что Черногорскій народъ обзавелся уже регулярнымъ правительствомъ, конечно, раздѣлило вполнѣ желанія и стремленія народа, даже шло впереди ихъ, — но разъ признавши принципъ [Европейского] международнаго права и заявивъ себя послѣдователемъ началь Европейской государственности, —

оно должно было покориться Европейскому решению, уважать границы, а за неуважение иль наказывать злостных по всей строгости законовъ!

Можетъ быть, еслибы Данилу было возможно осуществить вполнѣ свои планы, ись эта государственность послужила бы ему какъ точка опоры для того, чтобы стать во главѣ всеобщаго Славянскаго восстания въ Турции, или во крайней мѣрѣ восстания Герцеговинцевъ, присоединить къ себѣ Герцеговину и часть Старой Сербіи, и основать уже новое государство. Черногорія перестала бы тогда существовать какъ Черногорія, — явилась бы новая политическая комбинація. Но князь Черногорскій не сообразилъ ни средствъ своихъ, ни политической обстановки, ни настоящихъ отношеній къ нему Западной Европы. Онь вообразилъ, что, замѣтивъ благосклонности у Европы, приобрѣтетъ отъ нея существенную и положительную помощь; онъ расчитывалъ на благоволеніе Европейской дипломатіи; онъ жертвовалъ тѣми силами своей страны, которыхъ почерпала она въ непосредственности быта, въ тождествѣ правительства и народа, въ твердости своихъ бытовыхъ основъ — для того, чтобы, въ качествѣ Европейца, заслужить вниманіе и симпатіи цивилизованной Западной Европы!.. Къ несчастію, не одинъ Даніло, но и вся «изображенія партия» (образованная партія) Сербіи, отчасти и Болгаріи, впадаетъ въ ту же ошибку и добровольно поддерживаетъ въ себѣ народную, нравственную прѣость и склонность, устремляясь мыслю и духомъ къ Западу... Но обѣ силы посыпѣ. Воротимся въ Черногорію:

Что же вышло? Дѣйствительно, проведение политическихъ границъ положило юридическое основаніе политическому бытію Черногорскаго государства, но выѣхѣть съ тѣмъ и за перло Черногорію въ эти границы, искать въ тѣмную и душную тюрьму. Въ прежнее время, когда нападеніе на Турецкія деревни и взаимное нападеніе Турецкія на Черногорскіхъ пограничныхъ жителей, считалось обычай обыкновеннымъ; Черногорія постепенно, мало по малу, захватывала землю и разширяла свои предѣлы: собственно говоря, ей не было предѣловъ, не какъ Черногоріи собственно, а какъ военному стану непокореннаго Славянства, который отвоевы-

ваетъ у врага шагъ за шагомъ Славянскую землю. Проведение границъ — создавая крошечное Черногорское государство, заставляло Черногорцевъ признать не только на дѣлѣ, но въ принципѣ, *de jure*, право Турокъ на обладаніе Славянской страною,— слѣдовательно измѣнять основному принципу своего собственного бытія. Но еще можно было бы примирияться съ проведениемъ границъ, если бы онѣ дѣйствительно обеспечивали за Черногорцами довольно простора и довольно средствъ для существованія. Напротивъ того, онѣ стѣснили Черногорцевъ на площади 70 квадратныхъ миль, почти сплошь заваленной каменьями, замкнули ихъ въ скалахъ и ущельяхъ. Прежде, отнятое у врага считалось законною добычей и даже замѣняло иногда другое скучные материальные способы жизни этого военнаго стана; теперь же вѣковой военный обычай, воспѣтый и прославленный въ народныхъ пѣсняхъ—возведенъ въ чинъ преступленія! А между тѣмъ обстоятельства вѣдь не перемѣнились: т. е. Турокъ все также на глазахъ, также владѣеть Славянскими землями и гнететъ Славянъ, слѣдовательно все такой же врагъ, и Черногорцамъ все также быть нечего!...

Вся ложь такого положенія проявилась въ особенности въ позднѣйшее время, когда державы заставили уже преемника Данила, Николая, князя Черногоріи— относиться *неутрально* къ Герцеговинскому восстанію, и въ качествѣ державы, состоящей въ мирѣ съ Портою, признавать Герцеговинцевъ инсургентами, мало того—пропускать черезъ Черногорскія земли доставку провіанта Турецкому гарнизону въ крѣпости, осажденной Герцеговинцами! Черногорца довести до того, чтобы онъ считалъ Герцеговинца, возстающаго противъ Турокъ, *матежникомъ!* Это такой дипломатическій *tour de force*, которымъ дипломатія могла бы по истинѣ гордиться, еслибы онъ только представлялъ ручательство въ прочности! Европейская дипломатія предъявляла требованія, конечно, вполнѣ логическія, но именно самая противоестественность этихъ требованій, какъ законный логический выводъ, и свидѣтельствуетъ о томъ, сколько лжи заключало въ себѣ политическое созданіе Данила! Разумѣется также, что такое уродливое положеніе не могло продолжаться и разрѣшилось войною,— печальные результаты которой намъ известны.

Впрочемъ князь Данило, какъ ни утѣшался — съ одной стороны виѣшнимъ почетомъ, оказываемымъ ему, какъ «Нѣговой (его) Свѣтлости Господарю Черногорію», и Черногорію, какъ политической державѣ, а съ другой — вѣрою въ лучшія обстоятельства, — однако, безъ сомнѣнія, понималъ всю невыгоду и шаткость своего новаго положенія. Можетъ быть, онъ бы и очнулся подъ конецъ, потому что въ немъ было настоящій юначкій духъ Черногорца — можетъ быть — онъ бросилъ бы съ себя путы, которыми самъ же себя спуталъ, и стала бы открыто во главѣ возстанія... Можетъ быть да, — можетъ быть и нѣть, — но, къ сожалѣнію, онъ умеръ черезъ два года послѣ проведения границъ (въ 1860 году), — оставивъ преемнику своему всю политическую и административную систему — только безъ своей энергіи, безъ своего юначества и безъ своей вѣры.

Не смотря на предубѣжденіе, которое естественно порождалось слухомъ о «Петровскихъ» преобразованіяхъ Данила, не смотря на то, что Русское національное чувство невольно оскорблялось его преимущественнымъ вниманіемъ къ Франціи, — пишущій эти строки долженъ признаться — князь Данило, самъ по себѣ, возводилъ въ немъ искреннее личное къ себѣ сочувствіе. Это былъ человѣкъ идеи, — всесѣло переданный одной завѣтной, не личной мечтѣ, проникнутый весь, до мозга костей, однимъ убѣжденіемъ. Его честолюбіе было не просто эгоистическое: онъ былъ честолюбивъ за всю Черногорію, которую любилъ пламенно и за которую не задумываясь отдалъ бы свою жизнь. Способность полюбить идею общаго блага, хотя бы и ошибочно понимаемаго, и послужить ей, этой идеѣ, всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами своими — есть уже сама по себѣ нравственное явленіе, потому что поглощаетъ узкій эгоизмъ личности...

Указавъ такимъ образомъ на сочувственную сторону характера князя Данила, мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ обратиться теперь къ другой — болѣе мелочной и темной сторонѣ его жизни, — его притязаніямъ на цивилизацію, на политическое значеніе, проявлявшимся иногда жалкимъ и недостойнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, онъ однажды вздумалъ написать какое-то сообщеніе отъ себя Русскому консулу въ Рагузѣ — на Французскомъ языке, на томъ осно-

ваниі, что Французскій языкъ есть всеобщій языкъ дипломатіи. Консулъ не принялъ такой бумаги и замѣтилъ князю, что онъ долженъ сноситься съ Россіей—или на Сербскомъ (Черногорскомъ) или на Русскомъ языкѣ, и что Славянамъ между собою вести переписку по Французски—дѣло неприличное и можетъ исходить только изъ душевнаго подобострастія къ Европѣ. Впрочемъ для того, чтобы нагляднѣе представить читателю справедливость нашихъ замѣчаній, разскажемъ вкратцѣ наше трехдневное пребываніе въ Цетинѣ.

С т а т ь я III.

«Запаслись вы фракомъ и бѣлыми перчатками?» спросилъ меня въ Которѣ N. N., одинъ изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, часто по обязанности посѣщавшій Черногорію и пригласившій меня сопутствовать ему, на этотъ разъ, въ Цетинѣ:— «Фракъ? бѣлые перчатки? Для Цетинѣа? Да при видѣ этихъ дикихъ утесовъ, подъ этимъ палящимъ солнцемъ, хочется не фракъ надѣть, а сбросить всякий Европейскій нарядъ и неразлучную съ нимъ идею моды и условности; хочется надѣть тѣстную народную одежду, *бллачъ, гунацъ* *), *доколенице, опанки* **), накинуть *струку* ***)...» — «Вы забываете, сказалъ N. N., что въ Цетинѣ уже заводится *дворъ* и придворный этикетъ; всякий внѣшній признакъ почета тамъ дорогого цѣнится...»

Доставши съ великимъ трудомъ перчатки въ Которѣ, мы сѣли на коней, и, выѣхавъ изъ города, стали медленно подниматься вверхъ на утесы, по изгибамъ дороги, кое-какъ высѣченной въ камнѣ. Для N. N. была выслана лошадь изъ Цетинѣа, съ проводникомъ — *перенникомъ* †) Шуто: этотъ старикъ Шуто очень хорошо извѣстенъ Русскимъ путешественникамъ; обѣ немъ упоминается въ Путевыхъ Замѣткахъ

*) Бѣлый кафтанъ.

**) Сандалии.

***) Пледъ.

†) Т. е. имѣющій на шапкѣ перо; перенники — *вардїја* Черногорскаго князя.

Ковалевского въ *Русской Беспдоѣ*. Шуто привель съ собою двухъ Черногорокъ—для того, чтобы безъ церемоніи навьючить ихъ нашими чемоданами. Въ самомъ дѣлѣ — обѣ женщины подвязали себѣ каждая на спину по чемодану, и придерживая ихъ руками, не смотря на тяжесть ноши, стали, какъ серны быстро, взбираться на каменную крутизну, не извиваясь дороги, а цѣликомъ, прямо, карабкаясь по утесамъ, перепрыгивая со скалы на скалу, цѣпляясь за кусты и кореня, растущія въ щеляхъ и разсѣдинахъ.

Подъемъ былъ очень утомителенъ и труденъ, а мѣстами и опасенъ. Иногда приходилось намъ двигаться по самому хребту утеса, такъ что оступись конь — мы бы мигомъ слетѣли въ пропасть или, пожалуй, не долетѣвъ до дна, разшибились бы о каменные иглы. И надо признаться, что, въ виду такой странной возможности, съ непривычки,ѣхать было довольно жутко, но нашъ проводникъ Черногорецъ — такимъ хозяиномъ, такою спокойною и твердою поступью шагалъ себѣ по скаламъ, по самому опасному краю дороги, что совсѣмъ было выразить малѣйшее смущеніе. Впрочемъ, когда мы достигли самой вершины хребта, т. е. поднялись на *срѣзакъ*, — нашему взору открылась такая великолѣпная панорама, которая разомъ вышибла — изъ головы всякия заботы, изъ тѣла всякую усталость! Съ одной стороны вставало колыхавшейся стѣнной синее море, однимъ краемъ своимъ сливаясь съ синевой неба, другимъ — напирая на каменные громады Далматского берега; горы, тѣснясь, сходили и загромождали прибрежныя воды, образуя безчисленныя бухты и заливы; внизу чуть виднѣлся городокъ Которъ, — и тысяча извивовъ только что пройденной нами дороги — бѣжали внизъ, постепенно суживаясь и умалясь, и наконецъ падали прямо едва замѣтной стрѣлою; съ другой стороны широкое зеркало Скутарскаго озера — и чуть видныя поселенія — тамъ, за озеромъ, уже въ Турецкихъ владѣніяхъ. Кругомъ васъ горы, да горы, цѣлый міръ, цѣлая стихія горъ, скаль и утесовъ; съ права — равнина моря, съ лѣва — равнина земли, далекая и чужая, — а надъ обѣими равнинами высится и стоитъ сторожемъ — Черная Гора! Шуто остановился и, опершись на свою длинную винтовку, поглядѣлъ внизъ на Австрійский берегъ, на крошечный городокъ, гдѣ чуть-чуть мель-

кали бѣлые Австрійскіе мундиры. Возвышенность мѣста, его господствующее положеніе надъ окрестностью, вольный горный воздухъ, чувство своей независимости и сознаніе своей безопасности на этихъ неприступныхъ вершинахъ, все это отражалось на лицѣ Черногорца. Казалось — только бы наставить ружья — пафъ, пафъ, и бѣлыхъ мундировъ какъ не бывало. Соблазнительно и искусительно! — и конечно не одинъ Черногорецъ прицѣливался и примѣривался, хоть для шутки, съ вершины въ долѣ — въ Австрійскаго солдата... Но мудрость народная пересиливаетъ однакоже это искушеніе, и направляетъ дуло Черногорской винтовки въ другую сторону, къ Туркамъ. Тѣмъ не менѣе, Австрійскія власти, чувствуя, что надъ ними постоянно виситъ гроза, несравненно мягче и либеральнѣе въ отношеніи къ Славянскимъ жителямъ Котора, нежели въ другихъ городахъ Далмациі, и съ робостью посматриваютъ каждое утро — не усыпался ли гребень горъ — гребнемъ Черногорскихъ шапокъ. Однажды, празднуне рожденіе дочери у Князя Данила, Черногорцы вздумали потѣшиться, и высывавъ толпою на край своей твердыни, въ виду городка Котора, выразили свою радость стрѣльбой изъ ружей, разумѣется колостыми зарадами... Какъ переполошились и перетрусили Австрійскія власти! Благодаря этой опасности отъ Черногорцевъ, только одни Славяне Бокко-ди-Каттарскіе имѣли въ 1860 году въ городѣ «Читаоницу» съ вывѣской, написанной кириллицею, — чего рѣшительно не позволялось въ остальной Далмациі.

Воинственный и вольный воздухъ горъ заразителенъ. Бросивъ, не безъ преврѣнія, послѣдній взглядъ на робко лежавшую у ногъ нашихъ, или, вѣрнѣе сказать, у подошвы горъ, на которыхъ мы взобрались, — цивилизацію, олицетворявшуюся для Черногорца въ видѣ городка Котора, — мы бодро двинулись въ путь уже по обратному наклону горъ, внутрь страны; впереди насъ Черногорки, въ ихъ понягахъ со шнурами и узорчато-вышитыхъ рубахахъ, несли, согнувшись и очевидно утомленные, наши чемоданы, въ которыхъ (мы въ воинственномъ расположениі дука объ этомъ на времена позабыли) бережно были уложены фраки, перчатки, галстуки и другія принадлежности моднаго Европейскаго туалета. Не станемъ разсказывать, какъ близъ колодца видѣли мы одну Черно-

горскую женщину—вдову убитаго подъ Граховыми, которая на вопросъ—жалъ ли ей было мужа, отвѣчала, что убитые въ сраженіи за вѣру, противъ Турокъ, становятся святыми у Бога; какъ попадались намъ съ навьюченными ослами (очень мелкими), женами и дочерьми—вооруженные Черногорцы и въ числѣ ихъ одинъ, совершенно обнаженный до пояса, но умудрившися какъ-то прикрѣпить на голой груди—медаль за Граховскую побѣду, вычененную по повелѣнію князя... Всѣ эти подробности немного бы прибавили къ превосходнымъ описаніямъ Попова и Ковалевскаго, да и не входать въ нашу задачу.—Дорогой мы видѣли только одно селеніе, и то въ сторонѣ,—и наконецъ добрались до Цетинья... Гдѣ-жъ Цетинье? гдѣ «столица» Черногоріи?

На довольно большой площади, огражденной со всѣхъ сторонъ высокими утесами, раскинуто тамъ и самъ—до 20 (кажется не болѣе) сложенныхъ изъ камня, небольшихъ избъ, большою частью двуярусныхъ. Это не селеніе, это не городъ, тутъ нѣтъ ни одной лавки, ни другихъ «общественныхъ» заведеній; это просто стань Черногорской верховной власти. Здѣсь былъ когда-то монастырь, сожженный Турками, и изъ развалинъ его устроено помѣщеніе для владыкъ, а потомъ и для князя. Прислонясь къ горѣ, стоитъ домъ, въ которомъ живутъ кое-какие приближенные князя, да сходятся на ученье грамотѣ и письму—десятка два или три мальчиковъ къ Цетинскому священнику. Къ этому дому ведеть каменная лѣстница, полуразрушенная дѣйствіемъ весеннихъ горныхъ потоковъ; по этой же полуразрушенной лѣстницѣ ходять и въ церковь—маленькую, тѣсную, узенькую, бѣдную, единственную церковь въ Цетинѣ,—въ которой, при насы, совершаютъ богослуженіе Черногорскій священникъ, въполномъ Черногорскомъ нарядѣ, только безъ вооруженія, но и безъ ризъ, въ одной епитрахиili. Въ оградѣ этого бывшаго монастыря, по серединѣ, стоитъ конакъ или дворецъ князя, сдѣланный изъ нѣсколькихъ монастырскихъ келлій.

Г. Н. Н. отправился прямо въ конакъ, а меня довелъ одинъ Черногорецъ до «локанды (locanda)». Года два тому назадъ какой-то Итальянецъ изъ Далматскаго Прибрежья, по приглашенію правительства, устроилъ здѣсь первую гостиницу для прѣезжающихъ; она состоитъ изъ двухъ ком-

нать, въ одио по срединѣ красуется двуспальная постель— это для путешественниковъ; въ другой— нѣтъ никакой мебели, только овчинные шкуры разостланы на полу: это для Черногорскихъ «сенаторовъ», приходящихъ въ Цетинье. На дворѣ, разумѣется не огороженномъ, стояла зеленая Турецкая палатка, отбитая подъ Граховымъ, въ которой Итальянецъ производилъ торговлю водкой, табакомъ и кое-какой мелочью: это единственная торговля въ «столицѣ»... Нигдѣ ни сада, ни рощи,— кажется два-три дерева не больше, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, ростутъ на этой каменистой почвѣ, слегка прикрытой тонкимъ слоемъ земли.

По пути къ локандѣ, въ великому для себя удивленію, увидѣлъ я, въ сторонѣ, двухъ прогуливающихся дамъ, одѣтыхъ по самой послѣдней Парижской модѣ, со всею возможной широтою кринолиновъ, во Французскихъ шляпкахъ и съ зонтиками. Такое изящное, или вѣрнѣе — элегантное явленіе, занесенное, изъ міра моды и цивилизациі, въ этотъ міръ дикой природы и простоты первобытной, естественно поразило новоприбывшаго: оказалось, что это была княгиня съ своей компаньонкой Англичанкой, двѣ единственныхъ дамы въ Черногорії: остальное же женское населеніе, все, безъ исключенія— жены, матери, сестры, невѣсты, однимъ словомъ *женщины*, но не *дамы*,— строго хранить свой народный обычай. Но между женщиной и дамой лежитъ бездна, и одиноко красовался кринолинъ на Цетинскомъ полѣ,— Черногорки, косясь и спѣша, проходили мимо.

Получивъ отъ князя приглашеніе къ обѣду и узнавъ, что по заведенному въ Цетинскомъ дворцѣ порядку—обѣдъ бываетъ только въ 8 часовъ *вечера*, а въ полдень бываетъ только «фриштикъ» (что въ переводѣ на простой бытовой языкъ значило, что обѣдъ въ 12, а въ 8 ужинъ),— я поспѣшилъ воспользоваться длиннымъ досугомъ времени до обѣда, чтобы познакомиться съ Черногорцами, изъ которыхъ многіе прямо пришли ко мнѣ въ комнату— обняться и поцѣловаться съ братомъ Русскимъ,— а съ другими мы тотчасъ же вступили въ дружескія отношенія на дворѣ, подъ локанды. Что за народъ, что за люди! высокій ростъ, одинъ выше другаго, стройный станъ, изящныя движения, красивыя, мужественные, но не дерзкія, а важныя лица, живописный нарядъ,—

на поясъ, внизу груди, *примосянице съ ощеклуками*—родъ патронташа, чуть не пудъ вѣсомъ, изъ котораго торчать ятаганы, ножи, пистолеты, трубы (Черногорецъ, если не стрѣляетъ, такъ почти всегда *пушитъ*, т. е. куритъ)... Всякій изъ нихъ не разъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ смертью, побилъ не одного Турка, совершалъ чудеса храбрости,—но ни хвастовства подвигами, ни суевѣности въ разговорѣ....

Облекшись во фракъ, натянувъ перчатки и нахлобучивъ складную шляпу, отправился я наконецъ къ князю. Совѣстно и стыдно было предстать въ такомъ «салонномъ» видѣ предъ лицо скаль и утесовъ; еще совѣстнѣе было идти въ такомъ нарядѣ среди братьевъ-Черногорцевъ, сопровождавшихъ меня толпою до самого конака.

Князь и княгиня встрѣтили меня любезно и привѣтливо, въ своей гостинной,—изъ которой мы потомъ перешли въ залу церемоніальнымъ порядкомъ. Всѣ пять-шесть комнатъ дворца были убраны по Европейски, а гостинная сверхъ того и очень богато. Но смотря на раскошную мебель и мраморные вазы, странно становилось на сердцѣ при мысли, что весь этотъ тяжеловѣсный Европеизмъ былъ втасканъ сюда на спинахъ женскихъ, какъ на выючныхъ животныхъ. На столахъ лежали кипсеши, дорогая модная иллюстрированныя изданія; на самой видной стѣнѣ гостинной красовались въ богатѣйшихъ золотыхъ рамкахъ—портреты во весь ростъ Наполеона III и императрицы Евгениі—подарокъ Французскаго двора. Портрета Русскаго императора мы не замѣтили.

Князь Данило былъ въ Черногорскомъ платьѣ (другаго онъ и не носилъ), только безъ верхнаго кафтана. Низенький, бѣлокурый, весьма и весьма не красивый собой, онъ типомъ лица нисколько не походилъ на Черногорца. Но глаза его, живые и проницательные, постоянно въ движеніи,— выражали и внутреннюю думу, и внутреннюю силу. Онъ былъ простъ въ обращеніи, и не смотря на все свое притязаніе быть искусственнымъ дипломатомъ, не былъ воздерженъ въ рѣчи. Онъ охотно говорилъ по Французски, хотя говорилъ очень плохо, и вообще представлялъ въ себѣ любопытное соединеніе: грубой угловатости движеній—съ заимствованными манерами Европейской учтивости; Славянской открытости, задушевности и искренности—съ дипломатическими приемами;

юначества, мужества, храбрости—съ трусостью ложного стыда передъ цивилизованнымъ свѣтомъ...

Княгиня, его супруга, урожденная Квекичъ, дочь богатаго Сербскаго купца изъ Триеста, отъ матери Итальянки, получила самое утонченное свѣтское воспитаніе и конечно могла бы, при своемъ умѣ, съ честью держать любой «салонъ» въ Европейскихъ столицахъ. Въ этомъ отношеніи Данило чувствовалъ ея превосходство и подчинялся ея женскому влиянію. Даринка (уменьшительное отъ Дарьи—таково требование Сербской учтивости), ставши владѣтельною княгинею Черногоріи и Брды или Берды (такъ называется часть прилегающая къ Босніи), или, какъ писали Французы ей на конвертахъ, ставши «Princesse de Monténégro et de les Bergdas»,—не захотѣла разстаться съ своими салонными привычками,—и подобие Парижскаго салона устроилось въ орлиномъ гнѣздѣ, называемомъ Цетинье. Въ Черногоріи завелось женское влияніе—явленіе дотолѣ небывалое! Среди дикихъ цвѣтовъ горной, вольной растительности явилось тепличное, нѣжное, изящное растеніе—съ отравою благовонныхъ ароматовъ. Не ловко становилось въ присутствіи молодой цивилизованной дамы, окруженнай всѣмъ обаяніемъ аристократическаго свѣтскаго изящества,—не только простымъ, неграмотнымъ Черногорскимъ *девизомъ* женамъ и дѣвамъ, но и доблестнымъ Черногорскимъ юнакамъ...

Извѣстно, что у Сербскаго племени, вслѣдствіе историческихъ условій жизни, сложились особенные бытовыя отношенія между мужчиной и женщиной. При необыкновенной цѣломудренности нравовъ, влеченія одного пола къ другому трезвы, и сердца мужчинъ, исполненныя сознанія своего мужскаго общественнаго долга, своего военнаго призванія,—не растѣваются тонкою игрою въ нѣжныя чувства. Мы были однажды свидѣтелями въ Петербургѣ, какъ блестящія свѣтскія дамы съ любопытствомъ окружили молодаго 17-лѣтнаго Черногорца, присланнаго учиться артиллерійскому дѣлу. Онѣ закидывали красиваго дикаря вопросами, которые видимо были ему непонятны. «Любили ли вы кого-нибудь въ своемъ отечествѣ? ну что, вѣрно вы оставили дома дѣвушку, которая васъ любить?...»—«Я еще не женатъ», только и умѣль отвѣтить на всѣ вопросы изумленный и смущенный юноша,—

который, между прочимъ, успѣлъ уже отрубить десять главъ Турацкихъ (о чёмъ имѣлъ положительное официальное свидѣтельствованіе!). — Сербъ, Черногорецъ, воюя за свою независимость, является въ глазахъ жены — мужемъ великаго исторического дѣла, которому она служитъ покорной слугой и помощницею, — и вотъ почему не женщина у женщины, а женщина у женщины цѣлуется тамъ руку.... И вдругъ въ Черногорію является представительница совершенно иного Германо-романскаго быта, выработавшаго рыцарское поклоненіе — Huldigung — передъ женщиной, обратившаго ее въ даму сердца, а мужчину въ кавалера.... Но юнакъ ставшій кавалеромъ не отстоитъ независимости Черногорской!...

Для полноты Европейского туалета, княгиня обѣдала въ бывшихъ перчаткахъ и не снимала ихъ и послѣ обѣда, во все продолженіе вечера; то же самое повторялось и на другой и на третій день, за обѣдомъ и за завтракомъ: новые платья, новые перчатки. Разумѣется, княгиню нельзя было винить въ томъ, что родившись не на утесѣ, она хранила свои цивилизованные привычки. Возмущаясь внутренно этимъ противорѣчіемъ, внесеннымъ въ цѣльность Черногорскаго быта, — мы въ то же время ясно сознавали, что та же самая княгиня Даринка въ Европейской гостиной и въ Европейской свѣтской средѣ была бы у себя дома, на мѣстѣ, умною и милою женщиной, со всѣми достоинствами и недостатками Европейской дамы, — но въ Черногоріи, здѣсь, въ этомъ мощномъ аккордѣ природы и быта — вся эта дамская вѣшнность и обстановка звучала невыносимымъ диссонансомъ, пронзительною фальшивою нотой...

Да простятъ намъ читатели наши безпрестанныя отступленія, прерывающія нить начатаго нами разсказа. Впрочемъ, мы предупреждали, что хотимъ сообщить *съѣздъ* нашихъ путевыхъ впечатлѣній, а вовсе не описание подробностей путешествія. Тѣмъ не менѣе передадимъ еще нѣсколько фактическихъ данныхъ.

И такъ, мы пошли обѣдать. Я долженъ сознаться, что, тяготясь собственными непосредственными впечатлѣніями, я долго не довѣрялъ имъ и всѣми способами старался поддержать въ себѣ настроеніе духа, соотвѣтственно тому представленію о Черногоріи, которое сложилось въ каждомъ изъ

нась съ дѣтства, — постоянно напоминаль себѣ, что вѣдь это Черногорія, это страна дорогая для каждого Славянина, единственная, кромѣ Россіи, гдѣ не душить Славянъ чужеземное иго! Еслибы я попалъ прямо къ какому-нибудь бѣдному юнаку, такое напоминаніе было бы не нужно, — но здѣсь оно было необходимо... Вокругъ меня раздавался Французскій языкъ, — сидѣли мы за столомъ, изготовленнымъ Французскимъ поваромъ и сервированнымъ Французскимъ метръ-д'отэлемъ, — разговоръ шелъ большею частью о Парижѣ, о которомъ присутствовавшіе отзывались болѣе или менѣе съ нѣжностью, припоминая не только его улицы, но и переулки и переулочки.— За обѣдомъ, кромѣ князя и княгини, сидѣлъ Черногорецъ — «адъютантъ» князя, человѣкъ шлифованный, и молодой Никица (Николай), родной племянникъ Данила, сынъ знаменитаго воителя Мирко, одержавшаго Граховскую побѣду. Назначивъ Никицу себѣ въ преемники, за неимѣніемъ собственныхъ сыновей (у Данилы осталась только дочь, княжна Ольгица), князь послалъ его образовывать умъ и сердце въ Парижѣ, гдѣ онъ и пробылъ три года, кажется, въ лицѣ. Возвратившись (только мѣсяца за два до нашего посѣщенія), онъ какъ наследникъ престола и какъ человѣкъ, привыкшій къ Европейскому образу жизни, былъ помѣщень не въ семьѣ своего отца Мирко, продолжавшаго жить вполнѣ по Черногорски, а во дворцѣ князя.Стройный, красивый, молодой человѣкъ, довольно слабаго сложенія, съ кроткимъ выраженіемъ лица, — онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣлъ въ себѣ ничего мужественнаго, и по видимому нѣсколько тяготился требованиями дяди, жевавшаго видѣть въ немъ, вмѣстѣ съ *bonnes manières de Paris*, удачу Черногорскаго юнака.

За тѣмъ, кромѣ насъ, были за столомъ ежедневные, всегдашніе члены княжеской свиты Англичанка и Французъ (по фамиліи Тедеско), — первая въ качествѣ гувернантки, второй — въ званіи доктора: безъ сомнѣнія, онъ былъ вмѣстѣ и тайнымъ Французскимъ агентомъ, по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ состоялъ на жалованье у Французскаго правительства. Онъ же былъ и частнымъ дипломатическимъ секретаремъ у самого князя Данилы и писалъ ему Французскія бумаги. Умный Тедеско держалъ себя очень скромно, но не

трудно было прочесть на его лицѣ и въ его глазахъ сознаніе своего превосходства предъ *варварами* его окружавшими,— своего вліянія и значенія. Князь постоянно и во всемъ обращался къ нему за совѣтомъ, и тутъ же за обѣдомъ, по случаю выраженного докторомъ намѣренія уѣхать мѣсяца на два, объявилъ простодушно, что ни за что съ нимъ не разстанется, что не можетъ существовать безъ него, что онъ ему на каждомъ шагу нуженъ. Положеніе Тедеско въ домѣ князя невольно напрашивалось на сравненіе съ положеніемъ— во время оно—учителя (*ouitchitel*) въ старинной дворянской семье, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустії, подобострастно взиравшей на заводчика и мастера по части заморской цивилизаціи... Разговоръ коснулся Людовика-Наполеона, и Данило, не скрываясь, сталъ выражать восторженно свое благоговѣніе къ Французскому императору, обращая свою рѣчь къ Тедеско, слушавшему князя молча, съ едва видной улыбкой — не безъ насмѣшиліаго оттѣнка. Нерѣдко взглядъ разболтавшагося Данила встрѣчался съ строгимъ взглядомъ княгини,— и онъ осаживалъ свою откровенность и перемѣняль разговоръ. Жена и докторъ постоянно преподавали ему *les bonnes mani res* евѣтскаго общества, отчего Данило конфузился, особенно при постороннихъ. Впрочемъ все это никако не мѣшало ему стремиться къ исполненію своихъ плановъ,— и Черногорецъ — истый, кровный Черногорецъ, воспитанный въ суровой школѣ битвъ и набѣговъ, взрослій на скалахъ и утесахъ—вдругъ иногда пробуждался въ немъ, изъ-подъ наносныхъ слоевъ вицѣнной цивилизаціи,— и коверканыя Французскія рѣчи выражали нерѣдко то беззавѣтную отвагу юнака, то грубую страстность полудикаго деспота... «Я бы казнилъ, церемониться бы не сталъ, — всѣхъ повѣсили бы»—вырывалось иногда изъ устъ Данила во Французскихъ звукахъ. Но взглянувъ на княгиню, онъ догадывался, что такія рѣчи не совсѣмъ приличны за европейскимъ обѣдомъ,— что говорить ихъ не слѣдуетъ — ну а *d\u00e4latt* — отъ этого не удержало бы Данила ничье вліяніе!—Съ недипломатическою искренностью заявилъ Данило тутъ же вслухъ, при двухъ дипломатическихъ агентахъ, свое полное сочувствіе Виктору-Эммануилу и, обратясь къ племяннику, сталъ шутить довольно грубо по Французски надъ его изнѣжен-

нестью, вызывая его сдѣлаться Гарibalди для Славянъ и пособить Данилѣ разыграть роль Славянскаго Виктора-Эммануила. Взглядъ княгини, какъ щитъ покрылъ отъ шутокъ дяди—смущенного воспитанника Парижскаго лицея (пользовавшагося очевидно полною симпатіей княгини), но не смотря на шутку, можно было замѣтить, какъ пламенно, какъ серьезно мечталъ объ этомъ Данило, — и нельзя было отказать въ сочувствіи ни мечтамъ, ни мечтателю!

За обѣдомъ не было Мирка, роднаго брата князя, храбрѣшаго вожда храбрѣшихъ юнаковъ, Черногорца самаго чистаго закала, уже безъ малѣйшей примѣси цивилизаціи; не было никого и изъ другихъ Черногорцевъ, — да и нужно ли объяснять почему? Кому изъ нихъ было мѣсто на этомъ обѣдѣ? Monsieur Mirko, какъ учитво называлъ его Французъ-докторъ, — Мирко Петровичъ навѣрное уже давнымъ-давно сѣвъ себѣ коаленка, разваренного въ пшенѣ, начиненнаго всячими прянными спеціями, — и завалился спать на овчинной кожѣ: искусствомъ Француза-повара и ловкостью метрдотеля его не заманишь! Да и самъ князь, какъ намъ удалось замѣтить, не ъѣль блюдъ Французской кухни, которыми подчиваля гостей, — и слуги, поднося другимъ супы и соусы, ему — почти украдкой — ставили тарелки съ похлебкой и другими произведеніями Черногорской поварни.

По угламъ задней стѣны обѣденной залы, стояли, какъ двѣ каріатиды, двѣ человѣческія громады, два старика Черногорца, въ полномъ Черногорскомъ нарядѣ: это были чубукчи, — которыхъ обязанность подавать гостямъ раскуренные трубки. Разумѣется — во время обѣда имъ не было никакого дѣла, но таковъ обычай — уже не Европейскій, а Турецкій, Турецкое соплиш *il faut* знатнаго образа жизни. — О чёмъ думали эти старики-Черногорцы, безмолвно взиравшіе на фризитики и банкеты Черногорскаго князя? Конечно — бывали они не разъ въ кровавомъ передѣлѣ съ Турками, и память ихъ богата запасомъ всякихъ преданій, — ибо у этого народа можно сказать нѣть письменности, — и вся ихъ исторія въ живой народной памяти, въ пѣсняхъ и сказаніяхъ; помнили они Черногорію еще за давнее время, — и какими краснорѣчивыми обличителями, какимъ живымъ протестомъ являлись нашему воображенію — эти оба безмолвные, неподвижные, старики Черногорцы!

Послѣ обѣда, княгиня ушла съ гостями въ свой салонъ, а князь Данило остался въ залѣ, куда пришли къ нему многіе Черногорцы. Тамъ, безъ дамъ, на свободѣ, закурили они трубки, и повели бесѣду. Въ салонѣ никто изъ нихъ и не заглянулъ, — кромѣ молодаго Никицы: въ залѣ раздавались шумные возгласы и взрывы смѣха, въ салонѣ целились тихія Французскія рѣчи о житьѣ-бытьѣ Парижа и другихъ мѣстъ образованнаго міра. Раза два забѣгалъ самъ Данило съ бумагами въ рукахъ и просилъ Тедеско поправить ему слогъ или ошибки черноваго Французскаго подлинника, или развить въ искусномъ слогѣ ту или другую наскою набросанную мысль самого князя.

На другой день мнѣ привелось видѣть Данила на дворѣ или на площади Цетинской. Пришли Черногорцы, требовавшіе отъ него суда и расправы. Князь сѣлъ на обрубокъ дерева, бывшіе на дворѣ Черногорцы собрались около него кругомъ, продолжая курить свои трубки. Ни у кого, ни въ одномъ движеніи не было и тѣни какихъ-либо раболѣпныхъ, подобострастныхъ или даже просто служебныхъ отношеній. Такъ, вѣроатно, производился судъ въ Новгородѣ, на Ярославовомъ дворѣ... Но мы не знаемъ, навѣрно, также ли теперь производится судъ въ Черногорії, не обзавелась ли уже и она, какъ Сербское княжество, судомъ *аппеляціоннымъ* и *кассационнымъ*? Едва ли. Еще покойный владыка Петръ II, тоже считавшій себя представителемъ цивилизациіи на Черногорскомъ утесѣ, учредилъ въ Черногорії *сенатъ*, на обязанности котораго, между прочимъ, лежалъ и судъ*). Сенаторы, конечно почти всѣ безграмотные, кажется сами не придаютъ никакого значенія своему званію, да и народъ, по крайней мѣрѣ въ 1860 году, рѣшительно не уважалъ сената и ставилъ его судъ не въ судъ, а требовалъ, чтобы судилъ и рѣшилъ самъ князь. Тяжущіеся до тѣхъ поръ не успокоивались, не смотря на всѣ старанія сената, пока, было, не добывался суда княжаго. Князь рѣшилъ, оба тяжущіеся — оба вольные соколы Черногорскіе — полюбить (т. е.

*) Когда прежде при Императорѣ Павлѣ учреждено было иѣчто подобное, подъ названіемъ *Кулукъ*, то онъ не продержался и двухъ лѣтъ...

подъгруютъ) руку судьи, и безпрекословно подчиняются рѣшению: *тако владика заповѣда...*

Пробывъ еще дни два въ Черногоріи и съѣздивъ на Рѣку Черноевичъ (селеніе при рѣкѣ того же имени, владающей въ Скутарское озеро въ Сѣклинской жупѣ), мы возвратились въ Каттаро.

Изъ всѣхъ предыдущихъ статей нашихъ, читатели знаютъ, что не одновѣтствіемъ ограничивался Данило въ дѣлѣ преобразованій. Онъ установилъ подати, онъ перемѣнилъ порядки внутренняго управленія, давъ каждому округу начальника по своему княжому усмотрѣнію, тогда какъ прежде каждая нахія управлялась начальникомъ — или избраннымъ ею изъ лицъ, принадлежавшихъ къ нахіи, или сохранившимъ право начальства въ своей семье по наслѣдству. Онъ организовалъ родъ регулярного войска — *гардію*, онъ издалъ «Законникъ», онъ наложилъ Черногоріи опредѣленныя границы, онъ воспретилъ набѣги на Турецкія земли, онъ жестоко казнилъ ослушниковъ своей воли, онъ употреблялъ Черногорцевъ на тяжелыя работы, онъ на каждомъ шагу давалъ имъ чувствовать ихъ зависимость отъ верховной власти, онъ изгналъ многіе именитые роды, онъ измѣнилъ самъ и заставилъ Черногорцевъ — измѣнять своему историческому призванію, насиливъ свой четырехъ-вѣковой бытъ... Невольно спрашивашь себя, какимъ же образомъ могъ податься Данилъ этотъ народъ, вольный какъ птицы, боготворившій свободу четыреста лѣтъ сряду, поклонявшійся ей, какъ кумиру? Неужели страхъ наказанія могъ поработить гордыхъ Черногорцевъ? Но у Данилы не было готоваго войска — отдѣленнаго отъ народа (онъ долженъ былъ еще создавать его, и его созданіе еще не успѣло созрѣть); онъ не располагалъ никакими внѣшними материальными силами для приведенія народа въ покорность своей волѣ. Въ странѣ, гдѣ всякий склоненъ къ кровавой расправѣ, властивущій, напротивъ, долженъ находиться въ постоянной зависимости отъ народа: нѣть ничего легче какъ убить его изъ-за угла, изъ за какой нибудь скалы или утеса: нѣть тамъ ни полиціи, ни дозорщиковъ. Если Данила и палъ отъ руки убийцы, то вѣдь не на Черногорской землѣ, а на Австрійской! Прав-

ственная ли идея, связанныя съ именемъ и званіемъ князя, давала ему силу творить безбоязненно свою волю? Но званіе князя было такъ ново въ Черногоріи — оно не могло образовать въ народѣ тѣхъ привычекъ подчиненія и покорности, которыя входятъ, такъ сказать, въ самое естество народовъ, десятки столѣтій управлявшихся монархическою властью.

Очевидно, преобразованія Данилы не могли совершаться безъ тайного общаго, внутренняго народнаго согласія, хотя бы и не сознанного и не высказаннаго. Это согласіе, өтотъ tacitus consensus былъ несомнѣнно данъ Черногорскимъ народомъ — принявшимъ отъ Данила завѣтъ политической будущности: военный станъ почувствовалъ въ себѣ вождѣніе къ государственности; Данило, такъ сказать, заразилъ Черногорскій народъ *политическую похоть* (да простятъ намъ читатели это выраженіе, но оно лучше всего выражаетъ современное настроеніе Черногорскаго народа). Тяжело Черногорцу, крахтилъ онъ, выплачивая свою подать, или исполняя трудный наказъ князя, морщится онъ при видѣ вскихъ чужеземныхъ порядковъ, не нравится ему это ухаживанье за Французскимъ неправославнымъ царемъ, — но ему мерещится Сербска круна (корона) на главѣ Данила, величавый образъ царя Сербіи и всего Славянскаго языка (кромѣ Россіи, разумѣется); его народное честолюбіе распалается при мысли о почетѣ Сербскому племени въ семье народовъ, о славѣ, власти и силѣ.... Въ Черногоріи каждый Черногорецъ еще чувствуетъ себя частью и, такъ сказать, слугою общаго и цѣлаго. Онъ еще не привыкъ предоставлять за себя думать правительству, и не считаетъ себя избавленнымъ отъ личной нравственной ответственности въ общемъ положеніи дѣлъ Черногорскихъ; дерется онъ не по наряду, а по личной обязанности своей, какъ Черногорца. Поэтому честь и слава Черногоріи ему не только также дорога, какъ своя собственная, но она *его* честь, *его* слава. Увлекаясь мечтами объ этой славѣ и чести, онъ готовъ жертвовать для нея многими правами личной свободы, смирить и взнудзить свою личность, — не догадываясь, конечно, что политическое величие, котораго онъ такъ жаждетъ для своей родины, — должно именно ослабить ту внутреннюю силу личности, которая дѣлала Черногорца непобѣдимымъ, и превратить эти полчища свободныхъ

людей, самостоятельныхъ личностей, связанныхъ однимъ бытвомъ закономъ, — въ покорныхъ массы, въ матеріаль — для питанія и непомѣрного усиленія только нѣкоторыхъ частей общественнаго организма! Черногорцамъ извѣстно, что Россія посадила Данила княземъ, имъ лестно знать, что въ Русскомъ мѣсяцесловѣ Черногорскій князь стоитъ, какъ независимый, самостоятельный, державствующій государь — на одной страницѣ съ императоромъ Французовъ (по порядку алфавита), и не однажды случалось мнѣ слышать отъ самыхъ простыхъ и бѣдныхъ Черногорцевъ, узнавшихъ, что я Русской: — «ну что же вы нашему князю, скорѣе бы Србску круну на главу надѣли!»

Намъ могутъ сказать, что въ общемъ своеимъ видѣ таковъ, конечно, неминуемый ходъ гражданскаго развитія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ — не исключая Евреевъ, перешедшихъ отъ веократіи къ политическому государственному строю, вопреки грознымъ предвареніямъ своихъ пророковъ. Дѣйствительно, всѣ народы, живущіе теперь политическою и гражданскою жизнью, совершили въ свое время этотъ переходъ отъ первобытныхъ патріархальныхъ и родовыхъ формъ быта къ гражданскому бытю, — но все это отстоитъ отъ насъ въ такой исторической дали прошедшаго, что самъ процессъ этого перехода намъ почти неизвѣстенъ. Тѣмъ-то интереснѣе въ настоящее время посвѣщеніе Славянскихъ племенъ въ Турціи, что этотъ переходъ совершается теперь во очію: вы можете его осознать и анализировать, — и, по аналогії, можетъ быть многое объясните себѣ и во временахъ древности. Но здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе, во 1-хъ, что всѣ эти племена нѣкогда жили полною гражданскою и политическою жизнью, — и потомъ, постепенно утрачивая саму память о прежнемъ устройствѣ, одичали подъ Турецкимъ игомъ, низошли на низшую степень племенного быта: общество, уже совершившее извѣстный процессъ сложенія, вновь раздѣлилось и разложилось, и теперь слагается снова; во 2-хъ, что въ древніе вѣки, этотъ переходъ совершался болѣею частью органически, по ступенямъ, съ близайшей ступени на ближайшую высшую, тогда какъ Славянскіе народы въ Турціи переходятъ или силятся перейти *теперь* прямо на высшую степень современной цивилизаціи, шагая

вдругъ чрезъ нѣсколько ступеней, стыдясь своей невольной отсталости, желая возмѣстить заимствованіемъ чужаго готоваго—невольную скудность своей органической производительности, недостатокъ *своего* выработанного материала.

Необразованныя, грубыя, во многихъ отношеніяхъ полуудиція Славянскія племена, населяющія теперь Балканскій полуостровъ, составляли нѣкогда знаменитыя державы Болгарскую и Сербскую. Царствованіе, напримѣръ, Стефана Душана было блестательно и славно, и цивилизациія, гражданское развитіе общественной жизни — немногимъ уступало сосѣднимъ Западнымъ государствамъ. Въ Сербскомъ царствѣ былъ и кодексъ письменныхъ законовъ, и различіе состояній и сословій, и юридический бытъ. Сербское царство пало подъ ударами Оттомановъ (разумѣется, были и внутреннія причины паденія),—пало въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ,—а въ XIX вѣкѣ, на развалинахъ царства, вы видите тотъ же Сербскій народъ—живущій *родовыми* формами быта, знать не знающій и вѣдать невѣдающей никакой книжности и письменности, еще находящійся въ періодѣ непосредственнаго эпического творчества! Родовой бытъ, котораго почти и слѣдовъ не застаетъ исторія у прочихъ Славянъ, еще живетъ въ Черногоріи (хотя уже значительно поколебался). Онъ не есть остатокъ отъ древнихъ доисторическихъ временъ,—онъ (такъ мы думаемъ) есть уже новое нарожденіе. Народъ былъ покоренъ, общество разрушено;—непокорившіеся, бѣжавшіе въ горы и т. п., стали родоначальниками новыхъ поколѣній,—общество, какъ мы сказали, стало слагаться почти съзнова,—повторяя опять въ своемъ развитіи всю прежнюю постепенность, начиная опять, такъ сказать, съ азбуки человѣческаго общественного развитія — съ размножившагося рода. Нахія Черногорскія управлялись, почти до Данила, избираемыми и наследственными сердарами, а составляющія ихъ племена родоначальниками (*кнезъ одгъ племена*) и *главарями*. Данила, въ сознательномъ стремлѣніи къ государственности, перетасовалъ родоначальниковъ, заставивъ, напримѣръ, Нѣгуша начальствовать въ Бѣлопавличахъ, Бѣлопавлича у Нѣгушей, и т. п.—Мы уже говорили о современныхъ первобытныхъ формахъ суда въ Черногоріи и объ изданіи Даниломъ Законника. Любопытно сравнить Законникъ Данила — твореніе XIX вѣка,

съ Законникомъ царя Душана XIV вѣка! Преимущество гражданственности остается, разумѣется, на сторонѣ послѣднаго, и Сербъ нашего времени изъ какого нибудь племени Васевичъ является чуть не варваромъ въ сравненіи съ Сербомъ двора Душанова. Но для того ли Сербскій народъ прошелъ этотъ трудный путь восхожденія, и потомъ низхожденія, чтобы начать новое восхожденіе—обезьяной и рабомъ Нѣмецкой «цивилизациі», для того ли цѣлые вѣка сряду отстаивалъ свою вещественную независимость, чтобы наконецъ отречься отъ личной духовной самостоятельности и стать прихвостнемъ во всѣхъ отношеніяхъ враждебнаго ему Западнаго міра?...

Но кромѣ этого, что поражаетъ путешественника въ Черногорії,—это эпический складъ народнаго художественнаго творчества. Чувствуешь, что изъ міра нашей литературной производительности — перенесся вдругъ въ міръ эпоса — не отжившаго и сохраняющагося въ народныхъ произведеніяхъ, но живаго, современного, еще постоянно производящаго. Чувствуешь и, такъ сказать, непосредственно ощущаешь, какъ въ представленіи этого народа — каждое современное явленіе, даже съ обстановкой XIX вѣка, готово сейчасъ вознестиись надъ почвой и облечься въ эпической образъ. Пѣсня эпическая еще продолжаетъ твориться тамъ, на утесахъ, занося въ свое содержаніе события и лица настоящаго времени, — по видимому вовсе не пригодныя для эпоса, — и какой-нибудь Французскій консулъ съ своимъ кепи и узкими панталонами можетъ попасть въ народную пѣсню, окраситься эпическимъ колоритомъ, получить важный эпический обликъ, нисколько не согласный съ его суetливою и вертлявою фигурою. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ прибавить, что самыя позднѣйшія произведенія Черногорскаго эпоса уже являются въ себѣ признаки нѣкоторой неискренности, подражанія старому, однимъ словомъ, что эпической periodъ видимо близится къ смерти.

Не можемъ не вспомнить, что когда мы были въ Рѣкѣ Черноевичъ и осматривали старую церковь и развалины древнихъ укрѣплений,—насъ сопровождало чуть-чуть не все мужское народонаселеніе Рѣки, гостепріимно и радушно встрѣтившее Руса. Тутъ были и старики и мальчики, лѣтъ 10 не больше, но также съ оружиемъ за поясомъ, съ важностью

курившіе трубку. На этомъ мѣстѣ было сильное побоище лѣтъ около 150 тому назадъ, и окружавшая нась толпа рассказывала намъ это событие съ такою живостью и подробностью, съ такими точными указаниями мѣстности, съ такимъ одушевленiemъ, какъ будто это побоище было только вчера или за вѣдѣло! Въ жизни народовъ есть всегда такой періодъ развитія, когда вѣка для него — какъ день одинъ, смѣнаются однообразною чередою, когда онъ всецѣло, нераздѣльно хранитъ въ себѣ минувшее, продолжаетъ жить имъ въ настоящемъ, вѣрнѣе сказать, когда нѣть рѣзкихъ границъ, раздѣляющихъ одну эпоху его развитія отъ другой. Но нѣть сомнѣнія, что настоящая эпоха скоро смутить народную память... Любопытно также прослѣдить отношеніе народа къ его эпическимъ пѣснямъ. Мы наблюдали за слушателями во время пѣнія гусляровъ и въ Черногоріи и въ Сербіи. Для нась — это предметъ наблюденія, свободного изученія и отчетливаго сочувствія; для Черногорца или Серба — это еще почти живое событие, въ которомъ онъ мысленно участвуетъ всею свою душою. Я видѣлъ въ Сербіи Сербовъ, даже учившихся въ Германіи, но при всемъ томъ наивно восхищавшихся дѣяніями пѣсенныхъ героевъ, приходившихъ въ такой восторгъ — не отъ художественного описанія, а отъ самыхъ, разумѣется, небывалыхъ подвиговъ баснословной силы, — какой вы едва ли встрѣтите и въ крестьянинѣ, слушающемъ пѣсню про тридцатипудовую палицу Ильи Муромца.

Но довольно. Разсказанного нами кажется достаточно, чтобы представить глазамъ читателя живую, наглядную картину всего того, что происходит въ настоящее время въ Черногоріи. Родовой бытъ и бюрократія, — эпическое творчество и журналистика (въ прошломъ году была сдѣлана попытка, разумѣется, правительствомъ издавать газету въ Цетинѣ: вѣроятно пысиали бы для этого дѣла какого нибудь Австрійского Серба), чубукчи и метръ-д'отэли, кринолины и овчинные кожи вместо постели для сенаторовъ, европеизмъ и женщины въ должностяхъ выючныхъ животныхъ, отчѣченіе главъ и Парижская манерность, привычки къ убийству и даже грабежу и дипломатическая утонченная форма, всеобщая безграмотность и Французскій языкъ, — ложь фор-

менности, ложь государственности ложь вѣшней цивилизаціи,—наконецъ страна, распавшаяся на правительство и на народъ до такой степени, что—по послѣднимъ извѣстіямъ—Черногорскій народъ еще не знаетъ о тягостныхъ и позорныхъ условіяхъ міра, заключенного съ Турками правительствомъ: опять явленіе небывалое, неслыханное въ Черногоріи. Эта картина внутренней лжи и противорѣчій грубой подражательности чужому и пренебреженія къ своему, пагубныхъ неудачныхъ скачковъ—настоящихъ *salto mortale*—съ одной ступени развитія на сто ступеней впередъ, — это картина, увы! хорошо извѣстная всѣмъ Славянамъ, и намъ Русскимъ въ особенности. Но не въ такихъ условіяхъ находится Черногорія, чтобы предпринять одинаковый съ нами процессъ развитія: чтò по плечу приходится исполину, — недугъ, съ которымъ можетъ еще сладить крупный организмъ — часто губить на смерть малые организмы! Вспомнимъ также, что вся причина бытія Черногоріи заключается именно въ отрицаніи всего того, да чемъ хотятъ нынѣ основать и упрочить ея новое политическое существование!

Не правда ли, читатель, что вамъ теперь стало ясно, почему непобѣдимая до сихъ поръ Черногорія должна была пасть или по крайней мѣрѣ быть побѣжденной? Измѣна внутреннимъ началамъ, ложь, подѣвшая прежнюю цѣльность жизни, должна была неминуемо оказать свое дѣйствіе. Оттоманская полчища бывали и прежде въ Цетинѣ, и въ послѣдний разъ за 75 лѣтъ назадъ: Черногорія не пала. Но какъ скоро Цетинье покоровано въ чинѣ столицы, правительство испугалось приближенія Турокъ къ «столицѣ» и послѣшило заключить миръ. Мирко противился и противится миру до сихъ поръ, неустанно воевалъ до самой послѣдней минуты: онъ бы погибъ скорѣе, онъ взорвалъ бы на воздухъ всю Черногорію, но не принялъ бы позорныхъ условій. Кто же принадлежитъ къ партии постыдного мира, кому неумолимая логика исторіи судила подписать смертный приговоръ четырехъковой славѣ Черногорской?—Князю-воспитаннику Парижского лицея, министру иностранныхъ дѣлъ Ивѣ Ракову (у которого три сына чуть-чуть не съ пеленокъ отосланы на вымучку въ Парижъ), княгинѣ Даринкѣ, единственной дамѣ

Черногорской.... Не краснорѣчивъ ли языкъ историческихъ фактовъ?

Чего же ждать, чего хотѣть для Черногоріи? Ей предстоитъ только—два выхода изъ ея современного печального положенія: или добиться, путемъ ли оружія, содѣйствиемъ ли дипломатовъ, части приморского берега и Герцеговины, перестать быть Черногоріей и основать новое политическое тѣло,—создать себѣ политическую форму и ту осѣдлость, при которой возможно будетъ для народа гражданское и духовное развитіе, и сдѣлать своею политическою задачею—собираніе всѣхъ старыхъ Сербскихъ земель, сгруппированіе всего Сербскаго племени. Или же, если это невозможно, отбросить всѣ притязанія на гражданственность, государственность, цивилизацію, европеизмъ, и возвратившись къ прежнимъ формамъ быта, стать, какъ прежде, вольнымъ военнымъ станомъ, мстителемъ Славянскихъ обидъ, аванпостомъ Славянской свободы! Но и это едва ли возможно: разъ нарушенная цѣльность не возстановляется въ первобытной крѣпости,—политическая и нравственная отрава не остается безъ слѣдовъ въ народномъ организмѣ.... Пусть же дипломатія пойметъ наконецъ, что ея совѣты до сихъ поръ, ея требованія благоустройства и порядка поставили Черногорію въ то—едва ли не безвыходное положеніе, въ которомъ она теперь находится; что, возбудивъ въ народѣ политическое честолюбіе соединениемъ государственной формы, она обязана дать народу и возможность идти безпрепятственно и безопасно тѣмъ путемъ, на который вызвала его сама же дипломатія; однимъ словомъ, пусть создастъ ей средства существованія и гражданского развитія, укрѣпивъ за ней пристань у моря и землю Герцеговины—и во всякомъ случаѣ не дозволивъ Туркамъ, основаться укрѣпленными поселеніями въ единственномъ убѣжищѣ Славянской свободы!

Бѣдный Черногорскій народъ! Ты ни на волосъ еще не утратилъ ни своей знаменитой доблести, ни преданности вѣрѣ, ни цѣломудренности нравовъ. Ты бился, какъ левъ, ты, можетъ быть, никогда не совершилъ такихъ чудесъ храбрости, какъ въ эту роковую войну,—но страшное напряженіе силъ осталось бесплодно, кровь пролилась даромъ,—и въ награду за всѣ твои сверхъестественные мученические подви-

ги—Турки селятся у тебя въ утесахъ, тебѣ грозить нищета и голодъ! И съ недоумѣніемъ глядишь ты вокругъ, не понимая, что творится съ тобою и надъ тобою, чтѣ ослабило силу твоихъ ударовъ, отчего славныя дѣянія вѣнчались безславiemъ! Ты еще не разгадалъ, какою сѣтью нравственныхъ противорѣчий опутывается твое бытіе, какъ душитъ тебя участіе просвѣщенного міра, сколько разъѣдающей отравы внесено въ твою жизнь соблазняющею тебя государственною формой! Неужели погибнешь ты жертвой собственной, нравственной измѣны и рокового—твоими же подвигами привлеченаго къ тебѣ вниманія Европы!

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВА“.

1867 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 4-го января.

Наконецъ-то! подумали мы, печатая въ 1 № нашей газеты приглашение графини Протасовой и графини Блудовой прислать къ нимъ пожертвование въ пользу женщинъ, дѣтей и раненыхъ, бѣжавшихъ въ Грецію съ острова Кандія. Наконецъ-то рѣшились у насъ открыто, не прибѣгая ни къ какимъ загадочнымъ намекамъ, выразить если не прямое сочувствіе нашимъ единовѣрцамъ въ борьбѣ ихъ съ мусульманами, то, по крайней мѣрѣ, состраданіе имъ въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ. Мыувѣрены, что горячее женское слово, присланное намъ изъ Петербурга, найдетъ себѣ такой же горячій отзывъ и въ Москвѣ. Мы не можемъ однакожъ не похалѣть, что сочувствіе русскаго общества Кандіотамъ проявляется нѣсколько поздно, тогда, когда уже почти удалось Туркамъ сломить и задавить массою своихъ войскъ геройскую силу малочисленныхъ Грековъ, когда уже почти всѣ храбрые подвижники свободы и Креста перерѣзаны и перешкоды. Нельзя не скорбѣть, что Россія, въ дѣлѣ состраданія православнымъ братьямъ, такъ мученически гибнущимъ за свою народность и вѣру—родную намъ вѣру—дала опередить себя Англіи и Америкѣ; что нуженъ былъ примѣръ иностранцевъ для того, чтобы и наше русское общество дозволило себѣ дѣятельное выраженіе соболѣзвованія. Нельзя не подивиться также, что Москва какъ бы ожидала сигнала изъ Петербурга, чтобы начать и съ своей стороны денежные сборы въ пользу Кандіотовъ. Намъ известно также, что пер-

воначально предполагалось даже и въ Москвѣ открыть, въ этихъ видахъ, цѣлый рядъ публичныхъ чтеній и разныхъ общественныхъ времяпрепровожденій, болѣе или менѣе увеселительныхъ, прикрывая ихъ назначеніе дипломатическою формулой: «съ благотворительною цѣлью». Къ чему это? Общество не правительство. Общество, по самой природѣ своей, не можетъ дипломатничать. Требовать, чтобы цѣлосъ общество. цѣлый многомилліонный народъ пускался въ дипломатическія соображенія и прибѣгалъ къ дипломатическимъ изворотамъ, было бы не только безиравственно, но и противно здравому смыслу. Такія притязанія на дипломатію могли бы только исказить самое призваніе общества — быть вѣрнымъ и сознательнымъ выраженіемъ народнаго духа; они бы только подорвали его нравственную силу, правду чувства и мысли, чѣмъ только оно и можетъ быть сильно. Намъ нерѣдко удавалось слышать совѣты, повидимому благонамѣренные и преисполненные предусмотрительной мудрости (въ сущности очень дешевой и близорукой), о необходимости скрыть, не выставлять наружу чувствъ и мыслей Россіи по отношенію къ Грекамъ и Славянамъ, дабы тѣмъ не раздражать и не испугать Европу, не ослабить нашихъ политическихъ союзовъ съ иностранными державами, не навлечь подозрѣнія на тѣхъ, кому бы мы желали помочь и не вовлечь ихъ въ горшую бѣду. Въ Россіи и правительство и общество долго держались этихъ политическихъ пріемовъ, и историческій опытъ показалъ, что не только мы, но ни Греки ни Славяне ничего отъ нихъ не выиграли, но напротивъ того несомнѣнно и много проиграли. Мы никого — не только ни одного государственного человѣка, но ни одного школьнаго въ Европѣ не переубѣдимъ насчетъ нашихъ историческихъ, естественныхъ, вполнѣ законныхъ влечений въ политикѣ. Какъ бы мы ни скромничали, какъ бы мы ни смирялись, Европа намъ не повѣрить, и не повѣрить потому, что все же она лучшаго о насъ мнѣнія, чѣмъ мы сами, — что ей немыслима и возможность для Русскаго народа стать въ противоестественная отношенія къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и крови, а для русской дипломатіи — ступить на такой лживый и ложный политическій путь. Скрывать отъ Европы наше сочувствіе Грекамъ и Славянамъ, наше желаніе видѣть ихъ свободными отъ иноземнаго ига и

помогать имъ при каждомъ удобномъ случаѣ—не все ли это равно что увѣрять ее, будто мы перестали быть Русскими? А такъ какъ, при всемъ даже стараніи, мы не можемъ перестать быть ими, не можемъ отречься отъ своего русскаго имени, то точно также не можемъ утаить отъ міра свое единовѣріе съ Греками, свое одновѣріе и единоплеменность съ Сербами и Болгарами. Точно также какъ нельзя намъ постыдиться своей народности и не исповѣдывать ее предъ всѣмъ міромъ, нельзя намъ постыдиться и этой нашей духовной и кровной связи и не исповѣдывать ее громко и во всеуслышаніе. Къ тому же, повторяемъ, скрывай мы или не скрывай, результаты будутъ одни и тѣ же, или еще гораздо хуже. Европа не дастъ вѣры нашимъ словамъ и будетъ предполагать съ нашей стороны тайныхъ козній. Турція конечно еще менѣе въ состояніи намъ повѣрить, и положеніе христіанъ подъ турецкимъ игомъ нисколько бы отъ такихъ нашихъ пріемовъ не облегчилось. Мы же, съ своей стороны, только бы связали сами свободу своихъ движений, къ собственному вреду; прилагали бы увѣренія къ увѣреніямъ въ нашей невинности предъ Европой,— заручились бы разными невыгодными для себя обѣщаніями и запутались бы наконецъ въ собственныхъ дипломатическихъ хитросплетеніяхъ. Развѣ всего этого не бывало? Какъ бы мы ни добивались лестнаго аттестата отъ европейскихъ кабинетовъ о нашей политической благонравности, мы,—даже стяжавъ, повидимому вполнѣ заслуженную нами, пальму умѣренности,—все же не пріобрѣли бы ничьего довѣрія, и ни одного искренняго союзника въ Европѣ. Мы только бы оскорбили нашихъ кровныхъ и единовѣрныхъ, нашихъ естественныхъ и единствено-искреннихъ союзниковъ въ мірѣ, указанныхъ намъ природою и исторіей. Напротивъ того, дѣйствуя открыто и прямо, мы бы могли поднять духъ въ угнетенныхъ родственныхъ намъ племенахъ и укрѣпить ихъ нравственно до той силы, которая, какъ бы повидимому она ни была мала, творить чудеса. Примѣръ мы видимъ на Грекахъ и отчасти на Сербахъ Княжества Сербскаго.

А гдѣвъ Европѣ?...

Стонть только русскому государю отпустить себѣ бороду—и онъ непобѣдимъ, сказалъ Наполеонъ I. Нужно ли говорить, что эти слова слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ?

Не разумѣлъ онъ подъ ними грубаго, вѣшняго признака народности, но такую цѣльность, такое единство народнаго духа въ правительствѣ и народѣ; такое всепроникновеніе вѣшней и внутренней политики національными началами, которыя дѣйствительно создаютъ силу несокрушимую, или по крайней мѣрѣ умножаютъ саму матеріальную силу столицю и тысячирицю. Тотъ же Наполеонъ говоривъ, что духъ арміи равняется тремъ четвертамъ всей ея матеріальной силы. А чому же можетъ равняться духъ цѣлаго народа по отношенію къ матеріальному могуществу государства? Очевидно, что для западнаго міра нѣтъ ничего выгоднѣе нашего уклоненія отъ народныхъ началъ и отъ нашего исторического призванія; всякая измѣна началамъ русской народности, такъ часто и такъ безсознательно совершившаяся въ русскомъ обществѣ со временемъ Петра, только радуетъ и укрѣпляетъ нашихъ враговъ, только возбуждаетъ ихъ презрѣніе. Заявленіе своей силы, ревнивое соблюденіе своей національной чести и достоинства, сознаніе своего могущества и вѣрность своему народному историческому призванию не только не способны, какъ думаютъ иные тонкіе политики, навлечь на насъ грозу Европы, но напротивъ они-то и способны отвратить грозу, пріобрѣсть намъ достодолжное уваженіе и союзниковъ — ищущихъ опереться на твердую и самосознавшую себя силу. Презрѣніе же не исключаетъ страха. Всякое приниженіе наше предъ Европой, всякое отреченіе отъ своей исторической задачи является въ ея глазахъ или презрительною ложью, или слабостью, которою надлежитъ воспользоваться, пока великанъ (потому что великанъ не можетъ умалиться, какъ бы ни натуживался казаться малымъ) — пока великанъ не догадается о присущей ему, но имъ еще не знаемой силѣ.

Впрочемъ не обѣ этомъ собственно хотѣли мы говорить, хотя нельзя не сознаться, что сказанное нами пришлось къ слову. Мы имѣли только намѣреніе заявить, что общество въ выраженіи своего сочувствія Кандіотамъ не было обязано стѣсняться тѣми соображеніями, которыя могутъ не дозволять правительству, въ данную минуту, выказать это сочувствіе прямо и открыто. Напротивъ, общественные заявленія могутъ быть полезны и самому правительству, свидѣтельствуя

за него предъ всей Европой — съ какой силой приходится считаться и ему, и самой Европѣ, и тѣмъ самимъ подкѣпля его дипломатическія ходатайства, направленныя въ духѣ общественныхъ заявлений.

Конечно мы рады, что наше общество, и по преимуществу высшее, принялось за денежные сборы. Но мы были бы еще более рады, еслибы интересъ кандидатскаго дѣла проникъ и въ другіе классы, вошелъ въ знаніе и сознаніе русской народной массы. Нѣтъ у народа преходящей моды на сочувствіе, какъ это бываетъ въ свѣтскомъ обычая. Народное сочувствіе во сто кратъ прочнѣе, могущественнѣе и плодотворнѣе всякаго сочувствія высшихъ общественныхъ сферъ. Мѣдный грошъ крестьянина, — по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, — создаетъ богатства, съ которыми не можетъ равняться никакое частное состояніе. Мы жалѣемъ, что печатное слово не проникаетъ въ крестьянскую избу, но есть между высшимъ обществомъ и простымъ народомъ тоже цѣлые классы людей, для которыхъ не лишнимъ будетъ наше слово. Вы, русскіе люди еще хранящіе вѣрно завѣты отцовъ, вы соблюдающіе святой обычай молитвъ утреннихъ и вечернихъ и посѣщающіе усердно храмы Божіи, припомните себѣ, чтѣ говорится въ этихъ молитвахъ. Не твердите ли вы ежедневно: «Помяни, Господи, братій нашихъ плѣненныхъ и избави ихъ отъ всякаго обстоянія!» Кто же эти братья наши, которыхъ нужно избавить отъ обстоянія? Эти братья наши плѣненные — это вотъ именно тѣ самые Греки, которые теперь на островѣ Кандія или Критѣ борются съ мусульманами, — православные Греки, отъ предковъ которыхъ принали мы нашу святую вѣру. Эти братья наши плѣненные — это Сербы и Болгары, точно также православные, и сверхъ того одного съ нами племени и языка. «Обстояніе ихъ» — невыносимый гнетъ враговъ Христа, Турокъ, отъ котораго они силятся и не могутъ избавиться! Только и есть въ мірѣ одна могучая православная держава — это наша Русь: на нее одну и возлагается упованіе плѣненныхъ братій. Пособите же братьямъ, тѣмъ можете, въ ихъ борьбѣ и страданіяхъ, чтобы исполнилась молитва — да избавятся они отъ своего тяжкаго обстоянія. Пособите и мѣднымъ гропомъ: мірской грошъ великъ; ободрите ихъ своимъ участіемъ, своею скорбью, и сотворите

соборную молитву объ успѣхѣ живыхъ и объ упокоеніи душъ во браны убіенныхыхъ...

Въ воскресенье, 8 января, по желанію нѣкоторыхъ, будеть отслужена заупокойная обѣдня, а потомъ и панихида по убіеннымъ во браны Кандотамъ, въ Греческомъ монастырѣ на Никольской. Обѣдня начнется въ 10 часовъ; панихида около 12-ти...

Москва, 6-го января.

Меркнетъ заря на Западѣ — брезжетъ заря на Востокѣ. Гаснуть послѣдніе лучи древней славы и могущества Рима, и выступаетъ изъ долгой ночи древняя слава и значеніе Царьграда. Уже дрожать и рушатся столбы вселенского папскаго престола, и римско-католической міръ съ недоумѣніемъ ждетъ того рокового часа, когда снимется съ папства печать всемирного владычества, знаменуемая Римомъ, и римскій папа перестанетъ быть римскимъ. Въ эту великую пору Православная Церковь на Востокѣ, послѣ многихъ вѣковъ мертвящаго рабства и униженія, воздвигается къ свободѣ и новой жизни. Не знаменательно ли такое совпаденіе событий, и кто назоветъ его случайнымъ? И въ какую безпредѣльную ширь и даль уходятъ исторические горизонты, оглядываемые мысленнымъ взоромъ съ этой высоты созерцанія!

Какъ бы ни старались современные публицисты возвести значеніе государства на высоту отвлеченного принципа, отрѣшеннаго отъ всякой не-государственной примѣси, отъ всякаго сторонняго, духовнаго элемента, и именно отъ элемента вѣры, но такое требованіе, обращенное къ государству, можетъ-быть и справедливое въ отвлеченной теоріи, противорѣчитъ могучимъ, неодолимымъ требованіямъ живой исторіи народовъ. Если изъять изъ современного изученія политической исторіи государствъ — исторію церквей и вѣроисповѣданій, ихъ значеніе какъ историческихъ двигателей, какъ началъ, подъ духовнымъ воздействиемъ которыхъ воспиталась и сложилась та или другая народность въ политической организмъ, которыми опредѣлилась и заклеймилась политическая дѣятельность этого государственного организма, то исторія государствъ останется неразъясненною и явится только ка-

кимъ-то случайнымъ сцѣпленіемъ виѣшнихъ событій. Вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа, — даетъ, частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направлѣніе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни, какъ духовной, такъ отчасти и материальной, какъ общественной, такъ и государственной. Государственная исторія народовъ православныхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ различается главнѣйшимъ образомъ въ силу различія этихъ исповѣданій. И хотя многие изъ насъ еще недавно готовы были утверждать, что русская народность вовсе не связана съ православіемъ, что нѣтъ различія между русскимъ латиняниномъ и русскимъ православнымъ, однако они же не перестаютъ требовать отъ государства политики національной, т. е. политики проникнутой духомъ національности, согласной не только съ вещественными, но и съ нравственными интересами русской народности; и они же теперь къ числу этихъ интересовъ присоединяютъ, повинуясь очевидности факта и увлечению собственного русского чувства, духовные интересы нашего единовѣрія съ православными христіанами на Востокѣ. Они невольно признаютъ за русскимъ государствомъ обязанность: дѣйствовать въ качествѣ виѣшней силы православного общества.

Точно такого же согласія съ духовными національными интересами требуютъ и западныя общества отъ политики своихъ государствъ; точно такъ же характеръ вѣроисповѣданія отражается и на ихъ политической дѣятельности. И именно теперь, по отношенію къ Восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій католического міра, главной представительницей которыхъ Франція. Если и предположить, что самъ Тюильерійскій кабинетъ, въ поведеніи своемъ на Востокѣ, готовъ былъ бы руководствоваться соображеніями чисто-политического свойства, то общество, даже независимо отъ политическихъ соображеній, является поразительно равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ. Мало того: оно выражаетъ къ нимъ презрѣніе и непріязнь, и тяготѣть своимъ вліяніемъ на политику самого правительства. Враждебное отношеніе латинства къ православію сказывается какъ въ невѣрующемъ обществѣ Франціи,

такъ и въ обществѣ вѣрующемъ, или преданномъ латинству. Въ этомъ смыслѣ особенно замѣчательны теперь печатные органы латинской клерикальной партіи и вообще римско-католическихъ интересовъ. Не желая явиться прямо противниками принципа національности и свободы, они отказываются въ сочувствіи своемъ возстанію Грековъ на Критѣ на томъ основаніи, что здѣсь дѣйствуетъ будто бы не столько желаніе освободиться отъ тягостнаго турецкаго гнета, котораго тягость, по ихъ словамъ, еще подлежитъ большому и очень большому сомнѣнію, сколько духъ всесвѣтной революціи, враждующій съ принципомъ авторитета и порядка. Для католиковъ, признающихъ въ области вѣры одинъ духовный авторитетъ папы, какъ главы вселенской церкви, и на этомъ началѣ зиждущихъ самый политический порядокъ міра, — даже турецкій султанъ является представителемъ начала порядка и авторитета!

Они не только не замѣчаютъ, до какого нелѣпаго вывода довела ихъ неумолимая логика, но и не догадываются, въ какое противорѣчіе впадаютъ они сами съ собою, защищая въ то же время революціонныя попытки и дѣйствія Поляковъ. Впрочемъ приписывать это противорѣчіе ихъ недогадливости было бы признавать со стороны ультрамонтанскихъ публицистовъ какую-то добросовѣтность: тутъ просто дѣйствуетъ старая, закоренѣлая ненависть латинянина ко всему православному. Христіанинъ-Грекъ возстающій на власть магометанина-султана — революціонеръ и недостойнъ ни сочувствія, ни даже сожалѣнія. Полякъ возстающій на власть христіанскаго же государя — не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ! Если относительно Польши ихъ ослѣпляла вражда къ Россіи, какъ къ грозному призраку, доселе пугающему Европу, то относительно Грековъ и Греціи какой политической страхъ, какая политическая вражда можетъ руководить ими? Вся загадка разрѣшается тѣмъ, что Поляки — католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, а Греки — православные и торжество ихъ возвѣщаетъ торжество православія. Мы помнимъ, какъ тотъ же Пій IX, котораго можно признать наиностѣйшимъ и искреннѣйшимъ представителемъ латинства, благословляя знамена латинянъ подвизавшихся, въ союзѣ съ мусульманами, на православную

Россію, за сохраненіе Турці; другими словами—молилъ Бога да продлить Онъ мусульманское иго надъ православными христіанами! И такою же тайною или явною, большою частью даже безотчетною, ненавистью ко всѣмъ народамъ исповѣдующимъ православіе одушевленъ весь католический Западъ, на какой бы степени силы или упадка ни стояло въ различныхъ его обществахъ личное чувство вѣры. Поэтому-то Восточный вопросъ есть въ то же время вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческому вѣроисповѣданію, латинскаго міра къ православному. Такъ становятъ вопросъ сами католики. Есть только два разрѣшенія Восточного вопроса, говоритъ органъ ультрамонтанства *le Monde*: «одно посредствомъ католицизма, другое посредствомъ греческой схизмы». «Поспѣшимъ обратить турецкихъ Славянъ въ латинство, усилимъ дѣятельность нашихъ духовныхъ миссионеровъ, тогда Востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизациіи, будетъ намъ неопасенъ, будетъ намъ свой»—такъ еще недавно возглашалъ въ газетѣ *l'Opinion Nationale* ея редакторъ Геру, котораго папство считаетъ однимъ изъ ярыхъ своихъ противниковъ: такое значеніе придается и этотъ врагъ латинства бытовому значенію латинскаго вѣроисповѣданія въ жизни народовъ и государствъ!

На той же точкѣ зреїнія стоять и государственные дѣятели латинскаго Запада; тѣми же правилами руководствуется и его политика. Было время, что Славяне въ Турціи находились подъ обаяніемъ славы Наполеона III, провозгласившаго такъ-называемый «принципъ національностей», и, обольстившись его словами, думали видѣть въ немъ чутъ не мессію, ниспосланного для освобожденія угнетенныхъ народностей. Но злой опытъ доказалъ имъ,—такъ говорить авторъ - Болгаринъ недавно изданной въ Букарештѣ на французскомъ языкѣ брошюры: «Болгарія предъ лицомъ Европы (*La Bulgarie devant l'Europe*), — «что Наполеонъ III является такимъ мессіемъ только тамъ, где есть мѣсто для славы и интересовъ Франціи, славы и интересовъ католицизма и латинскаго міра.» «Западъ,—продолжаетъ съ горечью тотъ же авторъ,—убѣдившись, что христіансъ въ Турціи никогда не стануть ни Французами, ни Англичанами по національности, стремится пересоздать ихъ въ свою національность посредствомъ религіи.

Мы поняли, что только на одномъ этомъ условіи согласенье онъ даровать намъ свое покровительство. Еслибы Сербія была въроисповѣданія и происхожденія латинскаго, давнымъ-давно были бы ей отданы ея крѣпости, удерживаемыя Турками, и не однѣ только крѣпости! Еслибы Герцеговинцы были католиками, давно бы добилась для нихъ Франція той же автономіи, какъ и для Ливана! Еслибы Черногорцы были латинскаго племени, границы ихъ тѣсныхъ владѣній были бы расширены уже давно! Еслибы Кандіоты не были православные, другія рѣчи держаль бы маркизъ де-Мутье въ Аеннахъ! Еслибы мы, Болгары, были въ церковномъ подчиненіи Риму, мы бы не казались Европѣ народомъ самымъ неспособнымъ для политического существованія!» «Западъ,—такъ заканчивается этотъ рядъ примѣровъ авторъ Славянинъ,—желалъ бы, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу освобожденія христіанъ въ Турции отъ невыносимаго и чуждаго ига, сначала заручиться ими въ религіозномъ смыслѣ, поработить себѣ ихъ совѣсть».

И такія-то бѣды, такія искушенія и соблазны выдерживаютъ уже четыре вѣка сряду православныя племена въ Турціи. Каждый изъ восьми миллионовъ православныхъ, подвластныхъ султану, можетъ сказать себѣ и говорить ежедневно: отрекись я отъ своей православной вѣры, жена и дочь моя не будутъ обезпечиваемы Туркомъ, поле мое не будетъ ограблено; достояніе мое, стяжанное кровью и потомъ, не разграбится, самъ я не буду терпѣть обидъ и униженія, не буду видѣть своей вѣры и своихъ храмовъ поруганными!» Будь Латинецъ,—твердятъ ему безпрестанно миссионеры и консулы, духовные и политические агенты католическаго Запада,—и приобрѣшешь свободу и благосостояніе... И страшнымъ недоумѣніемъ объять нашъ бѣдный братъ, и обращаться взоры свои къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія...»

Вотъ каково значеніе Восточнаго вопроса для латинскаго и для православнаго міра, и мы сочли неизлишнимъ, вслѣдъ за перепечатаннымъ нами вчера возвзваніемъ старѣйшаго архипастыря нашей церкви о пособіи братьямъ-христіанамъ на Востокѣ,—напомнить отзывы и дѣйствія, по отношенію къ тѣмъ же христіанамъ, латинскаго клира и томящагося въ предсмертныхъ судорогахъ римскаго папства.

Москва 14-го января.

Какие бы надежды ни питали немецкие патриоты послѣ совершившагося въ прошломъ году расширенія Пруссіи и въ виду приготовляющагося объединенія Германіи; какие бы расчеты ни руководили немецко-мадьярскими министрами Австріи въ задуманномъ ими политическомъ переустройствѣ расшатавшейся имперіи Габсбурговъ; что бы ни думали западные публицисты о томъ движениі, которое овладѣло христіанскимъ населеніемъ Балканского полуострова,—для насъ во всѣхъ этихъ событіяхъ прежде всего виднѣется — тѣсно связанный съ ними Славянскій вопросъ. Сольется ли немецкій народъ въ одно цѣлое, распадутся ли Австрія и Турція на свои составныя части, наши отношенія къ этимъ переворотамъ опредѣляются нашимъ славянскимъ происхожденіемъ. Да, мы наконецъ дождались того времени, когда вопросъ Славянскій, такъ долго отвергаемый, заявилъ свое несомнѣнное право на бытіе и стала не только жизненнымъ, но и животрепещущимъ вопросомъ современной политики. Изъ области чисто отвлеченного археологического вопроса онъ перешелъ въ область дѣйствительности; изъ предмета сердечныхъ влечений и поэтическихъ сочувствій — онъ сдѣлался предметомъ серьезныхъ политическихъ комбинацій. Давно ли и въ нашей журналистикѣ интересы Славянства возбуждали презрительную насмѣшку надъ славянофилами, не дававшими угаснуть славянской идеѣ въ русскомъ общественномъ сознаніи,—и посмотрите теперь: русскія газеты ревнуютъ одна передъ другой въ выраженіяхъ симпатіи къ Славянству!

Впрочемъ, если въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возможно было сомнѣваться на счетъ глубины и силы народныхъ сочувствій къ тѣмъ національнымъ идеямъ, которыя проповѣдовали въ Австріи такъ-называемые панслависты; то теперь, въ виду столькихъ поколѣній, выросшихъ и воспитавшихся на этихъ идеахъ, въ виду значительного развитія политической литературы у Славянъ всѣхъ наименованій, въ виду столькихъ удавшихся національныхъ учрежденій, созданныхъ тѣмъ или другимъ славянскимъ племенемъ,—отрицать существование общеславянского движенія было бы про-

сто безуміємъ. Въ этомъ національному движениі, проявляющемся среди всѣхъ австрійскихъ и турецкихъ Славянъ, живутъ ли они въ Богеміи или Боснії, въ Тріединомъ Королевствѣ или Восточной Галиції, заключается общая черта ихъ жизни, поддерживающая въ нихъ взаимность и племенную связь. И какое бы значеніе мы ни придавали слову Славяне, родовое или видовое, при каждомъ прикосновеніи съ дѣйствительностью, мы встрѣтимся съ однimi и тѣми же явленіями, съ однimi и тѣми же потребностами, съ однimi и тѣми же стремлѣніями. Наконецъ, большую часть Славянъ, живущихъ въ Россіи, соединяетъ общая историческая судьба; они имѣютъ родину и не имѣютъ отечества. И тоска по отечествѣ объяла ихъ....

Однаковое повсюду, по своему характеру, славянское движение встрѣчаетъ однакожъ разныхъ враговъ и разныя препятствія, смотря по тому, въ какой мѣстности оно совершается. Борьба, которую должны выдерживать Славяне въ Австріи, не похожа на борьбу, которую они должны вести въ Турціи. Притомъ турецкие Славяне опираются въ вѣковой борбѣ съ мусульманами преимущественно на свой христіанскій характеръ; Славяне же австрійские, включенные въ государство, архивы которого наполнены трактатами, патентами, дипломами, и которое долго сдерживало національные стремлѣнія всевозможными конгрессами, должны ссыльаться на свои историческія права, провинціальные привилегіи, словесныя, земскія и общинныя институціи. Австрія подчиняетъ своихъ Славянъ не столько силою оружія, ея слабость въ этомъ отношеніи доказала до очевидности 1848 годъ, — сколько историческими преданіями, дипломатическими актами и парламентарною хитростью. Турція угнетаетъ своихъ Славянъ проще, грубѣе, откровеннѣе и держится противъ нихъ не собственною силой, но благодаря лишь европейскому заступничеству. Оставляя покуда Турцію въ сторонѣ, разсмотримъ подробнѣе политическую игру, въ которую играетъ теперь Австрія съ своими славянскими народами.

Австрія только - что издала новый патентъ, на основаніи котораго чрезвычайная имперская дума, имѣющая разсуждать о политическомъ переустройствѣ Австріи, должна составиться изъ сеймовыхъ делегаций. Но вслѣдствіе необыкновенного

возбуждения, господствующаго между различными партиями, земскимъ сеймамъ предоставлена полная свобода выбрать самимъ тотъ способъ, какимъ должны быть составлены эти делегаціи, посредствомъ ли выбора изъ сеймовыхъ курій, или изъ полнаго состава земскихъ сеймовъ. Официальные органы вѣнскаго министерства стараются всячески выказать, до какой степени правительство, издавая послѣдній патентъ, было безпристрастно къ своимъ народамъ. Но сини правы лишь въ томъ смыслѣ, что правительство въ своемъ патентѣ ничего никому не обѣщаетъ, ни передъ кѣмъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ. Если австрійское правительство имѣло въ виду именно эту цѣль, то оно какъ нельзя болѣе достигло ея: ибо ни одинъ изъ австрійскихъ народовъ, которыхъ касался этотъ патентъ, не остался имъ доволенъ. Но болѣе всѣхъ недовольны Нѣмцы. Ихъ историческое право, на которомъ они основывали свое господство въ Австріи, т. е. февральскій патентъ 1861 г., потеряло теперь всякое значеніе. Новые выборы въ земскіе сеймы въ большинствѣ такъ-называемыхъ нѣмецко-славянскихъ провинцій не могутъ быть Нѣмцамъ благопріятны, а назначеніе делегацій отъ сеймовъ въ имперскую думу еще того менѣе. И вотъ австрійские Нѣмцы, желая получить посредствомъ переговоровъ съ Славянами то, въ чёмъ отказалось имъ само правительство, обратились къ послѣднимъ съ угрозою: не явиться въ чрезвычайную думу, если сеймовые выборы образуютъ на сторонѣ славянской партіи значительное большинство. Замѣтимъ кстати,—и это не лишено интереса,—что главными крикунами въ этомъ случаѣ и вообще врагами Славянъ являются публицисты даже не чисто-нѣмецкаго происхожденія: по самому точному осмотру нѣмецкой журналистики въ Австріи, оказывается, что только двѣ газеты издаются въ ней чистыми Нѣмцами — *Die Stimmen aus Tirol* и *Reform*; всѣ же остальные принадлежать нѣмецко-еврейской партіи и издаются преимущественно нѣмецкими Ереями. Только двѣ вышеупомянутыя газеты и соглашаются заранѣе со всѣми послѣдствіями, къ которымъ должны привести новый патентъ, новые земскіе сеймы и чрезвычайная имперская дума; остальные же газеты не хотятъ и слышать о равноправности.

А между тѣмъ Австрію постигъ новый ударъ со стороны нѣмецкаго отечества. Баварское министерство князя Гогенлоэ включило въ свою программу договоръ съ Пруссіей, по которому Баварія должна будетъ признать за Пруссіей право предводительства надъ южно-нѣмецкими войсками въ случаѣ войны. Нѣмецко-еврѣйскіе журналисты съ ужасомъ повторяютъ слова, сказанныя недавно однимъ изъ депутатовъ нижне-австрійскаго сейма: «Австрія, созданная императоромъ Рудольфомъ, можетъ распасться при одномъ изъ его преемниковъ того же имени». Это намекъ на имя нынѣшняго наследника австрійскаго престола. Вотъ какіе мрачные призраки носятся въ воздухѣ предъ австрійскими государственными людьми! И если въ 1848 году чешскимъ исторіографомъ Палацкимъ данъ былъ лозунгъ всему австрійскому Славянству: «когда бы Австріи не было, такъ мы, Славяне, должны были бы создать ее вновь», то нынѣ уже иное говорить сами Чехи, составившіе федеративную теорію и распространившіе ее между австрійскими соплеменниками. «Мы были до Австріи, говорить они теперь, будемъ и послѣ нея!» Весь вопросъ о будущности Чехіи состоитъ, по мнѣнію чешскихъ публицистовъ, лишь въ томъ: удастся ли Чехамъ соединить въ общей сеймѣ всѣ земли Чешской Короны — Богемію, Моравію, Силезію, и въ такомъ видѣ сохранить свою политическую самостоятельность и внутреннюю независимость, при короляхъ ли изъ Габсбургскаго дома, или при владѣтеляхъ изъ какой-либо иной династіи? Еще большія требования, относительно будущаго, высказываются другимъ племенемъ между западными Славянами, принадлежащими къ Австріи: мы разумѣемъ требования галицкихъ Поляковъ, которыхъ задоръ растетъ съ каждымъ днемъ и дорастаетъ до самыхъ безобразныхъ, несбыточныхъ надеждъ. Впрочемъ, намъ нѣть здѣсь надобности распространяться о нихъ: Поляки въ Австріи, какъ и повсюду, стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ, имѣютъ въ виду только свои отдельныя цѣли и поэтому совершенно равнодушно относятся къ участіи Австріи. Намъ нѣть здѣсь надобности говорить и о Галиціи вообще: это вопросъ особый и совершенно несложный. Во всякомъ случаѣ австрійское правительство, издавая новый патентъ и созывая чрезвычайную

имперскую думу, вовсе не думало при этомъ опираться на однихъ только Чеховъ, или Поляковъ; оно, конечно, не намѣreno было раздражать до конца своихъ Нѣмцевъ. Хотя новый патентъ изданъ собственно не для нихъ, но Славяне и Нѣмцы могутъ заговорить на чрезвычайной имперской думѣ не о тѣхъ вопросахъ, на которые имъ указываетъ теперь вѣнское правительство, имѣвшее въ виду одну Венгрию и соглашеніе ея требованій съ общимъ устройствомъ имперіи. Сѣлавъ прежде небольшія уступки народамъ, населяющимъ западную половину Австріи, въ надеждѣ отвлечь ихъ симпатіи то отъ Пруссіи, то отъ Россіи, австрійское правительство напрягаетъ теперь всѣ свои силы, чтобы изъ юго-восточныхъ земель своей имперіи образовать для себя опору въ виду приближающагося разрѣшенія Восточнаго вопроса. Новый министръ, заправляющій иностранными дѣлами Австріи, баронъ Бейстъ, обнаруживаетъ едва ли не большую пріязнь къ Мадьярамъ чѣмъ всѣ прежніе министры Австріи, и это очень хорошо поняли австрійскіе Славяне. Послѣ извѣстнаго приема хорватской депутаціи Францомъ-Іосифомъ, хорватскія газеты прямо объявили, что баронъ Бейстъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о венгерскомъ государственномъ правѣ, объ исторіи Тріединаго Королевства и смотрѣть на восточный вопросъ съ точки зрѣнія исключительно мадьярской. Но дѣло не въ томъ, кого австрійскій министръ думаетъ употребить въ качествѣ своего орудія для достижения какихъ-то цѣлей на Востокѣ, Мадьяръ или южныхъ Славянъ; дѣло въ томъ, что послѣ постыднаго изгнанія изъ Германіи и Италии, Австрія волей-неволей должна будетъ обратиться на Востокъ, такъ или иначе подчиняя свои внутреннія отношенія виѣшнимъ замысламъ. Въ этой зависимости внутреннихъ международныхъ отношеній Австрійской имперіи то отъ судьбы Германского союза, то отъ состоянія дѣлъ на Востокѣ, и скрывается тѣсная связь между разорванными частями южнаго Славянства. Австрія, сильная въ Германіи, могла бы скорѣе присоединить турецкихъ Сербовъ къ своимъ южнославянскимъ провинціямъ; Австрія, ослабленная послѣдними войнами и окруженнаго отовсюду врагами, можетъ потерять и своихъ южныхъ Славянъ въ случаѣ освобожденія Славянъ турецкихъ. Вотъ источникъ ея дружбы съ Мадьярами, ко-

торыхъ она будетъ возвышать на югъ, подобно тому, какъ старается, повидимому, возвысить Чеховъ на съверъ и Поляковъ на востокъ своей имперіи.

Но не говоря уже о томъ, что участъ съверныхъ и восточныхъ провинцій Австріи зависитъ не столько отъ уступокъ ея правительства въ пользу Чеховъ или Поляковъ, сколько отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ въ Пруссіи и остальной Германіи и отъ твердости національной политики въ Россіи, нельзя не видѣть, что судьба австрійскаго юга постоянно будетъ въ зависимости отъ событій, которыхъ могутъ разыграться въ съверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ въ политической сфере нѣтъ частныхъ противорѣчащихъ другъ другу славянскихъ вопросовъ, австрійскаго, турецкаго или еще какого-либо другаго: есть одинъ Славянскій вопросъ, и онъ долженъ собою наполнить всю будущую исторію Австріи, европейской Турціи и Россіи.

Существование такъ-называемыхъ земель Чешской Короны, судьба Галиціи и Венгріи, положеніе такъ-называемаго Тріединаго Королевства, Сербіи, Босніи и Черногоріи, наконецъ возрожденіе Болгарскаго народа, — все это неразрывныя части одного и того же общеславянскаго вопроса.

Подобно Австрійцамъ, связывающимъ судьбу Австріи съ историческими именами Рудольфовъ, южные Славяне также придаютъ мистическое значеніе именамъ турецкихъ султановъ. Они рассказываютъ, что въ одномъ изъ монастырей Фрушской горы, этой священной горы сербскаго православія, хранится старинная рукопись, современная паденію Сербскаго царства, гдѣ сказано, что владычество Турокъ утвержденное Османомъ, котораго имя начинается съ послѣдней буквы греческой азбуки, окончится при султанахъ, имена которыхъ будутъ начинаться первою буквой. Имена Абдуль-Меджида и Абдуль-Асиза служатъ, такимъ образомъ, для турецкихъ христіанъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Такъ народное воображеніе, въ эпоху приближающихся испытаній, ищетъ себѣ ободренія и опоры въ историческихъ примѣтахъ и предсказаніяхъ!...

Москва, 18-го января.

Какъ ни желательно было бы, въ виду внутреннихъ затрудненій, отложить разрѣшеніе задачъ виѣшней политики; какъ ни хотѣлось бы намъ, чтобы событія замедлили свой ходъ до поры болѣе удобной и благопріятной для Россіи,—но время не ждетъ и событія идутъ,—не спрятавшись о томъ, готовы ли мы или не готовы. И блахенны тѣ, кого они застанутъ бдящими! Необходимо, поэтому, чтобъ наше общество перестало относиться къ Восточному вопросу какъ къ вопросу досужему и отвлеченному, касающемсяся только «сердечной» стороны нашего національного существованія, симпатій религіозныхъ и родственныхъ. Нѣть, этотъ вопросъ не досужий и не отвлеченный, а настоятельно требующій практическаго разрѣшенія, которое во всякомъ случаѣ и въ какомъ бы смыслѣ ни совершилось—будетъ неминуемо имѣть самые практическія послѣдствія для Россіи. Войною ли чреваты событія, или такою дипломатическою игрой, въ которой шахъ и матъ можетъ равняться любому военному пораженію,—какъ бы то ни было, но плохо будетъ, если они застигнутъ насъ върасплохъ—со стороны ли нашего материальнаго обезпечения, со стороны ли общественнаго сознанія. Конечно, когда событія надвинутся близко, то они заслонять собою на горизонтѣ и виѣшней и внутренней политики всѣ другіе интересы, и могутъ въяніемъ своимъ прочистить нашъ стущенный разными испареніями воздухъ, но не поздно ли уже тогда будетъ?

Съ одной стороны, Турецкая имперія разлагается, вслѣдствіе материальныхъ и нравственныхъ причинъ, вслѣдствіе ослабленія той дикой, но цѣльной силы, которая въ лицѣ Магометовъ и Мурадовъ создала владычество Османовъ; съ другой вслѣдствіе того, что мѣра долготерпѣнія христіанскихъ племенъ исполнилась. Войны Россіи съ Турками въ XVIII столѣтіи, войны, придвинувшія ее къ самому устью Дуная и отдавшія въ ея владѣніе весь сѣверный и восточный берегъ Чернаго моря, возбудили въ одно и то же время угасавшій духъ въ порабощенныхъ Славянахъ и Грекахъ—и страхъ и зависть въ Западной Европѣ. Съ того времени Турція по-

ступила подъ опеку западноевропейскихъ державъ, которая не менѣе всякихъ пораженій способствовала и способствуетъ распаденію мусульманскаго царства. Элементъ европейской цивилизациі подействовалъ на Турцію какъ свѣжій воздухъ на гниющее тѣло. Вся задача Европы состояла и состоить въ томъ, чтобы положить предѣлы материальному и нравственному усиленію Россіи, чтобы не дать возникнуть новому миру—православно-славянскому, котораго знамя предносится единой свободною славянскою державой, Россіей, и который ненавистенъ латино-германскому миру. Не время и не мѣсто входить здѣсь въ изслѣдованіе тѣхъ, глубоко закрытыхъ въ исторіи и въ тайнахъ духа человѣческаго, причинъ этой ненависти латино-германскаго Запада къ Славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности: довольно признать этотъ фактъ несомнѣнно существующимъ (и не признать его невозможнаго),—но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо понять, что никакое наше смиреніе и никакое наше безкорыстіе не укротятъ этой злобы и боязни; что только отрекшись отъ своей русской народности и нераздѣльной съ нею вѣры, могли бы мы утолить эту европейскую вражду и утишить подозрѣнія. Впрочемъ, какъ далеко ни простидалось бы иногда наше угодничество предъ Европой, наше занискиванье добраго ся о насъ мнѣнія, наши завѣренія о нашей допропорядочности,—мы все же не можемъ дойти до той степени униженія, которая была бы равносильна смертному себѣ приговору. Доказательствомъ этому служить и недавній разрывъ съ папою—хотя и послѣдовавшій послѣ длиннаго ряда несовмѣстныхъ съ нашимъ достоинствомъ уступокъ папѣ, послѣ невыносимыхъ оскорблений со стороны Рима, превысившихъ мѣру даже нашего долготерпѣнія.

Итакъ, задача Европы состояла и состоить въ томъ, чтобы овладѣть рѣшеніемъ Восточного вопроса, т. е. вопроса о судьбѣ Балканскаго полуострова и населяющихъ его племенъ. Для духовной ассимиляціи себѣ православныхъ народовъ, для усвоенія ихъ себѣ въ нравственномъ отношеніи и для отчужденія отъ Россіи, была направлена на бѣдныхъ раievъ Турціи латинская пропаганда, благодаря которой всѣ совращающіеся въ католичество переходятъ изъ тревожнаго и страдальческаго—сравнительно въ благоденственное и мир-

ное житіе. Затѣмъ было испробовано средство упрочить Турцію посредствомъ европейской цивилизациі. Западъ снабдилъ ее регулярными войсками, обучилъ ея офицеровъ, снарядилъ ее всаческимъ оружиемъ для того только, чтобы она могла бороться съ Россіей и съ своими подданными христіанами. Вѣрные прихвостники Западной Европы и латинства, давно измѣнившіе братскому союзу Славянъ,—Поляки были, разумѣется, главными пособниками въ этихъ козняхъ. Они нацѣлили турецкія пушки и ружья на своихъ братьевъ Славянъ, они предводительствуютъ мусульманскими полчищами противъ христіанъ православныхъ, въ званіи разныхъ Искендеръ-беевъ и Османъ-пашей...“И такая нація смѣТЬ еще мечтать о возрожденії!— Но западно-европейскій маневръ посредствомъ Турско-европейской цивилизациі не удался, нужно было иначе придать силы одряхлѣвшему Осману. Христіанская Европа, съ благословенія папы, совершила крестовый походъ, но уже не противъ мусульманъ, а противъ христіанъ, въ защиту того самаго владычества, противъ котораго ополчалась въ Средніе вѣки. У Россіи было отнято право исключительного покровительства турецкимъ христіанамъ и замѣнено совокупнымъ покровительствомъ всѣхъ крупныхъ державъ; такъ что къ Турціи было буквально приставлено семь нянекъ, включая сюда и правительство султана. Но русская пословица о семи нянкахъ сбылась и тутъ. Никакие гати-гумаюны не уврачевали смрадныхъ язвъ умирающаго Османа, и христіанская племена отчасти подняли, а скоро и всѣ поднимутъ знамя восстанія.

Въ виду этого-то события стоять теперь, думая трудную думу, Европа и Россія. Нѣть возможности отсрочивать доѣде рѣшеніе Восточнаго вопроса, какъ бы ни было это желательно для Россіи, вслѣдствіе ея финансовыхъ и иныхъ затрудненій. «Покорнѣйше просить христіанская населенія, мучимыя и унижаемыя, обождать, потерпѣть еще немножко, сидѣть смирно, сложа руки и довольствоваться дипломатическими представительствами предъ его величествомъ султаномъ»— такая политика, которой мы нѣкоторое время держались и до которой есть много охотниковъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ,—такая политика дешевой мудrostи и умѣренности теперЬ не только неумѣстна, несвоевременна,

но грозитъ Россіи утратой ея значенія въ глазахъ турецкихъ населеній, и передачею рѣшенія Восточного вопроса въ руки Европы. На смѣну этой политики является другая: политика невмѣшательства въ дѣла Турціи и предоставленія имперіи собственнымъ ея силамъ. Другими словами, эта политика предполагаетъ, воздержавъ европейскія правительства отъ оказанія материальной помощи султану, тѣмъ самымъ дать ей сокрушиться подъ ударами возстающихъ населеній, а дальнѣйшій ходъ дѣла, равно какъ и устройство политическихъ судебъ этихъ населеній обозначается въ послѣдствіи сами собой.

Эта политика, повидимому, самая благоразумная и единственная возможная при желаніи избѣгнуть скорой и дѣятельной войны—едва ли состоятельна. Еслибы даже и всѣ западные державы обязались держаться этой политики,—то для нихъ нѣтъ того интереса оставаться въ ея предѣлахъ, какой можетъ быть повидимому, и только повидимому, для насъ,—и онъ тотчасъ бы нашли средство нарушить обязательство, какъ скоро признали бы это для себя выгоднымъ. Точно такъ поступили онъ и съ Парижскимъ трактатомъ, который былъ честно и строго соблюденъ только съ той стороны, для которой онъ былъ тѣгостенъ, и былъ нарушенъ безъ церемоніи къ пользѣ и выгодѣ Запада. Дерзость инициативы—великое условіе успѣха, и въ этомъ отношеніи легко создать для Россіи такое же неловкое положеніе, какое было создано для нея при избраніи поручика прусской службы и родственника прусского королевскаго дома въ князя Румыніи. Постараемся объяснить это обстоятельство.

Западъ уже не вѣритъ въ возможность сохраненія Турецкой имперіи. Крымская война окончательно разубѣдила его, если только и прежде это уображеніе было искреннее,—да къ тому же этотъ способъ оживленія гниющаго трупа стоилъ Западу слишкомъ много денегъ и крови. Западъ не вѣритъ также и въ успѣхъ, по крайней мѣрѣ скорый успѣхъ, нравственной ассимиляціи турецкихъ христіанскихъ племенъ, или покоренія ихъ латино-германской цивилизациі. Онъ, правда еще не отказывается отъ способовъ толкнуть эти племена на такую дорогу, съ которой уже не было бы поворота назадъ и которая на вѣки отдалила бы ихъ отъ Россіи: недавняя попытка

соблазнить одного изъ іерарховъ греческой церкви въ Константинополѣ въ увію и подорвать крѣпость единства вѣры въ православныхъ племенахъ Турціи, свидѣтельствуетъ о томъ, что латинская пропаганда продолжаетъ входить въ соображенія французской дипломатіи. Но во всякомъ случаѣ Западъ не ограничивается и не ограничился подобными медленными средствами. Ему приходится считаться теперь съ личными свойствами тѣхъ племенъ, къ которымъ онъ до сихъ поръ относился съ презрѣніемъ,—съ ихъ мужествомъ, храбростью, живучестью и жаждою политической жизни,—и на этомъ разсчетѣ строится, пока еще въ тайнѣ, новый планъ западной политики относительно Востока.

Дѣло обстоитъ съ точки зрењія Запада такимъ образомъ: откладывать долѣе разрѣшеніе Восточного вопроса невозможно;—следовательно необходимо захватить это разрѣшеніе въ свои руки и исхитрить его изъ рукъ Россіи. Сохранить Турцию невозможно; презирать долѣе требованія христіанскихъ племенъ и не признавать ихъ правъ на бытіе—невозможно, какъ потому, что они начали заявлять эти права слишкомъ энергически, такъ и потому, что презирая ихъ, Западъ вынуждаетъ вліяніе Россіи, даетъ ей *le beau gÃ©ole*, какъ выражаются Французы; наконецъ ассимилировать ихъ, покорить ихъ себѣ духовно и нравственно—пока невозможно. Слѣдовательно, что же остается? Остается опять овладѣть рѣшеніемъ Восточного вопроса въ такомъ смыслѣ, чтобы это рѣшеніе послужило къ ущербу Россіи, чтобы распаденіе Турецкой имперіи не только не усилило Россію, но создало для нея рядъ новыхъ опасностей и затрудненій,—чтобъ, наконецъ, сплошному единству православной славянской массы было противопоставлено другое единство не славянское, обязанное своимъ происхожденіемъ преимущественно Западу. И нѣть сомній, скоро Европа, дождавшись благопріятной минуты и опутавъ Русскую добросовѣстность какими-нибудь дипломатическими сѣтями, вдругъ, къ удивленію міра, объявить себя восплюмененою сочувствіемъ къ страждущимъ христіанамъ и въ особенности къ греческой народности, перешедшемъ въ дѣятельномъ выраженіи этого сочувствія—Россію, забереть въ свои руки ініціативу этого дѣла, и поставить насъ въ такое положеніе, что мы будемъ тащиться

сзади ея, догонять ее, беспокойно ожидать—куда ей вздумается повернуть, и при всемъ томъ таить въ себѣ внутреннее сознаніе, что она заставляетъ насъ содѣйствовать своимъ, чуждымъ и гибельнымъ для насъ, политическимъ разсчетамъ. Такъ было, повторяемъ, въ дѣлѣ о Дунайскихъ княжествахъ, такъ можетъ случиться и теперь, если мы не перемѣнимъ образа дѣйствій... Но однимъ выраженіемъ сочувствія Европа не ограничится. Ея планы шире и дальновиднѣе. Объ нихъ поговоримъ завтра.

Москва, 19 января.

Дальновидная Англія прежде всѣхъ стала измѣнять старой своей политикѣ на Востокѣ. Не она ли настойчивѣе всѣхъ ратовала въ пользу сохраненія Турецкой имперіи? и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ парижскаго мира, Англія почти удвоила силу самаго злого врага мусульманскаго владычества, за которое вела такую кровопролитную войну: она присоединила къ Греціи добровольно, въ видѣ дара, группу Іоническихъ острововъ. Съ тѣхъ порь имя Англіи, ненавистное Грекамъ послѣ поступковъ ея съ торговымъ греческимъ флотомъ въ дѣлѣ купца Пачифико, возстановилось снова у Грековъ въ чести и славѣ. Англія даровала имъ короля; Англія является дѣятельною и могучею покровительницей, Англія же и ихъ тайная руководительница. Англійские корабли первые начали перевозить раненыхъ инсургентовъ и ихъ семейства съ острова Кандіи въ Грецию: ихъ примѣру послѣдовали и мы,—это правда,—но все же честь зачина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не намъ... Читатели помнятъ, конечно, какимъ вдругъ неожиданнымъ участіемъ къ Сербіи промолвился, года три тому назадъ, англійскій парламентъ, и въ англійской литературѣ появились книги съ выраженіями сочувствія къ Сербскому княжеству. Послѣ энергической политики лорда Стратфорда Редклифа, въ Константинополь, политика Англіи при Турецкомъ дворѣ какъ бы стушевалась,—но только повидимому: значеніе «императора Франковъ» у христіанскихъ племенъ Турціи въ послѣднее время сильно ослабѣло и уступаетъ мѣсто значенію Англіи.

Во всякомъ случаѣ она уважается какъ сила, которая знаетъ чего хотеть и можетъ сдѣлать то, что захочетъ. Очевидно, что Англія заранѣе разставляетъ для себя точки опоры на Востокѣ. Съ другой стороны, и Наполеонъ III подготавляетъ себѣ позицію въ средѣ латинской расы (возстановлять и объединять которую онъ чувствуетъ въ себѣ особое призваніе). Интриги Франціи, свергнувъ князя Кузу, посадили на княжескій престолъ иностранного принца, и такимъ образомъ традиціямъ, связывавшимъ съ нами эти княжества, положенъ конецъ. Европейскій принцъ, близкій родственникъ могущественнаго королевскаго дома, не могъ принять вассальное отношеніе къ султану иначе какъ временно — въ виду скораго обрѣтенія полной независимости и самостоятельности. Такимъ образомъ на нашей границѣ, рядомъ съ единоплеменникою Дунайскимъ княжествамъ Бессарабіею (по крайней мѣрѣ въ значительной ея части), между нами и Турцией, или вѣрнѣе между нами и Славянами, поперекъ дороги въ Царьградъ, возникаетъ государство, которое имѣеть въ будущемъ виды на присоединеніе къ себѣ около двухъ миллионовъ австрійскихъ Румуновъ.

Но нѣть никакого сомнѣнія, что операционнымъ базисомъ политики Запада противъ Россіи скоро послужить Гречія. Орудіемъ будетъ избрана такъ-называемая «великая идея» или идея о «великой Гречіи». Извѣстно, что Греки смотрѣть на маленькое Греческое королевство какъ на залогъ будущей сильной греческой державы, и что нѣть Грека, который бы не мечталъ о возстановленіи Византійской имперіи. А такъ какъ ни Россія, ни Славяне Балканского полуострова не могутъ желать этого возстановленія, то несмотря на единовѣріе, Греки, — такъ надѣются на Западѣ, — могутъ изъ друзей обратиться въ злѣйшихъ нашихъ враговъ. Западъ будетъ всѣми силами льстить гордости и самолюбию греческой націи и постарается сдѣлать изъ Грековъ оплотъ противъ Россіи и Славянскаго міра. Единству славянской массы, какъ мы уже сказали, онъ попытается противопоставить единство греческаго племени, и поэтому станетъ всѣми мѣрами благопріятствовать греческому объединенію. Такова тайная мысль иностранной политики, которая не замедлитъ выразиться и явно. Если ужъ приходится Западу мириться

съ православiemъ, такъ онъ скорѣе помирился съ нимъ въ лицѣ греческаго, нежели славянскаго племени; если можетъ онъ допустить возвышеніе на Востокѣ какой-либо политической силы, такъ ужъ скорѣе греческой, нежели русской. Эту задачу для западной политики довольно рѣзко выставляетъ г. Бѣле, въ одной изъ январскихъ книжекъ *Revue des Deux Mondes*. Любопытнѣе всего, что въ этой замѣчательной статьѣ не говорится почти ни слова о славянскихъ племенахъ, населяющихъ Турцію: они, какъ должно подразумѣвать, обрекаются на подданство Грекамъ и Румунамъ, такъ какъ одновременно съ расширеніемъ предѣловъ греческой державы, съ одной стороны должна расшириться и значительно подвинуться дальше на югъ вновь созиаемая Европою румунская держава. И действительно, эта мечта французского публициста совпадаетъ съ политическими фактами. На Дунай позиція уже занята Западомъ, политическое развитіе Валахіи и Молдавіи получило направление непріязненное для Россіи. Съ юга, т. е. со стороны Гречіи, начинается то движение, которому Россія не можетъ не сочувствовать, которому не можетъ не содѣйствовать, но которымъ, безъ сомнѣнія, воспользуются западные державы для того, чтобы поставить Грековъ въ отношенія враждебныя къ Россіи и Славянамъ. Въ политическомъ отдѣлѣ нашей газеты было упомянуто объ адресѣ Болгаръ къ Султану, сочиненномъ, по общему мнѣнію, католическими монахами — лазаристами. Въ этомъ адресѣ заставляютъ Болгаръ выражать такую мысль, что для нихъ владычество Туровъ сноснѣе чѣмъ владычество Грековъ. Греческія газеты полагаютъ, что этотъ адресъ измышленъ по ненависти католиковъ къ Грекамъ. Мы думаемъ, напротивъ, что этотъ адресъ есть только преждевременное проявленіе политическихъ замысловъ французской политики, которой лазаристы служатъ постояннымъ и вѣрнымъ орудіемъ... Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы Западъ охотно допустилъ образованіе могущественной греческой имперіи, но можно съ достовѣрностью предположить, что если возникновеніе греческой державы на развалинахъ Турціи и будетъ имъ допущено, какъ неизбѣжное, то не иначе какъ на условіяхъ какой-либо благовидной, но тѣмъ не менѣе весьма существенной, материальной и нравственной зависимости отъ

Запада. Западъ предложитъ Грекамъ купить себѣ политическое величие цѣною дружбы къ Россіи, т. е. непремѣннымъ условіемъ своего содѣйствія Грекамъ онъ поставить, въ той или другой формѣ, разрывъ ихъ съ Россіей. Константино-полемъ же онъ во всякомъ случаѣ постараѣтъ распорядиться такъ, чтобы эта византійская столица не имѣла никакого грознаго и стратегического значенія. — Мы вовсе не утверждаемъ, чтобы эти соображенія иностранной политики были безошибочны: Западъ и не знаетъ, съ какими силами ему придется считаться, да и Греки не такой народъ, который легко было бы Западу подчинить своему безусловному вліянію. Всего было бы лучше, конечно, еслибы возстающіе въ Турціи христіане обошлись безъ всякаго содѣйствія западныхъ державъ, — но именно въ возможность-то этого невмѣшательства мы и не вѣримъ. Не вѣrimъ потому, впервыхъ, что такое невмѣшательство можетъ быть невыгодно для политическихъ интересовъ Европы и лишило бы се возможности дать то или другое, сообразное съ ея видами, направленіе разрѣшенію Восточнаго вопроса. Ввторыхъ потому, что и Франціи и Австріи нѣть другаго исхода для поправленія своихъ политическихъ обстоятельствъ, какъ принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Национальное самолюбіе Франціи до сихъ поръ не можетъ помириться ни съ неудачею дипломатическаго похода на Россію относительно Польши, ни съ возвеличеніемъ Пруссіи и пріобрѣтенною ею воинскою славой, ни съ категорическимъ отказомъ Бисмарка допустить извѣстное округленіе французскихъ границъ на счетъ Германіи. Ни всемірная выставка, ни новѣйшія quasi-либеральныя реформы не въ состояніи удовлетворить Французовъ. Востокъ же представляетъ богатую тему для политической фразеологии, такъ легко воспламеняющей французское тщеславіе: «la grande cause de l'Occident, la cause de la civilisation», сочувствие Эллинамъ, сочувствие Румунамъ, — участіе въ вопросѣ всемірно-исторической важности, — все это, вмѣстѣ съ тайнымъ желаніемъ поднять свое политическое значеніе и загладить свои неудачи, можетъ послужить настоятельнымъ поводомъ къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла Востока, когда наступить къ тому время. Что же касается до Австріи, то о значеніи для нея Восточ-

наго вопроса нѣтъ надобности и распространяться. Выѣс-
ненная изъ Германіи или, лучше сказать, сокрушенная какъ
держава германская, имперія Габсбурговъ сохранила тѣмъ
не менѣе всѣ традиціи и инстинкты крупной державы. Ав-
стрія въ судорожныхъ конвульсіяхъ мечется теперь изъ сто-
роны въ сторону, отыскивая точку опоры и цѣпляясь за
каждый случай, который могъ бы придать ей вновь полити-
ческое значеніе. Она преисполнена вожделѣній разширить
узкую полосу земли, которую она владѣеть по берегу Адріа-
тическаго моря, и пріобрѣсти Герцеговину и Боснию; она
желала бы присоединить къ себѣ и Дунайскія княжества и
княжество Сербское, и въ то же время основательно опа-
сается, что вмѣсто пріобрѣтенія новыхъ земель — можетъ
утратить и свои собственные въ пользу этихъ же самыхъ
княжествъ, что австрійскіе Румуны отойдутъ къ Валахіи и
Молдавіи, а австрійскіе Сербы къ Сербскому княжеству. Ро-
ковая сила влечетъ ее къ неминуемой гибели, но она не по-
гибнетъ, не испытавъ новой борьбы и новыхъ дипломатиче-
скихъ союзовъ и комбинацій.

Западная политика ставитъ Россію въ положеніе странное
и исполненное затрудненій. Нельзя, напримѣръ, Россіи не
сочувствовать ослабленію вассальныхъ отношеній Молдавіи и
Валахіи къ правительству султана; нельзя ей не признать,
что назначеніе княземъ независимаго принца всего силь-
нѣе содѣствуетъ такому ослабленію; притивиться недоб-
ной мѣрѣ значило бы, повидимому, противиться «про-
грессу», «гуманности», значило бы отрекаться отъ собствен-
ной традиціонной политики въ пользу этихъ княжествъ,
и т. д. — Но нельзя не видѣть въ то же время, что
назначеніе Гогенцоллерна есть политическая интрига, на-
правленная противъ Россіи, и что Россія, вынужденная согла-
ситься на такое нарушеніе Парижскаго трактата (нарушенія,
котораго, говоря вообще, она не можетъ и не желать),
въ то же самое время сама упрочиваетъ позицію для За-
пада на Дунай. Въ такое же фальшивое отношеніе легко
можемъ мы стать и къ Греціи, — и это тѣмъ болѣе при-
скорбно, что нѣтъ страны въ мірѣ, которая бы сочувство-
вала Грекамъ въ ихъ стремлѣніи къ независимости и сво-
бодѣ такъ какъ Россія, которая бы съ такимъ участіемъ

слѣдила за геройскими подвигами Кандіотовъ и такъ собо-
лѣзновала объ участіи ихъ семействъ. Не одна сотня тысячъ
рублей вышлеется имъ въ помошь изъ Россіи, несмотря на все-
общее у насъ финансовое затрудненіе. Но какъ ни велика
наша симпатія къ Грекамъ, мы не можемъ и не должны
приносить имъ въ жертву ни нашихъ братьевъ Славянъ —
Болгаръ и Сербовъ, ни интересовъ Россіи.

Намъ кажется, что Россія должна поспѣшить овладѣть
иніціативой разрѣшенія Восточного вопроса: въ противномъ
случаѣ овладеютъ ею западныя державы и создадутъ намъ
опять то неловкое положеніе, о которомъ мы говорили. Намъ
кажется, что параллельно съ движениемъ греческимъ должно
было бы происходить и движение славянское; что Россія
должна была бы тверже настаивать на освобожденіи Бѣл-
града отъ турецкаго гарнизона и принять болѣе дѣятельное
участіе въ разрѣшеніи церковной греко-болгарской распри,—
однимъ словомъ, стать во главѣ, а не въ хвостѣ того дви-
женія, которое объемлетъ Востокъ...

Москва, 25-го января.

Въ тишинѣ, подъ мирною сѣнью науки, во имя самыхъ
серъезныхъ и искреннихъ интересовъ знанія, готовится въ
нашей общественной жизни событие истинно знаменательное.
Нынѣшнею весною, въ Москвѣ откроется этнографическая
выставка, и вмѣстѣ съ тѣмъ положится основаніе постоянному
этнографическому музею. Первоначальная мысль этой
выставки, которой предполагали дать строго-антропологиче-
скій характеръ, возникла еще въ 1864 году въ средѣ, не
задолго предъ тѣмъ вовникшаго, Общества любителей есте-
ствознанія. Но вскорѣ первоначальный планъ этого предпрія-
тія расширился: изъ антропологической выставки преврати-
лась въ этнографическую. Материальныя средства для исполненія
ея предложены были обществу В. А. Дашковымъ. На-
конецъ, въ концѣ 1865 года программа выставки была уве-
личена, по предложенію Н. А. Іопова, еще новымъ отдѣ-
ломъ — славянскимъ. Комитетъ, занимающійся устройствомъ
этой выставки, неоднократно уже публиковалъ о пожертвово-

ваніяхъ, которые были получены имъ съ разныхъ сторонъ и свидѣтельствовали — съ какимъ всеобщимъ сочувствіемъ эта счастливая мысль была встрѣчена русскимъ обществомъ. Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому предпріятію и Славяне, преимущественно австрійскіе. Львовское ученое общество, извѣстное подъ именемъ галицко-русской Матицы и Львовскій Народный Домъ, т. е. русскій национальный клубъ, назначили 200 гульденовъ и особую комиссию для собранія наиболѣе характеристическихъ одѣяній, употребляемыхъ русскимъ населеніемъ по обоимъ склонамъ Карпатъ, и уже успѣли, при небольшомъ пособіи московскаго комитета, составить интересную коллекцію этнографическихъ предметовъ. Хорватское ученое общество, занимающееся изученіемъ исторіи и нарѣчій южныхъ Славянъ, образовало особый комитетъ, а по южно-славянскимъ городамъ назначило комиссіонеровъ для составленія южно-славянскаго этнографического музея въ Загребѣ, объявивъ, что приступая къ такому предпріятію, оно руководствуется мыслю, программою и примѣромъ, поданными московскимъ обществомъ: часть вещей южно-славянского музея будетъ доставлена и на московскую выставку. Затѣмъ фабриканть изъ города Осека (Essegg) въ Словоніи, Феликсъ Лай, выслалъ нѣсколько прекрасныхъ костюмовъ изъ той мѣстности и множество разныхъ вещей, употребляемыхъ въ домашнемъ быту и сельскомъ хозяйствѣ у Сербовъ и Хорватовъ. Не малое собраніе такихъ же вещей пожертвовано московскому музею сербскимъ депутатомъ на сеймѣ Триедиаго Королевства, жителемъ города Вуковара, Александромъ Вукашиновичемъ. Одинъ изъ замѣтнейшихъ дѣятелей между небольшимъ племенемъ Словенцевъ, Матія Маляръ, пожертвовалъ московскому музею чрезвычайно красавую и интересную свадебную группу изъ южной Штирии со всею обстановкой. Извѣстный въ ученомъ мірѣ, какъ этнографъ и археологъ, президентъ чешскаго историческаго общества въ Прагѣ, Карль-Яромиръ Эрбенъ, предпринялъ, по порученію московскаго комитета, поѣздку въ окрестности города Домажлицъ (Thaus) лежащаго на границахъ Богеміи и Баваріи, гдѣ однакожъ наиболѣе удержались національные чешскіе обычай и одѣянія, и уже успѣлъ выслать въ Москву собранную имъ коллекцію. Знаменитый хорватскій «патрі-

отъ», хотя и католический епископъ, Штроссмайеръ, и буко-
винский православный епископъ Гакманъ сами предложили
свои услуги къ обогащению не только московской этнографи-
ческой выставки, но и музея. При этомъ слѣдуетъ упо-
мануть о весьма богатомъ и во многихъ отношеніяхъ замѣ-
чательномъ собраніи костюмовъ, фотографій и другихъ этно-
графическихъ предметовъ, которые присланы на выставку изъ
Царства Польскаго, благодаря содѣйствію князя В. А. Чер-
касскаго. Комитетъ не ограничился однажды простымъ при-
глашеніемъ славянскихъ ученыхъ и жертвователей участво-
вать въ московской выставкѣ, но и дѣлалъ заказы, при по-
средствѣ нашего священника въ Вѣнѣ, М. Ф. Раевскаго,
въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда нельзя было ожидать обиль-
ныхъ пожертвованій. Мы увѣрены, что въ свое время буд-
утъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена всѣхъ тѣхъ
лицъ, которыхъ были исполнителями порученій комитета въ
различныхъ славянскихъ земляхъ и тѣмъ оказали существен-
ное содѣйствіе великолѣпію выставки и полнотѣ будущаго
музея. При этомъ нельзя не вспомнить, что дѣятельность слав-
янскихъ корреспондентовъ значительно затруднялась сперва
войною между Австріей и Пруссіей, потомъ холерою, кото-
рая свирѣпствовала въ Австріи весьма сильно, и наконецъ
крайнею и понятною для насъ, Русскихъ, недовѣрчивостью,
съ какою сельское славянское населеніе встрѣчало просьбы
о снятіи фотографическихъ изображеній съ наиболѣе типи-
ческихъ лицъ и о покупкѣ народныхъ одѣяній. Текущенія
полненія на Балканскомъ полуостровѣ значительно затруд-
нили собираніе этнографическихъ предметовъ, которыми мож-
но было бы характеризовать бытъ турецкихъ Славянъ. Но
мы знаемъ, что комитетъ все-таки имѣть надежду получить
нѣсколько костюмовъ изъ княжествъ Сербіи и Черногоріи; а
относительно болгарскихъ одѣяній также сдѣлано нѣсколько
заказовъ, при посредствѣ одесско-болгарского почетительства.
Такимъ образомъ, наша русская выставка становится русско-
славянскою, тѣмъ болѣе что инородцы будутъ представлены
на ней какъ второстепенные и подчиненные племена. Само
собою разумѣется также, что при размѣщеніи славянскихъ
вещей въ будущемъ музей принятъ будетъ во вниманіе то
значеніе, которое долженъ имѣть Славянскій міръ для рус-
ской науки.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на допущеніе славянскаго отдѣла на русскую выставку, во всякомъ случаѣ оно въ высшей степени полезно и важно. Если выставка и музей имѣютъ цѣлую ознакомить русскую публику съ бытовою стороной русской жизни, то сравненіе съ Славянами всѣхъ наименованій должно стоять въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ: общія, родственные черты еще не совершенно исчезли въ современной жизни славянскихъ народовъ, и подмѣтить эти черты можно только при помощи сравненія. «Замѣчательное предпріятіе, писалъ одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, которому поручено было освѣдомиться о томъ, что можетъ быть доставлено на выставку изъ страны Кашубовъ, населяющихъ восточную часть прусской Помераніи, докторъ Манигардъ, — замѣчательное предпріятіе Общества любителей естествознанія открыть въ Москвѣ этнографическую выставку обѣщаешь принести наукѣ весьма важную пользу. Эта выставка представить *картины* теперешняго состоянія Славянскихъ народовъ: она сразу поставитъ на видъ, на какой высокой или низкой степени образованія, зависящей отъ вѣнѣніи условій жизни и отъ исторического развитія, стоятъ они; она легко покажетъ, что сталося изъ отдельныхъ частей Славянства въ теченіе ихъ исторической жизни, подъ вліяніемъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени, какъ далеко каждая отрасль Славянства приблизилась къ образцу человѣческой нравственности, выступивъ изъ общихъ всѣмъ имѣ началь. Я думаю, что это будетъ картина величественная, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ и мрачная»... Мрачная въ томъ смыслѣ, добавимъ мы, что на многихъ типахъ славянскихъ, въ ихъ этнографической обстановкѣ, не можетъ не лежать печать рабства, неволи и отчужденія отъ своей народности, подъ варварскимъ ли турецкимъ, или просвѣщеннымъ австрійскимъ гнетомъ.

Но, кромѣ интереса строго научнаго, принятіе славянскаго отдѣленія на московскую выставку принесетъ ту выгоду, что сильнѣе чѣмъ что-либо другое скрѣпить взаимное сближеніе въ области науки и литературы между Русскими и остальными Славянами. За границей, напримѣръ въ Германіи, подобные предпріятія вызываютъ часто оживленныя сходки ученыхъ со всѣхъ концовъ нѣмецкаго міра. Эти сходки за-

иѣняли нерѣдко Нѣмцамъ недостатокъ политического единства, и дѣлались отчасти именно съ цѣлію—живѣе возбудить сознаніе национального и содѣйствовать политическому единству. Въ подобныхъ съѣздахъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, духовныхъ, за границей всегда принимается живое участіе городъ, служацій средоточіемъ для такого съѣзда. У Нѣмцевъ, а также и у австрійскихъ Славянъ, есть обычай, котораго они твердо держатся въ подобныхъ случаѣахъ: не только устраивать особенные, за половину цѣну, поезды по желѣзной дорогѣ къ городу, гдѣ происходитъ ученое или какое-либо иное празднество, но и устраивать отъ имени городской общины дешевый помѣщенія для пріѣзжихъ на все время праздника. Такъ праздновалась, напримѣръ, чешскими Славянами, въ 1863 году, тысячелѣтняя память Св. Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ городѣ Брюннѣ: русские путешественники явившіеся на это торжество, пользовались всѣми упомянутыми нами удобствами, устройствомъ которыхъ занимался особый комитетъ изъ местныхъ жителей. Переходя къ нашему празднству, готовящемуся нынѣшию весной, мы должны сказать, что на русско-славянскую этнографическую выставку прибудутъ депутатіи отъ чешскихъ и хорватскихъ ученыхъ обществъ, отъ вѣнскаго географического общества и отдѣльные представители отъ другихъ славянскихъ учрежденій, преимущественно австрійскихъ.

Отстанемъ ли мы отъ Нѣмцевъ? Отстанемъ ли и отъ своихъ братьевъ—бѣдняковъ Славянъ? Пристыдитъ ли Москву какой-нибудь Вюрцбургъ или Брюннѣ? Если почему-либо наша Московская общая Городская Дума не считаетъ себя въ правѣ производить на приемъ гостей расходы изъ городскихъ капиталовъ, то неужели не придется во всей Москвѣ ни одного богатаго человѣка, который бы пожертвовалъ на это деньги? Неужели не соберется и по подпискѣ достаточной суммы, чтобы могла Москва явиться, по истинѣ, народной русской столицей, столицей единой свободной славянской державы, и отпраздновать родственный пиръ? Или мы уже не въ состояніи предложить и трапезы своей роднѣ, своимъ кровнымъ братьямъ? И велики ли нужны на это деньги! Тысячъ шесть-семь рублей, едва ли больше..... Нѣть, Москва

не опозорить себя, встрѣтить и проводить гостей съ честью и станеть для нихъ и для всего Славянства средоточіемъ нравственной славянской силы. Москва ли посрамить свою славу?...

Москва, 5-го февраля.

Дѣло спѣТЬ. Трепетъ новой жизни уже слышится на Востокѣ; бодрѣе стали, оживились сознаніемъ и изготавляются къ упорной кровавой борьбѣ христіанскія населенія Турціи. Тайно и явно куется оружіе, свозятся запасы, племена ссылаются между собою, — все полно тревоги и ожиданія, все *наканунѣ* послѣдней, роковой битвы. Дѣло спѣТЬ, но еще не поспѣло, и вникая пристальнѣ въ подробности дѣйствительной обстановки Восточного вопроса, можно, пожалуй, и не жалѣть о томъ, что дипломатія думаетъ продлить агонію своего пациента. Нужно еще нѣсколько времени для того, чтобы наши Славяне могли совсѣмъ снарядиться къ бою и сами сдѣлаться рѣшителями своей политической судьбы. Это время близако,—но не мѣшаеть, однако же, прежде вывести турецкій гарнизонъ изъ Бѣлграда, дать выдвинуться впередъ и предъявить свои права на существованіе многочисленному Болгарскому народу,—не мѣшаеть и намъ сначала докончить свою желѣзную дорогу отъ Москвы къ Черному морю.

Сопоставляя тронную рѣчъ императора Наполеона, сообщенную намъ вчера по телеграфу, вмѣстѣ съ депешами изъ Аеинъ и изъ Триеста въ томъ же №,—мы убѣждаемся, что соглашеніе между Россіей, Франціей и Австріей относительно дипломатического образа дѣйствій на Востокѣ — въ данную, настоящую минуту есть дѣло рѣшеное. Императоръ Французовъ объявилъ, что ничто не грозитъ сохраненію мира, что великия державы согласились между собою дѣйствовать дипломатическимъ путемъ и требовать отъ Порты уступокъ, удовлетворяющихъ законныя требованія христіанскихъ населеній и не нарушающихъ правъ султана. Такое положеніе, конечно, заключаетъ въ себѣ самомъ воющіе противорѣчіе и есть *contradictio in adjecto*, ибо законныя и законнѣйшія требованія христіанъ состоять именно въ нарушеніи и разрушеніи верховныхъ правъ султана: этого не

могутъ не знать и на Западѣ. Но эта условная безсмыслица, эта дипломатическая формула лжи, которую никто не убѣждается и которой никто не вѣритъ, ничего болѣе на значить, какъ желаніе отдалить, еще на нѣкоторое время, неизбѣжную развязку грознаго вопроса. Всѣми смутно чувствуется, что этимъ грознымъ Восточнымъ вопросомъ исторія какъ бы зоветъ къ отвѣту на страшный историческій судъ Востокъ и Западъ, какъ бы понуждаетъ ихъ свести итоги прожитому, разсчестясь съ прошлымъ и предъявить дѣйствительныя права на новое бытіе въ будущемъ политическомъ строѣ... И по-нятно такое медленіе старого міра на порогѣ суда, на краю будущаго. Всѣ державы сознаютъ, что скоро потребуется отъ нихъ такого напряженія усилий, такого расхода матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, для котораго онъ еще не готовы, и на который нельзя отважиться легкомысленно и очертя голову. И мы думаемъ, что собственно для нашихъ братьевъ Славянъ—такое промедленіе послужитъ на пользу.

Но если христіане могутъ извлечь для себя пользу даже изъ промедленія, если и Россія можетъ желать отсрочки для окончательного разрѣшенія восточной задачи, то все же мы не видимъ особенной пользы собственно для Россіи въ согласіи ся участвовать (если вѣрить телеграфу) въ той дипломатической лжи, которую она не можетъ и повторить своими устами не краснѣя. Что значить, спрашиваемъ опять, удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Императору Французовъ, конечно, можно съ высоты трона толковать о верховныхъ правахъ султана и обманывать себя и міръ на-деждою на примѣненіе хатти-шерифовъ и хатти-гумаюновъ, но мы не можемъ опозорить себя выраженіями вѣры въ та-кой лживый способъ замиренія Турціи. Одновременно съ соглашеніемъ Россіи съ Франціей, о которомъ возвѣстилъ императоръ Наполеонъ, мы читаемъ въ иностранныхъ жур-налахъ статью изъ *Correspondance russe* (газеты, которую въ Европѣ почитаются за офиціозный органъ русскаго ми-нистерства иностранныхъ дѣлъ и которая, какъ кладъ, не дается въ подлинникѣ Русскимъ въ Россіи), что Россія не вѣритъ въ примирительную силу административныхъ реформъ въ Турціи и ничего не ожидаетъ отъ турецкаго правитель-ства. Если такъ, то что же значить это «соглашеніе» и это

намѣреніе Россіи «не отдать своей политики на Востокъ отъ политики Франціи»?

Что можетъ теперь учинить дипломатія, къ какимъ существеннымъ результатамъ способны привести европейскія ходатайства и представительства? Въ чемъ можетъ теперь, въ данную минуту, заключаться удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Потребуютъ ли державы, чтобы Критъ былъ присоединенъ къ Греціи, чтобы турецкіе гарнизоны были выведены изъ сербскихъ крѣпостей? Послѣднее довольно вѣроятно и будетъ имѣть важный послѣдствіи для Сербіи; оно развязетъ ей руки и избавитъ ее отъ вѣчного страха за существование столицы сербскаго княжества: турецкія пушки, направляемыя польскими офицерами, уже не будутъ грозить разрушеніемъ Бѣлграду и держать Сербію подъ материальнымъ и нравственнымъ гнетомъ. На эту уступку впрочемъ Турція, какъ известно, склонилась и прежде. Но согласятся ли Англія и Франція на присоединеніе Кандіи и согласится ли на это Турція, не истощивъ послѣднихъ усилий въ борьбѣ? Между тѣмъ Критане провозгласили на своеемъ собраніи рѣшеніе, отъ котораго едва ли отступятся: «присоединеніе къ Греціи или смерть». Хотя, какъ говорить телеграмма, полученная чрезъ Одессу, Греки и приучили вслѣдствіе слуховъ о соглашеніи между Россіей и Франціей,—Франціей, которая такъ несочувственно, такъ жестоко, въ лицѣ маркиза де Мутье, отнеслась къ національному одушевленію Грековъ,—нельзя однако же думать, чтобы это соглашеніе не сопровождалось никакими насилиственными мѣрами противъ возставшихъ, прекратило борьбу. Кровь будетъ литься попрежнему,—въ то самое время, какъ Россія, вмѣстѣ съ Франціей, будетъ настаивать надъ султаномъ, чтобы онъ исправилъ неисправимую турецкую администрацію, и будетъ, въ хорѣ съ западными державами, стараться убакать мучимыхъ сладкою и старою пѣснью, что сердце мучителя преисполнено любви и самыхъ благихъ и кроткихъ желаній. Мы конечно говоримъ все это въ томъ предположеніи, что Россія, вмѣстѣ съ западными державами, ограничится въ настоящее время однимъ дипломатическимъ ходатайствомъ о какомъ-либо облегченіи Кандіотовъ отъ налоговъ и о болѣе дѣйствительномъ выполненіи хатти-гумаюна. Между

тѣмъ кровь могла бы перестать литься, и Восточный вопросъ еще былъ бы далекъ отъ полнаго разрѣшенія, если бы было исполнено законное требование Грековъ острова Крита присоединиться къ Грекамъ королевства. Если же на это невозможно было бы добиться согласія прочихъ державъ, то все же мы не видимъ, почему бы Россіи нельзя было остатся одной при своемъ мнѣніи, и почему, въполномъ сознаніи чистоты и безкорыстія своихъ намѣреній, не могла бы она предъявить Турціи такое сображеніе, которое бы дѣйствительно на иѣкоторое время уняло кровь и замирило Грековъ? На совѣтѣ западныхъ державъ Россія, какъ всего лучше знакомая съ положениемъ дѣлъ на Востокѣ, должна бы, казалось намъ, являться ходатаемъ за истинные интересы христианскихъ населеній, и не присоединяться къ фальшивому хору европейскихъ дипломатовъ. Одно заявленное громко, хотя бы и неуваженное, требование Россіи, напримѣръ, о присоединеніи Крита къ Греціи, подняло бы значеніе Россіи на Востокѣ выше значенія прочихъ благосклонныхъ къ султану державъ, а подъемъ этого значенія для нась несравненно дѣйствительнѣе въ будущемъ и дастъ намъ практическіе результаты несравненно важнѣйшіе, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и сдѣлки. Впрочемъ, повторяемъ, мы должны дождаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ соглашеніи нашемъ съ Франціей, о которомъ такъ торжественно возвѣстилъ Наполеонъ III: тогда уяснятся намъ поводы и виды этого соглашенія.

Читатели нашего политического отдѣла вѣроятно не пропустили безъ вниманія помѣщенную въ 28 № нашей газеты статью сербскаго публициста Матіи Бана. Въ одно время съ нею въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились письма одного Серба изъ Бѣлграда, а въ 27 № этой газеты помѣщена и телеграмма изъ Берлина совершенно въ духѣ этихъ двухъ упомянутыхъ нами статей. Оба писателя стараются доказать, что Восточный вопросъ не долженъ пугать Европу, что Европѣ нечего и вмѣшиваться въ его разрѣшеніе, что онъ можетъ быть разрѣшенъ силою самихъ внутреннихъ национальныхъ элементовъ Балканского полуострова. «Мы не только не просимъ, но и не хотимъ, чтобы Европа подняла за нась оружіе; мы желаемъ только, чтобы она не мѣшала

намъ», говорять Сербы. Поэтому они и не очень хлопочать о немедленномъ взрывѣ на Востокѣ; намѣреваясь рѣшить вопросъ своими силами, они собираются съ силами. Вотъ почему, отчасти, мы и сказали, что небольшое замедление въ разрѣшеніи Восточного вопроса не повредить славянскому дѣлу. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду и нечто другое, о чмъ забываютъ оба сербскіе писателя, весьма вѣрно отражающіе народныя стремленія Сербовъ. По ихъ мнѣнію, на Балканскомъ полуостровѣ только три народности: греческая, румынскія и сербская, или славянская, сгруппировавшаяся около Сербіи. Г. Банъ говоритъ о «Тройственномъ Союзѣ» трехъ будущихъ государствъ Румынского, Греческаго и Сербскаго, который долженъ обеспечить миръ Европы. Въ то же время упомянутая нами телеграмма изъ Берлина возвѣщаетъ, въ видѣ какой-то международной сплетни, что Россія предлагаетъ устройство Союза, на мѣсто Турціи, изъ Сербіи, Румыніи и Греціи, съ центральнымъ управлениемъ въ Константинополѣ. Намъ нѣтъ надобности доказывать неосновательность этой депеші, но она свидѣтельствуетъ, что подобные соображенія уже пущены въ ходъ въ Европѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ побужденіямъ и даже плану сербскихъ публицистовъ, но не можемъ не подивиться только одному, что ни тотъ, ни другой даже не упоминаютъ о Болгарахъ и о болгарской народности, тогда какъ Болгаръ почти вдвое больше, чмъ Сербовъ, и Болгарскій народъ имѣть свою исторію и преданія. Подобное забвеніе со стороны Сербовъ глубоко оскорбитъ ихъ сосѣдей и братьевъ Болгаръ, и если Сербы ихъ забываютъ, то мы, Русскіе, забыть ихъ не должны и не можемъ. Мы желаемъ союза Болгаръ съ Сербами для противодѣйствія османскому владычеству и честолюбивымъ греческимъ замысламъ, если таковые будутъ предъявлены Греками относительно Славянскихъ племенъ,—но мы не можемъ требовать отъ Болгаръ, чтобы они исчезли какъ Болгари въ племени сербскомъ, если на то нѣтъ соизволенія самихъ Болгаръ. Болгари поставлены въ худшія условія жизни и существованія, чмъ Сербы,—у нихъ менѣе залоговъ для политического возрожденія, чмъ у Сербовъ,—они народъ менѣе воинственный и отважный,—но въ нихъ живо сознаніе своей болгарской народности, эта народность богато одарена

духовно, и хотеть жить. Пусть же Сербы примутъ это къ свѣдѣнію и пусть Болгары воспользуются отсрочкой Восточнаго вопроса для предъявленія и своихъ правъ на бытіе...

Москва, 11-го февраля.

Мы были правы, когда, разсуждая о тронной рѣчи Наполеона III, переданной намъ по телеграфу, высказали нѣкоторое удивленіе и сомнѣніе по поводу провозглашенаго императоромъ Французовъ решения Россіи: «не отдѣлять своей политики отъ политики Франціи на Востокѣ.» Мы тогда же выразили желаніе дождаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ нашемъ соглашении съ французскимъ правительствомъ, и мы должны сознаться, что статья, вызванная этою рѣчью въ *Journal de St.-Pétersbourg* и напечатанная нами во вчерашнемъ № «Москвы», въ значительной степени успокаиваетъ встревоженное русское чувство. Съ соблюдениемъ всѣхъ формъ, требуемыхъ вѣжливостью и дипломатическими приличіями, органъ русского министерства иностранныхъ дѣлъ даетъ ясно понять, что заявленіе Наполеона о такомъ трогательномъ согласіи русской политики съ французской и о такой великодушной нашей готовности идти на буксиръ французской дипломатіи—было совершеннымъ сюрпризомъ для самого русского кабинета. Оказывается, что наши дипломатические сношенія съ Франціей, по Восточному вопросу, не давали вѣценосному оратору ни малѣйшаго повода употреблять въ своей рѣчи такія риторическія гиперболы—чтобы не сказать: небылицы. Оказывается, что Франція шла въ послѣднее время совершенно врозь съ нашимъ кабинетомъ по дѣламъ Востока; что она постоянно и ревниво оберегала власть Порты въ ея столкновеніяхъ съ Сербами и Греками, и что она-то и внушила Турціи «ту систему насильственнаго подавленія, которая привела къ кровопролитной междоусобной войнѣ.» Оказывается, что не Россія рѣшилась не отдѣлять своей политики отъ политики французской, но Франція рѣшилась сдѣлать *volte-face* съ проворствомъ, достойнымъ знаменитаго Боско, и пристать наконецъ къ тому образу дѣйствій, который давно совѣтовала и которому неуклонно слѣдовала Россія. Дипломатический тактъ не дозволяетъ, конечно,

нашему официальному журналу выходить изъ предѣловъ сдержанности въ обсужденіи того страннаго, хотя и ловкаго маневра, которымъ французскій кабинетъ счелъ нужнымъ прикрыть эту перемѣну позиціи. Но мы имѣемъ право быть несолько откровеннѣе. Причина этого маневра ясна. Франція, спохватившись наконецъ, что ея политика ошибочная, подрываетъ ея влияніе на Востокѣ, и что напротивъ въ той же мѣрѣ усиливается значеніе Россіи, являющейся единственнымъ ходатаемъ предъ Европою и Портою за бѣдствующихъ христіанъ,—Франція, въ лицѣ своего водителя, рѣшилась опередить Россію, такъ-сказать—перебѣжать ее, *перебить у нея инициативу*, присвоить себѣ честь почина, при надлежащую Россіи, и не задумалась, съ храбростью поразительною, безцеремонно и во всеуслышаніе извратить факты и объявить, что сама Россія соглашается пристегнуть себя къ французской политикѣ. Мы не можемъ согласиться съ *Journal de St.-Pétersbourg*, что «въ виду результатовъ столь благопріятныхъ интересамъ просвѣщенного мира было бы ребячествомъ спорить, кому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ инициатива или первенство, какая держава отклонилась или присоединилась къ другой.» Извращеніе истины въ такомъ важномъ для Россіи вопросѣ можетъ бросить, или по крайней мѣрѣ имѣть цѣлую бросить невыгодную тѣнь на нашъ политический образъ дѣйствій и компрометировать насъ въ глазахъ восточныхъ населеній, озабоченныхъ на Францію за ея политику на Востокѣ,—представивъ Россію какъ бы солидарною съ политикой французского кабинета. Объясненіе *Journal de St.-Pétersbourg* конечно не получить такой торжественной огласки, какъ троиная рѣчь императора Французовъ; *Moniteur* едва ли перепечатаетъ статью официального органа русскаго министерства, и кому же въ Европѣ придется на умъ подозрѣвать неточность въ такихъ важныхъ политическихъ заявленіяхъ, которые совершаются съ высоты трона? Можно, впрочемъ, надѣяться, что ни Греки, ни Славяне не дадутъ себя смутить подобными заявленіями, какъ бы торжественны они ни были. Имѣть слишкомъ хорошо известна истина, они владѣютъ слишкомъ полновѣсными доказательствами — какова была прежняя система дѣйствій Франціи на Востокѣ: ихъ не обморочитъ неправда пышныхъ французскихъ фразъ.

Но дѣло едва ли ограничится фразами. Ровно мѣсяцъ тому назадъ мы говорили, несмотря на почти-непріязненное отношение Франціи къ критскому возстанію, что когда придетъ время, французскій кабинетъ не затруднится дать внезапный, именно *внезапный* поворотъ своей политикѣ и вдругъ явится благодѣтелемъ Грековъ—съ тѣмъ, чтобы занять господствующую позицію и стать во главѣ дѣла. Вотъ почему мы и настаивали съ такою рѣзкостью на томъ, чтобы Россія не дала себя опередить и послѣшила овладѣть инициативой въ Восточномъ вопросѣ. Но овладѣть инициативой не въ томъ еще состоять, чтобы, какъ говорить *Journal de St.-Pétersbourg*, *первому побудить*,—выписываемъ подлинныя слова,—«великія державы къ общему соглашенію, съ цѣлью прекратить кровавыя столкновенія и предотвратить ихъ возобновленіе, совѣтуя Портѣ принять мѣры, которыя могли бы помирить сохраненіе турецкаго владычества съ развитіемъ и благополучіемъ христіанскихъ населеній Востока». Намъ кажется, что совѣтовать это—все равно, что совѣтовать невозможное, ибо одно исключаетъ другое, и развитіе христіанскихъ народовъ съ сохраненіемъ оттоманского владычества несовмѣстно и непримирамо. Намъ кажется, что совѣтовать невозможное и входить въ соглашеніе о мѣрахъ палліативныхъ, слѣдовательно неспособныхъ предотвратить зло—это не значить еще овладѣть положеніемъ дѣла. На такомъ пути легко дать себя опередить всякому, менѣе «благонамѣренному» и менѣе заботящемуся о репутаціи умѣренности и добронравности; на такомъ пути легко остаться позади всѣхъ, съ полученіемъ даже, въ воздаяніе за свою скромность, сюрпризовъ въ родѣ тѣхъ, которые недавно возбудили «удивленіе» офиціального органа нашего министерства. Здѣсь нуженье починъ болѣе смѣлый, нужна инициатива фактовъ. Всякій обладающій рѣшимостью и способностью такой инициативы поставить менѣе рѣшительныхъ какъ бы въ зависимость отъ своего образа дѣйствій.

Въ томъ же самомъ № *Journal de St-Pétersbourg*, гдѣ говорится о вышеупомянутыхъ добрыхъ совѣтахъ Портѣ, находится и другая статья, не имѣющая характера офиціального *communiqu *, но тѣмъ не менѣе выражающая мысль редакціи. Она также перепечатана нами во вчерашнемъ №.

Эта статья высказываетъ какъ бы нѣкоторое недовѣріе къ успѣху подобныхъ совѣтовъ и палліативныхъ мѣръ. Того же мнѣнія, только болѣе рѣзкаго, держится и Correspondance Russe. Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе. Никто лучше русскаго кабинета не знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, и никому лучше его не можетъ быть извѣстно, что ни излѣчить «больнаго», ни продлить слишкомъ долго его агонію—нѣтъ возможности. Никто искреннѣе Россіи не желаетъ развитія и благоденствія христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, никто менѣе ея не заинтересованъ въ сохраненіи оттоманского владычества, и никто, въ то же время, глубже не убѣжденъ въ несовмѣстимости этого владычества съ благоденствіемъ христіанъ. Такое внутреннее сознаніе и такая вполнѣ справедливая оцѣнка состоянія дѣлъ на Востокѣ — необходимо лишаютъ насъ вѣры въ собственные наши дипломатическія ходатайства и представительства, приспособляемыя нами въ ладъ съ общимъ тономъ западно-европейской дипломатіи. Наше министерство подаетъ совѣты, въ успѣхъ которыхъ само не вѣритъ; пишетъ ноты, которыхъ назначеніе скорѣе свидѣтельствовать передъ Европой о нашемъ безкорыстіи и миролюбіи, нежели домогаться дѣйствительнаго спасительного результата. Подобное внутреннее противорѣчіе естественно ослабляетъ нашу силу и ставить насъ постоянно въ ложное положеніе. Оно не удовлетворяетъ ни общественнаго мнѣнія въ Россіи, ни ожиданій христіанъ на Востокѣ, не внушаетъ и довѣрія западноевропейскимъ правительствамъ. Россія, какъ проситель, ходатайствуя за христіанъ, стучится въ двери европейскихъ кабинетовъ, добиваясь отъ нихъ благонрѣтнаго отзыва, спрашиваясь о томъ, чтѣ они намѣрены сдѣлать, приглашая ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, и получаетъ въ отвѣтъ отъ кабинетовъ, надумавшихся и снесшихся тайно другъ съ другомъ: «ступай за нами: мы знаемъ про себя, чтѣ мы сдѣлаемъ и когда сдѣлаемъ; если будешь идти за нами,—мы объявимъ миру о твоемъ миролюбіи, въ противномъ случаѣ мы опять обвинимъ тебя въ властолюбивыхъ замыслахъ, въ *ambition moscovite*, чего ты, какъ огня, боишься и ради чего ты готова на всякия уступки, свидѣтельствующія о твоемъ безкорыстіи». Этотъ страхъ нашъ, въ самомъ дѣлѣ, ловко эксплуатируется за-

шадными державами, и привель нась къ тому, что отъ парижского трактата, самовольно нарушенного европейскими кабинетами, осталось обязательнымъ и действительнымъ единственно то, что служить ко вреду и къ ущербу Россіи.

Во имя нарушения этого трактата, Россія въ правѣ возвратить себѣ устье Дуная и не стѣсняться условиемъ, опредѣляющимъ цифру нашихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ. Во имя перемѣнъ, произведенныхъ Франціей въ Дунайскихъ Княжествахъ, Россія въ правѣ требовать — гласно и настойчиво — такихъ же перемѣнъ и для Сербскаго Княжества. Въ кандійскомъ вопросѣ Россія не можетъ предлагать другого разрѣшенія, какъ присоединенія Крита къ Греціи. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ надѣяться, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ, давшее столько доказательствъ національного направленія своей политики, признаетъ наконецъ необходимость гласно и явно, — въ циркулярной ли нотѣ, или въ какой бы то ни было дипломатической формѣ, — заявить о правахъ Россіи и выразить предъ Европою, восточными христіанами и общественнымъ мнѣніемъ Россіи, какъ свои дальневидныя соображенія, такъ и тѣ положительныя средства къ умирению Востока, которыя можетъ пока присовѣтывать Россія безъ ущерба своему нравственному достоинству.

Москва, 18 февраля.

Упрямый Мадьяръ осилилъ упрямство Нѣмца. Восемнадцатилѣтняя борьба Австрии съ Венгріей окончилась на дняхъ къ совершенному торжеству мадьярскаго племени. Трудно найти что-либо любопытнѣе и поучительнѣе этой борьбы. Она обнаруживаетъ столько же и замѣчательное искусство политическихъ вождей Венгрии, сколько и политическую упругость самой націи. Она свидѣтельствуетъ наконецъ, о томъ что значить, какимъ могучимъ рычагомъ въ исторической дѣятельности народа служить сила *самомнѣнія* — вѣра въ себя, въ достоинство и право своей народной личности. Мадьярское племя, какъ извѣстно, физиологически вымираетъ, но мадьярскій національный духъ живъ и живучъ и неуто-

мимо продолжаетъ свои нравственные завоеванія, превращая въ Мадяръ не-мадярскихъ обитателей Венгрии. Германизация, исхитившая у Славянского міра столько славянскихъ странъ, собравшая такую богатую жатву въ славянскихъ населеніяхъ Австріи,—сокрушилась объ упорство ревнивой мадярской національности. Новое доказательство, что ни превосходство «культуры», ни высшая степень цивилизациі, ни преимущества языка, имѣющаго значеніе всемірного гражданства,—то есть ни одна изъ тѣхъ причинъ, которыми оправдывается обыкновенно онѣмеченіе Поляковъ въ Познани и вообще духовное порабощеніе одного племени другимъ,—не въ силахъ покорить чужой народности, если она сама въ себя несомнѣнно вѣритъ, если ей неотъемлемо присуще признаніе своихъ собственныхъ правъ на жизнь и самостоятельное личное развитіе,—если однимъ словомъ, она хочетъ жить—и быть самой собою.

Мы не пишемъ апологію мадярской народности; напротивъ, мы съ глубокою скорбью свидѣтельствуемъ объ ея успѣхахъ, столь опасныхъ и вредныхъ для обитающихъ въ Венгрии и вообще въ Австріи Славянъ. Но мы не можемъ, мы не должны относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ нравственнымъ силамъ, которые даютъ перевѣсь чужимъ національностямъ надъ славянскою. Мы должны внимательно всматриваться въ свойство этихъ силъ и укрѣпляться въ собственномъ народномъ самосознаніи. Нашъ горький упрекъ относится впрочемъ не къ однимъ Славянамъ, живущимъ въ Западной Европѣ, въ Россіи, но отчасти и къ намъ, Русскимъ. Не приходится ли нерѣдко и намъ самимъ, у себя дома, доказывать, что государственное вѣшнее единство еще не приводить къ такъ-называемой ассимиляціи или отождествленію племенъ, и что важнѣе всѣхъ вѣшнихъ практическихъ мѣръ къ обрусѣнію нашихъ окраинъ — это выясненіе нами себѣ самимъ понятія о нашей народности и строгое, неуклонное огражденіе ея правъ, по крайней мѣрѣ въ сознаніи. Если хотя въ сознаніи мы крѣпко будемъ держаться своей народности и держать ея имя для себя самихъ «честно и грозно», то практическія послѣдствія произойдутъ отъ того сами сами собою—несравненно болѣе плотоворныя, чѣмъ всякая искусственная насильтственная мѣры. Не столько

о томъ чтобы обрушить нашихъ инородцевъ (разумѣемъ собственно западныхъ) должны мы заботиться, сколько о томъ, чтобы они обрушили, — а это возможно только при постоянномъ нравственномъ дѣйствіи на нихъ силы нашего собственного мнѣнія о своей русской народности, и отъ степени этой силы....

Но обратимся къ побѣдѣ Мадьяръ надъ австрійскимъ правительстvомъ и къ послѣдствіямъ ея для австрійского Славянства.

Послѣ того какъ Венгрия въ 1849 г., побѣжденная русскими войсками и простираясь, по извѣстному выражению Паскевича, «у ногъ его величества», императора всей Россіи, была передана нами императору Францу-Іосифу, — послѣ казней и другихъ дѣйствій мщенія, совершенныхъ раздраженными австрійскими Нѣмцами, древняя конституція Венгерского королевства была отмѣнена, и австрійское правительство, централизируя власть въ Вѣнѣ, лишило Венгрию той политической самостоятельности, на которую она имѣла право по силѣ своей конституціи и по первоначальнымъ договорамъ съ Габсбургами. Создавая всю ненадежность своего мозаичного государственного состава; чувствуя вмѣстѣ съ утратой исторического обаянія, иѣкогда связанныаго съ именемъ «священной римской имперіи» и съ утратою своего верховнаго значенія въ Германіи послѣ разрушения старыхъ нѣмеckихъ порядковъ Наполеономъ I-мъ, — ослабленіе прежнихъ связей державшихъ части государственного зданія; въ виду, наконецъ, пробудившагося национального сознанія у разноплеменныхъ своихъ народовъ и потрясенная событиями 1848 и 1849 года, — Австрія, въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ металась, какъ большой въ горячкѣ, отъ одной политической системы къ другой. Всѣ усилия этого послѣдняго периода были направлены австрійскою имперіей къ тому, чтобы сыскать себѣ политическую формулу управления и такую норму государственного бытія, въ которой разнородность состава не мѣшала бы сплошному политическому единству и централизаціи правительstvенныхъ силъ. Самымъ могучимъ противникомъ такого единства и централизація являлась, разумѣется, Венгрия съ преданіями и привычками своей долгой конституці-

онной жизни, съ упорствомъ и отважностью мадьярскаго народнаго духа. Императоръ австрійскій вознамѣрился замѣнить династическую связь Венгрии съ имперіей въ особѣ короля и императора (Personalunion) — прямымъ, непосредственнымъ соединеніемъ ея съ Австріей, и вотъ именно на попытки къ осуществленію этихъ замысловъ со стороны правительства и на отпоръ со стороны Венгрии и употреблено ровно восемнадцать лѣтъ. Тактика національной мадьярской партіи, предводимой знаменитымъ Деакомъ, состояла въ томъ, чтобы требовать ни болѣе ни менѣе какъ возстановленія непрерывности историческаго права и историческаго преданія Венгрии, именно возстановленія конституціи, не прибавляя и не убавляя ничего, не допуская ни отступленій ни сдѣлокъ. Всякіе революціонные пріемы были отвергнуты этой партіей; она постоянно держалась почтительности въ формахъ, но крѣпко стояла на почвѣ законности, и никакія усилія правительства не могли выбить ее изъ этой позиціи. Не переходя къ фактическому сопротивленію, Венгрия ограничивалась однимъ пассивнымъ отрицаніемъ легальности австрійскихъ правительственныхъ мѣръ. *Сознаніе* цѣлой страны отказывало неумолимо всѣмъ дѣйствіямъ австрійскаго правительства въ Венгрии, всѣмъ учиненнымъ съ 1848 года преобразованіямъ — въ нравственной и юридической санкціи. Для Мадьяръ теченіе легальной жизни прервано 1848 годомъ, и все совершенное Австріей въ Венгрии, послѣ уничтоженія конституціи Св. Стефана, признается ими какъ юридически не бывшее, попавшіе, или какъ дѣйствіе насильственное, вѣзваконное. Созывается ли императоромъ сеймъ, съ тѣмъ чтобы привести въ исполненіе задуманную императоромъ мѣру, сеймъ почтительно объявляетъ, что будучи созванъ не на точномъ основаніи конституціи, онъ не считаетъ себя правоспособнымъ дать требуемое отъ него утвержденіе. Сеймъ распускается, созывается вновь — и опять объявляетъ себя не компетентнымъ. Приглашается ли Венгрия послать депутатовъ въ имперскую думу, она отказывается и дѣлаетъ имперскую думу не полную, несостоятельною, и разрушаетъ планы австрійскихъ министровъ. Никакихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ, никакихъ требованій, кроме требованія воастановленія конституціи, или своей юридической правоспособности; ни-

какого другаго сопротивленія, кроме отказа въ согласіи, въ освященіи правительстvenныхъ дѣйствій добровольнымъ участіемъ въ нихъ. Правительству очищалось постоянно открытое поле дѣйствовать виѣшию властью; оно такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ поставлялось постоянно въ необходимости—или уступить требованіямъ Венгрии, или прибѣгнуть къ насилию. Но прибѣгать къ насилию было и опасно и не своевременно, особенно когда положеніе финансовое, и политическая соображенія, и отношенія къ прочимъ частямъ имперіи вынуждали Австрію перейти отъ абсолютизма къ конституціонной формѣ правленія, когда нужно было поднять свой финансовый и политический кредит громкими либеральными мѣрами. Напрасно и грозилъ и упрашивалъ императоръ, напрасно совершалъ поїздки въ Офенъ и самъ лично, и вмѣстѣ съ своею супругой: пріемы были торжественные, но требованія неумолимы. Положеніе австрійскаго правительства было невыносимо, но оно сдѣлалось еще невыносимѣе послѣ пораженія при Садовой, исключившаго Австрію изъ Германіи. Гдѣ искать поддержки, на что опереться? На нѣмецкія ли земли имперіи? Но Нѣмцевъ такъ немногі и ихъ танетъ къ единству съ Германіей; нѣмецкимъ элементомъ Пруссія могутъственіе, и перевѣсь будетъ на ея сторонѣ. На Славянъ ли? Но Славяне восьми наименованій не представляютъ сплошной политической силы, они разрознены; разноязычны, они враждуютъ между собою (какъ напримѣръ Поляки и Русскіе въ Галиціи),—у нихъ нѣтъ ни аристократіи, ни богатства, ни живыхъ политическихъ преданій, ни того нравственнаго авторитета, который бы подчинилъ имъ Мадьяръ и Нѣмцевъ,—ни того упругаго, несокрушимаго, гордаго и воинственнаго духа, который внушаетъ страхъ и невольно покоряетъ. Австрія пробовала систему федерализма; но не говоря о томъ, что Венгрия—могутъственійшій членъ имперіи—не соглашалась ни на какія измѣненія въ своей конституціи,—федерализмъ вель ее къ безконечному раздробленію. Приходилось или дѣлить имперію, на основаніи принципа національной равноправности, на самыя мелкія политическія дроби—чуть не по деревнямъ и селамъ,—признавать автономію и Чеховъ, и Моравланъ, и Русскихъ, и Поляковъ, и Словаковъ, и Сербовъ банатскихъ, и Хорватовъ, и Сло-

венцовъ, и Сербовъ илирійскихъ, и Румыновъ, и т. д. и т. д.: но такое дѣление, при нравственномъ ослаблении силы нѣмецкаго связующаго цемента, не представляло надежныхъ ручательствъ за продолжительное существование.—Или дѣлить имперію на нѣсколько группъ: на нѣмецкую, чешскую и польскую? Но всѣ эти группы не въ состояніи пересилить группы венгерской. Три миллиона Русскаго населенія Галиціи не хотятъ признавать въ ней господства незначительного польского меньшинства, и сосѣдство съ Русской имперіей придаетъ нѣкоторый вѣсъ ихъ сопротивленію. Что же касается до Чеховъ, то ихъ политическая преданія не представляютъ живой непрерывной силы, а вмванны на свѣтъ Божій изъ-подъ пыли архивовъ. Австрійскому правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ искать опоры себѣ въ Мадьярахъ и Нѣмцахъ, и оно рѣшилось уступить вполнѣ и безоговорочно требованіямъ Венгрии. 14 апреля должно совершиться въ Офенѣ коронованіе императора Франца-Іосифа какъ короля Венгрии, ибо Венгрия повинуется не императору австрійскому, а своему королю. «Я обѣщаю свято и нерушимо охранять Венгрию и ея конституцію, въ надеждѣ что Венгрия охранитъ имперію», возвѣщаетъ императоръ Францъ-Іосифъ въ своемъ манифестѣ. «Эльень!» восклицаютъ Мадьяры. Союзъ заключенъ.

Но этотъ союзъ — на гибель Славянамъ. Мадьяры требуютъ възвстановленія политическихъ предѣловъ Венгрии, простиравшихся, какъ известно, до Адриатическаго моря и включавшихъ въ себѣ не только Банатъ, но и такъ-называемую Славонію и Хорватію. Они не признаютъ равноправности славянской национальности съ мадьярскою, и имъ предстоитъ рѣшать у себя дома тотъ вопросъ, которымъ мучается за предѣлами Лейты Австрія. Этотъ вопросъ пахнетъ кровью: междуусобная брань, между Мадьярами съ одной стороны и Сербами и Хорватами съ другой въ 1849 году, еще жива въ памяти этихъ народовъ. Въ другой разъ мы разсмотримъ подробнѣе это положеніе дѣль, чреватое грозными событиями... Что же касается Славянъ по сю сторону Лейты, то Нѣмцы и министерство относятся къ нимъ съ величайшимъ пренебреженіемъ. Богемскій сеймъ безъ церемоніи распущенъ. Конференція Славянъ въ Вѣнѣ вызвала насмѣшки нѣмец-

кихъ газетъ: «на какомъ языке станутъ эти Славяне различныхъ наименаний объясняться между собою? Конечно, опять на нѣмецкомъ, какъ было на съѣздахъ пражскихъ въ 1848 году!!!» Это пренебреженіе, эти насмѣшки вызываются и оправдываются вполнѣ — отсутствиемъ у разноименныхъ, разновѣрныхъ и разноязычныхъ австрійскихъ и славянскихъ племенъ — общаго объединяющаго ихъ славянскаго языка и славянскаго политическаго начала.

Пока Славяне не доработаются своимъ сознаніемъ до этого объединяющаго начала, всѣ ихъ усилия устроить свою судьбу въ Австріи къ выгодѣ славянской національности — останутся тщетными. Ни съ Мадьярами, ни съ Нѣмцами у нихъ не можетъ быть искреннаго союза. Уроки истории, кажется, должны были бы вразумить ихъ, что надѣяться на Австрію имъ нечего, и что мечты о созданіи славянской конфедерации на нѣмецкой закваскѣ были неисполнимыми и грѣшными мечтами. Это задача неразрѣшимая и остается неразрѣшимою. Изъ нея только два выхода: или полное онѣмеченіе Славянъ, или распаденіе австрійского нѣмецко-мадьярско-славянскаго союза.

Впрочемъ для одной части Австріи вопросъ вовсе не представляется сложнымъ: именно для сосѣдей съ Россіей Галицкой и Карпатской Руси. Ей не далеко ходить за своимъ естественнымъ объединяющимъ началомъ...

Москва, 21-го февраля.

«Въ критскомъ или кандійскомъ вопросѣ, Россія не можетъ предложить иного, сообразнаго съ своимъ достоинствомъ, совѣта Портъ, какъ отдать Кандію Греціи», — говорили мы по поводу тронной рѣчи императора Наполеона и по поводу разныхъ дипломатическихъ ногъ и депешъ, перекрещивавшихъ Европу во всѣхъ направленіяхъ и заключавшихъ въ себѣ тотъ общій смыслъ, чтобы «установить между великими державами соглашеніе съ цѣлью прекратить и предотвратить кровавыя столкновенія, которыя могли бы помирить сохраненіе оттоманского владычества съ благоденствіемъ христіанскихъ населеній Востока». Это соглашеніе, сколь-

ко можно судить по документамъ, сообщеннымъ иностранными газетами, установилось было на томъ, чтобы предложить Турциі даровать Криту такъ-называемую автономію съ мѣстнымъ управлениемъ, составленнымъ на половину изъ мусульманъ и христіанъ, подъ верховнымъ завѣдываніемъ Дивана. Но не трудно было предвидѣть, что такимъ позднимъ совѣтамъ не потушить разгорѣвшагося пламени и не унять льющуюся кровь. Имѣя въ виду одну геройскую рѣшимость Критянъ не поддаваться ни на какія обѣщанія и сдѣлки и не прекращать борьбы до конца, мы не могли не сожалѣть, что и Россія будетъ тянуть ту же фальшивую ноту, какую задаетъ по дѣламъ Востока камертонъ западноевропейской политики. «Одно заявленное громко, хотя бы и не уваженное, требование Россіи о присоединеніи Крита къ Греціи поднало бы значеніе Россіи на Востокѣ выше значенія прочихъ державъ», говорили мы, въ той увѣренности, что подъемъ этого значенія дастъ намъ въ будущемъ несравненно дѣйствительнѣшіе практическіе результаты, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и «компромиссы»...

«Русскій посланникъ, генераль-адютантъ Игнатьевъ, соѣтуетъ Портъ согласиться на *присоединеніе Кандіи къ Греции*, — возвѣстила намъ русская телеграмма, пересланная изъ Константиноополя въ Петербургъ черезъ Одессу....

Мы съ нетерпѣніемъ ждали того № *Journal de St.-Petersbourg*, въ которомъ, по соображенію времени, должна была появиться эта телеграфическая депеша, чтобы видѣть—будетъ-ли она опровергнута. *Journal de St.-Petersbourg* перепечаталъ ее вполнѣ безъ всякаго возраженія: напротивъ изъ того значенія, которое онъ придаетъ сообщеннымъ въ этой же телеграммѣ извѣстіямъ о битвахъ въ Кандіи и Фесалии, можно заключить, что онъ вообще признаетъ эту телеграмму вполнѣ достовѣрною.

Съ радостью и благодарностью будетъ привѣтствовать Россія такое смѣлое и рѣшительное дѣйствіе нашего кабинета, вполнѣ достойное нашихъ историческихъ преданій, вполнѣ согласное съ требованіями нашей національной политики и нашей народной совѣсти. Значеніе этого дипломатического поступка еще болѣе дѣлается важнымъ, когда сличимъ одновременные съ нимъ дѣйствія французского и англійскаго кабинетовъ.

Сообщенное некоторыми иностранными газетами извѣстіе о томъ, что и Франція дала будто бы подобный же совѣтъ Турціи, не подтвердилось. Напротивъ, колебанія французской политики, сначала склонявшіяся въ пользу Турціи, затѣмъ внезапно замѣнившіяся рѣшеніемъ, согласнымъ, какъ казалось, съ направленіемъ русского кабинета,—въ послѣднее время, какъ пишутъ заграничные журналы, опять возобновились и видимо принимаютъ положеніе благопріятное интересамъ Порты. Что же касается до Англіи, то достаточно заглянуть въ англійскую *Синюю Книгу* и въ депеші лорда Станлея, чтобы убѣдиться, какъ далекъ Джонъ Булль отъ самой мысли объ отдѣленіи Крита.

Изъ депешъ лорда Станлея къ британскому послу въ Константинополь, лорду Лайонсу, отъ 17 января, можно видѣть, что Англія,—впрочемъ не очень охотно и со всѣми оговорками вѣжливости, дабы не оскорбить щекотливости Высокой Порты,—рѣшилась присоединиться къ предложенію Франціи и Россіи; сдѣланнымъ Портъ о дарованіи Криту мѣстной автономіи. Но турецкое правительство дало знать по телеграфу своему посланнику въ Лондонѣ, что подобное предложеніе оно считаетъ за желаніе раздробить Турецкую имперію, что Порта сама занята сочиненіемъ проекта управлія Критомъ и во всякомъ случаѣ предоставляетъ починъ этого дѣла себѣ Англійскій кабинетъ поспѣшилъ завѣрить Турцію въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, что не только мысль о раздробленіи Оттоманской имперіи чужда ему и Франціи, но и мысль о какихъ бы то ни было посягательствахъ на власть и на достоинство его величества султана,—что все желаніе Англіи и Франціи заключается въ томъ, и единственно въ томъ, чтобы христіанамъ и мусульманамъ была дана возможность жить мирно вмѣстѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты. Въ такомъ же смыслѣ, послѣ этого свиданія съ турецкимъ посланникомъ, писалъ лордъ Станлей и сэръ-Буканану, английскому послу въ С.-Петербургѣ, сообщая ему, что, «соглашаясь поддержать предложенія Франціи и Россіи о мѣстной автономіи Крита, британскій кабинетъ полагаетъ ограничиться однимъ сообщеніемъ дружескихъ совѣтовъ, отклоняя всякий помыслъ о настойчивости въ дѣйствіяхъ; что онъ съ радостью узналъ о собственномъ намѣреніи Порты гаранти-

ровать Кандіи хорошее управление посредствомъ разныхъ административныхъ мѣръ; что, наконецъ, прибавляетъ лордъ Станлей для большаго поясненія, подъ имепемъ мѣстной автономіи Англія *нисколько не разумѣетъ отдѣленія Крита отъ Оттоманской имперіи*. Хотя, по словамъ британскаго министра, русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, выразилъ ему, по поводу такого заявленія, свое удовольствіе, однакожъ мы не можемъ не припомнить здѣсь кстати тѣхъ ироническихъ выражений, въ которыхъ высказалъ *Journal de St.-Pétersbourg* въ статьѣ, перепечатанной нами 19 февраля, свое мнѣніе объ этомъ рѣшеніи англійскаго кабинета. «Надо признаться,—говоритъ органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ,—что Англія, уступившая Греции Іоническіе острова, преподастъ Турціи совершенно непонятныи совѣтъ, если предложитъ ей не соглашаться на уступку территории, большинство населенія которой питаетъ къ Турціи антипатію совершенно иного (т. е. несравненно сильнѣйшаго) свойства, чѣмъ населеніе Іоническихъ острововъ къ Англіи.»

Разговоръ турецкаго посла съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ могъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что оттоманскій Диванъ отвергнетъ всякия предложения о дарованіи Криту автономіи, хотя бы и подъ верховенствомъ султана. Такъ вѣроятно и было, хотя мы должны основывать наши заключенія не столько на официальныхъ данныхъ, сколько на соображеніи хода дѣлъ, а отчасти и на телеграммахъ. Мы не знаемъ — къ этому ли именно предложенію, или же къ позднѣйшему совѣту генерала Игнатьева относится та телеграмма, которая помѣщена нами въ 39 № «Москвы» и вызвала вышеупомянутую статью *Journal de St.-Pétersbourg*. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью утверждать, что дипломатическій циркуляръ Порты, содержаніе котораго передано этою телеграммой, направленъ весь противъ Россіи, ибо Франція не послѣдовала за Россіей въ совѣтѣ уступить Кандію Греціи. Парижскій корреспондентъ Кельнскай Газеты, вообще довольно правдивый, увѣдомляетъ, что со всѣхъ сторонъ подтверждается отступление Франціи назадъ въ дѣлѣ Восточного вопроса. Можно предполагать навѣрное, — пишетъ онъ, — что Тюильерійскій кабинетъ значительно сблизился въ своихъ воззрѣніяхъ съ

возрѣніями лорда Станлея (а каковы они—мы уже видѣли) и теперь гораздо болѣе расположены къ Турціи, чѣмъ прежде». Самый тонъ турецкаго циркуляра заставляетъ предполагать, что дѣло не обошлось безъ внушений Франціи и Англіи. Порта объявляетъ, что снисходительность ея истощилась, что она чувствуетъ себя достаточно сильною, чтобы справиться съ возмущеніемъ и безъ посторонняго содѣйствія, что она имѣеть тѣ же права на Кандію, какъ и Россія на Польшу, и слагаетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія на тѣхъ, кто подъ маской дружбы ищетъ достижениія своихъ практическихъ цѣлей, нарушающихъ европейскій миръ. Эта ссылка на Польшу едва ли можетъ быть объяснена однимъ турецкимъ невѣжествомъ, какъ оно ни колоссально, тутъ видно вліяніе и польскихъ совѣтовъ: въ совѣтчикахъ-Полякахъ у Турціи недостатка нѣть. Трудно было бы только предположить, чтобъ эта ссылка была присовѣтована Англіей въ то время, какъ она еще продолжаетъ усмирять Ирландію. Возражать Турку и объяснять ему нашу правду въ Польшѣ мы не станемъ, но легко можетъ случиться, что французские публицисты воспользуются этою темой, и что она послужитъ со временемъ мотивомъ для самого французского кабинета! Какъ бы то ни было, но намекъ на практическія цѣли едва ли къ кому иному можетъ относиться кромѣ Россіи. Такъ не относительно ли уже Россіи принимаетъ Порта роль обвинительницы и угрожающее положеніе??

Нельзя не высказать вновь сожалѣнія, что русское правительство не считаетъ нужнымъ держать въ извѣстности русское общество о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и только изрѣдка выступаетъ съ полу-официальными статьями, бросающими слабый, неясный свѣтъ... Мы должны теряться въ догадкахъ среди разнорѣчивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ о нашей политикѣ заграничными газетами. Въ нынѣшнемъ же № есть свѣдѣнія, почерпнутыя изъ *Allgemeine Zeitung*, которая не согласуется ни съ полученными нами телеграммами, ни съ намеками *Journal de St.-Pétersbourg*. Ясно только одно, что роковой властительный ходъ событій вынуждаетъ Россію отдавать свою политику на Востокѣ отъ политики Франціи и Англіи; что Порта принимаетъ относительно насъ угрожающей тонъ; что Россія на-

стаиваеть на такой мѣрѣ, которая хотя и можетъ дѣйствительно на время унять кровопролитіе, но на которую не согласны ни Франція, ни Англія, ни Турція. Но это единственное, изолированное положеніе Россіи не должно смущать насъ. Россія не одна; ея политика на Востокѣ будеть поддержана не только самимъ искреннимъ сочувствіемъ, самимъ живымъ содѣйствіемъ Русскаго народа, но и всѣми нравственными и вещественными силами Греко-Славянскаго міра...

Москва, 5-го марта.

✓

Неотразимая сила исторического призванія Россіи, какъ православной и славянской державы,—призванія, безъ кото-
раго Россія не была бы Россіей,—ощутително и воочію, съ вѣдома ея и безъ вѣдома, волей и неволей, направляетъ и исправляетъ ея пути, возмѣщаетъ утраты, разрушаетъ враждебныя козни, и сквозь всѣ невзгоды и препятствія неуклонно ведетъ ее на высоту такого подвига, для котораго, повидимому, нѣтъ у нея ни вещественныхъ средствъ, ни могу-
чихъ, нравственныхъ двигателей—властолюбія, гордости, дерзкой самоувѣренности. Она терпитъ пораженіе — и побѣжен-
ной сильнѣе прежняго пугаются побѣдители; она унижаетъ-
ся — и ростетъ въ грозномъ величию и обаяніи; она разорена —
ее пуще боятся; она уменьшаетъ войско — всѣмъ это вѣдомо
и всѣмъ чудятся несмѣтныя полчища; она мыслить идти на-
задъ и обрѣтается впереди; она блуждаетъ, — и чья-то невѣ-
домая рука выводитъ ее на стезю правую; самое то, что
творить она по малодушію и по слабости, — ея недругами
приписывается разсчету, мысли и силѣ. Въ томъ-то и дѣло,
что сила ея исторического призванія слышится и чуется, от-
части даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами,
всѣми западноевропейскими державами, хотя можетъ-быть ме-
нѣе всего сознается самою Россіею, — и эта нравственная
сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или
вѣрнѣе сказать — въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и
весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія.
События, будто волны на свои хребты, возносятъ ее на вы-
соту, съ которой шире всѣхъ объемляется ею исторической

кругозоръ, и съ которой, какъ выражаются стратегики, можетъ она господствовать надъ политическимъ положенiemъ. Да, Россія занимаетъ господствующую позицію относительно Востока, позицію которой она не искала, но которая ей неотъемлема по самой сущности дѣлъ, по всеобщему тайному и явному признанію. Но чтобы не быть отставленной отъ подвига, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», она должна и нравственно его стоять, и въ собственномъ сознаніи стать въ уровень съ высотою подвига и событий; должна несомнѣнно вѣрить въ силу своего исторического призванія и непреклонно служить ему. Сознанія вѣры и подвига — вотъ чего требуетъ отъ Россіи Божья и историческая правда.

Разительную противоположность представляютъ политические документы нашего кабинета, печатаніе которыхъ мы продолжаемъ въ сегодняшнемъ №, рядомъ съ рѣчью главы англійского кабинета и вообще съ преніями англійского парламента, помѣщаемыми въ этомъ же №. Тогда какъ всѣ депеши князя Горчакова свидѣтельствуютъ о томъ, что Россія, даже съ ущербомъ своему личному политическому самолюбію, не переставала заботиться объ облегченіи страданій христіанского населенія на Востокѣ, неослабно призываая къ тому западныя державы, возбуждая оскорбительное подозрѣніе, подвергаясь отказамъ, исполненнымъ грубаго недовѣрія и зависти,— британскій министръ даже теперь, даже въ то мгновеніе, когда льется потоками христіанская кровь и совершаются чудеса мученичества и геройства, торжественно объявляетъ въ средѣ представителей цивилизованнѣйшей страны Европы, во всеуслышаніе всего христіанскаго міра, что нѣть въ исторіи примѣра умѣренности больше той, какую является Турція, что жалобы христіанъ неосновательны и преувеличены, что мусульманское иго надъ христіанами есть легкое и краткое иго, и что исламъ идетъ неуклонно по пути прогресса! Лордъ Дерби осуждаетъ рѣчь герцога Аргайлла, которая, выражая состраданіе человѣка и христіанина къ бѣдствующимъ христіанамъ, порицааетъ дѣйствія англійского правительства, воспрещавшаго своему консулу оказывать помощь спасавшимся съ Крита женамъ, дѣтямъ и раненымъ. Лордъ Дерби возстаетъ противъ всякихъ рѣчей и выраженій, въ парламентѣ, живаго сочувствія христіанскому населенію на

Востокъ. «Наша обязанность, какъ друзей *Turcii*, — говорить онъ,—всѣми мѣрами препятствовать тому, что можетъ подрывать ея права, авторитетъ и силу».

Вглядываясь внимательно въ дипломатические документы Русского кабинета, мы должны признать, что они не только удовлетворяютъ всѣмъ нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ намъ самимъ нашою единоплеменностью, единовѣрiemъ и простымъ человѣческимъ состраданіемъ,—но и всѣмъ требованіямъ политического расчета. Въ политикѣ, какъ вездѣ, путь самый честный есть въ то же время самый искусный и вѣрный; способъ прямой и искренней—въ то же время и самый надежный. Если мы вспомнимъ севастопольский разгромъ и условія Парижского мира, грозившія намъ совершеннай утратой нашего влиянія на Востокъ,—то политическое наше положеніе того времени представится чуть не безвыходнымъ. И однако же ничѣмъ болѣе, какъ постояннымъ безоружнымъ протестомъ, — не противъ принятыхъ нами въ Парижѣ унизительныхъ условій, но, въ силу самихъ этихъ условій,—противъ злоупотребленій оттоманского владычества и въ защиту христіанъ, Россія не только создала себѣ и христіанамъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и подготовила возможность торжества праваго дѣла, но и заняла, какъ мы сказали выше, господствующую позицію на Востокѣ. Лицемѣріе Западной Европы заставило ее, въ число результатовъ Крымской войны, внести и «улучшеніе быта христіанскаго населенія», и отнявъ у Россіи исключительное право заботы о христіанахъ, которое создалось само собою, не было даже и правомъ, а естественнымъ послѣдствиемъ русской исторіи, — признать его правомъ и обязанностью всѣхъ великихъ державъ Европы. Россія, не выходя изъ предѣловъ трактата, именно эту сторону его обратила въ оружіе противъ него самого и своихъ враговъ, воспользовавшись одна этимъ правомъ и обязанностью,—такъ неискренно, изъ одной зависти къ Россіи, принятыми на себя западно-европейскими кабинетами. Обезсиленная и побѣжденная, лишенная возможности внѣшнаго насильственнаго дѣйствія, она стала стражей на порогѣ Турціи, безкорыстнымъ ходатаемъ за христіанъ и неумолимымъ, зоркимъ обличителемъ и европейской лжи, и мусульманскаго зла. Она

постоянно приглашала западные кабинеты къ совокупному дипломатическому дѣйствію и, непрестанно свидѣтельствуя о бѣдствіяхъ христіанъ, — какъ ударъ вѣща го колокола, въ урочный часъ будила и раздражала ихъ совѣсть. Отказы западныхъ державъ, обличая ихъ недоброжелательство къ Греко-Славянскому миру и благоволеніе къ Турціи, послужили имъ же ко вреду, а не Россіи, хотя ея безсиліе, повидимому, выступало отъ того позорнѣе и ярче. Напротивъ. На сторонѣ Россіи стала нравственная правда и право. Большей пользы изъ трактата извлечь было трудно, — и лордъ Грей на дняхъ, въ отвѣтъ лорду Дерби, справедливо сказалъ, что «Крымская война только усилила вліяніе Россіи на Востокѣ, потому что всѣ христіанская населенія видѣть въ ней дружественную державу, а въ западно-европейскихъ державахъ своихъ враговъ». Онъ выразилъ даже мысль, что лучше было бы не стѣснять Россію въ ея вліяніи на Турцію, потому что она могла бы, еслибы ей не мѣшали, добиться своеевременно необходимыхъ уступокъ въ пользу Славянъ и Грековъ, которые теперь своими требованіями грозятъ взволновать спокойствіе Европы.— Съ зависью и озлобленіемъ приходитъ теперь Западно-Европейскій міръ къ признанію этой правды и права Россіи,— и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, грубо отвергать ея право, начинаетъ заботиться уже о томъ, чтобы, чрезъ признаніе этого права, парализировать то вліяніе и значеніе, которое даетъ ей настоящее положеніе дѣль на Востокѣ. Англія, впрочемъ, держится еще покуда старой своей политической системы относительно Турціи, шагъ за шагомъ отставая цѣлостъ Оттоманской имперіи, и нехотя уступая силъ обстоятельствъ, заставляющей ее присоединяться къ совокупному дѣйствію державъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда оно ограничивается однимъ совѣтомъ. Громкія уверенія Франціи, что Россія рѣшилась слѣдовать на буксирѣ ея политики, оказались— явно для всѣхъ— лживою фразой; напротивъ, какъ сознаются уже и всѣ иностранные газеты, Наполеонъ III, желая сохранить миръ, по крайней мѣрѣ до окончанія года, присоединяется отчасти къ русской политикѣ на Востокѣ, влеча за собой и Австрію. Но въ этой политикѣ, гдѣ сила лежитъ въ безкорыстіи интересовъ, въ искренности сочувствія, въ могуществѣ единовѣрія и единоплемен-

ности, имъ не упредить Россію, если она останется вѣрна своему призванію и не поддастся ни страху, ни обольщению. Если пошло дѣло на состраданіе и сочувствіе къ Славянамъ и Грекамъ, такъ первенство, безъ сомнѣнія, останется за Россіей, такъ какъ это состраданіе и сочувствіе у западныхъ державъ не есть дѣло правды, а политического расчета; и такъ какъ весь ихъ интересъ на Востокѣ состоится въ томъ, чтобы ослаблять значеніе Россіи и создать такой порядокъ вещей, который отвергается самими благодѣтельствующими ими народами.—Иностранные газеты замѣчаютъ сами, что, несмотря на официальное учрежденіе комитета вспомоществованія христіанамъ въ Парижѣ, сочувствіе къ Грекамъ въ Европѣ значительно убавилось въ виду положенія, занятаго Россіей.

Такая неестественность отношеній Запада къ Востоку и къ Россіи не можетъ ни продолжаться долго, ни разрѣшиться одними политическими комбинаціями, особенно въ виду парламентскихъ рѣчей британского министерства. Восточный вопросъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о существованіи Австріи, которой пограничная съ Турціей населенія, единоплеменные возстающимъ или имѣющимъ возстать Турецкимъ Славянамъ, съ ненавистью и ожесточенiemъ потрясаютъ теперь, недавно наложенное на нихъ политикою Бейста, мадьярское иго. Въ то же самое время и Русские въ Галиціи, кровь отъ крови нашей и кость отъ костей нашихъ, стонутъ подъ гнетомъ польскимъ, усиленнымъ тою же политикою Австріи.—Т耶ръ, котораго слово до сихъ поръ вѣситъ много въ общественномъ мнѣніи Франціи,—какъ возвѣщаетъ вчерашия телеграмма,—требуетъ для Франціи союза съ Англіей, Австріей и второстепенными государствами, и императоръ Наполеонъ, какъ бы въ соотвѣтствіе этому требованію, выражаетъ свое сочувствіе политическимъ видамъ и дѣйствіямъ австрійскаго кабинета, украшая Бейста большими крестомъ почетнаго Легіона. Ни съ Англіей, возврѣніе которой на Восточный вопросъ такъ рѣзко расходится съ возврѣніемъ нашего кабинета, ни тѣмъ менѣе съ Австріей нѣтъ для Россіи совмѣстного пути. Она не можетъ пристать къ англо-австрійско-французскому союзу, который неминуемо образуется. Какія бы, повидимому, уступки ни дѣлала теперь намъ

Франція на Востокѣ, мы не должны обольщаться имъ. Иные замыслы куетъ Европа, — подъ видомъ мирнаго торжества промышленности и искусства, приготовляемаго въ Парижѣ... Безъ небольшой войны на Востокѣ не обойдется, говорить откровенно англійскій Times. Но можетъ ли быть «небольшая» война на Востокѣ?... И какую еще силу конвульсій проявить, въ послѣдней борьбѣ съ смертью, умирающей Османъ!

Москва, 28-го марта.

Изъ помѣщаемаго ниже письма нашего петербургскаго корреспондента читатели могутъ видѣть, какъ дѣятельно заботятся въ Петербургѣ объ устройствѣ достойной встречи ожидаемымъ къ намъ гостямъ изъ различныхъ концовъ Славянскаго мира. А между тѣмъ эти гости будутъ въ Петербургѣ только проѣздомъ. Цѣль ихъ посѣщенія—Москва. Москва съзываѣтъ гостей на свою этнографическую выставку; Москва предлагаетъ этнографический урокъ всему ученому и неученому люду, имѣющій явить научныя и наглядныя доказательства нашего славянскаго единства. Созвавши гостей, надо умѣть ихъ и встрѣтить. Нѣтъ сомнѣнія, что Дума, какъ официальный органъ московскаго общества, сдѣлаетъ всѣ необходимыя распоряженія, соотвѣтствующія важности событій—представляющаго не только ученый, но и великий общественный и политический интересъ.

Задуманная безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякаго участія правительства, не по правительенному, а общественному почину, съ чисто ученой цѣлью, эта выставка, силою самихъ современныхъ обстоятельствъ, выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ торжествъ и экспозицій. Не мы виноваты, если фактъ науки возводится самъ собою въ значеніе политическое. Дѣваться съ фактамъ некуда; солгать наукѣ намъ было бы невозможно. При всей своей скромности, смиренности, миролюбіи и безкорыстіи, не думая никакого пугать и застрашивать, Россія не можетъ же скрыть единоплеменной связи 80 миллионовъ Славянъ, ни своего родства съ находящимся въ ея предѣловъ какими-нибудь 30 миллионами австрійскихъ и турецкихъ... Не на-

ша вина, если желая въ первый разъ провѣрить, путемъ ученаго этнографического подбора, данныя науки, мы невольно дѣлаемъ перекличку всѣхъ славянскихъ племенъ,—и эта перекличка смущаетъ латино-германскую Европу, и ученая выставка становится громкимъ свидѣтельствомъ!

Да, эта скромная выставка должна составить эпоху въ исторіи Славянства. Въ первый разъ съѣдутся Славяне вмѣстѣ. Ёдутъ они какъ уроженцы Чешской, Моравской земли, Словакскаго комитата и т. д., — но съѣхавшись, невольно явятся здѣсь какъ представители различныхъ Славянскихъ племенъ. И обновивъ здѣсь, у насъ въ Москвѣ, сознаніе资料 его славянскаго единства въ живомъ общеніи другъ съ другомъ и съ нами, укрѣпивъ свою духовную и нравственную связь съ Россіей, они возвратятся домой къ своей обычной борьбѣ—съ Мадьярами ли, съ Нѣмцами ли, съ Турками—съ обновленными и укрѣпленными силами. Живое ощущеніе единства дѣйствительнѣе отвлеченнаго научнаго сознанія; оно освѣжитъ и ободритъ, оно освободитъ ихъ отъ тѣжкаго разслабляющаго чувства разрозненности и одиночества. Бывали и прежде, именно въ 1848 году, съѣзды Славянъ въ Прагѣ,—но они не имѣли смысла: тамъ не было *нац*, не было представителей того Славянскаго племени, которое, милостью Божией, одно сохранило свою свободу, создало могущественнѣйшую въ мірѣ державу, и на которое Богъ возложилъ высокій подвигъ: послужить освобожденію и возрожденію порабощенныхъ и угнетенныхъ братій. Нѣть у Россіи ни стремлений къ захватамъ, ни замысловъ на политическое преобладаніе: она желаетъ только свободы духа и жизни Славянскимъ племенамъ, остающимся *братьями* Славянскому братству. Она представляетъ имъ собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стѣнитъ всякой материальной помощи, и вѣтъ которой нѣть имъ спасенія. Не всѣ Славянскія племена одинаково понимали это призваніе Россіи. Отступники Славянскаго братства, Поляки—или вѣрнѣе сказать Польская шляхта—разнесли много клеветъ, породили много предубѣждений,—но теперь сами собою разсѣиваются клеветы, падаютъ предубѣждения, и видятъ Славяне: кто имъ другъ и кто недругъ... Едва только мы, Славяне, опознаемъ другъ друга, и безъ вскихъ угрозъ, безъ всякой

предумышленной стачки, безъ всякихъ политическихъ замысловъ и видовъ, въ чувствѣ любви и обновленнаго братскаго единенія, едва лишь окликнемъ другъ друга, аукнемся чрезъ равнину и горы Европы, и размѣнимся братскимъ поклономъ,— то уже само собою, честно, высоко и грозно становится въ мірѣ Славянское имя.

И этотъ первый съездъ Славянъ, гдѣ они должны опознать другъ друга и ощутить живо свое братство, свое единство, свою духовную силу, совершается въ **Москвѣ**, въ столицѣ Русскаго народа. Не знаменательно ли это? Никто, затѣвая выставку, не думалъ объ этомъ, не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, — но такъ случилось. Случилось! иначе и быть не могло: исторія логична...

Вдругъ къ намъ не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иныхъ силъ и богатствъ: вдругъ къ намъ простые, смиренные, бѣдные. За то всѣ они подвижники славянскаго духа, труженики науки и мысли, крѣпкие стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшіе годины страшныхъ испытаній винѣшняго гнета нѣмецкаго, турецкаго и въ послѣднее время мадьярскаго, не поддавшіеся ни страху, ни соблазну, — и среди всѣхъ страданій и искушеній, оставленные богачами и знатными своего племени, не сломившіеся духомъ въ борьбѣ, не утратившіе вѣры въ историческое призваніе Славянства, *претерпѣвше до конца!*.. И вотъ, когда казалось дошли они до крайнаго источенія силъ, судьба ведеть ихъ въ Россію, и не отсюда ли начало спасенія *претерпѣвшихъ?*...

Настоящая минута особенно критическая для Славянъ Австрійской имперіи. Австрія, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась, для сохраненія своего политического существованія, опереться на Мадьяръ, Нѣмцевъ и Поляковъ, отдавъ послѣднимъ въ жертву Русскихъ въ Галиціи, а первымъ — Славянъ прочихъ наименованій... Объединившаяся Германія собирается, покончивъ свое дѣло дома, усилить свое стремленіе на Востокъ и германизацию тѣхъ остальныхъ Славянскихъ племенъ, которыхъ еще торчатъ въ латиногерманской Европѣ какъ заноза, какъ постороннее тѣло, не претворившееся въ одну съ нею органическую сущность.

Встрѣтимъ же нашихъ гостей, нашихъ незнатныхъ, бѣд-

ныхъ, гнетомыхъ всяческимъ гнетомъ, нашихъ «плѣненныхъ» братьевъ со всѣмъ подобающимъ ихъ честной бѣдности и святому труженичеству почетомъ, согрѣемъ ихъ братскимъ привѣтомъ, ободримъ и укрѣпимъ ихъ нашимъ сочувствіемъ на дальнѣйшій подвигъ борьбы,—и здѣсь, въ стѣнахъ Кремля, бновимъ съ ними нашъ духовный братскій союзъ.

Таковъ да будетъ нашъ отвѣтъ, отвѣтъ Россіи и всего лавянскаго міра—на вызовъ сдѣланный намъ объединеніемъ германскаго племени и на всѣ угрозы Европы...

Москва 1-го іюля.

Примиреніе австрійскаго императора съ Венгріей, завершенное вѣнчаніемъ въ Пештѣ и раздвоеніемъ имперіи на двѣ политическія группы, и пріѣздъ въ Россію представителей всего Славянскаго міра—вотъ безспорно самая крупная события послѣдняго времени. Они двинули въ новый фазисъ, на новую чреду, политическую жизнь Австрійской имперіи; они составить новую эру въ исторіи Славянства. Поговоримъ собственно о посѣщеніи Славянами Россіи. Они прошли здѣсь только мѣсяцъ, но этотъ мѣсяцъ былъ сплошной праздникъ, непрерывный рядъ торжествъ и ликований, въ которыхъ лично и заочно приняла участіе, можно сказать, вся Россія. Знаменательность этого события нашла себѣ полное истолкованіе и въ произнесенныхъ рѣчахъ, и въ стихахъ, и въ газетныхъ статьяхъ русскихъ и славянскихъ, и даже въ яростныхъ возгласахъ гнѣва и страха нѣмецко-еврейскихъ публицистовъ. Все это, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстно нашимъ читателямъ и не нуждается въ повтореніи. Но тѣмъ не менѣе это событие не такого рода, которому можно подвести итогъ, которое можно признать заключеннымъ, сложеннымъ со счетовъ и сданнымъ въ архивъ. Напротивъ, оно тѣмъ-то важно, что дѣйствіе его не столько вѣнчанее, сколько внутреннее, нравственное,—не столько политическое, сколько общественное, не столько въ настоящемъ, сколько (и даже преимущественно) въ будущемъ. Нѣмцы и даже нѣкоторые изъ нашихъ «политиковъ», подсмѣгиваясь надъ славянскимъ сѣздомъ, спрашиваютъ обык-

новению: «гдѣ же результаты? покажите намъ практическіе результаты: *etwas greifbares*, какъ выражается *Allgemeine Zeitung*. Что даль вѣтъ съѣздъ кромѣ фразъ, обятій и восклицаній? Къ какимъ послѣдствіямъ, къ какому условленному плану дѣйствій привело это братское свиданіе!» Такіе вопросы предполагаютъ или близорукость, или неискренность. Еслибы результаты были въ самомъ дѣлѣ ничтожны, то за что бы Нѣмцамъ такъ дуться и кипятиться? Видно они чуютъ нѣчто другое, и дѣйствительно есть результаты, которыхъ историческаго объема и вѣса теперь ни измѣрить, ни взвѣсить, но отъ которыхъ уже теперь протянулись тѣни на австрійское будущее. Ихъ нельзя, конечно, ни освѣтить рукою, ни ткнуть пальцемъ, какъ нельзя освѣтить и захватить въ кулакъ самосознанія и ничего принадлежащаго къ сфере духа,— но успѣхи славянскаго самосознанія и подъемъ славянской мысли и воли — такія духовныя даянія славянскаго съѣзда, которыя, безъ всякаго условленнаго плана дѣйствій, безъ всякой предумышленной сдѣлки, не замедлятъ сказаться сами собой, живымъ дѣломъ, въ судьбѣ славянскихъ народовъ.

Самаго важнаго, самаго главнаго результата славянскаго съѣзда надо искать — въ самой Россіи. Величайшимъ, благимъ послѣдствіемъ посвѣщенія насъ Славянами было то, что Славянскій вопросъ въ самой Россіи перешелъ въ общественное вѣданіе и сознаніе, изъ отвлеченнаго сталъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, изъ области книжной спустился въ жизнь. А этого только и недоставало славянскому вопросу, чтобы сдѣлаться живою силой, перестать быть вопросомъ и стать дѣломъ. Отнынѣ онъ не есть достояніе только ученыхъ и литераторовъ или только одной школы славянофиловъ, а всего русскаго общества. Интересъ славянскій сталъ теперь близкимъ интересомъ каждаго Русскаго. Признаніе все-славянскаго братства было произнесено, и съ высоты престола (что составляетъ величайшую честь и славу нынѣшняго царствованія), и въ тѣхъ нѣзшихъ слояхъ общества, которые доселѣ были ему совершенно чужды. Тридцать тысячъ народа, напримѣръ, облагавшихъ павильонъ, гдѣ давался Москвою пиръ на весь міръ славянскій въ лицѣ его представителей, и привѣтствовавшихъ вынесенную къ нимъ хоругвь

съ изображенiemъ Свв. Кирилла и Меѳодія, пріобщились разомъ къ познанію своего кровнаго и духовнаго братства съ Славянами. Съ этой точки зрења представляется особенно знаменательнымъ и праздникъ, данный славянскимъ гостямъ собственно московскимъ купечествомъ. Русское купеческое сословіе стоитъ по преимуществу на почвѣ практической. Оно не легко поддается обманамъ и призракамъ. Его составляютъ не мечтатели, а люди дѣла. Оно обладаетъ способностью и силою прилагать теорію къ жизни и обращать въ положительное дѣйствіе отвлеченные умозрѣнія и вопросы. Его сочувствіе,—если оно однажды пріобрѣтено,—прочнѣе и надежнѣе всякаго иного сочувствія. Оно, по самому роду своихъ занятій и по своему общественному положенію, ближе къ народу чѣмъ классъ литераторовъ, чиновниковъ и вообще дворянъ. Оно искони причислялось къ земщинѣ. Здѣсь мы уже слышимъ прибой народной волны,—за нимъ начинается уже океанъ народный. А въ Россіи только то дѣло и имѣть историческую будущность, которое пускаетъ корни въ народное сознаніе, которое приметъ и вложитъ на свои плечи Русскій народъ.

Какъ скоро Россія вся проникнется сознаніемъ своего славянского призванія,—Славянскій вопросъ будетъ рѣшенъ.

Этого еще нѣтъ, но начало тому уже положено, а начало—половина дѣла, говорить пословица. Безъ сознанія своего славянского призванія немыслимо ни правильное духовное развитіе, ни истинная национальная политика для Россіи. Национальность политики предполагаетъ дѣятельность соотвѣтственную интересамъ вѣшнимъ и внутреннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политические интересы могутъ быть поняты вѣсвязи съ ея интересами какъ Славянской державы? Развѣ русская народность по тому самому, что она русская, не есть народность по преимуществу славянская? Развѣ возможна полнота русского народного самосознанія безъ сознанія славянского происхожденія, славянской стихіи русского народа и предлежащаго ему исторического подвига? Чтобы вполнѣ уразумѣть русскую народность, надо понять ее не только какъ русскую, но и какъ славянскую; чтобы русская политика была вполнѣ национальною, русскою, необходимо, чтобы она была не только русскою, но

и славянскою. Въ сущности тутъ нѣтъ двойства понятій, а напротивъ совершенное тождество, но сознаніе этого-то тождества и необходимо для нашего правильного развитія — и государственного, и общественнаго, и политическаго, и духовнаго. Это сознаніе было нами утрачиваемо, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось нами и сознаніе нашей народности, и наступалъ рядъ тѣхъ пагубныхъ блужданій, тѣхъ чудовищныхъ противонародныхъ направлений въ нашей политической и общественной жизни, которыми ознаменовалъ себя послѣ реформы Петра Великаго такъ-называемый петербургскій періодъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ успѣхами нашего народнаго самосознанія, вмѣстѣ съ народнымъ направленіемъ въ искусствѣ и наукѣ возникла вновь и память о нашемъ славянствѣ. Вмѣстѣ съ подъемомъ русскаго народнаго духа, вмѣстѣ съ проявленіемъ его какъ силы, въ средѣ общественныхъ и политическихъ отношеній приготовилась почва и для русскаго славянскаго самосознанія въ жизни и стало возможнымъ то, о чмъ за годъ тому назадъ никто ни гадать, ни думать не смѣлъ: славянскій съездъ въ Москвѣ со всею его неожиданной обстановкой, со всею его непредвидѣнной знаменательностью. И ничто такъ быстро не подвигло впередъ этого славянскаго самосознанія Россіи, какъ именно случайное собраніе, по поводу этнографической выставки, представителей славянскихъ племенъ. Они явились къ намъ не какъ Чехи, Хорваты, Словаки, Сербы, но какъ *Славяне*, — и благодаря нашей взаимной встречѣ, мы, Русскіе, сами живѣе ощутили свои славянскія узы, свое собственное славянство. Важнѣе этого результата ничего быть не можетъ.

Да, главнѣйшая задача Славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и признала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ въ се. Въ этомъ вся будущность и Россіи и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія немыслима въ Славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно и духовно, такъ и Славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила Славянъ въ Россіи, вся сила Россіи — въ ея славянствѣ. Но если и самою природой и исторіей суждено Россіи быть центромъ тягости всего Славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознанії! Необходимо,

чтобы сама Россія вполнѣ уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ея значеніе какъ представительницы Славянства, какъ носительницы славянскаго знамени,—а однажды сознавъ этотъ долгъ, она съумѣеть и скершить его. Въ этомъ отношеніи славянскій съездъ даль такой результатъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе результаты, равно какъ и всѣ прочія заботы о сдѣлкахъ и соглашеніяхъ съ Славянами — являются второстепенными.

Силы, силы нравственной прибыло разомъ и намъ и имъ,— и Россіи, и всему Славянству.'

Пусть только Россія, повторяемъ, разовьетъ въ себѣ славянское самосознаніе,—остальное придется само собою, оставленное приложится.

Москва, 14-го июля.

Мѣра долготерпѣнія переполнилась и для самыхъ покорныхъ, самыхъ бевотвѣтныхъ досель подданныхъ турецкаго султана, для самой миролюбивой и трудолюбивой славянской народности. Встаетъ болгарское племя. Не подъ силу наконецъ стало Болгарамъ гнуть выи въ постыдномъ турецкомъ ярмѣ, задыхаться подъ тажелою, вѣками наслоеною толщѣю позора и срама. Четыреста лѣтъ рабства, разоренія, униженія,—четыреста лѣтъ самаго дикаго произвола, самыхъ неистовыхъ истязаній вынесли и перемогли мирные земледѣлы, не измѣнивъ ни вѣрѣ, ни народности. и теперь подвиглись на послѣдній, рѣшительный бой. Конечно, еще малая только часть подняла знамя, еще только своихъ передовыхъ, застрѣльщиковъ такъ-сказать, выслало, бѣдное оружіемъ и деньгами и воинскимъ опытомъ, привыкшее къ сельскимъ трудамъ болгарское племя,—но все дѣло въ начинѣ, въ первыхъ жертвахъ.... Начинѣ положенъ, жертвы принеслись, полилась болгарская кровь, и дрогнулъ весь шестимилліонный народъ. Возстаніе быстро распространяется. Надежда на успѣхъ оно, повидимому, не имѣть теперь пока никакихъ. Средства его скучны, ничтожны, но медлить дольше было уже невозможно. Болгари почуяли нашествіе той исторической минуты, когда спросятся отъ каждого слав-

вянского племени его права на жизнь, — а такое право покупается только готовностью умереть, пожертвовать жизнью въ борьбѣ за свободу. До сихъ поръ подвигъ Болгаръ былъ болѣе страдательного, пассивнаго свойства: надо было устоять, сохраниться въ живыхъ. Подъ напоромъ жесточайшей тирании и всевозможныхъ соблазновъ и искушений, казалось уже совсѣмъ потухъ въ нихъ пламень жизни и передавался лишь, какъ въ извѣстной знаменательной игрѣ «живъ-живъ курилка», отъ поколѣнія къ поколѣнію мерцающею искрой. Но искра не погасла и вспыхнула яркимъ и могучимъ огнемъ, какъ только пахнуло на нее благодатное вѣяніе русской науки. Юрій Венелинъ, Русский изъ Руси Карпатской, докончившій свое образованіе въ Москвѣ, посланный на счетъ русской Академіи наукъ въ придунайскую область Турціи, первый (около сорока лѣтъ тому назадъ) своимъ знаменитымъ изслѣдованіемъ: «Древніе и нынѣшніе Болгаре» и своею безпредѣльною горячою любовью къ запамятованному славянскому племени (даже не попавшему въ чило «дѣтей Славы» въ извѣстной поэмѣ Коллара), призвалъ Болгаръ къ возрожденію подвигомъ науки и самосознанія. На кладбищѣ Данилова монастыря, въ Москвѣ, красуется изящный бѣломраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Венелина «благодарными за свое возрожденіе Болгарами».

И какимъ быстрымъ пламенемъ охватила Болгаръ эта разгорѣвшаяся искра народной памяти! Отыскалось шестимилліонное племя — забитое, забытое, смѣшиваемое съ Сербами, Валахами, Греками, но не перестававшее хранить, вмѣстѣ съ вѣрою, нравы, и обычаи предковъ и смутныя преданія славной исторической старины. Какъ и всѣмъ славянскимъ племенамъ, судило Прорѣдѣніе и Болгарамъ — возродиться къ историческому бытию не только плотю, но и духомъ, не одною физиологическою силою народности, но путемъ мысли, науки, однимъ словомъ — работой народнаго самосознанія. Потребность просвѣщенія сказалась въ болгарскомъ племени съ неудержимою властью. Послѣдній грошъ, сбереженный отъ жадности Турка, отдавался на учрежденіе школы; молодые Болгары пробирались въ Россію, преимущественно въ Москву, чтобы почерпнуть просвѣщеніе изъ роднаго источника и разлить его потомъ по болгарскимъ городамъ и селамъ. Мы

имѣемъ право свидѣтельствовать и симъ свидѣтельствуемъ, что большинство ихъ трудилось честно, училось прилежно, а нѣкоторые кончали курсъ университетскій съ блестательнымъ успѣхомъ и удостоивались ученой степени. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что являлись они изъ страны полу-дикой, изъ-подъ власти варварскаго обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослыхъ годахъ начинать подготовку снова, — и что приходилось имъ здѣсь бороться и съ климатомъ, и съ бѣдностью, потому что скучны были средства, которыя могла удѣлить имъ общественная благотворительность. Многихъ похитила у жизни рановременно наша суровая зима; нѣкоторые, по возвращеніи на родину, задохлись въ турецкихъ тюрьмахъ или погибли иною насильственную смертью отъ злобы Турокъ, по доносамъ латинскихъ монаховъ и другихъ враговъ славянского возрожденія, — но многимъ за то удалось и посвѣтить доброе сѣмя и воспростить добрый отъ сѣмени плодъ.

На помощь народной вѣрности вѣрѣ и преданіямъ, и ослабѣвшей народной исторической памяти явилась сознательная, просвѣщенная мысль. Возродившись духовно, не можетъ уже, безъ преступленія, не стремиться болгарское племя и къ возрожденію политическому, къ освобожденію отъ мусульманскаго ига. Если прежде предстояла ему возможность пасть, замереть подъ гнетомъ Ислама и погибнуть,—то теперь допустить себя до погибели было бы для Болгаръ тажкимъ грѣхомъ самоубийства. Они *могутъ* жить, они *обязаны* жить; они и хотятъ жить, но эта жизнь, при настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, добывается только вооруженною борьбой, открытымъ восстаніемъ....

Эта борьба также права и свята, какъ и древняя борьба Русскихъ съ Татарами. Но не въ томъ положеніи Болгарія, въ какомъ была Россія, куда являлись орды временами, неизвѣннымъ страшнымъ гостемъ, владычество издали надъ страной, имѣвшей самобытное политическое устройство и созрѣвшей въ силѣ и ростѣ. У Болгаръ нѣть ни политической организаціи, какъ даже у Румыновъ и Сербовъ, ни административнаго устройства, которое дало бы имъ возможность сплотиться и образоваться въ прочный союзъ,—ни точекъ опоры, ни вождей народныхъ, ни высшей іерархіи ду-

ховной: только поселяне, торговцы да священники дерзают поднять знамя свободы. А между тѣмъ, какъ мы уже сказали, медлить долѣе нельзя: къ турецкому обычному гнету приложилось невыносимое материальное разорение; къ турецкому азиатскому произволу присоединяется еще ложь европейско-либеральныхъ формъ, макиавеллическая система духовнаго растлѣнія, доселъ неизвѣстная Туркамъ и преподанная имъ ихъ западными друзьями,—соблазны латинской и даже протестантской пропаганды. Обстоятельства въ Турціи сложились такъ: измѣни только православію, будь латинянинъ или протестантъ, или только поддайся «унії» съ признаніемъ римскаго папы,—и будешь ты огражденъ отъ турецкаго насилия, и будешь имѣть покровительство могущественныхъ въ Турціи представителей Франціи и Великобританіи! Православный остается самимъ *промышлять* о себѣ (по выражению древнихъ русскихъ грамотъ), и домогаться правды воиною.. Какой безконечный рядъ обезъщенныхъ женъ, поруганныхъ дѣвицъ, осрамленныхъ юношей, мучениковъ и жертвъ турецкой алчности и разврата представляетъ исторія послѣднихъ четырехъ столѣтій на христіанскомъ Востокѣ! И этому раду не только еще нѣть конца, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, неистовства Турокъ стали напоминать первыя времена побѣдного разгула оттоманской силы. Тѣмъ жесточе теперь на возставшихъ Болгаръ обрушивается ищеніе Турокъ, чѣмъ сильнѣе прежде презирали ихъ Турки! Какъ и это мирное племя, эти райи, прі обыкши пресмыкаться и ползать съ слезными мольбами у ногъ своихъ повелителей, и они тоже захотѣли свободы?! Это не Черногорцы, не Сербы, которыхъ Турки привыкли уже бояться, а потому и уважать,—это простые робкіе поселяне... Раздавать ихъ скорѣе, безъ околичностей, потушить, задавить въстаніе въ самомъ началѣ, не дать подняться въ Европѣ, рядомъ съ критскимъ, и еще новому болгарскому вопросу!.. И въ силу такихъ наставленій свирѣпствуетъ теперь въ болгарскихъ селахъ бѣшеная месть Оттомановъ, и плодить себѣ туки мѣтитей въ раздраженномъ народѣ...

А въ это самое время—глава Ислама, потомокъ покорителей Царыграда, держащий подъ своею пятой миллионы православныхъ Славянъ, изнывающихъ въ тщетныхъ усилияхъ

обрѣсти себѣ свободу, — въ это самое время турецкій султанъ торжественно появляется въ лондонскомъ королевскомъ оперномъ театрѣ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, и привѣтствуется «гимномъ» нарочито въ честь его въ Англіи сочиненнымъ, въ которомъ высказывается желаніе: «да одолѣть и сломить султанъ всѣхъ враговъ своихъ»...

Мы уже говорили объ участіи принятомъ русскимъ обществомъ, еще болѣе чѣмъ правительствомъ, въ духовномъ возрожденіи болгарского племени. Богу извѣстно, какъ безкорыстно, какъ чуждо всякихъ политическихъ цѣлей и соображеній было это участіе! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому возрожденію Болгаръ,—Болгаръ, отъ которыхъ мы сами получили нашихъ первыхъ учителей вѣры, которые дали Славянству Кирилла и Меѳодія, на языкѣ которыхъ стало доступно и намъ и всѣмъ Славянамъ Слово Божіе... Если вся Россія подвиглась сочувствіями къ подвигамъ Кандіотовъ, то тѣмъ болѣе побужденій сочувствовать ей несчастному болгарскому племени, поставленному въ худшія условія чѣмъ Греки — жители Крита. У Грековъ подъ бокомъ свободная Греція; потомокъ Эллиновъ еще можетъ надѣяться на симпатіи Европейскаго міра; но у Болгаръ одна надежда — на нась. Посрамимъ ли мы эту надежду?.. Правительство, конечно, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ предѣлахъ дозволяемыхъ дипломатическими правилами и приличіями, но намъ ничто не мѣшаєтъ возвѣстить о своемъ сочувствії громко и подать руку помощи воюющимъ братьямъ, — помощи одобрительнымъ словомъ, заступничествомъ общественнаго мнѣнія, и чуше всего деньгами. Сербскій митрополитъ, высокопреосвященный Михаилъ уже открылъ въ Бѣлградѣ комитетъ для пособія раненымъ, вдовамъ и семействамъ убитыхъ Болгаръ: такие комитеты должны устроиться и въ Россіи. Съ этой цѣлью, а также и съ болѣе прямую поддержать усилия болгарского племени, отстаивающаго свою свободу, открываемъ и мы у себя подписку... Не падайте духомъ, мужайтесь и ратуйте, братья! Не пропадутъ ваши усиія и жертвы уже и потому, что удалось вамъ заявить міру о болгарской народности, о ея правѣ и волѣ — жить, и вписать въ число подлежащихъ его рѣшенію вопросовъ «Болгарскій вопросъ»!...

Обращаемъ внимание нашихъ читателей на статью о Болгаріи, помѣщаемую ниже въ Славянскомъ Отдѣлѣ.

Москва, 2-го августа.

Продолжающіяся извѣстія объ успѣхахъ русскаго слова въ Славянскихъ земляхъ обращаютъ насть снова къ славянскому вопросу. Чѣмъ болѣе позволительно радоваться этимъ успѣхамъ, тѣмъ болѣе обязанности возлагается на насть — обратиться съ строгимъ испытаніемъ къ самимъ себѣ. Чѣмъ болѣе русскихъ успѣховъ въ Славянскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе славянскихъ успѣховъ должно быть въ Русской землѣ. Мы уже сказали въ 85 №, что самая рѣшимость Славянъ сблизиться съ нами въ языкахъ, благодѣтельная сама по себѣ и похвальная со стороны Славянъ, для насть отчасти постыдна, отчасти унизительна. Она постыдна для насть, потому что мы съ своей стороны ничего не сдѣвали, чтобы языкъ нашъ, который вполнѣ, и притомъ одинъ изъ всѣхъ прочихъ родственныхъ, имѣть право на званіе всеславянскаго, былъ признанъ за таковой и прочими Славянами. Она для насть почти унизительна, потому что Славяне рѣшаются усвоить нашъ языкъ вовсе даже не въ силу его историческихъ правъ, а вслѣдствіе побужденій вѣнѣніи и отрицательныхъ, потому что мы — числительная сила и независимая держава. Таково положеніе дѣла въ настоящее время. Что же будетъ дальше? Сколько несомнѣнно животворное дѣйствіе, которое должно оказаться на славянскихъ народностяхъ отъ ихъ общенія въ словѣ, столько же вѣроятно то, что собственно на насть дѣйствіе это должно отразиться пока довольно безславно.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что лучшая часть Славянства, наиболѣе образованная, что всѣ передовые и даже рядовые славянскіе бойцы усвоять нашъ языкъ. Но прежде чѣмъ себѣ это представимъ, позволимъ себѣ представить, какъ это можетъ быть достигнуто. Грамматикъ, которыя бы непосредственно сличали русскій языкъ съ прочими славянскими, и притомъ съ каждымъ изъ нихъ порознь, — у насть нѣтъ. У насть нѣтъ собственной даже грамматики независимой отъ всѣхъ потребностей сличенія, —

нѣть такой, которая отнеслась бы къ своему содержанию самостоятельно или, что то же, вполнѣ вѣрно, которая бы не смотрѣла на русскій языкъ черезъ нѣмецкое окно съ переплетами, изъ-за которыхъ различныя формы языка кажутся тожественными, а тожественные — различными. Самая послѣдняя и самая добросовѣтная изъ грамматикъ ушла не далѣе сознанія, что прежнія изложенія законовъ нашего языка слѣдовали системѣ сначала Гогенеда, потомъ Аделунга, и что въ настоящее время стало-быть слѣдуетъ перенести на русскій языкъ въ возможной подражательности систему Гримма. Точно также нѣть у насъ и словарей, не только такихъ, которые сличили бы непосредственно славянскія нарѣчія съ русскимъ, но и такихъ, которые сличили бы составъ русскаго языка самого съ собою. Имѣемъ замѣчательный трудъ Востокова; имѣемъ превосходный трудъ Дала (объ академическомъ словарѣ почтительно умалчиваемъ): первый обращается съ исконно-древнею славянскою рѣчью, давно всюду вымершую; другой живописуетъ въ современномъ состояніи живую великорусскую рѣчу. Но гдѣ нить, связывающая то и другое? Кто объяснилъ преемство, которымъ языкъ отъ своего умершаго прошлаго пришелъ къ живому настоящему? Мы спрашиваемъ не о преемствѣ чисто-звуковомъ и не о виѣшней связи въ разновременныхъ формахъ языка: объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались звуковыя формы славяно-русской рѣчи, о совершенномъ паденіи нѣкоторыхъ и замѣнѣ другихъ новыми были предложены изслѣдованія и выводы, даже болѣе далекіе и широкіе, чѣмъ допускается самъ нашъ языкъ (а затѣмъ что такъ величить нѣмецкій образецъ), — мы спрашиваемъ о логической сторонѣ языка, и притомъ не о той, которая выразилась исключительно въ грамматическихъ формахъ, а о той, которую образованъ нашъ словарь, о преемствѣ понятій, которыя исторически разложились по отдѣльнымъ рѣченіямъ въ составѣ нашего языка, и которыя насъ, чрезъ христіанство, чрезъ исторію литературы, исторію быта и государства, связываютъ заразъ и съ общеславянскою древностью, и съ древностью классическію, и съ новѣйшими народами. Только ясно выраженное это преемство (при грамматикѣ сколько-нибудь исправленной) способно ввести каждого въ дѣйствительное обладаніе

русскимъ языкомъ. Но къ объясненію этого преемства у насъ, можно сказать, не сдѣлано почти ничего: ибо не могутъ же здѣсь идти въ счетъ изслѣдованія, которыя воображаютъ, что въ исторіи нашего языка, минуя обширнѣйшую церковную литературу и пробавляясь однѣми легендами и мифологическими принадлежностями быта, можно столь же легко обернуться, какъ это легко въ языкѣ нѣмецкомъ, у котораго нѣть почти ничего за собою кроме готеской библіи да пѣсень и легендъ съ мифологіей. Что же касается до трудовъ покойныхъ Хомякова и К. С. Аксакова, то въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, они оказались почтеннѣи ни отъ кого не поддержаннными.

Итакъ, Славянинъ, желающій изучить нашъ языкъ, осуждается пріобрѣтать и строй его и составъ изъ третьихъ рукъ, не точно передающихъ то, что получили онъ отъ вторыхъ, которыя сами въ свою очередь не отличались безукоризненною вѣрностью въ передачѣ. Но, положимъ, все это преодолѣно. Такъ или иначе Славянинъ овладѣваетъ нашимъ языкомъ, хотя бы настолько, насколько владѣютъ имъ петербургскіе литераторы, употребляющіе слово *выглядитъ* въ смыслѣ формы настоящей, а не будущей. Что же затѣмъ? Узнанные словарь и грамматика, хотя бы и наязусть, еще не жизнь языка, не слово и не рѣчь. Чтобы языкъ получилъ жизнь, чтобы онъ сроднился болѣе или менѣе тѣсно съ народомъ, поколѣніемъ, лицомъ, необходимо употребленіе его въ живомъ разговорѣ или въ чтеніи, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Первое достаточно для удовлетворенія обычныхъ житейскихъ потребностей, для тѣснаго домашняго обихода; для Славянъ, въ отношеніи къ русскому языку, оно и не очень удобно, по ихъ разобщенному отъ насъ положенію, и не очень нужно потому, что для постояннаго обихода у каждого изъ племенъ есть свой языкъ или свое нарѣчіе, которые будутъ жить и которымъ нельзя не желать жизни. Русский языкъ занадобится Славянамъ въ области высшей, тамъ гдѣ дѣятельность по преимуществу сопровождается мышленіемъ и самосознаніемъ, и гдѣ самая мысль возлетаетъ выше потребностей не только семейства и кружка, но и выше потребностей племени. Это жизнь науки и высшей общественности по преимуществу. Итакъ, употребленіе русскому язы-

ку среди Славянъ предрекается по преимуществу литературное, и самое вступлениe въ нашъ языкъ можетъ быть каждымъ Славяниномъ совершено действительнымъ образомъ только чрезъ нашу готовую литературу.

Приступить Славянинъ къ нашему письменному богатству,—что же онъ найдеть? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій—больше изъ диссертаций, обезпечивающихъ вступлениe въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ рассказовъ г. Успенского и отчасти драмъ самого Островскаго—этихъ попытокъ дагерротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перль созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, не отличающихся вѣрностью подлинникамъ, еще болѣе беллетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и *tutti quanti*—недоваренные обѣдки чужихъ мыслей. И только Академія издастъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты, съ благоразумною экономіей, остерегаются давать публикѣ, пропорционально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорционально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣствїи, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, *съ чего должно начинать учиться*; публицистика не въ авантажѣ обрѣтается....

Не много и не привлекательно... Послѣдствіе при такихъ данныхъ можетъ быть двоякое. Языкъ нашъ также послѣшно будетъ брошенъ, какъ горячо онъ теперь принимается: вотъ одно изъ возможныхъ послѣдствій—очень естественное, когда изучающіе увидятъ, что не къ готовой умственной трапезѣ они приступаютъ; что напротивъ еще многимъ и много нужно потрудиться къ изготовлению желанной трапезы, немногимъ менѣе того труда, какой потребенъ къ обработкѣ и прочихъ славянскихъ литературъ. Къ такому концу теперешнее настроеніе Славянъ въ особенности легко можетъ обернуться, если современно съ этимъ благопріятно повернется ихъ политическое положеніе: съ ослабленіемъ гнета, ослабнутъ и тѣ вѣшнія побужденія, которыми пока ис-

ключительно влекутся соплеменники наши къ нашему языку. Или же возможенъ другой исходъ. Сознаніе славянскаго единства будетъ укрѣпляться болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ укрѣпляться и сознаніе необходимости имѣть общеславянскій языкъ. Занятія русскимъ языккомъ убѣдять между тѣмъ всѣхъ, для кого это еще не ясно, что языкъ, называемый русскимъ, представляетъ для общеславянскаго употребленія не одно виѣшнее удобство, но имѣть на то и право, внутреннее, самостоятельное, упроченное тысячелѣтіемъ исторіей и ею настойчиво предлагаемое. Тогда русская рѣчь получитъ въ Славянскихъ земляхъ полное гражданство; знакомство съ русскимъ языккомъ распространится въ населеніяхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ разовьется и русская письменность, но разовьется тамъ. Оттуда будемъ мы получатьувѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной periodической печати; тамъ явятся блестящія беллетристическая произведения; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители и публицисты и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣсто того чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, не достигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованною рѣчью!

Первое изъ предположенныхъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ, будетъ гибельно,—для прочихъ Славянъ гораздо болѣе тѣмъ для насъ. Славянскія народности исчезнутъ, если останутся разрозненными; они останутся разрозненными, если не будутъ имѣть общаго языка; они не будутъ имѣть общаго языка, если не возьмутся за языкъ русскій. Но какое изъ двухъ послѣдствій для современныхъ обладателей русскаго языка почетнѣе — решить трудно.

Возможенъ, конечно, и еще исходъ, наиболѣе для всѣхъ благопріятный, когда бы и мы, въ перегонку съ прочими соплеменниками, принялись съ удесятеренными усилиями за трудъ самостоятельной умственной жизни. Но на кого возложимъ въ этомъ надежду? На современныхъ ли представи-

телей нашей науки и нашего слова? Трудно ожидать внезапного измѣненія сложившихся возврѣній и привычекъ; нужды нѣтъ, что у нѣкоторыхъ, по случаю славянскаго сѣвѣра, и явилось внезапное славянофильствованіе. Да и какъ требовать самостоятельной науки, когда на науку въ самомъ обществѣ нѣть запроса? Воспрянеть ли, подъ вліяніемъ всеславянского движенія, само общество? Въ недостаткѣ способности радушно отнести къ Славянству, правда, упрекнуть его нельзя: доказательствомъ—пріемъ, оказанный гостямъ этнографической выставки, и то сочувствие, съ какимъ выслушивались рѣчи о славянскомъ единстве и о нашемъ всеславянскомъ значеніи. Насколько однако способны мы при этомъ возрости внутренно въ славянскую силу, и насколько, даже въ часы самого горячаго сочувствія, способны мы настроиться одновѣтно съ прочимъ Славянствомъ, объ этомъ лучше всего могутъ дать понятіе два слѣдующихъ одновременныхъ факта. Во время этнографической выставки, въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ вечеровъ, когда старымъ московскимъ друзьямъ удавалось залучать нѣкоторыхъ изъ славянскихъ гостей къ себѣ на келейную бесѣду, хозяинъ дома предложилъ гостямъ прибѣгнуть въ разговорѣ къ какому-нибудь другому языку, кроме русскаго, языку обоюдно разумительному и обоюдно извѣстному, напримѣръ нѣмецкому. Вопросовъ представлялось такъ много, разбирать ихъ приходилось такъ подробно, а рѣчь русская такъ гостей затрудняла! Но гости отказались наотрѣзъ отъ предложения: «ни!» отвѣчали они покачавъ головой, «въ святой Москвѣ!..»

А въ ту же этнографическую выставку и въ той же Москвѣ, стоило прислушаться при разѣздахъ изъ торжественныхъ собраній, которая давались въ честь Славянъ, на какомъ нарѣчіи преимущественно объяснялась наша публика. Наблюдатель открылъ бы, что вмѣстѣ съ русскою рѣчью особенно обильно сыпалась рѣчь французская. И это бывало послѣ каждого собранія, послѣ тѣхъ рѣчей о необходимости единаго славянскаго для Славянъ языка, которая постоянно произносимы были на этихъ собраніяхъ, и послѣ тѣхъ выражений единодушнаго сочувствія, съ которыми постоянно принимаемы были эти рѣчи. Съ неизмѣнною точностю обнаружилось это даже и послѣ университетскаго акта, на ко-

торомъ выслушано было отъ Головацкаго это трогательное объясненіе, что онъ не знаетъ какъ и выразить счастіе, которое доставляется ему настоящею возможнотью сказать въ средоточії Русской земли слово роднымъ русскимъ братьямъ на родномъ русскомъ языѣ. Рѣчъ оратора прерывалась отъ волненія, прерываема была восторженными рукоплесканіями. И однако французская рѣчъ залила потомъ и лѣстницу и дворъ университетскій. Разговаривавшіе не стѣснялись даже тѣмъ, что съ ними рядомъ выходили тѣ самые, въ лицѣ которыхъ такъ недавно чествовали они славянское единство и предъ которыми съ такимъ неистовыムъ восторгомъ рукоплескали они рѣчамъ о необходимости единаго для Славянъ славянскаго языка—русскаго.

Противопоставленіе этихъ двухъ фактovъ краснорѣчиво и не требуетъ добавленій. Нѣть, съ нашего общества достаточно, если выростетъ оно хотя до виѣшнаго, поверхностнаго сочувствія Славянству: оно не переростетъ само себя и перерости не можетъ. Возложимъ лучше надежду на будущее поколѣніе; благо между славянскою молодежью возникаютъ взаимныя сношенія, а они способны разбудить славянскую мысль и чувство. Подождемъ и успѣховъ образованія въ простомъ народѣ, благо самый фактъ Славянства послѣдними событиями уже введенъ въ его сознаніе. А это значитъ много.

Москва, 30-го сентября.

Иллюзіи кончились. Всѣ попытки водворить спокойствіе и благоденствіе на Балканскомъ полуостровѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, изыскать формулу примиренія между притѣснителями и притѣсненными, сочинить сдѣлку между Евангеліемъ и Кораномъ, внушить духъ европейскаго либерализма турецкимъ властямъ и благонравія турецкимъ подданнымъ-христіанамъ,—всѣ эти попытки европейскаго самобольщенія разбились о несокрушимую правду дѣйствительности, о неумолимую логику исторіи. Подобно упругой стали, которую какъ ни нажимаютъ, ни гнутъ — она разгибается и расправляетъ сноva. Восточный вопросъ, временно насижаемый дипломатическими комбинаціями и вмѣ-

шательствами кабинетовъ, опять выпрямляется во весь свой ростъ, во всей своей грозной несомнѣнности, со всею грубостью своего *некстами* для большинства европейскихъ державъ. На призывъ Порты положить оружіе Критъ отвѣчалъ новымъ воззваніемъ къ брані. Критское національное собраніе отвергло милость турецкаго падишаха, обѣщанную имъ амнистію и всѣ тѣ блага, которыя сулила острову «отеческая заботливость» и «высокая мудрость» сultана. Не обольстило Кританъ обѣщаніе «улучшенного генераль-губернаторства» или «виляэта». Они нашли, что купить такой виляэть цѣною крови, лившейся цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ, цѣною столькихъ жертвъ и усилий—было бы не только невыгодно, но и позорно, было бы измѣной знамени, которое они вознесли такъ wysoko и вѣрности которому они принесли клятву предъ лицомъ всего міра. Борьба возобновляется снова, если не съ удвоенною силой, то съ удвоеннымъ ожесточениемъ и, со стороны Грековъ, со всею энергией отчаянія: они не ждутъ болѣе помощи отъ Европы.

Что же сдѣлаетъ Россія, какъ отнесется она къ этому новому фазису Восточного вопроса? Говоримъ «новому» потому только, что событія вновь доказали всю тщету дипломатическихъ усилий дать иное направление историческому течению дѣлъ на Востокѣ и выдвинули вопросъ на чистоту, во всей его рѣзкости и со всею нетерпимостью отерочекъ и сдѣлокъ. Конечно, бесплодность дипломатическихъ попытокъ могла быть предвидѣна и заранѣе; но едва ли позволительно было даже и Россіи не исчерпать всѣхъ средствъ (какъ бы мало она ни вѣрила въ ихъ успѣхъ) для предотвращенія громадныхъ политическихъ сотрясеній и иныхъ страшныхъ золъ, которая неминуемо повлекло бы за собою разрѣшеніе Восточного вопроса мятежомъ и насилиемъ. Надо было, наконецъ, доказать и самой Европѣ, что мы не только не противники мирнаго рѣшенія вопроса, но и съ своей стороны направляли всѣ дипломатическія усилия къ этой цѣли—до послѣдней крайности, до совершенного истощенія вѣры. Русскій кабинетъ прямодушнѣе чѣмъ другія союзницы Порты пытался раскрыть ей глаза на ту бездну, въ которую ее увлекаетъ ея политика; онъ не поощрялъ ее къ борьбѣ съ ея собственными подданными, а указывалъ ей дѣйствитель-

ные способы укротить эту борьбу. Таковъ смыслъ и послѣднихъ попытокъ, сдѣланныхъ русскою дипломатіей нынѣшнимъ лѣтомъ. Далѣе идти некуда. Упорствовать на этомъ дипломатическомъ пути, подвергать свои ходатайства не только отказу, но и превратному толкованію, на свои настоянія получать двусмысленные отвѣты, продолжать, по необходимости, довольствоваться зарѣдомо-ложивыми, никогда не исполняемыми турецкими обѣщаніями, однимъ словомъ, самому вызывать и терпѣть постоянное *fiasco* своихъ усилий—это было бы, кажется намъ, уже несомнѣнно съ достоинствомъ великой державы, и несомнѣнно именно съ достоинствомъ Россіи, какъ всего болѣе знакомой съ положеніемъ христіанскихъ племенъ Оттоманской имперіи. Это значило бы компрометтировать честь русского имени на Востокѣ, возвуждая понапрасну надежды въ греко-славянскомъ населеніи; значило бы явно, въ виду всѣхъ, позволять себя морочить турецкой политикѣ и ставить себя въ ложное положеніе посредника, котораго посредничество ни одною стороной не принимается, но обращается ему же во вредъ, какъ свидѣтельство его неумѣстной довѣрчивости и непрозорливости. Наше дипломатическое слово должно быть полновѣсно: мы не можемъ, мы не должны упразднить его вѣсь, расточая его попусту. По нашему мнѣнію, насколько извѣстны намъ обстоятельства дѣлъ на Востокѣ, Россіи ничего иного не остается дѣлать, какъ только отрясти прахъ съ ногъ своихъ дальнѣйшихъ совѣтовъ и ходатайствъ, отъ всякого дипломатического вмѣшательства, и громко и честно заявить и Дизану и всей Европѣ, что мы отнынѣ предоставляемъ Турцию ея собственной судьбѣ. Пусть сладить она сама какъ знаетъ съ своими подданными; пусть управится собственою мудростью, посмѣявшиясь мудрости, безкорыстю и чистосердечію русскихъ совѣтовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы поступить иначе? Вотъ уже болѣе года какъ Европа пребываетъ зрительницей кровавой борьбы Крыта,—зрительницей если не совсѣмъ спокойною, то все же воздерживающейся отъ всякой рѣшительной попытки прекратить тѣ азіатскія неистовства, которыми съ какою-то наглостью щеголяетъ Порта—на зло европей-

скому просвѣщенію. Вотъ уже болѣе года, какъ Европа деликатными и вѣжливыми словами пробуетъ умилостивить турецкаго падишаха, величаетъ его какъ просвѣщеннѣйшаго и гуманнѣйшаго государя, и этотъ просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій, новопожалованный членъ европейской семьи, бросаетъ ей въ лицо оскорблѣніе за оскорблѣніемъ. Въ благодарность за оказанный ему почетъ, за восторженный приемъ въ столицахъ Европы, онъ дарить европейскихъ дипломатовъ произведеніями европейской же дипломатической лжи: утонченнымъ празднословiemъ, мнимо-либеральными реформами на европейскій образецъ, ссылкою на турецкое общественное мнѣніe!... И кровь христіанъ продолжаетъ латься подъ мечомъ Ислама, и Европейцы, запутавшись въ свѣти собственныхъ словъ, продолжаютъ сносить насмѣшиловое проруганіе Турка надъ христіанскою цивилизацией. Но не чувствуетъ ни позора, ни обиды Западная Европа: терзаютъ вѣдь только Славянъ и Грековъ, которыхъ она не признаетъ своими. Какъ бы то ни было—Европа, продолжая терпѣть совершающійся на Критѣ и въ самой Турціи разгуль турецкой мести и тираніи, дѣлается солидарною съ мучителями, сама позорится позоромъ, сама кровавится кровью мучимыхъ христіанъ. Россія еще менѣе можетъ выносить такое положеніе, потому что эти христіане ей еще болѣе свои, чѣмъ Западу, и сопредѣльны съ нею. Если нельзя принять мѣръ рѣшительныхъ къ измѣненію такого состоянія дѣлъ, къ прекращенію дальнѣйшаго пролитія христіанской крови,— остается, по крайней мѣрѣ, одно: умыть руки и снять съ русской дипломатіи отвѣтственность за всакія дальнѣйшія послѣдствія турецкой политики. Еслибы всѣ европейскія державы, заинтересованные въ положеніи Порты, объявили ей такое свое рѣшеніе, то они стали бы въ единственно возможное теперь и честное отношеніе—и къ Турціи и къ ея христіанскимъ подданнымъ, сдерживая другъ друга взаимнымъ соглашеніемъ невмѣшательства...

Будемъ ждать новыхъ извѣстій съ Востока, будемъ надѣяться, что и русское министерство иностранныхъ дѣлъ разсвѣтъ мракъ, сгустившійся около русской политики, какими-нибудь лучами свѣта, какими-нибудь сообщеніями, которыхъ такъ давно ждетъ и не дождется русское общество. Оно

имѣть полное упование на политическое направление нашего кабинета и немногие, обнародованные доселѣ, дипломатические русские документы послѣднихъ лѣтъ по дѣламъ Востока имѣли всегда свойство поднимать русскій общественный духъ и угѣшать русское сердце. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не замѣтить, что Восточный вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ, мы не можемъ не смущаться сплетнями и толками иностраннныхъ публицистовъ, какъ бы мало мы ни придавали имъ цѣны; мы не можемъ наконецъ и оставаться безучастными къ политической роли Россіи въ вопросѣ, съ которымъ связана ея народная и государственная честь и ея собственная историческая судьба,— мы просимъ и теперь нѣкотораго вниманія къ нашему русскому чувству и русскому общественному мнѣнію; неизмѣнившемуся въ своемъ довѣріи къ главѣ нашихъ дипломатовъ съ знаменитой политической кампанией 1864 года.

Москва, 10-го ноября.

Мы печатаемъ въ нынѣшнемъ № нѣсколько корреспонденцій исполненныхъ животрепещущаго политического интереса для Россіи,— и считаемъ нужнымъ предположить имъ нѣсколько словъ, отставая до другаго раза обсужденіе нѣкоторыхъ нашихъ внутреннихъ домашнихъ дѣлъ. Мы не только не боимся наскучить читателямъ частымъ обращеніемъ къ вопросамъ внѣшней политики, но считаемъ вполнѣ умѣстнымъ и даже должнымъ сосредоточивать ихъ вниманіе на тѣхъ именно внѣшнихъ политическихъ вопросахъ, которые имѣютъ живую, неразрывную связь съ направленіемъ нашей политики внутренней,— которыхъ правильное разрѣшеніе состоить въ прямой зависимости отъ степени развитія и силы народного самосознанія въ нацѣ самихъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственный сферахъ. Нужно, необходимо нужно, чтобы наше общественное и правительственное разумѣніе стояло въ уровень съ тѣми событиями, которыя готовятся. А события готовятся великия,— такія события, которая не позволяютъ намъ отдѣльваться смиреніемъ и скромностью, которая призовутъ насъ къ спросу и къ отвѣту, о которыхъ, какъ о пробный камень, испытаетъ и провѣритъ исторія степень нашей при-

годности и достоинства для исполненія нашего великаго историческаго предназначенія. Не можетъ скрыть отъ читателей, что когда читаешь, въ письмахъ изъ славянскихъ земель, какъ высоко возносится тамъ русское имя, какъ вымѣщается на нашихъ бѣдныхъ единоплеменныхъ братьяхъ самъ фактъ существованія Россіи, съ какою любовью и съ какимъ упованьемъ обращаются къ ней взоры, лютую злобу Ислама и Рима истязуемаго, православнаго Востока, когда слышишь эти воззванія, эти мольбы о сочувствіи, объ участіи, о помощи, когда видишь эту вѣру въ Россію, вѣру несокрушимую, неизмѣнившую въ теченіи столькихъ временъ и лѣтъ, вѣру не по заслугамъ нашимъ, но по внутреннему свидѣтельству славянскаго духа и по указаніямъ вѣшнихъ признаковъ о призваніи Россіи, какъ единой свободной и сильной славянской державы, какъ единой истинной представительницы и главы Славянскаго міра,—невольно озираешься на насъ самихъ, и невольно сжимается сердце. И въ виду того высокаго подвига, который Провидѣніе преднарѣтало Россіи, въ виду призванія, для котораго она видимо избрана,—припоминаешь тогда себѣ всю ту борьбу, которую еще приходится вести у насъ дома за достоинство русскаго имени, за честь и право русской народности,—припоминаешь все малодушіе искоторыхъ нашихъ такъ-называемыхъ влиятельныхъ сферъ, ихъ подобострастное отношеніе къ мнѣнію западной Европы, ихъ идолопоклонство предъ кумиромъ европейской цивилизаціи, ихъ невѣжество, ихъ непониманіе и неспособность пониманія народной, не официальной, не казенной Россіи.... Никогда бодрость и вѣра, порою, и въ насъ самихъ, когда живо ощутишь вновь всю глубь и ширь царящаго у насъ недоразумѣнія между высшою общественною, нерѣдко и административною средою, и между народомъ съ его бытовыми и духовными историческими основами; когда живо представишь себѣ вновь эту великую Русскую землю, этотъ великий, сильный, бодрый и умный народъ, и надъ нимъ цѣлые слои атмосферы, гдѣ произрастаетъ «Вѣсть», и все что подъ этимъ нарицательнымъ именемъ разумѣется, гдѣ самодовольно ублажаются изреченіями дешевой мудрости и чувствомъ своего европеизма, гдѣ не мучаются никакимъ тяжелымъ запросомъ на пародное самосознаніе и самостоятель-

ную дѣятельность, не тревожатся никакимъ беспокойнымъ патріотическимъ порывомъ, гдѣ не чувствуютъ ни оскорблѣнія, ни обиды русскому народному достоинству, гдѣ выше народной чести возлюблена полицейская тишина, гдѣ все, по части трудныхъ задачъ русской народности, такъ безразлично, ровно, кругло и гладко,—гладко какъ выбритый Чичиковскій подбородокъ! Унынѣ овладѣваетъ душой, когда представишь себѣ, повторяемъ, Русскій народъ и надъ нимъ между прочимъ цѣлую среду—не злокозненныхъ и умышленно-враждебныхъ Россіи интригановъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши публицисты, а какихъ-то судящихъ и рядающихъ и власть имущихъ институтокъ, съ ихъ простодушiemъ, малодушiemъ, легкомыслiemъ и невѣжествомъ!.. Но нѣть! непростительно и постыдно было бы такое унынѣ, въ виду тѣхъ великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, которыя, пробивъ эти описанные нами сферы, призвали къ жизни массы Русскаго народа и связали ихъ тѣснѣшими узами съ верховною властью; въ виду уже явленныхъ намъ откровеній народнаго историческаго духа на высшей высотѣ нашего всенароднаго и государственнаго представительства. Не той странной средѣ, не тѣмъ сферамъ, о которыхъ мы говорили, обязана Россія своимъ новымъ бытіемъ и всѣми новыми притоками силъ, хлынувшими въ нее въ послѣднія десять лѣтъ, а вождю народа и тѣмъ народнымъ духовнымъ стихіямъ, которыми живетъ, существуетъ, движется и предъявляетъ права на великую будущность наша Россія. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже обладаемъ великими задатками, великими ручательствами, какъ въ преобразованіяхъ, свершенныхъ инициативою и волею Государя, такъ и во вѣнчаніи нашей политики,—ручательствами въ томъ, что русская народная историческая идея, вопреки «Вѣсти», вопреки всѣмъ подобнымъ петербургскимъ производственіямъ и темнымъ силамъ, одержитъ верхъ и все полнѣе и полнѣе будетъ сказываться въ нашей государственной жизни. Что значитъ зловѣщія увѣренія «Вѣсти», разославшей на дніяхъ какія-то печатныя инсинуаціи въ видѣ лѣтучихъ листковъ, съ просьбою раздать ихъ въ кругу своихъ знакомыхъ, какія-то печатно-таинственные нашептыванія о томъ, что «обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу

этого изданія?» Что значать, повторяемъ, всѣ эти ея пуганія, всѣ эти явленія нашей безнародности въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ, — рядомъ съ такимъ, напримѣръ, политическимъ дѣйствіемъ Россіи, какъ декларациія 29 октября, рядомъ съ этимъ «первымъ шагомъ Россіи на свободно-славянскомъ политическомъ полѣ», какъ выражаются съ воссторгомъ въ Бѣлградѣ? Наши единоплеменники видятъ въ ней «лучезарную зарю новой великой исторической жизни, восходящую для Россіи и для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ съ нею народовъ Востока». «Россія объявляетъ намъ — пронеслось электрической искрой по всему Востоку, — что часъ нашего освобожденія пробилъ». Впрочемъ пусть прочтутъ читатели сами письмо нашего бѣлградского корреспондента, писанное, по его словамъ, «подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Сербіи новой великодушной политикой императора Александра II».

Такой же лучезарной зари ждутъ для себя и Славяне австрійской имперіи. «Всему есть мѣра на землѣ, есть также мѣра скромности и терпѣнію. Но никакое терпѣніе не выдержить, глядя на преслѣдованія и страданія Славянъ австрійскихъ». Такъ начинаетъ свое письмо къ намъ одинъ, всякаго довѣрія заслуживающій, русскій путешественникъ съ австрійскихъ береговъ Дуная, — письмо, въ которомъ онъ яркими красками рисуетъ положеніе Славянъ, гнетомъхъ Поляками, Мадьярами и австрійскими Нѣмцами. Пусть читатели сообразятъ вмѣстѣ всѣ эти письма и корреспонденціи изъ Бѣлграда, съ Дуная, изъ Хорватіи и изъ Галиціи, вчерашнее письмо изъ Пешта, и имъ представится полная картина какъ бѣдствій, испытываемыхъ въ Европѣ славянскими племенами, какъ ихъ ожиданій и упованій, такъ и всѣхъ козней и честолюбивыхъ замысловъ мадьярско-австрійской политики. Тяжелому искусу подвергнуты теперь Славяне. Не за свою вину гонимы они, а имъ ставится въ вину самое существованіе Россіи — отъ нихъ требуютъ не только вѣрно-подданническаго долга коронѣ Габсбурровъ, который соблюдался ими всегда строже и неукоснительнѣе, чѣмъ ихъ гонителями Поляками, Мадьярами и Нѣмцами, но требуютъ духовнаго отреченія отъ Россіи, т. е. отъ исповѣданія Россіи, какъ главы Славянскаго мира, требуютъ, слѣдовательно,

духовной измѣны своей народности, всему Славянству. Уже прошло то время, когда на умы славянскихъ народовъ могла дѣйствовать польская и нѣмецкая ложь о мнимыхъ замыслахъ Россіи, о ея стремленияхъ къ завоеваніямъ и къ подчиненію Славянъ своей государственной власти. Теперь Славяне знаютъ и вѣрятъ, что даже мысль о поглощеніи независимости славянскихъ племенъ ненавистна въ Россіи, и полагаетъ она свое предназначеніе въ томъ, чтобы призвать всѣхъ ихъ къ жизни, самобытности и свободѣ. Мы ли останемся глухи къ ихъ мольбамъ и воплямъ, когда они гонимы и мучимы за насть, за то что мы имъ братья, за то что мы могучи, за то что держимъ высоко славянское знамя, и что носить на челѣ своеемъ Россія печать своего великаго призванія? Пусть наши единоплеменники пребываютъ въ вѣрѣ въ Россію до конца, — но какимъ бременемъ великаго, святаго долга ложится на насть эта вѣра! ложится на всѣхъ безраздѣльно, на правительство, какъ и на общество, на каждого изъ васъ, читатели!

Москва, 18-го ноября.

Мы говорили вчера, что вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ католическомъ вѣроученіи,— вопросъ, съ которымъ связаны судьбы католической церкви, всего латинского Запада. Къ латинскому ли Западу должны мы отнести Славянъ—Чеховъ и Моравовъ, и Хорватовъ и иныхъ Славянъ латинского вѣроисповѣданія? Къ Риму ли прикованы они узами вѣры и общенія церковнаго? Современная исторія даетъ отвѣтъ удовлетворительный, но вопросъ противъ него все славное прошлое этихъ племенъ, возвастъ противъ него пробудившееся снова къ жизни славянское самосознаніе, противорѣчить ему вся духовная сущность славянской народности. И теперь, когда римскій вопросъ волнуетъ недоумѣніемъ, мучаетъ неразрѣшимостью весь католический міръ, не въ чужомъ ли пиру похмѣльемъ является приосновенность западныхъ Славянъ къ этому вопросу? Латиняне ли они развѣ? Будутъ ли они вмѣстѣ съ Латинянами томиться неразрѣшимостью задачи о папствѣ, кружиться и

путаться въ противорѣчіи, тщетно отыскивая изъ него выхода, когда разрѣшеніе у нихъ подъ рукою, когда имъ стѣдить только освѣжить свою историческую память, допросить преданія, обратиться къ лучшей порѣ своего прошлаго, воспоминаніемъ о которой живится въ нихъ и теперь сознаніе и чувство народности. Старина славянская не есть отжившая, но живая сила; славянская археология не есть интересъ отвлеченной науки, но животрепещущій интересъ дѣйствительности. Не славянскіе ли апостолы Кириллъ и Меѳодій принесли свѣтъ христіанства къ Моравамъ и Чехамъ? Не ихъ ли письменнымъ глаголомъ славословится и донынѣ истина Христова у православныхъ Славянъ, и не ихъ ли отреклись Славяне, уловленные и полоненіе Римомъ? Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языке возносились у нихъ хваленія славянскимъ первоучителямъ, по случаю недавняго тысячелѣтнаго юбилея крещенія Моравской земли? Не латинскою ли литургіей чествовалась память мужей давшихъ Славянамъ литургію славянскую? Не латинскими ли письменами выражалась благоговѣйная признательность потомковъ — изобрѣтателямъ народныхъ славянскихъ письменъ? Не постыдно ли, не безсмысленно ли такое противорѣчіе, не преступно ли въ немъ пребывать и упорствовать? А между тѣмъ не трудно припомнить Чехамъ, какую борьбу вели они съ папой изъ-за славянской литургії, до самаго XII вѣка; не могутъ они не припомнить, что православныя преданія не вымирали до XV вѣка и оказались въ явленіи Гуса. Въ Гусѣ и цѣломъ рядѣ гуситскихъ войнъ выразилась борьба Чехіи за духовную самостоятельность Славянства противъ латинской лжи, — и величая нынѣ имя этого мученика духовной свободы и славянской народности, чтѣ приносять въ даръ современные Чехи на алтарь его памяти? Не ту ли неволю, не то ли же самое духовное рабство, отъ котораго надѣялся онъ спасти Чешскій народъ своею мученическою смертью, — не примиреніе ли съ тѣми именно началами, которыя онъ считалъ гибельными для славянской народности, съ которыми завѣщалъ вѣчную и непримируемую вражду? Такія внутреннія противорѣчія обойдены быть не могутъ, и только легкомысліе можетъ мечтать — возвѣгнуть на подобной духовной расщелинѣ прочное и цѣльное зданіе народности.

Не живы ли преданія православія и у Славянъ адіатическихъ, къ несчастію олатиненныхъ? Не считаетъ ли и теперь (какъ убѣждаютъ въ томъ свидѣтельства путешест-венниковъ и наши личныя наблюденія) Славанинъ-католикъ изъ простаго народа въ Хорватіи и на всемъ Далматинскомъ побережью вѣру православную — старою вѣрою и молитвы православныхъ священниковъ — болѣе дѣйствительными чѣмъ молитвы латинскихъ патеровъ? — Мы не можемъ пускаться теперь въ подробныя изслѣдованія всѣхъ слѣдовъ исторической памяти православія, сохранившихся у облатиненного Славянства, — мы считаемъ достаточнымъ напомнить о нихъ пробудившейся или еще пробуждающейся славянской совѣсти. Ей предстоитъ теперь совершить дѣло не отступленія отъ вѣры предковъ, а возвращенія къ вѣрѣ предковъ.

Нѣть ничего пагубнѣе, для истиннаго возрожденія славянской народности, той ложной мысли, что народность стоитъ выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патріоты должны относиться къ нему безразлично. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, «народность» выходитъ какимъ-то понятіемъ виѣшнимъ, безъ внутренняго, духовнаго содержанія, — между тѣмъ какъ именно въ содержаніи вся суть и сила. Пусть обратятся къ исторіи: латинство и православіе, какъ мы уже не разъ говорили, это тѣ историческія и духовныя начала, подъ воздействиемъ которыхъ двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различно народности въ западной и восточной Европѣ. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской церкви, имѣть своимъ духовнымъ отечествомъ Римъ, состоять въ духовномъ соединеніи со всѣмъ латинскимъ западнымъ міромъ, примыкать, въ известной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьbamъ. Быть православнымъ значитъ состоять въ духовномъ союзѣ съ восточною церковью, съ міромъ греко-славянскимъ. Въ силу этого глубокаго духовнаго различія дѣлится европейскій міръ на двѣ половины, на два міра — на Востокъ и Западъ: это не географические термины, а термины качественные, означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйственными силами въ исторіи человѣчества. Міръ восточный есть міръ православно-славянскій, котораго представитель-

ницей является Россия, къ которому примыкаютъ и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ комъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство,—міръ самобытный, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности, ненавидимый западною Европою. Мѣрой ненависти европейской измѣряется, какъ мы уже говорили однажды, въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянского элемента. Не могутъ не причислить себя Славяне, хотя бы и католики, къ міру восточному: что бы они ни дѣлали,—Западъ ихъ не признаетъ *своими*, пока не отреклись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики-Славяне не сыны, а только *пастыни* западной Европы, и для нихъ она все же не мать, а мачиха. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только одно усыновлено Западомъ вполнѣ — это именно то племя, которое принало латинство себѣ въ плоть, кровь и душу, которое отреклось отъ братства славянского и стало передовымъ войскомъ латинского Запада противъ православно-славянского міра,—это племя польское. Его похитилъ изъ Славянского міра католицизмъ; онъ изгубилъ, онъ заѣлъ его славянскую душу. Если прочія католическія славянскія племена еще сохранили въ себѣ славянскую душу, такъ именно благодаря тому, что они чужды латинского фанатизма, что католицизмъ не отожествился съ ихъ народною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или безсознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ духовной славянской природы.

Съ неудержимою силой возникло въ новѣйшее время народное самосознаніе 80 миллионовъ Славянъ. Подъ знаменемъ Кирилла и Меѳодія, еще недавно, здѣсь въ Москвѣ, торжествовалось первое видимое проявленіе всеславянства, праздновался праздникъ славянского братства. Но не означаетъ ли знамя Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ, объединявшее на московскомъ съездѣ всѣ славянскія племена, единство началь просвѣтительныхъ? означаетъ, безъ сомнѣнія, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ необходимое требование... Безъ объединенія духовнаго не совершится объединеніе Славянского міра...

И вотъ, когда потребность объединенія созрѣла въ сердцахъ

славянскихъ племенъ,—не вѣшнаго только, но по преимуществу внутренняго; когда Славяне начинаютъ разумѣть себя наконецъ міромъ особливымъ, славянскимъ, съ своимъ самобытнымъ призваніемъ въ человѣчествѣ и ищутъ сознать свое высшее объединительное начало,—одновременно съ этимъ движеніемъ славянскаго духа, доводить логика исторіи духовное начало неславянскаго Запада до того крайняго предѣла абсурда, далѣе котораго идти невозможно. Восстаетъ вопросъ римскій, вопросъ — *быть или не быть* для латинства. Весь католическій міръ призывается къ отвѣту,—исторія предъявляетъ запросъ всѣмъ членамъ латинской церкви.

Теперь или никогда. Если Славяне хотять остатъся Славянами, и не только остатъся Славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра,—то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Теперь Славяне стоять на перепутьи: идти ли имъ въ путь Запада или въ путь Востока, въ путь латинства или въ путь православія, примыкать ли имъ къ судьбамъ западноевропейскаго міра или къ судьбамъ міра греко-славянскаго,—ибо господствующая вѣра въ Славянствѣ, хотя бы только по численности вѣрующихъ, а не по тождеству съ славянскою народною сущностью, есть вѣра православная... Выбирайте же, Чехи, Моравы, Хорваты, Словаки, Словинцы! Хотите ли, вмѣстѣ съ западною Европой, пробавляться религіозными сдѣлками и компромисами безвѣрія съ суевѣріемъ, вязнуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій,—къ тому же не вашихъ, не изъ васъ порожденныхъ, а навязанныхъ вамъ врагами вашей славянской свободы,—или же выйти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 миллионовъ вашихъ славянскихъ братій, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви вселенской, или же признавать своимъ духовнымъ центромъ попрежнему латин-

скій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?

Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, огражденною конституціей, не могли бы тѣ изъ Славянъ-католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православію, воскресить древнєе славянское богослуженіе и воздвигнуть православные храмы — и въ Прагѣ, и Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ. Кто можетъ имѣть въ этомъ воспрепятствовать? Ужели не сознаютъ они, какъ незыблемо, на вѣки вѣковъ, упрочатъ они духовную самостоятельность своего национальнаго развитія, — какой крѣпкій камень положать они во главу угла воздвигаемаго ими зданія своей народности и всего Славянства?

Настоящій мигъ есть вѣщій мигъ. Ужели не внимутъ наши братья, олатиненные Славяне, этому зову исторіи? Во имя ли только одной Россіи или и *всего* Славянскаго міра должно раздаться слово русской державы на этомъ сомніющій представителей европейскихъ державъ, призываемыхъ нынѣ судить папѣ, папству и всему вѣроисповѣдному строю латинскаго міра?...

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВИЧЪ“.

1868 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 9-го января.

Въ послѣдній разъ, обозрѣвая политическое положеніе Западной Европы, мы сказали, что если волновавшіе ее въ прошломъ году вопросы и не разрѣшены, то разрѣшенія замѣнены сдѣлками, устраниющими, хоть на нѣкоторое время, опасность нарушенія мира,— и что только есть одинъ вопросъ, на который съ подозрительностью и беспокойствомъ взираютъ западно-европейскія державы—это вопросъ Восточный. Если воспалительный характеръ взаимныхъ ненормальныхъ отношеній этихъ державъ перешелъ въ хронический, то здѣсь наоборотъ: хронический недугъ западно-европейской политики, называемый Восточнымъ вопросомъ, получаетъ въ настоящее время видимо воспалительное свойство.

Итогъ прошлаго года представляетъ значительное видоизмѣненіе политической игры и политическихъ ролей въ Европѣ—по отношенію къ Востоку. Только роль самой Россіи осталась неизмѣнна, именно потому, что это не роль, что ея политическій образъ дѣйствій на Востокѣ не обусловленъ личными выгодами и случайными соображеніями, а опредѣляется ея историческимъ призваніемъ, национальнымъ самосознаніемъ, естественнымъ сочувствіемъ съ угнетенными, страдающими подъ неизвестнымъ игомъ, единовѣрными и единоплеменными ей народами Балканского полуострова. О правотѣ и искренности нашей политической программы свидѣтельствуетъ рядъ дипломатическихъ документовъ нашего кабинета, недавно опубликованныхъ и разосланныхъ нами

какъ подписчикамъ «Москвича», такъ и прошлогоднимъ подписчикамъ «Москвы», не успѣвшей во-время сообщить ихъ своимъ читателямъ.

Но если Россія шла и идетъ неизмѣннымъ путемъ, то не таковъ, оказывается, путь союзныхъ ей великихъ державъ. Конецъ 1867 года застаетъ въ Европѣ уже иная политическая сочетанія, иная соображенія и цѣлую сѣть новыхъ интригъ, которую, какъ паутину, снуетъ и раскидываетъ на русской дорогѣ западно-европейская дипломатія. Въ первой и даже въ началѣ второй половины прошлаго года, хотя не совсѣмъ охотно и не совсѣмъ искренно, Франція не рѣшалась отдѣляться рѣзко отъ насъ въ Восточномъ вопросѣ, а напротивъ, при всей уклончивости и измѣнчивости своей политики, уступала, болѣе или менѣе, настояніямъ Россіи и присоединялась къ нашему дипломатическому на Турцію походу. Пруссія не только не противилась нашей политической программѣ, но какъ бы побуждала насъ къ ея энергическому выполненію. Офиціозный органъ графа Бисмарка, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», то и дѣло твердилъ, что одними убѣжденіями и совѣтами отъ Порты ничего не добьешься, и если желать, чтобы всѣ эти дипломатическія попытки не окончились однимъ пустословіемъ, то необходимо придать имъ характеръ болѣе серьезнаго и рѣшительнаго дѣйствія. Наконецъ, казалось, наша дипломатія одержала победу; ей удалось согласить къ общему важному дѣйствію четыре державы, и знаменитая декларация за подписью Россіи, Франціи, Пруссіи и Италии должна была, повидимому, закончить дипломатическую кампанію на Востокѣ. Но эта же декларация послужила и поворотною точкой для восточной политики западно-европейскихъ державъ. Франція, какъ бы испугавшись сама своей уступки Россіи и тѣхъ обязательствъ, которыя налагала на нее такая солидарность съ русскою политикой,—поспѣшила тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ ослабить значеніе ею же подписаннаго акта. Она не хотѣла рѣзкаго и рѣшительнаго разрыва съ Россіей по отношенію къ восточной политикѣ,—она подписала декларацию, отчасти чтобы польстить Россіи, отчасти связанныя, можетъ-быть, своими собственными прежними обѣщаніями и увѣреніями въ желаніи дружнаго и совмѣстнаго съ Россіей образа дѣй-

ствій на Востокѣ,—но въ самое то время, какъ подписывалась декларациія, совершалось то сближеніе Франціи съ Австріей, которое немыслимо безъ единства политическихъ видовъ относительно Турціи, такъ какъ Восточный вопросъ есть жизненный вопросъ для державы Габсбурговъ.

Какъ бы то ни было, но Зальцбургское свиданіе императоровъ Наполеона и Франца-Іосифа и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе обоихъ кабинетовъ довольно рѣшительно видоизмѣнило восточную политику Франціи. Это сближеніе и это видоизмѣненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ истолкованіемъ, которое дано было декларациіи французскимъ кабинетомъ, не могло не оказать вліянія на взаимныя отношенія Франціи и Россіи. Объ охлажденіи между ними уже давно говорить иностранная журналистика, а обнародованіе въ печати нашей дипломатической сть Франціей переписки, обличившей всю неискренность и уклончивость ея политики, прибавило еще болѣе горечи къ чувствамъ французского кабинета. Офиціозная газета «*Patrie*» какъ будто подрядилась дать этимъ нашимъ документамъ самое превратное толкованіе и посвятила длинный рядъ статей на то, чтобы не только ослабить благопріятное для насъ впечатлѣніе, которое способна была произвести эта офиціальная переписка, но обратить ихъ въ обвинительный актъ противъ самой Россіи. Западная политика употребила всѣ усилия, чтобы отнять у декларациіи всякое значеніе, известіи ее на степень самого ничтожнаго документа, самой пустой, несостыдительной угрозы, и тѣмъ нанести пораженіе русскому кабинету, такъ дорожившему этими актомъ, этими «*согласіемъ*» четырехъ державъ. Что осталось теперь отъ этого согласія? Изъ упомянутыхъ четырехъ державъ, первая Франція, отдѣлившись отъ Россіи, присоединилась на Востокѣ къ политикѣ той державы, которая наотрѣзъ отказалась подписать декларациію и которой политические виды относительно Турціи діаметрально противоположны видамъ Россіи. Отношенія Пруссіи къ подписанному ея обязательству и къ восточной политикѣ Россіи становятся по меньшей мѣрѣ двусмысленны. Декларациія, въ случаѣ отрицательного отзыва Порты, объявила этой послѣдней, что державы, «истощивъ всѣ усилия соглашенія и совѣты, отказываютъ оттomanскому правительству во всякой нравственной поддержкѣ,

способной облегчить ему выходъ изъ затрудненій». Порта дала отвѣтъ отрицательный, а между тѣмъ Франція, вмѣстѣ съ Австріей, продолжаетъ, какъ и прежде, пріискивать для Порты различные выходы изъ затрудненій! Въ послѣднее время къ Австріи и Франціи присоединилась и Пруссія, и коллективное ихъ настояніе относительно разныхъ реформъ, предлагаемыхъ ими Портѣ, свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторомъ сближеніи между этими тремя державами по вопросамъ восточной политики. По крайней мѣрѣ иностранныя газеты съ торжественнымъ ликованіемъ и злорадствомъ относительно Россіи, указываютъ на этотъ фактъ какъ на положительный признакъ сближенія. Италія еще не отдѣлялась отъ русской политики на Востокѣ, но вѣроятно и она не замедлитъ потянуть въ ту же сторону, куда потянула и Пруссія.

Но этого мало. Если державы, подписавшія декларацію, признаютъ, что требуя реформъ, благодѣтельныхъ для всѣхъ христіанъ, дѣйствуя въ видахъ человѣколюбія, онѣ еще не становятся въ прямое противорѣчіе съ этимъ актомъ, то послѣднее ихъ совокупное дѣйствие, о которомъ на дняхъ сообщилъ намъ телеграфъ, есть уже совершенное нарушеніе и буквы и духа декларації. Мы разумѣемъ извѣстіе, напечатанное въ офиціозномъ французскомъ журналь «Patrie», что Австрія, Франція и Пруссія сдѣлали энергическія представленія въ Бѣлградѣ касательно военныхъ приготовленій Сербіи, характера и тона ея сношенія съ Портою, а Англія препроводила въ Бѣлградъ категорическую ноту въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ извѣстно, что именно провозглашенный въ деклараціи принципъ невмѣшательства со стороны четырехъ великихъ державъ поднялъ духъ христіанскаго населенія Турціи и что именно въ томъ и заключалась задача деклараціи, дабы побудить Порту, страхомъ неотвращаемыхъ отъ нея европейскихъ вмѣшательствомъ опасностей, къ требуемымъ отъ нея уступкамъ.

Повторяемъ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія въ настоящую минуту политического положенія Россіи и ея отношений къ Европѣ. Мы имѣемъ дѣло только съ выѣшними признаками, обнаруживающимися на разныхъ пунктахъ. Они въ послѣднее время участились, и совокупность этихъ признаковъ свидѣтельствуетъ, что западно-евро-

пейская политика остается вѣрна своимъ преданіямъ, своей /
враждѣ къ Россіи и всему Славянскому міру. Бодто по сиг-
налу, иностранная журналистика вновь затрубила о завоева-
тельныхъ замыслахъ и интригахъ Россіи на Востокѣ, именно
въ ту самую минуту какъ Россія, обнародованіемъ диплома-
тическихъ документовъ, дала доказательства своего безко-
рыстія. Но въ этомъ-то безкорыстіи, въ томъ именно обстоя-
тельствѣ, что выведенная на свѣтъ Божій наша политика
неминуемо возбуждается къ себѣ сочувствіе христіанского
населенія, — въ этомъ во всемъ и видятъ для себя опасность
западныхъ державъ.... Укажемъ еще на нѣкоторые признаки,
характеризующіе общее политическое положеніе. Офиціоз-
ная австрійская печать, излагая политическую программу
барона фонъ-Бейста, объявляетъ рѣшительно, что какъ ни
необходимъ для Австріи миръ, она готова противодѣйство-
вать съ оружіемъ въ рукахъ всякой славянской попыткѣ къ
освобожденію Востока. Нельзя не поразиться такою пере-
мѣною тона. Давно ли тотъ же самый г. Бейстъ предлагалъ
Россіи свои услуги для побужденія западныхъ державъ къ
пересмотру парижскаго трактата? Давно ли онъ же, въ раз-
говорѣ съ русскимъ посломъ, графомъ Штакельбергомъ,
«отрекался вполнѣ отъ прежней политической на Востокѣ
системы Вѣнскаго кабинета», излагалъ взгляды обѣ «авто-
номіи или selfgouvernement» христіанскихъ народовъ Турціи, —
взгляды, какъ выражается нашъ посолъ, «согласившіеся
вполнѣ съ исконными началами нашей политики?» Это было
съ небольшимъ годъ тому назадъ (см. донесеніе графа Шта-
кельberга князю Горчакову отъ 16 ноября 1866 года). И
что же видимъ мы теперь? Австрія не только объявляетъ
себя враждебною всякимъ попыткамъ восточныхъ христіанъ
къ осуществленію этихъ началъ, но чуть-чуть не угрожаетъ
вооруженнымъ вмѣшательствомъ, — наперекоръ политикѣ рус-
ской, провозгласившей принципъ невмѣшательства. Такая
перемѣна тона явно свидѣтельствуетъ, что Австрія не чув-
ствуетъ себя болѣе слабою и изолированною, а напротивъ
поддержанною; и дѣйствительно, она въ своемъ новомъ по-
литическомъ пути опирается на поддержку иныхъ державъ,
и именно Франціи и Англіи. Въ то же самое время Порта
видимо пріобрѣдается, заключаетъ новый заемъ, чтѣ было бы

положительно невозможно безъ гарантій французского или англійского правительства, а усилия французского и австрійскаго кабинетовъ также видимо направлены къ тому, чтобы разстроить дружественные отношенія Россіи и Пруссіи. Та же самая оффіціозная австрійская печать, которая становится въ такое рѣшительное противорѣчіе съ дипломатическимъ образомъ дѣйствій Россіи и съ провозглашеннымъ ею началомъ невмѣшательства, одушевилась теперь самыми нѣжными и любовными чувствами къ гегемоніи прусской; французскій кабинетъ также не перестає увѣрять Пруссію въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, — а въ послѣднее время даже и часть прусской печати (напримѣръ «Крестовая Газета») начинаетъ прямо проповѣдывать о преимуществѣ для Пруссіи австро-французского союза передъ союзомъ съ Россіей.

Такимъ образомъ къ 1868 году Россія какъ бы является вновь одинокою на своемъ политическомъ пути, которымъ шла, и идетъ, и будетъ идти неизмѣнно, хотя бы и была оставлена всѣми своими союзниками, всѣми тѣми, которые вмѣстѣ съ нею подписали знаменитую декларацию. Ближайшимъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ такого новаго положенія дѣль будеть, можетъ-быть, новая отсрочка разрѣшенія Восточнаго вопроса, если западнымъ державамъ удастся, своимъ вліяніемъ и угрозами, предотвратить возстаніе, будущую весною, того или другаго христіанскаго племени въ Турціи. Но если, на этой горючей вулканической почвѣ, предотвратить вспышки имъ не удастся, если мѣра терпѣнія христіанъ дѣйствительно переполнена, если послѣдуетъ, въ самомъ дѣль, какое-нибудь вооруженное вмѣшательство Австріи, одной или съ другими державами, въ дѣла Востока, — тогда, нѣть сомнѣнія, Россія исполнить и найти въ себѣ достаточно силъ исполнить свое высокое историческое призваніе.

Обозначивъ внѣшними признаками общее политическое положеніе Восточнаго вопроса въ данную минуту, разсмотримъ внимательнѣе: что же произвело такую перемѣну въ направленіи западно-европейской политики въ теченіи года, въ какой степени перемѣну эту можно считать рѣшительною, и точно ли Россія одинока въ Европѣ?...

«Для Пруссии нѣтъ ни малѣйшей выгода содѣйствовать развитію и усиленію *панславизма*», — говорить прусская «Крестовая Газета», исчисляя поводы къ сближенію Пруссіи съ Австріей, — и этому мнѣнію громко и съ радостью вторить и французская политическая печать. Слово выговорено; врагъ названъ, и имя его скоро сдѣлается пугаломъ всего европейскаго Запада... Не въ этомъ ли словѣ должны и мы искать ключь къ разгадкѣ современаго фазиса европейской политики?... Но обѣ этомъ до другаго раза.

Москва, 11-го января.

«Политическое одиночество Россіи» — вотъ, по единодушному сказанію иностранной журналистики, къ чему направлены теперь всѣ усилия западно-европейской политики, преимущественно австро-французской; вотъ въ чёмъ лежитъ залогъ европейскаго мира и тишины. Съ этою цѣлью Парижъ и Вѣна интригуютъ и кокетничаютъ съ Берлиномъ, желая отдалить Пруссію отъ совмѣстного образа дѣйствій съ Россіей по вопросамъ внешней политики. Пруссія, повидимому, очень довольна такими ухаживаніями и намѣрена извлечь изъ нихъ всѣ возможныя для нея выгоды. Возвѣща, посредствомъ своего органа, «Всеобщей Сѣверогерманской Газеты», что нѣтъ надобности ради завязывающихся добрыхъ связей съ однимъ сосѣдомъ ссориться непремѣнно съ другимъ, и что всего лучше держаться хорошихъ отношеній съ обоими (т. е. и съ Австріей, и съ Россіей), графъ Бисмаркъ, безъ всякаго сомнѣнія, постарается обеспечить себя со стороны Франціи надежными ручательствами мира, и заручиться вмѣстѣ съ тѣмъ какими-нибудь полезными, для своихъ видовъ въ Германіи, гарантіями и отъ австрійскаго кабинета. Въ то же время, если возжигать пламя войны не входить въ его политическую смѣту 1868 года, онъ не откажется принять нужныя мѣры и на Востокѣ, чтобы потушить заблаговременно искру, готовую вспыхнуть и разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. И дѣйствительно — если только иавѣстіе вполнѣ справедливо — Пруссія, вмѣстѣ съ Франціей, Австріей и Англіей, производить, по французскому выраженію, надле-

жащее давление на сербского князя, т. е. дѣлаетъ ему «энергическое» представление о томъ, чтобы онъ умѣрилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ Портой, пересталъ ее тревожить воинственными демонстраціями и прекратилъ свои приготовленія къ войнѣ. Конечно, такой образъ дѣйствій несогласенъ съ обязательствомъ, налагаемымъ на Пруссію декларацией, подписанной ею вмѣстѣ съ Россіей, и вообще съ русской политической системой на Востокѣ, но тутъ еще нѣтъ повода къ ссорѣ съ русскимъ сосѣдомъ, а есть достаточный поводъ содержать въ миролюбивомъ напряженіи и поставить нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ прусской политики кабинеты парижскій и вѣнскій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы, несмотря на всѣ усиленія, затушить искру на Востокѣ не удалось, и всыхнувшее пламя обхватило собой и Австрію, слѣдовательно и всю Европу, то конечно положеніе, которое въ такомъ случаѣ приметъ Пруссія относительно Франціи, Австріи и Россіи, будетъ имѣть немалое вліяніе на судьбы міра. Какое положеніе приметъ Пруссія въ виду такой случайности,—этотъ вопросъ, какъ ни желаютъ добиться заранѣе его предрѣшенія оба императора, и Наполеонъ III и Францъ-Іосифъ,—prusскій государственный министръ, безъ сомнѣнія, оставитъ открытымъ: такое положеніе дѣла для Пруссіи всего выгоднѣе.

Какая же причина заставила французскій кабинетъ измѣнить прежній уклончивый характеръ своей дипломатіи и съ такою рѣшимостью возстать противъ плановъ русской восточной политики? Мы разумѣемъ здѣсь, кроме проекта о внутреннемъ устройствѣ Оттоманской имперіи на началахъ автономіи христіанскихъ общинъ,—также то предложеніе Россіи, въ силу котораго Восточный вопросъ долженъ быть локализированъ, т. е. ограниченъ мѣстностью самой Турецкой имперіи, и рѣшеніе его должно быть предоставлено собственнымъ силамъ христіанского населенія Турціи, безъ всякаго вмѣшательства со стороны европейскихъ державъ... Не отрекалась ли этимъ самымъ Россія отъ приписываемыхъ ей завоевательныхъ замысловъ? Не связывала ли она себѣ руки? Не утверждаютъ ли у насъ многіе, и даже весьма авторитетные публицисты, что у Франціи и Россіи нѣтъ столкновенія противоположныхъ интересовъ на Востокѣ?...

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого мнѣнія: столкновенія интересовъ материальныхъ, пожалуй, и нѣтъ; за то нельзя не признать противоположности интересовъ духовныхъ, т. е. противоположности интересовъ міра латинскаго, католического, котораго Франція есть искони представительница, съ интересами міра православнаго, во главѣ котораго стоитъ Россія. Вся исторія французской политики на Востокѣ подтверждаетъ истину нашихъ словъ; и какъ бы ни отрицала современная французская интеллигенція практическое значеніе духовно-историческихъ началъ, подъ воздействиемъ которыхъ сложилась французская нація, все-таки, сознательно или несознательно для ея вождей,—эта историческая духовная натура Франціи беретъ свое и сказывается въ рѣшительные моменты исторіи. Примѣръ мы видѣли недавно—въ Римѣ; не перестаемъ видѣть и на Востокѣ. Впрочемъ, даже устраниая эту не всѣми сознаваемую причину нашего раздора съ Франціей по отношенію къ Турціи, мы не можемъ затрудниться въ объясненіи новѣйшаго поведенія Франціи въ Восточномъ вопросѣ. Стдитъ только вспомнить зальцбургское свиданіе...

Поддержаніе и упроченіе могущества Австріи торжественно признано современою задачею французской политики—самимъ императоромъ Наполеономъ въ тронной рѣчи его, произведенной годъ тому назадъ, при открытии парламентской сессіи. Въ сохраненіи австрійской державы заключается, по словамъ императора, необходимое условіе европейскаго равновѣсія, нарушенаго внезапнымъ ростомъ Пруссіи и образованіемъ Сѣверогерманскаго Союза. И дѣйствительно, Австрія представлялась и представляется, какъ французскимъ государственнымъ мужамъ, такъ и каждому изъ Французовъ, естественною союзницей Франціи, естественнымъ противовѣсомъ той грозной силѣ, которая создалась въ одинъ годъ у самыхъ предѣловъ Французской имперіи. Изъ всѣхъ иностранныхъ державъ Австрія, недавно ненавидимая и осмѣиваемая, теперь, безспорно, самая популярная между Французами: въ этомъ нѣтъ ни моды, ни случайности, ни увлеченія, а инстинктъ самосохраненія, общій всѣмъ французскимъ партіямъ безразлично. Но что значитъ поддержаніе Австріи, упроченіе ея могущества, какъ великой европейской

державы? Прусская кампанія не лишила Австрії ни клоука земли, а только выключила ее изъ Германского Союза. Возвратиться силою въ этотъ Союзъ не можетъ входить въ планы Австріи и еще менѣе въ планы Франціи, при посредствѣ которой заключенъ былъ миръ между имперіей Габсбурговъ и возникающею имперіей Гогенцоллерновъ. Поддержать Австрію—значитъ устранить тѣ внутреннія причины слабости, которые привели ее къ гибели, упрочить ея внутреннее устройство, т. е. пересоздать ее на новыхъ, болѣе крѣпкихъ началахъ. Здѣсь, само собою разумѣется, выступаетъ на первый планъ вопросъ о различныхъ національностахъ австрійской имперіи (въ чём именно и заключалась причина ея слабости), слѣдовательно—вопросъ *Славянскій*. Новая национальность, на которыхъ пересоздалась теперь Австрія,—это *дualismъ*, т. е. раздѣленіе имперіи на двѣ половины: венгерскую и цислейтанскую, съ двумя отдѣльными и однимъ общиимъ министерствомъ, подъ верховнымъ конституціоннымъ правлениемъ короля-императора. Въ сущности эта система есть признаніе политического господства за двумя національностями, мадьярской и нѣмецкой: Славяне, различныхъ наименованій, которые составляютъ преобладающее, по численности населенія, племя въ имперіи, подѣлены между обѣими половинами. За исключеніемъ Поляковъ, остальные 17 милл. Славянъ не примирились съ новой системой, требуя и для себя признанія тѣхъ же, или почти тѣхъ же, правъ, которыми надѣлены Мадьяры. Несмотря на все пренебреженіе, оказанное барономъ Бейстомъ славянскому элементу, несмотря на то, что славянскія требования не находятъ себѣ сочувствія въ Европѣ, какое находили національные порывы Мадьяръ и Поляковъ, несмотря на то, что вѣнское правительство, повидимому, торжествуетъ побѣду, выросло въ собственныхъ глазахъ и глазахъ Европы,—оппозиція большинства населенія обѣихъ половинъ имперіи не можетъ не беспокоить и не раздражать Мадьяръ и Нѣмцевъ, не можетъ не тревожить барона Бейста, равно и всѣхъ тѣхъ, которымъ дорогого «управлениѳ могущества Австріи». Такимъ образомъ, Франція, заинтересованная въ судьбѣ Австріи, заинтересована теперь непосредственно и въ вопросѣ *Славянскомъ*.

Этотъ вопросъ въ настоящее время важнѣе для Франціи

тѣмъ вопросъ Восточный. Можно сказать, что самыи Восточный вопросъ утратилъ теперь свое самостоятельное, перво-степенное значеніе для французской политики и цѣнится ею теперь не столько самъ по себѣ, сколько въ мѣру своей связи съ вопросомъ Славянскимъ, слѣдовательно и съ судь-бами Австріи. Сказать: «Славянскій вопросъ» — это значитъ другими словами сказать: вопросъ всего Славянского міра, а этотъ міръ не замыкается предѣлами австрійской дер-жавы, но объемлетъ собою, съ одной стороны, всю Россію, съ другой — такъ называемый «Востокъ», т. е. Оттоманскую имперію съ ея «Восточнымъ вопросомъ». Уничтоженіе От-томанской имперіи значитъ освобожденіе, возрожденіе къ политической жизни и независимости подвластныхъ Турціи славянскихъ племенъ, т. е. цѣлыхъ восьми или болѣе мил-лионовъ Славянъ, — а такое возрожденіе не можетъ не усилить и безъ того грознаго славянскаго элемента авст-рійской державы. Славянская независимость по ту сторону Дуная и Савы — опасный сосѣдъ для славянской зависи-мости отъ Мадьяръ и Нѣмцевъ по сю сторону Дуная и Савы. Славянское движеніе въ Турціи неминуемо отзовется въ средѣ Славянъ австрійскихъ, а эта среда числить въ себѣ 17 мил-лионовъ, 17 миллионовъ недовольныхъ! Недовольство 17 мил-лионовъ Славянъ, при довольствѣ Мадьяръ и Нѣмцевъ, — вотъ фундаментъ новаго, воздвигаемаго Бейстомъ, австрій-скаго государственного зданія, — зданія, которое Франція взя-лась поддерживать. Созидать на такомъ основаніи — мысль, конечно, дерзкая, обличающая, кроме того, глубочайшес пре-зрѣніе къ политической способности и силѣ национальнаго духа славянскихъ племенъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Историческая *натурѣ* австрійскаго государства — нѣмецкая; нѣмецкимъ оно создано и до сихъ поръ держалось, нѣмецкій элементъ составляетъ, безспорно, ея жизненную, го-сподствующую, не количественную, а качественную силу. Отречься отъ этого значенія нѣмецкаго элемента въ пользу Славянъ Австрія не можетъ, не совершивъ надъ собою са-моубийства; она подѣлилась властью съ мадьярскою націей, дабы укрѣпить себя силою материальной, и потому что при такомъ раздѣлѣ нѣмецкая народность все же удерживается за собой преобладаніе хотя въ одной половинѣ имперіи; по-

дѣлиться же властью съ Славянами—это равнялось бы, повторяемъ, отречению отъ господства нѣмецкаго духа, исторического зиждителя австрійскаго государства. Кроме того, признать справедливое право славянской национальности—не позволяютъ Нѣмцу его вѣковая вражда, ненависть и презрѣніе къ славянскому племени. Всѣ эти чувства, конечно, умѣряются цивилизацией, нерѣдко отрицаются, не всегда признаются, но они тѣмъ не менѣе продолжаютъ пребывать со всею слѣпою силой инстинкта, вопреки всяkimъ благоразумнымъ разсчетамъ управлять судьбами Австріи, и, въ ея рѣшительные исторические моменты, даютъ себя знать во всей своей первоначальной дикости: въ эти моменты вдругъ въ цивилизованномъ Нѣмцѣ, въ его отношеніяхъ къ Славянамъ, пробуждается что-то похожее на чувство средневѣковаго рыцаря къ *виленямъ*. Скорѣe способенъ Нѣмецъ сдѣлать уступку Азіатцу, преклониться предъ его грубою материальной силой,—какъ это и творятъ теперь австрійскіе Нѣмцы предъ Мадьярами,—нежели признать права на самостоятельность и будущность славянской народности.

Какъ бы то ни было, но понятно теперь, что главная задача австрійской государственной политики—покорить австрійскія различныя славянскія племена системѣ дуализма, или по крайней мѣрѣ примирить ихъ съ нею. Понятно также, что все способное питать, возвышать, возбуждать въ этихъ племенахъ ихъ национальный духъ, ободрять и обнадеживать ихъ успѣхъ въ борьбѣ съ австрійскою государственной властью,—все это можетъ быть этой власти только ненавистно, затрудняетъ ее въ достижениіи цѣли, представляется серьезною опасностью для того «упроченія могущества и величия австрійской державы», котораго такъ добивается баронъ Бейстъ и не менѣе его—императоръ Французовъ.

И вдругъ, въ то самое время какъ баронъ Бейстъ, казалось, смѣлыми маневрами прижалъ, по своему выражению, къ стѣнѣ всѣ эти национальности—чешскую, моравскую, русскую (*ruthenisch*), сербскую, хорватскую, словацкую, словенскую, и безцеремонно презрѣлъ ихъ настоятельный требованія,—поднялась, обличилась и представила грознымъ привидѣніемъ идея *Славянства*. Ея существованіе было не безъизвѣстно австрійскимъ государственнымъ людямъ и самой

Европѣ, но она представлялась имъ какой-то отвлеченною мыслью, искусственнымъ понятиемъ, ученымъ терминомъ, безъ сильной утопіей. Правда, она проявилась и въ жизни, во время революціи 1848 года, но проявившись, доказала только всю свою политическую несостоятельность, ибо признала себя неспособною жить безъ нѣмецкой государственной центральной власти и вновь водворила ее, трудами и кровью Славянъ, на австрійскомъ престолѣ. Такое дѣйствіе только усугубило презрѣніе Нѣмцевъ къ идеѣ панславизма и утвердило въ нихъ вѣру въ нѣмецкое право на господство. Но 1867 годъ составляетъ эпоху въ исторіи Славянскаго міра. Надъ племеннымъ эгоизмомъ, надъ индивидуальнымъ народнымъ сознаніемъ каждого славянскаго племени, возобладало сознаніе всеславянства, и сознаніе это явилось уже не отвлеченною, а живою, реальною силою...

Что же произошло?

Произошло то, что въ это самое время славянское самосознаніе пробудилось наконецъ и въ славянской Россіи, вызванное работой ея внутренняго народнаго самосознанія. Произошло то, что должно было произойти: съ одной стороны 17 миллионовъ Славянъ, оскорбленныхъ въ своемъ народномъ чувствѣ, угнетенныхъ въ правахъ своей национальности; съ другой стороны 60 миллионовъ Славянъ, высоко вознесшихъ славянское знамя, создавшихъ величайшую въ мірѣ, могущественную, единственную пока вполнѣ независимую славянскую державу. Преграда недоразумѣній пала между ними,— они сознали себя братьями и выразили это сознаніе словомъ; угнетенные въ своихъ национальныхъ правахъ Славяне почувствовали, что ихъ национальность не можетъ погибнуть, уверовали въ себя и въ свое историческое призвание. Таковъ былъ смыслъ славянского съѣзда въ Россіи, въ маѣ 1867 года. Не было установлено никакой политической программы, никакого условнаго образа дѣйствій,— не было преподано никакихъ политическихъ совѣтовъ, никакихъ наставлений; не произнесено, да и не задумано было со стороны Русскихъ никакого внушенія гостямъ—Славянамъ о какомъ-либо неповиновеніи Славянъ своей государственной власти, не выражено никакихъ намѣреній или предположеній не только о поглощении Славянъ Россіею, но даже о полити-

ческомъ объединеніи славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ Россіи. Выражено было одно: радость встрѣчи, радостное сознаніе своего братства, своихъ братскихъ узъ, искреннее горячее пожеланіе—да призовутся всѣ славянскія племена къ жизни, къ свободѣ, къ самостоятельному развитію. Ссылаемся во свидѣтельство истины нашихъ словъ на нѣмецкіе журналы, издающіеся въ Россіи (напр. St.-Petersburger Zeitung, газета «Вѣсть», печатающая по-русски), которые именно глумились надъ тѣмъ, что славянскій съездъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, а все ограничивалось выражениемъ чувствъ и празднымъ словоговореніемъ. Пусть такъ; мы не споримъ. Но западный міръ почуялъ новое вѣяніе славянского духа, призналъ за идеей славянства новую, небывалую нравственную силу, и хотя ни одинъ изъ австрійскихъ славянскихъ подданныхъ не уклонился отъ легального пути,—однако самый тотъ фактъ, что не умерла и не спить славянская національность, а живуча, и хочеть жить, и предъявляетъ права свои на жизнь,—одинъ этотъ простой фактъ достаточенъ для того, чтобы смутить западную Европу и встревожить ея совѣсть страшнымъ признакомъ опасностей, созданныхъ ея собственнымъ воображеніемъ.

«Панславизмъ»—вотъ современное пугало Франціи, Австріи и Германіи; вотъ новая стѣна, ставшая между Россіей и остальной Европой, между Востокомъ и Западомъ; вотъ новый властитель думъ западно-европейскихъ политиковъ, подъ воздействиемъ котораго отсрочиваются они рѣшеніе Восточного вопроса; вотъ наконецъ тотъ призывной кличъ къ бою, къ крестовому походу на Россію и на Славянскій міръ, который еще не раздался, — раздастся, можетъ быть, и не скоро, но рано или поздно раздастся неминуемо.

Откуда же такая вражда и злоба?

Москва, 14-го февраля.

Какъ шумъ приближающейся бури, доносится до нась тревожный гулъ съ Востока. Омеръ-паша вооружаетъ мусульманское населеніе; шейхъ-уль-исламъ зоветъ правовѣрныхъ къ кровавому ищенію, къ послѣдней битвѣ на жизнь

и смерть съ христіанами; болгарскіе комитеты организуются, издаются прокламаціи; албанскія племена пристаютъ къ Черногорцамъ; Сербія ставить не только войско, но и народъ на военную ногу; австрійскіе дипломатическіе агенты беспокоятся и возятся то около князя Николая, то около князя Михаила, снуютъ взадъ и впередъ по Дунаю, по Босніи и Герцеговинѣ; пограничные австрійскіе полки готовятся къ походу. Весь Востокъ, какъ паутиной, затканъ хитросплетенною политическою интригой Франціи, Австріи и Англіи, — а надъ нимъ, въ просторѣ политического горизонта Европы, носится зловѣщее карканье французскихъ, австрійскихъ и англійскихъ публицистовъ. Иностранныя журналистика конечно увѣряетъ, будто бы она мятется только въ предвидѣніи опасностей, которыми угрожаетъ миру Россія; но такъ какъ изо всѣхъ державъ именно только Россія и не угрожаетъ миру, то всѣ эти клики и возгласы знаменуютъ лишь тайный злой умыселъ самихъ иностранныхъ правительствъ. Стдитъ только прислушаться къ этому визгливому аккорду фальшивыхъ звуковъ, стбить взглянуть на всю совокупность извѣстій и сужденій о Востокѣ, распространяемыхъ заграниценою прессы, чтобы съ полною безошибочностью признать въ этой агитации симптомъ дѣйствительной опасности, грозящей Востоку, — но не со стороны Россіи, а со стороны Запада, и именно трехъ вышеупомянутыхъ державъ. Не даромъ прусская «Всеобщая Съверогерманскія Газета» замѣчаетъ офиціозному французскому органу «Patrie», что не Россія, а сама газета «Patrie», ложными извѣстіями о Россіи, пугаетъ общественное мнѣніе Европы. Понятно теперь, почему мы, въ нашемъ Политическомъ Отдѣлѣ, отводимъ теперь такое просторное мѣсто «дѣламъ Востока»: читатели соглашаются, что интересъ, вовлаждаемый настоящимъ положеніемъ Восточного вопроса, заслоняетъ почти вполнѣ интересъ какихъ-нибудь французскихъ публичныхъ словопреній о томъ или другомъ правительственномъ проектѣ закона, или разныxъ политическихъ *chassez en avant, chassez en arri re* и другихъ *pas* мелкихъ правительствъ средней и южной Германіи.

Всѣ вѣсти и слухи, приходящіе съ Востока и сообщаемые заграниценою журналистикой, свидѣтельствуютъ о суетливой дѣятельности дипломатическихъ представителей Англіи, Франціи

и Австрії, но послѣднихъ двухъ по преимуществу. Дѣятельность эта направлена, какъ о томъ возглашается безпрестанно, въ пользу сохраненія мира, обезпеченія цѣлости Оттоманской имперіи и предотвращенія висяющихъ надъ нею опасностей. Обезпеченіе цѣлости, предотвращеніе опасностей — требование, повидимому, благонамѣренное, но весьма широкое или, вѣрнѣе сказать, до такой степени эластичное, что можетъ легко допустить не одно отрицательное, но и положительное отношение къ дѣлу. Есть несомнѣнныя данныя, удостовѣряющія, что западные державы хотятъ воспользоваться такою растяжимостью понятія о томъ, чтѣ требуется пользами Порты, и растянуть его до обязанности вооруженного вмѣшательства. Въ этомъ согласномъ хорѣ трехъ державъ, Англія тянетъ свою неизмѣнную басовую ноту, тогда какъ Франція и Австрія переливаются разнообразными дипломатическими модуляциями. Можно было бы предположить, вмѣстѣ съ одною итальянскою газетой, что эти два кабинета, съ разрѣшенія Англіи, не только умышленно увеличиваютъ значеніе опасностей, грозящихъ Турціи, но собственною своею дипломатическою охранительной возней умышленно возбуждаютъ искусственное волненіе въ христіанскомъ населеніи, дабы имѣть предлогъ создать для Австріи крѣпкую позицію на Дунай и въ предѣлахъ самой Оттоманской имперіи. Интрига западно-европейской дипломатіи представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Выѣсненная изъ Германіи, Австрія тѣмъ самымъ отѣснена къ Востоку. Система дуализма была естественнымъ послѣдствиемъ битвы при Садовой, ибо федеративная форма, которой такъ справедливо домогаются австрійскіе Славяне, враждебна, какъ видно, по самому инстинкту тѣмъ главнѣйшимъ политическимъ элементамъ, которые были дѣйствующими силами въ исторіи Австріи,—т. е. нѣмецкому и мадьярскому. Впрочемъ дуализмъ въ настоящее время представляетъ двойственное господство этихъ двухъ элементовъ только по наружности: въ сущности преобладаетъ одинъ — мадьярскій. На него оперлась австрійская государственная власть всею своею тяжестью; на него переносить, въ него влагаетъ душу, инстинкты и похотѣнія, свойственные натурѣ крупнаго государства. Мы убѣждены, что этотъ путь, избранный австрійскимъ пра-

вительствомъ, приведетъ его къ гибели,—что на этотъ путь увлекается оно только роковою антипатіей, презрѣніемъ и враждой къ славянскому племени; но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что весь центръ политического таготѣнія Австріи находится теперь въ мадьярской ея половинѣ. Въ то время какъ Мадьяры представляются крѣпкою, цѣльною политическою силой, такъ-называемая Цислейтанія (т. е. другая половина имперіи, по сю сторону рѣки Лейты) являеть изъ себя, въ политическомъ и административномъ отношеніи, самое жалкое зрѣлище. Большая ея часть, Богемія съ Моравіей, не принимаетъ никакого участія въ имперской думѣ и требуетъ для себя такого же положенія, какъ и Венгрия; никакіе происки для доставленія господства польскому элементу въ Галиції (также принадлежащей къ убогой Цислейтаніи) не могутъ обеспечить для Австріи безусловную покорность ея трехмилліоннаго русскаго населенія, напротивъ тѣмъ сильнѣе обращаютъ его взоры на единородную и собственную съ нимъ Россію; недавно образованное цислейтанское министерство изъ разныхъ нѣмецкихъ или онѣмененныхъ учителей, профессоровъ, чиновниковъ, не внушаетъ, несмотря на полученный ими титулъ Excellenz, никакого уваженія аристократическому элементу Вѣны, вызываетъ насмѣшки со стороны не только Славянъ, но и Нѣмцевъ. Не малая часть этихъ послѣднихъ влечется тайными симпатіями къ своему «общегерманскому отечеству». Допустивъ преобладаніе мадьярского политического начала, австрійское правительство необходимо должно усвоить себѣ и всѣ мадьярскія политическія стремленія и притязанія, изъ которыхъ, разумѣется, самое главное есть стремленіе къ господству надъ южными Славянами, какъ входящими въ составъ Венгрии, такъ и находящимися за Савой и Дунаемъ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Въ воображеніи Мадьяръ постоянно рисуется какая-то новая австрійско - мадьярская, можетъ - быть даже мадьяро-славянская имперія, въ которой Славяне если и не будутъ вполнѣ порабощены, такъ все же имѣютъ признать верховенство мадьярского политического объединительнаго начала. Разумѣется, ни императоръ Францъ-Іосифъ, ни баронъ Бейстъ чинсколько не Мадьяры и не безъ внутренняго насилия своей нѣмецкой совѣсти пожимаютъ руку симъ

«азиатскимъ варварамъ», — но, въ качествѣ Западно-Европейцевъ, они задаются при этомъ другою цѣлью. Предполагая возможнымъ руководить мадьярскимъ движеніемъ, они мечтаютъ быть въ то же время представителями и носителями исторической германской идеи въ ея стремлениі на Востокъ. Грубыми руками Мадьяръ должна эта идея воплотиться въ созданіи какого-либо нового могущественнаго дунайскаго государства, имѣющаго наслѣдовать большую часть Оттоманской имперіи. Эта цѣль встрѣчаетъ себѣ всеобщее сочувствіе въ западной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее движение Славянъ какъ въ Турціи, такъ и въ самой части Австріи, пограничной съ Турцией, представляется Западу потому именно опаснымъ, что оно есть движение национально-славянское, проникнутое сознаніемъ славянской народности, грозающее Европѣ самостоятельнымъ духовнымъ и политическимъ развитіемъ славянского элемента. Такъ какъ славянская народность, поднявшая знамя славянства, не можетъ, по всѣмъ соображеніямъ Европы, не возбуждать сочувствія славянской Россіи, не можетъ не примыкать, хотя бы только духовно, къ этому великому славянскому цѣлому и не почерпать въ самомъ существованіи Россіи нравственной для себя опоры, — то отсюда и всѣ вины Россіи въ глазахъ Запада, какъ бы ни держала она себя смиренно и скромно. О причинахъ этой вражды латино-германскаго Запада къ Славянству говорить здѣсь не мѣсто, — да мы уже и говорили объ этомъ прежде: она должна быть признана какъ несомнѣнныи фактъ. Оттереть Россію отъ Славянъ и отъ Востока, овладѣть славянскимъ движеніемъ въ Турціи, стать во главу его, ассимилировать это племя западной Европѣ, усвоить себѣ этотъ матеріалъ и употребить его какъ фундаментъ для духовнаго и вещественнаго господства западно-европейскаго элемента, — вотъ миссія, возлагаемая теперь западною Европой на Австрію, вотъ программа, разработанная, какъ мы увѣрены, при зальцбургскомъ свиданіи императоровъ Франца-Іосифа и Наполеона. Походить Востокъ, не только у Россіи, но и у Славянъ — въ смыслѣ приниженія на Балканскомъ полуостровѣ славянской народности; за-воевать Востокъ для Запада, частію вещественно — путемъ австрійскихъ захватовъ, маскированныхъ тою или другой

формой; частію духовно — путемъ европейской культуры, или, върнѣе, путемъ разложенія оттоманского элемента различными ядами европейской цивилизациі (ибо положительное, органическое ея начало — христианство — не можетъ помириться съ органическимъ началомъ турецкой народности — исламизмомъ) — вотъ конечный результатъ переговоровъ и комбинацій, къ которымъ пришла западно-европейская дипломатія, по крайней мѣрѣ Франціи, Англіи и Австріи. Баронъ Бейстъ недавно, почти официально, объявилъ, что для Австріи единственный поводъ къ войнѣ можетъ подать только стремление къ освобожденію Востока путемъ славянской пропаганды. Другими словами: этому освобожденію доволить Европа совершиться только путемъ пропаганды австрійской или западно-европейской, — и потому надо всѣми мѣрами стараться оттѣснить отъ Востока славянскую Россію, которой одно существованіе пытается и живить каждую славянскую народность, — и очистить поле для австрійского преобладанія. Въ нынѣшнемъ же № нашей газеты читатели найдутъ выписку изъ англійской газеты «Times», которая прямо проповѣдуетъ необходимость союза Австріи съ Турцией, или «германской цивилизациі съ мусульманскимъ невѣжествомъ» для противодействія национальнымъ стремленіямъ Славянъ. Франція, съ своей стороны, устроиваетъ въ Турціи «Главную Школу», т. е. разсадникъ принаоровленного къ Туркамъ европейского просвѣщенія, и пытается ввести на весь пространствѣ Оттоманской имперіи реформы, имѣющія оцивилизовать, обезнародить, стушевать и Турокъ и Славянъ, и обратить ихъ въ какую-то особую, на экстрактѣ цивилизациі, химически, составленную композицію.

Какія же средства употребляютъ эти три европейскія державы для выполненія своей программы? Ни одна можетъ быть не желаетъ настоящей войны; особенно же для Австріи война не представляется выгодною. Но въ томъ-то и состоитъ мастерство дипломатіи, чтобы, обойдясь безъ войны, достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ, которые могла бы дать и война. Для этого прежде всего надо обезопасить себя со стороны Россіи и поставить ее, посредствомъ интимідаціи общественнымъ мнѣніемъ Европы, въ самое фальшивое для Россіи и въ самое выгодное для Европы положеніе. Маневръ

этотъ извѣстенъ и уже не разъ удавался иностраннымъ дипломатамъ. Путивъ въ ходъ всевозможная басни о замыслахъ Россіи, о ея воинственныхъ и честолюбивыхъ видахъ, смутивъ ее клеветой, заставивъ ее оправдываться въ небывалой винѣ, вынудивъ отъ нея чуть не клятвенные увѣренія въ ея благонамѣренности, требуя все новыхъ и новыхъ доказательствъ ея безкорыстія и мирнаго настроенія, требуя отъ нея офиціальныхъ заявлений о нежеланіи посягать на разрушение Оттоманской имперіи, — западно-европейскіе кабинеты надѣются связать руки Россіи, запутать ее въ ея собственныхъ заявленіяхъ и увѣреніяхъ. Съ другой стороны, въ силу возбуждѣннаго ими же подозрѣнія на русское правительство, они являются передъ Европою какъ бы отвѣтчиками за ея спокойствіе, а предъ Турцией какъ бы ея охранителями отъ происковъ Россіи, слѣдовательно какъ бы получаютъ право и даже обязываются принять *строемъ* необходимыя для сей цѣли мѣры. Однимъ словомъ, они овладѣваютъ, можно сказать — уже завладѣли позиціей; они взятыя теперь и суетятся о сохраненіи турецкаго мира, а Россія поставлена въ такое положеніе, что всякимъ своимъ движениемъ, всякимъ дипломатическимъ шагомъ рискуетъ подать этимъ тремъ интригующимъ державамъ поводъ къ фальшивой тревогѣ и послужить имъ же на пользу. Затѣмъ эти державы задались, кажется довольно искренно, задачею не допускать вспыхнуть какому-либо сильному и дружному восстанію христіанскихъ племенъ. Конечно, онѣ не могутъ не сознавать, что австрійскія затѣи, весьма хорошо извѣстныя Сербіи, способны только усилить, а не ослабить вооруженіе княжества, но разсчетъ ихъ таковъ: не допуская, какъ мы сказали, разгорѣться пламени бунта, воспользоваться, при первомъ удобномъ случаѣ, призракомъ опасности для того, чтобы ввести австрійскія войска въ Боснію или Герцеговину. Такое вступленіе войскъ можетъ совершиться въ видѣ дружественного содѣйствія султану, даже съ его согласія; наглость дипломатіи способна даже дойти до такой степени, что эта мѣра будетъ, пожалуй, предложена всѣмъ европейскимъ державамъ, какъ самая рациональная и необходимая для огражденія цѣлости Оттоманской имперіи. Несогласіе Россіи на эту мѣру вызвало бы, непремѣнно, по всей Европѣ

кликъ негодованія, какъ явное свидѣтельство ея тайного стремленія лишить Турцію дѣйствительной гарантіи существованія и помочи въ борьбѣ съ подданными-бунтовщиками!!!

Но не Россіи поддаваться этимъ интригамъ и быть игралищемъ западно-европейской дипломатії. Ея положеніе, безъ сомнѣнія, затруднительно. Было бы повидимому, всего полезнѣе пословѣтовать христіанскимъ населеніямъ ожидать для попытокъ освобожденія болѣе благопріятныхъ временъ. Но не говоря уже о томъ, что послѣдовать такому совѣту трудно, особенно тамъ, гдѣ столько горючихъ материаловъ и каждая искра можетъ возжечь пожаръ, — не говоря уже о томъ, что при условіяхъ дипломатической позиції, уже занятой въ Турціи Франціей, Австріей и Англіей, — годъ, два, три отсрочки способны дѣйствительно усилить значеніе этихъ державъ ко вреду славянской народности и обезсилии энергію христіанъ тѣмъ или другимъ образомъ, — не говоря уже о всемъ этомъ, малѣйшій признакъ опасности послужитъ достаточнымъ по-водомъ для упомянутыхъ державъ къ принятію благодѣтельныхъ, спасительныхъ мѣръ спасенія Турціи, т. е. къ занятію какой-либо пограничной турецкой провинціи австрійскими полками. Что же дѣлать Россіи? Мы не беремъ на себя труда предугадывать то рѣшеніе, которое изберетъ мудрость нашего кабинета, но не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что Россіи не выпутаться изъ этихъ дипломатическихъ интригъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, которымъ былъ разрѣшенъ гордіевъузель. Намъ представляется возможнымъ только одно твердо и категорическое заявленіе со стороны Россіи барону Бейсту: «при первомъ движениіи австрійскихъ войскъ за Дунай или Саву, русскія войска занимаютъ Галицию»....

Москва, 30-го апреля.

Вышеприведенная, полученная нами телеграмма изъ Праги свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ политическомъ движеніи, которое возникаетъ въ настоящее время среди Чешского народа. Готовясь къ большому национальному торжеству — закладкѣ зданія для чешского народного театра (для чего собирались пожертвованія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ),

Чехи неизбѣжно должны были придать этому торжеству значение болѣе широкое. На это вызывало ихъ самое положеніе дѣль, господствующее въ настоящее время въ Австріи. Мадьяры, причинившіе столько бѣдъ и зла Австрійской имперіи, не разъ боровшіеся противъ ея цѣлости и даже бытія, получили такія права, которыхъ не имѣютъ даже Нѣмцы въ западной половинѣ имперіи. Мало того, получивъ право на самостоятельное, отдѣльное даже въ политическомъ отношеніи существованіе, Мадьяры отказались нести надлежащую часть тѣхъ общихъ повинностей и долговъ, которые лежать на всей Австрійской имперіи: Мадьяры приняли на себя только 30% общихъ расходовъ. Такимъ образомъ вся тяжесть долговъ, нажитыхъ благодаря венгерской революціи 1848 и 1849 годовъ, стремленію вѣнскаго правительства господствовать надъ италіанскими землями и упорному желанію великогерманской партіи держать Австрію во главѣ Германіи,—пала теперь на западныя земли имперіи. Самая большая доля этихъ тягестей пришлась на часть Чеховъ, всегда платившихъ огромныя подати въ государственную казну, ибо ихъ страна считается одною изъ лучшихъ и воздѣланныхъ провинцій Австріи. Но этого мало: потерявъ большую часть доходовъ съ Венгрии, которые отнынѣ будутъ оставаться въ ней и не доходить до Вѣны, вѣнское министерство должно было подумать объ увеличеніи своихъ специальныхъ средствъ и издало постановленіе о новыхъ налогахъ, въ томъ числѣ и о налогѣ съ личного дохода во всѣхъ его видахъ. Изъ чешскихъ земель послышались сильные и общіе протесты. Сельскія и городскія общины, окружныя собранія сходились, составляли возраженія противъ новаго закона и отсылали ихъ въ намѣстничество. Въ Вѣнѣ не принимали ничего решительнаго по этому поводу. Носились даже слухи, что министерство подаетъ въ отставку, не видя иныхъ средствъ получить нужныя деньги. Недовольство Чеховъ ни для кого не было тайной; о немъ говорили во всѣхъ европейскихъ газетахъ.

Не доставало только болѣе общаго заявленія, болѣе сильного выраженія этого недовольства, чѣмъ отдѣльные протесты. И вотъ теперь, собравшись у подошвы исторической горы Ржиша, съ которой, по миѳическимъ преданіямъ праотецъ чешскаго на-

рода Чехъ впервые увидаль страну, предназначенную для его потомковъ,—собравшиесь для того, чтобы отломить громадный камень отъ этой горы и перевезти его въ Прагу для закладки народного театра,—собравшиесь въ числѣ 20,000 человѣкъ для исторического и національного торжества, Чехи рѣшительно и громко высказались по вопросу о ихъ политическомъ существованіи. Они еще разъ протестовали противъ нового разорительного налога и постановили помогаться такой же самостоятельности для своей страны, какою пользуется Венгрия, и созванія нового земскаго сейма на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Конечно, такое заявленіе и при такихъ обстоятельствахъ уже само по себѣ имѣть значеніе. Но важно также знать: будетъ ли это постановление передано правительству посредствомъ особой депутаціи и думають ли въ Вѣнѣ серьезно о примиреніи съ Чехами, которое, повидимому, для Австріи столь же необходимо, какъ и соглашеніе съ Мадьярами...

Привѣтствуемъ первое славянское вѣче!

Москва, 28-го мая.

Никогда еще события, совершающіяся въ странахъ смежныхъ съ Россіей, у ея окраинъ, не обозначали такъ опредѣленно и такъ ярко политическую роль, завѣщанную Россіи всюю ея исторіей, какъ въ послѣднее время. Къ ея совѣтамъ снова прислушиваются тѣ христіанскіе народы Юговосточной Европы, покровительство надъ которыми принадлежало ей до парижскаго міра; на нее устремлены взоры западныхъ Славянъ, вліянія надъ которыми она даже никогда не добивалась надлежащимъ образомъ: и въ то же время ея власть продолжаетъ распространяться на земли Средней Азіи; она прямо вынуждена занять ихъ. Съ одной стороны сочувствіе, вызванное не какими-либо великими жертвами, не какими-либо героическими усилиями въ пользу сочувствующихъ, а простымъ, но открытымъ предъ лицомъ остальной Европы признаніемъ физического и исторического родства съ ними; съ другой—отсутствіе серьезнаго сопротивленія со стороны народныхъ массъ, даже нѣкоторая готовность къ принятію

русского подданства. Ищущій свободы Славянскій міръ и извѣтные рабы азіатскихъ владыкъ—вотъ тѣ исторические соцѣи, отношенія къ которымъ всегда опредѣляли и будуть опредѣлять политическую роль Россіи—роль не легкую, но естественную, не измышенную и всегда вызывающую изъ среды Русского народа и горячихъ дѣятелей, и искреннихъ защитниковъ. Это не то ложное служеніе отвлеченному учению объ европейскомъ равновѣсіи, которымъ напрасно такъ гордились государственные люди первой половины нынѣшняго столѣтія; это не разорительная заботы о чужомъ спокойствіи, не ученическія упражненія на подсказанныю свое-корыстными наставниками программу въ чаяніи заслужить ихъ одобрение: это дѣятельность вытекающая сама собой изъ дѣйствительной жизни, изъ давно существовавшихъ отношеній, находящая для себя силы и средства тамъ, где ихъ не искали и не ждали, дѣятельность не требующая такихъ безмѣрныхъ пожертвованій, на какія вызывали и священный союзъ, и слишкомъ широко понимаемый Восточный вопросъ, а между тѣмъ болѣе плодовитая, болѣе благодарная и вмѣстѣ съ тѣмъ почетная. Это давно поняли наши строгіе суды, публицисты Западной Европы. Они чувствуютъ, какъ колеблется та почва, на которой устроены были ихъ политическіе трибуналы, судившіе дѣла Россіи. Прежде они могли говорить, утверждаютъ еще и теперь, что право заботиться о христіанствѣ восточныхъ народовъ не можетъ исключительно принадлежать одной Россіи, что попеченія о гражданскомъ порядкѣ и благоустройствѣ Турецкой имперіи столь же обязательны для Западной Европы, какъ и для Восточной, что слишкомъ усердны хлопоты Россіи о томъ подозрительны и прикрываютъ властолюбіе русского правительства, которое они въ то же время упрекали въ варварствѣ относительно внутреннаго управлія своей страны. Со временемъ Крымской войны нѣтъ болѣе основательныхъ поводовъ обвинять Россію въ излишней заботливости о восточныхъ христіанахъ. А между тѣмъ съ нѣкотораго времени западные публицисты опять усматриваютъ торжество Россіи тамъ, откуда она повидимому была навсегда вытѣснена. Источникъ этого торжества они видятъ въ національныхъ стремленіяхъ нынѣшней Россіи: Россія, сознающая свою славянскую миссію, представ-

ляется имъ болѣе грозною и могущественною, чѣмъ Россія, утверждавшая повсюду виѣшній порядокъ и благочиніе, заботившаяся только о религіозныхъ нуждахъ покровительствуемыхъ ею племенъ, и ничего не знавшая о ихъ народныхъ и политическихъ интересахъ. «Эпоха покровительства восточными христіанамъ кончена для Россіи; наступаетъ эпоха ея вліянія на славянскіе народы», — возглашаетъ Мазадъ въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ *«Revue des deux Mondes»*, и онъ совершенно правъ, видя въ этомъ направлении источникъ новой и могущественной силы ея. Католическая и цивилизованныя Европа могла соперничать съ Россіей православной и тщившейся цивилизовать другихъ; но Европа романская и германская не имѣть въ своихъ рукахъ равносильного оружія противъ Россіи, какъ державы славянской. А нравственное значеніе и внутренняя сила национального родства, народной взаимности, стали ясны для западныхъ публицистовъ послѣ торжества итальянского дѣла, послѣ недавнихъ событий въ Германіи. Вотъ почему вѣчная рабыня западной политики, польская эмиграція, эта магнатствующая и по прежнему лѣнувшая къ иноземному часть польской шляхты, неславянского происхожденія которой мы не будемъ доказывать, но окончательное вырожденіе которой на чужой почвѣ несомнѣнно, такъ настойчиво твердитъ Чехамъ, шумно заявляющимъ свое сочувствіе Русскому народу: «вамъ предстоитъ выборъ между Россіей и цивилизованною Европой; въ первомъ случаѣ мы — ваши враги, во второмъ союзники.» Но что же сдѣлала цивилизованная Европа для самой польской шляхты — этого никогда не скажетъ польская эмиграція; а сколько позора и бѣдствій принесла цивилизованная Европа Чешскому народу и остальнымъ Славянамъ, перечисленiemъ того наполнены творенія славянскихъ публицистовъ. Итакъ, политическое значеніе Россія среди европейской семьи заключается не въ ея смиреніи предъ Западною Европою, не въ ея ученическомъ знакомствѣ съ требованіями европейской цивилизаціи, а въ ея народныхъ и прирожденныхъ симпатіяхъ и стремленіяхъ. Всѣ историческая преданія Россіи коренятся въ ея славянскомъ происхожденіи; будущіе успѣхи ея на политическомъ поприщѣ обусловливаются национальнымъ, т. е. славянскимъ направленіемъ,

и программа этой политики не должна быть въ разладѣ съ частными программами, которыя выработаны остальными Славянами вмѣсть и каждымъ племенемъ порознь. Познакомить мало-по-малу нашихъ читателей съ этими программами—мы сочтемъ своею обязанностью.

Другое дѣло—пріобрѣтенія Россіи въ Средней Азіи. Тамъ все: и ея собственные интересы, и выгоды подвластныхъ народовъ,—даютъ широкій просторъ для русской политики, какъ политики христіанской и цивилизующей, съюзной одною рукою съмѣна истиннаго ученія, а другою утверждающей прочныя начала общественнаго порядка и частной предпріимчивости, которыхъ недоставало этимъ странамъ, обширнымъ, обильнымъ, но нуждающимся въ нарядѣ....

Москва, 15-го августа.

На большомъ, изъязвленномъ тѣлѣ ежедневно открываются новыя раны, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ ихъ. Сегодня въ горахъ нѣкогда цветущей Кандіи льется кровь Грековъ, жаждущихъ изгнать изъ разоренного острова угнетающихъ ихъ пришельцевъ; назавтра воинственные четы Болгаръ переходятъ историческія воды Дуная и тянутся въ Балканскія горы, чтобы оттуда держать въ страхѣ своихъ притѣснителей. Вчера шла рѣзня въ горахъ Ливана и въ Сиріи, и кровь Маронитовъ лилась подъ ударами изувѣрныхъ Друзовъ; сегодня оскверняется могила старого вождя Мирдитовъ-католиковъ, и надъ его прахомъ тоже рѣзня — между поклонниками Евангелия и Корана. Тамъ отказываются платить дань, раздраженные безмѣрными требованіями турецкихъ властей, издавна привыкшія къ свободѣ, племена Герцеговины и ищутъ соединенія съ Черногоріей; здѣсь терпѣливо несущіе въ продолженіе пятьсотъ лѣтъ иго Османліевъ, Босняки,—христіане и мусульмане,—возстаютъ и изгоняютъ турецкихъ чиновниковъ, прибывшихъ къ нимъ возвѣстить о новыхъ поборахъ. Повсюду кровь, повсюду насилие, повсюду борьба! Эти беспрестанные судороги и припадки, повторяющіеся уже не периодически, какъ это было прежде, а сдѣлавшіеся постоянными, ежедневными

явлениемъ, лучше всего свидѣтельствуютъ, что болное тѣло находится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и чѣмъ продолжительнѣе будуть они, тѣмъ мучительнѣе жизнь изживающаго свой вѣкъ организма, тѣмъ бѣдственнѣе положеніе народовъ, насильно прикованныхъ къ одру умирающаго. Что же поддерживаетъ такую уродливую жизнь? Ради какихъ святыхъ и разумныхъ цѣлей длится этотъ рядъ физическихъ бѣдствий и нравственныхъ пытокъ? Европа давно убѣдилась, что отъ прежней славы Турецкой имперіи остались лишь одни воспоминанія, что у мусульманства нѣтъ болѣе средствъ оживить упавшій духъ потомковъ Османа, что христіанскіе народы съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ свое превосходство предъ магометанами, живѣе сознаютъ свои права на владѣніе родною страной и на свободную жизнь. Трудно держать тамъ власть, гдѣ властелинъ стоитъ ниже имъ управляемыхъ: онъ невольно долженъ искать опоры извнѣ, — и вотъ Западная Европа протягиваетъ турецкому правительству руку помощи... Но эта поддержка, исходя не изъ сочувствія къ Туркамъ, а изъ своекорыстныхъ цѣлей, не даетъ оттоманскому царству столь необходимыхъ ему жизненныхъ силъ, а способна лишь снабдить его тѣми искусственными обрядами управления, при помощи коихъ Европа издавна привыкла налагать оковы на свои народы. Друзья Турціи поняли, что однимъ мечомъ нельзя удержать власть султана надъ его подданными, и охотно надѣляютъ его своею правительственною опытностю. Дѣленіе на вилайеты и разныя перемѣны въ областномъ управлении, смѣшанные суды въ окружныхъ городахъ, и государственный совѣтъ въ столицѣ, равноправность народная и вѣроисповѣдная, провозглашенная на бумагѣ,—вотъ тѣ жалкія нововведенія, которыя перенесены въ Турцію съ Запада. Но передѣлываются и ломаются лишь внѣшнія формы жизни, а духъ вражды и безсилія, господствовавшій въ ней, остается тотъ же.

И вотъ каждый день представляетъ новыя доказательства внутренней несостоятельности Турецкой имперіи, ея губительного влиянія на подвластные ей народы. «Европа неподдователна, Европа невѣрна самой себѣ», — говорить новосадская газета «Напредак»: «у Европы въ прошедшемъ столѣтіи былъ свой болѣй человѣкъ — старая Польша, и

европейская дипломатія уничтожила ее. Современная Турція, состояніе которой еще несноснѣе и безураднѣе, чѣмъ прежней Польши, продолжаетъ существовать вопреки историческимъ указаніямъ и опытамъ. Турція также должна быть подвѣлена между тѣми народами, которые входятъ въ ея составъ и могутъ образовать новые государства». Сравненіе поучительное, но сербская газета забыла довести его до конца. Народамъ, которымъ существованіе Турціи служить только препоною для свободного развитія и правильной жизни, надо безвозвратно убѣдиться въ необходимости раздѣла Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться не только въ способахъ, но и въ послѣдствіяхъ этого дѣленія. Отсутствіе-то такого соглашенія между народами Балканского полуострова и служить основаніемъ западно-европейскимъ разсчетамъ на возможность продленія Турецкой имперіи; изъ разногласія национальныхъ интересовъ Грековъ, Славянъ, Румыновъ и Албанцевъ Европа почерпаетъувѣренность даже въ необходимости турецкой власти надъ ними.

Европейская дипломатія видѣтъ, что союзъ между этими народами еще не сорвѣлъ, что соглашеніе между ними и даже главныя условія его еще недостаточно выяснились, и не только поддерживаетъ такой порядокъ вещей, но и всячески поощряетъ его. Заявленія турецкихъ народовъ не совпадаютъ другъ съ другомъ во времени, усилия ихъ высвободиться изъ-подъ страшнаго ига разрознены, требованія политическихъ реформъ не равносильны. Возстаніе Кандіотовъ другой годъ стоять одинокимъ; прошлогоднєе возстаніе Болгаръ едва ли имѣло основы въ самотѣ народѣ и было только попыткою, средствомъ—узнать расположение Европы къ болгарскому племени. Нынѣшнее возстаніе было повидимому болѣе подготовлено, грануло совершенно неожиданно послѣ ужаснаго событія, совершившагося въ Сербіи,—но и оно едва ли приведетъ къ чему-либо иному, кроме преждевременной и бесполезнойтраты силъ, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ложное положеніесосѣднія Румынію и Сербію. Но этого мало. Европейская публицистика ищетъ русскихъ агентовъ среди возставшихъ Болгаръ, видѣтъ въ приуднайскихъ волненіяхъ подстрекательства Россіи. Такая подозрительность не ограничивается впрочемъ одними славянскими движеніями:

тайное русское вмѣшательство стараются отыскать даже въ событіяхъ, совершающихся въ отдаленной Кандіи. Все это показываетъ, что любимая мысль южно-славянскихъ патріотовъ, лежавшая ими съ той минуты, какъ освободилась Италия и объединилась съверная Германія,—мысль о томъ, что народы Балканского полуострова не только сами должны по-заботиться о своей будущности, но и одни лишь они имѣютъ исключительное право на такую заботу, вмѣшательство же Европы будетъ нарушеніемъ этого права,—мысль эта быть можетъ вѣрна по идеѣ, но не въ дѣйствительности. Помимо частныхъ выгодъ народовъ Балканского полуострова, съ судьбою Турціи тѣсно связанъ великий Восточный Вопросъ. Рѣшеніе его никоимъ образомъ не можетъ совершиться безъ участія остальныхъ европейскихъ народовъ, имѣющихъ какія-либо отношенія къ Востоку и владѣющихъ силой для охраненія этихъ отношеній. Притомъ же и вопросы итальянскій и германскій не решались одними мѣстными средствами, особнякомъ отъ остального міра. Тѣмъ ошибочнѣе, тѣмъ странныѣе надежды на принципъ невмѣшательства въ судьбы Славянскихъ народовъ. Славяне, Греки, Румыны и Албанцы могутъ и должны разсчитывать на свои собственные силы, но не слѣдуетъ имъ обманывать ни себя, ни своихъ друзей лестною, но несбыточною мечтой о томъ, что Европа останется безучастною зрительницей гибели Турціи. Къ вмѣшательству Европы всегда можетъ воззвать сама Порта,—да и кромѣ того, кругъ народовъ, интересующихся ходомъ Восточного Вопроса, болѣе и болѣе расширяется. Съвероамериканские Соединенные Штаты внимательно слѣдятъ за событіями, совершающимися въ восточныхъ окраинахъ Средиземнаго моря: они заявили себя за освобожденіе Кандіи; они предлагаютъ свободный путь чрезъ Дарданеллы; они ревниво смотрятъ на планы Западной Европы, связанные съ Суецкимъ перешейкомъ. Мы впрочемъ готовы искренно привѣтствовать такой новый оборотъ заатлантической политики. Вмѣшательство Съверо-Американскаго народа въ дѣла Турецкой имперіи можетъ принести съ собой только благодѣтельныя послѣдствія для ея христіанскихъ подданныхъ.

Что же касается Западной Европы, то она никогда и не думала отказываться отъ права вмѣшательства во внутрен-

нія дѣла турецкихъ земель. Въ послѣднее время она сдѣлала новый, весьма важный шагъ въ этомъ отношеніи, склонивъ Порту подписать договоръ о дозволеніи иностраннымъ подданнымъ приобрѣтать поземельную собственность въ ея владѣніяхъ. Этимъ европейская дипломатія разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, вводится пришлый, чисто-европейскій элементъ въ составъ разнохарактернаго населенія Оттоманского царства и ему предназначается роль связующаго и преобладающаго начала между туземцами: не початыя и чрезвычайно богатыя природныя силы, сокрытыя въ земляхъ Балканскаго полуострова, могутъ привлечь въ его малозаселенную земли обширную и густую колонизацію изъ Европы. Съ другой стороны, при той легкости, съ какою уроженцы Турецкой имперіи переходятъ въ иностранное подданство (чѣмъ, болѣе другихъ державъ, пользовалась Австрія), каждое изъ западныхъ европейскихъ государствъ можетъ принять въ свое подданство, и стало-быть уже подъ обязательное покровительство, значительную долю турецкаго христіанскаго населенія. Государства, устраяющіяся отъ подписанія вышеупомянутаго договора съ Турцией, не только чрезъ это ничего не выигрываютъ, но могутъ еще ослабить даже и то вліяніе, какимъ они пользовались до сихъ поръ на Востокѣ. Россія провозгласила было принципъ невмѣшательства въ дѣла турецкихъ народовъ; Западная Европа не присоединилась къ этому заявлению: теперь европейская дипломатія выговорила себѣ новое, весьма сильное средство для своего вмѣшательства во всѣхъ концахъ и углахъ Турецкой имперіи. Неужели русская дипломатія отринеть очевидныя выгоды, представляемыя новымъ договоромъ, и нанесеть, такимъ образомъ, собственными руками интересамъ Русскаго народа на Востокѣ ничѣмъ не заслуженное пораженіе?

Рѣчи И. С. АКСАКОВА

въ засѣданіяхъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго
Комитета (Общества) въ 1876, 1877 и 1878 гг., его воззва-
ніе и другіе документы изъ той же эпохи.

1. Засѣданіе Славянскаго Комитета 17 января 1876 года.

Въ политехническомъ музѣѣ состоялось экстренное засѣданіе Славянскаго Благотворительного Комитета, назначенное по поводу приѣзда въ Москву агента международнаго комитета по вспомоществованію Герцеговинцамъ г. Веселитскаго-Божидаровича. По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, публики на этотъ разъ собралось болѣе чѣмъ обыкновенно бываетъ въ засѣданіяхъ Комитета. Въ 8 часовъ вечера предсѣдатель комитета И. С. Аксаковъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

Ми. Гг! Нынѣшнее засѣданіе наше выходить изъ ряда обыкновенныхъ. Мы собрались сюда для того, чтобы всѣмъ наличнымъ составомъ Московскаго Славянскаго Комитета, уже 17 лѣтъ ратующаго за идею славянской взаимности, почтить благодарными привѣтами того, кто такъ самоотверженно, такъ дѣятельно перелагалъ эту идею въ дѣло, быль ея живымъ воплощеннымъ образомъ предъ лицомъ тысячей и тысячей нашихъ единоплеменниковъ,—подавалъ имъ утѣшеніе и ободреніе въ настоящую, самую тяжкую пору ихъ вообще скорбной исторической жизни. Г. Веселитскій-Божидаровичъ здѣсь предъ вами. Своими дѣйствіями въ званіи агента международнаго комитета, учрежденнаго для сбора пожертвованій и оказанія помощи бѣдствующимъ семействамъ жителей Босніи и Герцеговины, онъ стяжалъ себѣ повсемѣстную громкую извѣстность и въ то же время всеобщую признательность всѣхъ жертвователей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, почти вся Россія... Но что за причина и этой извѣстности, и этой признательности? Г. Веселитскій-Божидаровичъ былъ повидимому только орудіемъ посторонней благотворительности. Но, м.м. гг., мы видимъ изъ ежедневнаго опыта, во чѣмъ, по большей части, обращается повсюду об-

щественное благотворение, это совокупное множество личныхъ милостыней, личныхъ жертвъ, личныхъ сердечныхъ движений и великодушныхъ порывовъ, — во что обращается оно, проходя изъ канцелярии въ канцелярию и доходя наконецъ до цѣли своего назначенія? Въ какое-то механическое дѣйствіе бездушного, хотя и благотворительного снаряда, утрачивающее самое живительное свойство благотворенія, самую лучшую его сторону — непосредственное прикосновеніе любви, освящающей подаяніе, облагораживающей и дающаго и пріемлющаго; оно уже не пользуетъ нравственно, если даже и пользуетъ вещественно, чтѣ, однако, въ полной мѣрѣ едва ли возможно всегда. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; недостатокъ материальной помощи съ успѣхомъ восполняется иногда пробужденіемъ мужества и упованія въ несчастныхъ. Въ настоящемъ же случаѣ, при оказаніи пособія Герцеговинцамъ, предстояло не только призрѣть и прігрѣть сиротствующихъ, голодныхъ и холодныхъ, снабдить ихъ одеждой и пищей, однимъ словомъ — совершить не только дѣло человѣколюбія въ отношеніи къ страждущимъ людямъ, но и дѣло сочувствія сильныхъ къ слабымъ, свободныхъ къ угнетеннымъ, братьевъ къ братьямъ. Вотъ въ исполненіи всей этой задачи и состоитъ подвигъ г. Веселитскаго Божидаровича. Онъ для оказанія помощи Герцеговинцамъ имѣть въ распоряженіи своеемъ только десятки, едва ли сотни тысячъ рублей, тамъ, гдѣ бы нужны миллионы, но онъ съумѣть личными силами души сохранить за этою общественію милостыней ея нравственный характеръ онъ донесъ въ цѣлости до страждущихъ всю святую совокупность состраданія миллионовъ сердецъ, онъ донесъ до бѣдствующихъ Славянъ, изнемогающихъ въ священной борьбѣ за свою народность, вѣру, свободу — все порученное ему благое бремя сочувствія и любви великаго братскаго народа. И вотъ онъ теперь здѣсь, сподобившійся понести иное святое бремя, въ возвратъ вамъ за благодѣянія: тысячи благословеній, благодарныхъ молитвъ и слезъ нашихъ измученныхъ братьевъ, а теперь надеждъ и упованій, высокихъ упованій, возлагаемыхъ ими на насъ — Русское общество, Русскій народъ... Оскудѣтъ ли дающая братская рука? Обманетъ ли Россія ожиданія поработленныхъ? Господа! Считаю излишнимъ, послѣ сказаннаго мною,

перечислять въ подробности заслуги г. Веселитского-Божидаровича, напоминать, напримѣръ, достоинство его превосходныхъ отчетовъ, краснорѣчивыхъ не по словосочиненію только, но по мастерскому воспроизведенію фактовъ во всей простотѣ правды, и могущественно подвигшихъ сердца къ состраданію несчастнымъ Герцеговинцамъ не у насъ лишь въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ, прежде всегда съ такимъ холоднымъ высокомѣріемъ относившейся къ славянскому племени. Полагаю, что эти заслуги даютъ г. Веселитскому-Божидаровичу безспорное право на званіе почетнаго члена нашего Московскаго Славянскаго Комитета (званіе, на раздачу котораго мы, какъ вами извѣстно, очень скучны), и если вы раздѣляете мое мнѣніе, то приглашаю васъ заявить о вашемъ согласіи теперь же нашему дорогому гостю.

2. Отъ Московскаго Славянскаго Комитета *).

Неистовства, звѣрства, бѣшеный разгуль самыхъ дикихъ страстей, сожиганіе заживо дѣвицъ, напередъ поруганныхъ и обезчещенныхъ, истребленіе мирныхъ жителей десятками тысячъ, опустошеніе цѣлаго края огнемъ и мечемъ, — всѣ роды муки и бѣдъ обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпившимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древнаго, великаго православнаго царства и другихъ иправославныхъ славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими государями, но затѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ Славянству, вновь возвеличенная совокупными усилиями всей Западной Европы; введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размалеванная ею румынами и болгарами европейской цивилизації, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь на глазахъ всей Европы растоптать болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности — Сербію и Черногорію. Но чаша долготерпѣнія, даже и славянскаго, переполнилась.

*) Воззваніе это послѣдовало въ іюнѣ 1876 года.

Искра, зажженная герцеговинскимъ отчаяніемъ, разгорѣлась въ широкое пламя. Встаетъ Болгарія, сербская и черногорская рать ринулась въ бой,—начинается страшная, кровавая, послѣдняя борьба Славянства съ Исламомъ. Для Славянъ это борьба на жизнь и смерть; они рѣшились добиться независимости или погибнуть. Нѣтъ у нихъ ни оружія въ достаткѣ, ни денегъ, некогда воздѣлывать поля, ни призирать женъ и дѣтей, остающихся безъ крова и пищи. Въ то время, какъ англійское министерство одушевляетъ Турцію нравственою и материальною поддержкою, а Австро-Венгрія какъбы желѣзной стѣной, по всей своей обширной границѣ, ограждаетъ Турцію отъ провоза къ воюющимъ Славянамъ оружія и хлѣба, остальная западно-европейскія державы присутствуютъ безучастно при неравномъ, убийственномъ спорѣ, готовыя вырвать плодъ побѣды у христіанъ, если Богъ благословить ихъ побѣдою.

За что же такъ долго, такъ упорно удерживаетъ Европа эти несчастныя племена въ оковахъ рабства? За что страждуть такъ ужасно и такъ давно Болгары и Сербы? За то единственное, что они православные и Славяне, что единовѣрны и единоплеменны съ Россіей. Вотъ за какой грѣхъ они казняются, и нѣтъ у нихъ защитниковъ во всемъ мірѣ кроме одной Россіи.. Но развѣ этого мало?

Представляя разрѣшеніе этого вопроса въ отношеніи политическомъ высшимъ соображеніямъ,—Московскій Славянскій Комитетъ взываетъ къ русской общественной совѣсти и молитъ о помощи жертвамъ восстанія, казнящимся за грѣхъ православія, за грѣхъ единовѣрія и единоплеменности съ нами! Пособить мы, общество и народъ, можемъ и право имѣть только деньгами. Съ самаго начала герцеговинской борьбы, русское духовенство на всемъ пространствѣ Россіи, отъ архиепископій до сельскихъ священниковъ, явилось ревностнымъ ходатаемъ предъ Русскою землею о нуждахъ нашихъ славянскихъ братій и краснорѣчиво доказало, что вмѣсть съ чувствомъ христіанского милосердія оно хранить въ себѣ неизмѣнно живое народное чувство и вѣрное разумѣніе русскаго историческаго призванія и долга. Да окажетъ же наше высокочтимое духовенство свое содѣйствіе Комитету и въ настоящемъ случаѣ, и съ молитвою о ниспосланіи на-

шамъ братъмъ побѣды и одолѣнія на враговъ, да приступить къ новому сбору пожертвованій.

3. Рѣчь вице-президента Московскаго Славянскаго Благотворительного Комитета въ засѣданіи 24 октября 1876 г.

Мм. Гг. Можно было думать, что приспѣль наконецъ часть для русской земли сдать свое дѣло государству, — то дѣло величайшей государственной важности, которое до сихъ поръ, въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ, съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ, выносила она одна на своихъ плечахъ, безъ пособія и содѣствія своего правительства. Я разумѣю здѣсь не призрѣніе только больныхъ, голодныхъ, сирыхъ Болгаръ и Сербовъ различныхъ наименованій, не помочь только деньгами и тряпью, а помочь кровью, страдную работу освобожденія — однимъ словомъ дѣятельное участіе Русского народа въ самой войнѣ сербской за славянскую независимость. Подписанное на дняхъ Цартою перемирие еще не служить порукою въ томъ, что за нимъ послѣдуетъ миръ, такой миръ, который бы пришелся въ мѣру законныхъ требованій нашихъ братьевъ, въ мѣру нашей народной чести и кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ Русскою землею. Поэтому времененное прекращеніе военныхъ дѣйствій еще никакъ не поведѣкъ ослабленію трудовъ и усилий, основавшихъ послѣднее время нашей общественной жизни. Въ отставку выбыть еще нельзя. Еще не настала для общества пора слагать съ себя тажкое бремя необычной ему, — можно сказать — нежданной, негаданной дѣятельности.

Я сказалъ: «необычной, нежданной, негаданной». Въ самомъ дѣлѣ то, что творилось въ Россіи въ эти послѣдніе мѣсяцы — неслыхано и невидано не только въ русской, но и въ ничьей исторіи. Общество,—точнѣе—самъ народъ, помимо своего правительства, безусловно вѣрнаго дипломатическими обязательствамъ, — безъ всякой помощи государственной организаціи, ведеть войну въ лицѣ иѣсколькоихъ тысячъ своихъ сыновъ (сыновъ, а не наемниковъ), на свои частные средства, въ странѣ, хотя и родственной, но чу-

жедальней, доселѣ ему почти неизвѣстной,—не изъ корысти, не за свои прямые, практическіе, материальныя интересы, а за интересы повидимому ему чуждые и отвлеченные. Ведеть не прячась, не потаенно, а среди бѣла для, съ полнымъ сознаніемъ законности, правоты, святости,— скажу болѣе: естественности своихъ дѣйствій. Этой-то простоты и безыскусственности нашего общественаго движенія никакъ не способна понять Западная Европа, въ которой почти всякое публичное совокупное дѣйствіе является продуктомъ подготовительной агитациіи, заговора, подстрекательства, и совершается лишь подъ руководствомъ и при посредствѣ правильно организованныхъ, хотя бы и скрытыхъ учрежденій. Нисколько не удивительно поэтому, что какому-нибудь лорду Биконсфильду, да и не ему одному, даже и вѣкото-рымъ нашимъ доморощеннымъ иностранцамъ русской крови (преимущественно на высшихъ общественныхъ ступеняхъ), мерещатся тайны общества и въ Россіи, такъ что весь позоръ, по ихъ мнѣнію, или иначе: всю честь русскаго народнаго вмѣшательства въ сербскую войну они приписываютъ лишь коварству Славянскаго Комитета! Нельзя безъ улыбки читать такое иностранное мнѣніе о могуществѣ нашего Комитета. Вамъ, м. г., лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ мало заслужена Комитетомъ приписываемая ему честь. Такова природа этого всенароднаго движенія, что оно не только не могло быть сочинено Комитетомъ, не только не способно было втѣсниться въ какія-либо комитетскія рамки, но перешло далеко за его края и почти подавило собою нашу скромную организацію. Здѣсь уже дѣло не Славянскаго Комитета, а всей Русской земли, и величайшая честь для Комитета—умалиться до значенія простаго орудія народной мысли и воли,—орудія посильнаго, и къ сожалѣнію, недостаточнаго.

До какой степени не было никакой предумышленности въ дѣйствіяхъ Комитета — лучше всего доказывается тѣмъ, что Комитетъ вовсе не былъ приготовленъ къ той обширной дѣятельности, которая выпала ему на долю. Наша Распорядительная Комиссія, устроенная, такъ сказать, по домашнему, изъ трехъ-четырехъ лицъ, безъ всякаго подобія канцеляріи, долго продолжала работать въ томъ же составѣ,

хотя ей становилось трудно и даже очень трудно; только съ юла мѣсяца обзавелась она первымъ письмоводителемъ на жалованье, и потомъ лишь постепенно, уступая необходимости, увеличивала количество служащихъ, воспользовавшись въ то же время усерднымъ и дѣятельнымъ содѣйствиемъ многихъ членовъ Славянскаго Комитета и почти всего правления Московскаго Общества взаимнаго кредита, гдѣ я имѣю честь предсѣдательствовать.

Если это наше искреннее признаніе можетъ навлечь на васъ упрекъ въ непредусмотрительности, то опо, съ другой стороны, служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на клеветы иностранныхъ газетъ; британскій премьеръ, полагаю, совершиенно бы сбился съ толку, еслибы свое представлениѳ о Комитете провѣрилъ по нашимъ книгамъ и документамъ. Но и упрекъ въ непредусмотрительности былъ бы несправедливъ. Наше народное движеніе изумило не одну Европу, но и русское общество, т. е. образованный, мыслящий слой Россіи, именно тѣмъ самымъ, что оно было *народное*, не въ реторическомъ, а въ точномъ смыслѣ этого слова. Десятки лѣтъ раздавалась проповѣдь такъ-называемыхъ славянофиловъ и была, казалось, лишь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; двадцать два года назадъ Крымская война, возникшая также изъ-за Восточнаго или вѣрнѣе Славянскаго вопроса, вызвавъ могучій взрывъ «патріотизма», не пробудила однакоже исторического самосознанія въ тѣхъ народныхъ слояхъ, гдѣ сидѣть самые корни русской силы, духовной и вѣшней... Намъ не виденъ и не вѣдомъ таинственный процессъ внутреннаго народнаго созреванія и вообще духовныхъ отправлений народнаго организма; можно было, конечно, догадываться, что съ уничтоженiemъ крѣпостнаго состоянія и разныхъ сословныхъ юридическихъ перегородокъ, съ распространенiemъ грамотности, умственнаго круговорота народа расширился и дѣятельность мысли стала вольнѣе,—но то, чтѣ совершилось, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Признаюсь откровенно, каждый новый фазисъ проявленій народнаго сочувствія поражалъ меня радостною нечаянностью, пока наконецъ не объявилось это сочувствіе во всей своей могучей и простой правдѣ. Не менѣе поражалъ меня постепенно измѣнявшійся строй мыслей и тонъ рѣчей въ нашей такъ-

называемой интеллигентной сферѣ, въ нашей печати: всѣ литературные лагери, партии и фракціи перемѣшились, всѣ очутились, чуть не къ всеобщему своему удивленію, согласными и единодушными въ самомъ главномъ, жизненномъ для Россіи вопросѣ; вчерашніе противники встрѣтились союзниками. Точно будто подломились ходули и всѣ сошли на землю, стали на ноги,— точно будто сбросили арлекинскіе наряды и оказались тѣмъ, чтѣ они въ самомъ дѣлѣ, русскими людьми просто, какъ есть.

Было чому удивляться человѣку, помнящему былое нашей общественной жизни, да и выяснилось это не вдругъ, а одновременно съ ходомъ событий. Когда началось восстание въ Герцеговинѣ, съ небольшимъ годомъ назадъ, и Московскій Славянскій Комитетъ, а также и его Петербургскій Отдѣль, напечаталъ посланіе митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, эти посланія духовныхъ лицъ были, чрезъ русское духовенство, доведены до свѣдѣнія народа, — только доведены до его свѣдѣнія, не больше, и пожертвованія уже и тогда приняли размѣры дотолѣ небывалые. Предъ народомъ стали раздвигаться предѣлы православнаго міра, открываться новые горизонты братства. Но все это еще было смутно. Не менѣе смутно было сознаніе и въ общественныхъ сферахъ,— такъ что когда генералъ Черняевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, прѣѣхалъ въ Москву и предложилъ отправить вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ пятьдесятъ низкихъ чиновъ въ Черногорію, а оружія на 600 человѣкъ,— планъ этотъ не могъ состояться — за недостаткомъ денежныхъ средствъ, которыхъ у Комитета въ то время не было еще вовсе, а у частныхъ лицъ не оказалось въ готовности... Послѣдовавшая затѣмъ дѣятельность Комитета имѣла виѣшній видъ и даже характеръ—преимущественно благотворительный; добровольцами, при пособіи Комитета, отправлялись въ Герцеговину одни южные Славяне, Сербы, отчасти Болгаре, проживавшіе въ Россіи: исключеніе составили только два русскихъ офицера, нарочно для этой цѣли прїѣхавшіе въ Москву, такъ какъ въ Петербургѣ въ пособіи имъ было отказано. Когда же на славянскомъ небосклонѣ появилась заря новой, болѣе значительной въ политическомъ смыслѣ и организованной борьбы, именно борьбы Сербскаго княжества съ Портою за освобож-

деніє подвластныхъ Туркамъ Славянскихъ земель, и генераль Черняевъ, въ концѣ марта нынѣшниго года, заявилъ Комитету о своемъ намѣрении бхать въ Сербію, то Комитетъ, конечно, не могъ не оцѣнить великаго значенія такого событія, какъ появление Черняева во главѣ сербскаго войска. Но ни Комитетъ, ни самъ Черняевъ, конечно, еще не предвидѣли тогда, что произойдетъ въ самомъ русскомъ населеніи, даже въ средѣ пахарей-мужиковъ. Присутствіе Черняева въ сербской арміи казалось Комитету прежде всего полезнымъ въ отношеніи военному, но особенно важно для Комитета было то, что вождемъ сербскимъ являлся именно Русскій, представитель русской идеи, русскаго воззрѣнія на славянское дѣло, въ смыслѣ истинныхъ интересовъ Славянства, въ мѣстной племенной исключительности и розни. Комитету было очевидно, что подвигъ самоотверженія со стороны Черняева не можетъ не поднять среди Славянъ обаяніе и честь русского имени, сильно, въ то время, скомпрометированнаго дипломатіей, не можетъ не поднять и въ самомъ русскомъ обществѣ его нравственный уровень, чувство собственного достоинства. Нужно было только устранить нѣкоторыя денежныя затрудненія, останавливавшія отъѣздъ генерала Черняева: сумма была ничтожная, всего 6,000 рублей, и Комитетъ не задумался ее выдать. Вскорѣ затѣмъ какъ огласилось прибытіе Черняева въ Сербію (что уже само по себѣ произвело сильное впечатлѣніе какъ въ Европѣ, такъ въ Россіи и во всемъ мірѣ Славянскомъ), началась страшная эпопея рѣзни, грабежей, насилий и всѣхъ турецкихъ неистовствъ въ Болгаріи. Тутъ уже не нужно было никакихъ особыхъ усилий со стороны Комитета для возбужденія сопственности и состраданія. Историческій мотивъ борьбы съ несправными и лютымъ Татарами, проходящій сквозь все житіе Русскаго народа, отзовуясь пережитыхъ золъ и скорбей, увѣковѣчненныхъ и пѣснею и церковными празднествами, но казалось затертыхъ въ народной памяти новѣйшими бѣдами,— все это не то, чтобы припомнилось въ видѣ историческихъ фактовъ, а самый врагъ, самое зло представляло какъ что-то давно знакомое и родное. Для Русскаго нѣть врага популярнѣе Турка: пожертвованія вещами и деньгами полились рѣкою...

Началась сербская война. Съ первой же минуты она стала своею Россіи; честь русскаго имени связывалась съ именемъ вождя. За Черньяевымъ вслѣдъ поѣхало въ Сербію, помимо Комитета, нѣсколько его сослуживцевъ и близкихъ пріятелей. Вниманіе общества и самого народа, отъ Герцеговины, Босніи, Черногоріи—перейдя на Болгарію,—сосредоточилось тогда на Княжествѣ Сербскомъ и такимъ образомъ обошло весь кругъ православныхъ Славянскихъ племенъ. Съ замираніемъ сердца слѣдила Россія за неравномѣрною борьбою маленькой православной земли, величиною меньше Тамбовской губерніи, съ громадными полчищами азіатской орды, разсѣвшійся въ трехъ частяхъ свѣта. Но когда сербскія войска испытали первую неудачу, когда на эту почву возбужденного народнаго сочувствія пала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершился первый подвигъ любви и принеслась первая, чистая жертва во имя Россіи, отъ Русскаго, за вѣру и братьевъ, тогда дрогнула совѣсть всей Русской земли, и какимъ-то откровеніемъ сердца — народъ разомъ усвоилъ себѣ, не мудрствуя лукаво, весь міръ истиннославянскаго, т. е. православнаго братства. Онъ какъ-то разомъ перешагнулъ чрезъ всѣ географическія и иные научныя трудности, да и ступилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на путь своего историческаго призванія, который, казалось, такъ мудрено было бы ему втолковать безъ специальныхъ учебниковъ. Всѣ эти названія горь и рѣкъ, эти Моравы, Савы, Дрины, стали ему какъ бы свои, и прохаживаясь между ними, онъ словно повторилъ себѣ, чрезъ восемь столѣтій, замѣчаніе Нестора въ его лѣтописи: «а русскій языкъ и словенскій единъ есть». Въ этомъ сознаніи, пріобрѣтенномъ Русскимъ народомъ, залогъ всего будущаго: оно стоять вскихъ побѣдъ, и еслибы въ настоящую минуту дѣло славянское и казалось кому-либо въ проигрышѣ, то эта временная неудача ничто въ сравненіи съ величіемъ добытаго.

Какъ съ самаго начала, такъ и потомъ, Московскій Славянскій Комитетъ не вазывалъ и не заманивалъ съ своей стороны ни одного добровольца. Сами собой, одинъ за другимъ, стали являться отставные офицеры, прося указаній, совѣтовъ и содѣйствія: какъ бы пробраться въ Сербію и стать въ ряды арміи подъ начальствомъ Черньяева? Извѣстіе о смер-

ти Кирѣева, первого Русскаго, павшаго въ этой войнѣ, разомъ двинуло сотни охотниковъ, да и впослѣдствій этотъ фактъ постоянно повторялся: стоило только огласиться новымъ смертамъ въ средѣ русскихъ добровольцевъ, на мѣсто каждого умершаго являлось десять живыхъ съ готовностью заступить его мѣсто: смерть не отпугивала, а какъ бы привлекала. Но все же въ началѣ волонтеры были изъ числа людей только военнаго ремесла и *офицерскаго* званія. Я помню минуту истиннаго умиленія, испытаннаго мною, когда въ первый разъ обратился ко мнѣ съ просьбою обѣ отправкѣ его въ Сербію «нижній чинъ» — унтеръ-офицеръ Карапсевъ: такъ еще новъ и неожиданъ былъ для меня подобный самовольный починъ въ низменной нашей общественной средѣ! Вскорѣ это ощущеніе смѣнилось впечатлѣніями еще сильнѣйшаго свойства, когда стали являться уже не одни нижніе чины, но и простые крестьяне. И съ какой смиренной настойчивостью, какъ бы испрашивая милости, со слезами, на колѣнахъ, молили они обѣ отправленіи ихъ на поле битвы, — именно молили, потому что Комитетъ принялъ было за правило: оказывать пособіе только отставнымъ *военнымъ*. Само собою разумѣется, однако, что подобныя просьбы крестьянъ были нами всегда уважены. И надобно было видѣть ихъ радость при объявлѣніи имъ комитетскаго рѣшенія. Впрочемъ эти сцены стали повторяться такъ часто, движеніе такъ усилилось, дѣла и хлопотъ прибавилось такъ много, что уже некогда было ни останавливаться надъ проявленіями народнаго чувства, ни разспрашивать въ подробности являющихся о движавшемъ ихъ побужденіи: «положилъ себѣ помереть за вѣру», — «сердце кипитъ», «не терпится — хочу послужить нашимъ», «нашихъ бывать»; — куда? — «къ нашимъ, за одно постоять» — вотъ краткіе отвѣты, звучавши спокойною искренностью и такою задушевною простотою, въ которой слышалась неодолимая мощь. Чувствовалось, что предъ вами, въ смиренномъ обликѣ, безъ горделивой, самодовольной осанки, стояли герои — скажу больше: люди того зѣкала, изъ какого выходили мученики первыхъ вѣковъ христіанства. Да, намъ приходилось сподобиться узрѣть самую душу народную!..

Разумѣется, случались и ошибки, бывали и исключения; иногда тѣже самые герои и мученики, въ ожиданіи подвига,

или отправляясь на смертный подвигъ, не отказывались под-
чать и гульнуть. Но у кого же хватило бы духа бросить за
это въ нихъ камнемъ? Повторяю: со стороны нижнихъ чи-
новъ и простолюдиновъ-добровольцевъ не было и не могло
быть никакого корыстнаго расчета въ ихъ побужденіяхъ. Я
по крайней мѣрѣ добросовѣстно предварялъ всѣхъ и каж-
даго о суровости предстоявшаго имъ жребія,—да и ничего
«выгоднаго» не представлялось имъ съ первого же раза:
50 рублей на брата, изъ которыхъ не менѣе 35 уходило на
прѣѣздъ по Румыніи, да еще на дорожныя харчи и т. п.
издержки.

Движеніе приняло наконецъ такіе размѣры, что пришлось
устроить особое отдѣленіе собственно для пріема волонте-
ровъ, для разсмотрѣнія ихъ просьбъ и заявлений. Это отдѣ-
леніе было открыто въ Славянскомъ Базарѣ, въ помѣщеніи,
предложенномъ нашимъ членомъ А. А. Пороховщиковымъ,
который самъ въ немъ усердно занимался вмѣстѣ съ Н. Д.
Бакунинымъ и В. И. Симанскимъ. Затѣмъ оно было пере-
ведено въ домъ князя Гагарина, который вызвался прини-
мать постоянное участіе въ нашихъ занятіяхъ и работаетъ
съ утра до поздняго вечера. Вскорѣ Комитетъ убѣдился, что
нѣть никакой возможности сосредоточить народное движеніе
не только въ одномъ московскомъ центрѣ, но даже и еще
въ двухъ другихъ центрахъ, въ Петербургѣ и Киевѣ, гдѣ
существуютъ Отдѣлы. Вся Россія готова была покрыться
Отдѣлами Славянскаго Комитета, изъ всѣхъ городовъ при-
сылались намъ о томъ заявленія; но мы, къ истинному со-
жалѣнію, не могли удовлетворить эту настоятельную потреб-
ность: разрѣшеніе на учрежденіе Отдѣла зависѣть не отъ
насъ, а отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ счастію,
въ Одессѣ существуетъ утвержденное правительствомъ осо-
бое общество, подъ названіемъ Благотворительного Славян-
скаго Общества Кирилла и Меѳодія, и оно своею дѣятель-
ностью оказалось значительныя услуги общему дѣлу. Къ счастію
также, въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нашлись на-
столько просвѣщенные и причастные всенародному чувству
начальники, что они безъ труда разрѣшили мѣстнымъ жите-
лямъ: учреждать особые кружки «для сбора пожертвованій»,
кружки, которые и послужили центрами для мѣстной дѣя-

тельности на пользу общаго дѣла. Но когда порывъ сочувствія охватываетъ собою десятки миллионовъ народа на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта, мудрено упорядочить, регулировать проявленія этого сочувствія, дать ему рамки, форму, правильное единообразіе, особенно при отсутствіи надлежащей гласности. Насъ, именно Московскій Славянскій Комитетъ, обвиняютъ въ томъ, что у насъ Россія, такъ сказать, выбилась изъ рукъ, что мы не сумѣли покрыть се сѣтью стройной организаціи, что не воспользовались въ должной мѣрѣ народною готовностью жертвовать, и оставили множество мѣстъ безъ указаній и руководства. Фактъ вѣренъ, но упрекъ несправедливъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ сочувствіемъ всей необъятной Россіи, мы лишены были даже возможности сноситься съ нею путемъ печати — по причинамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ. Для письменныхъ же сношеній съ сотнями городовъ и сель, и тысячами лицъ, отъ которыхъ мы получали запросы — не только насъ съ нашей канцеляріей, не достало бы и цѣлаго министерскаго департамента. Но это лишь внѣшняя невозможность. Тотъ не знаетъ натуры народныхъ движеній, особенно въ Россіи, кто воображаетъ, что ихъ легко подчинить какой-либо организаціи, предложенной какимъ-либо комитетомъ. Чувство проявляется своеобразно и разнообразно, и не любить стѣсненій. Пожертвованія стали специализироваться — смотря по тому, какой предметъ именно излюбило сердце жертвователей; жертвователи — и это въ высшей степени законно въ психическомъ смыслѣ — захотѣли взойти въ прямыя, непосредственные сношения съ лицами и мѣстностями, въ пользу которыхъ жертвовали, и минуя Комитетъ, города, села, отдѣльныя лица писали прямо отъ себя и Чернышеву, и князю Милану, и княгинѣ Натальѣ, и князю Николаю, и митрополиту Михаилу, посыпали имъ прямо отъ себя депутатовъ, добровольцевъ, деньги и вещи, съ подробнымъ разъясненіемъ ихъ назначенія, а при этомъ кстати своихъ чувствъ и ожиданій. Всему этому разнообразію, и если хотите, непорядку такъ и подобало быть, ибо самое дѣло было диковинно и (съ чѣмъ вы уже конечно согласитесь) не имѣло прецедентовъ, а потому и опыта не было!

Да, милостивые государи, ни прецедентовъ, ни опыта не

имѣло ни русское общество вообще, ни нашъ Комитетъ въ особенности, для того, чтобы одновременно не только исполнять свое благотворительное призваніе раздачею денежной помощи, но и исправлять должностъ интендантства, комиссаріата, инспекторскаго департамента, военно-медицинскаго, артиллерійскаго, провіантскаго вѣдомствъ, чутъ ли даже не генеральнаго штаба.

Нѣть ни малѣшаго сомнѣнія, что такая непривычная для настъ дѣятельность, организуемая притомъ *на ходу*, была сопряжена съ немалыми ошибками, и несмотря на всѣ наши труды и старанія, не всегда достигала надлежащихъ результатовъ. Впрочемъ, при оцѣнкѣ этихъ результатовъ, необходимо принять во вниманіе отсутствіе всякой правильной организаціи въ самой Сербіи, которая, при своемъ министерномъ государственномъ устройствѣ, оказалась вовсе не приготовленною и не приспособленною къ военному хозяйству въ такихъ крупныхъ размѣрахъ. Какъ бы то ни было, Славянскій Комитетъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и сдѣлалъ добросовѣтно, какъ умѣль и какъ зналъ, поддерживаемый въ своей непомѣрной работѣ надеждою, что придется же наконецъ часъ, когда политическія обстоятельства дозволятъ Русской Землѣ воспользоваться благами созданной ею, могучей русской правительственной организаціи и сдать свое дѣло государству, — то дѣло, которое составляетъ существенное призваніе государства, какъ политической, внѣшней силы народнаго организма.

Перехожу затѣмъ къ отчету, или вѣрнѣе сказать — къ перечню главныхъ статей нашего прихода и расхода: эти цифры еще живѣе охарактеризуютъ нашу дѣятельность; болѣе же подробнаго отчета въ настоящее время, когда дѣло еще ведется, представить нельзя за неполученіемъ точныхъ свѣдѣній съ мѣста.

Я предвижу заранѣе, что цифры нашего прихода произведутъ въ публикѣ нѣкоторое разочарованіе. Мы ежедневно и читаемъ и слышимъ, что изъ Россіи высылались въ Славянскія земли цѣлые миллионы, причемъ обыкновенно ставится строгій вопросъ: куда же дѣваются эти миллионы? Но эта молва о количествѣ миллионовъ столько же вѣрна, какъ о количествѣ добровольцевъ, которыхъ общественное мнѣніе

насчитываетъ чуть ли не до 20 т. и которыхъ въ самомъ дѣлѣ была только пятая часть, можетъ быть нѣсколько болѣе, можетъ быть и менѣе. Въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, съ самаго начала герцеговинскаго возстанія или съ 1 сентября прошлаго, т. е. 1875 года, до 22 октября сего 1876 года, слѣдовательно почти въ 14 мѣсяцевъ, всѣхъ пожертвованій поступило: 742,328 р. 73 коп. Изъ нихъ въ теченіи первыхъ десяти мѣсяцевъ съ половиной поступило 151,458 р. 78 к.; въ послѣдніе же три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. съ 14 июля по 22 октября поступило 590,869 р. 95 к., или среднимъ числомъ въ день 5,900 р. 742 тыс. рублей цифра почтенная, но еще очень далекая отъ тѣхъ миллионовъ, о которыхъ гласитъ молва. Если къ этому присоединить приходъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, которымъ въ тотъ же срокъ времени было собрано 800 тыс. руб. (въ первый періодъ пожертвованій перевѣсь былъ на сторонѣ Петербурга, благодаря распоряженіямъ высшаго духовнаго вѣдомства), то всего на всего выйдетъ въ обоихъ главныхъ центрахъ Россіи полтора миллиона слишкомъ, и это въ виду необходимости оказывать помощь Герцеговинѣ, Черногоріи, Босніи, Болгаріи и наконецъ ратному дѣлу въ Сербіи!... Конечно, не нужно забывать, какъ я уже имѣлъ честь вамъ доложить, что въ послѣдніе мѣсяцы, въ пору высшаго возбужденія народныхъ сочувствій, образовалось множество малыхъ центровъ по всей Россіи, которые распоряжались пожертвованіями самостоительно и пересыпали деньги, минуя Славянскій Комитетъ и его Отдѣлы, прямо отъ себя, съ различными, специальными назначеніями, чѣмъ иногда не мало затрудняли тѣ мѣста и лица, къ которымъ препровождались такія отдѣльныя, большою частью мелкія суммы. Весь почти западный край Россіи во второй періодъ пожертвованій—обошелся безъ участія Славянскаго Комитета и Кіевскаго Отдѣла, котораго приходъ сравнительно не великъ. Нѣкоторыя общества и учрежденія, какъ напримѣръ Петербургское Кредитное Общество, препроводившее сто тысячъ прямо отъ себя въ распоряженіе генерала Чернаева (кромѣ 100 т., переданныхъ имъ Петербургскому Отдѣлу), жертвовали также независимо отъ Комитета. Такимъ образомъ вывести въ точности общую цифру пожертвованій пока еще

невозможно; но если присоединить къ нимъ и денежныя суммы, издержанныя Главнымъ Обществомъ Попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, то едва ли и тогда общий итогъ пожертвованій превыситъ 3 миллиона, а съ вещественными пожертвованіями $3\frac{1}{2}$ миллиона.

Это и громадно и мало. Мало сравнительно съ размѣромъ потребностей, ибо свыше 3 миллионовъ православныхъ нашихъ братьевъ Балканского полуострова нуждается въ самомъ существенномъ — въ хлѣбѣ, одеждѣ и кровѣ. Мало относительно такой крупной величины, какова Россія, съ ея 80-миллионами населенія, ея пространствомъ, равняющимся цѣлой части свѣта, ея значеніемъ, ея политическимъ и военнымъ могуществомъ, и пр. и пр. Мало — въ виду молвы о десяткахъ миллионовъ жертвованныхъ рублей. Это громадно, если принять въ соображеніе источникъ пожертвованій, ихъ нравственный характеръ, условия нашего общественного развитія и тѣ помѣхи — мелкія, ничтожныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, какія приходилось, а иногда и не удавалось, преодолѣвать порыву и готовности жертвователей. Громадно — потому, что двѣ трети пожертвованій внесъ все же онъ, нашъ бѣдный, обремененный нуждою, простой народъ, — и каждый его мѣдный грошъ, безъ сомнѣнія, по нравственному результату подаянія значиль и на вѣсахъ исторіи вѣсъ тяжеле сотни червонцевъ. Вообще можно замѣтить, что пожертвованія по общественной лѣстницѣ шли въ обратной прогрессіи: чѣмъ выше, чѣмъ богаче, тѣмъ относительно слабѣ и скуднѣе. Были конечно и исключенія, да нельзѧ не принять въ соображеніе общаго экономического состоянія Россіи въ эти неурожайные годы. Несомнѣнно однако же то, что наши денежныя знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ въ этой всероссийской народной складчинѣ, можетъ быть потому, что «не сочувствуютъ!» Оно громадно наконецъ въ виду новизны самого дѣла, непривычки и неумѣлости нашей дѣйствовать народно и сообща, отсутствія организаціи, неудобства сношеній и сообщеній со всѣми углами Россіи, и наконецъ — къ виду невозможности для Комитета пользоваться препятственно пособіемъ печатнаго публичнаго слова. Но главное: громаденъ результатъ, добытый всею этою,

въ сущности невеликою цифрою пожертвованій; громаденъ по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, по подъему нашей общественной самодѣятельности, по пробужденію нашего народнаго историческаго самосознанія, по сближенію Славянскихъ племенъ между собою, потому наконецъ, что идея Славянства изъ отвлеченной сферы перешла въ жизнь, воочию объявилаась.

Но на этомъ останавливаться нельзя и одними нравственными результатами довольствоваться не слѣдуетъ. Надо обеспечить ихъ прочными практическими, материальными условіями бытія, надо довершить дѣло и дотянуть гужъ до конца, помня пословицу....

Я не стану распространяться теперь о подробностяхъ нашего «прихода», хотя онъ въ высшей степени интересны. Впрочемъ потому именно, что онъ такъ интересны, онъ заслуживаютъ обстоятельного изложенія, чѣмъ и занимается теперь нашъ почтенный секретарь, онъ же и профессоръ исторіи. Письма, при которыхъ болѣею частию присылались пожертвованія, приводятся теперь въ порядокъ и многія изъ нихъ, какъ искрѣннѣйшія, простыя изліянія народнаго чувства, лучше всего свидѣтельствуютъ о правдѣ настоящаго историческаго движенія.

Перехожу къ расходу.

Въ первый, такъ сказать Герцеговинскій періодъ пожертвованій, деньги расходовались почти исключительно на нужды православныхъ славянскихъ семействъ Герцеговины и Босніи, и на пособіе Черногорії. Всѣхъ денегъ такимъ образомъ препровождено въ Рагузу и непосредственно черногорскому правительству въ первые 8 мѣсяцевъ 96,000 р., а въ послѣдній періодъ времени, т. е. когда Черногорія сама вступила открыто въ бой, только 39,583 р. 45 к., всего же 135,583 р. 45 к. Конечно, 39 тысячъ рублей немнogo, но несправедливо мнѣніе, будто Черногорія была пренебрежена или забыта. Ее нельзя было забыть: она достаточно напоминала о себѣ своими изумительно доблестными подвигами, которые вмѣстѣ съ подвигами нашихъ добровольцевъ, одни только и тѣшили русскія сердца во все время этой неравномѣрной борьбы. Но понятно однако же, что съ началомъ

сербской войны внимание общества и самая пожертвование устремились туда, где лилась русская кровь, где исходь борьбы представляла более важное, не одно местное, но и общее политическое значение, да и самая задача поставлена была шире. Теперь же вновь стали поступать приношения въ пользу Черногорцевъ, и не далъе какъ вчера получено разомъ 5,000 р. отъ неизвѣстнаго. Письмо его свѣтлости князя Николая, которое сейчасъ вамъ будетъ доложено, и тѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи черногорскаго населенія послѣ войны, которая привезъ и которая передастъ вамъ лично присланный сюда княземъ нашъ почетный членъ Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, вѣроятно возбудятъ въ васъ желаніе отдать немедленно часть нашихъ суммъ въ распоряженіе князя Николая, и я полагаю, что мы могли бы, безъ особенного затрудненія, ассигновать на это 50 т. р. с. *) .

Пособіе отправлявшимся въ Герцеговину и Боснію добровольцамъ мы оказывали только Сербамъ, воспитывавшимся въ Россіи, на что и истрачено 3,202 р. 40 к. Впрочемъ, какъ исключительный въ то время случай, были и два русскихъ офицера, которымъ, по ихъ просьбѣ, Комитетъ не отказалъ въ денежныхъ средствахъ для поѣздки въ Герцеговину.

На Болгарію и ея несчастное населеніе истрачено въ разное время 38,058 р. 68 к. Изъ нихъ 10 т. р. были посланы въ Императорское Россійское Посольство въ Константинополь, где по этому поводу и образованъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Нелидовымъ, особый комитетъ для вспоможенія бѣдствующимъ Болгарамъ.

На Болгарскія же, а также на Боснійскія семейства, укравшіяся въ Сербскомъ княжествѣ, послано митрополиту Сербскому Михаилу въ разное время 7,000 р., раздано иными путами 1,000 р., и отправлено недавно специальному, учредившемуся для сей цѣли въ Бѣлградѣ комитету 5,000 р., итого 13,000 руб.

Въ распоряженіе генерала Черняева, т. е. какъ на содержаніе его и его штаба, такъ и на нужды поступавшихъ на

*) Рѣшено было: отдать немедленно въ пользу Черногоріи 50 т. р. с., что и исполнено.

службу подъ его начальство русскихъ добровольцевъ, отправлено было до сихъ поръ 78,966 руб. 76 коп. Значительная часть этой суммы была жертвована съ специальнымъ назначениемъ: «въ распоряженіе генерала Черняева», «генералу Черняеву», и т. д. Извѣстно, что ни генералъ Черняевъ, ни русские офицеры не получали отъ сербскаго правительства никакихъ денежныхъ средствъ на свое содержаніе. Главнокомандующій Моравскою арміею изъ этихъ же суммъ выдавалъ жалованье своимъ русскимъ офицерамъ, сколько было можно,—оказывалъ пособіе нуждающимъ и возвращающимъ, покупалъ лошадей для арміи и вообще производилъ многіе расходы для потребностей своего войска.

Когда генералъ Новоселовъ принялъ начальство надъ Ибарской арміей, то на удовлетвореніе нуждъ русскихъ офицеровъ и низшихъ чиновъ, служившихъ въ этой арміи, было въ разное время отослано Комитетомъ 20,401 р. 20 к. Изъ нихъ также нѣкоторая часть была жертвуема, особенно изъ провинції, именно съ этого цѣлью.

Въ помощь больнымъ и раненымъ въ Сербіи, призываляемымъ ея свѣтлостью княгинею Наталіей, а также бѣлградскимъ Женскимъ Дружествомъ, отправлено было 6,000.

Въ распоряженіе его свѣтлости сербскаго князя Милана 10,000 р.

На санитарное дѣло въ Черногоріи издержано до сихъ поръ 6,307 р. 76 к. Когда открылась война Черногорцевъ съ Турками, мы отправили туда трехъ врачей и четырехъ фельдшеровъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 200, фельдшерамъ по 75 р. въ мѣсяцъ, кромѣ подъемныхъ денегъ; кромѣ того двѣ тысячи рублей употреблены были на покупку вьючныхъ лошадей и другихъ принадлежностей. Врачебный персональ находился въ завѣданіи русскаго генерального косула А. С. Іонина. Дѣятельность нашихъ врачей была весьма успешна. Они стяжали общую благодарность какъ князя, такъ и всего населенія.

Въ Сербію было отправлено Комитетомъ первоначально 13 врачей, 14 фельдшеровъ—исключительно для дѣйствія на перевязочныхъ пунктахъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 150, фельдшерамъ по 50 р. въ мѣсяцъ, кромѣ подъемныхъ, сверхъ того 23 сестры милосердія изъ общины «Утоли моя печали».

(съ содержаніемъ по 60 р. въ мѣсяцъ на каждую), при начальницѣ общинѣ, княгинѣ Н. Б. Шаховской; затѣмъ еще 7 сестеръ милосердія, по ходатайству нашего Дамскаго Отдѣленія изъ здѣшней Покровской Общинѣ, при санитарномъ отрядѣ Общества русскихъ врачей. Изъ 13 отправленныхъ нами врачей, трое уже возвратились, а изъ фельдшеровъ десять; выборъ послѣднихъ оказался болѣею частью неудаченъ, да къ тому же ихъ съ успѣхомъ могли замѣнить и замѣнили сестры милосердія, всѣ опытныя въ перевязываніи ранъ и и въ уходѣ за больными. Управлѣніе нашимъ санитарнымъ отрядомъ было возложено на П. И. Николаева (предсѣдателя Владимірской губернскай земской управы), который не только пожертвовалъ на санитарную часть значительную денежную сумму, но и самъ на свои средства отправился въ Сербію, взявъ отпускъ. Къ сожалѣнію, состояніе здоровья не позволило ему остаться въ Сербіи долѣе нѣсколькихъ недѣль, и завѣдываніе отрядомъ предложено было княгинѣ Шаховской. Мы можемъ только порадоваться, что наше санитарное дѣло попало въ руки такой энергической, умной, самоотверженной женщины. Княгиня тотчасъ устроила госпиталь отъ Славянскаго Комитета въ Парачинѣ. Въ настоящую же минуту этотъ госпиталь перенесенъ въ Бѣлградъ.

Всего на санитарную часть въ Сербіи отчислено было до сихъ поръ 31,052 р. 96 к.; впрочемъ эта сумма еще не вполнѣ издержанна.

Наибольшій расходъ былъ произведенъ по отправкѣ добровольцевъ, но онъ еще не опредѣленъ въ точности, ибо деньги добровольцамъ выдавались частью въ Москвѣ, частью въ Кишиневѣ и Бѣлградѣ, куда для этого переводились нами значительныя суммы.

Пособіе добровольцамъ, отправлявшимся въ Сербію, выдавалось сначала въ довольно щедромъ размѣрѣ, потому что представлялось какимъ-то исключительнымъ расходомъ, т. е. не менѣе 200 рублей офицерамъ, а нѣкоторымъ полковникамъ, которыхъ присутствіе въ Сербіи казалось особенно полезнымъ, значительно выше. Когда же число добровольцевъ увеличилось и самое отправлѣніе ихъ туда стало обычнымъ явленіемъ, размѣръ пособія былъ сокращенъ, такъ что штабъ-офицерамъ выдавалось 250 р., оберъ-офицерамъ отъ 150 до

200, юнкерамъ не свыше 120 руб., унтеръ-офицерамъ отъ 75 до 100, нижнимъ чинамъ 70, 60 и не менѣе 50 рублей. Изъ этого пособія производились добровольцами расходы на заграничный паспортъ, на проѣздъ чрезъ Румынію отъ Яссь до Туриз - Северина и на продовольствіе во время пути; проѣздъ же отъ Москвы до Кишинева и до Одессы, благодаря Правленіямъ Московско - Курской, Курско - Киевской, Киевско - Брестской и Одесской желѣзныхъ дорогъ, былъ и остается даровой, по свидѣтельствамъ Славянского Комитета, точно также какъ и провозъ отправляемыхъ нами грузовъ. Изъ изложенного выше каждый можетъ вывести заключеніе, что денежное пособіе, выдававшееся Комитетомъ, никакъ не могло служить приманкою для поступленія въ ряды сербской арміи.

Всѣхъ добровольцевъ, получившихъ пособіе отъ Московскаго Славянскаго Комитета, по настоящее число насчитывается 1,176 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 полковниковъ.

Денегъ на пособіе истрачено приблизительно до 140 т. р. с., включая сюда и расходы на обратную отправку домой тѣхъ добровольцевъ, которые явились сюда безъ предварительныхъ сношеній и справокъ, безъ всякихъ средствъ, иногда пѣшкомъ, изъ самыхъ искреннихъ побужденій, но не могли быть приняты по какимъ-либо независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ и не имѣли денегъ для возвращенія. Вообще добровольцевъ могло бы быть отправлено вдвое болѣе; но Комитетъ выдавалъ пособіе почти исключительно военнымъ, отъ отставныхъ офицеровъ требовалъ въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствъ объ ихъ образѣ жизни за время послѣ выхода въ отставку, и никого не принималъ заочно. Въ числѣ этихъ 1,176 добровольцевъ мы считаемъ и добровольцевъ изъ городовъ, т. е. такихъ, на которыхъ средства давались иногородными мѣстными жителями и переводились въ Комитетъ. Особенно много отправилось добровольцевъ изъ Нижнаго и Орла, и притомъ отлично снаруженныхъ одеждью и обувью, — не мало изъ Казани, Самары, Астрахани и изъ другихъ городовъ.

Независимо отъ сихъ добровольцевъ, Комитетъ оказалъ пособіе и казакамъ на Дону, Терекѣ и Кубани, пожелавшимъ помочь своимъ православнымъ братіямъ въ ихъ честной борь-

бъ съ мусульманами. На этотъ предметъ издержано приблизительно до 40 тысячъ. Говорю приблизительно, потому что расходъ производился заочно, и точныхъ расчетовъ еще не получено.

Нѣкоторые добровольцы оставили здѣсь семейства, которые съ ихъ отъѣздомъ очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Другие, отличившись въ бояхъ и раненые, писали въ Комитетъ письма изъ госпиталей, проса оказать помошь ихъ женамъ и дѣтямъ. На это израсходовано Комитетомъ до сихъ поръ 2,269 р. 34 к., въ томъ числѣ выдано пособіе и семействамъ нѣкоторыхъ убитыхъ офицеровъ.

Возвратившимся раненымъ добровольцамъ выдано до сихъ поръ 711 р.

На русско-болгарскую дружину въ Сербіи выслано было Комитетомъ, въ разное время, полковнику Медвѣдовскому 7,440 р.

Специально на нужды нашихъ добровольцевъ въ Сербіи по 22 октября выслано было митрополиту Михаилу, генералу Дандевилю и отправлено съ членами Комитета П. А. Висковатовымъ и А. А. Нарышкинымъ 17,564 р. (*).

Устройство военно-походнаго телеграфа въ Сербіи стоило Комитету слишкомъ 9,007 р. 18 к.

3,871 р. были израсходованы на устройство двухъ походныхъ подвижныхъ церквей, съ хоругвями и пѣвчими. На этотъ предметъ жертвовались специальные суммы какъ Комитету, такъ и г. товарищу предсѣдателя П. Н. Батюшкову, который принялъ на себя трудъ исключительного завѣдыванія этою частью, и который представить вамъ о томъ особый отчетъ.

Болѣе 5,800 руб. издержано до сихъ поръ на изготавление, покупку и отправку шинелей, сапоговъ, полушибуковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ одежды и обуви, а также и продовольствія. Шинелей отправлено до сихъ поръ свыше 4000, сапоговъ до 2000 паръ, полушибуковъ до 3000, чаю до 2000 фунт.

Собственно же на наши канцелярскія издержки, съ жа-

(*) Послѣ 22 октября переведено было по 29 октября еще слишкомъ 30,000 руб. по телеграфу въ Бѣлградъ.

лованьемъ письмоводителямъ, истрачено до сихъ поръ, съ расходами на телеграфъ и на переводъ за границу денегъ, 1,981 руб.

Опуская теперь подробности о другихъ мелкихъ статьяхъ расхода, напр. на устройство кружекъ для сбора, посылку и содержание агентовъ и проч. и проч., переходя къ общему итогу. Всего по 22 октября издержано нами, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, 583,542 р. 38 к.

Въ остаткѣ 158,786 р. 35 к. Изъ нихъ 5,000 р., пожертвованные г-жею В. А. Морозовою, и 500 руб., пожертвованные г. Лукинымъ, имѣютъ специальное назначеніе: первые на воспитаніе сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ русскихъ добровольцевъ, вторые на воспитаніе сиротъ павшихъ въ бою Сербовъ въ самой Сербіи.

Расходы, какъ видите, не велики, при такомъ крупномъ дѣлѣ и въ виду столькихъ воплющихъ нуждъ, заявляемыхъ намъ не только изъ Черногоріи, Босніи, Герцеговины, Болгаріи и Сербіи, но и изъ среды нашихъ русскихъ добровольцевъ, которымъ бѣдная сербская казна не въ состояніи производить никакого денежнаго содержанія. А между тѣмъ денежныя средства наши ничтожны и приливъ пожертвованій началъ замѣтно ослабѣвать. Въ послѣднія три недѣли съ 5,900 руб. онъ дошелъ до 2,500 р. среднимъ размѣромъ въ день. Но намъ предстоять расходы неотложные, обязательные для русской общественной совѣсти: это именно обеспеченіе участія русскихъ добровольцевъ, пребывающихъ въ Сербіи, обеспеченіе раненыхъ, обеспеченіе семействъ убитыхъ, доставленіе средствъ для возвращенія въ Россію. Мы приняли теперь мѣры для правильной организаціи раздачи жалованья тѣмъ изъ добровольцевъ, которые состоятъ въ Сербіи на службѣ (чего до сихъ поръ не было) и вышлемъ на днѣхъ къ нашему члену П. А. Висковатову, для этой цѣли и вообще на нужды добровольцевъ, 25,000 руб., чтѣ и будемъ производить ежемѣсячно, пока достанетъ средствъ.

Русское общество не бросить начатаго, затѣяннаго имъ дѣла, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣдніе дни, подъ вліяніемъ газетныхъ корреспонденцій, сочувствіе въ публикѣ собственно къ Сербамъ нѣсколько охладѣло. Какъ будто идея Славянства и рѣшеніе

великаго Восточнаго вопроса могутъ зависѣть отъ мелкихъ, мѣстныхъ интригъ, ссоръ и тому подобнаго случайнаго дразга, который неразлученъ съ каждымъ житейскимъ дѣломъ, водится вездѣ, гдѣ водятся люди, и совершенно исчезаетъ въ общемъ фонѣ исторической жизни! Но какія бы ни были вины нѣсколькихъ Сербовъ по отношенію къ нѣсколькимъ Русскимъ, въ общемъ виноваты мы, а не Сербы. Да, мы—какъ общество, какъ Россія. Сербы не обязаны знать, да и не могутъ понять, что помошь, оказанная имъ, есть помошь посильная только отъ одного русскаго общества; имъ неизвѣстны тѣ исключительныя домашнія условія, въ какихъ оно находилось. Говорить, пишутъ, печатаютъ, славятъ: «содѣйствіе Россіи, миллионы Россіи». Подъ Россіей разумѣютъ они, Сербы и всѣ задунайскіе Славяне, не тотъ или другой классъ общества, но и все государство, Россію въ ея общемъ, цѣльномъ образѣ,—однимъ словомъ, они не привыкли отдавать въ Россіи народъ отъ правительства, и понадѣявшись на «Россію», затѣвали борьбу выше силъ. Результаты этой ошибочной надежды всѣмъ извѣстны: сотни разрушенныхъ сель, выжженныя города, третья территорія въ рукахъ Турокъ,—истощеніе средствъ, всеобщее разореніе. Казнить ли еще Сербовъ и намъ за ихъ заблужденіе?

Мы у Сербовъ въ долгу.

Но мы въ долгу не останемся. Не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываляемый, благословленный часъ, когда въ самой Россіи все станетъ на свое мѣсто, и дѣло свойства государственного отойдетъ къ государству; когда, другими словами, само могучее наше правительство, съ своею прочною историческою организацией, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки. Да будетъ такъ.

4. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета въ засѣданіи 6-го марта 1877 года.

Мм. гг. Съ иными надеждами, при иныхъ обстоятельствахъ собирались мы въ этой самой залѣ, четыре мѣсяца тому на-

задъ. Не успѣло закатиться солнце, озарившее погромъ сербской рати на Дюнишѣ, какъ надъ Славянскимъ міромъ заялась, повидимому, заря нового бодрого дна, исполненного радостныхъ упованій. Въ тотъ мигъ, когда, казалось, все погибало, когда въ неравной борьбѣ сломился русскій геройскій оплотъ, созданный въ Сербіи съ такимъ трудомъ и любовью, одинокими усилиями Русской земли, безъ всякаго содѣйствія русской власти,—подвиглась вдругъ сама великая наша держава и грознымъ: «не далъе!» остановила натискъ побѣдоносныхъ турецкихъ войскъ. Вы помните громовое дѣйствіе на умы въ Россіи и Европѣ русскаго ультиматума. Откуда взялась сила этого слова, предъ которой преклонился міръ? Опиралась ли она на готовыхъ надежныхъ союзниковъ, на политическую, вѣрно разсчитанную соображенія? Праздные вопросы! Она взялась изъ себя самой, изъ своей внутренней правды. Устами Цара рекла, негодуя, сама историческая совѣсть Россіи, и слово Его прогремѣло, какъ «власть имущее»...

Не правы ли мы были, повидимому, когда, подъ впечатлѣніемъ этого событія, въ засѣданіи Комитета 24-го октября, выражали вамъ надежду, что «не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываляемый, когда русское общество сдастъ бремя необычной и не свойственной ему дѣятельности государству, когда само наше правительство, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки»...?

Вскорѣ затѣмъ эти наши надежды были подтверждены торжественно и всенародно. 30-го октября въ Кремлѣ, среди святыни и древности московской, Русскій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами и держалъ къ нему рѣчь, на вѣки врѣзвавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ Себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенью, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ Его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами Славянства и вѣры. Онъ помянулъ сочувственнымъ словомъ «нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе, какъ выразился Государь,— поплатились кровью за славянское дѣло». «Я знаю — такъ всенародно возвѣстилъ Царь — что вся Россія вмѣстѣ со Мною

принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братѣвъ по вѣрѣ и по происхожденію»... «Если Я увижу, продолжалъ далѣе Государь, что мы не добьемся такихъ гарантій, которая обеспечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоительно... Да поможетъ намъ Богъ — такъ заключилъ Государь Свою рѣчь — исполнить наше святое призваніе».

Нѣть мгновеній возвышеніе тѣхъ, когда, внезапнымъ подъемомъ всенародного духа, вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живою движущею силой, и весь народъ послышитъ себя единымъ, цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствѣ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуту пережили мы съ вами въ завѣтный день 30-го октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя Его мысль и слово, и устами Москвы же, въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть, выражала свою вѣру и страстное желаніе: «да прейдетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человѣчеству, во славу истинѣ Божіей».

Вторя Москвѣ, возликовала вся русская облость, и до сихъ порь еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски...

Эти слова Государя не были дѣломъ случайного, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе исторического духа. Онъ говорилъ, какъ преемникъ царей, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскімъ, — какъ преемникъ Петра и Екатерины, — какъ вѣнчанный блеститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта.

Отъ этихъ словъ не можетъ быть отреченія, — развѣ бы самъ Русскій народъ отрекся себя и своего призванія, и подписалъ бы себѣ смертный приговоръ.

Я не напрасно привелъ вамъ на память это наше недавнее прошлое, которое такъ многіе спѣшатъ забыть и которое повидимому въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ настоящимъ: небо надъ нами, казавшееся такимъ лучезарнымъ, заволоклось сѣрыми, удушливыми облаками... Слова, сказан-

ны въ Кремль, непреложны, какъ истина, но напрасно было надѣяться на немедленное торжество истины! Между нею и ея исполненiemъ воодвиглись какія-то изумительныя, неуловимыя препятствія. Наше «святое призваніе», о которомъ говорилъ Государь, несомнѣнно, но видно для того чтобы поднять и понести его, нужна несокрушимая вѣра въ Россію, въ ея правду и ея силу,— нужно съ ея народомъ единеніе въ духѣ,— нужно именно то, въ чёмъ, къ нашему вреду и позору, обличилась срамная скудость. Вспыхнувшій на мгновеніе свѣтъ исторического откровенія, озарившій, казалось, даже головы скудоумныхъ, скоро затмился въ сознаніи дѣятелей, и не руководимые ни чувствомъ, ни инстинктомъ народнымъ, они колобродятъ въ умственной тьмѣ, горяясь за блуждающими огнями европейской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить вамъ положеніе славянскаго дѣла за эти четыре мѣсяца нашего нравственнаго удушья? Какое зрелице представляется намъ? Наша могучая, великая Россія, сойдя съ прямаго пути истины, тяжело плутаетъ по дебрямъ и закоулкамъ политики, на удивленіе и удовольствіе всей Европы. Она же могучая, великая, едина Славянская держава не перестаетъ беспокоиться объ устройствѣ въ пользу Славянъ какого-то благотворительнаго европейскаго концерта, и всякий разъ, когда по ея настоянию концертъ состоится,—концертъ, гдѣ всѣ вопятъ нагло-фальшивыми голосами, а Россія выводить свою мелодію теноромъ, деликатнымъ, но за то искреннимъ,— всякий разъ, къ ея удивленію, выручка оказывается въ пользу Турукъ! Мы видѣли длинный рядъ дипломатическихъ совѣщаній, съездовъ, и объездовъ, въ которыхъ всѣ участники, не обманывая другъ друга, обманывали лишь одну Россію, не прибѣгаю даже и къ хитрости, грубо и явно. Но никакие обманы, никакія обиды и оскорблениія не могли поколебать упрямой кротости и назойливаго миролюбія русской дипломатіи: обиды, отъ которыхъ щеки Россіи пылаютъ стыдомъ и изнываютъ сердце. Полагаю это выраженіе позволительно хоть теперь употребить намъ, Русскимъ, послѣ того, какъ самъ его величество, германскій императоръ Вильгельмъ, всего менѣе заинтересованный въ славянскомъ дѣлѣ, выразился въ разговорѣ съ посланнымъ недавно въ объездъ русскимъ дипломатомъ (какъ

напечатано въ русскихъ газетахъ) такими словами: «предлагайте что угодно и будьте уверены, что я поддержу всѣ мѣры, принятыя вами, чтобы избавить ваше правительство, меня самого и всѣ христіанство отъ жгучаго стыда». А между тѣмъ Турки рѣжутъ, да рѣжутъ и Болгаръ, и Босняковъ, и Старосербовъ, рѣжутъ, сажаютъ на колъ, насилуютъ, правда, не на такую широкую руку, не такъ декоративно и шумно какъ прежде, но втихомолку, исподволь и не менѣе основательно. А между тѣмъ сотни тысяч семействъ герцеговинскихъ, боснійскихъ, болгарскихъ вотъ уже второй годъ влачатъ самое бѣдственное, ужасное существованіе, вдали отъ родины, на чужбинѣ: поля ихъ остаются необработанными, сады невоздѣланными, а Русскій народъ, самъ обремененный нуждою, истощается въ собственныхъ средствахъ, поддерживая несчастныхъ посильными подаяніями.

А между тѣмъ Болгарія, которой муки подвигли даже и Европу на состраданіе, которой участью была повидимому болѣе всего озабочена русская дипломатія и которая поэтому уже обнадежилась, что для нея настаетъ пора новой самостоятельной жизни,—Болгарія начинаетъ содрогаться отъ ужаса при одной мысли о грозящемъ ей разочарованіи. Если этому страдальческому племени, послѣ того, чтѣ сулило ему русское народное движение въ 1876 году, придется поколебаться въ своей вѣрѣ въ Россію, оно падетъ въ такую глубокую бездну отчаянія, изъ которой едва ли выйдетъ, или же погибнетъ духовно, отдавшись во власть иноземцамъ.

А между тѣмъ,—пока русская дипломатія пытается учinitъ новый европейскій концертъ, съ пересадкою музыкантовъ и все съ тою же цѣлью не идти далѣе минимума реформъ, добытаго пресловutoю и въ самой Европѣ осмѣянною конференціей,—Сербія, подъ давленіемъ Англіи и Австріи, вынуждена была заключить миръ съ Турцией; миръ, свидѣтельствующій предъ всѣмъ свѣтомъ, что ни во что послужило ей святое братское самоотверженіе Русскаго народа. Все это возвышенное движение Русской земли, этотъ подъемъ народного духа, это потраченное народное достояніе, составившееся большою частью изъ крестьянскихъ трудовыхъ грошей, эти сотни русскихъ жизней, такъ великодушно и беззавѣтно отданныхъ за вѣру и братьевъ, эта дорогая рус-

ская кровь, такъ обильно пролитая на сербскихъ поляхъ за «славянское дѣло», какъ изволилъ выразиться въ своей рѣчи самъ Государь,— все это оказалось напрасно, втунѣ, пошло ни во что, даже не потянуло на вѣсахъ нашей дипломатіи... Русская кровь осталась не отмщеною, народный подвигъ даже не принятъ во вниманіе, какъ будто была пролита не русская, а какая-нибудь готтентотская кровь; какъ будто все это происходило гдѣ-то въ Африкѣ или въ Австраліи. Въ довершение всего, этотъ народный подвигъ сталъ предметомъ глумленія, насмѣшекъ и клеветы, и не въ однихъ только высшихъ общественныхъ классахъ (чтѣ къ несчастью было бы совершенно въ порядкѣ вещей), но даже въ слояхъ, казалось бы, болѣе образованныхъ и мыслящихъ.

Не могу не остановить вашего вниманія на этомъ предметѣ. Начинаетъ проявляться странная новадка хуить и чернить величавый народный порывъ прошлого года. Ужъ не потому ли, можетъ быть, что подобное историческое явленіе *обязываетъ*, т. е. предъявляетъ запросъ на болѣе высокий духовный строй и на послѣдовательность дѣйствій, налагаетъ нравственный долгъ: и по минованіи порыва оставаться вѣрнымъ началу, лежащему въ его основѣ? Такъ оно и будетъ — мы вѣримъ — *въ нашею простомъ народъ*, но не такъ поступаетъ, большою частью, наше образованное общество. Оно какъ бы спѣшилъ поскорѣе расквитаться съ тѣми впечатлѣніями и даже увлеченіями, которымъ невольно было подчинилось въ прошломъ году. Ему не подѣ силу нести долѣе этотъ нравственный грузъ, мѣшающій обычному, легкому отношенію къ жизни. И вотъ, подѣ видомъ служенія правдѣ и будто-бы «тѣжелой, но святой обязанности самоизобличенія», съ какимъ-то злорадствомъ подбираются и распускаются всевозможныя сплетни, слухи, небылицы, и отчасти и были про всякаго пьяного добровольца, про всякий случайный беспорядокъ или частное злоупотребленіе. Нѣтъ ничего выгоднѣе, удобнѣе и дешевле отрицанія и скептицизма; они придаютъ человѣку видъ какой-то умственной широкости и многосторонности, чуждой ослыпленія и фанатизма, а въ сущности только прикрываютъ скудость внутренняго содержанія, бѣдность мысли, отсутствіе крѣпкихъ уѣждений и нравственного идеала. Самоизобличеніе дѣйствительно

есть великая духовная сила — оно серьезно и благотворно; но то, что мы видимъ у насть — плодъ духовнаго безсилія и неспособности постигнуть глубокій смыслъ совершающихся явлений. Дошло до того, что наши добровольцы, о которыхъ благоволилъ въ своей рѣчи упомянуть самъ Государь, по возвращеніи стали чуть не опальными въ глазахъ нѣкоторой части общества, преимущественно высшихъ его сферъ, петербургскихъ; полиція, сообразуясь съ настроениемъ господствующимъ вверху, усердно снимаетъ съ нихъ сербскіе мундиры и черногорскія платья, такъ чтобы ничего не напоминало о постыдномъ увлечениі прошлаго лѣта. Дошло до того, что отрицаютъ самый фактъ самодѣятельности народной, и опять-таки оттуда, преимущественно изъ Петербурга, доносятся теперь отзывы, что и народное-то сочувствіе православнымъ славянскимъ братьямъ — просто миѳъ, выдумка; что все это «движение» не болѣе, какъ штука Славянскаго Комитета, который бы, кстати, слѣдовало совсѣмъ запретить, стереть, уничтожить; что Комитетъ набралъ лишь отребье со всего народа, да и отправилъ въ Сербію и т. д. въ томъ же родѣ. Это уже не самообличеніе, а какое-то добровольное самозашеніе или самооплеваніе, доходящее до сладострастія, до безстыдства! Затаптывать въ грязь тотъ порывъ народнаго чувства, которымъ освятилась и обновилась Русская земля, то явленіе, въ которомъ однокъ въ наше печальное время мы почерпаемъ упованіе и вѣру въ себя самихъ, клеветать на Россію, на Комитетъ, на Славянъ — забывать про тѣ миллионы, составившіеся въ буквальномъ смыслѣ изъ лентъ простонародныхъ — этого нельзѧ объяснить только умственною ограниченностью и невѣжествомъ: тутъ уже не мощь и растлѣніе духа.

Я не стану отвергать, что въ дѣлѣ народнаго вмѣшательства въ борьбу Сербіи съ Турцией — были беспорядки. Да и не могли не быть, потому что не было правильной организаціи; а организаціи не было потому именно, что самое дѣло не было исполненіемъ какого-либо плана, заранѣе обдуманного Комитетомъ, а послѣдствіемъ всеобщаго искреннаго увлеченія и негодованія. Въ средѣ добровольцевъ были, конечно, и пьяницы, и негодяи, можетъ быть ихъ было процентовъ пять или нѣсколько больше, — но замѣтимъ, не было

трусовъ, по крайней мѣрѣ о нихъ не слышно... Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что, появившись русскій ультиматумъ не 20-го октября, а 20-го августа или 20-го сентября, о чемъ такъ усиленно молила Россію сербская власть, не было бы ни столько пролитой крови, ни столькихъ взаимныхъ препреканій, всегда вызываемыхъ всякою неудачею, ни особыхъ безчинствъ, ни подъ конецъ деморализациі. Военный волонтеръ среди мира—аномалія. Порывъ вообще не терпитъ перерыва, и такъ какъ онъ въ то же время элементъ беспорядка, то если ему на смѣну не придетъ правильная организація *въ духѣ тѣхъ же началъ*,—порывъ улетучится, и остается беспорядокъ. Выведенные изъ боевыхъ позицій въ столицу и города, томимые бездѣйствиемъ, понимая, что періодъ ихъ самодѣятельности миновалъ, и что, по сознанію всего міра, наступилъ чередъ для дѣйствія самой Русской державы,—съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ желали и ожидали себѣ наши добровольцы организаціи отъ русской власти! Они надѣялись, что русскій авангардъ, *готовая* русская боевая сила пригодится для русской, нынѣ бездѣйствующей на Прутѣ арміи, но ошиблись въ своихъ расчетахъ. И точно пріѣзжалъ въ Бѣлградъ русскій генераль, но почти одновременно съ нимъ пріѣхала и новая отсрочка на 2 мѣсяца, а долговременная отсрочка, м.м. гг., по выраженію одного Святаго, есть «скукъ питательница и мать отчаянія». Мы это и на себѣ испытываемъ...

Волонтеры не могли и не захотѣли долѣе ждать, въ виду нерѣшительности русской политики, и русское офиціальное содѣйствіе выразилось только въ уничтоженіи русскихъ вольныхъ военныхъ дружинъ. И вотъ, въ виду непріятеля, который еще занималъ третью Сербіи и могъ, при возобновленіи войны, въ нѣсколько дней безпрепятственно дойти до самаго Бѣлграда; въ виду разоренныхъ и сожженныхъ селъ и городовъ, какъ будто совершивъ свое дѣло вполнѣ, съ надлежащимъ концомъ, потянулись тысячи нашихъ добровольцевъ обратно домой, совѣстясь смотрѣть въ глаза Сербамъ и недоумѣвая: «неужто же, защищая вѣру и христіанъ противъ Турокъ, по мысли и внушенію всего русскаго люда, жертвуя жизнью и претерпѣвая всякия лишенія, они чинили что-то недоброе и начальству противное?»... Нельзя не полагать,

что подобное настроение духа способно скорѣе понизить его, чѣмъ укрѣпить и возвысить.

Затѣмъ, если и были отверженцы въ средѣ добровольцевъ, развѣ не болѣе еще было ихъ между севастопольцами, въ числѣ которыхъ были и арестанты, и даже распутныя женщины, очищавшія себя подвигами самопожертвованія? Не было развѣ ихъ между Русскими и 1812 и 1612 годовъ, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ временахъ, хоть бы о крестовыхъ походахъ? Правда, нашлись у насъ художники-реалисты, которые отрицаютъ нравственную заслугу Русского народа въ пожарѣ Москвы 1812 г.; нашлись историки-реалисты, которые пытались низвести съ пьедесталовъ, воздвигнутыхъ благородной народной памятью, и Донскаго, и Минина, и Пожарскаго. Но это свидѣтельствуетъ только о томъ, что нѣтъ ничего тупоумнѣреализма, когда онъ берется судить объ явленіяхъ историческихъ, нравственныхъ и вообще высшаго порядка. Уставившись вплоть глазами въ зданіе, вы не увидите его архитектурныхъ очертаній, а увидите только кирпичъ, мусоръ и известъ. Взору реалиста народъ представляется только какъ совокупность отдѣльныхъ единицъ, Петровъ, Ивановъ, Матвѣевъ, а не какъ цѣлое, не какъ живой организмъ, неуловимый для виѣшняго чувства. Исторія, мм. гг., постигается только процессомъ идеализациі. Имѣя дѣло съ дѣйствительностью, нужно умѣть различать въ ней черты историческія, отдѣлить личное отъ общаго, случайное отъ личнаго, внутреннее отъ виѣшняго.

Въ этомъ гулѣ и гамѣ самообличеній, клеветъ, сплетень, доносовъ, жалобъ со стороны судящихъ и судимыхъ, критиковъ и самихъ дѣятелей — позабыта только — бездѣлица! — огромное большинство молчащихъ. А въ нихъ-то вся и сила и устой нашей земли, въ нихъ, — въ безмолвіи и смиреніи совершившихъ свой геройскій подвигъ и ежедневно совершающихъ великие подвиги долготерпѣнія. Не могу, кстати, не вспомнить про одного изъ добровольцевъ, унтеръ-офицера Федорова. Уже пожилой, онъ пришелъ прошлымъ лѣтомъ въ Комитетъ — отправляться въ Сербію изъ какой-то дальней деревни, гдѣ проживалъ съ семействомъ, въ чистой отставкѣ, послѣ долгаго срока службы. На вопросъ мой: зачѣмъ онъ идетъ въ Сербію? онъ отвѣчалъ, что онъ еще

можетъ пригодится, что ему не въ терпежъ, что ужъ онъ такъ себѣ положилъ «помереть за вѣру и за нашихъ, за православныхъ». Въ Сербіи, какъ я узналъ потомъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ Русскихъ, которые, не помню гдѣ, наступали на турецкіе шанцы — стройно, нога въ ногу, опустивъ ружья, молча, не обстрѣливаясь. Это грозное безмолвіе, эта тишина наступленія навели такой ужасъ на Турокъ, что они не выдержали и бѣжали изъ шанцевъ. Федоровъ былъ при этомъ раненъ въ голову, но, оправившись, вскорѣ за заключеніемъ первого перемирія вернулся въ Россію и опять пришелъ къ намъ въ Комитетъ за полученіемъ проѣзднаго билета по желѣзной дорогѣ. Мы выдали ему кое-какое пособіе, хотя онъ ничего не просилъ и ни на что не жаловался, но онъ все переминался, какъ будто недоумѣвая, наконецъ обратился ко мнѣ съ такими словами: «рѣшите вы меня, ваше благородіе, могу я теперь возвратиться домой или мнѣ опять туда пойти?» — Какъ, зачѣмъ, чего тебѣ мало? — «Да вѣдь помните, я и вамъ говорилъ, что иду жисть положить»... — Ну? — «Да вотъ, не умеръ, живъ». — Да ты раненъ. — «Раненъ, правда, ну да рана еще не что!... Коли скажете надо идти, я готовъ». — Да ты вѣдь не трусиль, не прятался отъ смерти? — «Это сохрани Богъ, я свое дѣло дѣлалъ, да все кажется, надо бы до конца»... Насилу намъ удалось успокоить его совѣсть, — и доживаетъ онъ теперь свой вѣкъ, — безмолвствуетъ гдѣ-то въ глухи Княгининскаго или Елабужскаго уѣзда. Вы хорошо знаете, м.м. гг., что этотъ Федоровъ не есть единичное, исключительное явленіе, а типичное, что подобныхъ ему не мало, и если Господь, по библейскому сказанію, простилъ одинъ городъ за пять пра-ведныхъ, то авось либо помилуетъ Онъ и нашу многогрѣшную землю за этотъ сонмъ невѣдомыхъ праведныхъ въ темныхъ, низменныхъ слояхъ Русскаго народа...

Отъ этихъ праведныхъ мысль невольно переносится къ противоположному полюсу нашего народа, къ той петербургской великосвѣтской средѣ, которая, узнавъ отъ заѣзжихъ духовныхъ авантюристовъ (должно быть впервые) про Иисуса Христа и Господа Бога, съ отличной стороны ими отрекомендованныхъ, собирается въ настоящее время учить пра-ведности и христіанской любви нашъ простонародный людъ,

да еще по англійскимъ книжкамъ. Не потому упомянуль я объ этой смѣшной и дикой затѣѣ, чтобы придавалъ ей какое-либо значение. Самъ по себѣ этотъ, такъ-называемый у нась въ печати «великосвѣтскій расколъ» дѣло ничтожное и пустое. Но если принять во вниманіе, что всѣ эти, болѣе или менѣе богатые и знатные русскіе люди, отдавшиеся духовному руководству иноземныхъ учителей,—поющіе о Христовой любви по чужестраннымъ нотамъ, отличались совершеннымъ безучастіемъ къ самоотверженному народному движенію въ пользу православныхъ Славянъ и не внесли (какъ это Комитету хорошо извѣстно) ни одной «лепты» на помощь страждущимъ нашимъ братьямъ по крови и о Христѣ, Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ; если припомнить при этомъ, что то же общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія было одержимо модною маніей масонства, а въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Александра I было пасомо іезуитомъ графомъ де-Местромъ и поставляло обильный контингентъ въ ряды католической папской арміи,— нельзя не усмотрѣть въ подобномъ явленіи характеристического признака цѣлой среды, той среды, которая, къ несчастію, по своему общественному положенію, играетъ такую важную роль въ судьбахъ нашего отечества. Нельзя не признать въ этомъ отчужденія отъ своей Церкви и отъ своего народа симптомовъ того недуга, которымъ страждеть нашъ общественный организмъ и въ которомъ лежитъ объясненіе помѣхъ и препятствій, временно воздвигшихся между царскимъ словомъ и дѣломъ, между истиной и ея исполненiemъ.

Вездѣ, въ каждой правильно, органически развившейся странѣ — высшіе классы общества признаются наиболѣе образованными и просвѣщенными, служить своему народу органами сознанія, по преимуществу хранять историческія преданія. Такова, напримѣръ, Англія. Чѣдже видимъ у нась? Совершенно наоборотъ. Наши высшіе общественные классы, составляющіе плотную, близайшую среду около центровъ власти, тѣсно соприкасающіеся со всѣмъ, чѣдже оказываетъ практическое вліяніе на русскую жизнь, — наши высшіе классы, за исключенiemъ малаго числа отдельныхъ лицъ, почти совершенно чужды своему народу не только мыслю и худомъ, но и языкомъ и инстинктами. Они не заслуживаютъ

названія «просвѣщенныхъ», и только «цивилизованы». Какъ, скажутъ намъ, вы отрицаете просвѣщеніе всей Западной Европы, котораго они въ нашемъ народѣ представители и носители?... Неизчислимы сокровища знанія и науки на Западѣ, но, ми. гг., сѣмена просвѣщенія, приносимыя къ намъ оттуда, тогда только могутъ быть плодоносны, когда приемлются критическимъ трудомъ независимой мысли, ложатся на почву самостоятельную, способную переработать и возрасстить *благо* зерно, вызывающе самодѣятельность духа. А не тогда, когда мысль въ плѣну и изъ духовной почвы вывѣтились всѣ соки народности, въ которой одной ея сила, цѣнность и отличіе. Странное дѣло! всякому понятно то значеніе, которое имѣеть нравственная личность въ человѣкѣ и то презрѣніе, которое внушаетъ къ себѣ человѣкъ *безличный*, человѣкъ не въ счетъ—блѣдное, бессильное отраженіе чужихъ мнѣній и чувствъ, вѣчное игралище чужой воли. Но не то же ли самое и съ народами? Народы *такія же личности* въ человѣчествѣ, личности не въ физиологическомъ ~~и~~ только смыслѣ, но по преимуществу въ духовномъ: народы, сохранившіе, разработавшие особенность своего личнаго духа, участвуютъ въ общемъ развитіи человѣчества *самостоятельно*, плодотворно; народы *безличные* идутъ не въ счетъ, — промокаемая бумага въ книжѣ исторіи.

Больѣ вѣка подвергался Русскій народъ мучительной пыткѣ обезличенія и нравственнаго искаженія на всевозможные иностранные лады, но пережилъ, перемогъ всѣ напасти, пока наконецъ духовная сущность русской народности, сохранившаяся въ низшихъ народныхъ слояхъ, не воздѣйствовала обратно на общество и не вызвала въ среднихъ образованныхъ его слояхъ внутреннюю работу исторического самосознанія. Все это давно известно, все это проповѣдовалось такъ-называемыми славянофилами еще 30 лѣтъ назадъ, все это давно усвоено мыслящими людьми въ Россіи (кромѣ какихъ-нибудь умственныхъ выродковъ), но до сихъ поръ еще не проникло въ высшіе и влиятельные слои нашего общества; они по прежнему не только сами нравственно и умственно *безличны*, но и поклоняются безличности, возводятъ ее въ принципъ, хотѣли бы навязать ее и народу. Въ качествѣ *безличныхъ*, они осуждены и сами осуждаются

себя на духовную немощь, на умственное бесплодіе; нѣть у нихъ ни способности творчества, ни ініціативы. Жалкіе оттиски чужой культуры, они (опять-таки кроме нѣкоторыхъ счастливыхъ исключеній) вѣчно въ духовномъ подобострастіи передъ Западною Европою и въ то же время щеголяютъ, самоуслаждаются своимъ рабствомъ. Изгнавъ русскій языкъ изъ своего употребленія, чуждые своей странѣ, своей Церкви, своей исторіи, живя чужимъ словомъ, чужимъ умомъ, они цивилизованы и невѣжественны, они не Русскіе и въ то же время не принадлежать и не могутъ принадлежать ни къ какой иной народности, они—иностранны *вообще*.

Народный организмъ нашъ могучъ; корни нашего дерева здоровы, но дерево все же болѣеть и не даетъ плодовъ, если не покрывается здоровой листвой и цвѣтомъ. Пока будетъ продолжаться это умственное и нравственное раболѣпство передъ Западною Европою, эта постоянная духовная измѣна русской народности въ высшихъ классахъ Русского народа; пока волна народного самосознанія, распросстраняясь и поднимаясь все шире и выше, не захватить и ихъ, не переродить и не возвратить ихъ странѣ; пока эти классы не просвѣтятся наконецъ истиннымъ просвѣщеніемъ и не доразовьются до значенія органовъ русской народной мысли и всей его сущности духовной, до тѣхъ поръ будетъ совершаться — по невѣдѣнію и безсознательности — постоянное невольное предательство истинныхъ интересовъ Россіи на всѣхъ путяхъ ея исторической жизни. До тѣхъ поръ трудно надѣяться на правильное, успѣшное, безболѣзенненное для насъ самихъ, разрѣшеніе Восточного вопроса, такъ тѣсно, органически, духовно и кровно связанныго съ судьбою русской народности, съ историческими началами, которыхъ ее создали и воспитали.

Все дѣло за *нами*, за *нами* самими и ни за кѣмъ инымъ. Нечего сваливать вину на другихъ и негодовать на Турцію и на Европу. Турція не можетъ же такъ легко и предупредительно *перестать быть*, какъ намъ бы этого было желательно. Она осуждена пасть, но права въ своей борьбѣ. Западная Европа также права съ точки зрѣнія своихъ, можетъ быть, узко понимаемыхъ, эгоистичныхъ, но все же *своихъ* собственныхъ интересовъ. Мы только неправы, ибо отрицаемъ и губимъ свои кровные интересы.

Восточный вопросъ для Россіи въ существѣ своемъ простъ и ясенъ. Это вопросъ собственного нашего бытія, нашъ собственный, Русский, а не Западно-Европейскій. Ибо христіанскій Востокъ — область христіанства восточнаго, во главѣ котораго мы стоимъ, и иною быть не можетъ. Россія и вѣ Славяне Балканского полуострова — это цѣлый особый міръ православно-славянскій: всѣ оторванные его члены должны быть возвращены этому міру. Его призваніе развить и проявить, и воплотить въ исторической жизни тѣ духовныя начала, которые лежать въ основѣ славянской народности и обусловливаются главнымъ образомъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ. Различие въ этихъ основныхъ началахъ, въ самой сущности духовной, это различие и составляетъ причину вѣчнаго антагонизма между латинско-протестантскимъ Западомъ и православно-славянскимъ Востокомъ. И что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни отрекались предъ Западною Европой отъ своей народности, какъ бы ни унижались, какія бы жертвы ни приносили ради ея спокойствія и мира, мы ей не будемъ *свои*, никогда не внушимъ ей *довѣрія*, никогда не погасимъ ея тайной вражды, пока она нась не обезсилитъ, не осколитъ вещественно и духовно. Все это ясно, какъ Божій день, и свидѣтельствуется болѣе чѣмъ десятью вѣками исторіи. Въ этомъ отношеніи не только римскій папа, но и весь Западъ остался вѣренъ самому себѣ. Латинская имперія, созданная было крестоносцами въ Константинополѣ, только прототипъ того порядка вещей, къ которому упорно стремится Западъ, хотя бы въ иномъ образѣ и формѣ.

Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ и не о вещественномъ благосостояніи только живутъ и значать народы въ исторіи. Не объ улучшеніи только быта Славянъ балканскихъ предстоитъ намъ заботиться, не отъ однихъ Турокъ должны мы охранять ихъ, но и отъ посягательствъ Запада, какъ на ихъ земли, такъ и на ихъ духовное совершеніе и обезличеніе. Страданія нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію, въ которыхъ, по великодушному торжественному признанію самого Русскаго Царя, «всѧ Россія вмѣстѣ съ Нимъ принимаетъ такое живое участіе», — страданія, отъ которыхъ Россія призвана ихъ избавить, не одни физическія,

но и нравственные, состоять не только въ лишеніяхъ пищи, кровя, виѣшней безопасности жизни, но и въ томъ унженіи и искаженіи, которому подвергается ихъ духовная личность, забитая, презрѣнная, растлѣваемая, то обольщаемая, то насилиемъ къ духовному отступничеству и Исламомъ и Латинствомъ, и Турцией и всѣмъ Западомъ. Наше «святое призваніе», о которомъ напоминаетъ намъ Государь, въ томъ и состоитъ, чтобы оградить всему Славянскому миру не только условія вышняго материального, безпрепятственного роста и существованія, т. е. независимость земель, морей и проливовъ, но и самостоятельность и свободу развитія самой сущности славянского духа.

Я, можетъ быть, слишкомъ уже часто повторялъ здѣсь слова нашего Государя, но, м. гг., эти слова—великое событие въ нашей современной жизни. Въ сѣромъ безотрадномъ сумракѣ, насы окружавшемъ, въ этомъ хаосѣ понятій, противорѣчивыхъ стремленій и дѣйствій, въ этой истомѣ ожиданій, которую болѣеть вся Русь, эти слова одни свѣтятъ ей сквозь мглу ободрительнымъ и путеводнымъ свѣтомъ. Въ нихъ цѣлая программа. Эти слова и народное единодушное самовольное проявленіе братской любви къ угнетеннымъ Славянамъ—такіе исторические указатели, слѣдуя которымъ мы не собыемся съ праваго пути и исполнимъ наше призваніе, несмотря ни на какія преграды. Въ духѣ этихъ указаний, м. гг., всегда дѣйствовалъ и дѣйствуетъ нашъ Комитетъ, въ лицѣ избранныхъ вами распорядителей. Хотя мало было утѣшительного въ нашей дѣятельности за послѣдніе четыре мѣсяца, ибо приходилось, какъ вы увидите потомъ изъ краткаго отчета, большую часть раздѣльвать то, что созидалось въ прежніе мѣсяцы нами же, съ такимъ трудомъ и стараниемъ; однако же, думаемъ, сѣмена, посѣянныя нашою дѣятельностью, легли на русскую и славинскую землю не даромъ и дадутъ всходъ. Какія бы ни встрѣчались теперь препятствія, затрудненія, задержки и отсрочки,—торжество въ концѣ концовъ будетъ принадлежать лишь правдѣ, если только мы останемся вѣрными ей въ нашемъ чувствѣ и въ нашемъ сознаніи, если мы—во всѣхъ случайныхъ злобахъ исторического дня, во всѣхъ этихъ политическихъ временныхъ усложненіяхъ, не совратимся съ пути и не упустимъ изъ виду

нашой существенной исторической цѣли. Не станемъ же и мы съ вами, ми. гг., унывать и слабѣть въ нашихъ усиляхъ, но еще болѣе напряжемъ и соединимъ ихъ для облегченія духовныхъ и тѣлесныхъ страданій, обеспеченія духовныхъ и вещественныхъ нуждъ православныхъ Славянъ, для поддержанія нашей духовной и нравственной съ ними взаимности; для укрѣпленія въ нихъ любви и вѣры въ Россію, подвергшайся въ послѣдніе дни такимъ тяжкимъ испытаніямъ; для поддержанія достоинства и чести русскаго имени, для не-престанной упорной борьбы съ внутреннимъ и домашнимъ врагомъ: съ невѣжествомъ и непониманіемъ, съ вольною и невольною измѣною русской народности въ самой нашей русской общественной средѣ. Да исполнится «святое» историческое призваніе Россіи. За нами народъ, впереди—Кремлевское слово.

**5. Рѣчь произнесенная предѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительного Комитета въ засѣданіи
17 апрѣля 1877 года.**

Ми. гг.! Вотъ онъ, наконецъ, мигъ такъ давно желанный и призываемый, выстраданный миллионами сердецъ! Не напрасно была наша вѣра въ «Кремлевское слово». Царское слово стало дѣломъ,—дѣло превзойдетъ слово. Подвигъ превыситъ мѣру смиренія; преизбыткомъ добра нарушится скромность задачи, въ величество непредугаданныхъ событий одѣнется мудровоздержная Царская рѣчь. Уже и теперь, по одному простому Царскому призыву къ брани, чуждому горделивыхъ надеждъ и искусственныхъ возбужденій, великаниемъ поднимается отзывное народное чувство,—въ самомъ дѣлѣ будто Илья Муромецъ, отсидѣвъ сиднемъ, выпрямляется во весь свой ростъ. Неслыханное, необычайное совершается между нами. Какъ благовѣсть, пронеслись по Россіи слова Государева манифеста, и будто въ праздникъ, радостно и молитвенно, осѣяя себя крестомъ, привѣтствуетъ ихъ Русь. Отчего же такъ свѣтель онъ, при вѣсти о войнѣ, этотъ небраннолюбивый, мирный народъ? «Чтѣ ему Гекуба?» спросилъ бы Гамлетъ, или: «чтѣ ему Болгарія?» могутъ спро-

сить, пожалуй, наши доморощенные позитивисты, материалисты и прочие близорукие печальники о народѣ. Не къ пролитию ли собственной крови призывается онъ? Не къ новымъ ли тратамъ своего скучного достоянія? Обуяла ли его жажда военной славы или мщеніе губителю - врагу? Но никакой врагъ не грозилъ ему лично; это не то, что было въ Двѣнадцатомъ году, когда непріятель, вторгнувшись въ русскіе предѣлы, жегъ его города и селенія, грабилъ и осквернялъ храмы и распалали его къ мести. Въ настоящую же пору, и врагъ, и поводъ къ борьбѣ, и оборонные интересы представляются, повидимому, какою-то отвлеченностю, чѣмъ-то чуждымъ, не касающимся его материально и близко. Конечно, честь Россіи затронута, а чувство государственной чести всегда было живо въ Русскомъ народѣ, такъ что и въ прежнія тяжкія, пережитыя имъ времена онъ всегда доблестно подвизался въ войнѣ и жертвовалъ достояніемъ, какъ скоро узнавалъ, что, по мысли царя, долгъ и честь Россіи того требуютъ. Но никогда духъ народный не являлъ такой высоты подъема, свободной въ то же время отъ надменности и отъ восторженного самохвалства. Въ томъ-то и сила, что настоящая война дѣло не только чести, но, чтѣ всего важнѣе, и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ его на брань; она-то творить это дивное священнодѣйствіе сердецъ, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли.

Эта война ея духу потребна; эта война за вѣру Христову; эта война за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ славянскихъ братій; эта война праведная, эта война подвигъ, святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь. И вотъ она выходитъ, ликующа, на кровавый пиръ, громко и смѣло исповѣдуя имя Божіе, ко удивленію мудрецовъ вѣка... Но потому именно, что подвигъ такъ возвышенъ и святъ, для совершенія его нужны чистыя руки и чистое сердце, и нужнѣе всего молитвы, да радуясь призванію, не возгордимся, не усомнимся, не ослабнемъ, въ срединѣ пути, духомъ и волею. Теперь именно кстати припомнить намъ то вѣщее прѣснопѣніе Хомякова, съ которымъ онъ обращался къ Россіи еще въ 1854 году, и въ которомъ Россія представлялась ему съ тою духовною готовностію, какой въ то время она

еще не имѣла, но съ какою—дастъ Богъ—явится она, быть-можеть, теперь:

Не въ пьянствѣ похвалибы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звокомъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвеннай смѣренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты!
О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣтъ допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Ступай на божескій призывъ!
Такъ, исцѣлившисъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сѣнѣи вовомъ и святомъ!
Иди! тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой брачный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ—любовь, въ десницахъ—громъ,
Грозна, прекрасна, Ангелъ Бога
Съ огнесверкающими мечомъ!

Вотъ съ какими возвышенными внушеніями, съ какими строгими нравственными запросами обращался къ своему народу нашъ бессмертный поэтъ и учитель. Вспомнимъ кстати и другаго вѣщаго поэта, Тютчева, который такъ страстно ожидалъ пришествія настоащей минуты, и который, въ ту же пору какъ и Хомяковъ, привѣтствовалъ Русскаго Цара слѣдующими стихами:

Въ доснѣхи спѣры грудь одѣнь
И съ Богомъ, исполненъ державный!
О Русь, велись грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Поэтъ ошибся во времени, но только во времени... Будетъ ли наступающій день — днемъ вселенскимъ и православнымъ?..

Благо же нашей поэзии, не перестававшей, въ теченіи

болѣе полуѣка, напоминать намъ наше святое историческое призваніе и будить наши сердца къ подвигамъ любви, братства, вѣры,—чему подобнаго не встрѣчается въ національной поэзіи иныхъ странъ. Да, въ настоящую торжественную для Россію пору, въ этотъ часъ суда Божія, мысль моя невольно и непрестанно обращается къ этому сонму умершихъ, память которыхъ, дорогая мнѣ лично, должна быть дорога и всей Россіи, хотя бы теперь и не всѣ это разумѣли. И кому же, какъ не Московскому Славянскому Комитету прилично помянуть теперь, съ благоговѣйною признательностью, тѣхъ «чистыхъ, честныхъ, благородныхъ», славныхъ нашихъ предшественниковъ, тѣхъ первыхъ старѣшихъ славянофиловъ, Хомякова и неразлучныхъ съ нимъ сподвижниковъ мысли и духа, Константина Аксакова и Юрия Самарина, которымъ не судилъ Богъ дожить до свершенія ихъ надеждъ, но которые подготовили настоящее великое переживаемое нами мгновеніе въ сферѣ народнаго самосознанія, положивъ на дѣло всю душу, всѣ силы, всѣ божіи дары, имъ такъ обильно преподанные. Помянемъ и другихъ ихъ сподвижниковъ, незабвенныхъ братьевъ Кирѣевскихъ; помянемъ и пессостарившагося сердцемъ до смерти, старика Догодина, который, въ теченіи свыше пятидесяти лѣтъ, съ такою неутомимою любовью специальномъ насаждалъ и возrostилъ въ Русскомъ обществѣ идею славянской взаимности, который на всякое общественное событие отзывался своеобразнымъ пламеннымъ словомъ, и еще полтора года тому назадъ, за мѣсяцъ до кончины, такъ горячо привѣтствовалъ, въ засѣданіи Комитета, начало возстанія Герцеговинцевъ. Богатое наслѣдіе духа досталось намъ въ удѣлъ; ихъ трудовъ плоды пожинаются нами теперь. Но видно — иной есть сѣй, иной есть жнай. Пусть же, позволю я себѣ сказать и своими старыми стихами:

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ!..

Вспомнимъ и о свѣжихъ еще могилахъ недавно скончавшихся: Рачинскаго Александра Викторовича, по мысли и стараніями котораго возникъ въ первоначальномъ видѣ нашъ

Славянскій Комитетъ, который исключительно и много по-
работалъ для Болгаріи и разстался съ земною своею дѣя-
тельностію въ самыи тотъ день, какъ двинулись наши войска
къ предѣламъ Болгаріи; и Жинзифова, молодаго талантливаго
Болгарина, питомца нашего Комитета, такъ усердно потру-
дившагося для страстно любимой имъ родины, и такъ успѣшно
содѣйствовавшаго сознательному духовному сближенію сво-
ихъ сородичей съ неменѣе страстно любимою имъ Россіей.

Я не уклонился отъ предмета своей рѣчи, приглашая васъ
«къ поминаніямъ». Възвстановленіе въ памяти благой дѣя-
тельности нашихъ предшественниковъ способно только под-
держать въ насъ тотъ строй мыслей и чувствъ, который
именно на потребу въ настоящую минуту.

Не въ первый разъ воюетъ Россія съ Турціей. Турція
тотъ же врагъ Христа какъ и прежде; тѣ же угнетенные
православныя населенія какъ и въ старь; въ чемъ же при-
чина настоящаго небывалаго въ народѣ стремленія? Причина
въ томъ, что самый вопросъ Восточный, то-есть вопросъ о
Турціи и о Славянствѣ, надвинулся къ роковому рѣшенію,
и это чуетъ исторический народный инстинктъ. Причина въ
томъ, что самыи народъ уже не тотъ что прежде: не измѣ-
ненная своимъ духовнымъ основамъ, онъ растетъ и мужаетъ
быстро, какъ богатырь въ сказкѣ. Если въ прежнія времена
народъ и являлъ готовность къ войнѣ, то эта готовность
была скорѣе дѣломъ доблестной покорности и послушанія;
народъ вѣрилъ правительству на слово и повиновался его
указаніямъ, честно исполняя свой долгъ. Но и только. Въ
настоящую же минуту лишь послушаніемъ Царю сдерживалось
нетерпѣніе народа. Онъ, можно сказать, не призывается
властью, а только, послѣ долгаго ожиданія, *пускается* ею
наконецъ къ войнѣ. Что прежде всего поражаетъ и изумляетъ
въ нынѣшнемъ отношеніи народа къ предстоящему
бранному подвигу, это *сознательность*, сознательность до-
ходящая до отчетливости. Такая сознательность и такое един-
ство сознанія на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта,
почти отъ Ледовитаго Океана до Чернаго Моря и отъ Буга
до Амура, такой стройный хоръ миллионовъ умовъ и сер-
децъ—уже самъ по себѣ колоссальное, величественное, подъ-
емлющее духъ нравственное явленіе. Ничего подобнаго не

мыслилось въ старое время. Почву для такого единства приготовило намъ нынѣшнее счастливое царствованіе. Двадцать миллионовъ людей, изъятыхъ крѣпостнымъ правомъ изъ общаго строя государственной жизни, съ уничтоженіемъ крѣпостного права возвратились въ общую гражданскую семью, слились воедино съ отдѣленнымъ отъ нихъ народомъ. Пали многоразличныя сословныя средостѣнія, отмѣнились неправыя привилегіи,—общее равноправное участіе въ судѣ, въ земствѣ, въ думахъ, въ повинностяхъ и въ самой тяжелой все-сословной повинности, воинской,—все это, незамѣтно для насъ самихъ, создало возможность того нравственнаго согласія, того единенія въ духѣ, отъ Царя до крестьянина, которымъ мы радуемся, гордимся и становимся такъ сильны теперь, въ грозные часы испытанія. При такомъ упраздненіи преградъ, содѣйствовавшемъ нашему единству, прозрачнѣе и виднѣе стала жизнь, вольнѣе и живѣе задвигалась мысль народная. Что касается въ частности до славянской идеи, которая такъ долго была лишь удѣломъ книжниковъ, то не прерывавшаяся въ теченіи двухъ лѣтъ живая рѣчь страданій, муки и борьбы православныхъ славянскихъ племенъ, рѣчь, постоянно газетными листками передаваемая въ вѣдѣніе народа,—раскрыла ему цѣлый невѣдомый міръ братскихъ узъ и братскихъ святыхъ обязанностей.

Народъ не питаетъ *отвлеченныхъ* думъ и сочувствій. Чѣдъ проникаетъ въ глубь его сознанія, то немедленно воплощается въ жизни и дѣлѣ. Его встревожившаяся совѣсть мгновенно, къ общему изумленію нашихъ образованныхъ классовъ, сказалась въ томъ порывѣ состраданія, который нагромоздилъ, въ пользу Болгаръ и Сербовъ, миллионы рублей изъ мѣдныхъ копѣекъ, и въ томъ движеніи добровольцевъ, которое напомнило Западу времена Крестовыхъ походовъ.

Кстати замѣтить: многіе петербургскіе прозорливыи на-дѣялись, что походъ въ Сербію своими трудностями, лишеніями, неудачами отобѣть у Русскаго народа охоту къ подобнымъ подвигамъ и вытравить изъ его души сочувствіе къ «братьямъ Славянамъ». Повѣривъ анекдотамъ и рассказамъ болтливыхъ корреспондентовъ, вѣтреныхъ путешественниковъ и даже нѣкоторыхъ чѣмъ-либо огорченныхъ добровольцевъ, они уже ликовали при мысли, что славянскую идею постигло въ

России разочарование, и все это движение въ нашемъ народѣ окажется поддѣланнымъ и вздутымъ. Но народъ посрамилъ ихъ и на этотъ разъ, какъ и всегда впрочемъ. Наши престолюдины-добровольцы никогда и не увлекались тою сладчайшою сентиментальностью при мысли о «братствѣ», какая присыпалась имъ нѣкоторыми дешевыми энтузиастами. Имъ не въ чемъ было и разочаровываться: они шли на подвигъ, на смерть и лишенія, не ища ни хвалы, ни благодарности; шли изъ тѣхъ высокихъ побужденій, которыя не могутъ измѣниться отъ неудачи или отъ недовольно-ласковаго приема. Ихъ судьба оказалася трезвѣе и беспристрастнѣе суда публичистовъ-обличителей, и если имъ грозила опасность разочарованія, такъ развѣ по возвращеніи, здѣсь въ Россіи, гдѣ походъ въ Сербію сталъ было нѣкоторое время предметомъ укора и насмѣшки. Тѣмъ съ большою радостью теперь и добровольцы, и народъ, ихъ высылавшій, встрѣтили манифестъ, какъ разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній, какъ оправданіе ихъ искреннихъ братскихъ влечений и дѣйствій.

Все дрябло, все бессильно въ нашей странѣ, чтѣ не пустило корня въ душу и мысль народа. Про славянское дѣло можно сказать, что оно только теперь стало на ноги, только теперь судьбу его можно считать обеспеченною, теперь, когда оно утвердилось и укоренилось въ русскомъ народномъ сознаніи. Въ этомъ смыслѣ, всѣ эти проволочки, отсрочки, отложки, самое это долгое воздержаніе нашего правительства отъ вмѣшательства въ борьбу, послужили, можетъ-быть, не по заслугѣ людской и не въ силу людскихъ соображеній, а по мудрости Бога, строющаго исторію, во благо Славянскому миру, вызвавъ самодѣятельность нашего народа и расширивъ въ немъ область сознанія.

Въ какомъ же отношеніи теперь, по объявленіи войны, будетъ находиться къ славянскому дѣлу нашъ Славянскій Комитетъ, въ чёмъ же будетъ состоять его дѣятельность? Мнѣ приходилось слышать сожалѣнія о томъ, что теперь, съ выступлениемъ на политическую арену правительства, политическая роль Комитета, которую будто бы онъ до сихъ поръ игралъ не безъ успѣха, должна окончиться, и самостоятельности его будетъ положень предѣлъ. Но, милостивые государи, всѣ подобные сожалѣнія неумѣстны и свидѣтельству-

ютъ только—какъ мало еще разумѣютъ у насть истинный характеръ дѣятельности нашего Комитета. Прежде всего онъ никогда не старался *играть* и не *игралъ никакой роли*. Это чисто французское выраженіе, основанное на французскомъ міросозерцаніи, не примѣняется къ прямому и искреннему образу нашихъ дѣйствій, чуждому притязаній и театральности. Если труды наши принимали иногда политической оттѣнокъ, то это совершалось само собою, безъ систематической затѣи, вызывалось сущностью вышнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Мы только уступали требованіямъ современной минуты и выходили за границы нашей обычной дѣятельности только тогда, когда къ тому вынуждало насъ сознаніе общей пользы, и другому дѣйствовать было некому. Мы не дорожимъ самостоятельностью только самостоятельности ради: мы прежде всего дорожимъ возможностю служить всѣми разумными способами славянской взаимности. Никто горячѣе вашего предсѣдателя, м. гг., какъ вамъ хорошо извѣстно, не призывалъ того часа, когда обществу вообще, а Комитету въ особенности, можно будетъ сдать бремя необычной и не свойственной ему дѣятельности въ крѣпкія руки государства. Намъ остается только радоваться, что не приходится болѣе посыпать добровольцевъ, то-есть не приходится посыпать людей воевать безъ правильной государственной организаціи, подвергать ихъ лишеніямъ, болѣзнямъ, смерти, не обладая даже средствами, какъ это случилось въ Сербіи, ни помочь имъ надлежащимъ образомъ, ни даже собрать въ точности имена всѣхъ Русскихъ убитыхъ. Что же касается теперь до дѣятельности Комитета, то, благодареніе Богу, ему предстоитъ славное, почетное и широкое поприще. Государю Императору благоугодно было допустить, даже во время самой войны, дѣятельность агентовъ Славянского Комитета въ Задунайскомъ краѣ, съ тѣмъ чтобы она состояла подъ наблюдениемъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей,—дѣятельность конечно благотворительную. Съ глубочайшею признательностю принялъ Комитетъ такое милостивое разрѣшеніе, видя въ немъ знакъ особенного довѣрія и признаніе нашей прежней дѣятельности не безполезною для Славянского дѣла. Отношенія нашихъ агентовъ къ Завѣдывающему гражданскою частію

определены особыми Высочайше утвержденными правилами, которые и сообщены мнѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ московского генераль-губернатора. Вотъ они:

1) На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главномъ-командующемъ дѣйствующею арміей, какъ главнаго посредника между Славянскими благотворительными учрежденіями и мѣстными потребностями Славянъ Задунайскаго края, возлагается, подъ верховнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, наблюденіе за всею вообще дѣятельностью Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій и ихъ агентовъ въ Россіи, въ особенности въ земляхъ Турецкихъ и въ Сербіи.

2) Онъ получаетъ отъ названныхъ учрежденій какъ подробные списки ихъ агентовъ въ вышеозначенныхъ земляхъ, такъ въ особенности свѣдѣнія о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ.

3) Онъ можетъ требовать отъ сихъ агентовъ сообщенія ему подробныхъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ, которые касаются ихъ дѣятельности или представляютъ какую-либо важность для канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ при дѣйствующей арміи.

4) Онъ требуетъ отъ агентовъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій отчета въ исполненіи вѣренныхъ имъ порученій и свѣдѣній объ употребленіи ими предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ.

5) Вслѣдствіе дознанныхъ злоупотребленій со стороны сихъ агентовъ, а равно въ случаѣ недозволительной ихъ политической дѣятельности на мѣстахъ, онъ требуетъ отъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій смыны сихъ агентовъ и разрѣшаетъ, буде нужно, замѣну ихъ другими. Въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, онъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, принимаетъ немедленныя мѣры къ прекращенію ихъ дѣятельности и, буде нужно, къ удаленію ихъ, о чемъ для свѣдѣнія сообщаетъ подлежащему учрежденію.

6) Съ разрѣшенія Главнокомандующаго, при канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ можетъ быть допущенъ главный агентъ Славянскихъ благотворительныхъ учрежденій, для руководства дѣятельностью прочихъ мѣстныхъ агентовъ.

Завѣдывающимъ гражданской частью при Главнокомандующемъ состоитъ, какъ известно, князь Владіміръ Александ-

ровичъ Черкасскій, имя котораго такъ тѣсно связано съ освобожденiemъ крестьянъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, и служить, конечно, уже достаточною порукой въ томъ, что наши агенты найдутъ въ немъ разумнаго и искуснаго руководителя. Покуда назначенъ нами только одинъ агентъ, который и будетъ состоять при канцелярии завѣдывающаго гражданскою частью, Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ, сынъ нашего славнаго мыслителя и поэта; секретаремъ же къ Хомякову—Константинъ Николаевичъ Станишевъ, Болгаринъ родомъ, кандидатъ Московскаго Университета и воспитанникъ Славянскаго Комитета. Кромѣ того, при этой же канцелярии будетъ находиться агентомъ отъ Петербургскаго Комитета Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ, нашъ бывшій агентъ въ Сербіи, съ правомъ, ему отъ насъ предоставленнымъ, заступать мѣсто и г. Хомякова, въ случаѣ его отсутствія.

Благотворительную дѣятельность въ Задунайскомъ краѣ или, вѣрнѣе сказать, собственно въ Болгаріи, Комитетъ въ официальной инструкціи, написанной имъ для своихъ агентовъ и сообщенной въ копіи г. Завѣдывающему гражданскою частью, очертилъ слѣдующимъ образомъ:

«Дѣятельность ихъ, будучи благотворительною, направляется преимущественно на поддержаніе храмовъ и школъ и на облегченіе участія бѣдствующаго христіанскаго населенія, содѣйствуя такимъ образомъ правительству (обращаю ваше вниманіе на эти слова) къ обновленію въ славянскихъ земляхъ, занимаемыхъ нашими войсками, правильной национальной жизни въ бытовомъ, церковномъ, вообще въ духовномъ, нравственномъ и также материальномъ отношеніи».

Изъ этихъ словъ, м.м. гг., вы можете усмотрѣть, какое значеніе придаемъ мы пребыванію нашихъ агентовъ въ Болгаріи. Имъ принадлежитъ доля участія въ той миссіи, къ которой призвана сама Россія въ отношеніи къ Болгарскому народу, и для исполненія которой необходима правительству не одна сила оружія, но и содѣйствіе всѣхъ русскихъ духовныхъ общественныхъ силъ. Поэтому дѣятельность нашихъ агентовъ, будучи благотворительною, есть въ то же время миссионерская. Въ самомъ дѣлѣ, какая забота, по поводу возрожденія Болгаріи, должна лежать теперь на сердцѣ у

каждаго, кому дорого будущее Славянского міра? Забота о томъ, чтобы оградить Болгарію, на первыхъ же порахъ ея новаго бытія, отъ тѣхъ ошибокъ, тѣхъ ложныхъ шаговъ, которыми, къ несчастію, ступила, лѣтъ 50 тому назадъ, возрождавшаяся Сербія, и которые дали всему ея дальнѣйшему пути какое-то, вредное для нея самой, фальшивое направление. Я не считаю удобнымъ перечислять здѣсь эти ошибки, предоставивая себѣ возвратиться къ этому предмету въ другой разъ.

Къ счастію для Болгаріи, Московскій Славянскій Комитетъ воспиталь изъ среды юныхъ Болгаръ не мало добрыхъ интеллигентныхъ силъ. Пусть же теперь, вмѣстѣ съ нашими агентами, положать они, при возрожденіи этого многочисленнѣйшаго южно-славянскаго племени, прочный, здоровый фундаментъ ея просвѣщенію, гражданскому и духовному строю. Пусть не заботятся ни о конституціяхъ, ни объ европеизмѣ вообще. Пусть не забываютъ, что безъ нравственнаго союза съ Россіей, безъ общаго съ нею духовнаго идеала, другими словами, вѣръ православной религіи, какъ внутренней основы общественнаго бытія, какъ просвѣтительного и руководящаго начала, невозможна и несмыслима для славянскихъ племенъ никакая истинно-самостоятельная будущность, ни гражданская, ни духовная. Ибо еслибы славянскія племена измѣнили этой православной основѣ, въ которой заключается все существенное и многоплодное отличіе христіанскаго Востока отъ Запада и право Славянъ на самобытное участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи, — они бы стали совершенно излишни для міра какъ Славяне и могли бы, безъ ущерба для человѣчества, уступить свое мѣсто западнымъ Европейцамъ. Впрочемъ, съ такимъ увѣщаніемъ можно бы обратиться и ко многимъ петербургскимъ мыслителямъ, изъ которыхъ нѣкто, въ одной петербургской газетѣ, съ высокомѣрною и высокопарною важностью совѣтуетъ русскимъ войскамъ, указывая на мою послѣднюю рѣчь, оставить дома въ Россіи всѣ эти вздорныя мысли о духовныхъ элементахъ русской народности, о «сущности народного духа», и исполнять только одну міssию — «нести къ Болгарамъ плоды европейскаго просвѣщенія»...

На это можно бы отвѣтить петербургскому глубокомыслен-

ному мужу, что въ такомъ случаѣ было бы уже несравненно справедливѣе поручить эту миссію не русскимъ войскамъ, а нѣмецкимъ и англійскимъ, какъ настоящимъ хозяевамъ европейского просвѣщенія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не отдать предпочтенія подлиннику предъ спискомъ.

Я утомилъ ваше вниманіе, мм. гг., но я счелъ необходимымъ выяснить вамъ отношеніе Комитета къ современнымъ событиямъ и направленіе его будущей дѣятельности. Задача предстоитъ намъ достойная и высокая, благодѣтельная,—но не съ пустыми же руками явиться намъ въ Болгарію! Средства наши значительно оскудѣли, а даляня почти прекратились. Много, конечно, приходится и придется жертвовать русскому обществу и народу на многообразнѣйшія нужды вызываемыя войной въ предѣлахъ самой Россіи,—но можетъ быть, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, достанеть у Россіи средствъ и на нашу скромную долю. Къ вамъ, мм. гг., обращаемся мы съ покорнѣйшею просьбой оказать намъ ваше усердное содѣйствіе. Сбирайте пожертвованія книжками, кружками, какъ только возможно, снабжайте насъ средствами, столь необходимыми намъ для дѣятельности. Всѣ мы призваны теперь къ дѣйствію и къ труду. Возблагодаримъ Бога, что даровалъ Онъ намъ счастіе переживать настоящія великія мгновенія, слышать и чувствовать въ нашей личной жизни трепетъ жизни исторической, всенародной, испытывать высокую, очистительную и освѣщающую отраду въ томъ, что всѣ мы теперь на Руси едино, въ тѣсномъ союзѣ мысли и духа съ миллионами братьевъ,—однимъ сердцемъ дѣлимъ и радость и горе, что отъ каждого изъ насъ нужна, спрашивается и пригодится Россіи работа. Настаетъ день, бодрый, великий, трудовой, исторический день. Изъдемъ же съ вами, по слову Псалмопѣвца, «на дѣло, на дѣланіе свое до вечера!»

6. Рѣчь произнесенная И. С. Ансановымъ въ первомъ Общемъ
Собраниіи Московскаго Славянскаго Благотворительного
Общества 1 мая 1877 года.

Ми. гг! Въ послѣдній разъ собрался сегодня нашъ Московскій Славянскій Комитетъ для того, чтобы, *не переставая бывать*, претвориться въ Московское Славянское Благотворительное Общество и ввести въ свою вѣшнюю дѣятельность порядокъ указываемый уставомъ, утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Мы наконецъ узаконены. Мы наконецъ признаны, открыто и положительно, нашою государственною властью послѣ 18-лѣтняго, почти вѣзаконнаго существованія. Въ этомъ узаконеніи заключается, несомнѣнно, значительная для насъ выгода: оно придаетъ намъ твердость и прочность. Выгода также и въ томъ, что дается организація независящая отъ личнаго предсѣдательскаго произвола и представляемая членамъ довольно просторное право контроля. Самое новое наше названіе—«общество»—по смыслу своему шире: съ понятіемъ о комитете всегда соединяется понятіе о чмъ-то весьма специальному, да и плохо вяжется такая цифра членовъ—свыше тысячи—которую мы теперь насчитываемъ. Тѣмъ не менѣе многіе изъ васъ, конечно, не безъ сожалѣнія разстанутся съ названіемъ, съ которымъ свыклись, которое вызываетъ въ памяти цѣлый длинный рядъ пережитыхъ невзгодъ и испытаній, преодолѣнныхъ препятствій, а также и радостныхъ минутъ успѣха и подъ конецъ торжества; съ названіемъ, которое въ послѣднее время стяжало себѣ, слава Богу, почетную всезнаемость во всемъ Славянствѣ и даже въ массахъ нашего простаго народа. 18 лѣтъ тому назадъ, небольшому кружку людей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось очень немногого, а изъ главныхъ водителей духа никого, удалось выхлопотать разрѣшеніе: оказывать, на свой счетъ конечно, благотвореніе Славянамъ въ Россіи и за границей, и въ послѣдній случай доставлять помощь на мѣсто чрезъ посредство Азиатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это казалось въ времена необычайною побѣдою! Тѣ немногіе «благотворители», какъ величали въ офиціальныхъ бумагахъ, поручили

вести дѣло вещественного вспомоществованія покойному по-печителю Московскаго Университета Алексѣю Николаевичу Бахметеву, который и вель, добросовѣстно и собственноручно, первую книгу нашихъ, болѣе чѣмъ скучныхъ, приходовъ и расходовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ уже Бахметева, мы стали употреблять, въ сношеніяхъ съ Министерствомъ, совершенно самовольно, но какъ-то случайно и естественно (надо же было какъ-нибудь именоваться) название: «Комитетъ», Министерство не протестовало и такимъ образомъ утвѣрдилось то название, которое мы теперь мѣняемъ на название «Общество».

О первой группѣ славянофиловъ можно вообще сказать, что то было малое, очень «малое стадо», и самая дѣятельность совершилась первоначально *вмалъ*, въ тѣсныхъ предѣлахъ, допущенныхъ тогдашними условіями Русской общественной жизни. Но это малое стадо помнило призывъ евангельский: «не бойся, малое стадо», и было *вѣрно вмалъ*. Вотъ объ этой-то *вѣрности вмалъ* и слѣдуетъ какъ можно чаще напоминать тѣмъ нашимъ юнымъ дѣятелямъ, которые пренебрегаютъ подвигами невзрачными и скромными, требующими для себя, съ первого же раза, дѣятельности въ обширныхъ размѣрахъ и падки на эффекты и театральность.

Про нашъ Славянскій Комитетъ можно также сказать, что онъ былъ *вѣренъ вмалъ*. Долго считалъ онъ своихъ членовъ только десятками, долго не набиралось даже и десятка членовъ въ его засѣданіяхъ, долго дѣятельность его ограничивалась занятіями самого скромнаго свойства (воспитаніемъ нѣсколькихъ Славянъ, умѣреннымъ пособіемъ нѣкоторымъ школамъ и т. п.); долго приходилось Комитету бороться около себя, внутри самой Россіи, съ невѣжествомъ, съ равнодушiemъ, съ направленіемъ противоположнымъ и даже злостно-враждебнымъ. Какъ въ игрѣ: «живъ-живъ курилка», забота Комитета долго была лишь о томъ, чтобы не угасла искра, чтобы поддержался тлѣющій огонь... И вотъ огонь поддержался, и разгорѣлся. Число членовъ умножилось; открылись отдѣлы въ Петербургѣ и Кіевѣ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ состоялся въ Москвѣ, по поводу Этнографической выставки, Славянскій сѣездъ, гдѣ впервые сошлись, на Русской землѣ, представители всѣхъ Славянскихъ пле-

мень во имя ихъ общаго единства. Нѣсколько лѣтъ спустя, возвигся въ Чешской Прагѣ русскій православный храмъ также благодаря настойчивымъ стараніямъ Комитета, вопреки возраженіямъ людей робкихъ въ дѣлѣ и мнимо-мудрыхъ. О послѣднихъ событияхъ напоминать вамъ нечего: они слишкомъ хорошо извѣстны. Такимъ образомъ, долго и медленно пробиравшись узкими, тѣсными тропинками, утративъ на пути многихъ и многихъ лучшихъ людей, мы выбрались наконецъ на широкую дорогу и подошли къ самому рубежу обѣтованной земли. Уже развѣвается, за Русскими предѣлами, наше Русское знамя, подъятое за возвращеніе свободы и человѣческихъ правъ угнетеннымъ, униженнымъ, презрѣннымъ высокомѣрою въ своеемъ просвѣщеніи Европою, православнымъ Славянскимъ племенамъ. Пробуждается дремлющій Востокъ, и не одни Славяне Балканского полуострова, но и весь міръ Славянскій ждетъ возрожденія. Новая, новая пора настаетъ, брежжетъ заря великаго, Славянскаго дня....

Въ такое-то великое, всемірно-историческое мгновеніе, среди кликовъ войны, бранныхъ тревогъ и заботъ, предстоитъ намъ, им. гг., преобразиться изъ Комитета въ Общество, по уставу, подписанному, по какой-то знаменательной случайности, 12 апрѣля, въ одинъ день съ Манифестомъ о войнѣ съ Турцией. Хотя славянское дѣло уже вышло теперь изъ специальности Комитета или какого бы то ни было общества, но независимо отъ общихъ вопросовъ и задачъ, много и много еще предвидится тяжелой и черновой работы въ частномъ примѣненіи нашей братской любви къ жизни Славянскихъ племенъ.

И такъ съ Богомъ, передадимъ же новому Обществу во всей цѣлости направленіе, преданіе, духъ нашего Московскаго Славянскаго Комитета. Пусть перенесется на Общество та любовь и то сочувствіе, которыми такъ утѣшень былъ Комитетъ въ свои послѣдніе дни. Пусть новое Московское Славянское Благотворительное Общество вмѣстить въ свой составъ все правомыслящее и правочувствующее не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи!*)

*) См. на оборотѣ, подъ чертой.

7. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Благотворительного Общества въ обѣмъ собраніи членовъ 26 сентября 1877 г.

Мм. гг.! Въ послѣдній разъ, бесѣдуя съ вами по поводу объявленія Россіею войны, мы привѣтствовали ее какъ наступленіе историческаго дня—великаго, бодраго, трудового...

Россія на работѣ. Мы взошли въ самую знойную плѣну страды. Понадобился труд—тяжкій, упорный, исполинскій трудъ, соотвѣтственный исполинской задачѣ. Еще не видать ему конца, еще не скоро отдохнуть труженики.

Два адреса Ивану Сергеевичу Аксакову.

По поводу перенесенія Славянскаго Комитета въ Общество и вышеприведенной рѣчи, членами Общества и почитателями Ивана Сергеевича были поднесены ему икона Спасителя и два адреса слѣдующаго содержанія:

I.

„Иванъ Сергеевичъ!

Вы сослужили великую службу славянскому дѣлу и едавши не болѣе дѣлу чисто-русскому. Вы дали плоть и кровь славянскому братству, и то, что было или чувствомъ, хотя бы и многихъ, или историческимъ и поэтическимъ предвидѣніемъ. Вы сдѣлали дѣйствительнымъ фактъ истории. Силою духа и властію любви Вы превратили вещественное благотвореніе въ великое благотвореніе духовное. Ваше имя, издавна слитое во едино съ понятіемъ о гражданской доблести, вызвало у насъ, Русскихъ, общіе приношенія для нашихъ южныхъ братьевъ въ размѣрахъ никакъ не ожиданныхъ нами самими, а нѣтъ, угнетеннымъ, страждущимъ и безнадежнымъ на землѣ, Вы указали въ любвеобильномъ, дѣйствительномъ славянскомъ братствѣ духовное отечество. Вашимъ подвигомъ, забывшимъ объ угомлѣніи, отбросившимъ заботы о здоровье, непобоявшимся немолчнаго враждебнаго крика русскихъ иностранцева, вѣщіе стихіи поэта:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пораль очнуться намъ?
На изу увидѣть внуки
То, что снілоси отцамъ,—

изъ пророческой пѣсни превратились въ общее живое убѣжденіе насъ, коренныхъ Русскихъ, и нашихъ славянскихъ братьевъ.

Какъ предсѣдателю Славянскаго Общества, мнѣ слѣдовало бы представить вамъ обзоръ общаго положенія Славянскаго мира. Но все его вниманіе приковано теперь къ театру войны, и весь онъ, съ волненіемъ и тревогой, живетъ изо дnia въ

„Принимите же отъ настъ задушевное чествованіе Вашего любвеоби-
лия, Вашей силы духа, чистоты побужденій и дѣйствій, и Вашего
гражданскаго мужества. Москва, 1 мая 1877 года“.

(Слѣдуетъ нѣсколько десятковъ подписей — въ огромномъ боль-
шинствѣ лицъ самыхъ известныхъ и уважаемыхъ не только въ Москвѣ,
но и во всей Россіи.)

II.

„Иванъ Сергеевичъ!

Сегодня заключилась дѣятельность вашего, доброй памяти Сла-
вианскаго Благотворительного Комитета и начинается новая жизнь
Славянскаго Благотворительного Общества. При этомъ случаѣ счи-
таемъ долгомъ совѣсти и потребностью нашей души выразить Вамъ
нашу глубокую, искреннѣйшую благодарность за все, Вамъ на этомъ
поприщѣ совершенное, и за то, что вы не уклоняетесь отъ дальнѣй-
шаго служенія великому дѣлу Славянства.

Вы не пренебрегали первоначальною скромною дѣятельностью
Комитета, относившеюся къ образованію славянской молодежи, къ
поддержанію дружескихъ сношеній съ Славянскими землями и къ пе-
редачѣ имъ разныхъ пособій. Но когда обстоятельства измѣнились и
оказалась необходима дѣятельность иная, Вы стали въ уровень съ
потребностями нашей страны и нашего времени. Вы вѣрно поняли
наши народныя чувства и стремленія относительно возникшей борьбы
Боснаковъ, Герцеговинцевъ, Болгаръ, Сербовъ и Черногорцевъ
противъ мусульманскаго ига; своими возваніями Вы пробудили то,
что лежало въ душѣ каждого изъ насъ; своими неутомимыми трудами,
свою распорядительностью и свою добросовѣтностью Вы привлек-
ли не только массу небывалыхъ, едва ожидавшихся пожертвованій,
но и предложеніе услугъ вполнѣ безкорыстныхъ, даже съ самопо-
жертвованіемъ сопрѣженыхъ, на пользу Славянства.—Ваша рѣчь
6-го марта никогда не изгладится изъ нашей памяти, ибо Вы вѣрно
и съ жаромъ высказали то, что все мы чувствовали, чѣмъ мы бо-
яли. Вы оказали дѣйствительную и великую услугу славянскому и
собственно русскому дѣлу, и, высказывая Вамъ напугу призатель-
ность, мы чувствуемъ — насколько еще остаемся у Васъ въ долгу.

„Мы вполнѣ увѣревы, что и при новыхъ обстоятельствахъ Вы
поставите Общество на высоту его призванія и тѣмъ утвердите за
нимъ то значеніе, которое Вы ему доставили. 1-го мая 1877 г.
Москва“.

(Слѣдуютъ подписи.)

день вѣстами съ Кавказа и изъ-за Дуная. Тамъ сосредоточены всѣ его самые существенные, самые кровные интересы, тамъ рѣшается вопросъ его бытія. Тамъ, т. е. тамъ, гдѣ бьется съ врагами наша Россія, гдѣ потоками льется наша, русская кровь... О чемъ же иномъ и мы въ настоящую минуту можемъ мыслить, заботиться, говорить...?

Еще не пришло время подводить итоги. Война въ самомъ разгарѣ, со всѣми своими случайностями и превратностями, и — сознаемся въ томъ прямо, безъ малодушія, — нась не балуетъ пока военное счастіе... Не на счастіе, впрочемъ, и возлагала Россія свои надежды. Наше утѣшеніе, наша радость покуда не въ результатахъ войны, а въ изумительной, дивной доблести нашихъ воиновъ. Никогда еще не выступало ихъ мужество въ такомъ озареніи святости. Это по истинѣ христіанское войско. Надъ всѣмъ этимъ, накопленнымъ войною хламомъ разнорѣчивыхъ толковъ, сплетень, интригъ, клеветъ, пререканій, въ безспорномъ величіи воздвигается лишь свѣтлый образъ русскаго солдата — съ его добродушіемъ и простотою, съ нескорушимою мощью вѣрующаго, смиренного духа. Онъ препобѣдилъ всѣ пристрастія, всѣ предубѣжденія ненавистниковъ, и Европейскій міръ съ почтеніемъ преклонился предъ его воинскою твердостью и человѣческимъ сердечнымъ незлобіемъ.

Уже полсотни тысячъ этихъ героеvъ, въ непрестанныхъ битвахъ, выбыло изъ строя... Но что же добыто ихъ сверхъ-естественнымъ напряженіемъ, ихъ драгоценную кровью?... Не намъ, не отсюда, а можетъ быть еще и не время судить объ искусствѣ и способности вождей, о знаніи и умѣлости военноначальниковъ, о вѣрности и пригодности ихъ военныхъ соображеній. Мы можемъ говорить лишь о томъ, что чувствуетъ, что испытываетъ въ настоящую пору вся Россія — въ виду такой траты силы и крови, и такой, сравнительно, ничтожности добытыхъ результатовъ...

Россія недоумѣваетъ.

Какъ сказочный богатырь, у котораго чымъ-то злымъ чародѣйствомъ отведена сила, занесенный съ размаху ударъ бьеть въ пустой воздухъ, могучія руки падаютъ въ немочи, — такъ и Россія невольно спрашивается и дивится: отчего же

такъ, до сихъ поръ, бессильны силы, чтò слышалъ и не-
перестаетъ слышать въ себѣ и теперь ея великанъ-народъ?

Свѣта, свѣта, какъ можно болѣе свѣта, вотъ чтò нужно
теперь Россіи, — въ свѣтѣ бодрость и мощь, власть и даръ
обновленія! — свѣта, чтобы разошлася мгла, чтобы разсѣялся
чадъ смрадныхъ слуховъ и толковъ... Но скуденъ свѣтъ,
льющійся намъ изъ-за роковой зарубежной дали. Съ болѣз-
неннымъ напряженіемъ всматривается въ нее Россія и, какъ
сквозь туманъ, видить лишь до сихъ поръ печальные приз-
раки несчетныхъ геройскихъ жертвъ... Страстно прислуши-
вается, но кромѣ ужасающихъ цифръ убитыхъ и раненыхъ
и отрывочныхъ смутныхъ вѣстей, ничего не доходитъ до нея
отъ органовъ Русской власти.

Въ самомъ дѣлѣ, не лаконическими же офиціальными
депешами, къ тому же всегда запаздывающими, можетъ быть
утолена законная, праведная жажда свѣдѣній, которою му-
чаются семьи, которою томится Россія въ эту упорную, лю-
тую, кровопролитнѣйшую изъ войнъ. Не странно ли, — да и
не стыдно ли, — что вся эта великая, позади русской арміи
выжидающая Россія, отъ верхнихъ слоевъ до нижнихъ, отъ
знатныхъ палатъ до избы, осуждена пробавляться иностран-
ными корреспонденціями и только въ нихъ ловить себѣ лу-
чей истины! Эта высокая честь досталась преимущественно
на долю двухъ англійскихъ корреспондентовъ, Форбса и
Макъ-Гахана. Ихъ независимое, беспристрастное слово вну-
шило довѣrie, болѣе чѣмъ робкія, строго процѣживаемыя
цензурой сказанія русскихъ корреспондентовъ, — и благода-
реніе имъ! Благодареніе за ихъ сочувствіе нашему дѣлу, за
ихъ благоговѣйное уваженіе къ нашему солдату, за похвалу
храбрости нашихъ офицеровъ — и всего болѣе за трезвую,
горькую правду. Эта правда, въ переводѣ русскихъ газетъ,
обошла всю Россію, такъ какъ едвали найдется *теперь* хоть
одно село на Руси, где бы не читались газеты... Это не то,
что было прежде, и объ этомъ можетъ-быть не безполезно
было бы вспомнить и за Кавказомъ, и за Дунаемъ...

Да, недоумѣніе, какъ грозная туча, облегло всю нашу
землю отъ края до края, но *только* недоумѣніе, — не уныніе,
нѣть! На всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, среди
миллионовъ народныхъ массъ, не проронится ни слова жа-

лобы или ропота: «къ чему, да на чтѣ, да изъ-за чего по-
велась война?» — народъ лишь недоумѣваетъ, почему она
такъ ведется, а не иначе, почему доблестнѣйшія въ мірѣ
войска досель не добудутъ побѣды? Ни на одинъ мигъ не
вкрадось въ его душу сомнѣніе въ непреложности и святости
предпринятой борьбы, ни разу не поколебалась рѣшимость
довершить начатое до конца, нести ея тяготы до конца... И
онъ донесетъ ихъ, и вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ
достоинство Россіи и свершеніе исторического завѣта, и
искупить своею кровью грѣхи, тормозящіе ему побѣду.

Не на простой народъ, впрочемъ, ложатся эти грѣхи, не
на эту «меньшую братію», какъ высокомѣрно - снисходи-
тельно чествуютъ его иногда въ нашемъ обществѣ, а именно
на насъ, на «старшую братію», на ту нашу общественную
среду, которой самый главный, самый пагубный грѣхъ —
корень всѣхъ нашихъ золъ и бѣствий — въ отчужденіи отъ
русской народности. Ни на чёмъ не сказалось такъ рѣзко
это отчужденіе, это различіе между упомянутою средою и
остальнымъ народомъ, какъ именно на настоящей войнѣ.
Въ то самое время, какъ враги наши ликуютъ и надмеваются,
когда самоотверженно гибнутъ тысячами наши воины, а остав-
шіеся въ живыхъ еще выше выросли, еще крѣпче закали-
лись духомъ и ждутъ не дождутся изъ Россіи словъ одоб-
ренія и ободренія, — какіе голоса, имъ въ утѣшеніе и на-
зиданіе, громче и громче начинаютъ подниматься изъ этой
среды и скоро, пожалуй, раздадутся оглушительнымъ хоромъ?
Будто скорбя, они пророчатъ Россіи чуть не окончательное
пораженіе... «Видите, видите» — восключи они, худо скрывая
злорадство и парадируя въ новой для себя роли народолюб-
цевъ — «мы были правы, да! мы были правы, мы всѣми спо-
сарами противились этой безумной, безпричинной войнѣ, на-
«вазанной Россіи дерзостью Славянскаго Комитета, сум-
«сбродствомъ журналистовъ, фанатиковъ, которыхъ къ не-
«счастію не успѣли унять. Чѣмъ намъ за дѣло до какихъ-то
«Славянъ, Болгаръ и Сербовъ? Мы прежде всего Русскіе,
«Русскіе, ни о чёмъ не должны мы думать и пещись какъ
«о Россіи, — куда намъ освобождать и просвѣщать другихъ,
«у насъ и своихъ бѣть довольно, мы о нихъ заботимся, о
«народѣ болѣемъ, — у насъ даже вотъ и проекты разные

«понаписаны,—но насть не послушали, нашъ совѣтъ отвергли,
«и чтѣ взяли? Чѣдѣ взяли?»...

Не стоило бы даже удостоивать вниманія этотъ возгласъ дешевой мудрости и важнаго легкомыслія, еслибы вся эта умственная и духовная ничтожность (на которую неизбѣжно обречены каждый, отчуждающійся своей народности) не была подчасъ надѣлена извѣстнымъ значеніемъ и высоко простирающимъ вліяніемъ. Кто-жъ, какъ не они, помимо случайныхъ военныхъ ошибокъ, главные виновники неудачъ, бѣдствій, того множества жертвъ, которое они оплакиваются? На кого, какъ не на нихъ, по преимуществу должно пасть это излишество пролитой крови? Не они ли усилили врага, задержавъ ударъ, благовременно ему наносимый и снабдивъ его потребнымъ досугомъ? Война безпричинная, война наязданная!... Они и видя не видять, и слыша не слышать. Не растолковать ни иностранцамъ, ни имъ святой простоты и естественности народныхъ побужденій къ войнѣ и ее міроваго, исторического смысла... Но мы не можемъ, мы не должны молчать,—авось хоть кому-либо изъ нихъ пройдетъ въ душу слово истины.

Эта война—историческая необходимость; эта война—народная, и никогда ни къ какой войнѣ не относился народъ съ такимъ сознательнымъ участіемъ. «Но мы и сами народъ»—слышится мнѣ новомодное возраженіе. Да, они точно часть народа и даже верхній его слой, но только къ прискорбію выѣтревшійся и потому самому бесплодный. Они призваны быть народу высшимъ органомъ сознанія, но имъ невѣдома и чужда та стихія народнаго духа, которая прѣбываетъ въ народныхъ массахъ и творить историческую жизнь.... «Это поклѣпъ на народныя массы—возражаютъ мнѣ снова: «зачѣмъ навязывать имъ какіе-то исторические задачи и идеалы? Допросите простолюдиновъ хоть вмѣстѣ, хоть порознь: ничего-то о нихъ никогда они не вѣдали и не вѣдаютъ!» Но неужели же вы не знаете, что ни отдельная народная единица, ни извѣстное множество единицъ, хотя бы и изъ простонароднаго слоя, не выражаетъ еще собою понятія о народѣ? Вѣдь никто никогда, взятый порознь, не сочинялъ русскаго языка и не выдумывалъ ему грамматики, а вѣдь существуетъ же русскій языкъ, создан-

ный никъмъ инымъ какъ *народомъ* и отражающій его умъ. Народъ есть особый, цѣльный, самостоятельный организмъ, слагаемый совокупностью единицъ бывшихъ, наличныхъ и будущихъ, живущій въ вѣкахъ, управляемый своими внутренними историческими законами, имѣющей свой ростъ, свою память, свое развитіе, стремленія, задачи и цѣли, свои унственныя и духовныя отправленія, совершающіяся въ пространствѣ временъ, и которая только дробясь, только отчасти, могутъ отражаться въ его отдѣльныхъ миллионныхъ атомахъ. То жизнь *непосредственная*. Работа же *личного сознанія* принадлежитъ лишь тѣмъ народнымъ единицамъ, которая изъ среды стихійной выдѣлились трудомъ мысли и образованіемъ,—но на этой-то чредѣ, къ которой вы призваны, вѣсъ и постигаетъ, къ несчастію, духовное отступничество отъ народа. Да, какъ ученыи, изучая родной языкъ, раскрываютъ законы его грамматики, такъ и вы, вдумываясь въ исторію роднаго народа, могли бы уразумѣть ея пути и ея задачи; но вы ея не знаете, не хотите и знать и презираете историческія преданія... Такого исторического знанія и сознанія въ простонародныхъ массахъ конечно нѣтъ,—но, рядомъ съ историческимъ инстинктомъ, *нравственное сознаніе* своей общей связи, своего личнаго долга и отношенія, въ данную историческую минуту, къ великому цѣлому, называемому народомъ (или именемъ страны, напримѣръ Россіей) вполнѣ доступно простонароднымъ массамъ—и оно-то и высказалось въ настоящей войнѣ.

Прошу извиненія у слушателей, что излагаю эту азбуку общихъ понятій, но ее не безполезно было припомнить въ виду упорнаго недоразумѣнія относительно слова: народъ.

Само собою разумѣется, что простой народъ (по преимуществу и справедливо называемый народомъ), хотя и былъ несомнѣнно влекомъ своимъ историческимъ инстинктомъ, не задавался однако же отвлеченными умозрѣніями о строеніи русскихъ историческихъ судебъ, о будущемъ призваніи Россіи и Славянскаго міра. Его сознательное участіе въ войнѣ могло относиться только къ живой, реальной, нравственной ея сторонѣ. Онъ понялъ ясно одно: что эта война не прихоть Царя-Самодержца и не плодъ какихъ-либо недоступныхъ народу, но принимаемыхъ имъ на вѣру, соображеній;

что она указана Царю и ему—совѣстью; что она не только царева, но и *его*. Народъ, нашъ простой, смиренномудрый народъ, не одержимый ни властолюбиемъ, ни жаждою боевой славы, принялъ войну какъ нравственный долгъ, естественный и непроизвольный, какъ непреложный, священный подвигъ, сужденный ему Прорицаніемъ. Почему? Потому, что это война за вѣру, за христіанъ-православныхъ, да еще и одного съ нимъ племени—гнетомыхъ, мучимыхъ злыми врагами Христа, Азіатами - мусульманами, поработившими издревле-христіанскія земли. Его понятія о христіанахъ-единоплеменникахъ были прежде довольно смутныя, да и самъ онъ былъ удрученъ духомъ, подъ тягостью крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ же отъ крѣпостнаго рабства, онъ инстинктивно почувствовалъ, что онъ и самъ—Россія, непосредственный участникъ ея призванія и исторической ответственности. Какъ только въ прошломъ году дошло до народнаго вѣдома о турецкихъ лютостяхъ, о страданіяхъ христіанъ, о брани, воззвигнутой православными за Христа и свободу, народъ самъ, самовольно, пошелъ навстрѣчу подвигу, прежде чѣмъ онъ былъ возвѣщенъ ему верховною властью: онъ несомнѣнно вѣровалъ,—и напрасно бы они, мудрые консерваторы, пытались его въ томъ разувѣрить,—что Царская совѣсть не можетъ рознить съ совѣстью народной, и что жертва угодная Богу не можетъ не быть угодною и верховному народному вождю.

До такой степени на помощь Сербіи смотрѣли въ народѣ какъ на христіанскій подвигъ, что были села, гдѣ на міру признавали нужнымъ хоть одного изъ односельчанъ имѣть въ числѣ участниковъ подвига,—міромъ снаражали и благословляли избранниковъ. И эти избранники, на вопросы мои: зачѣмъ будуть? отвѣчали простодушно и искренно, что хотять «пострадать», хотять «помереть за вѣру», «положить души за други своя»....

И надъ этимъ-то священнодѣйствиемъ народнаго духа они кощунственно наругались, они закидали его бранью, насмѣшками, клеветами; глумились надъ народомъ, когда онъ молился, издѣвались надъ его состраданіемъ,—и успѣли-таки въ самомъ правительстве (и ко вреду для него) поселить прискорбное недовѣріе къ искренности народнаго движенія,

обозвавъ его *революционнымъ*. Кто же однако революционеръ? Понимаютъ ли они, что всякое подобное со стороны власти оскорблѣніе народнаго чувства рождѣтъ смущеніе въ народѣ и рознить его съ нею? О, какъ правъ былъ Юрий Самаринъ, заклеймившій ихъ направлѣніе названіемъ «революціоннаго консерватизма!» Вотъ они и добились, въ своемъ близорукомъ консерватизмѣ, устраненія даровитѣйшихъ русскихъ дѣятелей Сербской «самовольной» войны отъ участія въ настоящей «регулярной» войнѣ,—и лишили нашу армію полезныхъ, испытанныхъ воиновъ.

Народное движение 1876 года неразрывно связано съ настоящею войною; это былъ прологъ къ послѣдующей исторической драмѣ,—это дѣло *одно и то же*. Историкъ не раздѣлить ихъ и не пойметъ, какъ не понимаетъ до сихъ поръ, въ смущеніи своемъ, и народъ—почему, воюя теперь съ Турцией и освобождая Болгаръ, *t. e.* Славянъ, у насъ какъ бы отрекаются отъ крестового похода, предпринятаго народомъ прошлымъ лѣтомъ ради *такихъ же Славянъ*, и какъ бы держать въ опалѣ участниковъ того народнаго дѣйствія, въ которомъ одноть—оправданіе и объясненіе нашей настоящей войны.

Пойдемъ дальше. То, что для народа, въ его личномъ сознаніи, представлялось нравственнымъ непреложнымъ долгомъ, то было въ то же время и историческою миссіею Россіи, какъ главы и представительницы цѣлаго особаго міра, Православнаго и Славянскаго, еще недосозданнаго, но созидаемаго, ожидающаго отъ будущихъ временъ своей конкретной исторической формы. Всё значение Россіи во вселенной заключается въ ея религіозной и народной особенности, соединенной съ внѣшнею материальною силою,—въ ея духовныхъ стихіяхъ, отличныхъ отъ стихій Западной Европы, въ ея Православіи и Славянствѣ. Она не можетъ достигнуть полноты своего развитія, не доставивъ торжества этимъ духовнымъ стихіямъ въ исконныхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, не возстановивъ полноцѣнности, хотя бы общечеловѣческой, братскихъ по крови и духу племенъ. Безъ возстановленія этой полноцѣнности и безъ освобожденія Православнаго Востока отъ турецкаго ига, отъ материальныхъ и духовныхъ захватовъ Запада, Россія, какъ организмъ лишенный свобод-

наго кровообращенія, осуждена была бы навсегда остатъся увѣчною, калѣкою, недоноскомъ. Война являлась для нея та-ко же необходимостью какъ самооборона, или иначе: какъ естественное продолженіе ея развитія, ея роста, какъ про-цессъ исторической формациі.

Благословенъ удѣлъ той страны, гдѣ политическія задачи бытія совпадаютъ для народа съ исполненіемъ высокаго лич-наго нравственнаго долга, гдѣ трудъ историческаго самосло-женія совмѣщаетъ въ себѣ и христіанскій подвигъ! Торже-ство Россіи—торжество мира, свободы, полноправности брат-ской... То ли мы видимъ въ другихъ, именуемыхъ и хри-стіанскими и цивилизованными, европейскихъ державахъ, которыхъ самое бытіе почтѣ на униженіи, гнетѣ, порабо-щеніи и развращеніи чужихъ народовъ,—стало-быть въ са-момъ себѣ заключаетъ залогъ осужденія и гибели. Такъ, для интересовъ Британіи требуется, чтобы бѣдствовало населеніе Балканскаго полуострова и пребывало въ состояніи вѣчнаго малолѣтства, чтобы Турокъ господствовалъ надъ Христіани-змомъ и Евангеліе попиралось Кораномъ. Всѣ эти турецкія звѣрства, это поголовное истребленіе Болгаръ, это повальное избиеніе ихъ дѣтей,—все на руку Англіи, все это она тер-питъ, допускаетъ, дабы отнять торжество у Россіи: это для Англіи *дѣло патріотизма!!* Такъ, уродливое политическое сочетаніе нѣмецко-жидовской культуры и мадьярской баши-бузукской дикости, извѣстное подъ названіемъ Австро-Венгріи, зиждется лишь на неравноправности ей подвластныхъ и на угнетеніи сосѣднихъ Славянъ!

Ничего этого не поняли наши консерваторы!... Когда Царь, который стоитъ и дѣствуетъ предъ лицомъ исторіи и несетъ на себѣ отвѣтственность за судьбы Россіи, призналъ неиз-бѣжность давно ожидаемой народомъ борьбы, они пустили въ ходъ всѣ доступныя имъ, въ ихъ сферѣ, вліянія, чтобъ натворить препятствій объявлению войны. Несчастные! они мечтали преградить ходъ Исторіи,— да впрочемъ Русская Исторія у нихъ не въ почетѣ, они ее «игнорируютъ»... Хода исторіи они не остановили, но затруднить, искривить, извра-тить его — имъ все-таки удалось! Благодаря имъ, неприго-товленная, почти врасплохъ захваченная Турція стала готов-ваться — и изгото-вилась, — мы же.... Но кто смущалъ, ос-

лабляль, тормозилъ дѣятельность воли, необходимую для успѣха русскихъ приготовленій? Чьимъ противодѣйствіемъ или недостаткомъ содѣйствія замедлялись, парализовались они? Кто усилилъ врага и поднялъ его духъ, кто съ самаго начала подорвалъ и внѣшнюю русскую силу, и энергию распоряжающейся власти?

Дипломатія, вѣрное отраженіе той же безличности, безнародности, съ подобострастіемъ дикарей предъ цивилизаціей Европы начала свою выгодную для враговъ и неприбыльную для Россіи работу. Европа скоро повѣрила возгласамъ о не готовности, о нерасположеніи Россіи къ войнѣ и подвергла насъ пыткѣ постепенныхъ, оскорбительныхъ уступокъ. Неготовность! но чьи же господствующія воззрѣнія препятствовали разумѣть указанія исторіи, неотложныя задачи Россіи, и неослабно готовиться къ ихъ разрѣшенію? Исторія не ждетъ, и чаша страданій Христіанъ переполнилась, не спра вляясь—готовы ли мы или нѣтъ...

Этимъ еще не кончились услуги консерватизма русскому дѣлу. При какихъ условіяхъ, при какой обстановкѣ, благодаря ему, выступилъ наконецъ въ ратное поле русскій боецъ?.. Съ стопудовыми гирями на рукахъ и ногахъ, мѣшившими движенію и размаху, убивавшими порывъ и силу! Ради «интересовъ европейскаго мира», осудили войну на «локализацію»... Интересы европейскаго мира! Это одна изъ тѣхъ лицемѣрныхъ «фікцій», тѣхъ условныхъ, пустопорожнихъ фразъ, въ которыхъ сама Европа нисколько не вѣритъ, но на которыхъ, какъ на удочки, ловить русское простодушіе и притязаніе на европеизмъ! Но вѣдь съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ самое существованіе Россіи, ея естественный ростъ и естественная прибыль внутренней силы уже не совмѣстны съ выгодами Европы: такъ ужъ не нужно ли намъ, ради спокойствія Запада, понизиться, умалиться и разслабнуть до пригодной мѣры? «Локализація»! Но что значилъ для нашей войны этотъ новѣйший дипломатическій терминъ? Онъ значилъ: освобожденіе Турціи отъ заботъ относительно Сербіи, Босніи, Греціи, Эпира, Фессаліи, Египта и устремленіе всѣхъ ея силъ исключительно на Русскую армию и на Болгарію, т. е. на ту именно страну, которую мы пришли надѣлить свободою и благоденствіемъ... Въ ре-

зультатѣ — Шевна, десятки тысячъ убитыхъ и раненыхъ, выжженная, вырѣзанная Болгарія, перспектива зимней кампаніи и можетъ-быть даже европейской войны!

Но и этого было мало. Не въ этомъ пущее зло, а въ попыткѣ исказить истинный смыслъ, ослабить самый внутренній нервъ войны. Съ нами борется врагъ, не только крѣпкій единствомъ религіознаго сознанія, какъ уже было указано и другими, но въ которомъ это религіозное сознаніе есть въ то же время сознаніе политическое и историческое. *Религіозное призвание* Ислама, народовъ его исповѣдующихъ и преимущественно Турецкаго племени, состоитъ въ *политическомъ господствѣ* надъ народами невѣрными, т. е. немусульманами. Исторія, повидимому, оправдала такое ихъ притязаніе и пріучила Турокъ къ господству: ихъ историческая память хранить лишь преданія власти. Кромѣ того, настоящею войною поставленъ для нихъ роковой, грозный вопросъ: быть или не быть? Турція бьется за жизнь и смерть, бьется за владычество Ислама и своего племени, потому что безъ владычества немыслимо самое ихъ существованіе. Вотъ чѣмъ написано на турецкомъ знамени, которое, въ судорогахъ отчаянія, потрясаетъ надъ собою распаленный, разнудзанный фанатизмъ. Чѣмъ же пытались мы противопоставить этому знамени? Въ нашемъ народномъ сознаніи это *тоже* война за вѣру и за братьевъ, за православіе и православныхъ единоплеменниковъ. Знамени врага мы должны, мы призваны противопоставить знамя съ высшимъ символомъ нашей святой вѣры: крестъ и священный завѣтъ «сими побѣдиши!... Но не заботились ли у насъ, прежде всего, о томъ, чтобы, въ интересахъ гуманности и цивилизациі, эта война была *не племенна* и *не религіозна*? Да какой же смыслъ въ этой войнѣ, если она не племенная и не религіозная?! Нашимъ консерваторамъ, въ ихъ недовѣріи и отвращеніи къ проявленіямъ русскаго народнаго духа, претили и претятъ самыя слова: «православіе» и «славянство»: они для нихъ звучать какъ революціонные кличи. А въ нихъ-то, въ этихъ словахъ, самая основа той силы, которая рѣшаетъ побѣду! Въ такой рискованной ставкѣ какъ война, опасны всякия недоразумѣнія. Побѣду можетъ намъ дать только то знамя, которое мыслить и честь видѣть предъ

русскимъ воинствомъ Русскій народъ, и только тогда, когда оно будетъ подъято мужественно, твердо, вполнѣ сознательно, а не прикрыто безцвѣтнымъ флагомъ обще-европейскаго интереса!

Вотъ, вотъ гдѣ кроется главная причина и объясненіе посланій нами до сихъ поръ неудачъ! Виною всему отчужденіе отъ народности. Отрѣшася духомъ отъ духа своей страны, человѣкъ самъ себя обезличиваетъ, обезсиливаетъ, опоражниваетъ духовно и по необходимости живетъ чужимъ — готовымъ, заемнымъ умомъ, чуть не чужою душою. Прибавьте къ тому и привычку: думать и говорить на чужомъ языке, постоянно прибѣгать къ чужому готовому орудію обмына мыслей. Все это заемное добро, не пуская корней въ почву себѣ инородной, претворяется въ головѣ и сердцѣ въ бесплодный хламъ, въ безсознательную ложь, *въ пошлиость общаго мѣста*. Выбросивъ изъ себя всакій «национальный скарбъ», т. е. тяжкій грузъ историческихъ завѣтовъ и преданій, духовныхъ и умственныхъ связей съ роднымъ народомъ, вы, какъ судно безъ балласта, властесь по всякому вѣтру, вы — въ точномъ смыслѣ слова — *легкіе люди!* Да, вы не серьезные люди. Легкомысліе, верхоглядство, невѣжество и неразумѣніе самыхъ кровныхъ потребностей и интересовъ страны, неспособность и неумѣлость — вотъ роковой вашъ удѣлъ, вотъ что по необходимости вносите вы во всѣ многоразличныя и разнообразныя русскія сферы вашей дѣятельности...

И при всемъ томъ, вы не лишены и даже преисполнены «патріотизма» и рыцарской чести, и бѣвтрепетно идете въ бой, и доблестно встрѣчаете смерть на поляхъ браніи! Но въ томъ-то и дѣло, что понятія ваши узки, что патріотизмъ вашъ чисто виѣшній, такъ сказать политический, безразличный и безсодержательный. Вамъ нѣть дѣла до духовныхъ стихій народной жизни, до внутренняго существа русской народности. Готовые сложить свои головы въ борьбѣ съ Европой за виѣшнее достоинство и независимость государства, вы въ то же самое время рабствуете духомъ предъ его цивилизаціей и нравственнымъ авторитетомъ, и хуже врага. безсознательно попираете и предаете то, что всего дороже народу... Вотъ, въ эту самую, можетъ быть, минуту многіе изъ васъ мужественно и свято умираютъ гдѣ-нибудь подъ

Плевной и своею русскою кровью возвращаютъ съмена новаго Славянскаго православнаго міра, — того самаго міра, о которомъ вы не хотѣли ни знать, ни слышать при жизни!... Какими недоразумѣніями, какими колоссальными роковыми недоразумѣніями полнится наша земля! О вы, неумѣющіе жить и умѣющіе умирать русскими людьми, очнетесь ли, опомнитесь ли вы когда-нибудь? Грѣхъ вашъ — злой, пагубный для Россіи — грѣхъ *невѣдѣнія*, и даже не вашъ личный, а принадлежащий цѣлой вашей средѣ, и даже унаследованный отъ вашихъ отцовъ и дѣдовъ... Ужели не вразумителенъ вамъ языкъ событий? Ужели не подъ силу вамъ совлечь съ себя это позорное грѣховное иго?

Но довольно. Всѣ мы, каждый въ своемъ родѣ и своею долею, повинны и отвѣтственны въ общемъ положеніи дѣлъ. Оставимъ же взаимныя пререканія и, неся тяготы другъ друга, примемъ на себя сообща и грѣхъ и казнь, и покаяніе и обновленіе.

Время настало строгое. Но въ мѣру ли важности переживаемыхъ мгновеній настроено духомъ наше русское общество? Пусть каждый допросить свою совѣсть,—и совѣсть не успокоитъ его. Прочь всѣ эти поминки прошлаго, гнилымъ сѣтованія и укоры! Все стало намъ теперь ясно и непреложно съ нашими кровавыми, обидными неудачами. *Новая* пора встала,—и какъ день пристыжаетъ малодушіе ночи и гонитъ прочь все смутное и невѣрное, такъ и свѣтъ, твердый свѣтъ, заблиставшій памъ съ горъ Арmenіи и холмовъ Плевны, обличилъ памъ всю шатость нашихъ надеждъ и расчетовъ, наши ошибки, вины, недомысліе, и все, что тамъ нагнѣздилось во тьмѣ... Воспользуемся же урокомъ: онъ купленъ дорогою цѣною крови,—пусть же не напрасны будуть эти десятки тысячъ геройскихъ смертей! Не унывать теперь, — теперь-то и можно быть бодрымъ: ни колебанія, ни выбора уже нѣтъ, въ виду одно: *побѣдить!* Нѣть отступленія для Россіи, хотя бы вся Европа возвиглась стѣной на пути. Намъ въ томъ порукою Царь, носитель и оберегатель народной чести. Отступленіе значитъ отступничество, предательство страдальцевъ-единоплеменниковъ, измѣна историческому завѣту, начало политической смерти. Къ побѣдѣ же, полной, всеразрѣшающей побѣдѣ, направимъ всѣ силы

нашего духа,—въ опору Царю, въ подкрѣпленіе нашимъ неутомимымъ бойцамъ. Станемъ на высотѣ нашей великой исторической задачи; почтимъ врага, противопоставимъ дикому отчаянію фанатизма—ясность сознанія, свѣтлое воодушевленіе вѣры, несокрушимую твердыню убѣжденной воли. Къ таготамъ нашимъ прибавимъ новые тяготы, къ жертвамъ приложимъ новые жертвы, утысаcherимъ напряженіе, а пуще всего не станемъ рознить, возсоединимъ духомъ съ нашимъ роднымъ народомъ.—О, не оставляйте его въ невѣдѣніи, не допускайте корениться недоумѣніямъ, очистите воздухъ, дайте ему вздохнуть нестѣсненою грудью! Незыблемъ онъ въ своемъ упованіи на Царя, на Царскую бдительность и не менѣе на Царское правосудіе, но жаждетъ слова, властнаго слова, которое бы повѣдало ему правду — честную, мужественную, неукоснительную... Всякая правда ему по росту. Не отступится онъ отъ долга русской чести и совѣсти, отъ вѣковаго завѣта, нашъ великій подвигоположникъ-народъ. Многими, тяжкими, разнообразными испытаніями обставленъ его историческій путь, но съ помощью Бога, Котораго онъ непостыдно исповѣдуетъ, предъ лицомъ вселенной, онъ перенесъ ихъ и перебыль,—перебудеть и переможетъ!...

8. Рѣчь произнесенная предѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительного Общества въ публичномъ засѣданіи 5-го марта 1878 года.

Мм. гг.! Дѣятельность нашего Славянскаго Общества, даже благотворительная, такъ тѣсно связана съ современными политическими событиями за Дунаемъ, что мы невольно медлили назначеніемъ дня нашего годичнаго общаго собрания: такъ уже виденъ былъ край кровопролитной борьбы, такъ уже близко надвигалось рѣшеніе. 19 января стихла война, затѣмъ мѣсяцъ томительного ожиданія, и наконецъ 19 февраля, день освобожденія миллионовъ русскихъ крестьянъ, день возродившій насъ всѣхъ нравственно и духовно, подписанъ миръ, дарующій свободу и человѣческія права

миллионамъ человѣковъ,— нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови,— возрождающей къ новой жизни цѣлые племена и страны.

Конечно, Восточный вопросъ еще не порѣшенъ, Царьградъ не очищенъ отъ азиатской скверны и задача Россіи совершена еще не вполнѣ; тѣмъ не менѣе сбылось то, что самой смѣйной фантазіи представлялось едвали сбыточнымъ еще два года тому назадъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ результатовъ войны. Что бы ни таилось въ близкомъ будущемъ, никто и ничто никогда не отниметъ у насъ самаго существеннаго достоянія нашихъ побѣдъ, и какъ рѣки не потекутъ вспять, такъ не измѣнится и исполинскій, безвозвратно совершившійся фактъ: Оттоманское владычество въ Европѣ сокрушено на вѣки, хотя бы Турція еще и продолжала существовать; призванъ изъ небытія къ бытю крупный политический Славянскій организмъ—Болгарія.

Было бы чему радоваться, было бы чѣмъ утѣшиться, еслибы политической небосклонъ не былъ покрытъ такими темными тучами. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что Россія заставитъ уважить и исполнить условія договора, но низведутъ ли они миръ, столь желанный, столь нужный, на злополучныхъ населеніяхъ Балканского полуострова—въ этомъ трудно не усомниться. Трудно было бы предаваться радости мира въ виду не только нерѣшеннай судьбы и Герцеговины и Босніи, и земель Старой Сербіи, и Македоніи, и Греческихъ христіанскихъ провинцій, но и кровавой браны съ Турками, уже снова охватившей эти несчастныя страны.

Трудно не смущаться, соображая, какъ мало удовлетворены тѣ самые, которые первые подняли знамя борьбы, именно Герцеговинцы и Босніаки, и Сербское Княжество, которое двукратно вело войну и въ 1876 году одно выдержало на себѣ весь напоръ Оттоманскихъ полчищъ. Конечно, не Россія, а лишь одна Австрія тому виною, но въ этомъ только новый поводъ къ смущенію. Конечно, не воинственные угрозы Австріи и Англіи устрашаютъ Россію,— но не можетъ же она оставаться равнодушною къ распалившайся зависти, кущей интриги и козни противъ славянской свободы и права, къ явнымъ покушеніямъ на захватъ или дѣлежъ Турскихъ европейскихъ владѣній и на овладѣніе Дарданельскимъ про-ливомъ.

Дипломатія сочиняетъ конгрессъ, а такъ какъ мы не понесемъ на цензуру нашихъ условій мира, то исходъ лейбнінаго дипломатами измышленія еще неизвѣстенъ, но не особенно предвѣщаетъ пору благоденствія. Несомнѣнно одно, что еслиъ Австрія отъ угрозъ Россіи перешла къ дѣлу, она бы подняла новый, Австрійскій, Западнославянскій вопросъ. И такъ какъ и на Балканскомъ полуостровѣ не водворена тишина, и даже относительно границъ самой Болгаріи можно опасаться замысловъ европейскихъ, то въ этой неизвѣстности, въ этомъ та же ломъ недоумѣніи, — которое однажды долго продолжаться не можетъ, а между тѣмъ во многомъ парализуетъ дѣятельность нашего Общества, — я предпочитаю, м. г., воздержаться на сей разъ отъ начертанія программы нашихъ будущихъ дѣйствій и созвать въсънова, когда политическій горизонтъ хоть нѣсколько прояснится. Тѣмъ болѣе, что и изъ Болгаріи мы еще не получили, но вскорѣ ожидаемъ получения свѣдѣній подробныхъ и обстоятельныхъ, способныхъ точнѣе опредѣлить характеръ предстоящей намъ дѣятельности. Теперь же я перейду къ печальному событию, имѣющему особую важность для нашего Общества, да и для всѣхъ, кому дороги судьбы Россіи и Славянскаго міра.

Путемъ смертей и страданій привезены мы были совершить святое дѣло воскрешенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана русскою кровью. На русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи браніи, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою русскою жертвой. Во главу угла ея, вновь созижденаго, гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой, сотворенной Россіею Болгаріи сраженъ внезапно первымъ ударомъ въ селеніи Санъ-Стефано, въ виду Царьграда и Св. Софіи, 19 февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, — въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: «теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ». Смерть Черкасскаго не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлой крупной общественной силой, и замѣстить ее нечѣмъ...

Странное, замѣчательное, совершенно оригинальное явление представлялъ собою въ Россіи князь Владіміръ Александровичъ Черкасскій, именно этими сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣланіяхъ нынѣшняго царствованія,—но онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ *своимъ* и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда—вольно и невольно—сохранялъ за собою характеръ какъ бы представителя или *делегата* отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотябы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякий разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для национальныхъ интересовъ. Таковы факты представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ. Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью: низводить абстракты на реальную почву, запутанный, отвлеченные теоріи приводить къ конкретной практической формулѣ и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства, въ смыслѣ подобострастія доктринъ и насилиственнаго подчиненія ей жизни; никогда не работовалъ отвлеченной логикѣ, напротивъ всегда считался съ жизнью, съ бытомъ. Онъ цѣнилъ и уважалъ Русскую исторію и органическія стихіи народа,—умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, большую частію были именно люди теорій и идеаловъ, нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактovъ.

Но чтò онъ любилъ пуще всего и самоотверженно, это честь и достоинство Россii, и, безусловно въроя въ Русскii народъ, въ его великую всемирно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силь,—какъ уже выразился князь Александъ Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ, — надъ основаниями, а не надъ вѣнцомъ зданія.

Значеніе князя Черкасскаго въ дѣлѣ Славянскаго возрождения не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать вѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отшедшемъ и возстановить, насколько мнѣ это возможно, его истинный нравственный образъ. Говорю «возстановить», потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большою частью совершенно искаженъ въ сознаніи русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блестательныхъ дарованій, то наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя, большою же частію, отрицательной оценкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся этого явленія и указалъ, что служило къ нему поводомъ, изъ кого, главнымъ образомъ, состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣть сомнѣнія, русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ «консерваторъ», польскіе паны и ксендзы, которыхъ интересы имущественные и политические такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкасскаго, пытали къ нему непримирамою ненавистью и, не жалѣя клеветъ, старались,—и успѣли,—настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы однакоже ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкасскому съ непріязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и привѣтливый съ друзьями и сочувственными ему лицами, Черкасскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною: стороною мысли, ума, расчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ имѣть невысоко цѣнныхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ и его острый умъ кололь, рѣзалъ,—особенно же глаза людей съ туманною мыслью,

ублажающихъ самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глупо-ватостью,—и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высоко-мѣрную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣніемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайного своеокорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все въ чемъ было очень ужъ мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя щетныя пожеланія,—что было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку,—которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованій. Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что никто по крайней мѣрѣ не можетъ обвинить его въ притворствѣ. И точно онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами, и, предпочитая казаться хуже чѣмъ лучше,— вполнѣ въ этомъ успѣль. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ «безсердечный» человѣкъ (какъ его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственниковъ. Я не зналъ сына нѣжнѣе и почтительнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него), но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество, онъ, вѣроятно, вызвалъ бы отъ Черкасского какой-нибудь не совсѣмъ пріятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ—не было никакой той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше чѣмъ самое добро.

Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ еще несущественные, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серьезнѣе общія, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обвиненія. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозваніемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ

убѣжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ личнымъ расчётомъ.

Хотя и справедливо, что историческихъ дѣятелей, какимъ былъ князь Черкасскій, судить исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущенного въ могилу гроба, воздержаться теперь отъ всякой строгой оцѣнки, однако же эти соображенія не настолько вѣски, чтобы давать безвозбранно укореняться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленаго суда потомковъ. Тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію, облегчать его уразумѣніе и всему отводить свое мѣсто. На ходу жизни, въ ея буйствѣ, ея ежедневныхъ случайныхъ проявленіяхъ, изъ-за чужихъ и собственныхъ толковъ, трудно познается основная, внутренняя правда человѣка, ускользающая, большую частью, даже отъ его собственнаго сознанія. Особенно же мало поддаются анализу такие сложные организмы, какъ у Черкасскаго, исполненные такихъ, повидимому, противорѣчивыхъ влечений: анализъ дробится и не даетъ цѣльного вывода. Только со смертью раскрывается въ своемъ истинномъ смыслѣ жизненный подвигъ и тотъ нравственный центръ тяжести, которымъ самъ собою, хотя бы и безсознательно, опредѣлялся и уравновѣшивался человѣкъ.

Я не стану пускаться въ полемику съ обвинителями; пусть говорятъ за меня факты его жизни, въ ихъ совокупности, которымъ я и представлю бѣглый обзоръ.

Прилежный и даровитый студентъ юридического факультета Московскаго университета, князь Черкасскій съ особеною любовью занимается исторіей Русскаго права и еще въ 1842 г. пишетъ на золотую кандидатскую медаль изслѣдованіе о цѣловальникахъ, т. е. о древнемъ русскомъ прообразѣ суда присяжныхъ. Затѣмъ, кандидатомъ, онъ продолжаетъ свои ученыя занятія и изготавляетъ, для полученія степени магистра, диссертaciю объ «Юрьевѣ днѣ», т. е. о свободѣ перехода и о закрѣпощеніи крестьянъ въ древней Руси. Вотъ къ чему, къ какимъ основамъ Русской государственной и общественной жизни, устремилась, съ самаго начала своего самостоятельного поприща, мысль молодаго Черкасскаго,— и это тѣмъ замѣчательнѣе, что умы современной

ему молодой среды увлекались, большею частю, либерализмъ совсѣмъ иного, превыспреннаго, неприложимаго къ Россіи и потому празднаго свойства. Въ первую пору по выходѣ изъ университета, онъ предполагалъ посвятить себя ученому поприщу и искать каѳедры исторіи Русскаго права, но отказался однако же отъ этого намѣренія по совѣтамъ одного опытнаго и уважаемаго имъ лица, ставившагося направить его къ государственной службѣ. И дѣйствительно, съ своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ Черкасскій, по общимъ понятіямъ, могъ легко составить себѣ «блестательную карьеру»: для молодаго «честолюбца», казалось бы, нельзя было и желать лучшей обстановки, и онъ бы безъ труда дошелъ до высшихъ іерархическихъ степеней. Но должно-быть не такова была натура этого человѣка, чтобы онъ, изъ честолюбія, согласился пожертвовать своею независимостью и пойти избитою, рутинною дорогой. Должно-быть, уже и тогда, честолюбіе въ немъ было нѣсколько иного разряда: честолюбіе силы себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь, владѣть дѣломъ, избираемымъ его мыслю,— воплотить *свои* государственные идеалы. Трудно было даже и въ самые молодые годы Черкасскаго вообразить себѣ его роли какого-нибудь чиновника особыхъ порученій, дѣйствующаго по чужимъ, начальническимъ указаніямъ. Черкасскій не пошелъ на службу,— нельзя было считать службою принятое имъ на себя званіе почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ,— и жилъ болѣшею частю въ Тульской деревнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и изучая положеніе крестьянъ. Въ 1847 году онъ устраиваетъ въ Туле кружокъ изъ нѣсколькихъ образованныхъ помѣщиковъ для разработки проекта объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства,— кружокъ, который однакоже, послѣ Февральской революціи 1848 г., былъ по распоряженію правительства закрытъ.

Различныя партіи тянули его къ себѣ: и аристократическая, которая думала найти себѣ въ немъ могучее орудіе для своихъ олигархическихъ химеръ, и такъ-называемые западники, которые видѣли въ немъ Европейца и упорно хотѣли считать его своимъ. Но ознакомившись со всѣми направленіями московской интеллигентіи, Черкасскій, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сталъ постепенно сближаться съ

людьми такъ-называемаго славянофильскаго круга, хотя сближеніе съ ними не представляло въ то время никакихъ выгодныхъ разсчетовъ ни въ какомъ отношеніи, а способно было только компрометтировать и во мнѣніи властей, и еще болѣе во мнѣніи общества: славянофилы въ тѣ годы не только не пользовались популярностью, но были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, клеветъ и ожесточеннаго поруганія въ литературѣ. Чтѣ же влекло его къ этимъ людямъ, съ которыми Черкасскій въ ту пору расходился по многимъ существеннымъ основамъ славянофильства? Въроативе, прежде всего, таланты нѣкоторыхъ изъ нихъ,—общая съ ними любовь къ Россіи, преданность ея національнымъ интересамъ, уваженіе къ Русскому народу и къ его исторической стихії, потому-что для Черкасскаго народъ никогда не былъ *tabula rasa*, какъ для тогдашнихъ работѣнныхъ поклонниковъ западной цивилизациі.—Влекло—можеть быть—также и невольное сочувствіе съ нравственными качествами лучшихъ представителей этого круга. Какъ бы то ни было, но онъ доро-жилъ отношеніями съ ними. Во 2 томѣ «Московскаго Сборника» на 1853 годъ должна была появиться его статья объ Юрьевѣ днѣ, но этотъ томъ въ рукописи весь, со всѣми статьями, не былъ допущенъ къ печати, — «не по тому что было въ немъ сказано, а по тому, что умолчано»—объяснилъ издателю покойный начальникъ Штаба III Отдѣленія, Л. В. Дуппельть. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники сборника, въ томъ числѣ и князь Черкасскій, подверглись ограниченію въ пра-вахъ печатанія и полицейскому надзору: все это было снято съ нихъ лишь по восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государа.

Но и затѣмъ Черкасскій не пользуется никакимъ случаемъ для составленія себѣ служебной карьеры. Въ 1857 г., въ извѣстномъ Славянофильскомъ изданіи «Русская Бесѣда», онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей, преимущественно по вопросамъ вѣнѣніи политики, и этимъ первымъ своимъ печатнымъ дебютомъ сразу обратилъ на себя вниманіе какъ на первокласснаго публициста.

Наконецъ, въ концѣ 1857 года наступила пора, такъ давно чаемая Черкасскимъ, къ которой вся предшествовавшая его жизнь была только приготовленіемъ. Высочайше разрѣ-

шено было образовать въ губерніяхъ Комитеты для обсуждения способовъ къ освобожденію крестьянъ, или къ «улучшенню ихъ быта», какъ это тогда официа́льно называлось. Черкасский отдался любимой задачѣ вполнѣ, всѣми силами духа, и, стоя во главѣ меньшинства, громилъ большинство своими блестательными и, правду сказать, нѣсколько язвительными рѣчами. Борьба была его стихіей. Большинство не могло ему простить, ему—князю, аристократу по происхождению, демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, добро бы искренній, простодушный идеологъ, увлекающійся фантазіями либерализма, гуманности и т. д...! Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ Черкасскомъ не признавало и чувствовало въ немъ опасную себѣ силу. Раздраженіе дошло наконецъ до того, что на выборахъ въ Тульскомъ Дворянскомъ Собраниі два дня стояла бура: преширались объ исключениіи князя Черкасского, какъ недостойнаго, изъ числа Тульскихъ дворянъ. Съ ироническою улыбкою на устахъ выдержалъ онъ весь этотъ ураганъ, стихій по неволѣ за неимѣніемъ законнаго повода къ исключению. Но въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть его такому остріазму, неистово бѣсновалась противъ Черкасского,—забавно, но и стыдно вспомнить,—либеральная, т. е. наша претендующая на либерализмъ журналистика, за то, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому вопросу статей въ журналѣ А. И. Кошелева «Сельское Благоустройство», Черкасский предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдай никакихъ условій народной жизни, не принимая никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы,—только вскарабкавшись на ходули «цивилизациі»,—наши арлекины либерализма и гуманности, виѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлые пуки розогъ въ редакцію «Сельского Благоустройства»! О томъ же, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ крестьянъ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, что я упомянуль объ этомъ ничтожномъ, повидимому мелочномъ

обстоятельствъ: еще недавно, послѣ 20-ти лѣтъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю освобожденія тотъ же шутовской упрекъ!

Призванный въ члены Редакціонныхъ Комміссій для составленія Положенія о крестьянахъ, Черкасскій перейхалъ въ Петербургъ и сдружился на общей работе съ Н. Милютінымъ и въ особенности съ Юріемъ Самариномъ. Сближеніе съ послѣднимъ, по собственному сознанію Черкасскаго, оказало на него значительное нравственное вліяніе.—Дни и ночи самоотверженаго, одушевленаго труда, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, постоянная, упорная борьба, шагъ за шагомъ, съ могущественными противниками, хулы, клеветы, ненависть, остервенѣлая брань,—все пережитое и испытанное этими тремя главными работниками величайшаго въ мірѣ благодѣянія, вѣчной славы нынѣшняго Государа,—все это теперь уже мало цѣнится или позабыто. Но таково значеніе для Россіи дѣла 19 февраля 1861 года, какъ бы оно ни было несовершенно въ частностяхъ, что имена упомянутыхъ дѣятелей должны бы произноситься не иначе какъ съ благоговѣйною признательностью.

Это была лучшая эпоха въ жизни Черкасскаго. По изданіи Положенія, и онъ и Самаринъ поспѣшили на новый подвигъ—практическаго примѣненія своей работы къ жизни: Самаринъ, въ качествѣ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, въ Самару; Черкасскій, въ должности мироваго посредника, въ родной Веневскій уѣздъ. Его разумныя дѣйствія были тотчасъ же оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и прежняя озлобленная вражда Тульскаго дворянства къ Черкасскому была вскорѣ оставлена.

Послѣ двухъ лѣтъ труда, открылось ему новое поприще. Начался польскій мятежъ. Испробованные способы укрощенія и умирѣнія не приводили къ цѣли. Сила штыковъ при слабой мысли оказывалась недостаточною. Государю угодно было признать необходимость новыхъ пріемовъ и поручить дѣло Н. Милютину. Но Милютинъ не сталъ работать одинъ, а пригласилъ къ содѣйствію своихъ обоихъ сподвижниковъ крестьянскаго дѣла. Съ Высочайшаго соизволенія, но въ ка-

чествъ частныхъ людей, Черкасскій и Самаринъ вмѣстѣ съ Милутинымъ, не безъ опасности для жизни, объѣхали Царство Польское, и плодомъ ихъ усиленныхъ трудовъ явилось Положеніе 19 февраля 1864 г., надѣлившее Польскихъ крестьянъ землею и освободившее ихъ отъ шляхетскаго материальнаго гнета. По выполненіи своей задачи, Самаринъ возвратился въ Россію, а Черкасскій, по совѣту Милутина, вступилъ въ первый разъ на службу, на должность главнаго директора Комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ. Тутъ-то впервые обнаружилъ въ себѣ Черкасскій блестательныя способности администратора, въ высшемъ политическомъ значеніи этого слова; впервые почуяли польскіе мятежные паны и ксендзы присутствіе новой, непроявлявшейся дотолѣ силы,— силы мысли и сознательной воли.—руssкое знамя поручено было твердой и умной рукѣ! За то какой дружный походъ озлобленной ненависти возвигло противъ себя это новое, невиданное пугало, этотъ русскій умъ, — и не только въ польской средѣ, но и въ Римѣ и въ Австріи, особенно когда Черкасскій завелъ живыя сношенія съ Галиціей и съ русскими уніатами. Вообще въ Австріи особенно ненавидѣли Черкасскаго, и были правы: Русь Карпатская и Галицкая была его любимою, задушевною мечтою... Въ русской административной рутинѣ новая струя мысли и сознательнаго русскаго национальнаго чувства, внесенная Черкасскимъ изъ общественной сферы,— Черкасскимъ прямо «изъ общественныхъ вольныхъ дѣятелей», изъ мировыхъ посредниковъ вскочившимъ почти въ министры,—также представлялась чѣмъ-то инороднымъ,—какою-то острою зановою, неспособною раствориться въ этой стихіи посредственности, бездарности и пошлости. Тѣ, которые могли считать себѣ Черкасскаго будущимъ соперникомъ и многочисленная дружина враговъ, нажитая себѣ Черкасскимъ за участіе въ Положеніи 19 февраля, и не менѣе многочисленная фаланга высокопоставленныхъ иностранцевъ съ русскими именами, непрізнающихъ въ Россіи ни Русскаго народа, ни народности, ни исторіи,—все и всѣ, соединясь въ общей станъ, направили свои стрѣлы противъ Черкасскаго. Послѣднему было еще не трудно дѣйствовать — при поддержкѣ Н. А. Милутина въ Петербургѣ, но параличъ, сразившій этого доб-

лестного государственного мужа и замѣна его другимъ, заставили Черкасского выйти въ отставку. Онъ былъ убѣжденъ, можетъ-быть и ошибочно, что ему не будетъ дано прежняго простора для дѣятельности, что онъ не будетъ уже такимъ полнымъ хозяиномъ дѣла, какимъ былъ, а онъ могъ управлять дѣломъ только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ хозяина почти самовластнаго... Нѣсколько болѣе гибкости, болѣе ловкости, болѣе терпѣнія и корыстнаго *расчета*, и Черкасский остался бы на службѣ и достигъ бы, безъ сомнѣнія, высшихъ верховъ знати и почести... Какъ согласить такой неблагоразумный образъ дѣйствій Черкасского съ представлениемъ о честолюбцѣ, лишенномъ *всякихъ ублаждений* и руководящемся только соображеніями личныхъ выгодъ?.. Какъ ни желалъ онъ себѣ высшаго административнаго поприща, гдѣ бы его силы могли найти себѣ полное развитіе и примѣненіе, какъ ни клонило его въ эту сторону—чести и власти,—быть въ немъ, стало быть, какой-то нравственный центръ тяжести, который перевѣсила расчѣтъ — и поставилъ на своесть.

Снова Черкасский въ бездѣйствіи, но черезъ два года снова выступаетъ общественнымъ дѣятелемъ, уже въ званіи Московскаго Городскаго Головы. Здѣсь опять является такой эпизодъ его жизни, который совершенно противорѣчитъ понятію о Черкасскомъ, сложившемся во всѣхъ умахъ, даже очень близкихъ къ нему людямъ. Никто не могъ себѣ объяснить, какъ человѣкъ расчѣта, чуждый всякихъ увлеченій, ловкій и т. д., могъ совершилъ ту ошибку, которая заставила его сложить съ себя званіе Головы и окончательно закрыла ему пути къ высшимъ постамъ администраціи. А между тѣмъ ініціатива этой ошибки принадлежала всецѣло Черкасскому; онъ и самъ затруднялся истолковать поступокъ, который лично для него не могъ, очевидно, имѣть иныхъ послѣдствій кромѣ самыхъ вредныхъ. Такую неловкость, такую непослѣдовательность трудно однако же назвать безнравственной! Да и не была ли эта непослѣдовательность только мнимою? Вопреки ему самому, наперекоръ всѣмъ расчѣтамъ, не было ли въ этомъ поступкѣ чего-то такого, что согласовалось съ внутреннею нравственнouю стихией души? Я разумѣю попытку заявить о настоятельной общественной потребности въ свободной искренности для слова и для вѣрюющей совѣсти.

Тяжело было видѣть Черкасского осужденнымъ на жизнь частнаго человѣка, эти силы, эти способности, бездѣйствующими,—но еще томительнѣе было ему самому. Онъ старался разсѣяться путешествіемъ по Европѣ, гдѣ всѣ, отъ Бисмарка до Тьера, разомъ оцѣнили его по достоинству и только дивились Россіи, небрегущей такими талантами. Но путешествіе не могло удовлетворить жаждѣ дѣятельности этого атлета работы. Года проходили, силы ржавѣли въ праздности, душу точило раздраженіе.

Прошло шесть лѣтъ. Раздалось знаменитое Царское слово 11-го октября 1876 года, какъ дальний раскатъ грома предвозвѣщавшій военную бурю. Черкасскій не счелъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ и предоставилъ себѣ въ распоряженіе высшей власти. Настало его новое и послѣднее земное служеніе. Кромѣ обязанностей Уполномоченного при Дѣйствующей арміи отъ Центрального Петербургскаго Управления Общества Краснаго Креста, довѣріе Государя Императора возложило на него званіе Завѣдывающаго гражданской частью во вновь занимаемомъ краѣ.

Если только представить себѣ исполнинскій объемъ, установку, всѣ трудности порученной Черкасскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ съумѣлъ одолѣть ее Черкасскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну, политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертаній, которая была дотолѣ не болѣе какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о которой ни русская наука, ни Министерство иностранныхъ дѣлъ не заготовили никакихъ точныхъ свѣдѣній; въ страну постепенно отвоевываемую у непріятеля, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчериѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ заняться его отдѣлкой и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общий планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и не имѣя цѣлаго, приводить въ жизнь и въ дѣйствіе отдѣльныя второстепенные части; наконецъ въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана

и высшихъ чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ материаломъ; здѣсь же совершался цѣлый соціальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній правящій слой — турецкій снимался или уничтожался; съ появленіемъ русскаго войска бѣжало все, отъ паші до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ, — надлежало вновь созидать все, сверху до низу, спѣшио, безъ малѣйшаго промедленія. Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводился на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ «военного положенія», которое въ то же время есть прямое отрицаніе гражданскаго. Рядомъ съ насилиемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ и въ то же время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ Турокъ, отнимаютъ городокъ, вслѣдъ зданими водворяется гражданское управление,—и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управлению созданному лишь наканунѣ. Сколько поводовъ обвинять это управление въ недостаткахъ порядка и распорядительности! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ, хотя и родственнымъ, расположеннымъ къ намъ, но терроризованнымъ и насилиями Турокъ и нашими неудачами,—населеніемъ отъ пятисотлѣтнаго рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣствіе Болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, которыя переходили не разъ отъ Турокъ къ Русскимъ и отъ Русскихъ къ Туркамъ? Могли ли Болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправление по приглашенію русскихъ властей и способствовать успеху гражданской организациіи, имѣя передъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните наконецъ, что до самаго конца войны едва кому могло быть известно, вся ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ ли она независима или полузаисима, и какую получить политическую форму.

А между тѣмъ русское правительство не могло поступить

иначе и ограничиться введенiemъ только военного управле-
ния, потому что военное управление упраздняется съ отбы-
тиемъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ
хаосъ, въ которомъ оставило ее паденіе турецкой админи-
страції. Эта безурадица могла бы подать Европѣ поводъ къ
виѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ по-
средствомъ Европейской Коммиссіи; введенiemъ же граждан-
ской организації Россія заявила, что призываетъ Болгарію
къ немедленному самостоятельному бытію. И что бы ни го-
ворили, кназъ Черкасский съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣ-
шилъ эту, повидимому, неразрѣшимую задачу. Введенное
имъ гражданское управление не предопредѣляетъ и не исключ-
аетъ никакой политической формы,—оно необходимая при-
надлежность всякаго благоустроенного гражданского орга-
низма. Для самоуправлениія сельскаго, земскаго и городскаго
онъ далъ широкій просторъ, воспользовавшись порадками уже
существовавшими при Туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ по-
требностямъ болгарской политической автономіи. Благодаря
ему, Болгарія обладаетъ теперь орудіями, необходимыми для
самостоятельного национальнаго развитія и правильнаго без-
препятственнаго отправлениія гражданской жизни.

И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій
подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободного выбора под-
чиненныхъ. Откуда было взять людей для наполненія долж-
ностныхъ мѣстъ, когда Болгарія могла выставить лишь са-
мое небольшое число образованныхъ работниковъ, и почти
никого, способнаго къ административному дѣлу? Одинъ, вда-
лекѣ отъ Россіи, безъ друзей и товарищѣй, среди тревогъ и
и лишений походной жизни; въ суетѣ Главной Квартиры съ
ея многочисленнымъ личнымъ составомъ,—среди пререканій
всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской,
среди интригъ и сплетень, неразлучныхъ съ высшими сфе-
рами власти; неся отвѣтственность и передъ арміей за сла-
бость гражданского управлениія, чуть ли не за всякаго запу-
гнанного Болгарина,—и передъ Болгаріей и общественнымъ
мнѣніемъ Россіи за каждый произволъ воинскаго начальника
и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ
при удовлетвореніи военныхъ нуждъ,—вотъ та обстановка,
при которой приходилось ему работать, та атмосфера, кото-

рою онъ дышалъ. Въ то же время онъ исполнялъ другія, не менѣе тажкия обязанности по званію Уполномоченнаго Краснаго Креста. И также конечно былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нареканій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и восполнить собою недостаточность военно-медицинскаго управлениія. Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едвали, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ,—но Пальмерстонѣ или даже графѣ Андраши, которому сравненіе съ Черкасскимъ, конечно, можетъ быть только лестнымъ, пригодились бы для званія Уполномоченнаго Краснаго Креста при Дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едвали требуетъ, способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ талантовъ совсѣмъ иного калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкасскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненыхъ подъ Плевной и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распоряжался дѣломъ подъ пушками съ поразительнымъ мужествомъ...

Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, заботъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ враговъ. Въ то же время въ дорожомъ отечествѣ нашлись досужие борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи ложные, дерзкие пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему официальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету. Такія статьи, затруднія задачи Россіи возбужденіемъ къ ней недовѣрія въ средѣ Болгаръ, такъ совпадаютъ съ цѣлями Англіи и Австріи въ настоящую пору, что можно было бы признать ихъ писанными по иностранному заказу, еслибы только онѣ были дѣльнѣй и умнѣе. Но увы! все это—доморощенные продукты той нашей интелигенціи, преимущественно петербургской, которая своимъ лакействомъ предъ Европой, своимъ отчужденіемъ отъ русской народности обрекла себя на вѣчное недомысліе, вѣчное болѣное, худосочное дѣтство.

Перейдя пѣшкомъ Балканы и вступивъ вскорѣ потомъ,

вмѣстѣ съ торжествующими нашими войсками, въ Адріанополь, князь Черкасскій, по его словамъ, былъ вознагражденымъ этою минутою за всѣ 14 мѣсяцевъ трудовъ и скорбей. Его благоговѣнію предъ русскимъ солдатомъ не было мѣры. На него и на Русскій народъ возлагалъ Черкасскій неколебимую надежду за будущее Россіи. «Всю ее держитъ» — писалъ онъ изъ за-Дуная — «на своихъ могучихъ плечахъ этотъ простой, этотъ символъ мужикъ! Все одолѣеть, все вынесетъ нашъ добрый, нашъ великий страстотерпецъ — русский солдатъ!»

Я можетъ-быть слишкомъ увлекся и подробнѣе, чѣмъ предполагалъ, изложилъ вамъ главныя характеристики даннныя жизни князя Черкасскаго. Предлагаю вамъ самимъ сдѣлать логическую посылку и добыть выводъ, и затѣмъ свѣрить его съ обычными, банальными сужденіями объ этомъ великому гражданскому бойцѣ и доблестномъ подвижнику.

Въ знаменательномъ совпаденіи для смерти князя Черкасскаго со днемъ 19 февраля, днемъ освобожденія русскихъ крестьянъ и днемъ освобожденія Болгаріи, днемъ исполненія Россіею своего великаго историческаго призванія, видится что-то свыше правосудное. Этюю смертью какъ бы запечатлѣна вѣчная, неразрывная связь имени князя Черкасскаго съ величайшими христіанскими дѣяніями не только русской, но и всемирной исторіи...

9. Рѣчь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го июня 1878 въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ.

Мы, гг.! Надгробнымъ словомъ начались наши послѣднія два собранія. Четыре мѣсяца тому назадъ, хоронили мы человѣка, знаменитаго дарованіями, самоотверженно послужившаго святому русскому дѣлу — дѣлу освобожденія и созиданія Славянскаго міра. Мы оплакивали преждевременную смерть гражданскаго устроителя вновь исхищенной изъ турецкихъ когтей Болгаріи, послѣдовавшую въ самый день подписанія Сан-Стефанскаго договора, и прославляли имя, связавшее себя неразрывно съ однимъ изъ «величайшихъ христіанскихъ дѣяній современной исторіи»: въ самомъ дѣлѣ,

вся Болгарія призвана была къ новой жизни, не было уже болѣе ни одного христіанина — раба на всемъ пространствѣ Болгарскаго разселенія отъ Дуная до Марицы!

Не опять ли хоронить собирались мы сегодня, но уже не человѣка, а миллионы людей, цѣлыхъ страны, свободу Болгаръ, независимость Сербовъ? хоронить великое, святое дѣло, завѣты и преданія предковъ, наши собственные обѣты, — хоронить Русскую славу, Русскую честь, Русскую совѣсть?....

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Скажите вы всѣ, здѣсь собравшіесь: неужели все это не сонь, не просто страшныя грёзы, хотя бы и наяву? Неужели и впрямь на каждомъ изъ нась уже горитъ неизгладимое клеймо позора?.... Не мерещится ли намъ все то, что мы будто видимъ, слышимъ, читаемъ?

Или наоборотъ: прошлое было грэзой? Галлюцинація, не болѣе какъ галлюцинація все то, чѣмъ мы утѣшались и славились еще менѣе полугода тому назадъ?! И пѣненныя Турецкія арміи подъ Плевной, Шипкой и на Кавказѣ, и зимній переходъ русскихъ войскъ чрезъ Балканы, и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, и торжественное шествіе ихъ до Царыграда, — эти необычайныя побѣды, купленныя десятками тысячъ Русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенные Русскимъ народомъ, эти порывы, это священное дѣйствіе народного духа, — все это сказки, миѳъ, порожденіе распаленной фантазіи, можетъ-быть даже «измышленіе московскихъ фанатиковъ!» Не было ни побѣдъ, ни побѣдоносныхъ вождей, ни пролитой русской крови, ни избѣженія Турками христіанъ, ни избавленія Русскими христіанъ.... Однако же полсотни тысячъ солдатъ — раненыхъ, больныхъ, изувѣченныхъ призываются теперь на всемъ пространствѣ Россіи, — однако побѣдоносные вожди возвратились и всенародно, во свидѣтельство русскихъ побѣдъ, возведены въ сань фельдмаршаловъ.... Это уже кажется не мечта, а дѣйствительность. Однако еще недавно въ самомъ Петербургѣ, съ флагами, пѣніемъ народного гимна на улицахъ, съ торжественнымъ молебномъ и пальбою изъ Петропавловской крѣпости, праздновалось официальное обнародованіе Санть-Стефанскаго договора, скрѣпленного подписью нашего кабинета — и нынѣ разрываемаго въ клочки....

Но если все это было, возможно ли же быть тому, что

есть, что́ творится теперь тамъ, на конгрессѣ, что́ служить прямымъ отрицаніемъ, противорѣчіемъ, нарушательствомъ все- му бывшему? Ужели хоть долю правды должны мы признать во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ, которая ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносятъ теперь изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ и, передаваясь въ вѣдѣніе всего народа, ни разу не опровергнутыя русскою властью, то жгутъ его стыдомъ и жалатъ совѣсть, то давать недоумѣніемъ? Какую же картина рисуютъ передъ нимъ всѣ эти публичныя сказанія? Ты ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣженную? Ты ли на скамье подсудимыхъ какъ преступница, каешься въ святыхъ. подъятыхъ тобою трудахъ, молишь простить тебѣ твои побѣды?.... Едва сдергивая веселый смѣхъ, съ презрительной ироніей, похваливая твою политическую мудрость, Западныя державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдный вѣнецъ, преподносить тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не съ выраженіемъ чувствительнейшей признательности, подклонаешь подъ нее свою многострадальную голову!...

Ложь! Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ Берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служить лучшей порукой, что этому не бывать. Не то, чтобы мы сомнѣвались въ справедливости сообщеній о замыслахъ и притязаніяхъ Англіи съ Австріей, руководимыхъ пресловutoю маклерской честностью Германскаго канцлера. Нисколько. Кривдѣ и наглости Запада, по отношенію къ Россіи и вообще къ Европѣ Восточной, нѣть ни предѣла, ни мѣры этой исторической аксіомы, какъ и никакихъ уроковъ исторіи, не вѣдаются только русскіе дипломаты да петербургскія руководящія сферы.... Волѣе чѣмъ вѣроятными, увы! признаемъ мы также и сообщенія о двѣстахъ нашихъ представителей на конгрессѣ: на вѣки не забыть намъ услугъ, оказанныхъ русскою дипломатіею Россіи въ эти послѣдніе два года. Но какихъ бы щедрыхъ уступокъ, во вредъ Россіи и къ выгодѣ нашихъ враговъ, ни натворили русскіе дипломаты,—развѣ Россія, въ лицѣ своего Верховнаго Представителя, сказала свое послѣднее слово?

Не вѣримъ, чтобы всѣ эти щедроты на счетъ русской крови и чести были одобрены Высшою властью; не вѣримъ и не повѣримъ, пока не появится о томъ официальное правительственное извѣщеніе. Но даже и предположить подобное извѣщеніе было бы преступленіемъ противъ достоинства власти!....

И въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли, чтобы весь этотъ колоссальный абсурдъ, эта опшеломляющая нелѣпость рѣшеній конгресса, это сплошное наругательство надъ Россіей могло когда-либо стать совершившимся фактъмъ?

Посудите сами:

Изъ-за чего возгорѣлась война, изъ-за какого ближайшаго повода? Изъ-за турецкой повальной рѣзни, совершенной надъ населеніемъ Южной Болгаріи. Какая главная возвѣщенная задача войны? Вырвать Болгарское племя изъ-подъ турецкаго ига. Никогда никакая война не возбудила такого всеобщаго на Руси сочувствія и одушевленія, не вызвала столько жертвоприношеній любви, не заслужила въ такой полной мѣрѣ названія «народной», какъ именно эта война, благодаря именно этой священной задачѣ. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, Императорская прокламація объявляеть Болгаръ свободными. Немедленно, по Высочайшей волѣ, полагается начало правильной гражданской организаціи края, и всюду, по мѣрѣ его занятія, вводится нами не временное военно-полицейское, а прочное гражданское управление. Попслѣ исполненія усилий, русскія войска преодолѣваютъ Балканы; русскія власти водворяютъ новый строй и по всей Южной Болгаріи. Санъ-Стефанскимъ договоромъ, скрѣпленнымъ подписью Императора Россіи и подписью самого Тураецкаго падишаха, вся Болгарія по обѣ стороны Балканъ возводится въ Княжество. Россійскій Императорскій Комиссаръ торжественно водворяется въ главномъ Южно-Болгарскомъ городѣ Филиппополѣ и дѣлаетъ уже приготовленія къ созыву народнаго собранія... Повѣрила наконецъ несчастная страдалица-страна своему избавленію, съ радостю отдалась вѣрѣ и въ свою будущность, вздохнула свободно, ожидала и вдругъ... Съ соизволенія той же самой великолѣпной избавительницы — Россіи, какъ по живому тѣлу распиливается Болгарія на двѣ части, и лучшая, плодороднѣй-

шая ея часть, Забалканская, та именно которая наиболее истерзана, изъязвлена, осрамлена турецкими звѣрствами, возвращается въ турецкое рабство!... Русскія же побѣдоносныя войска, тѣ самыя, чтѣ цѣною своей крови добыли свободу Южныхъ Болгаръ, приглашаются вновь закрѣпостить ихъ побѣжденному извергу и такъ сказать собственоручно отвести: христіанскихъ женъ на поруганіе, дѣтей на посрамленіе, всѣхъ на лютую турецкую месть за то, что вѣрили въ Русскую власть, за братское сочувствіе къ Русскимъ!

А еще въ Петербургѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, многое множество легкомысленной военной молодежи и всякихъ государственныхъ недоростковъ, вращающихся въ петербургскихъ гостиныхъ, позволяетъ себѣ повально глумиться надъ Болгарами и бранить ихъ за недостатокъ будто бы довѣрія и радушія къ Русскимъ! Не говоря уже о томъ, какъ несправедливо, какъ безсердечно относиться такимъ образомъ, на основаніи частныхъ случаевъ, отульно ко всему народу, да еще къ народу, нравственно забитому, удрученному пятиѣковымъ гнуснымъ рабствомъ, спрашиваемъ ихъ: что, по ихъ мнѣнію, послѣ всѣхъ нашихъ торжественныхъ и нарушенныхъ обѣщаній, достойны ли оказываемся мы довѣрія и любви Болгаръ?...

Бѣдный русскій солдатъ, тебѣ стыдно будетъ и глаза поднять на этихъ твоихъ «братушекъ»... За что же, благодаря русской дипломатіи, будешь ты заклейменъ въ памяти Болгарского народа независтнымъ названіемъ *предателя*!...

И осмѣлитсѧ кто-нибудь повѣрить, чтобы такие результаты конгресса были освящены согласіемъ Русской власти!... Да что же такое случилось? Не претерпѣли ли мы пораженія, страшиаго, поголовнаго, хуже даже Седана, потому что и послѣ Седана Франція не пошла на миръ и отбивалась пять мѣсяцевъ? Ничего не случилось, никакихъ боевъ не было. Только притопнулъ лордъ Биконс菲尔дъ, да Австрія пригрозила пальцемъ: такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуютъ наши газеты. Русская дипломатія, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна, и никто больше.

Все это тѣмъ болѣе невѣроятно, что русскому правительству менѣе чѣмъ кому-либо можно убаюкивать себя надеждою, будто участъ Южныхъ Болгаръ вполнѣ обезпечивается

назначеніемъ нѣкоторыхъ реформъ. Оно слишкомъ богато историческимъ опытомъ, да и не оно ли само, на Константинопольской конференці, съ такою силою обличало несостоятельность всѣхъ гарантій подобнаго рода? Тѣмъ болѣе, что Англія не дозволила истолкованія этихъ реформъ въ широкомъ смыслѣ административной автономіи и допустила ихъ единственно приличія ради и для облегченія Россіи ея политического отступленія. Не только не въ интересѣ Англіи оградить Южныхъ Болгаръ отъ всякаго посягательства на ихъ права личныя и общечеловѣческія, но вся задача поставленная ею на конгрессѣ Болгарскаго вопроса въ томъ только и состоитъ, чтобы вытравить изъ Южной Болгаріи всякій следъ Болгарской народности. Ей запрещается даже и именоваться Болгаріей. Вѣдь христіанскимъ губернаторомъ можетъ быть назначенъ и Англичанинъ въ родѣ Бекеръ-наши и извѣстнаго англійского консула Болгаро-убийцы. Ненависть и ожесточеніе великобританскаго первого министра къ Болгарамъ, невиннымъ виновникамъ послѣдней войны, доросли до такихъ размѣровъ, что лордъ Биконсфильдъ былъ бы не прочь видѣть повтореніе турецкой рѣзни 1876 года, только съ меньшимъ скандаломъ и въ болѣе легальной формѣ. Онъ заботливо обезпечилъ себѣ возможность повального истребленія Болгарскаго въ Румелии племени, при первомъ признакомъ мятежа. Именно для того, какъ официально разъяснено самой Англіей, чтобы предоставить Туркамъ всѣ средства къ немедленному подавленію всякаго восстанія христіанъ въ самомъ его началѣ, по всей южной Болгаріи будуть танутся турецкіе этапные военные пункты, и Балканы послужатъ мѣстомъ постояннаго пребыванія для турецкихъ полчищъ, которыя такимъ образомъ могутъ, во всякую минуту, навернуться какъ въ долинѣ Тунджа и Марицы, такъ и въ Продунайскую Болгарію. Признаки мятежа! Да и теперь въ Румелии только присутствіе двухсотъ - тысячной Русской арміи едва-едва сдерживаетъ взрывы мести и озлобленія между Турками и Болгарами! Вотъ какая перспектива открыта рѣшеніемъ конгресса для Болгарскаго населенія, а офиціозныи, на казенные деньги издающійся въ русской столицѣ органъ чужестранныхъ интересовъ, *Journal de St. Petersbourg*, смѣеть возвѣщать, что Россіи нечего беспокоиться, что ея жерт-

вы принесены не напрасно, что свобода и безопасность христианъ вполнѣ обеспечены! Бывають самообольщенія хотя и грубыя, но искреннія и невольныя: они еще могутъ служить какимъ-нибудь извиненiemъ человѣку. Имъ нѣтъ мѣста въ настоящемъ случаѣ: здѣсь можетъ быть только одинъ вольный, преступный обманъ собственной совѣсти!

Не такова совѣсть у Русского народа. И если, послѣ не совсѣмъ торжественной ретирады Императорскаго Комиссара изъ Филиппополя въ Тырново, послѣ удаленія русскихъ войскъ за Балканы, возобновятся случаи турецкаго звѣрства, и вновь прольется христіанская кровь, и вновь наругается Турокъ надъ христіанскими женщинами, и дойдетъ о томъ до слуха Россіи, — не воспрянеть ли она, словно уязвленная, вся какъ одинъ человѣкъ, и ринется, посылая проклятия своимъ дипломатамъ?....

Ринется? Какъ бы не такъ! Именио противъ этихъ-то великолюдныхъ русскихъ порывовъ и приняты мѣры лордомъ Биконс菲尔домъ сообща съ русскими дипломатами. Британскій министръ, съ безцеремонностью сознающей себя силы, такъ прямо и объявилъ, что вся его задача: оградить Турцію отъ новой побѣдоносной Русской войны, какъ бы тамъ ни мучились христіане; однимъ словомъ, что весь конгрессъ ничто иное какъ открытый заговоръ противъ Русского народа. Заговоръ съ участіемъ самихъ представителей Россіи!! Такъ какъ опять показалъ, что Балканы, оставшіеся до сихъ поръ непреодолимою естественною преградою, не могли сдержать стремленія нашихъ войскъ, то, по рѣшенію конгресса, по всему Балканскому хребту будуть возведены, конечно съ помощью англійскихъ денегъ и инженеровъ, такія турецкія укрѣпленія съ надежными турецкими гарнизонами, которыми-бы сотворили изъ Балканъ твердиню дѣйствительно необоримую....

Вотъ къ чему послужила вся Балканская страда Русскихъ солдатъ! Стоило для этого отмораживать ноги тысячами во время пяти-мѣсячнаго Шипкинскаго сидѣнія, стоило гибнуть въ снѣгахъ и льдахъ, выдерживать напоръ бѣшеныхъ Сулеймановскихъ полчищъ, совершать неслыханный, невиданный въ исторіи зимній переходъ черезъ досягающія до неба скалы! Не успѣли герои Шипки, имя которой стало

такъ любезно, такъ сродни народному слуху, не успѣли они вернуться домой и утѣшиться благодарностью соотчичей, какъ во очію предъ ними Русскою властю противъ нихъ же Русскихъ солдатъ, преодолѣнныя ими преграды обращаются въ непреодолимыя! Безъ краски стыда и жгучей боли нельзѧ уже будеть теперь русскому человѣку даже произнести имя Шипки, Карлова и Балязета и всѣхъ тѣхъ мѣсть, прославленныхъ русскимъ мужествомъ, усъянныхъ русскими могилами, которыхъ нынѣ вновь предаются на оскверненіе Туркамъ! Добромъ же помянуть эту кампанію и русскую дипломатію возвратившіеся солдаты!

И мы отважимся повѣрить, что на все это послѣдовало одобреніе Верховной Власти?.... Никогда!

Наша дипломатія хочетъ утѣшиться тѣмъ, что она добилась у конгресса согласія на возведеніе Придунайской Болгаріи въ Княжество. О простота, простота! Неужели можно думать, что послѣ такого открытаго изъявленія своихъ замысловъ, Англія и Австрія дозволять свободное и самостоятельное, въ національномъ духѣ, развитіе Придунайскаго Болгарскаго края? Неужели можно ожидать, что Англія и Австрія не примутъ всѣхъ нужныхъ имъ мѣръ, для того чтобы парализовать всякое значеніе этого княжества и искоренить его себѣ въ политическомъ и экономическомъ отношенії? Англія уже заявила свое требованіе участія въ гражданской организаціи княжества. Затѣмъ вся второстепенная подробности, вся «детали» рѣшено установить послѣ конгресса, посредствомъ особыхъ комиссій и посольствъ въ Царѣградѣ. Уступивъ въ главномъ, стбить ли препираться о мелочахъ? Русские дипломаты за мелочами гоняться не любятъ! Но сѣть мелочей, систематически сотканныя Англіей и Австріей, такъ опутаетъ Придунайское Болгарское Княжество, какъ будто оно сжато желѣзными обручами, и не высвободиться ему изъ нихъ.

Да мѣры уже и приняты. Если Санъ-Стефанскій договоръ, по сознанію всего русскаго общества, грѣшилъ явною несправедливостью по отношенію къ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, то конгрессъ взялся исправить эту ошибку. Сербіи принарѣжестся нѣсколько лишнихъ квадратныхъ миль, но за то австрійскія войска вступятъ въ Боснію и Герцегови-

ну. Съ умильтельнымъ единодушіемъ всѣ державы, исключая Турцію, но не исключая Россіи, благословили Австрію на оккупацию, безъ сомнінія бессрочную, этихъ двухъ Славянскихъ земель, а потомъ на подчиненіе себѣ, въ той или другой благовидной формѣ, въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи, и независимой Сербіи и независимой Черногоріи, и всей продольной полосы Балканского полуострова вдоль западныхъ границъ Болгаріи, вплоть до Эгейскаго мора! Русская дипломатія видитъ въ этомъ даже какое-то особенное торжество своей политики и съ увлечениемъ, которому графъ Андраши даже и не вдругъ повѣрилъ, привѣтствовала, какъ новую эру, разграниченіе сферъ влиянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ!

Нѣть такихъ и словъ, чтобы заклеймить по достоинству это предательство, эту измѣну историческому завѣту, призванію и долгу Россіи. Согласиться на такое рѣшеніе—значить подписать свое самоотреченіе, какъ Главы и Верховной Представительницы Славянскаго и всего Восточно-Христіанскаго міра,—значить утратить не только свое обаяніе, не только сочувствіе, но и уваженіе Славянскихъ племенъ, нашихъ естественныхъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ Европѣ. Свобода, самобытное развитіе и преуспѣяніе духовныхъ стихій Славянской народности возможны для Славянъ только въ единеніи любви къ Русскимъ народомъ.... Иначе рѣшаетъ русская дипломатія! Для того только, православный Русский народъ, единый могучій и независимый изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, для того только и пролилъ ты свою драгоценную кровь, принесъ въ жертву сотни тысячъ твоихъ сыновъ, для того ты и разорялся и временно обнищалъ, стяжалъ себѣ поистинѣ вѣнецъ страстотерпца и мученика, чтобы собственными побѣдами унизить себя какъ Славянскую державу, расширить владѣнія, умножить силу враговъ — твоихъ и всего Славянства, и подчинить Православныхъ Славянъ господству Нѣмецкой и католической стихіи! Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!...

Если во время Константинопольской конференціи мы говорили, въ такомъ же собраніи, что щеки пылаютъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ, то что же сказать теперь,

при ежедневныхъ, торжественныхъ заушеніяхъ? А русскіе дипломаты, если вѣрить газетамъ, послѣ каждого заушенія, только расписываются въ полученіи и просятъ взамѣнъ для Россіи лишь аттестата о «безкорыстії»! По истинѣ безкорыстно, и въ аттестатѣ имъ не отказываютъ...

Слово нѣмѣть, мысль останавливается, пораженная, предъ этимъ колобродствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, предъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и Престола не могъ бы изобрѣсть чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Коть они, наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій,—которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ. Засуличъ и К°, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живаго національнаго чувства. И тѣ и другіе—иностранны въ Россіи и поютъ съ чужаго европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него какъ на *tabula rasa*. презираютъ его органическія, духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіей и направлять насильственно на путь противоестественный... Всѣ они—близкая другъ другу родня, порожденіе одного съмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринаами и главное—степенью самосознанія... Предоставляю вамъ самимъ рѣшать, кто же однако изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо-анархическихъ и утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ, въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственного достоинства?

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, *Turciui*, грозящей своимъ смѣлымъ сопротивленіемъ обратить въ ничто всемудрый конгрессъ, суждено явиться ангеломъ — спасителемъ русской чести?

Нѣтъ, что ни происходило бы тамъ на конгрессѣ, какъ бы ни распиналась русская честь, но живъ и властенъ ея вѣчный Оберегатель, Онъ же и Мститель! Если въ нась, при одномъ чтеніи газетъ, кровь закипаетъ въ жилахъ, что же долженъ испытывать Царь Россіи, несущій за нее ответственность предъ Исторіей? Не Онъ ли самъ назвалъ дѣло нашей войны «святымъ»? Не Онъ ли, по возвращеніи изъ-за

Дуная, объяснилъ торжественно привѣтствовавшимъ его депутатамъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ, что «святое дѣло будетъ доведено до конца»? Страшны ужасы брани, и сердце Государя не можетъ легкомысленно призывать возобновленіе смертей и кровопролитія для своихъ самоотверженныхъ подданныхъ, — но не уступками, въ ущербъ чести и совѣсти, могутъ быть предотвращены эти бѣдствія. Россія не желаетъ войны, но еще менѣе желаетъ позорного мира. Спросите любого Русскаго изъ народа, не предпочтеть ли онъ биться до истощенія крови и силъ, только бы избѣжать срама русскому имени, только бы не стать предателемъ христіанъ-братьевъ? Еще не постыдно уступить превосходной соединенной силѣ враговъ послѣ долгихъ, героическихъ побоищъ, какъ уступили и мы въ 1856 году безъ урона для своей славы, какъ уступила недавно и Франція. Но уступать *предупредительно*, безъ боя и выстрѣла, это было бы уже не уступкою, а отступничествомъ. Да и кто бы въ Европѣ дѣйствительно отважился теперь на войну? Не Англии же, въ самомъ дѣлѣ, съ ея Индійскими чудищами, можемъ мы опасаться на сушѣ, а отъ войны на морѣ она потерпитъ сильнѣе чѣмъ мы. Не Австрія же, у которой, по выраженію покойнаго Тютчева, все тѣльо — Ахиллесова пятка (*dont tout le corps n'est qu'un pied d'Achille*), которая именно войны съ Россіей пуще всего и боится, потому что только отъ одной рѣшиимости Россіи зависить вызвать на свѣтъ Божій «Австрійскій вопросъ».... Несокрушимъ и непобѣдимъ Русскій Царь, если только Онъ, съ ясностью исторического сознанія, съ твердою вѣрою въ предназначение своего народа, отложивъ въ сторону попеченіе объ интересахъ Западно-Европейскихъ державъ, интересахъ своекорыстныхъ и намъ враждебныхъ, воздѣнетъ, по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ, «высоко, грозно и честно» въ своей длані знамя Россіи — оно же знамя Славянъ и всего Восточнаго Христіанства!

Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о Берлинскомъ конгрессѣ и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится Царское слово: «святое дѣло будетъ доведено до конца».

Долгъ вѣрноподданныхъ велитъ всѣмъ надѣяться и вѣрить, — долгъ же вѣрноподданныхъ велитъ намъ и не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣнія между Царемъ и землею, между Царской мыслью и народною думой. Ужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаваться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: «молчите, честныя уста! гласите лишь вы, лесть да кривда!»...

Отвѣтъ И. С. Аксакова на посланіе къ нему д-ра Фр. Лад. Ригра *).

Досточтимый господинъ!

Да,—скажемъ и мы въ отвѣтъ на ваше братское посланіе отъ имени сеймовыхъ депутатовъ Чешскаго народа,—ночь для Славянъ наконецъ минула и встало утро—*вѣщее* утро великаго міроваго дня: слышится трепетъ новой исторической жизни. Казалось бы, чтѣ же необычайного въ этой борьбѣ, предпринятой нынѣ Россіей? Не въ первый разъ устремляются русскія знамена за Дунай для блага угнетеннаго и посрамленнаго христіанства, и если кому несуть они избавленіе и свободу, такъ только тѣмъ отраслямъ Славянскаго племени, которыя уже пять вѣковъ изнываютъ подъ ненавистнымъ турецкимъ игомъ. А между тѣмъ не одни Славяне Балканскаго полуострова,—Славяне и прочихъ странъ и именованій встрепенулись мыслю и духомъ, какъ будто и для нихъ насталъ историческій чередъ, какъ будто всѣ позваны, всѣ требуются къ отвѣту, всѣмъ надлежитъ вскорѣ стать на судъ исторіи, судъ Божій.... Готовы ли—вотъ въ чемъ вопросъ.

Не забота «о почетной роли первенства въ исторіи» и о томъ всемірномъ владычество, которое даетъ «цивилизація, созданная народами Арійскаго племени», какъ гласить ваше посланіе, должна бы, по нашему мнѣнію, тревожить въ наступающей мигъ Россію и все Славянство. Пусть первенствуетъ истина, пусть «жезль вселенной» принадлежить правдѣ. Наша «почетная роль въ исторіи» прежде всего:

*) Изъ Праги, отъ 3 мая 1877 г.

стать, быть и жить самими собою, Славянами, чѣмъ мы до сихъ поръ не были или были, но не вполнѣ; значить и дѣйствовать въ исторіи какъ Славяне; служить—не «культурѣ» и «цивилизациѣ»: замѣнимъ эти малосодержательныя иностранныя слова и понятія многосодержательнымъ славянскимъ выраженіемъ — служить *просвещенію* общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ *свою* правдою — свойствами и особенностями славянскаго народнаго духа. О томъ надлежитъ намъ заботиться, чтобы явиться достойными своего призванія и помнить древнѣйшій завѣтъ, исходящій изъ вашей же достославной Чешской земли:

Намъ не хвально у пѣмцевъ искать правду,
потому что, прибавляетъ сказаніе:

У насть правда по закону святу... *).

Соблюденъ ли Славянами, а если и соблюденъ, то въ какой мѣрѣ и степени этотъ многозначительный завѣтъ?

Неисповѣдимы пути исторіи. Судьбы Славянскаго племени тѣмъ отличаются отъ судебъ прочихъ народовъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ на всемирно-историческомъ поприщѣ, что нѣть ни одной славянской отрасли, которая бы въ томъ или въ другомъ видѣ, въ теченіи своей жизни, не подверглась испытанію чуждаго ярма, виѣшняго или внутренняго, вещественнаго или нравственнаго, авіатскаго или романо-германскаго; которая бы, послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, не извѣдала, въ свое время, или насильственнаго обезличенія извѣтъ, или измѣни и отступничества отъ отеческихъ преданій внутри себя,—въ цѣломъ ли своеемъ объемѣ и численномъ составѣ, или только въ отдѣльныхъ областяхъ и въ лицѣ однихъ руководящихъ, такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Всѣ волей-неволей поискали правду вчуждѣ, пренебрегая «стародавнюю правду по святому закону»; всѣмъ грозила опасность утратить, а нѣкоторыя и утратили, не только политическую независимость, но самую свою народность въ ея высшемъ значеніи—духовномъ.

Не станемъ распространяться о сокровенныхъ причинахъ

*.) Пѣснь о Лѣбутинномъ судѣ.

такого явилия: оно безъ труда можетъ быть объяснено и даже оправдано. Явление иного рода, обратное, въ высшей степени знаменательное, изумляетъ и поражаетъ міръ въ жизни Славянского племени съ начала текущаго столѣтія. На глазахъ у всѣхъ совершается обновленіе и возрожденіе народнаго духа во всемъ Славянствѣ (кромъ отраслей окончательно погибшихъ), и совершается не властю виѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, а часто наперекоръ имъ, труднымъ, упорнымъ, внутреннимъ процессомъ самосознанія. Почти всѣ Славянскія страны напряженною работою мысли усиливаются позвать, понять, какъ бы вновь обрѣсти свою народность, возстановить ея права на духовную самостоятельность, на первенство и господство во всѣхъ отправленияхъ народнаго бытія. Подвигъ по истинѣ суровый и сложный,—несомнѣнно самимъ Пророкомъ сужденный Славянскому миру,—подвигъ, отъ котораго, въ той или другой мѣрѣ, не свободенъ ни одинъ Славянскій край. Всѣ призваны пройти этимъ особымъ тяжкимъ путемъ внутреннаго возсозданія и самоопределѣленія,—и только пройдя этимъ путемъ можетъ отрасль Славянского племени чаять себѣ будущности въ исторіи.

Страннымъ и извращеннымъ представляется, быть можетъ, инымъ мыслителямъ такой своеобразный процессъ развитія въ жизни Славянскихъ народовъ. Особенно же страненъ онъ съ точки зрѣнія западно-европейской. Несомнѣнно, что западноевропейскія племена, болѣе повидимому счастливыя, почти не вѣдали ни подобнаго внутренняго раздвоенія, ни отрицанія началъ собственного духа; жили и творили въ исторіи, не испытывая даже и потребности обращать для себя свою же народность во виѣшній предметъ сознанія и руководства. Еще болѣе сомнительнымъ кажется, чтобы отъ мысли, отъ анализа и абстракта можно было перейти къ жизни и къ дѣлу, къ тѣмъ конкретнымъ явленіямъ силы, для которыхъ требуется болѣе всего цѣльность и синтезъ, непосредственное творчество народнаго духа. Но справедливость этого замѣчанія только видимая. Къ душѣ народнаго организма, какъ и вообще къ сложной душѣ человѣческой, трудно примѣняются требования и правила строго-логического формального развитія, да и едва ли возможно сослѣдить во

всей точности внутренний ходъ ея психического процесса. Развѣ самое побужденіе къ самопознанію, къ возстановленію народной самостоятельности можетъ быть вызвано въ дѣятельяхъ чѣмъ-либо инымъ, какъ живою непосредственною любовью, непосредственнымъ воздействиѳмъ самого народного духа, смиренно притягивающаго въ избранныхъ сердцахъ и только ждавшаго себѣ призыва и оправданія? Вотъ, мнится намъ, пламя исторической жизни повидимому совсѣмъ уже угасло, но наука, окрыляемая любовью, отыскиваетъ пепелище, бережно свѣтитъ пепель, и тлившіяся подъ нимъ искры разгораются снова. Таковъ въ особенности доблестный подвигъ чешскихъ мужей мысли и знанія, которые, уже на нашей памяти, одушевленно-терпѣливыми трудомъ сняли съ родной земли много наносныхъ, чужихъ слоевъ и добрались наконецъ до глубоко склоненныхъ, засоренныхъ, но еще живыхъ ключей народного духа.

Въ этомъ особомъ, необычайномъ законѣ развитія, которому подчинены судьбою всѣ отрасли Славянского племени,— по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которая имѣютъ въ себѣ задатки жизни,—видится намъ несомнѣнныи залогъ высшаго призванія Славянства въ исторіи міра. Ибо, совершая подвигъ самосознанія, народная духовная сущность необходимо отрѣшается отъ своей исключительности, узкости и односторонности, умудряется опытомъ чужихъ народовъ, пріобрѣтать широту умственного кругозора, укрѣпляется въ своей собственной правдѣ и становится такимъ образомъ наиболѣе способною для высшаго служенія человѣчеству, т. е. для выраженія и воплощенія въ жизни основныхъ началъ христианства. Богато одарено Славянское племя: въ мѣру этого богатства дано ему и призваніе; въ ту же мѣру сужденье ему тажкій очистительный подвигъ, по божественному слову: кому много дано, съ того много и взыщется.

Не въ физиологическихъ только признакахъ породы и даже не въ языкахъ заключается народность и ея право на самостоятельное бытіе. Народность въ исторіи есть понятіе по преимуществу нравственное и духовное. Чѣмъ пользы въ сохраненіи физиологической особенности, если не сохранена особенность духа, если самъ народъ нравственно безличенъ? Чѣмъ толку въ народности, если она лишена своеобразного

внутренняго содержанія? Не для того Провидѣніе тысячелѣтнимъ историческимъ процессомъ искушаетъ, какъ въ горнилѣ, различныя отрасли Славянскаго племени, чтобы онѣ, въстановляя свою самобытность, обращали свой языкъ въ безразличное слѣпое орудіе чуждаго духа, служили славянскою рѣчью противославянскому міровоззрѣнію и подчиняли свою славянскую совѣсть духовному руководительству исконныхъ враговъ Славянства.

Вотъ почему мы и сказали въ началѣ, что наступающій историческій день потребуетъ всѣ отрасли Славянскаго племени къ допросу: то будетъ день не только воскресенія, но и суда.

Безъ сомнѣнія наистрожайшему отвѣту подлежитъ тотъ народъ, который, по своей многочисленности и виѣшнему государственному могуществу, такъ сказать помазанъ на первенство и предводительство въ семье Славянской, а вмѣстѣ съ тѣмъ на подвигъ служенія своимъ братьямъ: освобожденія порабощенныхъ, укрѣпленія слабыхъ, возсоединенія разрозненныхъ. Но, къ стыду нашему, мы сами долго коснѣли въ невѣдѣніи о своемъ долгѣ и своемъ призваніи, и мало были достойны вашей братской любви. Не на Русскомъ великомъ народѣ однако же тяготѣть эта вина, а на той части общественной русской среды, которая руководила его виѣшними судьбами и въ своемъ духовномъ подобострастіи предъ Западной Европою, не зная ни своей исторіи, ни своей народности, преграждала народу свѣтъ исторического сознанія. Нынѣ, слава Богу, послѣ долгой упорной борьбы препрада пала, и свѣтъ сознанія съ быстротою моліи охватилъ и подвигъ къ новому бытю всю Россію. Въ томъ ясномъ, свѣтломъ, мужественномъ одушевленіи, съ которымъ Русскій народъ, на удивленіе всего міра, подъяль кровавый бой съ врагами Христа и Славянства, слышится не «юношескій порывъ», какъ выражается ваше посланіе, и не религіозное только увлеченіе, и даже не одна радость богатыря, который нашелъ себѣ честный подвигъ по силамъ и по сердцу, а радость о раскрывшемся высокомъ призваніи Россіи, какъ православной и славянской державы, о чаемомъ исполненіи впервые сознанного имъ исторического долга, объ обрѣтеніи наконецъ праваго пути послѣ долгихъ блужданій, объ обрѣ-

теніи цѣлаго міра братства. Отнынѣ только Россія становится по истинѣ во главѣ Славянства, и останется во главѣ, какихъ бы ухищреній ни измышили на Западѣ ея мнимые друзья и ея отъявленные враги.

И именно потому-то такъ важны для нея въ современную пору заявленія братскаго сочувствія со стороны западныхъ отраслей Славянскаго племени, заявленія безкорыстныя, такъ какъ отъ настоящей войны Россіи съ Турціей имъ нечего ждать для себя какихъ-либо практическихъ результатовъ. Эти заявленія, напоминая Россіи объ ея славянскомъ призваніи и о развѣтвленіяхъ Славянскаго міра, служатъ ей путеводными указаніями, внушающими ей бодрость и чувство силы. Конечно,—мы не хотимъ этого скрыть,—понятію Русскаго народа доступнѣе та именно братская связь, которая основана не на одномъ кровномъ родствѣ, но и на родствѣ духовномъ. Ему легче опознать себѣ братьевъ въ тѣхъ отрасляхъ Славянскаго племени, которые вмѣстѣ съ нимъ соблюли вѣрность преданіямъ древней Вселенской церкви, нежели въ Славянахъ олатинившихся, коихъ духовное средоточіе—Римъ. Однако же та особенная горячность сочувствія, которая въ настоящій мигъ проявлена Россіи Чешской землею,—отозвалась въ самой глубинѣ русскаго народнаго сердца и пробудила въ немъ радостныя упованія...

Велики заслуги Чешского народа предъ всѣмъ Славянствомъ. Вы праведно хвалитесь тѣмъ, что «свѣтъ христіанскаго ученія, воасіявшій въ вашемъ Велеградѣ, благодаря славянскимъ вѣроучителямъ, озарилъ отъ васъ весь Славянский Востокъ». Вѣрно и то, что Гусъ былъ первымъ въ Европѣ «по времени» борцомъ за идею, и что не мало мощныхъ силъ духа явилъ въ себѣ Чешскій народъ, который, пережилъ гуситскую эпоху своей исторіи, эту эпоху борьбы и мученичества «за высокіе интересы (приводимъ ваши подлинныя выраженія), за просвѣщеніе, за свободу религіозныхъ убѣжденій, за свою славянскую народность, израненный на смерть, пребываетъ донынѣ несокрушенный, не отступаясь отъ права народности». Вы надѣетесь, что Славянство поддержить Чешскій народъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ и занимаетъ—«передового стражи Славянства».

Да сбудется ваша надежда. Но да позволено будетъ намъ

пополнить ваше изчисление заслугъ гуситской эпохи и еще выше вознести славу величайшаго мужа вашей земли. Не въ томъ только заслуга Чешского народа, что онъ даже «по свидѣтельству западной исторіографіи», какъ выражается ваше посланіе, былъ первымъ *по времени* борцомъ за идею въ лицѣ Гуса и сталъ мученикомъ за свободу религіозныхъ убѣжденій. Нѣть такого лживаго религіознаго ученія, которое бы не отстаивало для себя свободы совѣсти и не имѣло бы борцовъ и мучениковъ за свою превратную, но искренно исповѣдываемую идею; поэтому выше чести, приписываемой западными историками Гусу, ставимъ мы самое содержание его протеста, самое внутреннее достоинство той *идеи*, за которую онъ боролся и былъ мучимъ. И вѣдомо намъ, да и вамъ самимъ, что идея Гуса связывалась непосредственно съ тѣми преданіями, которымъ начало положено, по словамъ вашего же посланія, въ Велеградѣ и которыхъ унаслѣдованы Россіею со всѣмъ остальнымъ православнымъ Славянствомъ. Свѣтъ христіанскаго ученія, озарившій, какъ вы сами вѣрно свидѣтельствуете, изъ вашего Велеграда весь Славянскій Востокъ, не этотъ ли самый свѣтъ озарилъ и Гуса и воскресиль въ его душѣ святыхъ, завѣщанныхъ вашимъ предкамъ преданія, утраченныя латинствующими и сохраненные православными Славянствомъ? Но латинскій Западъ, собравшись на Констанцскомъ судилищѣ, съ римскимъ первосвященникомъ и римскимъ императоромъ во главѣ, предалъ огню и Гуса и его дѣло...

Чехи, Чехи! такъ ли, какъ должно, чтите вы память资料 of Гуса? Ужели его подвигъ только стародавній исторический фактъ, важный только «по времени», уже покрывшийся для васъ безразличною пыльсенью благо, уже вполнѣ завершенный и отжитый?

Чехи! Чехи! Констанцкій соборъ не расходился — онъ пребываетъ и поднесъ, мѣня только названія: — онъ продолжаетъ и нынѣ громить анаемами и Гуса, и его дѣло, и все Славянство.

Костеръ Гуса не угасъ, — онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанціи только, а въ самой Прагѣ. Кто же поддерживаетъ пламя? Кто подкладываетъ дрова въ костеръ?

Всѣ, всѣ связавшіеся духовными узами съ Римомъ, всѣ

пребывающіе и нынѣ въ духовномъ единствѣ съ убійцами Гуса, съ тою властью, которая, предавъ его сожжению, ни разу въ теченіи пяти вѣковъ не отреклась отъ своего дѣянія, но продолжаетъ сожигать его и понынѣ, и еще недавно богохульственно призывала благословеніе небесное на враговъ Христа и Славянства, и кару небесную на вашихъ славянскихъ братьевъ, дерзнувшихъ избавить христіанъ отъ тирании Ислама....

Скажите сами: развѣ всѣ ревностно и усердно исповѣдующіе враждебное Гусу ученіе не повторяютъ сожженія Гуса и теперь, ежедневно и ежечасно въ сердцахъ своихъ? не пріобщаются къ сонму его палачей? не отступники духа славянскаго?

Всякое славянское племя, приковавшее свою духовную судьбу къ духовнымъ судьбамъ латинства, подлежитъ одному съ нимъ суду, само заранѣе подписываетъ себѣ одинаковый съ латинствомъ историческій приговоръ.

Угасите же костеръ Гуса. Оправдайте мученика, прославьте его не суетною, а святою, подобающею ему славою, и во имя его, въ духовномъ единеніи съ Славянствомъ восточными, станьте вы, Чехи, на Западѣ, во истину передовымъ стражемъ Славянства.

Братскій привѣтъ вамъ и благодарность отъ всѣхъ, къ кому обращено ваше посланіе.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „РУСЬ”.

1880—1881 г.

(ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНИЕ.)

Из № 3, октябрь 1880 г.

Можно признать чуть не за безошибочное руководство къ уразумѣнію европейской политики такое правило: принимать всякий совѣтъ, всякую похвалу и хулу, расточаемыя нашими иностранными сосѣдами русскому кабинету и вообще Россіи—въ обратномъ смыслѣ. Если, напримѣръ, поднимается свисть и гамъ по поводу властолюбія и завоевательной похоти Россіи, знайте, что какая-либо западно-европейская держава готовить бессовѣстнѣйшій захватъ чьей-либо чужой земли,—Славянской или иной, но такой захватъ, который прямо вредить интересамъ нашимъ или дружественныхъ намъ единоплеменниковъ. На Западѣ хорошо знаютъ, что мы ничего такъ не боимся, какъ общественного мнѣнія Европы, какъ обвиненія въ недостаткѣ либерализма,—что настъ легко запугать и заставить оправдываться,—«клясться и ротитися», по древнему выраженію, въ томъ, что ни въ какихъ мы не только замыслахъ, но и помыслахъ неповинны.—«А ну-ка докажи!» требуетъ Европа. И мы предъявляемъ доказательства, что въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ поступили даже себѣ въ ущербъ, блага ради Европы.—«Мало! Это мы ужъ забыли. Отступись отъ того, чѣмъ ты особенно дорожишъ, чтѣ тебѣ принадлежитъ по праву, чтѣ ты купила своею кровью, отступись и отъ своихъ друзей». Мы и отступаемъ, хоть и со слезами на глазахъ, да еще благодаримъ, что дешево отѣвались. Сильна увѣренность Европы въ нашей незлобивости, смиреніи и великой простотѣ. Конечно, простота вещь

хорошая; Богъ простоту любить... но не всякую. — Далѣе: если нѣмецкія газеты начинаютъ указывать русскому правительству на опасности «нигилизма и разрушительныхъ учений», то, вникнувъ въ смыслъ указаній, вы сейчасъ увидите, что подъ «нигилизмомъ и разрушительными ученіями» онѣ разумѣютъ ничто иное, какъ русское национальное направление; выражющееся иногда въ нашихъ газетахъ (преимущественно въ области вѣшней политики и въ нѣкоторыхъ отдельныхъ случаяхъ общественной жизни). По поводу всякаго проявленія русского народнаго чувства, хотя бы консервативнѣйшаго свойства, всякаго чуть замѣтнаго движенія русской самобытной мысли, нѣмецкія газеты бываютъ въ набатъ и кричать: «огонь! пожаръ! нигилизмъ!» — адресуя свои крики не кому иному какъ нашей правительственной сфере. Но за кого же принимаютъ онѣ нашихъ «власть имѣющихъ?» Какую же — не то что недальновидность, а слѣпоту, и — не то что слабомысліе, но уже совершенное тупоуміе должны они предположить въ русскихъ государственныхъ мужахъ, если считаютъ ихъ способными пугаться такими плоскими застрашиваніями, не разумѣть того, что творится у нихъ дома и предъ глазами! Въ Россіи хорошо вѣдаются, что если что было, какъ говорится, на руку нашимъ друзьямъ-сосѣдямъ, такъ именно дѣянія нашихъ соціалистовъ-революціонеръ, террористовъ и прочихъ несчастныхъ ревнителей «русскаго мужика и народной свободы» съ неудобовыговаривающими и непонятными для народа кличками. Смущеніе, недоумѣніе, однимъ словомъ тотъ нравственный кошмаръ, который, благодаря имъ, нѣкоторое время давилъ Россію, производилъ на Западѣ нѣкоторое тайное злорадство: «Россія теперь не до того,—такъ поспѣшимъ же строить противъ нея ковы, а пока будемъ великодушно совѣтовать ей именно такія мѣры, которыя бы не дали ей оправиться; берегись патріотизма, берегись славянолюбства, — берегись народа, — берегись себя самой: вѣрь Нѣмцамъ!» И ничто такъ непріятно не озадачиваетъ нашихъ друзей въ Германіи и Австріи, какъ проявленіе вновь нѣкоторой бодрости и здоровья въ этомъ, едва уже не отпѣтомъ ими русскомъ тѣлѣ!

Вотъ теперь снова затѣваются они пѣсню о русскомъ панславизмѣ, — когда и новаго, кажется, ничего не произошло,

и поводовъ въ тому нѣть, и въ Восточномъ вопросѣ мы сми-
ренію идемъ даже не рядомъ, а во слѣдъ Англіи. (Англія
вѣдь крупный авторитетъ, которымъ заслоняться можно)...
Чтѣ же сонъ сей значитъ? Ничего болѣе, какъ сооруженіе
панславистскаго плана самою Австріею, съ благословенія, ко-
нечно, нѣмецкаго канцлера и себѣ на потребу. Да, затѣвается
новый панславизмъ—съ исключеніемъ конечно Россіи,—пан-
славизмъ австрійскій, цѣлая система объединенія Славянскихъ
племенъ въ лонѣ католической церкви и подъ верховною
властью Габсбурговъ. Тѣ православныя племена, какія имѣ-
ются въ самой Австріи, напр. Сербы Венгрии и Хорватской
Границы, не представляютъ для Австрійскаго правительства
никакой серьезной опасности: многіе изъ нихъ въ высокихъ
чинахъ и служатъ вѣрой и правдой интересамъ монархіи,
а во главѣ ихъ церковнаго устройства поставленъ человѣкъ—угодливый чуть не до отступничества. Русскіе въ Га-
лиціи и Венгрии давно уже обезличены унієй; что же ка-
сается до будущихъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуост-
ровѣ, то если не вполнѣ, такъ отчасти, почва для австрій-
скаго панславизма уже подготовляется искусно разсчитан-
ной пропагандой: а чего не довершить пропаганда, то усту-
пить силѣ и выгодѣ, убѣдившись, что отъ Россіи ждать по-
мощи уже нечего. Таковы обширные планы Австріи, въ ко-
торыхъ пособниками ей является не одинъ Бисмаркъ, но и
вся Западная Европа, за исключеніемъ только, пребывающей
пока во власти, либеральной партіи въ Англіи.

Начать съ папы. Левъ XIII недавно, «въ доказательство
своей отеческой любви къ Славянамъ» безъ различія, и въ
виду «возрастающаго политического значенія этого племени»,
издалъ энциклику о беатификациіи славянскихъ первоучите-
лей Кирилла и Меѳодія; т. е. постановилъ праздновать день
сихъ святыхъ (5 іюна) какъ общій праздникъ для *всего като-
лическаго міра*. Затѣмъ, онъ же, Левъ XIII, предпола-
гаетъ разрѣшить, по ходатайству и по плану своего нунція
въ Вѣнѣ, монсіньора Якобини (теперь произведенного въ
папскіе статсь-секретари), Славянамъ—католикамъ Австріи
богослуженіе на славянскомъ же языкѣ. Надъ этимъ проек-
томъ работаютъ теперь въ Ватиканѣ. Неизвѣстно еще, до-
пущенъ ли будетъ для литургіи нашъ же церковно-славян-

скій языкъ, или же каждому племени будетъ предоставлено служить Богу на своемъ племенномъ нарѣчіи.—Это планъ новой гигантской унії. Такъ какъ народнымъ массамъ въ Славянскомъ православномъ мірѣ пуще всего претитъ употребление латинского языка, такъ какъ именно этотъ языкъ представляется видимою преградою и видимымъ, самимъ понятнымъ и осознательнымъ отличіемъ католицизма отъ православія, то съ отмѣною этой преграды и этого отличія упраздняются существенныя затрудненія для перехода въ унію и признанія папы главою церкви,—особенно же если переходъ сопровождается выгодою и могучимъ покровительствомъ всей Западной Европы.

А что вся Западная Европа безъ различія вѣроисповѣданій, всѣ ея государственные и общественные дѣятели, вѣрующіе и невѣрующіе, будутъ содѣйствовать успѣху этого плана, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Ненависть Запада къ Востоку и православію является въ исторіи міра—традиционнымъ, инстинктивнымъ, какимъ-то непосредственнымъ чувствомъ и двигателемъ. Въ наше же время она осмыслена и оправдана въ общемъ западно-европейскомъ сознаніи тѣмъ, что именно-де въ православіи Славянскихъ племенъ—основаніе симпатій и влеченій ихъ къ Россіи. О необходимости окатоличить Балканскихъ Славянъ проповѣдавалъ въ своей газетѣ, лѣтъ еще около 20 тому назадъ, предшественникъ современныхъ французскихъ коммунаровъ, открыто отрицающій Бога и всякую вѣру, Геру (*Héroult*). Рукоплескать этому будетъ и Рошфоръ, и всѣ поджигатели Парижа (сильно возмущающіеся теперь отдачею Дульцинѣ Славянамъ, къ обидѣ Албанцевъ, почему-то вдругъ принятыхъ ими подъ свое покровительство! въ этомъ духѣ, впрочемъ, пишетъ и политикъ *Revue des deux Mondes*; насильственная же отдача Босніи и Герцеговины — Австріи не возмутила ни одного «либерала» въ Европѣ!!!). Французское республикансое правительство отъ имени католической Франціи предъявляетъ свои права на покровительство Славянамъ-католикамъ Балканского полуострова, только католикамъ,—тогда какъ это право исключительного покровительства Славянамъ православнымъ отнято у православной Россіи! Анаематствованное Итальянское правительство также дѣйствуетъ въ пользу пропаганды, за одно съ предавшимъ его анаемъ папой....

Объ Австрии нечего и говорить. Католическая пропаганда устроена ею между Балканскими Славянами въ обширныхъ размѣрахъ. Цѣлые тучи латинскихъ миссіонеровъ опустились на полуостровъ.... Одновременно съ этой пропагандой, съ этими новыми духовными сѣтиами, изготавляемыми для православныхъ Славянъ въ видѣ унії, разставляются политическія сѣти и для всѣхъ Австрійскихъ Славянъ вообще, которые, несмотря даже на различие вѣроисповѣданій, еще влекутся невинными симпатіями къ Россіи. Вотъ уже почти два года приводится въ исполненіе, и съ замѣчательнымъ успѣхомъ, въ своемъ родѣ грандіозная система кокетничанья съ Чехами, Поляками, Хорватами, Словенами и даже, хоть и въ микроскопической долѣ, съ нашими злосчастными русскими Галичанами. Славянское простодушіе, какъ водится, кокетства и не замѣчаетъ. Въ то же время Австрійское правительство, несмотря на плохіе финансы, увеличиваетъ, съ согласія своего рейхсрата и delegaciі, въ значительной стѣпени свой военный бюджетъ, вооружается съ ногъ до головы, строить лагери, крѣпости, укрѣпленные склады чуть не на самой русской границѣ. Но о славянской внутренней политикѣ Австрии стбить разсказать особо. Здѣсь же только замѣтимъ, что именно эту минуту новыхъ козней Рима противъ православія мы признали за наиболагопріятнѣйшую для возобновленія переговоровъ съ папою и для сближенія съ нимъ. Переговоры велись нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, г. Убри, съ папскимъ нунціемъ, тѣмъ самымъ умнымъ Якобини, о которомъ мы говорили. Понятно, что русское общество смущено этими переговорами, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно. Вѣдь это только злые наши враги на Западѣ клевещутъ на Россію, признавая ея политику хитрою, лукавою, коварною и прозорливою...

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 2 мая 1881 г.

Извѣстія изъ Болгаріи не были для насъ неожиданностью. Всѣ доходившія до насъ свѣдѣнія, всѣ письма нашихъ корреспондентовъ заставляли предвидѣть кризисъ въ той или другой формѣ. Мы, вирочемъ, до послѣдней минуты надѣялись, что кризисъ этотъ совершился только въ сознаніи такъ-называемой болгарской «интеллигенці».... (несчастное слово, самохвальный, надменный, одурачій титулъ, не употребляемый образованными классами ни въ одной странѣ міра и честь изобрѣтенія котораго всецѣло принадлежитъ дерзкой спѣси нашихъ ученыхъ неучей,—этой полуобразованной, фальшиво-либеральной, къ сожалѣнію, многочисленной фракціи русскаго общества!) Но кризисъ этотъ оказался острѣе чѣмъ думалось,— и изъ домашняго, внутренняго, грозить стать событиемъ вѣшняго, немаловажнаго политическаго значенія. Мы надѣемся однако, что мудрость Болгарскаго народа (именно народа въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ сельскихъ и городскихъ жителей, которыхъ «интеллигенція» причисляетъ къ классу *неинтеллигентныхъ*) съумѣеть дать этому кризису мирное, правильное разрѣшеніе.

«О, если бы князь Черкаскій не умеръ такъ рановременно,—еслиъ именно онъ докончилъ организацію Болгарскаго княжества: не находились бы мы въ такомъ безобразномъ положеніи, какъ нынѣ!» писалъ намъ недѣли двѣ тому назадъ одинъ Болгаринъ изъ Софії.... Да, нѣтъ сомнѣнія, дѣла въ Болгаріи пошли бы иначе, хотя бы Россіи и не пришлось, къ насыщенному удивленію всего міра, чваниться тѣмъ, что она не только «освободительница Болгаръ» цѣною своей крови и достоянія,—но и подательница «конституціонныхъ благъ», сfabрикованныхъ государственными «либералами» Петербурга. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что причина настоящаго зла въ Болгаріи именно—«конституція», навязанная нами Болгарамъ, конституція, составленная по западно-европейскому образцу, безъ соображенія съ характеромъ, нравами, недавнимъ историческимъ прошлымъ и съ настоящими потребностями народа.

Судьба освобождающихся Балканскихъ племенъ вообще

трагическая. Начинать созиданіе государства въ XIX вѣкѣ, на виду у народовъ старой цивилизациі, утратившихъ даже память о своихъ доисторическихъ временахъ, давно пережившихъ свой эмбриологический процессъ и периоды постепенной, естественной, такъ сказать, безсознательной государственной формациі—задача мудреная. Вместо жизни выходитъ теорія, вместо творчества—сочиненіе! Такое насилие-сокращеніе натурального роста, такая замѣна свободного развитія инстинкта и непосредственныхъ силъ отвлеченною дѣятельностью разсудка—не обходится даромъ. Это почти то же, что изъ отроческаго периода перескочить прямо въ старческій, или если бы отрокъ, даже просто ребенокъ, попалъ, въ качествѣ равноправнаго, въ общество людей, уже преклонныхъ лѣтъ, при чемъ, по необходимости и ради отроческаго самолюбія, сталъ бы гrimироваться старикомъ, искусственно бородить себѣ лобъ морщинами, на克莱ивать усы и говорить басомъ.... Такъ было съ Сербами Княжества, которые прамехонько изъ эпоса, изъ пастушескаго периода, изъ «богоравныхъ», какъ Эвней у Гомера, свинопасовъ (главный промыслъ сербскій) прыгнули въ цивилизацию нашего столѣтія, обзавелись тотчасъ же «интеллигенціе», пославъ немедленно человѣкъ пять свинопасовъ учиться философіи у Гегеля (это фактъ), обстановились «аппелляционными» и «кассационными» судами (дорожа, разумѣется, именно иностранными названіями), а потомъ и конституціей совершенно европейскаго склада. Письмо изъ Сербіи, напечатанное въ «Политическомъ Обозрѣніи» 24 № «Руси», свидѣтельствуетъ о томъ положеніи, въ которомъ, благодаря своей «интелигенціи», находится это несчастное, неудавшееся княжество: ему предстоитъ или внутренній государственный переворотъ, или окончательное «вступленіе въ сферу австрійскихъ интересовъ». Примѣръ Сербіи долженъ былъ бы предохранить Болгаръ и русскія власти отъ повторенія роковой ошибки. Нѣкогда, въ рѣчи, произнесенной нами въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета, мы именно увѣщевали Болгаръ не идти по путямъ своихъ сосѣдей,— но нашъ голосъ не былъ и не могъ быть услышанъ—при авторитетномъ голосѣ русскихъ официальныхъ устроителей Болгаріи, смѣнившихъ князя Чер-

касского, и при мнимо-либеральномъ гвалтѣ нашей голосистой прессы, привѣтствовавшей ихъ конституционные замыслы. Пожала плечами старая Европа, дивясь нашему легко-мыслию, а нѣкоторые ея политики коварно улынулись въ предвидѣніи будущаго....

Вникните въ положеніе Болгаръ въ минуту освобожденія. Не только «Болгарія» не было, какъ обособленной страны съ какимъ-либо отдѣльнымъ гражданскимъ устройствомъ, какъ термина политического, но она не существовала даже какъ терминъ географический, т. е. съ опредѣленными границами территории: это былъ терминъ только этнографической. Пять вѣковъ турецкаго рабства не смогли вытравить въ Болгарахъ ихъ національного сознанія, ихъ стремлений къ независимости, — вѣчная имъ за то честь и хвала, — но они, разумѣется, отвыкли отъ всякой политической и гражданской самостоятельной жизни. Не сами они и освободились, разучившись и владѣнію оружіемъ, ставъ народомъ по преимуществу земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ. (Впрочемъ, по увѣренію русскихъ офицеровъ и по опыту небольшаго болгарскаго ополченія, устроенного Россіей въ минувшую войну, Болгарскій народъ представлять прекрасный матеріалъ для образованія стойкаго, доблестнаго регулярнаго войска). Тѣ изъ Болгаръ, которые, до эпохи освобожденія, получили нѣкоторое образованіе, готовили себя для учительства, для педагогической, а никакъ для административной дѣятельности. «Оставьте намъ Русскихъ для занятія высшихъ административныхъ постовъ, хоть на нѣкоторое время», писали имъ неоднократно просвѣщенѣйшіе изъ Болгаръ, «пока мы подготовимъ своихъ людей, а теперь ихъ у насъ еще не имѣется; всякий школьній учитель того и гляди возмнитъ себя способнымъ занять мѣсто ministra, воспылаетъ честолюбіемъ и духомъ интриги». Такъ предсказывали умныя Болгари, такъ и случилось. Отчасти по недостатку у насъ въ Россіи своихъ собственныхъ способныхъ къ высшей администраціи людей, отчасти по политическимъ и другимъ соображеніямъ, требованіе Болгаръ не могло быть исполнено, и только должность военнаго ministra, къ счастію для Болгаріи, всегда до сихъ поръ исправлялась, и въ настоящее время исправляется Русскимъ. Поле для интригъ

честолюбія открылось обширное,—и все, что не пахало, не торговало и не промышляло, потянулось къ высокимъ окладамъ жалованья, къ властованию въ той или другой формѣ: не было той неспособности, которая бы не предъявляла притязанія на какой-либо министерскій портфель.

Чтд было нужно для Болгаріи въ главныхъ чертахъ? Нужно было установить мѣстное самоуправление въ сельскихъ и городскихъ общинахъ въ формѣ наиболѣе сродной Болгарамъ, наравнѣ со всякимъ Славянскимъ племенемъ,—ввести обычай скupщины или собора народныхъ представителей или, точнѣе, избранныхъ отъ народа пословъ—вовсе не въ видѣ европейскаго конституціоннаго собранія съ самодержавствующимъ большинствомъ голосовъ, а единственно и исключительно въ видѣ собранія совѣщательнаго. Наконецъ, пуще всего слѣдовало учредить крѣпкую, сильную, объединяющую, центральную, державную власть. Внѣшнее политическое положеніе Болгарскаго Княжества, въ виду отдѣленія отъ него Восточной Румелии и стремленія обѣихъ частей Болгаріи къ возсоединенію, въ виду возможности новыхъ войнъ и политическихъ усложненій, таково, что и въ конституціонной странѣ потребовало бы учрежденія временной диктатуры. Вместо этого всего введенъ бытъ европейскій парламентаризмъ; введено правленіе «большинства», и это въ странѣ, не доросшей до яснаго политического сознанія и не знающей, разумѣется, никакой борьбы исторически-сложившихся политическихъ партій, а знающей развѣ только борьбу личныхъ эгоистическихъ интересовъ, прирожденную всякому человѣческому обществу. Разумѣется, только эта одна борьба и проявилась на дѣлѣ... Что «единство» всегда желательно и необходимо—это старая истинна, обратившаяся въ общее мѣсто; тѣмъ не менѣе это такая истинна, которой практическое примѣненіе къ жизни было особенно нужно въ Болгаріи при началѣ новаго государственного бытія. «Единство!...» Какое тутъ единство, когда, по примѣру цивилизованной Европы, оказывается нужнымъ обзавестись именно партіями? какъ же быть безъ партій, коли есть «конституція»? И вотъ новые граждане, еще почти не выйдя изъ утробы матери на политический божій свѣтъ, задаются задачею не единства, а разъединенія: «ты, Петко, будь консерваторомъ, ты, Ника,

ступай-ка въ либералы, а я, Райко, махну въ радикалы! Чтоб охранять консерваторамъ—турецкіе порядки? ибо другой старины нѣтъ; въ чёмъ задачи либерализма, когда все дѣло въ томъ, чтобы дарованную свободу отъ иноzemнаго ига сберечь и упрочить? какіе тутъ «радикалы», которыхъ послѣднее слово *анархія*, когда нужно воздвигать государство, и именно крѣпкую монархію?... Такихъ вопросовъ никто, кажется, себѣ и не задавалъ. Но достаточно приведенныхъ иностранныхъ именованій для того, чтобы уразумѣть начало отчужденія между «интелигенціей» и народомъ. Всею этой нелѣпостью, бьющею въ глаза, не смущились наши русскіе конституціонныхъ дѣль мастера, не смутятся вѣроятно и теперь, забывая, что европейскія конституціі—продуктъ доль исторической своеобразной жизни, исторически выработавшійся компромиссъ между угнетавшими и угнетенными классами, между полноправными и нѣкогда безправными, но въ послѣдствії окрѣпшими сословіями! Ничего подобнаго ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи нѣтъ и не бывало,—тамъ нѣтъ ни сословій, ни даже классовъ, всѣ равны и равноправны въ формѣ почти первобытной.

Южнымъ Славянамъ вообще недостаетъ дисциплины, безъ которой невозможно существованіе государства,—недостаетъ имъ и чувства «отечества», какъ политического цѣла, обязывающаго всѣхъ къ солидарности и отвѣтственности. Ихъ понятія ограничиваются пока «племенемъ» и «родиной»,—и этого имъ, конечно, въ вину ставить нельзя. Нашъ Русскій народъ, кроме того, что онъ прошелъ тысячелѣтнюю трудную историческую школу, воспитываетъ въ себѣ дисциплину своимъ мірскимъ устройствомъ, при которомъ каждый, съ раннихъ лѣтъ, пріучается согласовать свой эгоизмъ съ интересомъ своего общества и подчинять свою волю волѣ міра. Поэтому нашъ народъ и не можетъ идти въ сравненіе съ прочими Славянскими племенами,—поэтому онъ одинъ изъ нихъ, какъ наиболѣе способный къ послушанію и со-знательной дисциплинѣ, и создалъ могущественнѣйшее въ свѣтѣ государство. Но какъ же принялись наши русскіе Европейцы за водвореніе въ Болгаріи нужныхъ для нея условій здороваго бытія? Учрежденіемъ безправной верховной власти и, между прочимъ, узаконеніемъ не то, что свободы,

но разнуданности политическихъ нравовъ и печати въ странѣ, только еще начинающей лепетать и еще не имѣющей правильно устроенныхъ судовъ! Разумѣется, эта свобода, къ великому смущенію сельского люда, серьезно относящагося къ печатному слову, превратилась у новоиспеченной болгарской интелигенціи въ свободу не борьбы мнѣній, а площадныхъ ругательствъ, гнусныхъ сплетней и клеветъ, которыми и стали обмѣниваться партии министровъ смѣщенныхъ и властвующихъ. Наши публицисты видѣли въ этомъ проявленіе «молодой, здоровой жизни», тогда какъ надо было предвидѣть иное: именно, что общество, неумѣющее чтить и уважать достоинство имъ же избранной власти, подрываетъ въ корнѣ самый свой политический строй. Кончилось тѣмъ, что пребывающіе во власти «либералы» не выдержали поношений и стали преслѣдовать поносящихъ самыми неконституціонными, а турецкими способами...

Къ довершенію бѣдъ, не мало теперь въ Болгаріи Болгаръ, заразившихся въ нашихъ русскихъ школахъ, въ которыхъ получили образованіе, нашою общественною язвою — *нигеллизмомъ*. Они призваны теперь *созидать*, призваны къ дѣятельности *положительной*, творческой, а въ Россіи научились только теоріямъ *отрицанія и разрушенія!* Нашлись попугай и обезьяны между Болгарами, которые обзавелись органами соціалистического и революціонного духа, — нашлись такие, которые осмѣялись класть хулу на своего Благодѣтеля и Освободителя, на Мученика-Цара. Но этого Болгарскій народъ уже не могъ выдержать. Въ настоящемъ движении Болгарскаго народа, котораго Князь Александръ явился смѣлымъ выразителемъ, мы видимъ залогъ лучшаго будущаго. Болгарскій народъ имѣеть въ себѣ всѣ задатки для правильнаго гражданскаго развитія. Онъ серьезенъ, здравомысленъ, миролюбивъ, трудолюбивъ, упоренъ въ достижениіи цѣли, не терпить фразы и ничего показнаго, никакихъ виѣшнихъ, театральныхъ демонстрацій и манифестаций. Онъ *не стыдится* благодарности. А способность помнить благодѣяніе и сохранять въ душѣ за него признательность есть великая добродѣтель, свидѣтельствующая о прочномъ нравственномъ внутреннемъ строѣ народномъ, — добродѣтель, которой, напримѣръ, вовсе не знаютъ «интеллигентные» или по сербски: «изображеные» Сербы Княжества.

Не знаемъ, чѣмъ окончится кризисъ и что рѣшитъ великое народное собрание, созываемое Княземъ. Самымъ мудрымъ рѣшеніемъ представляется намъ упраздненіе, хотя бы временное, лѣтъ пока на пять или даже десять, существующей формы правленія, основанной на парламентскомъ большинствѣ, и ограниченіе правъ собранія только совѣщательнымъ, но конечно вполнѣ свободнымъ, независимымъ голосомъ. Такой добровольный опытъ показалъ бы, по окончаніи срока, какой образъ государственного существованія наиболѣе приличенъ Болгаріи и лучше предохраняетъ страну отъ того министерскаго деспотизма, отъ котораго такъ настрадался народъ при господствѣ настоящей пресловутой «либеральной» партіи, съ г. Каравеловымъ во главѣ.

Искреннее участіе къ благородному Сербскому племени вынуждаетъ насъ обратиться съ словами предостереженія къ Черногорцамъ, особенно къ тѣмъ, которые учатся теперь въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Пусть то, что происходитъ теперь въ Сербскомъ и Болгарскомъ княжествѣ, послужитъ для нихъ урокомъ. Будущее Сербского племени зависитъ теперь во многомъ отъ Черногоріи. Пусть знаютъ они, что только та часть Сербского племени преуспѣетъ и въ силѣ и въ истинной свободѣ, которая не погонится за слѣпымъ подражаніемъ Западной Европѣ, воспитаѣтъ въ себѣ чувство и сознаніе государственной дисциплины,—не заведетъ у себя конституцію по западно-европейскому образцу...

Вотъ телеграммы изъ Софіи, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и подавшія поводъ къ нашей статьѣ:

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Сегодня князь въ своей прокламаціи къ народу успокоилъ общественное мнѣніе, уволивъ министерство Каравелова. Его высочество поручилъ министру Эрнроту составить новый умѣренный временный кабинетъ. Министромъ юстиціи назначенъ предсѣдатель кассаціоннаго суда Стаматовъ. Въ прокламаціи говорится о скоромъ созваніи великаго народнаго собранія, для устраненія хаоса и причинъ, задерживающихъ правильное развитіе княжества. Въ случаѣ непринятія мѣръ этимъ послѣднимъ князь рѣшился отказаться отъ Болгарскаго престола.

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Въ прокламаціи князя ска-

зано: «Единогласное избрание ввѣрило мнѣ судьбы Болгаріи. Не безъ колебанія принялъ я на себя задачу вести Болгарію по пути преуспѣянія, трудился добросовѣстно, допускалъ всѣ попытки организовать правильное развитіе княжества. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки обманули мои надежды. Болгарія оказывается нынѣ дискредитованною извнѣ, дезорганизованною внутри. Такое положеніе поколебало въ народѣ вѣру въ справедливость и законы». Князь извѣщаетъ, что онъ поручилъ Эрироту образованіе временнаго кабинета до рѣшенія народнаго собранія. «Если оно утвердить условія необходимыя для правительства, которыя я предъявлю и отсутствіе которыхъ было главною причиной нынѣшнаго положенія дѣлъ, въ такомъ случаѣ я оставлю корону за собой. Такъ какъ моя задача состоить въ споспѣществованіи благу страны, то я считаю своимъ святымъ долгомъ заявить торжественно, что нынѣшнее положеніе дѣлаетъ исполненіе этой задачи невозможнымъ. Основываясь на конституції, я рѣшился создать собраніе—органъ высшей национальной воли и возвратить ему корону, а вмѣстѣ и судьбы Болгаріи. Если нынѣшнее положеніе не изменится, я рѣшился оставить тронъ, съ сожалѣніемъ, но съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ до конца».

Составъ нового кабинета: Эриротъ — министръ военный, внутреннихъ дѣлъ и президентъ, Зелесковичъ — финансъ, Стаматовъ — юстиціи, прочие министры остаются прежніе.

Москва, 20-го июня 1881 г.

Ужъ не далекъ день, который рѣшилъ судьбу дорогой каждому русскому сердцу Болгаріи. Даруетъ ли Болгарскій народъ князю Александру требуемое имъ полномочіе и,— возложивъ на него бремя своего довѣрія, бремя личной власти и личной отвѣтственности, а на себя семилѣтній искусъ терпѣнія и надежды,— мирно разойдется по домамъ? или же заклубится по Дунаю дымъ парохода, уносящаго первого князя Болгаріи отъ сей страны далече,—и недавно рожденное государство, оставшись внезапно безгосударнымъ, станеть жертвою внутреннихъ смутъ, анархіи, а въ концѣ концовъ и

иноплеменного нашествія—Турокъ или Австрійцевъ? Мы съ своей стороны вѣримъ въ здравый смыслъ болгарскихъ народныхъ массъ, и почти не сомнѣваемся въ ихъ рѣшеніи. И рѣшеніе это, благопріятное для князя, будетъ принято Болгарскимъ народомъ вовсе не изъ раболѣпства или «сервилизма», въ чёмъ такъ склонны на Западѣ упрекать Славянскія племена,—вовсе не страха ради, не подъ давленіемъ власти,—а совершенно искренно и свободно, впервыхъ, какъ самый благополучный исходъ изъ настоящаго положенія, вторыхъ, потому, что народъ умѣеть терпѣть и ожидать, и очень серьезно отнесется къ семилѣтнему сроку, который самъ князь назначаетъ для предстоящаго политического испытанія. — Народъ вообще, всякий народъ, тѣмъ и отличается отъ единичнаго лица или даже отъ совокупности отдѣльныхъ лицъ, составляющей его верхній слой, общество или «интеллигенцію», что лицо — *нетерпѣливо*, мѣряеть ходъ событий и общественнаго развитія короткимъ срокомъ личной жизни, торопить исторію, тогда какъ народъ, организмъ историческій, живущій въ вѣкахъ, мѣряеть свою жизнь историческимъ же мѣриломъ. Эта народная черта, кажется намъ, мало оцѣнена и замѣчена, и она въ особенности ярко выступаетъ въ Русскомъ народѣ. Въ этой чертѣ, повторяемъ, и заключается существенное отличіе народа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отъ его такъ-называемой интеллигенціи: у обоихъ разныя мѣры времени, разныя отношения къ исторической жизни. Всего лучше выражается это различіе сравненіемъ народа съ корнемъ, а интеллигенціи съ листьями, къ которымъ, въ извѣстной басни Крылова, корни дерева обращаются съ такою рѣчью:

Молчите въ добрый часъ
И помните ту разницу межъ насъ,
Что съ каждою весной листъ *новый* народится,
А если корень иссушится,
Не стаетъ дерева, ни васъ.

Но мы увлеклись въ сторону. Впрочемъ, поученіе басни годится не только для нашей, но и для молодой болгарской интеллигенціи, которая на первыхъ же порахъ своего бытія, упоенная хмѣлемъ политического властолюбія, начала ужъ слишкомъ скоро забывать о корне. — Русская публика не

могла, конечно, не смущаться тѣми тенденціозными извѣстіями, которая разсыпались въ русскія и заграничные газеты приверженцами обѣихъ борющихся партій. Надобно сказать правду, особенно тенденціозностью отличались телеграммы и письма въ духѣ партіи «либераловъ», пересылаемыя въ газету «Голосъ» ея корреспондентомъ, которого мы имѣемъ честь знать лично, а потому имѣемъ и нѣкоторое основаніе считать его сообщенія пристрастными. Зная по долговременному опыту, какъ запальчивы во взаимной борьбѣ южные Славяне, какъ склонны, по своей страсти, къ преувеличеніямъ, какъ легковѣрны ко всякому обвиненію, вводимому на врага, мы старались узнать о настоящемъ положеніи дѣлъ изъ другихъ источниковъ, отъ лицъ менѣе заинтересованныхъ,—и свѣдѣнія наши полученные только подтвердили наше мнѣніе, уже высказанное въ 25 № «Руси»... Народъ былъ равно недоволенъ ни «консерваторами», ни «либералами», но послѣдними недоволенъ еще сильнѣе, потому что они долѣе оставались во власти, слишкомъ много популярничали и обѣщали, и слишкомъ скоро вазнались... Чѣмъ бы ни толковали наши газеты о народномъ сочувствіи къ такимъ «либераламъ», какъ гг. Цанковъ и Каравеловъ, достаточно напомнить, что г. Каравеловъ, — можетъ быть и несправедливо, — пользуется репутацией позитивиста или вольномыслителя (*libre-penseur*), а г. Цанковъ — католикъ, т. е. вѣроотступникъ, который, во время оно, затѣялъ было искать для Болгаръ защиты отъ греческой патріархіи у римскаго папы, и съ этой цѣлью склонялъ Болгаръ къ переходу, если не прямо въ латинство, то въ унію. Каковы бы ни были «патріотическая» побужденія такого вѣроотступничества, но оно свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ легко-мысліи этого «передового дѣятеля», какъ величаютъ его нѣкоторые наши газеты, и о совершенной его неспособности служить выразителемъ национального духа Болгаріи. Народъ Болгарскій, остававшійся вѣрнымъ православію въ теченіи пятивѣковаго рабства и только благодаря этой вѣрности сохранившій свою народность и свою единовѣрную связь съ Россіей,—за г. Цанковымъ ни въ латинство, ни въ унію не пошелъ, не пойдетъ, конечно, за нимъ и теперь. Уже одно то обстоятельство, что даръ «конституціонной свободы»

предлагается въроотступникомъ, невольно внушаетъ народу недовѣріе, которое какъ само собою разумѣется, поддерживается въ немъ и духовенствомъ. Не въ такой степени рѣзко, но также несочувственно относится духовенство и къ Каравелову. Нельзя же предполагать, чтобы мнѣніе духовенства, особенно же высшаго, т. е. епископовъ, архіереевъ, митрополитовъ, не имѣло никакого значенія для народа. Всѣ эти данныя,—съ которыми нельзя не считаться, такъ какъ вопросъ о конституціи предлежитъ разрѣшенію не въ абстрактной области, не въ безвоздушномъ пространствѣ,—уже сами по себѣ предопредѣляютъ то направленіе, куда должны склониться вѣсы на предстоящемъ народномъ судилишѣ.

Не въ пользу «либеральной» партіи въ глазахъ Болгарскаго народа послужить и обращеніе къ международному ареопагу, къ вступничеству Франціи, Италии, Англіи (къ Россіи она обратилась уже къ послѣдней). Напечатанное въ «Болгарскомъ Гласѣ» дерзкое письмо Цанкова къ русскому дипломатическому агенту только снова свидѣтельствуетъ, какъ искусственно вырошенная, форсированнымъ способомъ выгнанная изъ почвы интеллигенція легко утрачиваетъ, въ своей самонадѣянности, живую органическую связь съ народомъ. Называть русскихъ офицеровъ «иностраницами», упрекать русского агента за то, что онъ сопровождаетъ князя въ его поѣздкѣ, это значитъ идти наперекоръ чувству и мысли Болгарскаго народа, для котораго русские офицеры и представитель Русской державы не иностранцы, а *свои*, кровные родные, только вчера пролившіе за него свою кровь и расковавшіе турецкія цѣпи, *обязанные*, въ его глазахъ, радѣть ему и совѣтовать. Болгарскій народъ не стыдится благодарности, и уже одно это служить доказательствомъ его нравственной доблести, его духовной внутренней крѣпости.

Въ нашихъ газетахъ много говорилось о перепискѣ Цанкова съ Гладстономъ, но, если не ошибаемся, ни слова не было сказано о письмѣ къ Гладстону Балабанова, который, одновременно съ Цанковымъ и вмѣстѣ съ нимъ, объѣхалъ въ 1876 году Европу, точно также лично знакомъ съ Гладстономъ и пользуется, по всей вѣроятности, въ глазахъ англійского министра равнымъ съ г. Цанковымъ авторитетомъ. Письмо Балабанова, рѣзко опровергающее письмо

Цанкова и защищающее дѣйствія князя, напечатано въ личномъ органѣ Гладстона «Pall Mall Gazette». Ниже, въ Политическомъ обозрѣніи, читатели прочтутъ его въ переводѣ. Тамъ же найдутъ они и отзывъ о болгарскихъ дѣлахъ самого министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гранвилля, изъ котораго вовсе не видно, чтобы Англія собиралась расходиться съ Россіею въ своемъ дипломатическомъ образѣ дѣйствій по отношенію Болгаріи, какъ уже грозили нѣкоторые газетные политики.

Конституція на западно-европейскій образецъ тѣмъ уже однимъ вредна для народа, только-что начинающаго жить политическою жизнью, что, вмѣсто здороваго роста и развитія, даетъ ему заразу политическаго властолюбія; вмѣсто единства—порождаетъ вражду, раздѣленіе; дѣлаетъ народъ итращающимъ партій, и интересы отечества заслоняетъ личными и партійными интересами. Все это не созидаеть силы, а только ослабляетъ и безъ того слабый, еще не окрѣпшій государственный организмъ. Болгарамъ же пуще всего нужно воспитать въ себѣ чувство государственной дисциплины и умѣть подчинять личныя выгоды и потребности понятію цѣлаго и общаго, понятію государства. Нужно прежде всего укрѣпить и утвердить виѣшнюю форму бытія. Сознавать себя и чувствовать себя *государствомъ* для Болгаръ, знавшихъ до сихъ поръ только *родину и племя*, еще ново, и это сознаніе и чувство никогда не разовьются, если при самомъ вступленіи на государственное поприще — Болгари разобьются на враждебные станы, и вся ихъ внутренняя жизнь поглотится борьбою изъ-за власти одного стана надъ другимъ!...

Москва, 12 сентября 1881 г.

Тѣ tolki и заключенія, къ которымъ, въ заграничной печати, подало поводъ данцигское свиданіе Русскаго и Германскаго Императоровъ, не могли не произвестъ нѣкотораго смущенія въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ болѣе цѣнимъ мы вниманіе, оказанное въ настоящемъ случаѣ русскому общественному мнѣнію чрезъ помѣщеніе въ «Правительственномъ Вѣстнике» циркулярной депеши статсъ-секретаря Гирса къ

дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Эта депеша, устанавливая истинную и единственно приличную точку зрѣнія на значеніе этого «события», должна, кажется, въ значительной степени охладить прыткую фантазію иностранныхъ публицистовъ, а въ то же время успокоить умы и въ самой Россіи. «Узы близкаго родства и преемственная дружба, соединяющія обоихъ Вѣнценосцевъ, достаточно объясняютъ побудительныя причины вызвавшія это свиданіе и характеръ его», пишетъ нашъ управляющій Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: читатели припомнятъ, что мы лично, сообщая въ 42 № «Руси» извѣстіе объ отѣзѣ въ Данцигъ Государя Императора, также не допускали возможности какого-либо иного толкованія. Тѣмъ не менѣе успокоить умы и въ самой Россіи было полезно. Ибо слишкомъ памятно Россіи, къ чему привелъ ее не очень давній «тройственный союзъ», вѣнчавшійся Берлинскимъ трактатомъ,—и ничего она такъ не боится, какъ союзовъ, обращающихъ союзника въ узника. Роль узника дружбы и пѣнника чести, т. е. данного слова, всегда въ этихъ международныхъ отношеніяхъ двухъ или трехъ сторонъ выпадала только на насъ,—роль, безъ сомнѣнія, дѣлавшая честь нашему нравственному характеру, но не проницательности. Прочія договаривавшіяся съ нами стороны никогда никакихъ цѣлей дружбы и чести, по отношенію къ намъ, на себя не налагали и не несли. Не однажды приходилось Россіи, удрученной бременемъ этихъ вовсе не «цвѣточныхъ узъ», изнемогавшей отъ благодѣяній такой междоусобной дружбы, обманутой, даже не очень хитростно, въ своемъ довѣріи, вычислять предъ вчерашними друзьями всѣ свои приношенія на алтарь взаимности—въ ущербъ ея собственнымъ интересамъ и въ пользу чужимъ,—и... И въ концѣ концовъ снова удовлетворять ненасытнымъ алканіямъ такой притязательной и наступательной дружбы, снова, въ доказательство нашей непреклонной вѣрности и благонравности, самоотверженно отдавать въ жертву даже остаточный, послѣдній свой, кровный, въ данномъ случаѣ, интересъ... Всего этого Россія не забыла, все это болѣзненно живо въ ея сознаніи...

Этого не забыла и Европа. Именно этою ея памятью о всемъ содѣянномъ, также очень живою, и объясняется то

необычайное впечатлѣніе, которое произвело за границею посѣщеніе Русскимъ Императоромъ своего царственаго престарѣлого Дѣда. «Мы-то помнимъ, но неужели Россія и вѣрно все предала забвенію, все простила?» вотъ вопросъ, который невольно задавали себѣ въ Европѣ. Увлекаясь стремлениемъ распознать внутренній смыслъ факта,— вполнѣ естественного и достаточно характеризуемаго личными родственными отношеніями,—иностранные публицисты безцеремонно выдаютъ секретные мотивы своей государственности, относительно Россіи, политики. Секреты эти, впрочемъ, никогда не были тайною для русской публики; они всегда отрицались лишь русскими дипломатами, участвовавшими въ Берлинскомъ конгрессѣ и стяжавшими себѣ лестное одобрение главныхъ руководителей этого европейскаго противъ Россіи заговора. «Надо вѣдь вспомнить,—разсуждаетъ одна нѣмецкая газета,—все то униженіе, которому удалось соединенной Европѣ подвергнуть Россію въ 1878 г., ту дипломатическую побѣду, которую одержали надъ нею Германія, Англія и Австрія, послѣ ея блестательныхъ подвиговъ, послѣ ея славной, побѣдоносной войны! Вѣдь графами Айдриши и Беконсфельдомъ вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ было порѣшено: *вытѣснить Россію совсѣмъ прочь изъ совѣтовъ Европы*, и русскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ замѣнить австрійскими». Это говоримъ не мы, а нѣмецкій публицистъ, озадаченный данцигскимъ свиданіемъ и задумавшійся надъ вопросомъ: слѣдуетъ ли въ этомъ свиданіи видѣть со стороны Россіи какъ бы санкцію такой, по его собственному сознанію, враждебной для Россіи «германо-австрійской политикѣ»? Онъ не рѣшается дать отвѣтъ утвердительный и скептически относится къ ликованіямъ другихъ публицистовъ, которые въ посѣщеніи Данцига умудрились усмотрѣть новое торжество для Германіи, чутъ не новую блестательную побѣду, одержанную княземъ Бисмаркомъ!.. Вѣроятно менѣе всѣхъ обольщается на счетъ истинного смысла данцигскаго посѣщенія самъ германскій канцлеръ,— но конечно онъ постараѣтся извлечь изъ этого факта всю возможную для себя пользу: всѣ эти ликованія ему нужны, всѣ они направлены преимущественно—по адресу Франціи...

Никто лучше «честнаго маклера» не знаетъ истинную

цѣну услугъ оказанныхъ имъ Россіи, но никакъ не входить въ его разсчеты, чтобы въ Россіи понимали ее такъ же точно и хорошо. Всѣ усилия его, послѣ Берлинскаго конгресса, были устремлены къ тому, чтобы заворожить болѣе русскаго патріотическаго чувства, чтобы отвести глаза русскому общественному мнѣнью и убѣдить русское правительство въ неизреченномъ благополучіи такого исхода нашей военной кампаниі, какъ Берлинскій трактатъ. Самою величайшею опасностью представлялась для Берлина возможность национального направлѣнія русской политики — естественный, казалось, результатъ пробужденія въ русскомъ обществѣ войны 1876 и 1877 г. самосознанія. Противъ этихъ двухъ «золь» и направлены были изъ-за границы подвоны и мины, и нельзя сказать чтобы безъ успѣха, такъ какъ Берлинскій договоръ, — этотъ конечный плодъ такихъ страстныхъ напряженій Россіи, такихъ громадныхъ подъятыхъ ю усилий, — самъ собою, разумѣется, много способствовалъ упадку общественного духа. Тогда же подняло голось, на время было притихшее, печальное безнародное направлѣніе извѣстной части нашей отечественной прессы и интелигенціи. Всѣмъ, конечно, памятна та «свистопляска» самоизашенія и самооплеванія, которой предсталась по преимуществу такъ-называемая либеральная печать вскорѣ послѣ войны. Либералы-демагоги и либералы-бюрократы даже высшаго ранга за одно осмѣивали, ощевывали и движение добровольцевъ, и «подъемъ народнаго духа» (истинный подъемъ, какъ бы ни старались опопытить это выраженіе!); за одно глумились надъ национальными историческими побужденіями, надъ историческимъ яко-бы «призваніемъ Россіи», надъ ея «миссіею въ средѣ славянскихъ племенъ», и т. д. Все это было, конечно, на руку германо-австрійскимъ политикамъ. Нѣмецкая печать съ своей стороны, въ видѣ особеннаго доброжелательства Россіи, дѣятельно напирала на заслуги главнаго русскаго дѣятеля на Берлинскомъ конгрессѣ, графа Шувалова, особенно популярнаго въ Германіи, и рекомендовала его въ руководители русскихъ — иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Этому желанію нѣмецкой печати и князя Бисмарка не удалось однакоже совершиться, хотя, впрочемъ, они имѣли полное основаніе пребывать доволь-

ными и поведениемъ всѣхъ прочихъ русскихъ дипломатическихъ представителей за границею, и вообще образомъ дѣйствій русской вѣнчайшей политики.

Не мало, безъ сомнѣнія, содѣствовали политическимъ видамъ нашихъ иностраннѣхъ «друзей» и печальная, позорная события послѣднихъ лѣтъ въ нѣдрахъ самой Россіи. Проявились враги Русского народа или, по лѣтописному выражению старины, «воры» въ самой Русской землѣ, — это крайнее выраженіе русскаго «западничества», это подражательное примѣненіе къ Россіи послѣдняго слова иностраннаго западнаго радикализма, только въ обстановкѣ нѣкоторыхъ свойствъ русскаго народнаго характера, т. е. большей отваги и дерзости. Извѣстно, что отрицаніе Бога, отрицаніе души и нравственнаго закона вѣнчалось наконецъ на Западѣ, совершенно логически, какимъ-то культомъ или богоотверженіемъ одичанія, вмѣстѣ съ созданіемъ цѣлой новой породы дикихъ, которыхъ все идеалы сосредоточились въ истребленіи и умерщвлѣніи, все дары духа, весь умъ и душа — въ револьверѣ, ядѣ и динамитѣ. Это ихъ единственный «человѣческій» языкъ, — въ этомъ для нихъ высшее проявленіе «человѣчности» и «культуры». Къ стыду нашему, первое мѣсто среди этого разряда падшаго человѣчества принадлежитъ Русскимъ. Опозоривъ нашу землю, сдѣлавъ ее въ глазахъ всего міра чуть не «притчью во языцѣхъ», они поработали, какъ подлые измѣнники, въ пользу чуждыхъ, враждебныхъ намъ политическихъ замысловъ. — Иностранные политики не замедлили, разумѣется, эксплуатировать въ свою выгоду дѣянія нашихъ нигилистовъ-революціонеровъ, и старались всѣми способами отождествить, въ глазахъ русскаго правительства, нигилизмъ съ «славянофильствомъ» или национальнымъ русскимъ направленіемъ, скомпрометтировать послѣднее предъ русокою властью. Всѣ нѣмецкія газеты неугомонно трещали на эту тему. Чѣмъ дѣятельнѣе начинала Австрія приводить въ исполненіе свои панславистические планы, т. е. установление австрійской гегемоніи среди славянскихъ племенъ, не только западныхъ, но и юго-восточныхъ или балканскихъ, тѣмъ сильнѣе и наглѣе поднимались всѣли австрійскихъ и германскихъ газетъ о русскомъ «нигилистическомъ панславизмѣ», тѣмъ обильнѣе неслись предостереженія русскому

правительству противъ опасности «московскаго» или попросту *русского направлениія*, противъ всякаго проявленія *самобытности* во внутренней и внѣшней политикѣ. Онѣ находили себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторую, конечно неожиданную, поддержку и въ той русской печати, которая съ какимъ-то наивнымъ жесточеніемъ преисполнена въ русскомъ обществѣ всякое притязаніе на національную самобытность, и трепещетъ отъ благороднаго негодованія при одномъ этомъ словѣ!

Одновременно съ такого рода попыткой заподозрить въ глазахъ русского правительства всякое проявление русского народнаго духа въ политикѣ, пущены были въ ходъ изъ Германіи аргументы и другаго сорта, которые, впрочемъ, также какъ разъ совпадали съ направлениемъ, преобладавшимъ въ значительной части нашего пишущаго и правящаго общества.

Не только за границею, но и у насъ дома, вошло въ моду представлять Россію во образѣ какого-то, если не насмерть раненаго, то тяжко-претяжко уязвленнаго, разслабленнаго инвалида, которому не то-что радѣть о своемъ достоинствѣ и славѣ, но дай Богъ развѣ кое-какъ оправиться, хоть бы и съ грѣхомъ пополамъ... Если иностранцы изображали Россію чуть не минированною вдоль и поперекъ, готовою ежеминутно валеть на воздухъ и развалиться, и во всякомъ случаѣ терзаемою внутренними междуусобіями, то и русские публицисты, и даже сановные бюрократы, хотя, конечно, и не повторяли такихъ басней, однако же не уступали иностранцамъ въ мрачности красокъ, которыми живописали свое отечество. Нѣть сомнѣнія, что большинство нашихъ газетъ и даже свѣтскихъ гостиныхъ способно не только порадовать наизлѣтнаго врага Россіи, но и привести въ уныніе каждого легковѣрнаго, прислушивающагося къ «общественному мнѣнію» Русскаго, лишить его всакой бодрости духа, столь необходимой намъ именно въ настоящую минуту, произвести въ немъ полный упадокъ, совершившую «пространію» нравственныхъ силъ. Нѣкоторые органы печати особенно отличались расположениемъ и искусствомъ группировать и отражать въ себѣ исключительно одни темные пятна русской общественной и государственной жизни, вѣроятно

воздействие особенного устройства своего зрительного снаряда и органической духовной неспособности видеть и понимать положительные стороны нашего народного бытія,—то, чтò, по слову поэта, «сквозить и тайно светить» въ его внѣшней безурядицѣ и бѣднотѣ. Само собою разумѣется, все это сопровождалось приличными воздыханіями, которые, впрочемъ, сильно напоминали стихи Некрасова, обращенные во время бно къ таковыи же «обличателямъ»:

И слезами покаянья
Мы разводимъ—грай!

Все грязь, да грязь, — сплошная невылазная грязь. Вся Россія — сплошная язва даже безъ несомнѣнной надежды на выздоровленіе. Положеніе — чуть не отчалиное. Выходило, что народъ, совершившій еще недавно чудеса доблести, точно вдругъ упалъ, ослабѣлъ, изнемогъ до отреченія отъ своего тысячелѣтнаго исторического подвига и исторической цѣли, отъ единства, цѣлости и могущества своей государственной формы; что и бѣденъ онъ сталъ, и немощенъ, какъ никогда ни разу въ свое десятилѣтовое бытіе; что и состояніе наше въ экономическомъ, финансовомъ, соціальномъ, нравственномъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ таково, что какіе тамъ славянские интересы! куда тамъ заботиться о внѣшнемъ достоинствѣ, претендовать на австрійскія козни и еще выказывать щекотливость относительно политической чести, когда весь народъ покрыть *прокажой* (sic) и грозитъ заразить и насъ, «культурныхъ людей»! Нужно Россіи сидѣть смиренныи-смирно, спустить пониже свой политический флагъ, сносить терпѣливо всѣ щелчки и обиды, и при всякомъ новомъ извѣй скорбленіи приговаривать самой себѣ: «ништо тебѣ, ништо! такъ и слѣдуетъ! подѣломъ! вотъ тебѣ за «самобытность»! вотъ тебѣ за притязанія на народное самостоятельное развитіе, за то, что не дообразъяничалась до французского или иного заграницнаго нравового порядка! Гуломъ-гудыли такія рѣчи, при безмолвіи обычнаго молчать русскаго народа, и колосальное недоумѣніе давило нашу могущественную власть, и марево немощи завладѣвало духомъ, и съеживалась, смирялась донельзя наша политика, утрачивая действительно вѣру въ силы народа и призваніе Россіи...

А Австрія межъ тѣмъ не переставала работать да работать, плела и раскидывала сѣти на Балканскихъ Славянъ, всасывала несчастную Сербію въ «сферу своихъ интересовъ», душила православныхъ Босняковъ и Герцеговицевъ, мутила въ Румеліи и Македоніи, упраздняла всюду русское обаяніе и вліяніе... Бисмаркъ оставался доволенъ...

Настало 1 марта. Воспираясь отъ ужаса, сдернула съ себя Россія целену недоумѣній и лживыхъ мечтаній, гнеть самоуничоженія и безвѣрія съ самой себя... Новый, бодрый Царь на престолѣ,—новые люди въ управлении, и въ числѣ ихъ, хотя и не во главѣ иностранныхъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ, имя которого нераздѣльно связано съ представлениемъ о національномъ направлении во вицѣнной политикѣ. Новая забота, новая работа соображеній для Европы, но въ особенности для германского канцлера! Очевидно, что прежніе ходы, прежніе приемы уже не годились. Какъ мы сказали, Бисмаркъ очень хорошо зналъ, *какія* услуги оказаны были имъ Россіи въ качествѣ «честнаго маклера», и могъ справедливо предположить, что эти услуги цѣнятся по достоинству и новою русской властью. Менѣе всего способенъ быть этотъ геніальный и прозорливый государственный мужъ убаюкивать себя *мнимою слабостью* Россіи. Хотя значительная часть нашей печати не переставала отъ имени Россіи пѣть Лазаря, хотя и многие наши государственные люди продолжали вторить этой пѣсни и толковать о такой внутренней предстоящей дѣятельности, которая упраздняла для насъ всякую возможность оберегать наше вицѣнное политическое значение, однако-же германскій канцлеръ хорошо понималъ, что Русскій народъ живъ и живехонекъ, и что такой великий историческій народъ, каковъ Русскій, не можетъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказаться отъ своей роли въ мірѣ. Нѣмыцы опытнѣе и серьезнѣе въ дѣлѣ политической жизни, чѣмъ большинство нашей такъ-называемой интеллигенціи. Вглядѣвшись пристальнѣе въ настоящее состояніе умовъ въ Россіи, они пытаются теперь опредѣлить себѣ истинный смыслъ и внутреннюю силу борющихся въ нашемъ обществѣ направлений. Казалось бы, если кого имъ уважать и съ кѣмъ считаться, такъ это именно съ довольно многочисленной партией нашихъ западниковъ или такъ-называемыхъ либера-

ловъ. Однакоже вотъ чтѣ говоритьъ о русскихъ партіяхъ, конечно же безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, издающейся въ Берлиѣ и пользующейся авторитетомъ журналъ «Нѣмецкое Обозрѣніе» (Deutsche Rundschau): «Настоящіе противники Славистовъ» (такъ обозначаетъ авторъ людей русскаго направления) — «Западники (die Westler), лишены того, чтѣ составляеть душу каждой партіи, т. е. самостоятельныхъ, изъ собственного корня растущихъ идей и цѣлей. Западники живутъ не сами собою, но Европою; они не имѣютъ въ Русскомъ народѣ никакой почвы. Ихъ сила лежитъ въ петербургскомъ придвориомъ мірѣ (?) и въ чиновничествѣ. Въ то же время они мало-по-малу должны были настолько подчиниться всеобщему стремлению на почвѣ національной, что прежняя сущность ихъ бытія — служить представителями европейской культуры — все болѣе и болѣе отъ нихъ отпадаетъ. Они въ большинствѣ своемъ остаются еще западниками въ гостинныхъ, въ политическомъ же отношеніи или безразличного направленія (индифферентны), или же доктринеры» *).

Надобно полагать, что князь Бисмаркъ болѣе или менѣе раздѣляетъ это возврѣніе, и находить въ настоящее время несѣ удобнымъ пренебрегать Россіей, а напротивъ болѣе выгоднымъ для Германіи звѣтъся предъ лицомъ міра въ добрыхъ съ Россіей отношеніяхъ, нежели въ разладѣ. Вотъ почему такъ наклонны въ Германіи придавать дамскому свиданію значение выше мѣры, и вотъ почему мы съ своей стороны придаємъ особенную важность истолкованію настоя-

*) Die eigentlichen Gegner der Slavisten, die „Westler“, entbehren dessen, was die Seele einer Partie bildet, der selbständigen, aus eigner Wurzel wachsenden Ideen und Zielen. Die Westler leben nicht von sich, sondern von Europa; sie haben im russischen Volk keinen Boden. Ihre Kraft liegt in der petersburger Hofwelt und im Beamtenthum. Auf dem nationalen Boden haben sie der allgemeinen Strömung sich allgemach so weit bereits fügen müssen, dass ihr ehemaliges Wesen, Vertreter europäischer Bildung zu sein, ihnen immer mehr abhanden kommt. Sie sind in ihrer Mehrzahl nur noch Westler im Salon, politisch aber entweder indifferent oder Doctrinäre. Es giebt unter ihnen wenige von politischem Ernst und praktischem Verständniss, und ihr beste Kopf, Graf Peter Schuwalow и пр. „Deutsche Rundschau“, 1881. H. 11, August.

щаго смысла этого свиданія, обнародованному въ циркулярной депешѣ статьѣ-секретаря Гирса. *Правда* русской политики заключается въ томъ, что она, эта политика, лишена всякаго наступательнаго, агрессивнаго характера, чужда всѣхъ завоевательныхъ, честолюбивыхъ замысловъ и въ высшей степени миролюбива. Она, разумѣется, не желаетъ войны, не грозитъ Германіи ни войной, ни разрывомъ,—и новое подтвержденіе этой правды, выразившееся, болѣе или менѣе, въ самомъ фактѣ данцигскаго свиданія, въ сущности не возвѣщаетъ ни Германіи, ни всему остальному европейскому миру ничего нового, ничего такого, что бы не было извѣстно германскому и прочимъ европейскимъ кабинетамъ.

Но изъ того, что политика Россіи объявляетъ себя не агрессивною, было бы горькимъ для Запада заблужденіемъ выводить, что она стала или по прежнему будетъ уступчивою, во вредъ себѣ и въ пользу чужихъ интересамъ. Если она не желаетъ ни войны, ни разрыва, — прямо и честно заявляетъ, что миръ ей желателенъ и нуженъ для совершенія многихъ внутреннихъ задачъ, то это еще не значить, что она одержима миролюбіемъ до болѣзниности, до пре-небреженія своихъ прямыхъ выгодъ и обязанностей, до готовности поступиться своими законными правами, отречься отъ своего места во вселенной, отъ своего исторического призванія и отъ священнаго долга покровительства тѣмъ, для которыхъ только въ одной Россіи заключается залогъ самостоятельнаго бытія... Если депеша съ полною справедливостью называетъ «счастливымъ» явленіемъ «прочность добрыхъ личныхъ отношеній, установившихся между двумя могущественными монархами», то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Россія черезъ Германію присоединяется къ союзу австрійско-германскому и даетъ будто свое одобреніе, *санкцію* австрійской или германо-австрійской политикѣ. Конечно, мы говоримъ только отъ себя, выражаемъ наше личное убѣжденіе, но если бы Россія могла высказаться какъ Россія, она, полагаемъ, выразила бы то же самое. Намъ кажется впрочемъ, что нисколько бы не было противно величію и нравственному характеру нашего государства и нашего народа заявить такое политическое вѣроисповѣданіе прямо и вслухъ, по примѣру чужихъ государствъ, и вообще покончить со многими странными приемами нашей дипломатіи, едва

ли согласными съ русскимъ национальнымъ достоинствомъ. Перу наконецъ даже и въ политикѣ, и въ области дипломатіи «смѣть свои сужденія имѣть» и свои интересы. Если Англія прямо, не ища другихъ доводовъ, основнымъ аргументомъ своихъ дѣйствій объявляетъ «британскіе интересы» и указываетъ ихъ не обвинуясь даже тамъ, где имъ вовсе и быть не слѣдуетъ; если Германія, чинтельно не маскируясь, не скромничая, а открыто и гордо, и притомъ не беспокоясь о чужомъ, и всего менѣе о нашемъ неудовольствіи, ставить на первомъ планѣ свои отечественные выгоды; если даже Австрія, ободренная Германіей, и уже безъ всякаго не только правомѣрнаго и нравственнаго основанія, но на основаніи совершено противоположнаго свойства, объявляетъ весь Балканскій полуостровъ включеніемъ въ «сферу австрійскихъ интересовъ», — то пора бы, кажется, и намъ не пасовать вѣжливо и деликатно предъ подобными заявленіями и притязаніями, а также пріучиться сознавать и цѣнить свои права и обязанности, и твердо противопоставлять интересамъ чужимъ русскіе интересы. Именно: на англійскіе аргументы отвѣтчать таковыми же русскими аргументами, на австрійскія фальшивыя обвиненія въ панславистической агитаціи между Балканскими Славянами возражать справедливымъ обличеніемъ ея собственныхъ интригъ, козней и проникнов., и прямымъ заявленіемъ, что не къ сферѣ австро-ійскихъ, а къ сферѣ мѣстныхъ славянскихъ (слѣдовательно русскихъ) интересовъ можетъ и долженъ принадлежать Балканскій полуостровъ. Если справедливо известное изреченіе: если хочешь мира, уготовай войну (*si vis pacem, para bellum*), то оно точно также вѣрно и въ примѣненіи къ дипломатіи.

Въ томъ и состоитъ великое преимущество Россіи предъ Западомъ, что наши политические интересы вообще, а уже особенно на Балканскомъ полуостровѣ, чужды корысти и властолюбія, согласны съ требованіями высшей нравственной правды и съ интересами мѣстного населенія. Мы уже это доказали относительно Болгаріи, и, какъ православно-славянская первенствующая держава, хотимъ, обязаны и ничего другого не ищемъ, какъ доставить Балканскимъ Славянскимъ племенамъ, вѣтвѣ съ освобожденіемъ отъ чужеземенного ига, возможность благородненнаго бытія и свободнаго са-

мостоятельного развития всѣхъ даровъ ихъ славянского духа, въ братскомъ, свободномъ союзѣ между собою и съ нами. Австрійскія же притязанія на гегемонію въ средѣ Балканскихъ Славянъ выражаются прежде всего въ угнетеніи и искашеніи ихъ национальной личности, въ насильственныхъ попыткахъ обезнародить ихъ не только вѣнчаниемъ, но и внутреннимъ образомъ, искоренить въ нихъ главный нервъ ихъ народного духа — православную вѣру, пеработить ихъ Западу и латинству не только вещественно, но и духовно.

И ожидать, что Россія дастъ *санкцію* подобной австрійской политикѣ?... Наивны же тѣ, которые могутъ предполагать такое разращеніе общественного духа въ Россії! Если бы Австрія способна была дать Балканскимъ Славянамъ то же, чѣдѣла и можетъ дать Россія,—томы бы сочли себя вынужденными молчать, но когда всѣ дѣйствія Австріи (какъ извѣстно читателямъ «Руси» хотя бы изъ статьи въ 42 №) клонятся не ко благу, а ко вреду для Славянскихъ племенъ, и представляются имъ, какъ напримѣръ въ Босніи и Герцеговинѣ, худшимъ насланіемъ, чѣмъ турецкое иго, то тутъ нѣтъ повода къ санкціи...

И какъ грубо на насъ клевещутъ! Въ то время, когда австрійская печать и дипломатія обвиняютъ Россію въ панславистическихъ интригахъ въ Румеліи и Македоніи,—русское министерство иностранныхъ дѣлъ въ тотъ край, именно въ Румелію (край *православный*, съ народомъ преданнымъ *русскому имени!*) на вакантный постъ русского консула избираетъ, послѣ долгаго раздумья и искаńя, изо всего наличнаго своего дипломатическаго персонала... кого же? именно человека, —можетъ быть, даже несомнѣнно вполнѣ достойнаго, —но съ *нерусскимъ именемъ и неправославнымъ*, —и это вѣроятно нарочно, съ предусмотрительной цѣлью отклонить отъ себя всякия нареканія въ русскихъ краяхъ и охладить то докѣрчивое отношеніе, которое внушаетъ мѣстному народу единоплеменность и единовѣріе съ нимъ русскаго консула! Слѣдовательно русскій дипломатический образъ дѣйствій менѣе всего можетъ подлежать обвиненію въ желаніи утвердить и распространить въ Румеліи русское влияніе. Между тѣмъ, въ то же самое время въ Македоніи и Румеліи кишитъ католическая пропаганда, имѣя въ главѣ епис-

коповъ, а въ рукахъ громадныя денежныя средства. Румелійскій латинскій епископъ Манчини, какъ сообщаютъ газеты, имѣлъ недавно аудиенцію у Австрійскаго императора и «утѣшилъ» Его Величество повѣствованіемъ о томъ, сколько успѣхъ онъ сократить чадъ Православной церкви въ папизмъ, обѣщаю имъ, конечно, не небесное, а земное, политическое и материальное, обеспеченіе. Австрійскій императоръ и вся императорская фамилія, въ восторгѣ отъ завоеваній латинской пропаганды, надѣли епископа богатыми дарами... А у насъ, въ официальномъ мірѣ, кому до этого дѣло? Святѣшему Синоду? это вѣдь не *его* вѣдомства!...

Все это дѣлается открыто и публикуется въ газетахъ, къ вашему удовольствію иностранной публики. Въ то же время Австрія протискивается въ Солунь и пытается заключить съ Сербіею тайную военную конвенцію для безпрепятственного прохода австрійскихъ войскъ... Еще ли тутъ останемся мы безмолвны?...

Но довольно пока обѣ Австрії. Просимъ только читателей обратить вниманіе на корреспонденцію изъ Венгрии на остроумный способъ предохраненія отъ московитизма, придуманный вождами дикихъ по сю пору Мадьяръ. Дошло до свѣдѣнія сихъ послѣднихъ, что въ богослужебныхъ церковно-славянскихъ книгахъ и въ молитвахъ, употребляемыхъ несчастнымъ русскимъ населеніемъ подвластнымъ Венгрии, имѣется страшное слово *царь*: именно напечатано и говорится— «Царь Небесный», «царствіе Божіе» и т. д.: такъ какъ это слово напоминаетъ-де царя русскаго, то оно признано памасистическимъ и употребление его поставлено священниками въ политическую вину!

Давно не баловала русская дипломатія наше народное самолюбіе никакимъ своимъ дѣйствіемъ и поступкомъ; совершило напротивъ. Поэтому мы уже считаемъ себя истинно утыненными обнародованіемъ депешіи статьи-секретаря Гирса, какъ подтвержденіемъ, что данцигское свиданіе, упрочивало міръ, ни къ чему однакоже Россію не обязало и всего менѣе можетъ служить одобреніемъ или «санкціей» германо-австрійской политикѣ...

Москва, 24-го октября 1881 г.

Опять трубятъ дипломатическія трубы и опять, какъ послѣ Данцигскаго свиданія, торжественно привѣтствуютъ въ свиданіи Итальянскаго короля съ императоромъ Австрійскимъ — новый «залогъ мира и согласія». Казалось бы, и будетъ съ нашихъ сосѣдей этихъ двухъ залоговъ, — но нѣтъ, надобится третій. Германскіе и австрійскіе публицисты не перестаютъ пророчить и еще свиданіе, и на этотъ разъ — Повелителя Россіи съ Повелителемъ Австро-Венгрии, гдѣ-то между Варшавой и Краковомъ: «то-то былъ бы залогъ мира, — воскликнаютъ они, — и кто бы посмѣлъ разстроить воинственнымъ диссонансомъ гармонической четврехъ крупныхъ державъ, соединенныхъ между собою узами миролюбія!» и т. д. Однимъ словомъ, только о мирѣ и поютъ сладкогласныя сирены съ береговъ Шпреи и Лейты... Положимъ, на этихъ чуждыхъ намъ берегахъ вѣдаются порою наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами на берегахъ Москвы рѣки и можетъ-быть даже Невы, — но на сей разъ, смѣемъ думать, иностранный хоръ обойдется и безъ русскаго подголоска. Мы не отрицаемъ, что въ виду того политического значенія, которое придается этому свиданію, оно для Германіи и Австріи не только желанно, но въ нѣкоторой степени даже выгодно, — что оно доставило бы этимъ державамъ не только такъ-называемый «залогъ мира», но и самый существенный *материалъ* мира... Ибо чего желаннѣе и выгоднѣе, какъ съ благословенія самой Россіи, заручившись отъ нея благодѣніемъ мира, съдовательно не рискуя войной, съ совершеннымъ комфортомъ и безопасностью, присвоить себѣ чужое, именно русское же крупное добро, поживится сытно на счетъ русскаго достоинства, чести, могущества и славы, нанести тѣжкій ударъ русскому политическому значенію въ семье народовъ, опозорить русское доброе имя, да еще съ пріятною перспективою, что сама же Россія будетъ, за такой дружественный презентъ, только благодарить и умилиться! Какъ ни низко, послѣ Берлинскаго конгресса, ушли во мглѣ Европы наши дипломаты, но ужъ такой политической маниловщины даже и отъ нихъ ожидать было бы нѣсколько чудовищно.

Ни для кого не тайна — да и германскія и австрійскія газеты разглашаютъ это во всесуслышаніе,—что въ понятіяхъ германского канцлера водвореніе вѣнчанаго мира — это значитъ упраздненіе всякой вѣнчаной помѣхи и противодѣйствія для развитія и исполненія его вовсе не мирныхъ политическихъ плановъ,—да въ мирѣ, напримѣръ, совершится австро-венгерское посягательство на миръ или на національное бытіе племенъ Славянскихъ! Все его дипломатическое искусство устремлено теперь къ одной цѣли: получить отъ Россіи санкцію миролюбивымъ походамъ Австро-Венгрии, т. е. не болѣе не менѣе, какъ замысламъ (имъ же валелѣяннымъ) на обладаніе—если пока не всѣмъ, то большую половиною Балканскаго полуострова. Добро бы такое обладаніе являлось въ перспективѣ какъ плодъ военной побѣды, какъ результатъ кровавой завоевательной войны, предпринятой противъ Оттоманской имперіи; это было бы по крайней мѣрѣ откровенно, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ даже и честно, но для Австріи, должно полагать, съ ея арміей, страдающей, еще по выражению Суворова, «проклятою привычкою битою быть», слишкомъ рисковано *). Вся задача въ томъ, чтобы совершить завоеваніе земель дружественной державы безъ войны, среди мира, но однако же такъ, чтобы это завоеваніе въ свою пользу — прославлялось какъ иѣкій актъ величайшаго безкорыстія; чтобы этотъ денной грабежъ величался какъ добродѣтельный подвигъ, какъ благодѣяніе ограбленному, чтобы нарушеніе всѣхъ основъ, всѣхъ элементарныхъ понятій международнаго права привѣтствовалось остальную Европою, какъ дѣяніе самое правомѣрное; чтобы порабощеніе балканскихъ Славянъ австрійскому игу, болѣе ненавистному имъ, чѣмъ иго турецкое,—Славянъ, которыхъ полному освобожденію наравнѣ съ освобожденными Россіей Сербами и Болгарами помѣшила та же Германія съ Австро-Венгрией,—чествовалось какъ дѣло вполнѣ достойное европейской культуры, цивилизаціи, гуманности и прогресса нашего просвѣщеннаго XIX вѣка! Однимъ словомъ, чтобы повторилось снова надъ остальнымъ Балканскимъ полуостровомъ то преступное,

*.) См. исторію Итальянскаго похода Суворова, составленную Д. А. Милотини.

вопиющее по своей в�шней и внутренней неправдѣ дѣло, которое получило санкцію европейскаго ареопага въ Берлинѣ, при главномъ посредничествѣ «честнаго маклера», и которое называется «оккупацией Босніи и Герцеговины».

А что такое эта «оккупация», — это тутъ захватъ, котораго наглость еще усугублена насыщенною прікраскою титула *оккупации* или «временного занятія», — обѣ этомъ просимъ нашихъ читателей прочесть Политическое Обозрѣніе сегодняшняго №. Картина настоящаго положенія этого края, — той крупной и мелочной, ухищренной, изысканной тираниі, которой подвержены австрійскою властью злополучные Герцеговинцы и Боснійцы, и именно православные (несчастные! въ простодушіи своеемъ, забывая о Берлинскомъ трактатѣ, они еще недавно посыпали, какъ видно изъ газетъ, адресъ къ Русскому Государю, моля его о заступничествѣ!) — эта картина составлена не по газетнымъ источникамъ. Она начерчена нашимъ соотечественникомъ — очевидцемъ страданій и муки православнаго населенія. Берлинскій западно-европейскій ареопагъ (мы говоримъ: западно-европейскій, такъ какъ побѣдоносная Россія играла на немъ роль не члена, на разныхъ правахъ возвѣдающаго и рѣшающаго, а какъ бы подсудимаго), — это ареопагъ фарисейски возложилъ на Австрію фарисейскую миссію *умиротворенія*. Извѣстно, какъ встрѣченъ былъ жителами этотъ ангель мира съ нѣмецкимъ бичемъ и мадьярской плетью въ рукѣ. Разоренные, истощенные неравною борьбою съ Турками, Славяне однако же не побоялись встать противъ многочисленныхъ полчищъ непрошенныхъ миротворцевъ. Они были сломлены такими мѣрами жестокости, отъ которыхъ содрогнулись бы сердца всѣхъ западныхъ нубилистовъ, еслибы они прилагались не къ Славянамъ, и именно не къ православнымъ Славянамъ, единовѣрнымъ съ Русскимъ народомъ. Какой вой поднять былъ не только заграничною печатью, но и нашимъ минимо-либеральнымъ, минимо-русскимъ обществомъ, когда генералу Муравьеву пришлось суровою строгостью усмирять Поляковъ, вышавшихъ въ Русскомъ краѣ русскихъ священниковъ и русскихъ крестьянъ! И какое безмолвіе, полное пренебреженія и презрѣнія къ страждущимъ, водарилось въ средѣ всѣхъ иностранныхъ гуманистовъ и ихъ прихвостней, нашихъ же

«либераловъ», — когда Нѣмцы и Мадьяры привыкли, посурьёзе Муравьева, чинить расправу въ славянской землѣ надъ Славянами! Но вѣдь Поляки для Западной Европы болѣе или менѣе *свои* — и всегда, къ несчастію для себя, были ея *бульваромъ*, передовымъ аванпостомъ противъ Славяно-православнаго міра... Но вѣдь извѣстно, что на просвѣщеніи Западъ издавна создалась *двойная* правда: одна — для себя, для племенъ германо-романскихъ или къ нимъ духовно тяготѣющихъ, другая для насъ и Славянъ:

Для *нихъ* — законъ и равноправность,
Для *насъ* — насилие и обманъ!

Три года прошли послѣ вступленія Австріи въ предѣлы Босніи и Герцеговины съ цѣлью «умиротворенія», — было достаточно времени для исполненія этой благодѣтельной миссіи, еслибы она была не лживая, — но что же видимъ мы теперь? Край снова кишитъ гайдуцкими четами, протестующими противъ насильниковъ-миротворцевъ.. Чтобы окончательно его *умиротворить*, т. е. раздавить вполнѣ народность и народную вѣру жителей края, Австрія считаетъ благовременнымъ *аккупацио*ю переименовать въ *аннексію*, т. е. причислить Боснію и Герцеговину къ своимъ имперскимъ землямъ, — но, конечно, не въ видѣ грубаго, корыстнаго присвоенія, а въ видѣ чуть ли не уступки настоятельнымъ требованіямъ самой Европы: «доверши-де свое благодѣяніе, будь милостива, окѣмечь и окатоличь, во имя культуры и цивилизациі, этихъ неукротимыхъ поборниковъ своей славянской самобытности и своей вѣры, Босняковъ и Герцеговинцевъ!» Ну вотъ и для этого также требуется санкція Россіи, — которую нѣмецкія газеты и надѣются (конечно тщетно) получить въ формѣ новаго свиданія монарховъ и троицтвеннаго, или уже теперь четвернаго союза: Германіи, Австріи, Россіи и Италіи...

Австрійская оккупация Босніи и Герцеговины можетъ служить образцомъ той участіи, которую готовить Австро-Венгрия если еще не всему Балканскому полуострову, то большей его половинѣ. Ея цѣль: втянувъ «въ оферу своей политики» Сербское княжество и Черногорію, т. е. подчинивъ ихъ себѣ и въ политическомъ, и въ торговомъ, и въ стратегическомъ отношеніи, — распространить свое владычество вплоть до Эгей-

скаго моря, на всю такъ-называемую Старую Сербію, можетъ быть даже Эпиръ и несомнѣно на Македонію, сдѣлать Солунь своимъ опорнымъ пунктомъ не только для наложения на весь полуостровъ своего экономического ига, но и для военного преобладанія. Ибо тогда откроется возможность подвозить войско моремъ, минуя опасный, долгій, пересѣченный непроходимыми горами путь... Носятся слухи,—да, къ несчастію, подобны же гаданія можно услышать, пожалуй, и въ средѣ нашихъ дипломатовъ (къ утѣшенню и къ тайному удивленію дипломатовъ иностраннныхъ),—что Россія, въ награду за это, будетъ безвозвратно предоставлено простирать свою сферу политическаго дѣйствія на Болгарію: Германія и Австрія, очевидно, не хотятъ совсѣмъ вытѣснить Россію изъ Балканского полуострова,—онѣ великодушны и справедливы; онѣ согласны оставить созданную кровью и достояніемъ Россіи Болгарію самимъ Болгарамъ, и допустить Россію оказывать ей по прежнему свое покровительство. Это для Германіи съ Австріей представляется тѣмъ болѣе удобнымъ и безопаснымъ, что Россія, совершивъ свой послѣдній исполній подвигъ освобожденія Болгаръ, сама предупредительно позаботилась о томъ, чтобы отнять у себя всякие пути непосредственнаго сообщенія съ Болгаріей иначе какъ моремъ, гдѣ мы не имѣемъ военного флота, гдѣ нась удобнѣе запереть и гдѣ наши сообщенія могутъ быть всегда преграждены другими морскими державами. При такихъ условіяхъ, когда и съ юга и съ сѣвера, и съ Эгейскаго моря и съ Дуная, при помощи желѣзнодорожныхъ линій, расположенныхъ, благодаря тому же Берлинскому конгрессу, въ вашихъ интересахъ опять той же Австріи, австрійское экономическое преобладаніе опутаетъ весь Балканскій полуостровъ неразрывною сѣтью,—когда вдоль границъ Болгаріи потянутся Австрійскія владѣнія и въ соѣдѣствіи Софіи или Филиппополя раскинется станъ многочисленной арміи,—при такихъ условіяхъ развѣ возможна дѣйствительная независимость Болгарскаго княжества? Развѣ и оно, подобно Сербіи и Черногоріи, не будетъ свободнымъ только по имени и до времени, т. е., величаясь пока свободнымъ, не будетъ втянуто Австріей «въ сферу своихъ интересовъ»?

А интересы Австріи—прямо противоположны интересамъ

Россії. Австрія не болѣе какъ пionerъ германізациi. Вся ея задача, вся ея историческая миссія, какъ ее понимаютъ австрійские государственные люди и германскій канцлеръ,— обезнародить Славянъ, обратить ихъ въ матеріалъ для европейской германо-романской культуры, всосать ихъ въ тощее германское тѣло, утучнить ими нѣмецкую плоть. Это уже давно практикуется Нѣмцами — и съ успѣхомъ: вся подпочва настоящей Германіи, со включенiemъ возлюбленной княземъ Бисмаркомъ Помераніи,— чисто славянская... По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Македоніи уже устроилась нѣмецкая факторія для скучки земель и для колонизаціи Нѣмцевъ,—то же производится и въ Босніи... Многіе лелѣютъ мысль, что Австріи предназначено упразднить значеніе Россіи въ Славянскомъ мірѣ и стать Славяно-католическою имперіею. — Но это несбыточно. Никогда Славянскою имперіею Австрія не будетъ, да и быть не можетъ. Численное преобладаніе Славянскихъ племенъ — прочно окатоличенныхъ и въ сильной степени уже онѣмеченныхъ ей нисколько не страшно. Въ этомъ, больше чѣмъ на половину славянскомъ тѣлѣ руководящій, дѣйствующій, господствующій духъ — все-таки нѣмецкій; нѣмецкая рѣчь связуетъ весь разнородный составъ этого государства; вѣковыя преданія династіи Габсбурговъ, и всего этого, исторически сочленившагося организма — нѣмецкія. Да и какую силу, нравственную и матеріальную, могутъ представить эти разноязычныя западныя славянскія племена съ своими шестью разнообразными латинскими азбуками да двумя славянскими, и съ притязаніями еще на новое обосolenіе, поддерживаемыми, по тупому, даже нашими украинофилами! Всѣ они, эти племена, обречены въ жертву германізациi, если...

Если падеть, ослабнетъ, измѣнить своему назначенію единственный въ мірѣ оплотъ славянской, и политической и духовной, самобытности—Россія! Къ этой цѣли, т. е. именно къ ослабленію Россіи, къ совращенію ея на путь измѣнъ Славянству направлены всѣ усилия Запада. Но измѣнить Славянству, это для Россіи значитъ—измѣнить самой себѣ. За что и за кого страждуть уже теперь и возстраждуть вскорѣ еще горше Балканскіе Славяне? За насть, за то, что они продолжаютъ устремлять свои взоры на Россію, за то,

что самое бытие России живить и движетъ ихъ, питаетъ въ нихъ народное самосознаніе, даетъ имъ мужество для борьбы, для сохраненія вѣрности своей народности и древле-отеческому православію! Хотя, говорить поэть,

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы — народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что неизвѣдатъ въ насъ:
Вамъ (Славянамъ) не прощается Россия,
Rossiia — не прощаютъ васъ! ..

Оставимъ россійскимъ «либераламъ» доказывать, что въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ народное вѣроисповѣданіе ровнохонъко ничего не значить и не должно культурными людьми приниматься въ разсчетъ или въ соображеніе», — что «въ современной цивилизованной Европѣ религія признается лишь субъективною силою, нигдѣ не понимается какъ принадлежность народной духовной индивидуальности и тѣмъ менѣе гдѣ-либо обращается въ орудіе политической пропаганды, а потому и непристойно-де толковать въ наши дни о какомъ-то православіи Русского народа и вспоминать эту субъективность, это дѣло каждой отдельной личности въ вопросѣ объ отношеніи Русского народа къ другимъ европейскимъ народамъ»... Увы! примѣръ Западной Европы какъ разъ доказываетъ противное. Подстрекая нашихъ западниковъ на такія либерально-передовыя рѣчи и утѣшаюсь насмѣши-во тѣмъ, что они такъ наивно служатъ ей на руку, — она, эта прогрессивная Европа, наводнила Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ своими миссіонерами, вооруживъ ихъ самыми могущественными средствами соблазна. Казалось бы, — для чего нужны христіанские миссіонеры среди народовъ искони христіанскихъ? Но дѣло для Запада идетъ вовсе не о христіанствѣ, а о совращеніи православныхъ въ латинство — ради чего совращенному оказывается сильная, дѣйствительная помощь, со стороны всѣхъ западно-европейскихъ консуловъ и пословъ,—та помощь, то заступничество, которыхъ православные Славяне гдѣ-нибудь въ Македоніи, Старой Сербіи и т. д. не находятъ теперь у смиренныхъ

консуловъ и дипломатовъ православной Россіи... Не только Германія и Австро-Венгрия, но даже Франція, которая атеизмъ или безбожіе провозглашаетъ своимъ государственнымъ, стало-быть деспотически налагаемымъ на Французскій народъ принципомъ, — даже протестантская Англія считаетъ совратившагося изъ православія въ латинство Славянина своимъ и оказываетъ ему покровительство... Почему? Потому, что такое совращеніе въ латинство искореняетъ въ сердцѣ Славянина связь единовѣрія съ Россіей и, напротивъ, соединяетъ его непосредственнымъ духовнымъ единствомъ съ западно-европейскою цивилизацією, пріобщаетъ его къ историческимъ судьбамъ враждебныхъ Славянству народовъ Запада. Наше же Министерство иностранныхъ дѣлъ, избѣгая упрековъ въ ретроградномъ сочувствіи къ народному православному вѣроисповѣданію, норовить и консуловъ среди Славянъ назначать по преимуществу такихъ, которые не сближены съ населеніемъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, или въ которыхъ это сознаніе совершенно недѣйственно...

И вотъ, весь огромный край, связанный съ нами кровными и духовными узами, единоплеменностью и единовѣріемъ, край искони православный, край перенесшій и латинское нашествіе и оттоманское иго, и пребывшій вѣрнымъ своей вѣрѣ и своимъ чаяніямъ на будущую мощь Россіи,— край постепенно оживавшій, какъ только стала мужать русская сила и уже начинавшій видѣть зарю окончательного освобожденія,— край восполняющей нашъ государственный и духовный организмы, наше всемірно-историческое бытіе въ семье человѣческой,—этотъ край обрекается нынѣ германизацией и латинству, этому краю присуждается Европа отложитьсь отъ нашего славянского организма, а Россіи—искалѣченной и изувѣченной—отодвинуться отъ южнаго древнерусскаго моря въ глубь азиатскихъ степей!

Можно, конечно, предположить такое сцѣпленіе бѣдствій, обрушившихся на Россію, при которомъ, несмотря на все свое страстное желаніе, несмотря на скрежетъ негодованія, волнующаго ея грудь, она была бы не въ состояніи, не въ силахъ протянуть руку помощи Балканскимъ племенамъ и оградить самую себя отъ искалѣченія и изуродованія... Но идти навстрѣчу такому изувѣченію и такому предательству,

какъ ожидаютъ отъ нея нѣмеціе публицисты, — но добровольно, предупредительно давать свое согласіе, свою санкцію на такого рода политической злой умыселъ противъ собственного своего существованія; но во имя миролюбія и въ дань дружбѣ, снизойти до самозащенія и самовредительства, почти до самоубійства; но жертвовать собою не за *друзія своя*, а напротивъ, собою и другами своими въ пользу недруговъ, поборниковъ неправды, — этого отъ Россіи могутъ требовать только безумцы или враги... А вѣдь именно этого требуетъ отъ насъ иностранная дипломатія, приглашая Россію, пребывающую и безъ того въ *мирныхъ* съ Австріею отношеніяхъ, къ участію въ противоестественномъ съ нею союзѣ... Данцигское свиданіе, которое въ нашихъ глазахъ и по толкованію статьи-секретаря Гирса, было не болѣе какъ выражениемъ почтительности къ престарѣлому близкому родственнику Русскаго Императора, — это свиданіе смутило было на первыхъ порахъ австрійскихъ политиковъ, такъ какъ они хорошо знаютъ, что планы ихъ направлены противъ Россіи и могутъ быть приведены въ исполненіе лишь при могучемъ покровительствѣ Германіи; а такое покровительство Германіи враждебнымъ Россіи планамъ казалось Австріямъ не совсѣмъ-то удобосовмѣстимъ съ германской, вновь провозглашенною къ намъ дружбою... Но толкованія не статьи-секретаря Гирса, а германскаго канцлера разсвѣли, должно-быть, это австрійское недоумѣніе и открыли Австріи надежду на безпрепятственное совершение своихъ, все тѣхъ же враждебныхъ Россіи замысловъ, съ сохраненiemъ еще и дружбы, даже съ согласіемъ самой Россіи, хотя можетъ-быть и съ соблюденiemъ со стороны Австріи большаго чѣмъ прежде виѣшнаго приличія по отношенію къ русскому имени. Вотъ на какомъ соображеніи основаны догадки нѣмецкихъ публицистовъ о предполагаемомъ будто бы свиданіи Русскаго и Австрійскаго монарховъ, въ которое мы съ своей стороны, разумѣется, не вѣримъ, да и не способны повѣрить.

Россія никому не угрожаетъ войною; ни на чей миръ не посягаетъ; въ западно-европейскія междуусобныя распри не имѣеть ни охоты, ни повода вмѣшиваться. Всѣ это знаютъ и вѣдаются, слѣдовательно ей нѣть и надобности расточать

какія-то особливыя, нарочитыя увѣренія въ своемъ миролюбіи или просто даже въ желаніи сохранить миръ, и именно теперь, когда она занята разными преобразованіями у себя дома. Если кто угрожаетъ миру, такъ это Австрія, побуждаемая Германіею, и не то что миру западныхъ державъ между собою, но миру самой Россіи въ лицѣ Славянскихъ балканскихъ племенъ. Не Россія Австріи, а Австрія Россіи должна выдать ручательство миру...

Какой бы кризисъ ни переживала Россія, какъ бы ни была она поглощена заботами о своихъ внутреннихъ дѣлахъ,—она не перестаетъ и не перестанетъ быть великою державою съ великимъ, міровымъ историческимъ призваніемъ. Живъ Богъ и живъ Русскій народъ и нисколько не расположень малиться,—на что можетъ-быть уже готова была бы обрѣть его, въ своемъ дрябломъ и трусливомъ пессимизмѣ, нѣкоторая часть нашей интеллигенціи съ петербургской бюрократіей и дипломатіей вкупе. Внутренняя наша политика не должна заслонять политику виѣшию, и внутреннее наше оздоровленіе немыслимо при уклоненіи Россіи отъ исторического призванія, при нарушеніи нами нашего нравственного международного долга, при ущербѣ нашей государственной силы, при оскорблѣніяхъ, наносимыхъ извѣ нашему государственному достоинству и чести. Однимъ словомъ,—при виѣшней политикѣ, чуждающейся прямыхъ интересовъ нашего отечества, какъ единственной, вполнѣ независимой православно-славянской державы.

Москва, 31 октября 1881 г.

Порабощеніе Сербіи Австро-Венгріей надвигается быстро. Только что въ прошломъ № мы перечислили права этой монархіи на благодарность Балканскихъ Славянъ и на русскую дружбу, какъ новый блестательный успѣхъ австро-венгерской вражды стяжалъ ей новое право на признательность Россіи и Славянского міра.... Мы разумѣемъ то насильственное смѣщеніе высокопреосвященнаго Михаила съ престола Сербской митрополіи, при извѣстіи о которомъ содрогнулась негодованіемъ вся православная Русь вмѣстѣ со всѣми единовѣр-

ными ей народами. Официально, разумеется, Австрия въ сторонѣ, какъ бы ни причемъ; но въ томъ и состоитъ искусство ея вождей, что они обратили настоящее сербское правительство въ подобострастное, раболѣпное орудіе австрійской политики, умудрились заставить его *собственными же руками* подтачивать одну за одной всѣ основы сербской національной независимости,— собственными руками опутывать родную страну австрійской сѣтью, и наконецъ нанести предъ лицомъ всего свѣта, въ особѣ митрополита, наглое оскорблѣніе не только Сербской, но и всей Православной церкви, не только самой Сербіи, но и Россіи. Читатели «Руси» знаютъ изъ помѣщенныхъ въ ней корреспонденцій—какими подвигами систематического предательства уже ознаменовало себя такъ-называемое «либеральное» министерство Пирочанца-Новаковича-Міятовича-Гарашанина въ краткій еще періодъ своего существованія. Еслибы на мѣстѣ ихъ распоражались австро-венгерскіе чиновники, они не могли бы вѣрно и лучше сослужить службу австро-венгерскимъ замысламъ противъ славянской свободы. Желѣзнодорожною конвенціей и рядомъ столь же постыдныхъ трактатовъ подчинивъ Сербское княжество австрійскому экономическому игу, сербскіе министры конечно не могли (впрочемъ даже и не пробовали) удержаться на той наклонной плоскости, на которую стали: за торговыми трактатами послѣдовалъ позорный договоръ о выдачѣ Австрии всѣхъ тѣхъ несчастныхъ бойцовъ—Сербовъ Босніи и Герцеговины, которые съ оружиемъ въ рукахъ пытались отстаивать свою независимость противъ австро-мадьярскихъ полчищъ и искали потомъ убѣжища въ *независимомъ* княжествѣ Сербскомъ: недавно, шестеро изъ нихъ, *выданные* сербскимъ правительствомъ, уже разстрѣляны публично австрійскими миротворцами!...

Такое низкое угодничество предъ Австріей, такое посагательство сербского министерства на честь, на политическую самостоятельность Сербскаго народа мыслимо (и вполнѣ логически) не иначе, разумѣется, какъ одновременно съ отчужденіемъ отъ Россіи—зиждительницы сербской свободы. Такъ оно и было на дѣлѣ.... Официальные и офиціозные органы Княжества стали наполняться статьями враждебны-

ми, оскорбительными для нась по мысли и тону, прямо, съ очевидною цѣлью подорвать въ сознаніи Сербскаго народа обаяніе русскаго имени, вытравить изъ его души то чувство братской любви къ Россіи, которое присуще и всѣмъ единовѣрнымъ намъ племенамъ славянскимъ: Министръ народнаго просвѣщенія Новаковичъ, подслуживаясь Австріи, запретилъ преподаваніе въ гимназіяхъ русскаго языка и замѣнилъ его *обязательныи* преподаваніемъ нѣмецкаго.

Но на этомъ пути дѣятельности сербское министерство и австро-мадьярскіе его руководители встрѣчали человѣка, котораго имъ, любимое, высокочтимое всѣмъ Сербскимъ народомъ, служило знаменемъ сербской народности и патріотизма, служило символомъ неразрывнаго духовнаго съ Россіею союза, а стало-быть и протестомъ противъ всякой враждебной Россіи системы дѣйствій. Этотъ человѣкъ — митрополитъ Михаилъ, болѣе четверти вѣка неутомимо и безкорыстно подвизавшійся въ служеніи Православной церкви и своему народу. Пламенный Сербъ-народолюбецъ, онъ въ особенности много и успѣшио потрудился для дѣла сербской политической независимости извѣніи и дѣла мира внутри: ему, главнымъ образомъ, обязана своимъ укрѣпленіемъ на сербскомъ престолѣ династія Обреновичей въ теченіи всѣхъ превратностей послѣдней четверти вѣка.... Воспитанникъ и магистръ Киевской духовной академіи, одинъ изъ образованѣйшихъ людей Сербіи, онъ любилъ Россію, онъ дорожилъ ея обаяніемъ, разумѣль ея историческое призваніе въ мірѣ Славянскомъ, неизмѣнно вѣриль въ ея назначеніе и будущность. Онъ не переставалъ поддерживать живыя сношенія съ нею; онъ могущественно содѣйствовалъ утвержденію нравственной и политической взаимности обоихъ народовъ. Кто въ Россіи не знаетъ (а мы это знаемъ едва ли не ближе всѣхъ), какую неустанную дѣятельность проявилъ онъ въ годину 1876 г.? Отъ него понеслись тѣ воззванія, которыя, огласившись во всѣхъ, не только городскихъ, но и сельскихъ церквахъ всѣхъ концовъ нашей пространной земли, возбудили Русскій народъ на достославный, великий, святой подвигъ самоножертвованія — за свободу и вѣру славянскихъ братьевъ! Онъ былъ центромъ, къ которому стремились всѣ приношенія, къ которому обращались со всѣми своими нуж-

дами наши добровольцы, и нѣть Русскаго, который бы не вынесъ о немъ изъ Сербіи благодарнаго воспоминанія....

Но именно поэтому такое авторитетное въ народѣ лицо, служившее живымъ звеномъ Сербіи и Россіи, и было какъ бѣльмо на глазу у Австро-Венгрии и министерства Пирочанца-Новаковича и К°. Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду австрійскія и мадьярскія газеты указывали на митрополита Михаила какъ на помѣху австрійскимъ планамъ, какъ на человѣка «русской партіи», котораго необходимо сбить. Еще недавно писали онъ же, что австрійскому дипломатическому агенту дана *инструкція*: настаивать на удаленіи Михаила. Такое требование казалось намъ только нахальнымъ, но неисполнимымъ; намъ все еще не вѣрилось, чтобы предательское усердіе сербскихъ министровъ способно было посагнуть на святость сана и на лучшее имя Сербіи. Не вѣрилось тѣмъ болѣе, что тѣ же австро-венгерскія газеты, одновременно съ хвалебными гимнами сербскому министерству, требовали заключенія съ Княжествомъ военной конвенціи, въ силу которой было бы дозволено австрійскимъ войскамъ двинуться свободно чрезъ Сербію — для порабощенія Славянъ на Балканскомъ западѣ и югѣ, вплоть до Эгейскаго моря! Но заключеніе подобной конвенціи представлялось немыслимымъ, пока митрополитъ Михаилъ править Сербскою церковью... Необходимо было найти предлогъ, чтобы избавиться отъ этого человѣка *русской партіи*, и предлогъ найденъ.

Благодаря конституціонному механизму, дозволяющему, посредствомъ искусственного подбора голосовъ, составлять потребное большинство для того, чтобы законнымъ, *легальнымъ* образомъ постановлять, отъ имени народа, рѣшенія противныя и совѣсти, и интересамъ народа, — министерство провело въ скучинѣ законъ о наложеніи таксы на получение духовными лицами даровъ Святаго Духа при посвященіи ихъ въ санъ іерея и епископа, а также на всѣ различныя степени духовной іерархіи.

Простой народъ въ Сербіи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ древняя славянская скучинна превратилась въ европейскій парламентъ, — почти не «представлена» въ этомъ парламентѣ (особенно на Малой скучинѣ) или же «представлена» въ лицѣ содержателей кафандъ и меанъ (корчемъ) — нѣчто въ

родѣ нашихъ кулаковъ. Сербская же интелигенція, къ не-
счастію, заражена въ немаломъ числѣ своихъ представителей
тою же болѣзнью европейничанья и обезьянства, какая гу-
бить и у насъ столько умовъ. Она обзавелась, какъ и подо-
баетъ странѣ «культурной» (изображенной, говоря по сербски),
да еще надѣленной благами конституціи, не только консер-
ваторами и либералами, но даже и радикалами, всяческими
партиями и фракціями; она, отчасти какъ и у насъ, отрѣ-
шившись отъ коренныхъ началъ народнаго духа, гонится за
вздоровыми призраками, играетъ въ либеральныя погремушки.
Просыпавшъ, что за границей толкуютъ о клерикализмѣ, о
культурной борьбѣ, мучимая вождѣніемъ прослыть «пере-
довою», она (все во имя народа!) окотно примкнула къ
упомянутому предложенію своего австро-мадьярскаго мини-
стерства о таксированіи даровъ Св. Духа,—и нужное боль-
шинство голосовъ состоялось.

Митрополитъ Михаилъ протестовалъ противъ закона, на-
ходя въ немъ сходство съ *симоніей*, протестовалъ не одинъ,
а отъ имени и за подписью всего Сербскаго синода. Всльдѣ
затѣмъ министерство, съ цѣлью — окончательно разорить
православную въ Сербіи церковь и подчинить ее госу-
дарству, составило еще четыре новые проекта: 1) о перене-
дачѣ всѣхъ брачныхъ дѣлъ изъ консistorіи въ свѣтскіе
суды; 2) о конфискаціи монастырскихъ имѣній безъ вознаг-
ражденія; 3) объ обложеніи церквей и монастырей 10%
сборомъ съ дохода; 4) о замѣнѣ для служителей церкви
расы общимъ гражданскимъ костюмомъ (вотъ какой утон-
ченный «либерализмъ»!). По сообщеніи этихъ проектовъ
митрополиту, онъ, вмѣстѣ съ синодомъ, допустилъ уступки
въ маловажныхъ статтяхъ, отвергъ другія на каноническомъ
основаніи... 16 октября послѣдовало личное объясненіе митро-
полита съ сербскою властью. Митрополитъ остался твердъ,—
и тогда, къ несказанному ликованію австрійскаго диплома-
тическаго агента, главного вдохновителя и подстрекателя всей
этой интриги, послѣдовали указы: одинъ объ «отрѣшеніи
митрополита Михаила отъ управлениія Бѣлградскою епархиєю
и отъ званія митрополита Сербіи», — другой о «назначеніи
епископа Неготинскаго Моисея митрополитомъ Сербіи вмѣстѣ
съ управлениемъ Бѣлградскою епархией». (Таковъ подлинный

текстъ указовъ и телеграфныя сообщенія о назначеніи Монахомъ лишь администраторомъ оказываются не вѣриы)...

Митрополитъ Михаилъ палъ, но не уступилъ: его удалось сломить, но не согнуть. Онъ отвѣтилъ на указъ посланіемъ къ князю, въ которомъ обычно смиренный и кроткій, онъ является во всемъ величіи и достоинствѣ іерарха, безстрашнаго, непреклоннаго блюстителя правъ и каноновъ церкви. Онъ обратился съ протестомъ къ патріархамъ и къ Русскому Синоду. Нѣсколько ниже читатели прочтутъ это посланіе въ переводѣ, къ сожалѣнію не съ сербскаго (котораго мы еще не получили), а съ нѣмецкаго текста, напечатаннаго въ австрійскихъ газетахъ.

И все это въ сущности было только предлогомъ! Ибо главною цѣлью было очистить поле для безпрепятственнаго дѣйствія австрійской политики,—устранить *народнаго* человѣка, «представителя русской партии» въ Сербіи... Безъ сомнѣнія по настоянію Австро-Венгрии и для того, чтобы изгнаніе митрополита оправдать не однимъ его сопротивленіемъ правительству на церковные каноны, а и болѣе важными политическими основаніями, совершиено надъ старѣйшимъ святителемъ Сербіи возмутительное насилие: жандармы ворвались въ его жилище съ тѣмъ же Новаковичемъ во главѣ и произвели обыскъ... Это извѣстіе почерпнуто нами изъ частнаго письма, присланнаго въ Москву изъ Бѣлграда...

«Помимо всякихъ иныхъ соображеній этотъ актъ (т. е. низложеніе митрополита) можетъ быть рассматриваемъ прежде всего какъ *манифестація въ пользу добрыхъ отношеній сербскаго правительства къ Австро-Венгрии*: въ Бѣлградѣ, по всему видно, уже не боятся гнѣва Россіи!...» Такъ гласить офиціозный нѣмецкій органъ мадьярскаго правительства... Нужны ли еще комментаріи?

Въ опасную игру играетъ Сербскій князь Михаилъ Обреновичъ... Народъ, давно уже недовольный угодничествомъ правительства предъ Австрійцами и Мадьярами; православный Сербскій народъ не останется безмолвенъ въ виду такого оскорбліенія Православной церкви. Слѣдуетъ однако-же надѣяться, что народная мудрость предохранить на сей разъ Сербію отъ революціи, ибо не только революція, но и вся-

kie серьезные беспорядки могутъ подать Австро-Венгрии, или даже самому сербскому министерству, предлогъ ввести въ княжество австро-мадьярскихъ солдатъ съ задачей «умиротворенія»... Но ради чего же собственно популярнѣйшій и наиболѣе уважаемый человѣкъ Сербіи принесенъ въ жертву «добрымъ отношеніямъ» сербскаго правительства къ Австро-Венгрии? Какимъ образомъ могъ митрополитъ служить помѣхой дружнымъ сосѣдственнымъ отношеніямъ обоихъ правительствъ? Жили же они въ мирѣ съ 1859 года, когда епископъ Михаилъ былъ возведенъ на митрополичій престолъ? Развѣ онъ когда-либо проповѣдывалъ войну или вражду съ австро-венгерскимъ правительствомъ? Никогда, разумѣется,—но онъ былъ другомъ Россіи; но онъ не мирился съ мыслью о порабощеніи Сербіи и Балканскихъ Славянъ въмѣцко-мадьярской политической гегемоніи... Теперь для этой мысли наступаетъ торжество, теперь предстоитъ ей перейти въ дѣло при главномъ пособничествѣ сербскаго министерства, а князю Милану превратиться въ генераль-губернатора Австро-Венгерской имперіи, хотя можетъ быть съ титуломъ Сербскаго короля... Но на это Сербское племя не пойдетъ... Чтѣ же тогда?...

Выходъ мирный и справедливый возможенъ только одинъ: предательское министерство Пирочанца-Новаковича и К^о должно пастъ; митрополитъ снова возвстановленъ въ свое званіе; протесты синода должны быть переданы на разсмотрѣніе новой скучающіи....

Еще два слова для тѣхъ, кто съ худоскрываемъ злорадствомъ задумалъ бы издѣваться надъ слабостью «русской партіи» въ Сербіи, какъ и въ прочихъ Славянскихъ земляхъ... Не знаютъ, не смыслятъ они—что такое русскія партіи въ средѣ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ! Въ томъ и состоитъ отличіе Россіи отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ, что ея *партии* вездѣ и всюду, но въ особенности въ Славянскихъ странахъ—сами *народы*. Вотъ наши русскія партіи! Ибо никакихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей Россія не преслѣдуетъ, и ея интересы не только не идутъ въ разрѣзъ, не противорѣчатъ истиннымъ интересамъ честныхъ, народныхъ, но напротивъ тождественны съ ними. Связь Славянскихъ народовъ съ Россіей, чувство, влекущее

ихъ къ ней—явление естественное, органическое, свободно вытекающее изъ самой глубочайшей глуби народного существа. Это вовсе не означаетъ непремѣнного сочувствія къ тому или другому лицу, къ настоящимъ административнымъ порядкамъ или положенію дѣлъ въ Россіи. Какъ можно любить свое отечество, независимо отъ случайныхъ и преходящихъ политическихъ его неустройствъ и болѣзней; какъ самъ Русскій народъ любить Россію и остается вѣренъ своимъ народнымъ идеаламъ, несмотря на уклоненіе отъ нихъ своей образованій общественной и правящей среды,—такъ относятся къ Россіи и Славянскія племена, составляя съ нею единый духовно-племенной организмъ. Это непреложная истинна. Одно и то же чувство живеть и въ Сербскомъ народѣ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ (православныхъ), и въ Болгарскомъ. Кто между Славянами не причастенъ этому чувству, тотъ врагъ своего народа, тотъ уже не заодно съ нимъ, отрѣшился отъ основъ его духа!... Поэтому и вся такъ-называемая интелигенція, въ княжествѣ ли Сербскомъ, въ інквизиціи ли Болгарскомъ, въ Восточной ли Румелии,—именуйся она либеральною, радикальною или консервативною,—какъ только она становится во враждебное отношеніе не къ тому или другому изъ русскихъ людей, не къ той или другой мѣрѣ русского правительства, а къ Россіи вообще, и думаетъ умалить славянское братское старѣшинство Русскаго народа,—повинна *отъ имени* своей собственной народности и народу, предаетъ, сама того легкомысленно не сознавая, кровные народные интересы иностранцамъ—исконнымъ врагамъ Славянства. Тѣ «либералы» въ средѣ интелигенціи Славянскихъ племенъ, которые въ настоящее время отвращаются православія во имя культуры и въ силу либерализма отчуждаются Россіи,—куютъ собственными руками австро-мадьярскія для себя оковы!... Вотъ почему народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — простой народъ, тотъ, которымъ только и стоитъ народная личность въ мірѣ Славянскомъ, вездѣ и всегда—за Россію. Противъ нея только отщепенцы своего народа, сознательные и безсознательные измѣнники своей земли, и въ случаѣ торжества ихъ направленія—будущіе вольные и невольные холопы Австро-Мадьяръ. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и въ Румелии!

Москва, 7 ноября 1881 г.

Дѣла сербскія представляются еще въ той же неопределѣленности. Митрополитъ Михаилъ съ твердостью и неустрашимостью, достойными праваго дѣла и высокаго сана, отказывается оставить митрополію иначе, какъ уступивъ вѣнчайшей силѣ. А употребить насилие надъ митрополитомъ, заточить его въ монастырь, это сербскому правительству могъ бы посовѣтовать только его лютый врагъ. Сербскіе епископы протестовали, но потомъ, увѣряютъ, уступили давленію правительства и признали новаго назначенаго правительствомъ митрополита. Русское правительство, сколько мы знаемъ, рѣшилось поставить все это дѣло на каноническую почву. Святѣйшій Синодъ, говорять, уже вошелъ въ сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ. Нѣть сомнѣнія, что протестъ Русской и Константинопольской церкви, за которымъ послѣдуютъ, вѣроятно, протести предстоятелей церковныхъ и въ прочихъ православныхъ земляхъ, поставить Сербскую церковь въ такое положеніе, которое страна терпѣть не захочеть, и князь Миланъ волей-неволей долженъ будетъ смыть свое министерство и уступить. Какъ ни ликуютъ теперь австрійскія газеты, какъ ни стараются онѣ утѣшить своихъ сербскихъ друзей, что вотъ и они, по примѣру нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ странъ, обзавелись культурною борьбою, что для торжества цивилизаціи государство должно побѣдить церковь, и пр., но мы думаемъ, что австрійскіе и сербскіе политики нѣсколько обочились въ расчетѣ. Нарывъ австроманіи въ сербскомъ правительствѣ вскрылся слишкомъ рано и обнаружилъ предъ всѣми народомъ свойства тайно созрѣвшаго недуга: моментъ не очень-то удобный для провозглашенія князя королемъ Сербіи! Не можетъ же однако судьба Сербскаго племени зависѣть отъ судьбы министерства Широчанца и К°... Неужели же славное, геройское нѣкогда Сербское племя для того только и добило себѣ самостоятельное политическое бытіе, чтобы стать игралищемъ австрійской политики и выродившейся потѣшной интеллигентіи, холопствующей предъ «Швабами»?... Что все это дѣло подготовлялось издавна и не по поводу только закона о таксахъ,

можетъ служить слѣдующее сообщенное намъ письмо митрополита Михаила отъ 9 октября въ Петербургъ, стало быть слишкомъ за недѣлю до катастрофы. Письмо отвѣтствуетъ на поздравленіе со днемъ именинъ митрополита:

Душевно благодарю за ваше вниманіе и благорасположеніе во днѣхъ моей скорби и жизни крестоносной. Вашъ извѣстно тяжелое положеніе мое послѣ выдуманной интриги Тисы (венгерского министра-президента) относительно денегъ присланныхъ будто бы г. П.... и по многимъ другимъ причинамъ. Чусть вѣсть не удивить, если услышите, что меня прогнали или уничтожили. Чтѣ бы ни было, а съ вѣрою приму волю Господа, промышляющаго о всѣхъ во спасеніе.

Михаилъ.

Москва, 14 ноября 1881 г.

Никто не можетъ отрицать, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, даже и до сихъ поръ—не по себѣ, неможется что-то русскому человѣку. Трудно опредѣлить наше современное общественное состояніе однимъ словомъ, но несомнѣнно одно: недугъ этотъ вовсе не материальнаго, не экономического, а нравственнаго свойства. Духъ нашъ недуженъ, вотъ чтѣ. Онъ словно пригнетенъ, пришибленъ: крылья—скажемъ поэтомъ—повисли, нѣть размаху; полетъ оробѣлыхъ думъ тяжель и низокъ; сердце, даже безъ видимаго повода, щемить и ноеть. И какъ ни старается разсудокъ наладить внутренній строй человѣка соразмѣрно съ требованіями и условіями данной минуты; какъ ни напрягается добросовѣстная воля привлечь всѣ силы, всѣ способности ума къ успѣшному исполненію предлежащаго рабочаго долга,—но безъ одушевленія, безъ надежды, безъ вѣры въ себя и въ свой трудъ не только великое дѣло, никакая работа не спорится: дѣланіе лишено творчества, дѣйствіе—безъ воздействиія, никого и ничего не живить! А именно одушевленія, смѣлой надежды, вѣры дерзающей намъ и недостаетъ. Не дадутъ ихъ и не возмѣстятъ ихъ сами по себѣ никакія мѣропріятія, содѣйствующія виѣшнему народному благосостоянію или «упорядочивающія» взаимное соотношеніе пружинъ и колесъ государственного механизма. Ибо не о хлѣбѣ единомъ жизни народы, какъ и отдельныя лица; не вещественная только

польза пользуетъ, и государство не механизмъ, а живой организмъ, которому колеса и пружины правительственной машины служать только подспорьемъ и средствомъ. Самый успѣхъ наиразумѣйшихъ экономическихъ мѣръ зависитъ отъ общаго духа жизни, а слышимъ ли мы, ощущаемъ ли кругомъ себя и межъ насъ могучее вѣяніе духа жизни?... О, если-бы онъ повѣялъ!...

Странное что-то содѣялось съ нами. Великая страна—богатырь—какъ будто на положеніи больничнаго «слабосильнаго», и порція ему, богатырю, по положенію, «слабосильная» отпускается, и лѣчится онъ спертымъ воздухомъ, и рѣчи ведутся вокругъ него не во весь голосъ, а лишь вполноголоса, и будто петербургскимъ сѣрымъ, скучнымъ днемъ заволокло всю нашу страну. Безпокойно озирается она кругомъ: нѣтъ ли гдѣ возбистанія свѣта,—доброго свѣта, по-дателя жизни,—но облака все еще не сдвинулись съ неба, еще давятъ духъ... Принято твердить, и всѣ мы вторимъ, всѣ будто и сами повѣрили, что Россія теперь и бѣдна, и немощна, и вообще въ самомъ пока ненадежномъ состояніи,—что ей теперь впору одно—бытьтие воды и ниже травы, пока не оздравѣеть... И вотъ, унылые, пристыженные, мы поминутно щупаемъ себѣ пульсъ и тревожно всматриваемся въ зеркало... Чѣдъ за притча?...

Конечно, есть отъ чего чувствовать себя пристыженными, есть отъ чего возмутиться духомъ. Еще горить у насъ у всѣхъ на честѣ позоръ, покрывшій Россію въ день 1 марта. И не однимъ этимъ позоромъ мы пригнетены, но и боязнью новыхъ подобныхъ позоровъ... Одна ужъ эта боязнь, боязнь основательная и тѣмъ болѣе унизительная для нашей чести, бросаетъ краску въ лицо... Но именно въ настоящіе дни, рядомъ съ этими ощущеніями, есть уже мѣсто и для чувствъ менѣе тѣжкаго свойства. Сдается, что мѣра долготерпѣнія нашего переполнилась, что уныніе начинаетъ переходить въ негодованіе (а негодованія, плодотворнаго негодованія, было у насъ слишкомъ мало въ предшествовавшіе годы!); что разразившійся надъ нами громъ, если и не разсыпалъ тѣжелыя тучи, то во всякомъ случаѣ нѣсколько разрѣдилъ атмосферу. Ибо, какъ ни ужасно событіе 1 марта, но состояніе общественнаго духа—именно въ предшествовавшіе два-три года—

было еще тяжеле, еще безнадежнѣе, еще безнравственнѣе. Да, по истинѣ безнравственна та общественная атмосфера, которая зарождается отъ упадка духа, отъ унынія, отъ утраты въ странѣ вѣры въ свое народное достоинство, въ свои собственные силы,—безнравственна атмосфера, которая глушилъ всякое проявленіе доблести, въ которой не хватаетъ души даже на негодованіе, а только развѣ на глумленіе и самооплеваніе!...

Но вѣдь и за прошлое недавнее время такое безнравственное состояніе общественного духа развѣ не можетъ быть одинаково объяснено цѣлымъ непрерывнымъ рядомъ подлыхъ позорящихъ настъ злодѣяній, чинимыхъ героями нашего времени, исповѣдниками револьвера, кинжала и динамита? Конечно можетъ; объясненіе это вѣрно, но не вполнѣ. Почему же непрерывный рядъ этихъ злодѣяній начинается именно со второй половины 1878 года? Вѣдь эта шайка революціонеровъ или анархистовъ, или политическихъ нигилистовъ, этотъ своего рода польскій ржондъ возникъ въ нашей странѣ, какъ доказываетъ изслѣдованіе, напечатанное въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», чуть ли не съ эпохи Чернышевскаго, одновременной съ польскимъ восстаніемъ,—ознаменовался первымъ покушеніемъ на цареубийство еще въ 1866 г., огласился потомъ процессомъ Нечаевцевъ и Нечаева, слѣдствиемъ Писарева, процессомъ двухсотъ подсудимыхъ и многими другими попытками и заговорами. Почему же однако весь этотъ ржондъ, со всѣмъ своимъ значеніемъ и опасностью, отошелъ на задній планъ, словно потонулъ, въ годину Сербской войны и нашей затѣмъ войны съ Турками за освобожденіе Болгаръ,—почти вплоть до *Берлинского договора?*...

Слово произнесено. Однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженнаго состоянія общественного духа, которое такъ-сказать уготовило, удобрило почву для широкаго развитія и дѣятельности «крамолы» и открыло эру убийствъ и подкоповъ,—быль, мы въ томъ убѣждены, Берлинскій трактатъ. Никогда нація не падала такъ низко и съ такой высоты! Это было продуктъ чисто петербургскій, побѣда петербургской бюрократіи надъ Россіей. Такого трактата и невозможно было бы утвердить въ Россіи нигдѣ кромѣ Петербурга и изъ Петербурга.

Вспомнимъ только славную эпоху 1876-го, 1877-го и начала 78-го годовъ. Осталися вспомнить, ибо если и поминаются доселѣ отдельные эпизоды преимущественно послѣдней, такъ-сказать регулярной войны, т. е. доблестные подвиги нашихъ войскъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, то о чувствѣ одушевлявшемъ нашихъ солдатъ, кромѣ побужденій храбрости и воинского долга,—о движении добровольцевъ, о подъемѣ народного духа, у насъ принято теперь умалчивать, заминать рѣчь, даже какъ бы стыдиться: Берлинскимъ трактатомъ намъ какъ будто отшибло самую *память сердца*, которое однакожъ такъ сильно, такъшибко жило и билось въ эти достопамятные годы! Или—что правдоподобнѣе,—мы пугливо хоронимъ ее въ себя поглубже, боясь новыхъ грубыхъ насмѣшекъ и оскорблений, послѣ того, какъ уже надругался дипломатический Берлинъ вкупе съ бюрократами и либеральными литераторами Петербурга надъ самыми лучшими, святыми порывами народной души... А мы имѣемъ нѣкоторое право свидѣтельствовать объ этихъ порывахъ, по крайней мѣрѣ въ годину 1876 г. Никакими искусственными мѣрами нельзя было бы вызвать того внезапнаго, могущественнаго нравственнаго подъема, который, неожиданно для всѣхъ, вопреки всѣмъ запорамъ и плотинамъ, всколыхалъ тогда нашъ океанъ-народъ и домчалъ потомъ его исполинскія волны до самыхъ стѣнъ Константинополя, почти до паперти Святой Софіи...

Нѣть сомнѣнія, что онъ движимъ былъ самою историческою стихіей, тѣмъ мировымъ призваніемъ, въ которомъ конечно народныя массы не отдаютъ себѣ яснаго, сознательнаго отчета, но который живеть въ нихъ на степени внутреннаго неодолимаго инстинкта. Ближайшимъ же побужденіемъ для народа былъ *подсига* правды и вѣры. Этого никогда не поймутъ наши реалисты! Дошло до свѣдѣнія народнаго, что тамъ, гдѣ-то, въ единоплеменной странѣ, гибнутъ христиане, отчаянно сражаясь въ неравномъ бою съ мусульманами за свою свободу и вѣру, и въ этихъ «практикахъ» мужикахъ (вѣчно, по описанію разныхъ Глѣбовъ Успенскихъ, смотрящихъ въ землю, или разсчитывающихъ барыши, смердящихъ духовными звами и проказой) воспрянула во всемъ величинѣ и мощи смиренія, изъ-подъ гнета собственныхъ скор-

бей и нуждь, лишь временно сдавливаемая, но вѣчно живая христіанская душа. *Нуженъ подвигъ русскому человѣку*, — какъ вообще всѣмъ сильнымъ душамъ потребно порою развернуть во всю ширь свои крылья и, взмахнувъ распостертыми крылами, вознестись хоть на мигъ въ высоту, надъ мелочью и пошлостью земной жизни.. Если самъ нашъ крестьянинъ не всегда *сподобляется* подвига во имя Христово, то благоговѣйно чтить его въ другомъ. А въ 1876 г. подвигъ предсталъ предъ нимъ какъ бы всѣмъ доступный. Послышалъ онъ позывъ въ сердцѣ своемъ, — и вотъ, въ толпѣ вскихъ проходимцевъ, гулякъ, болѣе или менѣе «благороднаго званія», внезапно выдѣлялись предъ изумленными взорами членовъ Московскаго Славянскаго Комитета какіе-нибудь крестьяне изъ-за Волги или съ Дона, падали на колѣни и упорно, неотступно молили отправить ихъ въ Сербію. На всѣ увѣщанія, что идти воссвятъ имъ не слѣдъ, такъ какъ военного ремесла не знаютъ, что кромѣ опасности придется имъ терпѣть всяческую нужду и служить безъ жалованья, — на всѣ эти доводы былъ одинъ отвѣтъ: «хотимъ immerеть за христіянство, за Крестъ, за вѣру!... А эти, издалека пришедши мушки, міромъ присланные по выбору сельскаго общества, для того, чтобы и ему не быть въ нѣтьяхъ, какъ говорилось встарь, въ этой всенародной, хотя и не государственной службѣ! Да, тѣмъ именно сильнѣе ложилась на совѣсть народную эта повинность, что она была добровольная, а не обязательная, что дѣло помочи христіанамъ онъ считалъ не только правительственный, но *своимъ*, пока еще исключительно *своимъ*, дѣломъ! Никто его не нудилъ, не гнали, никто и не обольщалъ его никакими приманками... Безъ сомнѣнія, при болѣе правильной организації, при устройствѣ мѣстныхъ комитетовъ и правильнаго ихъ сношенія между собой, съ Московскимъ Комитетомъ и его Отдѣломъ въ Петербургѣ, не тысячи, а десятки тысячъ добровольцевъ на воднили бы Сербію; но Славянскій Комитетъ, повторяемъ, не предвидѣлъ, не ожидалъ такого движения, самъ былъ застигнутъ врасплохъ, самъ кое-какъ организовался, въ догонку такъ-сказать за событиями... Конечно, какъ мы уже упомянули, одновременно съ подвижниками изъ простонародья, было не мало, преимущественно изъ контингента офи-

ческаю, людей праздношатающихся, забулыгъ, своего рода «гарибальдийцевъ», — но и между ними сколько же было людей образованныхъ, по истинѣ интеллигентныхъ (хотя конечно не изъ разрада современной лжелиберальной интелигенции), которые сами были преисполнены общенародного христіанского порыва и пали жертвами за святое дѣло: вснominъ имена Кирѣева, Раевскаго, Левашова и многихъ другихъ. Да и изъ гулякъ — сколько ихъ беззавѣтно сложило тамъ свои головы, искушивъ, быть-можеть честною смертью свою пустую, грязную жизнь!

Вспомнимъ, какъ всѣ мы перемѣнились сами, какъ иначе жили въ эти дни всеобщаго, охватившаго Россію порыва. Все какъ-то сдвинулось съ своей пошлой обычной колеи. Сами наши смиренные іереи и архиереи почувствовали «дерзновеніе» и не спрашиваясь никого, выходили на площади, служили молебны о ниспосланіи побѣды на враговъ «рабу Божію Михаилу» или «архистратигу славянскихъ силъ», какъ гранулъ гдѣ-то, подлаживаясь къ церковному стилю, одинъ басистый дьяконъ!... Все пришло въ беспорядокъ, но какой душеспасительный, благой беспорядокъ! Безпорядокъ чисто наружный, при которомъ ни о какихъ нигилистахъ было и слыхомъ не слыхать! Какъ будто ихъ и не бывало! Притихли, попратались.... Вспомнимъ эти денежные приношенія, эти миллионы рублей, составившіеся изъ миллионовъ истинновдовьихъ лептъ.... Сколько честнаго, сколько святаго, богоугодного совершилось тогда на необъятномъ просторѣ нашего отечества: вотъ эта атмосфера была здоровая, была нравственная и — нигилизму неблагопріятная!

Пусть себѣ отрицаютъ теперь смыслъ и характеръ этого явленія наши глумители-реалисты. Реализмъ безъ подкладки идеализма близорукъ, самонадѣянъ, скудоуменъ и въ добавокъ лжетъ самъ себѣ. Ему никогда не понять народа, ибо народъ представляется ему только совокупностью (аггрегатомъ) Ивановъ, Сидоровъ, Карповъ, изъ которыхъ онъ можетъ знать, разумѣется, только одного или нѣсколько, каждого порознь. Для того же, чтобы сколько-нибудь постичь то, что называется народомъ, этотъ неухватимый для виѣшняго анализа, чудесно живущій въ вѣкахъ и въ пространствѣ, цѣльный, единый *организмъ*, — нужно нѣчто болѣе фо-

тографического умѣнія, нуженъ процессъ *идеализациіи*, отвергаемый реализмомъ. Онъ лжетъ самъ себѣ потому, что воспроизведя какого-нибудь случайно допрошенаго имъ кучера Пахома, не ограничивается скромнымъ заявленіемъ, что воспроизведенъ имъ фотографически только одинъ этотъ Пахомъ, не болѣе, а храбро притязаетъ на *обобщеніе*, — следовательно опять-таки идеализуетъ! Наши корреспонденты, разсыпавшись по Сербіи, увидѣли кое-гдѣ беспорядки, плохую организацію, кое-какія сценки въ кофейняхъ да на улицахъ, но не примѣтили главнаго: исторического стихійнаго движения, той «красоты смиренной», того священнодѣйствія души народной, которое сквозило сквозь безобразное внѣшнее рубище и нераздѣльную съ многолюдствомъ человѣческую пакость. Съ хлесткостью и развязностью, съ легкимъ сердцемъ только имъ свойственнымъ, они поспѣшили осмѣяться, освистать, оплевать въ «либеральныхъ газетахъ», безъ разбора, огуломъ, какъ самихъ добровольцевъ (умѣвшихъ однако сдерживать три мѣсяца натискъ знаменитаго Омеръ-паши), такъ и все это возвышенное мгновеніе нашего народнаго бытія. Правда, одинъ изъ «либераловъ», Петръ Боборыкинъ, оѣнивъ впослѣдствіи значеніе этого исторического эпизода, воскликнулъ въ какомъ-то фельетонѣ: «Эхъ, сплоховали мы, не «спохватились!» зачѣмъ мы (т. е. западники-либералы) дали «славянофиламъ (?)!» стать впереди этого народнаго движениія, принять дѣятельное участіе въ этой эпопеѣ, а не ста-«ли сами во главѣ народа?» все отъ того, что мы не организованная партія!» и тому подобный вздоръ!... Напрасное сожалѣніе. Нашимъ западникамъ, принявшимъ теперь кличку «либераловъ», суждено всегда быть выброшенными за бортъ, остаться всегда въ сторонѣ при всякомъ подъемѣ, при всякомъ порывѣ, при всякомъ серьезномъ, общемъ проявленіи национальнаго духа, во всѣ великие моменты русской исторіи.

Какъ ни осмѣивала, какъ ни порицала петербургская консервативная и либеральная бюрократія, съ цвѣтомъ высшаго общества вкупе, это выступленіе изъ береговъ народной духовной стихіи — Царь не могъ отдѣлиться душою отъ своего народа. Вѣчно памятно будетъ это, во очію совершившееся наитіе исторического духа, когда Царь въ Московскомъ

Кремль, къ неожиданности, къ изумлению своихъ министровъ, держалъ (въ октябрѣ 76-го) свою рѣчь къ народу... Царь,— человѣкъ исторіи по преимуществу, по преимуществу принадлежащий народу—былъ тогда съ своимъ народомъ едино. Въ ту минуту пали всѣ средостїя. Но они тотчасъ же возвыглись, какъ скоро Царь отшелъ въ Петербургъ. И какія муки внутренней борьбы должна была пережить его царственная душа, когда отсюду, все что его окружало и облегало, пришлось осуждать, затруднять, тормозить, разстраивать великое зачинавшееся всемирно-историческое дѣло... L'Empereur a subi l'oraison publique de Moscou—«Государь поддался давленію общественного мнѣнія Москвы»—твердила бюрократія съ дипломатіей, стараясь оправдывать, ослабить значеніе неосторожныхъ будто бы кремлевскихъ словъ Русского Государа!! Война, кровопролитная война, готовилась не при содѣйствії, а съ противодѣйствіемъ окружавшей среды! Тутъ-то сказался вѣковой разладъ Петербурга съ Россіей, проявилась та духовная рознь съ народной мыслью и совѣтами выспихъ, руководящихъ общественныхъ рабочихъптицающихъ предъ Западною Европою классовъ, которую не прымѣчасть современная якобы либеральная интеллигенція и о которой, недоумѣвая допрашивается насъ «Русская Мысль»! Всѣ неудачи, всѣ постигшія насъ бѣды должны быть отнесены именно къ этому разладу: не на одномъ уровне духовнаго подъема стояли народъ, армія и правящая, бюрократическая, военная, штатская, туда же и дипломатическая среда!.. Конечно, всѣ протестанты, когда потомъ довелось имъ лично участвовать въ кровавомъ бою, вѣрно исполнили долгъ воинской рыцарской чести,—этого намъ не занимать стать,—без страшило дрались, без страшило умирали, но (скажемъ мы по Погодински) недостаточно умѣть умирать по русски, нужно умѣть по русски же мыслить, чувствовать, жить...

Много было потеряно дорогого времени, но наконецъ война началась. Царь за рубежомъ Россіи, на самомъ театрѣ дѣйствій, страдальчески сострадая съ своимъ подвигоположникомъ-солдатомъ, исходитъ, движимый истинно любвеобильною душою, съ высокой чреды царскаго сана до призрѣнія раненыхъ и утѣшенія умирающихъ людей своего народа... Если когда-либо предстояло удобство нашимъ заговорщикамъ-

убийцамъ привести въ исполненіе свои преступные замыслы, направить на Государа свои выстрѣлы и удары, — такъ именно тамъ, въ Горномъ Студнѣ и въ иныхъ мѣстахъ царскаго пребыванія... Но не достало духу и у нигилистовъ, и у нихъ опустились руки въ эти минуты высокаго народнаго духовнаго строя...

Наконецъ, все, казалось, преодолѣлъ нашъ страстотерпецъ-народъ. Пала Турецкая Плевна, а съ нею, мнилось, и вся петербургскія, доморощенная бюрократическая и дипломатическая Плевны. Какъ лава, устремились наши войска, вопреки всѣмъ расчетамъ послѣднаго слова военной науки, превозмогли всѣ преграды стратегіи, природы и климата. Вотъ уже и Царь-градъ, вотъ она, Святая Софія.....

Нужно ли договариваться?

Кто вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, купленную кровью полмилліона русскихъ людей и миллиардами народнаго достоянія?... Западныя державы? — Никто какъ мы сами. Та именно рознь, то отчужденіе нашей высшей образованной руководящей среды отъ национальной мысли и чувства, — вотъ чѣдѣ было виною. Не хватило вѣры въ себя самихъ и въ свое призваніе, не достало духу, не достало силы народнаго самосознанія... Восемь мѣсяцевъ стоять побѣдителемъ у воротъ Константинополя и потомъ отступить, оставивъ еще миллионы христіанъ въ рукахъ побѣженного ислама, — затѣмъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и положить свершенній Русскимъ народомъ, его кровью и достояніемъ подвигъ во главу угла враждебной намъ и православнѣй Славянамъ западно-европейской политики, въ основу порабощенія Балканскаго полуострова Австрійцами... Неужели можно было думать, что такое нравственное паденіе Россіи не произведеть въ ней убийственной деморализації? Только деморализаціи и можно было ожидать при той дисциплинѣ нашихъ войскъ и народа, которая устранила возможность другой развязки... Самая тяжелая, самая кровопролитная изъ войнъ окончилась безъ торжества, безъ утѣшения славы, безъ радости для народа. Недоумѣлый, онъ не праздновалъ мира, котораго такъ напряженно, но терпѣливо ждалъ. Човикъ онъ духомъ, смущился мыслью. Поруганы были самыя лучшія, самыя святые движенія его души. Солгали, видно, ему всѣ эти страстные по-

рмы, эти прекрасные увлечения! Потоптано, попрано все, чему мы еще недавно такъ пламенно поклонялись! Энтузиазмъ, одушевление, самоотвержение, беззавѣтная готовность на жертвы, историческое призвание Россіи, братство... все это вздоръ, праздныя, пустыя слова!...

Ничего нѣть вреднѣе и опаснѣе, какъ подобное разочарование народа и общества въ правдѣ, въ разумности высшихъ стремлений своей души. Недовѣре къ себѣ и къ правительству, тайное внутреннее недовѣре овладѣло всѣми классами, и не скоро уже подвигнешь ихъ къ новому великодушному порыву... Обожглисъ!.. Таково было дѣйствие трижды проклѣтаго Берлинскаго трактата, и память народная не забудетъ его близкайшихъ со стороны Россіи соорудителей и рабѣтелей... Конечно, разъ совершивъ отступничество отъ исторического народного завѣта, вышней петербургской бюрократіи ничего не оставалось, какъ упорствовать въ томъ же направленіи и стараться скорѣе изгладить, стереть всѣ слѣды прошлаго энтузиазма, все напоминавшее былой «правственный и политический» беспорядокъ, особенно же годину добровольческаго движенія... Туда же во слѣдъ потянулась, разумѣется, и наимо-либеральная интелигенція, со всѣми Утиными и прочими обличителями и съ газетою «Голль», воспѣвшую хвалами Берлинскій конгресъ... Послѣдовало, какъ и должно было ожидать, закрытіе Московскаго Славянскаго Общества, къ вищему оскорблению не только всѣхъ участниковъ лучшихъ недавнихъ мгновеній народной исторической жизни, но и всего Славянскаго міра, ради котораго только-что пролилась русская кровь. Въ презрѣніи стали всѣ тѣ, которые жертвовали жизнью въ нерегулярной, самовольной русской войнѣ съ Турками 1876 года. Вонъ идеть калѣка-офицеръ, безрукій, безногій, и молитъ милостыни; онъ просилъ было о пенсіи, стучался во всѣ парадныя казематы двери, — но такъ какъ онъ провинился въ томъ, что потерялъ руку или ногу, хотя и въ бою противъ тѣхъ самыхъ Турокъ, съ которыми мы же потомъ регулярно дрались, однако иодь командою добровольца — Черняева, на полахъ Сербіи; такъ какъ онъ провинился въ томъ, что увлеченій народнымъ порывомъ, вышелъ въ отставку изъ нашей арміи и далъ себѣ изувѣчить братьевъ - христіанъ ради, —

«вонъ его, вонъ! Не увлекайся до самоотверженія! Не будѣтъ ему пенсіи, не будетъ призора дѣтамъ ни его, ни даже убитыхъ самовольныхъ мучениковъ-офицеровъ!»... Какъ будто Сербско-Русская война не была первымъ актомъ той же самой драмы, которой наша же война въ Болгаріи была только вторымъ! какъ будто можно ихъ раздѣлить въ сознаніи и въ исторіи Русскаго народа!.

За то, одновременно съ этою воющею несправедливостію дома, побѣдоносная Россія очутилась въ поношении у нашихъ друзей-враговъ за своими заладными предѣлами. Съ нею уже не считаются; послѣ Берлинскаго трактата воображаютъ ее способною на всякое самоотреченіе во вредъ себѣ и въ пользу враждебныхъ Русскому народу политическихъ интересовъ... Великая наша держава, повторимъ, очутилась вдругъ въ положеніи слабосильной, обязанной сносить смиренію всякое поруганіе своей чести. Но это уже не смиреніе; это уже уничиженіе духа,—того, чѣмъ живеть и спасается человѣкъ...

Не могло безнаказанно совершиться надъ великимъ историческимъ народомъ такое дѣяніе, которому имя Берлинскій трактатъ. Пусть не говорятъ, что какой-нибудь тамбовскій или самарскій мужикъ вовсе и не помышляетъ, да едва ли и вѣдается о такомъ дипломатическомъ актѣ... Такія рѣчи только самообольщеніе Петербурга. Во сколько народъ вѣдалъ про войну 1876 года, жертвовалъ собою и своимъ достояніемъ, во сколько онъ вѣдалъ войну 1877 года (а не могъ же онъ не вѣдать, когда до миллиона сыновъ его, солдатъ, принимало въ ней дѣятельное участіе, а самъ онъ дома жадно ловилъ каждое извѣстіе, и деревни въ складчину выписывали телеграммы и газеты),—во сколько онъ вѣдалъ про войну, во столько же вѣдастъ онъ про миръ и вѣдастъ, что онъ намъ въ стыдъ и въ обиду. Чувство государственной чести и достоинства, и инстинктъ великихъ мировыхъ судебъ Россіи выношены въ нашемъ народѣ всею многострадальной тысячелѣтнею его исторіей. Понятно поѣтому, что теперь, даже не отдавая себѣ яснаго отчета въ причинѣ, онъ поникъ духомъ и недоумѣваетъ... Одушевленіе смѣнилось уныніемъ, вѣра—сомнѣніемъ, порывъ—бессилиемъ воли, волненіе—вѣлостью, затишьемъ, тажелымъ, соннымъ затишьемъ, подобно затишью водъ, которая

...неподвижно спать
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнныи производятъ гадъ.

И развелся онъ, этотъ гадъ, на просторѣ, благодаря атмосферѣ национального бѣзчестія и приниженнаго духа... И выплыть снова на свѣтъ Божій изъ своихъ норъ обрадовавшися нигилизмъ, и дожили мы до вящаго позора, и посрамилась наша земля неслыханными въ мірѣ злодѣяніями, стала тутъ не притчею во земцѣхъ.

Но уже бражжитъ свѣтъ и занимается заря, послѣ томительной, долгой ночи... Да послужить же намъ былое въ поученіе, и да истребится наконецъ та духовная рознь, то взаимное отчужденіе высшихъ руководящихъ, общественныхъ классовъ, и народа, то невѣдѣніе, неразумініе, неуваженіе своей родной земли, своихъ народныхъ задачъ и интересовъ,— тотъ наипъ единственный недугъ, отъ которого хилѣтъ лишенный внутренней цѣльности, но въ сущности крѣпкій и здоровый, нашъ историческій, великій, государственный организмъ...

Москва, 21-го ноября 1881 г.

Митрополитъ сербскій, высокопреосвященный Михаилъ, на привѣтственную телеграмму, посланную ему 8-го ноября изъ Москвы и напечатанную въ 53 № «Руси», телеграфировалъ преосвященному Амвросію, епископу Дмитровскому, слѣдующій отвѣтъ: «Благодарю васъ и всѣхъ подписавшихся за братское поздравленіе. Вѣрю вашей любви. Митрополитъ Михаилъ». Свѣдѣнія изъ Сербіи довольно скучны. Нужно предположить, что письма оттуда задерживаются на сербской или австрійской почтѣ. Мы знаемъ только, что митрополитъ Михаилъ перебѣхалъ изъ дома митрополіи въ свой собственной небольшой домъ въ Бѣлградѣ, а исполнить свое первоначальное намѣреніе — заточить его въ монастырь Св. Петра,—сербское правительство пока не рѣшается, а можетъ быть и совсѣмъ отказалось. Константинопольскій вселенскій патріархъ ожидаетъ (или ожидалъ еще по тотъ срокъ, по который мы имѣемъ извѣстія) получения протеста отъ высокопреосвященнаго Михаила, для того чтобы войти въ сно-

шение со всеми автокефальными православными церквами и вмѣстѣ съ ними прийти къ рѣшенію относительно настоящаго положенія Сербской церкви. Узнавъ о такомъ намѣреніи патріарха, сербское министерство офиціально ходатайствовало о воспрещеніи патріарху вмѣшиваться въ сербское церковное дѣло (поступокъ вполнѣ достойный настоящихъ сербскихъ министровъ!), вслѣдствіе чего Порта уже повелѣла патріарху не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ по сербскому церковному вопросу безъ ея спроса!. Однимъ словомъ, и Австрія, и Порта служить объ пособницами сербского министерства въ его посягательствахъ на политическую независимость Сербскаго народа и на свободу общенія православныхъ церквей между собою!. Но мы надѣемся, что султанскій запретъ будетъ отклоненъ нашимъ посольствомъ въ Константинополь и патріарку будетъ возвращена его свобода церковныхъ дѣйствій: на чѣ-жь бы и держать посольство Россіи въ Константинополь, когда бы оно не сумѣло отстоять предъ Портой права православной церкви!. Но вотъ любопытное извѣстіе, сообщаемое чешскими газетами: заступающій, по указу кназя, мѣсто сербскаго митрополита, епископъ Моисей, на привѣтствіе представлявшихся ему профессоровъ семинарии и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, отвѣчалъ будто бы такими словами: «будемъ молиться, да приведетъ Господь дѣла нашей церкви въ такое положеніе, чтобы нашъ многочтимый архиепископъ Михаилъ могъ снова занять свое мѣсто». Такія слова не понравились сербскимъ министрамъ, увѣряютъ газеты... Желательно, чтобъ извѣстіе было вѣрное.

Москва, 28-го ноября 1881 г.

Наша статья въ № 53, о значеніи Берлинскаго трактата въ современной русской общественной жизни, вызвала, рядомъ съ сочувственными, и враждебные отзывы, и даже замѣтки болѣе или менѣе офиціознаго характера, или по крайней мѣрѣ съ офиціознымъ оттенкомъ. Признано было нужнымъ успокоить... австрійское общественное мнѣніе и специально — графа Кальюки. «Россія — сказано въ замѣткѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — однажды согласившись

на Берлинский трактатъ, видеть нынѣ въ сохраненіи его и свое государственное достоинство, и свою честь. Тонъ недовольствія при воспоминаніи Берлинскаго трактата — таکъ изочняется упомянутая замѣтка — можетъ легко проскальзывать (точно контрабанда!) и впредь въ периодической прессы, но это не можетъ имѣть практическаго значенія и не можетъ повести къ агрессивной политикѣ со стороны русскаго правительства. Можно смѣло сказать, что никто изъ правительственныехъ лицъ и выдающихся дѣятелей въ Россіи и не думаетъ иначе. Справедливость сказанного не могла не быть замѣчена такимъ искуснымъ дипломатомъ и проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ какъ графъ Кальюкки, и конечно будетъ передана имъ его правительству... Все это изъясненіе, смѣемъ думать, по меньшей мѣрѣ лучше. Ежедневно получаются нами иностранныя газеты и ежедневно приходится намъ читать въ нихъ самыя ожесточенные, возмутительныя нападки не только на русское правительство и на Россію, но и проповѣдь войны, съ цѣльми планами кампаній противъ нашего отечества. Газеты не безъ наглости разбалтываютъ при этомъ и секретныя стратегическія приготовленія своихъ правительствъ вдоль русской границы. Между тѣмъ не только ни одному изъ нашихъ дипломатическихъ представителей въ Австро-Венгрии и Германіи никогда и въ мысль не входило «державеніе» требовать объясненія отъ австро-венгерского или германскаго кабинета по поводу статей «Pester Lloyd»а, разныхъ вѣнскихъ «Presse», или «Кельнской Газеты», — но и сами упомянутые кабинеты вовсе повидимому и не заботятся о впечатлѣніи, какое производить въ Россіи эти оскорбительныя и вызывающія статьи; они не признаютъ нужнымъ ни извиняться за нихъ и предъ нашимъ правительствомъ, ни успокоивать его усиленными миролюбивыми завѣреніями... Русскія же газеты тѣмъ еще менѣе могутъ подать поводъ къ такого рода запросамъ со стороны иностранныхъ посланниковъ, или предупредительнымъ истолкованіемъ со стороны нашего кабинета, что газеты у насъ даже не органы партій, — таковыхъ въ европейскомъ смыслѣ у насъ и нѣть, — а только личные органы самихъ редакторовъ. Чтобъ за дѣло иностранному правительству до частнаго мнѣнія того или другого ре-

дактора въ г. Москвѣ или въ С.-Петербургѣ? развѣ русское правительство солидарно съ мнѣніями этихъ частныхъ лицъ и несетъ за нихъ отвѣтственность предъ Западною Европой? Въ томъ-то и дѣло, что за границей продолжаютъ еще упорно, и конечно намѣренno, прианавать и эту солидарность, и эту отвѣтственность, основываясь отчасти на существующей у насъ цеанурной системѣ: такого положенія правительства нельзя, конечно, наавать ни удобнымъ, ни выгоднымъ; напротивъ, оно лишаетъ его подобающей ему равноправности во взаимныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Не пора ли вообще отвадить западно-европейскіе кабинеты, по отношению къ намъ, отъ этой повадки заносовъ и на каждый таковой запросъ отвѣтчать соотвѣтственнымъ же запросомъ, тѣмъ болѣе, что поводовъ для насъ къ такимъ дипломатическимъ интерпелляціямъ представляется на Западѣ Европы несравненно болѣе, чѣмъ для Запада на русскомъ Востокѣ? Но возвратимся къ замѣткѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей».

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, подписавъ однажды международный договоръ, обязана — наравнѣ со всѣми участниками договора — соблюдать въ точности его условія, — но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ Россія мирилась внутренно съ этимъ трактатомъ и не желала его упраздненія, рано или поздно, тѣмъ путемъ, который въ политикѣ признается легальнымъ. Еще менѣе слѣдуетъ, чтобъ Россія признавала условія договора обязательными только для себя одной и продолжала его держаться даже и тогда, когда бы прочія державы, участницы договора, нарушили свои обязательства. Во всякомъ случаѣ мы желаемъ, — вѣриѣ сказать: мы надѣемся, что тонъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ не только будетъ проскальзывать въ русской periodической печати и впередь, но станетъ въ ней господствующимъ, обычнымъ, хотя бы и чуждымъ запальчивости и страсти, — какъ нѣчто нормальное, какъ точное опредѣленіе, какъ вѣрная, неотъемлемая «квалификація» извѣстнаго исторического факта, установившага разъ навсегда въ сознаніи русского общества. Обязанность печати прояснить общественное сознаніе. Нисколько не побуждая правительства къ нарушенію подписанного трактата, мы имѣемъ однако право

желать и по мѣрѣ силъ содѣйствовать тому, чтобы испытанный нами позоръ не переставалъ сознаваться нами позоромъ; чтобы лѣнъ души, гнуснѣйшая изъ всѣхъ видовъ лѣни, не затянула болотною плѣсенью чувство национальной общи въ руководящихъ сферахъ русского общества, чтобы прошлое послужило урокомъ для будущаго,—для чего прошлое не надо и забывать, напротивъ, твердо знать, живо чувствовать... А имѣемъ ли мы достаточное основаніе почитать подобныя заботы совершенно напрасными?... Развѣ указанное нами въ статьѣ 53 № противодѣйствіе петербургской бюрократіи—штатской, военной и дипломатической—предшествовавшее войнѣ, сопровождавшее войну,—развѣ пренебреженіе оказываемое до сихъ порь властями изувѣченнымъ русскимъ воинамъ-добровольцамъ,—развѣ наконецъ продолжающееся и теперь странное, чтобы не сказать хуже, отношеніе къ событиямъ 1876—78 годовъ со стороны нѣкоторой, и не малой, части общества и литературы (преимущественно въ Петербургѣ) способно служить намъ надежнымъ ручательствомъ въ непремѣнно-вѣрномъ разумѣніи петербургскую влиятельную средою нашихъ национальныхъ политическихъ интересовъ даже и въ будущемъ? Развѣ невозможно и теперь противодѣйствіе со стороны той близорукой мудрости, того дешеваго смиренного благоразумія, которое стало традиціоннымъ въ нашей дипломатіи къ постоянному ущербу нашихъ выгодъ и нашего достоинства, и которое, на нашей памяти, только однажды было нарушено (и съ какимъ блестательнымъ успѣхомъ!) во время крестового дипломатического похода на насъ Европы, по поводу послѣдняго польскаго мятежа. Вся Европа грозила намъ чуть не войною; но стояло Россіи только не испугаться, не дрогнуть,—та же Европа мигомъ спасовала, услышавъ непривычную для нея, твердую русскую отповѣдь. Это была первая и чуть ли не единственная наша дипломатическая победа, къ которой, какъ известно, не была не-прикосновенна и русская печать: заслуга, оказанная тогда «Московскими Вѣдомостями», не можетъ быть никакъ отрицаема.

Мы полагаемъ съ своей стороны, что фактъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ, фактъ пребывающій, а не сданный въ архивъ, фактъ свидѣтельствуемый русскою прессой, мо-

жеть только быть полезен для нашей дипломатіи и послужить ей опорнымъ пунктомъ. Совершенно вѣрны и вполнѣ умѣстны слова замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей» (несомнѣнно офиціознаго оттѣнка), что «Берлинскій трактатъ выразилъ собою крайнюю степень уступчивости, на которую могъ согласиться русскій Государь и непосредственно связанный съ нимъ, всему своею массою, Русскій народъ», и что «это согласіе было только съ трудомъ усвоено великимъ государствомъ», но едва ли было нужно къ словамъ: «усвоено съ трудомъ великимъ государствомъ» прибавлять еще и выражение: «пережито» (намѣренно ощущенное нами въ цитатѣ). Нѣть, не пережито. И пусть это вѣдѣтъ Европа, и пусть считается съ этимъ фактомъ въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, предосудительныхъ для чести и выгоды Россіи. А вѣдь нашимъ сосѣдамъ безъ сомнѣнія хотѣлось бы, чтобъ боль обиды, причиненной намъ Берлинскимъ трактатомъ, была, какъ говорятъ Нѣмцы, совсѣмъ *überwunden*, т. е. такъ прочно пережита и забыта, чтобъ можно было приступитьъ, безъ особаго опасенія, къ новымъ экспериментамъ, къ новымъ оскорблѣніямъ, къ новому нарушенію нашихъ интересовъ и, заручившись дружбою, идти добывать себѣ... хоть бы Солунь... Вотъ вѣдь секретный мотивъ той тревоги, которойю преисполняется австрійская дипломатія всякий разъ, когда въ Россіи кто-либо поманить недобрыймъ словомъ пресловутый трактатъ: не зажила, значитъ, рана. А если не зажила, еще сочится, такъ не прибѣгнуть ли,—разсуждаетъ быть-можетъ иностранная дипломатія,—къ старому, такъ часто удававшемуся приему: наканунѣ собственныхъ покушеній на цѣлость Берлинскаго трактата, свалить все съ большой головы на здоровую, заподозрить самое Россію въ воинственныхъ замыслахъ, заставить ее божиться въ своемъ миролюбіи. ваять отъ нея новыхъ ручательства смиренія и долготерпѣнія?...

Нѣть, рана не зажила, и Россія чувствительнѣе чѣмъ когда-либо прежде ко всякому посягательству на ея государственное достоинство и національные интересы. Это доказывается и слѣдующими заключительными словами «замѣтки», составляющими нѣчто отрадное новое въ беззѣйтномъ доселе языкѣ нашихъ офиціозныхъ объясненій «Если однако Россія — говорится въ ней — не дозволить сама себѣ нарушить

невыгодный для нея трактать, то конечно и другія государства не дозволятъ себѣ его нарушенія ни въ Черногоріи, ни въ Босніи и Герцеговинѣ, ни въ Сербіи, ни въ Болгарі... и не раздразнятъ нарушениемъ Берлинского трактата тозо глубокаго национального чувства Русскаго народа, чувства неудержимаго по силѣ и энергіи, которое привело уже однажды нашъ народъ къ стѣнамъ Константиноополя»...

Мы можемъ только поздравить себя съ тѣмъ, что статья «Руси» подала поводъ къ подобному заявлению, къ подобному предостереженію по адресу Австро-Венгрии... Остается только повторить, вслѣдъ за этими заключительными строками «замѣтки», то, что было сказано въ ней выше, именно, что «такой проницательный государственный человѣкъ, какъ графъ Кальюки, ощѣнить справедливость» выраженной именно въ этихъ строкахъ мысли русскаго кабинета и «передать ее своему правительству»!... Пусть вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благоволить передать, что русское общественное мнѣніе дозволяетъ себѣ усматривать въ австрійскомъ образѣ дѣйствій въ Босніи и Герцеговинѣ, именно въ учрежденіи воинской повинности, прямое нарушеніе Берлинского трактата; что съ точки зрѣнія русскаго общества данное порученіе Австріи—временно занять обѣ турецкія провинціи съ цѣллю умиротворенія и устронія—оказывается неисполненнымъ и для Австріи, по нерасположенію къ ней туземнаго населенія, едва ли и исполнимымъ, ибо вмѣсто мира и гражданскаго устройства результатомъ ея оккупациіи явилось разстройство цѣлаго края, эмиграція, да вооруженное восстание; что для успокоенія Европы вообще и Россіи въ частности, по мнѣнію того же русскаго общества, наиболѣшими средствомъ было бы благоизволеніе Австріи вывести свои войска и чиновниковъ изъ Босніи и Герцеговины, и предоставить славянскому населенію этого края самому рѣшить свою политическую судьбу—съ утвержденія Европы. Графъ Кальюки, «какъ проницательный дипломатъ», конечно не упустить передать своему правительству, что сосредоточеніе до 40 тысячъ войскъ въ окрестностяхъ Бокки Катарской для усмирѣнія Кривошіана, на границахъ Черногоріи, что интриги австрійскихъ агентовъ въ Сербіи, Болгаріи и особенно въ Румеліи и Македоніи; что официальный тостъ, провозгла-

шенный на дняхъ, при открытии моста черезъ Саву въ Боснию, австро-венгерскимъ начальникомъ области въ честь строителя «моста, который служить первымъ этапомъ къ Элейскому морю», — что все это можетъ лишь «раздразнить» то национальное чувство Русского народа, о которомъ говорить «замѣтка» «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Нѣть, не Россія угрожаетъ европейскому миру, да и ничто въ настоящее время не угрожаетъ согласію Европы, кромѣ плановъ австро-венгерской политики. «Черная точки», по знаменитому выражению Наполеона III — только на австрійскомъ горизонте.. Да и не одиѣ черныхъ точек... Тамъ уже льется кровь, славянская кровь! Восстание готово вспыхнуть вновь какъ въ 1875 году и вновь въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда занялся пожаръ, пылавшій три года сряду и едва не испепелившій всю Европу!

Не русской дипломатіи успокоивать австрійскую по поводу мнѣнія о Берлинскомъ трактатѣ, высказанного частнымъ лицомъ гдѣ-то въ Москвѣ, на улицѣ Спиридоновкѣ, а австрійской успокоивать русскую по поводу льющейся крови православныхъ Славянъ въ Герцеговинѣ и въ окрестностяхъ Черногоріи...

Кромѣ замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей», были возраженія и въ другихъ органахъ печати, которыхъ мы не можемъ оставить безъ отвѣта. «Биржевыя Вѣдомости», напримѣръ, оправдываютъ Берлинскій трактатъ необходимостью для Россіи умиротворить Европу и предотвратить опасность войны съ союзными европейскими державами, — войны съ врагами погрозившіе и искусившіе Турокъ, въ то время какъ наши силы были уже угомлены и истощены. Да въ томъ-то и дѣло, что никакой серьезной опасности войны надѣяться и не висѣло; ни одна держава не была готова къ бою и не рискула бы отъ угрозъ перейти къ дѣлу. Насъ смущала болѣе или менѣе нахальная постать или что Французы называютъ *attitude* западныхъ государствъ. Пора наконецъ намъ уразумѣть, почему мы — сильные на землю биты, гдѣ вопросъ решается доблестью русского солдата, т. е. самого народа — почти всегда терпимъ пораженія на полѣ дипломатическомъ. Потому что наши дипломаты, какъ и значитель-

ная часть русского общества, особенно въ высшей средѣ, испытываютъ относительно Западной Европы, даже и до сихъ поръ, чувство несовершенства предъ старшимъ, неученаго предъ ученымъ, полуцивилизованаго варвара предъ носителемъ цивилизациі — отличаясь въ то же время необычайною слабостью национального чувства и самосознанія, поразительнымъ недоразумѣніемъ русскихъ интересовъ и историческихъ национальныхъ задачъ. Это хорошо известно на Западѣ, гдѣ русская дипломатія всегда старалась блестать, блестѣть еще и теперь, традиціонною благоправностью, безцѣнностью, отсутствіемъ всякаго почина, всякаго опредѣленіаго, твердаго мнѣнія и пуще всего боязнью общественнаго мнѣнія — не Россіи, а Европы. Понятно постому, что заграничные дипломаты имѣютъ надъ нашими положительное *правостремленное* преосходство и невольно подчиняютъ ихъ своему обаянію, своему *ascendant*. Это люди *убѣжденные*, знающіе чего хотѣть, умѣющіе требовать — вовсе не въ мѣру государственной своей внѣшней силы, а въ мѣру слабости и податливости *противника*, но готовые также беззастѣнчиво и спасовать, т. е. смириТЬ свои требованія даже до нуля, какъ только противникъ ощетинится и покажетъ зубы. Русскій же ихъ противникъ почти всегда слабъ и податливъ...

Вѣдая таковыя наши свойства, англійское министерство, съ цѣлью произвѣсть давленіе на русское правительство, постоянно прибѣгаеть (и къ несчастію съ успѣхомъ) къ извѣстному своему маневру: въ парламентѣ предлагаются публичные запросы министрамъ по русскимъ дѣламъ, не только внѣшнимъ, но даже и внутреннимъ: не только, напримѣръ, о русскихъ путешественникахъ въ Средней Азіи (и это въ то время, когда англійский маіоръ Бутлеръ, въ качествѣ путешественника, занимался организацией воюющихъ съ нами текинскихъ силъ!), но даже о дѣйствіяхъ, ничего общаго съ иностранной политикой не имѣющихъ, хоть бы, напримѣръ, объ антиеврейскихъ въ Россіи народныхъ движеніяхъ и чуть ли не о способѣ перевозки наши сильныхъ. Хотя британскіе министры отвѣтываютъ въ такихъ случаяхъ большую частью незначительными отвѣтами,— но это все равно. Тамъ знаютъ, что мы какъ разъ готовы смутиться подобными вопросами, ничего такъ не трусимъ какъ европейской огласки,

охулки, и съ своей стороны не только не допросимъ британскихъ властей о маіорѣ Бутлерѣ, но постараемся стушеваться, принизиться, сократиться, чему однакоже, увы! сильно препятствуетъ нашъ природный объемъ и роеть! Наши дипломатические представители за границей даже прославились своимъ пренебреженiemъ къ исполнению прямой своей обязанности—заступничества за своихъ соотечественниковъ, покровительства имъ и защиты. Въ числѣ этихъ представителей передъ войною и послѣ войны 1877 г., призванныхъ действовать въ жаркомъ состязаніи о національныхъ интересахъ, среди дипломатовъ такого сильного національного закала, каковы дипломаты нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, были такіе, которые хвалились, какъ высшимъ признакомъ культуры, недоступностью своихъ сердецъ живому чувству національности и громко провозглашали, что для нихъ не существуютъ въ мірѣ ни Французы, ни Нѣмцы, ни Русскіе, а только *des gens comme il faut*, т. е. «приличные» въ свѣтскомъ смыслѣ люди. Этотъ характеръ русскихъ дипломатовъ не могъ не отразиться и на нашей дипломатіи, т. е. на самомъ инструментѣ нашей внѣшней политики. При такихъ качествахъ инструмента не мудрено, что мы потерпѣли послѣ побѣдоносной кревавой войны безкровное, но за то и наилюзорное дипломатическое пораженіе. Ибо побѣда, одержанная надъ Россіей Берлинскимъ конгрессомъ, была чисто дипломатическая; не коалиціей боевыхъ материальныхъ силъ устранили насъ западныя державы, а дервостью совсѣмъ безыютныхъ угрозъ, твердостью воли, настойчивымъ хотѣніемъ!

Да, мы увѣрены, что эта пресловутая коалиція западныхъ государствъ противъ Россіи мигомъ бы распалась, какъ скоро вмѣсто словъ предложено было бы перейти къ дѣлу. Прямые, ближайшие, непосредственные интересы Германіи и Россіи вовсе не до такой степени противоположны другъ другу, чтобы подавать поводъ къ войнѣ: по крайней мѣрѣ этотъ поводъ еще не назрѣлъ, и ничто не мѣшаетъ намъ жить въ добромъ сосѣдствѣ. Къ тому же Франція едва ли бы упустила удобный моментъ для своей отмѣтки, какъ скоро бы эти обѣ могущественнѣйшія державы континента вступили между собою въ поединокъ. Австрія... Ея государственный инстинктъ всегда оберегалъ ее до сихъ поръ отъ войны съ

Россіей, и нельзя не дивиться вѣрности этого инстинкта. Мы съ Австріей въ мирѣ и не желаемъ ссориться съ нею, но война съ Австріей едва ли можетъ быть особенно страшна для русской, славянской, проникнутой національнымъ самосознаніемъ державы. Сомнительно и теперь, чтобы мудрость австрійскихъ правителей допустила когда-либо Австрію до этого испытания... Англія? Но пора же наконецъ отрѣшиться отъ этого предразсудка,—ибо страхъ предъ внѣшнимъ политическимъ могуществомъ Англіи не болѣе какъ предразсудокъ: для континентальныхъ военно-сухопутныхъ державъ, для государствъ, которыхъ берега не омываются моремъ, какъ берега Франціи, Италии, Испаніи, могущество Британіи, основанное на морскихъ ея силахъ, не представляеть опасности, особенно при защите морскихъ проходовъ торпедами. Трудно даже понять, почему до сихъ поръ мы всегда такъ остерегались гнѣвить Англію, такъ легко уступали — даже подчасъ оскорбительнымъ, дерзкимъ ея требованіямъ не только въ дѣлахъ Балканского полуострова, но даже и въ Средней Азіи. Чѣд случилось бы, еслибы мы вздумали ея не послушаться? Война? но война Россіи съ Англіей, это, по выражению князя Бисмарка — война медвѣдя съ китомъ! Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нашей дипломатической приниженнности относительно Альбиона, какъ именно «предразсудкомъ», да развѣ — при тайномъ сознаніи нашей простоты — страхомъ его коварства и безразборчивости средствъ къ достижению своихъ цѣлей. Беконс菲尔дъ, такъ повидимому возвеличившій политическое значеніе Англіи, былъ силенъ вовсе не британской военной силою, а только поддержанію германскаго канцлера, который, съ своей стороны, кажется давно уже опростался отъ вышеупомянутаго предразсудка. По крайней мѣрѣ, не смотря на Гладстоновское грозное *hands off* (руки прочь!), такъ было встревожившее Англію, политический блескъ Англіи потускнѣлъ мигомъ, да и тонъ ея очень низко понизился — послѣ того, какъ миссія Гошена въ Берлинѣ потерпѣла полное *fiasco* и германскій кабінетъ далъ почувствовать англійскому, что англійскіе перуны ему вовсе не страшны. Повидимому это соображеніе, т. е. о непрочности англійскаго обаянія и политического авторитета на материкѣ Европы, начинаетъ, тайно и болѣзnenно, проникать въ сознаніе са-

михъ Англичанъ. Россіи остается только послѣдовать при-
мѣру Германіи и попробовать въ дѣлѣ русского интереса,
только побровать — не принимать въ расчетъ англійскихъ
протестовъ и прещеній,—и Англія, мы увидимъ, не замед-
литъ убавить тона, какъ она уже убавила его теперь по
отношенію къ Австріи.

Такъ какъ русскіе интересы не угрожаютъ въ сущности
ничимъ чужимъ, законнымъ и правымъ интересамъ; такъ
какъ мы не ищемъ ни 'войны, ни завоеваній'; не посыпаемъ
ва владѣнія нашихъ сосѣдей, не имѣемъ никакихъ видовъ на
Индію и добиваемся только свободы отъ иноплеменного ига да
самостоятельного гражданскаго развитія для народностей на-
селяющихъ Балканскій полуостровъ, то Россіи нѣтъ никакой
надобности поступаться своею правдою и вѣчно разыгрывать
предъ Западною Европою роль безъ вины виноватаго. На-
шую статью о Берлинскомъ трактатѣ мы хотѣли оживить
въ нашемъ обществѣ сознаніе русскаго народнаго достоин-
ства и поставить его на стражѣ національныхъ, родныхъ
интересовъ, восколько такая стража возможна для общества.
Уроки исторіи, повторяемъ, не должны забываться (чтѣдко случается съ нами), и печать, обновляя кстати и вѣ-
время память объ этихъ урокахъ, безъ сомнѣнія оказываетъ
только услугу какъ обществу, такъ и руководящимъ влас-
тямъ. Не новая бѣдствія войны хотимъ мы накликать на
наше отечество,—какъ вздумалъ было нась обвинить органъ
«акціонернаго товарищества писчебумажныхъ фабрикъ «Ин-
геройскъ» съ «представителемъ директоромъ-распорядителемъ»
(каковъ титулъ!) Гриппенбергомъ и редакторомъ Нотовичемъ,
иначе сказать газета «Новости»: точно будто какая война
можетъ статься отъ частныхъ рѣчей, къ тому же, по мнѣ-
нію фабричной газеты, такихъ безграмотныхъ русскихъ рѣ-
чей, какъ наши!... Не войну навлечь желаемъ мы, напро-
тивъ: предотвратить опасность, если не войны, то вящихъ
политическихъ униженій, которыми могла бы грозить Россія
обычная наша дипломатическая податливость, усугубленная
преувеличеннымъ понятіемъ о переживаемыхъ нами внутрен-
нихъ затрудненіяхъ. Мы имѣли въ виду и другую цѣль. Намъ
хотѣлось указать на тѣ условія общественной атмосферы,
которые благопріятствуютъ развитію политическаго нигилиз-

ма и преступной дѣятельности внутреннихъ враговъ русскаго государства и народа. Не Берлинскій трактатъ породилъ ихъ: этого мы никогда и не утверждали, тѣмъ болѣе, что сами же указали на рядъ злодѣйствъ, предшествовавшій трактату. Несомнѣнно, однако же, что злодѣйства прекрасились и злодѣи скрылись въ годину нашихъ войнъ съ Турцией, годину подъема и оживленія народнаго духа,—и тотчасъ же снова выѣздили изъ своихъ норъ, когда страной овладѣло уныніе, разочарованіе въ силѣ и правдѣ лучшихъ душевныхъ порывовъ и тайное недовѣріе къ правительству, оказавшемуся не на одномъ уровнѣ съ возбужденнымъ національнымъ чувствомъ, проявившему оскудѣніе духа, слабость воли, неопределѣленность мысли. Парижскій миръ 1856 г. былъ также, безъ сомнѣнія, тажель для русскаго чувства, хотя мы были къ нему вынуждены вышею силой, послѣ борьбы, вынѣкшей побѣженныхъ славою высшей, чѣмъ побѣдителей; но это, тѣмъ не менѣе тажелое впечатлѣніе прошло однакоже безслѣдно и быстро, потому что тотчасъ же послѣ мира послѣдовалъ рядъ реформъ, мгновенно овладѣвшій всѣми помыслами, всею душой Россіи: вспомнимъ только эпоху освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ съ предшествовавшею и послѣдовашею всеобщею работой,—эпоху дѣйствительно новѣвшую новымъ духомъ жизни! За Берлинскимъ трактатомъ послѣдовало лишь Ѣдкое, горькое ощущеніе національного стыда, чувство общественнаго бессилия при полномъ сознаніи бюрократической петербургской несостоятельности,—а освѣжающимъ воздухомъ не повѣяло въ тѣ дни съ тѣхъ высотъ, откуда Русскій народъ всегда привыкъ ждать появленія новаго, бодраго свѣта,—которымъ однимъ принадлежитъ на Руси, по приговору исторіи, властная, зиждительная, животворящая сила....

1882 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 23 января.

Въ то время, какъ гордая торговка опіумомъ, просвѣщенная отравительница Китая, мечомъ и огнемъ добывшая себѣ право свободно и безнаказанно губить медленнымъ ядомъ цѣлый народъ,—въ то время, какъ Англія въ лицѣ консервативной своей партіи, съ Times'омъ, лондонскимъ лордъ-меромъ, лондонскимъ епископомъ во главѣ, въ печати и на публичныхъ митингахъ срамитъ, поносить имя Россіи и въ лицемѣрномъ негодованіи, вступаясь за еврейскую угнетенную невинность проповѣдуетъ ненависть, къ нашему отечеству, къ «идолопоклонникамъ, выближеннымъ дикарямъ» (по выражению извѣстнаго романиста Чарльзъ-Рида), грозить на конецъ подвергнуть нашу «варварскую орду» допросу черезъ посредство англійского правительства, твердо вѣруя, что Русские, по подлиннымъ словамъ англійскихъ газетъ, «чувствительны *въ крайней степени* къ критикѣ Западной Европы»,—въ это самое время австрійскія полчища, одно за другимъ, поспѣшаются въ предѣлы Балканскаго полуострова, чтобы окончательно сломить твердьно славянскаго духа, покрасть и раздавить славянскую самобытность. Австро-венгерскій походъ на Кривошанъ, Герцеговинцевъ, Босняковъ, косвеннымъ образомъ на Черногорію, это—походъ на насъ. «Нѣмецко-мадьярскія винтовки—по выражению генерала Скобелева въ его рѣчи 12 января—направленны, въ родной намъ Славянской землѣ, въ единовѣрныхъ намъ груди», направлены собственно въ наши груди! Каждый выстрѣль нѣмецко-мадьярскій, поражающій теперь тамъ, далеко, православнаго Славянина, наносить и намъ ударъ; каждая пролитая капля славянской крови ложится на нашу душу, пытаетъ насъ, взыываетъ къ отмщению....

Да, Россія осуждена присутствовать, хотя бы съ негодованіемъ въ сердцѣ, съ краскою стыда на лицѣ, при самомъ

всемутительномъ изъ зрѣлищъ, при насильственномъ порабощеніи православныхъ Славянъ ненавистному имъ латинскому и швабскому или нѣмецкому игу. Ну, что-жъ? пойдемъ, разсядемся по мѣстамъ и станемъ издали смотрѣть на интересное зрѣлище этого боя, на смерть отважныхъ, непреклонныхъ, вольнолюбивыхъ людей нашего исповѣданія и племени за свободу и вѣру!... Станемъ, въ качествѣ наблюдателей, глядѣть, какъ при общемъ ободрѣніи и хвалебномъ кликѣ Европы попирается самое святое право, творится самая воплощенная кривда.— какъ горько искупаютъ эти безумные Славяне свои чаянія на Россію, которая помогли имъ до сихъ поръ пережить вѣка мученій и рабства,— какъ наносится ударъ за ударомъ политическому значенію, обалию нашей Россіи и всему тому, чтѣ тамъ, на Балканскомъ полуостровѣ, она созидала въ теченіи двухъ столѣтій медленно, но настойчиво, своюю кровью и достоинствомъ! Ибо нечего же себя обманывать: торжество австрійской кривды на Балканскомъ полуостровѣ, прежде всего— нравственное паденіе Россіи, а нравственное паденіе державы, какъ извѣстно, не обходится безъ ущерба и для политической ея силы....

И въ самомъ дѣлѣ, не безумство ли со стороны Славянскихъ племенъ это возстаніе противъ могущественной Австро-Мадьярской имперіи? Не несетъ ли она имъ всѣ выгоды европейской или,— чтѣ по понятіямъ «Голоса» и его петербургскихъ и московскихъ педголооковъ одно и то же,— «общечеловѣческой» цивилизаціи? не сулитъ ли въ перспективѣ всѣ блага «правового юрадка» или другими словами— конституції съ парламентомъ, съ правомъ посыпать «представителей» въ рейхератъ и т. д.? И всѣ эти блага можно купить, съ точки зренія нашихъ «либераловъ», самою дешевою цѣнною! отрекись только отъ народнаго вѣроисповѣданія (вѣдь это въ сущности, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, чистый вздоръ, такъ какъ «религія только субъективное чувство»); отрекись лишь отъ «самобытности въ сферѣ поліческихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей», — какъ уже отрекись отъ нея, за Русскій народъ, въ своихъ печатникахъ органахъ наши «интелигенты», не признающіе въ русскомъ морѣ иной самобытности, кроме экономической, и иного интереса, кроме материального (sic)! Самобытность полагает-

ся, по учению нашихъ противниковъ, только для западныхъ Европейцевъ, у которыхъ она воаводится ими даже на степень «общечеловѣческаго идеала».... Отступись только Славянинъ отъ православія, преклонись предъ австрійскимъ жандармомъ —носителемъ высшей культуры, признай предуздительно и смиренno законъ, въ силу которого низшая культура должна непремѣнно подчиниться высшей,—и вѣть сомнѣнія, миромъ и благодеиствіемъ разцвѣтеть и Боснія, и Герцеговина, и вся тѣ прочія Славянскія страны, гдѣ, если не вѣтъ еще открыто го боя, за то не прекращается ни на минуту скрытая, глухая борьба....

Но грубыя Славянскія племена не обольщаются этими выгодами и предпочитаютъ терпѣть; страдать и даже умереть за сохраненіе своей самобытности именно въ сферѣ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ идей: знаютъ они хорошо, что та западно-европейская самобытность, которую преподносятъ имъ въ видѣ высшаго «общечеловѣческаго развитія», на дѣлѣ, по отношенію къ Славянину, является лишь национальною самобытностью Нѣмца или Мадьяра. Не мало однако же,—до появленія Россіи, какъ могущественной державы, на европейскомъ политическомъ горизонтѣ,—погибло Славянскихъ племенъ подъ мечомъ и государственнымъ гнетомъ Европейцевъ или встануло въ составъ чуждыхъ народовъ; не мало погибло ихъ и духовно чрезъ невольное или вольное присоединеніе къ латинству. Но едва лишь прогремѣло при Петрѣ имя Россіи, какъ воскресли духомъ всѣ, еще не погибшія, хотя и томившіяся въ рабствѣ Славянскія племена, и даже въ тѣхъ, которая измѣнили вѣрѣ отцовъ, пробудилось славянское самосознаніе: всѣ стали жить чашніемъ великаго будущаго, вперая взоры въ сѣвернаго могучаго брата.... Только о Россіи стоить и движется еще въ мірѣ славянская народность. Нѣкогда успѣшный процессъ не-глощенія Европою Славянскихъ племенъ встрѣчаѣтъ теперь неожиданное, трудно одолимое препятствіе. Даже тѣтъ благодатный край, въ которомъ она пыталась когда-то основать Латинскую имперію, который подпалъ потомъ владичеству Оттомановъ, но на который она не переставала простиражать свои виды,—сталъ ожидать отъ Россіи возрожденія изъ самостоятельному, независимому бытию—и действительно возрож-

даться.... Вотъ откуда источники злобы и ненависти Западной Европы къ Россії! Вся задача западно-европейской политики въ томъ именно и состоитъ, чтобы расторгнуть связь между Россіей и остальнымъ міромъ Славянскимъ,—другими словами уничтожить исторический фактъ; нераздѣльный съ самимъ бытіемъ Славянъ и Россія. Однако же, какъ ни усиливается Европа, фактъ все же остается и пребываетъ:

Но все же братья мы родные:
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насы:
Вамъ не прощается Россія,
Россіи не прощаютъ васъ!

сказалъ русскій поэтъ, обращаясь къ славянскимъ гостямъ на съездѣ 1867 года. Да, какъ тяжкій первородный грѣхъ преельдется славянство въ Европѣ, преимущественно же въ Австро-Венгрии, гдѣ Славяне составляютъ большинство всего населения имперіи... Часто, на страницахъ нашей газеты, разъясняемъ мы его многострадальную повѣсть! Одинъ изъ самыхъ обычныхъ видовъ страданій, это—посагательство на вѣру. Европа понимаетъ ясно, что претворить Славянство въ свой организмъ она иначе не можетъ, какъ путемъ отстуничества Славянъ отъ той духовной основы, въ которой главный залогъ иль самостоятельности и ихъ связи съ Россіей. Не обращая никакого вниманія на толки о томъ, что «въ нашъ просвѣщенный вѣкъ религія не болѣе какъ субъективное чувство и не должна служить никакимъ поліческимъ цѣлямъ», или, вѣрнѣе сказать, провозглашашая эти начала только *про себя*, по отношенію къ своей собственной жизни, а не въ примѣненіи къ Славянамъ, и предоставивъ нашимъ «либераламъ», къ великому для враговъ Россіи утѣшению, подтачивать спроста, будто бы въ силу этихъ началь, национальный нервъ нашей и славянской народности, Европа самымъ наглымъ образомъ, принужденіемъ и соблазномъ, домогается совращенія и православныхъ Славянъ въ латинство или хоть въ протестантізмъ. Не только Австрійцы, но и Французы, и Итальянцы, и Нѣмцы, и Англичане, — всѣ усердствуютъ въ религиозной пропагандѣ и наводнаютъ миссионерами, словно языческий край, христіанскія Славянскія земли! Но дѣло не ограничивается простомъ проповѣдью.

Православіе — именно въ католической Австрії — вытравляется всѣми ухищреніями іезуитскаго коварства, цѣлою сѣтью ежечасныхъ обид! Читатели «Руси» уже знакомы съ положеніемъ Русскаго племени въ Венгрии — этихъ истинныхъ страстотерцевъ, и еще большихъ страстотерцевъ — Русскихъ же въ сосѣдней, родной націей Галиціи: о новѣйшихъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на этихъ послѣднихъ ренегатами Славянства и прислужниками Австріи Поляками, помѣщается сказаніе ниже, въ этомъ же №.

И такъ, осудимъ ли мы «безумное» упорство Славянъ западной окраины Балканскаго полуострова, рѣшившихся лучше погибнуть, чѣмъ утратить свою духовную самобытность и подчиниться безпрекословно убийственному для ихъ народности, хотя, пожалуй, и законному, съ точки зрења нѣкоторыхъ петербургскихъ умниковъ, господству высшей, т. е. западно-европейской цивилизаци? Не тяжѣе только налоги, не дурные только австрійскіе административные порядки вызвали Славянъ Босніи и Герцеговины на то отчалиное сопротивленіе, которое, если имъ не будетъ оказано помошь, въ концѣ-концовъ завершится страшными бѣдствіями для нихъ и для всей страны. Если бы дѣло шло только о налогахъ да администрація, австрійское правительство нашло бы средство отвратить восстание: налоги, администрація, всякая вѣшняя насилия были еще хуже подъ владычествомъ Турокъ, — а между тѣмъ Герцеговинцы и Босніаки готовы и теперь предпочесть турецкое иго — игу цивилизованныхъ Европейцевъ! Осудимъ ли ихъ? Скажемъ ли имъ, какъ съѣтуетъ, напримѣръ, петербургская газета «Новости» (постоянно хвастающая 20 т. подписчиковъ): смиритесь и жкоритесь?...

И въ самомъ дѣлѣ, ужъ не крикнуть ли имъ отъ имени Россіи, въ отвѣтъ на призывъ о помошь: «не уирайтесь — дайте себя оламишить и ожимечить»!!...

Скажетъ ли, подастъ ли такой совѣтъ Россіи? Или же, не подавая такого совѣта, отвѣтить имъ: «погибайте!.. Погибайте, а я стану смотрѣть, какъ вы будете гибнуть»!..

Вотъ какой вопросъ грозить предстать передъ Россіей, и нашествіе этого грозного вопроса, этого призыва на судъ истории, уже начинаетъ предчувствовать русскимъ обще-

ствомъ... Если Австрія не отречется отъ своихъ притязаний, тъ вескій пожаръ можетъ охватить все сербское православное илемъ: не устоять Черногорцы; не бывать имъ праздничными зрителями, какъ рѣжутъ ихъ кровныхъ братьевъ, — и Австрія вынуждена будетъ, пожалуй, въ стратегическихъ видахъ, пренебречь независимостью Черногорской территории...

Кто же, безъ надобности, беззаконно нарушаетъ теперь миръ и спокойствіе Европы? Отчего же европейскій ареопагъ не призоветъ къ своему суду нарушителя? Австрія, — да, она одна виновна предъ всѣмъ человѣчествомъ, предъ правосудіемъ Божімъ и людскимъ, въ посягательствѣ на общественную международную тишину, и если годится на что-либо въ свѣтѣ дипломатія, такъ именно теперь настало для нея время. Не можетъ же русское правительство искушать долготерпѣніе, подвергать такому мучительному испытанію совѣсть и честь своего народа. Не для того принесло оно столько жертвъ для умиротворенія Европы на Берлинскомъ конгрессѣ, чтобы эта Европа, заручившись миромъ со стороны Россіи, принялась снова дразнить тотъ народъ, который, ради освобожденія православныхъ братьевъ, еще недавно, переваливъ черезъ Балканы, доступилъ самыхъ стѣнъ Константиноپоля!

Дѣло просто и ясно. Если Берлинскій конгресъ уполномочилъ Австрію временно занять двѣ турецкія провинціи съ цѣлью умиротворенія, то потому только, что управление христіанской цивилизованной державы представлялось для того болѣе надежнымъ средствомъ, чѣмъ управлениѳ Порты. Не съ тою же цѣлью воевалась это порученіе на Австрію, чтобы она предала подлежащія умиротворенію страны — разгрому, опустошенію, залила ихъ кровью, завалила трупами. Если же цѣль полномочія не достигнута и Австрія, по чьей бы винѣ ни было, оказывается къ возвращенію тишины и порядка не способно, всякое ея право на оккупацию рушится и полномочіе уничтожается само собою: иначе оккупациія становится воопіощимъ, возмутительнымъ, позорнымъ для Европы противорѣчіемъ съ ея собственнымъ постановленіемъ, а Австрія является послушницѣю соединенной воли Европы... Вопрошай, разрѣшеніе котораго европейскимъ ареопагомъ поручено Австріи и сю не разрѣшено, возвращается ipso facto,

для нового решения, опять къ тому же архопагу или къ соединенной Европѣ. Это единственный дипломатический исходъ изъ настоящаго положенія; онъ одинъ еще можетъ предупредить разгаръ начинаящейся войны, разгаръ, котораго конечно никто не желаетъ, но которому размѣровъ никто—предустановить не можетъ.

Намъ вообразить пожалуй, что тайный умыселъ и Англіи, и Германіи, и прочихъ иностранныхъ державъ былъ иной; что онъ подъ оккупацией разумѣли аннексію, т. е. присоединеніе обѣихъ турецкихъ провинцій къ Австріи. Но что за дѣло до такихъ умысловъ, если внутренняя ихъ неправда такъ велика, что ни одна изъ этихъ державъ не осмѣлилась ихъ обнаружить! Или весь этотъ конгрессъ не болѣе какъ комедія, прикрывавшая только внѣшнюю благовидностью злостный заговоръ противъ Славянъ и Россіи, или же постановленія трактата сохраняютъ свою обязательную силу. Если—комедія, прикрывавшая заговоръ,—пусть же такъ и объяснять это теперь западныя державы: тогда по крайней мѣрѣ Берлинскій трактатъ тотчасъ же утратитъ свое обязательное значеніе какъ для Россіи, такъ и для Сербіи, для Черногоріи, для Болгаріи. Если же трактатъ остается обязательнымъ, такъ пусть же онъ будетъ исполненъ буквально—прежде всего самою Австріей... Вотъ пока, повторяемъ, единственный исходъ для русской дипломатіи, вотъ вопросы, которые слѣдовало бы ей поставить Европѣ, прежде чѣмъ ходъ событий, предоставленный самъ себѣ, поставить вопросъ въ упоръ передъ самою Россіей: вопросъ о томъ — оставаться ли ей вѣрною своему историческому призванию, долгу чести и совѣсти народной, охранить ли вѣру и свободу православныхъ Славянскихъ племенъ отъ насаждательства Австріи, или же велѣть этимъ племенамъ самимъ решать свою участъ, другими словами: дать имъ себя олатить и онѣмечить или пожалуй погибнуть. Но вѣдь это вопросъ—быть или не быть для самой Россіи...

Не знаемъ, на что рѣшился наше правительство, но едава ли послѣдуетъ оно созѣту, который подсказываютъ ему органы петербургскаго либерализма, именно: пусть всего на свѣтѣ избѣгать «самобытности» и «народного направления» въ политикѣ. Но не поднимая теперь съ своей стороны

споря о народности, замѣтимъ только, что русское народное направление въ политикѣ — въ то же время и общечеловѣческое. Да, и общечеловѣческое, ибо Россія въ своей вѣшней политикѣ не ищетъ ничего кромѣ *правды*; ибо по милости Божией, не расходятся съ правдою ея личные интересы. Она домогается для Славянъ только свободы самостоятельнаго бытія, и только въ этой ихъ свободѣ и самостоятельности видитъ залогъ ихъ братскаго съ собою соединенія. Нечего указывать на несочувствіе и недовѣріе къ Россіи интеллигентіи сербской или болгарской. Эта «интеллигентія», — если такое несочувствіе и существуетъ (конечно только въ иѣкоторой ея части), — всего-то считаетъ себѣ безъ года недѣлю и береть себѣ за образецъ нашу же доморощенную такъ-называемую либеральную интеллигентію... Но мы вѣдь знаемъ, что какъ въ Россіи ея мощь и творчество жизни не въ этой безнародной интеллигентіи, а въ народѣ, такъ и у Славянскихъ племенъ. А народъ и у Болгаръ, и у Сербовъ, и во всѣхъ Славянскихъ странахъ — влечется духомъ къ Россіи. Нѣтъ у Россіи какихъ-либо иныхъ благоволяющихъ ей въ этихъ краяхъ «партій», кромѣ одной, которая посильнѣе всѣхъ партій, т. е. самого народа. *Народы* за насъ, — они понимаютъ сердцемъ Россію, лучше чѣмъ наша интеллигентія. И только *народная* Россія можетъ пользоваться сочувствіемъ и любовью *народовъ*.

Пусть издѣваются въ Петербургѣ надъ московскою «восторженностью» и съ дешевымъ хладнокровіемъ, свысока, подтруниваютъ надъ «историческимъ призваніемъ» русской народности, да и надъ самою русскою народностью. Эту гнилую мудрость, пренебрегающую мудростью народнаго истиинкта и сердца, не вразумилъ и 1876 годъ. Но мы уже слышимъ тихій подступъ той знакомой намъ волны, которой новое выступленіе изъ береговъ въ настоящее время едва ли и жалательно; намъ уже и теперь приходится сдерживать молодые порывы... Русскому правительству нѣть, по нашему мнѣнію, другого способа предотвратить неправильное проявленіе естественнаго, законнаго сочувствія своего народа къ воюющимъ теперь Боснякамъ и Герцоговинцамъ, какъ стать во главѣ этого сочувствія и дать своей дипломатіи подобающее въ настоящую пору направление. Не то...

Быть громамъ и быть ударамъ!

Два слова еще по поводу еврейской агитации въ Англії. Нужно ли говорить, что сами Англичане не вѣрять, не могутъ вѣрить всей той лжи, которую съ такимъ изобилиемъ снабжаютъ ихъ Евреи и которую они съ такимъ злорадствомъ печатаютъ въ своихъ многочисленныхъ газетахъ? Здравый смыслъ могъ бы однако подсказать имъ самимъ, не ожидая и опровергній со стороны Россіи, совершеннную несбыточность описываемыхъ фактовъ, въ родѣ напримѣръ полуночного обезчещенія женского населенія цѣлыхъ мѣстностей, какъ Березовки и другихъ!! Статочное ли дѣло, чтобы о такихъ событияхъ не вѣдали или молчали, въ теченіи шести-семи мѣсяцевъ, представители англійского правительства въ Россіи, многочисленные, разсѣянные по Россіи англійскіе консула и тысячи Англичанъ проживающихъ въ нашемъ отечествѣ? Прежде чѣмъ печатать эти мерзости, помосить Россію въ газетахъ и на митингахъ, и требовать отъ англійского министерства протеста противъ дѣйствій русского правительства, не проще ли было бы обратиться съ запросомъ къ англійскому послу въ Петербургѣ? Но въ томъ и дѣло, что и составители извѣстій, и редакторы печатающіе эти извѣстія въ своихъ газетахъ никакъ не сомнѣваются въ ихъ лживости. Умыселъ тутъ другой. Прежде всего умыселъ еврейский. Евреи извѣстно, что труды губернскихъ комиссій по вопросу объ установлении правильныхъ отношеній еврейского населения къ христіанскому сосредоточены теперь въ Петербургѣ, въ центральной комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ съ цѣлью произвести давленіе на русское общественное мнѣніе и на русское правительство и поднять ими весь этотъ безобразный, позорящій не Россію, а Англію, шумъ и гвалтъ. Но умные Евреи оказались на сей разъ очень ужъ просты и безъ сомнѣнія обочутся въ своихъ расчетахъ. Правда, они основывали свои соображенія на русскихъ же извѣстнаго пошиба газетахъ, исповѣдующихъ, если не прямое юдофильство, то пренебреженіе къ русской народности,—однакоже есть поводъ думать, что времена успѣшнаго застрашиванія русского правительства иноземнымъ общественнымъ мнѣніемъ, враждебною критикой и гуломъ заграничной хулы,—безвозвратно прошло. Если въ этомъ враждебномъ Россіи подъемъ англійского общества проявилъ

лась сила Израелятского Всемірного Союза (Alliance Israélite), то тѣмъ болѣе причинъ для Россіи оградить себя отъ вмѣшательства этой международной новой державы и пресечь разомъ всѣ ея притязанія.. Евреи въ Россіи, оставляя дѣйствія своихъ лондонскихъ собратій безъ протеста, конечно этимъ самимъ только доказываютъ свою полную съ ними солидарность...

Достойно замѣчанія, что Евреи, вѣроятно желая снискать вѣщее благоволеніе англійской публики, а можетъ-быть наивно расчитывая, что русское правительство, струсивъ англійской критики, послѣдуетъ ихъ указаніямъ, трубить въ англійскихъ газетахъ (какъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Лондона, помѣщенная въ № отъ 11 января «Нового Времени»), что разгромъ, насилия, авѣрства совершенныя будто бы въ Россіи надъ еврейскимъ населеніемъ— вызваны ни кѣмъ инымъ какъ «московскими славянофилами» и именно, между прочимъ, редакторомъ «Руси». Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія еврейской, какъ и съ точки зрѣнія нашей «либеральной прессы» (да и Австро-Венгрии конечно), въ Россіи—вся бѣда отъ «народности», такъ какъ народное направление, въ ихъ понятіяхъ, равнозначительно возбужденію народного духа противъ «интересовъ цивилизациі» (читай: Евреевъ и Нѣмцевъ)... Это мало. Одновременно съ этимъ, въ тѣхъ же англійскихъ газетахъ, Евреи предъявляютъ требованіе, «чтобъ общественное мнѣніе помогло русскимъ политикамъ школы графа Шувалова замѣнить настоящихъ русскихъ министровъ» («Новое Время», та же корреспонденція изъ Лондона). Знаменательно!

Знаменательно оно и потому, что эта еврейская агитатія въ Англіи служить подкладкою для агитациі партіи *тори* или консервативной, на сторону которой очевидно сворачивается и «Таймс». Консервативная партія вѣроятно предполагаетъ, что настала пора для сверженія Гладстона и всего либерального министерства. Встревоженные призракомъ аграрныхъ реформъ, грозящихъ изъ Ирландіи перейти въ Англію, тори, пользуясь затрудненіями, встрѣченными настоящимъ правительствомъ въ Ирландіи, усиливаются создать затрудненія министерству и во внѣшней политикѣ. Дружественные отношенія къ Россіи противорѣчатъ не интересамъ Ан-

глій—совершенно напротив—а тѣмъ предразсудкамъ, кото-
рые сильные всякихъ доводовъ здравой логики и глубоко
вкоренились въ тугоподвижные умы большинства англійского
общества. Не легко ему разстаться съ догматами своего по-
литического credo, будто Балканскій полуостровъ долженъ
быть изъ сферы влиянія Россіи, такъ какъ свободный проходъ русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы пред-
ставляетъ будто бы опасность для англійскихъ индійскихъ
владѣній!! Этотъ неразумный страхъ можно объяснить себѣ
не иначе какъ предразсудкомъ. Поэтому и возбужденіе не-
довѣрія и даже ненависти къ Россіи входитъ въ расчеты
консерваторовъ, какъ возвращеніе общества къ самымъ по-
пулярнымъ его преданіямъ, тѣсно связаннымъ съ направле-
ніемъ вѣнчайшей консервативной политики. Въ Англіи не пе-
рестаютъ вспоминать о томъ политическомъ блескѣ, кото-
рымъ была она окружена за границей при Беконсфильдѣ и
и котораго она какъ бы лишилась при Гладстонѣ, причемъ
забываютъ, что весь этотъ блескъ лживый, условный, что
могущество Англіи въ сущности мнимое, что Англія безъ
тѣснаго союза съ сухопутными державами не страшна ни-
кому на сушѣ, и что дерзкая политика Беконсфильда, удѣ-
ваетворяя национальному тщеславію, ничего въ сущности не
принесла Англіи кромѣ убытка. Какъ бы то ни было, но уже
теперь можно предвидѣть, что съ паденіемъ Гладстона от-
ношенія Англіи къ Россіи станутъ снова враждебны, и что
Англія примкнетъ къ политической системѣ канцлера, т. е.
къ союзу съ Германіей и Австріей. Нельзя не принять въ
соображеніе, что этого паденія открыто желаетъ и самъ князь
Бисмаркъ, и что возстановленіе консервативной партіи во
главѣ англійского правительства, дружественной Германіи,
изолируя Францію, изолируетъ и Россію, и создаетъ сильную
коалицію трехъ державъ, которыхъ восточная политика буд-
детъ, какъ и на Берлинскомъ конгрессѣ, направлена вся
противъ Россіи... Выходитъ, что и вся эта еврейско-консер-
вативная агитация въ Лондонѣ, съ которой такъ мужественно
борются газеты благородной партіи Гладстона, какъ разъ на
руку и германскому канцлеру, и австро-венгерскому прави-
тельству: для послѣдняго же особенно кстати, въ виду пред-
принятаго имъ хищенія Босніи и Герцеговины...

Она, эта агитация, кстати и для «Голоса». Онъ пользуется ею, чтобы обвинить ненавистное ему притязание на «самобытность», и еще разъ отрекомендовать себя предъ враждебной Россіи Европой несамобытнымъ, въ чёмъ, впрочемъ, никто и не сомнѣвался. Достаточно вспомнить, какъ воспевалъ онъ во время оно Берлинский трактатъ и его главныхъ радителей. «Въ воениновеніи еврейскаго вопроса мы сами виноваты» — вѣщаетъ онъ. «Мы не настолько культурный народъ, чтобы относиться съ терпимостью къ чужому мнѣнію, чужой профессіи, чужой жизни»... Это эксплуатация-то русскихъ крестьянъ Евреями чувствуется именемъ профессіи!... «Наша нетерпимость, продолжаетъ «Голосъ», какъ и другія недобрыя качества, тотчасъ же выступила на первый планъ, какъ только мы захотѣли быть самобытными». Слѣдовательно въ формулѣ: не «разнудзывайте еврея» «Голосъ» прибавляетъ и еще формулу: «будьте несамобытны». Это ужъ и комментарія не требуетъ.

И все это въ отвѣтъ на оскорблениія, посылаемыя Россіи изъ той страны, где каждый день совершаются дѣйствительныя звѣрскія убийства, вызванныя тѣмъ аграрнымъ вопросомъ, котораго разрѣшеніе въ Россіи прошло мирно и благополучно — именно потому, что это разрѣшеніе было не заимствованное, а самобытное!...

Изъ № 4, г. 1882.

Письмо редактора «Руси» къ Его Высочеству Князю Болгарскому.

Въ концѣ іюля прошлаго года редакторъ «Руси» удостоился получить отъ князя Болгарскаго Александра письмо на французскомъ языке, въ которомъ его высочество, выражая ему благодарность отъ имени своего и Болгаръ за дѣятельность на пользу Болгаріи, высказывалъ свои надежды на успѣшное развитіе Болгарскаго государства и любезно вызывалъ редактора на сообщеніе своихъ наблюдений и мнѣній. Письмо было передано лично секретаремъ русского консульства и носило надпись réservé, т. е. было предназначаемо исключительно для адресата. Редакторъ «Руси» отвѣчалъ письмомъ на французскомъ же языке, и въ томъ же іюль

послалъ его къ князю съ Болгариномъ Т., отправлявшимся на службу въ Софию, адресовавъ его въ собственные руки его высочества. Такъ какъ этотъ обмѣнъ писемъ, по желанію князя, былъ конфиденціальный, то редакторъ «Руси» не сообщалъ о немъ никому даже изъ своихъ знакомыхъ. Да и вообще посланное имъ письмо, какъ увидятъ читатели, не заключало въ себѣ ничего, кроме общаго разсужденія о славянскихъ государственныхъ идеалахъ, безъ всякоаго прямаго отношенія къ Болгаріи, — такъ что авторъ письма конечно никогда бы и не призналъ его заслуживающимъ оглашенія, еслибы не былъ вынужденъ къ тому грубою нескромностью болгарскихъ газетъ. Вскорѣ по получениіи письма княземъ въ Софиѣ, въ болгарскихъ газетахъ, а потомъ и въ чешскихъ, появился, къ крайнему неудовольствію князя, сначала слухъ о какой-то «перепискѣ И. С. Аксакова съ его высочествомъ», потомъ нѣкоторые отрывки изъ письма редактора «Руси», подавшіе поводъ къ критическимъ статьямъ, возраженіямъ и страннымъ недоразумѣніямъ. Извѣстіе о томъ перешло и въ иностранныя газеты. Удивленный такимъ нарушеніемъ самыхъ элементныхъ правилъ вѣжливости со стороны болгарской прессы, — нарушеніемъ равняющимся перлюстраціи частной переписки (не говоря уже о томъ, что одинъ изъ двухъ корреспондентовъ былъ самъ Государь Болгаріи, по отношенію къ которому соблюденіе приличій требуется уже прямымъ гражданскимъ долгомъ, чувствомъ уваженія къ собственному отечеству), редакторъ «Руси» предложилъ его высочеству, чрезъ русскаго дипломатическаго агента, предать письмо гласности во избѣженіе ошибочныхъ комментаріевъ. Такъ какъ толки о письмѣ замолкли, то въ обнародованіи письма надобности не представилось. Однако же, недѣли двѣ тому назадъ письмо, уже въ болѣе пространныхъ выпискахъ, вновь появилось въ «Болгарскомъ Гласѣ»... Пока производится разслѣдованіе, откуда «Гласъ» добылъ себѣ это письмо, — князь поручилъ передать редактору «Руси» чрезъ проѣзжавшаго Москвою своего адъютанта, что онъ и самъ находить полезнымъ, для прекращенія лишнихъ разговоровъ, напечатать это письмо въ цѣломъ его видѣ, — что мы и исполняемъ. Никакой другой переписки редакторъ «Руси» съ княземъ Болгаріи не имѣлъ, да и вообще всегда избѣгалъ

и избѣгаетъ вмѣшиваться въ частности болгарскаго внутреннаго управлениія, какъ въ письмахъ, такъ и въ своей газетѣ.

Печатаемъ это письмо въ подлинникѣ, какъ оно было написано, и прилагаемъ ниже переводъ.

Monseigneur.

Daignez agréer mes remerciements les plus sincères et respectueux de la lettre dont Votre Altresse a bien voulu m'honorer et que je considère non certainement comme une dette de reconnaissance, mais bien comme une preuve de la sympathie que la chef de la nation bulgare est naturellement porté à ressentir pour tous ceux qui ont à coeur les vrais intérêts de son pays. Certes, c'est une lourde tache à laquelle la Providence Vous a appelé, et bien grande est la responsabilité que Vous avez si vaillamment assumée. Que Dieu vienne en aide à Votre Altresse et Vous donne la grande, l'énorme dose de patience et de persévérance, indispensables pour manier le gouvernement d'un Etat dont la formation est à peine ébauchée. Ce qui, à mon avis, serait essentiel pour le moment où nous sommes, c'est d'acquérir le plus de popularité possible, en imprimant au gouvernement un cachet resolument national.

Les races slaves ont les aspirations tout-à-fait *démocratiques*, dans le vrai sens du mot, non pas dans le sens des théories révolutionnaires, si en vogue en Europe. La mission historique des *tory* anglais, des partis conservateurs en Occident, „die beharrende Kraft“, comme disent les Allemands, git chez les nations slaves dans les couches populaires. C'est là, et point dans la bourgeoisie, dans la population des villes, dans les classes soi-disant cultivées, que le gouvernement doit chercher son *centre de gravité*. C'est le bon sens, c'est l'instinct du peuple qui doit régler la balance administrative et servir de compas dans les voies diverses que l'Etat aurait à traverser.—En Europe, c'est tout le contraire. La tendance qui se manifeste de plus en plus dans les Etats constitutionnels de l'Occident, c'est *d'approprier le pouvoir à la classe des doctrinaires et des théoriciens* (die Literaten—in Allemagne): ce sont eux, qui, au nom du principe mensonger de „souveraineté du peuple“, cherchent

à imposer au peuple un joug des plus tyranniques, à le soumettre au despotisme de leurs doctrines, à diriger le gouvernail de l'Etat au gré de leurs fantaisies passagères et de leurs passions politiques. L'exemple de la France contemporaine est bien édifiant. C'est au nom du peuple qu'une misérable minorité du pays, se prévalant du titre des représentants de la nation et s'appuyant sur la majorité parlementaire de quelques dizaines de voix, s'avise d'outrager *legalement* les croyances religieuses de la vraie majorité populaire.

L'idéal russe, qui est plus ou moins commun à toutes les races slaves, c'est un *selfgovernment local*, sans aucune portée politique, soutenu et couronné par une autorité supérieure et centrale, autorité personnelle, tout-à-fait franche et libre dans la sphère gouvernementale.

L'autonomie rurale en Russie est si grande, que les communes russes ont l'air de petites républiques qui se gouvernent d'arpès leurs us et coutumes. Le peuple ne brigue pas la souveraineté et ne cherche pas à gouverner l'Etat, mais ce qu'il veut certainement, c'est un gouvernement qui lui inspire de la confiance par son énergie, sa force, son *désintéressement* et son caractère *national*. La raison pour laquelle le peuple russe tient à son Tzar, c'est que le Tzar en Russie n'est pas, comme autrefois le roi de France, „le premier *gentilhomme du pays*“: il n'appartient à aucun parti, ni à aucune division sociale; il est en dehors et audessus de tous,—le premier homme du pays, et pour le peuple — comme sa propre personification. L'autorité suprême en Russie n'est pas un appareil, ni un être collectif, ni une combinaison juridique et abstraite, comme dans les pays constitutionnels; ce que le peuple russe veut, c'est une autorité douée d'un coeur *humain*, un être *vivant*, dont l'esprit et l'Ame soient autorisés à suppléer au formalisme de la bureaucratie, à la lettre morte des lois. Avant Pierre le Grand, qui a introduit en Russie les notions occidentales sur les rapports de l'autorité avec le peuple, la *jalousie* du pouvoir était tout-à-fait inconnue aux souverains russes. Ils avaient la bonne habitude de convoquer les délégués du pays (de toutes les classes du peuple) pour se concerter avec eux, quand il s'agissait des questions plus ou moins graves, ou quand ils

voulaient s'assurer du concours sincère de toute la nation. Ils ne se croyaient pas infaillibles, tout en étant autocrates, et reconnaissaient hautement la nécessité pour le gouvernement de savoir la pensée du pays. Ces assemblées, comme de raison, n'étaient que consultatives et influaient sur la marche des affaires par une force toute *moral*e, sans préjudice à la dignité et l'autorité du Tzar. C'est ce qui est à réhabiliter en Russie dans un temps plus ou moins proche.

Je crois, Monseigneur, que cet exposé de la théorie de l'Etat chez les races slaves, ou plutôt en Russie, pourrait peut-être vous être de quelque utilité dans vos combinaisons politiques. La démocratie pour base, l'autonomie des communes, le peuple, le véritable peuple, comme centre de gravité, l'intérêt, l'esprit national primant sur toute chose, l'art de se rendre populaire, le pays souvent consulté, le respect de la religion, la considération pour le clergé,—et, Dieu aidant, Vous parviendrez à rendre la Bulgarie forte et heureuse.

Veuillez bien, Monseigneur, excuser la longueur de ce griffonnage, qui m'a été inspiré par le profond intérêt que je prends au progrès du pays que le sort Vous a confié, et agréez l'expression de mon sincère et respectueux dévouement.

Moscou
le 30 juillet (12 août) 1881.

П е р е в о д :

Ваше Высочество!

Благоволите принять искреннейшее и почтительнейшее выражение благодарности за письмо, которым Вашему Высочеству угодно было меня удостоить и которое въ моихъ глазахъ конечно не дань признательности, а просто выражение сочувствія, столь естественного главъ Болгарского народа, ко всѣмъ принимающимъ къ сердцу истинные интересы его страны. Да, тягостенъ подвигъ, къ которому Вы призваны Провидѣнiemъ, и необычайно велика отвѣтственность, которую Вы такъ мужественно на себя возложили. Да поможетъ Господь Вашему Высочеству и да даруетъ Вамъ великую,

огромную мѣру терпѣнія и настойчивости, необходимыхъ для управления государствомъ, котораго устройство едва лишь намѣчено. Чѣдь, по моему мнѣнію, всего существеннѣе въ настоящую минуту, это—приобрѣсть сколь возможно болѣе популярности, для чего необходимо напечатать правительству характеръ безповоротно-національный.

Вождѣнія Славянскихъ племенъ вполнѣ демократическая — въ истинномъ значеніи этого слова, а не въ томъ, какой придаются этому слову революціоннаго ученія, которая въ такомъ ходу въ Европѣ. Историческая миссія английскихъ тори и вообще консервативныхъ партій Запада, die behagrende Kraft (сдерживающая сила), какъ говорятъ Нѣмцы, пребываетъ у Славянскихъ племенъ въ низшихъ слояхъ народныхъ. Въ нихъ, а не въ буржуазіи, не въ городскомъ населеніи и не въ классахъ такъ-называемыхъ культурныхъ должно искать правительство свой истинный центръ тяготѣнія. Здравый смыслъ и инстинктъ народный — вотъ настоящій регуляторъ административныхъ вѣсовъ, вотъ что должно служить компасомъ во всѣхъ предлежащихъ государству путяхъ.—Въ Европѣ совсѣмъ иное. Направленіе, съ каждымъ днемъ болѣе распространяющееся въ конституціонныхъ земляхъ Запада, состоять въ томъ, чтобы присвоить власть классу доктринеровъ и теоретиковъ (die Literaten въ Германіи): во имя лживаго принципа «народнаго верховенства», они стремятся подчинить народъ и гу самому тиранническому изо всѣхъ, т. е. деспотизму своихъ доктринъ, и направлять корму государственную по прихоти ихъ политическихъ страстей и преходящихъ фантазій. Примѣръ современной Франціи въ высшей степени поучителенъ: жалкое меньшинство въ своей землѣ, превозносясь титуломъ «представителей націи», опираясь на парламентскій излишокъ нѣсколькоихъ десятковъ голосовъ, дерзаетъ, во имя народа, наизаконнѣйшимъ порядкомъ ругаться надъ вѣрованіями истиннаго народнаго большинства!

Русскій идеалъ—болѣе или менѣе общей всѣмъ племенамъ Славянскимъ,—это мѣстное самоуправление безъ всякаго политического характера, поддерживаемое и завершающееся верховною и центральною властью, — властью единоличной, вполнѣ откровенною и свободною въ сферахъ правительствен-

ной. Сельская автономія въ Россіи такъ велика, что русскія общины похожи на маленькия республики, управляющіяся своимъ обычаемъ. Народъ не хочетъ верховенства и вовсе не домогается управления государствомъ; но чего онъ несомнѣнно требуетъ, это—такого правительства, которое бы внушало ему довѣріе своею энергіею, силою, безкорыстіемъ и національнымъ характеромъ. Причина, почему Русскій народъ такъ держится за Царя—въ томъ, что Царь въ Россіи вовсе не первый дворянинъ своей земли, какъ бывало во Франціи (*le premier gentilhomme du pays*): Царь не принадлежитъ ни къ какой партіи, ни къ какому сословію, ни къ какому подраздѣленію общественному, онъ виѣ и поверхъ всѣхъ,—онъ первый человѣкъ своей страны,—онъ для народа какъ бы олицетвореніе его самого. Верховная власть въ Россіи не есть ни снарядъ, ни коллективное лицо, ни какая-либо юридическая и отвлеченная комбинація, какъ въ конституціонныхъ государствахъ. Чего желаетъ Русскій народъ, это—прежде всего власти, одаренной человѣческимъ сердцемъ; это—существа *живаго*, чья душа и умъ были бы властны восполнять формализмъ бюрократіи и мертвую букву законовъ. До Петра Великаго, который первый ввелъ въ Россію западныя понятія объ отношеніяхъ правительства къ народу, *ревнивость* власти была совершенно чужда русскимъ государямъ. У нихъ водился добрый обычай созывать уполномоченныхъ отъ земли (изъ всѣхъ классовъ общества) для совѣщанія съ ними — или по вопросамъ болѣе или менѣе важнымъ, или же когда они признавали 'нужнымъ' обеспечить себѣ искреннее содѣйствіе всего народа. Они не почитали себя непогрѣшими, хотя и были самодержцами, и признавали открыто необходимость для правительства вѣдать мысль своей страны. Эти собранія, само собою разумѣется, были только совѣщательными и оказывали воздействиѳ на направление дѣлъ силою чисто нравственною, безъ ущерба достоинству и власти Царя. Этому и предлежитъ возвѣщаться въ Россіи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Мнѣ думается, Ваше Высочество, что этотъ очеркъ теоріи государства у Славянскихъ племенъ или точнѣе въ Россіи можетъ-быть нѣсколько и пригодится Вамъ для вашихъ политическихъ соображеній. И такъ: демократія въ основа-

ніи,—самостоятельность общинъ,—народъ, истинный народъ—центромъ тяжести,—первенство интересу и духу народному,—умѣніе сискать популярность,—частое совѣщаніе съ страною,—уваженіе къ религії, почтительное отношеніе къ духовенству,—и съ Божьей помощью удастся Вамъ сдѣлать Болгарію и мною и счастливою.

Благоволите, Кназъ, извинить длину моего писанья, внушеннаго мнѣ глубокимъ моимъ участіемъ въ преуспѣніи страны ввѣренной Вамъ судьбою, и примите выраженіе моей искренней и почтительной преданности.

Москва
30 июля (12 августа) 1881.

Москва, 30-го января.

Наши «либералы» не на шутку встревожены: иу какъ и въ самомъ дѣлѣ русское общество воспламенится сочувствіемъ къ «православнымъ и единоплеменнымъ братьямъ» (срѣмъ какой!), вновь живо ощутить свое единство со всѣмъ Русскимъ народомъ, проникнется, помалуй, историческимъ духомъ, освободится изъ-подъ обаянія либеральныхъ и пусто-порожнихъ фразъ и — чего доброго — посадить на мѣль ту «интеллигенцію», которой напротивъ хотѣлось бы возсѣсть на мягкия парламентскія кресла, въ качествѣ «представителей народа», и во имя Русскаго народа ораторствовать о красотѣ европейскихъ «правовыхъ порядковъ»!... Хотя опасности такого воспламененія пока еще и не предстоитъ, но у страха глаза велики. Газеты извѣстного попиба пустили въ ходъ всѣ свои ресурсы и не мытьемъ такъ катаньемъ, не либерализмомъ, такъ консерватизмомъ, стараются изо всѣхъ силъ отвратить то «народное направление» въ политікѣ, котораго призракъ (увы! пока не болѣе какъ призракъ!) мерещится имъ не только во снѣ, но и на яву, преслѣдуясь ихъ неугомонно вездѣ и всюду, какъ неотвязное пугало, какъ страшилище,—однимъ словомъ—лишаетъ покоя... Достается же отъ нихъ и газетъ «Русь» за ея статьи, и генералу Скобелеву за его рѣчъ!

Въ прошлый разъ, упомянувъ о нашествіи австро-венгерскихъ полчищъ на Балканскій полуостровъ, мы сказали, что

«Россія осуждена присутствовать, хотя бы съ негодованіемъ въ сердцѣ и съ краской стыда на лицѣ, при самомъ возмутительнѣйшемъ изъ зрѣлищъ, при насильственномъ порабощеніи православныхъ Славянъ латинскому и нѣмецкому ягу». Не желая войны для Россіи и именно въ видахъ предупрежденія войны, мы позволили себѣ совѣтовать правительству поставить двѣло на дипломатическую почву и путемъ переговоровъ съ державами—участницами Берлинского конгресса — попытаться отстранить опасность грозящую общеевропейскому миру.

«Голосъ» тоже осуждаетъ Россію на роль зрительницы, но... «спокойной», — безъ стыда и негодованія... «Россія — говорить одѣ — остается, очевидно, только одна роль: оставаться спокойною зрительницею разыгравшейся на Балканскомъ полуостровѣ драмы и *ни косвенно, ни прямо не вмѣшиваться* въ происходящее тамъ *событие*. Не только негодованію не полагается мѣста, но, по словамъ «Голоса», «теперь должны быть забыты *всѣ симпатіи или антипатіи* къ тому или другому народу». Этого мало: повторяя снова, что Россія не должна ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ вмѣшиваться въ герцеговинско-боснійское восстаніе, «Голосъ» утверждаетъ, что въ то же время «руssкая политика должна *всѣми силами* поддерживать дружескія сношенія съ соседнею державою», т. е. съ Австро-Венгріей... Довольно бы повидимому и просто *мирныхъ* сношеній, но «Голосъ» требуетъ именно *дружескихъ*, да еще поддерживаемыхъ *всѣми силами* и *затѣмъ*, въ заключеніи своей статьи, съ благороднымъ паѳосомъ восклицаетъ: «Большаго ни Австро-Венгрія, ни Германія отъ Россіи требовать не могутъ. Идти дальше не позволяютъ ни чувство собственного достоинства, ни сознаніе собственныхъ своихъ интересовъ... Да куда жъ идти еще дальше? Казалось бы ужъ и некуда—послѣ предложенного совѣта: *всѣми силами* (стало-быть не только угодничествомъ, но и разными уступками) поддерживать дружбу съ державою наносящею ударъ нашей чести, нашему политическому значенію въ Европѣ и на Востокѣ! Ужъ не вооруженную ли помощь со стороны Россіи для ея собственного заушенія подразумѣваетъ тутъ «Голосъ»? Возможность ея онъ очевидно допускаеть, но, разсудивъ, признаеть, что

«чувство достоинства не позволяетъ... Удивительныя понятія у «Голоса» о национальномъ достоинствѣ! Они напоминаютъ намъ патетическое восклицаніе одного изъ Гоголевскихъ героеvъ: «до всего могу унизиться, но до подлости никогда!»...

Мы полагаемъ съ своей стороны, что не Россія у Австріи должна *всюми силами* заискивать дружбы или пожалуй, какъ выражается «Голосъ», поддерживать съ Австріей дружескія сношенія, но наоборотъ: эта роль приличествуетъ именно Австріи, ибо успѣхъ или неуспѣхъ ея замысловъ зависить вполнѣ отъ Россіи. Да только заручившись увѣренiemъ въ русскомъ миролюбіи и отважилось австро-венгерское правительство двинуть свои полки въ Боснію и Герцеговину! Въ своемъ отвращеніи къ народной политикѣ «Голосъ» дошелъ до... цинизма. Съ поразительною политическою безактностью, чтобы не сказать безстыдствомъ, онъ — въ то самое время, какъ Австрія, постоянно оглядываясь съ беспокойствомъ назадъ, на Россію, очевидно соразмѣряетъ смѣлость и силу своего натиска съ данными ей ручательствами русского миролюбія, и впередъ оговаривается, что хотѣла бы избѣжать политическихъ усложненій, неминуемыхъ, напримѣръ, въ случаѣ вступленія ея на черногорскую территорію, — въ это самое время «Голосъ» какъ бы кричитъ ей во слѣдъ: «Съ Богомъ! не тревожьтесь, Австрія, не тревожьтесь: чтѣ бы тамъ вы ни *сѣлали*, Россія ни косвенно, ни прямо не выѣшаетъ въ происходящія на Балканскомъ полуостровѣ событія, — напротивъ *всюми силами* будѣть поддерживать съ вами дружбу!»... Это даже превышаетъ мѣру ожиданій самой Австріи, но «Голосу» чтѣ за бѣда: по крайней мѣрѣ въ приверженности къ «народной политикѣ» и «самобытности» никто изъ тѣхъ, чье мнѣніе ему дорого, его не заподозритъ!...

Впрочемъ одинъ изъ московскихъ подголосковъ «Голоса», хотя и органъ цѣлой фракціи московскихъ университетскихъ профессоровъ, — въ своемъ ученомъ презрѣніи къ русскимъ национальнымъ интересамъ, попытался даже перещеголять своего *maestro*, и, успокоивая напрасно смущившуюся Европу, такъ-таки прямо и выдаетъ Австріи *carte blanche* и свое благословеніе. «Теперь Россіи думать о возвратѣ потерянного уже поздно — восклицаютъ «Русскія Вѣdomosti» — наше

затруднительное внутреннее положение хорошо известно за границей, а потому, надо полагать, напрасны опасения, смущающие нынѣ покой Европы, скоро рассяются и Австро-Венгрии дана будетъ полная возможность безпрепятственно отдохнуть отъ Турции весь съверовосточный угол Балканского полуострова»!

Это ли не «либерализмъ» въ подлинномъ значеніи этого слова? «Нечего-де вами, Европѣ, нась опасаться: сами знаете каковы мы теперь! души, души себѣ, Австрия, католичъ и яўмечъ православныхъ Славянъ безпрепятственно, и завладѣвъ Боснией и Герцеговиной—вопреки Берлинскому трактату, обязательному вѣдь не для тебя, а только для Славянъ и для нась!»... Таковъ точный смыслъ рѣчей органа либеральныхъ профессоровъ Московскаго университета.

Въ числѣ своихъ доводовъ въ защиту той же «безпрепятственности», «Голосъ» приводить и слѣдующій: «Польза и благосостояніе Русскаго народа вмѣняетъ намъ въ обязанность сохранить добрыя отношения съ такими державами, какъ Австро-Венгрия и Германія, которая представляютъ собою опредѣленную силу и твердое государственное устройство»... Смыслъ рѣчи нѣсколько темный, какъ бы намекающій, что Россія не представляетъ ни того, ни другаго, а потому ей и полезно опереться на сіи «благонадежные консервативные элементы»—любимая фраза петербургскихъ аристократическихъ сферъ! Но оставляя въ сторонѣ кажущійся намекъ, замѣтимъ только, что подводить Германію подъ одинъ знаменатель съ Австро-Венгрией нѣсколько странно. Бытие Австрійской монархіи совершенно искусственное; она, въ настоящую минуту, черпаетъ свою силу не изъ себя самой, а только изъ союза съ Германской имперіей. Внѣ этого союза у Австріи нѣть никакого такъ-называемаго «устоя», кроме династического начала, кое-какъ связующаго всѣ ея разрозненные, другъ другу чуждые и враждебные національные элементы. Это даже не федерація, предполагающая равноправность членовъ федерального союза, это двѣ половины, да еще плохо слаженный между собою, — двѣ народности: нѣмецкая и мадьярская — меньшинство — распоряжающіяся судбою остальныхъ народностей, изъ которыхъ племена Славянскія — болѣе или менѣе политически безправныя — одни

составляютъ большинство всего населенія имперіи. Все искусство австрійскихъ государственныхъ людей состоитъ въ политической эквилибристикѣ, въ сохраненіи равновѣсія между различными тяготѣніями. Государственная комбинація Австріи, это — постоянно уравновѣшиваемое *междоусобіе народностей!*... Хорошо это «твѣрдое государственное устройство», когда въ теченіи всего XIX вѣка Австрія мучается вопросомъ: «чѣмъ ей быть?» вопросомъ не решеннымъ и до сихъ поръ! Изъ Священной Римской Имперіи разжалованная Наполеономъ I въ имперію Австрійскую, она въ 1866 г. выкинута Пруссіей за бортъ Германіи, еще болѣе понижена чиномъ съ созданіемъ Германской имперіи, наконецъ теперь, взмѣя болѣе или менѣе коварнымъ вишеніемъ Германскаго канцлера, лелеять несбыточную мечту: стать Западно-Славянской Имперію съ захватомъ Балканского полуострова!.. Хорошъ твердый государственный строй, который чуть не сотрясается отъ каждого случайного проѣзда черезъ Славянскія земли русскаго путешественника, — строй, при которомъ какой-нибудь переходъ въ православіе изъ уніи нѣсколькоихъ сотъ Галичанъ возводится на степень государственной опасности самому бытію монархіи, и пугало панславизма, принявшее такие гиперболические размѣры въ трусливомъ воображеніи вождей австрійской политики, постоянно разстраивая ихъ состояніе духа и здравый смыслъ, наталкивая ихъ на политическія ошибки, одна грубѣе другой! Вся внутренняя ея сила теперь, повторяемъ, не въ органическомъ народномъ строѣ, а въ личныхъ симпатичныхъ качествахъ ея императора и въ династическомъ чувствѣ подданныхъ; вся виѣшня — въ союзѣ съ Германіей. И несмотря на этотъ союзъ, Австрія даже теперь, не менѣе, можетъ-быть даже болѣе самого «Голоса» и нашихъ «либераловъ», приходить въ трепетъ отъ одной возможности возвладанія въ нашей виѣшней и внутренней политикѣ «народнаго направленія». Въ этомъ отношеніи все они могутъ подать другъ другу руки: статьи «Голоса» и «Русскагъ Вѣдомостей», если не по сердцу Славянамъ, то конечно сладостны сердцу австро-мадьярскіи властей. Всякое пробужденіе въ русскомъ обществѣ русскаго народнаго чувства въ равной степени приводить въ негодованіе и Нѣмцевъ съ Мадьярами, и нашихъ «либераловъ».

Гонение на героя послѣднихъ русскихъ войнъ, Скобелева, за его рѣчь — одинаково чинится какъ нѣмецкою, такъ и русскою «либеральною» печатью!

Приходится, однакожъ, по справедливости признать, что нѣмецкое неудовольствие выражается умнѣе, чѣмъ русское «либеральное». «По какому праву? — спрашиваетъ «Голосъ» устами своего постоянного сотрудника В. М.— «по какому праву петербургскій ораторъ (т. е. Скобелевъ) называетъ насъ, такъ-называемыхъ либераловъ, доморощеными ино-племенниками?» Справляемся съ текстомъ: гдѣ и когда за-клеймили храбрый генераль «либераловъ» и г. В. М. такимъ названіемъ?... «Опять послѣднихъ лѣтъ — сказалъ онъ (горкій, на всю Россію прославившійся опытъ, прибавимъ мы!) — «убѣдилъ насъ, что если русский человѣкъ, Боже сохрани, случайно скромно заявить, что Русскій народъ со-ставляетъ одну семью съ племенемъ Славянскимъ, нынѣ терзаемымъ, попираемымъ, тогда въ средѣ доморощенныхъ и заграничныхъ иноплеменниковъ поднимаются вопли него-дованія»... Иезъ вышеприведенныхъ гнѣвныхъ строкъ обидѣвшагося «Голоса» выходить стало-быть, что подобные непри-стойные вопли негодованія исходили и исходить ни отъ кого другаго, какъ именно отъ нашихъ «либераловъ»; до сихъ поръ мы старались ихъ въ томъ уличить,—теперь же они сами наивно въ томъ признаются, сами публично расписались въ полученіи... достойной клички! Можетъ-быть это съ ихъ стороны и либерально, но... не умно.

Генераль Скобелевъ упоминаетъ въ своей рѣчи о той прискорбной розни, которая существуетъ между *изельстною* частью нашей интеллигентіи и Русскимъ народомъ. Онъ никого не назвалъ,—казалось бы никому, кто не соизнаетъ за собою грѣха розни, и обижаться не было повода. Но именно эти-то его слова и взорвали ту нашу интелигенцію, которая любить величать себя этимъ именемъ и выражаетъ себя въ такъ-называемой либеральной печати! Она и тутъ пренаявно себя выдала и вновь благоволила расписаться, что упрекъ въ розни съ народомъ части интеллигентіи—можетъ относиться ни къ кому другому, какъ къ ней! Видно нашъ знаменитый воитель мѣтко нацѣлилъ свое тяжеловѣсное ору-дие! Разумѣется, разобуженные стараются при этомъ обоб-

щить вину генерала Скобелева, всюду возвлашшая, что онъ напалъ на всю интелигенцію, на интелигенцію вообще, на все, чтѣ есть образованнаго въ Россіи. Выходитъ по ихъ словамъ, что и на самого себя? О, глубокомысле!..

Но «Голосъ» устами г. М. позволяетъ себѣ даже поучать нашего полководца, что не прилично-де ему «высказываться неуважительно объ обществѣ, къ которому самъ принадлежитъ»... Почему же не прилично? Всѣ мы, люди разныхъ направленій и взглядовъ, принадлежимъ въ широкомъ смыслѣ къ одному обществу, и г. М. самъ въ своей статьѣ гумится надъ «тою «частью» нашего общества», которая, по его выраженію, проповѣдуетъ «начало русской самобытности»?! Полагаемъ, что несравненно неприличнѣе отзываться неуважительно о странѣ, въ которой самый источникъ, причина нашего гражданскаго бытія, и отрицать въ своемъ народѣ всякую духовную личность, всякое право на самостоятельность въ сферѣ политическихъ и религіозныхъ идеаловъ!...

Генералъ Скобелевъ принадлежитъ не къ той или другой фракціи общества. Онъ со всѣми доблестными подвижниками прошлой Болгарской войны принадлежитъ Россіи, — и Россія не отвергнетъ его за то, что онъ неуважительно отзывался о тѣхъ, чья духовная рознь съ народомъ была именно причиной позора вѣнчавшаго славныя дѣянія прошлой войны и привела насть къ Верлинскому трактату, столь превознесенному хвалами «Голоса» и собратій!

Но наши «либералы» не удовольствовались вышеприведенными нападками и перешагнули даже въ область инсинуаций: они поставили генералу Скобелеву на видъ его официальное положеніе, прокричали впередъ о «дипломатическихъ запросахъ» («Голосъ» № 18), — наконецъ выражаютъ неудовольствіе даже за то, что его рѣчь была предана печатной гласности. Она — объявляетъ въ смущеніи «Голосъ» — подала теперь поводъ «нѣмецкимъ газетамъ заговорить о нась томъ похожимъ на угрозу... Нѣмцы теперь — очень щекотливый народъ»!...

Этого недоставало! Во всей Германіи, въ Австро-Венгрии, не только независимыя, но и всѣ просто и высоко-офиціозныя газеты носятъ русское имя, русскую честь (не говоря

уже объ Англії, гдѣ члены парламента, епископы, кардиналы, лордъ-шеръ на публичныхъ митингахъ осыпаютъ Россию оскорблениями), а если мы, Русские, у себя дома выполнимъ что-либо западнымъ Европейцамъ неугодное, такъ не только они смѣютъ кричать намъ: циць! но и наши «либералы» кричать намъ тоже: «молчать! Нѣмецъ изволить быть недоволенъ, Нѣмцы — народъ щепетильный!.. Другими словами: «имъ, Нѣмцамъ, бранить и срамить насъ можно,— ну, а мы къ Нѣмцамъ должны быть на деликатности,—они не то чтѣ мы, они къ своей чести чувствительны, а намъ такая чувствительность не къ лицу! намъ на нее и права не полагается!»

И послѣ этого либеральная печать негодуетъ на насъ, даже и до сихъ поръ, за употребленное нами когда то выражение, что нѣкоторая часть нашей интеллигенціи обнаруживаетъ по истинѣ «духовное предѣ Западомъ лакейство»!!

Москва, 5 февраля.

Задача Австріи, при занятіи ею Босніи и Герцеговины, состояла въ томъ, чтобы устранить турецкое возмутительное управление. А между тѣмъ въ турецкой администраціи ничего ею не преобразовано: не только турецкія условия жизни и турецкіе законы остались въ силѣ, но еще откопали даже старые турецкіе законы, забытые самими Турками. Ни капли симпатіи не пріобрѣла себѣ Австрія въ занятыхъ ею областяхъ.... Сомнительно, чтобы при настоящей своей неудовлетворительной организаціи австрійская армія одолѣла восстание: не выгоднѣе ли поэтому для Австріи, при первой же возможности, самой образовать изъ Босніи и Герцеговины отдельное княжество, на подобіе Болгарскаго?...

«Опять! это уже ни на что не покоже! это «новый манифестъ о войнѣ!» «Нарушеніе дружественныхъ отношеній съ сосѣдней европейской державой!» «новый фазисъ славяно-фильской печати!» воскликнетъ, пожалуй, «Голосъ» при чтеніи вышеупомянутыхъ строкъ, какъ восклицалъ онъ по поводу нашей статьи въ 4 №. «Это новая агитация!» — «Кровожадное желаніе ввергнуть Россію въ войну!» «Наши фи-

нансы! нашъ кредитный рубль!» — «Бѣдные наши фонды!» — «Запретить, запретить газету!» — раздадутся, вѣроятно, изъ бюрократическихъ сферъ и изъ петебургскихъ вліятельныхъ великосвѣтскихъ салоновъ неметовые клики, какъ раздавались они по тому же поводу недѣли даѣ тому назадъ...

Просимъ успокоиться и принять къ свѣдѣнію, что въ вышеприведенныхъ строкахъ нѣть ни одной юты нашей. Это рѣчи самыя австрійскихъ Нѣмцевъ — двухъ депутатовъ вѣнскаго парламента, сказанныя ими въ delegaciї (которая вмѣстѣ съ delegaciєй венгерской палаты составляеть уже имперскій парламентъ), въ лицо министрамъ. Отъ слова «задача» до слова «сомнительно» — такъ вѣщаѣ депутатъ Пленеръ, а отъ этого слова до конца — депутатъ Штурмъ (см. австрійскія газеты или «Новое Время», 28 янв.). Выходитъ, что если кто здѣсь агитируетъ противъ Австріи, такъ сами «вѣрнопреданные австрійской конституції» Нѣмцы, — и что «Голосъ» съ петербургскими салонами явились plus autrichiens que l'Autriche.

Междѣ тѣмъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ печати въ Австрійской имперіи «Neue freie Presse», именно въ виду рѣчи генерала Скобелева и статей нѣкоторыхъ русскихъ газетъ (не «Голоса» съ подголосками, конечно), се-вѣтуетъ своему правительству убѣдить всѣ державы, что «Австрія ни подъ какими условіемъ не воспользуется насто-ящимъ восстаніемъ, какъ предлогомъ для того, чтобы подви-нуть свои войска по дорогѣ къ Салоникамъ». И графъ Каль-ники, австрійский министръ иностранныхъ дѣлъ, чрезъ по-средство высоко-офиціозной газеты «Politische Correspondenz», съ уваженіемъ упоминая о мнѣніи русской печати «крайне-національного направлѣнія», встревожившемъ нашихъ недальневидныхъ ревнителей мира, признаетъ нужнымъ объ-явить къ успокоенію Россіи, что Австрія никакихъ «дал-нѣйшихъ захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ въ виду не имѣть», и ея поступательное движение къ Салоникамъ не болѣе какъ «сказка».

И прекрасно. Кто же болѣе, кто дѣйствительнѣе служить дѣлу мира: «Русь» ли своими статьями, которыми «Голосъ» съ лицемѣрнымъ испугомъ называетъ «манIFESTАМИ О ВОЙ-НѢ», и генералъ Скобелевъ свою патріотическую, проник-

нutoю русскимъ чувствомъ и обруганіою русскими «либералами», рѣчью,—или же «Голосъ» своею проповѣдью о мирѣ *ко чѣмъ бы ни сталъ?* «Современныя Извѣстія» уже отвѣтили, и блистательно, на этотъ вопросъ, но впрочемъ отвѣтъ и самъ собою подсказывается, даже безъ помоши австрійскихъ газетъ, всякому здравомыслящему, не одержимому духомъ космополитизма, по русски чувствующему и думающему человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, чтѣ скорѣе способно отвратить никому не желанную общеевропейскую войну: благовременныя ли предупрежденія, что переступая извѣстный предѣль дозволенныхъ международныхъ договоромъ дѣйствій, Австрія вызоветъ взрывъ негодованія во всемъ Сербскомъ племени и въ самой Россіи, слѣдовательно навлечетъ на себя и на всю Европу бѣдствія ожесточенной борьбы,—или же торжественное исповѣданіе «Голоса» и ему подобныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, что *какія бы на Балканскомъ полуостровѣ* ни происходили события (т. е. что бы тамъ ни сошлося Австрія), Россія должна не только не вмѣшиваться въ нихъ ни прямо, ни косвенно, но еще *всюми силами* поддерживать дружбу съ Австріей? Такъ какъ органъ петербургскаго либерализма не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, не ставить Австріи *никакихъ* предѣловъ, а прямо возвглашаетъ: «*какія бы события ни произошли*», то, стало-быть, дозволительно допустить и такое предположеніе, что Австрія, поощренная такимъ совѣтомъ, принявъ слова «Голоса» за дѣйствительное мнѣніе русскаго общества, пожалуй и въ самомъ дѣлѣ вообразить, будто русская дружба останется незыблевой даже и тогда, когда Австрійцы завладѣютъ Черногоріей, Сербіей, Македоніей и слѣдовательно, въ томъ или другомъ видѣ, всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ! Мыслимо ли однакоже, чтобъ Россія, не отрекаясь отъ себя самой, какъ отъ первостепенной, могучей, славянской и православной державы, не покрывая себя неизгладимымъ позоромъ—позоромъ *къ смерти*, ибо такой позоръ государства не переживаютъ, способна была обрѣсти въ себѣ столько душевной низости, чтобъ пребыть смиренною зрительницей: какъ станетъ рушиться все содѣянное въ теченіи вѣковъ кровью и достояніемъ Русскаго народа, какъ будетъ гибнуть взлелѣянная имъ свобода единовѣрнаго Славянскаго міра, и поддержи-

вать всѣми силами дружбу съ державою, подписывающею Россіи и Славянству смертный приговоръ? Вѣдь такъ думать о Россіи и ея народѣ, предположить въ немъ такую исполнинскую мощь низости способенъ лишь петербургскій, особеннаго свойства, патріотизмъ—какъ извѣстной части печати, такъ и иѣкоторыхъ высшихъ общественныхъ сферъ! Не такъ думаетъ о насъ Европа, а потому, кажется, и относится съ большимъ вниманіемъ, можетъ-быть даже съ большимъ уваженіемъ къ мнѣнію московскаго «крайне-національного направлениія», чѣмъ либерального патріотизма города Санктпетербурга. Недавно мы читали телеграмму изъ Вѣны, полученнуя краковскою газетою «Часъ» о заявлениі австрійскаго министерства, что оно вполнѣ признаетъ законность притязанія Россіи на вліяніе въ предѣлахъ Балканскаго полуострова,—въ чёмъ, кажется, въ Сѣверной Пальмирѣ многіе уже усомнились. Кстати, интересенъ и отзывъ Англичанъ о рѣчи генерала Скобелева, надѣлавшой такого «скандала» въ Петербургѣ. «Лѣчъ Скобелева—говорить «Times», устами своего петербургскаго корреспондента—не можетъ не привлекать вниманія, потому что Скобелевъ, гораздо болѣе чѣмъ многіе самые видные Русскіе, носить въ своей душѣ сочувствіе и единеніе со всѣми основными началами и побужденіями русскаго патріотизма. Стремленія панславизма могутъ вызывать презрѣніе и оппозицію на Западѣ, но они тѣмъ не менѣе все же истинно-національное и патріотическое достояніе, на которое—нельзя не признать—Русскіе какъ нація имѣютъ полное законное право. И когда Скобелевъ обличаетъ «европейскій космополитизмъ» въ томъ, что онъ силится подчинить Россію (*to force upon*) всѣмъ этимъ разнымъ чуждымъ теоріямъ, безъ вниманія къ природѣ и преданіямъ Русскаго народа,—онъ выражаетъ лишь истину, которой вся исторія Россіи съ Петра Великаго служитъ самыи широкимъ доказательствомъ (*an ample proof*)... А вось-либо и въ Петербургѣ, съ разрѣшенія такого высокаго авторитета какъ «Times», согласятся признать за нашею политикою право на «народное направление» и поймутъ, что презрѣніемъ къ своей національности, отреченіемъ отъ славянскихъ симпатій, глумленіемъ надъ «братствомъ» и «братьями» (см. «Голосъ») мы ни на волосъ не выростаемъ, а развѣ только низимся во мнѣніи Европы...

И такъ, не права ли была «Русь», когда утверждала, что выдача Австрии отъ Россіи (какъ совѣтовалъ «Голосъ») чего-то въ родѣ *открытою листа* на безпрепятственное воинское шествіе въ Славянскія земли, на полную свободу дѣйствій въ Балканскомъ полуостровѣ, въ концѣ-концовъ неизинуемо вовлекла бы настъ въ войну, но, по всей вѣроятности, въ войну уже при самыхъ *неумѣодныхъ* условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не проще ли гораздо впередъ, съ полною искренностью заявить: что при всякомъ посвящательствѣ на свободу и независимость Балканскихъ Славянъ, австрійскому правительству придется неизинуемо считаться съ чувствами нѣкоего народа, волю Божію существующаго и здравствующаго на семъ свѣтѣ, именно Русскаго: фактъ, можетъ-быть для нѣкоторыхъ и прискорбный, т. е. фактъ русскаго народнаго бытія, однако же такой, котораго ни русская дипломатія, ни петербургскій либерализмъ, если бы даже (что немыслимо) и хотѣли, ни отрицать, ни вычеркнуть изъ вселенской жизни не могутъ... Мы думаемъ, что это и проще, и честнѣе, да и цѣлесообразнѣе, т. е. прямѣе ведеть къ достижению миролюбивой цѣли.

Странное дѣло: образъ дѣйствій нашей дипломатіи вошло за границею въ обычай признавать неискреннимъ или двуличнымъ: упреки нашей политикѣ въ коварствѣ и вѣроломствѣ обратились тамъ даже въ общее мѣсто, чуть не въ аксиому. Нужно ли доказывать, что эти упреки совершенно ложны, несмотря на нерѣдкія противорѣчія нашихъ официальныхъ политическихъ увѣреній съ фактами нашей же исторіи, которая какъ бы оправдываютъ подобное нелестное для нашего нравственного достоинства мнѣніе иностранцевъ? Все дѣло въ томъ, что наша дипломатія, подобно нашимъ доморощеннымъ «либераламъ» (въ прежнее время «западникамъ»), въ большинствѣ своихъ представителей была, по крайней мѣрѣ въ прежнее, очень еще недавнее время (да таковы самыя ея традиціи), совершенно чужда народнаго самосознанія. Свысока, презрительно подтрунивая надъ «историческимъ призваніемъ Россіи», считая это выдумкою какихъ-то тамъ «славянофиловъ», издаваясь надъ словами и понятіями «единоплеменности и единовѣрія», съ видомъ глубокомыслія отрицаю въ народной политикѣ элементъ «чув-

ства», вообще участіе двигателей духовныхъ — можетъ ли, способна ли она вѣдать и разумѣть то, чтѣ ей вѣдать и разумѣть именно слѣдуетъ: и національные политические интересы своей страны, и законы исторического развитія Русского народа, и мѣру растяжимости его внутреннихъ нравственныхъ силъ? Отъ этого и выходитъ (по крайней мѣрѣ такъ по большей части было съ самаго начала XIX вѣка), что ея миссія—служить не столько интересамъ самой Россіи, сколько общимъ интересамъ всей Европы, хотя бы въ ущербъ нашимъ собственнымъ, снискивать отъ державъ Запада не столько уваженіе къ нашему отечественному достоинству, сколько лестное благоволеніе къ нашему русскому «варварству» и потому—стушевываться и смиренно принижаться при всякомъ вопросѣ о русской польѣ, боась огласки и шума!... Повторяемъ: она вполнѣ честна, но не обладаетъ въ должной степени ни знаніемъ, ни разумѣніемъ Россіи; вполнѣ добросовѣтна, но.... не дальновидна. Вотъ отчего и происходитъ, что она дѣйствительно— вполнѣ чистосердечно, bona fide—постоянно даетъ иностраннѣмъ кабинетамъ увѣренія и обѣщанія—*не принимая въ расчетъ хозяина*, какъ выражаются Французы, т. е. свою собственную страну,—увѣренія и обѣщанія, которыхъ, какъ потомъ оказывается, не въ силахъ исполнить. Такъ, напримѣръ, сколько разъ приходилось намъ, совершенно безъ малѣйшей нужды, только ради успокоенія Англичанъ, которыхъ гнѣвъ не могъ грозить намъ ни малѣйшей серьезной опасностью, чуть не божиться и клясться, что мы въ Средней Азіи далѣе извѣстного предѣла не двинемся, и сколько разъ не честолюбіе, не жажда захвата, но необходимость, которую очень легко и должно было предвидѣть, заставляла настѣнарушать эти вовсе напрасныя обѣщанія (которыхъ отъ Англичанъ мы съ своей стороны никогда бы даже не рѣшились и требовать!)... Такъ, къ несчастію, было и при послѣдней нашей войнѣ съ Турцией: всѣ ея бѣдствія и позорный конецъ объясняются единственно и исключительно отсутствиемъ народнаго самосознанія въ нашей вполитикѣ и въ нашихъ правящихъ и вліятельныхъ общественныхъ сферахъ. Никогда такъ осознательно не сказалась разнъя нашей интелигенції (за нѣкоторыми исключеніями) съ остальнымъ на-

родомъ (разнъ до сихъ поръ упорно отрицаемая нашими «либералами!»), какъ въ эпоху 1876—78 годовъ. Мы помнимъ, какъ нашимъ дипломатамъ, бюрократамъ и тѣмъ, кому «Голосъ» съ подголосками служилъ тогда, служить и теперь органомъ, — было не по себѣ, неловко, тяжко въ теченіи всей этой поры национального возбужденія: словно кто-то разжаловалъ ихъ изъ Европейцевъ въ мужики, нарядилъ въ сермягу, обулъ въ лапти или смазанные дегтемъ сапоги! Какъ болѣзненно нынѣ ихъ слухъ отъ всѣхъ этихъ противныхъ имъ словъ—*tous ces Slaves, tous ces Bulgares*, «братьушки», и «братьцы»—*fi donc!* Какъ смиренno, не съ поднятымъ къ верху чоломъ, не какъ представители побѣдоносной державы, а какъ провинившіеся школьнники, тайно чувствующіе свою вину, относились они къ европейскому въ Берлинѣ ареопагу,—какъ вздохнули легко и свободно, когда Берлинскій конгрессъ, прилично наказавъ Россію за «шалость», позволилъ имъ возвратиться «на прежняя»!... «Пошлили—и будетъ! теперь ужъ ни обѣ историческомъ призваніи, ни о Славянахъ ни гугу!» клялись они въ душѣ своей,—и вдругъ—о, ужась! Опять тамъ, въ Москвѣ, заговорили и обѣ истории, и о мировомъ назначеніи Россіи, какъ славянской и православной державы!... «Неужели и въ самомъ дѣлѣ такъ-таки этому и быть, и все это, и русская народность, и славянство, и православіе—не бредни?!

Да, «пошлили»—почти въ такомъ смыслѣ опредѣляетъ «Голосъ» весь великий эпизодъ не только нашей, но и вселенской исторіи 1876—1878 г. По его словамъ, все то народное движение, результатомъ котораго было окончательное сокрушеніе могущества Оттоманской имперіи, передѣлка политической географіи въ Европѣ и Азіи, созданіе новыхъ политическихъ организмовъ, нового государства Болгаріи, однимъ словомъ, все эти колоссальные міровые событія, ставшія новою эрой въ исторіи—все это дѣло приходи нѣсколькоихъ «господъ», которые, изъ личныхъ своихъ видовъ, взяли да и всколыхали весь Россійский народъ отъ края и до края! Всю эту гору событій родилъ первоначально «комъ, чьей-то рукою скатанный въ Москвѣ»—по выражению «Голоса»! Къ такой оскорбительной клеветѣ, введенной на Русскій народъ, къ такой низкой оцѣнкѣ великихъ явлений всемірной исто-

ріи способны, конечно, не истинное просвѣщеніе и глубокій умъ, а только полуобразованность и нѣкоторая умственная ограниченность, отличающія нашихъ печальныхъ рыцарей народной «несамобытности». Оговариваемся: ограниченность не личная, прирожденная, а вольная и невольная, нажитая цѣлымъ вѣкомъ духовнаго отступничества оть своей народности и оть преданій родной исторіи. Таковъ ужъ законъ природы, что будь человѣкъ хоть сеими пядей во лбу, но вытрави онъ въ себѣ национальный инстинктъ и чувство, естественно связывающее его личное бытіе съ бытіемъ своей страны, онъ будетъ неизбѣжно пораженъ скудоуміемъ—прежде всего въ разумѣніи окружающей его родной жизни; его конкретное бытіе обратится въ абстрактное,—и наоборотъ: человѣкъ съ живымъ национальнымъ чутью и сердцемъ, съ долею простаго здраваго смысла, явится несравненно мудрѣ и просвѣщеннѣе его во всѣхъ вопросахъ народности и патріотизма.

Но иностранцамъ, *настоящимъ инострѣнцамъ*, трудно допустить существование въ Россіи «доморощенныхъ иносплеменниковъ» и признать возможность подобного скудоумія въ блестящей оправѣ европейской цивилизації—въ людяхъ болѣе или менѣе призванныхъ быть истолкователями чувствъ, стремленій и интересовъ своего отечества. Ни одинъ изъ зреѣлыхъ просвѣщенныхъ умовъ, которыми такъ богатъ Западъ, не способенъ, конечно, стать на точку зреїнія нашего «европеизма»: понимая лучше насть наши историческія задачи, они постоянно навязываютъ нашей дипломатіи тѣ политические виды, которые она должна бы имѣть, но которыхъ, къ стыду нашему, у нея не имѣется, а потому, не давая никакой вѣры нашимъ дипломатическимъ отрицаніямъ и признавая ихъ внутреннюю невозможность, заводятъ на нашу дипломатію тяжкое и несправедливое обвиненіе въ недобросовѣтности и коварствѣ! Вотъ почему представляется намъ не только не безполезнымъ, но и въ высшей степени выгоднымъ въ интересѣ общенароднаго мира—предъявлять, а не скрывать Европѣ правду русскаго народнаго чувства и мысли, — чему каждый изъ настѣ и долженъ служить по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія,—чему между прочимъ служитъ и рѣчь генерала Скобелева, и та наша статья о не-

обходности предотвратить войну международнымъ дипломатическимъ совѣщаніемъ, которую «Голосъ» обозвалъ «манифестомъ о вѣнѣ»!! Русской дипломатіи, казалось бы, слѣдовало только радоваться подобнымъ заявленіямъ печати, такъ какъ они представляютъ для нея удобную точку опоры: ссылаясь на нихъ, какъ на выраженіе общественного мнѣнія, она получаетъ возможность придать тѣмъ большую цѣну своимъ оговоркамъ, своимъ уступкамъ въ пользу общеевропейской тишины и согласія,—своимъ мародюбивымъ усилиямъ.

Во всякомъ случаѣ, судя по новѣйшимъ извѣстіямъ, въ Вѣнѣ не находятъ особенно удобнымъ дразнить русское общественное мнѣніе, признаютъ даже нужнымъ его нѣсколько успокоить. Такое заявленіе Австро-Венгрии слѣдуетъ, конечно, принять къ свѣдѣнію, но едва ли австрійское правительство даже и само въ состояніи предопредѣлить заранѣе объемъ и характеръ своихъ умиротворительныхъ кровавыхъ попытокъ и гарантировать международное спокойствіе Европы. Для того же, чтобы эти попытки не повели къ нежеланнымъ усложненіямъ, въ родѣ занятія, хотя бы и времененного, Черногорской территории, едва ли не самымъ лучшимъ средствомъ было бы, по нашему мнѣнію, уже высказанному въ 4 №, поставить вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ снова предъ лицо европейскаго ареопага... Кажется, подобное мнѣніе высказано и нѣкоторыми англійскими газетами, но оно пока решительно отвергается Берлиномъ. По всѣмъ получающимъ нами свѣдѣніямъ, восстаніе не гаснетъ, а разгорается...

Москва, 27 февраля.

Угомонились ли наконецъ наши «патріотическіе» трусы? Осьла ли наконецъ пѣна нѣмецкаго газетнаго бѣшенства? Замолкъ ли бѣглый огонь, направленный на Россію чуть не со всего Запада? Правда, бѣшенство это было не вредоносно, и выстрѣлы все холостые, которые развѣ «Голосу» съ нѣкоторыми петербургскими «сферами» могли показаться чуть не настоящими,—огненимы исчадіемъ «послѣдняго слова науки» и «наивысшей культуры»,—на самомъ же дѣлѣ это были и не выстрѣлы, а только трескъ хлопушекъ нѣмецка-

го, — конечно, мы и не споримъ, — вовсе не легкаго, а воистину тяжкаго остроумія,—тѣмъ не менѣе переполохъ мыслей и суматоха чувствъ за эти послѣднія двѣ-три недѣли, и у нашихъ сосѣдей, и у насъ, достигли такихъ размѣровъ, что всякая попытка вразумленія была бы напрасною. Мы и предпочли переждать, пока уляжется въбаломученное море такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, да и теперъ еще въ недоумѣніи: настало ли для спокойнаго слова разсудка «время благопотребно»?.. И первый вопросъ, который невольно навязывается самою этой суматохой и переполохомъ, именно тотъ: что же это за политическое положеніе дѣлъ, которое можетъ колебаться отъ нѣсколькихъ рѣченій, адресованныхъ русскимъ частнымъ лицомъ къ студентамъ въ Парижѣ? Можно ли признать прочными настоящія основанія общеевропейскаго мира, если всякое случайное рѣзкое выраженіе именно русскаго человѣка, будь только оно не ласково для Европы, способно грозить опасностью взаимныхъ отношеніямъ державъ и слѣдовательно миру? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: такое политическое состояніе дѣлъ, разумѣется, не нормально; такое основаніе общеевропейскаго мира конечно не надежно, да и положеніе русскаго человѣка въ Европѣ выходитъ слишкомъ уже странно и даже исключительно. Какъ ни лестна для него эта привилегія — однимъ звукомъ вольной русской рѣчи пугать весь западно-европейскій свѣтъ, однакоже она представляетъ и немалыя неудобства, какъ бы осуждаетъ его на нѣмоту... и когда же? Въ то самое время, какъ изъ всѣхъ концовъ этого самого Запада, изъ газетъ, съ публичныхъ сходокъ, отъ парламентовъ сыплются на Россію дождемъ рѣчи — не Скобелевскими чета! — одна другой ругательнѣе, заносчивѣе, оскорбительнѣе! Намъ, однакоже, по мнѣнію Европы, обижаться не полагается, а лишь назидаться въ смиреніи и подобострасті... Но это мимоходомъ. Важнѣе личныхъ счетовъ вопросъ объ основаніяхъ всеобщаго мира.

Очевидно, что ненормальность политическаго положенія Европы зависитъ отъ ненормальности внутреннихъ его условій и обличаетъ въ европейскомъ современномъ строѣ присутствіе острой неправды. *Suum cuique — каждому свое* — вотъ, казалось бы, наиболѣшее обеспеченіе взаимнаго мира.

Явно, стало-быть, что гдѣ-нибудь и чье-нибудь властолюбіе и корыстолюбіе не даютъ кому-нибудь пользоваться своимъ или присвоиваютъ себѣ чужое, что гдѣ-то и кѣмъ-то творится дѣла насилия, которыхъ и плодятъ кругомъ злую опасность возмездія. Гдѣ же эта острая неправда, кто властолюбецъ и корыстолюбецъ, презирающій международную тишину и «сѣющей бурю»?..

Не Россія конечно, которая искренно желаетъ спокойствія для успѣшнаго совершенія своихъ внутренніхъ реформъ, которая никакого расширенія своихъ предѣловъ со стороны запада не домогалась и не домогается, — которую, впрочемъ, никто никогда и не заподозривалъ въ Drang nach Westen (стремленіи на западъ) и никто, поэтому, въ комъ есть хоть капля здраваго смысла и хоть на порошинку совѣсти, не можетъ обвинить въ томъ, чтобы она угрожала европейскому миру. Не подлежитъ спору, что Россія имѣла бы, напримѣръ, и историческое и этнографическое основаніе възстановить для себя границу Владимира Святаго и във соединить съ собою оторванное отъ нея русское племя въ Венгрии, Буковинѣ и Галичѣ, — однакоже не соблазнилась ни разу представлявшимися ей удобными случаями, ни въ 1814, ни въ 1849 г., когда спасала отъ Мадьяръ Австрію, ни даже въ 1870 году, когда Пруссія такъ нуждалась въ ее союзѣ. Кто знаетъ, не пришлось ли намъ даже отклонить нѣкоторыя заманчивыя предложения въ этомъ смыслѣ?.. Многіе пожалуй назовутъ подобный образъ дѣйствій — безкорыстіемъ не по разуму, — по крайней мѣрѣ такимъ должно казаться національнымъ политикамъ въ родѣ князя Бисмарка, который безъ сомнѣнія поступилъ бы на нашемъ мѣстѣ иначе, нежели мы, — но какъ бы то ни было, таковы факты явлюющіе достаточное ручательство въ нашемъ безкорыстіи и миролюбіи.

Про отношенія Россіи къ Германіи нечего бы, казалось, и толковать. Между ними не существуетъ никакихъ естественно-неизбѣжныхъ поводовъ къ войнѣ. Данныхъ для этихъ поводовъ не имѣется ни въ географическихъ, ни даже въ этнографическихъ условіяхъ обоихъ государствъ, тѣмъ менѣе въ какомъ либо политическимъ соперничествѣ, такъ какъ обѣ державы могли бы вполнѣ довольствоваться тою крупною долею могущества и значенія, какая подобаетъ каждой

изъ нихъ по ея достоинству. Россія искренно признала законность стремленія германскихъ племенъ къ объединенію, т. е. не только пангерманизма вообще, но и выраженія его въ политической формѣ — Германской имперіи. Она даже мощнымъ образомъ содѣйствовала созданію этого единства, какъ о томъ торжественно свидѣтельствовали телеграммы императора Вильгельма къ Русскому императору изъ Парижа. Поводы къ войнѣ между Россіей и Германіей могутъ быть вызваны только умышленно и искусственно, и конечно не Россія вызоветъ ихъ: ни въ какомъ захватѣ германскихъ земель она не нуждается, а интересамъ ея на Востокѣ не приходится сталкиваться ни съ какими естественными и законными интересами Германіи, потому что таковыхъ тамъ у Германіи нѣтъ. Про интересы неестественные и беззаконные мы и не говоримъ: они конечно не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ при обсужденіи *нормальныхъ* политическихъ отношеній; похоть личнаго властолюбія или такъ называемая политика приключений всегда способна нарушить правомѣрность чужаго бытія и создать лживые интересы, лживые поводы къ ссорѣ и такія усложненія, размѣра которыхъ нельзя и предвидѣть. Подобной политики, съ своей стороны, никогда не держалась Россія; тѣмъ менѣе причинъ опасаться такой грозной случайности въ ея политической системѣ въ современную пору. Если есть кому кого опасаться, такъ не Германіи—Россіи, а скорѣе наоборотъ. Прусскія крѣпости обступили нашу границу; прусскій штабъ давно выработалъ всѣ планы для наступательной съ Россіей войны, выработалъ и даже принялъ всѣ надлежащія предварительныя распоряженія, такъ что можетъ двинуть войска въ наши предѣлы чуть не на другой день послѣ разрыва; въ прусской военной академіи прилежно изучаются русскій языкъ, и игра въ войну съ Россіей составляетъ главное упражненіе академическихъ слушателей. Мы однако не видимъ причинъ этимъ смущаться. Мы знаемъ, что мудрое германское правительство строго слѣдуетъ правилу: *si vis pacem para bellum*, хочешь мира—готовь войну, или: дружись, но и боронись, и намъ остается только наприлежнѣйшимъ образомъ подражать примѣру преподанному намъ нашими друзьями—сосѣдями, какъ по отношенію къ дружбѣ, такъ и по отно-

шению къ оборонѣ. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что оборонительныя заботы Пруссіи такъ уже страшны, что хватаютъ черезъ край и переходить подчасъ чуть не въ наступательныя: такъ, попытки къ мирному захвату русскихъ земель вдоль границы, посредствомъ нѣмецкой колонизаціи и покупки имѣній у русскихъ подданныхъ въ стратегическихъ пунктахъ, обращеніе Ковенской губерніи въ Kowenland и т. п., все это такія мѣры, которыя, при всемъ нашемъ уваженіи къ чужому праву обороны, допущены быть не могутъ и не должны; но подобныя сосѣдскія недоразумѣнія не представляютъ еще повода къ войнѣ и могутъ быть разрѣшаемы безъ нарушенія международной пріязни. Точно также не обратились для Россіи въ поводъ къ войнѣ и сюрпризы нѣмецкой дружбы на Берлинскомъ конгрессѣ. Они только настаиваютъ уму-разуму нашу идиллическую дипломатію, только предостерегаютъ ее отъ излишняго прекраснодушія, приносящаго болѣе чести сердцу, чѣмъ головѣ. Маниловщина и сама по себѣ не хороша, а ужъ въ политическомъ дѣлѣ, да особенно въ сношеніяхъ съ княземъ Бисмаркомъ, никуда не годится. Вольно-жъ было въ самомъ дѣлѣ русскимъ политическимъ дѣятелямъ вообразить, что въ политикѣ вообще, а западно-европейской въ особенности, не только дружба, но и честность, благодарность, справедливость могутъ служить руководящими принципами, и что будто эти высокіе нравственные принципы составляютъ какъ бы даже принадлежность «современного западного человѣческаго прогресса» и «высшей цивилизациіи» или «культуры», предъ коими такъ усердно хлопаетъ о земль лбомъ наивный идилликъ «Голосъ» со всѣмъ сонмомъ россійскихъ «либераловъ»! Понятно, что мы не могли выдержать соперничества съ европейскими дипломатами и были ими одурачены, именно отъ своей вѣры въ чужую дружбу, въ чужія достоинства и добродѣтели, при полномъ безвѣріи въ себя самихъ... Великій мастеръ политическихъ дѣлъ, предложившій конгрессу свои маклерскія услуги, со свойственною нѣмецкому племени аккуратностью, преподалъ нашей неаккуратной въ дѣлѣ своихъ интересовъ Россіи—прекрасный урокъ о значеніи западно-европейской дружбы и благодарности. Но Россія, претерпѣвъ дипломатическое пораженіе, тѣмъ не менѣе добросовѣстно подчинилась его

послѣдствіямъ, т. е. обязательствамъ Берлинскаго трактата. Такимъ образомъ всѣ условія для сохраненія мира и тишины въ Европѣ Россіей соблюдены, и поводовъ къ войнѣ между Германіей и Россіей, поводовъ *раціональныхъ*, вытекающихъ изъ существенныхъ данныхъ современного положенія, никакихъ не имѣется и не предвидится. Съ этой стороны нѣть угрозъ европейскому миру. Со стороны Германіи... Но она также отвергнетъ, пожалуй съ негодованіемъ, упрекъ въ послагательствѣ на общественное спокойствіе. И точно: какъ ни дѣятельно ткутся ею и раскидываются кругомъ разныя дипломатическія сѣти, уловившія одновременно и Турецкаго султана и папу, какъ ни сильна всеобщая первая тревога, возбуждаемая этою повсюдною политическою интригою, однакожъ это все еще интрига, дипломатическія сѣти еще не желѣзныя узы, и иное дѣло перо, иное мечъ. Кто же еще угрожаетъ миру? Франція? Она положительно въ настоящую пору избѣгаетъ для себя всякаго опаснаго столкновенія съ Европой и склонна скорѣе ублажать, чѣмъ раздражать строго дозирающую ее Германію. Англія? Ей много дѣла и у себя дома, и въ Египтѣ, и въ колоніяхъ, да и вообще значеніе ея на материкѣ Европы съ усиленіемъ Германіи замѣтно ослабло. Не Италия же, не Испанія же, не Бельгія?... Кто же?

Австрія. Она одна. Вотъ держава, которой самое существованіе — искусственное, насильтвенное, основанное на неправдѣ — воплощенное противорѣчіе идеи мира. Съ первого взгляда это — аггломератъ, скопленіе разныхъ племенъ, спаянныхъ нѣмецкимъ цементомъ. Было бы однако же ошибочно думать, что ея правительственный строй не болѣе, какъ государственный механический снарядъ, вставленный въ бытіе различныхъ, пристегнутыхъ къ нему народностей и угнетающей только вѣнѣніемъ образомъ ихъ внутреннюю органическую жизнь; нѣтъ, этому строю присуща историческая, казалось бы исторіей уже осужденная, но все еще живучая идея: живучая не настолько, чтобы созидать (творчества она уже лишена), но настолько, чтобы губить, гнести и разрушать, — сильная не ко благу, но ко злу. Эта духовная стихія, одушевляющая австрійскій государственный снарядъ — католическая. До 1866 г. она можетъ быть охаракте-

ризована точнѣе, какъ нѣмецко-католическая, но послѣ побѣды одержанной надъ нею стихіей нѣмецко-протестантскою, сознавая духовную убыль нѣмецкаго въ себѣ принципа, она возвела на свой престолъ, рядомъ съ нѣмецкимъ ослабленнымъ национальнымъ началомъ, другое национальное начало, мадьярское: чудовищное совокупленіе въ общей стихіи латинства! Вышла—Австро-Венгерская Имперія или Австро-Венгрия. Австрія не могла бы подѣлиться властью ни съ какой национальностью протестантскаго или православнаго вѣроисповѣданія, ибо вся ея духовная натура—католическая; послѣ торжества германскаго протестантизма католицизмъ сталъ ся единственнымъ источникомъ духовной мощи, за отсутствиемъ въ ней иного господствующаго духовнаго или же органическаго начала. Тотъ ущербъ, который она съ возвышениемъ Пруссіи потерпѣла на германскомъ въ себѣ национальномъ элементѣ, она постаралась возместить на католицизмѣ—и на мадьярской национальности, какъ на самой энергической и властолюбивой, самой костистой, такъ сказать, изъ всѣхъ входящихъ въ составъ имперіи народностей. Что германскій национальный духъ не могъ ужиться въ плѣну у католицизма и, разорвавъ наконецъ свои узы, обрѣлъ себѣ свободу и выражение въ Лютеровой реформѣ, въ протестантизмѣ—эта истина стала уже общимъ мѣстомъ, и только еще у насъ въ Россіи находятся такие ограниченные мыслители, которые, прослушавъ, что «религія есть субъективное чувство» и т. п., отрицаютъ значеніе вѣроисповѣданій въ исторіи, въ историческомъ сложеніи народной духовной личности и быта! Понятіе о Германцѣ вождется теперь непремѣнно съ понятіемъ о міровыхъ завоеваніяхъ германскаго национального духа, слѣдовательно съ понятіемъ о протестантизмѣ. Германецъ-католикъ—какъ не причастный подвигамъ германскаго национального духа, какъ лишенный права на это богатое достояніе—представляется въ наше время невольно какою-то аномалией, какимъ-то изувѣченнымъ нравственно существомъ. Очевидно, что германское объединеніе могло осуществиться только подъ протестантскимъ знаменемъ, и что реформа Лютера логически привела къ побѣдѣ Пруссіи надъ бывшей «Священной Римской», а со временемъ Наполеона—Австрійской Имперіей Побѣда одержана, но врагъ

еще живъ и продолжаетъ грозить единству новой Германской Имперіи, созданной духомъ протестантизма, но включившей въ свой составъ и некоторые немецко-латинскія государства. Баварія, напримѣръ, продолжаетъ несомнѣнно тайно тяготѣть не къ Берлину, а въ Вѣнѣ, какъ и вообще вся Южная Германія, и пока существуетъ Австрійская Имперія, ставшая теперь главнымъ, если не единственнымъ оплотомъ католицизма въ мірѣ, бытіе Германской Имперіи не можетъ быть прочно.

Вѣроятно въ виду этихъ соображеній, германскій канцлеръ, — какъ всѣмъ известно. — старается вытеснить Австрію на Востокъ, указываетъ ей на Балканскій полуостровъ какъ на ея достояніе, можетъ-быть даже на Константинополь — какъ на ея законную добычу... Но совѣты и соблазны канцлера могутъ имѣть значеніе для Австріи лишь постольку, поскольку Германія согласна обеспечить осуществленіе этихъ плановъ. Сами же эти планы не были и прежде чужды австрійскимъ правителямъ, а теперь подсказывались ей и сами собою. Дѣйствительно, немецкое населеніе Австріи, духовно обезсиленное съ возникновеніемъ Германской протестантской Имперіи, оказывалось слишкомъ слабымъ для самостоятельной политической роли. Мадьярская національность, — годная можетъ-быть для обузданія некоторыхъ славянскихъ племенъ ей подвластныхъ, — слишкомъ духовно тоща сама по себѣ и очевидно не призвана ни къ какой исторической мировой миссії. Остаются Славяне съ идеей панславизма — повидимому мягкое, бескостное, но многочисленное и способное (такъ мыслить Нѣмцы) стать отличнымъ материаломъ для воплощенія чуждой идеи, для претворенія въ чуждую, высшую по культурѣ народность...

Въ составъ Австрійской имперіи входятъ семь главныхъ подраздѣленій Славянского племени, имѣющихъ каждое свое нарѣчіе и даже свою азбуку. Ни одно изъ нихъ порознь взятое не представляетъ залоговъ для первенства, не призвано къ мировому значенію, и следовательно не могло бы послужить связующимъ общимъ началомъ. Поэтому, вмѣстѣ съ общимъ государственнымъ языкомъ — немецкимъ, такимъ общимъ связующимъ началомъ признанъ католицизмъ. Но вѣйшая Австрія ставить теперь латинское духовное начало

на первомъ планѣ, соглашаясь даже на уступки (въ сущности безвредныя) въ пользу національности католическихъ славянскихъ племенъ. Главною объединительною ея духовною силою воевглашено латинство. Главная ея задача: католический панславизмъ подъ скипетромъ Австрійской монархіи.. Нужно ли прибавлять, что *такой* панславизмъ, еслибы онъ былъ возможенъ,—связавъ свою духовную судьбу съ судьбою латинской церкви и свою историческую судьбу съ судьбою латинского Запада, утратилъ бы всѣ индивидуальные славянскія племенные черты, примкнулъ бы окончательно къ Западу, встанулъ, всосался бы въ него и обратился бы именно въ матеріалъ для образования новаго типа «австрійской» національности...

Но изъ Славянскихъ племенъ одни только Поляки вогнали въ себя латинство (даже на іезуитской закваскѣ) глубоко внутрь, въ плоть и кровь,—что къ сожалѣнію и выдѣляетъ ихъ изъ общей среды Славянъ и обращаетъ ихъ въ такихъ ярыхъ ненавистниковъ православныхъ славянскихъ братьевъ. У Чеховъ преданія гуситства еще до сихъ поръ не замерли. У Хорватовъ, Словаковъ, Словинцевъ также живутъ въ простотѣ народѣ преданія «старой» (православной) вѣры, и у всѣхъ у нихъ интересы національные пересиливаютъ интересы вѣроисповѣданія—чуждаго ихъ духовной природѣ, названного имъ насилиемъ или соблазномъ. Остаются непреклонные въ православіи Сербы въ Банатѣ и на такъ-называемой Границѣ, присоединенной нынѣ къ католической Хорватіи,—да несчастные Русскіе въ Галиції, еще подъ польскимъ владычествомъ насильственно совращенные, не въ католицизмъ, правда, но въ унію, да Русскіе же въ Венгріи, которымъ, при Марії-Терезії, была также принудительно и обманомъ навязана унія, не пустившая однакожъ въ народѣ никакихъ корней. Затѣмъ, всѣ тѣ славянскія страны, которыхъ лежать въ австрійскихъ предѣловъ, но которыхъ Австрія уже стремится включить въ «сферу своихъ интересовъ», впередъ до полнаго возобладанія ими,—т. е. весь Балканскій полуостровъ съ Сербами различныхъ наименованій и Болгарами,—пребываютъ вѣрными православію. Православныя племена крѣпче, цѣльнѣе всѣхъ прочихъ Славянъ сохранили въ себѣ свою народность: не говоря уже о рѣзкой вѣро-

исповѣдной розни, полагавшей преграды къ тому тѣснѣйшему сближенію съ иноплеменниками Запада, которому поддались болѣе или менѣе очѣмечившіеся въ Австріи католическіе Славяне,—духъ независимости и чаяніе будущей свободы поддержаны и взвелѣяны въ никъ, въ теченіи долгихъ вѣковъ неволи и гнета—самымъ бытіемъ великой Россіи, сознаніемъ ихъ братства и единовѣрія съ единственной православной славянской державой... Въ этомъ и смыслъ и сущность такъ-называемаго «Восточнаго вопроса»...

Колоссальный планъ объединенія Славянъ на почвѣ латинства потребовалъ и колоссальныхъ мѣропріятій. Окатоличеніе стало главною миссією Австріи, а съ нею и Римскаго папы. Закипѣла работа, учинились славянскія підгрилиства въ Римѣ ради лобызанія туфлей папы. Чрезъ благословеніе святаго отца Славянскому племени, это, по выражению Тютчева,

Опально-міровое племя

какъ бы освобождалось отъ опалы, какъ бы возводилось изъ паріевъ въ рангъ полноправныхъ! Папа послѣшилъ буллами оповѣстить міръ, что возлюбилъ Славянство; Римъ возлагаетъ на него надежды, что потребитъ оно въ конецъ «греческую проклятую схизму».... Появилась булла о разрѣшеніи присоединять къ латинскому богослуженію молитвы, а иногда даже совершать и католическія литургіи на мѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ,—противъ чего даже возстали старые и ярые католики-Поляки: «не хотимъ-де польской обѣди, давай латинскую»!...

Всѣ эти затѣи предпринимались главнымъ образомъ въ виду захвата Босніи и Герцеговины. Уполномоченная Берлинскимъ конгрессомъ вступить въ эти области для умиротворенія и лучшаго ихъ устроенія, Австрія, въ надеждѣ скораго окончательного ихъ къ себѣ присоединенія, признала для сего окатоличеніе православныхъ жителей наивѣрнѣйшимъ средствомъ. (Кстати сказать, она наводнила уже и Болгарію и Македонію католическими миссіонерами!) Но на Герцеговинцевъ и Боснаковъ ни миссіонерская проповѣдь, ни папскія милости не подействовали.... Чтѣ-жь, церемониться съ ними не для чего! Они не *свои* Европѣ,— они православные, за нихъ заступиться теперь вѣдь некому. Не

хотать католичиться добровольно, такъ по боку, по отношенію къ нимъ, всякий «правовый порядокъ»! Темница, палка, изгнаніе, конфискація имущества, всѣ виды гоненій и насилий, а въ крайнемъ случаѣ и висѣлица—вотъ средства обращенія въ государственную религию Австріи, въ католической цанславізмъ!...

Чтѣ творить та же Австрія въ настоящую же минуту, одновременно съ кровавыми беззаконіями въ Босніи и Герцеговинѣ,—на нашей границѣ, въ Галиції, руками Поляковъ, надъ русскимъ населеніемъ—пронинившимися въ томъ, что два села, безъ малѣйшаго побужденія со стороны Россіи, вздумали возвратиться къ вѣрѣ предковъ, т. е. къ православію! Безумнымъ Полякамъ, которымъ Австрія предала Галицію во власть, мерещится всюду московская пропаганда. Но пропагандистами оказываются они сами, вмѣстѣ въ австрійскимъ правительствомъ... У насъ же чуть было не забыли о древнемъ, родномъ намъ Галичѣ... Трудно предположить, чтобы подобная тупая австрійская политика способна была пріумножить въ галицкихъ Русскихъ любовь къ австро-польской католической гегемоніи...

Чрезвычайно мѣтко выраженіе генерала Скобелева: «австрійскій военный клерикализмъ»—такова сущность движущей Австрію идеи. Это дѣйствительно воинствующій католицизмъ, но не духовнымъ только оружіемъ, а огнемъ и желѣзомъ... Вызвавъ въ Босніи и Герцеговинѣ, странахъ даже не входящихъ въ составъ Австро-Венгерской имперіи, отчаянное вооруженное восстаніе, охватившее значительнѣйшую часть населения, Австрія пытается теперь массою войскъ смириТЬ или уничтожить неподвластныя ей племена. Кровью залить весь край; Австрійцы предаются неслыханнымъ жестокостямъ, за которыми, конечно, слѣдуетъ равное же возмездіе... Бойнейю стали Боснія и Герцеговина—пока «съ побѣдою культуры надъ варварствомъ», по выражению нашихъ «либераторъ», не обратятся въ безлюдныя пустыни... Почему же, въ силу какого права Боснія и Герцеговина должны нѣмѣчтися, католичиться, и возвѣтъ на себя австро-мадьярское ярмо? Въ силу Берлинского трактата, твердѣть дипломаты. Но развѣ можно такъ явно издѣлываться надъ здравымъ смысломъ, и нарушая, на виду всѣхъ, самымъ вопіющимъ об-

разомъ требованія трактата, ссылаясь на него, какъ на законное основаніе?...

Въ то самое время, какъ Россія прямо заявила и продолжаетъ заявлять, что не хочетъ войны и дорожитъ сохраненіемъ европейскаго мира, Австрія зажигаетъ, уже зажгла пожаръ, который грозить охватить собою весь Балканскій полуостровъ, а следовательно, вскорѣ затѣмъ, навлечь и на всю Европу всѣ ужасы международной войны!...

А что же Европа? Можно было бы подумать, что она словно въ общемъ съ Австріею заговорѣ, что все это творится какъ бы съ ея тайного, молчаливаго согласія... Къ счастію для человѣчества, благородный руководитель британской политики, Гладстонъ, какъ сообщаютъ телеграммы, намѣренъ войти въ дипломатическія сношенія съ державами-участницами трактата и признать вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ вопросомъ не австрійскимъ, а европейскимъ: это именно то, на чёмъ настаивала наша газета мѣсяцъ тому назадъ. Въ нашей печати выражено мнѣніе, что Гладстонъ останется одинъ, что нарушительница Берлинскаго трактата и европейскаго мира не будетъ приглашена къ отвѣту предъ европейскимъ ареопагомъ... Но это значило бы другими словами, что въ Европѣ вовсе и не намѣрены тушить зачавшійся пожаръ, а ждутъ, чтобы онъ разгорѣлся... Не можетъ же однако Россія въ молчаніи присоединиться къ этому тайному заговору—не противъ Босніи и Герцеговины только, но противъ европейскаго мира, противъ нея же самой?...

Сербская скупщина, впрочемъ не Великая, а обыкновенная, 22 февраля явилась къ князю Милану въ полномъ своемъ составѣ и просила его провозгласить себя королемъ. Князь обѣщалъ исполнить просьбу «народа» и издалъ соответствующій манифестъ. Мы можемъ только радоваться такому возвеличенію, хотя бы только по отношенію къ титулу, страны, за независимость которой пролито столько русской крови. Что-жъ, въ добрый часъ! Теперь рѣкою проливается въ сосѣдствѣ новаго Сербскаго королевства сербская кровь въ Босніи и Герцеговинѣ,—проливается австрійскими насильниками сербской свободы и вѣры. Какъ разъ *вбремя* Сербскому королю явиться достойнымъ своего новаго званія и, под-

иавъ сербское знамя, поспѣшить на помощь отважнымъ, но изнемогающимъ борцамъ!... Иначе не зачѣмъ было и избирать именно настоящее мгновеніе для превознесенія себя выше всѣхъ сербскихъ властителей и вождей... Но Австрія, которой благосклонности, по отзыву и Сербского правительства и австрійскихъ газетъ, наипаче обозвана Сербія своимъ новымъ саномъ, уже поспѣшила заявить даже официально, въ вѣнской газетѣ «*Abendpost*», что Сербія стала королевствомъ именно потому, что намѣрена вести свою политику тѣмъ путемъ, которымъ следовала въ послѣднее время, т. е. политику вполнѣ подчиненную видамъ австро-венгерскимъ и ведущую Славянскія балканскія племена къ порабощенію Австро-Венгрии въ той или другой формѣ... Другими словами: король Миланъ не король Сербовъ, а только король бывшаго княжества. Бѣдная Сербія! Дорогою же цѣною купила она блескъ королевской короны. Стоны долетающіе изъ Босніи и Герцеговины, по всей вѣроатности, не смутятъ торжествъ и празднествъ, имѣющихъ въ Бѣлградѣ по случаю «столь счастливаго события»...

Москва, 17 апреля.

Цетиньская газета «Гласъ Черногорца» сообщаетъ, будто Русское правительство является посредникомъ въ переговорахъ между Черногорскимъ и Австро-Венгерскимъ правительствомъ о вознагражденіи Черногоріи какою-нибудь мѣстностью изъ герцеговинскихъ земель за услуги, оказанныя Австріи при ея борбѣ съ восстаниемъ—напр. за содержаніе кордона недопускавшаго Черногорцевъ оказывать дѣятельную помощь восставшимъ и за обезоруженіе восставшихъ, какъ скоро необходимость заставила ихъ переходить на черногорскую территорію. Не знаемъ въ какой степени справедливо это извѣстіе, но слухи о томъ дошли до насъ изъ славянскихъ источниковъ и другимъ путемъ. Дѣло идетъ будто бы объ уступкѣ Австріей Черногоріи Гацка или Билеча, или иного округа, въ награду за ея отличное и примѣрное по отношенію къ Австріи поведеніе.

Не хотѣлось бы этому слуху вѣрить и тѣмъ менѣе жела-

лось бы предположить въ этомъ торгѣ участіе Русскаго кабинета. Мы вполнѣ цѣнимъ трудность положенія, созданную для Черногоріи герцеговинскимъ восстаніемъ. При всемъ естественномъ и вполнѣ законномъ сочувствіи Черногорцевъ къ Герцеговинцамъ, связаннымъ съ ними какъ тѣсными кровными и духовными узами, такъ и единствомъ стремленій къ независимости отъ чужеплеменнаго насильственнаго ига,— Черногорскій князь не могъ допустить свою маленькую бѣдную Черногорію, еще неоправившуюся отъ долгой, кровавой и разорительной войны, къ войнѣ новой, да еще съ такимъ могучимъ врагомъ, какъ Австрія. Эта послѣдняя, какъ известно, благодаря все тому же мастерскому произведению европейской правды, т. е. Берлинскому трактату, виситъ теперь надъ княжествомъ всюю своею гроаною силой. По неволѣ пришлось Черногоріи отказать въ помоши роднымъ братьямъ и, облекшись въ нейтралитетъ, осудить себя на праздное соверданіе кровавой тажбы и гибели мужественныхъ стоятелей за праведное, святое дѣло. Какъ ни ворчали на этотъ образъ дѣйствій своего правительства Черногорцы, однако-жъ не могли не признать, что того требовала политическая мудрость. Но достоинство этой вынужденной мудрости, на которую можно было рѣшиться лишь съ болью въ душѣ, безъ сомнѣнія мигомъ поблекнетъ, если она окажется купленною, получить характеръ выгодной сдѣлки, продажи и купли. «Это торговля нашимъ масомъ», начинаютъ уже и теперь шептать Герцеговинцы... Иное было бы дѣло, еслибы Австро-Мадьяры совсѣмъ отказались отъ беззаконныхъ своихъ притязаній на Герцеговину и предоставили владѣніе ею Черногорскому князю,—но принять отъ Австрійцевъ подачку въ видѣ небольшаго ключка земли, съ тѣмъ, чтобы развязать имъ руки, облегчить и упрочить порабощеніе Мадьярамъ и Нѣмцамъ остальныхъ сотень тысячъ Славянъ,—это значило бы продать свой нравственный авторитетъ въ средѣ Сербскихъ племенъ хуже чѣмъ за блюдо чечевицы. Примѣръ короля Милана не заслуживаетъ подражанія, и блескъ королевской его короны только еще арче осіаіъ надѣтое сербскимъ правительствомъ себѣ на шею позорное ярмо австро-мадьярскаго приспѣшика.

Да и не слишкомъ ли рано затѣвается въ Черногоріи

этот постыдный торгъ, на который можетъ-быть очень охотно пойдетъ Австрія — въ надеждѣ, въ той или другой форме, скоро установить свое владычество, если не de jure, то de facto, надъ самой Черногоріей? Возстаніе, сколько намъ известно, далеко не подавлено, и можно надѣяться, что Европа не станетъ наконецъ терпѣть такое продолжительное нарушеніе общаго мира и буквального смысла торжественнаго международнаго трактата... Можетъ-быть дойдетъ еще дѣло до новаго конгресса или конференції?...

Москва, 8-го мая.

Новый посланникъ Австро-Венгерской монархіи при Русскомъ дворѣ, графъ Волькенштейнъ, прежде чѣмъ явиться къ мѣсту своего назначенія, совершилъ поездку въ Парижъ для окончательныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ по вопросу объ организаціи той «Смѣшанной комиссіи для надзора за судоходствомъ по Дунаю, учрежденія которой настойчиво добивается Австрія и которая въ принципіѣ уже признана большинствомъ европейскихъ кабинетовъ. Дѣло не улаживалось до сихъ порь именно изъ-за спора о подробностяхъ организаціи, и вотъ результатомъ переговоровъ явился такъ-называемый проектъ Баррера, составленный имъ по соглашенію съ австрійскимъ дипломатомъ и, какъ увѣряютъ, успѣвшій стяжать теперь даже и одобрение всѣхъ державъ — участницъ Берлинскаго конгресса. По крайней мѣрѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ газетъ, Россія, которая будто бы и прежде заявляла, что она къ Дунайскому вопросу относится совершенно безразлично, послѣ нѣкоторой заминки извѣстила и на проектъ Баррера свое согласіе. Мы думаемъ однако, что это извѣстіе невѣрно или по крайней мѣрѣ преждевременно, и что только теперь, по пріѣздѣ графа Волькенштейна, поведутся имъ снова, если не переговоры, то хоть разговоры о Дунаѣ съ нашимъ министерствомъ иностраннѣхъ дѣлъ. Наша публика мало обращаетъ вниманія на этотъ дипломатическій вопросъ, отчасти потому, что не довольно обстоятельно знакома съ самимъ дѣломъ, отчасти по общему всемъ намъ, не исключая и многихъ

власть имущихъ, великодушному иренебреженію къ своимъ национальнымъ интересамъ,—отчасти же, можетъ быть, и изъ страха провиниться предъ русскою «либеральною прессою» въ излишнемъ патротизмѣ и въ недостаткѣ, по отношенію къ сосѣднимъ «культурнымъ» державамъ, той «галантерейности обращенія», за которую еще лакей Осипъ въ «Ревизорѣ» такъ превозносилъ Петербургъ.

Барреръ—это французский делегатъ въ Европейской или Международной комиссіи, надзирающей за расчищеннымъ Сулинскимъ гирломъ Дуная, а теперь и вообще за судоходствомъ по Дунаю. Въ проектѣ же идетъ рѣчь объ учрежденіи еще другой комиссіи, подъ названіемъ «комиссіи смѣшанной», также для надзора за судоходствомъ по Дунаю, но болѣе специального, отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца. Предсѣдательницей ея пред назначается Австрія; въ составъ комиссіи входятъ Сербія, Румынія и Болгарія, — и одинъ изъ делегатовъ державъ Международной комиссіи поочередно, мѣняясь черезъ каждыя полгода, причемъ очередь державъ соблюдается въ алфавитномъ порядкѣ ихъ французскихъ имёнъ. Стало-быть, при предсѣдательствѣ Австріи, въ въ первую очередь членомъ Смѣшанной комиссіи былъ бы делегатъ Германіи,—а это, конечно, для австрійскихъ плановъ болѣе чѣмъ благопріятно, такъ какъ многое, очень многое будетъ зависѣть отъ постановки дѣла съ самаго начала, въ первые же шесть мѣсяцевъ по учрежденіи Смѣшанной комиссіи.

Но, спросить можетъ-быть, недоумѣвающій читатель,—зачѣмъ понадобились для Дуная двѣ комиссіи, когда для Рейна, для Шельды—рѣкъ также международныхъ—свобода плаванія, обеспеченнная договорами, не опекается, сколько известно, ни одной *обще-европейской* комиссіей? Отвѣтъ на это даетъ дипломатическая история «Дунайскаго вопроса», которая можетъ быть разсказана въ двухъ словахъ. Онь возникъ лишь послѣ того, какъ, благодаря Россіи, пошатнулась власть Отоманской имперіи вдоль дунайскаго побережья, и Россія, отчасти непосредственно и сама, отчасти чрезъ протекторатъ свой надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей, стала при дунайской державой. Конвенціей 13 іюля 1840 г. между Россіей и Австріей оба государства распространили на Дунай

«правила Вѣнскаго конгресса» о свободномъ судоходствѣ по рѣкамъ международнаго значенія, т. е. протекающимъ чрезъ владѣнія разныхъ державъ или служащихъ общею границею между разными державами. Въ статьѣ II этой конвенціи сказано, что «австрійскія купеческія суда, равно какъ и суда всякой другой земли, имѣющей право судоходства по Черному морю и находящейся въ мирѣ съ Россіей, могутъ свободно входить въ устья Дунаѧ, ходить по рѣкѣ вверхъ и внизъ, и выходить изъ нея, не подлежа никакимъ пошлинамъ, кроме нѣкоторыхъ повинностей за содержаніе русла въ порядкѣ». То было время, а потому настало другое. Черезъ 16 лѣтъ положеніе Россіи измѣнилось; съ потерей извѣстной части Бессарабіи, она перестала быть придунайской державой. Парижскій трактатъ 1856 г. громко провозгласилъ какъ новый форматъ общаго народнаго европейскаго права—уже существовавшее на практикѣ примененіе къ Дунаю вышеупомянутыхъ постановленій Вѣнскаго конгресса и опредѣлилъ учрежденіе двухъ комиссій: одной, называемой нынѣ «Европейской» или «Международной», составленной изъ представителей Россіи, Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи (Германіи), Сардиніи (Італіи) и Турціи, и другой, «Прибрежной», изъ членовъ со стороны Виртемберга, Баваріи, Австріи, Турціи и комиссаровъ трехъ Придунайскихъ княжествъ, назначенныхъ съ утвержденіемъ Порты. На обязанности *первой*, Европейской комиссіи, лежало: предназначить и совершить работы нужными для очистки дунайскихъ гирлъ, начиная отъ Исааки и прилегающихъ къ нимъ частей моря, и опредѣлить пошлины, которая должны быть наложены на суда всѣхъ націй для покрытия расходовъ, сопряженныхъ съ производствомъ работъ и возведеніемъ необходимыхъ для сего сооружений. На вторую же комиссію, Прибрежную, возлагалось составленіе подробныхъ правилъ или устава судоходства по *всей* рѣкѣ, а также совершение всѣхъ работъ, нужныхъ для безпрепятственнаго плаванія по всему теченію Дунаѧ (не въ гирлахъ); затѣмъ, по упраздненіи *общей Европейской комиссіи* (которой срокъ предполагался двухлѣтній)—постоянное наблюденіе за содержаніемъ въ надлежащемъ состояніи очищенныхъ гирлъ и частей моря. А «дабы обеспечить исполненіе правильъ, кои съ общаго согласія будуть постанов-

лены», Парижский трактатъ предоставилъ договаривающимся державамъ, т. е. участникамъ трактата, право содержать у Дунайскихъ устьевъ во всякое время по два легкихъ морскихъ судна,—каковая стража у Сулинского канала стоитъ и понынѣ...

Европейская комиссія, хорошо ли, дурно ли, свое дѣло исполнила, хотя и не въ два года, а въ девять лѣтъ. Выбравъ среднее, Сулинское гирло, она его очистила, затративъ на это 10 миллионовъ франковъ, установила съ судовъ на покрытие сихъ расходовъ пошлины (и довольно высокія), наконецъ составила даже правила для судоходства по расчищенному ею участку Нижнаго Дуная, чѣдѣ и было одобрено Европой особымъ публичнымъ актомъ 2 ноября 1865 года. Однакожъ эта комиссія осталась неупраздненою, какъ бы слѣдовало по Парижскому трактату, на томъ основаніи, что никакой Прибрежной комиссіи, которой можно было бы ввѣрить наблюденіе за свободой и порядкомъ плаванія по Дунаю, налицо не состояло. Образованная въ началѣ подъ этимъ именемъ комиссія представила было, еще въ 1858 г., выработанный Австрію проектъ правилъ рѣчного плаванія, но стремленіе Австріи къ исключительному на Дунаѣ господству было тогда не по праву ни Пруссіи, ни Франціи, ни Сардиніи, и проектъ возвращенъ ей для исправленія. Исправленія никакого не послѣдовало, и комиссія болѣше не собиралась. Австрія, которая de facto господствовала на Дунаѣ безграницно, не находила особенной надобности горопитъ подчиненіемъ себя регламенту и чужому побережному контролю. Такъ прошло болѣе 7 лѣтъ; но въ твердомъ упованіи, что составить же наконецъ Австрія новый, исправленный проектъ, державы въ 1866 г. продлили существованіе Европейской комиссіи съ ея правами еще на 6 лѣтъ, до 1871 г. Затѣмъ на Лондонской конференції (собравшейся въ этомъ году по случаю знаменитой декларации Россіи объ упраздненіи нѣкоторыхъ, относящихся къ ней статей Парижскаго трактата), державы и еще продолжили полномочія Европейской комиссіи на 12 лѣтъ. Срокъ бытія ея кончается такимъ образомъ 24 апреля 1883 года. Въ то же время конференція поручила прибрежнымъ державамъ войти

въ предварительное между собою соглашение для дѣйстви-
тельного учреждения наконецъ Прибрежной комиссія...

Но въ эти 11 лѣтъ послѣ Лондонской конференціи про-
изошли новые крупныя событія, значительно видоизмѣнив-
шія положеніе дѣлъ. Благодаря послѣдней нашей войнѣ,
Россія возвратила себѣ часть Бессарабіи съ Дунайскимъ
прибрежьемъ, а Придунайскія княжества пріумножились кня-
жествомъ Болгарскимъ; Сербія и Румынія пріобрѣли полную
политическую независимость (стали даже наконецъ королев-
ствами). Въ виду новыхъ совершившихся фактovъ, Берлин-
ский трактатъ призналъ нужнымъ усилить значеніе обще-
европейской надъ Дунаемъ опеки и, не упоминая ни слова
о предположенной Парижской трактатомъ и Лондонской кон-
ференціей *Прибрежной комиссії*, подтвердилъ и такъ-ека-
зать расширилъ права и полномочія комиссіи *Европейской*.
Статью 55-ю онъ возлагаетъ разработку устава о плаваніи
и о рѣчной полиціи по Дунаю отъ Желѣзныхъ воротъ до
Галаца и о согласованіи его съ таковыми же, прежде вы-
работанными уставомъ отъ Галаца до устья, уже не на При-
брежную, а на Европейскую комиссію, только *при соѣдѣ-
ствіи* делегатовъ прибрежныхъ державъ. (Такимъ образомъ
международное значеніе Дуная признается только внизъ отъ
Желѣзныхъ ворогъ, слѣдовательно вѣдь предѣловъ Австріи).
Казалось бы очевиднымъ, что подъ делегатами *прибрежныхъ*
державъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ разумѣть Австрію—
уже не прибрежную на упомянутомъ пространствѣ, а слѣ-
дуетъ разумѣть только Придунайскія княжества. Цѣлыхъ
два года прошло въ бездѣйствіи; Австрія не заявляла ни-
какихъ особыхъ притязаній, повидимому даже никакихъ за-
ботъ о составленіи устава, и только въ 1880 году (послѣ
поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну и заручившись вѣроятно
его согласиемъ) выступила вдругъ въ Европейской комиссіи
съ готовымъ проектомъ «Смѣшанной Дунайской комиссіи»,
предназначенной вѣдать полицію и опекать судоход-
ство отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца! По этому проекту—
принятому въ принципѣ большинствомъ державъ (споръ
идетъ только о подробностяхъ)—предсѣдательство въ Смѣ-
шанной комиссіи, составленное изъ представителей Сербіи,
Румыніи и Болгаріи, принадлежитъ *Австріи*. На какомъ осно-

ваниі? Она здѣсь не прибрежная держава, или столько же прибрежная, какъ и Россія съ ея Кілійскимъ рукавомъ. Если только потому, что австрійскія суда плаваютъ внизъ до Галада, то и баварскія суда могутъ спускаться ниже Желѣзныхъ воротъ, а русскія суда могутъ ходить отъ Галада вверхъ по тому же пространству. Если Австрія допущена въ эту комиссию на основаніи принципа прибрежности, то даже не претендуя на непремѣнное предсѣдательство, мы имѣли бы, кажется, полное право требовать, чтобы въ составѣ Смѣшанной комиссіи участвовалъ въ качествѣ постостоянного члена и представитель Россіи... Но обѣ ней нѣтъ и рѣчи...

Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло быть допущено, безъ всякой новой конференціи, такое прямое измѣненіе (и не по формѣ, а по существу) положительнаго постановленія Берлинскаго трактата, который ни однимъ словомъ не упоминаетъ обѣ учрежденіи Смѣшанной комиссіи (въ ущербъ интересамъ прибрежныхъ государствъ), а на правительства самыхъ же этихъ прибрежныхъ державъ возлагаетъ наблюденіе за исполненіемъ правилъ устава, составленіе коего опять-таки поручено имъ не кому другому, какъ Европейской комиссіи? Но Австрія обставила свои предсѣдательскія права такими преимуществами, что ея проектъ вызвалъ сильное сопротивленіе въ средѣ делегатовъ, особенно со стороны Румыніи, — а потому, хотя и одобренный державами въ главныхъ своихъ основаніяхъ, онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ остался неутвержденнымъ. Вотъ именно теперь и выступилъ на сцену проектъ Баррера въ формѣ вѣкотораго компромисса. Какъ увѣряютъ, онъ уже принять большинствомъ державъ; неизвѣстно только, согласится ли на него Румынія.

Насъ, впрочемъ, не столько интересуютъ теперь подробности, сколько вопросъ о самемъ принципѣ Смѣшанной комиссіи, несогласномъ съ духомъ Берлинскаго трактата, и о правѣ Австріи на участіе и предсѣдательство. Нельзя при этомъ не вспомнить, что тотъ же Берлинский трактатъ постановилъ (въ ст. 54), что «за годъ до истеченія срока, определенаго для дѣятельности Европейской комиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или обѣ измѣненіяхъ,

которые они признаютъ необходимыми сдѣлать». «За годъ» стало-быть въ нынѣшнемъ же году. И такъ, въ нынѣшнемъ же году предстоитъ державамъ рѣшить вопросъ: продолжать или не продолжать сохраненіе общей европейской оценки надъ Дунаемъ въ видѣ особой Европейской Комиссіи, или же видоизмѣнить ее? Намъ неизвѣстно, соберется ли для этого особая конференція, или соглашеніе между державами произойдетъ въ видѣ отдельныхъ переговоровъ наиболѣе заинтересованной державы, Австріи, съ каждою изъ великихъ державъ отдельно. Въ этомъ отношеніи принятие проекта Баррера представляетъ особенное значеніе и уже предрѣшаетъ, а можетъ-быть будетъ признано и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, поставленного въ 54 ст. Берлинскаго трактата: этотъ проектъ, вводя въ составъ новоизбрѣтаймой Сѣнаторской комиссіи, поочередно, delegata комиссіи Европейской, тѣмъ самымъ, очевидно, связываетъ съ первою неразрывно,— стало-быть сохраняетъ—существованіе послѣдней... Станный у Австріи, да и у всей Европы, способъ обращаться съ этимъ станнымъ международнымъ договоромъ, обязательнымъ, видно, только для насъ и для Балканскихъ Славянъ!

Читатель признаетъ, конечно, теперь и самъ, что проектъ Баррера, какъ бы вовсе и не принимающій въ расчетъ нового положенія Россіи, созданного ей возвращеніемъ извѣстной придунайской части Бессарабіи,— заключаетъ въ себѣ для насъ не малую важность и не допускаетъ безразличнаго съ нашей стороны отношенія. Пора же однако вспомнить и намъ про свои придунайскіе интересы. На нихъ-то мы и хотимъ обратить вниманіе читателей «Руси».

По Санъ-Стефанскому договору, подтвержденному въ этой части и Берлинскимъ трактатомъ, Россіи досталась въ собственность половина лучшаго рукава Дуная — Килийскаго. Онъ лучшій потому, что въ немъ, по изслѣдованіямъ инженера Протопонова,— 17%, общей массы воды Дуная, слѣдовательно вдвое болѣе противъ Георгіевскаго и чуть ли не въ вѣсколько разъ болѣе противъ Сулинскаго, расчищенного и приспособленного къ судоходству Европейскою комиссіей. Мало того: онъ до ста верстъ длиною, почти прямъ и потому удобенъ для судовъ парусныхъ, тогда какъ Сулинскій

весь состоитъ изъ извилинъ. Глубина Килийского рукава 30 футовъ, ширина отъ 150 до 300 сажень, ширина же Сулинского — maximum 100 сажень, а глубина отъ 15 до 20. Протоки Килийского рукава въ море вся принадлежать намъ за исключениемъ самаго южнаго, Старо-Стамбульскаго, по фарватеру котораго проведена граница. Наиболѣе же удобенъ для расчистки протокъ Очаковскій, котораго оба берега — наши. Правда, въ настоящее время этотъ рукавъ доступенъ съ моря пока только рыбачимъ людкамъ, входъ его мелководенъ; но, по исчислѣнію того же инженера Протопопова, расчистка и углубленіе Очаковскаго протока обошлись бы отъ 3-хъ до 4 миллионовъ кредитныхъ рублей, не дороже: сумма совершенно ничтожная въ виду выгода, представляемыхъ Россіи возможностью — имѣть у себя въ рукахъ свой входъ въ Дунай, съ ключомъ и дверью. Стратегическія выгоды отъ обладанія этимъ рукавомъ такъ явны, что о нихъ не стоять и распространяться: замѣтимъ только, что расчистивъ устье, мы могли бы, въ случаѣ надобности, безпрепятственно ввести въ Дунай, при всей его нейтральности, суда большаго калибра, покрунѣе тѣхъ, что входятъ Сулинскимъ устьемъ, которое Европейская комиссія избрала для международнаго употребленія и устроила на международный счетъ. Если Румынія держитъ на Дунаѣ весь свой, конечно не великій, военный флотъ, то ничто не могло бы помѣшать и намъ держать у Измаила нѣсколько судовъ внушительнаго значенія... Но эти стратегическія соображенія приводятся нами только въ виду будущаго, на всякий случай, — въ настоящую же пору преимущественное вниманіе наше должны привлекать экономические расчеты. А люди свѣдущіе расчитываютъ, что открытие доступа въ Килийской рукавъ доставило бы намъ существенные экономическія выгоды.

Во 1-хъ, оно несомнѣнно привлекло бы къ Бессарабскимъ портамъ, предпочтительно къ Измаилу, не малую часть тѣхъ иностраннѣхъ судовъ, которыхъ, сидя слишкомъ глубоко въ водѣ (футовъ по 20), вынуждены теперь останавливаться при входѣ въ Сулинское гирло. При расчисткѣ Очаковскаго протока, можно смѣло сулить Измаилу блестящую будущность: весь хлѣбъ, сплавляемый по Пруту изъ Молдавіи и Бессарабіи, будетъ тогда несравненно удобнѣе сплавлять

внизъ по рѣкѣ къ Измаилу, чѣмъ тащить его вверхъ по рѣкѣ (какъ это дѣлается теперь) къ Галацу; затѣмъ, не мѣшасть имѣть въ виду, что Измаиль всего въ 40 верстахъ отъ Чишме, то есть отъ станціи Бендерской желѣзной дороги,—стало-быть провести боковую вѣтвь къ Измаильскому порту было бы не трудно да и не дорого.

Во 2-хъ, только съ открытиемъ доступа въ Килийскій рукавъ открылась бы и возможность: завести наконецъ съ удобствомъ и выгодою *русское пароходство* по Дунаю. При существованіи одного прохода — черезъ Сулинское гирло — такое учрежденіе едва ли мыслимо: конкуренція такъ велика, да и пошлины въ Сулинѣ такъ высоки, что не могутъ не отбивать русскихъ предпринимателей. Извѣстно, что Одесское Общество пароходства и торговли, несмотря на всѣ настоянія правительства открыть рейсы по Дунаю, положительно отъ того отказалось. Да и въ самомъ дѣлѣ: какимъ образомъ, при этихъ высокихъ пошлинахъ, которымъ подвергаются суда, входящія въ Дунай съ моря, соперничать съ могущественнымъ Австрійскимъ «Первымъ Дунайскимъ Пароходнымъ Обществомъ», существующимъ уже почти полѣтка, имѣющимъ нынѣ до 300 пароходовъ и до 700 баксировъ, если не болѣе, и не платящимъ никакихъ пошлинъ, такъ какъ суда идутъ сверху, а до моря и не доходятъ! (Торговые интересы Австріи вообще не простираются далѣе Галаца: для нея важны сербскій, румынскій, болгарскій рынки, а до Чернаго моря ей мало дѣла). Но если бы Русское правительство расчистило Очаковскій протокъ и затѣмъ наложило на суда, идущія въ протокъ съ моря, пошлину для возмѣщенія своихъ издержекъ, то развѣ бы оно не могло освободить отъ нея свои русские пароходы и поставить ихъ въ этомъ отношеніи почти въ равные условія съ австрійскими?... Только тогда бы могли завязаться на дѣйствительно прочныхъ основаніяхъ русскія торговыя сношенія съ Сербіей и Болгаріей...

Возвратили мы себѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, право строить береговыя крѣпости на Черноморскомъ берегу и военныя суда въ Черномъ морѣ,—и выстроили только поповки. Возвратили, уже 4 года тому назадъ, придунайскую часть Бессарабіи, съ лучшимъ изъ Дунайскихъ гирль, — и

чуть ли даже о томъ не забыли, если не считать командировки министерствомъ путей сообщенія инженера Протопопова для обревизованія нового предмета министерского вѣдомства. А что умудрилась бы и успѣла бы уже натворить тутъ любая Западная держава, еслибы была на нашемъ мѣстѣ! Правда, ни въ одной странѣ нѣть такого рода интелигенціи, которая бы, какъ у насъ, глумилась надъ малѣйшимъ проявленіемъ патріотической заботы о национальныхъ политическихъ и экономическихъ интересахъ, называя ее «шовинизмомъ», и пуще всего стерегла бы душевный покой сосѣдей, особенно же такихъ знатныхъ и высококвализованныхъ, какъ Пруссія и Австрія. Но вольно же руководителямъ нашей виѣшней и внутренней политики принимать газетную трескотню партіі, фальшиво именующей себя «либеральною», за выраженіе русскаго общественнаго мнѣнія! Вольно же, за одно съ нею, робѣть и пренебрегать нашими существенными выгодами! Что такое пользованіе нашимъ правомъ будетъ, можетъ-быть, не по сердцу иностраннымъ державамъ — этого мы не отрицаємъ. Можетъ-быть, въ виду этого пользованія, Берлинскій конгрессъ такъ и расширилъ значеніе Европейской комиссіи, дни которой были уже сочтены. Но мы не думаемъ, чтобы призваніе Россіи состояло лишь въ ублаженіи сердецъ нашихъ сосѣдей, такъ какъ вѣдь и они не тратятъ ровно никакого елея для смягченія нашихъ сердецъ, когда добиваются своихъ национальныхъ выгодъ. Да и не возбуждала еще преждевременно разговора объ опекѣ и о принципахъ, развѣ не могли бы мы тотчасъ же приступить къ расчисткѣ, напр., Очаковскаго протока, котораго оба берега наши, и кто бы могъ намъ это воспретить? Это впервыхъ, а во вторыхъ: развѣ дѣлая Килийскій рукавъ доступнымъ коммерческимъ судамъ всѣхъ флаговъ, Россія не распространяетъ и на него дѣствие международнаго права, установленное Вѣнскимъ конгрессомъ,—только сохраняя при этомъ за собою всѣ права и преимущества, принадлежащія ей какъ береговому владѣльцю?

Вотъ почему, повторяемъ, въ виду 54 ст. Берлинскаго трактата, предоставившей 1882 году рѣшеніе вопроса о продолженіи полномочій Европейской комиссіи, а также въ

виду проекта Баррера, мы полагаемъ, что пріѣздъ въ Петербургъ графа Волькенштейна долженъ подать поводъ къ переговорамъ очень серьезнаго свойства, касающимся нашихъ прямыхъ, существенныхъ интересовъ... Россія имѣть полное право требовать для себя участія въ Смѣшанной комиссіи — не въ качествѣ очереднаго delegata комиссіи Европейской, а въ томъ же качествѣ *прибрежной* державы, какъ и сама Австрія, — и во всякомъ случаѣ поставить свое согласіе на проектъ Баррера въ зависимость отъ признания за Россіей тѣхъ правъ и преимуществъ, которыхъ даны ей въ послѣднее время ея положеніемъ на берегу Килийскаго рукава и обладаніемъ Очаковскаго протока...

Москва, 15 мая.

Москва имѣла наконецъ утѣшеніе привѣтствовать въ стѣнахъ своего историческаго Кремля Государя Болгаріи... Государь Болгаріи! Какъ любезны слуху, какъ знаменательны, какъ полновѣсны эти два слова, которыя однако мы повторяемъ теперь какъ уже нечто обычное, не задерживаясь на нихъ ни мыслию, ни воспоминаніемъ, совсѣмъ, кажется, забывая, что сопоставленіе этихъ двухъ словъ, не далъе какъ пять-шесть лѣтъ тому назадъ, даже и на умъ не всходило не только Русскому, но ни одному Болгарину: до такой явно-несбыточной, чудовищно-дерзкой фантазіи не отваживались дослѣдать самые смѣлые полеты самаго разнузданнаго воображенія!... И несбыточное сбылось. Но какою цѣною? Вотъ этого и не слѣдуетъ забывать ни намъ, ни Болгарамъ. Вѣдь сочетаніе этихъ двухъ словъ: «Государство Болгарское», вѣдь это значитъ — рѣки пролитой русской крови, это — сотни тысячъ погибшихъ русскихъ жизней, это — исполненное нагроможденіе подвиговъ русского мужества, доблести, братской любви и самоотверженія. И не гордости, не самовосхваленія ради слѣдуетъ помнить вамъ это недавнее прошлое, и не ради только того, чтобы умѣть цѣнить послыаемую намъ Богомъ радость во образѣ миллионовъ братій, нами освобожденныхъ, наслаждающихся теперь мирною, свободною жизнью,— а главнымъ образомъ для того, чтобы живѣе соз-

навать тотъ нравственный долгъ, который налагается на Россию самыи этимъ подвигомъ русскимъ, — тѣми по истинѣ узами крови, которыми связана отнынѣ Россія съ Болгаріей. Болгарское государство порождено и крещено русскою кровью, а потому не должно, да и не можетъ никогда стать русскому сердцу чуждымъ. Оно — дѣло рукъ нашихъ, и маинуть на него руками, какъ уже совѣтуютъ у насъ нѣкоторые (чего, впрочемъ не совсѣмъ у насъ русское легкомыслie — оно же и «руссійский радикализмъ»!), мы не имѣемъ права, и не можемъ. Старшій братъ обязанъ руководить первые шаги младшаго брата, котораго онъ же воззвалъ къ жизни, а не отнимать отъ него своихъ рукъ, и потомъ надъ нимъ же глумиться, зачѣмъ онъ остуپаєтъ и падаетъ!

Не слѣдуетъ забывать недавнее прошлое и Болгары. «Государь Болгаріи» — это живой олицетворенный символъ русской победы надъ пятивѣковымъ болгарскимъ плѣномъ. Это воплощенный образъ болгарской свободы и возрождѣнія, — это замогъ лучшей будущности, независимаго бытія и разви-тия. Память о пятисотлѣтнемъ мучительномъ рабствѣ въ плѣну у Турокъ нужна Болгарамъ, должна быть имъ непрестанно присуща для того, чтобы непрестанно созидали они цѣну ниспосланного имъ дара свободы, непрестанно радовались, непрестанно благодарили Бога за свое избавленіе и смирен-ноудренно проходили новое, открывшееся имъ поприще гражданской жизни. Такъ и поступаетъ Болгарскій простой народъ, но не такъ поступаютъ многіе изъ состава такъ называемой болгарской «интелигенціи», — тѣ, которые не пахали, не сѣяли, а только пользовались даровыми плодами не ими вспаханного и посѣянного, позволяютъ себѣ теперь вы-сокомѣрно, безъ толку, судить и рядить о тяжкомъ до кро-ваваго пота трудѣ пахарей и святелей, и легкомысленно-дерзко предъявляютъ къ настоящему, едва слагающемсяуся строю своей еле-ожившей страны — мечтательны, извѣдь на-вѣанны, вздорныя притязанія. Для нихъ полтысачи лѣтъ ту-рецкаго ига какъ будто и не бывало, какъ будто съ нимъ нечего и считаться, или какъ будто именно это долгое прошлое и было тою надеждашею подготовительной школой, по выходѣ изъ которой (съ аттестатомъ пятивѣковой зрѣлости!)

народъ какъ разъ становится готовъ для самого новѣйшаго европейскаго «правоваго порадка»!

Не менѣе живо должна пребывать въ Болгарахъ и память о тѣхъ, что рушили оковы поворнаго плѣна. Не потому только, что народъ съ короткою памятью сердца, не умѣющій быть благодарнымъ, тяготящійся чувствомъ признательности, никуда не годенъ и подиѣ (слава Богу, простой народъ Болгарскій свободенъ отъ такого упрека); но потому именно по-леана и необходима Болгарамъ память о благодѣніяхъ великаго Русскаго народа, что она сильнѣе и сердечнѣе сближаетъ оба народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе связываетъ отнынѣ и ихъ историческія судьбы. Ибо Россіи предопредѣлено быть естественнымъ, законнымъ центромъ тяготѣнія всего Славянскаго міра, который уже начинаетъ слагаться и выступать, именно какъ особый міръ Славянскій, на всецелескай исторической аренѣ. И только тѣ Славянскія племена, которые не извратить въ себѣ этого закона тяготѣнія, которые искренно соблюдаютъ духовную связь съ Россіей, могутъ имѣть участіе въ будущности славянской. Поэтому не разумно поступаютъ тѣ руководители Славянскихъ странъ, которые, изъ фальшиво эгоистическихъ побужденій или измѣряя силы и будущность Россіи мелкимъ мѣриломъ современного дна, насилиуютъ природу своего Славянского племени и стараются вытравить въ немъ инстинктивное влечение къ Россіи. Къ счастію для Болгаріи, это влечение въ ней уже не инстинктивное только, а вполнѣ оправданное соенаніемъ и сердцемъ. Такимъ образомъ, живое чувство благодарности, со-впадаю съ общимъ закономъ тяготѣнія къ Россіи Славянскихъ племенъ и потому еще болѣе усиливая это тяготѣніе, является въ то же время для Болгаріи залогомъ истинной силы и независимаго национального развитія.

Князь Болгарскій, насколько мы можемъ судить, проникнуть именно такимъ убѣжденіемъ. Онъ не честолюбецъ, разными пренсками домогавшійся и достигшій болгарскаго престола. Онъ занялъ престолъ по единогласному призыва Болгарскаго народа, которому былъ указанъ самимъ Царемъ Александромъ смиренной для Болгаръ памяти, и повинуясь Его державному настоянію. Не будучи Болгариномъ по происхожденію, онъ однако же можетъ считаться совсѣмъ чуж-

дымъ ни Болгаріи, ни Россіи, уже и потому, что принималъ участіе, вмѣстѣ съ русскими войсками, въ войнѣ за Болгаръ; но еще болѣе потому, что связанъ тѣснѣшими узами родства, личной преданности и признательности съ самимъ великимъ Освободителемъ Болгаріи, своимъ державнымъ дядей и благодѣтелемъ. Но независимо отъ этикъ нравственныхъ побужденій для главы Болгарскаго государства дорожить своими связами съ Россіей, достаточно только обладать яснымъ, не предубѣжденнымъ умомъ, чтобы признать неразрывность союза Болгаріи съ Русской державой за единое истинное основаніе здравой болгарской политики. Она указуется не только народнымъ чувствомъ, но и прямымъ расчетомъ выгодъ, очевидностью національного интереса. Князь Александръ, кажется намъ, вполнѣ вѣрно понимаетъ и опредѣляетъ отношенія своей страны къ нашему отечеству, чѣмъ и отличается рѣзко отъ своего сосѣда, Сербскаго короля Милана. Остается только желать, чтобы благія усилия государя Болгаріи были искренно поддержаны не только обоями правительствами, болгарскимъ и нашимъ, но и обществомъ обѣихъ странъ...

Странное дѣло! Во всѣхъ славянскихъ политическихъ организмахъ, не исключая даже и Россіи, приходится отличать *народное мнѣніе* отъ такъ-называемаго *общественаго*, или, выражаясь точнѣе: народный влеченія, инстинкты, чувства, идеалы, безспорно народу присущіе, хотя бы и не вполнѣ сознанные, отъ того теченія мысли, которое совершается поверхъ народа, въ болѣе или менѣе «образованныхъ» его слояхъ, въ томъ, что принято называть обществомъ, или теперь «интелигенціей»... Казалось бы, общество есть тотъ же самый народъ, только на высшей своей ступени, ступени сознательного бытія,—но въ *данную минуту* общество, въ Славянскихъ земляхъ, не можетъ называться выразителемъ народнаго самосознанія. Какого рода сознательный процессъ совершается въ обществѣ? Вместо того, чтобы возводить въ сознаніе народную духовную сущность, лежащую въ основѣ всѣхъ явлений народнаго быта и жизни, отрицается прежде всего самая эта сущность, и сознательной дѣятельности подкладывается готовое содержаніе изъ жизни чужой, подсовываются объекты сознанія чужихъ, ра-

кѣ насть выступившихъ на арену науки и мысли народовъ, объекты—для никъ живые, а для Славянъ, да и для насть, если не мертвые, то отвлеченные. Необходимо, конечно, обогащать свое национальное сознаніе опытомъ жизни и духовнаго труда всего предшествовавшаго намъ человѣчества, но вѣдь не слѣдуетъ же изъ этого, что только въ чужомъ опытѣ истина и чужимъ только трудомъ добывается, а намъ у себя искать ее нечего; что мы осуждены только пересознавать чужое сознаніе, а явленія своей *самобытной* жизни возводить въ сознаніе не должны и смѣть,—даже должны ненавидѣть свою «самобытность», если она въ чемъ-либо расходится съ результатами досель добытыми высшими культурными народами! что мы, однимъ словомъ, обязаны глядѣть на себя самихъ и на духовную сущность своего народа не премѣнно въ чужія очи и безбоязненно производить надъ нимъ, презирая права его жизни, быта, преданій и вѣрованій, деспотические эксперименты *in anima vili?*? Совѣстно немножко и растолковывать такія, казалось бы, даже пошлныя истины,—но съ каждымъ днемъ приходится намъ убеждаться, что большинству общества—и не только у Славянъ, но и у насть,—онъ какъ будто еще совершенно чужды. Мы не станемъ здѣсь входить ви въ философское, ни въ историческое объясненіе такого явленія, но укажемъ для примѣра на фактъ, котораго отрицать никто уже не можетъ. Простой Сербскій *народ*, одаренный такимъ богатымъ поэтическимъ творчествомъ, прекрасный и доблестный, какъ и вся православная Славянскія племена, тяготѣтъ душевно къ Россіи (безъ малѣшаго ущерба для своей племенной самостоятельности), влечется къ ней любовью и также чувствомъ признательности. Сербская же *интелигенція* или по сербски «изображеніи люди» (конечно за иѣкоторыми исключеніями) почитаютъ необходимую принадлежность высшей культуры,—у которой они *жакейски* стоять на запятахъ (даже усерднѣе чѣмъ «Голосъ»),—ненавидѣть Россію; мало того, какъ подобаетъ истымъ «Европейцамъ», они тоже выражаютъ опасеніе — «стать жертвою захватовъ ненасытно-алчнаго Русскаго царства»!!! Опасаются Россіи—и лѣзутъ въ пасть Австрійцамъ!... Народъ вѣрить въ Бога, чтить свою церковь, благодаря которой въ особенности и сохранилъ-то онъ свою националь-

ность даже подъ турецкимъ яромъ. *Интеллигенція* хвалится безвѣріемъ, издастъ или утверждаетъ законы церкви унижающіе или разрушающіе, и если честь «изображенныхъ» стоять теперь тамъ за доблестнаго представителя Сербской церкви, столь чтимаго въ Россіи митрополита Михаила, такъ не потому, что оскорблена за попранное достоинство святительского сана, а изъ оппозиціи къ настоящему министерству, изъ видовъ партіи. *Народъ*, какъ и всѣ Славянскія племена, даже и въ рабствѣ оставшійся вѣрнымъ духу соборности или вѣчеваго строя, въ то же время признаетъ необходимость сильнаго единовластія и совершение чуждъ властолюбивой политической похоти: все чтò надъ *народомъ*, напротивъ того, заражено насквозь политическимъ властолюбіемъ или даже просто *политиканствомъ*. Иныхъ господствующихъ интересовъ и нѣтъ: наука, искусство, литература, промышленность, торговля — все это почти въ зародыши и почти не развивается, за то политикановъ — хоть Дунай и Саву ирудятъ, за то партій имѣются всевозможные виды, даже самые новейшіе европейскіе!... Къ чему эта «рознь» привела Сербію — явно, кажется, всякому. Выходитъ такимъ образомъ, что дѣла, которыя совершаются народъ, интеллигенція раздѣлываєтъ; то, чтò онъ созидаетъ, интеллигенція разрушаетъ; народъ идетъ направо, интеллигенція тащитъ его налево, и государство, поставленное между двумя противными двигателями, колеблется, шатается, и если двигатель народный не пересилить, оно не минуетъ гибели или разложения...

Великое, святое дѣло освобожденія Болгаріи есть безспорно подвигъ всего Русскаго народа; не однѣ, конечно, массы простонародья принимали въ немъ участіе (и участіе вполнѣ сознательное), но *народныи*, несомнѣнно, характеромъ запечатлѣнъ весь этотъ героическій эпизодъ русской исторіи. Даже тѣ, чтò хвастливо величаютъ себя у насъ именемъ «интеллигенціи» или же «либераловъ» (!), хотя и глумились до начала войны, однакоже потомъ — частію невольно подчинились силѣ народнаго духовнаго подъема; частію просто присмирѣли. Тѣмъ не менѣе, при первой же неудачѣ, а затѣмъ и по окончаніи войны, тотчасъ возобновили они свое глумленіе, да еще съ болѣшимъ ожесточеніемъ... «Голосъ», до изданія манифеста о войнѣ, проповѣдывалъ устами иѣко-

его государственного мужа, что не наше дѣло освобождать Славянъ: это-де подобаетъ лишь народамъ высшей культуры (мы видимъ теперь, какъ освобождается Славянъ «высшая культура» Австріїцевъ!) Потомъ же, когда освобожденіе Болгаръ совершилось,—въ печати и въ обществѣ извѣстнаго разряда (которому ищутъ всего на свѣтѣ претить проявленіе самобытнаго, народнаго духа) началась самая бѣшеная, мертвостная и подлая оргія осмѣянія, самооплеванія и всѣческаго наругательства надъ подвигомъ народнымъ. Правда, съ точки зреінія «гуманизма» Русскому народу прощалось «освобожденіе рабовъ», но подъ условіемъ отнять скорѣе изъ-подъ дѣла его подкладку религіознаго сочувствія славянскаго братства, и облагородить подвигъ самоотверженія сотенъ тысячъ русскихъ солдатъ (отдавшихъ, по евангельски, душу за други своя) чѣмъ-нибудь болѣе культурнымъ и европейскимъ. *Народъ* освободилъ Болгаръ, готовъ былъ освободить все христианство отъ магометанскаго ига и уже собирался водруить крестъ на Св. Софіи, а «интелигенція», въ лицѣ дипломатовъ, вспомоществуемая такъ-называемою (конечно ложно) «либеральною» частью общества, заставила остановить напоръ русскихъ войскъ, сорвала съ нихъ вѣнецъ побѣды, раздробила «цѣлокупную» Болгарію, сохранила за нею данничество Туркамъ и заключила Берлинскій трактатъ, при громкихъ кликахъ «Голоса» и К'... Русскій народъ освободилъ, Болгарскій народъ принялъ даръ свободы и съ своей стороны готовъ былъ понести всѣ жертвы для созданія прочнаго, крѣпкаго внутри и извнѣ государственного организма: такъ, благодаря русскимъ офицерамъ, мирные болгарскіе селяне покорно и быстро превратились въ отличныхъ солдатъ и образовали *регулярное* войско, которому подобнаго нѣть на Балканскомъ полуостровѣ... Онъ также, этотъ Болгарскій народъ, руководимый мудрымъ своимъ инстинктомъ, желалъ лишь сильной государственной власти,—но «интелигенція» нашла нужнымъ наградить его «конституціей». Казалось бы, примѣръ Сербіи служить прямымъ указаниемъ и для Болгаръ: чего дѣлать не должно. Если бы Сербія, вѣдѣто заботясь объ украшениіи себя европейскою конституціей, съ самого начала своего бытія позаботилась объ укрѣпленіи своего государственного строя на основаніи истинно народ-

номъ, о развитіи воинной силы, промышленности, торговли, и поставила себѣ задачей—не упустя ее изъ виду ни на минуту—раздвинуть свои узкие предѣлы, присоединить къ себѣ Боснию и Старую Сербію,—нѣтъ сомнѣнія, она стала бы средоточиемъ, къ которому тяготѣло бы со всѣхъ сторонъ Сербское племя. Создавъ себѣ прочное государственное бытіе, она и могла бы затѣмъ идти всѣмъ племенемъ къ просвѣщенію и развитію гражданской свободы на своеобразной славянской основѣ. Но сербская интеллигентія позаботилась прежде всего о томъ, чтобы Сербія могла похвалиться парламентомъ, точь въ точь какъ старая Европа, и обзавелась правленіемъ *партий*... Партии завелись и враждуютъ какъ слѣдуетъ,—а Боснія съ Старой Сербіей потеряны едва ли не на вѣки,—да потеряны и симпатіи къ Шумадіи всего осталаго Сербскаго народа.

Всякая западно-европейская конституція съ парламентаризмомъ (которая и на материкѣ Европы является до сихъ поръ неудачной копіей съ оригинала, т. е. съ конституціи англійской, которая въ Англіи *своя*, органически сложившаяся, «самобытная»),—всякая такая конституція, называемая Славянскимъ племенамъ, приличествуетъ имъ какъ коровѣ сѣдо. Славянскія племена—демократическая по преимуществу, не въ смыслѣ термина извѣстной доктрины, но въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ значеніи дѣйствительного бытowego факта, соціального и экономического. Другими словами: народнымъ массамъ принадлежитъ преобладаніе и по численности, и по отношенію къ землевладѣнію и, наконецъ, по жизненной крѣпости національного духа. Ибо Славянскія государства сложились не изъ наслоеній завоевателей надъ завоеванными, не знали феодализма и вызванного послѣднимъ на Западѣ усиленного развитія *городскихъ* общинъ—въ ущербъ *селу*. Конституционныя формы Запада, обусловленные всѣми особенностями *его* исторіи, никогда не имѣли въ виду того демократического элемента, какой составляетъ основу славянскихъ общественныхъ организмовъ. А такъ какъ преобладаніе или бессиліе этого элемента не можетъ не оказывать своего воздѣйствія, и внѣшнаго и нравственнаго, на самый государственный строй, то и самый этотъ строй, очевидно, не можетъ быть одинаковъ у Славянъ и въ Запад-

ной Европѣ, тамъ гдѣ преобладаетъ село, и тамъ гдѣ преобладаетъ городъ. Правда, народныи массы нигдѣ не заражены похотью народовласти и чаютъ отъ государства лишь защиты для мирнаго, честнаго и благоденственнаго житія, почему пуще всего и алчутъ надъ собою власти - сильной на добрую помощь и грозной на злодѣевъ. Если таковы народныи массы *всюду*, то не можетъ таковое ихъ воззрѣніе не выразиться *съ характеромъ преобладанія*, такъ-сказать императивно, и въ самомъ политическомъ строѣ тѣхъ государствъ, гдѣ онъ числитъ и соціально преобладаютъ,— особенно тамъ, гдѣ онъ (какъ въ Россіи) составляютъ 80%, населенія! Кажется—ясно. Русскій народъ говоритъ: «умъ хорошо, а два лучше». Онъ охотно прибавитъ: а двѣsti, двѣ тысячи еще лучше, и тѣмъ лучше, чѣмъ больше съ разныхъ и противоположныхъ сторонъ обсуждается данный предметъ. Но не приходило въ голову русскому человѣку сказать: «одна *воля* хороша, а двѣ или двѣsti еще лучше...» Онъ понимаетъ Земскій Соборъ, совѣтъ Земли при единой верховной рѣшающей волѣ, но не вмѣшается въ свою мысль парламента съ правленіемъ партій и большинства голосовъ. (У насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ находятся люди, которые смигновѣнно русское земское начало съ конституціонизмомъ, и тѣмъ задерживаютъ наше национальное развиціе!).

И такъ, чтобы облагородить и обѣвропеить религіозный, национальный подвигъ Русскаго народа, рѣшено было надѣлать Болгарскій народъ конституціей, которую первоначально и сфабриковали наши доморощеніе «выученики» (выражаясь петербургскимъ нарѣчіемъ) иностраннѣыхъ мастеровъ конституціонныхъ дѣлъ. Отшлифовывали же ее и подвергали ученої пробѣ *съ самомъ Петербургомъ* эксперты, навербованные, кажется, въ бывшемъ II Отдѣленіи, при помощи одного изъ профессоровъ-публицистовъ. Никто изъ нихъ, если не ошибаюсь, не только въ Болгаріи не былъ и Болгарскаго народа не видалъ, во едва ли даже зналъ о немъ и по книжкамъ. Да и зачѣмы! Взяли нѣсколько конституцій, румынскую, бельгійскую и другихъ разныхъ странъ, да и смастерили: «общечеловѣческое»-дескатъ! Эту конституцію отдали потомъ на обсужденіе тоже интелигенціи, но на этотъ разъ бол-

гарской, которая — увы! — хотя сама только-что вышла из народа, но, воспитавшись большей частью въ Россіи и выучась, въ русской средѣ, предпочтительне предъ всѣми науками, наукѣ либерального пустословія и презрительному отношенію къ самимъ завѣтнымъ духовнымъ основамъ народной жизни, — оказалась конечно неспособною къ созиданію. Она постаралась и при помощи русскихъ, облеченныхъ во власть «интеллигентовъ», успѣла обрадикализъ русскій проектъ европейскаго «правового порядка» по всѣмъ правиламъ и «послѣднимъ словамъ» крайнихъ европейскихъ доктринъ. Такимъ образомъ и русская и болгарская интелигенція, ничтоже сумнія, заставили освобожденную Русскимъ народомъ Болгарію — сдѣлать *salto mortale* изъ эпохическаго периода прямехонько въ Европу конца XIX вѣка! Вотъ и вышла конституція, одна изъ самыхъ радикальныхъ, при которой верховная власть обращалась чуть не въ нуль, а вся сила власти надъ бѣднымъ Болгарскимъ народомъ передавалась министру, поддерживаемому подтасованнымъ большинствомъ болѣе или менѣе нѣвѣжественнаго собранія.

Великій грѣхъ принялъ на свою душу Россія, навязавъ Болгарскому народу конституцію русскаго издаѣля по западноевропейскому образцу, напаливъ на Болгарію эту шутовскую одежду, спитую «российскими портными изъ Лондона и Парижа», да еще подпоротую болгарскими ихъ учениками, — отравивъ, исфальшививъ, искалечивъ нравственно все общественное бытіе родной намъ страны съ самыkh первыхъ дней ея свободы. Тамъ, гдѣ такъ нужно было дружное, искреннее единеніе всѣхъ, малочисленныхъ еще интеллигентныхъ силъ, съ самого начала подорвали единство; израстили, «яло благо», сознательно и искусственно раздоръ въ видѣ различныхъ партій, ибо-де такъ неиздѣ водится въ Европѣ. И вотъ, появился и «либералы», и «консерваторы», появляются даже и «радикалы» или «соціалисты», но отношенія партій между собою конечно не европейскія, а такія, какія могли возникнуть на почвѣ нравовъ воспитанныхъ пативѣковымъ азартскимъ игомъ — грубыя, страстныя, испоѣщенные ненависти, орудующія беззастѣнчиво клеветою, доносомъ и всѣми видами козней. Въ странѣ, которая только-что вышла на скѣвъ Божій во всей первобытной простотѣ общественной форма-

ци—всѣхъ внезапно обуяла жажда властоватъ и командовать другъ надъ другомъ,—всякій почелъ себя годнымъ въ министры и погѣзъ въ министры. Школьное дѣло, которое тамъ процвѣтalo въ Болгаріи еще подъ рабствомъ Турокъ, которое, выѣхавъ съ церковью, соблюло болгарскую национальность въ пятисотлѣтней неволѣ, тотчасъ же было пре-небрежено и ушло, такъ какъ всѣ школьные учителя потянулись въ администраторы... Все это «зданіе» увѣнчано было самой разнудзанной свободой печати, при отсутствіи въ то же время правильно устроенныхъ судовъ и всякаго чувства дисциплины въ самикъ издателяхъ. Само собою разумѣется, что печать обратилась въ ристалище наигрубѣйшихъ взаимныхъ оскорблений и самаго дерзкаго отношенія къ достоинству власти. А безъ соблюденія гражданами достоинства государственной власти, равно какъ и безъ готовности подчинить свой эгоизмъ идеѣ цѣлаго и личный свой интересъ интересу общественному, немыслимо никакое гражданское общежитіе... Мы впрочемъ не имѣемъ права строго обвинять Болгаръ: вообразимъ только себѣ, каково было бы состояніе страны, въ которой верховная безграницная власть сосредоточилась бы въ рукахъ... ну хоть фельетонистовъ нашихъ минималиберальныхъ газетъ!...

Такому положенію дѣлъ нельзя было продолжаться, и никакое лицо облеченнное въ званіе «главы государства» не могло, безъ позора для себя и безъ гибельнейшихъ послѣдствій для самой Болгаріи, терпѣть дольше такой «правовой порядокъ». Читателямъ «Руси» известно наше мнѣніе о политическомъ переворотѣ, произведенномъ годъ тому назадъ княземъ Александромъ. Не одобряя всѣхъ его формъ и частностей (вина которыхъ, впрочемъ, лежитъ скорѣе на русскихъ совѣтникахъ князя), мы признавали этотъ переворотъ немѣжимымъ.... Мы надѣались, что здравый смыслъ болгарского городскаго населения возобладаетъ, что недугъ, зараженный въ самомъ началѣ, можетъ быть легко излѣченъ,—что болгарская интеллигенція принесетъ наконецъ въ жертву патріотизму жалкіе интересы своихъ нелѣпыхъ «партий» и, руководимая только любовью къ своей землѣ и народу, постарается облегчить своему правительству восстановленіе общественного единства и государственной дисциплины. Къ

божалѣнію; мы ошиблись. Забывъ о благѣ Болгаріи, партии помнили только о себѣ, о своихъ выгодахъ и преимуществахъ, предъявляли только свои личные счеты, пререкались, торговались, и въ концѣ-концовъ требовали возстановленія «конституціи». Даже примѣръ Сербіи ничему иль не научилъ.... Мы перестали наконецъ помышлять всякия корреспонденціи изъ Болгаріи, которыхъ мы получали не мало отъ представителей обѣихъ враждующихъ между собою сторонъ: до такой степени всѣ они дышали духомъ пристрастія или злобы къ противникамъ, что разобраться, гдѣ правда и на сколько ея тутъ, насколько тамъ, было положительно невозможно; къ тому же всѣ онѣ вмѣстѣ представляли какую-то бурю въ стаканѣ воды. Бѣда маленькому государственному организму, если все содержаніе его жизни поглощено «политическими интересами» или, по просту говоря, *политиканствомъ*: всякий пустякъ возводится въ событие, всякая соринка въ темную тучу, всякой мелочной недосмотрѣ въ преступленіе; все обращается въ сплетню, сплетней живеть, питается и дышеть. Получали мы извѣстія и о «митингахъ», (какъ тѣшить ихъ, словно дѣтей, самое это слово!), о «демонстраціяхъ», о «депутаціяхъ», получали и программы: то «на либеральна-та партія-та», то «на консервативна-та партія-та».... Слишкомъ претило намъ, слишкомъ больно было намъ видѣть въ дорогой намъ Болгаріи весь этотъ вздоръ, всю эту комедію праздныхъ словъ и названий, всю эту либеральную фельетонщину, перенесенную въ самую жизнь страны, даже въ простую, здоровую среду Болгарскаго сельскаго народа, который каждая партія наперерывъ безжалостно усиливалась обмануть, обмороить, сбить съ толку.

Намъ особенно тягостно было это еще и потому, что мы всегда признавали въ Болгарскомъ народѣ — мирномъ, трудолюбивомъ, склонномъ къ серьезной наукѣ — добрые задатки для свободной сознательной дисциплины, необходимышиаго условия гражданского бытія. Мы даже усматривали въ немъ этихъ задатковъ больше чѣмъ въ Сербскомъ племени. Мы и теперь не измѣнили нашего мнѣнія и продолжаемъ пока еще упорно вѣрить въ будущность Болгарскаго народа. Мы умоляемъ болгарскую «интеллигенцію» склониться надъ своимъ народомъ, не рѣдить его въ антиславянскій кон-

ституционный мундиръ, въ которомъ онъ глядить жалкою обезьяной или арлекиномъ, и уразумѣть, что государственное строеніе, для прочности своей, требуетъ отъ дѣятелей непремѣнно *договорицкаго* и *самоотверженаго* труда. И откуда эта нетерпѣливость и нервность, которыхъ не проявляли Болгары даже подъ недавнимъ управлениемъ Мидхата-паши?! Пусть на первомъ планѣ и первой заботою каждого будетъ созданіе сильной, крѣпкой, верховной государственной власти. Вѣдь страна, окружающая почетомъ иуваженiemъ достоинство представителя власти, чтить иуважаетъ свое собственное достоинство. Пусть исчезнуть навсегда самыя эти дурацкія клички «консерваторъ» и «либералъ»; пусть всѣ Болгары, въ какой бы партіи кто прежде ни числился за грѣхи свои, сольются въ одну, не партію, но дружину, одушевленную однимъ помысломъ—помысломъ о благѣ родной имъ Болгаріи,—однимъ чувствомъ—любви къ своему народу,—однимъ сознанiemъ: сознаніемъ гражданскаго долга—содѣйствовать всѣми силами ума и души утвержденію болгарскаго престола и государственного строя въ своемъ зачинающемся государствѣ. Пусть сокроются всѣ около своего князя, занѣщанаго имъ Царемъ-Освободителемъ, готоваго отдать Болгаріи всѣ свои молодыя силы, только бы отвѣчали Болгары ему довѣріемъ и любовью,—и представляющаго къ тому же для Болгаріи, въ своемъ лицѣ и по своимъ связямъ съ Россіей, надежный залогъ политической независимости—въ виду жаждущей болгарскихъ раздоровъ, а можетъ быть и сбывающей ихъ, Австро-Мадырской монархіи!...

Да не пора ли ужъ поменьше заниматься политикой, а отвлечь отъ нея вниманіе на дѣла науки, искусства, промышленности и торговли въ этой, древле-исторической, богатой и археологическими сокровищами и всѣми вещественными дарами природы, благодатной странѣ?

Мы рады, что встрѣтили въ «Гласѣ Черногорца» (18 №) категорическое опроверженіе смутившихъ насъ слуховъ, будто Австро-Венгрій поведены съ Черногоріей переговоры о вознагражденіи послѣдней за услуги, оказанныя Австріи въ борьбѣ съ герцеговинскими усташами, присоединеніемъ къ

черногорской территории одного или двухъ округовъ герцеговинской земли. Что Черногорское правительство на такій предложеніи Австріи отвѣтило бы отказомъ, мы въ томъ были и пребываемъ увѣрены, но что Австрія была бы не прочь ввести Черногорское правительство во искушение и поставить его въ такое положеніе, при которомъ самъ отказ въ присоединеніи округовъ былъ бы затруднителенъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Извиняемся предъ до-стоуважаемой черногорской газетой въ неправильной ссылкѣ на нее, послѣдовавшей на основаніи телеграммы Меж-дународнаго Агентства, исказившей смыслъ статьи «Гласа Черногорца». Впрочемъ, главнымъ поводомъ къ нашей за-мѣткѣ послужили тревожные письма нѣкоторыхъ Герцего-винцевъ....

Москва, 12 июня.

События у насъ дома (потому что увольненіе графа Игнатьева и замѣна его графомъ Толстымъ безъ сомнѣнія—события для внутренней жизни Россіи) нѣсколько отвлекли вниманіе рус-скаго общества отъ шутовскаго, но вмѣстѣ и ужаснаго зрѣлища польско-австрійскаго правосудія, совершающагося въ настоя-щую минуту почти у самого нашего рубежа. Дѣйствіе проис-ходитъ въ пограничной съ Россіей области Австро-Венгер-ской монархіи, въ Галиціи или древнемъ русскомъ Галичѣ, когда-то входившемъ въ черту владѣній нашего Владимира Святаго, затѣмъ самостоятельномъ княжествѣ и даже коро-левствѣ съ знаменитыми Даниломъ и Романомъ,—затѣмъ вошедшемъ въ составъ «крулевства Польскаго» и наконецъ, при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 г., доставшемся Австріи. Этотъ Галичъ или, какъ теперь принято говорить, Галиція населена (кромѣ съверовосточной ея части, поль-ской) кореннымъ Русскимъ народомъ, ничѣмъ не отличаю-щимся отъ Русскихъ Киевской или Подольской губерніи, пріявшимъ св. крещеніе такъ-сказать въ одной купели со всею Русью, не давшимъ сорвать себѣ окончательно въ латинство даже и до сей поры, несмотря на всѣ ухищренія, гоненія, соблазны, на всѣ козни и казни, воздвигнутыя польско-іезуитскими фанатиками и алобою. Окончательно

погибли для своей народности и для Славянства, т. е. оказались и ополячились—дворянские русские роды (точно такъ же какъ и на нашей юго-и съверо-западной Украинѣ,— точно такъ же какъ олатинились, смадьярились они и въ Угорской или Венгерской Руси. Простой же народъ какъ въ Галиціи, такъ и въ Угорской Руси, сохранился вполнѣ русскимъ, сохранилъ и свой грековосточный обрядъ, и славянскій языкъ въ богослуженіи,— но только въ формѣ насильственно навязанной ему ученой, т. е. чего-то средняго между латинствомъ и православиемъ, съ признаніемъ главенства и власти римского папы....

На самыхъ этихъ строкахъ настъ прервало слѣдующее соображеніе: мы вотъ считаемъ нужнымъ, по поводу уголовнаго процесса объ 11 русскихъ Галичанахъ, сообщить хоть эти поверхностныя свѣдѣнія о Галиціи нашимъ читателямъ, такъ какъ огромное большинство русскаго, не только просто грамотнаго, но и «образованнаго» общества, къ стыду нашему, даже и этихъ скучныхъ свѣдѣній о своихъ близайшихъ единоплеменникахъ не имѣть,— а между тѣмъ Австрійцамъ всюду въ Россіи мерещатся «панслависты»! Пусть встревоженные сердца австро-мадьярскихъ и австро-польскихъ политиковъ и прокуроровъ ублажать себя чтеніемъ нашихъ *мнимо-либеральныхъ* газетъ и журналовъ, которые не перестаютъ издаваться надъ идеей «славянской взаимности» и грубо отталкивать малѣйшее проявленіе племенной, естественной симпатіи къ нашему отечеству Русскаго въ Галиціи народа, рекомендуя ему обращаться съ своей симпатіей къ Полякамъ, или же мечтать объ ослабленіи и раздробленіи Россіи съ выдѣломъ изъ нея какого-то хохломанскаго царства! Да что наша «либеральная пресса»! Развѣ есть поверхностное знаніе исторіи, географіи и этнографіи Славянства введенено въ курсъ того общаго образованія, которое получаетъ русское юношество въ среднихъ и высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ? Наші учебники, образцы, руководства, источники и мѣрила знаній заимствованы всѣ изъ Германіи: какъ нѣмецкій профессоръ всеобщей исторіи почти никогда ничего основательно не знаетъ объ историческихъ судьбахъ не только Славянскихъ племенъ, но даже всей Восточной Европы, не исключая Византійской имперіи

(это все предоставляемся въдать лишь немногимъ специалистамъ), такъ и наши «ученые» мужи западной исторической науки не переступаютъ въ своихъ лекціяхъ о всеобщей или даже европейской истории тѣснаго кругозора своихъ учителей. Ошибка во французской или англійской хронологіи можетъ лишить у насъ аттестата зрѣлости или кандидатскаго диплома, и наоборотъ круглѣйшее невѣжество крупнѣйшихъ событій или чего бы то ни было существеннаго, относящагося до Славянскаго міра, не только въ счетъ не ставится, но какъ бы обязательно украшаетъ собою почти всякаго штитомца нашихъ гимназій и университетовъ. Полагаемъ, что и тотъ специальный экзаменъ, которому подвергаются въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ юноши, домогающіеся дипломатической карьеры, чуждъ наималѣйшаго прикосновенія къ міру Славянскому; впрочемъ, въ упомянутомъ министерствѣ даже и до сей поры департаментъ вѣдающій всѣ дѣла Балканскихъ Славянъ называется Азіатскимъ (чѣмъ такъ обижаются теперь Болгары и Сербы)!... И однакожъ, несмотря на все это, у австро-мадьярскихъ политиковъ душа не на мѣстѣ! Иностранцамъ мудрено и понять, чтобы мы такъ искренно - простовато, съ легкимъ сердцемъ, ничтоже сумнясь, пренебрегали своими истинными национальными интересами, отрицались Славянства, отвергали именно то, въ чемъ, по вѣрному соображенію самихъ иностранцевъ, заключается для насъ источникъ великой политической силы въ Европѣ и чѣмъ они, на нашемъ мѣстѣ, не преминули бы уже давно воспользоваться. Чтобы мы, однимъ словомъ, такъ добродушно, изъ угожденія имъ, сами себя ослабляли и даже, по чувству отмѣнной деликатности, конфузясь собственной мочи и вообще слишкомъ крупной своей величины и вѣса, подбирались, бжались, малились, старались походить на совсѣмъ субтильного политического субъекта! Подобно Гоголевскому городничему, который, по его словамъ, каждый разъ, ложась спать, взывалъ къ Господу лишь о томъ, какъ бы такъ все устроить, чтобы «начальство было довольно», — не воздыхали ли бывало и у насъ только о томъ: какъ бы вести нашу политику такъ, чтобы Европа осталась довольна? Всѣ эти наши старанія однакожъ ни чему не помогли и не помогаютъ. Намъ все-таки не вѣрятъ, нась боятся, нась

ненавидятъ. Во снѣ и наяву австро-мадьярскимъ государственнымъ мужамъ грезятся «московскіе рубли» (можеть-быть даже *кредитки*), «московскіе эмиссары»... И нельзя не признать, какъ мы ужъ на это указывали, что ихъ недовѣріе не лишено основанія: потому что нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется историческій природный инстинктъ, и увлекаемая словно роковою случайностью, вопреки «совѣтамъ благоразумія», наперекоръ своимъ дипломатамъ, политикамъ, верховодцамъ, бюрократамъ, генералитету и нижнимъ чинамъ такъ-называемой «либеральной интелигенціи», и конечно безъ всякихъ предварительныхъ рублей и эмиссаровъ, Россія то тамъ, то здѣсь (въ предѣлахъ Балканского полуострова) поддержить, поставить на ноги, освободить Славянское племя, сверкнетъ и прогремитъ предъ всѣмъ міромъ Славянской державой—даже явственнѣе чѣмъ предъ собственной своей правящей канцеляріей, даже какъ бы на зло сей послѣдней! Мы-то у себя дома знаемъ, что сверкнетъ—и померкнетъ, прогремитъ—и заглохнетъ; мало того, сама станетъ дивиться тому, что натворила, чуть ли не сожалѣть, чуть ли не отпираться отъ своего великаго подвига, даже сваливать вину его на Петра или Ивана (какъ, по поводу войны 1877 г., недавно печаталось въ «Русскомъ Курьерѣ» или въ одномъ изъ органовъ печати съ нимъ единомысленной). Мы-то вѣдаемъ, что не только общеславянское, но и русское народное самосознаніе расстѣтъ у насъ страшно туда, еле-еле пробираясь сквозь разные «культурные» съ Запада наносы, слоями покрывающіе нашу общественную духовную почву. Но наши сосѣди, какъ мы уже сказали, хотя знаютъ наше внутреннее положеніе не хуже насть, мало даютъ вѣры этимъ успокойительнымъ признакамъ, и одержимые постояннымъ страхомъ—какъ бы не повторилась недавняя «роковая случайность» и не распространялась, пожалуй, на славянскія населенія къ западу отъ Россіи,—самый этотъ страхъ и положили въ основаніе своей вѣшней,—а Австрія—и внутренней политики. И вотъ, въ числѣ ихъ политическихъ, относительно Россіи, задачъ на первомъ мѣстѣ стоитъ задача: какъ можно болѣе затруднить ростъ ея національного самосознанія, особенно въ русскихъ сферахъ, обзываю его «панславизмомъ», т. е. стремленіемъ къ объединенію всѣхъ Славянъ,—иначе сказать—

покушениемъ на цѣлость Австрійской монархіи! Достаточно въ Россіи Русскому быть вполнѣ и сознательно русскимъ и любить свою народность, для того чтобы стать подозрительнымъ въ глазахъ не только Австріи, но и Германіи; если же сверхъ того, въ этомъ Русскомъ дѣйствуетъ и славянское «самочувствіе», по модному теперь выражению нашихъ медиковъ, хотя бы и чуждое всякихъ политическихъ затѣй и помысловъ, то таковой содержится у нашихъ сосѣдей въ подозрѣніи сугубомъ! Вотъ почему такъ иностранцевъ и занимаетъ не только нашъ дипломатический, но даже и административный домашній персоналъ, и ничего въ мірѣ такъ они не боятся, какъ народного направленія въ русской политикѣ, даже внутренней... Жить подъ гнетомъ такого постояннаго страха конечно не сладостно. Хотя относительно Австріи Россія безгрѣшна какъ младенецъ (не виновата же она, что однимъ на свѣтѣ бытіемъ уже отравляется покой австро-мадьярскаго правительства!), — тѣмъ не менѣе мы готовы были бы даже пожалѣть о немъ, еслибы этой его не-угомонной русофобіи, этому кошмару его преслѣдующему не было еще и другой причины: нечистая совѣсть по отношению къ подвластнымъ ему Славянамъ,—глухое сознаніе своей, относительно ихъ, неправды! Это конечно усиливаетъ чувство страха, а страхъ—плохой совѣтникъ—заставляетъ бѣдное австрійское правительство терять всякое равновѣсіе духа и дѣйствовать подчасъ не только наперекоръ всякимъ элементарнымъ требованіямъ правомѣрности и справедливости, но своимъ собственнымъ очевиднымъ интересамъ. Именно всему этому и служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ то, что творится теперь во Львовѣ, столицѣ Галича, къ которому мы и возвратимся.

Галичъ! гдѣ твои сыны?

спрашивалъ еще лѣтъ слишкомъ сорокъ назадъ (когда о Галичѣ никто почти у насъ и не думалъ!) Хомяковъ, поѣтивши Кіевъ и не видя Русскихъ Галичанъ въ толпѣ бого-мольцевъ, собравшихся отвсюду, гдѣ живетъ Русское племя:

Горе! горе! ихъ спалили
Польши дикие костры,
Ихъ сманили, ихъ пѣнили
Польши шумные пары!

Всего же Русского племени подвластного Австро-Венгрии находится въ ея предѣлахъ около 5 миллионовъ, изъ которыхъ собственно въ Венгрии слишкомъ 800.000 (о нихъ и ихъ печальной судьбѣ подъ мадьярскихъ, азіатскимъ бичемъ расскажемъ когда-нибудь особо); въ австрійскихъ же провинціяхъ— въ Буковинѣ, населенной по преимуществу православными Румынами, около 500 тысячъ и собственно въ Галиції, присоединенной къ Австріи лишь сто десять лѣтъ назадъ, до 3^{1/4} миллионовъ.

Достаточно повидимому однихъ этихъ данныхъ для того, чтобы признать задачу австрійского правительства не изъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть подъ своею нѣмецкою властью цѣлое Русское племя обокъ съ Русскою же могущественною державою кажется чѣмъ-то противоестественнымъ. Однако же, благодаря политической честности или, какъ выражаются наши сосѣди, *лояльности* Русского въ Галиціи населения, его покорности, благоразумію и долготерпѣнію, а главнымъ образомъ благодаря Россіи, владѣніе Галиціей представляло до сихъ поръ для австрійского правительства несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ владѣніе какою-нибудь Итальянскою провинціей, или чѣмъ установление правильныхъ отношеній къ Венгрии. *Никогда, ни разу* ни русская государственная власть, ни русское общество не употребили во зло тѣ повидимому выгодныя условія, въ которыхъ поставлена къ Австрійской монархіи, своимъ сосѣдствомъ съ Русью Галицкою, Россія. Не только какой-либо агитацией для пропаганды никогда ни русскимъ правительствомъ, ни кѣмъ-либо изъ поданныхъ Русской Имперіи въ предѣлахъ Галиціи (да и нигдѣ въ предѣлахъ Австрійскихъ владѣній) не производилось, но относительно Галиціи образъ дѣйствій Россіи былъ даже запечатлѣнъ особою щепетильною осторожностью, въ виду ревнивой подозрительности австрійскихъ властей. Нельзя же называть агитацией скучную, почти нищенскую помощь, изрѣдка оказываемую какой-либо бѣдной разрушающейся православной церкви или вообще православію, или сношеніе и взаимное содѣйствіе ученыхъ и литературныхъ обществъ въ сферѣ такъ-называемой *славистики*, т. е. славянской археологіи, филологіи и этнографіи, славянской словесности и искусства. Этого мало. Русское правительство

ни разу, даже въ принципѣ, не поддалось соблазну извлечь для себя выгоду изъ политического осложненія дѣль въ съѣдней монархіи, — представлявшаго, казалось бы, не мало удобствъ для русскаго властолюбія, еслиъ только русское правительство было таковыемъ дѣйствительно одержимо. Наши побѣдоносныя войска побывали въ 1849 г. и въ Угорской Руси и въ Южной Галиції, и укротивъ для Австріи Венгрию, съ которой Австрія не могла сладить, пресмиренехонько оставили эти Славянскія земли, не воспользовавшись случаемъ для политической пропаганды и даже не заручившись вещественно въ вѣрности союзника, которому, какъ оказалось вскорѣ затѣмъ, нельзя было на слово вѣрить. Россія не искусила ни предложеніями Наполеона I, ни даже не очень давними политическими соображеніями той самой державы, которая, можетъ-быть именно потому что не добилась согласія отъ Россіи на свои замыслы, ударилась такъ-сказать въ противоположную сторону и теперь поддерживаетъ Австрію въ ея враждебной Россіи политикѣ. Мы лично знали человѣка, которому германскій канцлеръ во время бно очень убѣдительно доказывалъ необходимость для Россіи присоединить къ себѣ Галицію... Однимъ словомъ, дѣло обстоитъ такъ: *Россія* пребыла отъ начала и до сихъ поръ непреклонно честною относительно Австро-Венгерской монархіи, и за это должно-быть и платить Россіи послѣдняя тою своей неблагодарностью, которой міръ и сама Россія уже и перестали дивиться; *Русское населеніе въ Галиції* доставляетъ для австрійской арміи самыхъ лучшихъ, надежныхъ солдатъ, вслѣдствіе чего Галиція и признается самымъ драгоцѣннымъ камнемъ Австрійской короны: за это-то, вѣроятно, австрійская власть и обращается съ Русскимъ населеніемъ хуже, грубѣе, презрительнѣе, чѣмъ съ другими иносплеменными своими подданными, и своею административною политикою какъ бы испытываетъ его долготерпѣніе и вѣрность...

Въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи управлять первою было не трудно. Народъ былъ радъ промѣнять польское верховное владичество на нѣмецкое. Извѣстно, каковы были государственные порядки въ прежней Польшѣ до ея расчлененія. Извѣстно также это замѣчательное свойство польского правящаго класса, *шляхетскаго*, возбуждать къ

себѣ ненависть простонародныхъ массъ, которая въ глазахъ польского шляхтича не болѣе какъ быдло—скотъ: возрѣніе вошедшее въ шляхетскую плоть и кровь. Мы знаемъ, каковы были отношенія къ польской шляхтѣ крестьянъ *польскихъ*, связанныхъ съ нею единоплеменностью и единовѣріемъ; только благодаря Россіи, почувствовали они себя полноправными гражданами своей земли. Можно себѣ представить, каковы были эти отношенія польской, не только католической, но ультрамонтанской, іезуитскими дрожжами проквашеной шляхты къ быдлу русскому и православному! Да тутъ и представлять себѣ нечего,—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія нашей Украины съ ея казацкими войнами и недавнее злополучное прошлое, даже не совсѣмъ исчезнувшее и теперь, нашей Сѣверозападной окраины. Не лучше было положеніе и униатской Галицкой Руси, гдѣ русская народность пребывала исключительно въ массахъ простонародья, въ крестьянахъ и въ духовенствѣ, такъ какъ землевладѣльцы и вообще весь верхній слой общества принадлежали къ народности польской (по происхожденію или вслѣдствіе отступничества русскихъ дворянскихъ родовъ). Политикъ Австріи указывалъ, повидимому, путь очень опредѣленный: опереться на русскія народныя массы противъ польскихъ властолюбивыхъ притязаній, поднять ихъ экономическое благосостояніе и гражданское значеніе, и привязать ихъ къ себѣ прочными узами благодарности, конечно не въ австрійскомъ, а въ русскомъ смыслѣ этого слова. Этого пути и держалась Австрія съ нѣкоторыми перерывами довольно долгое время, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что культура нѣмецкая, хотя бы и сквозь австрійское сито, все-таки выходила выше и благотворнѣе польской, и что, съ другой стороны, положеніе русскихъ крестьянъ по сю сторону австрійского рубежа, совсѣмъ закрытѣнныхъ польскимъ помѣщикамъ, было нисколько не завидно. Австрія не побрезгала даже, въ сороковыхъ годахъ, руками галицкихъ крестьянъ поприрѣзать нѣкоторую толику польскихъ землевладѣльцевъ.... Благодаря такой политикѣ и разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, вынуждавшимъ австрійскихъ государственныхъ мужей холить подданническую вѣрность галицкаго Русскаго населенія, оно, хоть и перекрещенное въ *Рутеновъ* или *Русиновъ* (это все равно, что ска-

зать: вмѣсто «Болгаръ»—*Болгариновъ!*), поднялось нѣсколько и материально, и нравственно. Образовался скромный, тоненій русскій интеллигентный слой (исходящій родомъ изъ среды духовенства — сыновья и внуки священниковъ), пробудилось нѣкоторое племенное «самочувствіе», нашедшее себѣ выраженіе и въ литературѣ. Ни малѣйшей политической опасности для Австріи оно не представляло, но уже самой *природѣ* австрійского государства претило покровительствовать русской народности въ Галиції! Претило прежде всего потому, что всякому западному государственному строю претитъ начало демократическое — въ истинномъ значеніи этого слова: онъ опирается на началъ аристократическому въ томъ или другомъ смыслѣ, если не на господствѣ знатныхъ родовъ, то на господствѣ культурнаго или же капиталистического класса, чувствуя въ душѣ глубокое внутреннее презрѣніе къ народнымъ массамъ. Претило потому, что русскіе Галичане все же были не католики, а только уніаты, тогда какъ католицизмъ есть душа австрійскаго тѣла. Затѣмъ, за Галичанами все же оставался этотъ первородный, смертный въ глазахъ Австріи грѣхъ — единоплеменности и почти единовѣрія съ великимъ Русскимъ народомъ, создавшимъ Россійскую Имперію! Вотъ и стало озабочиваться правительство — какъ бы ловчье *искривить* въ Русскихъ Галичанахъ пробуждавшееся народное сознаніе. Министерскими циркулярами запрещалось употребленіе буквы ѿ, повелѣвалось, вмѣсто *что*, писать *що*, и изыскивались разныя мѣры, чтобы уродовать русскую литературную рѣчь и искусственно создать различіе между нею и литературнымъ языкомъ «московскимъ!» И вѣдь нашлись и у насъ тупоумцы, словно австрійские чиновники обрушившіеся на несчастную русскую газету во Львовѣ *«Слово»* — зачѣмъ-де она старается (во сколько возможно при бдительной австрійской полиції) приблизиться къ общерусскому литературному складу рѣчи! (Вѣроятно только деликатность не позволила австрійскому правительству выслать этимъ господамъ ордена!) Наконецъ, пользуясь естественnoю любовію южной вѣты русского племени къ своимъ пѣснямъ, къ бытовымъ особенностямъ своей родины, австрійские чиновники измыслили или взлѣгѣли «украинофильство», даже не литературное, а политическое, вѣдалъ

очень хорошо, что изъ него никогда ничего вреднаго для Австріи не выйдетъ, а выйдетъ лишь смущеніе мыслей и не малый вредъ для русскаго же національнаго развитія, и вообще для внутренней крѣпости Славянскаго міра. На эту австрійско-польскую удочку съ прикормкой доктринерскихъ фантазій какъ разъ клюнула часть интелигентіи и въ Галиціи, и у насъ, надѣленная большимъ аппетитомъ и малымъ разумѣніемъ. Мы сказали: «австрійско-польскую» потому, что въ этихъ замыслахъ нашла себѣ австрійская власть въ Поляхъ самыхъ вѣрныхъ пособниковъ. Съ упорствомъ ихъ отличающимъ, они не переставали надѣяться, надѣются и до сихъ поръ—рано или поздно ополичить вконецъ Галицію, именно при помощи австрійской власти и россійскихъ «либераловъ», особенно же «украинофиловъ».

Въ настоящее время въ Галиціи—господствуютъ и хозяйствуютъ именно Поляки. Послѣ недавнаго сближенія своего съ Германіей, Австрія задалась идеаломъ австрійскаго панславизма, въ которомъ главнымъ духовнымъ цементомъ должно служить объединеніе церковное подъ сѣнью Рима. Одновременно съ политической пропагандою, ведомой огнемъ, же лѣзомъ и житейскими прельщеніями, ведется и пропаганда католическая. Приступая къ исполненію сего замысла, Австріи необходимо было, разумѣется, показать себя не Нѣмецкой, а Славянской державой, для чего и провозглашена была министерствомъ гр. Таафе «равноправность народностей». Въ сущности же никакой равноправности не имѣется,—на противъ, племена православныя угнетены теперь въ Австріи сильнѣе чѣмъ когда-нибудь (всомнѣніе хотя положеніе, напримѣръ, Сербовъ въ Банатѣ),—а къ равноправности призваны лишь тѣ католическія Славянскія племена, которыхъ или культурнѣе въ смыслѣ нѣмецкомъ (какъ Чехи), или же энергичнѣе (какъ Поляки) и въ то же время, вмѣстѣ съ политическимъ властолюбіемъ, вслѣдствіе своей религіозной съ Австріею связи, способнѣе быть пионерами германизаціи и латинства между православными Славянами или по крайней мѣрѣ отчужденія ихъ отъ Россіи. Вслѣдствіе этихъ соображеній Австрійское правительство и предало въ послѣднее время Галицію съ ея слишкомъ трехміліоннымъ русскимъ населеніемъ во власть галицкихъ Поляковъ. Они и пишутъ!

Читателямъ «Руси» известно, какой гвалтъ подняли польская власти и польская печать изъ-за того, что одна униатская сельская община, не довольная своимъ священникомъ и пользуясь правомъ свободы въроисповѣданія (дарованнымъ естьмъ австрійскимъ подданнымъ пресловутою конституцією), захотѣла было перейти въ православіе, т. е. возвратиться къ полнотѣ въроисповѣданія своихъ отцовъ. Но по отношенію къ намъ, Славянамъ, никакой правовой порядокъ въ понятіяхъ и въ обычаяхъ Западной Европы не имѣть силы. У надменныхъ цивилизаций и культурою Европейцевъ существуютъ *две* правды, одна для себя и для своихъ, другая для Русскихъ и инстинктивно тяготѣющихъ или родственныхъ намъ Славянскихъ племенъ:

Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ,
И закрѣпила стародавность.
Ихъ какъ наслѣдие Славянъ!

Попытка одной общинѣ перейти въ православіе возведена въ уголовное преступленіе. Православіе прямо провозглашено не только польскими газетами, но и польскими блюстителями правосудія и закона—опаснымъ какъ для интересовъ польщины, такъ и для цѣлости Австрійской монархіи; всякий православный—подозрительный, а окатоличеніе—государственною задачею. Но Поляки, съ благословенія неразумнаго австрійского правительства, пошли далѣе. Начавшійся теперь во Львовѣ уголовный процессъ объ 11 Русскихъ своею чудовищною нелѣчностью, къ которой способна только слѣпая, обезумѣвшая злоба,—представляетъ именно то зрѣлище, на которое мы желали обратить вниманіе нашихъ читателей. Просимъ извиненія за длинное вступленіе, но надобно же разъ навсегда ознакомить русскихъ читателей съ злополучнымъ житіемъ трехъ слишкомъ миллионовъ Русскихъ въ древнемъ, соседнемъ съ нами Галичѣ.

Эти 11 Русскихъ, во главѣ которыхъ поставленъ А. И. Добрянскій (чуть ли не единственный русскій въ Австріи дворянинъ, оставшійся русскимъ, т. е. не ополячившій и не омадьярившій (*inde riga*), но всегда съ отличиемъ служившій своему, т. е. австрійскому правительству),—эти Русские

преданы суду по обвинению въ государственной изменѣ, со ссылкою на законы, опредѣляющіе за таковое преступленіе—*смертную казнь*! Между тѣмъ, какъ ни усиливалась польская невисть, одушевлившая слѣдователей и прокурора, подобрать все, чтѣ могло бы послужить обвиненію,— во всемъ обвинительномъ актѣ ни относительно одного подсудимаго не находится буквально ничего, что можетъ быть названо *corpus delicti*, т. е. составомъ преступленія! Такого полнѣйшаго пренебреженія къ основнымъ требованіямъ юридической правды, такого отсутствія юридического смысла, намъ еще не случалось видѣть на своемъ вѣку ни въ одномъ обвинительномъ актѣ. Мы вовсе не знакомы съ положеніемъ судебнай части въ Австріи, но если этотъ процессъ долженъ служить намъ образчикомъ ея судопроизводства, такъ съ чего же Австріи хвальиться культурой? Это ужъ не культура, а варварство,—дикое, грубое, притомъ не въ своей наивной, хотя бы отвратительной простотѣ, а въ культурной оправѣ—варварство лицемѣрное! Признаки 'измѣны, за которую 11 Русскимъ сулить прокуроръ (разумѣется щирый Полякъ) смертную казнь, заключаются, напримѣръ: въ пошениі г. Добрянскому русскихъ орденовъ, полученныхъ имъ, съ вѣдома своего правительства, за услуги оказанныя русскимъ войскамъ, когда они въ 1849 г. спасли бытіе Австрійской Имперіи... Но вѣдь и Австрійскій императоръ и графъ Кальвоки, можетъ-быть и Андраши, носятъ русскіе ордена! Да-гдѣ: въ томъ, что внуки Добрянского, дѣти Ольги Грабарь, воспитываются въ Россіи, кажется, въ коллегіи Галагана... Но и въ Вѣнскомъ университетѣ не мало учится Русскихъ изъ Россіи; можетъ-быть нѣкоторые воспитываются и въ Theresianum: у насъ однако это не возводится въ преступленіе. Въ томъ, что одна изъ дочерей Добрянского замужемъ за русскимъ профессоромъ, а сынъ Мирославъ перешелъ изъ австрійскаго, вѣрнѣ сказать венгерскаго, подданства въ русское и состоитъ на русской службѣ: но развѣ эти дѣянія противны конституції?! Въ томъ, что нѣкоторые изъ 11 Русскихъ имѣли письменные сношенія съ Русскими въ Россіи, даже съ лицомъ занимающимъ министерскій въ Россіи постъ, К. Н. Побѣдоносцевымъ: но вѣдь важенъ не фактъ переписки (иначе пришлось бы признать преступленіемъ всякое письменное сно-

шеніе, напримѣръ, нашихъ варшавскихъ Поляковъ съ Поляками галицкими!), а ея содержаніе: содержаніе же переписки самое невинное и вовсе не политическое. Да можно бы даже, кажется, спросить напередъ г. посланника Австріи при русскомъ дворѣ: такое ли лицо г. Цобѣдоносецъ, которое было бы прилично заподозрить въ покушеніи на миръ и цѣлость Австрійской имперії??.. Въ томъ наконецъ, что Мирославъ Добрянскій просилъ нѣкоторыхъ Галичанъ сообщать ему свѣдѣнія о русскихъ нигилистахъ въ Галиціи,— свѣдѣнія для русского его начальства, обязанного предупреждать дѣйствія нашихъ такъ-называемыхъ крамольниковъ, безъ сомнѣнія очень важны: можно съ достовѣрностью сказать, а ргіогі, что многіе изъ нихъ сидятъ, въ ожиданіи благоприятныхъ для себя обстоятельствъ, на самомъ нашемъ ру-бѣжѣ—и въ Румыніи, и въ австрійскихъ владѣніяхъ... Обвиненіе въ измѣнѣ уснащено такими юридическими терминами: *въроятно, повидимому, кажется, надо думать и т. д.*, и на этихъ-то доводахъ основано требование *смертной казни!* Въ сущности, даже по смыслу обвинительного акта, подсудимые повинны смерти единственно за то, что будучи Русскими и вѣрными слугами Австрійского императора, они не хотятъ стать Поляками и питаютъ симпатіи къ своему родному языку, къ русской литературѣ, къ Русскому племени! за то, что Русскіе въ Галиціи—*руссофилы*, хотя конечно *воляльные* въ своемъ австрійскомъ подданствѣ обвиняющихъ ихъ Поляковъ! Впрочемъ мы отсылаемъ читателей къ извлечению изъ обвинительного акта, напечатанному въ 22 № «Руси», и къ переводу самого акта, чрезвычайно интереснаго и котораго начало найдутъ они въ нынѣшнемъ №,—а теперь поставимъ только одинъ вопросъ: къ чему было Австрійскому правительству допускать все это польское безстыжее «правовое» колобродство и прошумѣть имъ на всю Россію? Для того ли, чтобы свидѣтельствовать передъ ней, что значить въ Австріи «конституція» и «равноправность»? Для того ли именно, чтобы напомнить Россіи про существованіе 3-хъ съ половиною миллионовъ Русскихъ въ Галиціи,— о чёмъ большинство въ Россіи вѣдало лишь смутно,—чтобы повѣдать Россіи про воціющую, относительно ихъ, неправду австрійской власти,—про невыносимыя страданія племени,

которое по истинѣ кость отъ костей и кровь отъ крови нашеї??...

Москва, 19 июня.

Заканчивая въ настоящемъ №: печатаніе обвинительного акта по процессу Русскихъ въ Галиціи, доскажемъ кстати тѣ мысли, на которыхъ невольно наводитъ насъ этотъ, по нашему мнѣнію, очень важный, исторического значенія документъ. Чѣмъ внимательнѣе въ него вчитываешься, тѣмъ болѣе недоумѣваешь: да что же это? крупная ли политическая ошибка австрійского правительства, или же хитроумно расчитанный ходъ политической игры? Судъ совершается отъ имени его апостолического величества, императора Австро-Венгрии. Судить, повидимому, 11 русскихъ его подданныхъ, но это только *повидимому*: на скамье подсудимыхъ не 11 Галичанъ, а ни кто иной, какъ Россія. Въ государственномъ противъ Австріи преступлениіи виновницей объявляется не Ольга Грабарь съ К°—они только предлогъ и козлы отпущения,—а не болѣе не менѣе, какъ сама Всероссійская держава. Обвиненіе воздвигнуто на почвѣ международныхъ отношеній и превращаетъ процессъ о частныхъ преступленіяхъ дѣяніяхъ въ международную или, точнѣе сказать, въ международную политическую тяжбу. Уголовное слѣдствіе производится не столько въ области фактовъ частной жизни, сколько въ области историческихъ и этнографическихъ фактовъ! «Для Австріи» — говоритъ авторъ... т. е. прокуроръ (обмолвка совершенно естественная,—до такой степени этотъ обвинительный актъ имѣть характеръ политического памфлета!), — «для Австріи въ настоящее время Славянскій вопросъ сдѣлся жизненнымъ!.. Почти до половины нашего столѣтія Австрія благополучно совершила свою миссію, но случилось слѣдующее непріятное обстоятельство: «за сѣверными и восточными предѣлами Австрійского государства — поясняетъ политикъ-прокуроръ — живеть могущественное племя, которое, въ качествѣ единаго населения государства, составляетъ первостепенную державу (т. е. Россію) и играеть не послѣднюю роль въ системѣ европейскаго равновѣсія. И хотя народъ этотъ въ теченіи

сотенъ лѣтъ върасталъ въ усlovіяхъ вовсе не похожихъ на тѣ, въ какихъ находились Славяне въ Австрії, и не имѣлъ никакого прива поднимать вопросъ о такъ-называемомъ народномъ единстве своемъ съ Славянами Австрії, однакоже, тѣмъ не менѣе, постановка этого вопроса для могущественнай въ этомъ народѣ партіи послужила поводомъ—пролагать пути къ объединенію всѣхъ Славянъ, и пр. Панславизмъ—гримить далѣе официальный обвинитель—«разбралъ свои вредныя сѣмена по всей странѣ» и «силой своей притягательности» способенъ «действительно угрожать спокойствію и даже цѣлости Австрійской монархіи! Затѣмъ обвинительный актъ тщательно подбираетъ всѣ признаки посвященнаго панславизму въ Галиціи вреда, всѣ симптомы грядущей для Австріи опасности,—однакоже, несмотря на всѣ старанія и натяжки, ни одного противозаконнаго дѣйствія, ни какого политического заговора, ни малѣйшихъ попытокъ къ практическому осуществленію коварныхъ россійскихъ противъ Австрійской имперіи замысловъ не удалось отыскать усердному прокурору. Онъ впрочемъ этимъ не сколько и не стѣсняется, а такъ-таки прямо зачисляетъ въ уголовщину, т. е. въ составъ преступленія государственной измѣны заботу, напримѣръ, галицкихъ Русскихъ о чистотѣ своей литературной рѣчи, или ихъ любовь къ своей русской національности! Онъ и знать не хочетъ, что Русские въ Австріи самые честные вѣрноподданные императора; онъ видѣть лишь одно, что они не хотятъ быть вѣрноподданными Мадьяръ и Поляковъ. Въ качествѣ беспристрастного юриста, прокуроръ, исслѣдуя причины оживленія въ Угорской и Галицкой Руси народнаго чувства, не долженъ бы обойти того, бьющаго въ глаза обстоятельства, что подъему русского національнаго духа всего сильнѣе служить стремленіе самихъ Мадьяръ и Поляковъ—обезнародить несчастныхъ Русскихъ, омадьярить ихъ въ Венгрии и ополчить въ Галиціи! Но онъ эту причину обходитъ, а сваливаетъ всю вину на Россію. Не будь послѣдней—Русские бы не устоили, давно бы омадьярились и ополчились, а теперь, какъ въ самой Россіи пробудилась работа народнаго самосознанія, стали и Русские въ Австріи черпать силу своего сопротивленія мадьяризму и полонизму въ сознаніи, какъ выражается

прокуроръ, своего племенного единства съ великой союзной империей. Русские въ Галиції обзаводятся постепенно литературой и, приятное дѣло, не сочинять же имъ теперь, въ концѣ XIX вѣка новый русский литературный языкъ, когда таковой уже имѣется и обладаетъ богатой словесностью! Даже при всемъ нашемъ желаніи угодить Австріи, этого факта вычеркнуть изъ исторической жизни мы не можемъ! не панслависты же вѣдь его сочинили, не панславистическая агитация изобразила Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстаго, Тургенева, и т. д.! Но что до этого прокурору! Въ этомъ усвоеніи себѣ Русскими въ Галиції русского литературного языка онъ видеть лишь политическую панславистическую затѣю. Выписываютъ ли себѣ Русские Галичане русскія ученыя, вовсе не политическія книги изъ Россіи—измѣна! Пере��нутся ли Русские Галичане съ Русскими Москвы или Петербурга письмами самаго невиннаго характера—предательство! Если наконецъ, въ виду польскихъ стремленій постепенно упразднить унію настоящимъ латинствомъ (для чего впущены въ Галицію цѣлымъ полчища католическихъ ярыхъ миссионеровъ, какъ-то «смертьныхъ-встанцевъ» и пр.), униатское духовенство усиливается оградить чистоту своего древняго греко-восточного обряда отъ латинскихъ новшествъ,—вовсе «тутъ не обѣ убѣжденія религіозномъ идеть дѣло»—воскликнѣаетъ обвинительный актъ, а непремѣнно о «политическихъ мотивахъ въ панславистическомъ духѣ!... Очевидно, что и для судебной обвинительной власти, замѣтимъ мы, вовсе не о юридической истинѣ идеть дѣло, не о фактѣ требующемъ юридического подтвержденія, а о соображеніяхъ политического свойства, ничего общаго съ судебнou задачею не имѣющихъ...

Признавъ такимъ образомъ за «панславистическую агитацию» ту «притягательность», которую имѣеть для русского образованнаго общества въ Галиції языкъ русскихъ великихъ писателей, а для народа древне-православнаго, уловленнаго въ унію и угрожаемаго окатоличеніемъ, о латиненіемъ—чистота греко-восточного обряда,—прокуроръ австрійскаго императорскаго суда возвглашаетъ вслѣдъ за симъ слѣдующее:

«При такихъ обстоятельствахъ, при столь далеко подвижувшейся агитациіи и столь несомнѣнныхъ ея плодахъ,—въ

виду географического положения Галиции, Венгрии и Буковины» (т. е. сосѣства съ Россіей!), въ виду возбужденнаго въ русскомъ населеніи антагонизма къ инымъ народностямъ этихъ краевъ» (т. е. къ Мадьярамъ, Румынамъ и Полякамъ), «всакій дальнійшій шагъ въ панславистическомъ направлении легко можетъ вызвать бунтъ внутри монархіи и угрожать ей серьезною опасностью извнѣ»!...

Вотъ какъ! Мы и не ожидали, чтобы дѣло обстояло для Австріи такъ уже грозно! Первый вопросъ, который прежде всего невольно задаешь себѣ при чтеніи этихъ строкъ: зачѣмъ понадобилось такое громкое, на весь міръ, да еще официальное разглашеніе о подобномъ печальномъ положеніи Австрійского государства? Къ чему было раскрывать предъ врагами о сихъ ихъ ахиллесовыхъ пятахъ? (Вырочемъ, покойный Тютчевъ говоривалъ, что политическое тѣло Австріи—одна сплошная Ахиллесова пята!) Чѣмъ побудило австрійскія власти расписываться публично въ успѣхахъ этой пресловутой панславистической агитаци? Развѣ не могло правительство противодѣйствовать ей не обращаясь, да еще съ подобной грубой неловкостью, къ формѣ суда? И какого суда?! Чѣмъ шире сдѣланная прокуроромъ постановка основной, политической темы, тѣмъ мельче, тѣмъ ничтожнѣе являются тѣ частные случаи, которые подали поводъ къ процессу, и тѣмъ рѣвче выступаетъ наружу безсиліе власти, вынужденной прибѣгать къ такому явному юридическому лицемѣрію! Вотъ почему настоящій процессъ и представляется прежде всего крупною политическою ошибкою,—въ которой, можетъ-быть, центральное высшее правительство и не виновато. Если оно не было предварительно ознакомлено съ обвинительнымъ актомъ, то едва ли поблагодарить прокурора за слѣдующія откровенія, которыя впрочемъ преисполнены для насъ интереса. Въ первый разъ изъ обвинительнаго акта мы узнаемъ, что не только интеллигентная Галицкая Русь заразилась сочувствіемъ къ Руси зарубежной, т. е. къ Россіи, но даже и сельское населеніе. Прокуроръ даже цитируетъ подлинныя рѣчи простаго народа, напримѣръ: «Какъ только придутъ Русские, они прогонятъ Поляковъ, потому что здѣсь Червонная Русь; у всякаго будетъ больше земли»... «Червонная Русь перейдетъ когда-нибудь подъ владычество

Россії»... «Весь край былъ когда-то русскій и Россія когда-нибудь возьметъ его обратно»... (Это не мы говоримъ; мы бы никогда не позволили себѣ высказать что-либо подобное печатно: это все самъ прокуроръ цитуетъ! сама австрійская власть признала нужнымъ придать какъ можно болѣе гласности этимъ чаяніямъ подданнаго ей русскаго населенія, сама свидѣтельствуетъ о нихъ предъ вселенной!)

Трудно подумать, чтобы неумѣстность подобной огласки ускользнула отъ вниманія осторожныхъ австрійскихъ политиковъ, и потому нужно предположить во всемъ этомъ образѣ дѣйствій какой-нибудь расчитанный ходъ, по мнѣнію австрійскихъ или австро-польскихъ властей чрезвычайно хитроумный! Очень можетъ быть и вѣроятно, что вся эта шумная и торжественная огласка—ни чтѣ иное, какъ демонстрація, которой назначеніе смутить, напугать Россію и побудить русское правительство отказаться отъ того національного направлѣнія въ политикѣ виѣшней и внутренней, которое въ Австріи и Германіи окрещено именемъ «панславизма». Въ Западной Европѣ вообще господствуетъ увѣренность, что русскія правящія сферы и вообще высшій вліятельный слой русскаго общества чрезвычайно чувствительны къ мнѣнію иностранцевъ, дорожатъ всякимъ знакомъ ихъ милостиваго благоволенія и совсѣмъ конфузятся при выраженіи неудовольствія. Такую увѣренность воспитали и поддерживаютъ въ чужихъ краяхъ не только многочисленные бывшіе въ прежнія, недавнія времена примѣры, но едва ли не болѣе и сужденія самихъ русскихъ газетъ фальшиво-либерального направлѣнія. Чтѣ другое можетъ вынести иностранецъ изъ знакомства съ «Русскимъ Курьеромъ» или «Голосомъ», изъ чтенія ихъ статей по поводу мнѣній «рѣчей» Скобелева, по поводу восстанія въ Босніи и Герцеговинѣ? Лучшихъ себѣ союзниковъ, вѣрнѣе сказать услужниковъ, трудно было бы даже и на заказъ сочинить себѣ нашихъ недругамъ! Большаго усердія въ самооплеваніи, большаго презрѣнія къ преданіямъ и указаніямъ своей русской исторіи, болѣе злобнаго остѣрвенія при одномъ упоминаніи о правахъ своего Руcскаго народа на самобытное національное развитіе, большаго пренебреженія къ государственнымъ интересамъ и большаго отвращенія къ идеѣ славянской взаимности, чѣмъ въ

сихъ «органахъ благоразумнѣйшей, просвѣщеннѣйшей» части русской прессы (какъ аттестуютъ ихъ нѣмецкія и особенно польскія газеты), не сыскать ни у Нѣмцевъ, ни у Поляковъ. Мудрено ли, что и теперь въ Австріи намѣревались учинить то же давленіе, какое не совсѣмъ безъ успѣха произведено было въ январѣ нынѣшняго года! Да развѣ, напримѣрь, «Голосъ» не поспѣшилъ уже оказать содѣйствіе именно тому дѣлу, которому служитъ и польскій въ Галиції прокуроръ,—и не напечаталъ въ видѣ корреспонденціи изъ Вѣнны фальшивыхъ извѣстій о нашемъ молодомъ ученомъ Соколовѣ, командированномъ нашимъ правительствомъ за границу для специальныхъ занятій славянскими рукописями въ библіотекахъ Кракова, Львова, Пешта и Бѣлграда? Корреспондентъ «Голоса», хвастаясь, что онъ «поставленъ въ возможность сообщить достовѣрныя данныя, изъ обвинительного акта, пе- читающагося съ соблюденіемъ строжайшей тайны» (еще до открытія суда), разсказываетъ со ссылкою на актъ, а потому и безъ всякой ссылки, про панславистскую агитацию г. Соколова, про его бѣгство изъ Львова въ Пештъ и внезапное исчезновеніе изъ Пешта... Оказалось, что все это сущая ложь, что корреспонденція «Голоса» тождественна съ сообщеніемъ изъ Львова, напечатаннымъ въ одной мадьярской газетѣ, въ которой вслѣдъ затѣмъ появилось, безъ просьбы и вѣдома самого Соколова, энергическое опроверженіе двухъ почтенныхъ ученыхъ Мадьяръ. Они съ негодованіемъ отвергаютъ обвиненіе Соколова въ какой-либо пропагандѣ и горячо заступаются за нашего русскаго ученаго. На днѣхъ г. Соколовъ изъ Бѣлграда, гдѣ онъ теперь работаетъ въ архивахъ, прислали въ «Новое Время» рѣзкое обличеніе всѣхъ этихъ гнусныхъ клеветъ, услужливо перепечатанныхъ въ «Голосѣ», и переводъ мадьярскаго защитительного протеста (см. «Новое Время № 9 июня). Г. Соколовъ, какъ онъ выражается, отмѣчаетъ этимъ разоблаченіемъ «тотъ печальный фактъ, какъ падки нѣкоторыя наши газеты до всего, чтѣ могло бы компрометтировать соотечественниковъ, не останавливались предъ источникою заимствованныхъ свѣдѣній! Зачѣмъ нужна была такая угодливость въ духѣ сочувственномъ обвинительному акту пресловутаго процесса?

До какой степени простирается польское самомнѣніе, видно

изъ того, что нѣкоторыя польскія газеты иренавно убѣж-
дены, будто выходъ въ отставку графа Игнатьева находится
въ связи съ начавшимся во Львовѣ процессомъ! Польскій
прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь,—и ненавистного
иностраницъ русскаго министра какъ не бывало!!! Ужъ не
съ этимъ ли хитрымъ умысломъ направили они косвенное
обвиненіе въ панславистическихъ проискахъ и на другаго
русскаго сановника, г. Побѣдоносцева?... Нельзя не признать,
что если этотъ процессъ предпринять въ видѣ «хитраго
шахматнаго хода», то австрійскія власти перехитрили, и онъ
является сугубой ошибкой; за нимъ остается одно: дерзкій,
нахальный вызовъ, брошенный въ лицо самой Россіи, подъ
видомъ вызова такъ-называемой «панславистской партіи».

Надо сказать, наконецъ, нѣсколько словъ объ этомъ миѳѣ:
«панславистская», «славянофильская», «національная», «мо-
сковская партія». Не диво, что иностранцы предполагаютъ
существованіе партіи: удивительнѣе то, что многія наши
русскія газеты также пресерьезно толкуютъ о партіи, то
кричать про опасность ея усиленія, то злорадствуютъ ея
ослабленію или распаденію, какъ еще недавно, напримѣръ,
петербургскія газеты «Страна». Впрочемъ, наши доморощен-
ные иностранцы, особенно озирающіе Россію изъ прекрас-
наго петербургскаго далѣка, съ бюрократическихъ канце-
ларскихъ высотъ, еще менѣе способны распознавать истин-
ный смыслъ явленій русской жизни, чѣмъ даже настоящіе,
подлинные чужеземцы, серьезно и добросовѣстно изучающіе
наше отечество. Слово «партія» предполагаетъ союзъ людей
ради какой-либо общей опредѣленной цѣли, съ установлен-
нымъ во всѣхъ подробностяхъ единымъ образомъ мыслей
или программой, а также и съ условленнымъ для всѣхъ чле-
новъ партіи обязательнымъ образомъ публичныхъ дѣйствій.
На Западѣ партіи строго дисциплинированы и имѣютъ каж-
дая свое начальство. Никогда ничего подобнаго въ Россіи
не бывало и нѣть, да оно и не въ нашихъ нравахъ. Пре-
доставляемъ нашимъ противникамъ величать себя партіей
«либеральной», «либерально-демократической» или иначе —
свидѣтельствуемъ только о томъ (и имѣемъ право свидѣтель-
ствовать), что тотъ кружокъ людей связанныхъ между собою
дружбою и единомыслиемъ въ нѣкоторыхъ основныхъ прин-

цицахъ, которому петербургская журналистика еще въ 40-хъ годахъ дала въ видѣ насыпки кличу «славянофилъ» (такъ въ 20-хъ годахъ прозванъ былъ Шишковъ ^{и отсюда} ^{по} слѣдователи поэтомъ Батюшковымъ), никогда и ^{нельзя} не былъ, никогда никакого себѣ прозванія не давалъ, когда никакой организаціи не имѣлъ. Никогда ^{и скончавшись} друзей не признавалъ надъ собою ни начальства, ^{ибо} ^{не} власты, и вообще никакого стѣсненія въ своей ^{дружеской} мнѣній. Между тѣмъ, съ самого же первого заявленія ^{изъ} ^{объ} этого дружескаго кружка возникъ цѣлый ^и ^{объ} обширной, могущественной *партии*, — въ которой не ^{на} считывалось и десяти человѣкъ! Съ течѣніемъ времени и это число стало постепенно сокращаться; бѣльша часть самыхъ даровитыхъ изъ нихъ рановременно сошла въ могилу, — постоянно осмыянная, обруганная при жизни большинствомъ русской «интеллигенціи», совершенно родственной по духу, стремлѣніямъ и идеямъ той самой, ^и ^о которой теперь вошло въ моду почему-то возглашать уваженіе къ именамъ Хомякова, Самарина, Кирѣевскихъ, нисколько не раздѣляя, да и не изучая ихъ мнѣній! И при всемъ томъ, когда уже и стараго кружка никакого не существовало, — и Петербургу и за границей иностранцамъ не переставала мерещиться «могущественная русская национальная, панславистская партия»! 12 лѣтъ сряду это такъ-называемое славянофильское ^{или} просто русское направление (*не партия*) лишено было ^и ^о права имѣть свой печатный органъ, — а грозный призракъ ^{объ} тѣмъ не менѣе продолжалъ страшить, пугать, ужасать и петербургскую канцелярію, и Австрійцевъ, и Нѣмцевъ!.. Издатель «Руси» не затрудняется объявить во всеуслышаніе, что у него никакой *партии* нѣтъ. Его *партия*, по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству высказываемыхъ имъ мнѣній, — великое множество тѣхъ, которые его и не читаютъ, можетъ-быть даже и не подозреваютъ о существованіи «Руси», но ^{несомнѣнно} мыслять и чувствовать заодно съ нимъ. Можетъ ли быть, напримѣръ, въ Россіи *партия* людей вѣрующихъ въ Бога? И если вы нечестно исповѣдуете Бога, становите ли вы измѣрять силу этого «направленія» мѣрой *партии*? Гроша бы стоила печатная исповѣдь любви къ Россіи и вѣры въ нее, призна-

нія за Русскимъ народомъ правъ на свободное развитіе его национальныхъ историческихъ основъ, на самостоятельное человѣчество, еслибъ такая исповѣдь выражала бытіе только *партии!*

Въ томъ-то и дѣло, что сила «русской» ли, «национальной», «славянофильской» ли или «панславистской» партии все не въ партіи, которой не бывало и *нигтъ*, а въ содержаніи тѣхъ мнѣній, которыхъ высказывались или высказываются людьми, обзвываемыми въ литературѣ подобными кличками,—сила въ непререкаемой *истинѣ*: въ самомъ бытіи на Божьемъ свѣтѣ Россіи. Да и что за нелѣпость—«партия русофиловъ» въ Россіи? Развѣ мыслима, напримѣръ, во Франціи партія любящихъ Францію Французовъ? По меньшей мѣрѣ слѣдуетъ предположить, что Французскій народъ самъ себя любитъ, что во Франціи «могущественная партія французофиловъ»—самъ Французскій народъ, причемъ, конечно, возможны, какъ у *дливыхъ исключеній*, и отщепенцы Французы, способные даже, пожалуй, французскимъ интересамъ предпочесть интересы чужие. Удостойте распространить это понятіе о Франціи, которое принимается вѣдь всѣми безспорно, и на нашу бѣдную Россію: авось—либо тогда въ Петербургѣ наши слова покажутся ясны. Слѣдуетъ только при этомъ добавить, что если во Франціи, Германіи, Италии, Англіи отщепенцевъ отъ своего народа до ничтожности мало, то въ Россіи, въ такъ—называемой *интеллигенціи* чиновной и нечиновной, бюрократической и волынкой практикующей, ихъ—легіонъ! Въ этомъ-то все наше *затѣ*.

Точно то же и по отношению къ такъ—называемому панславизму, т. е. къ идеѣ славянской взаимности. Сила тутъ не въ *партии*, а въ самой *натурѣ вещей*. Это всего лучше доказывается именно галицкимъ уголовнымъ процессомъ обѣ 11 Русскихъ, обвищенныхъ въ измѣнѣ. Можно сказать, что обвинительный актъ, безъ вѣдома самого прокурора, не болѣе какъ росписка въ признаніи этой истины! Такъ онъ говорить о преступной, въ настоящую минуту, агитациіи *Московскою Славянскаго Комитета*, котораго съ 1878 года *все не существуетъ!* (Онъ, какъ известно, закрытъ тотчасъ послѣ Берлинскаго трактата по распоряженію русскаго правительства, вѣроятно въ успокоеніе заграницъ умовъ.)

Говорить все тотъ же прокуроръ о расточительныхъ тратахъ московскихъ рублей въ видахъ панславистской пропаганды—Киевскимъ Славянскимъ Обществомъ,—у котораго въ кассѣ всего то два двугривенныхыхъ! о преступной панславистской агитациі таковаго же Общества Петербургскаго, у котораго въ кассѣ не многимъ больше!... Трудно однакожъ предположить, чтобы обо всемъ этомъ не вѣдали наши зоркіе со-сѣди; вотъ почему невольно приходитъ на умъ, какъ мы сказали, что указаніе на несуществующую партію, на несуществующіе или едва существующіе комитеты и т. п. только маскируетъ болѣе серьезное и грозное обвиненіе; что разбираемый нами юридическій документъ въ сущности бросаетъ вызовъ въ лицо самой Россіи, возводить на степень государственного преступленія, государственной, относитель-но Австріи, измѣны—самое бытіе Русской державы!

Въ какой же тутъ посторонней «агитациі» надобность, какіе «эмиссары» тутъ нужны, когда обокъ съ Русью Галицкой, Буковинской и Угорской, угнетенной Поляками, Мадьярами и Румынами,—ширится могучая Русская Русь, составляющая, по словамъ самого прокурора, первостепенную державу, играющую не послѣднюю роль въ системѣ европейскаго равновѣсія?! когда граница между Россіей и Австрійской имперіей большою частью проведена не природой, а политическими соображеніями, и во многихъ мѣстахъ дѣлить селенія пополамъ, такъ что иной землевладѣлецъ верхомъ сидитъ на самомъ рубежѣ, одной ногой въ Австріи, другою въ Россіи? Неужели обѣ эти половины селенія, одноплеменные, единокровные, не сравниваются между собою своего положенія? И развѣ пограничные жители обоихъ государствъ не посѣщаются базаровъ по ту и другую сторону?

Прокуроръ почему-то счелъ нужнымъ привести нѣсколько мѣстъ изъ какой-то изданной и конфискованной въ Австріи брошюры, которая глася: «На свѣтѣ только *единая* Русь, раздѣленная политически между Россіей и Австріей». «Вся Русь, пространствомъ втрое превосходящая Европу, имѣеть 60 миллионовъ жителей». «Народъ Русский останется русскимъ, какъ Карпаты останутся русскими горами». «Трижды подъ господствомъ Австріи раздѣленная, Русь выдана на

милость и немилость Полякамъ, Мадьярамъ и Румынамъ». Какъ ни конфискуй подобные брошюры, а правды самого факта, истину приведенныхъ словъ не конфискуешь: она бьеть въ глаза; это—сама природа, а съ природой бороться трудно. Поэтому и австрійскимъ властямъ слѣдовало бы, кажется, приводя подобные цитаты, *подсказать* и возможный для Австріи выходъ изъ указанныхъ цитатами затруднений... Мы съ своей стороны, входя въ интересы Австріи, усматриваемъ этотъ выходъ только въ одномъ: въ освобожденіи Русскаго племени отъ венгерскаго, румынскаго и въ особенности отъ польскаго гнета, въ предоставлениі ему полной гражданской автономіи, полной свободы національного развитія и свободы *впроислов'данія* пуще всего, такъ какъ, по словамъ *предсъдателя суда*, конституціонный принципъ этой свободы «на переходъ въ православіе не распространяется»! Если же австрійское правительство этого не намѣreno сдѣлать, то его обвинительный актъ не имѣть другаго смысла, какъ постановки слѣдующаго рокового вопроса: быть или не быть, и кому именно изъ обоихъ могутъущественныхъ союзей? А такъ какъ Австрія, выступающая предъ всѣми иромъ съ обвинительнымъ словомъ противъ Россіи, угрожающей будто бы Австріи своимъ бытіемъ, сама отъ своего бытія не отказывается, то выходитъ, что для австрійского спокойнаго существованія необходимо сжитъ съ бѣлага свѣта Россію... Намъ такая постановка вопроса не страшна; но выгодна ли она для самой Австріи?...

Москва, 31 июля.

Всему есть предѣль; наступилъ конецъ и этому безстыжему, наглому польско-мадьярскому насмѣхательству надъ правосудіемъ, на которое мы неоднократно обращали вниманіе нашихъ читателей,—т. е. уголовному процессу объ 11 галицкихъ Русскихъ, обвинявшихся во Львовѣ польскою прокуратурой, при содѣйствії мадьярскаго министра-президента, въ государственной измѣнѣ. Мы уже разъясняли и прежде, что въ лицѣ этихъ 11 Русскихъ преданъ былъ императорско-королевскому австрійскому суду ни кто иной, какъ сама Рос-

сія,—она сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ во Львовѣ, она была въ отвѣтѣ предъ верховнымъ трибуналомъ, составленнымъ хотя изъ польскихъ чиновниковъ, но творившихъ судь именемъ Его Апостолического Величества: такое отношеніе процесса къ нашему отечеству, еще на днѣхъ, съ нахальнымъ чистосердечемъ подтвердила и органъ мадьярскаго министерства, «Пестеръ Ллойдъ». И дѣйствительно: все это, съ такимъ шумомъ и трескомъ воздвигнутое, обвиненіе Галичанъ въ государственной измѣнѣ распалось само собою, да и не могло не распасться, потому что обвинительный актъ въ сущности не болѣе какъ политический памфлетъ, потому что никакого юридического факта измѣны не бывало и нѣть, а единственный во всемъ пресловутомъ процессѣ *cognitio delicti*, вмѣняемый въ вину Русскимъ въ Галиціи, это—само бытіе Русскаго государства. Вообще отношеніе къ Русской державѣ обвинительнаго акта и прокурорскихъ рѣчей было таково, что мы нимало бы не удивились, еслибы Львовскій процессъ послужилъ поводомъ къ запросу со стороны Русскаго кабинета: вѣдь дѣлался же запросъ графомъ Кальюки нашему министерству иностранныхъ дѣлъ въ ноябрѣ 1881 г. по вопросу статей нѣкоторыхъ русскихъ газетъ о Берлинскомъ трактатѣ! А какой гвалтъ поднять Германіей и Австро-Венгрией по случаю рѣчей генерала Скобелева! И что значать эти статьи и рѣчи частныхъ лицъ сравнительно съ официальными рѣчами и дѣйствіями австро-мадьярскихъ властей?... Впрочемъ присяжные въ императорско-королевскомъ судѣ во Львовѣ оказались нѣсколько добросовѣстнѣе прокурора и самихъ судей. Несмотря на всю пристрастность допроса, на всѣ помѣхи, оказанныя предсѣдателемъ защищѣ, на всѣ старанія уголовнаго трибунала и обвинительной власти, равно и на письменное свидѣтельство мадьярскаго министра Тиесы (по отношенію къ старику Добранскому), обвиненіе въ государственной измѣнѣ было присяжными единогласно отвергнуто, за несуществованіемъ въ наличности хоть какого-нибудь признака этого преступленія. Но и тутъ обошлось не безъ юридическихъ диковинокъ. На вопросъ о виновности въ государственной измѣнѣ присяжные единогласно отвѣчали *низа* относительно каждого подсудимаго, въ томъ числѣ и г-жи Ольги Грабарть,—и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинили (большинствомъ

голосовъ) ту же Ольгу Грабарь въ недонесеніи о государственной измѣнѣ! Да о чёмъ же доносить, когда самъ фактъ измѣны не признанъ, когда никто и не измѣнилъ?! Правда, есть наказанія за недонесеніе обвиненнаго освобождена, но только «вслѣдствіе родственныхъ узъ соединяющихъ ее съ виновными» (т. е. съ виновными въ измѣнѣ, которыхъ однако, по самому вердикту присяжныхъ, ни одного не имѣется!) Изъ 11 подсудимыхъ осуждены всего — на — всего четверо, да и то лишь «за нарушение общественного спокойствія», именно: отецъ Наумовичъ, редакторъ газеты «Слово» Илощанскій, крестьяне Шпундеръ и Залусскій, съ поясненіемъ относительно послѣднихъ трехъ, что это «нарушеніе было направлено не противъ единства государства и формы правленія». Трудно добраться до юридического смысла въ этой обвинительной formulѣ. Чѣмъ же нарушили обществоенное спокойствіе, напримѣръ, крестьяне Шпундеръ и Залусскій, виноватые единственно въ томъ, что были главными участниками въ попыткѣ Гнилицкаго прихода возвратиться изъ укії въ православіе? Въ болѣе или менѣе прямомъ содѣйствіи этому несостоявшемуся переходу, а не въ чёмъ другомъ, обвинены и Наумовичъ и Илощанскій, — не за другое чтѣ обречены они уголовной карѣ. Но такъ какъ въ конституціонной Австро-Мадьярской имперіи, по закону, всякому вольно исповѣдывать какую угодно вѣру или не исповѣдывать никакой, то, очевидно, нельзя было попытку перейти въ православное исповѣданіе признать незаконною и сдѣлать предметомъ уголовного обвиненія. Поэтому и понадобилось придать обвиненію другой юридический оборотъ. Понадобилось же потому, что — независимо отъ той религіозной нетерпимости, которую отличается латинство вообще, особенно латинство польское, проклященное насквозь дрожжами іезуитизма, — именно въ латинской религії и видѣть Поляки существенный оплотъ польской національности: вслѣдствіе того и Гнилицкую попытку нужно было имъ такъ или иначе, всенепремѣнно покарать, чтобы отвадить уніатовъ разъ на всегда отъ подобныхъ поползновеній! Хотя Чехи, предводимые Ригромъ, браются и кокетничаютъ съ Поляками, хотя Ригтеръ и оправдываетъ, что «въ нашъ вѣкъ, когда-де религія стала субъективнымъ чувствомъ, вѣроисповѣданіе — вещь безразличная и

никакого отношения къ национальности не имѣть», — Поляки, рукоищца ему, исповѣдуютъ и проповѣдуютъ однако прамо-противоположное. Они, никакъ не жеманясь, съ циническою откровенностью печатаютъ въ своихъ газетахъ, что католицизмъ служить для нихъ политическимъ орудіемъ, и притомъ самимъ могучимъ; что никакой свободы совѣсти они, въ предѣлахъ воображаемой ими «Польши», относительно народа не допускаютъ и ни за что не допустять, такъ какъ, по ихъ мнѣнию и опыту, сорвавшіеся въ православіе тянутъ непремѣнно къ Россіи; что наконецъ, съ польской точки зренія — потребно, похвально и достославно не только обманомъ и лестью, но и страхомъ уголовныхъ каръ и грубою силою удерживать въ папизмѣ, или хоть въ унії, все русское, нѣкогда православное населеніе. Поляки, въ подтвержденіе того значенія, которое имѣть для нихъ католицизмъ, ссылаются, не безъ основанія, на своихъ князей Сан-гуніко, Чарторыйскихъ и множество иныхъ ярыхъ теперь представителей польской національности, предки которыхъ погребены какъ православные въ Киево-Чечерской лаврѣ и которые, будучи по крови чистыми, коренными Русскими, стали Поляками до фанатизма лишь по совращеній ихъ въ латинство. Въ Западномъ краѣ и теперь различіе между Поляками и Русскими основывается болѣею частью не на физиологическихъ и даже не этнографическихъ признакахъ, а на вѣроисповѣданіи... Поляки въ извѣстной степени правы; мы сами убѣждены: будь Поляки православные или лютеране, а не католики ультрамонтанского, іезуитскаго закала, «Польского вопроса» не существовало бы, или существовалъ бы онъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Но обѣ этомъ когда-нибудь посты; мы хотѣли только пояснить — почему Поляковъ такъ перетревожило, до степени умственнаго помраченія — это покушеніе несчастныхъ Гниличанъ на переходъ въ православіе! Тутъ ужъ «принципу религіозной свободы» не нашлось мѣста! Наоборотъ: когда уніаты въ предѣлахъ самой Русской имперіи возвращаются изъ безобразной, силою навязанной имъ унії къ вѣрѣ своихъ русскихъ предковъ, — тогда Поляки тотчасъ же пускаютъ противъ Россіи въ ходъ самый этотъ отвергаемый ими «принципъ религіозной свободы», и воцарь, трещать на весь міръ и на всю Россію устами римско-католи-

ческаго духовенства и его русскихъ близорукихъ клевретовъ... Благо русское общество застѣнчиво и, по неразвитости своей, пуще всего боится обвиненія въ недостаткѣ либерализма, пуще вѣго на свѣтѣ желаетъ слыть прогрессивнымъ,—а потому тотчасъ же готово смутиться, спасовать предъ криками и, расшаркавшись, «либерально» представить русское, бывшее униатскoe населеніе въ полную добычу обманной пропагандѣ ксендзовъ, при помощи экономического насилия польскихъ помѣщиковъ,—пропагандѣ не религіозной, а политической, имѣющей только одну цѣль: путемъ вторичнаго совращенія въ латинство отвратить народъ отъ Россіи и сократить въ полонизмъ,—ополачить...

Но въ Галиції Поляки господствуютъ: въ ихъ рукахъ судъ и администрація. Они имѣютъ возможность беззаконствовать и нахальничать надъ Русскимъ племенемъ более откровенно: имъ нѣтъ надобности слишкомъ церемониться съ принципами, дралироваться въ либерализмъ, прибѣгать къ особенно-тонкимъ ухищреніямъ. И не прибѣгаютъ. За невозможностью основать обвиненіе на прямомъ противорѣчию закону, т. е. поставить присяжнымъ вопросъ: виновны ли подсудимые въ намѣреніи сократить такой-то приходъ въ православіе, они, уже безъ малѣйшей тонкости, это вполнѣ законное дѣйствие подводятъ, прямо и грубо, подъ рубрику «нарушенія общественнаго спокойствія.» Въ сущности же этотъ приговоръ не чѣд иное, какъ уголовная кара за дѣяніе относящееся къ области *вироиспользованій*, следовательно дозволенное конституціей, другими словами, это—явное посягательство на принципъ религіозной свободы,—основной, казалось бы, принципъ «правового порядка», которымъ такъ превозносится Австрія передъ Россіей!...

Всѣ четверо обвиняемыхъ приговорены къ тюремному заключенію: Наумовичъ на 8, Площанскій на 5, Шпундеръ и Залусскій на 3 мѣсяца, *съ лишениемъ пищи въ теченіи одного дня чрезъ каждыя двѣ недѣли.* Этотъ видъ истязанія также характеристическая черта австрійскаго уголовнаго кодекса. Существовало у насъ, до изданія Уголовнаго Уложенія, заключеніе *на хлѣбъ и воду*, которое сопричислено было, и вполнѣ основательно, къ разряду *тѣлесныхъ наказаний*; оно было отмѣнено даже прежде уничтоженія послѣд-

нихъ. Но все же оно не было *полнымъ* лишениемъ пищи. Австрійская же «культура» просто-на-просто повелѣваетъ морить голодомъ! И никого въ Европѣ это не оскорбляетъ, и наши мнимо-либералы, которые трепещутъ отъ благороднаго негодованія, зачѣмъ у крестьянскаго самоуправлѣнія только ограничено, а не отнято, хотя бы и противъ воли самихъ крестьянъ, право наказанія разгами, не шикнуть ни слова противъ распорядковъ по истинѣ варварскихъ, если только они чинятся гдѣ-нибудь за границей, въ державѣ числящейся въ разрядѣ «культурныхъ» и «конституціонныхъ»!

Всѣ остальные подсудимые оправданы и выпущены изъ тюрьмы, но кто и что вознаградить ихъ за семь мѣсяцевъ заключенія и ужасной нравственной пытки? Кто помѣшаетъ польскимъ и мадьярскимъ прокурорамъ снова начать уголовное преслѣдованіе противъ ненавистныхъ имъ лицъ русскаго происхожденія, снова ввергать ихъ въ тюрьму, хотя бы и съ вѣрною перспективою, что судъ въ концѣ-концовъ неизменно вынужденъ будетъ признать прокурорское обвиненіе неправильнымъ и возвратить имъ свободу?... Лишний разъ помучить — и то утѣшительно для патріотической ненависти польско-мадьярскихъ фанатиковъ. Вѣдь только вполнѣ нерѣжествомъ истиннаго положенія дѣлъ (допускаемъ самое благопріятное толкованіе) можно объяснить ликованіе «Голоса» по поводу вердикта присяжныхъ, дававшаго семи подсудимымъ (изъ 11-ти) свободу, въ чёмъ видится «Голосу» залогъ розовой мирной будущности во взаимныхъ отношеніяхъ Русскихъ и Поляковъ! Именно-то *на свободѣ* — мы это положительно предсказываемъ — и *не будетъ теперь жить* ни этимъ достойнымъ всякаго уваженія старцамъ Добрянекому и Наумовичу, ни прочими оправданнымъ или только отчасти осужденнымъ Галичанамъ!... У австро-мадьярско-польскихъ властей и помимо гласнаго суда имѣется множество средствъ въ распоряженіи — тѣснить, жать, давить, гнести все это наше, по выражению поэта,

Опально-мировое племя!...

Вотъ письмо, которое мы получили недавно отъ одного изъ достопочтеннѣйшихъ Русскихъ, постоянно и уже давно пребывающаго въ Вѣнѣ:

«Пишу вамъ въ волненіи, въ досадѣ на злобу людскую; вы знаете, что теперь дѣлается съ Русскими въ Галиції — на этомъ процессѣ; знаете, что писалъ Тисса къ осужденію Добрянского. Вотъ вамъ еще обращеніе образа дѣйствій Мадьяръ противъ Словаковъ: прекрасный, скромный юноша, Словакъ Иванъ Крно кончилъ курсъ въ гінназіи съ отмѣтками по всѣмъ предметамъ отличными, перешелъ въ университетъ по юридическому факультету, два курса пробылъ въ университѣтѣ и при экзаменахъ за четвертый семестръ тоже получилъ прекрасную аттестацію. На другой день приходитъ ректору университета предписание отъ министра народнаго просвѣщенія Пауля исключить Крно изъ университета, какъ яраго москвофила, и не принимать ни въ какія учебныя заведенія королевства. За что же? За то, что онъ вамъ и Каткову писалъ письма и просялъ присыпать ему «Русь» и «Московскія Вѣдомости», что эти газеты ему присылались, и онъ читалъ ихъ своимъ товарищамъ Словакамъ въ обществѣ «Заря», издавна существующемъ и утвержденномъ правительствомъ Мадьярскимъ же, въ Пресбургѣ. Юноша въ отчаяніи, не знаетъ что дѣлать. К., Ф., М., вѣй просить васъ: помогите ему поступить въ Московскій или Петербургскій университетъ. Онъ знаетъ русскій языкъ достаточно. Помогите, Неба ради, гонимымъ и умирающимъ. Отклиниитесь на голосъ мучениковъ. Пошлите имъ хоть слабый лучъ надежды на васъ или на насъ, Русскихъ, и на наше сочувствіе, которыми они и живутъ пока въ юдоли мадьярскаго безумія. Если будетъ мнѣ отъ васъ отвѣтъ, то только въ двухъ словахъ: «Пусть пріѣзжаетъ».

Само собой разумѣется, что на это письмо не могло посыповать отъ насъ другого отвѣта, какъ «пусть пріѣзжаетъ!» Хотя содержаніе г. Крно потребуетъ отъ 400 до 500 р. въ годъ, а въ Москвѣ все еще Славянскаго комитета нѣтъ и присылаемыхъ намъ изруѣдка малыхъ денежныхъ суммъ далеко не хватаетъ на удовлетвореніе нуждъ всѣхъ проживающихъ въ Москвѣ и попадающихъ въ нее бѣдняковъ изъ заграничныхъ Славянъ, однако же мы все-таки думаемъ, что не клиномъ же Россія сошлась, что не все же русское общество состоять изъ подпинщиковъ «Голоса», «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Курьера» и разныхъ провинциальныхъ якобы либеральныхъ

газеть, которая предъ Европой (включая сюда и Поляковъ), какъ Фамусовъ предъ знатной родней — *ползкомъ*; что найдутся у насъ люди съ русской душой и сердцемъ, которыхъ слова: русская и славянская «самобытность», не приводить въ злобное остервенѣніе какъ «нашихъ либераловъ», и которые дадутъ намъ возможность прийти на помощь несчастнымъ жертвамъ австро-польско-мадьярской «культурной миссіи»! ..

Говорять, графъ Таафе и Кальюки люди замѣчательного ума. Если политическая безактоность бѣдныхъ Поляковъ словно бы на родину написана, и отличительной чертою этихъ «сѣверныхъ Французовъ» искони было и есть отсутствие государственного смысла, такъ менѣе всего можно было ожидать отъ государственныхъ мужей Австріи, этой искусственно составленной и только помощью искусственной политической эклиптистики существующей державы, такой грубой политической ошибки, каковою былъ Львовскій процессъ. Какого результата достигло это торжественное отправление «правосудія»? Оно явилось лишь торжественнымъ беззаконіемъ, оно раскрыло миру всю непрочность государственного состава Австро-Венгрии и этотъ посторонний страхъ австрійской власти за цѣльность и единство державы; оно раздражило национальное русское чувство и въ Галиції, и въ сопредѣльной съ нею Русской имперіи; оно двинуло впередъ русское народное самосознаніе, оно сослужило великую службу общей славянской ідеѣ, но не въ смыслѣ австрійско-католического панславизма... Не можемъ не поблагодарить и Поляковъ. У насъ было снова началимякнуть сердца и уши разъѣсились, внимая разнымъ польскимъ примирительнымъ вѣщаньямъ на берегахъ Вислы и Невы,—но галицкие Поляки поспѣшили предостеречь и воздержать насъ отъ новаго преступнаго легковѣрія. Нечего указывать, какъ дѣлаетъ «Голосъ», на присяжныхъ, давшихъ оправдательный вердиктъ, и на рѣчи защитниковъ изъ Поляковъ. Во 1-хъ, присяжные не всѣ Поляки (было человѣкъ пять Евреевъ) и не всѣхъ же оправдали: четырехъ подсудимыхъ обвинили они совершенно неправильно; во 2-хъ, прокуроръ и весь трибуналъ очень хорошо знали напередъ юридическую невозможность обвиненія въ государственной измѣнѣ. Что касается

до защитниковъ, то мы вѣдь никогда и не утверждали, чтобы между Поляковъ нельзя было найти ни одного честнаго и разумнаго человѣка; мы говоримъ о лицахъ, иже во власти суть, и о тѣхъ что руководятъ печатью и общественнымъ инѣніемъ, о томъ большинствѣ, которымъ характеризуется вся исторія Польши и которое погубило ея политическое бытіе. Они-то и преподаютъ намъ теперь образецъ той системы управліенія, какой могло бы ожидать себѣ отъ нихъ Русское населеніе и въ *нашихъ* западныхъ областяхъ, если бы мечтательныя притязанія Поляковъ на польскую въ нихъ автономію когда-либо осуществились. Мы знаемъ, мы видимъ теперь—чѣмъ можетъ быть польская автономія въ краѣ, где русскому населенію приходится занимать нижня ступени общественной іерархіи,—гдѣ крестьянство русское, а паны Поляки! Они вѣдь не измѣнились; они неисправимы, и какъ Бурбоны—ничего не забыли, ничему не выучились. Они и въ XIX вѣкѣ готовы поставить диссидентовъ въ законѣ; они не успокоились бы до тѣхъ поръ, пока мечомъ, лестью и обманомъ не облатили бы до фанатизма все, что православно или еще хранить преданіе о православной вѣрѣ, пока не исказили бы всю духовную сущность русской народности. Напрасно стали бы намъ говорить, что иное дѣло Поляки на Вислѣ или на Вихѣ, вообще въ предѣлахъ Россійской имперіи, иное дѣло Поляки въ Галиціи. Мы не встрѣчали въ печати и не слыхали отреченія *русскихъ* Поляковъ отъ солидарности съ Поляками *аустрийскими*. Настоящее положеніе дѣлъ представляетъ для «польской справы» (а она несомнѣнно существуетъ) немалыя выгоды: одной рукой писать въ познанскихъ, краковскихъ и львовскихъ газетахъ статьи, исполненные ненависти, злобы, всяческихъ клеветъ на Россію, чернить, поворить, компрометтировать русское имя, вредить Россіи всѣми возможными способами; другую—писать статьи въ петербургскомъ «Край», повидимому самаго умѣренного направлѣнія, составлять для генераль-губернатора записки о реформахъ яко бы самыхъ благоразумныхъ, о требованіяхъ самыхъ по видимому законныхъ. Исподѣ карти, какъ выражаются Французы, подспудная мысль Поляковъ, ихъ завѣтныя думы, ихъ серьезныя мечты, и все недосказываемое въ Варшавѣ доказывается за кордономъ въ

свободной польской печатной рѣчи. Повторяемъ: политический методъ Поляковъ, ихъ административный пріемъ, мѣру ихъ политической зрѣлости, политической нравственности и уваженія къ принципу свободы, равно и вѣротерпимости— можемъ мы изучить на Галиціи, съ тѣхъ поръ, какъ въ ней живутъ Поляки. Мыслимо ли такъ-называемое «примиреніе», или «ближеніе» Русскихъ и Поляковъ въ предѣлахъ Русской имперіи въ виду Львовскаго процесса,— въ виду отношеній Поляковъ къ Русскимъ въ Галиції? За Львовъ и Краковъ пусть отвѣчаетъ Варшава: оба города — ея оборотная сторона. Если же мы ошибаемся, такъ пусть Поляки выведутъ насъ изъ заблужденія, пусть хоть осудятъ гласно и явно образъ дѣйствій своихъ собратій во Львовѣ и весь этотъ, какъ-то-удачно выражался, Каїфинъ судъ. Но мы знаемъ, напротивъ, что одна изъ варшавскихъ газетъ помѣстила у себя безъ оговорки корреспонденцію изъ Львова, требовавшую смертной казни для подсудимыхъ, и никого въ польской печати это не возмутило. Если Поляки въ Россіи, по роковому, печальному ослѣпленію, продолжаютъ упорствовать въ подобномъ образѣ мыслей и питать сочувствіе къ польскому образу дѣйствій въ Галиціи, то и намъ волей-неволей остается только упорствовать въ недовѣріи къ нимъ (оправданіемъ обманами 1880 и 1863 годовъ). и въ настоящей системѣ дѣйствій. Пусть пеняютъ Поляки на себя сами!

Въ Петербургѣ появилась газета на польскомъ языке «Край». Она издается подъ цензурой, а потому, безъ сомнѣнія, стѣснена въ изложеніи своихъ мнѣній. Тѣмъ не менѣе сужденіе о Галицкомъ процессѣ можетъ послужить для насъ удобною повѣркою ея политической точки зрѣнія. Мы желали бы также знать точные предѣлы того *края*, котораго интересамъ посвятила себя новая польская газета. Никакими ловкими рѣчами и хорошими словами не заворожить «Краю» русского слуха, если въ томъ или другомъ видѣ склонитъ онъ съ чисто этнографической основы и простираетъ сферу польской национальности (хотя бы и подъ маской «федерализма») на югоизападную и сѣверозападную наши окраины, и на русскую Галицію. Вирочемъ, что бы ни писалъ «Край» въ Петербургѣ, для насъ важнѣе всего что пишутъ Поляки въ Познани, что пишутъ и творятъ они въ Галиціи.

Но отъ Поляковъ ли однихъ терпить русское дѣло? Поляки, безспорно, могутъ найти оправдание для своихъ несбыточныхъ фантазій въ недавнихъ еще историческихъ воспоминаніяхъ: ихъ вина въ томъ, что они не умѣютъ разстаться съ ними и не признаютъ новыхъ путей исторіи? Но что сказать о тѣхъ добровольныхъ, соизнательныхъ и безсознательныхъ измѣнникахъ русскому дѣлу въ самой русской средѣ, которые продолжаютъ, конечно болѣею частью по крайнему скудоумію, служить дѣлу польской справы и усугублять страданія Русского народа въ Галиції?.... Впрочемъ, обѣ украинофилахъ послѣ.

27 іюля присутствовали мы на открытии «выставки произведений Болгарского княжества» въ помещеніи Строгановского художественного техническаго училища. Собственно говоря, «открытия» никакого не происходило... Официальный міръ блисталь своимъ отсутствиемъ!. Впрочемъ, выставка и по содержанию своему очень скромна, не полна, произведения выбраны и высланы безъ особенной системы, и тѣмъ болѣе чести директору Строгановскаго училища, г. Оленину, который склонился отъ, относительно скучный материалъ расположить очень искусно и изящно. Выставленные предметы принадлежать всѣ (кромѣ земледѣльческихъ) къ такъ-называемой кустарной промышленности, и не они собственно заслуживали болѣе торжественного открытия. Нѣ въ томъ и дѣло, что въ Болгаріи женщины ткутъ шелковые и шерстяные полотна, — это всѣмъ известно, это было и прежде,— а въ томъ, что Болгарія была прежде только этнографическимъ даже не географическимъ (въ строгомъ смыслѣ) терминомъ, а теперь стала определеннымъ терминомъ политическимъ,— что эта выставка—первое заявление Болгаріи о себѣ, о своей экономической жизни какъ государстве, которому и всего-то идетъ лишь четвертый годъ. Вотъ что заслуживаетъ участія, сочувствія, привѣта, покровительства и поддержки,—не говоря уже о томъ, что всякий вѣнѣшній атрибутъ политического бытія Болгаріи, радуя Болгаръ, радуетъ и насъ самою законною радостью; всякою почестью, оказываемою Болгаріи, какъ государству, чествуется сама Россія. Впрочемъ, и изъ произведеній нѣкоторыя замѣчательно хороши, именно шел-

ковыя рукодѣльныя ткани, выдѣланныя кожи (сафьянъ), наливки, настоенныя изъ ягодъ на мѣстномъ виноградномъ винѣ, издѣлія филиграновыя, и пр. Очень жаль, что не прислано розового масла, которымъ Болгарія торгуетъ на большія суммы.

Мы слышали, что Болгарскій князь желалъ пріютить болгарскіе товары на Художественно-промышленной выставкѣ, но ему было отказано, на строго-формальномъ основаніи: «наша выставка лишь для произведений Россійской имперіи». Это совершенно напрасно и обличаетъ замѣчательную узкость взгляда. Слѣдовало, напротивъ, гостепріимно, хоть-гдѣ-нибудь около Финляндскаго отдѣла, открыть особый отдѣлъ для произведеній Балканскихъ Славянскихъ племенъ,—это требовалось и родственнымъ нашимъ чувствомъ, и политической нашей съ ними, въ извѣстной степени, солидарностью. Эти произведения едвали были бы здѣсь не болѣе у мѣста, чѣмъ продукты прусскихъ фабрикантовъ изъ силезской шерсти, руками прусскихъ работниковъ и прусскими машинами производящихъ сукна въ городѣ Лодзи и его округѣ (въ Царствѣ Польскомъ), куда они перевели изъ-за границы свои фабрики ради безпошлиниаго сбыта въ Россію. Мы не думаемъ также, чтобъ было особенно справедливо отказывать въ поимѣніи на выставкѣ китайской коллекціи нашего извѣстнаго путешественника Пасецкаго — составленной русскимъ трудомъ, въ интересахъ русскихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ,—и въ то же время отводить мѣсто женевскимъ часамъ, только заказываемымъ изъ Москвы московскими часовщиками...

Есть надежда, что съ Болгаріей, такъ щедро надѣленной природными богатствами, но не имѣющей ни фабрикъ, ни заводовъ, завяжутся у насъ, благодаря инициативѣ Московскаго купечества, правильныя торговыя сношения. Во главѣ этого предпріятія стоитъ, между прочими, нашъ извѣстный фабрикантъ Т. С. Морозовъ. Это почтенное имя служить порукой, что предпріятіе поведется серьезно и дѣльно, и увѣнчается успѣхомъ, если... Если въ Петербургѣ окажутъ искреннее содѣйствіе, если наши дипломаты и бюрократы не станутъ задаваться вопросомъ: не нанесутъ ли русскія торговыя на Балканскомъ полуостровѣ выгоды какого-либо

ущерба интересамъ австрійскимъ и англійскимъ, и не по-
служить ли просимое «содѣйствіе» какъ-нибудь къ наруше-
нію «европейскаго концерта», — который, какъ известно, у
нашихъ дипломатовъ и бюрократовъ, а равно у нашихъ
«космополитовъ-либераловъ» à la «Русскій Курьеръ» (все
это одного поля ягода!) — своего рода «влеченье — родъ
недуга»...

Москва, 14-го августа.

«Затѣмъ все твердить и твердить Россіи о чести, о долгѣ,
о какомъ-то великому историческому ея призваніи, какъ
православно-славянской державы? Къ чему этими постоян-
ными напоминаніями о Славянствѣ, о Босфорѣ, о Востокѣ
раздражать самолюбіе, пугать нашихъ могучихъ и притомъ
высоко-культурныхъ сосѣдей? Развѣ это патріотично? развѣ
это не значить играть съ огнемъ, вызывать на политическую
арену Восточный вопросъ, накликать войну? И къ лицу ли
намъ это теперь, когда Россіи впору лишь єжиться и ма-
литься, и не о Славянахъ и Босфорѣ думать, а о мирномъ
прогрессѣ? Такъ премудро повидимому разсуждаютъ наши
дипломаты, а также многіе наши государственные мужи осо-
баго разряда, которые почитаютъ таковую мудрость (по правдѣ
сказать весьма дешевую и банальную) даже обязательной
при извѣстномъ чинѣ, званіи и общественномъ положеніи,—
и наконецъ многіе органы нашей печати, которые, по истинѣ,
никакъ не могутъ называться «охранителями» русской госу-
дарственной чести и национальной «самобытности», а ужъ
подлинно «либеральны» во всемъ что касается достоинства,
независимости, единства Русскаго народа и государства!...
Всѣ эти мудрецы, начиная съ дипломатовъ, напоминаютъ
отчасти страуса, который, какъ известно, заслышиавъ опа-
сность, закрываетъ глаза, прятъ голову подъ крыло и, не
видя самъ врага, воображаетъ, что никто и его не видитъ.
Увы! какъ бы мы ни жмурились, какъ бы ни упрытывали
голову, чтобы насъ не примѣтили, какъ бы ни отрицались
Босфора, Славянъ и историческаго призванія Русскаго госу-
дарства,—все тщетно! не скрыть намъ отъ чужихъ завиду-
ющихъ глазъ своего громаднаго туловища, своего, торчащаго

въ упоръ всякому зрячему, исторического значения въ мірѣ, своего родства съ Славянами, своего государственного таго-тѣнія!.. Мы не споримъ, было бы въ высшей степени для Россіи выгодно, а потому и желательно — задержать ходъ исторіи, заворожить Восточный вопросъ, околдовать міръ чарами мира до тѣхъ поръ, пока Россія справится со всѣми затрудненіями, подниметъ валюту кредитнаго рубля al ragi съ серебрянымъ, выстроить флотъ, проведеть десятки тысячъ верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и т. д. Но, къ нашему несчастію, исторія останавливаться не хочетъ. Въ то самое время какъ мы, въ сладкой надеждѣ, самоотверженно блюли «европейскій миръ», — словно на смѣхъ нашимъ уси-ліямъ — поднялась на историческомъ небосклонѣ, съ той сто-роны откуда всеого менѣе можно было ее ожидать, черная туча, чреватая молніями и грозами способными всколебать не только Европу, но и вселенную; въ то время, какъ мы всячески отчурались Восточного вопроса, вотъ онъ, грозный, всталъ предъ нами во весь ростъ, самъ, безъ нашего вы-зыва и дозвolenія. Такъ что же? Допустить ли, чтобы его разрѣшили другіе, помимо насъ, въ прямой вредъ не только нашей чести (это ужъ куда бы ни шло, — «мудрость», гово-рить, за этимъ и гнаться не велитъ), но и нашимъ веще-ственнымъ интересамъ?..

Конечно, до этого еще не близко, но Египетскій вопросъ — тотъ же вопросъ Восточный, лишь въ новой чредѣ своего развитія, захватывающей уже не Балканскій полуостровъ только, но и Азію, и Африку, весь мусульманскій міръ. Правда, медленно складываются события, и не много пере-мѣнъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы бессовсомъ объ Египтѣ съ читателями, но эта медленность скорѣе зловѣща, чѣмъ утѣшительна. Египетская «тьма» еще остается тьмою, только отступившею въ глубь театра событий и выдѣлившею для зрѣлища лишь переднюю сцену. Дѣйствующихъ только трое: Англія, Турція и Араби-паша; конечно имѣется и скры-тый суплеръ или машинистъ, — затѣмъ оркестръ европейскихъ державъ, который, разыгравъ прегармоническую увертюру, теперь однако прекратилъ на время свою музыку, и музы-канты или державы обратились пока въ «лица безъ рѣчей»... По послѣднимъ извѣстіямъ, конференція представителей евре-

пейскихъ державъ въ Константинополѣ, первоначально организовавшаяся, по поводу египетскихъ дѣлъ, вопреки волѣ султана и безъ участія Порты, теперь, когда она не только признана султаномъ, но даже заставила султана исполнить ея требование,— эта конференція пришла къ заключенію, что въ виду начавшихъ военныхъ дѣйствій ей незачѣмъ собираться, и разошлась, т. е. отсрочила свои засѣданія—опять-таки вопреки настояніямъ турецкаго правительства, оставилъ султана въ самую критическую для него минуту одного, лицемъ къ лицу съ Англіей! Читатели знаютъ, что долго отказывавшись «исполнить для Европы роль жандарма относительно своихъ мусульманскихъ поданныхъ», султанъ,—убѣдившись, что Англія не шутить и рѣшилась учинить въ Египтѣ расправу сама, въ свою пользу, а на противодѣйствіе Европы расчитывать ему печего,—согласился наконецъ принять первоначальное, настойчивое предложеніе Европы и отправить свои войска въ Египтъ «для возстановленія въ немъ порядка». Такое рѣшеніеказалось сначала мастерскимъ маневромъ, ставившимъ Англію въ положеніе крайне затруднительное и щекотливое; нельзя же было повидимому для Англіи, исповѣдуя громогласно на каждомъ шагу, предъ Египтянами, верховныя права султана, а затѣмъ и права хедива, дѣйствуя хотя и самовольно, но во имя ихъ обоихъ, вдругъ отвергнуть самостоятельное вмѣшательство верховнаго владыки! Съ другой стороны, было ясно какъ день, что допустить самостоятельное, реальное проявленіе мусульманскаго верховенства въ Египтѣ (уже по самому своему существу враждебного европейскому преобладанію и склоннаго сочувствовать мусульманскому противъ Европейцевъ мятежу) значило для Англіи рисковать потерей всѣхъ ея жертвъ и усилий, потраченныхъ ради личныхъ корыстныхъ плановъ. Но Англія нашлась: ея энергическая, зоркая политика не дала себя обойти. Она прямо поставила султану въ упоръ условіе: прежде отправки турецкихъ войскъ въ Египтѣ издать отъ имени султана прокламацію, объявляющую Араби-пашу бунтовщикомъ и подписать съ Англіей военную конвенцію, въ силу которой султанскія войска становятся *de facto* въ подчиненное отношеніе къ английскому главнокомандующему: въ противномъ случаѣ всякая попытка султана высадить

войска въ Египетъ встрѣтить отпоръ англійскихъ броненосцевъ. Но подписать подобную прокламацію и подобную военную конвенцію равносильно для султана подписанію себѣ смертнаго приговора: калифъ, глава правовѣрныхъ, по повелѣнію гауровъ собственными руками, огнемъ и желѣзомъ, порабощающій своихъ собственныхъ подданныхъ, послѣдователей пророка, гаурамъ, — такой калифъ могъ бы какъ разъ перестать быть калифомъ! Да и мыслимо ли принудить къ подобной предательской роли мусульманскія войска, особенно въ виду такого энергического фанатика Ислама, какъ Араби-паша? Послѣдній, не мѣшкая, уже возвѣстилъ Египтянамъ, что султанъ намѣревается прислать турецкихъ солдатъ на помощь ему и защищаемому имъ, Араби-пашой, дѣлу, столько женациональному египетскому, сколько и обще-магометанскому... Въ то же время, если газеты не лгутъ, онъ же пустилъ въ ходъ молву, что въ случаѣ уступки султана требованіемъ Англичанъ — калифомъ, вмѣсто измѣника пророку, султана, будетъ провозглашенъ шерифъ священного города Мекки.

Необходимо вспомнить, что подвластные Турецкой имперіи Арабы находятся и безъ того въ состояніи хронического мя-тежничества относительно своихъ верховныхъ повелителей — Турокъ. Арабское племя вообще почитаетъ себя выше турецкаго и съ трудомъ мирится съ своею политическою отъ него зависимостью, — такъ что возстанія то той, то другой отрасли Арабского племени противъ своихъ турецкихъ на-чальствъ въ Сиріи или Аравіи происходятъ непрерывно. Предъ началомъ нашей послѣдней войны съ Турками, намъ привелось видѣть проектъ возмущенія всѣхъ арабскихъ племенъ противъ Турци, составленный и представленный од-нимъ русскимъ генераломъ, изучившимъ эту задачу на мѣстѣ и нѣкоторое время предъ тѣмъ занимавшимся, съ согласіемъ русскаго правительства, организаціею египетской арміи. Рос-сія имѣла возможность въ самомъ началѣ войны расколоть Оттоманскую имперію на двое и во всякомъ случаѣ произ-вѣсть полезную для себя диверсію какъ турецкихъ военныхъ силъ, такъ и европейскихъ дипломатическихъ, направлен-ныхъ противъ насъ заботъ. Разумѣется, мы пренебрегли этимъ соображеніемъ. Такой планъ былъ слишкомъ смѣль,

слишкомъ не рутиненъ для нашихъ политиковъ и дипломатовъ, начинаяшихъ войну нехотя, предпочитавшихъ витать въ безвѣдніи собственныхъ конечныхъ цѣлей и умысловъ. Организационными трудами генерала Фадѣева въ Египтѣ мы впрочемъ все-таки воспользовались въ томъ смыслѣ, что имѣли противъ себя въ Турціи очень хорошо обученный отрядъ египетскихъ войскъ. Но это мимоходомъ. Возвратимся къ султану и къ его трагическому положенію.

Уступая заявлению Англіи и все еще надѣясь, можетъ-быть, какъ-нибудь ее провести, турецкіе министры составили требуемую прокламацію относительно Араби-паші и даже соглашались въ принципѣ на условія конвенціи съ нѣкото-рою оговоркою въ частностяхъ: нужна была только подпись султана... Ея нѣть и до сихъ поръ. Султанъ медлитъ, — медлитъ заколоть себя самъ въ угоду Англіи. Англія настаиваетъ. Она сообразила, что ей даже выгоденъ былъ бы теперь, въ той или другой формѣ, вицѣній видъ содѣйствія Турціи. Какъ мусульманской державѣ (по ея Индійскимъ владѣніямъ), Англія даже необходимо показать, что она дѣйствуетъ въ Египтѣ въ согласіи съ султаномъ. Другими словами, ей нужна турецкая же санкція англійскихъ покушеній на неприкосновенность Турецкой имперіи!... Съ этою цѣлью Англія идетъ теперь даже на нѣкоторыя уступки въ формальныхъ условіяхъ конвенціи, — надѣясь вознаградить себя за нихъ, на мѣстѣ, фактическимъ полновластіемъ... Султанъ озирается кругомъ, выжидаетъ, не найдется ли какой выходъ изъ дилеммы, предъ нимъ поставленной, такъ какъ совсѣмъ отказаться теперь отъ вмѣшательства, это значило бы свидѣтельствовать предъ всѣмъ магометанскимъ міромъ о своей немощи и заранѣе отречься отъ Египта, даже и безъ войны (съ неудачами которой мусульманскому фатализму все же легче мириться)... Въ эту-то самую критическую минуту и остали султана европейскіе друзья и родители, и исchezъ призракъ охраняющаго неприкосновенность Турціи «европейскаго концерта»; другими словами — конференція разошлась...

А англійскія войска все прибываютъ, да прибываютъ въ Египтѣ, и Англія, заручившись благословеніемъ «соединенной Европы», приступила къ рѣшительнымъ военнымъ дѣй-

ствіамъ... Если возобновить въ памяті весь постепенный ходъ этого «египетскаго дѣла», то политика Англіи можетъ представиться рядомъ искусственныхъ комбинацій, составляющихъ какъ бы звенья одной макіавелистически выкованной интриги. Въ сущности оно не вполнѣ такъ происходило, да едвали и мыслимо, чтобы какой-либо планъ политическихъ дѣйствій могъ быть обдуманъ, составленъ заранѣе во всѣхъ подробностяхъ и потомъ послѣдовательно, систематически приводимъ въ исполненіе. Но не въ этомъ достоинство, а въ умѣніи пользоваться представляющимися обстоятельствами; въ томъ, чтобы въ лабиринтѣ политическихъ путей всегда находить вѣрную дорогу при помощи компаса, неуклонно направленного въ одну сторону — выгода и польза своего отечества... Какъ бы то ни было, но еще въ началѣ нынѣшняго года мы читали письмо константинопольского корреспондента газеты «Times», адресованное къ одному изъ московскихъ его друзей, въ которомъ онъ горько жаловался на полнѣйшій упадокъ англійскаго вліянія въ Турціи и на преобладающую нравственную силу Германіи. Теперь же, — пишутъ намъ изъ Константинополя, — «энергія, проявленная Англіей въ Египетскомъ вопросѣ, произвела подавляющее впечатлѣніе на весь мусульманскій Востокъ и надолго закрѣпила за этой державой обаяніе непобѣдимой силы». Конечно, тутъ помогла Англіи не одна ея энергія, но и пассивный образъ дѣйствій европейскихъ державъ, — на раздоръ которыхъ между собою изъ-за достоинія «большаго человѣка» мусульманскій Востокъ всегда и расчитывалъ. И именно въ этомъ и выражалось искусство англійской политики, что она обеспечила себѣ такое пассивное отношеніе Европы!... Когда ту же энергическую политику рекомендовалъ Англіи Гамбетта, англійское правительство склонилось; какія бы тому причины ни были, но теперь, post factum, выходитъ такъ, что оно какъ бы предпочло дѣйствовать на свой страхъ и за свой счетъ, а не тратить энергию изъ-поду (какъ выражаются наши крестьяне), да еще въ пользу Французовъ, съ которыми было бы недалеко и до ссоры. Затѣмъ же энергическую политику про себя, Англичане замыслили вмѣстѣ съ тѣмъ обставить ее «европейскимъ согласіемъ». За благовиднымъ «мотивомъ» дѣло не стало:

«Англія вѣдь только имѣть въ виду возстановить въ Египтѣ порядокъ, утвердить законную власть хедива, избавить его и страну отъ военной тиранніи мятежника Араби, прикрывающаго личные корыстные виды какимъ-то фальшивымъ знаменемъ національности. Возстановленіе этого порядка вѣдь интересъ всеобщій, европейскій (вся Европа вѣдь эксплуатируетъ Египетъ!), — ну да и Суэзскій каналъ съ его международнымъ значеніемъ!...» Никого конечно изъ западныхъ кабинетовъ эти слова не обманули, но мотивъ признанъ былъ благовиднымъ: *decorum соблюденіе!* Вотъ и составилась въ Константинополѣ знаменитая конференція изъ представителей великихъ державъ съ участіемъ англійскаго, которая, конечно, тотчасъ же вѣнчала эти хороши рѣчи Англіи согласнымъ аккордомъ. Учиненъ былъ даже протоколь о безкорыстії, всѣми подпісанный, при чемъ однако Англія вмѣстѣ съ Франціей выговорили себѣ свободу дѣйствій въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, клонящихся къ ущербу ихъ подданныхъ или интересовъ. Оговорка была допущена безъ затрудненія, несмотря на видимую растяжимость ея смысла. Франція ею не воспользовалась, а что разумѣла подъ нею Англія — это не замедлило обнаружиться. Приложеніемъ къ протоколу явилось бомбардированіе Александрии — безъ всякаго законнаго повода, безъ объявленія войны,ничѣмъ собственно *не* вынужденное, вопреки всѣмъ началамъ справедливости и международнаго права.

Это было решительнымъ испытаніемъ прочности европейскаго концерта. Большаго нахального оскорблѣнія идеи концерта и достоинства Европы — всей вкупѣ и каждой державы въ отдельности — казалось бы, не возможно и нанести. Но ударъ былъ расчитанъ вѣрно, Гладстонъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, — почувствовала было оскорблѣніе одна Россія, но сейчасъ же и смирилась (о чёмъ мы поговоримъ ниже), — и товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Дилькъ вскорѣ имѣлъ основаніе заявить въ парламентѣ, что Англія находится въ наилучшихъ отношеніяхъ ко всѣмъ государствамъ Европы! И въ самомъ дѣлѣ, нужна была только известная, конечно очень крупная, доля дерзости; серьезнаго же риска для Англіи не было: Франціи, при министерствѣ

Фрейсине, опасаться было нечего; Италия и Австроія не стали бы вѣдь воевать съ могучею морскою силою Англіи въ утѣху мусульманскому миру... Князь Бисмаркъ,—но германскіе интересы въ Египетскомъ вопросѣ всего менѣе замѣшаны, да и не объявлять же Англіи изъ-за Александрийского разгрома войну! Но разъ бомбардировка сошла для Англіи благополучно, обаяніе ея на Востокѣ мигомъ выросло превыше германскаго, и за Англіей утвердилась первенствующая роль. Европейскій концертъ обратился въ роль приспѣшника Великобританіи. Вздумала Италия предложить колективную морскую охрану Суэзскаго канала безъ высадки на берега войскъ,—предложеніе принято съ сочувствіемъ всѣми державами, въ томъ числѣ и Англіей, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ наперекоръ предложенію, заняла своими войсками Суэзъ. И Европа не моргнула ни однимъ глазомъ. Чѣдѣ бы повидимому ни сотворила Англія, она все-таки пребываетъ въ концертѣ и концертъ пребываетъ съ нею. Въ послѣдніе дни Англія ввела свои военные корабли въ самый каналъ, пріостановила проходъ по каналу коммерческихъ судовъ всѣхъ націй и сдѣлала его своею военною операционною линіею: причемъ же, спрашивается, тутъ итальянскій проектъ, санкционированный конференціей?

А между тѣмъ будущіе виды Англіи на Египетъ, какъ ни прикрыты фразеологіей о безкорыстіи и обѣ уваженіи къ законнымъ правамъ хедива и Египетскаго народа, представляются довольно прозрачными. Гладстонъ возвѣстилъ, что окончательная судьба Египта будетъ предоставлена Англіей Европѣ, но оговорился однако при этомъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не удовольствуется *status quo ante*, т. е. тѣмъ положеніемъ, довольно значительнымъ, которое она вмѣстѣ съ Франціей занимала въ Египтѣ до начала событий. Можно заранѣе предвидѣть, что участіе Европы въ решеніи судьбы Египта будетъ также весьма ограниченное: не для того же тратить Англія теперь кровь и достояніе своихъ подданныхъ, чтобы потомъ отдать плоды своей победы державамъ не истратившимъ на Египетъ ни капли крови, ни пенса! Повторить надъ Англіей Берлинскій трактатъ не удастся: не такого она духа. Берлинскіе трактаты возможны лишь тогда, когда на нихъ соглашаются, да еще безъ про-

теста!... Очевидно, новое устройство Египта должно быть таково, которое бы не допускало повторения опасныхъ для Англіи проявлений национального самобытнаго духа. По всей вѣроятности Англія обратитъ Александрию, Портъ-Саидъ и Суэзъ въ англійские города, поставить Суэзскій каналъ въ положеніе Гибралтарскаго пролива, а на остальной Египетъ съ хедивомъ распространить свой «благодѣтельныи» протекторатъ.

Но какая же выгода для Европы, особенно для государствъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, въ томъ, чтобы Средиземное море стало англійскимъ моремъ? А оно станетъ такимъ, разъ въ рукахъ Англіи Гибралтаръ, Мальта, Египетъ и Кипръ. Выгодъ нѣтъ и для настѣ; даже когда бы мы владѣли Босфоромъ, намъ пришлось бы выходить изъ него въ англійское море, и англійскимъ каналомъ, подъ видомъ международнаго, сообщаться съ нашими Тихоокеанскими владѣніями. Выгоды безъ сомнѣнія нѣтъ, но и способовъ воспротивиться такому исходу ни у одной приморской державы также нѣтъ (Россію пока опустимъ). Испанія въ великихъ державахъ не числится; Италія хоть и числится, но не представляетъ сама по себѣ ровно никакой положительной силы; она это и чувствуетъ, и держится за тѣхъ, кто посильнѣе, — именно за Германію. Австрія не обладаетъ серьезнымъ боевымъ флотомъ, къ тому же и она состоитъ на пристяжкѣ у Бисмарка. Одна Франція... Но Франція ни къ какой крупной войнѣ пока не способна, да и не ссориться же ей, и безъ того одинокой, съ своимъ единственно возможнымъ союзникомъ, на радость своимъ злѣйшимъ врагамъ? Однако неужели эти державы вмѣстѣ, вся эта «соединенная Европа» не въ состояніи преградить дорогу англійскимъ захватамъ? Безъ всякаго сомнѣнія — да; она могла бы создать Англіи затрудненія даже не обнажая мечи, однимъ дипломатическимъ протестомъ, и лишить ее той европейской санкціи, которую Англія очевидно дорожитъ, нисколько не желая ссоры со всемъ Европой. Какія же причины настоящаго образа дѣйствій европейскихъ державъ? Первая причина та, что въ настоящую минуту, при бессиліи Франціи, ни у одной державы на континентѣ, кроме Германіи, нѣтъ самостоятельной политики, а потому и по вопросу объ англо-египетскомъ дѣлѣ верховными рас-

порядителемъ европейской политики является, конечно, германскій канцлеръ. Лично для Германіи не связывается съ Египтомъ никакихъ интересовъ, но ей безъ сомнѣнія (и это стоять на первомъ планѣ ея соображеній) на руку все, что скорить Англію въ Франціей и возбуждаетъ неудовольствіе къ Англіи въ другихъ державахъ.—что, однимъ словомъ, разстраиваетъ возможность какой-либо коалиціи враждебной Германіи, что отвлекаетъ отъ послѣдней вниманіе западныхъ державъ. Затѣмъ—второй планъ соображеній: еслибы даже Египетскій вопросъ перешелъ, наконецъ, въ вопросъ о бытіи Турецкой имперіи,—то и это нисколько не можетъ пугать Германію. Тѣмъ лучше. При фактическомъ неудобствѣ помѣшать Англіи, не выгоднѣе ли,—можетъ-быть разсуждается такъ германскій канцлеръ,—воспользоваться плодами тѣхъ ударовъ, которые сама же Англія наносить Оттоманской имперіи, и, улучивъ моментъ сокрушенія или хоть ослабленія этой имперіи, произведенаго чужими руками, чужою кровью и на чужой счетъ, стать распорядителемъ дѣлежа, предоставивъ Англіи обладаніе Египтомъ? На лакомый пирогъ кинутся охотники со всѣхъ сторонъ, и Германія, лично не заинтересованная въ турецкомъ наслѣдствѣ, можетъ тогда разыграть роль «честнаго маклера» и надѣлить подачками, а также политической заботой и работой по горло — всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ ей союзниковъ, обеспечивъ себѣ на долго совершенную безопасность со стороны западной своей границы. А если обстоятельства поблагопріятствуютъ и можно будетъ водворить Австрію на берегахъ Босфора (который и Англія скорѣе предпочтеть видѣть въ рукахъ австрійскихъ, чѣмъ русскихъ), то исполнится и завѣтная мечта объ усиленіи Германской имперіи австрійскими нѣмецкими областями... Не эта ли перспектива близкой возможности дѣлежа и участія въ немъ—и внушаетъ западнымъ державамъ ихъ пассивный, относительно Англіи, образъ дѣйствій, обращаетъ «европейскій концертъ» разыгрываемый теперь въ Константинополь, если не въ прямой заговоръ, то въ предварительную стачку?... Миръ мусульманскій уже волнуется, беспорядки возникли было въ Бейрутѣ и уже подали Франціи поводъ отправить къ берегамъ Сиріи броненосца... Возможно, что разбитый, поверженный въ отчаяніе Арабы-

паша доведетъ до взрыва фанатизмъ Арабскаго племени вездѣ, гдѣ оно обитаетъ. Всѣмъ будетъ тогда хлопотъ не мало (кромѣ Германіи), всѣмъ будетъ тогда и пожива «во имя культуры и цивилизаций» (кромѣ православныхъ Славянъ и Россіи)!

Какую же роль исполняетъ теперь Россія на сценѣ событій? Она по прежнему мнить пребывать въ «концертѣ», но она не въ заговорѣ и не въ стачкѣ. Мы не посвящены въ тайны русской дипломатіи; мы можемъ судить лишь на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ иностранными газетами, а отчасти и словоплетеніями офиціознаго органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, *«Journal de St.-Pétersbourg»*. Для насъ несомнѣнно одно, что наша дипломатія не уразумѣла значенія Египетскаго вопроса въ самомъ его началѣ; едва ли разумѣть и теперь, и во всякомъ случаѣ не съумѣла создать для Россіи подобающаго ей самостоятельнаго положенія въ настоящемъ кризисѣ. У нашихъ дипломатовъ только и есть одна задача,—одна цѣль—подлаживаться подъ европейскій концертъ, чтобъ они и исполняютъ съ успѣхомъ, несмотря на эпизодъ 19 июля, который, противорѣча общему направленію русской дипломатіи, такъ и остался эпизодомъ. Они все еще не хотятъ понять, что такъ называемый «европейскій вопросъ» вообще никогда не былъ ничѣмъ инымъ какъ заговоромъ направленнымъ противъ интересовъ Россіи, и, что всѣ участники концерта, кромѣ Россіи, какъ римскіе авгуры, перемигиваются насыщливо между собою. Изъ разсказовъ русскихъ путешественниковъ проѣзжавшихъ чрезъ Константинополь и изъ полученныхъ «Русью» оттуда частныхъ писемъ мы знаемъ, что когда стали назрѣвать событія въ Египтѣ и уже предвидѣлся разрывъ, главнымъ предметомъ заботливости нашего министерства было одно: чтобъ представитель его въ Каирѣ, г. Лексъ, не обмолвился, Боже сохрани, какимъ-либо мнѣніемъ (вѣроятно потому что и само министерство еще не успѣло составить себѣ никакого мнѣнія). И г. Лексъ, вѣрный инструкціи, стушевался совершение, такъ что значеніе русскаго агента скоро было поставлено на одну ступень съ представителями третъестепенныхъ державъ... Затѣмъ, когда Англія искала лишь предлога къ «активной политикѣ», другими словами, къ захвату, и европей-

ская пресса, по данному ей сигналу, начала трубить о несуществовавшихъ ужасахъ небывалой египетской анархии (какие *потомъ* произошли ужасы, тѣ были вызваны демонстрациями самой Европы), — тогда въ числѣ этихъ трубачей почетное мѣсто занялъ и нашъ «Journal de St.-Pétersbourg» и поработалъ по мѣрѣ силъ западнымъ интересамъ въ Египтѣ. Когда же, еще прежде чѣмъ состоялась конференція, несчастный султанъ, видя, что и Германія отъ него отдѣляется, обратился поочередно за совѣтомъ ко всѣмъ представителямъ державъ, въ томъ числѣ и къ русскому, г. Ону (который теперь, съ прѣздомъ г. Нелидова, слава Богу, уже не представитель), — то не добился отъ него ничего, кроме банальностей, убѣдившихъ Турокъ, что искать какого-нибудь указанія съ этой стороны — нечего.

А между тѣмъ — такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется — этотъ моментъ былъ для русской политики самый удобный. Конференція въ Константинополѣ затѣялась противъ воли султана. Его протестъ дѣлалъ присутствіе сего соинища въ его столицѣ вполнѣ незаконнымъ, и Россіи предстояла благовидная возможность не вступать въ конференцію, не принимать въ ней участія. Она могла бы сослаться на примѣръ памятныхъ ей конференцій 1876 и 77 годовъ. Безъ участія Россіи и Турціи конференція становилась немыслимою, и такое воздержаніе Россіи создало бы для нея тотчасъ же выгодное положеніе; оно лишило бы Англію опоры и санкції «европейского концерта» и поставило бы ее въ условія весьма затруднительныя. По всей вѣроятности, русскій протестъ противъ конференціи могъ бы сгруппировать около Россіи и Францію, и Италію, и Грецію, придать смѣлости и самому султану (теперь одинокому), — а энергіческій протестъ главы мусульманъ, поддержанный Россіей, конечно былъ бы для Англіи нежелателенъ въ виду ея мусульманскихъ Индійскихъ владѣній. Все это, безъ сомнѣнія, заставило бы или отсрочить развязку Восточного вопроса (что было бы намъ на руку), или вѣроятнѣе всего взойти въ предварительное соглашеніе съ Россіей; она могла бы выговорить себѣ заранѣе признаніе русскихъ правъ и требованій. Какое значеніе силы представляеть Россія и до сихъ поръ, при каждомъ самостоятельномъ своемъ дѣйствіи,

доказывается эпизодомъ 19 іюля, когда, послѣ бомбардиро-
ванія Александріи, подъ впечатлѣніемъ этой наглой насыщ-
ки надъ «европейскимъ согласіемъ», пришло изъ Петербур-
га внезапное повелѣніе русскому представителю: выдти изъ
конференціи. Какъ громъ пало на Европу это рѣшеніе, един-
ственно достойное нашей великой державы и сообразное съ
ея интересами. Оно до такой степени противорѣчило всему
характеру предшествовавшихъ рѣчей и поступковъ нашего
представителя на конференціи (впрочемъ, вполнѣ согласныхъ
съ внушеніями его начальства), что — какъ намъ сообщаютъ —
г. Ону даже не рѣшился объяснить коллегамъ истиннаго мо-
тива своего удаленія и сослался на «неполученіе инструк-
цій!» Слова его, конечно, были встрѣчены его товарищами
съ двусмысленною улыбкой, такъ какъ они всѣ были уже
увѣдомлены своими кабинетами, по телеграфу, о дѣйстви-
тельныхъ причинахъ выхода г. Ону. Этотъ шагъ русского
правительства не на шутку встревожилъ Англію; не знаемъ,
чтѣ произошло, — вѣрнѣе всего, что намъ самимъ стало не-
доволѣ отъ нашего непривычно-смѣлаго шага, — только черезъ
сутки или двое, къ вѣщему своему утѣшенню, г. Ону вновь
занялъ свое мѣсто на конференціи, причемъ объяснилъ, что
«въ виду заявленія Англіи объ ея намѣреніи дѣйствовать
въ Египтѣ съ согласіемъ европейскихъ державъ» (какъ будто
она этого прежде не заявляла!), «Россія признаетъ возмож-
нымъ принять снова участіе въ конференціи». На это (такъ
намъ рассказывали) предсѣдатель ея, графъ Корти, будто бы
не безъ язвительности замѣтилъ, что «все происходящее на
конференціи является плодомъ европейскаго соглашенія, а
потому едвали предстояла необходимость въ особомъ о томъ
упоминанії»....

Чтѣ же въ результатѣ? Въ результатѣ, по нашимъ свѣ-
даніямъ, послѣдними событиями сильно поколеблена въ Тур-
ціи вѣра въ русское могущество, а эпизодами 19 и 20 іюля
потресена и вѣра въ устойчивость нашей программы. Въ
результатѣ то, что Европейская въ Константинополь конфе-
ренція освятила согласіемъ Европы (и Россіи) англійскіе
захваты въ Египтѣ, а мы пребываемъ лояльно-вѣрны узамъ
Берлинскаго трактата, и онѣ продолжаютъ тяготѣть на нась
всю свою пригнетающею силою. Въ виду же непреста-

ющихъ гимновъ европейскому концерту въ петербургскомъ официозномъ французскомъ журналѣ, можно предположить, что наши дипломаты окажутся, пожалуй, способны не нарушить согласія этого концерта и тогда, когда западноевропейскія державы станутъ межъ собою дѣлить, у насъ подъ глазами, наследство Турціи, а Россіи будетъ предоставлена честь безкорыстной санкціи дѣлежа, конечно вмѣстѣ съ похвалой высоко-культурной Европы за соблюденіе нами европейской гармоніи,—а также и съ рекомендацией заняться на досугѣ у себя дома «мирнымъ прогрессомъ» — съ утратою Босфора и не малой доли нравственного и политического достоинства!...

Москва, 21 августа.

Оставимъ глупымъ доказывать, что въ наши просвѣщеніе дни религія въ «высококультурной» Европѣ уже перестала служить орудіемъ политическихъ цѣлей; что съ достопамятнымъ наслажденіемъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ «царства разума», религія со степени вѣроисповѣдного и нравственного закона цѣлої страны уже низведена теперь до значенія лишь «субъективнаго», или личнаго чувства,—для общественной совѣсти нисколько не обязательнаго, для государства совершенно безразличнаго, но всегда будто бы, при либеральномъ правовомъ порядкѣ, свободнаго во вѣнчанихъ, публичныхъ своихъ проявленіяхъ. Факты, утверждающіе противное, и лицо и способны убѣдить всѣхъ, кто не глухъ и не слѣпъ. Извѣстно, что не только юные, но и старые, хотя осужденные повидимому на вѣчную недорѣлость, птенцы нашего фальшиваго либерализма и еще болѣе фальшиваго прогресса хоромъ обвиняютъ нашу газету въ узкости, отсталости и мракобѣсіи за то, что чистоту и самобытность славянской народной стихіи она отождествляетъ съ вѣрностю православному исповѣданію, а въ Славянахъ-католикахъ допускаеть се лишь постольку, поскольку они плохо рабствуютъ Риму. А между тѣмъ, въ то самое время какъ все, что у насъ и у Балканскихъ Славянъ, съ дѣтскимъ чванствомъ само

себя величая кличкой «интелигенці» и вѣруя въ свой полуобразованный умнико,— всѣ эти «передовы», или «напредники», во имя «послѣднихъ словъ» западно-европейской науки, проповѣдуютъ на всѣхъ стогнахъ и перекресткахъ религіозный индифферентизмъ, нерѣдко и грубое безвѣріе, или же съ умиленіемъ мечтаютъ о примѣненіи къ русской или славянской народной школѣ новаго французскаго закона о народномъ образованіи, насильственно навязанного Французскому народу фарисеями либерализма, во осмѣяніе принципа свободы совѣсти,— въ это самое время наши друзья иностранцы, посмѣиваясь въ кулакъ надъ ребячески- заносчивымъ легкомысліемъ сихъ носителей идеи прогресса въ Россіи и за Дунаемъ, безъ перемої орудуютъ да орудуютъ себѣ латинствомъ или даже протестантствомъ, какъ самимъ надежнымъ рычагомъ духовной и политической ассимиляціи не-славянскому Западу. Должно-быть и Поляки съ своей стороны признаютъ православіе однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ русской народности, если въ совращеніи Русскихъ въ католицизмъ видѣть наилучшее средство къ ополяченію. Такъ еще недавно, благословляя скудоуміе и слѣпоту нашихъ украинофиловъ и минныхъ «либераловъ», цѣлуясь и обнимаясь съ ними, обмѣнивались слашавыми рѣчами о братолюбіи, о примиреніи, Поляки преподнесли имъ, въ залогъ сердечнаго сближенія съ Русью, Галицкое дѣло, а теперь твердо рѣшились не мытьемъ, такъ кѣтаньемъ, не соблазномъ, такъ насилиемъ, повернуть русскихъ униатовъ въ папизмъ, всѣхъ до единаго! И наши ничего. Сначала поморщились, но такъ какъ ихъ либеральный катихизисъ велить прежде всего и щуще всего отрицать, ненавидѣть, оплевывать даже самое предположеніе о томъ, что у Русскаго народа можетъ быть какая-нибудь «національная духовная сабобытность», то нельзя же имъ стать въ противорѣчіе съ собою и ломать копья за свободу русскаго православія! Къ тому же съ точки зрѣнія украинофиловъ православіе скорѣе пемѣха, такъ какъ лучше чтобъ у народа вообще никакой религіи не было! Вотъ почему, нахально обругавъ, въ угоду Полякамъ, всякое выраженіе сочувствія въ Галицкой Руси къ Россіи, снова либерально пригласили Поляковъ водить ихъ за носъ... Впрочемъ, не по поводу домашняго, стараго

споря Русскихъ съ Поляками повели мы эту рѣчъ. Поляки все же свои, все же не совсѣмъ Западная Европа, которой высшая культура русскимъ и славянскимъ прогрессистамъ внушаетъ благоговѣйный страхъ, доходящій до низкопоклонства, до податливости самой низкой пробы. Забываютъ одно: всѣ эти либеральные, гуманные, правовые и прочія хороши начала на Западѣ существуютъ тамъ про своихъ, т. е. про одинъ лишь Западъ, но не про Россію и не про Славянство. Но отношенію къ послѣднимъ эти начала тотчасъ же упраздняются, при чёмъ Западъ даже и не лицемѣрить—приличія ради. Да и зачѣмъ? всѣ западно-европейскія державы—какъ скоро дѣло идетъ о нась и о Славянахъ—солидарны между собою. Посмотрите, чтѣ творитъ въ настоящее время Австрія. Несколько не стыдясь ни «нашего просвѣщенаго вѣка», ни остальной культурной Европы, такъ какъ она съ ней, съ Австріей, за одно (рука руку моетъ!), еще менѣе чинась съ Россіей и православнымъ Славянствомъ, такъ какъ глубоко презираетъ ихъ духовное безсиліе, и противодействія ихъ не боится,—эта держава выработала колесальный планъ: разорвать духовную связь православныхъ Славянъ съ Россіей и объединить ихъ духовно, а затѣмъ, въ томъ или другомъ видѣ, политически—съ Австріей посредствомъ совращенія ихъ изъ православія въ латинство. Предиріятіе достойное европейской цивилизаціи конца XIX столѣтія! Само собою разумѣется, что папа всѣми зависящими отъ него средствами, всею неистощимою сокровищницей католическихъ кошней, ухищреній, интригъ, всею мощью своего авторитета (только лишь повидимому поколебленного, но все еще полнаго крѣпости и жизни) ревностно содѣствуетъ осуществленію этого исполнівскаго заговора противъ православно-славянскаго міра. Императорскій Габбургскій домъ особенно близко къ сердцу принимаетъ успѣхъ латинской между Славянѣ пропаганды; мы знаемъ изъ газетъ, какъ щедро надѣлили въ вѣнскомъ Hofburgъ вѣстника радости—какого-то монсеньора, прибывшаго въ Филиппономъ и повѣдавшаго царственной фамиліи о духовныхъ завоеваніяхъ католицизма въ Македоніи и Восточной Румеліи.

Да, Македонія, Румелія и даже—о стыдъ, о позорѣ! самое Болгарское княжество—стали теперь поприщемъ усилен-

ной деятельности застrelъщиковъ австрійской арміи—католическихъ миссіонеровъ. О Сербскомъ королевствѣ мы и не говоримъ. Это уже само лѣзетъ въ пасть Австро-Венгрии, даже не нуждаясь въ религиозномъ съ нею объединеніи, а просто вслѣдствіе политического и духовнаго разврата своей правящей «интелигенції», и лѣзеть притомъ такъ стремительно, что Австрія даже нѣсколько пятится, опасаясь—какъ бы, проглотивъ сразу, не подавиться. Съ Босніей и Герцеговиной—благо онѣ на военномъ положеніи—пріемъ менѣе церемонный. Пропаганда творится тамъ не словомъ, а просто-на-просто кулакомъ, тюрьмою, лишеніемъ средствъ къ жизни, короче—всѣми разнообразнѣйшими видами насилия. Классическая же латинская пропаганда,—т. е. путемъ обольщеній, подкуповъ, соблазновъ и интригъ,—производится главнымъ образомъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, а также, къ несчастію, и съ успѣхомъ въ Македоніи, которая Берлинскимъ трактатомъ была, такъ-сказать, выброшена за бортъ при регулированіи русскихъ завоеваній, т. е. оставлена за Турціей: тамъ, въ доведеніи до отчаянія Болгарскому населенію, нашла себѣ католическая проповѣдь самую благодарную почву. О пропагандѣ въ Македоніи намъ доставлены очень подробныя свѣдѣнія,—мы постараемся извлечь потомъ изъ этого обширнаго материала факты наиболѣе выдающіеся и сообщить ихъ читателямъ. Замѣтимъ только адѣсь, что русскій консулъ въ Битоли обитаетъ какъ разъ въ домѣ латинской пропаганды, и русскій императорскій гербъ приходится какъ разъ подъ выстроеною на крыше эмблемою латинства,—подъ купола со крестомъ! Достойно вниманія также, что въ этой, пока еще вполнѣ турецкой провинціи, православный Славянинъ сократившійся въ латинство поступаетъ немедленно подъ энергическое покровительство и защиту не только австрійскаго, но и германскаго, и англійскаго, и французскаго консула, и прочихъ консуловъ католическихъ и даже протестантскихъ державъ, которые такового покровительства и защиты отъ турецкаго произвола православному ни оказываютъ.

Не очевидно ли, что всѣ западно-европейскія державы вполнѣ единодушны между собою въ стремлении къ общей цѣли: исключить Балканское Славянство изъ сферы русскаго

влянія и разобщить его духовно съ Русскимъ народомъ—въ полной увѣренности, что разобщеніе въ вѣрѣ послужитъ надежнѣйшимъ средствомъ къ ассимиляціи и затѣмъ къ по-рабощенію Славянъ Западу? Недаромъ на Берлинскомъ конгрессѣ лордъ Беконсфильдъ такъ настаивалъ на «свободѣ вѣроисповѣданій» въ Болгаріи, Сербіи, Румыніи. Только совсѣмъ глупые люди воображали себѣ, что это требование предъявляется во имя культуры и цивилизациі; оно не имѣло другой цѣли, какъ поставить католическую, а частью и протестантскую интригу, направленную противъ православія Балканскихъ Славянъ, подъ покровительство мѣстныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не дико ли, что всѣ католическая и протестантская страны, тотчасъ же послѣ Берлинского трактата, наслали тучи миссионеровъ въ православныя славянскія земли Балканского полуострова? Развѣ Болгаре и Сербы—язычники? развѣ они не исповѣдуютъ имени Христа? развѣ согласно съ современной цивилизацией и культурой, которыми столько хвалится Западная Европа, придавать такое важное значеніе самой формѣ вѣроисповѣданія? Чѣдже иное всѣ эти «апостолы» Запада, какъ не стали волковъ въ овечьей шкурѣ, которые, кощунствуя именемъ Христа, служить лишь единственно политическимъ цѣлямъ Запада, властолюбивымъ видамъ не только Римской куріи, но и разныхъ Европейскихъ державъ? Развѣ, проникая въ это овчье или точище баранье стадо, плохо оберегаемое пастухами, не ищутъ они подкопаться подъ самое основаніе славянской национальной самобытности? И не треклятая ли ложь въ устахъ западныхъ кабинетовъ и даже западныхъ обществъ,—какъ скоро дѣло касается Россіи,—всѣ эти слова о свободѣ совѣсти, о свободѣ вѣроисповѣданій, о культурной этикѣ, о высоконравственномъ значеніи цивилизациі?

Съ успѣхомъ вербуетъ себѣ католицизмъ прозелитовъ и въ Восточной Румелии, гдѣ, съ удаленіемъ князя Цертелева, русское влияніе значительно ослабѣло. Въ этой *единоплеменнической* и *единогрѣшной* намъ Румелии наше министерство иностранныхъ дѣлъ признало необходимымъ держать генеральнymъ консуломъ,—представителемъ Россіи,—человѣка именемъ-то и не связанного съ Болгарскимъ населеніемъ ни единоплеменностью, ни единогрѣемъ; лютеранинъ женатый на

католичкъ, онъ можетъ быть и преисполнень достоинствъ, во мѣсто ему конечно не между Славянами, а тамъ, где вопросъ вѣры и племени не имѣть никакого значенія...

Но чего мы никакъ не ожидали и о чёмъ получили только на днѣхъ положительный свѣдѣнія, это обѣ успѣхъ австрійской религіозной пропаганды въ самомъ Болгарскомъ княжествѣ и вообще обѣ усиленіи тамъ иностранного, преимущественно же австрійскаго нравственнаго преобладанія,— конечно только прокладывающаго дорогу преобладанію экономическому и политическому. Вдохновленная, подталкиваемая, спосѣществуемая Германіей или вождемъ германской политики, княземъ Бисмаркомъ, Австрія упорно, послѣдовательно, шагъ за шагомъ раздвигаетъ кругъ своихъ захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, точить и грызетъ узы связывающія его съ Россіей, такъ что, когда настанетъ для Австріи и для Европы «время благопотребно» — покончить съ Оттоманской имперіей, эти узы окажутся, пожалуй, совсѣмъ негодными. Особенно дѣятельнымъ, рѣзущимъ глаза сталъ этотъ австрійскій напоръ въ послѣдніе два года. До этого времени католики въ столицѣ болгарской были не замѣтны, Австрійцевъ считали по пальцамъ... Теперь же Австрійцевъ въ Софіи цѣлая почти третья населенія, около 8 тысячъ! На улицахъ то-и-дѣло раздается нѣмецкій языкъ; австрійскій консулъ —увѣраютъ настъ—*первое лицо въ го-родѣ*; желѣзнымъ экономическимъ кольцомъ стремится Австрія охватить и уже отчасти охватываетъ Болгарію: съ одной стороны по линіи отъ Ломъ-Паланки на Софию (постройка которой рано или поздно неизбѣжна), съ другой — по Дунаю. Торговля и подряды въ рукахъ Австрійцевъ — но главное: это ловкая, мастерская дѣятельность католическихъ миссіонеровъ. Они не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ на сокращеніе Болгаръ изъ православія или по крайней на утвержденіе своего вліянія. Впрочемъ, деньгами обильно снабжаеть ихъ не только Римская курія, но въ особенности нашъ другъ, соучастникъ нашъ въ «европейскомъ концер-тѣ» — австро-мадьярская державная власть. Разумѣется, усиленія миссіонеровъ направлены преимущественно на молодое болгарское поколѣніе, въ томъ довольно вѣрномъ расчетѣ, что это наилучшій путь для насажденія и укорененія

латинскаго и австрійскаго обаянія въ странѣ. До войны, въ Софіи не было ни одной католической церкви, ни одной католической школы. Нынѣ у католическихъ миссионеровъ имѣется и то, и другое. Католическая школа для девочекъ, основанная два года тому назадъ, имѣеть уже 115 воспитанницъ, изъ которыхъ болѣе половины — православныя Болгарки, а католическая школа для мальчиковъ — 90 учениковъ, также болѣе чѣмъ на половину Болгары! Мужской школою завѣдываютъ монахи-капуцины, женскою — монахини-кармелитки (число послѣднихъ въ Софіи ежегодно возрастаетъ). Всѣ они присылаются изъ Австріи, но имѣются также изъ Италии, Франціи, Бельгіи; самыя школы содержатся преимущественно на счетъ австрійского правительства. Православныя болгарскія дѣти, отдаваемыя въ эти школы ихъ неразумными родителями, обучаются тамъ обязательно латинскому катихизису у католическихъ патеровъ, иоють на клиросѣ въ католической церкви и участвуютъ въ католическихъ церковныхъ процессіяхъ. Мало того: *этими дѣтьми, подъ страхомъ исключенія изъ школы, воспрещаетсяходить въ православную церковь*, — и родители подчиняются этимъ условіямъ, иные потому, что относятся къ этому безразлично, почитая вѣроятно такое безразличіе, со словъ русскихъ якобы «либеральныхъ» газетъ, высшимъ признакомъ культуры, а другие — «скрѣпя сердце»... «Курьезнѣе всего», сообщаютъ намъ, а мы скажемъ — не курьезнѣе, а срамнѣе всего для Болгарскаго княжества — «то, что въ числѣ воспитанницъ находятся дочери лучшыхъ болгарскихъ семействъ, между прочимъ дочь одного изъ болгарскихъ министровъ!» Хорошъ примѣръ подаетъ этотъ министръ! А еще «консерваторъ»! Чѣдѣ же онъ, спрашивается, консервируетъ или охраняетъ, когда не способенъ охранить цѣлості національного вѣроисповѣданія въ своемъ собственномъ домѣ и религіозной связи своего семейства съ Болгарскимъ народомъ?

Эти свѣдѣнія не могутъ, конечно, не возмутить глубоко русскихъ читателей и заставать, пожалуй, не одного изъ нихъ подумать, что не бывало на свѣтѣ рыбъ, которыхъ бы такъ вѣрно клевали подставленную имъ прикорыку съ крючьями, какъ клюютъ Болгары грубую прикорыку миссионерскихъ латинскихъ удочекъ. Но послѣ первого, вполнѣ за-

конного варви негодованія, слѣдуетъ намъ, Русскимъ, принять въ соображеніе и обстоятельства смягчающія вину. А они значительны.

Прежде всего вспомнимъ, что Болгары, подъ турецкимъ иго, несли на себѣ и церковное иго фанариотское, т. е. иго константинопольскихъ Грековъ, которые, какъ скоро въ Болгарахъ пробудилось сознаніе своей народности, старались всѣми способами, отъ церковнаго управления зависящими, вытравить въ Болгарахъ это зачинавшееся пробужденіе национального духа и огречить ихъ. Греки преслѣдовали болгарскій, т. е. церковно-славянскій языкъ въ церквяхъ, въ школахъ, вслѣдствіе чего народъ переставалъ ходить въ церкви и школы, и послѣдовала та долгая тяжба, столь вредная для духовныхъ интересовъ православія на Востокѣ, столь несогласная съ духомъ истиннаго христіанства, которая съ одной стороны привела къ учрежденію Болгарскаго Экзархата въ силу султанскаго фирмана и въ противность буквъ каноновъ, съ другой стороны — къ созыву поимѣстнаго собора въ Константинополь (почему-то называвшагося вселенскімъ). На этомъ соборѣ, безъ участія Русской и Йерусалимской церквей, Болгары провозглашены схизматиками или расхольниками! И для Грековъ и для Болгаръ въ равной степени дѣло шло не о церкви собственно, а объ интересахъ эллинской и болгарской народности. Послѣдняя въ то время (до конца нашей послѣдней войны) не имѣла даже географическаго признаннаго очертанія; Экзархатомъ же создавалась для нея — первая юридическая основа или точнѣе рамка для национальнаго бытія, по видимости еще только церковная, но въ сущности политическая. Понятно, разумѣется, какъ дорога была Болгарамъ эта форма национальнаго самосохраненія, единственно въ то время для нихъ возможная. Этимъ раздоромъ въ иѣдрахъ православія не преминули конечно воспользоваться католики. Когда, еще до учрежденія Экзархата, Болгары изнемогали въ борьбѣ, тогда многіе изъ нихъ, увлекаемые Драганомъ Цанковымъ, въ ослѣщеніи борьбы и ненависти къ Грекамъ, поддались соблазнительнѣмъ предложеніямъ Римскаго папы и приняли унію, думая обрѣсть себѣ опору въ союзѣ съ Римскою церковью. Учрежденіе Экзархата разрушило однакоже римскіе

ковы, и почти всѣ изъ совращенныхъ возвратились въ лоно православія (кромѣ г. Цанкова), и на этомъ концѣ — увы! — вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ со всѣмъ Болгарскимъ народомъ, попали въ «схизматиковъ» — по рѣшенію Константинопольскаго злосчастнаго собора... Но если Болгари, — для национальности которыхъ вопросъ о церковной автономіи сталъ по истинѣ вопросомъ быть или не быть, — погрѣшили временемъ слабостью (и то лишь очень небольшая часть ихъ), а въ учрежденіи Экзархата погрѣшили противъ буквы каноновъ, то Греки, съ своей стороны, погрѣшили противъ самаго духа канонического ученія, т. е. противъ духа христіанской любви и правды. Константинопольская церковь, которая есть матерь всѣхъ славянскихъ православныхъ церквей (въ томъ числѣ и Русской), которая почитается хранительницею преданій церковныхъ со временъ Апостольскихъ, должна была, конечно, и въ этомъ спорѣ сть Болгарами, пребыть на подобающей ей высотѣ, явить истинно-христіанскую мудрость, истинно-материнскую любовь и снисхожденіе къ менѣе развитому и образованному Болгарскому племени, уважить его усилия къ возсозданію своей народной личности, и не давать мертвящей буквѣ торжествовать надъ животворящимъ духомъ. Въ томъ, въ чёмъ обвиняетъ Константинопольский соборъ Болгаръ (въ филетизмѣ, т. е. во внесеніи начала племенного пристрастія въ идею церкви) провинился прежде всего самъ Константинопольский Патріархъ. Разрывъ между Патріархатомъ и Болгарскою церковью продолжается и понынѣ, вслѣдствіе спора о Македоніи и Восточной Румелии, на которую Болгарскій Экзархатъ продолжаетъ предъявлять свои права (такъ какъ обѣ области лишь случайно не попали пока въ составъ Болгарскаго княжества, но были включены въ него Санъ-Стеванскимъ договоромъ). Положеніе Болгарской церкви въ настоящее время самое странное, двусмысленное, неправильное. Она не находится въ офиціальномъ общеніи ни съ одною православною церковью. Мы, точнѣе сказать, Русская офиціальная церковь не то признаетъ, не то отрицаetъ автокефальность Болгарской; точно также отнеслась она, Русская офиціальная церковь, и къ постановленію Константинопольскаго собора. Пріѣдутъ болгарские архиереи въ Россію, ихъ допуска-

ють свободно служить молебны въ нашихъ церквахъ, но запрещаютъ служить обѣдню: въ то же время Русскіе въ Болгаріи безпрепятственно говѣютъ и прѣобщаются въ болгарскихъ церквяхъ у болгарскихъ священниковъ! Такая двуличневая церковная политика многими у насъ почитается верхомъ премудрости; но вотъ уже 4 года прошло послѣ войны и ровно 10 лѣтъ послѣ Собора, а Россійскій Св. Синодъ еще не достигъ примиренія. Между тѣмъ, такое положеніе Болгарской церкви—ложное, лишенное достоинства—не можетъ не дѣйствовать на самихъ служителей ея, на пастырей и на паству, самимъ деморализующимъ образомъ. Католики, разумѣется, извлекаютъ изъ этого свои выгоды и, указывая Болгарамъ на современный разладъ въ области православія и на недостатокъ авторитета у Русской церкви, противопоставляютъ православію цѣльность, единство и стройность церкви Римской. И пока Константинопольскій Патріархъ будетъ препираться съ Болгарскимъ Экзархомъ о Македоніи и Румеліи, а русское высшее церковное правленіе будетъ оправдывать въ собственныхъ глазахъ свою инерцію соображеніями будто бы «высшей мудрости», католики конечно дремать не станутъ, такъ что когда наконецъ въ этихъ областяхъ зодворится миръ (и навѣрное еще худой), православіе тамъ, того и гляди, останется лишь воспоминаніемъ.

Другое обстоятельство, извиняющее вину Болгаръ—это общий низкій уровень развития и образованія духовенства, за некоторые исключенія. Но откуда-жъ и было взяться болѣе высокому уровню подъ 500лѣтнимъ турецкимъ игомъ, а впослѣдствіи и подъ гнетомъ греко-болгарской распри? Въ 4 года своего существованія не могло же княжество обзавестись отличными богословскими семинаріями! Этому горю обуздана и можетъ безъ труда помочь Россія, открывъ свободный доступъ въ свои семинаріи и академіи Болгарамъ посыпающимъ себя духовному званію, и такимъ образомъ подготовить для Болгаріи священниковъ вполнѣ образованныхъ.

Наконецъ, примемъ въ соображеніе и слѣдующее обстоятельство. Католическая женская школа въ Софіи конечно, *какъ школа*, лучше всѣхъ существующихъ въ болгарской столицѣ. Она одна даетъ вполнѣ основательное европейское

образование, потребность въ которомъ ощущается болгарскимъ обществомъ въ сильной степени. Ученіе поставлено въ ней мастерски. Вспомнимъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка даже и въ нашей православной Россіи, въ высшемъ русскомъ обществѣ было въ большомъ обычай отдавать дѣтей въ учебные заведенія іезуитовъ въ Полоцкѣ и въ самомъ Петербургѣ, и если русскія дѣти не обращались въ католиковъ, то лишь вслѣдствіе русскаго государственного закона, ограждавшаго ихъ православіе. Въ то время русскіе родители также ссылались въ свое оправданіе на недостатокъ русской породчной школы. Тѣмъ же оправдываются и Болгары, но гораздо съ болѣшимъ основаніемъ; для нихъ даже и выбора нѣть: другой школы, дающей европейское образованіе, особенно женской, у нихъ вовсе не существуетъ. «Мы принуждены посыпать теперь дѣтей въ католическую австрійскую школу—говорятъ они,—потому что равной по достоинству болгарской школы устроить мы пока не въ состояніи,—а русской женской школы въ Софіи нѣть. Будь только русская школа здѣсь, мы конечно немедленно послали бы туда нашихъ дѣтей... Русская школа! Въ самомъ дѣль почему же ей не быть въ Болгаріи? Какъ искра пала мысль о русской школѣ въ Софіи (именно женской) на сердца многихъ Русскихъ и Болгаръ и образовался цѣлый кружокъ, который поставилъ себѣ задачею: употребить всѣ усилия къ учрежденію таковой школы. Такъ какъ одновременно всеобщая скорбь Болгаръ о безвременной гибели нашего и столько же именно Скобелева побуждала ихъувѣковѣчить его имя въ Болгаріи какимъ-нибудь памятникомъ,—то и решено было сдѣлать этимъ памятникомъ самую школу, которую и назвать Скобелевскою...

Мысля прекрасная, и мы всею душою желаемъ ей успѣха; нѣть сомнѣнія, что сочувственно отзовется ей и всякое русское сердце... Было бы однако же совершенно ошибочно поставить учрежденіе школы въ зависимость отъ успешнаго сбора частныхъ пожертвованій. Такое учрежденіе должно стоять на болѣе твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, какъ материальныхъ, такъ и нравственныхъ. Оно не можетъ быть дѣломъ случайного кружка, который завтра можетъ и разойтись. Католическая школа въ Софіи поддерживается австрій-

скимъ правительствомъ и ведется корпорацией духовной, постоянно пребывающей въ единомъ направлении, несмотря на смѣну лицъ. У насъ такой корпорации не существуетъ. Наше Миссионерское Общество имѣетъ право дѣйствовать только въ средѣ магометанъ и язычниковъ. Почему же русскому правительству не взять на себя, вмѣстѣ съ болгарскимъ, устройства этого женского училища? Тогда и самыя частныя пожертвования дѣлались бы съ большимъ довѣріемъ, а по-тому и съ большей охотой. Только одно правительство въ состояніи дать такой школѣ крѣпкую организацію, а въ виду ея,—можно смѣло, надѣваться,—и наследники Скобелева не отказались бы, съ своей стороны, содѣйствовать этому достойномуувѣкоѣченію его памяти.

Только времени терять нечего. Дописывая эти строки, мы узнали, что католическая школы процвѣтаютъ и въ С-маховѣ, и въ Рущугѣ, и въ иныхъ мѣстахъ... Латинско-австрійская пропаганда растетъ съ каждымъ годомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе станетъ бороться съ нею... Неужели Россія не въ состояніи съ нею справиться и оградить отъ нея православно-славянскій міръ?

Москва, 11-го декабря.

Вотъ еще вопросъ нисколько не головоломный, нисколько не зависящий отъ «переживаемыхъ Россіею внутреннихъ затрудненій», ни отъ положенія нашихъ финансъ, ни отъ предварительного исполненія нѣкоторыхъ реформъ, а требующій для успѣшнаго разрѣшенія только немножко... энергіи, да немножко живаго національнаго чувства въ представителяхъ русской дипломатіи. Въ Англіи собирается конференція всѣхъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ, для обсужденія вопроса о Дунайской комиссіи. Въ 54 п. этого трактата сказано, что «за 60ъ до истечения срока опредѣленного для дѣятельности Европейской комиссіи (Дунайской), державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыхъ онѣ признаютъ необходимыми сдѣлать». Срокъ истекаетъ 24 апрѣля 1883 г., стало-быть и конференцію слѣдовало бы созвать гораздо ранѣе, но державы

приняли услужливо во внимание, что Англія было недосужно: она воевала въ Египтѣ—не въ видѣ войны, бомбардировала и разрушила Александрію—для блага Египтанъ (съ которыхъ теперь взыскиваются въ пользу Европейцевъ и всѣ убытки, послѣдовавшіе отъ бомбардировки), заняла войсками Египтѣ—не въ видѣ завоеванія, подчинила его своей власти—не въ видѣ протектората, и признала международную опеку надъ Суэзскимъ каналомъ—взять его подъ свою вооруженную охрану... Теперь, когда эта сложная и мудрена комбинація почти уже окончательно совершена Англіею, вполнѣ удачно и на диво всей Европѣ, — удѣлено время и для разсмотрѣнія вопросовъ второстепенныхъ, въ томъ числѣ и о продлѣніи Европейской на Дунай комиссіи, — вопроса, Европою едвали уже не предрѣшенного. Не знаемъ только — предрѣшенъ ли онъ также и нашю дипломатію, но не желали бы допустить такое предположеніе.

Не станемъ повторять всей статьи вашей о Дунай, помѣщенной еще въ 19 № «Руси» 8 мая, но напомнимъ вкратцѣ читателямъ, въ чёмъ именно дѣло. Турсцкій замѣкъ съ дунайскихъ устьевъ былъ сорванъ ниеѣмъ инымъ какъ Россіей,—точно также, какъ ею же были призваны къ жизни и страны прилегающія къ нижнему Дунаю, то есть Молдавія, Валахія—нынѣшнее Румынское королевство,—Сербія (сначала княжество, а потомъ королевство) и позднѣе всѣхъ Болгарія; да и сама Россія, съ присоединеніемъ Бессарабіи, стала придунайской державой. Россія же придала устьямъ Дуная и международное для торговли значеніе, заключивъ съ Австріей въ 1840. г. конвенцію, въ силу которой купеческимъ судамъ всѣхъ націй, находящихся *за миръ* съ Россіей, предоставлялось право свободно входить въ устья Дуная, ходить по рѣкѣ вверхъ и внизъ, и выходить изъ нея, не подлежа никакимъ пошли намъ, кроме нѣкоторыхъ повинностей за содержаніе русла въ порядкѣ... Черезъ 16 лѣтъ роли измѣнились, и Европа (выѣхавъ съ Австріей) отблагодарила Россію за заботы объ общеевропейскихъ интересахъ—отнятіемъ у насъ придунайской части Бессарабіи и взятиемъ Дуная въ свою опеку. Парижскій трактатъ 1856 г. учредилъ двѣ комиссіи: одну—«Европейскую» или «Международную», составленную изъ представителей великихъ

державъ и (сверхъ того Турціи), и «Прибрежную» изъ членовъ всѣхъ прилегающихъ къ Дунаю державъ (съ исключениемъ, конечно, Россіи). Первая обязана была заняться очисткой Дунайскихъ гирлъ, возведенiemъ необходимыхъ для сего сооруженій и опредѣленiemъ пошлинъ съ судовъ для покрытия необходимыхъ на этотъ предметъ расходовъ. На производство всѣхъ таковыхъ работъ назначенъ былъ ей и срокъ—два года, по истеченіи которыхъ она должна была упраздниться, передавъ какъ упомянутыя сооруженія, такъ и всѣ свои обязанности по наблюденію за исправнымъ состояніемъ гирлъ — комиссіи «Прибрежной». Послѣдняя, съ своей стороны, должна была составить подробныя правила судоходства по всему Дунаю, а также произвести и всѣ работы нужные для безпрепятственнаго плаванія вверхъ по Дунаю (не въ устьяхъ)... «Европейская комиссія» свое дѣло исполнила, избравъ изъ дунайскихъ устьевъ среднее, Сулинское, очистивъ его и вообще приведи судоходство по Дунаю отъ Галаца къ морю въ порядокъ, — исполнила не въ два года, а въ девять лѣтъ, — но «Прибрежной Комиссіи» не составилось вовсе. Несколько не въ разсчетахъ было Австріи уничтожать, въ пользу принципа «международности», препятствіе встрѣчное плаваніемъ по Дунаю вблизи *ея* предѣловъ, т. е. тамъ, где начинается *ея* берегъ (левый), и отворять знаменитыя «Желѣзныя Ворота» настежь для всѣхъ судовъ, которые бы пожелали подняться снизу вверхъ, до австрійскихъ владѣній; проектъ же устава судоходства, сочиненный Австріей, конечно, исключительно въ свою пользу, не былъ принятъ ни тогдашнею наполеоновскою Франціею, ни тогдашнею Пруссіею, къ Австріи *несколько* не благоволившими. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, — полномочія «Европейской Комиссіи» въ 1865 г. были продолжены на шесть лѣтъ, а въ 1872 г. на Лондонской конференціи и еще на двѣнадцать лѣтъ, т. е. до апрѣля будущаго 1883 г.

Между тѣмъ положеніе дѣль снова измѣнилось. Въ 1878 г. Россія стала снова прибрежною дунайской державою, возвративъ себѣ не только лѣвый берегъ Дуная отъ Рени, но и лѣвое его устье, Килийское, съ Очаковскимъ протокомъ. Однакожъ такое приобрѣтеніе Россіи не создало ей никакихъ особыхъ преимуществъ. Берлинскій трактатъ

только подтвердилъ такъ-сказать права и полномочія Европейской Коммісіи, возложивъ на нее разработку устава о плаваніи и о рѣчной полиції по Дунаю отъ Жельзныхъ Воротъ до Галаца, при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ державъ. Вместо этого устава выступилъ теперь на сцену проектъ Смѣшанной Коммісіи, которой ввѣряется рѣчная полиція—отъ Жельзныхъ Воротъ до Сулинскаго устья включительно и въ которой предсѣдательство поручается Австріи, при очередномъ участіи делегатовъ отъ державъ, входящихъ въ составъ Коммісіи Европейской.

Такимъ образомъ на разсмотрѣніе Лондонской конференціи должны, повидимому, поступить два вопроса: продолжать или не продолжать полномочія Европейской Коммісіи и допустить ли учрежденіе Смѣшанной Коммісіи по проекту Баррера, выше нами изложенному и весьма облюбленному Австріей?

Казалось бы, на первый вопросъ отвѣтъ Россіи можетъ быть только одинъ—отрицательный. Никакого продолженія общеевропейской опеки надъ Дунаемъ не нужно; присутствіе лишняго числа онекуновъ, лично въ интересахъ дунайскаго судоходства мало заинтересованныхъ (и въ добавокъ всегда готовыхъ сплотиться вмѣстѣ противъ интересовъ Россіи), не можетъ, не должно бы представляться желательнымъ съ точки зрењія національной русской политики. Да и интересы европейской торговли исконько не требуютъ присутствія въ Галацѣ иныхъ представителей Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и Турціи, кроме обыкновенныхъ торгово-дипломатическихъ агентовъ, иначе—консуловъ. Можно даже на вѣрное сказать: принадлежи лѣвый берегъ Дуная отъ Рени до устья не Россіи, а Австріи, международная опека,—разъ международное значеніе дунайскаго судоходства объявлено и установлено общимъ международнымъ актомъ,—признаана была бы тою же Европой совсѣмъ излишнею. Въ настоящее же время эта опека—не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ-либо другимъ, какъ надъ Россіею и надъ ея дѣйствіями въ водахъ Дуная и въ предѣлахъ ея берегового права... Что же касается до проекта Баррера, то нѣть никакого основанія предоставлять предсѣдательство въ Смѣшанной комиссіи непремѣнно и исключительно Австріи. Да и къ чему этою

новою формою «Смѣшанной комиссии» замѣнить форму не- сравненно болѣе рациональную и уже указанную Париж- скимъ трактатомъ, имѣю форму комиссии *Прибрежной?* Къ учрежденію Прибрежной комиссіи представляется теперь тѣмъ болѣе основаній, что бывшія Придунайскія кня- жества стали въ настоящее время самостоятельными держа- вами, даже королевствами, и прибавилось третіе—Болгарія, самостоятельность которой не болѣе какъ вопросъ времени. Строго говоря, въ этой прибрежной комиссии для Австріи нѣть и мѣста, такъ какъ изъ той части Дуная, которой при- своено международное значеніе и съ которойю связаны обще- европейскіе торговыя интересы, Австрія не прибрежна; однакожъ, въ виду значенія Дуная для австрійской торговли во- общѣ и господства рѣчного коммерческаго флота Австріи на Дунаѣ, можно и не оспаривать ея права на участіе въ Прибрежной комиссіи. Что же касается предсѣдательства, то оно конечно должно бы принадлежать Россіи, какъ самой крупной изъ державъ прибрежныхъ къ устьямъ Дуная, и только въ крайнемъ случаѣ, въ интересахъ взаимнаго дру- желюбія, можно было бы согласиться на допущеніе къ пред- сѣдательству и Австріи, поочередно съ Россіей.

Извѣстно, что въ послѣднее время былъ поднятъ въ Евро- пейской Комиссіи вопросъ о Килліскомъ устьѣ, и даже объ Очаковскомъ протокѣ, оба берега котораго—наши. Комиссія отрицала право Россіи не только на очищеніе этого протока, но даже на производство инженерныхъ изслѣдова- ній. Нашъ представитель въ Комиссіи, кажется, вообще не озnamеновалъ до сихъ поръ своего участія въ ней никакимъ особыеннымъ рвениемъ къ подъему авторитета русского имени (во всѣхъ этихъ оживленныхъ спорахъ Румыніи съ Австріей, по поводу австрійскаго проекта Смѣшанной комиссіи, Рос- сія не поддержала Румыніи, не признала въ нихъ участія: имени ея было и не слыхать). Въ поднявшемся обсужденіи правъ Россіи на Очаковскій протокъ онъ также повидимому не проявилъ той твердости, которая подобала бы нашей дер- жавѣ, и едва-едва удалось ему отстоять—чтобъ изслѣдова- ніе протока было произведено не иностранными (въ нашихъ предѣлахъ!) инженерами, а русскими, хотя бы подъ конт- ролемъ иностранныхъ и съ обязательствомъ представить

результатъ ихъ работы на усмотрѣніе Европейской Комиссіи. Намъ неизвѣстно, будетъ ли вопросъ о нашемъ правѣ въ Килийскомъ гирлѣ также обсуждаться на конференціи открываемой въ Лондонѣ, но интересно было бы знать, какъ въ случаѣ обсужденія, отнесся бы къ нему такой эксперть въ согласованіи личныхъ интересовъ съ международнымъ правомъ, каковымъ въ послѣднее время показала себя Англія!... Въ томъ-то именно и дѣло, что вопросы подобнаго рода разрѣшаются вовсе не на основаніи догматовъ отвлеченныхъ теорій, и не на основаніи математическихъ соотношеній силы, а соразмѣрно съ яснымъ сознаніемъ своего права и національныхъ выгодъ, и съ энергией личного духа. При скучности этой послѣдней, никакое обиженіе материальныхъ средствъ не поможетъ,—никогда не будетъ казаться вполнѣ достаточнouю гарантіей успѣха. Если побѣда въ этомъ мѣрѣ часто принадлежитъ смѣлой неправдѣ, то еще рѣже достается она въ удѣльѣ правдѣ робкой или малодушной.

Намъ постоянно грозить войною, или вѣрнѣе сказать — *пугаютъ* войною, такъ какъ никто вѣдь легкомысленно съ войною на Россію не сунется, въ какомъ бы она положеніи ни была, а тѣмъ менѣе Австрія, — да и за границей положеніе наше лучше знаютъ и лучшаго о немъ мнѣнія чѣмъ мы сами. Что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни смирялись, какъ бы ни клалась въ своей благонравности, какъ бы ни усиливались малиться, сколько бы залоговъ своего миролюбія ни давали, —ничѣмъ мы не удовольствуемъ нашихъ недруговъ, ничѣмъ не разсвѣтимъ ихъ недовѣria и подозрѣнія. Это подозрѣніе ихъ основано на логическихъ и историческихъ выводахъ; наша умѣренность кажется имъ противоестественною, наше смиреніе — обманомъ, наше бескорыстіе — хитрой, коварной политикой. Недавно «Кѣльская Газета» прямо, безъ всякаго озлобленія на Россію и даже не прибѣгая ни къ какимъ пошлымъ обвиненіямъ во властолюбіи, въ завоевательной алчности и т. д., спокойно и разсудительно развивала такую тему, что въ силу положенія, созданного для Австріи образованіемъ Германской имперіи, ein Wettkampf Австріи съ Россіей (т. е. борьба оружиемъ, на жизнь и смерть), представляется неизбѣжною необходимостью: просто уже потому, что Россія у Австріи на дорогѣ и имѣть не-

счастіе, даже безъ малѣйшихъ стараній, притагивать къ себѣ симпатіи многихъ Славянскихъ племенъ, Австрія подвластныхъ! Но если разсужденія авторитетной германской газеты и вѣрны, то вѣрно также и то, что Австрія будетъ откладывать такой Wettkampf до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности, а постараѣтъся добить себѣ какъ можно болѣе успѣховъ и безъ пролитія крови, одною системою запугиванія или «интимізація». Скомпрометтировать Россію въ глазахъ Славянъ, обмануть ихъ на нее надежды, поколебать въ нихъ вѣру въ русскую силу и сочувствіе—это для Австріи дороже десятка выигранныхъ сраженій. И это ей удастся... Цѣлымъ рядомъ, хотя и не значительныхъ повидимому уступокъ съ нашей стороны, совершаемыхъ безъ всякой настоятельной надобности, а съ единственою лишь, съ благою, казалось бы, цѣлью заручиться миромъ для постепенного укрѣпленія своихъ силъ и исправленія внутреннихъ дѣлъ,—мы все-таки не устраниемъ возможности войны и все-таки должны ее имѣть въ виду, а между тѣмъ теряемъ свои позиціи... Сами себя ослабляя все болѣе и болѣе, съ сомнительною надеждою наверстать современемъ все потерянное, мы вмѣстѣ съ тѣмъ томимъ свою собственную родную страну обиднымъ, нездоровымъ чувствомъ напраснаго уничиженія. Но именно потому, что мы искренно не желаемъ ни войны, ни какихъ-либо поземельныхъ въ Европѣ захватовъ, мы имѣемъ право и обязанность мужественно исповѣдывать наши законные, кровные интересы и намѣтить твердою рукою предѣлы нашего долготерпѣнія. Твердая политика—наилучшая гарантія мира, всего вѣрнѣе предупреждаетъ войну, всего скорѣе пріобрѣтаетъ союзниковъ и друзей. Политика задабривания и уступокъ, политика мнимо-разумная—и внушаетъ не уваженіе, а презрѣніе, распаляетъ въ нашихъ недругахъ аппетитъ къ требованію новыхъ и новыхъ уступокъ, опутываетъ незамѣтно насъ самихъ, и наконецъ, когда уступать будетъ болѣе нечего, все-таки приведетъ къ войнѣ, но при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ, съ руками и ногами въ сѣтяхъ...

Пора наконецъ стать намъ крѣпкою ногою на Дунай и не дѣлать эту искони-славянскую рѣку окончательнымъ достояніемъ Нѣмцевъ. Конечно, ни Сербія, ни Румынія, ни Болгарія не въ силахъ отстоять ея независимость отъ Ав-

стріи и воспользоваться всѣми благами этого широкаго воднаго торгового и стратегического пути. Не обладая въ Черномъ морѣ ни военнымъ, ни коммерческимъ флотомъ, лишивъ себя сами чрезъ отдачу Добруджи Румынамъ непосредственнаго сообщенія съ Болгаріей, слѣдовательно и со всѣмъ Balkанскимъ полуостровомъ, — мы должны, мы обязаны, мы не можемъ не воспользоваться тѣми выгодами, которая представляетъ намъ Измаилъ и Килийское устье съ Очаковскимъ протокомъ. Имѣя флотилію на Дунаѣ при Измаилѣ, мы зайдемъ подобающее намъ положеніе, — не для угрозы кому-либо, но для защиты и нашихъ, и славянскихъ интересовъ. На такое положеніе дано намъ право исторіей, ключь къ нему въ нашихъ рукахъ, и твердое наше заявленіе, что мы этого ключа изъ рукъ не выпустимъ, намѣрены имъ пользоваться, когда найдемъ нужнымъ, конечно не послужить поводомъ ни къ войнѣ, ни къ ссорѣ. Стыдно сказать, что мы до сихъ поръ не можемъ устроить пароходства по Дунаю, — пароходства, безъ которого невозможно и мыслить объ установлениіи торговыхъ связей съ Болгаріей и Сербіей, равно желанныхъ для этихъ обѣихъ странъ, какъ и для Россіи, выгодныхъ какъ для нихъ, такъ и для русской промышленности. Выдавая громадную субсидію Русскому Обществу Пароходства и Торговли, предоставивъ ему такимъ образомъ совершенную монополію въ Черномъ морѣ (къ крайнему стѣсненію для русской торговли) и неимовѣрные барыші (поднявши цѣну акцій со 150 р. до 750-ти), русское правительство бессильно заставить Общество учредить правильные рейсы вверхъ по Дунаю! Въ то же время не предлагается ни премій, ни необходимыхъ субсидій для созданія новыхъ компаний съ цѣлью развитія русского дунайскаго пароходства. Нашелся одинъ русскій предпріимчивый человѣкъ, князь Гагаринъ, который, выстроивъ на свой страхъ два парохода, неожиданно обрадовалъ нынѣшнею осеню жителей Болгарскаго побережья, поднявшись съ своимъ пароходомъ выше Рущука. По словамъ князя Гагарина, плаваніе вверхъ по Дунаю можетъ установиться безъ затрудненія и съ прибылью, но только на условіи хотя бы уменьшной помильной приплата со стороны правительства. А между тѣмъ Австрія даже знаменитому, могущественному

обществу «Австрійское Дунайское пароходство» выдает субсидії, да еще миллионныя. Намъ неизвѣстно, успѣлъ ли князь Гагаринъ въ своемъ ходатайствѣ о субсидії, но онъ тѣмъ болѣе нуждается въ правительственномъ содѣйствіи, что недавно пароходъ его «Юрій», тотъ самыи, который первый изъ русскихъ поднялся вверхъ по Дунаю, погибъ по винѣ англійского парохода, не исполнившаго правила о сигналахъ.

И Дунай течеть въ нашихъ владѣніяхъ, и наилучшее устье у насъ, и въ этомъ устьѣ наилубочайшиій протокъ, обоми берегами принадлежащиій намъ (стоить только 3—4 миллиона рублей употребить на очистку песчаныхъ наносовъ при его впаденіи въ море), — есть даже и предпримчивые люди, ждущіе только манія властной хозяйствской руки... Но нѣть чего-то, — и все коснѣть, стоять... Нѣть, не стоитъ, а идетъ на убыль... На Лондонской конференціи, вѣроятно, будутъ настаивать на сохраненіи международной надѣ Дунайскими устьями опеки и на учрежденіи комиссіи подъ предсѣдательствомъ Австріи, пожалуй, даже безъ нашего теперь въ комиссіи участія, какъ это и предполагалось по проекту Бэррера, допускавшаго Россію къ участію — въ порядке алфавитной очереди — самою послѣднею, года черезъ три-четыре! Можетъ-быть очистка Очаковскаго протока или и вовсе будетъ возвращена Европейскою комиссіей, или же отложена въ долгій ящикъ, — и ни къ чему не послужить Россіи ея выгодная позиція на Дунай... Но почему бы такъ? Потому ли, что по міннію нѣкоторыхъ близорукихъ политиковъ всякое проявленіе — вовсе не задорнаго, а сколько-нибудь живаго, твердаго національнаго направленія въ политикѣ теперь неумѣстно, а умѣстна, стало-быть, политика не національная, или приниженіе національнаго духа, вмѣстѣ съ самоотверженнымъ забвеніемъ о русскихъ интересахъ? Или потому, что энергія и твердость не въ преданіяхъ, не въ привычкахъ и нравахъ нашей дипломатіи даже и тогда, когда энергія и твердость не грозятъ намъ ровно никакою опасностью? Или потому, что предъ иностранцами мы привыкли испытывать нѣкоторое чувство стыдливости (чтобъ не сказать хуже) и потребность угодливой предупредительности, — а «съ своими чтѣ за счеты?!» Не знаемъ, — но знаемъ, и повторяемъ вновь, что ничто не способно было

бы такъ поднять нѣсколько упавшій духъ русскаго общества, какъ проявленіе нѣкоторой бодрости и энергіи въ правительственной защите русскихъ національныхъ интересовъ,— но знаемъ, что помѣхъ для этого проявленія не можетъ представиться въ «переживаемыхъ нами внутреннихъ затрудненіяхъ», ни даже въ состояніи нашихъ финансъ. Финансы! Есть ли основаніе отказывать въ мелочныхъ денежныхъ пособіяхъ на важныя, полезныя русскія предприятия, когда одновременно оказывается пятимілліонное пособіе и безъ того богатой компаніи Юго-Западной группы желѣзныхъ дорогъ, когда добровольно и такъ долговременно терпится у насъ задержка Главнымъ Обществомъ желѣзныхъ дорогъ цѣлыхъ *двадцати се́ми* миллионовъ рублей, слѣдующихъ казнѣ изъ доходовъ богатѣйшей въ мірѣ Николаевской дороги, выдающей своимъ акціонерамъ дивидендъ вдвое болѣе гарантированного правительствомъ и поднявшей вдвое первоначальную цѣнность самыя акцій. И такихъ источниковъ не мало...

Москва, 18 декабря.

«Не могла же Германія (на Берлинскомъ конгрессѣ) требовать для Россіи болѣе тою, чтѣ *въ Петербургѣ считали достаточными*... Германія, быть-можеть, поддержала бы и дальнѣйшия требованія и отказы «Россіи» (кромѣ тѣхъ, которые были поддержаны Германіей на этомъ конгрессѣ), «еслибъ Россія сама заявила таковыя»... «Еслибъ Россія сама заявила таковыя»... Стало-быть она ихъ не заявила? Кто-жъ это утверждаетъ? Органъ германскаго канцлера, «Сѣверо-Германскія Всеобщая Газета». Вотъ какимъ историческимъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ публично, на дніахъ, не далѣе какъ 6-го декабря, охарактеризована политическая дѣятельность Россіи при составленіи Берлинскаго трактата, — непререкаемымъ, говоримъ мы, такъ какъ едавли бы оно было оглашено, если бы могло быть фактически опровергнуто... Вотъ лестный атtestатъ, должно-быть вполнѣ по заслугамъ, выданный самимъ президентомъ Берлинскаго конгресса нашей дипломатіи вообще, а въ частности—пред-

ставителемъ Россіи на этомъ пресловутомъ ареопагѣ,—тѣмъ самыи, которымъ, въ это трудное, критическое для Россіи мгновеніе, она ввѣрила охрану своей чести, своей славы, самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ... Петербургскій «Голосъ»,—къ которому, по какому-то странному недоразумѣнію, обращена вышеупомянутая статья измѣцкой газеты (вѣдь никто, во дни оны, не ликовалъ такъ по поводу Берлинского трактата, какъ именно онъ),—не призналъ нужнымъ поразмыслить надъ рѣзкимъ обличеніемъ авторитетнаго органа германской печати, а отозвался глухо, въ такомъ смыслѣ—что было бы-дескать несвойственно съ достоинствомъ Россіи поднимать старые счеты, что Россія умѣеть мириться съ совершившимся фактомъ и т. д.,—въ томъ же родѣ, какъ обыкновенно отзыается въ своихъ офиціозныхъ рѣчахъ о трактатѣ (неизбѣжно ссылася притомъ на достоинство великой Россійской державы) и нашъ дипломатическій міръ. Русское общество однако же, полагаемъ мы, отнесется къ замѣчаніямъ руководителя германской политики нѣсколько иначе; оно примѣтъ ихъ *къ сожалѣнію*, хотя вовсе не для того, чтобы сводить счеты за прошлое и стараться лишить нашихъ дипломатовъ выданной имъ отъ князя Бисмарка за Берлинскій конгрессъ аттестаціи. Эта аттестація—ихъ неотъемлемое достояніе: она при нихъ и останется... Но русское общество способно, чего доброго, и пожелать, чтобы русскіе дипломаты впредь таковой аттестаціи не заслуживали. Да вообще, думаемъ мы, оно усмотрить въ этихъ откровеніяхъ «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты», хотя и съ нѣкоторою болью стыда, не одинъ ретроспективный исторический интересъ, а цѣлое назиданіе, которымъ пренебрегать не слѣдовало бы, а слѣдовало бы болѣе или менѣе вразумиться. Чѣмъ же вразумиться? что же рекомендуется намъ для руководства въ будущемъ, что, однимъ словомъ, читается въ строкахъ и между строкъ приведенной нами выше цитаты? Да не болѣе, не менѣе, какъ слѣдующее: «имѣйте же наконецъ въ виду, гг. русскіе политики и дипломаты: трудно отстаивать то, что само не стоитъ, а валится, и ужъ никакъ нельзя опираться на тѣхъ, у которыхъ самихъ нѣть крѣпкой точки опоры. Невозможно поддерживать чьи-либо чужіе интересы, если самъ заинтересованный ихъ не поддерживаетъ

или самъ имѣть о нихъ неясное и неточное представление. Сила волющая, ревнивая къ своей чести и достоинству, всегда всякую другую силу заставить съ собою считаться; но кому же надобность принимать почтительно въ соображеніе— даже не требованія, а пожеланія такой силы, которая же умѣетъ хотѣть, которая не только лишена этой ревности и твердой, опредѣленной воли, но и сама не вѣдѣтъ предѣла своей уступчивости, мѣры своему долготерпѣнію? Особенно же невозможно, въ составлѣніи представителей различныхъ національностей между собою, ожидать успѣшныхъ результатовъ для того изъ нихъ, въ комъ національное чувство и самосознаніе наиболѣе слабо, или кому, по его простодушію, постоянно мерещится, что уступи онъ тамъ, заупрямясь тутъ, такъ воть на представляемую имъ страну сейчасъ и полѣзуть съ войною,—тогда какъ война, напримѣръ, съ Россіей *въ какомъ бы положеніи она ни была, ни для кого дѣло не заломое, а въ высшей степени рискованное и опасное...*

Совѣтъ не дуренъ. Изъ какихъ побужденій онъ данъ. Внушенъ ли искреннимъ дружественнымъ чувствомъ или же сорвался въ минуту раздраженія, располагающаго къ откровенности и вызванаго разными газетными русскими попреками Германіи за измѣну «дружбѣ», — что совершенно безразлично. Совѣтъ ли, обличительный ли отвѣтный укоръ — все равно: замѣчанія «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты» намъ пригодны, и было бы малодушіемъ въ томъ не сознаться. Напротивъ, ими необходимо воспользоваться; въ нихъ заключается такое указаніе на образъ дѣйствій въ политикѣ, на дипломатическую *ligne de conduite*, котораго разумность невозможно оспорить. Намъ возразятъ, пожалуй, что легко «честному маклеру» разсуждать такъ теперь, *post factum*, но если бы тогда, на конгрессѣ, Россія дѣйствительно потребовала то или другое, такъ никакой бы поддержки съ его стороны не встрѣтила. Можетъ быть; но потребовать все-таки бы не мѣшало. Тогда по крайней мѣрѣ не было бы и мѣста обвиненію — будто со стороны Россія, на конгрессѣ, даже и не заявлялось серьезнымъ образомъ иныхъ требованій кромѣ тѣхъ, которые поддержаны Германіей и которые «въ самомъ Петербургѣ признаны достаточными»... Впрочемъ, повторяемъ, наша рѣчь не о Берлинскомъ трактатѣ, а лишь

по поводу комментарievъ на трактатъ, исходящихъ отъ са-
мого бывшаго президента Берлинскаго конгресса,—коммента-
риевъ, съ которыми поставленные лицомъ къ лицу наши
политики и дипломаты оказываются, по выражению Петра
Великаго, «не въ авантажѣ»... Авось-либо это послужить
для нихъ трезвительнымъ урокомъ для будущаго, такъ какъ
ни по чьему еще не видно, чтобы горький опытъ, во образѣ
трактата, уже самъ по себѣ пролилъ новый светъ въ ихъ
политическое сознаніе, внести новые силы духа въ ихъ дѣ-
ятельность.

Если бы результаты Берлинскаго трактата были послѣд-
ствиемъ нашего пораженія на полѣ брани, были предписаны
намъ побѣдителемъ, Россія подчинилась бы имъ хотя и съ болью
въ сердцѣ, однако же съ тѣмъ чувствомъ нравственнаго удо-
влетворенія, которое даетъ сознаніе честно исполненнаго дол-
га. Несравнено оскорбительнѣе условій Берлинскаго трактата
были для народнаго самолюбія, сами по себѣ, результаты Парижскаго мира 1856 г., такъ какъ они сопровождались ут-
ратою части русской государственной территории, добытой
дорогою цѣною русской крови. И однакожъ нравственное
дѣйствие Парижскаго трактата было совершенно иное чѣмъ трактата Берлинскаго; оно не только не уронило духъ въ
Русской землѣ, но напротивъ, какъ бы окрылило его новою
силою бодрой вѣры въ призваніе и назначеніе Россіи.
Не то было въ 1878 году, въ которомъ мы, побѣдители въ
битвахъ, оказались вдругъ позорно побѣженными, но не
внѣшнимъ превосходствомъ враговъ, а собственнымъ мало-
душіемъ, или точнѣе сказать малодушіемъ и маловѣріемъ
высшей общественной среды, болѣе или менѣе руководящей
судьбами великаго духомъ и непреклоннаго въ своей исто-
рической вѣрѣ народа. Мы согрѣшили тяжкимъ грѣхомъ—
хулой на собственный духъ народный, и вотъ этимъ-то гне-
томъ грѣха и объясняется то болѣзnenno-нравственное со-
стояніе, въ которое впала Россія съ самой эпохи Берлин-
скаго трактата. Деморализующее дѣйствие этого гнета ска-
залось вовсе не въ одной области внѣшней политики, но
столько же и въ области политики внутренней, и во всемъ
духовномъ строѣ общественномъ. Какъ бы мы ни жмурились,
боимся заглянуть себѣ смѣло въ глубь души, какъ бы ни за-

глушали немолчный, тайный голосъ совѣсти, какъ бы ни убѣждали свой умъ доводами грошовой мудрости, какъ бы ни убаюкивали чувство народнаго самолюбія еще болѣе дешевыми насыпками надъ самообольщеніемъ узкаго, «кваснаго патріотизма» и узкой любви къ народности,— чувство совершеннаго нами грѣха, словно какой-то измѣны самимъ себѣ, какого-то вѣроотступничества нами содѣяннаго, продолжаетъ гнести, давить, душить насъ и подтачивать все наше нравственное общественное бытіе. Таково разъѣдающее, разлагающее свойство всякаго грѣха нераскаяннаго... Только сознавъ свою вину, свой грѣхъ противъ нашего собственнаго народнаго духа, противъ природы собственнаго историческаго организма, и только искренно, чистосердечно покаявшись въ немъ, избавимъ мы себя отъ его удручающей тяжести. Только покаяніе возвратить намъ здоровье и бодрость. Безъ этого внутренняго цѣленія, никакія вѣшнія «мѣропріятія», экономическая и политическая, не принесутъ намъ пользы, не дадутъ благого плода, потому что были бы построены на пескѣ, потому что прочно и плодотворно въ общественномъ организмѣ лишь то, что коренится въ глубинахъ крѣпкаго общественнаго духа...

Вотъ чтѣ намъ нужно. Не къ нарушенію или упразднѣнію постановлений Берлинскаго трактата призываємъ мы, не воинственный пыль стараемся вызвать, а ждемъ и чаемъ въ нашей общественной, поверхнародной средѣ (и особенно на ея высшихъ ступеняхъ) возрожденія народнаго русскаго чувства и сознанія — чрезъ подвигъ внутренняго мужественнаго самообличенія и искреннаго покаянія. Остальное приложится...

1883 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 1-го мая.

На предстоящее торжество вънчанія православнаго Русскаго Царя съѣдутся государи двухъ православныхъ Славянскихъ странъ,— и доблестной, искони независимой Черногоріи, князь Николай, и князь Александръ, верховный вождь недавно созиженной, возстановленной Россіей изъ праха, по истинѣ кровнымъ родствомъ соединенной съ нами Болгаріи. Отъ Сербскаго королевства, также въ значительной мѣрѣ обязанного своимъ бытіемъ самопожертвованію Русскаго народа и могущественному заступничеству русскихъ государей, явится одинъ изъ старѣйшихъ сербскихъ дипломатовъ: представительство, сравнительно, менѣе блестящее, но вполнѣ соответствующее печальнымъ обстоятельствамъ этой несчастной страны, преданной безумной политикою своихъ предерзающихъ властей въ полуавтономію отъ Австро-Мадьярской имперіи и въ жертву внутреннимъ церковнымъ и гражданскимъ раздорамъ. Нельзя не пожалѣть, что столь досточтимый въ Россіи, высокопреосвященный митрополитъ Сербіи Михаилъ лишенъ возможности принять личное участіе въ торжествѣ или даже въ священнодѣйствіи коронованія. Тѣмъ не менѣе самый Сербскій народъ по прежнему близокъ и дорогъ намъ, и пребываетъ въ неизмѣнномъ союзѣ братской любви съ единоплеменной и единовѣрной Россіей: по слухамъ пріѣдетъ сюда депутація и непосредственно отъ народа, помимо официальной...

Въ первый разъ будуть присутствовать при вънчаніи русскихъ царей представители свободныхъ Славянскихъ странъ. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ эпоху коронаціи Императора Александра II, Черногорское княжество только-что еще начало быть; известно, что Черная Гора истари управлялась владыками-митрополитами, но когда призванный на митрополичій престолъ юный Даніиль Нѣгошъ,

прибывъ для поставлениа въ Петербургъ, заявилъ Императору Николаю свое нежеланіе постричься въ монахи, Государь нарекъ его княземъ, и такимъ образомъ сотворилъ, къ немалому изумленію всей Европы, новое, небывалое государство на Балканскомъ полуостровѣ, которое въ наши дни всѣми уже признано наравнѣ со всѣми прочими самостоятельными державами. Сербія въ то время была еще вассальныи княжествомъ, и турецкая крѣпость съ гарнизономъ и пушками высилаась надъ Бѣлградомъ. О Болгаріи не было и помину: рѣчъ могла идти только еще о Болгарахъ. Оттоманское могущество ограждалось тройнымъ грознымъ поясомъ—водъ, боевыхъ твердынь и горъ... А теперь?... Богато украшень царскій русскій вѣнецъ приснопамятнымъ Государемъ: это вѣнецъ не только державнаго Човелителя и Обладателя Россійской Имперіи, но и Освободителя, Защитника и Покровителя всего православнаго Славянства,—каковыя слова прилично было бы внести и въ самый нашъ царскій титулъ.

Непредложенъ ходъ исторіи, какъ бы ни старались его задерживать Парижскими и Берлинскими трактатами. Это не худо вспомнить именно теперь, въ настоящую пору, въ виду тройственнааго, недавно заключеннаго, «оборонительнааго» союза между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей. Смыслъ этого союза вполнѣ ясенъ: въ новомъ съ Италіей соглашении собственно для Германіи не было никакой надобности; но отношенія Италіи къ Австріи, мѣшая свободѣ дѣйствій послѣдней державы, разстраивали чи-то политические планы, и вотъ Италія отказывается теперь въ пользу Австріи отъ всѣхъ своихъ притязаній на остающіяся за Австрійскою монархіею итальянскія земли, да еще обязуется защищать ее, не только отъ своихъ «ирредентистовъ», но и отъ внѣшнихъ враговъ. Зачѣмъ, ради какой прибыли—это уже секретъ итальянской политики; важно то, что у Австріи теперь руки развязаны, что она обезопасена съ боковъ и съ тыла, и что для дальнѣйшаго движениія ея за Дунай нѣть болѣе препятствій... Чтѣ-то такое какъ будто подготавляется на такъ-называемомъ Востокѣ или на Балканскомъ полуостровѣ...

Москва, 1-го октября.

Мы не решаемся выступить съ окончательно-определеннымъ мнѣніемъ о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи, пока не получимъ болѣе подробныхъ извѣстій съ мѣста, которыя бы выяснили намъ весь ходъ закулисной интриги,—почему и ограничиваемся теперь лишь простымъ изложеніемъ фактъвъ, сообщенныхъ газетами (см. ниже «Славянское обозрѣніе»). Но уже и теперь несомнѣнно, что интрига была—австрійская, что обѣ болгарскія партіи, «консерваторы» и «либералы», равно и самъ князь Александръ, содѣлались вольными или невольными, сознательными или безсознательными ея орудіями, и что эти «послѣднія событія» знаменуютъ собою побѣду австрійской политики, или проще: вторженіе Австрійцевъ въ Болгарію. Другими словами: Восточный вопросъ вступаетъ отныне въ новый фазисъ, и съ этой болѣе широкой и общей точки зрѣнія надлежитъ и разсматривать значеніе совершившагося въ Болгаріи переворота. Этю же точкою зрѣнія долженъ, по нашему мнѣнію, опредѣлиться и дальнийшій образъ дѣйствій Россіи. Болгарскій же вопросъ—только одна изъ частностей общаго вопроса Восточнаго... Россія можетъ пока и воздержаться отъ вмѣшательства во внутреннее управление княжествомъ и подождать результатовъ. Ей нѣть дѣла до интересовъ той или другой партіи: ей дорога сама Болгарія и Болгарскій народъ. Болгарскій же народъ не съ консерваторами, не съ либералами, фигурирующими за него въ качествѣ «депутатовъ» и суесловищами его именемъ, и не съ кѣнь-либо инымъ, а съ Россіей,—съ Россіей, которой онъ обязанъ своимъ возрожденіемъ и въ неизмѣнное, безкорыстное доброжелательство, въ неукоснительную поддержку которой онъ безусловно вѣруетъ въ мудрой простотѣ сердца. Поэтому и всякий Болгаринъ, будь онъ консерваторъ или либералъ, который способенъ строить козни противъ Россіи или замыслить хоть подобіе оскорблениія ея чести и достоинству, есть непремѣнно прожженный до мозга костей негодай и предатель своего народа, толкающій его въ австрійскія сѣти. Это—аксіома.

Москва, 15 октября.

«Вѣрность принципу» — дѣло похвальное, но въ примѣненіи къ жизни все же требуетъ нѣкотораго разсужденія, нѣкоторой сдѣлки отвлеченнаго идеала съ практическими условіями данной минуты. Въ дѣлахъ же государственныхъ доктринерство или превозношеніе теоріи надъ практикой, не допускающее уступокъ, казалось бы, и совсѣмъ неумѣстно. Не совсѣмъ повидимому удобенъ и такой порядокъ въ странѣ, когда каждое вѣдомство служить своему «принципу», ведеть свою политику, въ нѣкоторый ущербъ общегосударственной политикѣ и общегосударственному интересу.

Эти скромныя и очень извѣстныя мысли невольно пришли намъ на память по слѣдующему случаю:

Нѣть сомнѣнія, что мѣсто, обстановка, языкъ воспитанія оказываютъ сильное воздействиѳ на душевный и умственный складъ воспитывающихся. Связь съ *alma mater*, какъ имѣютъ обыкновенно учебное заведеніе молодые люди, гдѣ они просвѣтились свѣтомъ науки, одна изъ самыхъ прочныхъ и дорогихъ сердцу связей. Понятно, что связать этой высокою духовною связью Славянъ Балканского полуострова съ Россіею, даровать имъ благо знанія и укрѣпить въ ихъ родинѣ естественная симпатія къ нашему отечеству — мысль и возвышенная сама по себѣ, и разумная въ политическомъ смыслѣ. Этимъ и объясняется послѣдовавшее въ самомъ началь прошлаго царствованія, именно въ 1857 г., одновременно съ разрѣшеніемъ открытія въ Москвѣ Славянскаго Комитета, высочайшее повелѣніе: «молодымъ людямъ славянскаго происхожденія оказывать всякое содѣйствіе для поступленія въ российскія высшія учебныя заведенія».

Много воспиталось тогда въ русскихъ университетахъ, и особенно Московскомъ (отчасти на казенный счетъ, отчасти на счетъ Московскаго Славянскаго Благотворительного Комитета и его Отдѣленій), молодыхъ Славянъ — Болгаръ, Сербовъ, Черногорцевъ; многіе изъ нихъ и понинѣ подвизаются въ работѣ у себя дома, сохранивъ неизмѣнно искреннюю преданность Россіи. Они оказались (за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ выродковъ) истинно полезными дѣятелями

и для своей родины, и для Русской державы. Къ сожалѣнію, скучные средства Славянскаго Комитета, и нѣкоторая излишняя бережливость въ расходованіи средствъ казенныхъ именно тамъ, гдѣ такие расходы были бы для нашихъ политическихъ интересовъ всего нужнѣе, помѣшили умноженію числа стипендій для славянского юношества въ томъ размѣрѣ, какой бытъ бы желателенъ. Кромѣ того, нельзя не сознаться, что въ то время средняя школа въ самой Россіи, подготовлявшая студентовъ къ университету, стояла не на очень высокомъ уровнѣ; къ учащимся же Славянамъ относились у насъ, къ сожалѣнію, съ еще меньшою взыскательностью, а на переходныхъ и на выпускныхъ экзаменахъ допускали снисходительность до того явной, что это не могло не обратить на себя вниманіе даже у нихъ на родинѣ. Особенно же сильно выдавалась эта снисходительность при сравненіи Славянами-воспитанниками Вѣнскаго университета, который не дѣлалъ имъ, при прохожденіи курса наукъ, никакого послабленія, вслѣдствіе чего вѣнскіе дипломы стали цѣниться въ Славянскихъ земляхъ дороже русскихъ. Слѣдуетъ однако оговориться, что и въ нашихъ университетахъ, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, уже не дѣлали больше никакого преимущественнаго снисхожденія учащимся заграничными Славянамъ,—и это тотчасъ же было съ благодарностью замѣчено у Славянъ дома. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что всѣ наличные молодые Славяне, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, трудятся теперь основательно и усердно.—Но къ прискорбию, у насъ такимъ исправленіемъ дѣла не ограничились.

Преобразовалась и русская средняя школа. Введенія классическая система образованія. Дверь въ университеты могъ открывать только гимназический *аттестатъ зрѣлости*, да развѣ семинарское свидѣтельство съ повѣрочнымъ при поступлении въ университетъ испытаніемъ. Но до 1876 года, въ виду высочайшаго повѣдѣнія 1857 года, требованіе аттестата зрѣлости на Славянъ не распространялось; они продолжали поступать въ университетъ (такъ дѣлалось у насъ въ Москвѣ) большей частью подготовившись нѣсколько лѣтъ въ духовныхъ семинаріяхъ и по семинарскимъ свидѣтельствамъ, безъ дополнительного или повѣрочнаго экзамена,

или же по свидѣтельствамъ другихъ русскихъ и заграничныхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1876 года все перемѣнилось; не только преириатилось «всѧкое содѣйствие для поступленія молодыхъ Славянъ въ русскія высшія учебныя заведенія» и для образованія изъ нихъ, по выраженію одного изъ нашіхъ дипломатовъ, «полезныхъ и преданныхъ Россіи дѣятелей у себя на родинѣ», — но и вообще дѣлу воспитанія ихъ въ Россіи нанесенъ рѣшительный ударъ.

Пріемъ въ университеты по семинарскимъ свидѣтельствамъ отмѣненъ вовсе, а Славянъ, желающихъ поступить въ россійскіе университеты съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса получить дипломы на званіе кандидата, лѣкаря или дѣйствительнаго студента, дозволено принимать не иначе, какъ по предъявленіи аттестатовъ зрѣлости... Это распоряженіе произвело между учащимися Славянами совершенный переворотъ. Гдѣ имъ взять аттестатовъ зрѣлости! Нельзя же имъ, бѣднякамъ, восемь лѣтъ учиться въ русской гимназіи и потомъ четыре года въ университете, нельзя уже потому, что каждый такой воспитанникъ обошелся бы своимъ благотворителямъ въ Россіи, которые бы согласились содержать его на свой счетъ, не менѣе пяти тысячъ рублей. А дома у себя — гдѣ же иметь ваять такого образованія, которое бы равнялось нашему гимназическому! Правда, въ Сербіи имѣется, и кажется не одна, порядочная гимназія, но безъ греческаго языка, а только съ латинскимъ; имѣются таковы же и около Черногоріи, въ Которѣ и Далмаціи... И вотъ въ 1878 году начальство С.-Петербургскаго учебнаго округа представило въ Министерство народного просвѣщенія ходатайство университетскаго совѣта о принятіи въ число студентовъ молодыхъ Славянъ — окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Славянскихъ земель. Но Министерство, въ своей высокой ревности къ принципу чистѣйшаго классицизма, пребыло неумолимымъ: т. е. оно и разрѣшило пріемъ таковыхъ Славянъ въ русскіе студенты, но не иначе какъ по выдержаніи ими дополнительного экзамена изъ всѣхъ предметовъ, которые преподаются въ русскихъ гимназіяхъ и которые не преподаются въ славянскихъ. Это равнялось совершенному отказу.

Впрочемъ Министерство допустило для Славянъ не малое, съ своей точки зрења, снисхожденіе. Оно разрѣшило имъ поступать въ русскіе университеты и безъ аттестатовъ зрѣлости, но не въ студенты, а въ *вольнослушатели*. Оно разрѣшило даже имъ, не въ примѣръ русскимъ вольнослушателямъ, держать переходные и выпускные экзамены, но съ тѣмъ, чтобы имъ, *какъ бы удачно ни выдержали они испытаніе на лѣкаря или кандидата*, хотя бы даже получили по 5 балловъ въ каждомъ предметѣ, ни подъ какимъ видомъ не выдавать дипломовъ. Взаменъ дипломовъ повсѣнно снабжать ихъ только *свидѣтельствами* о томъ, какіе предметы они слушали и какіе успѣхи оказали, и непремѣнно съ такою оговоркою, что выданный аттестатъ «не предоставляетъ имъ никакихъ правъ по службѣ въ Россіи».

Но когда славянскіе воспитанники Россіи появились у себя на родинѣ съ подобными университетскими аттестатами или свидѣтельствами, а не съ дипломами, каковы выдаются обыкновенно во всѣхъ европейскихъ университетахъ,—славянскія правительства отнеслись къ нимъ болѣе чѣмъ недовѣрчиво, а товарищи, воспитавшіеся въ Вѣнскомъ университѣтѣ и щеголявшіе своими дипломами, даже съ насмѣшкой. Оговорка о непредоставленіи имъ служебныхъ правъ въ Россіи была растолкована такимъ образомъ: «значить—для службы въ Россіи они никуда не годятся», а потому нашмы воспитанникамъ и на ихъ родинѣ не стали давать мѣстъ по службѣ. Однимъ словомъ—имъ пришлось бѣдствовать.

А умная и лукавая Вѣна тѣмъ временемъ заявила Славянскимъ землямъ, что она несравненно скромнѣе Россіи и въ дѣлѣ просвѣщенія не простираеть такъ высоко своихъ требованій, а потому готова принимать въ студенты австрійскихъ университетовъ молодыхъ Славянъ *по однимъ свидѣтельствамъ ихъ гимназій*, безъ дополнительного испытанія... Въ то же время, Сербія, которая въ гимназіяхъ своихъ ввела одинъ только изъ классическихъ языковъ, латинскій, взамѣнъ греческаго сдѣлала обязательнымъ изученіе языка *иѣменѣжаю*. Австрія такимъ классицизмомъ осталась довольна... Толпою устремляются теперь Сербы въ австрійскіе университеты, гдѣ и получаютъ—въ случаѣ вполнѣ удовлетворительного экзамена—*дипломы*, настоящіе дипломы, а не

русские аттестаты, и безъ всякой оговорки. Само собою разумѣется, что дѣло идеть не о дипломахъ на званіе ученаго филолога (въ филологии балканскіе Славяне почти и не идутъ), а дипломахъ на званіе медика, юриста и т. п.

Теперь въ русскіе университеты молодые Славяне вновь и не поступаютъ, а остались — застряли можно-сказать, — только немногіе изъ прежнихъ, которые, согласившись поступить въ *вольнослушатели* (а не въ *студенты*), все еще полагались на вышеупомянутое, всему Славянству извѣстное высочайшее повелѣніе 1857 года, — все еще надѣвались, что Министерство народнаго просвѣщенія внимать наконецъ ходатайствамъ въ ихъ пользу самихъ россійскихъ университетовъ. Не видя однакоже осуществленія своихъ надеждъ, они теперь близки къ отчаянію: что дѣлать? бросать русскій университетъ и направиться за границу? но для этого нѣтъ у нихъ денежныхъ средствъ, да и жаль потерянныхъ даромъ годовъ! Ну такъ оставаться и послѣ блистательнаго экзамена получить не дипломъ, а какой-то аттестатъ, для службы и для медицинской практики на родинѣ вовсе не годный? Что-жъ! придется помириться и съ аттестатомъ, но ужъ развѣ съ тѣмъ, чтобы заказать и другу и недругу изъ своихъ соотчичей — не соваться впредь за высшимъ просвѣщеніемъ въ Россію... Очень ужъ стала она строга въ оцѣнкѣ вышедшаго просвѣщенія, даже и по отношенію къ Балканскому полуострову, — строже Вѣны и строже Парижа, потому что, какъ оказывается, и Парижъ поступаетъ по отношенію къ Славянамъ на одинаковыхъ правилахъ съ Вѣной...

Московскіе славянскіе воспитанники почти всѣ поступили въ университетъ еще при нашемъ предсѣдательствѣ въ Московскому Славянскому Обществѣ (которое вслѣдъ за Берлинскимъ трактатомъ по распоряженію русскаго правительства уничтожено), а потому мы и не могли отказать имъ въ участіи. Мы обращались съ ходатайствомъ за нихъ въ высочайше утвержденную при Азиатскомъ Департаментѣ Комиссію по образованію въ Россіи южныхъ Славянъ, — въ которую подобныя же ходатайства поступили и отъ Петербургскаго Славянскаго Общества, одновременно съ просьбами отъ самихъ учащихся славянскихъ юношей. Комиссія съ своей стороны, какъ намъ извѣстно, обратилась нынѣш-

нимъ лѣтомъ съ ходатайствомъ въ Министерство народнаго просвѣщенія — о предоставлениі молодымъ людямъ южно-славянскаго происхожденія тѣхъ же правъ, коими они пользуются въ западно-европейскихъ университетахъ и о выдачѣ имъ вмѣсто аттестатовъ — настоащихъ дипломовъ. Относительно же оговорки на аттестатахъ о непредоставленіи Славянамъ служебныхъ правъ въ Россіи, Комиссія, какъ мы слышали, выразила такое мнѣніе, что существенный смыслъ оговорки, т. е. обязательное возвращеніе Славянъ на ихъ родину (для которой Россія ихъ и воспитываетъ), долженъ быть конечно удержанъ, но для этого нѣтъ надобности помѣщать таковую оговорку въ дипломѣ, и совершенно достаточно брать съ молодыхъ людей обязательство о возвращеніи ихъ въ отчество, да сдѣлать по вѣдомствамъ надлежащее распоряженіе о непринятіи ихъ въ Россіи на службу. Съ своей стороны замѣтимъ, что теперь, по освобожденіи Болгаріи, по возведеніи Черногоріи и Сербіи въ санъ независимыхъ государствъ, нечего и опасаться, чтобы Славяне оставались, по окончаніи курса наукъ, такъ-сказать у насъ на шеѣ: слишкомъ сильно нуждаются теперь въ образованныхъ людяхъ у нихъ самихъ, дома.

Нынѣшнимъ же лѣтомъ совѣтъ Московскаго (да кажется и иныхъ русскихъ университетовъ) входилъ, чрезъ свое начальство, въ Министерство съ представлениемъ о томъ, чтобы тѣхъ Славянъ, которые приняты были въ университетъ безъ аттестатовъ зрѣлости въ качествѣ вольнослушателей, но по томъ, при окончаніи курса, выдержали прекрасно экзаменъ на званіе лѣкаря, или кандидата и дѣйствительного студента, дозволено было удостоивати вмѣсто аттестатовъ — дипломами. И дѣйствительно, мы имѣемъ теперь въ виду, здѣсь въ Москвѣ, Болгарина Ч., превосходно выдержавшаго испытаніе на лѣкаря, да и поступившаго-то, кажется, въ университетъ только тремя мѣсяцами раньше злополучнаго для Славянъ распоряженія объ аттестатахъ зрѣлости, — и этому несчастному, несмотря на всѣ его чуть не слезныя прошенія, въ дипломѣ на медика отказываются!

Однакожъ, какъ намъ сообщаютъ теперь, ничто не могло поколебать вѣрности принципу въ членахъ Совѣта министерства народнаго просвѣщенія. Совѣсть ихъ возмущается

при мысли, что русский ученый дипломъ можетъ быть выданъ лицу, не обладающему гимназическимъ аттестатомъ классической зрѣлости, не вѣдающему греческаго языка: это роняетъ честь и достоинство русскаго диплома!... Мы вполнѣ цѣнны строгое отношеніе къ принципамъ, но вѣдь дѣло идетъ здѣсь не о Россіи, и не о молодыхъ людяхъ пред назначенныхъ для дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. По нашему скромному разсужденію, какая бы, казалось, надобность напечему учебному вѣдомству очень печалиться о томъ, что гдѣ-нибудь въ Македоніи или около Албанскихъ планинъ будетъ заниматься медицинскою практикою медикъ, *хотя и отличный*, но безъ твердаго знанія всѣхъ тонкостей греческой грамматики?! Чѣмъ же компрометтируется честь русскаго диплома, если снабженный онъмъ хорошій юристъ и даже латинистъ будетъ въ Бѣлградѣ творить съ достоинствомъ судь и правду, хотя бы онъ, какъ классикъ, и хромаль на одно колѣно, т. е. на греческое? Что намъ до этого классического увѣчья, если само мѣстное правительство признаетъ аттестаты зрѣлости своихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ—вполнѣ для своей страны удовлетворительными?... Вѣдь строгій классицизмъ въ образованіи не можетъ же на Балканскомъ полуостровѣ насадиться вдругъ разомъ; да и у насть-то ему вѣдь всего безъ году недѣля! Вѣдь, съ точки зрѣнія министерского Совѣта, если быть логически послѣдовательнымъ, надобно было бы отнять университетскій дипломъ даже у большей части нынѣшнихъ русскихъ докторовъ и юристовъ, получившихъ гимназическое образованіе лѣтъ 10 — 12 тому назадъ? Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя нашему Министерству стерпѣть, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ лѣчили съ русскимъ дипломомъ на лѣкаря, но безъ знанія греческаго языка, то какъ же, напримѣръ, можетъ оно терпѣть доктора Боткина, который позволяетъ себѣ въ самомъ Петербургѣ, въ самомъ пѣкѣ нашего классического просвѣщенія, не только лѣчить, но даже и вылечивать людей безъ гимназического аттестата зрѣлости?! Не подвергнуть ли и его дополнительному въ греческомъ языкѣ испытанію? Но въ такомъ случаѣ доктору Боткину пришлось бы навѣрное лишиться диплома, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не выдержалъ бы гре-

ческаго экзамена нынѣшняго гимназического восьмиклассника, сбылся бы въ удареніяхъ и получилъ бы много что тройку!

Конечно, ревнители классицизма quand t'�me могутъ привести—не даромъ же они классики — известное изреченіе: *fiat justitia et pereat mundus!* Но въ настоящемъ случаѣ это *pereat* — никому другому, какъ русскимъ же государственнымъ политическимъ интересамъ...

Между тѣмъ именно въ нынѣшнемъ году состоялся *первый выпускъ* изъ Пловдивской (Филиппопольской) гимназіи, основанной вслѣдъ за освобожденіемъ наами Болгаріи изъ подъ турецкаго ига. Понятно, что воспитанники ея обратились въ Россію съ просьбами о дозвolenіи довершить имъ свое образованіе въ русскихъ университетахъ... Но, если справедливо полученнное наами свѣдѣніе, суровые классики въ Совѣтѣ нашего министерства, справляясь, что въ Филиппопольской гимназіи — *horribile dictu!* — не преподается греческій языкъ, а только одинъ латинскій, не поддались слабости, хотя, говорятъ, и не безъ боли въ сердцѣ: не могутъ! это выше ихъ силъ и даже разумѣнія!... Честь русскаго диплома не позволяетъ!...

А Вѣна хихикаетъ, радостно потираетъ руки и привѣтливо мигаетъ Филиппополю... «Къ намъ, пожалуйте къ намъ, наша дверь для васъ настежь»... И гурьбой потянутся Болгаре въ гостепріимную Вѣну.

Но, кажется, рѣшеніе Совѣта не обязательно для г. министра. На него только и на его государственный умъ мы и возлагаемъ надежды. Если же это рѣшеніе изменено быть не можетъ, даже не смотря на ходатайство нашихъ дипломатовъ,—то мы просимъ, мы молимъ министра только ужъ объ одномъ: склониться надъ наличными Славянами-воспитанниками, дозволить имъ благополучно докончить курсъ и при удовлетворительномъ экзаменѣ не отказать имъ въ выдать диплома. Это вѣдь будутъ уже *послѣдніе* славянскіе воспитанники. Больше ихъ уже не будетъ; не станутъ они больше стучаться въ нашу дверь... Развѣ настанетъ время, когда и на Балканскомъ полуостровѣ процвѣтеть наконецъ классическая система во всей своей строгости?... Но не поздно ли будетъ? Чѣмъ усиленіе станемъ мы содѣйствовать

наполненію юго-славянскихъ странъ австрійскими воспитанниками и преданными ей дѣятелями, тѣмъ успѣшиje и скорѣе подготовимъ и на Балканскомъ полуостровѣ торжество Австріи—не въ одномъ только экономическомъ отношеніи...

Москва, 1 ноября.

Когда въ первый разъ было получено нами извѣстіе, что болгарскій радикалъ «Цанковъ», возвращенный изъ ссылки по настоянію русского ministра-президента, имѣлъ у князя Александра аудіенцію и между ними произошло полное примиреніе и соглашеніе, мы поспѣшили сообщить эту новость, случайно бывшему въ Москвѣ, одному изъ нашихъ дипломатовъ хорошо знакомому лично съ болгарскими дѣлами и партіями,—и первымъ его словомъ было слѣдующее: «Цанковъ помирился съ княземъ?.. Ну такъ онъ же его и постарается сбыть... Какъ это сдѣлается, я не знаю, но настолько знаю Цанкова и его умъ, что не вѣрю въ возможность его искреннаго примиренія. Ручаюсь вамъ, да вы скоро увидите и сами, послѣдствія этого примиренія окажутся не къ добру—именно лично для князя». Мы не придали въ то время особынаго значенія этому предсказанію, но невольно вспомнили о немъ при недавнемъ соup d'état въ Болгаріи и особенно при чтеніи послѣднихъ удивительныхъ «приказовъ» князя Александра «по армії». Разгневавшись на русскую верховную власть, за то, что она отозвала назадъ въ Россію (правда, безъ соблюденія обычныхъ приличій, по послѣ уже безцеремоннаго поступка князя съ представителемъ Россіи и съ русскими министрами) двухъ княжихъ наперниковъ, состоящихъ въ его свитѣ, русскаго генерала Лѣсоваго и русскаго штабсъ-капитана Полякова, сей юный, сотворенный Россіею князь немедленно отдалъ два слѣдующіе приказа, напечатанные въ офиціальной болгарской газетѣ. Въ первомъ изъ нихъ онъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе Болгарамъ, что такъ какъ русское правительство совершило это отзованіе безъ его согласія и даже вѣдома, то онъ за это изгоняетъ изъ своей свиты всѣхъ остальныхъ русскихъ офицеровъ, — хотя, не безъ умысла прибавляетъ князь, они и

оказали весьма полезныя услуги и ему и *Болгарии*: однимъ словомъ, онъ изгоняетъ ихъ ни за чтд ни про чтд, а *въ отмстку!*.. Лишивъ такимъ образомъ Болгарию этихъ полезныхъ людей, князь, опять-таки какъ бы въ отмстку той же Русской державѣ, вторымъ своимъ приказомъ велить немедленно вернуться въ Софию всѣмъ молодымъ болгарскимъ офицерамъ, которые заканчиваютъ свое военное образованіе въ Россіи и удостоены даже на это время зачисленія въ ряды русской арміи... Другими словами, желая наказать русское государство, князь изволитъ наказывать Болгарию, лишая болгарскихъ офицеровъ надлежащаго образованія и чести сослуженія съ токо арміей, которая своею кровью освободила и возсоздала Болгарию!. Эти приказы могутъ быть объяснены или развѣ состояніемъ такого «аффекта», который даже и на судѣ даетъ человѣку привилегію невмѣняемости,—но въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ о правоспособности съ точки зрењія психіатровъ,—или же... Пожалуй, хоть коварными кознями г. Цанкова, если стать на точку зрењія вышеупомянутаго дипломата! Желая сбыть ненавистнаго ему «принца Баттенберга», ужъ и въ самомъ дѣлѣ не пользуется ли знаменитый старый болгарскій патріотъ свойственною юности князя неопытностью и легкомысліемъ (очень уже крайнимъ, надо признаться), съ тѣмъ, чтобы поссорить его съ Россіей, заставить его «противъ рожна прати»?.. Мы съ своей стороны вовсе не склонны приписывать г. Цанкову какъ бы роль Яго въ Шекспировой драмѣ, и если привели себѣ на память эту не нашу догадку, то лишь потому, что до сихъ поръ затрудняемся прискать объясненіе поступкамъ князя и его нового министерства, въ которомъ, г. Цанковъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Г. Цанковъ имѣетъ репутацію человѣка очень умнаго и горячо любящаго свое отечество патріота; онъ теперЬ и ближайшій совѣтникъ князя. Но гдѣ же его умъ и гдѣ же его патріотизмъ, если дѣйствія «конституціоннаго государя», за которыя отвѣтственность несетъ не иной кто, какъ министерство, направлены къ оскорблению Россіи, компрометтируютъ предъ Россіей и всѣмъ свѣтомъ не только лично князя Александра, но честь, нравственное достоинство, наконецъ миръ и благополучіе самого Болгарскаго народа? Какимъ умомъ и патріотизмомъ могутъ быть

оправданы такія государственныя мѣры, какъ уничтоженіе народнаго ополченія или милиціи, такъ прекрасно подготовленной русскимъ военнымъ управлѣніемъ, или какъ дезорганизація превосходнаго войска, созданнаго для Болгаріи русскими офицерами и унтеръ-офицерами, и которое безъ сомнѣнія немедленно придется въ совершенное разстройство, какъ скоро русскіе начальники и инструкторы покинутъ Болгарію? Развѣ могутъ быть въ этомъ княжествѣ, существующемъ всего какихъ-нибудь пять лѣтъ, опытные болгарскіе офицеры, съ военными традиціями и въ потребномъ числѣ?! Мы видимъ, что князь Болгарскій не дозволяетъ даже и небольшому числу молодыхъ Болгаръ докончить военное образованіе начатое ими въ Россіи! Остается только предположить, что онъ отправить ихъ доучиваться въ Вѣну, или что болгарскіе министры вмѣстѣ съ своимъ княземъ имѣютъ въ виду замѣстить русскихъ офицеровъ германскими и австрійскими?.. Во всемъ этомъ, съ точки зрѣнія болгарскихъ интересовъ, нѣть ни ума, ни патріотизма, но съ точки зрѣнія интересовъ враждебныхъ болгарскимъ—задуманныя и частью исполненныя уже мѣры очень умны и желанны... патріотизму австрійскому... Неужели же слѣдуетъ допустить высказанное нѣкоторыми газетами предположеніе, будто Цанковъ и К° (т. е. его либеральная партія) просто соблазнились властолюбіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ и корыстолюбіемъ, прельстились министерскими портфелями, высокими окладами жалованья и возможностью иныхъ выгодныхъ акциденцій, и такимъ образомъ продались и предались той новой политикѣ, которая такъ противорѣчитъ и выгодамъ Болгаріи, и требованіямъ народнаго духа? Мы не беремся отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ, хотя г. Немировичъ-Данченко и свидѣтельствуетъ, въ недавнемъ письмѣ изъ Рущука, въ «Новостяхъ», что Цанковъ своимъ вступленіемъ въ министерство лишился теперь всякой популярности и симпатіи въ Болгарскомъ народѣ,—и хотя мы вообще не слишкомъ высокаго мнѣнія о доблестяхъ Болгаръ стараго закала — воспитавшихся при турецкомъ режимѣ, въ турецкой школѣ и въ традиціяхъ восточной нравственности. Мы не можемъ также допустить толкованіе, что болгарскихъ либераловъ подкупила не корысть, а пламенная любовь къ конституціонализму, однимъ словомъ

объщаніе князя възстановить Тырновскую конституцію: не можемъ потому, что эти страстные любовники конституції тотчасъ же отпраздновали ея възстановленіе самыми грубѣйшими нарушеніемъ Тырновскаго органическаго устава и уступками князю самого неконституціоннаго свойства.

Все это трудно поддается объясненію. А между тѣмъ не возможно и сомнѣваться, что князь Александръ дѣйствительно послѣдовалъ чѣмъ-то дурнымъ, коварнымъ совѣтамъ, обнадѣжилъ чѣй-то сильной, по его мнѣнію, поддержкой, и не надѣленный въ то же время достаточнou прозорливостью и самообладаніемъ, сгоряча и спроста попался самъ въ разставленную ему сѣть. Оставимъ пока г. Цанкова и вообще Болгаръ въ сторонѣ: дипломаты и государственные правители они еще несовсѣмъ искусные и сами о себѣ едва ли бы когда отважились на дѣло въ Болгаріи совершившееся. Попишемъ совѣтчиковъ и вдохновителей всего этого «государственного переполоха», учиненнаго княземъ Александромъ, гдѣнибудь виѣ княжества, на сторонѣ...

Князь Александръ, какъ известно, въ бытность свою въ Москвѣ, во время коронаціи, не имѣлъ успѣха во многихъ своихъ ходатайствахъ и домогательствахъ, между прочимъ обѣ отзванія русскихъ министровъ, имъ же самимъ избранныхъ и выпрошеныхъ у русской верховной власти. Извѣстно также, что эти послѣдніе убѣдились въ необходимости сокращенія срока полномочій присвоеннымъ себѣ княземъ два года тому назадъ, такъ какъ никакого блага странѣ отъ этихъ полномочій не вышло, а лишь одинъ вредъ: образовалась именно около князя, благодаря вліянію австрійского дипломатическаго агента (русскаго даже и не было въ теченіи послѣднаго года!), цѣлая «камарилья» или клика «консерваторовъ», съ явными австрофильскими тенденціями и съ сильными пополненіями къ накидѣ... Изъ Россіи онъ уѣхалъ болѣе или менѣе неудовлетворенный. Онъ предполагалъ (какъ это многие отъ него въ Москвѣ лично слышали) провести лѣто въ Карлсбадѣ и Дармштадтѣ и не присутствовать въ Софіи во время засѣданій національнаго собранія, созданнаго по железнодорожному вопросу. Но остановившись въ Берлинѣ, поѣхавъ Вѣну, — онъ перемѣнилъ весь свой планъ и очутился въ Болгаріи, совершенно неожиданно, го-

раздо раньше назначенного имъ срока и не предупредивъ даже о томъ своего министра-президента (генерала Соболева), который пресколько оставилъ въ Россіи и поспѣшилъ въ Болгарію лишь по извѣщенію нашего министерства иностраннѣхъ дѣлъ. Чѣмъ же произошло въ Берлинѣ? Въ отвѣтъ укажемъ на слова одной берлинской газеты, приведенные въ статьѣ нашего берлинского корреспондента въ 20 №: «Руси», — замѣчательныя уже потому, что они появились въ свѣтъ во время пребыванія князя въ этомъ городѣ, когда никто изъ насъ въ Россіи и не предполагалъ скораго наступленія «болгарскихъ событій». Вотъ они: «Князь Болгарскій до вчерашняго вечера гостили въ стѣнахъ Берлина. Онъ нашелъ отмѣнныи пріемъ при дворѣ; онъ былъ привѣтствованъ княземъ Бисмаркомъ и графомъ Гаффельдомъ (бывшимъ германскимъ посланникомъ въ Константинополь). Но никто не даетъ себѣ труда спросить: *какіе политическіе мотивы служатъ основаниемъ этому совѣщанію?* Прямо сказать: конечно цѣлью его прїѣзда сюда теперь не было желаніе явиться въ качествѣ турецко-русскаго вассала съ московскихъ коронаціонныхъ торжествъ. «Тутъ» — продолжаетъ загадочно газета — «представляется цѣлая серія соображеній, которыя могли показаться важными князю Болгарскому, напримѣръ — выиграть болѣе интимное сближеніе съ Берлинскимъ кабинетомъ. Конференціи, которыя онъ имѣлъ съ руководителями нашего министерства иностраннѣхъ дѣлъ, должны, какъ думаютъ въ хорошо освѣдомленныхъ сферахъ, необходимо укрепить его (т. е. князя) положеніе... Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ русскіе властелины (?) въ Болгаріи, водящіе на помочахъ князя и его министерство, усердно стремятся образовать тѣсное единеніе между маленькими дунайскими государствами и Греціей, и соглашеніе это направляется прямо противъ Австро Венгрии, — такъ что эти старанія въ значительной степени привлекли на себя вниманіе и германской дипломатіи»... Кстати, приведемъ здѣсь и не очень давній отзывъ знаменитой консервативной берлинской газеты «Kreuz-Zeitung» о томъ, что «миссія Австріи на Востокѣ дѣло въ Берлинѣ безповоротно рѣшенное» и что Россія не дурно сдѣлаетъ, если сама, покорившись «рѣковой необходимости», станетъ «способствовать укрѣпле-

нію этого убѣжденія среди Славянъ Балканскаго полуострова!..

Вотъ какими внушеніями окруженъ былъ въ Берлинѣ бывшій германскій принцъ Баттенбергъ, бывшій офицеръ прусской службы и сынъ бывшаго фельдмаршала - лейтенанта службы австрійской,—затѣмъ, по милости и волѣ Русскаго Государя, произведеній въ князіи Болгарскіе! Можно ли даже и требовать отъ молодаго князя жестокосердаго отреченія отъ всего, чтѣ всякому кровному Германцу дорого и завѣтно?... Отправившись въ Вѣну, онъ получилъ безъ сомнѣнія и тамъ не менѣе убѣдительныя внушенія, а вмѣстѣ и болѣе точныя указанія способа дѣйствій, отъ графа Кальники. По крайней мѣрѣ еще будучи въ Вѣнѣ князь Александръ затребовалъ чрезъ своихъ людей представленія себѣ отъ болгарскаго «Державнаго Совѣта» о настоятельной будто бы необходимости немедленно удалить русскихъ министровъ и прекратить приемъ на службу русскихъ офицеровъ: представление и послѣдовало, но за подписью только 4-хъ членовъ,—остальные подписать отказались... Въ то же время берлинскія, но въ особенности австрійскія газеты, какъ бы по данному знаку, затрубили объ опасностяхъ угрожающихъ европейскому миру отъ русскаго деспотизма въ Болгаріи, о беспорядкахъ и смутахъ въ княжествѣ по винѣ Россіи, и т. д. и т. д. Чтѣ послѣдовало затѣмъ—извѣстно.

По всему однако же видно, что несчастный князь Болгарскій былъ только игрушкою австрійской политики, временно нужною ей для достижениѣ своей цѣли. Австрія домогалась прежде всего и пуще всего соединенія болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ съ австрійскими, такого соединенія, которое давало бы ей возможность возить по рельсамъ товары (а въ потребномъ случаѣ и войско) и въ Софию, и въ Салоники, и обходнымъ путемъ въ Константинополь. Этого она теперь и добилась, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Национальное болгарское собраніе, по удаленіи уже русскихъ министровъ, руководимое министерствомъ Цанкова и К°, безусловно и единогласно вотировало это соединеніе. Далѣе: Австріи безъ сомнѣнія лучше чѣмъ кому-либо извѣстна нерасторжимость связи Болгаріи съ Россіей, но внести смуту въ эти отношенія, хотя бы даже на время, было все же для Австріи не

безвыгодно, особенно когда представлялся для того такой удобный инструментъ какъ князь Александръ. Призракъ вмѣшательства Европы,—конечно не болѣе какъ призракъ,—долженъ быть, по соображеніямъ австрійскихъ политиковъ, конечно побудить Россію взойти не только въ объясненіе, но также и въ нѣкоторое соглашеніе съ Берлиномъ и Вѣнною,—а этого только и требовалось. Начнутся переговоры, и Австрія, «руководимая безпристрастіемъ», безъ сомнѣнія уступитъ Россіи Болгарію, признаетъ законность русскаго вліянія на эту часть Балканскаго полуострова, но подъ условіемъ разныхъ не безполезныхъ для нея оговорокъ... По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ представляется намъ, страннѣй повидимому, но вѣроятно расчитанный и взвѣшенный во всѣхъ своихъ частностяхъ, политический маневръ австрійскаго правительства.

Ни съ того, ни съ сего, графъ Кальюки, въ отвѣтъ своемъ венгерской делегаціи, выгородивъ конечно отъ упрека собственно русскій кабинетъ, но сваливъ вину на воинственную будто бы агитацию русской печати, указалъ на Россію какъ на единственную державу угрожающую спокойствію Европы. При этомъ онъ нашелъ нужнымъ выразиться, что если Россія и нападетъ на Австрію, то Австрія *не будетъ одна*, т. е. даль понять, что въ силу союза съ Германіей, Россіи придется имѣть дѣло и съ нею... Само собою разумѣется, такое заявленіе въ устахъ дипломата, какъ бы равнявшееся прямому вызову брошенному въ лицо Россіи, не могло не произвестъ въ австрійской и германской публикѣ сильнѣйшее возбужденіе. Вслѣдъ затѣмъ, берлинскія газеты послѣшили пояснить, что союзъ Германіи съ Австріей заключенъ въ *интересъ мира*, т. е. что на стражѣ этого сокровища стоять два иѣкіихъ ангела съ обнаженными мечами, и всякий, кто захочеть имѣть и свою часть въ этомъ сокровищѣ, долженъ за полученіемъ оной вступать въ сдѣлку съ обоими ангелами. Черезъ два дня. полагая вѣроятно, что надлежащій эффектъ на кого слѣдуетъ произведенъ, графъ Кальюки, въ отвѣтъ другой делегаціи, какъ бы взять свои слова назадъ и подтвердилъ, что Россія о войнѣ и не думаетъ, что отношенія ея къ Австріи самые дружественные, однимъ словомъ: погрозивъ Россіи за два дня, открылъ те-

перь перспективу мирного соглашения. Вся эта фальшивая тревога произведена была повидимому единственно для того, чтобы выше поднять цѣну успокоенія, и вся эта фальшивая атака не имѣла, кажется, другой цѣли, какъ именно ту, чтобы придать значеніе отступленію и отдать чужой товаръ самому хозяину — въ видѣ великодушной уступки, вслѣдствіе взаимного уговора и конечно съ выгодою для себя! Намъ неизвѣстно, какія сношенія происходили у Россіи съ упомянутыми державами: мы убѣждены, что они велись нашей дипломатіею съ достоинствомъ и твердостью, но все же Россія пришлось переговариваться, опредѣлять характеръ русскихъ отношеній къ Болгаріи и согласовать ихъ съ условіями «европейского мира»!.. Понятно, что переговоры должны были увѣнчаться успѣхомъ, и думаемъ, что обѣимъ западнымъ державамъ это было очень хорошо известно впередъ и заранѣе, до начала всей этой ложной тревоги...

Истолковательница послѣдней рѣчи гр. Кальники, газета «*Neue freie Presse*» не замедлила пояснить тономъ совершенно офиціознымъ, что Россія и Австрія именно очень не трудно, и именно въ дѣлахъ на Востокѣ, приди къ желанному соглашению, предъявивъ опредѣленные требованія, спокойно обсудивъ ихъ, сдѣлавъ взаимныя уступки, и т. д. «Австрія — выражалась она — должно оставить всякія попытки умалить русское вліяніе въ Болгаріи... Въ Вѣнѣ не будутъ возставать противъ воззрѣнія Русскихъ, что настоящія болгарскія события имѣютъ значеніе только мѣстное. Въ какія бы отношенія ни стала князь Болгарскій къ Россіи — это его личное дѣло Европа (а также и Австро-Венгрия) не обязана поддерживать его протесты противъ русской опеки. Россія не помѣщала народному собранію утвердить желѣзнодорожную конвенцію; Австрія не должна мѣшать Россіи оберегать ея авторитетъ въ Болгаріи, лишь бы Болгарія не сдѣлалась передовымъ постомъ, откуда будетъ нарушенъ миръ Австріи, лишь бы изъ Болгаріи не наносили ущерба экономическимъ и торгово-политическимъ интересамъ Австріи... Участъ принца Баттенберга, заключаетъ газета, зависитъ отъ его собственного поведенія: не удастся ему отстоять свой престолъ вслѣдствіе сопротивленія Россіи, ему также спокойно позволятъ уйти, какъ позволили ему надѣть болгарскую корону!»

Бѣдный принцъ Баттенбергскій!... Каково же ему читать теперь эти строки, послѣ всѣхъ недавнихъ берлинскихъ и вѣнскихъ почестей и внушеній, послѣ всѣхъ оффіціозныхъ возгласовъ въ пользу его противъ Россіи, которыми была переполнена австрійская печать предъ и вслѣдъ за послѣднимъ болгарскимъ переворотомъ! Не знаемъ—какъ въ концѣ-концовъ устроится положеніе легковѣрнаго и неразумнаго принца. Несомнѣнно одно, что связь Россіи съ Болгаріей и ея народомъ не потерпѣла, да и не можетъ потерпѣть никакого ослабленія,— но этого недостаточно. На Россіи по отношенію къ Болгаріи лежитъ святая обязанность, возложенная на нее и ея положеніемъ, какъ сильной Славянской державы, и самимъ подвигомъ освобожденія и возрожденія Болгарскаго народа. Не можетъ, не должна она допустить, чтобы созданная ею Болгарія стала достояніемъ чужихъ и мѣстныхъ властолюбцевъ и проходимцевъ, и жертвою ихъ алчной корысти.

Но для исполненія этой обязанности, необходимо самой Россіи умѣть понять и сознать ее, понять и сознать свое собственное историческое призваніе въ мірѣ и вести политику вполнѣ согласную съ ея достоинствомъ, съ интересами и съ духомъ своего народа. Во всемъ, чтѣ теперь совершается въ Болгаріи, прежде всего виновата сама Россія или та фальшивая политика, которую она руководилась въ послѣдніе годы прошлаго царствованія.... подъ руководствомъ фальшиво прославленнаго россійскаго канцлера!

✓
Москва, 15-го ноября.

Съ Запада дуетъ миролюбіемъ, и на этотъ разъ настолько рѣзко и чувствительно, что въ подлинномъ свойствѣ дуновенія нельзя сомнѣваться. Слава Богу! *Вооруженный миръ*, хотя и не то что миръ разоружившійся, перековавшій «мечи на орала», однако все же лучше войны, и не только войны, но и того неопределеннаго состоянія, которое можно назвать полуимпромъ и которымъ характеризовались до самыхъ послѣднихъ дней отношенія къ Россіи ея ближайшихъ сосѣдей. Правда, Германія хвалится, что куетъ миръ уже издавна,

съ самаго окончанія Берлинскаго конгресса; только тѣмъ и занята, чтобы заключить кого-нибудь въ оковы мира; съ этою цѣлью и «лиги» или заговоры мира устроиваеть; но кроме того, что не всѣмъ эти оковы впору, не всакій охотился стать узникомъ миролюбивыхъ замысловъ германскаго канцлера, — оказалось до очевидности, что немыслима для Европы никакая благоденственная тишина, обусловленная воинственными угрозами Русской державы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни сладкогласно пѣлись гимны миру правителями и дипломатами срединнаго европейскаго материка, но трудно было этому пѣнью внушить Европѣ спокойствие среди той суевѣвой, назойливой, запальчивой вражды къ Россіи, котою свистѣла, шумѣла, галдѣла до оглушенія германская и австрійская пресса. Въ послѣднее время она представляла подобіе дружной военной на нась атаки, какъ бы по чьейто командѣ: «въ первы!.. Насъ то-и-дѣло кроили и дѣли; паеквили, памфлеты, брошюры, передовая газетная статьи о походѣ на русскую территорію, съ соображеніями стратегическими и даже политическими на случай успѣха (который, при нашей пресловутой теперь въ Европѣ «слабости во всѣхъ отношеніяхъ», представлялся несомнѣннымъ), сыпались какъ картечь изъ митральѣзы. Печать и въ Австро-Венгрии и въ Германіи конечно свободна, но по вопросамъ вѣнѣній политики она не имѣть привычки дѣйствовать слишкомъ рѣзко въ разладъ съ верховнымъ правительствомъ... Русская журналистика не столько оскорблялась, сколько сердечно огорчалась таковыми непристойнымъ и незаслуженнымъ Россію сосѣдскимъ поведеніемъ и пыталась вѣжливо урезонить расходившееся «общественное мнѣніе» этихъ просвѣщенныхъ, странъ,— но ее же и пританули къ отвѣту! ее же именно и благоволилъ австрійскій министръ графъ Кальюки, публично, предъ высшимъ имперскимъ парламентомъ, обвинить въ бранномъ задорѣ! А теперь, опять словно по командѣ, всѣ главнѣйшиe органы австро-венгерской и германской прессы бываютъ отбой, слагаютъ пѣсни миру, выдаютъ похвальный аттесталь русскому кабинету, гладятъ по головкѣ, снисходительно, русскую печать и объявляютъ внушительно, что на политическомъ горизонте все обстоитъ благополучно, но обстояло бы еще благополучче, еслибы не было... нѣкото-

рихъ черныхъ зловѣщихъ въ Россіи точекъ. Точки же эти— русские панслависты. Они одни угрожаютъ миру. Не будь ихъ—была бы тишь да гладь, и никакія бы жертвы не писали, и Альзасцы, вѣроятно, благословляли бы свою судьбу, и Босняки только бы умилялись, отбывая Австрійцамъ воинскую и податную повинность... Всѣдѣствіе таковыхъ заграничныхъ обвиненій, заговорили вновь «о панславистахъ въ Россіи» и многія наши газеты. Однѣ всѣчески отрицаютъ ихъ существованіе, но допускаютъ, что въ Россіи есть—таки въ извѣстной степени сочувствіе къ Славянамъ, которое впрочемъ оправдывается естественностью родственныхъ чувствъ. Другія, хмурясь, замѣчаютъ на это, что оно пожалуй и дѣйствительно такъ, но и родственниковъ надо любить съ умѣренностью и акуратностью, руководствуясь прежде всего собственными интересами; третыи возглашаютъ, что всякому славянскому вопросу и всякимъ славянскимъ симпатіямъ наступиль теперь конецъ, и Россіи нужно теперь помышлять только «о цивилизації». При этомъ «Русскій Курьеръ» съ истинно-рабынъ усердіемъ доноситъ своей барынѣ—Западной Европѣ или въ частности своимъ «высококультурнымъ» госпожамъ Австро-Венгрии и Германіи, что напрасно-де отрываютъ бытіе панславистовъ въ Россіи, что они имѣются, только подъ кличкой «славянофиловъ», которые вовсе не вымерли, а еще живы; что отъ нихъ-де вся и бѣда, они и послѣдней-то русской войны виновники, ихъ-то и слѣдовало бы искоренить, какъ гибелъ, какъ чуму, какъ язву нашихъ мѣстъ... Оставимъ, впрочемъ, наши газеты въ сторонѣ и займемся «черными точками» смущающими иностранный правительства и публицистовъ.

Чтѣдѣ такое панславизмъ или въ буквальномъ переводѣ— всеславянство? Существуетъ ли онъ? И да, и нѣтъ. Онъ не существуетъ ни какъ политическая партія, ни какъ политическая программа, ни даже какъ опредѣленный политический идеалъ. Обединеніе всѣхъ Славянъ восточныхъ и западныхъ въ одно политическое тѣло даже и въ мечтахъ никому доселѣ въ точномъ образѣ не представлялось. Но панславизмъ несомнѣнно имѣть бытіе какъ присущее въ наше время всѣмъ многоразличнымъ вѣтвямъ Славянскаго племени сознаніе ихъ славянской общности или единопле-

менности. Эта общность не имѣть, какъ таковая, ни формы, ни иного вѣнчанаго выраженія; да и трудно было бы ей по-видимому найти ихъ себѣ при разнообразіи всѣхъ этихъ вѣтвей, отличающихся другъ отъ друга и вѣроисповѣданіями, и вѣнчанными историческими судьбами, и нарѣчіями, и алфавитомъ: однихъ азбука славянскихъ можно насчитать семь или восемь!.. Ни одна изъ вѣтвей и не думаетъ поступаться въ пользу другой своею этнографическою или пожалуй мѣстною «національною» особенностью... Но при всемъ томъ, вопреки этому разнообразію, всѣ онѣ слышать въ себѣ близкое родство духа, всѣ онѣ въ наши дни созидаютъ себя какъ бы членами одного духовнаго и нравственнаго цѣлага... Всѣ эти Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Болгаре,— всѣ они, вмѣстѣ съ пробужденіемъ къ національной жизни, пробудились не только какъ Чехи, Словаки, Словенцы и пр., но и *какъ Славяне*. Ибо не какъ Чехи, Словаки, Словенцы и пр., взятые порознь, призваны они ко всемирно-исторической роли, но *какъ Славяне и черезъ Славянство*: / только этой стороныю своего бытія, только какъ части міроваго племени Славянскаго, могутъ они достигнуть и міроваго значенія въ исторіи. Внѣ этой обще-славянской стороны, или измѣнившись идеѣ Славянства, они—ничто. Одною своею этнографическою особенностью не въ состояніи они спасти свою духовную самостоятельность отъ насилия и соблазновъ чуждыхъ народовъ, болѣе чѣмъ они мощныхъ культурою, энергией воли, самомнѣніемъ и вѣнчану крѣпостью.

Носительница этой идеи Славянства, воплотившая ее въ самомъ своемъ бытіи — Россія. Этимъ и объясняются всѣ вольные и невольные тяготѣнія къ ней прочихъ, разсѣянныхъ и разрозненныхъ отраслей Славянскаго племени. Она уже сама цѣлый мірь,—мірь, который стоитъ о себѣ и самъ собою, не извѣнъ получаетъ, а самъ изъ себѣ раскрываетъ свое призваніе, — мірь противополагающій себя Западу: и своимъ отличнымъ отъ него вѣроисповѣданіемъ, и своею не общею съ нимъ исторіею, и всѣми коренными началами соціального, гражданскаго, политического своего быта, особымъ нравственнымъ и духовнымъ складомъ своего народа. Ему, русско-славянскому міру, передалъ въ наслѣдіе и въ береженіе православный Востокъ всѣ сохраненные имъ сокро-

вища вѣрующаго духа, когда изнемогъ самъ для исторической жизни и порабощенъ быль ордами магометанскими; ему, русско-славянскому міру, передала умирающая Восточная Имперія свой вѣнецъ и свое неисполненное призваніе. Но представитель Востока и наследникъ Византіи, этотъ русско-славянскій міръ не сталъ ни Востокомъ, ни Византіей, а расположась между Востокомъ и Западомъ, дерзновенно рѣшилъ воспринять въ себя и всѣ сокровища знанія и мысли западнаго человѣчества. Какъ совершилъ онъ за себя и за все Славянство этотъ подвигъ сочетанія и претворенія въ единое органическое духовное цѣлое сихъ богатствъ Востока и Запада,—это вопросъ грядущихъ временъ, и не о немъ теперь рѣчь,—а рѣчь о томъ, что къ концу XVII вѣка, преодолѣвъ всѣ противопоставленныя препятствія, вырвалась Россія (или въ лицѣ ея *русско-славянскій православный міръ*) на арену всемірной исторіи.

Много уже къ тому времени безвозвратно погибло отъ дѣйствій Славянскихъ племенъ. Вся Сѣверная и Восточная Германія стоитъ на костяхъ славянскихъ, или на славянской подпочвѣ. Кровава, упорна была борьба славянскихъ поселеній вдоль Эльбы и Балтійского Поморья съ германскими рыцарями и ихъ дружинами, начиная съ Карла Великаго,—но обѣ этомъ непрекаемомъ приговорѣ истории нечего уже и вспоминать. Оставшихся въ живыхъ, въ предѣлахъ современной Западной Европы, Славянъ—Россія, при Петрѣ, застаетъ въ видѣ разрозненныхъ оазисовъ среди побѣдоносныхъ чуждыхъ имъ элементовъ. Къ дѣйствію грубой враждебной силы присоединилось и насилие духовное. Римская Курія, воплотившая въ себѣ все древнее властолюбіе Рима и всю духовную сущность Запада, порвала ихъ связь съ Востокомъ, отъ которого они принали первоначально свѣтъ истинной вѣры, и посагнула такъ-сказать на самую душу этихъ Славянскихъ племенъ. Олатинились и Чехи, и Хорваты, и Словенцы, и Словаки, но не сразу и не безъ борьбы,—однакоже латинство не уберегло ихъ национальной самостоятельности. Славянская природа Чеховъ возстала, въ лицѣ Гуса, противъ духовнаго ига Рима во имя чистой истины вѣры и древнихъ преданій вселенской апостольской церкви, а также и во имя народности; Гусъ былъ сожженъ

по рѣшенію Констанцкаго собора; его послѣдователи Гуситы вступили въ отчаянныи бой съ германскимъ міромъ, наводя на него страхъ и ужасъ. Борьба обозначилась уже и тогда какъ борьба славянства съ германизмомъ... Германская сила преодолѣла. Послѣ сраженія при Бѣлой Горѣ въ 1620 г. и послѣ такъ-называемой Пражской Экзекуціи завершилась, повидимому, навѣки и судьба Чешскаго королевства. Всѣ письменные памятники чешской національности были истреблены, Чехія была раздавлена, растоптана, сломлена нравственно, и казалось—уже не возвстанетъ изъ праха... Ко времени выступленія Русской державы на политическую сцену Европы не было ни одной отрасли Славянскаго племени свободной и самостоятельной: Чехія — провинція Австрійской или, по тогдашнему Священной Римской имперіи,—преданная въ полное достояніе германизациі; Словенцы въ австрійскихъ имперскихъ провинціяхъ—Штирии, Каринтии, Крайнѣ, Истріи—едва-едва въ низшихъ слояхъ своихъ хранили искру національности; Словаки пребывали нераздѣльно въ составѣ Венгерскаго королевства, которому подчинена была и Хорватія; Далматинское славянское побережье находилось подъ владычествомъ Венеции и вообще итальянской культуры; на Балканскомъ полуостровѣ православные Сербы и Болгаре томились подъ игомъ магометанъ. Участъ послѣднихъ была однако все же завиднѣе участіи Славянъ въ австрійскихъ и итальянскихъ владѣніяхъ: турецкое господство, какъ ни было оно тѣгостно, все же однако не пыталось ни извратить ихъ вѣру, ни обезнародить, и словно подъ желѣзнымъ колпакомъ предохранило ихъ отъ германизациі и папизма. Только на Черной Горѣ горсть сербскихъ уdalцовъ подъ управлениемъ Владыки-митрополита, одна изъ всѣхъ Славянъ, кроме Россіи, хранила мужественно свою независимость... Имя славянское казалось затеряннымъ въ Европѣ, и Нѣмцы горделиво признавали ихъ низшою расою, призванною къ рабству или только къ тому, чтобы послужить материаломъ для питанія и восполненія господствующихъ расъ Запада съ утратой всякаго признака славянской народности, подъ воздействиемъ германо-романской культуры.

А Польша? Какъ могли мы не упомянуть ни однимъ словомъ объ этомъ славянскомъ королевствѣ, не знаявшемъ за-

паднаго политическаго ига до самаго своего паденія или расчлененія въ концѣ XVIII вѣка? Но въ томъ-то и дѣло, что Польша выдѣляется изъ общей судьбы Славянскаго, «опально-мироваго», по выражению поэта, племени: она никогда не возносила славянскаго знамени. Отторгнувъ ее отъ Восточной церкви, католицизмъ,—какъ говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ писателей,—отторгнулъ ее и отъ всего православно-славянскаго міра (который есть и долженъ считаться міромъ по преимуществу православнымъ уже потому, что громаднѣйшее большинство Славянъ принадлежитъ къ этому исповѣданію) и вмѣстѣ съ тѣмъ *погорѣлъ* ее, Польшу, *къ ногамъ Запада*—какъ наиусерднѣйшую его прислужницу. Особенно же рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Польши произошелъ во второй половинѣ XVI вѣка, когда въ эту несчастную страну проникли іезуиты и вогнали ультрамонтанскій католическій духъ въ самую плоть и кровь польского племени. Ставъ любимѣйшею дочерью Римской куріи, Польша стала вмѣстѣ съ тѣмъ «бульваромъ Запада» противъ московскаго православія и «варварства». Польша—ренегатка въ мірѣ Славянскомъ, ренегатка вдвойнѣ, не только потому, что дала себя олатинить (католики, напр., и Чехи, и Хорваты—къ несчастію), но и потому, что въ фанатической ненависти своей къ православію, исповѣдуемому большинствомъ Славянъ, въ томъ числѣ великимъ Русскимъ народомъ, заглушила въ себѣ и чувство и сознаніе славянской духовной общности и родства. Всегда и всюду православныя Славянскія племена, во всѣхъ своихъ стремлѣніяхъ къ національной независимости, въ числѣ самыхъ ярыхъ своихъ враговъ встрѣчали Поляковъ въ союзе съ романо-германскимъ Западомъ. Между тѣмъ, *вопреки латинству*, какъ въ Чехіи—благодаря Гусу и гуситству, такъ и между Хорватами—благодаря ихъ ближайшему родству съ православнымъ Сербскимъ племенемъ и народнымъ, до сихъ поръ живучимъ и дорогимъ преданіемъ о «старой вѣрѣ», живеть и бодрствуетъ сознаніе славянскаго единства и братства.

Намъ необходимо однакоже объяснить точнѣе и полнѣе *внутреннее* значеніе католическаго и православнаго исповѣданій для судьбы Славянскихъ племенъ, независимо отъ того факта, что большинство Славянъ вмѣстѣ съ Россіей при-

надлежать въ Православной церкви. Нѣтъ злѣшаго врага для Славянства, какъ папизмъ, ибо онъ противорѣчить самому существу духовной славянской природы. Православіе само по себѣ не наносить ущерба никакой національности и обязываетъ своихъ исповѣдниковъ къ соблюденію лишь преданій и каноновъ вселенской церкви, постановленныхъ и утвержденныхъ на вселенскихъ соборахъ, кои равнозначаються и Востокомъ и Западомъ. Оно даетъ полный просторъ возникновенію и преуспѣянію автокефальныхъ національныхъ церквей, не налагаетъ на нихъ узъ вѣнчанаго и внутреннаго подчиненія какой-либо чуждой центральной власти, а налагаетъ лишь узы взаимнаго единенія въ любви и мысли, и лишь на общемъ свободномъ согласіи устанавливаетъ решеніе общихъ церковныхъ вопросовъ. Не то Римская церковь. Она—притязая на вселенскость—есть воплощенное отрицаніе самого начала вселенскости въ его существенномъ смыслѣ; она вся насквозь проникнута односторонностью Запада. Это не чтѣ иное, какъ самъ Западъ, какъ самъ Римъ, возводящій себя во вселенское значеніе, притязающій на вселенское господство, домогающійся подчиненія себѣ всей вселенной. Державное привлечение древнаго республиканского и императорскаго Рима всецѣло перенесено въ область духовнаго державства Римскаго папы. Папизмъ всѣми возможными для него путами притягиваетъ исповѣдующихъ его—къ Западу,—т. е. къ Западу историческому, съ его міросозерцаніемъ и его идеалами. Такъ Римъ обязываетъ всѣ народы, принимающіе католическое вѣроисповѣданіе совершать богослуженіе не на ихъ народныхъ языкахъ, а непремѣнно на языкахъ латинскомъ. Онъ не допускаетъ національныхъ самостоятельныхъ церквей. Онъ есть центръ, куда должны устремляться раболѣпно умы и сердца всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, откуда изрекаются непререкаемые глаголы духовной жизни и смерти. Авторитетъ не въ истинѣ самой, а въ папѣ, ибо ему одному принадлежитъ ея истолкованіе. Папа—полновластный, самодержавный государь вселенской духовной державы, чтѣ на римскомъ церковномъ языке выражается такъ: *непогрѣшающій глава церкви, вице-Христосъ.* Католики—не сыны церкви, и не члены ея, а только подданные, безгласные и вполнѣ зависящіе отъ папы.

скаго самодержавнаго или непогрѣшнаго произвола. Наконецъ, въ противоположность Православной церкви, гдѣ, по недавнимъ еще словамъ Восточныхъ Патріарховъ, народъ есть самое тѣло церкви, гдѣ міряне сознаютъ себя и признаются живыми членами церковнаго тѣла, причастными ея жизни и дѣланію — въ католической церкви народъ есть апіта *vilis*, міряне — даже не низшій классъ, а какіе-то страдательные субъекты. Мірянамъ не дозволено чтеніе Священнаго Писанія; мірянамъ святое таинство Евхаристіи преподается не подъ обоими видами; даже литургія, которая въ Православной церкви не мыслится иначе, какъ въ присутствіи собранія вѣрующихъ или хоть одного изъ нихъ, какъ представителя всѣхъ тѣхъ, для кого и отъ кого священнодѣйствующимъ приносятся Св. Дары (ибо самое жертвоприношеніе есть въ то же время образъ таинственнаго *общенія* человѣковъ во Христѣ), — даже литургія можетъ совершаться у Латинянъ священникомъ *одиноко*, про себя и для себя, и даже шепотомъ...

Но различіе идетъ еще глубже. Православіе есть по преимуществу религія духа. Католицизмъ по преимуществу — религія въ практическомъ своемъ примѣненіи. Но это преобладаніе практицизма надъ духомъ обратило католицизмъ въ религію *снѣшнаго* земнаго авторитета, *снѣшней* правды и *снѣшнихъ* обездушенныхъ дѣлъ, т. е. дѣлъ, которые цѣнятся сами по себѣ, независимо отъ отношенія къ нимъ духа. Таковымъ сталъ католицизмъ именно по мѣрѣ того, какъ онъ отдѣлялся отъ вселенскаго братскаго равенства и единства, и воспринималъ въ себя духовное наслѣдіе языческаго, міродержавнаго, практическаго Рима. Древній Римъ былъ по преимуществу практикъ и олицетворенный формально-логическій разумъ. Онъ выработалъ во всей строгости и оставилъ въ наслѣдіе міру идею государства и виѣшней правды. Только она и могла быть доступна вполнѣ язычнику — виѣ божественнаго откровенія, точно также какъ только одно государство могло представляться ему какъ высшая форма и цѣль бытія — виѣ христіанскаго идеала церкви. Это высшее, чтѣ могъ дать языческій міръ, — и по истинѣ какое могучее, колосальное созданіе рационализма является намъ Римское Право! Это есть «право» по преимуществу, это собственно единственное

изъ «правъ» построенное въ строгой послѣдовательности отъ начала до конца, а потому и остается оно до сихъ поръ не только вѣковѣчнымъ изумительнымъ памятникомъ, но и предметомъ научного изученія. Понятно, что и по прошествіи чуть не 20 вѣковъ оно продолжаетъ составлять предметъ преподаванія, необходимую школу для юриста, ибо только оно формируетъ настоящее, строгое юридическое мышеніе. Но не надо забывать, что и Римлянинъ, завершивъ зданіе своего «Права», изрекъ ему приговоръ или по крайней мѣрѣ призналъ бытіе высшей, еще не ясной для него, не воплощаемой «правомъ» истины, — словами: *suntum jus — suntia injuria!*... И если государство, какъ высшая внѣшняя форма земного общежитія, не можетъ обойтись безъ внѣшней правды, то христіанство преднесло передъ человѣчествомъ идеаль еще высшаго бытія и общежитія, зиждущагося на правдѣ *внутренней*. На этой-то правдѣ внутренней, не юридической, не на внѣшне-логическомъ умозаключеніи оснований, а на свидѣтельствѣ духа и на согласіи съ истиной Ложей — и воздвигнута на землѣ Святая Церковь.

Но католицизмъ перенесъ духъ Римскаго Права и въ область церковную, запечатлѣлъ его характеромъ, его казуистикою самое христіанское нравственное ученіе. Поэтому-то католицизмъ, представляя такую рациональную (для многихъ — увы! соблазнительную) стройность, являеть въ то же время въ себѣ положительное оскудѣніе вѣрующаго духа; поэтому-то онъ и опознаеть истину или думаетъ опознать ее лишь по *легальнымъ, юридическимъ* признакамъ, паспортамъ, примѣтамъ, подчиняетъ ее *внѣшнему* авторитету.

Этотъ духъ Римскаго Права вошелъ въ то же время въ самыя нѣдра западныхъ, Германо-Романскихъ народовъ, въ ихъ жизнь, бытъ и нравственное міросозерцаніе. Но этотъ духъ чуждъ натурѣ племенъ Славянскихъ; ихъ, какъ извѣстно (и Русскій народъ въ особенности), обвиняютъ даже въ недостаткѣ чувства легальности или виѣшней законности. Упрекъ справедливъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о томъ, что для Славянина вообще, тѣмъ болѣе для Славянина православнаго, юридическая истина ниже истины нравственной, и всѣ стремленія его души, нашедшія себѣ выраженіе и въ основахъ его быта — направлены къ пра-

вдѣ внутренней. «Рѣшить по Божиѣ» для русскаго крестьянина, напримѣръ, самое желанное рѣшеніе, всегда предпочтаемое имъ «рѣшенію по закону». Вообще племена Славянскія по природѣ своей не столько *политическія*, сколько такъ-сказать *бытovыя*; государство для нихъ не есть само по себѣ вышшая *цель существованія*, а только средство для свободнаго мирнаго и благоденственнаго бытія. утверждающагося всего болѣе на внутренней, а не на юридической правдѣ. Допуская же однако послѣднюю, какъ роковую необходимость, они стараются вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность Романо-Германскимъ племенамъ, всемѣрю оградить отъ вторженія такъ-называемаго «правового порядка», область нравственныхъ отношеній. Извѣстно, напримѣръ, что теперь на Западѣ все тяготѣютъ къ тому (да таковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идеалъ нашихъ доморощенныхъ «либераловъ»), чтобы мировой судья и квартальный вторглись не только въ церковь, но и въ семью, въ отношенія родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, супруговъ между собою, вездѣ, всюду,—чтобы «правовой порядокъ» влѣзъ въ самую душу и тамъ бы замѣнилъ самую совѣсть!

Вотъ, благодаря именно всѣмъ этимъ (бѣгло и поверхностно лишь намѣченнымъ нами) свойствамъ Славянскаго племени, такъ и пришлось по немъ, по милости Божіей, православное исповѣданіе! Отсюда же понятно, почему такъ чуждо, такъ противорѣчить его духовной природѣ исповѣданіе римско-католическое, съ его папизмомъ или *вѣрою папежской*, по выражению древней Руси. Сведемъ же вкратцѣ эти существенные противорѣчія. Принимая латинство, Славянинъ отрекается отъ *вселенскаго* характера и идеала христіанства въ пользу *западнаго*; отъ роднаго языка въ богослуженіи—въ пользу чужаго, латинскаго; отъ національной церкви, съ ея вселенской основой, въ пользу Рима, куда и переносить онъ свой церковный центръ. Онъ перестаетъ быть живымъ членомъ церкви, причастнымъ ея вѣшней и внутренней жизни; онъ, какъ мірянинъ, занимаетъ мѣсто лишь за оградой церковной, внутри которой сидѣть лишь привилегированный классъ человѣчества,—начальства и власти, и служилое слововіе церковное: онъ поступаетъ въ безпрекословное подчиненіе государю-папѣ—въ качествѣ безгласнаго подданна-

го, лишенного даже права непосредственно питаться истиной изъ Священного Писания. Аристократическая стихия, присущая католическому миру, претитъ демократизму Славянского племени,—и весь строй латинской церкви находится въ прямой противоположности съ тѣмъ православнымъ церковнымъ строемъ, который такъ соотвѣтствуетъ началу вѣчевому, хоровому, мірскому или общинному, искони прирожденному Славянамъ, засвидѣтельствованному у нихъ исторіей съ самыхъ первыхъ дней исторического бытія. Наконецъ и нравственный идеалъ католицизма, какъ и всего западнаго міра, къ которому, чрезъ католицизмъ, по неволѣ пріобщается и олатиненный Славянинъ,—этотъ идеалъ, проникнутый римскимъ юридическимъ міросозерцаніемъ, противоположенъ нравственному идеалу Славянина, дорожащаго выше всего правдою внутреннею. Вотъ почему мы и сказали, что латинство искажаетъ нравственную природу Славянства, дѣлая его западникомъ; да и не этимъ ли самымъ объясняется и тотъ исторический фактъ, что міръ Славянскій и въ реальности есть міръ православный, и только въ православныхъ Славянахъ идея Славянства облечена дѣйствительною жизненностью и силою?

Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы въ средѣ наличныхъ Славянъ-католиковъ совершенно угасъ истинный духъ славянскій: все зависитъ отъ мыры воздействиа на ихъ душу католицизма. Строгая послѣдовательность не всегда удѣль человѣческой природы, и всего менѣе она встрѣчается у католиковъ въ наши дни: провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости заставляетъ по неволѣ вступать въ нѣкоторый компромисъ съ своею совѣстью всѣхъ тѣхъ, которые, отвергая абсурдъ, до коего такъ логически дошло латинство, въ то же время не хотятъ выйтти изъ церкви и изъ христіанского общества, не вѣдая иной болѣе правильной формы вѣры и фінаго лучшаго христіанскаго церковнаго строя. Не допуская эту непослѣдовательность въ отдѣльныхъ лицахъ, мы должны напомнить, что религія въ жизни народовъ не только «субъективное чувство» (какъ любить твердить нѣкоторые умники, особенно изъ Чеховъ), а основа и сущность всѣхъ нравственныхъ стремленій и идеаловъ народа и главный факторъ общественнаго духовнаго развитія. Изъ этого опять-таки

вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы съ своей стороны предъявили Славянамъ-католикамъ требование: обратиться въ православную вѣру! Именно какъ православные мы чужды всякого духа проповѣдізма и не перестаемъ видѣть въ Славянахъ-католикахъ—славянскихъ братьевъ, въ то же время сожалѣя о нихъ. Но мы признаемъ наизлѣпшими врагами Славянства (хотя подчасъ и безсознательными) всѣхъ тѣхъ латинянъ-Славянъ, которые, какъ Поляки и многіе Хорваты, силою и соблазномъ стараются олатинить Славянъ православныхъ.!

Возвратимся же теперь ко времени появленія Россіи на общеевропейской аренѣ въ лицѣ Петра. Сдѣланное нами отступленіе было необходимо для поясненія, что Россія выступила на эту арену не только какъ новое политическое могущество, потребовавшее себѣ мѣста и участія въ общихъ всемирныхъ дѣлахъ, но и какъ особый духовный и нравственный элементъ, новое дѣйствующее начало, отличное отъ Запада. Рядомъ съ Міромъ Романо-Германскимъ, латинскимъ и протестантскимъ, и на равныхъ правахъ съ нимъ, нежданно-негаданно, во всеоружіи внѣшней и внутренней силы, во образѣ Россіи, возвигся Міръ Православно-Славянскій. Правда, онъ нахлобучилъ на себя французскій парикъ, напяливъ на себя уродливый нѣмецкій мундиръ, обозвалъ самъ себя «ученикомъ» и точно поступилъ въ ученики къ Европѣ; но этотъ «ученикъ», чуть-чуть поучась, разбилъ на голову одного изъ учителей, величайшаго полководца своей эпохи, Карла XII, затѣмъ Сѣверную войну, вышвырнулъ Швецию изъ числа великихъ державъ, сталъ твердою ногою на Балтикѣ... Дрогнулъ весь Западъ отъ изумленія и безотчетнаго страха. Уже съ той поры началась та враждебная Россіи политическая литература, которая не прекращается и до сихъ поръ. Въ высшей степени любопытны отзывы дипломатовъ и отголоски общественнаго мнѣнія въ Европѣ современные Петру (они приведены отчасти у г. Брикнера въ его *Изслѣдованіяхъ о Петровской эпохѣ*). И въ самомъ дѣлѣ было чему дивиться... Какъ? это презрѣнное «православіе», съ которымъ такъ безцеремонно расправилась у себя Европа, которое повидимому такъ торжественно шлепнулось съ падениемъ Византіи и предназначено было стать достояніемъ только варварства,—оно—то и выступаетъ теперь съ подъ-

ятимъ челомъ, вооруженное политическою мощью, освненное словою? Какъ? это, еще болѣе презрѣнное Славянское племя, котораго самое имя истреблено или затоптано пытою Запада и Мусульманскаго Востока, вдругъ предстоитъ предъ Западомъ лицомъ къ лицу, съ побѣдоноснымъ мечемъ въ руцѣ, съ изображеніемъ на своемъ знамени Византійскаго орла, а на груди орла—герба Московскаго, въ имперскомъ вѣнцѣ, со взоромъ вперединымъ въ будущность, исполненнымъ бодрости, вѣры и сознанія своихъ силъ?!... Если бы Россія, вторгшись въ сонмъ европейскихъ государствъ, вошла въ соглашеніе съ Римомъ и отступила отъ чистоты православнаго ученія, она конечно давно уже поработилась бы Западу и перестала бы быть Россіей и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ. Но этого не случилось, да и не могло случиться: именно въ православіи заключается для славянской Россіи залогъ ея самобытнаго духовнаго значенія и ея вселенскаго исторического призванія.

Дрогнуло, одновременно съ германо-романскимъ Западомъ, и все что осталось живымъ въ Славянствѣ, дрогнуло какъ пробужденное во тмѣ лучемъ внезапнаго, рѣзкаго свѣта. Всѣ эти униженные, оскорблѣнныи, эти тѣснѣмые и гонимые Славяне разныхъ наименованій и подъ разными игами затрепетали радостнымъ смутнымъ чаяніемъ. Въ высшей степени замѣчательна поэма посвященная Петру и написанная его современникомъ, далматинскимъ Сербомъ, да еще католикомъ: въ ней, уже тогда, привѣтствуется зара *всеобщаго* славянскаго возрожденія,—не той или другой вѣтви славянской, но *Славянскаго мїра* вообще. Вотъ когда и зачался *панславизмъ*!.. А между тѣмъ Россія не водрузила никакого *славянскаго* знамени въ тѣсномъ смыслѣ слова, не обращалась къ Славянамъ ни съ какимъ панславистическимъ возваніемъ, да и вообще ни о какомъ «панславизмѣ» не помышляла, озабоченная своею собственною судьбою. Она лишь только опознала бытіе Славянъ въ Турціи (отчасти и въ Европѣ), да съ нѣкоторыми изъ православныхъ племенъ завязала сношенія для борьбы съ турецкимъ султаномъ. Напротивъ, Россія въ то время озабоченно искала тѣснѣйшаго сближенія съ Западомъ, домогаясь у него науки и знаній... Но тѣмъ не менѣе, Австрія уже и тогда, тревожимая нечистою своею

свойством по отношению къ Славянству, устрашилась пуще всего славянского происхождения Русской державы. Въ «Истории Петра Великаго» Устрялова приведено по нѣмецки подлинное распоряженіе австрійскаго правительства о томъ, чтобы при проходѣ царскихъ войскъ по Богемской окраинѣ приняты были особенные мѣры предосторожности относительно сношеній жителей Богеміи съ войсками — *въ виду ихъ единоплеменности и близкаго родства языковъ!*... Невольно возникаетъ вопросъ: почему же непосредственное сосѣдство славянской же по происхождению Польши, — которой языкъ еще ближе къ чешскому, которая съ Чехами къ тому же единовѣрна, — не возбуждало въ Австріи опасеній? Почему Польша, въ эпоху своей славы, своего могущества, не вызывала въ Славянствѣ никакихъ свѣтлыхъ надеждъ и чаяній? Именно потому, что Польша была *своя* Западу, хотя и на положеніи служанки; именно потому, что проникшись насквозь, со вкусомъ и любовью, духомъ латинскаго папизма, она изуродовала свою славянскую природу, стала отступницей въ Славянствѣ. А православная Россія однимъ своимъ появленіемъ въ мірѣ пробудила *славянское самосознаніе во всѣхъ Славянахъ, даже и олатиненныхъ!*

Въ томъ-то и дѣло, что одинъ физиологический фактъ славянского происхождения, даже вмѣсть съ славянскимъ наименіемъ, самъ по себѣ ничего не значить, не создаетъ силы, не даетъ содержанія національности, не возводить ее въ міровое значеніе. Все дѣло во внутреннемъ содержаніи національного духа. Латинствующій Славянинъ только духовный прихвостень германо-романскаго Запада, и выше его не станетъ: ему нѣтъ иного жребія, какъ плестись во слѣдъ *чужому* міровому призванію. Ему *своего* нечего повѣдать свѣту. Только православное Славянство призвано къ самостоятельной будущности и имѣть вселенско-историческое призваніе. Другими словами: только Россія имѣть это предназначение и черезъ Россію тѣ лишь Славяне, которые *тяготыютъ къ ней духовно* (хотя бы даже и католики, — не особенно усердные, конечно), а потому и образуютъ съ ней общий Славянский Міръ. О политическомъ принудительномъ единстве здѣсь нѣтъ ни мысли, ни рѣчи.

Таковъ созданный исторіею фактъ, съ которымъ Западной

Европѣ волей-неволей приходится считаться, который необходимо ей признать, которому необходимо ей покориться,— разъ липь вѣрится ей, будто и въ самомъ дѣлѣ возможно, хотя бы всѣми совокупными усилиями Запада, стереть съ лица земли сто-милліонный Русскій народъ, велѣть ему не быть и не имѣть исторического значенія! Со временемъ Петра, повторяемъ, рядомъ съ Миромъ Латино-Протестантскимъ и Романо-Германскимъ и на равныхъ правахъ съ нимъ воздвигся Миръ Православно-Русскій или Славинскій. Пора бы ужъ Западу съ этимъ велѣніемъ судьбы помириться! Но онъ мириться не хочетъ. Въ своемъ аристократическомъ высокомѣріи, онъ не можетъ терпѣть, чтобы мы, Русскіе и Славяне, эти *победы человечества*, по выражению Хомякова, занимали съ нимъ равноправное мѣсто! Въ своей исторической относительно Славянъ неправдѣ, онъ дрожитъ какъ бы мы не потребовали его къ отвѣту, и смущенная его совѣсть постоянно облекаетъ ему Россію въ какое-то грозное пугало!..

А между тѣмъ этотъ русско-славянскій міръ ничѣмъ никогда ни разу не оскорбилъ Запада; никогда не наносилъ ему ущерба, не присваивалъ себѣ его земель, не порабощалъ себѣ его населенія. Не мѣшало бы молодымъ русскимъ ученымъ заняться специальнымъ историческимъ изслѣдованиемъ западной дружбы къ Россіи и ея отношений къ Западу! Исключая эпизода Семилѣтней войны, предпринятой въ пользу Австріи и такъ благополучно для Пруссіи (по волѣ самой Россіи) законченной,—кромѣ благодѣяній, ничего другаго не выдала себѣ отъ Россіи Европа, ни въ частности Австрія и Германія. Да ничего и не домогается себѣ отъ нихъ, ничего и не хочетъ себѣ чужаго, *ихняго*, ни Россія, ни вообще Славянство. На знамени русско-славянскомъ нѣть другихъ словъ, кромѣ *любви, мира, свободы*. Чего добиваются несчастные Славяне по ту и по сю сторону Дуная? Только права жить и быть по своему, да и гдѣ же? у себя, дома, въ родной землѣ,—*ничего болѣе*, и отъ такого-то непомѣрного притязанія кипятъ и шипятъ отъ злобы и негодованія высококультурныя Германія и Австрія!! Какія дѣянія учинила Россія съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ кругъ европейскихъ державъ? Освободила изъ-подъ польско-латинского гнeta Бѣлоруссію и Украину, освободила Молдавію, Валахію, Сербію,

Грецію и Болгарію изъ-подъ ига турецкаго и дала имъ самостоятельное бытіе. Вотъ ея «панславизмъ»: онъ ли ей вмѣняется въ грѣхъ? Съ точки зрѣнія Австріи, захватившей, вопреки волѣ населенія, вооруженною рукою, безъ малѣшаго повода, двѣ славянскія области, которыхъ она спѣшитъ обезнародить, окатоличить и онѣмечить, вышеупомянутые поступки Россія безъ сомнѣнія преступны, безнравственны и просвѣщенными Западомъ впредь допущены быть не могутъ!.. Спрашивается: когда кому-либо изъ Русскихъ приходило въ голову требовать себѣ Берлина или Вѣны подобно тому, какъ одинъ извѣстный австрійскій публицистъ, не давлѣ какъ въ нынѣшнемъ же году, заявилъ печатно о необходимости войны съ Россіей, причемъ Пруссія должна присвоить себѣ Варшаву и Вильну, а Австрія—Киевъ! (См. ниже замѣчательную статью г. Ламанского).

Нѣть державы въ свѣтѣ миролюбивѣ Россіи; нѣть племени болѣе мирнаго и добродушнаго по природѣ, чѣмъ Славянское. Никакой войны ни съ кѣмъ не только бѣдные малые Славянскіе народцы не затѣваютъ, но не затѣваетъ и не желаетъ ея и Россія. Менѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо можетъ она желать войны съ Германіей, съ которой даже и столкновенія прямыхъ интересовъ у насъ нѣть и не имѣются, и только лишь по неволѣ, нехотя, осматривается порою Россія: въ порядкѣ ли у нея оружіе и доспѣхи—въ виду ополчающейся на нее западной неправды и ненависти?

«Этого мало, что ты не желаешь войны и не угрожаешь намъ ею»,—возражаютъ Россіи австрійскіе и германскіе дипломаты: «мы это и сами знаемъ; но вѣдомо намъ также, что пока ты крѣпка и сильна, и живо въ тебѣ твое славянское самосознаніе, Балканский полуостровъ естественно входитъ въ сферу твоего исторического призванія, какъ представительницы Православнаго Славянскаго міра; но о тебѣ, но по твоей милости живучъ національный духъ Славянскій во всѣхъ отрасляхъ Славянскаго племени. А ты, если хочешь увѣрить насъ въ твоемъ миролюбіи, поспособствуя-ка Австріи втянуть Балканскій полуостровъ «въ сферу ея политическихъ интересовъ», даже сама, съ поклономъ, проводи ее вплоть до Константинополя, предай намъ въ обѣлку всѣхъ этихъ поганыхъ Славянъ, отступись отъ нихъ, измѣни своей при-

родѣ,— и только тогда мы снимемъ съ тебя упрекъ въ панславизмѣ!»

Но отъ такого панславизма, дающего бытіе, жизнь и свободу Славянскимъ народамъ и всему православно-славянскому миру отказаться—значитъ для Россіи отказаться отъ самой себя, отъ своего существа и своего призванія въ человѣчествѣ.

Славянский вопросъ есть вопросъ Русскій и Русскій вопросъ есть Славянский. Рѣшеніе Славянскаго вопроса зависить отъ разрѣшенія Русскаго вопроса у насъ дома, отъ торжества русскихъ народныхъ началъ въ нашемъ собственномъ отечествѣ. Вотъ почему нашимъ сосѣдямъ Нѣмцамъ всякое национально-русское направление въ русской литературѣ или политикѣ кажется непремѣнно панславистическимъ и потому ненавистно. Повторяемъ: политической панславистической программы и политического панславистического идеала не существуетъ, но какъ духовная солидарность и взаимное другъ къ другу тяготѣніе вѣтвей одного племени, какъ сознаніе славянскаго братства, какъ міръ Православно-Славянскій съ Россіей во главѣ, предъявляющій притязаніе жить, быть и развиваться рядомъ съ Романскимъ и Германскимъ, панславизмъ существуетъ и какъ идеа, и какъ фактъ. Онъ былъ, есть и будетъ. На его сторонѣ—святая правда; отъ этой правды Россія не отречется, эту правду Россія не посрамить.

1884 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 1 октября.

Вопросы вѣтшней русской политики, сравнительно съ прежнимъ временемъ, слабо теперь удерживаются на себѣ вниманіе русского общества.... Принято говорить, что «теперь очередь за разрѣшеніемъ задачъ внутреннихъ», что «всѣ теперь заботы правительственные и общественные должны быть ис-

ключительно устремлены въ усовершенствованію нашихъ гражданскихъ порядковъ, къ мирному подъему нашихъ экономическихъ силъ, къ плодотворному развитию въ отечествѣ нашемъ просвѣщенія, культуры, цивилизациіи и т. д. и т. д.... Умныя рѣчи приятно и слушать. Жаль только, что исторія-то не всегда этихъ умныхъ рѣчей слушается, да и вообще ведеть себя вовсе не благонравно, вовсе не по нашей, логически-аккуратно составленной въ кабинетѣ программѣ, а преть и ломить своимъ путемъ, наперекоръ вполнѣ основательнымъ, казалось бы, соображеніямъ людей самыхъ разсудительныхъ, чуждыхъ презрѣнаго фантазёрства и идеализма. «Умныя рѣчи» были бы впрочемъ не только умны, но даже и разумны, еслибы возможно было убѣдить чужие сосѣдніе народы сидѣть смироно, не шевелиться, отказаться отъ всякой живой дѣятельной внѣшней политики на весь для насъ нужный и желанный срокъ. Но такъ какъ это оказывается—по меньшей мѣрѣ невозможнымъ, то и «умныя рѣчи» людей наиразсудительнѣйшихъ, громко на весь міръ оглашенныя,—не отдаются ли онѣ въ чужихъ ушахъ, за рубежомъ нашего отечества, только какъ возвѣщеніе въ такомъ смыслѣ: «вѣдайте по крайней мѣрѣ всѣ кому о томъ вѣдать интересно или надлежить, что мы-то сами, съ своей стороны, отъ всякой живой, дѣятельной внѣшней политики отказываемся и по этой части совсѣмъ ужъ теперь не энергичны,—сознательно, намѣренно, позволимъ себѣ даже выразиться: благонамѣренно, по принципу не энергичны, ибо бережемъ энергию для домашнихъ дѣлъ!... Положимъ, это и похвально по своей искренности; но едва ли, однако, вполнѣ удобно и безопасно благовѣстить по вселенной о такой своей предвзятой и систематической неэнергичности, именно въ области политическихъ интересовъ,—даже щеголять и рисоваться подобнымъ политическимъ поведеніемъ,—какъ это въ обычай у нашей дипломатіи и ее органа — «Journal de St.-Pétersbourg»? Миролюбивая во что бы ни стало, à l'utrance, иначе сказать — пассивная внѣшняя политика стала теперь нашимъ официальнымъ девизомъ и руководящимъ правиломъ. Не только у дипломатовъ и въ правящихъ сферахъ, но и въ значительной части русского общества чуть не верхомъ мудрости считается именно такое распределеніе

энергіи: почти никакой для дѣль виѣшней,—всю ее для дѣль внутренней политики! Чѣмъ? можно бы, пожалуй, и утѣшиться при мысли, что за то ужъ эта послѣдняя у насъ такъ и рвется впередъ безъ удержанія, такъ и пышетъ жизнью, кипитъ, творить, зиждеть, мечеть сочные плоды на право и на лѣво; силы растутъ и множатся не по днямъ, а по часамъ, мысль бьеть ключомъ, трудъ бодръ и охотенъ, спорится работа, смѣла и свѣтла надежда... Вѣдь это не то что у сосѣдей, которые растрачиваютъ добрую половину своего запаса энергіи на виѣшнія политическія заботы, и лишь другую половину отдаютъ заботамъ внутреннимъ! Мы вотъ на виѣшнія почти ничего не растрачиваемъ!... Однако же особенно необычайнымъ преизбытокъ дѣятельности мы у себя дома не обезпокоены,—жизнь конечно сочится, но не бьеть ключомъ, работа безъ сомнѣнія не останавливается, движется впередъ, но съ благоразумною экономіей силъ и труда, съ медлительностью можетъ-быть и мудрою, но всего менѣе похожею на энергию.

Въ томъ именно и дѣло, что разсудительные люди, чуждые фантазерства и идеализма, въ своей дешевой мудрости многаго недоразсудили и съ пренебреженіемъ отнеслись къ свойствамъ и требованіямъ *жизни* народной. Имъ и въ недомѣкъ та внутренняя цѣльность, которою обладаетъ духовный организмъ *исторического* народа и которая не знаетъ себѣ дробленія по клѣткамъ и клѣточкамъ, вѣдомствамъ и въ департаментамъ. Источникъ энергіи одинъ— здоровье души народной, и если онъ не изсякъ, не оскудѣлъ, не засоренъ, не задавленъ грузнымъ горемъ или тяжкимъ недоумѣніемъ, если онъ продолжаетъ источать живую волну, то и питаетъ ею равномѣрно весь духовный народный составъ, проникаетъ энергию всѣ проявленія его жизни. Точно также чуждо бытію народного политического организма и всякое рѣзкое дѣленіе политическихъ интересовъ на виѣшніе и внутренніе: они не раздѣльны, или, вѣрнѣѣ сказать—они одновременно, сообща обусловливаютъ самое это бытіе: мѣсто которое народъ занимаетъ въ исторіи, среди другихъ народовъ, всемирно-личное его призваніе и нерасторжимое съ этимъ призваніемъ его внутреннее сложеніе и развитіе. Все это состоитъ между собою въ органической связи, въ непосредственномъ взаимо-

дѣйствіи. Само собою разумѣется, массы народныя ни о какой «политикѣ» не разсуждаютъ, въ подробности ея и не входятъ, да онѣ большою частью и недоступны ихъ пониманію,— именно пониманію составляющихъ эти массы единицъ, каждой порознь, выхваченной случайно, отдельно, въ данное, отдельное же мгновеніе. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, будетъ и правъ тотъ высокопоставленный дипломатъ, который, внезапно вопросивъ кучера своей кареты, Микиту, о Берлинскомъ конгрессѣ, съ восторгомъ утверждалъ, что «народъ» ничего о томъ не вѣдаетъ и вѣдать не хочетъ! Не болѣе дальновидности проявили въ оцѣнкѣ народнаго движения въ Сербскую войну 1877 г. и «народникъ-беллетристъ» г. Успенскій, и даже такой великий романистъ, какъ графъ Л. Толстой (въ своемъ совершенно неудачномъ эпилогѣ къ «Анне Карениной»). Ни наши дипломаты, ни реалисты-писатели не хотятъ или не способны понять, что народъ—организмъ особаго рода, надѣленный особымъ мистическимъ, ни для какого анализа неуловимымъ процессомъ умственныхъ и душевныхъ отправлений, раскрывающимся лишь въ ходѣ самой жизни и въ историческихъ результатахъ. А эти результаты и служатъ непреложнымъ свидѣтельствомъ о непрерывной жизненной дѣятельности совокупно-цѣльного, присущаго народу исторического инстинкта, совокупно-цѣльного же чувства и воли. И странно! вѣдь никого не удивить, если историкъ скажетъ такую фразу: «Русскій народъ съизначала стремился къ морю, медленнымъ и упорнымъ трудомъ пролагалъ себѣ къ нему путь» и т. д. Оно совершенно вѣрно, но никто, конечно, не укажетъ того мужика, который бы это стремленіе къ морю возвѣлъ «въ объектъ сознанія», который бы даже, проживая въ центрѣ Россіи, зналъ съ надлежащою точностью географическое положеніе морей! Между тѣмъ такое стремленіе несомнѣнно жило въ народномъ инстинкѣ!... Все это, казалось бы, истины совершенно азбучныя, но ихъ приходится постоянно напоминать нашимъ властнымъ руководителямъ, которые привыкли вмѣнять ни во что народные исторические инстинкты, даже относиться къ нимъ скептически или и вовсе отрицать ихъ. Особенно же сильно преобладаетъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ такое именно убѣжденіе, что ужъ до вѣнчайшего политики

народу никакого дѣла нѣтъ, что никакого къ его внутренней жизни отношенія она не имѣть и никакого воздействиа на его духовный строй не оказываетъ. Бѣда отъ подобнаго воззрѣнія была бы, пожалуй, еще не особенно велика, еслибы сами-то эти сферы и руководители были болѣе причастны историческому національному инстинкту и духу. Но при свойственномъ имъ, совсѣмъ даже безболѣзненномъ, какъ бы нормальному отчужденіи отъ народности, такой ихъ взглядъ на отношеніе народа къ интересамъ виѣшней политики способенъ лишь родить плоды самаго горькаго вкуса. Только этимъ лишь и объясняется странная мысль о возможности сочетать благотворно политику пассивную, политику бездѣйствія *внѣшнаго* съ политикою дѣятельною и живою *внутри*, — отсутствие всякой энергіи (а слѣдовательно и достоинства) въ первой — съ преизобиліемъ энергіи (и достоинства) во второй!

Но какъ ни выставляй энергію въ программѣ для политики внутренней, энергіи не будетъ, если таковой не имѣется и для политики виѣшней, — да и быть не можетъ, потому что значить — ея вообще нѣтъ. — Была бы она, — проявилась бы и въ той и въ другой, всюду. Мы уже замѣтили выше, что политика пассивная виѣшняя (нашъ официальный теперь девизъ подъ кличкою «миролюбивой») не одарила насъ особенно энергическою политикою внутреннею. Почему же такъ? Да потому, что во всякой дѣятельности требуется участіе нѣкого фактора, весьма своенравнаго и «разсудительнымъ людямъ», особенно петербургскаго пошиба, мало сочувственнаго, даже мало понятнаго: это — *духъ*. Состояніе духа въ каждомъ человѣческомъ существованіи обусловливается вообще успѣшность личной работы; точно также и состояніе общественного духа сказывается непосредственно на всякой дѣятельности общественной въ широкомъ смыслѣ слова, не исключая и дѣятельности правительственной. Тѣмъ сильнѣе воздействиe состоянія духа всенароднаго. А это состояніе у насъ ужъ вовсе не бодро, и одна изъ ближайшихъ его причинъ кроется, — таково наше глубокое убѣжденіе, — въ политикѣ *внѣшней*. Пусть не воображаютъ гг. дипломаты, что ихъ образъ дѣйствій можетъ быть оцѣненъ только экспертиами, да еще не иначе какъ при помощи европейскихъ мѣръ

и въсовъ, и не отдается никакими послѣдствіями на состояніе души народной!... «Да чѣмъ же худыи,—возразить, пожалуй, иной дипломатъ,—можетъ отразиться въ народъ наше стремленіе создать ему мирное и безмятежное житіе? Миръ вѣдь величайшее для народа благо,—ничего другаго ему и не нужно, мы ему и сооружаемъ миръ,—и мы же виноваты!». Миръ, конечно, благо, но миръ миру рознь; есть миръ почетный и миръ постыдный, и постыднаго мира народъ не хочетъ, даромъ что народъ — «практикъ» и никто болѣе его не терпитъ лишеній и муки отъ нарушенія общественной тишины. Но народъ, какъ и вообще человѣкъ, не о хлѣбѣ единомъ живеть. Если знамя исторического народа развѣвается не wysoko, не такъ, какъ ему прилично, если на людяхъ, т. е. на народахъ, онъ подобающей себѣ чести не имѣть, а напротивъ стяжалъ посрамленіе, то неужели возможно возобразить, что духъ его останется бодръ? А если не бодръ, то и не плодотворенъ: вѣдь только бодрость духа производительна! Неужели возможно предположить, что такой великий народъ, какъ народъ Русскій, лишенъ всякаго національнаго самочувствія? Позоръ Берлинскаго трактата гнететь доселъ и не перестанетъ гнести Русскій народъ до тѣхъ поръ, пока, такъ или иначе, этотъ позоръ будетъ снятъ. И тѣмъ болѣе былъ народу чувствителенъ этотъ позоръ, что онъ послѣдовалъ не только послѣ блистательнѣйшихъ побѣдъ, о которыхъ, о каждой, было въ точности вѣдомо каждому изъ ста миллионовъ русскаго населенія,—но и послѣ необычайного подъема народнаго духа, проявившагося именно въ эпоху Сербской добровольческой, а потомъ и Болгарской, государственной войны. Ни одна изъ предшествовавшихъ войнъ не возбуждала въ такой степени его прямаго всесердечнаго участія, какъ именно войны 1877—1878 годовъ, не вызывала въ немъ такого одушевленія; это были первыи войны послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ярма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыя проявленія ихъ новой гражданской жизни... И обжечься на этомъ энтузіазмѣ съ первыхъ же разъ, да еще не по своей винѣ (со стороны народа сдѣлано было все возможное и даже повидимому невозможное для достижения славнаго мира),—и за свои подвиги, свои до ужаса щедрыя жертвы кровью и достояніемъ,

сказать себѣ: «насть судять въ Берлинѣ» (эти слова мы лично слышали отъ людей изъ народа), изъ побѣдителей попасть не только въ побѣженные, да еще подсудимые,— получить наконецъ, вмѣсто побѣдоноснаго народнаго вѣнца— достойный вѣнецъ нашего раболѣпнаго европеизма, срамный трактатъ!... Вѣдь это только въ Петербургѣ, да въ легко-мысленномъ, или же совсѣмъ отрѣшенномъ отъ русской народности русскомъ обществѣ, возможно было надѣяться, что такой позоръ не отзовется на нравственномъ здоровье страны! Берлинскій трактатъ— это *Kulminationspunct* петербургскаго периода нашей исторіи, это апогей отчужденія высшихъ слоевъ Русскаго народа отъ народности,—того отчужденія, которое до сихъ поръ многими тупоголовыми и тупосердечными (зато «либеральными») интеллигентами отрицается!..

Найдутся такіе и теперь между нами, которые скажутъ, что о такомъ старѣй не стбить и говорить, что все это теперь пережито и забыто, что «мирный прогрессъ культуры долженъ заслонить всякие политические расчеты» и тому подобныя пошлости,— а дипломаты прибавятъ, что международныя отношенія требуютъ вѣжливаго отзыва объ этомъ европейскомъ документѣ; а *«Journal de St.-Pétersbourg»* (издающійся какъ бы нарочно съ цѣллю дразнить русское национальное самолюбіе) лишній разъ возвѣстить, что Россія вполнѣ примирилась съ Берлинскимъ конгрессомъ и чтить искренно рѣшенія мудраго европейскаго ареопага!... Блаженны души надѣленныя такой неуязвимой плотной кожей! но мы признаемъ долгомъ совѣсти тревожить, насколько мы въ силахъ, это пагубное, по нашему мнѣнію, душевное блаженство нашихъ дипломатовъ, и иныхъ интеллигентовъ,— пагубное потому, что въ Русскомъ народѣ рана не перестаетъ сочиться, хотя бы самъ народъ, пожалуй, и не могъ теперь опредѣлить съ точностью ея «генезисъ». Нельзя не припомнить истинно пророческихъ словъ Скобелева, написанныхъ вскорѣ по отступленіи отъ Константинополя,— Скобелева, котораго память, скажемъ кстати, еще недавно (хотя и тщетно) пытались облять въ одномъ памфлете разныя литературныя шавки и моськи, подуськиваемыя любовниками посредственности, бездарными завистниками, а также и «либеральными» ненавистниками всякаго сильного проявленія

въ русской жизни «самобытного» духа. «Россіи обязательно заболѣть», писалъ онъ, — она и заболѣла дѣйствительно: Берлинскій трактатъ торчитъ всюду, во всѣхъ, пережитыхъ въ послѣднія семь лѣтъ, тѣхъ ея неудачахъ и бѣдствіяхъ, которая состоять въ близкой или отдаленной связи съ не-нормальнымъ общимъ состояніемъ духа въ нашей странѣ. Сюда относятся, въ большей или меньшей степени, даже и такія явленія, какъ низкій уровень курса, какъ даже наше экономическое положеніе вообще... Представимъ себѣ только на минуту, что Берлинского конгресса не было, что миръ вѣнчалъ Россію не позоромъ, а славою, что вся страна испытала законное нравственное удовлетвореніе въ сознаніи исполненного исторического долга и радость о совершенномъ ею благомъ подвигѣ. Несомнѣнно, что вся страна возросла бы въ мощи и крѣпости и явила бы ту бодрость духа, безъ которой, какъ мы сказали, не мыслима никакая производительность, ни нравственная, ни даже вещественная. Если по извѣстнымъ словамъ Наполеона, даже въ битвахъ три четверти силъ арміи составляется ея духъ, — въ битвахъ, гдѣ повидимому главнымъ факторомъ является грубая сила физическая, — то тѣмъ важнѣе значение духа въ эпоху мира, въ эпоху дѣятельности по преимуществу нефизического характера. А мы, Русскіе, представляемъ ту странную, нигдѣ въ свѣтѣ не выданную особенность, что мы въ мирѣ именно и растериваемъ то, что приобрѣтаемъ войною. Причина очевидна: на войнѣ духъ народный выступаетъ какъ непосредственная дѣятельная сила; въ мирѣ же выступаютъ на сцену дѣятельности только силы нашей, отчужденной отъ народнаго духа интелигенціи, предоставленныя самимъ себѣ, — межъ тѣмъ какъ народный исторический духъ стушевывается, нѣмотствуетъ, лишается возможности непосредственного проявленія.

Пруссія вела войны требовавшія, конечно, не меньшаго напряженія силъ, чѣмъ послѣдняя война Россіи съ Турцией. Въ 1866 г. она воевала съ Австріей: для Пруссіи эта война решала вопросъ жизни или смерти. Казалось бы, вслѣдъ за этой войной, законно было бы наступить если не полному истощенію, такъ утомленію и ослабленію энергіи... Ничуть не бывало. Результатъ войны былъ таковъ, что вся страна, точно вспрынутая живой водой, помолодѣла, воспрянула ду-

хомъ, закипѣла бодрою дѣятельностью. Черезъ три года опять война, да и какая!—война съ Франціей, повидимому самая изнурительная, вынудившая расточеніе силъ неслыханное, небывалое. Неувѣнчайся эта война успѣхомъ,—Пруссія бы немедленно захворала, да и теперь бы предстояла предъ нами хворою, худосочною, поникшою духомъ. Но Пруссія вышла изъ войны возвеличенной, въ могуществѣ и славѣ, обновленной, преображеной,—и ни малѣйшаго слѣда физическаго истощенія и хворости! Она имѣла бы полное основаніе сказать себѣ, какъ и мы, послѣ войны: «ну, ужъ теперь будетъ! довольно тратиться, довольно напрягаться духомъ и силами, станемъ отдыхать, отдуваться, мы устали, истомлены, истощены!.... Повернемся же спиной къ заботамъ внѣшней политики, провозгласимъ какъ принципъ—политику пассивную, лишенную энергіи и ініціативы, пока вновь соберемся съ духомъ и силами!» Но она себѣ этого не сказала, не ослабѣла ни въ энергіи, ни въ трудѣ, и вотъ, несмотря на предшествовавшую кровавую брань—торговля Пруссіи цвѣтетъ, финансы отличны, имя ея, или пожалуй имя теперь Германіи, высоко и грозно, слово ея твердо и властно.... Все это мы приводимъ лишь въ видѣ доказательства, какъ слабо воздействиѣ причинъ чисто вещественныхъ на благосостояніе, процвѣтаніе, преуспѣяніе государствъ, и какъ напротивъ велико воздействиѣ причинъ нравственнаго свойства въ широкомъ смыслѣ слова, или точнѣе сказать: того состоянія общественнаго духа, которое у историческаго народнаго организма неразрывно связано съ его политическими въ мірѣ значеніемъ, съ удовлетвореннымъ чувствомъ своего национальнаго достоинства. Повторяемъ: прусскія двѣ войны растратою людей, денегъ и напряженіемъ силъ стоятъ нашей одной, послѣдней,—можетъ-быть даже обошлисъ ей дороже нашей; побѣды наши, въ концѣ концовъ, были блестательнѣе германскихъ; рѣзкая же противоположность военныхъ результатовъ, достигнутыхъ Берлиномъ и Петербургомъ, и всѣхъ послѣдствій исхода войны для благосостоянія обоихъ государствъ—зависитъ отъ различія не столько талантовъ въ лицѣ главныхъ руководителей, сколько отъ различія политическихъ системъ, и преимущественно системъ внѣшней политики.

Вотъ почему мы считаемъ печальнымъ и даже опаснымъ заблужденiemъ тотъ афоризмъ «разсудительныхъ людей», который мы привели въ началѣ статьи и который сталъ руководящимъ началомъ нашей дипломатической дѣятельности, или точнѣе сказать, нашего дѣятельного бездѣйствія. Бездѣйствие въ жизни вѣдь также плодотворно, какъ и дѣятельность, только творить-то оно въ смыслѣ не положительномъ, а отрицательномъ; чтѣ не движется, то и не стоитъ на мѣстѣ, а уходитъ назадъ, потому что прочie идутъ впередъ; кто не выигрываетъ, тотъ и при своемъ не остается, а теряетъ—въ сравненіи съ выигрывающими; отъ неимущаго лѣниваго раба отнимется и послѣднее его достояніе и передастся имущему, но дѣятельному.... Вотъ почему также мы признаемъ не только ошибочнымъ, но и вреднымъ, ходячее пошлое воззрѣніе въ значительной части нашего общества, такъ усердно поддерживаемое доктринерами нашего мнимаго либерализма, будто всякое живое проявленіе участія къ нашимъ вѣнчанимъ политическимъ интересамъ, къ вопросамъ нашей вѣнчайшей политики, нашего всемирно-исторического призванія какъ славянской и православной державы—не болѣе какъ «шовинизмъ», «квасной патріотизмъ» и т. д.; что притязаніе на національную, «самобытную» политику—предразсудокъ достойный осмѣянія, и что въ настоящее время весь интересъ долженъ быть сосредоточенъ исключительно на мирномъ прогрессѣ—причемъ, разумѣется, безъ сакраментальныхъ словъ: «культура» и «цивилизація» не обходится. Никакого прогресса и не будетъ, пока не устранится то, чтѣ гнететъ народное самочувствіе, пока мы будемъ упорствовать въ мудромъ дипломатическомъ самоуничиженії....

Петербургскія газеты отозвались о нашей передовой статьѣ въ 18 №, что она проникнута взглядомъ пессимистическими. Напрасно, однако, стали бы мы искать въ ихъ оценкѣ послѣднихъ событий взгляда оптимистического; ни таковаго, да въ сущности и никакого ими ясно не выражено, если не считать французского въ Петербургѣ органа русской дипломатіи, который зловѣще доволенъ, даже гордъ милостивымъ благоволеніемъ Европы. Между тѣмъ никакъ не следовало бы оставлять ни Европы, ни нашихъ диплома-

товъ въ заблуждениі, будто Россія раздѣляетъ ихъ самодовольство и ничего болѣе даже и не желаетъ; будто раны нанесенные ей Берлинскимъ трактатомъ совсѣмъ уже зажили. Скерневицкое свиданіе не могло способствовать заживленію этихъ ранъ,—едва ли даже пуще не растравило ихъ. Миръ (которому впрочемъ ничто серьезно и не грозило) обезпечень, это правда, но.... цѣною обезпеченія дальнѣйшаго логического развитія Берлинскаго же трактата, сообразно съ политическими видами Берлина и Вѣны! Конечно не трудно обезпечить миръ условившись взаимно, что та сторона,—отъ которой естественно и разумно ожидать сопротивленія нѣкоторымъ вреднымъ для нея политическимъ мѣропріятіямъ другой стороны,—никакой помѣхи этимъ мѣропріятіямъ чинить не будетъ—и пріемлетъ вредъ даже съ призательностью.... Какъ бы ни скрывалась тайна Скерневицкаго совѣщанія, но о значеніи ея для Австріи и Германіи можно судить по тому особенному, необычайному чувству удовольствія, объявшему правительства этихъ странъ, которое нашло себѣ выраженіе въ заграничной печати. Несмотря на нѣкоторуюдержанность, требуемую приличиемъ, — это выраженіе можно назвать почти ликованіемъ. Чему же въ Австріи и Германіи такъ ликуютъ, чтѣ празднують? Хоть бы такой вопросъ задали себѣ наши дипломаты! Ликуютъ, очевидно, отъ того, что получили—чего получить не надѣялись; не отъ того, конечно, что избавились отъ угрожавшей имъ войны (ибо таковой угрозы и не было), а отъ увѣренности, что въ дальнѣйшемъ приведеніи ихъ политическихъ плановъ въ дѣйствіе мы имъ никакихъ препонъ не поставимъ, такъ какъ даже напередъ снабдили уже ихъ своимъ напутственнымъ благословеніемъ. Несомнѣнно также, что эти политические планы заключаются не въ одномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины. Какъ иначе понять слѣдующія, напримѣръ, слова офиціозной австрійской газеты «Fremdenblatt» по поводу Скерневицкаго соглашенія, воспроизведенныя безъ всякаго комментарія органомъ Германскаго канцлера, «Сѣверо-Германской Газетой?» «Свиданіе въ Скерневицахъ—говорить «Fremdenblatt»—представляется намъ не создавшимъ ничего новаго, а только придавшимъ болѣе широкое выражение существующему... Созданный Берлинскимъ конгрессомъ и

вызвавший много споровъ порядокъ вещей на Востокѣ привелъ къ распределенію силъ, которое отвѣчаетъ мысли об установлении политического и национального равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ и представляетъ всѣ основанія къ постепенному упроченію положенія дѣла». Это распределеніе силъ и политического равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ, другими словами: дѣленіе полуострова на сферу интересовъ австрійскихъ и сферу интересовъ русскихъ, «Fremdenblatt» и называетъ *status quo* созданнымъ Берлинскимъ трактатомъ, который остается только развить и упрочить. «Въ такомъ консервативномъ (!) духѣ,—гласитъ въ заключеніе австрійская газета,—собравшіеся въ Скверневицахъ руководящіе государственные люди величайшихъ европейскихъ монархій... единогласно рѣшили проявить на дѣлѣ всю силу государствъ, которыми они управляютъ».... Выходитъ по этому офиціозному толкованію, что Россія проявить на дѣлѣ всю свою силу для уничтоженія своего значенія и обаянія между православными Славянами Балканскаго полуострова и для преданія ихъ, по крайней мѣрѣ на одной половинѣ, на западной, во власть ненавистной имъ католической Австро-Венгріи... Если это толкованіе не вѣрно, такъ чего же молчитъ органъ нашей дипломатіи? Такіе и подобные имъ комментаріи, распространяемые германскими и австрійскими офиціозами, оставаясь безъ опроверженія со стороны русской, производятъ лишь удручающее впечатлѣніе на нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, только рожняютъ доброе имя Россіи, подрываютъ старую въ нее вѣру. Отмѣтимъ также, что при этомъ дѣленіи полуострова — на часть Австріи выпадаетъ совсѣмъ не равномѣрная доля: вѣдь и теперь даже, на практикѣ, къ сферѣ своихъ западныхъ на Балканскомъ полуостровѣ интересовъ она относить, и частью ужъ отнесла, и Сербское королевство, и Румынію по устья Дуная, и Салоники и все Эгейское море!... Ниже помѣщаемое письмо изъ Берлина заслуживаетъ особенного вниманія нашихъ читателей и еще ярче выясняетъ, какъ понимается за нашимъ рубежомъ Скверневицкое торжество дружбы и мира...

Увѣренность въ нашемъ дружелюбіи, послѣ Скверневицкаго событія, дошла со стороны Берлинцевъ до такой сте-

пени, что Берлинская «Национальная Газета» преподносить намъ на радостяхъ, въ видѣ гостинца, картинку современ-наго нѣмецкаго *Drang nach Osten*, точнѣе—нѣмецкаго мир-наго напора въ Россію, съ пріятною перспективою его не-премѣннаго, скораго теперь усиленія. Оказывается, что въ теченіи восьми не болѣе лѣтъ переселилось въ Россію, почти исключительно въ западныя, пограничныя губерніи слишкомъ 164,000 германскихъ и слишкомъ 189.000 австрійскихъ подданныхъ,—итого почти 354.000 человѣкъ. Признавая такую цифру переселенія болѣе чѣмъ умѣренною, газета сулить намъ, какъ плодъ установившейся дружбы, быстрое увеличеніе размѣра германскихъ переселенцевъ вдоль нашей пограничной съ Германіей и Австріей лині... Не знаемъ, въ какой степени улыбаются этой перспективѣ наши правительственные сферы, но едва ли улыбнется ей кто-либо изъ нашихъ читателей....

Москва, 15 декабря.

Мы начинаемъ вѣрить, что на Скерневицкомъ свиданіи дѣйствительно не произошло никакихъ новыхъ специальныхъ соглашеній,—ни одною стороною, относительно двухъ другихъ, не было принято на себя никакихъ, точно высказанныхъ обязательствъ; не было выработано ни общаго политического плана, ни общей программы дѣйствій. Установлена была лишь «дружба», которая, какъ мы это теперь видимъ, и въ правду ничьей свободы не связала; выговорено лишь было одно условіе: сохраненіе *status quo*. А такъ какъ *status quo* для русской дипломатіи заключается въ соблюденіи политики пассивной, отрицательной; для Германіи же съ Австро-Венгрией— выражается въ непрестанной, неугомонной политической дѣятельности, направленной не къ измѣненію—сохрани Богъ!—а къ *развитію* лишь *status quo* (т. е. къ достижению определенныхъ, крупныхъ, отчасти близкихъ, отчасти отдаленныхъ цѣлей),—то и результатъ выходитъ таковъ: русская дружба обеспечиваетъ Германіи и Австро-Венгрии полную свободу ихъ политическихъ дѣйствій, и еслиъ мы вздумали въ чёмъ-либо стѣснить эту свободу, повинны

были бы въ недружелюбії; взамънъ того, наши друзья вели-
кодушно предоставляютъ намъ полную свободу сидѣть на
нашемъ *statu quo*, свободу... *бездѣйствія*, и нѣтъ повода
опасаться, чтобъ они такую привилегію нашу стѣснили!
Напротивъ, мы рискуемъ лишиться ихъ дружбы, еслибъ
отъ этой нашей свободы какъ-либо отклонились. За то
ужъ и пользуемся мы этой свободой теперь на просто-
рѣ,—даже съ *ударениемъ*; бездѣйствуемъ точно по праву,
съ нѣкоей гордостью и благораствореніемъ дружбою пе-
реполненного сердца! Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ на Скер-
невицкомъ свиданіи происходило, хотя бы только въ приа-
ципѣ (какъ о томъ носились слухи) размежеваніе Балкан-
скаго полуострова на двѣ сферы политическихъ интересовъ,
причемъ на нашу долю отводилась бы только восточ-
ная его часть; еслибъ, какъ намекали нѣкоторыя заграниц-
ныя газеты, тоже хотя бы въ принципѣ, было признано за
нами нѣкоторое особое право относительно воротъ нашего
Чернаго моря,—однимъ словомъ, еслибъ что-либо было ого-
ворено въ нашу исключительную пользу, такая оговорка не
могла бы не проявиться наружу, хоть въ какой-либо прак-
тической формѣ. Но мы осуждены видѣть нѣчто совершенно
противоположное. Любовное сочетаніе политики пассивной и
политики активной имѣло своимъ прямымъ ближайшимъ по-
слѣдствіемъ то, что первая стала еще пассивнѣе, а вторая—
еще живѣе, назойливѣе и дѣятельнѣе. Послѣ торжествен-
наго обмѣна дружественныхъ чувствъ, происходившаго въ
Скерневицахъ, у Германіи и Австро-Венгріи прибыло и
блеска, и обаянія, и силы; смѣлѣе и развязнѣе стали ихъ
движенія; точно камень свалился у нихъ съ плечъ, и обезпе-
ченные русской дружбой, словно напутствуемые благослове-
ніемъ, съ легкимъ сердцемъ и съ увѣренностью въ удачѣ
принялись онѣ ковать «культурно-политическія» узы для
Балканскихъ Славянъ. Надменны до нахальства, въ высшей
степени заносчивы и оскорбительны для Россіи были лико-
ванія германскихъ и австрійскихъ неофиціозныхъ газетъ,
вызванныя этимъ свиданіемъ, такъ что едва-едва могли на-
конецъ сдержаться въ предѣлахъ соображеніями, если не
приличія, то политического расчета, при помощи правитель-
ственныхъ внушений. Напротивъ того, въ нашемъ отечествѣ

Скерневицкому согласію чувствъ безъ соглашенія въ мысляхъ—радовались и придавали значеніе искуснаго дипломатическаго маневра развѣ лишь въ петербургскомъ зданіи около береговъ Мойки; въ остальной же Россіи, крѣпко памятующей Берлинскій трактатъ, только дивились, выжидали, да съ любопытствомъ разглядывали, порой, изданныя въ означенованіе события фотографическая карточки съ изображеніемъ министровъ иностранныхъ дѣлъ всѣхъ трехъ державъ вмѣстѣ, невольно припоминая стихи поэта: «Въ одну телѣгу впрячь не можно».... Какъ бы то ни было, но извѣстіе о сей дружественной запряжкѣ трехъ державъ въ одну политическую телѣгу, съ предоставлениемъ для каждой свободы аллюръ или дѣйствій, встрѣчено было на Руси съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ. Послѣднее и не замедлило оправдаться. Подъ яркими лучами восходящаго созвѣздія дружбы Россіи, Германіи и Австро-Венгрии, обаяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ начало видимо блекнуть. Наши дипломаты стали еще скромнѣе и смиреннѣе, чѣмъ прежде; правда, это представлялось почти невозможнымъ,—но усердіе и честность въ исполненіи долга пріязни, споспѣшествуемыя слабымъ въ нашей дипломатической средѣ развитiemъ национального самосознанія и наклонностью къ дешевому самоудовлетворенію, чего не превозмогутъ!...

Мы, никто какъ мы, разгромили недавно Турецкую имперію, высвободивъ изъ-подъ ея власти лучшія провинціи и отнявъ у нея всѣ оборонительныя, крѣпкія линіи: казалось, никого бы ей такъ не слѣдовало страшиться и чить, какъ недавнаго побѣдителя... Ничуть не бывало. Никогда, даже передъ послѣдней войной, не пользовались мы меньшимъ у Турціи авторитетомъ: страхъ и почетъ перенесены на державу, вовсе и не обнажавшую противъ Турціи меча. Распоряжается и господствуетъ при Оттоманскомъ дворѣ Германія, и съ послѣдней осени господство это стало сильнѣй чѣмъ когда-либо. Предполагалось, что послѣ Скерневицкаго свиданія германская возглашенная дружба послужить намъ въ Турціи къ пользѣ. Но выходить иѣчто странное: словно бы, усиливъ своею дружбою другія державы, сами мы разомъ обезсили и себя же своею же силою бѣемъ! Наши новые союзы, очевидно, не прибавили намъ мощи, по крайней мѣрѣ

на Босфоръ. Такъ, удовлетворяя прочихъ европейскихъ кредиторовъ, Турція отказываетъ намъ въ уплатѣ контрибуціи даже въ томъ скромномъ ежегодномъ размѣрѣ, какой намъ снисходительно назначень. Она же не допускаетъ насъ до заключенія нового торгового трактата и пересмотра старого тарифа, въ чёмъ не отказала Германіи. Наконецъ, какъ бы въ отвѣтъ на толки о проливахъ, возбужденные событиемъ въ Скэрневицахъ, Турція вадумала стѣснить свободный проходъ черезъ Дарданеллы нашихъ судовъ, отправляемыхъ съ воинскою командою въ русскіе порты Тихаго Океана, требовать исполненія разныхъ неудобныхъ формальностей, ограничивать перевозимое число солдатъ и т. п. Однимъ словомъ, несмотря на наши недавнія побѣды, Русская держава лишена Турками столь необходимой для нея полной свободы сношеній съ своими Тихоокеанскими владѣніями, которою однако, по благоразумію Порты, до самой послѣдней поры болѣе или менѣе пользовалась. Очевидно, что Порта дѣстvуетъ въ настоящемъ случаѣ не съ своего ума-разума... Отчего же, однако, германскій авторитетъ, столь могущественный на Босфорѣ, не пришелъ на помощь нашей безавторитетности и безсилію,—тому смиренію нашему, на которое осудили мы сами себя изъ боязни нарушить *status quo* (къ сохраненію коего обязала насъ дружба съ Германіей)? Между тѣмъ, тою же дружественною Германіей строится для Турціи въ Дарданеллахъ громадный броненосецъ и вообще приводятся въ лучшій боевой видъ турецкія морскія силы; германскіе офицеры высокихъ ранговъ, продолжая числиться на германской имперской службѣ, занимаютъ въ то же время разные высокіе военные посты на службѣ султанской, съ прибавкою къ своимъ нѣмецкимъ фамиліямъ титула «паші», командуютъ турецкими солдатами, обучаютъ ихъ новѣйшему строю, усиливаются какъ будто создать стройное и грозное турецкое войско... Зачѣмъ, для кого и *противъ кого*, спрашивается; чего ради такое повидимому радиеніе о турецкихъ интересахъ?... Вообще Германцы теперь во всѣхъ совѣтахъ, во всѣхъ частяхъ управления Оттоманской имперіи,—самая столица наводнена Нѣмцами и на улицахъ Царьграда везде раздается нѣмецкій языкъ.

Было бы странно, разумѣется, ставить въ вину герман-

скому канцлеру такое настойчивое исполнение своихъ дальновидныхъ политическихъ плановъ, всегда согласованныхъ,— съ его точки зрѣнія конечно,— съ интересами Германской монархіи,— но положительно подлежитъ осужденію та дипломатія, которая не умѣетъ не только защищать, но даже и распознать интересы своего могущественного государства, которая умудрилась соскользнуть съ высоты, добытой для нея кровью и достояніемъ роднаго народа, и затѣмъ продолжаетъ терять позицію за позиціей, съ умильной улыбкой пасуя предъ тяжкимъ натискомъ воинствующей дружбы. Намъ могутъ возразить, что неудачи наши въ Константинополѣ зависятъ отъ случайной причины, отъ личной неумѣлости русского представителя. Но кто же виноватъ въ его выборѣ? Да и почему относить къ неумѣлости то, что въ равной мѣрѣ и съ такою же справедливостью можетъ быть отнесено и къ самому вышему вѣдомству руководящему нашей политикой? Развѣ дѣйствія русского представителя при Отоманской Портѣ составляютъ какое-либо противорѣчіе съ общимъ характеромъ нашей дипломатической дѣятельности при другихъ дворахъ?.. Конечно, всѣмъ намъ вѣдомо, какъ правилъ свое посольство въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ въ продолженіе 12 лѣтъ, да и при какихъ обстоятельствахъ! Наша неудачная война 1854—56 гг., завершенная потерей государственной территории, потерей державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, короче сказать Парижскимъ миромъ, затмила въ памяти Турокъ бывшіе блестящіе успѣхи русского оружія и славу русского имени,— но тѣмъ не менѣе Игнатьевъ умѣлъ поднять и держать русское имя на Балканскомъ полуостровѣ высоко и грозно, привлекать и питать симпатіи Славянъ, вызывать и поддерживать въ нихъ народное самосознаніе, стремленіе къ независимости, упованіе на Россію. Широко и гордо развѣвалось тогда въ Царьградѣ наше русское знамя, являясь охранителью сѣнью для всѣхъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ,— тогда какъ послѣ столькихъ блестательныхъ побѣдъ и чудесныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, послѣ возсозданія свободной Болгаріи, оно теперь, въ томъ же Царьградѣ, какъ-то стыдливо виситъ и жмется. Если даже эту заслугу Н. П. Игнатьева отнести исключительно къ его личнымъ дарованіямъ и убѣж-

деніямъ, такъ и то уже дѣлаеть честь бывшему дипломатическому управлению, что подобный продолжительный примеръ посольствованія былъ возможенъ; въ наши же времена онъ показался бы, конечно, анахронизмомъ, — диссонансомъ въ аккордѣ нашей политики, и черезчуръ рѣзкимъ. Тонъ нашей политики даётся теперь, какъ известно, капельмейстеромъ общаго европейскаго концерта, указывающимъ каждому участнику его партитуру.

Не споримъ, что скромною партитурою удѣленною на нашу русскую часть, руководители нашей дипломатіи довольствуются не по вкусу только и не по сочувству, но и по соображеніямъ высшаго разрада. По крайней мѣрѣ, на всякий упрекъ въ бездѣйствіи, ихъ отвѣтъ стереотипно-одинаковъ: «Россія нуженъ миръ, она въ настоящее время должна всѣми способами избѣгать новой войны, копить силы и средства». Повидимому основательно, но вѣдь война — *ultima ratio*, за истощеніемъ способовъ дѣятельности разумной. Да кто же и говоритъ о войнѣ? Кто же ея желаетъ?! Менѣе всего наши друзья, а также и недруги. Никто намъ войною и не грозить. Мы сами себѣ грозимъ ею. Вольно же страшиться — нами же самими созданного пугала! Все дипломатическое искусство именно и состоитъ въ томъ, чтобы безъ войны добиться тѣхъ результатовъ, которые достигаются войною, — а для этого первое условіе: не пугаться войны, ибо у страха глаза и уши велики, и не пѣть постоянно и предъ всѣми дипломатическаго Лазаря. Надо умѣть *смѣсть и дерзать*, что разумѣется возможно лишь живому чувству и вѣдѣнію интересовъ национальныхъ, какъ материальныхъ, такъ и духовныхъ, — которое именно у нашей дипломатіи въ недочѣтъ... Вотъ князь Бисмаркъ и безъ всякой войны умудрился вырвать изъ рукъ Англіи чуть не всю средину Африки отъ моря до моря и вообще смутить могущество «гордаго Альбиона»; ухитрился создать себѣ боевые доспѣхи изъ нашей дружбы, а изъ своей сплести крѣпкія для другихъ и для настѣ узы. Такъ, мы теперь радѣемъ за европейскіе интересы въ Египтѣ, и наши дипломаты вѣроятно даже очень польщены, видя въ томъ чуть ли не «компенсацію» себѣ за бессилѣ наше въ Царьградѣ, что мы, какъ Европейская держава, тоже вѣдь получили роль въ Египетскомъ вопросѣ и тоже,

съ другими вмѣстѣ, требуемъ себѣ доли контроля надъ египетскими финансами, хотя Египетъ намъ ни гроша не долженъ и нѣть у насъ ни одного владѣльца египетскихъ кредитныхъ бумагъ! Почему Европейской державѣ и не участвовать въ Европейскомъ концертѣ, но вмѣсто того, чтобы въ египетскомъ вопросѣ идти лишь во хвостѣ за Германіей и пѣть по чужой дудкѣ, мы полагаемъ,—и въ этомъ случаѣ готовы присоединиться къ мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей» объ Абиссиніи, — что было бы приличнѣе осмыслить наше вмѣшательство болѣе самостоятельными интересами, къ числу которыхъ, по отношенію къ Африкѣ, несомнѣнно можетъ принадлежать обеспеченіе участія древней, почти единовѣрной намъ страны, такъ давно стремящейся къ сближенію съ нами, таготѣющей къ намъ и безъ нашей помощи осужденной стать добычей просвѣщенной корысти Европейскаго Запада. Но теперь пуще Абиссиніи и Египта должны бы привлекать къ себѣ вниманіе наши дѣла Балканскаго полуострова, гдѣ, рядомъ съ Германіей распоряжающейся преимущественно Портой, становится повидимому полнымъ распорядителемъ и другой нашъ другъ—Австро-Венгрия.

Недавно новый Константинопольскій патріархъ Іоакимъ IV, безъ вѣдома представителя Россіи и безъ сношенія съ Русскою церковью, призналъ каноническимъ,— вопреки мнѣнію своего предшественника (которое, вмѣстѣ съ Гуссокою церковью, и самъ раздѣлялъ будучи членомъ Константинопольскаго Синода!) — поставленіе въ Митрополита Сербіи австрійскаго ставленника Мраовича. Какъ намъ пишутъ, это согласіе дано патріархомъ вслѣдствіе усиленнаго ходатайства австро-венгерской власти... Мы не останавливаемся здѣсь на значеніи этого факта и его послѣдствій въ частности для Россіи, но приводимъ его какъ одно изъ свидѣтельствъ возрастающаго вмѣшательства, и намъ наперекоръ, нового нашаго союзника во внутренія дѣла Балканскихъ государствъ. Предположеніе наше оправдалось. Повидимому вполнѣ радостное, представлявшееся всеобщимъ залогомъ мира и благо-дѣнствія, свиданіе въ Скерневицахъ не только не доставило ни радости, ни мира православнымъ Славянскимъ племенамъ за Дунаемъ и Савой, но повергло ихъ въ мрачную скорбь и уныніе, а нѣкоторыхъ и въ отчаяніе. Можно бы подумать,

что мы дали Австрійцамъ *carte blanche* на всяческія дѣйствія враждебныя славянскимъ, стало-быть и нашимъ собственнымъ интересамъ на Полуостровѣ, — до такой степени Австрія самоувѣренno и словно по праву стала разыгрывать роль хозяйки въ этомъ несчастномъ краѣ! Всѣ мы однакожъ хорошо знаемъ, что никакого такого полномочія Россіей Австрійцамъ дано не было, и сами наши дипломаты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, даже дивятся такой австрійской продержности. Но дивиться можно только ихъ простодушію, достойному болѣе умѣстнаго примѣненія. Не трудно понять, — да «Русь» на это тогда же и указывала, — что если Австрія прежде сдерживалась страхомъ Россіи, такъ вѣдь мы же сами первые постарались избавить Австрію отъ такого, сдерживающаго ее страха; сами же упросили, убѣдили ее нась не бояться и поклялись ей въ дружбѣ съ наивною вѣрою въ магическую силу дипломатическаго термина *status quo*, даже не опредѣливъ его смыслъ и значение. Все что ни творить теперь Австро-Венгрия среди Балканскихъ Славянъ, она именно называется, да и справедливо, только развитиемъ *status quo*, и этимъ самымъ готова замкнуть уста нашей дипломатіи, еслибъ онѣ разверзлись (но онѣ даже и не разверзаются) для протеста! Впрочемъ весьма возможно, что австрійская власть, дабы пощадить нашу щекотливость по части *status quo*, обойдется даже безъ формального включенія Босніи и Герцеговины въ составъ Имперіи, а удовольствуетъ *оккупацией*, — причемъ ученые профессора международнаго права съ важностью признаютъ, какъ послѣднее слово сей курьѣзной науки, что «оккупация» страны чужою государственною властью можетъ быть и вѣчною, не будучи «аннексіей»! Но не удивимся мы и тому, если съ согласія Европы, т. е. князя Бисмарка, Англіи и даже Россіи, случится и иное, именно что дипломаты, удерживая всю обязательность Берлинскаго трактата для Россіи, согласятся допустить и аннексію, какъ не нарушающую трактата, какъ законное упроченіе *status quo*, особенно если о томъ послѣдуютъ мольбы народа. Намъ снова пишутъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ тюрьмы набиты *подозрительными* для австрійской власти Славянами; тѣхъ же, кто оправдалъ такое австрійское подозрѣніе на дѣлѣ, безъ церемоніи разстрѣливаютъ или вѣшаютъ; сельскихъ старшинъ

она поставила вооруженою рукою изъ тѣхъ немногихъ, въ безусловной покорности коихъ вполнѣ увѣрилась, и вотъ эти-то насильственно народу навязанные старшины, отъ имени управляемыхъ ими сель и деревень, подписали прошеніе Императору о присоединеніи къ Австро-Венгерской монархіи! «Несчастный народъ» — прибавляетъ письмо — «мало того, что его взяли въ плѣнъ: хотятъ еще, чтобы онъ самъ, своими руками себя зарѣзаль»... А на дняхъ пронесся слухъ, которому мы пока еще отказываемся вѣрить, будто российское консульство въ Сараевѣ, столицѣ Босніи, упраздняется, будто бы оно нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ признается совсѣмъ теперь излишнимъ... Но вѣдь такой поступокъ съ нашей стороны былъ бы уже настоащимъ нарушениемъ *status quo* и равнялся бы торжественному объявленію аннексіи,— но вѣдь это было бы жестокостью относительно Боснийскихъ Славянъ, такъ какъ означало бы совершенное отреченіе, отступничество отъ нихъ Россіи!... Да развѣ православной Россіи не слѣдуетъ изъ непосредственныхъ вѣрныхъ источниковъ вѣдать судьбу своихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій среди враговъ ихъ народности и вѣры?... Мы знаемъ, какъ не только сильна, но и грозна католическая пропаганда въ Босніи, равно и въ Герцеговинѣ, где она дѣйствуетъ къ тому же во всеоружіи государственной власти. Читателямъ «Руси» извѣстны гоненія воздвигнутыя на Православную церковь въ этихъ несчастныхъ странахъ, и всѣ подробности неравной борьбы православнаго митрополита Косановича, которому австрійскія начальства хотѣли подсунуть, вмѣсто православныхъ богослужебныхъ книгъ, уніатскія, въ Вѣнѣ печатанныя; извѣстна также насильственная замѣна родной кириллицы латино-хорватскимъ шрифтомъ...

Не лучше идеть дѣло и въ Македоніи, для которой (напомнимъ нашимъ дипломатамъ) устройство лучшаго управления предписано даже Берлинскимъ трактатомъ (взамѣнъ свободы, предоставленной было ей С. Стефанскимъ трактатомъ), но которая теперь раздираема и разбойничими шайками, и турецкимъ самоуправствомъ. Почему это обстоятельство, на которое было обращено недавно вниманіе даже Англійскаго парламента, совсѣмъ упущенено изъ виду нашою дипломатіею, и она какъ бы дожидается, чтобы иная держава признала

въ томъ для себя поводъ къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла македонскія,—ну тогда и мы, пожалуй, возьмемъ на себя обязанность подголоска?... Тамъ также кишитъ австрійская католическая пропаганда, которая мастерски пользуется настоящимъ положеніемъ мѣстныхъ Болгаръ, тѣснѣнныхъ и Греками, и Турками, но, при обращеніи въ латинство, тотчасъ же обрѣтающихъ себѣ гражданскую обеспеченность, въ чемъ дружно содѣйствуютъ пропагандѣ всѣ иностранные европейскіе консулы, даже и протестантѣ!... Тамъ, впрочемъ, имѣются и русскіе консулы, но дѣятельности ихъ не слышно и не видно; про одного изъ нихъ писали намъ, что въ домѣ, где онъ живетъ, помѣщается и католическая миссія, такъ что надъ русскимъ орломъ, осѣняющимъ жилище представителя русской православной власти, высится (по крайней мѣрѣ высилась еще недавно) надстроенная деревянная верхушка латинской церковки... Кстати сказать, въ нашемъ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ принято какъ бы за правило не обращать вниманія на вѣроисповѣданіе своихъ служащихъ, и не настаивать на томъ, чтобы въ странахъ, которыхъ симпатіи къ намъ основаны именно на единовѣріи, консулами назначались непремѣнно люди православные. Особенной надобности наши дипломаты въ этомъ не видятъ или она еще имѣть не въ домѣ,—да чтѣ въ самомъ дѣлѣ толку и въ православныхъ консулахъ, если они не имѣютъ себѣ на верху поддержки!... А между тѣмъ католической миссіи, для которыхъ австрійское правительство и даже лично Императоръ Францъ-Іосифъ не щадятъ средствъ, наводняютъ Балканскій полуостровъ, дѣйствуютъ искусно и неослабно, уловляя въ свои сети всѣхъ слабодушныхъ и униженныхъ, уча ихъ—не возлагать болѣе надеждъ на подружившуюся съ Австріей Россію, не ожидать болѣе отъ нея поддержки. Вообще завоеваніе Австріею Балканскаго полуострова творится настойчиво и неутомимо,—завоеваніе конечно не формальное, но отчасти культурно-церковное, черезъ умноженіе чадъ Латинской церкви, отчасти дипломатическое, чрезъ привлеченіе государствъ въ область своего политического влиянія, и поверхъ всего—завоеваніе экономическое. Въ этихъ именно видахъ Берлинскій трактатъ и обязалъ Турцію, Сербію и Болгарію выстроить желѣзныя дороги, которыя бы, примыкая

къ австро-венгерскимъ, могли безпрепятственно привести Австро-Венгрию и въ Македонію (прямо къ Солуни и Эгейскому морю), и въ Румелію, и въ Софію, и даже въ Константинополь... Сербскій король,— который обратился уже чуть не въ вассала Австро-Венгерского императора и чуть не признаетъ послѣднаго своимъ сюзереномъ, который съ своимъ правительствомъ уже руководится не иною политикою, какъ австрійскою,— свое дѣло сдѣлалъ и дороги выстроилъ; Турція—только отчасти; Болгарія,—въ которой связь съ Россіей еще слишкомъ жива, но на правительство которой крѣпко насыщаетъ австрійская дипломатія, болѣе ловкая чѣмъ наша,— Болгарія еще мѣшаетъ, еще держится—тщетно пока ожидая, чтобы русское правительство помогло ей напередъ выстроить дороги примыкающія, черезъ Румынію, къ самой Россіи: но мы у себя уже лѣтъ пять о томъ толкуемъ, и собраться не можемъ!... Одна свободною себя отъ латинской пропаганды и открыто върною Россіи блудетъ себя храбрая, искони независимая Черногорія; но все тягостный и тягостный становится ея положеніе: со всѣхъ сторонъ обступаютъ ее и душать каменные, вновь воздвигаемыя австрійскія твердыни,— а по послѣднимъ извѣстіямъ, увѣрившись въ нашей дружбѣ, еще назойливѣе стала Австрія тѣснить черногорское правительство, вмѣняя Черногоріи въ вину даже простое соболѣзнованіе несчастнымъ сородичамъ—Герцеговинцамъ!...

Мы вполнѣ признаемъ великое значеніе союза Германіи съ Россіей, но онъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною,—такою цѣною, которая превышаетъ стоимость самого союза и ставитъ его на шаткое основаніе. Эта цѣна заключается въ признанії нами условій союза между Германской и Австро-Венгерской монархіей, другими словами: въ признанії правомѣрности австрійскихъ притязаній на Балканскій полуостровъ, поддерживаемыхъ, да и внущенныхъ ей самою Германіей,— а слѣдовательно и въ отреченії отъ собственныхъ нашихъ правъ, отъ собственной нашей исторической миссіи... Конечно, точными словами этого не было выговорено, и вещи по имени не были названы, но онъ подразумѣвались и смыслъ словъ ясенъ каждому, кто проѣзжаетъ смысломъ вещей, а не ихъ поверхностью, кто прозрѣваетъ будущее, а не заботится лишь объ удобнѣйшей об-

дѣлѣ затрудненій настоящей минуты... Подразумѣваемое и выступаетъ теперь наружу, можетъ-быть къ изумленію самой нашей дипломатіи,—выступаетъ и дразнить ее словами: *tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu!*

Вирочемъ, и до послѣдняго обмѣна дружественныхъ чувствъ, картина положенія русскихъ и славянскихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ была такова, что всматриваясь въ нее, невольно спрашивали мы себя: да чтѣ же это значить такое? Ужъ точно ли мы, Русскіе, вели войну 1877 г., одержали такія побѣды, совершили такіе подвиги самопожертвованія, которымъ, ужасаясь, дивился міръ? Глядѣть на насъ, на нашъ образъ дѣйствій, словно бы мы не побѣдители, а побѣдленные; словно бы мы не та могущественная Россія, которая биласъ лѣтъ восемь назадъ, а какая-то другая, переиначеная, слабосильная, хилая, которой даже не къ лицу блести свое достоинство, подѣстать лишь тихнуть тише воды, низиться ниже травы; для которой послѣдняя война— «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»; которая утратила вѣру въ себя, въ свое предназначеніе, спѣшить ретироваться со всѣхъ своихъ исторію намѣченныхъ позицій, и какъ будто стыдится недавнихъ порывовъ увлеченія и одушевленія!!!.. Правда, побѣдители на боевомъ полѣ, мы были по-зорно, срамно разбиты на суконномъ полѣ дипломатическихъ сраженій, но какъ ни удручаешь насть стыдъ, не на самую страну ложится онъ,—Русская земля осталась тою же землею, какъ и была,—и чувство стыда отъ берлинскаго пораженія должно бы, казалось, напротивъ, побудить ея руководителей напрочь всѣ силы разума, чтобы загладить стыдъ, стереть съ себя его краску, а не обращать его въ какую-то хроническую болѣзнь, отъ которой нельзя избавиться, а остается только мириться!.. Нельзя мириться съ состояніемъ пристыженного и опасно всякое дѣйствіе въ духѣ такой пристыженности; съ другой стороны, было бы не менѣе опасною ошибкою — стыдъ нанесенный дипломатіей думать побѣдить одною грубою силою, для примѣненія которой еще долго можетъ не настать времени и которой одной побѣда, какъ мы это теперь видимъ, никогда не прочна.

Мы знаемъ, что къ «Руси» обращены были упреки, по поводу ея статей въ 18 и 19 №№:, въ томъ, что она под-

рываетъ довѣrie Славянскихъ народовъ къ русской дипломатіи. Не мы подрываемъ; она сама своими дѣйствіями его подрываетъ. «Русь», — да и не она одна, къ счастію, а и многие другіе органы русской печати, возстановляютъ, напротивъ, по мѣрѣ возможности (конечно малой), довѣrie этихъ народовъ, если не къ дипломатіи, такъ къ Россіи, которая дипломатіей такъ часто компрометтируется. Этотъ голосъ негодованія свидѣтельствуетъ имъ, что по дипломатическимъ дѣйствіямъ, обусловленнымъ къ тому же разными случайными соображеніями, было бы несправедливо заключать объ исчезновеніи въ нашемъ отечествѣ того святаго огня любви и братства, который такъ часто пламенѣлъ имъ во мракѣ и многимъ единовѣрнымъ и единокровнымъ освѣтилъ путь освобожденія. Этотъ голосъ соболѣзвованія, участія, заботы способенъ лишь подать имъ мужество въ борьбѣ и терпѣніе въ мукахъ, поддержать въ нихъ крѣпость упованія на Россію,—Россію настоящую, народную, съ Царемъ своимъ нераздѣльную, Россію историческую, такъ часто заслоненную для нихъ, да и не для нихъ однихъ густою тьмою недоразумѣній! Можно лишь горевать о томъ, что такие частные голоса оказываются нужными и полезными при безмолвіи голосовъ авторитетныхъ и властныхъ, но разъ существуетъ такое безмолвіе, такъ слѣдуетъ жалѣть развѣ о томъ, что не довольно такихъ голосовъ раздается, что они слишкомъ слабы сами по себѣ, да и рѣдки...

Дѣятельность Австро-Венгріи и Римской куріи на Балканскомъ полуостровѣ находится въ связи съ общимъ ихъ, величавымъ въ своемъ родѣ замысломъ, все яснѣй и яснѣй выступающимъ наружу въ послѣднее время. Замыселъ Рима—создать Латинскій Востокъ; замыселъ монархіи Габсбурговъ—создать Нѣмецко-Славянскую Имперію, объединенную единствомъ Латинской церкви и общаго, культурнаго и государственнаго нѣмецкаго языка... Православную Россію, которую окатоличить мало надежды—предполагается направить туда, въ глубь азіатскаго Востока, и вообще подвинуть назадъ къ Азіи, — тѣмъ болѣе, что по теоріи Поляка Духинскаго, которая въ большомъ почетѣ у австрійскихъ властей, Русскіе принадлежать-де не къ Славянскому пле-

мени а къ Монгольскому или вообще Турanskому!.. Один изъ главныхъ и талантливыхъ ревнителей по части объединенія Славянъ подъ духовною властію Папы — хорватскій епископъ Штроссмайеръ, которому удалось убѣдить Льва XIII причислить къ лику Святыхъ, чествуемыхъ Римскою церковью и Славянскимъ Первоучителемъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Онъ же соорудилъ въ 1881 г. паломничество католиковъ Славянъ въ Римъ, къ подножію папскаго престола, исходатайствовавъ при этомъ отъ куріи и нѣсколько уступокъ относительно употребленія, впрочемъ самаго микроскопическаго, мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій при дополнительномъ къ латинской литургіи богослуженіи...

6 апрѣля 1885 г. исполнится тысячелѣтіе со дnia блаженной кончины Св. Меѳодія въ Моравскомъ Велеградѣ, гдѣ онъ почилъ, но гдѣ, къ несчастію, не сохранилась его могила. По случаю этого празднованія приготовляется въ Велеградѣ торжество въ громадныхъ размѣрахъ. Поляки, которые вообще замыслы Рима и Вѣны считаютъ весьма пригодными для интересовъ своей «польской справы», какъ направленные къ ослабленію Россіи, не замедлили конечно воспользоваться и предстоящей оказіей. Затѣи ихъ — явить колоссальный прообразъ новаго латино-славянского единства, чѣмъ самыи, разумѣется, исключается изъ него и Россія, и прочие Славяне, еще упорствующіе въ православіи! Кромѣ сѣѣзда великаго множества католическихъ Славянскихъ епископовъ, будуть стараться нагнать туда сотни тысячъ паломниковъ изо всѣхъ Славянскихъ странъ, католиковъ и уніатовъ, а также надѣются приманить даже и какихъ-то православныхъ, къ религіи равнодушныхъ, но мечтающихъ о федерализмѣ и о сепаратизмѣ по отношенію къ Русскому государству! Какъ однако ни изловчились Поляки на всякаго рода дутыя театральныя манифестаціи, какъ ни хитра вражда фанатическихъ приверженцевъ Рима къ православному миру, но едва ли могутъ они разсчитывать, даже въ самой средѣ католическихъ Славянъ, на успѣхъ такого грандіознаго надъ Россіею нарушательства! Между Чехами и Хорватами уже поднимаются негодующіе голоса протеста, да и слишкомъ ужъ чудовищно-безмысленна и нагла вся эта польско-латинская ложь...

Мы съ своей стороны не можемъ не радоваться, что наши братья Славяне, хотя и отторглись отъ церковнаго съ ними единства, рѣшили чествовать память Славянскихъ Апостоловъ съ подобающею торжественностью. Недоумѣваемъ только, на какомъ общемъ для латинскихъ Славянъ языкѣ воспоють они имъ хвалу и славу, и возвесутъ молитvenныя прошения, такъ какъ Славяне-католики утратили, къ сожалѣнію, въ своей церковной службѣ самое то славянское слово, которое Святые Кирилль и Меѳодій создали для всего Славянскаго мира, сотворивъ это слово одновременно сосудомъ Слова Божыаго, свѣтильникомъ вѣры и всякаго духовнаго для Славянъ свѣта. Чѣмъ сдѣлали Славяне-католики съ этимъ сосудомъ, съ этими по истинѣ освященными письменами, которыхъ даже носятъ название «кириллицы», по имени Св. Кирилла? Несчастные братья наши, лишившіеся величайшаго изъ благъ: едиными усты исповѣдывать Бога, славословить Бога, слышать Откровенія Божія на общемъ для всего Славянства, родномъ языкѣ! Ни во чѣмъ вмѣнила Латинская церковь даръ языковъ, ниспосланный ученикамъ Христовыемъ въ великий день Пятидесятницы, и пренебрегли свыше дарованнымъ имъ сокровищемъ Славяне-католики (число которыхъ не составляетъ даже и одной трети Славянъ православныхъ); священную кириллицу презрѣли для письменъ латинскихъ, измѣнили языкку Богослуженія, заповѣданному тѣми самыми Великими Просвѣтителями, память которыхъ нынѣ собираются они чествовать въ Велеградѣ!.. Во имя чего же чествовать? Христово ученіе проповѣдывали между ними не одни Святые Братья, пришедши съ Православнаго Востока, но и Нѣмцы, нашедши съ Христіанскаго Запада. На чѣмъ создадутъ теперь Славяне-католики славянское единство, отринувъ то единое, чтѣ тѣснѣе всего—по истинѣ въ духѣ соединяетъ, освящая, восполняя и упрочивая союзъ кровный?..

Насъ, Русскихъ, не могутъ конечно смутить никакія угрозы ни Рима, ни польской злобы, ибо о православно-славянской Россіи одной, по особому предопредѣленію Божію, только и живеть Славянское имя въ мірѣ; ибо Россія сама по себѣ—цѣлый міръ и величайшее явленіе единства народнаго и государственнаго, и притомъ славянскаго, пребывшаго вѣрнымъ

завѣту Славянскихъ Апостоловъ. Но отъ православныхъ Славянъ вѣръ русскихъ предѣловъ, отъ этихъ нашихъ братьевъ гонимыхъ, угнетенныхъ, мучимыхъ иновѣрцами, однимъ словомъ — отъ тѣхъ Балканскихъ Славянъ, положеніе которыхъ мы только-что описали, несутся къ намъ вопли, мольбы и запросы: что же Россія? что же безмълвствуетъ она? какимъ отпоромъ нахальному торжеству лжи, наругательству надъ Православною церковью и православнымъ Славянствомъ — подниметъ Россія ихъ смущенный, изнемогающій отъ насилий и коварныхъ обольщений духъ?

И въ самомъ дѣлѣ, — что же Россія?

Не можно, не позволительно ей пренебречь своимъ значеніемъ для всего Славянскаго православнаго міра и ограничиться лишь тѣмъ молитвеннымъ, домашнимъ такъ-сказать празднованіемъ, которое предозвѣстилъ на 6 Апрѣля Святѣйшій Синодъ, повелѣвъ всюду, на всемъ пространствѣ Россіи, во всѣхъ ея церквахъ совершить торжественное богослуженіе, съ соотвѣтственными проповѣдями, съ раздачею народу изображеній Святыхъ Братьевъ и ихъ житій. Къ этому торжеству церковному должно быть присоединено и такое торжество, на которомъ бы Россія именно явила миру видимый образъ своего мощнаго, духовнаго и словеснаго, народнаго и государственнаго единства, зиждущагося на основѣ Славянскихъ Первоучителей. Однимъ словомъ: торжество Россіи исторической, — какъ тысячелѣтней Славянской державы, тысячелѣтіемъ сложившейся великой славянской силы, чествующей тысячелѣтнюю память Святыхъ творцовъ Славянскаго слова, Славянскимъ словомъ научившихъ насъ Слову Божьему... Знаменіемъ вѣчнымъ, не преходящимъ долженъ бы быть озnamенованъ этотъ день... Намъ казалось бы, что такимъ живымъ вѣчнымъ памятникомъ могъ бы стать храмъ имени Свв. Кирилла и Мефодія, воздвигнутый въ купели того Славянства, чтѣ съ самаго начала своего государственного бытія называлось Русью, — т. е. въ Киевѣ. Конечно, такое торжество закладки храма въ день 6 апрѣля только тогда и можетъ получить свое истинное, далеко за предѣлы простирающееся значеніе, когда во главѣ ея станетъ лично (или въ лицѣ представителя) сама Русская Государственная Власть, живой символъ и русско-славянской

мощи, и русско-славянского единства; только тогда и послужить оно утешениемъ всему остальному, еще страждущему православному Славянству—и сами собою сокрушаются во прахъ величавыя нагроможденія лжи, къ смущенію враговъ Россіи, а съ нею и Славянскаго міра!

1885 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 12 января.

Нѣмецкая печать, преимущественно австрійская, велико-
душно принимая подъ свое крыло русскую дипломатію, такъ
мало будто бы цѣнную у себя въ отечествѣ, пріободряетъ
ее выраженіемъ полнаго своего сочувствія и довѣрія, и въ
трогательной солидарности съ нею чинитъ дружный походъ
на русскихъ «панславистовъ», «шовинистовъ» — главнымъ
же образомъ на нашу «Русь». Поводомъ къ такому манев-
ру послужила, къ удивленію нашему, передовая статья 24-го
№, прошлаго декабря. Въ Мюнхенской «Allgemeine Zeitung»
помѣщено письмо изъ Петербурга, которому эта газета, рав-
но какъ и не малое число перепечатавшихъ его иностранн-
ыхъ изданій, вмѣстѣ съ органомъ графа Кальноки «Frei-
dendlatt», придали значеніе офиціознаго. И въ самомъ дѣ-
лѣ, авторъ корреспонденціи даетъ прямо понять, что онъ
пишетъ не отъ своего только лица и что ему нѣкоторымъ
образомъ поручено предостеречь европейское общественное
мнѣніе отъ ложнаго заключенія, будто статья «Руси» от-
ражаетъ въ себѣ взгляды сколько-нибудь «вліятельныхъ круж-
ковъ». Напротивъ, онъ, корреспондентъ, поставленъ въ воз-
можность свидѣтельствовать, что въ петербургскихъ «важ-
ныхъ политическихъ», «самыхъ высшихъ и самыхъ руково-
дящихъ (massgebendsten) сферахъ относятся къ статьѣ г.
Аксакова съ отвращеніемъ и ужасомъ (perhorrescirt), и
что ничего поэтому «не будетъ удивительного, если газета
«Русь» подвергнется заслуженной карѣ».... Мы съ своей

стороны никакъ не расположены върить въ офиціозное происхожденіе этого письма. Намъ слишкомъ хорошо известны притязанія корреспондентовъ вообще, а здѣшнихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ въ особенности, выдавать себя за важныхъ персонъ, имѣющихъ непосредственная сношенія съ правительственными лицами и посвященныхъ во всѣ изгибы ихъ мыслей,—хотя, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что по свойственной намъ, Русской, благосклонности къ иностранцамъ, послѣдніе у насъ почти всюду *persona gratae*, особенно въ такъ-называемыхъ «сферахъ».... Страннымъ также показалось намъ, что даже издающаяся въ Ригѣ, хотя и нѣмецкая, но вовсе не официальная, даже подцензурная, газета, *«Rigasche Zeitung»*, и та признала вдругъ надобнымъ возвѣстить, что «въ высшихъ петербургскихъ сферахъ» (опять-таки «сферахъ»!) статьи № «Руси» произвели «непріятное впечатлѣніе» и что она «долгомъ считаетъ» довести о томъ до свѣдѣнія своихъ «многочисленныхъ заграничныхъ читателей, дабы они видѣли, что мнѣнія «Руси» не раздѣляются правительствомъ! Каякая, подумаешь, трогательная забота о русскомъ правительстве! И ужъ конечно—совсѣмъ не прощена, какъ не прошена, думаемъ мы, забота о немъ и корреспондента газеты *«Allgemeine Zeitung»*; должно-быть ужъ такой духъ повѣялъ: и курсъ нашъ на берлинской биржѣ поднимается, и пошлины въ Берлинѣ на нашъ хлѣбъ увеличиваются въ три раза, и всякий Нѣмецъ въ Россіи становится русскимъ офиціозомъ....

Какими же однако аргументами защищаетъ нѣмецкая иностранная печать (подъ формою петербургской корреспонденціи) русскую дипломатію отъ несправедливыхъ нападокъ? Болѣе пространная извлеченія изъ газетныхъ, по сему поводу, разглагольствій читатели найдутъ ниже, въ отдѣль подъ рубрикой: «За границей»; здѣсь же мы изложимъ вкратце лишь сущность защиты. «Русь», какъ известно, съ горечью указывала на постепенную убыль нашего значенія въ Константинополѣ и на постепенную утрату нами нашихъ политическихъ позицій въ Славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова—въ то время какъ Австрія день-ото-дня расширяетъ тамъ область своего политического вліянія: въ доказа-

зательство приведены факты. Далѣе, намъ представлялось, что наша политика поставлена въ зависимость слишкомъ тѣсную отъ политики германской, или точнѣе, отъ политической германоавстрійской комбинаціи; что сближеніе Россіи съ этими имперіями, подъ условіемъ сохраненія настоящаго *status quo*, но однакоже съ правомъ *развитія* его на Балканскомъ полуостровѣ, ничего другаго, въ практическомъ результатахъ, не означаетъ, какъ обязательство Россіи твердо блюсти, хранить, а пожалуй и пуще развивать, *пассивность* нашей на Полуостровѣ политики, съ одновременнымъ признаніемъ за Австро-Венгріей права на полную тамъ свободу политики *дѣятельной* подъ видомъ *развитія status quo*: вотъ она его и «развиваетъ», втягивая Славянскія земли, одну за другой, въ кругъ своихъ интересовъ. Таково содержаніе статьи. Чѣмъ же оно опровергнуто, читатель? Вамъ подумается можетъ-быть, что защитникъ русской дипломатіи примется прежде всего за опроверженіе приведенныхъ на ми фактovъ,—станетъ доказывать, что Россія не потеряла ни одной старой, а Австрія не пріобрѣла ни одной новой позиціи въ Балканскихъ странахъ, и что наша политика тамъ нисколько не пассивна, а не менѣе активна, чѣмъ и австрійская? Ничуть не бывало! Защита ничего ровно не опровергаетъ, да вовсе и не желаетъ опровергать. Подобному опроверженію не было бы тогда и мяста въ нѣмецкихъ газетахъ, да и не по вкусу было бы оно того общественнаго мнѣнія, которое ублажать поставилъ себѣ цѣлью глашатай (можетъ-быть и самозванный) «петербургскихъ высокихъ сферъ», защитникъ русской дипломатіи! Его существенною задачею было удостовѣрить Европу, будто русское дипломатическое начальство *perhorrescunt* всякое осужденіе политики австрійской и германской, всякий призывъ къ политикѣ сколько-нибудь дѣятельной, направленной къ въстановленію достоинства русского имени на Полуостровѣ, всякий призывъ къ усиленію русского значенія въ Константинополѣ, всякое напоминаніе объ историческомъ призваніи Россіи относительно Забалканскихъ православныхъ Славянъ; напротивъ: то что хулится «Русью», то русской дипломатіи именно и подъ сердцу, такъ какъ она отмѣнно довольна своими настоящими политическими отношеніями и положеніемъ.

Вотъ существенный смыслъ какъ письма изъ Петербурга, напечатанного въ «Allgemeine Zeitung», такъ и комментаріевъ къ нему въ прочихъ иностранныхъ газетахъ. Этого мало. Еслибъ письмо ограничивалось только выражениемъ «ужаса и отвращенія» къ содержанию нашей статьи, оно могло бы еще кое-какъ быть истолковано соображеніями оппортунистскаго свойства. Но какими нравственными побужденіями объяснитьничѣмъ не вызывавшіяся, злобленны до непристойности выходки этой, въ похвалу современной русской дипломатіи написанной корреспонденції—противъ генерала Игнатьева и его дипломатической дѣятельности? Правда, «Русь» имѣла неосторожность помануть съ похвалой посольствованіе генерала Игнатьева въ Константинополь, но вовсе даже и не коснулась его послѣдующей дипломатической дѣятельности: и вотъ этотъ-то нашъ отзывъ должно-быть сильно уколъ чье-то личное самолюбіе,—сильно, до забвенія всякихъ приличій. Самая статья «Руси» называется «дѣломъ интриги» сего злокозненнаго бывшаго Константинопольского посла! На осужденіи и поношеніи недавняго сослуживца нынѣ дѣйствующихъ русскихъ дипломатовъ основана вся система защиты и превознесенія сихъ послѣднихъ, предложенная европейскому обществу въ «Allgemeine Zeitung». Она во всемъ отвѣтственъ, она—козель отпущенія для всѣхъ нашихъ дипломатическихъ грѣховъ и невзгодъ, отъ послѣдствій которыхъ освобождается будто бы Россія только теперь—благодаря лишь сближенію съ Германіей и Австро-Венгріей! Если Берлинскій трактатъ, говорить съ изумительнымъ нахальствомъ авторъ корреспонденціи (и все это будто бы отъ имени «высшихъ петербургскихъ сферъ!») «былъ менѣе благопріятенъ для Россіи, чѣмъ могъ бы быть», такъ единственно по милости Санъ-Степанскаго трактата и творца его. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый обвинительный актъ, пункты котораго привѣтствованы были европейскою прессою какъ наиважнѣйшія будто бы «признанія» русскаго дипломатическаго начальства. О достоинствѣ обвиненій (воспроизведеніи подробно ниже) можно судить по слѣдующему образцу. Заключая договоръ, Игнатьевъ не взялъ-де отъ Турціи никакого залога, который бы «обеспечилъ русскую армію отъ возможности возобновленія войны со стороны Турціи, при

содѣйствіи Англіи, а можетъ-быть и Австріи»!!... Воть, чтд называется, съ больной головы на здоровую! Если предположить, что такимъ залогомъ могло бы быть занятіе Константинополя и Галлиполи, то кому же неизвѣстно--благодаря чemu и кому не случилось ни того, ни другаго! Да никакихъ залоговъ не было бы и нужно, еслибъ Санъ-Степанскій договоръ былъ вскорѣ затѣмъ обращенъ въ окончательный, и еслибъ русская побѣдоносная власть не выразила согласія представить его на ревизію какъ бы высшей надъ собою инстанціи — европейскаго ареопага!... Чѣмъ инымъ возможно было бы намъ гарантировать себя отъ войны съ Австріей, какъ не смѣлимъ изъявленіемъ готовности принять ея вызовъ? Но этого, къ сожалѣнію, не послѣдовало, хотя не могло быть и сомнѣнія, что въ этой войнѣ было бы бохѣ риска для самой Австріи, чѣмъ для Россіи. Выходить по смыслу корреспонденціи, что генералу Игнатьеву слѣдовало заключить такой предварительный договоръ, который былъ бы по вкусу и Англіи, и Австріи! И такія-то жалкія разсужденія выдаются за точку зрѣнія современныхъ русскихъ дипломатическихъ дѣятелей! Но вѣдь на Берлинскомъ конгрессѣ договоръ, какой бы ни былъ, подвергся бы непремѣнно урѣзкѣ! Въ томъ и великое благодѣяніе Санъ-Степанскаго договора: онъ сразу захватилъ такъ много, что какъ его ни урѣзывали, все-таки, несмотря на все малодушіе вождей русской политики, осталось довольно!....

Далѣе авторъ корреспонденціи перечисляетъ другія вины генерала Игнатьева: неопределение въ Санъ-Степанскомъ договорѣ срока очищенія турецкими войсками крѣпостей, включеніе въ составъ Болгаріи—Македоніи, для занятія которой будто бы не было у Россіи достаточно войска, и нѣкоторыя другія упущенія, причемъ корреспондентъ забываетъ, что все эти будто бы упущенія представляются истинно мелочными и вздорными въ виду того положенія, которое въ то время занимала русская сила, если не занявшая, то все же державшая подъ своею пятою Константинополь, мощная и духомъ войскъ и обаяніемъ побѣды!... Затѣмъ, корреспонденція не щадитъ красокъ въ изображеніи бѣдственнаго, печальнаго положенія русской арміи въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ — отъ Санъ-Степанскаго договора, пока Россія

сидѣла тамъ въ Берлинѣ на скамье подсудимыхъ, ожидая милостиваго рѣшенія своей участіи. И оно послѣдовало, наконецъ, по словамъ корреспонденціи, мало сказать: милостивое,—благодѣтельное! Положеніе арміи было таково,—увѣряетъ авторъ, доходящій здѣсь до степени пѣвца, — что Берлинскій трактатъ явился для насы спасеніемъ, избавленіемъ, однимъ словомъ—истинною благодатью! Благословлять, а не охуждать должна-де этотъ трактатъ Россія, поставленная будто бы Санъ-Стефанскимъ договоромъ, или генераломъ Игнатьевымъ, на край гибели! «Внутреннее положеніе Россіи было безнадежное»; «миръ былъ для Россіи вопросомъ жизни и смерти»; «только благодаря Берлинскому трактату—Россія удержала за собой положеніе великой державы» — это все подлинныя выраженія той корреспонденціи изъ Петербурга, за которой (благодаря въ особенности нѣкоторымъ) мало известнымъ даннымъ о состояніи русскихъ войскъ, ссылкѣ на письмо графа Тотлебена и т. п.) иностранныя газеты признаютъ единодушно: русское правительствоное происхожденіе! Венгерскія же газеты напустились, по этому поводу, на своего графа Андраши: зачѣмъ-де онъ, въ качествѣ руководителя австрійской политики, не воспользовался съ большей выгодой для Австро-Венгрии такимъ бѣдственнымъ состояніемъ Россіи и трактовалъ ее слишкомъ вѣжливо и церемонно!

И такъ, не будь Берлинскаго трактата, Россія не осталась бы «великой державой», а превратилась бы въ нѣчто жалкое, бессильное, нѣчто такое, чего развѣ только лѣнивый не обидитъ, — въ лучшемъ случаѣ низошла бы на степень Бельгіи или Голландіи? И это вѣщается намъ отъ имени будто бы русского дипломатического начальства? И органъ дружественнаго намъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, *«Fremdenblatt»*, тономъ компетентнаго суды, еще утверждаетъ, что корреспонденція въ *«Allgemeine Zeitung»* точно *«внушена (inspiriert) высшими петербургскими руководящими сферами»*, что этотъ корреспондентъ говорить какъ *«уполномоченный (in autoritativer Weise)»*? И мы ему повѣримъ? Никогда! Никогда не повѣримъ мы, чтобы русское министерство иностранныхъ дѣлъ пошло судиться въ чужеземныхъ газетахъ, предъ лицомъ Европы, съ русскимъ

бывшимъ дипломатомъ (теперь вѣдь даже и не соперникомъ)! Назидательный бы вышелъ спектакль, еслибы всѣ русскія министерства посыпали такому примѣру! Нѣть, не повѣримъ мы, чтобъ у русскаго дипломатическаго вѣдомства, ради обезславленія генерала Игнатьева, достало духа съ такимъ усердіемъ расписывать предъ иноземцами—какую-то безнадежность внутреннюю состоянія *нашего отечества*, какую-то его немощь въ 1878 г. и чуть ли не цѣловать руки у Европы за величость оказаннаго этой беспомощной Россіи благодѣянія милосердымъ Берлинскимъ ареопагомъ! Это ложь, это клевета на наши «высшія политическія руководящія сферы»!.. Но вѣдь въ такомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что органъ министерства, *«Journal de St.-Pétersbourg»*, немедленно же и опровергнетъ такія позорныя заграничныя истолкованія или по крайней мѣрѣ заявить, что заграничная пресса введена въ обманъ, что съ корреспонденціей изъ С.-Петербурга въ *«Allgemeine Zeitung»*, получившей столь широкое распространеніе, министерство ничего общаго не имѣеть; слѣдовало бы также учинить замѣчаніе и подцензурной *«Рижской Газетѣ»*, что она не имѣеть права давать какія-либо возвѣщенія Европѣ отъ имени Русскаго правительства... Этого всего требовалъ тактъ — самый простой, даже и не дипломатическій... Но ничего этого, къ сожалѣнію, не произошло (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ): въ *«Journal de St.-Pétersbourg»* никакой замѣтки не появилось, и *наше министерство осуждено теперь выслушивать себѣ похвалы самаго постыднаго свойства*. И не однѣ похвалы, но и наставленія... Все это прекрасно,—говорить съ обидною дерзостью тотъ же *«Freudenblatt»*, — «признанія русской дипломатіи по поводу Берлинскаго трактата заслуживаютъ благодарности», — только зачѣмъ для разъясненія этой правды о Берлинскомъ конгрессѣ, какъ она понимается Русскимъ правительствомъ (т. е. въ значеніи *благодѣянія*) дѣлать «такой длинный обходъ чрезъ Мюнхенъ и Вѣну»? «Желательно было бы, чтобъ «не только германская и австрійская, но и русская публика была вразумлена въ томъ же смыслѣ»... Чѣд-жъ? требованіе логическое, хотя и коварное! Едва ли вѣдь достанетъ для этого отваги у какого бы то ни было русскаго вѣдомства... А впрочемъ...

Замѣчательно, что газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и другіе органы князя Бисмарка воздержались съ своей стороны отъ всякихъ комментаріевъ по поводу пресловутой «офиціозной корреспонденціи». Оно и понятно. Не дѣло ума знаменитаго канцлера называть Берлинскій трактатъ благодѣяніемъ для Россіи, хотя обстоятельства дѣла и состояніе русской арміи въ 1878 г. ему конечно были не менѣе вѣдомы, чѣмъ офиціозному будто бы «корреспонденту». Но извѣстно слово, сказанное княземъ Бисмаркомъ по адресу Россіи, когда мы подходили къ Константинополю: *beati possidentes!* Еще два года тому назадъ, органы канцлера, очевидно отъ его имени, напечатали про Берлинскій конгрессъ такую замѣтку, что въ невыгодномъ его результатѣ для Россіи виновать не князь Бисмаркъ, а сами участновавшіе въ конгрессѣ русскіе дипломаты, которые не умѣли формулировать никакихъ опредѣленныхъ требованій, не проявили никакой твердости въ своихъ настояніяхъ, тотчасъ же все уступали, тотчасъ на все соглашались...

Какъ бы то ни было, но теперь, благодаря, между прочимъ, вышеупомянутой «офиціозной» или мнимо-офиціозной корреспонденціи, въ общественномъ мнѣніи Европы установились, чуть не на степени аксіомъ, слѣдующія два положенія: Берлинскій трактатъ для Россіи былъ благодатью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поворотною точкою въ ея судьбѣ, отреченіемъ отъ Славянъ, отъ Константинополя и вообще отъ Балканскаго полуострова; Русское правительство этого прежде не сознавало и тайно гнѣвалось, а теперь-де сознаеть и едва ли не благословляетъ. Вторая благодать — это недавнее сближеніе Россіи съ Германіей и Австріей въ Скерневицахъ, бывшее будто бы выраженіемъ такого сознанія, поворотною точкою уже въ самой русской политикѣ, давшее теперь Россіи почетное будто бы положеніе въ сонмѣ державъ, благоволеніе Европы, миръ и тишину. Такъ утверждая, нѣмецкія газеты превозносятъ горячими похвалами русскую современную дипломатію и поносятъ на всѣ лады нашу скромную «Русь»... Но если русская дипломатія *perhorrescirt* статьи «Руси», если мы имѣемъ несчастіе возвуждать одновременно противъ себя и гнѣвъ нѣмецкой печати, то они теперь могутъ быть угѣшены заступничествомъ одной московской, без-

спорно авторитетной въ правительственныхъ сферахъ газеты, которая къ Новому году выдала похвальный листъ руководителямъ русской международной политики. Она же недавно заявила, подхвативъ слова одного изъ отчаянныхъ противниковъ австро-мадьярского верховенства въ Хорватіи, депутата Старчевича, что Россія, въ противность увѣреніямъ «Руси», видно-де вовсе «не утратила у Славянъ ни своего обаянія, ни довѣрія». Да, еще не утратила, но рѣшился ли газета утверждать, что это *благодаря*, а не *вопреки* русской политикѣ?... До такой степени противно русскому историческому естеству всякое ненаціональное направление русской политики, что въ сознаніи Славянскаго міра ея настоящій образъ дѣйствій представляется лишь временнымъ уклоненіемъ,—точнѣе сказать: въ историческомъ *инстинкѣ* Славянскихъ народовъ: примѣръ Сербскаго королевства свидѣтельствуетъ, что *правительства* Славянскихъ земель уже не всѣ находятся подъ властью прежнаго обаянія и вѣры... Да и имѣемъ ли мы право такъ легкомысленно опираться на эти славянскія чувства—отказывая имъ въ питаніи?

Выискался и другой заступникъ русской дипломатіи противъ «Руси», напечатавшій свою статью въ «Новомъ Времени» отъ 7 января. Онъ не отрицаєтъ вѣрности нашихъ горькихъ разоблаченій,—«все это отчасти справедливо», свидѣтельствуетъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается увѣрить русское общество, будто культурное и церковное завоеваніе Австріею Балканскаго полуострова не представляетъ никакой опасности. «Австрія,—такою перспективой утѣшаешь насъ авторъ, Гр. Д. В.—«Австрія, расширяясь къ югу и захватывая все больше и больше Славянскихъ земель, только ослабляетъ себя и готовитъ себѣ въ будущемъ не союзниковъ, а враговъ, которые съ восторгомъ будутъ тогда привѣтствовать Россію, если она возьметъ въ свои руки освобожденіе и объединеніе «Славянъ»... Странная мысль, слышанная нами и лично отъ нѣкоторыхъ русскихъ дипломатовъ и напоминающая малороссійскую сказку о нѣкоемъ кузнецѣ, отдавшемъ свою душу чорту, но лишь временно, въ залог—въ надеждѣ, поражившись бѣсовскою ссудой, получить потомъ свою душу обратно: когда же наступилъ срокъ и онъ взумалъ было выкупить ее у чорта, то не тутъ-то было: потерялъ и богатство, и душу!...

Князь Бисмаркъ, если вѣрить напечатанному въ журнале «Deutsche Revue» (и не вызвавшему опроверженія) разговору его съ депутатомъ Брауномъ, выразилъ мысль, что Германіи нуженъ съ Австріей «союзъ постоянный, организический, такъ какъ оба государства призваны служить дополненіемъ другъ друга»... Это кажется ясно. Австрія на Балканскомъ полуостровѣ дѣйствительно будетъ лишь служить дополненіемъ Германіи, исполнять миссію германизма. Что же касается Россіи, то — сказалъ будто бы князь Бисмаркъ — «роль Россіи не въ Европѣ, а въ Азіи. Тамъ ея цивилизаторская миссія».

Если эти слова желѣзного канцлера станутъ тамъ за границей приводить въ связь съ образомъ дѣйствій русской политики на Балканскомъ полуостровѣ и съ ея офиціозными или мнимо-офиціозными заявленіями въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ, — Европа не усмотритъ между ними никакого противорѣчія. Передъ нами лежитъ органъ герцога Броли, «Le Soleil», гдѣ, въ серьезной статьѣ подъ названіемъ «Восточная имперія», перечисляются съ историческимъ безпристрастiemъ всѣ попытные шаги русской дипломатіи въ Европѣ. «По своему ли собственному влечению, повинуясь ли толчку данному берлинскою канцеляріей, Россія», — говорить парижская газета, — «кажется все болѣе и болѣе отворачиваетъ свои взоры отъ Балканъ и направляетъ ихъ въ Азіи. Какъ только состоялся Берлинскій конгрессъ, — для Россіи все измѣнилось. «Русский орелъ, парившій надъ Византіей, парить теперь надъ степами Средней Азіи. Со времени Берлинскаго конгресса Россія не ступила ни одного шага впередъ на Балканскомъ полуостровѣ, — тогда какъ Австрія вѣрными, хотя и медленными шагами подвигалась впередъ» въ осуществлениі своихъ плановъ; «приверженцы Россіи становятся мало-помалу приверженцами Габсбурговъ». Далѣе авторъ дѣлаєтъ обзоръ современного состоянія дѣлъ въ Сербіи, Румыніи, Болгаріи, указываетъ почти на тѣ же факты, на которые указывается и «Русь». «Даже Черногорія — говорить онъ — которая такъ долго и такъ вѣрно служила стражемъ Россіи на этой крайней оконечности Полуострова, собирается повидимому поступить на службу австрійскую». Газета предсказываетъ не въ отдаленномъ времени полное подчиненіе Балканскаго полуострова

Австрійскому монарху, конечно не въ формѣ грубаго завоеванія и порабощенія, можетъ-быть даже «въ формѣ федераціи, но подъ австрійскимъ протекторатомъ», — хотя и не отрицааетъ возможности (каковыми словами и заканчивается свою статью), что глава дома Габсбурговъ даже прямо «возьметъ въ свои руки скипетръ кесарей Византійскихъ и возсоздастъ, себѣ во благо, Греческую имперію Востока»...

Пожалуй, подобные толки могутъ насть только забавить, но на несчастныхъ единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ Славянъ — они несомнѣнно производятъ удручающее впечатлѣніе. Да и намъ-то не слишкомъ лестно встрѣчаться на каждомъ шагу съ такими европейскими на нашъ счетъ соображеніями, высказываемыми вовсе даже не съ враждебныхъ Россіи сторонъ. Откуда же они могли взяться? И были ли бы они возможны въ старыя времена? Гдѣ источникъ такихъ недоразумѣній, — чѣмъ, кто даетъ къ нимъ поводъ?... Поводъ-то видно есть Но къ чести ли оно, къ славѣ ли, къ прибыли ли нашей мочи — духовной и политической?...

Чѣд же, спросить, хотите вы войны, чѣмъ ли? Никакой войны не хотимъ, да и никто, повѣрьте, не хочетъ, и каждый ея пуще Россіи боится! Такъ чего же вамъ нужно? — Чего нужно? Да хоть бы видимаго, яркаго признака *жизни*, жизни национальнаго духа въ нашихъ руководительныхъ высшихъ «сферахъ», какъ въ политикѣ виѣшней, такъ и внутренней!... Да и незачѣмъ далеко ходить. Вотъ предстоитъ, напримѣръ, общій славянскій и по преимуществу всероссійскій празднікъ — чествованіе Святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Чѣд же сдѣлали для этого празднства наши власти имущіе? Вѣдь не Славянскимъ же Комитетамъ орудовать такимъ дѣломъ за всю Россійскую державу и землю! Это вѣдь не дѣло партіи или какой-либо общественной фракціи. Чѣд въ этомъ празднованіи прежде всего выступаетъ во очію, въ исполинскомъ значеніи и объемѣ? Тысячелѣтній *плодъ* подвига Святыхъ Славянскихъ первоучителей. — т. е. сама наша Россія, соблюдшая цѣлостно ихъ письмо и слово, возросшая въ свѣтѣ ими, возліянномъ, пронесшая ихъ священную рѣчь отъ Карпатъ до Тихаго Океана, отъ Сѣвернаго Полюса до самаго Арапата. Празднуется слѣдовательно явленіе великаго, чуть не стомиліоннаго обще-русскаго, стало-быть и славянскаго,

церковного и словесного, а въ то же время, по милости божией, и политического единства. Это — празднество силы Славянской, духовной и государственной, олицетворяемой нашей Россиею,—это такое празднество, которое должно быть отпраздновано на славу, на память грядущимъ вѣкамъ и на утѣшеніе нашимъ немощнымъ славянскимъ братьямъ—всѣмъ Русскимъ народомъ, всею Русскою землею, съ ея Державнымъ Вождемъ во главѣ, всесерковно и всеграждански... Такъ развѣ достаточно опубликованного распоряженія Синода: отслужить тогда-то повсемѣстно всенощная и обѣди «съ приличнымъ торжеству словомъ?» Или, напримѣръ, распоряженія учебного вѣдомства: распустить учащихся по домамъ ради праздника?! Такое распоряженіе равняется канцелярской очисткѣ входящаго №. Не такого «указа» нужно отъ Святѣйшаго Синода: нужно пастырское ко всей российской паствѣ посланіе, да не казеннымъ языкомъ писанное, а живымъ, авторитетнымъ, теплымъ пастырскимъ словомъ вразумляющее народъ о великомъ значеніи для нашей страны Святыхъ изобрѣтателей славянскихъ письменъ, творцовъ того слова, которымъ воспріемлемъ мы Слово Божіе, творцовъ нашего просвѣщенія, духовного преуспѣянія и братскаго единства!..

Не пора ли проснуться? Да чего и спать-то! Не миренъ вѣдь нашъ сонъ и не веселые сны намъ снятся. Найти авось будетъ поотраднѣй! Или не очнемся мы, пока не грянетъ громъ Божій?

Изъ № 4.

Намъ пишутъ изъ Константинополя отъ 9 января:

«Новый Патріархъ Іоакимъ IV дѣйствительно человѣкъ болѣе мягкаго характера чѣмъ его предшественникъ, но онъ не можетъ не относиться къ болгарскому церковному вопросу точно такъ же, какъ относились и относятся вообще Греки. Слышно, что онъ готовъ возстановить миръ съ Болгарской церковью, если болгарскій экзархъ ограничитъ свое вѣдомство только Болгарскимъ Княжествомъ, а церковную администрацію Восточной Румелии, Македоніи и Одринскаго вилаета предоставить Патріарху. Но примиреніе на такихъ условіяхъ для Болгаръ невозможно. Тутъ вопросъ, и для Гре-

ковъ и для Болгаръ, не въ церковной администрації, не въ размѣрахъ церковнаго вѣдомства и власти; тутъ вопросъ политической и національный. Македонія — страна большою частью болгарская (кромѣ развѣ городскаго населенія), а Греки кричатъ, что тамъ ни одного Болгарина нѣть!.. Точно такъ же кричали когда-то, что во Фракіи (въ настоящей Восточной Румелии) нѣть Болгаръ! Македонскіе Болгары въ настоящее время несравненно больше страдаютъ отъ Грековъ, отъ греческаго духовенства чѣмъ отъ турецкой администраціи, которая ссылаетъ болгарскихъ учителей и священниковъ главнымъ образомъ по навѣтамъ и указаніямъ греческихъ архіереевъ. Тутъ экзархъ ни причемъ, и обвинять его въ агитации не для чего! Понятно, что и Болгары въ Македоніи, съ своей стороны, и слышать не хотятъ о греческой патріархіи, о греческомъ духовенствѣ, которое не допускаетъ и насильственно отнимаетъ у Болгаръ право читать, учиться, молиться по болгарски. Никого вы изъ Болгаръ неувѣдите, что намѣстникъ экзарха въ Дебрѣ убить не греческимъ Дебрскимъ митрополитомъ! Такое подозрѣніе все же не съ вѣтру взялось. Македонскіе Болгары дѣлаются даже католиками, протестантами — только чтобы избавиться отъ греческаго духовенства!

«Позволить ли Патріархъ Іоакимъ IV Болгарамъ читать, учиться, молиться по болгарски въ Македоніи? Позволить ли Патріархъ Македонцамъ имѣть своихъ священниковъ и учителей, духовенство — изъ своей среды? Вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ гдѣ лежитъ и возможность разрѣшенія болгарского церковнаго вопроса.

«Послѣ войны, турецкое правительство не хотѣло признать вѣдомства Болгарской экзархіи въ Македоніи. Теперь и этотъ вопросъ разрѣшенъ. Недѣлю тому назадъ, правительство позволило экзарху назначить и послать въ Охрид и Скопію болгарскихъ митрополитовъ. Назначеніе уже состоялось. Охридскимъ митрополитомъ назначенъ высокопреосвященный Синесій, а Скопскимъ — высокопреосвященный Щеодосій — коего рукоположеніе въ архіерея совершилось третьего дня.

«Что касается того, что Іоакимъ IV призналъ каноническимъ поставленіе Сербскаго митрополита Мраовича, скажу вамъ, что это состоялось: 1) по желанію австрійскаго посоль-

ства въ Константинополѣ и 2) по принужденію греческаго правительства, Давно уже австрійское правительство хлопотало о томъ, чтобы патріархія признала каноническимъ назначение Мраовича и тѣмъ нанесла пораженіе русской политикѣ. Достиженіе этого было не легко. Недавно въ константинопольское австрійское посольство былъ позванъ патріаршій логоѳетъ, котораго пришлось долго, долго уговаривать!... Вы знаете, что турецкое правительство не хотѣло признать и утвердить правъ и привилегій греческаго Патріарха. Австрійское правительство предложило свои услуги: склонить великаго визира къ подтвержденію старыхъ патріаршихъ правъ и преимуществъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Патріархъ съ своей стороны призналъ каноническимъ поставленіе Мраовича. Такъ и совершилось...

«Съ другой стороны, Патріархъ во всѣхъ вопросахъ съ политическимъ оттѣнкомъ получаетъ инструкціи отъ Аѳинскаго правительства. Австрія думала, что ей не удастся рѣшить вопросъ чрезъ логоѳета въ Константинополѣ и потому попробовала привлечь къ содѣйствію себѣ и греческое правительство. И ей удалось; Греція помогла... Увѣряють, будто Патріархъ рѣшилъ послать письма къ Русскому Св. Синоду, Сербской и Румынской церквамъ съ категорическимъ требованіемъ, чтобы онѣ открыто и *официаль но* признали схизму болгарскую, подъ угрозой, въ случаѣ отказа, объявленія ихъ самихъ схизматическими... Что Румынія откажеться, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Сербскій митрополитъ врядъ ли откажеться: услуга за услугу!... — Р. С. Сейчасъ слышалъ, что Патріархъ, и безъ того слабый грудью, серьезно заболѣлъ, и будто доктора ему объявили, что если желаетъ жить, то долженъ оставить патріаршій престолъ»....

Не всегда система умолчанія, вилянія, уклоненія отъ прямаго твердаго отвѣта, система выжиданія и компромиссовъ,— не всегда она мудрость! Въ какой лѣсъ, въ какое мало достойное положеніе завела она наше церковное управление! Наше призваніе и наша обязанность (а къ исполненію ея мы въ *то* время имѣли полную возможность и силу) были— стать судьями въ тяжбѣ Болгаръ и Грековъ, въ самомъ ея началѣ. Если Болгари были не правы по буквѣ канона, то Греки еще неправѣ, ибо согрѣшили противъ его духа. Ко-

му же, по совѣсти, могло быть неяснымъ, что для Грековъ вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы, прикрываясь буйвой, огнечить болгарскую національность, а для Болгаръ дѣло шло о спасеніи родной національности, хотя бы и съ отступленіемъ отъ канона?! Теперь же споръ можетъ идти только о несчастной Македоніи, такъ какъ автокефальность Болгарской церкви въ Княжествѣ Патріархъ и самъ теперь признаетъ, и не мудрено бы, кажется, убѣдить его, что возсоединеніе Восточной Румеліи съ Княжествомъ есть дѣло только отсрочченное, такъ что отдѣлять ее отъ Княжества въ церковномъ отношеніи на короткій срокъ представляется практически неудобнымъ. Относительно же Македоніи еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ возможно было бы достигнуть соглашенія, еслибы патріархія согласилась не отречиваться насилию Болгаръ, не запрещать имъ славянскаго богослуженія и не закрывать болгарскихъ школъ. Болгари вѣдь составляютъ громаднѣйшее большинство сельскаго населенія!.. Но теперь достичь соглашенія едвали возможно, и православный міръ представляетъ печальнуу картину внутренняго церковнаго раздора. Что же дѣлаемъ мы, мы?..

Пора перестать походить на страуса, который, видя наступающую на него опасность, — голову подъ крыло, да и воображаетъ, ничего не видя, что и самъ сталъ невидѣнъ! Мы жмуримся, прячемся, прижимаемся ниже травы, совсѣмъ тихони, но оттого кругомъ не тише, напротивъ бѣда растетъ! Опасности мы не заклинаемъ, а обманываемъ только развѣ себя самихъ!

Москва, 24-го августа.

Столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ, не исключая и русскихъ, полны описаніями Кремзирскихъ празднествъ, воспроизводятъ, до мельчайшей подробности, всю пышную торжественную обстановку свиданія обоихъ монарховъ. Русская печать промолвила при этомъ «приличное слушаю», хотя и нельзя сказать чтобы «прочувствованное» слово; за то австрійская старается изо всѣхъ силъ придать такому посѣщенію Австрійскаго императора нашимъ Государемъ (которое,

послѣ Скерневицкаго визита его величества Франца Йосифа, вызывалось даже требованіемъ простой вѣжливости) значеніе политического события величайшей важности. Не только офиціозные органы австрійской печати, но и всѣ проникнутые духомъ австрійскаго императорскаго патріотизма, предаются громкимъ, голосистымъ ликованіямъ, вовсе не лицепрійнымъ, но вполнѣ искреннимъ, а имъ въ тактъ, глухимъ басомъ, поддакиваютъ германскіе...

Изъ русскихъ органовъ, какъ наиболѣе вѣскія, обращаютъ на себя вниманіе слова «Московскихъ Вѣдомостей» въ 222 №. По мнѣнію этой газеты, высказанному еще наканунѣ Кремзирскаго свиданія, порукой за европейскій миръ служить, впервыхъ, проявленная въ Афганскомъ вопросѣ твердость русскаго императорскаго правительства, во вторыхъ—приводимъ подлинныя выраженія—«союзъ Трехъ Императоровъ, господствующій надъ всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы и надъ положеніемъ каждого изъ ея членовъ, союзъ скрѣпленный въ Скерневицахъ, недавно подтвержденный въ Гаштейнѣ» (при посѣщеніи Германскаго императора Австрійскимъ) «и на дняхъ имѣющій получить» (теперь уже получившій) «новое торжественное подтвержденіе въ Кремзирѣ»...

Все это въ данную минуту совершенно вѣрно, но позвольмъ себѣ замѣтить, что союзъ Трехъ Императоровъ—политическая комбинація совсѣмъ не новая, а неоднократно выступавшая въ исторіи текущаго столѣтія и хорошо извѣданная Россіей. Приведемъ короткую историческую справку. Въ 1815 г., въ эпоху Вѣнскаго конгресса, заключенъ былъ даже не просто союзъ, а «Священный Союзъ» монарховъ Пруссіи (тогда еще только короля), Австріи (и въ лицѣ ея всей остальной Германіи) и Россіи. Этотъ союзъ благоговѣйно соблюдался Россіей въ теченіи 40 лѣтъ, и не она была виновницей его нарушенія. Въ силу этого союза Императоръ Николай спасъ Австрію отъ гибели въ 1849 году, да онъ же спасъ ее и въ Ольмюцѣ отъ угрожавшихъ ей притязаній Пруссіи. Надо-жь было однако такъ случиться, что въ 1854 году, къ изумленію довѣрчиваго Русскаго Государя, Австрія, вместо содѣйствія, оказала Россіи прямое враждебное противодѣйствіе! Она принудила насъ къ отступленію изъ Дунайскихъ Княжествъ и способствовала оскор-

бительнымъ для нась условіямъ *Парижскаго трактата*. «Союзъ», хотя и Священный, конечно лопнулъ, а затѣмъ и всякий слѣдъ его былъ затоптанъ Пруссіею въ 1866 году, когда она стала во главѣ Германіи и выключила изъ нея Австрію... Въ 1873 году, состоялось въ Рейхштадтѣ знаменитое свиданіе трехъ монарховъ того же самаго срединнаго европейскаго континента, только иначе между Австріей и Пруссіей распредѣленнаго,—и снова заключенъ союзъ трехъ континентальныхъ державъ или точнѣе—«Трехъ Императоровъ», возвѣщенный какъ «всеобщая гарантія мира» и проч. Онъ просуществовалъ недолго и ознаменовался для нась слишкомъ извѣстнымъ образомъ дѣйствій Австріи при окончаніи послѣдней нашей турецкой войны, а затѣмъ—*Берлинскимъ трактатомъ*... Въ 1884 г., не далѣе какъ годъ назадъ, снова свиданіе въ Скерневицахъ и, по почину Германіи и Австріи, новый Трехъ-Императорскій союзъ, *господствующій*, по вѣрному выражению «Московскихъ Вѣдомостей», не только «надъ всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы», но «и надъ положеніемъ каждого изъ ея членовъ»... Т. е. и самой Россіи?... Долголѣтіе ли будетъ этотъ союзъ—предсказывать мы не беремся, но несомнѣнно, что недавній съездъ Русскаго и Австро-Венгерскаго монарховъ въ Кремзирѣ служить ему подтвержденіемъ.

На какихъ же основахъ виждется эта гарантія мира, олицетворяемая союзомъ? Въ чёмъ сущность того Скерневицкаго соглашенія, о которомъ дипломатія до сихъ поръ ведеть загадочныя рѣчи, достойныя древнихъ оракуловъ? По поводу Кремзирскаго торжества, ревностная защитница германской идеи вообще, и въ этомъ смыслѣ—интересовъ, не только Германской имперіи, но и Австрійской, какъ пionера германизаціи,—серьезный органъ печати, мюнхенская добровольно офиціозная «Всеобщая Газета», выражается слѣдующимъ образомъ: «Недовѣріе въ отношеніяхъ между Россіей и Австро-Венгріей должно на будущее время исчезнуть и между ними должно установиться полное соглашеніе въ интересахъ мира и культуры. Не легко было установить эти отношенія въ виду той безпрерывной, глухой борьбы о гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ, которая шла между обѣими державами. Эта борьба была устранена Скерневиц-

кимъ свиданіемъ, гдѣ совершилось разграничение сферъ вліянія обоихъ государствъ на томъ полуостровѣ... Честь осуществленія этого измѣненія въ отношеніяхъ двухъ державъ принадлежитъ по преимуществу г. Гирсу и графу Кальвоки».

Не станемъ оспаривать эту честь у г. Гирса; напротивъ, нисколько не затрудняемся признать всѣ его права на таковую, но не можемъ не вспомнить, что офиціозный органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, воспѣвая гимнъ Скерневицкому соглашенію, увѣрялъ, что оно основано лишь на сохраненіи существующаго *status quo*, а о «разграничениіи сферъ вліянія» упоминать еще не отваживался. Интересно было бы знать, не составлена ли ужъ въ Министерствѣ и географическая карта съ обозначеніемъ этого разграниченія? Въ такомъ случаѣ не должно бы, думаемъ, показаться и предосудительнымъ желаніе народовъ, судьбою которыхъ располагали въ Скерневицахъ, ознакомиться съ этой картой поближе, узнать: куда они попали, по сю или по ту сторону? гдѣ извивается предѣль австрійскаго вліянія, переступать за который Россія себѣ воспретила? какая именно изъ Славянскихъ странъ, съ согласія будто бы Россіи, обречена на онѣмеченіе и окатоличеніе,—на страданія и муки въ борьбѣ съ насильственнымъ или злоказненнымъ вытравленіемъ народности и народной религіи? Не можетъ же выраженіе: «разграничение» относиться только до тѣхъ двухъ Турскихъ провинцій, которая состоять ужъ не подъ «вліяніемъ», а подъ прямую, да еще весьма суровою, властію и управлениемъ Австріи. Вѣдь онѣ, если еще не юридически, то фактически, уже включены Австріею въ число ея имперскихъ земель благодаря русскимъ кровавымъ жертвамъ, русскимъ надъ Турціею побѣдамъ и съ тайного благословенія Берлинскаго конгресса? Очевидно, что дипломатическій терминъ: «вліяніе» не уместа, когда рѣчь идетъ о Босніи и Герцеговинѣ. Какая же еще затѣмъ «сфера» предоставлена Австріи на Балканскомъ полуостровѣ? И какая оставлена за нами? Трудно усмотрѣть нашу «сферу» въ королевствѣ Сербскомъ, напримѣръ, гдѣ правительственная политика всецѣло и безъ помѣхи съ русской стороны подчинена указаніямъ Вѣны. Не видимъ и слѣдовъ русского дипломатическаго дѣя-

ствія въ Македонії, гдѣ свирѣпствуєтъ содержимая на австрійскія деньги католическая пропаганда, гдѣ Австрійцы, съ одной стороны, помошью Грековъ и руками Турокъ казнить православное славянское населеніе за всякое стремленіе къ независимости или къ въвоединенію съ Болгаріей, а съ другой—благодѣтельствуютъ тѣмъ, кто отдается ихъ покровительству... Обратимся ли мы взоромъ къ Константинополю, то какъ ни напрягай зрѣніе—русской «сферы вліянія» тамъ теперь не отыщешь. Если бываетъ нужно иногда, въ русскихъ интересахъ, подѣйствовать на Порту, мы, какъ известно, занимаемъ вліянія, если не у Австріи, то у Германіи... Про Румынію съ ея Гогенцоллерномъ на престолѣ и говорить нечего... Черногорія? Но наши отношенія къ ней похожи, въ настоящее время, на отношенія платонической любви, такъ какъ она не только отъ насъ далеко, но съ суши и съ моря находится подъ австрійскою стражей, заперта, какъ въ тюрьмѣ, австрійскими блокгаузами и штыками...

Остается Болгарское княжество съ Румеліей, семь лѣтъ тому назадъ освобожденныя и призванныя къ политическому бытию Россіей, цѣною русской крови и неисчислимыхъ пощертвованій. Правда, они со всѣхъ сторонъ обложены «сферами» австрійско-германского вліянія; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, преимущество авторитета за Россіею официально еще не оспаривается и даже прямо соизволяется обѣими дружескими державами,— чтѣ у насъ чуть ли не почитается великою дипломатическою победою, или по крайней мѣрѣ такою уступкою со стороны сихъ державъ, которая заслуживаетъ великой признательности. Но и такое соизволеніе нисколько не избавляетъ Болгарію отъ вліянія контрабанднаго, отъ интригъ и козней изъ чужихъ сферъ; мы же, какъ вѣдомо всѣмъ, стражники плохіе, да и деликатные, особенно по отношенію къ друзьямъ и союзникамъ...

Нельзя не отмѣтить притомъ и великую разницу въ самомъ разумѣніи Россіей и Западною Европою вообще—этого новомоднаго дипломатического термина: отсюда и разница въ примѣненіи. «Сфера вліянія» по понятіямъ Запада, это—подчиненіе страны, хотя бы противъ ея воли и въ прямой ей ущербъ, исключительно интересамъ государства, включаю-

щаго ее въ свою сферу. Мы знаемъ, напримѣръ, что такое англійскія притязанія на «сферу вліянія» въ Афганістанѣ! Въ своихъ «сферахъ вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ Австро-Венгрия безцеремонно насиливъ волю населенія и самые завѣтные его интересы приносить въ жертву своимъ материальнымъ и политическимъ выгодамъ. Россія же, при всѣхъ своихъ роковыхъ, пагубныхъ ошибкахъ въ Болгаріи, всегда вполнѣ искренно принимала въ соображеніе благо самой страны, хотя нерѣдко понимала его совершенно ложно: ее можно обвинить, и вполнѣ справедливо, въ неумѣлости, недальновидности, подчасъ плачевной, въ недостаткѣ, подчасъ ужасающемъ, опредѣленной системы, ясной и твердой мысли, въ чемъ угодно, — но ужъ никакъ не въ эгоизмѣ и не въ корысти...

Очевидно, что при такихъ условіяхъ то «разграничение сферъ вліянія» въ предѣлахъ Православно-Славянского міра,— на которое будто бы достолюбезно и съ легкимъ сердцемъ согласилась наша дипломатія и о которомъ такъ возвеселилась духомъ Австрія,— въ сущности означаетъ для Россіи *ограниченіе* сферы *ея* вліянія; т. е. вліянія однороднаго, безкорыстнаго, призывающаго къ жизни и независимости — въ пользу вліянія нѣмецкаго и католическаго, поработительнаго и своеокорыстнаго. А такъ какъ Россія, даже и въ понятіяхъ нашихъ дипломатовъ, все же «въ иѣкоторомъ родѣ» государство славянское и православное, то подобное «разграничение», еслибы оно дѣйствительно было признано Россіей, имѣло бы для нея смыслъ самоотреченія, т. е. отреченія отъ свойствъ, атрибутовъ и обязанностей присущихъ *ея* исторической природѣ.

По разъ такая измѣна своему существу возможна? Всякое противоестественное направление въ развитіи организма, извѣнѣ насильственно на него налагаемое, производить болѣзнь, страданіе и въ концѣ концовъ его убиваетъ, или же, напротивъ, преподѣждаются живою тающеюся въ немъ силу, и организмъ, хотя бы временно, возвращаетъ себѣ свободу. Не то же ли самое видимъ мы и въ Россіи? Не отъ насилиованія ли ея природы какъ исторического народнаго организма происходятъ всѣ гнетущіе нась недуги? И какъ бы ни успѣвала порой антинациональная политика извратить

нашъ органическій строй, сдвинуть народъ съ его историческихъ путей и заставить покорно идти по измышенному ею новому маршруту,—нѣтъ-нѣтъ, да и оболжетъ ее история, къ великому, иногда и предосадному, сюрпризу Петербурга и его дипломатовъ. Послѣдніе, большою частью, и не подозрѣваютъ, что они врашаются въ кругъ русской истории; за то велико же бываетъ ихъ удивленіе и смущеніе, когда сила вещей заставляетъ ихъ подчасъ выступить въ роли служителей такъ часто осмѣянной ими «расейской народности» или «самобытности» и даже того самаго «мироваго призванія Россіи», воспѣтаго разными «славянофильскими» поэтами, которое ими отрицается и такъ претитъ ихъ европеизму! Но понятно, что такого рода недоразумѣнія между руководителями и руководимыми, между пекущимися объ организмѣ и самымъ организмомъ, при всей крѣпости послѣднаго, не обходятся ему даромъ. Чтѣ общаго, спрашиваемъ, между Петербургомъ какъ принципомъ, Петербургомъ съ махровыми цвѣтами его оранжерейной властующей интелигенціи—и народнымъ, напримѣръ, энтузіазмомъ, охватившимъ Россію изъ конца въ конецъ, въ 1877 году. когда не осталось бабы въ самой отдаленной глухи, которая при всей своей горькой бѣдности, какъ евангельская вдовица лепту, не снесла бы въ даръ яйца куриного или самодѣльного полотенца — на дѣло избавленія «православныхъ братій» (да, да, именно такъ, какъ ни издѣвайтесь!) отъ мусульманского ига? Въ какое комически-трудное положеніе поставило нашихъ представителей при иностранныхъ дворахъ такое неприличное для XIX вѣка поведеніе нашего народа! Не они ли такъ превозносились своимъ «просвѣщеннымъ космополитизмомъ», не они ли расточали увѣренія, что лично для нихъ, разумѣется, не существуетъ національностей, а только благоприличные люди (*des gens comme il faut*), но что и само русское правительство одушевлено лишь однимъ желаніемъ: «сопричислить Россію къ передовымъ европейскимъ націямъ», а потому, конечно, и интересы вѣроисповѣданія не могутъ быть движущимъ началомъ ея просвѣщенной политики,—и вдругъ: «какой пассажъ!» Поди считайся съ мужицкими симпатіями и укладывай ихъ въ дипломатическая рамки! Поди-гляди: совершается великий исторический

подвигъ братской любви и безкорыстія, встаетъ Россія и съ Царемъ во главѣ устремляется чрезъ рѣки и горы, ломить всѣ преграды, освобождаетъ изъ неволи новое православно-славянское племя на Балканскомъ полуостровѣ, утверждаетъ политическую независимость другихъ!... Какъ ни откращивались дипломаты и прочие петербургскіе высокопоставленные «Европейцы», а пришлось таки погрузиться въ самую тину «славянофильщины»! Но затѣмъ, вынырнувъ при первой возможности снова въ атмосферу, гдѣ имъ свободнѣе дышется, они и наградили Россію Берлинскимъ трактатомъ и вѣнчали ея побѣды преданіемъ Босніи и Герцеговины въ чужія руки...

Такое постоянное, отъ времени до времени, противорѣчіе официального направлѣнія виѣшней политики съ историческими фактами, съ естественнымъ ростомъ и развитіемъ русского государственного организма, создало нашей наивѣйшей и честнѣйшей въ мірѣ политикѣ репутацію «хитрой», «злоказненной», «вѣроломной», и вместо полнаго довѣрія, котораго такъ искренно домогаются наши дипломаты, внушило Западу, напротивъ, хроническое недовѣріе къ нимъ и хроническую боязнь Россіи. Именно на Западѣ, который въ цивилизаціи хозяинъ, а не рабъ, нигдѣ и не примѣчается ослабленія силы національного чувства, и ни одна «передовая культурная нація» не отказывается отъ своихъ національныхъ интересовъ,— именно тамъ лучше насы понимаютъ историческое значеніе, призваніе и выгоды Россіи и тотъ образъ дѣйствій, котораго слѣдовало бы ей держаться, а потому и затрудняются понять такое добросовѣстное неразумѣніе русскихъ національныхъ интересовъ русскими же политиками, такое добровольное ихъ отреченіе отъ русской исторической миссіи. Наши сосѣди, разумѣется, съ радостью приемлютъ отъ насъ дары дружбы, но и не довѣряютъ; охотно морочать насъ похвалами и сладкими изысканіями чувствъ, благо мы на этотъ товаръ падки, но, какъ очень умные и серіозные люди, принимаютъ заранѣе свои мѣры на случай нашего отрезвленія...

Кстати. Намъ передавали недавно слова одного русского дипломата, сказанныя еще наканунѣ Кремзицкаго свиданія, какъ бы въ утѣшеніе окружающимъ, что взаимныя-де отно-

шения Россіи и Австро-Венгриі совсѣмъ ужъ не такъ дурны какъ можетъ-быть кажется, и что есть полная надежда сдѣлать ихъ наилучшими... Это похоже вотъ на что: сосѣдъ у сосѣда запахаль половину поля, и хотя помѣхи въ томъ отъ хозяина поля никакой не встрѣтиль, но все же по неволѣ косится, хотя и старается прикрыть свое беспокойство пріятной улыбкой. А хозяинъ успокоится съ своей стороны: «сердится онъ на меня или не сердится? Слава Богу, кажется не очень, авось можно и совсѣмъ его ублажить!»... Запахавшій, конечно, поспѣшилъ снять эту заботу съ хозяина дружескою ласкою,— а на душѣ у него все же болячно.

И вѣдомо должно быть нашей дипломатіи, что она этой боязни съ души нашихъ сосѣдей не сниметъ никакою угодливостью, никакимъ великодушіемъ, никакою готовностью отъ имени Россіи: отречься себя самой! Россія не можетъ перестать быть Православно-Славянскимъ Государствомъ, единымъ великимъ и мощнымъ, она имъ была и прежде, когда русские дипломаты (какъ мольеровскій мужикъ не подозрѣвавшій, что онъ говорить прозвой) и не догадывались, что Русскіе—Славяне. Она теперь еще ярче выступаетъ въ мірѣ въ этомъ славянскомъ значеніи, когда, благодаря ей, пробудилось и окрѣпло въ Славянскихъ племенахъ сознаніе ихъ племенного единства и связи. Россія не можетъ и не должна упускать изъ виду, что ей приходится оправдывать и заставить признать самый фактъ ея существованія какъ Православно-Славянской державы, такъ какъ этотъ фактъ—въ чёмъ она совсѣмъ неповинна—поперекъ горла ея сосѣдямъ. Россія ничего чужаго не ищетъ, да сосѣди-то ея чужаго ищутъ. У нея нѣтъ ни малѣйшей вражды ни къ Западной Европѣ вообще, ни къ Нѣмцамъ въ особенности; совершенно напротивъ. Объединеніе Германіи, напримѣръ, какъ отвѣчающее національнымъ стремленіямъ самихъ Нѣмцевъ, было встрѣчено въ Россіи даже съ полнымъ сочувствиемъ. Но когда Нѣмцы, не довольствуясь своими предѣлами, ломятся въ наши предѣлы, захватываютъ наши окраины, они должны встрѣтить отпоръ и пусть сами на себя пеняютъ, коли этотъ отпоръ покажется имъ обиденъ. Но когда германскій канцлеръ, измѣнивъ прежней политикѣ, объявляетъ всѣ интересы Германіи солидарными со всѣми австрійскими притязаніями

на Славянъ Балканского полуострова, онъ тѣмъ самымъ ставить прежнія отношенія Россіи къ Германіи на зыбкую, ненадежную почву. Но когда Австрія захватываетъ неправдой Боснию и Герцеговину, стремится къ дальнѣйшему насильственному распространенію своего преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ, когда она въ своихъ предѣлахъ воздвигаетъ гоненіе на православіе и народность своихъ русскихъ и иныхъ славянскихъ подданныхъ,—не виновата же Россія въ томъ, что ея, даже совсѣмъ мирное, сосѣдство представляетъ для Австріи неудобства! Австрія знаетъ, что Россія не то, чѣмъ хотеть казаться или за что хотѣли бы ее выдать русскіе дипломаты. Какъ бы ни клялись и ни божились послѣдніе въ полномъ согласіи Россіи на расширение австрійскихъ сферъ вліянія въ Православно-Славянскомъ мірѣ, одинъ, скажемъ снова, фактъ существованія такой громадной православно-славянской силы какова Россія—будетъ вѣчно отравлять покой Австрійской державы, вѣчно колебать прочность ея обладанія. Какъ ни отрекайся русская политика отъ Славянъ, какъ ни смирайся, ни принижайся наша держава, славянское самосознаніе (и не у однихъ православныхъ) живеть, движется, растетъ о Россіи, о ней одной, и всѣ угнетенные Славянскія племена съ вѣщай простотой братскаго чувства къ ней устремляютъ взоры, въ ея бытіи черпаютъ силы для долготерпѣнія и упованія. Не виновата же, повторяемъ, въ томъ Россія, или вѣрнѣе сказать, она предъ Австріей безъ вины виновата, также какъ предъ Англичанами—за то, что ихъ Индузы ненавидятъ! Но предъ кѣмъ виновата Россія, это—предъ Славянами и предъ собой. Рано или поздно антагонизмъ обоихъ государствъ, въ основѣ котораго лежитъ различие интересовъ не однихъ материальныхъ, но по преимуществу духовно-историческихъ, выразится въ открытомъ столкновеніи... А потому едва ли благоразумна та политика, которая въ дерзкомъ самообольщеніи предполагаетъ возможнымъ видоизмѣнить роковой ходъ исторіи и заранѣе всячески увеличиваетъ для себя самой трудность рѣшенія будущей исторической задачи, обрекая тѣмъ самымъ родную страну на страшныя *лишнія жертвы*...

Кремзирское торжество свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Австрія въ высшей степени довольна положеніемъ соз-

даннымъ ей Скерневицкимъ свиданіемъ, что она нуждается въ сохраненіи мира еще болѣе чѣмъ Россія и ничего такъ не желаетъ какъ мира. Однимъ словомъ, теперь пока у Россіи съ Австріей миръ,—ну и слава Богу!.. Что Австрія времени терять даромъ не станетъ, поспѣшить и съумѣть воспользоваться настоящимъ перемириемъ въ своихъ интересахъ, это уже конечно не подлежитъ и сомнѣнію: говоримъ это въ видѣ безпристрастной похвалы, а не упрека. Воспользуемся ли мы,—это вопросъ...

А положеніе Славянскаго, особенно Православнаго міра, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, и въ прочихъ Славянскихъ странахъ—самое безотрадное. И положеніе это не исправится, пока въ самой Россіи будутъ двѣ Россіи—офиціальная и историческая народная: *Славянскій* вопросъ весь сводится къ нашему внутреннему *Русскому* вопросу, весь *въ немъ* заключается и разрѣшится *только вмѣсть съ нимъ*. Но о состояніи славянскихъ дѣлъ въ частности, о нашемъ въ немъ съ одной стороны безучастіи или, съ другой, неуклюжемъ и порой вредотворномъ участіи, не только офиціальномъ, но и общественномъ, поговоримъ особо, въ другой разъ.

Москва, 14 сентября.

Треснулъ Берлинскій трактатъ! Ломится!... Рухнетъ ли онъ совсѣмъ или же пробитою въ немъ брешью воспользуются другіе, а со стороны Россіи его вновь подопрутъ разными подставами и контрфорсами? Не вѣрится. Какъ ни невысоко цѣнили мы до сихъ поръ искусство русской дипломатіи, но думается, хотѣлось бы думать и признать во всеуслышаніе, что мы въ своей оцѣнкѣ не правы, что разъ не правы, что совершившіяся на дняхъ событія не только не застали русскую дипломатію врасплохъ, но подготовлялись мудро и дальновидно именно ею, неуклонно стремившейся къ одной цѣли: снять съ Россіи позоръ и узы Берлинскаго договора!...

Какъ громъ изъ яснаго неба ошеломили европейскую публику телеграммы изъ Филиппополя и Софіи: 6 сентября про-

изошла въ Филиппополѣ безкровная революція; народъ окружилъ дворецъ генераль-губернатора, Гавріила-Іаши, т. е. Крестовича, и провозгласилъ соединеніе Восточной Румеліи съ Болгарскимъ Княжествомъ; румелійская милиція, за исключениемъ начальника ея, онъвмеченаго Поляка Дрыгалскаго, вся, отъ офицеровъ (изъ коихъ одна треть—руssкіе, затѣмъ, кромѣ Болгаръ, Англичане и другихъ національностей) до послѣдняго рядового, присягнула на вѣрность князю Болгарскому; Крестовичъ арестованъ; учреждено временное управление, пославшее приглашеніе къ князю Александру, который на другой же день, издавъ указъ о мобилизаціи арміи и манифестъ о томъ, что онъ признаетъ «възсоединеніе» совершившимся фактомъ и принимаетъ титулъ князя обѣихъ Болгарій, Сѣверной и Южной, отправился въ Филиппополь... Болгарія ликуетъ! Таковы были первыя телеграммы.

Никогда государственный переворотъ не совершался такъ мирно и просто, — именно потому, что ничего нѣть проще и естественнѣе связи Румеліи и Болгаріи,—а непросто было, насилиственно и искусственно, ихъ разъединеніе, придуманное близорукою злобою пресловутаго политика лорда Беконсфильда и узаконенное Берлинскимъ конгрессомъ. Въ этомъ узаконеніи лежалъ залогъ постоянной смуты, и по свидѣтельству всѣхъ русскихъ, перебывавшихъ тамъ на службѣ дипломатовъ, произвести възсоединеніе можно было всегда, во всякое время, какъ самое легкое дѣло. Противодѣйствія перевороту могли быть только со стороны, извнѣ, но не изнутри Княжества или за-Балканской Болгаріи; при отсутствіи же внѣшняго противодѣйствія переворотъ не трудно было совершить даже однимъ «провозглашеніемъ». Нельзя впрочемъ отрицать, что пройди десятка два лѣтъ, подобный переворотъ могъ бы встрѣтить, если не положительныя преграды, то все же нѣкоторыя затрудненія, которыхъ теперь не успѣли еще образоваться. Княжество и Восточная Румелія управляются разными конституціями (о чёмъ прежде всего и позаботились европейскіе опекуны Балканского полуострова), и надо сознаться, что «Органическій уставъ» Румеліи, составленный сообща делегатами шести европейскихъ державъ, несравненно превосходнѣе конституціи, сочиненной первоначально для Княжества въ Петербургѣ и потомъ «усо-

вершенствованной» мнимо-народными Собраниями на мѣстѣ. У Румеліи и Княжества разныя системы школъ, разныя судебные учрежденія; общій же уровень цивилизациі, благосостоянія и промышленности въ Румеліи выше,—и какъ ни недовольны были Румеліоты своимъ генераль-губернаторомъ Крестовичемъ (хотя и Болгариномъ, но возросшимъ на турецкой службѣ и въ ея преданіяхъ), дѣла въ этой провинціи шли положительно лучше чѣмъ въ Княжествѣ. Такимъ образомъ, причины переворота лежатъ вовсе не въ худомъ управлении Румеліей, какъ увѣряетъ, напримѣръ, газета *Новости*: легкость, съ какою онъ осуществленъ, объясняется прежде всего естественнымъ таготѣнiemъ другъ къ другу разрозненныхъ частей не только одного народа, но и одного политического организма. Ибо, нѣть сомнѣнія, национально-политическое самосознаніе уже пробудилось въ Болгарскомъ народѣ, и самый образъ «цѣлокупной Болгаріи» воздвигнутъ былъ предъ нимъ самою же Россіей, ея Санъ-Степанскимъ договоромъ съ Турцией. Тѣмъ не менѣе, великое счастье для Болгаріи, что это возсоединеніе не отложено на дальний многолѣтній срокъ, когда уже успѣли бы сложиться въ обѣихъ ея частяхъ своеобразныя, розныя привычки и преданія; что оно совершено именно теперь, пока произведеній въ 1878 году разрѣзъ еще сочится кровью...

Но онъ сочился и полгода и годъ тому назадъ, и однажды переворота произведено не было. Если, какъ мы сказали выше, перевороту не было и не могло быть противодѣйствія *изнутри*, то политическое международное положеніе не только Румеліи, но и Княжества, особенно Княжества, таково, что всякое малѣйшее противодѣйствіе *извѣнно* ощущается тамъ съ особенною живостью. Какимъ же образомъ произведенъ этотъ переворотъ? Устранилось развѣ таготѣвшее доселѣ противодѣйствіе и обратилось даже въ прямое, хотя и тайное *содѣйство*? или же князь Александръ совершилъ его самовольно, вовсе не заручась заранѣе согласіемъ Россіи и ея союзниковъ?

Мнѣнія и догадки на этотъ счетъ до сихъ поръ различны. Дозволительно пока допустить и то, и другое. Если къ чести нашей дипломатіи принять за основаніе, что она никакимъ образомъ не могла дать себя провести тѣкъ грубо

и нагло, то возможно, пожалуй, построить следующее предположение объ ея дипломатическомъ планѣ и о ходѣ событій.

Державы подписавшія Берлинскій трактатъ и почему-либо нуждающіяся въ его нарушеніи не могутъ, конечно, безъ особенного, основательнаго повода нарушить его сами, не испросивъ согласія прочихъ участниковъ. Есть извѣстное *decorum*, которое онъ обязаны соблюдать ради приличія, въ видѣ дани той фикціи, которая называется «международнымъ правомъ». Эта фикція имѣеть свой *raison d'être* несмотря на то, что вѣчно разбивается въ дребезги о право «совершившихся фактовъ», а затѣмъ снова воссоздается для ихъ узаконенія и уже на ихъ основахъ. Въ интересахъ европейскаго мира, а также Австріи, Германіи и Россіи, нѣкоторое видоизмѣненіе Берлинскаго трактата представлялось очевидно необходимымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ залога ни для мирнаго развитія самого Балканскаго населенія, ни для установленія вполнѣ искреннихъ мирныхъ отношеній между тремя великими континентальными державами. Въ Берлинѣ желаютъ отвлечь австро-венгерскую политическую потенцію отъ Германіи за Дунай, на Балканскій полуостровъ, къ Славянскимъ землямъ, гдѣ Австрія явилась бы пionеромъ германизма и западно-европейской культуры; Австрія съ своей стороны раздѣляетъ, въ извѣстной степени, такое желаніе, чтѣ доказывается, между прочимъ, и захватомъ, подъ видомъ оккупациіи (опять дань фикціи международного права, хотя и въ грубой, чурбанной формѣ!) двухъ наиболѣшыхъ сосѣднихъ съ нею турецкихъ провинцій. Выти изъ этого фальшиваго положенія, переиначить «занятіе» въ «присвоеніе», оккупацио въ аннексію—составляетъ для нея насущнѣйшую потребность. Но для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ политическихъ плановъ обѣ державы вынуждены считаться съ Россіею, которая не можетъ же допустить расторженія своихъ, по истинѣ *кровныхъ* связей съ Славянскими племенами Балканскаго полуострова, ею же самою, цѣною столькихъ кровопролитныхъ войнъ, призванныхъ къ жизни, къ самосознанію, большою частью даже къ политическому бытку! Не можетъ же Россія дозволить вытѣснить свое вліяніе, свой авторитетъ, свою власть, хотя бы только нравственную, изъ этого Православно-Славянскаго

міра. Не можетъ, наконецъ, Россія и продолжать терпѣть такое позорное для великаго государства положеніе, при которомъ мирное обладаніе ею Черноморскимъ побережьемъ всегда состоить въ зависимости отъ прихоти Турецкаго Падишаха, да и будетъ состоять, пока ключъ отъ ея собственной двери будетъ находиться не у нея въ рукахъ, а въ чужихъ! Недавнее столкновеніе съ Англіей вновь дало чувствовать уязвимость этого пункта нашей границы: великой, мощной державѣ Русской пришлось прибѣгать къ заступничеству Германіи и Австріи—ради сохраненія нейтралитета проливовъ. По словамъ берлинскаго корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», Россія-де сама предлагала упомянутымъ державамъ поставить свои корабли у входа въ Дарданеллы, въ видѣ протеста или *veto* Англичанамъ.... Весьма естественно поэтому предположить, что при такомъ положеніи дѣла задача упомянутыхъ трехъ державъ состояла уже въ томъ, какъ бы сообща, при взаимномъ соглашеніи, нарушить Берлинскій договоръ—его не нарушая, т. е. ввести въ него нѣкоторыя измѣненія соответственно потребностямъ настоящей минуты для каждой изъ нихъ, но такъ, чтобы это не имѣло вида нарушенія, а могло бы еще быть снабжено обычнымъ причитаніемъ о святости международныхъ трактатовъ... Изъ источниковъ, довольно на нашъ взглядъ достовѣрныхъ, известно, что въ Скерневицахъ, при составленіи соглашенія на основахъ *status quo*, положено заранѣе: признать анексію Австріей Босніи и Герцеговины, равно и присоединеніе Румеліи къ Болгарскому Княжеству—фактами не нарушающими *status quo* (тогда какъ введеніе, напримѣръ, австрійскихъ войскъ въ Сербію было бы уже его нарушениемъ). По этому поводу въ «Руси» тогда же было указано, что при окончательномъ отмежеваніи къ Австрійской имперіи Босніи и Герцеговины, воссоединеніе обѣихъ частей Болгаріи не можетъ почитаться равновѣснымъ удовлетворенiemъ интересовъ Россіи, особенно послѣ того, какъ русская печальная политика 1878 г. отняла у Россіи возможность свободного сухопутнаго сообщенія съ Болгаріей, отдавъ Добруджу Румыніи... Послѣдовавшее свиданіе въ Кремзирѣ было, даже по официальнымъ возвѣщеніямъ, лишь подтвержденіемъ основъ согласія, состоявшагося въ Скернис-

вицахъ. Опять-таки естественно предположить, что для осуществлениі наконецъ затѣянной перекройки Берлинского трактата,—къ которой приступить безъ благовиднаго предлога было для державъ неудобно,—понадобится какой-нибудь «совершившійся фактъ». Таковымъ фактомъ и могло быть предназначено явиться «възаединенію Болгаріи»—посредствомъ внутренняго, чуждаго якобы вмѣшательству какої-либо изъ трехъ державъ, вполнѣ самостоятельного переворота въ самой Болгаріи...

Надо же было въ самомъ дѣлѣ такъ случиться, что этотъ переворотъ совершился *при отсутствіи* въ Румеліи и Княжествѣ всѣхъ представителей русской власти, по крайней мѣрѣ полномочныхъ или перворазрядныхъ! Русскій дипломатическій агентъ въ Княжествѣ, г. Коандерь, послѣ пятичасового свиданія князя Александра Болгарскаго съ г. Гирсомъ въ Франценбадѣ, былъ вызванъ послѣднимъ въ Меранъ, куда отправился и нашъ министръ. Г. Сорокинъ, генеральный консулъ въ Филиппополѣ, въ самый день переворота, мирно бесѣдовалъ о дѣлахъ болгарскихъ съ редакторомъ «Руси» въ Москвѣ, ничего ровно не зналъ и не ожидалъ: онъ былъ въ отпуску и на другой день собирался пуститься въ обратный путь къ своему посту. Отъ него же мы узнали, что русскій военный министръ въ Болгарскомъ Княжествѣ, князь Кантакузенъ, просился въ отпускъ и таковой ему разрѣшенъ: если онъ имѣлъ воспользовался, то какъ какъ разъ наканунѣ или за нѣсколько дней до переворота, т. е. до мобилизаціи вѣрѣнной его попеченію болгарской арміи!. Такимъ образомъ, при отсутствіи таковыхъ русскихъ представителей, нѣть видимаго основанія обвинить самое Россію въ совершенніи переворота, если бы даже послѣдній произошелъ и съ ея приглашеніемъ, или даже только соизволеніемъ или вѣдома. Ну, а затѣмъ что? Какъ условились державы (предполагая, что такое условливаніе происходило) поступить въ виду «внезапнаго» яко бы вторженія въ *status quo* подобнаго «совершившагося факта»? Да вѣроятно такъ, что въ случаѣ, если Порта, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, вознамѣрится подавить переворотъ вооруженною силою,—произвести на нее дружное давленіе трехъ державъ и такимъ образомъ пріостановить ея

иорывы; а затѣмъ созвался бы новый конгрессъ для переговоры; и новое расчлененіе Турціи съ передачею, пожалуй, Россіи и ключа отъ ея дверей. (Мы опять-таки предполагаемъ, что въ сознаніи русской дипломатіи такая передача есть условіе sine qua non дальнѣйшаго политического существованія Россіи въ мірѣ, безъ чего и возсоединеніе Болгаріи было бы едвали желательно, какъ мало полезное для ней самой). Или же могло бы случиться и такъ, что движеніе турецкихъ войскъ въ Румелію и восстанія въ прочихъ частяхъ Балканскаго полуострова (чего во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать) приняты были бы за достаточный поводъ для двухъ сосѣднихъ державъ двинуть и свои войска на полуостровъ, причемъ Россія немедленно занала бы ворота Босфора и расположилась бы гдѣ-нибудь, пониже Буюкъ-Дере къ Чёрному морю, на обоихъ берегахъ, азіатскомъ и европейскомъ. Вопросъ тогда, для нась, заключался бы лишь въ томъ: удавольствовалась ли бы Австрія формальнымъ присоединеніемъ двухъ провинцій, которыми она и теперь фактически безспорно владѣетъ, или же потребовала бы себѣ еще большаго вознагражденія, напримѣръ Солуни?.. Во всякомъ случаѣ весь этотъ переполохъ узаконился бы новымъ трактатомъ, къ которому волей-неволей приступили бы и Англія, и Франція, и Италія... Достойно замѣчанія, что тогчасъ послѣ Кремзира императоръ Францъ-Іосифъ отправился къ границѣ Босніи, гдѣ принималъ депутацію отъ жителей Босніи и Герцеговины, а потомъ и самъ ступилъ на боснійскую почву, и что упомянутая депутація, въ заранѣе составленной и процензурованной австрійскимъ начальствомъ рѣчи,увѣряла его въ спрятанной преданности, величала *своимъ Императоромъ и Королемъ*.

Таковъ приблизительно, казалось бы намъ, могъ быть планъ дѣйствій, выработанный совмѣстными стараніями дипломатіи трехъ союзныхъ континентальныхъ державъ. Можетъ-быть онъ слишкомъ искусственъ, сложенъ, слишкомъ непрамодушенъ; но онъ имѣеть уже то достоинство, что при приведеніи его въ исполненіе кабинеты оставались бы господами событий, хозяевами положенія, знали бы каждый—чего хотѣть и какъ дѣйствовать. Послѣднему, впрочемъ, учиться не

только Германию, но и Австро-Венгрии нечего,—онъ этимъ знаніемъ обладаютъ, при всякой случайности, лучше Россіи такого рода отчетливое соглашеніе въ образѣ дѣйствий нужно было бы, пуще всего, для руководителей именно русской политики.

Но что если—стыдно подумать! — весь этотъ переворотъ въ Болгаріи, — которая всею Европою безспорно признана «сферою русского вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ,— былъ для настъ нечаянностью? если это възаединеніе обѣихъ частей Болгаріи, котораго мы домогались въ 1878 году, которое выговорили себѣ и въ Скэрневицахъ, котораго хозяевами и распорядителями должны бы быть мы, никто какъ мы,— если все это великое міровое событіе произошло помимо настъ, сюрпризомъ для настъ, вопреки нашей волѣ и соображеніямъ?! Сильно меркнетъ величіе Трех-Державного союза и Кремзирскаго съѣзда (закончившагося такими гимнами въ честь европейскаго мира и устраненія вскихъ признаковъ пробужденія грознаго «Восточнаго вопроса»!), если румелійскій переворотъ засталъ кабинеты врасплохъ, и вся ихъ политика сбита съ колеи самовольною политикою Болгарскаго, еще вассального Турціи, князя? Какую цѣну тогда дать русскому вліянію въ той сферѣ, которая ему безусловно отмежевана, где и войско организовано Россіею и какъ бы составляетъ часть самой русской арміи, где (именно въ Болгарскомъ Княжествѣ) и ротные командиры всѣ — русские офицеры, где и до сихъ поръ держитъ Россія своего военнаго министра? Чего стоятъ тогда всѣ эти русскіе дипломатические агенты и консулы?! И если отсутствие ихъ изъ Болгаріи и Румеліи въ настоящую минуту — простая случайность, то плохо же было взвѣшено и понято русской дипломатіей значеніе настоящей минуты, и это — вслѣдъ за пятичасовою бесѣдою съ г. Гирсономъ виновника переворота, князя Александра!

Нѣкоторыя русскія газеты, въ томъ числѣ «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ», приписываютъ этотъ переворотъ личному, дерзакому почину самого Болгарскаго князя, съ цѣлью улучшенія и упроченія своего собственного положенія, не только безъ спроса Россіи, но какъ бы наперекоръ ея планамъ. Вполнѣ возможно и это. Слѣдуетъ вспомнить только

настоящее состояніе Княжества, общій ходъ его дѣль, длинный, длинный рядъ русскихъ крупнѣйшихъ ошибокъ, личные свойства князя и его настоящихъ болгарскихъ сподручниковъ. Начать съ того, что мы сами навязали Болгарамъ самую безобразнѣйшую, радикальнѣйшую конституцію въ мірѣ, при неограниченѣйшей свободѣ печати, и это въ странѣ не только не просвѣщенной, но чуждой даже и зачатковъ той общественной дисциплины, въ духѣ которой воспитывается народы лишь долголѣтнее государственное существованіе. Самы же мы навязали Болгаріи въ князя поручика прусской службы, нѣмецкаго принца, въ томъ предположеніи, что какъ родственникъ русскому Царскому дому онъ будетъ действовать въ интересахъ не Запада, а Востока, или иначе Россіи, интересы которой тождественны съ интересами всего православнаго Славянства. Эта неопытный, неприготовленный, крайне молодой человѣкъ, не лишенный впрочемъ дарованій и смѣлости, притомъ и честолюбивый, съ первого же дня былъ поставленъ въ самое фальшивое положеніе. Да и не легкая далась ему задача: совершить и управить переходъ народа, изъ-подъ пятивѣковой развращающей азиатской неволи въ политическое бытіе не только по новѣйшему современному образцу цивилизованнѣйшихъ европейскихъ націй, но и на основахъ такой конституціонной свободы, какой не представляется ни одна культурная страна въ мірѣ — переходъ изъ рабства въ «правовую разнуданность»: такъ должна быть окрещена дарованная нами Болгарамъ конституція! Но добро бы несчастному князю приходилось имѣть дѣло только съ народными массами: сельскій и вообще простой народъ въ Болгаріи еще не заразился растѣвающимъ вліяніемъ конституціонного режима и вкусомъ къ политиканству; онъ питаетъ въ душѣ своей чувство иезмѣнной благодарности Россіи; онъ чуетъ своимъ вѣщимъ историческимъ инстинктомъ, что она, никто какъ она, призвана стоять во главѣ историческихъ судебъ Славянского міра, и влечется къ тѣсному съ ней союзу; онъ чтитъ въ своемъ князѣ ставленника и родственника Царя-Освободителя. Иное дѣло «интеллигенція». Достаточно сказать, что, за немногими прекрасными и доблестными исключеніями, она (съ примѣсью лишь большей дикости) есть не болѣе какъ грубая копія съ нашей же

русской «интелигенциі», той, которая порождена была у насть общественнымъ воспитаніемъ въ 60 и 70-хъ годахъ, которая дала Россіи нигилистовъ, анархистовъ и динамитчиковъ, которая возrostила въ себѣ, передала и учившимся въ Россіи Болгарамъ—тотъ же духъ отчужденія отъ общихъ наимъ со Славянами народныхъ духовныхъ основъ, тотъ же духъ отрицательного отношенія къ Россіи, къ ея историческому прошлому и политическому коренному принципу, всегда живо ими толкуемому и понятому, тотъ же духъ поклоненія «послѣднимъ словамъ» западной науки и жизни, и всѣмъ новѣйшимъ радикальнымъ доктринаамъ! Неудивительно поэтому, что Болгарія тотчасъ же, на зарѣ своихъ дней, обзавелась партіями: и либеральною, и консервативною и радикальною (Европа какъ есть!), тотчасъ стала «эмансипировать» государство отъ церкви и щеголять религіознымъ индифферентизмомъ, чтобы не сказать хуже; тотчасъ же игра въ политику, захватъ мѣстъ на государственный службѣ съ громаднымъ жалованьемъ (благо, своя рука владыка!), подкопы и подвохи другъ подъ друга, личные интересы властолюбія и корыстолюбія подъ видомъ общественныхъ — поглотили всю публичную жизнь образующагося государства. Неудивительно также, а вполнѣ естественно, что въ числѣ болгарскихъ «интеллигентовъ», нѣрѣдко выступающихъ на политическую сцену въ качествѣ министровъ и «премьеровъ», были, да и теперь имѣются въ довольноомъ числѣ, люди ненавидащіе, презирающіе и ругающіе Россію, которой всѣмъ обязаны и въ которой воспитывались. Да, несомнѣнно: не въ Болгарскомъ здравомыслии народъ, но въ отчужденіи отъ народа болгарской интелигенциі, составляющей, въ силу разныхъ подыхъ конституціонныхъ уловокъ, властный надъ народомъ слой и его фальшивое представительство, имѣются враждебные Россіи элементы, родственные впрочемъ россійской радикальной интелигенціі. Понятно, что они постоянно негодуютъ на русскую правительственную опеку, вмѣстѣ съ Болгарами—воспитанниками германскихъ, французскихъ, англійскихъ школъ: эти послѣдние ужъ и совсѣмъ почитаютъ себя «Европейцами». Всѣ эти элементы, при «правовой» лжи водворенной въ страну въ видѣ конституції, не могли и не могутъ не оказывать воздѣйствія на общий

ходъ управлениі, какъ въ Княжествѣ, такъ отчасти и въ Румеліи.

Русскимъ руководителямъ или дипломатическимъ агентамъ приходилось исполнять трудную, почти неразрѣшимую задачу: считаться и съ конституціоннымъ уродливымъ режимомъ, разноздавшимъ всѣ скверные элементы, вызвавшимъ на *легальной* почвѣ тучу козней и интригъ, и съ щекотливымъ самолюбіемъ князя, который рвался вонъ изъ *опеки*, подстрекаемый тайными съѣтами какъ иностранныхъ агентовъ, такъ и болгарскихъ карьеристовъ. Впрочемъ разсказывать теперь всѣ фазы этого управлениія мы не станемъ. Замѣтимъ только, что съ 6 сентября 1883 г., послѣ своего рода соур *d'état*, которымъ князь самымъ коварнымъ и притомъ безцеремоннымъ образомъ «спустилъ» двухъ русскихъ министровъ, назначенія коихъ самъ испросилъ у Русскаго Государа, и послѣ нѣкоторыхъ дерзкихъ его публичныхъ выходокъ противъ русской власти (если отчасти и вызванныхъ неловкостью нашихъ собственныхъ дѣйствій, то тѣмъ не менѣе, однако же, непростительныхъ), князь навлекъ на себя открытое и вполнѣ заслуженное неудовольствие Россіи. Отношенія къ нему русскаго правительства пребывали до послѣдняго времени болѣе чѣмъ холодными. Въ то же время стали носиться, конечно непріятные для князя, слухи—будто Россія прочитъ на его мѣсто Датскаго принца!.. Нельзя не признать, что именно въ послѣднюю пору положеніе его стало дѣйствительно трудновыносимымъ, даже и не для такого молодаго и самолюбиваго человѣка, каковъ князь Александръ. Русское правительство само его возвело на престолъ, само призвало народъ къ вѣрноподанническому повиновенію, и потомъ само же, образомъ своихъ дѣйствій и своими къ нему отношеніями, стало расшатывать его авторитетъ, подрывать довѣріе къ своему же ставленнику въ Болгарскомъ народѣ! Именемъ Россіи онъ властуетъ,—и Россія, сохранивъ его во власти, въ то же время компрометируетъ силу и достоинство созданной ею власти... Какъ известно, съ г. Кондеромъ, нашимъ дипломатическимъ агентомъ (у котораго, кромѣ того, мѣсяца полтора или два назадъ, произошла рѣзкая размолвка съ президентомъ совѣта Каравеловымъ), равно и съ русскимъ военнымъ министромъ княземъ

Кантакузеномъ, князь Александръ, также до самыхъ послѣднихъ дней, плохо ладилъ, и оба (агентъ и министръ) просили свои начальства объ отзваніи. Между тѣмъ, въ виду Кремзирскаго съѣзда, князь отправился за границу съ тѣмъ, какъ намъ писали, чтобы окольными путами и ходатайствами постараться возвратить себѣ милостивое расположение Русскаго Монарха. Не знаемъ ничего о результатѣ княжескихъ попытокъ, но знаемъ, что онъ видѣлся и продолжительно бѣсѣдовалъ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; по возвращеніи же въ Княжество и тотчасъ по отъѣздѣ Коннадера, вызванного г. Гирсомъ — совершился извѣстный переворотъ! Нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершилъ искусно и смѣло, и что главнымъ пособникомъ его былъ президентъ совѣта министровъ, по натурѣ взбалмошный агитаторъ, доктринеръ, — впрочемъ не казнокрадъ (охотно отдаемъ ему въ этомъ справедливость), — русскій воспитанникъ Каравеловъ. Онъ долго живалъ въ Румеліи, куда бѣжалъ изъ Софіи въ 1882 г. (когда княземъ, при помощи русскаго генерала Эрнрота, тоже произведенъ былъ переворотъ (первый) съ временнымъ упраздненіемъ конституції), и гдѣ, въ издаваемой имъ газетѣ, онъ дико неистовствовалъ противъ Россіи и князя, приглашая его «возвратиться въ свою Баттенбергію»! Онъ и теперь субсидируетъ тамъ нѣсколько газетъ и имѣть много приверженцевъ. Если предположить, что исходъ разговоровъ съ русскимъ министромъ былъ для князя не совсѣмъ благопріятенъ, или что до него дошло мнѣніе, которое имѣть и прежде удавалось слышать отъ лицъ нѣсколько приосновенныхъ къ дипломатической сферѣ, что возсоединеніе Румеліи съ Болгаріей могло бы представить для Россіи наиудѣбнѣйшій поводъ какъ для пересмотра конституціи Княжества (ибо она должна быть общая, а теперь ихъ двѣ), такъ и для смѣни или переизбрания князя, какъ Государа «цѣлокупной» Болгаріи, — если все это принять въ разсчетъ, то образъ дѣйствій князя Александра можетъ быть объясненъ безъ особаго затрудненія. Онъ рѣшился на удалую, отчаянную ставку, на «панъ или пропалъ», причемъ, въ крайнемъ случаѣ, не рискуетъничѣмъ кромѣ престола, который и занимать, при прежнихъ условіяхъ, не слишкомъ-то для него радостно. Между тѣмъ, это удалая рѣшимость, выразившаяся въ по-

слѣдствіемъ переворота, способна снискать ему сочувствіе народныхъ массъ, которыхъ къ тому же вполнѣ убѣждены (и разубѣдить ихъ было бы трудно), что князь дѣйствовалъ не иначе, какъ по тайной инструкціи самой Россіи!

Повторяемъ: мы строимъ только предположенія, излагаемъ только догадки. Намъ лично не хотѣлось бы допустить мысли, что Россію могли обойти, обмануть въ Болгаріи, что поставленный нами князь, пользуясь въ глазахъ народа авторитетомъ своего родства и связи съ русскою верховною властью, позволилъ себѣ противопоставлять политику русского кабинета свою политику искателя приключений. Допуская такую мысль, мы вѣдь, такъ-сказать, подписали бы приговоръ о совершенной негодности нашихъ дипломатическихъ агентовъ и вообще — о печальнѣшемъ состояніи русского дипломатического искусства и прозорливости...

Но такъ или иначе — предъ нами совершившійся фактъ величайшей важности, послѣдствія котораго неисчислимы. Ни Македонія, ни Сербія не останутся сложа руки, да и нѣтъ основанія для Сербскаго королевства, напримѣръ, не по желать и не поискать присоединенія къ себѣ такъ-называемой Старой Сербіи. Восточный вопросъ вновь на исторической аренѣ и требуетъ вновь разрешенія!

Было бы несообразно съ достоинствомъ Россіи противиться возсоединенію Румеліи съ Болгаріей потому только, что оно совершилось не въ тотъ часъ и не тѣмъ способомъ, какъ бы желала Россія. Возсоединеніе (котораго Россія всегда тамъ домогалась, которое теперь мы лично отъ всего сердца и горячо привѣтствуемъ) должно быть и признано и поддержано русскимъ правительствомъ — даже въ случаѣ вооруженного сопротивленія Турціи; при этомъ личная судьба князя Александра насть мало интересуетъ. Вѣроятно также, что совершившійся фактъ будетъ признанъ и всѣми державами-участницами Берлинскаго трактата, уже ради того, чтобы не дать разгорѣться Восточному вопросу. Но едвали удастся затушить, въ самомъ начальѣ, вспыхнувшее пламя!... Мы склонны думать, что все это совершается не безъ англійской интриги, не потому только, что домъ Баттенберговъ пользуется теперь особенною милостью Великобританскаго двора, но и потому, что въ расчеты англійской политики, по

поводу конфликта съ Россіей на англо-афганской границѣ, входило, какъ известно,—вѣроятно входить и теперь,—вызвать снова на сцену Восточный вопросъ, отвлечь вниманіе Россіи отъ Индіи и подъ какимъ-либо предлогомъ встануть Россію въ большую европейскую войну или хоть большія хлопоты.

Возстановлять *status quo ante* было бы и неразумно, и невозможно,—это значило бы передать дѣло изъ своихъ рукъ въ чужія. А оно должно быть взято въ *наши* руки, и взято крѣпко. Россія не можетъ допустить, чтобы Балканскій полуостровъ, тѣснѣмый съ Запада экономическимъ, вѣроисповѣднымъ и культурнымъ нашествіемъ Австріи, волнуемый внутри всѣческими враждебными Россіи (а стало-быть и истинными интересами самихъ Славянскихъ народовъ) элементами, ускользнулъ такъ-сказать совсѣмъ изъ сферы ея вліянія! Чтобы взять крѣпко дѣло въ руки, Россія должна занять крѣпкую стратегическую позицію на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, и именно на Босфорѣ,—позицію, которая бы тотчасъ дала ей на полуостровѣ господствующее положеніе. Да и не откладывать этого дѣла—иначе будетъ уже поздно! Иначе и «вовоединеніе», и всякия иные измѣненія Берлинского трактата—станутъ *намъ и Славянству не во благо, а во вредъ...*

Москва, 17-го сентября.

Теперь не подлежитъ и сомнѣнію, что переворотъ въ Болгаріи совершенъ не только безъ вѣдома, но и совсѣмъ неожиданно для Россіи и даже для Австріи съ Германіей,—и что починъ переворота (успѣхъ котораго былъ нетруденъ и вполнѣ обезпечивался самою природою вещей) принадлежалъ князю Александру. Даже не столько ему, сколько радикальной партіи, во главѣ которой—адвокатъ Стамбуловъ и которая теперь состоитъ во власти—въ лицѣ министра-президента Каравелова. Тѣмъ не менѣе въ событияхъ этомъ, котораго послѣдствія теперь трудно и предусмотрѣть, двѣ стороны,—чтѣ необходимо помнить и держать постоянно въ виду для точной оцѣнки его значенія и для опредѣленія по-

добрающаго Россіи образа дѣйствій. Несомнѣнно, что князь Александръ и Каравеловъ со Стамбуловымъ и К^о произвели настоящій переворотъ именно теперь—не изъ національного идеализма, а изъ личныхъ и партійныхъ расчетовъ,—первый ради самосохраненія и изъ славолюбія, вторые—ради сохраненія власти за своею партіей: это вовсе не значитъ, чтобы они вообще не сочувствовали возсоединенію; напротивъ, какъ Болгаре, они всегда искренно его желали и къ нему стремились; но дѣло въ томъ, что ихъ партія именно на ту минуту какъ разъ грозила возможность устраненія отъ власти вслѣдствіе недовольства Россіи настоящимъ «кабинетомъ» и вслѣдствіе попытокъ князя во Францейсадѣ улучшить свои къ русскому правительству отношенія: произвести немедленно же переворотъ было признано партіей наиболѣшимъ средствомъ для удержанія своего главенства. Таковы наши частные свѣдѣнія. Затѣмъ, кѣмъ бы и изъ какихъ побужденій ни былъ онъ совершенъ,—все же остается несомнѣннымъ, что провозглашенное, хотя бы и сюрпризомъ для насъ, возсоединеніе Румеліи съ Княжествомъ—идея завѣщанная Болгарамъ нами самими со времени перехода нашего чрезъ Балканы и потомъ въ Санъ-Стефанскомъ съ Турцией договорѣ. До войны 1877 года Болгарія не была еще даже и географическимъ терминомъ; эту географію начертали мы же сами, русскою кровью, и громомъ побѣды подтвердили наше рѣшеніе и нашу волю, во всеуслышаніе не только Болгарскому народу, но и всему миру. Мудро ли это было или не-мудро съ точки зрењія исключительно политической—это другой вопросъ, но вѣдь таково было торжественное изволеніе не только Русского государства, но и русскаго общества,—можно сказать: всей Россіи. И не негодовали ли мы всю тою силою негодованія, къ какой только способы, на Берлинскій трактать, отъединивши Румелію отъ Болгаріи? Не почитали ли себя въ высшей степени оскорблѣнными за такое искаженіе нашего дѣла, ради котораго принесли столько жертвъ? Не призывали ли день и часъ, когда Берлинскій трактать, столь для насъ позорный, будетъ разорванъ, разстоптанъ, отойдетъ въ область преданія? Вчера еще кипѣлись, негодовали, проклинали,—а теперь чтѣ-жъ? Почувствовали вдругъ благоговѣніе къ святости сего международ-

наго договора? Берлинскій договоръ сталъ намъ любъ, что ли?! И когда же? Въ ту самую минуту, когда ему чинится поруха, и между прочимъ въ одной изъ тѣхъ статей, которыя были измышлены именно намъ наперекоръ, къ великому нашему *тогда* всеобщему гнѣву?!. Ставимъ эти вопросы въ виду сужденій нѣкоторыхъ нашихъ газетъ. Иныхъ изъ нихъ дошли до того, что готовы были бы возстановить *status quo ante*, т. е. возстановить турецкое надъ Румеліей, а вмѣстѣ и надъ Болгарскимъ Княжествомъ, господство (для сверженія которого пролились—*всего восемь лѣтъ назадъ*—рѣки русской крови). Одна изъ газетъ проповѣдуетъ не только политической, но и полицейской союзъ... *съ Турками* для усмиренія Славянъ и для содержанія ихъ въ узѣ! Т. е. для того, вѣроятно, чтобы толкнуть все Славянство въ объятия Австріи, чтобы она явилась имъ въ ореолѣ избавительницы отъ двойнаго ига: мусульманскаго и русскаго?!. Можно ли такъ отрекаться отъ своего недавняго прошлаго, откращиваться, словно отъ катанинскій скверны, отъ того народнаго подвига, который вчера еще чествовали «великии», которымъ вчера еще гордились и умилялись,—оплевывать святой порывъ самоотверженія охватившій весь Русскій народъ въ 1876 г. и двинувшій толпы добровольцевъ на помощь Сербамъ, на освобожденіе «православныхъ братій» изъ-подъ мусульманской неволи? А теперь нась же Русскихъ приглашаютъ отдать этихъ «братій» подъ мусульманскую опеку! Нѣть, Русскій народъ счель бы грѣхомъ раскаяваться въ святомъ дѣйствѣ любви; хотя бы даже оно оказалось теперь для него, вовсе, повидимому, неприбыльнымъ,— а грѣхъ, по его мнѣнію, на томъ, кто за его самоотверженіе заплатилъ бы ему неблагодарностью и зломъ. Позволительно однако думать, что никакое дѣйство любви не остается безплоднымъ, и что не сегодняшнимъ только днемъ измѣряются результаты нравственныхъ дѣяній въ исторіи народовъ!..

И изъ-за чего приглашается Россія произвести вдругъ такой вольтфасъ и наругаться надъ собственными братолюбивыми увлеченіями? Изъ-за того ли, что г. Петко Каравеловъ изволилъ Россію обидить? что какой-нибудь Райко или Ника Стамбуловъ Россійскую Имперію достаточно не уважилъ? что принцъ Баттенбергъ изъ Дармштадта не оправдалъ на-

шай довѣрности? Конечно, не подлежитъ и сомнѣнію, что переворотъ имъ совершенный послужитъ если не къ укрѣпленію ихъ власти, то къ ихъ торжеству, тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ извѣстіямъ они ведутъ дѣло и очень умно, и осторожно: надо же отдать имъ въ этомъ справедливость. Положимъ, что таковое ихъ личное торжество, подбитое фальшью, не можетъ вообще не быть оскорбительнымъ для нравственного чувства; Россія же притомъ сознаетъ себя какъ бы обманутою, проведенною... Но не должны мы забывать и здѣсь другой стороны общаго положенія: Князь Александръ—не Болгарія, и болгарская красная «интелигенція» въ лицѣ Каравелова и К°—вовсе еще не Болгарскій народъ. Болгарія и Болгарскій народъ неповинны въ козняхъ, подвоахъ, фокусахъ и всякой кривдѣ своего официального правительства и своей интелигентіи вообще. Не можемъ же мы отказаться отъ Болгаріи или отталкивать отъ себя, такъ—сказать наказывать Болгарскій народъ—ради прегрѣшений или негодности нѣкоторыхъ лицъ, — хотя бы даже значительного числа болгарской интелигентіи (въ воспитаніи которой болѣе всего грѣшно само русское общество)! Не позволительно намъ не принять въ расчетъ того чистосердечнаго недоразумѣнія, которымъ, за исключеніемъ виновниковъ переворота, одержима въ настоящій день вся Болгарія; того искреннаго, вполнѣ понятнаго, законнаго и потому симпатичнаго энтузиазма, которымъ она охвачена теперь вся, изъ конца въ конецъ, который отрицать (какъ дѣлаютъ у насъ нѣкоторые) было бы прямо недобросовѣтно. Такимъ отрицаніемъ мы не устранимъ, а только осложнимъ наши настоящія затрудненія! Народъ убѣжденъ,—и теперь хоть пушками въ него пали, не разубѣдить его,—что «взаимосоединеніе» совершается по тайному наказу Россіи, и какъ бы ни старалась внушать ему противное русская дипломатическая агентура, онъ будетъ воображать, что это—моль—«политика»... «Хитеръ Московъ!» скажетъ селянь Болгаринъ, добродушно, но многозначительно улыбаясь... Да и какъ могутъ въ Болгаріи думать иначе люди сколько-нибудь здравомыслящіе, во не посвященные въ секретныя козни партій, которыхъ притомъ же и самый успѣхъ переворота, безъ сомнѣнія, постарались облегчить распространеніемъ слу-

ховъ о согласіи своихъ дѣйствій съ намѣреніями Россіи: на «десятитысачномъ митингѣ» въ Софіи о признаніі возсоединенія совершившимъ фактамъ, положено: «резолюцію эту представить Императору Русскому—Покровителю Болгаріи»; въ сочувствіи Россіи перевороту увѣряль тамъ же, въ своей рѣчи, Грековъ—бывшій министръ, консерваторъ (врагъ Каравелова!). Можетъ ли здравомыслящій Болгаринъ этому не повѣрить? Развѣ Россія не добивалась соединенія восемь лѣтъ назадъ? развѣ не выражала предъ Болгарами свою скорбь по поводу 16 § Берлинского трактата? развѣ когда-либо она отрицалась торжественно этой мысли или пыталась когда-либо искоренить въ Болгарахъ всякий помыслъ о «цѣлокупности»? Развѣ тому, чѣму Болгаринъ теперь радуется, не радовалась сама Россія послѣ своихъ за-балканскихъ побѣдъ? Развѣ не въ правѣ теперь всякий Болгаринъ, любящій и чтущій Россію (а таковъ весь сельскій народъ безъ исключенія), ожидать отъ нея и теперь полнаго себѣ сочувствія и содѣйствія?

Съ таковыми чистосердечными недоразумѣніемъ, съ таковыми искреннимъ энтузіазомъ болгарскихъ народныхъ, преданныхъ Россіи массъ — слѣдуетъ обращаться крайне осторожно, слѣдуетъ считаться. Окачивать холодной водой, посыпать народу ругательства: «ахъ вы, такіе-сякіе братушки, убирайтесь вы къ Туркамъ!» (а почти такія ругательства нашли себѣ мѣсто даже въ печати) было бы не только безнравственно, но и безумно. Топтать въ грязь народныхъ симпатій, да и просто пренебрегать ими—какой же тутъ для Россіи расчетъ? И какъ бы при такомъ образѣ дѣйствій съ нашей стороны, тѣшилась и ликовала бы въ глубинѣ души своей Австрія, готовясь, по нашей дурости, пожать жатву тамъ, где не сѣяла,—а сѣяли мы! Вслушайтесь: уже и теперь тонъ австрійскихъ газетъ иной, болѣе сдержанній и сочувствіенный чѣмъ русскихъ...

Но не можетъ же Россія, возразить намъ, дать себя дурчить. Великой державѣ непристойно-де идти на буксиры дерзкихъ, самовольныхъ авантюристовъ... Это вѣнчаніе всякаго сомнѣнія. Мы и должны выступить—въ качествѣ старшихъ братьевъ, притомъ вдвойнѣ авторитетныхъ, ибо Болгарское государство—наше созданіе; но все же—братьевъ. Мы мо-

жемъ, имѣемъ право и обязаны выразить кому слѣдуетъ по-
рицаніе, наказать того или другаго, воспользоваться, однимъ
словомъ, своими правами, вполнѣ признаваемыми за нами
всѣмъ Болгарскимъ народомъ, но ужъ никакъ не отказы-
ваться отъ своихъ правъ, не уступать никому ни защиты,
ни какого либо иного распоряженія судьбою Болгарскаго
народа! Мы здѣсь хозяева, а никто другой. Это слѣдовало
объявить во всеуслышаніе всей Европѣ, тотчасъ послѣ пе-
реворота. Пристойнѣе, чтобы не Россія у Европы, а Европа
справлялась прежде всего о томъ: что сдѣлаетъ, какъ посту-
пить Россія? Но нашю первую заботою было, кажется, обѣ-
лить себя, постараться убѣдить Европу, что «насъ воистину
провели, что мы воистину сумѣли ничего во время не знать,
не провѣдать, хотя и имѣемъ въ Болгаріи и министра, и
агентовъ, и консуловъ»... Европа легко повѣрила. «Провели,
видимъ, что провели! какъ не повѣрить!» отозвалась она
одобрительно, и мы успокоились, польщенные такимъ мнѣ-
ніемъ, и затѣмъ спросили: «какъ изволите поступить?» —
«Пока конференцію пословъ въ Константинополь, съ новой
санкціей Берлинскаго трактата, хотя бы и съ измѣненіемъ
16-го §»! — рѣшилъ князь Бисмаркъ и уѣхалъ въ Фридрихсру.

Мы не думаемъ отрицать для Россіи обявленности пере-
говоровъ и совѣщаній съ Европой, особенно же съ Герма-
ніей и Австріей, и особенно послѣ соглашенія трехъ монар-
ховъ въ Скерневицахъ и Кремзирѣ. Но въ такомъ дѣлѣ
какъ Болгарское, Россіи долженъ бы принадлежать починъ, —
она должна бы выступать не въ интересахъ только европейскаго
мира, нарушенаго переворотомъ, а какъ лично заинтересованная, —
не какъ одна изъ шести державъ, участница Берлинскаго конгресса, и никакъ не въ качествѣ жандарма-
охранителя Берлинскаго трактата. Не штопать дыру на
Берлинскомъ трактатѣ призвана она (эта роль штопальщицы
не къ лицу русской дипломатіи), — а воспользоваться тѣмъ,
что онъ прорванъ. Не гибнуться гибвомъ великой державы
на маленькую Болгарію прилично намъ, а прикрыть ее тот-
часъ своимъ щитомъ, предоставивъ себѣ самимъ свести съ
нею потомъ свои домашніе счеты. Россія могла бы, напри-
мѣръ, и имѣла бы право, послать въ Болгарію, въ помошь
князю и для его руководства, полномочнаго комиссара съ

въскимиъ авторитетнымъ словомъ, а также для наблюденія, чтобы крайнія радикальныя партіи болгарской интеллигенціи не скромпрометтировали дальнѣйшее политическое бытіе Болгаріи.

«Конференція» — дурное предзнаменование; въ этомъ словѣ что-то зловѣщее. По Восточному вопросу, по крайней мѣрѣ, всѣмъ памятна безилодность многократныхъ конференцій. Ну чтѣ, если конференція, даже признавъ «въ соединеніе», подъ общимъ верховенствомъ султана (причемъ въ роли ходатая передовою выступить, ярче всего, не Россія, а непремѣнно Австрія съ Германіей), если конференція въ виду выполненія, грозящаго охватить всѣ племена Балканскаго полуострова, снабдить Австрію мандатомъ: взять на себя обязанность блюстителя тишины и порядка, въ нѣкоторомъ родѣ полицеймейстера на полуостровѣ, отъ имени Европы? При чёмъ мы-то будемъ?...

Москва, 28 сентября.

Всѣ внутренніе, домашніе интересы заслонены теперь событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Съ лихорадочными вниманіемъ слѣдить за ними Россія. Да и можетъ ли быть иначе? Слишкомъ тѣсно связаны они съ историческимъ существомъ нашего отечества; слишкомъ уже роковыми послѣдствіями оказывается для самой нашей внутренней жизни, — во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ, материальныхъ и нравственныхъ, — всякое пренебреженіе къ народно-историческимъ задачамъ русской державы, всякий малѣйший ущербъ ея достоинству, значенію и положенію въ семье государствъ и народовъ. У насъ же въ Петербургѣ упорно коснѣютъ въ непониманіи той живой органической связи, въ какой состоять между собою политика внѣшняя и внутренняя; даже наивно воображаютъ, что можно одновременно стоять на двухъ путяхъ: антинаціональномъ въ области внѣшней политики и національномъ — въ области внутренней! Петербургскімъ чиновникамъ кажется, что это два разныхъ «вѣдомства»: министерство иностранныхъ дѣлъ само по себѣ, а министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ тоже сами по себѣ, и

ничего общаго съ первымъ, кромѣ предусмотрѣнныхъ въ Сводѣ Законовъ случаевъ, имѣть не должны и не имѣютъ. Всакое ревнивое отношеніе къ національному интересу и достоинству вѣтъ предѣловъ Россіи—петербургская канцелярія немедленно готова обозвать, да и обзываєтъ, излишествомъ національного самолюбія, «шовинизмомъ», полагая вѣроятно, что уронъ чести въ международныхъ отношеніяхъ не мѣшаетъ, чуть ли даже не помогаетъ съ избыткомъ—подъему духа внутри страны! Какъ будто международное значеніе, величие и мощь государства не сильнѣе во сто разъ содѣствуетъ прочности государственного кредита, выгодности коммерческихъ трактатовъ, открытию новыхъ рынковъ и той духовной бодрости населения, безъ которой даже материальное, экономическое его преуспѣяніе немыслимо! Да и о единомъ ли хлѣбѣ живутъ народы? Развѣ и независимо отъ интересовъ материальнаго благосостоянія, нѣть у великаго историческаго народа своихъ особыхъ стремленій, своего особаго призванія въ мірѣ, которое тѣсно связано съ существомъ его духа, въ которомъ весь смыслъ его исторического бытія, и не служить которому было бы для него позорнымъ самоотреченіемъ и отступничествомъ? Какой жизни духа, какой зиждительной дѣятельности ожидать отъ человѣка, который удрученъ сознаніемъ постыднаго дѣла; который далъ себя заушить, оплевать, ограбить, одурачить—не по недостатку виѣшней силы и средствъ, а по малодушію, по духовной драбости, невѣжеству и умственной лѣни? Еще недавно, вновь и вновь разъясняла «Русь» деморализующее воздействиѣ Берлинскаго трактата на русскую жизнь, и ея слова были встрѣчены чуть не усмѣшкой,—да же такими отзывами: «опять старая пѣсня! Пора бы ужъ и позабыть о Берлинскомъ трактатѣ! кто-жъ теперь о немъ вспоминаетъ?» (и это какъ разъ наканунѣ Филиппопольскаго переворота, когда онъ самъ себя, къ удивленію русскихъ политиковъ, напомнилъ!) Берлинскій трактатъ—говорили мы—это нравственное паденіе Россіи какъ государства и непосредственнымъ его результатомъ было поникновеніе общаго духа, совершенное ослабленіе довѣрія къ властивому Петербургу,—что въ такой странѣ, гдѣ правительство—чуть не главный двигатель общественной жизни, тотчасъ же от-

ражается на всѣхъ отправленіяхъ государственного и народнаго организма, даже на экономическомъ его положеніи....

И вотъ теперь, наше своеобразное политическое искусство ухитрилось довести русское дѣло до того, что этотъ же самый Берлинскій трактатъ сталъ намъ миль и дорогъ; что мы цѣпляемся за него какъ за якорь спасенія; только въ немъ, по мнѣнію русскихъ дипломатовъ, вся наша опора,— а то не вышло бы хуже! Роли перемѣнились: мы, для которыхъ въ свое время Берлинскій трактатъ былъ заушеніемъ, мы же теперь отстаиваемъ, находимъ себѣ вынужденными отстаивать его цѣлость и нерушимость,—а державы, тѣ самыя, которая его намъ на зло навязали, которая именно и измыслила наибиднѣйшія для насть его статьи, онѣ же теперь и посягаютъ, съ развязностью хозяевъ, на твореніе собственныхъ рукъ, подсмѣиваются надъ его святостью какъ международного договора! Онѣ желаютъ отмѣны, мы же хотѣли бы сохраненія этихъ оскорбительныхъ для насть статей—на томъ, вѣроятно, основаніи, что по смиренію нашему мы держимся обратнаго смысла пословицы, а именно: что отъ худа худа не ищутъ, и худо вѣдомое лучше худа невѣдомаго; добро же—не про насть!...

Да, очевидно, вопросы величайшей важности ставятся теперь судьбою на историческую очередь и призываютъ нашу дипломатію къ отвѣту. Удастся ли ей, въ виду столькихъ неблагопріятныхъ повидимому для насть условій, снять ихъ съ очереди, отложить разрѣшеніе ихъ до болѣе удобнаго времени? Едва ли. Было бы, конечно, желательно, чтобы исторія въ своемъ поступательномъ движеніи справлялась, прежде всего, у нашей петербургской канцелярии о степени нашей приготовленности; спросилась бы напередъ и у министра финансовъ, и у министра военнаго, и у министра морскаго: въ какомъ-де положеніи ваши финансъ, ваши военные и морскія силы, и только удостовѣряясь въ удовлетворительномъ ихъ состояніи приступала бы къ дѣлу Но въ томъ-то и бѣда, что исторія такихъ справокъ не наводить, а дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ, предоставляемъ мудрымъ правительствамъ ихъ угадывать, провидѣть и соображаться съ ними заблаговременно. Кто же виноватъ въ томъ, что мы всегда одни не готовы, а другіе оказыва-

ются готовыми? Кто же виноватъ въ томъ, что мы, даже возвративъ себѣ право на сооруженіе военнаго флота въ Черномъ морѣ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ бездѣйствовали, — и кто же поручится въ томъ, что даже и при отсрочкѣ рѣшенія Восточнаго вопроса — мы къ новому сроку будемъ неизмѣнно готовы? Да и отъ внѣшней ли готовности одной зависить успѣхъ или неуспѣхъ дипломатическихъ битвъ? Едва ли не важнѣе боевой готовности — готовность мысли, умѣющей вавѣстить всѣ случайности, оцѣнивать съ возможностью точностью положеніе дѣлъ и на основаніи реальныхъ данныхъ опредѣлять заранѣе планъ своихъ политическихъ дѣйствій. Никого такъ не застигъ врасплохъ переворотъ въ Филиппополѣ, какъ нашу дипломатію, хотя ужъ конечно не требовалось особенной мудрости чтобы его предвидѣть, хотя пополновенія къ нему обнаруживались и прежде, ни для кого не были тайной, особенно же для русскаго консульства; хотя нашей дипломатіи лучше чѣмъ кому либо было извѣстно, что ничего нѣтъ легче такого переворота, что противодѣйствія ему внутри самой страны нѣтъ и быть не можетъ,—что Румелія кипитъ горячими головами и всякими агитаторами. Полковникъ румелійской милиціи Чичаговъ, какъ намъ пишутъ изъ Болгаріи, еще два мѣсяца назадъ доносилъ по начальству о признакахъ заговора и о малой надежности милиціи въ случаѣ переворота,—и ему, по сношенію съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчали: напрасно изволите беспокоиться!... А казалось бы, почему же и не поломать себѣ заранѣе голову надѣзъ вопросомъ: какъ же однако быть, еслибы такой казусъ произошелъ? Но мы обнадѣжились предположеніемъ, что безъ нашего спроса къ перевороту не приступать и почли на томъ—предпочитая не трудить себѣ головы понапрасну. Переворота, можетъ-быть, не ожидала къ 6-му сентября и Австрія, но ее событія, очевидно, врасплохъ не застали: она знаетъ, чего ей хотѣть, къ чему стремиться, и въ виду своей цѣли стоитъ готовая ко всякой случайности, не истощаись въ «жалкихъ словахъ» по примѣру нашей дипломатіи. Именно,—какъ доходить до насъ слухи,—«жалкими словами», за недостаткомъ мысли, и пробавляется въ настоящую минуту дипломатія въ Петербургѣ. Голько плачетъ и негодуетъ она теперь—не на свою оплошность и не-

состоятельность, о нѣтъ, а на... исторію, т. е. на минувшіе исторіческіе факты! Виною-де все эта война 1877 года,— совсѣмъ то она была и не кстати! виною—этотъ наплывъ добровольцевъ въ Сербію въ 1876 г., эти Славянскіе комитеты, Московскій особенно, и т. д. Негодованіе, можно бы замѣтить нашимъ дипломатамъ, во всакомъ случаѣ позднее и праздное, но оно краснорѣчиво само по себѣ и многое объясняетъ. Оно объясняеть возможность Берлинскаго трактата послѣ нашихъ блестательнѣйшихъ побѣдъ и заставляетъ вѣрить тому оправданію дѣйствій князя Бисмарка на конгрессѣ, которое, въ виду возводимыхъ на него въ Россіи (между прочимъ — самими дипломатами) обвиненій, напечатано было въ офиціозной «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ»: не канцлера, а дипломатовъ своихъ, — гласитъ это оправданіе, — должна за трактатъ обвинять Россія, ибо они не предъявили съ твердостью ни одного требованія, которое бы не было конгресскомъ, по настоящему канцлера, уважено; иныхъ же требованій, которыхъ бы естественно было отъ нихъ ожидать, русскіе дипломаты или вовсе не предъявили, или же, когда и предъявили, то не отстаивали ихъ, тотчасъ отступались отъ нихъ и сами... Оно, это ретроспективное негодованіе, свидѣтельствуетъ также и о томъ, какимъ пигмеемъ мысли и духа является наша дипломатія вмѣстѣ со всемъ правительствующею Россійскою канцеляріей—рядомъ съ родною страной, когда она, въ великия мгновенія своего бытія, выступаетъ на подвигъ какъ Россія народная и историческая,—и какимъ титаномъ является этотъ самый пигмей въ дѣлѣ искаженія, размельчанія, опошленія и окончательного разрушенія всѣхъ результатовъ ея творчества, жертвъ и усилий, ея великихъ историческихъ подвиговъ!...

Другое, въ настоящую трагическую пору, занятіе нашихъ дипломатовъ, это — бранить Болгарскаго князя Баттенберга, Каравелова, да и всѣхъ Болгаръ, и на нихъ валить всю вину за тѣ затрудненія, въ которыхъ дипломатія наша теперь очутилась. Это занятіе, впрочемъ, не ограничивается словами, но вдохновляетъ, повидимому (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ), и самый нашъ дипломатический образъ дѣйствій. Трудно предсказать, какъ опредѣлится онъ окончательно, по возвращеніи нашего министра иностранныхъ

дѣль изъ Копенгагена, но несомнѣнно, что въ петербургскихъ дипломатическихъ кругахъ, равно какъ (къ ихъ утѣшенню) и въ нѣкоторыхъ нашихъ серіозныхъ политическихъ газетахъ, господствовало до сихъ поръ одно чувство и одно желаніе: какъ бы вымстить на Болгарахъ и Болгаріи всю свою злобу за ихъ самовольный и дерзкій поступокъ. Мы съ своей стороны не питали никогда симпатій ни къ князю лично, ни тѣмъ менѣе къ Каравелову и его радикальной партіи, да и вообще ни къ какой изъ болгарскихъ партій; о болгарской «интеллигенції» мы уже высказали наше мнѣніе, что за рѣдкими исключеніями, она—грубый, съ примѣсью большей дикости, сколокъ съ русской же доморощенной радикальной интеллигенціи, созданной у насъ общественнымъ воспитаніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Своими болѣзнями болгарское общество обязано преимущественно русскому. На Россіи же лежитъ обязанность и преподать имъ лѣченіе, но въ настоящую минуту эти заботы по меньшей мѣрѣ не своевременны! Дѣло идетъ уже не о Каравеловѣ съ компаніей, а о созданной нами Болгаріи. И какъ о Россіи только лишь фальшивое понятіе составилъ бы тотъ, кто бы судилъ о ней, объ ея народѣ — по нашей такъ-называемой «либеральной», не говоря уже о нигилистической, интеллигенціи, такъ и въ Болгаріи есть здравомыслящій народъ, православный, ничего общаго съ своею «интеллигенціею» неимѣющій, искренно преданный и неизмѣнно благодарный своей избавительницѣ Россіи. Далѣе: мы вполнѣ признаемъ личную вину предъ Россіей болгарского правительства и вообще всѣхъ авторовъ учиненного намъ сюрприза. Нельзя же,— повторимъ слова сказанные въ «Руси» по адресу Болгаръ,— «нахрапомъ эксплуатировать симпатіи Россіи къ Болгарію!» Тѣмъ не менѣе, все это лишь домашніе, личные, случайные счеты, которые Россія всегда успѣеть свести, и которые не могутъ ни въ чёмъ измѣнить силу ея собственныхъ счетовъ съ исторіей, ея собственныхъ нравственныхъ обязательствъ, не только относительно Славянского, нуждающагося въ ея защитѣ племени, но и Россіи самой, какъ великой, могущественной Славянской державы. Изъ-за гнѣва, хотя бы и праваго, на принца Баттенберга и Петка Каравелова забывать о высшихъ русскихъ задачахъ, о нашемъ народно-историче-

скомъ призваніи, слѣдовательно о служеніи нашимъ собствен-
нымъ интересамъ—не мелочно ли это? совмѣстно ли это съ
достоинствомъ Россіи? Приличнѣе было бы, кажется, извлечь
изъ всего этого событія нѣкій для себя урокъ и задуматься
надъ вопросомъ: въ какой же, однако, мѣрѣ годенъ тотъ
status quo, сохраненіе котораго составляло и составляетъ
до сихъ поръ базисъ нашей политики? Можно ли опираться
вообще (не только почтить!) на основахъ Берлинскаго тра-
ктата, считавшагося когда-то нахальнымъ нарушеніемъ чест-
наго здраваго смысла, посагательствомъ на законные инте-
ресы Россіи и Славянства, а теперь ставшаго для насъ чуть
не словомъ премудрости, залагомъ мира, равновѣсія и бла-
годенствія? Что-жеъ это за прочное сооруженіе такое, коли
вотъ пришелъ мальчишъ, ткнулъ его мизинцемъ,—и все раз-
сыпалось въ прахъ, и нашъ покой улетѣлъ, и весь міръ въ
тревогѣ?! Ибо филиппопольскій переворотъ совершенъ именно
такимъ образомъ, какою-то игрушечною, опереточную рево-
люціей,—почти въ присутствіи зрителей-дипломатическихъ
агентовъ. Значитъ: гдѣ тонко, тамъ и рвется, а гдѣ гнило,
такъ и подавно. И вѣдь мы лучше всякого другаго понимали
въ свое время, что эти основы гнилы, въ этой самой гни-
лости и полагали свои надежды на будущее! Вольно же было
потомъ все это забыть,—мало того: на эти самыя основы
опереть зданіе нашей политики и ласкать еще себя прѣятной
надеждой, что ониѣ простоятъ до тѣхъ поръ, пока мы забла-
гораразсудимъ обмѣнить ихъ на новыя! Вѣдь филиппопольскій не-
реворотъ могъ совершиться не сегодня, такъ завтра, не
Петкомъ, такъ Райкомъ или инымъ кѣмъ!..

Основы гнилы,—это уже сознали давно и сами главные
виновники Берлинскаго трактата (какъ разъ въ ту минуту,
какъ мы стали это позыбывать). Прежде всего сознала ихъ
гнилость сама Австрія; она же первая и стала подъ трак-
татъ подкальваться и, въ виду его неминуемаго скораго
паденія, принимать заблаговременно свои мѣры. Если же
теперь,—именно по такому инциденту, который, по общему
признанію, ближе всего касается Россіи,—рѣшено будетъ
(и по ея же настоянію) восстановленіе *status quo ante*, хотя
бы и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ родѣ возложенія на
князя Болгаріи обязанностей званія румелютскаго гене-

раль-губернатора,—если, однимъ словомъ, послѣдуетъ новая санкція Берлинскаго трактата, то развѣ послѣдній, въ своемъ заштопанномъ видѣ, станетъ отъ этого крѣпче? Положимъ, что «державамъ» удалось бы въ настоящее время обуздать порывы самихъ *правительствъ* Сербіи и Греціи (въ чёмъ мы положительно сомнѣваемся), но кому же не ясно, что *тотчасъ* же — вслѣдъ за тѣмъ, какъ державы обмѣнятся поздравленіями съ благополучной связкой настоящихъ затрудненій, — этотъ самыи трактатъ прорвется въ другихъ мѣстахъ: всыпнетъ пожаръ въ Македоніи, разгорится пламенемъ вѣчно тлѣющій огонь въ средѣ Албанцевъ!... Чѣмъ останется тогда дѣлать Европѣ? Прежде всего потребуется потушить пожаръ или прекратить рѣзню,—и кому же другому можетъ выпасть эта роль тушильщика и умиротворителя враждующихъ между собою и съ Турцией племенъ, какъ не той державѣ, у которой войска уже и стоять на готовѣ въ самой срединѣ Балканскаго полуострова? Вѣдь можно, пожалуй, и вновь, съ тѣмъ же лицемѣріемъ, даже не возбуждая вопроса о новомъ расчлененіи Турціи, снабдить Австрію такимъ же мандатомъ отъ имени Европы, каковой былъ ей торжественно данъ относительно Босніи и Герцеговины.

Но невозможно даже и предположить, чтобы «державамъ» удалось принудить правительства Сербіи и Греціи къ демобилизаціи своихъ армій, къ попятному шагу назадъ въ своей національной политикѣ. Не говоримъ уже о томъ, что въ искренность подобнаго давленія на Сербію и Грецію со стороны Англіи и Австріи даже трудно и вѣрить, — едвали, греческое и особенно сербское правительства сладили бы въ настоящую минуту съ возбужденіемъ народныхъ страстей у себя дѣма. Для короля Милана, это даже вопросъ личный — о сохраненіи сербской короны. Единственный для него исходъ, въ виду народной всеобщей къ нему ненависти, и именно вслѣдствие его корыстной австрофильской политики, это — сочетаніе такого его австрофильства, такой настоящей его зависимости отъ австрійской власти, съ политикою «национально», т. е. съ перспективою увеличенія сербской государственной территории. Для Австріи это не безвыгодно. Увеличенная сербская территорія не выскочить изъ «сферы

австрійского вліяння», а только ее расширить; напротивъ явное или тайное пособничество Сербіи со стороны Австрії, теперь ненавистной сербской народной массѣ, дастъ австрійскому имени популярность и примирить Сербовъ съ ея вліяніемъ и протекторатомъ. Едвали возможно и сомнѣваться въ томъ, что и въ настоящую минуту все совершающееся въ Сербіи совершается не иначе какъ съ соизволенія и даже при помощи Австрії: она же, какъ видно изъ газетъ, помогла королю Милану и въ заключеніи нового займа въ Вѣнѣ! Отношенія его къ Вѣнѣ таковы, что никакой шагъ для него немыслимъ безъ соглашенія съ нею. Вотъ почему и нельзя повѣрить, чтобы Австрія искренно стояла за сохраненіе Берлинского трактата: слишкомъ уже на руку ей весь этотъ настоящій оборотъ дѣлъ! Если же на конференціи пословъ Берлинскій трактатъ будетъ подтвержденъ всѣми державами снова, то конечно съ самообманомъ для настѣ и съ сознательнымъ обманомъ со стороны прочихъ участниковъ,—такъ какъ тотчасъ же за подтвержденіемъ послѣдуютъ тамъ и сямъ, повидиму самовольныя, въ сущности же тайно подстрекаемыя его нарушенія.

Всего цѣлесообразнѣе, конечно, было бы приступить теперь же, съ полною откровенностью, къ пересмотру Берлинского трактата и къ новому расчлененію Турціи (при этомъ Россія могла бы предъявить и свои притязанія), чѣмъ, заштопавъ теперь Берлинскій трактатъ, допустить *еслиъдъ замъмъ*, волей-неволей, фактическое ея расчлененіе. Послѣднее во всякомъ случаѣ произойдетъ, и вскорѣ, если не въ видѣ расчлененія формального, «присужденного», то въ видѣ «совершившихся фактovъ» или австрійской оккупациіи *на манеръ* той оккупациіи двухъ провинцій, которая даже официально признается въ Европѣ чуть ли не залогомъ европейскаго мира и равновѣсія!!

Пора же наконецъ русской дипломатіи убѣдиться въ томъ, что все что ни творится въ Европѣ есть не болѣе какъ заговоръ противъ настѣ, противъ естественного нравственнаго и политическаго вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, противъ ея законнѣйшихъ правъ, притязаній и интересовъ. Выступая въ роли защитницы Берлинскаго трактата и созданного имъ *status quo*, Россія даже въ случаѣ успѣха за-

щты, трактата не сохранить, а только передать свою политическую роль на полуостровъ — Австро-Венгрии...

Если же однако, какимъ-нибудь дипломатическимъ маневромъ, результатъ конференціи въ самомъ дѣлѣ ограничился бы на первое время лишь возстановленіемъ *status quo* съ небольшимъ измѣненіемъ, въ видѣ, напримѣръ личной унії обѣихъ частей Болгаріи въ особѣ князя и т. п., то почему бы Россіи не принять на себя гарантіи спокойствія и мира въ Болгаріи и на этомъ основаніи выговорить себѣ у Турціи право: теперь же ввести нѣкоторую часть своихъ войскъ въ Варну? Появленіе ихъ было бы встрѣчено Болгарскимъ народомъ съ восторгомъ — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Это было бы полезно въ виду имѣющихъ неминуемо послѣдовать разныхъ случайностей, разныхъ новыхъ попытокъ турецкаго расчлененія,—полезно уже потому, что подаривъ Добруджу Румыніи, мы сами себѣ отрѣзали прямое сухопутное сообщеніе съ Балканскимъ полуостровомъ. Это было бы полезно и для Болгаріи, да и для всѣхъ Славянскихъ племенъ — для сохраненія нашей съ ними связи въ будущемъ. Ибо все, чтб выгодно и полезно для Россіи, выгодно и полезно для всего Славянства; чтб служитъ къ ея укрѣпленію силъ и славъ, то служитъ къ созиданію, къ укрѣпленію, силъ и славъ всего Славянскаго міра...

Москва, 5 октября.

«Переклюкала мя еси, Ольга!» отвѣчалъ смиренію, по сказанію лѣтописи, Византійскій Императоръ русской Великой Княгинѣ, разстроившей его, впрочемъ не важные, замыслы своею мудростью. «Переклюкала мя еси, Европа!» могла бы съ полнымъ основаніемъ (но по важности дѣла не просто со смиреніемъ, а хоть зардѣвшиясь стыдомъ) воскликнуть теперь и русская дипломатія. «Переклюкала» нась Австрія, «переклюкала» Германія, «переклюкала» Англія! Кому не удавалось нась переключать!... Впрочемъ, съ нашей стороны едвали даже и бываетъ какое-либо состязаніе въ планахъ, ясно сознанныхъ, на извѣстную даль времени расчитанныхъ, съ политическими планами дѣйствій иностранныхъ державъ.

У нашихъ дипломатовъ въ превеликомъ почетѣ има программа—бездѣйствія, отсрочекъ, да вѣры—въ союзниковъ или даже въ «концертъ Европы». Наши офиціозные дипломатические органы даже хвастаются именно тѣмъ, что «Россія никакихъ видовъ никуда не простираеть», а что касается издающагося на счетъ Министерства иностранныхъ дѣлъ французскаго «Петербургскаго Журнала»,—такъ тутъ почти буквально, но притомъ съ полнымъ чистосердечiemъ, повторяетъ за русскую дипломатію, предъ лицомъ всей европейской публики, слова Гоголева городничаго: «вѣрите ли, даже когда ложишься спать, все думаешь: Господи Боже мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство (читай: Европа) увидѣло мою ревность и осталось довольно!». Да простятъ намъ читатели эту горькую шутку! Мы вполнѣ убѣждены въ похвальныхъ нравственныхъ качествахъ нашей дипломатіи, въ ея честности и искренности. Но вѣдь мудрость не проклята Богомъ. Даже повелѣна.

Да, «Journal de St.-Pétersbourg» можетъ, пожалуй, радоваться: Европа нами довольна. Она всегда нами довольна, когда мы дѣйствуемъ во вредъ себѣ и Славянству. Ничего такъ не желаетъ она какъ вызвать насъ на такія дѣйствія, которыя бы способствовали отчужденію отъ Россіи Славянскихъ племенъ или оттирали настъ отъ Балканскаго полуострова, и искусно пользуется всякимъ нашимъ промахомъ въ этомъ отношеніи. Именно на эту подсунутую имъ удочку наши дипломаты и поймались! Положимъ, такое отчужденіе, какъ противоестественное, слишкомъ глубоко укоренилось не можетъ. Вѣримъ, что надоѣсть же когда-нибудь и русскому великану путаться въ разставленныхъ ему сѣтяхъ. Но чтобы выбраться изъ нихъ, нужно ихъ порвать, а чтобы порвать надо ихъ опознать, т. е. опознать и откровенно исповѣдать собственные грѣхи и провинности—дабы вновь не угодить въ сѣти. А грѣхи эти тажкие, содѣянные (не углубляясь слишкомъ въ даль) до, во время и послѣ войны 1877—78 гг. Они—виною нашей настоящей политической немощи...

И вотъ, вслѣдствіе ли этой внѣшней немощи, вслѣдствіе ли заговора Европы, нами не распознанного, или новыхъ недавнихъ дипломатическихъ ошибокъ нашихъ, только несомнѣнно, что Россія поставлена теперь въ положеніе, если не

безвыходное, то во всякомъ случаѣ въ высшей степени тѣ-
гостное и фальшивое! Можно, пожалуй, въ утѣшеніе себѣ
продолжать поносить князя Александра съ Каравеловыми и
К°, и на нихъ взваливать все бремя вины, но такое време-
препровожденіе дѣлу не поможетъ, правильного выхода не
укажетъ, а развѣ лишь глаза отведетъ.

Вместо того, чтобы тотчасъ послѣ переворота войти въ
прямые непосредственные переговоры съ Султаномъ, какъ
онъ самъ этого желалъ (по свидѣтельству константинополь-
ского корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»), какъ на
это намекнуль и намъ, и Султану, въ первую минуту, самъ
князь Бисмаркъ,— мы свое первенствующее значеніе, покро-
вителя и опекуна Болгаріи, слѣдовательно, въ извѣстномъ
смыслѣ, хозяина въ дѣлѣ болгарскомъ, передали «Европѣ»!
Не споримъ, что румелійскій переворотъ, какъ нарушеніе
Берлинскаго трактата, требовалъ бы во всякомъ случаѣ санк-
ціи всѣхъ державъ, трактать подписавшихъ; но наша роль
на той конференціи пословъ, которая происходитъ теперь
въ Константинополѣ, была бы, послѣ предварительного со-
глашенія съ Султаномъ, тогда уже иная: мы бы, а не Евро-
па, командовали положеніемъ, намъ однѣмъ принадлежало
бы представительство интересовъ Болгаріи. А развѣ теперь
на эту конференцію мы явились съ тѣми преимуществен-
ными правами относительно Болгаръ, которыхъ мы добыли
себѣ кровью и которыхъ никѣмъ изъ державъ даже не отри-
цаются? Напротивъ, мы отъ Болгаріи отстуپились, какъ-будто
всѣ прежнія наши съ нею связи совсѣмъ порвались! Мы
словно разомъ отреклись отъ своего недавнаго прошлаго,
помянули его лихомъ, чтобы не сказать хуже,— сами демон-
стративно подтвердили, что отношенія наши къ Болгаріи
ровно тѣ же, чтѣ и прочихъ державъ! Но и этого мало: мы
на это судбище предстали, относительно Болгаріи, чутЬ не
въ качествѣ обвинителя-прокурора, потребовали даже нака-
занія для виновниковъ переворота,— и если не мы одни, а
вмѣстѣ и съ Германіей, то во всякомъ случаѣ мы—первые,
намъ принадлежитъ сей починъ... Ну, разумѣется, остальная
«Европа» тотчасъ же приняла на себя роль «защиты» или
же представилась вынужденной уступить Россіи! Если же
Германія насъ и поддерживаетъ, такъ все же весь odium

оскорбительного тяжкаго для Болгаръ требование ложится на насъ. Конечно, подробности совѣщаній на конференціи намъ съ точностью неизвѣстны, но что дѣло, въ общихъ своихъ чертахъ, происходило именно такъ, подтверждается какъ лицемѣрными восхваленіями германскихъ офиціозовъ, такъ и злорадными ликованіями тѣхъ органовъ европейской печати, которые имѣютъ обыкновеніе высказывать съ циническою откровенностью то, что у людей государственныхъ на умѣ. И не потираетъ ли себѣ руки отъ восторга глава нынѣшняго англійскаго кабинета, Сольсбери, какъ о томъ можно судить по статьямъ газеты «Standard», отчасти и по его публичной рѣчи?! Онъ уже заранѣе празднуетъ, казавшееся прежде невозможнымъ, созданіе враждебныхъ между Россіей и Болгаріей отношеній.... Сдержаннѣе чѣмъ въ Англіи, радуются «пораженію Россіи» и въ Австріи. Что же касается Германіи, то, по словамъ нашего берлинскаго корреспондента, въ сферахъ правительственныхъ образъ дѣйствій Россіи произвелъ сначала даже нѣкоторое недоумѣніе. Князь Бисмаркъ однакоже (должно-быть воскликнувъ: «благодарю, не ожидалъ!») скоро призналъ наше дипломатическое поведеніе вполнѣ похвальнымъ и поспѣшилъ утвердить насъ въ добрыхъ нашихъ намѣреніяхъ, къ радости и гордости русской дипломатіи. «Россія и Германія дѣйствуютъ за одно», гласятъ телеграммы! Да и какъ же не признать Берлину нашего поведенія похвальнымъ? Россія не только ужъ не захотѣла воспользоваться настоящимъ случаемъ нарушенія Берлинскаго трактата для предъявленія какихъ-либо своихъ законныхъ притязаній, но сама, безъ боя, *sua sponte*, уступаетъ даже ту свою позицію на Балканскомъ полуостровѣ, которой даже и Берлинскій трактатъ былъ не въ силахъ ее лишить! Какъ же Германіи не оказать поддержки такой политикѣ!

Отрицать—не то что неблагопріятное, но до рѣзкости враждебное положеніе, принятое русскою дипломатіей, съ самого начала кризиса, по отношенію къ Болгаріи не могъ бы теперь даже «Journal de St. Pétersbourg!» Фактъ отзываю русскихъ офицеровъ изъ болгарской арміи вѣдь на лицо. Онъ огласился на весь міръ, и если съ одной стороны снискать намъ благоволеніе, конечно ироническое, прави-

тельствъ Европы за нашу вѣрность трактатамъ, то съ другой стороны подалъ поводъ къ самымъ оскорбительнымъ его толкованіямъ въ европейской печати. Наши враги не замедлили эксплуатировать это русское дѣйствие себѣ въ выгоду, а намъ въ тяжкій вредъ. Вотъ оно,—заголосили въ Европѣ,—«русское пресловутое и безкорыстное сочувство къ Славянскимъ народамъ! Не сама ли Россія предаетъ Болгаръ на гибель — въ виду грозящей имъ опасности отъ азатскихъ полчищъ, лишая ихъ *дѣйствительныхъ* средствъ защиты!» и т. д. Разумѣется, это вздоръ, и въ случаѣ положительной опасности,—въ этомъ мы не сомнѣваемся,—русское общественное мнѣніе не осталось бы равнодушнымъ, и Россія бы подвиглась таки Болгарамъ на помощь,—но теперь, однако, намъ пока нечего и возразить на подобное позорное обвиненіе!

Отнять этихъ офицеровъ у болгарской арміи въ такую минуту, когда все же война для Болгаріи возможна, это то же самое, чтѣ отправляя солдатъ въ сраженіе—отнять у нихъ ружья, дать имъ въ руки простыя палки. Русскіе офицеры,—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Нового Времени»—первое время сами были убѣждены, что переворотъ совершается съ согласія Россіи, дѣлили братски радость и одушевленіе Болгаръ, съ энтузіазомъ готовились вести ихъ на бой, испытать воспитанныхъ ими солдатъ на дѣлѣ.... И вдругъ.... имъ повелѣно выйти въ отставку. Положеніе ихъ, по разсказу корреспондента, было и постыдно, и горько до невыносимости. Имъ приходилось присутствовать, въ качествѣ простыхъ зрителей, при томъ какъ ихъ воспитанники—солдаты отправлялись неопытные, въ первый разъ, на встрѣчу врага—безъ своихъ привычныхъ руководителей. Имъ приходилось видѣть какъ преданность и любовь смѣнялись озлобленіемъ; имъ приходилось слышать такие клики: «Ѣли нашъ болгарскій хлѣбъ пока было мирно, а какъ дошло до опасности, такъ прочь! покидаете насъ!»... Но вѣдь безъ опытныхъ руководителей болгарская армія оставаться не можетъ. Россія, отнявъ русскихъ офицеровъ, жестоко казнила всю Болгарію за вину нѣсколькихъ лицъ,—но одну ли Болгарію? На кого же мы станемъ пенять, если мѣсто русскихъ инструкторовъ и вождей займутъ—германскіе, англійскіе и австрійскіе?

А вѣдь эти семьдесят пять тысячъ болгарскаго войска въ Княжествѣ и Румелии, созданного русскими офицерами, выдрессированного совершенно по русски, не знающаго другой команды кромѣ русской, вооруженнаго даже русскимъ оружиемъ — это вѣдь была *наша* сила, *наша* русская армія на Балканскомъ полуостровѣ! Какую великую службу, служа Болгаріи, могла бы сослужить она и Россіи, и всему Славянству!... И все это вдругъ, въ одинъ день, разрушено нами самими... Кому же теперь сослужили мы службу? Да только нашимъ зрагамъ, всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь... За то «Европа» нами довольна.

Неужели же такъ трудно было для нашей дипломатіи предугадать заранѣе, впередъ, какое впечатлѣніе произведутъ, какое дѣйствіе возымѣютъ въ европейскомъ мірѣ и среди Славянскихъ племенъ наши первые шаги въ возникшемъ политическомъ усложненії? Совершенно обратное тому, какое дипломатію предполагалось, т. е. вполнѣ для насъ вредное! Впрочемъ вину дипломатіи раздѣляетъ, въ извѣстной степени, и русская печать, т. е. тѣ ея органы, которые прежде всего требовали возстановленія *status quo ante*, даже турецкой расправы, даже отмщенія Болгарамъ за самовольное, безъ вѣдома Россіи, возсоединеніе, — и т. д. Все это, разумѣется, тотчасъ же недругами нашими переводилось, посыпалось по телеграфу и по почтѣ за границу, публиковалось тамъ во всѣхъ газетахъ — къ великому горю и оскорблѣнію Славянъ, и къ великому утѣшенню Австріи, Германіи и прочей Европы: «вотъ-де она какова, Россія, — высказалась!»... Наполнивъ такимъ образомъ всю вселенную воплями негодованія, прокричавъ всюду съ крыши, во всеусыпаніе, о томъ, что нась-де провели, что нась-де обидили, заплатили неблагодарностью за благодѣянія, а потому Россія-де впредь благодѣйствовать не намѣрена, — конечно! слуга покорный! и т. д., мы, впервыхъ, *нашли* на самихъ себя, на свое народное историческое существо; вторыхъ, такъ и пригнули всѣмъ своимъ грузинскимъ корпусомъ въ сѣти иностранной политики, вытолкавъ Славянъ вонъ отъ себя — въ объятія Австріи и Англіи! Соръ изъ избы не выносить; наши счеты съ Славянами — домашніе счеты и призывать Европу въ суды между ними и нами — по меньшей мѣрѣ неприлично.

И вѣдь въ сущности, самъ по себѣ, тотъ фактъ, что лежить въ основѣ настоящаго политического замѣшательства, т. е. возсоединеніе Румеліи съ Княжествомъ, не можетъ и не долженъ гнѣвить насть, такъ какъ мы же семь лѣтъ тому назадъ это возсоединеніе измыслили, даже было и совершили цѣною неизмѣримыхъ жертвъ, и только послѣ злосчастнаго пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ, вынуждены были, съ горечью въ сердцѣ, отъ него отступиться. Но никогда отъ него въ мысли мы не отказывались, а напротивъ сами питали, сами поддерживали ее въ Болгарахъ. Она такъ-скажать висѣла надъ Болгаріей, торчала неотвязно предъ ея глазами. Не осуждая болгарскихъ порывовъ къ возсоединенію, признавая ихъ вполнѣ естественными и законными, наши дипломатические агенты, изъ соображеній благоразумія, только сдерживали ихъ. Надо же, во всемъ чтѣ касается Болгаріи, входить поглубже въ ея положеніе и въ натуру, такъ-скажать, нашихъ къ ней отношеній. Повсюду, какъ только пришла вѣсть о переворотѣ, безъ всякихъ постороннихъ внушеній и происковъ, первымъ порывомъ ликующаго народа было — двинуться къ ближайшему жилищу русскаго представителя съ восторженными криками благодарности Россіи. «Живе Русскій Царь!» ревѣли радостно тысячи Болгаръ, окружающія домъ русскаго консула въ Рущукѣ... И вотъ консулъ выходитъ (или, за отсутствіемъ консула, его помощникъ), и объявляетъ объятой энтузіазмомъ толпѣ, что эти ея крики... некстати, неумѣстны,—что то, чему они такъ радуются, т. е. возсоединеніе, совершено противъ воли и желанія Русскаго Монарха!... (См. «Новое Время»). Подите растолкуйте это народу: Россія не желаетъ-де вашего соединенія!... Представьте себѣ его горесть, его смущеніе! Спора нѣтъ: спосѣбъ, коимъ переворотъ совершился,—безъ спроса и вѣдома Россіи, и по ея соображеніямъ несвоевременно, — дерзокъ, заслуживаетъ полнаго осужденія,—но нельзя же, повторяемъ, смысливать способъ съ самимъ существомъ, содержаніемъ факта и изъ-за вины нѣкоторыхъ лицъ наказывать всю страну. Не говоримъ о главныхъ зачинщикахъ, но несомнѣнно даже большинство тѣхъ, которые участвовали въ переворотѣ—знали, что Россія о немъ не вѣдаeтъ, никакъ не мыслило, что творить дѣло *противное самимъ основаніямъ рус-*

ской политики, ибо еще наканунѣ могло отъ любого русскаго дипломата услышать, что въ соединеніе Румеліи съ Княжествомъ — одна изъ нашихъ постоянныхъ задачъ! Къ тому же Россія многимъ, даже самыемъ преданнымъ ей, Болгарамъ представлялась въ послѣднюю пору противъ воли стѣсненною въ своихъ дѣйствіяхъ разными дипломатическими условіями, такъ что, на спросъ о переворотѣ, ей неудобно было бы и дать другаго отвѣта, кромѣ отрицательного, — а между тѣмъ (такъ думалось этимъ Болгарамъ) съ совершившимся безъ ея участія фактъ она бы, пожалуй, и помирилась! Не надо также упускать изъ виду, что Кремзирское свиданіе произвело самое удручающее впечатлѣніе на Славянъ Балканского полуострова. Сближеніе Россіи съ Австріей казалась имъ чѣмъ-то въ родѣ: *lasciate ogni speranza*, если не навсегда, то на долгій срокъ. Пребывать же долго-срочно въ раздѣленіи съ Румеліей было бы и въ самомъ дѣлѣ для Болгаріи не выгодно: при различіи конституцій, законовъ, системы школъ и судовъ, могъ бы, наконецъ, современемъ дѣйствительно образоваться въ Румеліи тотъ особый «націонализмъ», о которомъ, по словамъ маркиза Сольсбери, и мечтала Англія, создавая по Берлинскому трактату особое политическое существование для этой части Болгаріи, — но который теперь пока еще не успѣлъ укорениться.

Но, возразить намъ, Россія не могла оставлять безнаказаннымъ такое дерзкое, оскорбительное нарушеніе Болгаріей всѣхъ тѣхъ нравственныхъ правъ, которыя куплены Россіей цѣною своей крови и достоянія. Пусть такъ; но для наказанія Россія имѣла и имѣть много способовъ: могла послать полномочнаго комиссара, смѣнить министерство, поставить свою защиту въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій. Не было только надобности — наказывая Болгаръ, наказывать самихъ себя. Лишай ихъ своего расположенія и прежняго прямаго покровительства, мы рискуемъ и сами лишиться Болгаріи. Какой же тутъ для Россіи расчетъ?! Однакоже — снова возразить намъ — Россія не можетъ и не должна допустить, чтобы ее заподозрили въ вѣроломствѣ... Но и для отклоненія подозрѣнія мы располагали многими способами, изъ которыхъ самый существенный и заключался въ прямомъ обращеніи къ Султану. Во всякомъ случаѣ, какъ ни

естественно и законно проявление гнѣва съ нашей стороны, все же, казалось бы, возможно было бы удержать его на той грани, гдѣ онъ становился уже поперекъ нашимъ собственнымъ, прямымъ интересамъ; тѣмъ болѣе, что сознаніе нашей искренности и правоты въ значительной степени облегчало такую задачу...

«Не Россіи, не намъ поддлаживать свою политику подъ затѣи и требованія принца Баттенберга!» восклицаетъ съ негодованіемъ одна русская газета... Къ затѣямъ и замысламъ принца конечно не слѣдѣтъ; но не къ нимъ, а къ со-зданіемъ чрезъ переворотъ новымъ политическимъ обстоятельствамъ приходилось намъ и обязаны мы были прилагивать свою политику. Изъ-за гнѣва на мельника, спустившаго вдругъ плотину, нельзя же «игнорировать» разливъ рѣки, стоять на томъ, что вотъ здѣсь сушь, когда здѣсь вода и въ благородномъ негодованіи давать себя топить рѣчнымъ волнамъ!..

Есть другое оправданіе нашей политики, болѣе повидимому вѣйское: «болгарскій переворотъ, говорятъ намъ, былъ дѣломъ интриги англійской или австрійской, .или англо-австрійской разомъ; онъ былъ направленъ противъ Россіи,— и ей ли успѣху этой интриги содѣйствовать?» Да развѣ вы вашимъ дипломатическимъ образомъ дѣйствій не сыграли именно въ руку этой самой интригѣ? Еслибы Россія явилась въ роли заступника Болгаріи и ходатая предъ Портой и Европой о возсоединеніи съ Румеліей, интрига была бы почти совсѣмъ обезсилена. Теперь же, когда Россія прямо заявляетъ, что не хочетъ брать въ свои руки болгарскихъ судебъ, отказывается отъ самостоятельного образа дѣйствій, а ссылается на Европу, ставить свою политику въ зависимость отъ решеній европейскаго ареопага, на которомъ въ то же время является, относительно Болгаръ, наименѣе благопріятствующею державою,—что же, спрашиваемъ вновь, остается дѣлать Болгарамъ, какъ не идти кланяться и Англіи, и Австріи, и прочей «Европѣ»?! Тамъ, разумѣется, оказываются благосклониye. Да и какъ же не воспользоваться ей такою окказіей: замѣстить непреоборимое, казалось доселѣ, вліяніе Россіи—своимъ, русскій протекторатъ—протекторатомъ западно-европейскимъ! Выходить такимъ образомъ, что именно

мы нашими дѣйствіями и упрочили успѣхъ иностранной интриги.

Однако же,—и это возраженіе самое серіозное изо всѣхъ,—Болгары все-таки своимъ переворотомъ создали опасность для всего европейскаго мира, подорвали святость международнаго, т. е. Берлинскаго, договора, бросили искры въ горючій матеріалъ, которымъ преисполненъ Балканскій полуостровъ. Сербія и Греція уже вооружились и прямо заявили, что если возсоединеніе Румеліи съ Болгаріей будетъ признано, онѣ потребуютъ «компенсаціи», т. е. увеличенія своей территории. А допустить это—значитъ не болѣе не менѣе какъ зажечь пожаръ на всемъ полуостровѣ, какъ затѣять новое расчлененіе Турціи—съ перспективою общеевропейской войны. Россія же къ такой войнѣ еще не готова; флота у насъ въ Черномъ морѣ пока еще не имѣется: поэтому русскіе интересы требуютъ отсрочки такого всеобщаго кризиса и сохраненія пока въ полной силѣ условій Берлинскаго договора. Слѣдовательно ничего иного и не остается, какъ восстановить дѣйствіе этихъ условій, *status quo ante въ Болгаріи*,—и только такимъ лишь способомъ возможно заставить разоружиться и Грецію и Сербію, и упрочить миръ хоть на время...

Вотъ почти официальное разъясненіе и нашего дипломатическаго поведенія. Въ этомъ именно смыслъ говорятъ вмѣстѣ на конференціи Россія и Германія, и кажется—въ послѣднее время—даже Австрія и прочія державы. Послѣднія, вмѣстѣ съ Австріей, хотѣли было внести на разсмотрѣніе конференціи вопросъ о возможномъ удовлетвореніи нѣкоторыхъ притязаній и Сербовъ и Грековъ, и другихъ земель Балканскаго полуострова,—но для всѣхъ стало ясно, что такие вопросы теоретически почти не разрѣшимы, да и не могутъ входить въ компетенцію простой конференціи пословъ...

Рассмотримъ однако внимательнѣе всѣ доводы, обусловливающіе этотъ нашъ дипломатическій образъ дѣйствій. Несомнѣнно, что именно для настѣнія отсрочки кризиса была бы теперь всего желательнѣе; но вопросъ въ томъ—возможна ли она? Наша неприготовленность къ войнѣ, конечно, обстоятельство очень прискорбное и не на нынѣшнемъ правительству лежитъ въ томъ вина; но вѣдь исторія, какъ мы уже

говорили, не справляется о благоременности своего движенья у кабинетовъ. Пора отказаться отъ мысли регулировать жизнь народовъ, по своей волѣ, подчиняя ее лишь дипломатическимъ комбинациямъ, не заботясь объ удовлетвореніи ихъ органическихъ, законныхъ, воплощихъ нуждъ. Посмотрите, напримѣръ, на положеніе Македоніи: почти восемь лѣтъ назадъ обазана была Порта произвести административныя реформы въ въ этой странѣ и даровать ей автономію, но Портою до сихъ поръ ничего не сдѣлано, и Европа до сихъ поръ на томъ не настаивала и не настаиваетъ (отчасти потому вѣроятно, что Австрія имѣеть на Македонію свои личные виды)! А между тѣмъ, несчастный край ежечасно терзается и скверною администрациєю, и разбойничими шайками, и междоусобными распрами. Какъ тутъ не вспыхнуть пожару, когда случайно залетѣвшей искры достаточно, чтобы все загорѣлось! На Македонію мы указываемъ только въ томъ смыслѣ, что не будь болгарского переворота, непремѣнно бы вспыхнуло пламя въ томъ или другомъ углу Балканского полуострова. Главное же дѣло въ томъ, что Берлинскій конгрессъ не только не создалъ никакихъ надежныхъ условій мира для этого полуострова, но пустивъ туда Австрію, беззаконнѣйшимъ образомъ поправъ права народовъ, отдавъ ей двѣ провинціи, создалъ тѣмъ самымъ постоянный элементъ интриги и беспокойства. Выгодно развѣ для австрійской активной политики точное соблюдение *status quo*, установленного Берлинскимъ трактатомъ? Не противорѣчитъ ли онъ, напротивъ, всѣмъ ея стремленіямъ? Естественно ли созданное Австріею положеніе — ну хоть бы для Черногоріи?... При такомъ состояніи дѣль развѣ возможно Россіи убаюкивать себя надеждами на долгій покой или на возможность мирнаго, въ свое время, разрѣшенія Восточнаго вопроса?! Не говоримъ уже объ Англіи, которой почти объявленная задача — такъ или иначе надѣлать Россіи хлопотъ около себя, дѣма, чтобы отвлечь русское вниманіе отъ Индіи и, унизвивъ ея значеніе въ Европѣ, поколебать русское обаяніе и въ Азіи: даже и одной австрійской интриги достаточно! Если болгарский переворотъ произошелъ даже не по ея подстрекательству, то все же Австрія, предоставляемая намъ негодовать на досугѣ, сама-то уже воспользовалась переворотомъ, даже успѣла опрометчиво.

раскрыть свои карты! Угрозы Греции не страшны: центр тяжести современного положения, который мы, руководимые кн. Бисмаркомъ, упорно видимъ въ Болгарии да кнзъ Александръ,—теперь въ Сербии. Кто даль ей средства мобилизовать свою армію? кто искусно умѣль сочетать сербскій національный шовинизмъ, — да и не шовинизмъ, а весьма законный патріотизмъ, по существу своему австрійскимъ интересамъ противоположный — съ австрійскими выгодами, съ ненавистною доселѣ народу австрофильскою политикой короля Милана? Чѣд тутъ Болгарія, чѣд тутъ кнзъ Александръ! Мы лишь сами себѣ отводимъ глаза, — не хотимъ видѣть главнаго заговорщика и интригана — Австрію, и весь нашъ дипломатическій образъ дѣйствій не на кого другаго работаетъ, какъ на Австрію. Ибо этимъ дипломатическимъ образомъ дѣйствій не установить намъ мира на Балканскомъ полуостровѣ, не упрочить силы Берлинского трактата! Онъ будетъ имѣть для насъ лишь одинъ результатъ — печальный и къ тому же бесславный: потерю Болгаріи и потерю созданной нашими трудами и отчасти деньгами — совсѣмъ почти русской болгарской арміи!

Но вѣдь конференція провозгласитъ снова, пожалуй даже единогласно, дѣйствительность и обязательность Берлинского договора, а тогда единодушная (!!) Европа сумѣеть (такъ возглашаютъ германские и русские оффіціозы) заставить покориться своей волѣ «государственные мелкоты» Балканского полуострова! Какое обольщеніе — съ нашей стороны! Русские оффіціозы довольно чистосердечны, но германскимъ мы позволяемъ себѣ не вѣрить.. Предположимъ, что конференція и въ самомъ дѣлѣ придетъ къ такому единогласному решенію: всѣ торжественно, довольные собой, разойдутся; русская дипломатія поспѣшить отслужить благодарственный молебенъ. И тотчасъ же послѣ молебна — новые «совершившіеся факты»! Это неминуемо. Для короля Милана нѣтъ выбора, нѣтъ отступленія. Онъ поставилъ на карту свою корону, — а вмѣстѣ и судьбу австрійскаго вліянія въ Сербіи... И такъ новые «совершившіеся факты», затѣмъ пожаръ, — пожаръ всеобщій на Балканскомъ полуостровѣ, — появленіе на аренѣ турецкихъ полчищъ, а затѣмъ и выступленіе вооруженной Австріи, въ качествѣ защитницы Славянъ отъ турецкой мести и

расправы и въ союзѣ съ ними,—а мы, по прежнему косящіеся на Болгаръ, негодующе на князя Александра; мы — безъ флота въ Черномъ морѣ, но съ англійскимъ флотомъ у входа въ Босфоръ и—безъ Болгаріи... Вотъ каковъ будетъ результатъ нашей политики,—если судьба надъ нами не смиливается!.. И вы думаете, что князь Бисмаркъ всего этого не предусматриваетъ? И вы думаете, что на Скерневицкомъ и Кремзицкомъ свиданіяхъ Австрія не носила въ своей мысли тѣхъ же самыхъ плановъ, чтѣ тѣперь только приводятся въ дѣйствіе?...

Москва, 12 октября.

Дѣла Балканского полуострова — наши дѣла, намъ свои. Они неразрывно связаны съ историческимъ существомъ нашего отечества, съ вопросомъ мира или войны, чести или бесславія, вящаго подъема или вящаго паденія — для самой Россіи...

Если бы даже,—чтѣ еще подлежитъ великому сомнѣнію,—и удалось на этотъ разъ «державамъ» кое-какъ зачинить рвущуюся не только по швамъ, но и по цѣлинѣ, ветхую ризу Берлинскаго трактата, разъединить вновь Болгарское Княжество съ Румеліей, заставить Болгарію, Грецію и Сербію вложить мечь въ ножны и распустить свои, уже почти мобилизованные войска; если бы державы успѣли, однимъ словомъ, не вынимая дрожжей изъ сосуда, запретить имъ бродить и такимъ образомъ упразднить столь негаданное-непрощенное «осложеніе» политического status quo на Балканскомъ полуостровѣ, — то все же не упразднится, а будетъ, поверхъ общаго обновленнаго уровня, высовываться и торчать, выдвинутый событиями нѣкій новоявленный фактъ, въ коемъ отнынѣ залогъ постояннаго, самого серіознаго «осложенія». Это фактъ—раскрывшаяся игра одной изъ великихъ державъ, одного изъ членовъ «Трехъ-Императорскаго Союза» — Австріи. Кто поспѣшилъ, при первомъ извѣстіи о филиппопольскомъ переворотѣ, поставить Сербію на ноги и снабдить ее деньгами для вооруженія армії? Кто пытался было, съ самого начала, возбудить на предстоявшей конфе-

ренці вопросъ о компенсації Сербії за болгарское воссоединение? Кто потомъ, уже участвуя въ конференціи, уже совѣщаясь о мѣрахъ къ обузданію сербскихъ воинскихъ похотей, продолжалъ въ то же время допускать доставку въ предѣлы Сербіи, чрезъ свои владѣнія, оружія и всего того, что въ виду этихъ готовившихся, а затѣмъ имъ самимъ подпісанныхъ рѣшеній конференціи, становилось уже военною контрабандою? Кто, наконецъ, науськивалъ, да и теперь еще, вѣроятно, тайно науськиваетъ Сербовъ королевства на Болгаръ?... Если Австрія даже и непричастна ни прямо, никосвенно (хотя въ послѣднемъ можно и сомнѣваться) послѣднему соул d'etat Болгарскаго князя Александра, то все же она своимъ поспѣшнымъ до опрометчивости способомъ дѣйствій относительно Сербіи обнаружила довольно явно, что румелійское событие ей на руку и что она намѣрена воспользоваться имъ въ своихъ личныхъ видахъ,—ужь вовсе не въ видахъ политики «Трехъ-Императорскаго Союза!» Достовѣрно известно, да и официально было не разъ возвѣщено, что существеннѣйшій результатъ Скерневицкаго, а потомъ и Кремзирскаго свиданій заключался именно въ томъ, что всѣ три великия державы согласились, при всѣхъ какихъ-либо нарушеніяхъ status quo на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствовать сообща, съ общаго между собою совѣта. И вотъ, при первой встрѣтившейся пробѣ,—менѣе чѣмъ черезъ три недѣли послѣ свиданія монарховъ въ Кремзирѣ,—Австрія торопится дѣйствовать особнякомъ, въ нарушение status quo, закладывающе въ Сербіи свою мину,—и затѣмъ, въ виду рѣшительного консерватизма русскаго кабинета, посыпаетъ графа Сечени къ германскому канцлеру хлопотать о содѣйствіи ея планамъ и начинаніямъ! Получивъ однакоже отъ князя Бисмарка отказъ (обусловленный можетъ-быть лишь неблаговременностью), принимается, какъ ни въ чемъ не бывало, пѣть свою партитуру въ согласномъ trio съ Россіей и Германіей! Спрашивается, къ кому же должны относиться всѣ укоризны по адресу Сербіи, заключающіяся въ отвѣтной нотѣ пословъ «Блистательной» Портѣ, въ ихъ меморандумѣ и въ ихъ нотѣ тремъ балканскимъ, провинившимся предъ Европой государствамъ? Ни къ кому другому, разумѣется, какъ къ Австріи, и что всего характернѣе — она же сама

имѣла безстыдство ихъ подписать! «Въ меморандумѣ—глаголѣ органъ князя Бисмарка, «Сѣверо-германская Всеобщая Газета»—«самымъ опредѣленнымъ и торжественнымъ образомъ заявлено, что честолюбію отдѣльныхъ балканскихъ государствъ не можетъ быть предоставлено подвергать опасности миръ, вступая въ споры между собою или съ Турцией и упуская изъ виду, что послѣдствія такой ихъ своекорыстной и близорукой политики могутъ заставить великия державы вмѣшаться въ споръ» и проч. — Несчастная Сербія! Она же и обругана Австріею (въ составѣ конференціи) за «честолюбіе», «своекорыстіе и близорукость политики»,—она, которая стала первою жертвою именно этихъ свойствъ политики не иной чьей, какъ самой австрійской! Королю Милану и настоящей партіи «напредняковъ» правящей теперь Сербію—это достойное наказаніе за ихъ преданность и продажность Австріи; но чѣмъ же виновата сама страна, самъ народъ, который неоднократно пытался свергнуть ненавистное австрійское иго, олицетворяемое нынѣ предержащую сербскую властью, но былъ всякий разъ усмиряемъ жестокою, Австріею же вдохновляемою, кровавою расправою,—а теперь австрійскими же посулами подвигнутъ на увеличеніе сербской территории?! Если и допустить, что державы заставятъ Сербовъ остудить свой неблаговременный, самою Австріею вызванный национальный энтузиазмъ, то изъ всего этого краткаго эпизода своей исторіи, въ добавокъ къ горечи разочарованія, Сербія выйдетъ разоренною, истощенною, доведенною наконецъ до банкротства тѣмъ громаднымъ долгомъ, который такъ услужливо навязанъ ей ея покровительницаю—Австріей. Если здѣсь можетъ идти рѣчь о какихъ-либо требованіяхъ честности, то было бы естественно ожидать, что въ случаѣ мирной развязки, т. е. безъ всякаго удовлетворенія Сербіи по части терраторіи, Австрія сама, добровольно, приметъ на себя уплату этого долга и такимъ образомъ освободитъ это маленькое государство отъ всякихъ обязательствъ австрійскому *Landerbank'у*. Иначе трудно было бы даже прискать и именование сему дѣянію австрійской власти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать афериста, который, подстрекнувъ вполнѣ завѣяющаго отъ него человѣка на огромное предприятіе, одною рукою, подъ великіе проценты и залоги, ссуджалъ

бы ему деныги,—а другою—самъ же разрушалъ это предпріятіе, дѣлалъ успѣхъ его невозможнымъ!... Въ такомъ именно отношеніи и состоить теперь Австрія къ Сербамъ, возгласивъ вновь свою солидарность съ политикой германскаго и русскаго кабинетовъ. Но такъ какъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы она приняла на себя уплату сербскаго долга, то и надо полагать, что она имѣть въ виду иной способъ съ Сербіей расквитаться...

Но это еще впереди. А теперь во всякомъ случаѣ стало ясно, что даже при совершенномъ возвращеніи старого *status quo*,—этотъ *status quo*, а вмѣстѣ съ нимъ и все политическое положеніе, осложняется отнынѣ (и прочно) проявившимся до несомнѣнности въроломствомъ австрійской политики. Не ясно развѣ только для одной русской дипломатіи? Не знаемъ—быть ли съ ея стороны сдѣланъ запросъ австрійскому кабинету по поводу его дѣйствій относительно Сербіи, составляющихъ явное противорѣчіе съ условіями союза выработанными въ Скерневицахъ и Кремзирѣ,—вѣроятно, что нѣтъ. Но неужели можетъ русская дипломатія по прежнему самообольщаться и чрезъ своихъ офиціозныхъ органовъ напыщенно возвѣщать, что «европейскій миръ покойится на основахъ этого соглашенія», когда, послѣ вышеизложенныхъ поступковъ Австріи, и Скерневицкое и Кремзировское соглашеніе—не болѣе какъ тщета? И все это такъ Австріи и сойдетъ? И мы по старому, какъ неисправимые Маниловы, будемъ вѣрить дружбѣ и чистосердечію австрійскаго Чичикова? Но, возразятъ намъ, Австрія, если и увлеклась прежде всего заботою о своихъ личныхъ интересахъ, то все же, именно въ силу недавнаго Кремзирского свиданія, присоединилась, даже съ нѣкоторымъ ущербомъ для своего достоинства, къ политикѣ Германіи и Россіи... Присоединилась, конечно,—только успѣхъ заранѣе вбить такой гвоздь, котораго, пожалуй, и не выдернешь,—зavarить такую кашу, что ее и не расхлебать! И кто знаетъ?—можетъ-быть теперь сама русская дипломатія, виавъ своему суплеру въ Германіи, добродушно озабочена именно тѣмъ, какъ бы вывести Австрію съ почетомъ изъ ея фальшиваго положенія относительно Сербскаго королевства?...

Увы! намъ нужно бы прежде всего озабочиться исправле-

ніемъ своего собственного фальшиваго положенія,—которое отличается отъ австрійскаго тѣмъ, что оно создано никакъ ужъ не хитростью и не лукавствомъ, а совершенно противоположными качествами—при недостаточной оцѣнкѣ органическихъ и историческихъ условій русской национальной политики и коварства нашихъ враговъ—и фальшиво тѣмъ, что мы сами нехотя налагали на самикъ себя, не сообразивъ послѣдствій нашего образа дѣйствій... Декларациія Константинопольской конференціи начинается, какъ сообщаютъ газеты, словами: «По предложенію Россіи, послы» и т. д. Справедливо опасается «Новое Время», что «такою вступительною фразою наши недоброжелатели воспользуются какъ средствомъ убѣдить балканскихъ Славянъ, что Россія ихъ совершенно оставила»; иначе сказать, «вступленіе» (которымъ наша дипломатія, вѣроятно, даже очень гордится, но которое, безъ сомнѣнія, предложено не ею, а нашими услугливыми друзьями) имѣть цѣлью свалить на Россію весь odium рѣшенія: возстановить власть Турціи, гдѣ она поколеблена, даже съ признаніемъ за Турціей права прибѣгнуть къ вооруженной, для усмиренія славянскихъ христіанъ, силѣ... Положимъ, что это писалось въ предвидѣніи, что «сила» пущена въ ходъ не будетъ (по крайней мѣрѣ относительно Болгаріи). Допустимъ даже, что у народныхъ массъ можетъ быть и дѣйствительно, несмотря ни на какія наши распоряженія, сложится въ умѣ простое, безхитростное представление, что безъ воли, безъ руководства и поддержки Россіи, давшей столько памятныхъ имъ доказательствъ своего сочувствія къ Славянству,—православнымъ Славянамъ своими судьбами располагать неблагоразумно и не слѣдуетъ. Но тѣмъ не менѣе виѣшнее, офиціальное, а также и нравственное положеніе Россіи въ сверхнародной средѣ (народъ же не всегда можетъ проявлять свою волю), въ данную минуту такъ въ Болгаріи испорчено, что возстановить для Россіи по отношенію къ себѣ status quo ante—при настоящихъ условіяхъ дѣло крайне нелегкое. Впрочемъ не собственно объ отношеніяхъ Россіи къ Славянамъ ведемъ мы теперь рѣчь; обратимся къ меморандуму и вообще къ дипломатическимъ актамъ конференціи, въ которыхъ,—замѣтимъ однако опять мимоходомъ,—въ такой несвойственной, противорѣчащей ея

существу роли выступает Россия! словно бы въ мантіи изъ бумажныхъ листовъ Берлинского, ей въ поруганіе состоявшагося, трактата,—подъ руку, съ одной стороны, съ Германіей—надѣлившой ее этимъ потѣшнымъ уборомъ; съ другой—съ Австріей, у которой изъ кармана торчать эскамотированная ею дипломатическимъ, даже весьма грубымъ фокусомъ, двѣ большія Славянскія страны—Боснія и Герцеговина!... Меморандумъ твердить,—между прочимъ и отъ имени Австріи,—о честолюбіи и своекорыстіи малыхъ балканскихъ Славянскихъ государствъ, которая въ сущности хотять вѣдь только возвратить свое, у нихъ неправо отнятое (какъ напримѣръ Болгарія), или же присоединить къ себѣ родное, на что ужъ нельзя никакъ отрицать ихъ право (например, возсоединеніе Сербовъ съ Сербами). А между тѣмъ налицо—воплющій фактъ самаго беззаконнаго и наглаго захвата не малымъ, а крупнымъ (можеть-быть потому именно это извинительно?!), вовсе не Балканскимъ и не Славянскимъ государствомъ (это, должно-быть, еще извинительное и даже чуть ли не вполнѣ праведно), а чужимъ, именно Австріей, упомянутыхъ чужихъ провинцій—коренныхъ Славянскихъ земель!.. Этотъ захватъ никого не возмущаетъ, и если Европа, какъ соумышленница такого грабежа, со свойственнымъ ей нахальствомъ всякий разъ какъ дѣло касается міра Славянского и вообще православнаго, можетъ обращаться къ послѣднему съ такого рода нравоучительною проповѣдью, то Россіи такая роль не пристала. Мало того: если какимъ-либо рѣшительнымъ дѣйствиемъ, она не возвратить себѣ свободы, то ей придется идти на буксирѣ австрійской политики...

А между тѣмъ вѣнская газета «Neue freie Presse» напечатала у себя на днахъ очень замѣчательное письмо изъ Петербурга, въ которомъ излагаются, со словъ какого-то русскаго «государственного человѣка», точка зренія и основанія русской политики. Въ настоящее время вся она заключается въ сохраненіи status quo ante, безъ малѣйшихъ уступокъ и компромиссовъ: никакія ни революціи, ни эволюціи самовольныя, хотя бы и органическія, хотя бы и вызванныя воплющею нуждою, не должны быть допускаемы на Балканскомъ полуостровѣ: всякое измѣненіе современнаго политическаго состоянія того или другаго государства, того

или другаго племени, должно происходить тамъ не иначе, какъ съ соизволенія и подъ руководствомъ трехъ державъ (Россіи, Германіи и Австріи), по взаимному ихъ соглашенію. Такая система политики признается единственное честною (*loyale*) и закономѣрною (*légale*), и притомъ «наиболѣе выгодною для самой Австріи»... «Здѣсь (въ Петербургѣ) не сомнѣваются,—вѣщаетъ упомянутое письмо въ «*Neue freie Presse*»,—что и Австрія будетъ держаться именно этого воззрѣнія, и держаться долго, такъ какъ всякое ея потворство тому или другому изъ трехъ притязателей (Греціи, Сербіи и Болгаріи) послужило бы къ усиленію славянскаго (т. е. и православнаго) вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, что для австрійской политики *ненавистно* (*welche die österreichische Politik perhorrescirt*). Далѣе читаемъ,—все въ видѣ восхваленія русской точки зрѣнія,—«что она оцѣнена и государственными людьми Австріи, графомъ Андраши и графомъ Кальнаки, такъ какъ оба уѣдились, что соглашеніе съ Россіей—*добрый базисъ для интересовъ Австріи на Востокѣ!*».. О томъ же—въ какой степени интересы Австріи согласуются съ интересами самого Востока, или точнѣе сказать—православныхъ населеній Балканскаго полуострова, и въ какой мѣрѣ домогательство австрійскихъ интересовъ заключаетъ въ себѣ надлежащія условія для мирнаго и успѣшнаго национального развитія несчастныхъ Славянъ — разумѣется, ни слова! Къ сожалѣнію, мы не можемъ признать помѣщенное въ вѣнѣцкой газетѣ письмо — апокрифомъ: таково, дѣйствительно возврѣніе русскаго кабинета, насколько оно успѣло выразиться.

Въ какомъ же теперь положеніи дѣло? Посольскій ареопагъ въ Константинополь задачу свою, какъ известно, окончилъ. Онъ призналъ въ принципѣ полную неприкосновенность Берлинскаго трактата и пра́ва Турціи, — затѣмъ «пригласилъ» Болгарію, Грецію и Сербію отказаться отъ своихъ притязаній и прежде всего отвести отъ турецкихъ границъ свои силы. Болгарское правительство выразило повидимому готовность послушаться державъ, но пока — двусмысленнымъ образомъ: оно старается главнымъ образомъ успокоить опасенія Европы относительно сохраненія мира, ручается за спокойствіе Румелии, выводить или вывело уже изъ нея — войска Княже-

ства, — что пришлось бы и безъ того учинить, такъ какъ Княжеству угрожаетъ вторженіе сербскихъ войскъ. Въ то же время въ отвѣтъ князя Александра нѣть отреченія отъ Румеліи, а сквозить надежда на сохраненіе ея за Болгаріей въ видѣ личной уніи — къ чему Султанъ лично былъ бы довольно склоненъ, еслибъ не опасался притязаній Греціи и Сербіи.

Греція ставитъ свое разоруженіе въ зависимость отъ общаго хода дѣлъ и продолжаетъ мобилизацію своей армії. По послѣднимъ извѣстіямъ, Англія и Франція, которыхъ совсѣмъ она охотнѣе слушается, чѣмъ прочихъ державъ, отказались производить на нее давленіе въ смыслѣ посольской декларации,—очевидно желая имѣть ее на готовѣ для противодѣйствія славянской стихіи, въ случаѣ еслибъ послѣдняя разыгралась. Впрочемъ не Греція озабочиваетъ теперь державы. Весь узель современного политического вопроса теперь въ Сербіи или, какъ мы уже разяснили — въ тѣсной прикосновенности къ ея настоящему положенію одной изъ великихъ державъ, т. е. Австріи. Газеты увѣряютъ, будто король Миланъ обѣщалъ распустить свою армію лишь въ томъ случаѣ, если Болгарское Княжество откажется отъ возсоединенія съ Румеліей въ какой бы то ни было формѣ. Но даже и восстановленіе *status quo ante* въ Болгаріи не облегчитъ для сербской власти выхода изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ поставлена она совѣтами и содѣйствіемъ своей покровительницы,—слѣдовательно не облегчитъ и для послѣдней выхода изъ ея неловкаго состоянія. Безъ какого-либо удовлетворенія національнымъ притязаніямъ (возбужденіемъ которыхъ думалъ король утвердить свою власть, а вмѣстѣ и австрійское на Сербію вліяніе) королю Милану грозить потеря престола, а Австріи — утрата пріобрѣтенной ею въ Королевствѣ позиціи. Пріисканіемъ выхода изъ этой дилеммы и озабочены теперь, какъ по всему видно, державы: и австрійскій и сербскій посланники, по сообщенію газетъ, постоянно толкуются въ двери кабинета германскаго канцлера! Между тѣмъ выходъ самый простой и естественный — это вознагражденіе Сербіи на счетъ Босніи! Боснія вѣдь еще не составляетъ неотъемлемой собственности Австрійской монархіи; она все еще *de jure* числится частью Турецкой имперіи и

только временно «оккупируется» австрійскою властю (хотя Австрійскій імператоръ и принималъ уже отъ Босняковъ торжественныя увѣренія, заранѣе редижираванныя австрійскимъ начальствомъ, въ «вѣрноподданическихъ» чувствахъ!). Почему же, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ поручена была Европою Австрії оккупация Босніи, не передать этой оккупации (всей, ли Босніи, части ли ея) Сербії? Въ сущности для Турціи это все равно... Если же такое предположение несбыточно, то несбыточно и вообще мирное разрѣшеніе Восточного вопроса съ тѣхъ поръ, какъ Австрія врѣзилась клиномъ въ самое сердце Балканского полуострова...

Но о Босніи, очевидно, король Миланъ не смѣеть и мечтать, въ виду не только Австріи и Германіи, но и самой Россіи: вѣдь ея задача, по словамъ петербургскаго государственного человѣка, создать своею политикою «базисъ для австрійскихъ интересовъ на Востокѣ»! Однакожъ, отказываясь въ настоящую минуту отъ замысловъ на принадлежащія еще Турціи сербскія земли, не желая, однимъ словомъ, безъ надежной поддержки отваживаться на бой съ грозными турецкими полчищами (которыя уже собираются въ Македоніи и Старой Сербіи), король Миланъ намѣревается дать удовлетвореніе распаленному имъ сербскому національному аппетиту—на счетъ болгарскихъ владѣній. По Берлинскому трактату замежевано въ черту Болгаріи нѣсколько деревень и мѣстечекъ съ сербскимъ населеніемъ, въ перемежку, впрочемъ, съ деревнями болгарскими; предполагается ихъ отнять, да кстати прихватить и болгарской землици! Предлогъ, безъ сомнѣнія, вздорный, и если неприосновенность Берлинскаго трактата составляетъ признанный тепѣрь догматъ современной европейской политики, то такое дѣйствіе Сербіи было бы несравненно болѣе вопіющимъ нарушеніемъ трактата, а слѣдовательно и противорѣчіемъ политическому догмату, чѣмъ «сухая» революція въ Филиппополѣ...

Газеты, между тѣмъ, сообщаютъ разнорѣчивыя извѣстія: то сербскія войска переступили границу, то яѣть... Королю Милану, очевидно, становится его положеніе не въ терпежъ... Но что же медлять «державы»? Турція, поблагодаривъ ихъ за теоретическое признаніе ея правоъ, требуетъ отъ нихъ указанія тѣхъ практическихъ способовъ, коими можно было

бы возстановить столь благожелательно рекомендованный ей *status quo ante* на Полуостровѣ, и теперь идутъ переговоры о созывѣ новой, съ большими полномочіями, конференціи. Но пока новая конференція собирается, неужели такая братоубийственная война будетъ допущена? Неужели Трех-Державный Союзъ не предупредить появленія нового «совершившагося факта»? Неужели, наконецъ, Австрія, обладающая всѣми способами производить давленіе на короля Милана, окажется вдругъ безсильною остановить порывы своего клевета и сосѣда? Кто же этому повѣрить?! На Австрію, на нее одну, должна пасть отвѣтственность за кровь, которая прольется. Всякія ея отговорки, печатаемыя въ вѣнскихъ газетахъ, будто Австрія не можетъ сладить съ сербскимъ движениемъ—лживы: намъ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что война съ Болгаріей нисколько не пользуется сочувствіемъ Сербскаго народа... Если же Австрія не рѣшается остановить этотъ наглый замыселъ короля Милана, то конечно лишь по своимъ личнымъ расчетамъ и соображеніямъ, надѣясь быть-можеть, что «державы» въ концѣ концовъ признаютъ этотъ совершившійся фактъ насилиственного исправленія сербской границы...

Думаемъ однако же, что она ошибется на счетъ Россіи... Русское правительство не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ кровавой схватки двухъ родственныхъ ей Славянскихъ племенъ,—не можетъ, безъ грубой непослѣдовательности, требовать *status quo ante* для Болгаріи и дозволять его нарушение Сербіи. Таково еще, несмотря на всѣ наши политические грѣхи и провинности, обаяніе русскаго имени и въ особенности имени Русскаго Царя, что стѣть Ему погрозить Сербіи отозваніемъ своего резидента и торжественнымъ актомъ выразить, не отъ конференціи какой-нибудь, а личное свое осужденіе, то, — лишь бы оно могло дойти до слуха сербскихъ народныхъ массъ, — силы короля Милана будутъ парализованы...

Какъ видать читатели, — балканское замѣшательство еще вовсе не улеглось,— и главною виною тому — Австрія. В никакихъ отношеніяхъ Австріи и Россіи, нельзя не признать, что ихъ «дружба» между собой — дружба поистинѣ междуусобная, которая для русскаго прямодушія опаснѣе открытой вражды...

Москва, 19 октября.

Удивительно слабо народное и историческое самосознание въ нашемъ обществѣ! Стоило только двумъ-тремъ горячимъ болгарскимъ головамъ произвести въ Румеліи переворотъ— до смѣшного легкій и всегда, даже для самой нашей дипломатіи, состоявшій *in spe*,—глядь! и общество растерялось, и дипломатія, выронивъ изъ рукъ (должно-быть, впрочемъ, плохо держала) клубокъ путеводной нити, мечется ища выхода, и всѣ отъ неожиданного толчка посокочили разомъ съ исторической точки зреінія, а другой ощупать еще не могутъ! Доведутъ до свѣдѣнія русской публики услужливые газетные корреспонденты изъ Софіи то или другое хвастливое, случайное изрѣченіе Петра Степановича Каравелова, восхмленнаго духовнымъ хлѣбомъ московской университетской науки 60—70-хъ годовъ и сочетавшаго, какъ видно, воспринятый имъ у насъ крайній «европейскій» доктринер-скій либерализмъ съ преданіями и вкусами турецкаго режима (въ видѣ, напримѣръ, административнаго заточенія или изгнанія своихъ противниковъ),— и пошла наша публика откращиваться и отплевываться уже отъ всѣхъ Болгаръ, отъ всѣхъ Сербовъ! Воспроизведутъ ли въ русской печати какія-нибудь статейки изъ филиппопольской газетки гг. Стоянова и Ризова, гдѣ съ такою наивною свѣжестью повторяется по болгарски совсѣмъ уже обтрепавшаяся «либеральная» фразеология нашего «Русскаго Курьера», «Русскихъ Вѣдомостей», «Вѣстника Европы»,—въ родѣ, напримѣръ, что Румеліцы послужили дѣлу «на свободата, прогрессъ и цивилизациата», и вообще очень-очень много высказывается заботы о «съврѣменното человѣчество»; гдѣ даже такъ мило предъявляется притязаніе имѣть «своя собственна човѣшка физиономія», какъ будто до переворота физиономія у нихъ была не «човѣшка», т. е. не человѣчья, и не своя, а какая-нибудь португальская, чужая! гдѣ съ такою ребяческою дерзостью и заносчивостью отзываются они о Россіи и русскихъ офицерахъ и дѣтски хвалятся, что «соединеніе совершилъ» никто иной, какъ «князь Александръ и неговій (т. е. его) ради-каз» (словно чинъ! это должно-быть и есть «своя соб-

ственна физиономия»?) «министръ Каравеловъ — на зло и наперекоръ Россіи».... Однимъ словомъ: только лишь достигнуть слуха и свѣдѣнія нашей публики тѣ или иные возгласы и похвальбы состоящей нынѣ во власти болгарской «интеллигенциата»,—большая часть нашихъ руководителей общественного мнѣнія приходитъ въ первное состояніе, теряетъ трезвость мысли и рѣчи. Поднимаются вошли о «болгарской неблагодарности», возбуждается въ русскомъ обществѣ, къ злорадству Европейцевъ, чувство чуть не ненависти къ Болгаріи, къ ея народу, ко всѣмъ Славянамъ,—и если судить по большинству органовъ русской печати, съ великимъ русскимъ державнымъ кораблемъ происходитъ нѣчто въ родѣ крушения: давай швырять за бортъ весь историческій грузъ вѣковыхъ политическихъ преданій, исполинскихъ усилий, жертвъ, величавыхъ дѣяній и подвиговъ, даже самыхъ недавнихъ!—«облегчимъ-де себя отъ этого балласта и за потерей компаса направимъ корабль по вѣтру «эгоистическихъ интересовъ», бросимъ всѣ эти безкорыстныя нравственные задачи какъ сущій вздоръ, въ политикѣ неумѣстный! вместо всякихъ высшихъ побужденій и чувствъ, только смѣшныхъ, пусть будутъ нашимъ двигателемъ однѣ материальные выгоды—въ нихъ лишь законъ и правда!.. и тому подобная дешевая, пошлая мудрость.

Какъ будто о хлѣбѣ единомъ живутъ народы! Какъ будто высшія задачи духовнаго свойства не составляютъ существеннѣйшей цѣли, ихъ бытія,—такой цѣли, при уклоненіи отъ которой не приложится къ нимъ и «сія вся»! И если это требование предъявлено человѣку, такъ равномѣрно обязательно оно и для человѣческихъ группъ или союзовъ, а тѣмъ болѣе для великихъ всемирно-историческихъ народовъ, къ которымъ принадлежитъ и нашъ народъ, Русскій. Кому много дано, отъ того много и спросится. Чѣмъ выше и шире задача, тѣмъ болѣшимъ трудомъ и усилиями нудится ея разрѣшеніе. И такая именно задача—превыше и шире, мудренѣе задачъ уже рѣшенныхъ и рѣшаемыхъ другими, опредѣшившими нась народами—ниспослана на долю Русскаго народа. Быть-можеть и «недостойная привданья» по слову поэта, Россія тѣмъ не менѣе призвана къ великому, но вмѣсть съ тѣмъ и къ необычайно тяжкому жребію,—ибо вели-

чіе и высота призванія налагаютъ и соразмѣрныя обязательства. Оттого-то такъ усвянъ трудомъ и скорбями нашъ народный исторический путь; оттого-то, проживъ тысячу лѣтъ (что считается критическимъ періодомъ въ жизни народовъ, послѣ котораго они начинаютъ будто бы хилѣть и стариться), мы не только сами не чувствуемъ на себѣ старости, но и вся Европа хоромъ признаетъ нашъ народъ еще «молодымъ»!.. Извѣстный путешественникъ, авторъ замѣчательной книги о Россіи, гдѣ онъ прожилъ пять лѣтъ, Уоллесъ-Макензи, говоривалъ намъ, впрочемъ съ полунасмѣшкой, что, по его наблюденію, въ Россіи никто почти никогда не говорить о настоящемъ, а все о будущемъ: все живутъ какими-то надеждами, у всѣхъ на умѣ и въ рѣчахъ—будущее. Онъ правъ,—и эта особенность знаменательна. Она свидѣтельствуетъ, что не только въ сознаніи нѣкоторыхъ, но и въ инстинктѣ всенародномъ живеть чувство еще недовершенного призванія, о которомъ даже самое представление не ясно,—и это чувство живить чаяніе, а чаяніе мирить съ настоящимъ, даетъ силы его перебыть...

Но что же общаго,—перервать насъ быть—можетъ съ нетерпѣніемъ,—между всѣми этими абстрактами, мечтами—и реальнымъ вопросомъ о нашихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Сербамъ, о томъ, что предлежитъ дѣлать теперь русской дипломатіи: вопросъ этотъ стоить вѣдь на практической, а не на отвлеченной почвѣ?! Чѣдѣ общаго! Да вѣдь надо же себѣ наконецъ осмыслить нашу историческую практику въ / теченіи столѣтій? Надо же наконецъ уразумѣть внутреннее значеніе тѣхъ историческихъ теченій, которыхъ неудержимо влекли насъ къ Балканскому полуострову, къ Босфору, къ Константинополю,—тѣхъ великихъ кровавыхъ битвъ, тѣхъ исполненныхъ русскихъ подвиговъ и необъятныхъ жертвъ, которыми—именно въ виду этой цѣли—ознаменовались для Россіи и XVIII и XIX вѣки? Не мало хлопотъ, заботъ и работъ досталось на долю и самой нашей дипломатіи! Ради чего «гибель сія бысть»? И ради чего такое дѣятельное движение въ этомъ направленіи началось именно послѣ того, какъ Московское государство, сложившись и окрѣпнувъ, перешло въ Царство Всероссійское и выступило на поприще всемирно-историческое? Чѣдѣ это? Властолюбивое влеченіе къ

захвату новыхъ земель или потребность въ болѣе опредѣленныхъ, естественныхъ границахъ? Но чего-жъ опредѣленіе и естественіе границы на нашемъ югѣ какъ море и большая рѣка? Вѣдь ничего подобнаго на западной границѣ мы не имѣемъ! и именно-то за Дунаемъ, на Балканскомъ полуостровѣ, мы не домогались и не пріобрѣли ни вершка земли, хотя имѣли вождей и «Задунайскихъ» и «Забалканскихъ», и два раза въ одномъ нынѣшнемъ столѣтіи подходили къ самому Константинополю! Чѣдже, побуждались мы развѣ материальными практическими интересами? Но никакихъ такихъ, очевидной и неотложной важности материальныхъ интересовъ, которые бы стоили этой страшной траты людей и денегъ, даже и указать нельзя: русская-то торговля уже никакъ ихъ не требовала! Добивались ли мы единственно свободнаго выхода изъ Чернаго моря? Да для торговыхъ судовъ онъ свободенъ не менѣе чѣмъ оба выхода изъ Средиземнаго моря,—а что касается до военнаго флота, такъ не Турція могла бы его задержать, когда онъ у насъ былъ, а Европа; востановлять же флотъ мы и не помышляли до послѣдней поры, хотя и имѣли для того времени вдоволь... Такъ чтѣ же насъ двигало наконецъ? Величавыя ли фантазіи доблестныхъ Вѣнценосцевъ, политическія мечты и само-обольщенія, такъ что теперь только, по прошествіи чуть ли не полутора вѣка, мы начинаемъ догадываться, что въ нашей политикѣ относительно Славянъ и Балканскаго полуострова мы дѣйствовали якобы вопреки нашимъ «истиннымъ интересамъ», что все это не болѣе какъ рядъ печальныхъ ошибокъ, однимъ словомъ—въ итогѣ безмыслица, которую однакоже рокъ такъ и толкаетъ насъ, да и подтолкнетъ непремѣнно—повторить вновь?!

Такое объясненіе однородныхъ, непрестанно возобновляющихся историческихъ явлений—очевидная несообразность. Ничего поэтому и не остается, какъ постараться понять и опредѣлить тотъ смыслъ, ту историческую *идею*, которая лежитъ въ ихъ основѣ, которая насъ отъ времени до времени подымываетъ, движетъ и несетъ. Именно тѣмъ и объясняются всѣ неудовлетворительные результаты нашихъ такъ называемыхъ Восточныхъ войнъ и странные промахи нашей дипломатіи, что идея-то эта нами недостаточно сознана и

усвоена, что стоимъ-то мы къ ней въ отношеніи нѣсколько страдательномъ, пассивномъ, и когда подхватить нась историческое теченіе, то даемъ себя нести не умѣя управиться съ нимъ, не отдавая себѣ точнаго отчета—куда, зачѣмъ, гдѣ остановиться, гдѣ пристать къ берегу и т. д.: словомъ—не знаемъ чего хотѣть.

Къ несчастію, самое уже слово *идея* отшугиваетъ отъ себя нашу высшую дипломатическую среду (да и не ее одну), и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь,—теперь, когда съ легкой будто бы руки Бисмарка, «реализмъ» въ такой модѣ! (Какъ будто вся сила Бисмарковскаго реализма не корениится именно въ его идеализмѣ *sui generis*,—и не идея единой Германіи и воцаренія германизма одушевляла его практическій подвигъ?!) «Матеріальные интересы» стали, какъ извѣстно, въ послѣднее время любимымъ лозунгомъ нашей публицистики, а также и самой политики. «Славянская же идея» и вообще все чтд пахнетъ «славянофильствомъ»,—это *horribile dictu!* объ этомъ, особенно уже въ Петербургѣ, и заняться нечего: «было-де время, испробовали ее—и обожглись!... Нѣтъ ужъ лучше безъ всякой особой идеи, а такъ, изъ простаго расчета выгодъ, да подъ общимъ европейскимъ знаменемъ «прогресса и цивилизациії»!...

Да развѣ это знамя—нѣ знамя идеи? «Прогрессъ и цивилизациія»—въ устахъ Западной Европы, это и есть западно-европейская историческая идея. По примѣру Россіи, лепечутъ теперь, на попугайскій ладъ, этотъ кличъ и наши братья Болгары и Сербы, только-что вылупившіеся изъ яйца на историческій свѣтъ.... Но вѣдь какъ скоро рѣчь идетъ объ «интересахъ прогресса и цивилизациії», какъ ихъ понимаетъ знаменоносецъ-Западъ,—такъ тутъ не только эти Славяне, но и Россія—пассъ! Тутъ и хлопотать не о чемъ! Первенство принадлежитъ, да и должно, натурально, принадлежать не кому другому, какъ самой Западной Европѣ: она здѣсь хозяйка и мастеръ,—ей и дѣло, и власть въ руки! Она послужитъ этимъ интересамъ получше Славянъ и нась! Въ интересѣ этихъ «интересовъ» Болгары и Сербы, сіи юные любовники «европейскаго прогресса и цивилизациії», не только должны сами безпрекословно и добровольно, съ радостью, да не мѣшкая, предать себя руководительству и гегемоніи Австріи—но и намъ самимъ, въ сми-

ренномъ сознаніи ея преимуществъ и правъ какъ носительницы европейской культуры и вообще европейской идеи, подобаетъ тотчасъ убраться изъ всякой «сферы вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ, — да пожалуй ретироваться изъ своихъ собственныхъ западныхъ предѣловъ въ Европѣ!.. Знаменитый белгійскій писатель Лавеле, вовсе даже не отъявленный врагъ Россіи, печатаетъ теперь въ «Revue des Deux Mondes» цѣлый рядъ статей по поводу Босніи, Герцеговины и Сербіи, — статей, въ коихъ превозносится верховенство въ этихъ странахъ Австро-Венгрии и доказывается, что она, именно она, призвана цивилизовать Славянъ, стать во главѣ ихъ, занять Константинополь и создать новую Восточную Имперію: о Россіи ни помину! А знаменитый профессоръ Рошеръ съ своей стороны авторитетно, какъ «мужъ науки», возглашаетъ, что «вся нынѣшняя Европейская Турція станетъ будущею Новою Германіею (So Gott will, die heutige Europäische Türkei wird das neue Deutschland bilden). Западные наши окраины, или, по крайней мѣрѣ, иѣкоторая доля ихъ давно уже въ Германіи намѣчена какъ будущее достояніе германизма,— намѣчена и частью уже онѣмечена. Да вѣдь и борьба для насъ не равна: Австрія и Германія, не говоря о силѣ материальныхъ корыстныхъ побужденій, вооружены еще и историческою идеей, а мы тамъ въ Петербургѣ никакой за Россіей исторической своей идеи знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, да и не хотимъ ни знать, ни вѣдать: мы — безъ идеи, да еще съ невольнымъ привычнымъуваженіемъ въ чужой, ихъ же собственной, враждебной намъ идеѣ! Кто же сильнѣе?

Вотъ до какого логического абсурда — не только въ теоріи, но вѣдь даже и на практикѣ, можетъ довести, отчасти уже доводить, и насъ и Славянъ это поклоненіе европеизму, — эта наша роковая безъидейность и въ обществѣ, и въ правящей средѣ! Отреченіе отъ своего собственного призванія, — сознательное или безсознательное, изъ душевной ли подлости и лаѣскаго чувства предъ Западной Европой, или по невѣдѣнію, — это вѣдь отреченіе отъ самихъ себя, отъ правъ на существованіе какъ всемирно-историческаго народа, это — самоубійство!

Къ счастію, не въ одномъ Петербургѣ и не въ одной

«интелигенциі» Россія, а есть въ ней 80%, населенія, которыхъ своеобразный національной духъ еще не упраздненъ европейскою цивилизаціей, въ которыхъ наша народность, со всѣми ея началами, еще пребываетъ на степени стихіи, и какъ стихія выступаетъ порой въ исторіи, непонятная, почти недоступная сознанію мудрецовъ правящаго сверхнародного слоя, но увлекающая и ихъ, иногда даже противъ воли, въ историческое дѣйствіе своимъ неудержимымъ стремлениемъ. Тамъ и живеть русская историческая идея — какъ духовный народный инстинктъ. Вирочемъ, этотъ же инстинктъ, — хотя и въ болѣе слабой степени, хотя иногда какъ неотвязное противорѣчіе, — сказывается и въ жизни тѣхъ единицъ изъ образованныхъ классовъ, которые не вполнѣ отрѣшились духомъ и бытомъ отъ своей народности или отъ того элемента, коимъ по преимуществу и существенно эта народность опредѣляется — православной вѣры. Она же, эта идея, проявляется иногда и въ художественнымъ откровеніяхъ нашихъ писателей, также и въ другихъ отрасляхъ искусства; она наконецъ начинаетъ возводиться, въ нынѣшнемъ столѣтіи, и въ сознаніе, благодаря усилиямъ многихъ мыслителей,—но какъ еще слабо оно, это народное самосознаніе, въ нашемъ обществѣ—о томъ уже упомянули мы въ началѣ статьи!

Что же такое эта «русская идея?» Въ томъ ли назначение Россіи, чтобы въ области развитія человѣчества явить миру *культурный контрастъ* Западной Европѣ? Это опредѣленіе было бы неточно. Восколько въ послѣдней жива и дѣйственна чистая истина христіанская, востолько нѣть мѣста контрасту съ нею и для Россіи; но Россія, дѣйствительно, самою духовною природою своею противорѣчить всей той неправдѣ, которую унаследовала Европа отъ языческаго міра (преимущественно Рима), которую развила и внесла въ свою культуру и цивилизацію. Правильнѣе сказать: Россія призвана явить новый культурный историческій типъ, который примирить въ себѣ и Востокъ и Западъ на основѣ православно-славянской. Это было сказано и прежде нась—Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ, И. В. Кирѣевскимъ и другими въ позднѣйшее время (напримѣръ Н. Я. Данилевскимъ). Это утверждаемъ и мы. Существеннѣйшимъ содержаніемъ

руссаго національнаго типа есть безъ сомнѣнія христіанство, исповѣдуемое въ его самомъ чистомъ вѣроученіи и образѣ,—исповѣдуемое Православною Вселенскою Церковью. Само собою разумѣется, что идея христіанства сама по себѣ безконечно шире всякой національности и не есть историческая или временнаѧ въ тѣсномъ смыслѣ,—она вѣчнаѧ и всемирнаѧ. Но воплощающаѧ на землѣ во времени и явленіи, она выражаетъ себя и действуетъ въ преобразуемомъ ею историческомъ человѣчествѣ посредствомъ національныхъ индивидуальностей, которыя избираютъ своими орудіями или сосудами. Никогда не видащается и не выражается она, въ каждой изъ нихъ отдельно, вполнѣ. Въ единичной душѣ человѣческой можетъ обрѣтаться въ полнотѣ своего внутреннаго значенія царство Божіе («царство Божіе внутрь васъ есть»), но исторія человѣчества въ смыслѣ христіанскомъ опредѣляется изрѣченіями: «подобно есть царство Божіе зерну горуши», которое растетъ медленно и постепенно, пока наконецъ не охватить землю широко тѣнистымъ древомъ,—и другое: «подобно есть царствіе Божіе квасу», т. е. дрожжамъ, которыми заквашено тесто—«дондеже вскиснетъ». Этими изрѣченіями указывается на предопределенный *процессъ созиданія* царства Божія въ человѣчествѣ. Мы вовсе не думаемъ, что судьбы міра заканчиваются Россіей и что она одна призвана восплотить царство Божіе на землѣ! Далеко неѣть! Мы вѣримъ, что и «изъ камней можетъ Богъ воздвигнуть сыновей Аврааму». Но изо всѣхъ выдвинувшихся на историческую очередь національныхъ индивидуальностей православная Россія представляется (не думаемъ, чтобы мы обольщались) наиболѣе *пока* широкимъ историческимъ сосудомъ для вмѣщенія въ наибольшей полнотѣ жизненной христіанской истины. Это не есть «византизмъ», который К. Н. Леонтьевъ, напримѣръ, считаетъ основою культурнаго типа Россіи. «Византизмъ» какъ явленіе историческое — носитъ на себѣ и печать односторонности, уже отжившей. Онъ призванъ къ очищенію въ русскомъ горнѣ: все что было и есть истиннаго и вѣчнаго въ византизмѣ, то восприняла въ себя конечно и Россія, изъ Византии озаренная свѣтомъ вѣры; но все, что въ немъ было времененнаго и національно-односторонняго, должно растворо-

риться, исчезнуть въ большей многосторонности и широтѣ русского духа. Подобно тому, какъ по извѣстному изрѣченію церковнаго писателя «душа человѣческая рождается христіанской», — такъ и про душу Русскаго народа (или тѣхъ разновидностей Славянскаго племени, которая называлась *Русью*) можно бы сказать, что въ ней, въ ея природѣ, въ бытѣ народномъ съ его общинами и *мирами*, было полное предрасположеніе къ христіанству еще въ язычествѣ. Оттого-то и приняла Русь христіанство съ такою, сравнительно, легкостью, какъ младенецъ, и прозвалась вскорѣ «Святою», т. е. освященною черезъ вѣру: это не самопревознесеніе, а лишь означеніе своего идеала. Оттого-то, крестившись, Русскій народъ предпочелъ въ своей внутренней жизни именованіе христіанина всемому другому, племенному, — именованіе и опредѣленіе вмѣстѣ: «христіане» (крестьяне) и «православные». Оттого-то, по выражению К. С. Аксакова, въ Русскомъ народѣ «национальное самоопредѣленіе совпало съ высшимъ опредѣленіемъ общечеловѣческимъ».

Здѣсь не мѣсто и не время входить во всѣ особенности, по преимуществу нравственного, культурнаго типа, который предназначено явить Россія и который обозначается съ самого начала, проступаетъ и во все теченіе его исторіи. Скажемъ виratцѣ, что для Русскаго народа государственность не есть высшее и конечное выраженіе истины, а только необходимый, временный компромиссъ съ истиной, вынуждаемый условіями земнаго существованія — государство не есть само по себѣ цѣль и идеалъ бытія, а лишь средство бытія; что всякого виѣшиаго закона, всякой такъ-называемой юридической правды выше для Русскаго народа истина нравственная, — что поверхъ «прававаго порядка» онъ поставилъ живую человѣческую, христіанствомъ просвѣщенную совѣсть, — что онъ врагъ всего условнаго, виѣшиаго и пуще всего дорожитъ внутреннею духовною, — вѣрою въ Бога опредѣляемою свободой... Высокій исторический жребій, сужденный, по милости Божіей, Россіи, есть въ то же время и страшно тягостный подвигъ: всякое уклоненіе отъ него, всякое отступленіе отъ нравственнаго закона взыскивается съ нея строже, сказывается чувствителнѣйшимъ для нея вредомъ и болѣзнями, чѣмъ въ жизни другихъ народовъ. Не

похвальба эти наши слова. «Всякой мерзости полна наша земля» — скажемъ съ Хомяковымъ, но ея призвание, — кото-
рого можетъ быть она (не дай Богъ!) явится и недостой-
ною, — призвание это отрицаemo быть не можетъ. Великія
силы на добро даны ей Богомъ. Гнусно подчасъ на нашей
Русской землѣ, — въ непрѣжествѣ, лѣни душевной и умствен-
ной, въ развратѣ и кривдѣ косячить народъ; но бываютъ
за то историческая мгновенія, когда эта земля, вдругъ, всѣмъ
народомъ, какъ бы поднимается до небесъ, вырастаетъ до
такой высоты и красоты нравственной, досягаетъ такихъ
вершинъ самоотверженія и любви, что міръ въ изумленіи
дивится и содрагается, — не постигая внутренняго смысла
такого явленія, такой безкорыстной траты силъ!...

«Славянской идеи нѣть, есть лишь русская идея» сказали
недавно, въ назиданіе «интеллигентамъ» Болгарамъ, Петра-
новичъ — умный Сербъ, подвизавшійся всю жизнь въ Черно-
горіи и Босніи, въ борьбѣ съ Турками и Швабами или Ав-
стрійцами, и изгнанный наконецъ изъ королевства Сербскаго,
въ которомъ настоящая власть предавалась и продавалась этимъ
Швабамъ. Его слова требуютъ оговорки: «а русскій языкъ
и словенескъ одно есть», изрекла наша лѣтопись, еще въ
началѣ русской исторіи — и потому «русская идея» есть въ
то же время и «идея славянская». Но Петрановичъ вполнѣ
правъ въ томъ, что Россія — по численности своего Славян-
скаго народа, по долголѣтію своего историческаго бытія, по
своему богатому и тяжкому историческому и духовному опыта-
ту, есть по преимуществу носительница этой идеи, которая
есть вмѣстѣ и идея Славянскаго братства. Ея положеріе въ
семье славянской — положеніе старшаго брата между братъ-
евъ. Ея удѣль, какъ выражался Тютчевъ еще 55 лѣтъ назадъ:

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенія
Единомысленныхъ, какъ рать...

Она и призываетъ ихъ всѣхъ къ участію въ своемъ исто-
рическомъ жребіи, на совмѣстный съ нею общий трудъ жизни,
просвѣщенія и культуры — совокупными усилиями племенныхъ
славянскихъ индивидуальностей, съ ихъ разнообразными осо-

бенностями и дарованиями. Она доказала искренность этого призыва тѣми громадными безкорыстными жертвами, которыми искупила свободу многихъ Славянскихъ племенъ отъ чужеземного рабства, не посягнувъ ни на ихъ земли, ни на ихъ внутреннюю племенную свободу, — требуя себѣ лишь довѣрія и преданности — какъ младшихъ братьевъ къ старшему брату, уваженія къ ея совѣтамъ и руководству. Само собою разумѣется, что этотъ призывъ ея относится прежде всего къ Славянамъ единовѣрнымъ, соисповѣдникамъ истины, составляющей существеннѣйшее содержаніе ея національного духа,—но не отрицаеть она своего братства и съ прочими Славянами, къ несчастію принявшими въ свое національное существо — чуждое начало религіозное, *латинство* (и выродившееся изъ него протестантство),—это живое *contradictio in adjecto* въ *Славянствѣ*. Питая надежду, что когда-нибудь и они возсоединятся съ нею въ духовной основѣ ея народности, Россія, разумѣется, имѣть и обязана имѣть, прежде всего, въ виду — Славянъ православныхъ. Но не объ однихъ Славянахъ православныхъ была ея скорбная забота, не для ихъ только свободы⁷ лила она свою кровь, а для православныхъ вообще: не ей ли исключительно обязаны своей свободой Румыны, — и преимущественно — Греки? И къ нимъ также обращенъ ея призывъ, — ибо въ Православно-Славянскомъ мірѣ, ею созидаемомъ, просторно и свободно и для ихъ племенныхъ отличій.

Вотъ русская, она же и славянская идея, виѣ которой нѣть ни для Россіи, ни для Славянъ никакого исторического *raison d'être*,—и самое ихъ независимое существованіе на землѣ представляется безмыслицей — или же лишь будущей поживой для нѣмецкаго всепоглощающаго аппетита. Пусть наши братья Болгары и Сербы спросатъ себя: хотять ли они продать свое это міровое призваніе, свое сослуженіе во вселенско-историческомъ подвигѣ Россіи — за блюдо чечевицы, предлагаемое имъ Западною Европою въ видѣ «европейской цивилизациі» и «европейского прогресса»? Хозяевами и творцами въ области западно-европейского духа имъ не быть — безъ отреченія отъ духовныхъ основъ своей національности; вместо того, чтобы, напротивъ, обогатить свою національность всѣмъ тѣмъ, чтѣ въ сокровищницахъ европейскаго про-

свѣщенія составляетъ достояніе общечеловѣческое (какъ это предлагаемъ мы), они послужатъ лишь для Европы страдательнымъ материаломъ, удобопретворимымъ въ западно-европейскую, по преимуществу нѣмецкую сущность. Обезличенные духовно, они, со знаменемъ въ рукахъ: «европейскій прогрессъ и цивилизациѣ», погибнутъ для Славянства и для Россіи!.. Но можно ли этому статься? И въ Славянскихъ государствахъ еще живъ историческій инстинктъ въ народныхъ массахъ, жива вѣра въ Россію и связь съ нею: значить, еще хранится залогъ спасенія,—хотя и нельзя отрицать, что по малочисленности населенія чужеядный начала перенесенного въ эти государства строя европейской политической жизни могутъ быстрѣе производить своеокрушающее дѣйствіе на духъ низшихъ народныхъ слоевъ. Нужно новое могучее слово Россіи, отъ котораго бы воспирнули ихъ сердца...

Но въ томъ-то и дѣло, что и сама Россія не въ безопасности,—что ея правящая интеллигентная среда не слишкомъ-то много разнится отъ «цивилизованныхъ» Болгаръ и Сербовъ,—развѣ только что послѣдніе карикатурниче,—и чуть-чуть сама не готова отречься отъ русскаго исторического призванія, прикрывъ свою постыдную ретираду тѣмъ же знаменемъ «интересовъ прогресса и цивилизациѣ»...

Мы сказали и повторяемъ: «Славянскій вопросъ весь сводится къ нашему внутреннему русскому вопросу, весь въ немъ заключается и разрѣшится вполнѣ только вмѣсть съ нимъ». Послѣднія события только подтвердили вѣрность этого положенія. Но исторія не ждетъ,—и выдвинула на очередь если не полное, то частное, впрочемъ многозначительное, разрѣшеніе Славянскаго вопроса... Неужели мы не опомнимся? Поймите же, что тутъ мѣшкатъ и недоумѣвать нечего, что вамъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ вновь поднять, поднять высоко, русское, оно же и славянское знамѣнь въ виду всей Европы, всего міра. Вѣдь это вопросъ не только нашей чести и достоинства, не только нашихъ политическихъ вѣшнихъ интересовъ, но это для насъ вопросъ: «быть или не быть»...

Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся.

Москва, 26 октября.

Какъ и слѣдовало ожидать, петербургскія газеты отнеслись несочувственно къ передовой статьѣ «Руси» прошлаго №,—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, съ отзывами которыхъ мы успѣли ознакомиться. Можетъ-быть, здѣсь доля и нашей вины: мы недостаточно ясно и убѣдительно выразили нашъ взглядъ,—но тѣмъ не менѣе, общий характеръ этихъ критическихъ отзывовъ наводить и на другія соображенія. Петербургъ вообще—истинный представитель того «реализма», который въ послѣднее время вошелъ у насъ въ такой почетъ и моду—реализма голаго, не только безъ идеалистической подкладки, но и вовсе безъидеяного,—который самъ себѣ цѣль, самъ себѣ довѣрять, самъ собой предоволенъ и даже пресеріозно, но вмѣстѣ и пренаивно, просто обижается, когда подступаютъ къ нему съ нѣсколькою отвлеченною мыслью. А что же не кажется ему отвлеченностью! Какъ истый мудрецъ вѣка сего, онъ признается за «правду жизни» лишь сегодняшній день, лишь то, что онъ можетъ ощупать, смырить, взвѣсить, во что можетъ такъ-сказать уткнуться носомъ. Оттого-то истинная «правда жизни» всего менѣе и дается корифеямъ нашего «реализма». Никогда не понять такому реалисту ни народа, ни исторіи: народа потому, что народа въ цѣломъ,—этого организма живущаго въ вѣкахъ,—никакъ не ухватишь реальными щупальцами; для реалиста народъ существуетъ лишь какъ совокупность наличныхъ и притомъ ему извѣстныхъ единицъ, какъ дворникъ Семенъ, да извощикъ Кузьма, которыхъ ему случайно довелось изучить съ натуры: этимъ объясняется, между прочимъ, почему нѣкоторые наши реалисты-художники отрицали всякое народное значеніе въ движениі добровольцевъ 1876 г. и въ войнѣ 1877 года! Про исторію и говорить нечего: она не доступна разумѣнію безъ абстракціи, безъ извлеченія, изъ ея реальныхъ данныхъ, скрытой въ нихъ движущей идеи; для реалиста она такимъ образомъ—лишь сборъ неосмысленныхъ фактovъ; или же какой-либо виѣшній, поразившій реалиста фактъ заслоняетъ для него своею виѣшностью общій внутренний, таящійся въ немъ смыслъ: кромѣ этой виѣшности реалистъ уже ничего и не видѣть.

Не стоило бы конечно и останавливаться вниманиемъ на проявленияхъ такого, впрочемъ довольно невиннаго, «реализма» въ петербургской печати, еслибы не приходило на умъ, что такова, видно, общая атмосфера въ петербургской средѣ, въ средѣ чиновниковъ, а пожалуй, и сановниковъ, пожалуй, и дипломатовъ, т. е. отмѣнное расположение къ безъидеиности. Это явленіе уже болѣе серіознаго характера. Мы въ своей статьѣ именно обличали въ русской политикѣ, особенно по отношенію къ Славянскому миру, отсутствіе общей руководящей мысли и пытались, съ своей стороны, осмыслить себѣ ту историческую практику, которою ознаменовались для Россіи и XVIII и XIX вѣка,—раскрыть ту историческую идею, которая лежитъ въ основѣ нашего стихійнаго движенія къ Босфору и Балканскому полуострову. Мы старались доказать, что въ настоящее время, когда приходится имѣть дѣло съ Западомъ, являющимся во всеоружії своей исторической идеи, Россія должна выступить съ нимъ въ состязаніе не иначе, какъ отдавъ себѣ ясный отчетъ въ своей собственной исторической задачѣ. Казалось бы, такое требование не можетъ вызвать и спора. Но петербургскія газеты признаютъ, по-видимому, или обвиненіе нашей дипломатіи въ безъидеиности неосновательнымъ, или же самую необходимость для нея въ руководящей исторической идеи—сомнительною. Одна изъ газетъ противопоставляетъ «идеализму Руси» — политику «реальныхъ интересовъ»; другая же восклицаетъ, что наше истолкованіе призванія Россіи и напоминаніе о немъ—«заначить, въ отвѣтъ на нынѣшнія русско-болгарскія недоумѣнія, не сказать ничего!... Разбору и оцѣнкѣ именно этихъ «русско-болгарскихъ недоумѣній» посвященъ былъ въ «Руси» цѣлый рядъ статей въ предшествовавшихъ №№, но эти-то недоумѣнія и свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ русской славянской политикѣ общей руководящей точки зренія: вотъ эту-то общую точку зренія и слѣдуетъ наконецъ опредѣлить; надо же наконецъ (или не надо?) понять и сознать—чего мы вообще хотимъ и должны хотѣть отъ Славянъ, чего добиваемся, какая наша задача, въ чёмъ именно смыслъ и существо нашихъ къ Славянству отношеній? Иначе русская политика будетъ вѣчно блуждать, пугаться, сама себѣ противорѣчить,—какъ оно было и есть въ послѣднее время,

особено же въ периодъ прошлаго царствованія. Ужели въ Петербургѣ этой потребности въ общемъ опредѣленномъ воззрѣніи—не сознаютъ и не ощущаютъ?! Должно быть такъ!... «Такова—изрекаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»—всегдашия тактика славянофильства при назрѣваніи того или другаго славянскаго вопроса: открыть обширные горизонты и высокія задачи. но не сказать *ни слова* о практической части дѣла». Хороша практика безъ опредѣленія задачи! Толочь воду—значитъ такая практика!... Мимоходомъ сказать, забавенъ и этотъ упрекъ обращенный къ «славянофильству»: добро бы еще, еслибы онъ относился къ другимъ, а не къ славянскимъ вопросамъ! Кажется ужъ «сланофильство»-то именно и не ограничивалось по отношению къ Славянству «раскрытиемъ мысленныхъ горизонтовъ» или платоническимъ сочувствіемъ, а при назрѣваніи славянскаго вопроса—хоть бы въ 1876, 77, 78 годахъ—дѣйствовало, по возможности, и практически чрезъ созданные имъ Славянские Комитеты,—изъ коихъ особенно Московскій достаточное, помнится намъ, принималъ участіе въ событияхъ не только словомъ устнымъ и письменнымъ, но и дѣломъ—вплоть до злосчастнаго Берлинскаго трактата!... Но это въ сторону. Не мнѣнія печати о «славянофильствѣ» озабочиваютъ нась, а смущаетъ насъ то, что подобнымъ противопоставленіемъ «практической части» и «политики реальныхъ интересовъ»—нашему праздному будто бы и совершенно излишнему раскрытию мысленныхъ «горизонтовъ и задачъ», подобнымъ отрицаніемъ всякой необходимости для высшей политики руководиться основною общею сознательною идеюю объ обязанностяхъ налагаемыхъ на Россію ея историческимъ призваніемъ, печать поощряетъ печальную безъдѣйность нашей политики, задерживаетъ проясненіе сознанія въ самихъ политическихъ дѣятеляхъ и вообще служить службу,—конечно, не отдавая сама себѣ въ томъ отчета,—интересамъ политики ненаціональной.

Мы же полагаемъ, что именно въ томъ «славянофильскомъ» тезисѣ, которымъ опредѣляется русская историческая идея,—въ этой, какъ иронически выражается «Новое Время», «старой формулѣ славянскаго кружка, болѣе богословскаго, чѣмъ политическаго», въ этомъ, по выражению той же га-

зеты, «разплывчатомъ идеализмѣ», именно и содержится самое практическое руководство для здравой реальной политики.

Спрашивается: еслибы эта «историческая идея», при всей своей, столь наивно осмысливаемой отвлеченности, была себѣ усвоена русскою дипломатію; посыпала ли бы развѣ она, эта дипломатія, Австріи въ 1874 году, въ предвидѣніи войны съ Турцией, на Рейхштадскомъ свиданіи, съ такимъ легкимъ сердцемъ Босни и Герцеговину? Установила ли бы она, какъ принципъ русской политики, допущеніе «австрійской сферы вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ, а затѣмъ и размежеваніе (для насъ проблематическое!) двухъ сферъ вліянія на этомъ полуостровѣ, австрійской и русской? Конечно нѣтъ. А вѣдь этотъ посулъ и это разграничение совершены во имя не чего другаго, какъ «политики реальныхъ интересовъ»... «Какіе же у насъ реальные интересы въ Босніи и Герцеговинѣ, помилуйте!» — слышали мы не разъ отъ русскихъ дипломатовъ, чутъ не посѣдѣвшихъ на службѣ, ревностныхъ защитниковъ вышеупомянутыхъ политическихъ комбинацій. И они повидимому правы. Чтѣ намъ до Босніи, чтѣ намъ до Герцеговины? Обѣ вѣдь земли отъ насъ далеки, торговли мы съ ними не ведемъ, — реальный же интересъ Россіи въ томъ-де, чтобы избѣгать европейской войны: ну, а для этого необходимо порой ублажать Австрію и сдѣлать ей кое-какія уступки! А между тѣмъ, не въ этомъ ли предательствѣ во власть Австріи Босняковъ и Герцеговинцевъ, согласномъ съ политикою реальныхъ интересовъ, но вошлюще противорѣчащемъ нравственнымъ и духовнымъ задачамъ славянской, православной Россіи, — не въ этой ли «коекакой уступкѣ» заключается и весь узелъ тѣхъ сѣтей, въ которыхъ бьется-невыбѣтъ наша политика въ настоящую минуту? Развѣ не здѣсь самое ядро современного осложненія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ? Вѣдь только слѣпому не видно, что не создали мы сами, — благодаря «политикѣ реальныхъ интересовъ», столь надменно отрицавшей «политику отвлеченныхъ славянофильскихъ идей и чувствъ», — настоящее для Австріи положеніе за Савой и Дунаемъ, не возникло бы и тѣхъ «русско-болгарскихъ недоумѣній», по деликатному выражению «С.-Петербургскихъ Вѣdomостей» (не однихъ болгарскихъ, но и сербскихъ и всяческихъ), для

которыхъ не видится и исхода... Выѣденного яйца не стбить для Россіи политика реальныхъ интересовъ, какъ скоро она не направляется высшюю путеводною идею русскаго историческаго призванія и задачи... хотя бы именно въ «старой формулы славянофильскаго, болѣе богословскаго, чѣмъ политическаго кружка»! Безъ свѣта высшей исторической идеи, за утратою или отупленіемъ непосредственнаго чувства родной исторіи и народности, не опознать русской дипломатіи и истинныхъ реальныхъ интересовъ Россіи...

Свѣти эта идея и не затмѣвайся она реалистическою тенденціей и туманомъ чужихъ, усвоенныхъ себѣ руководителями русской политики идей,—развѣ такъ бы мы дѣйствовали на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ это было въ 1878 г., развѣ отпихнули бы отъ себя прочь Сербовъ королевства, вѣлѣвъ имъ со всѣми своими ходатайствами о нуждахъ и пользахъ отнынѣ обращаться къ Австро-Венгрии, къ ней одной? Такъ поступили реалисты нашей политики на конгрессѣ!.. Да и возможенъ ли былъ бы тогда самый конгрессъ?

Слыхали мы отъ дипломатовъ и такое оправданіе ихъ политическихъ, относительно Австріи, на «реальныхъ интересахъ» основанныхъ комбинацій: «пусть-де Австрія заберетъ себѣ Славянъ Балканскаго полуострова Сербскаго племени, въ нѣкоторомъ родѣ объединить Сербовъ, — настанетъ время, они оперятся подъ ея покровомъ, да и сбросятъ его, а къ той порѣ, Богъ дастъ, и мы быть-можемъ соберемся съ силами, и т. д. Такой расчетъ напоминаетъ извѣстный расчетъ кузнеца въ малороссійской сказкѣ, который задумалъ надуть черта, заложивъ ему изъ-за крупныхъ денегъ душу, въ той надеждѣ, что когда придетъ срокъ уплаты — онъ перекрестить черта и выручить душу назадъ во всей цѣлости: однакожъ, на бѣду кузнеца, крестное знаменіе не помогло, спасительного дѣйствія не учнило, отказалось содѣйствовать недобросовѣстному расчету. Вышеприведеною комбинаціей дипломатовъ прикрывается лишь сознаніе своего безсилія, или вѣрнѣе сказать — собственной ихъ несостоятельности, которой источникъ именно въ безъидейности или въ недостаткѣ искреннихъ твердыхъ убѣжденій. Дѣлать такие опыты надъ славянскимъ населеніемъ, предавать его завѣ-

домо, хотя бы и временно, на онѣмеченіе, на окатоличеніе, на развращеніе культурное, политическое и религиозное, или подвергать его всѣмъ искушеніямъ неравной борьбы съ властною, могучею пропагандою, если не прямо латинства, такъ уніи,—всѣмъ внѣшнимъ соблазнамъ способнымъ растлить въ немъ духовную силу славянской національности,—это ехрергимента in anima vili, допущеніе которыхъ съ нашей стороны безнравственно и можетъ принести намъ лишь реальный вредъ....

Спрашивается: еслибы стояли мы на высотѣ той исторической идеи, которая Петербургу представляется идеализомъ, на «богословіи» заквашеннымъ и враждебнымъ практической мудрости,—развѣ мы, освободивъ и призвавъ въ жизни православный Румынскій народъ, пренебрегли бы имъ до совершенного забвенія о его единовѣріи и его древнихъ съ нами связяхъ,—до такого забвенія, что наша дипломатія сама, охотно, стушевывается теперь тамъ до нуля, сама себя считаетъ въ Румыніи, относительно русскаго вліянія и значенія, чуть не послѣднею спицей въ колесницѣ, и безпрекословно допустила посадить туда, на самой нашей границѣ, Гогенцоллерна!? А тамъ, между тѣмъ, возникаетъ теперь борьба между латинствомъ и православіемъ, Румыніи грозить опасностью унія,—начинается глухое волненіе... Знаютъ ли даже объ этомъ наши дипломаты? Пусть прочтутъ, по крайней мѣрѣ, помѣщаемую ниже, въ этомъ же №, статью по поводу брошюры князя Бибеско...

Спрашивается: не питай наша дипломатія общаго съ петербургскою печатью отвращенія ко всякой «русской исторической идеѣ»,—развѣ отдали бы мы, посадивъ или допустивъ на румынскій престолъ Гогенцоллерна, Румыніи Добрudжу и лишили бы себя сами непосредственнаго сухопутнаго сообщенія съ Болгаріей?

Развѣ надѣлили бы Болгарское, нами образованное княжество нами же сочиненою въ Петербургѣ, радикальной конституціей? Выходить такъ, будто мы сами признали ее высшемъ формою государственного благоустройства, — сами дали Болгарамъ право превозноситься надъ нашою «ретроградностью»!! И такую именно конституцію умудрились мы навязать Болгарамъ, которая долженствовала внести всяче-

скую фальшь въ несчастную страну и въ концѣ концовъ легально передать власть въ руки лженародныхъ и лжеславянскихъ элементовъ, движимыхъ лишь похотью подражанія «европейскому прогрессу и цивилизаціи»! Не мало и русскихъ Женевцевъ и тому подобныхъ господъ переселилось, говорять намъ, въ Болгарію; многие даже заняли мѣста учителей въ народныхъ школахъ: не знаемъ, Русскій или Болгаринъ, одинъ изъ гимназическихъ учителей въ Систовѣ, прошлымъ постомъ, увлеченный идею современного «прогресса», отправился, во главѣ учениковъ, на квартиру священника въ страстную пятницу, и тамъ палками заставили «попа» ють барапину! Справедливости ради должны мы упомянуть впрочемъ, что учитель этотъ былъ потомъ уволенъ. Только уволенъ... Бѣдный Болгарскій народъ! Такъ, незадолго до румелійского переворота, приняты были на мнимонародномъ собраніи въ Софіи, во имя народа, подъ предлогомъ «отдѣленія церкви отъ государства», разныя мѣры, имѣвшія цѣлью подорвать основы православной церкви въ народѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при министрѣ Цанковѣ, запрещено было духовенству содержаться на счетъ платы за требы, установленной обычаемъ въ сельскомъ болгарскомъ самоуправленіи, и содержаніе духовенства принято было на счетъ народно-государственной казны, — а при министрѣ-президентѣ Каравеловѣ, въ подражаніе французской палатѣ депутатовъ, вычеркнута эта статья изъ бюджета, такъ что приходское духовенство лишилось всякихъ средствъ къ жизни. Это произвело не малое волненіе,—былъ даже созванъ публичный митингъ (совсѣмъ Европа!), кажется въ Софіи, на которомъ одинъ изъ попугаевъ прогресса держалъ рѣчь такого рода, что «священники суть служители Бога, но вопросъ-де въ томъ: существуетъ ли самъ Богъ!»... Тѣмъ не менѣе духовенство намѣревалось учинить соборъ и противостоять предъ лицомъ Россіи; мы знаемъ, что въ одномъ изъ городовъ, мѣстное духовенство, опасаясь преслѣдованій со стороны властей, признавало возможнымъ устроить свое совѣщеніе лишь на дворѣ жилища одного изъ нашихъ знакомыхъ, Русскаго. Не мало получили и мы въ Москвѣ, почти одновременно съ переворотомъ, писемъ наполненныхъ жалобами духовныхъ лицъ на внутреннюю политику болгар-

скаго «радикального» министерства. И безъ того въ Болгаріи, какъ и въ Сербскомъ королевствѣ, долгое турецкое иго во многомъ исказило духовную стройность церковнаго элемента,—подъему которого конечно ужъ не могла никакъ содѣйствовать болгарская и сербская интелигенція, карикатурная копія нашей же «мнимо-либеральной» интелигенціи, и теперь въ обѣихъ странахъ (въ Болгаріи благодаря введенной нами конституції) обрѣтающаяся во власти. Печальное положеніе православной церкви въ королевствѣ Сербскомъ, которымъ она обязано по преимуществу Австріи (позволяющей себѣ даже мечтать о введеніи уніі), вѣдомо всѣмъ. У Болгаръ же, до ихъ освобожденія Россіей, православно-церковные интересы послужили сначала поводомъ, а потомъ, для ихъ близорукихъ интеллигентныхъ вождей, и маскою, только лишь прикрывавшею стремленія къ национальному обособленію (впрочемъ, совершенно законныя сами по себѣ). Одущевленный этими стремленіями, мнимомудрый Драганъ Цанковъ пытался привести свой народъ въ унію съ латинствомъ и самъ принялъ католицизмъ, въ которомъ, къ стыду своему, пребываетъ и понынѣ, воспитывается въ немъ и свое семейство. «Филетизмъ» Грековъ, отождествившихъ идею православія съ идею эллинизма, вынудилъ Болгаръ на разныя, конечно сами по себѣ предосудительныя, отступленія отъ церковныхъ каноновъ, въ силу чего произошелъ извѣстный Константинопольскій соборъ, не умиротворившій, а расколопившій православную церковь. Хотя освобожденная и возведенная на степень государства, не можетъ однако Болгарія не испытывать на судьбѣ своей церкви, парализующихъ ея духовное преуспѣяніе, послѣдствій своего неправильнаго положенія въ православно-церковномъ мірѣ, своего разобщенія съ православными церквами.

Вотъ, еслибы жива и дѣйственна была въ русской правящей средѣ идея исторической духовной миссіи нашего отечества, такъ первою нашою настоятельною задачею, по освобожденіи Болгаріи, было бы не преподнесеніе только что выѣзшившій изъ темноты пятивѣковаго турецкаго рабства Болгарамъ «самаго послѣднаго слова» западно-европейской политической науки—въ видѣ противнаго духовному славянскому существу конституціоннаго обмана,—а возстановленіе

церковнаго мира въ православномъ Славянствѣ, а укрѣпленіе, устроеніе и возвышеніе церковнаго элемента въ Болгаріи, оживленіе православно-церковнаго духа въ самомъ Болгарскомъ народѣ. Да и на чёмъ, спрашивается, съ истинно-реальной точки зреіїя, зиждется наша съ Balkanskими народами связь? Развѣ не на единовѣріи? Поставьте въ основаніе вашей политики религіозный индифферентизмъ, — что станетъ съ высшими «реальными», русскими политическими интересами? Какое право предъявите вы на вліяніе и руководительство?... «Прогрессъ и цивилизацио» Австрія съумѣть даровать лучшее васъ, и ухитится даровать такимъ образомъ, что и национальное самолюбіе будетъ польщено, и славянскій интеллигентъ, надѣвъ на себя австрійско-европейскую маску, станетъ искренно увѣрять, что это и есть его «собственная фіаіономія!» Мы уже это и видимъ въ Сербіи. Чѣмъ же, напримѣръ, какъ не безъидейностью и фальшиво-понятными нашою близоруковою дипломатіей «реальными интересами» можно объяснить совершенное ничтожество русской дипломатической дѣятельности въ Македоніи—въ виду яростной католической пропаданды, поддерживаемой не только Римомъ, не только средствами Австрійского Двора, но даже и дипломатическими представителями протестантскихъ державъ: послѣдніе, въ ущербъ православію, въ которомъ справедливо усматриваются залогъ связи Славянскихъ племенъ съ Россіею, готовы охотно содѣйствовать даже успѣху латинства! Всякому Македонцу-Болгарину поставлена такая дилемма: или оставаться православнымъ терпи гоненія и муки отъ Турокъ и Грековъ, или же отрекись отъ православія, стало-быть и отъ духовныхъ связей и симпатій съ Россіей, въ пользу латинства, и поступишъ тогда подъ покровительство западныхъ дипломатическихъ представительствъ. А наша дипломатія, просвѣщенно игнорируя интересы православія, которые кажутся ей чуждыми «политикѣ реальныхъ интересовъ», если и не всегда назначаетъ къ Славянамъ русскими агентами иновѣрцевъ, то только и знаетъ, что наказывать русскимъ представителямъ: сидѣть типе воды—ниже травы и не производить фальши въ европейскомъ концертѣ...

Реальные интересы! Въ «Новомъ Времени» были сообщены два проекта, будто бы представленные германскому

канцлеру прусскимъ полковникомъ Гольцемъ по возвращеніи изъ Турціи, гдѣ со званіемъ наши онъ благоустроилъ, по рекомендациі канцлера, султанскую армію. Въ одномъ предлагается неутрализовать оба пролива Чернаго моря, Дарданеллы и Босфоръ; въ другомъ — дать Турціи задолжать европейскимъ банкирамъ еще немножко и затѣмъ, объявивъ ее несостоятельную должницей, учредить въ Константинополѣ международное смѣшанное европейское управление — въ родѣ комиссіи уже существующей въ Египтѣ... Съ точки зреянія «реальныхъ» интересовъ тутъ пожалуй и возвражать много нечего, если подъ реальными разумѣть интересы только вещественные, дѣйствительные, а не интересы нравственного вліянія, обаянія или предполагаемаго призванія и значенія въ будущемъ: это вѣдь, пожалуй, «идеализмъ»! Проекты Гольца, повидимому, всѣ въ интересахъ общеевропейского мира, противъ которыхъ и спорить-то неудобно, не обнаруживъ присутствія въ себѣ какихъ-либо «честолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ». Но само собою разумѣется, что при осуществленіи того или другаго проекта (о чёмъ, впрочемъ, нѣть еще кажется и рѣчи даже и въ европейской печати), значеніе и обаяніе Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и исполненіе ею своей всемирно-исторической роли — упраздняются разомъ. Разбирайте же тутъ, чѣму нанесется ущербъ — реальнымъ или нереальнымъ интересамъ!

Одно можетъ сказать въ оправданіе цѣлаго ряда своихъ, по истинѣ чудовищныхъ ошибокъ русская дипломатія, что не она одна въ нихъ повинна, что дипломаты наши — кость отъ костей и плоть отъ плоти всего русскаго общества, а бѣда ея лишь въ томъ, что всѣ ея промахи и грѣхи — не домашнее только дѣло, что они видны на фонѣ внѣшней политики и ощутительнѣе для народнаго самолюбія. Почему, въ самомъ дѣлѣ, ставить дипломатамъ въ упрекъ «религиозный индифферентизмъ», когда тѣмъ же индифферентизмомъ отличаются и другія вѣдомства, и — больно сказать — въ извѣстной степени и специально оберегающее интересы религії, наше церковное вѣдомство? Примиреніе Болгаръ съ Греками, устроеніе церкви болгарской, усиленіе въ Болгаріи религиознаго элемента (ослабленнаго въ пятивѣковомъ, не экономи-

чески, а нравственно растлѣвающемъ турецкомъ плѣну) —
ко всему этому могли бы быть подвигнуты русскіе представи-
тели на Балканскомъ полуостровѣ только лишь тогда,
когда въ самомъ ихъ отечествѣ подвиглась бы на этотъ
трудъ церковь или церковное властное представительство,
когда бы въ немъ самомъ была ключомъ ревность о вѣрѣ...
Несомнѣнно такъ. «Русь» съ своей стороны и не перестаетъ
посильно обличать отсутствіе живой дѣятельной силы въ
нашемъ церковномъ офиціальномъ строѣ, не перестаетъ
раскрывать отсутствіе русской исторической идеи и нераз-
лучного съ нею жизненнаго творчества — и во всей русской
офиціальной дѣятельности на Руси. Русская интеллигенція
еще не доросла своимъ самосознаніемъ до уровня тѣхъ ве-
ликихъ задачъ, которыя предлежатъ Россіи и которыя, какъ
бы въ зачаточномъ состояніи, кроются въ глубинахъ народ-
наго духа. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что славянскій
вопросъ сводится къ нашему внутреннему русскому вопросу
и разрѣшается вмѣстѣ съ нимъ. Но если это такъ, то и
надо бы содѣйствовать всѣми способами и путями разрѣ-
шенію этого послѣдняго, т. е. русскаго вопроса, а не тор-
мозить процессъ разрѣшенія тѣмъ поощреніемъ безъидейности,
которымъ, во имя реализма, считаетъ нужнымъ щеголять пе-
тербургская журналистика.

Кстати. «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ бы въ отвѣтъ
«Руси», удостовѣряютъ, что если въ Болгаріи и повторяетъ
знакомый намъ «бодрѣнійный процессъ либеральничанья»,
то въ Россіи онъ «уже отживаєтъ». Отживаєтъ, да; это
вѣрно, этому нельзя не радоваться. Но чѣмъ же это «либе-
ральничанье» замѣняется? Усвоеніемъ ли себѣ истинныхъ
русскихъ национальныхъ идеаловъ? Этого что-то еще мало
видно... Не замѣняется ли оно пополновеніями возврата къ
тому «консерватизму», который Ю. Ф. Самаринъ называлъ
въ свое время такъ мѣтко «революціоннымъ», — къ такому
консерватизму, который не менѣе чуждъ нашему историче-
скому существу, какъ и шаблонный либерализмъ, — къ уси-
ленію власти административныхъ канцелярій и бюрократи-
ческаго деспотизма, къ укрѣplenію той полицейско-государ-
ственной опеки временъ давно минувшихъ, но многимъ, и
намъ въ томъ числѣ, памятныхъ, съ точки зрењія которой,

по выражению К. С. Аксакова (когда-то напечатанному въ «Руси»), — «жизнь есть бунтъ, а смерть — порядокъ?... Возвратиться къ нему, конечно, немыслимо, но и поползновенія не желательны.

Дѣла болгарскія въ заминкѣ. Конференція медлить, мѣшаетъ, — конечно не по волѣ русскаго правительства, а вѣроятно потому, что для кого-нибудь промедленіе это нужно. Положеніе дѣлъ и отношенія державъ между собою еще не перемѣнились, но при переходѣ отъ теоретическаго решенія къ практическому его исполненію подвергнутся, конечно, сильному колебанію, а вѣроятно и измѣненію. Новымъ факторомъ въ дѣлѣ является столь часто отрицающееся, но несомнѣнное соглашеніе (если не союзъ) Англіи съ Турцией. Мирнаго исхода мы не чаемъ, но если не европейская война, такъ много кровавыхъ смутъ предвидится на Балканскомъ полуостровѣ!... Приходится выжидать, — это будетъ не долго.

Москва, 2 ноября.

По крайней мѣрѣ откровенно! „Всякий болканскій властитель“, — говоритъ органъ вынѣмленаго англійскаго премье-ра, Сольсбери, газета „Standard“, по поводу исключенія Болгарскаго князя изъ списковъ русской арміи, — „который, поддерживаемый своими подданными, поможетъ разстроить виды Россіи на Константинополь, этимъ самымъ становится предметомъ участія для Англіи. Думаетъ ли кто-нибудь, что Англія отказалась отъ мысли искренняго сопротивленія Россіи въ ее желаніи распространить свое влияніе (даже только вліяніе!!) южнѣ Дуная? Политика Англіи въ этомъ отношении не измѣнилась и не измѣнится. Чѣмъ болѣе Русский Царь будетъ стараться выказывать свое неудовольствіе на Болгаръ и князя, тѣмъ открытѣе Англійскій народъ будетъ стараться показать, что потерять расположение „Rossii“ значитъ пріобрѣсть расположение Англіи“... Но откровенные рѣчи главнаго органа торійской партіи, — которая, думаемъ мы, непремѣнно останется во власти потому именно, что ловко и сильно играетъ на русофобской струнѣ, а ничего нѣтъ популярнѣе русофобіи въ англійскомъ

обществъ и ничего нѣтъ легче, какъ распалить ее до страсти,—эти откровенные рѣчи не помышали лорду Сольсбери возвѣстить днѧ три тому раза, въ публичной рѣчи на балкетѣ въ Гилдъ-Голлѣ, оглашенной телеграфомъ по всему миру, что „затрудненія возникшія изъ-за спора объ афганской границѣ устраниены и въ настоящее время между Русскимъ и Британскимъ правительствами установилось сердечное согласіе“... Можно бы спросить: „кого же здѣсь обманываютъ?“... Не наскъ же въ самомъ дѣлѣ,—хотя упорный славашій оптимизмъ офиціознаго органа нашей дипломатіи, французскаго „Петербургскаго Журнала“ можетъ хоть кого ввести въ заблужденіе! Такъ,—замѣтимъ кстати,—приглашеніе англійскимъ правительствомъ русскихъ офицеровъ на маневры въ Индію, если можетъ-быть и польстило нашей дипломатіи и представилось ей удобнымъ случаемъ блеснуть предъ всѣмъ міромъ дружбою съ Англіей, не бѣе какъ одно изъ проявленій той же англійской, довольно грубой системы обмана. Какая цѣль этого приглашенія? Не та ли, чтобы такою видимостью дружбы Россіи съ Англіей умирить умы Индусовъ и лишить ихъ всякой надежды на чаемое ими избавленіе отъ англійского ига съ помощью Россіи? Не та ли, чтобы засвидѣтельствовать предъ Афганцами и всѣмъ Индійскимъ населеніемъ совершенное удовольствіе Россіи тѣмъ, что Гератъ, если не юре, то *de facto*, сталъ англійскою цитаделью въ такъ-называемомъ „независимомъ“ Афганистанѣ? Не та ли, чтобы обязательные въ подобныхъ случаяхъ поступки учтивости и комплименты англійскимъ войскамъ со стороны русскихъ офицеровъ преувеличить во мнѣніи индійского населенія, посредствомъ сотенъ мѣстныхъ англогуземныхъ газетъ—до значенія вовсе намъ нежеланнаго?.. Что Англія этого бы сильно хотѣлось— вполнѣ понятно, но содѣйствовать успѣху такого ея хотѣнія, казалось бы, и не въ нашихъ видахъ... А между тѣмъ уже 30 лѣтъ, какъ мы имѣемъ право держать русскаго консула въ Бомбей и 30 лѣтъ какъ мы этимъ правомъ не воспользовались, да не пользуемся и теперь!.. Но отъ далекой Индіи вернемся къ близкой намъ Болгаріи,—переходъ не трудный, такъ какъ въ политической конstellациіи индійско-афганскій и балканскій вопросы стоять совсѣмъ рядомъ и даже въ тѣсной связи между собою.

Безспорно, самымъ выдающимся политическимъ событиемъ прошлой недѣли былъ приказъ объ исключеніи князя Александра Баттенберга изъ списковъ русской арміи (гдѣ онъ числился генераль-лейтенантомъ) и снятіе съ „его высочества“ званія шефа 13 стрѣлковаго батальона. По русскимъ военнымъ законамъ это равняется „лишенію чести“. Что эта кара Александромъ Баттенбергомъ лично вполнѣ заслужена (особенно послѣ всѣхъ его рѣчей и поступковъ относительно Россіи въ послѣднее время), это не подлежитъ сомнѣнію,—хотя, сказать мимоходомъ, нельзя не пожалѣть о такомъ печальному сцѣнѣ обстоятельствъ, что въ лицѣ этого принца пришлось казнить государя *Болгаріи*, первого государя нами же созданнаго государства и нами же Болгарамъ навязаннаго. Какъ бы ни толковали, что это исключение изъ списковъ русской арміи—наше домашнее дѣло и относится лишь до нашихъ личныхъ съ княземъ счетовъ,—невозможно отрицать величайшую политическую важность этой мѣры и ея отчасти неминуемыхъ, отчасти возможныхъ послѣдствій.

Въ настоящее время возсѣдаютъ на Константинопольской конференціи уполномоченные отъ семи державъ, болѣе или менѣе склонные въ теоріи къ возвстановленію *status quo ante*, но призванные, вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждать и предложеніе Россіи о самомъ князѣ Болгарскомъ, т. е. о смѣщеніи его съ болгарскаго (не съ румелійскаго только) престола. Всякое предложеніе можетъ быть взято назадъ или видоизмѣнено, но принятюю нами теперь относительно князя мѣромъ „русское предложеніе“ какъ бы упраздняется: это уже дѣйствіе, дѣйствіе уже решающее вопросъ, по крайней мѣрѣ для Россіи, окончательно и безповоротно. Отъ этого дѣйствія она отступиться уже не можетъ. Въ этомъ отношеніи ея роль на конференціи кончена,—Россіи и обсуждать нечего. Еслибъ, сверхъ чаянія, князь Александръ удержался на престолѣ, то Россія все-таки не могла бы уже признавать княземъ чезовѣка лишеннаго ею чести. Ей пришлось бы немедленно отозвать своихъ дипломатическихъ представителей, прервать всякия съ Болгаріей сношения. Конечно, съ такимъ своимъ положеніемъ Россія не помирится: вѣдь это значило бы предоставить Болгарію во власть или, что

все равно, въ „сферу славія“ намъ враждебнаго, Англіи или Австріи,— уничтожить, до послѣднаго, всѣ выгодные для насъ результаты тяжкой, кровавой, но въ то же время и славной войны... И такъ весь вопросъ сводится теперь къ лицу князя Александра. Не будь его, совершившаго переворотъ не только безъ спроса Россіи, но со враждебными для Россіи умыслами, не было бы, можетъ-быть, теперь для насъ и особеннаго повода настаивать на возстановленіи *status quo ante* и противиться нѣкоторому измѣненію Берлинскаго трактата—ради удовлетворенія нѣкоторыхъ притязаній Греціи и Сербіи, еслибъ, въ виду единодушнаго требованія всей Европы, послѣдовало на то согласіе Турціи...

Но какъ отнесутся теперь державы къ этому существеннѣйшему для насъ вопросу—о князѣ Александрѣ, послѣ приказа объ исключеніи его изъ списковъ русской арміи? По мнѣнію берлинской „Національной Газеты“, въ этомъ послѣднемъ распоряженіи русскаго правительства видится какъ бы попытка „произвести давленіе на рѣшеніе конференціи“. Такая ошибочная точка зренія была бы для насъ конечно не выгодна. Смѣщеніе князя Александра, еслибы даже къ такому заключенію и пришла конференція (что едва ли въроятно), могло бы, пожалуй, въ глазахъ нѣкоторыхъ державъ принять видъ не свободнаго согласія съ мнѣніемъ Россіи, а вынужденнаго—совершившимся уже фактъмъ поозорной кары, которой подвергла Россія князя... Во всякомъ случаѣ конференція поставлена теперь между двумя альтернативами: или оставить обезславленнаго, опозореннаго князя Александра на престолѣ Княжества, т. е. пренебречь тѣмъ авторитетомъ, которымъ Россія не перестаетъ пользоваться у Славянскихъ народныхъ массъ Балканскаго полуострова и подвергнуть князя всему риску такого пренебреженія (тѣмъ болѣе опасному, что переворотъ оказывается не достигшимъ цѣли)... Или же подписать князю отставку, — что конечно еще выше подниметъ русскій авторитетъ: станетъ очевиднымъ для всѣхъ, что безъ согласія Россія никакія перемѣны на полуостровѣ, даже при желаніи иныхъ великихъ державъ, совершаться не могутъ. Выводъ для Западной Европы вообще мало желательный!

Тѣмъ не менѣе можно кажется предполагать, что въ на-

стоящее время, по разнымъ соображеніямъ, Германія и Австрія не отдѣлятся отъ политики Россіи. Но единогласнаго постановленія конференціи въ нашемъ смыслѣ ожидать ни въ какомъ случаѣ нельзя—въ виду положенія занятаго Англіей. Русскій приказъ по арміи произвелъ по всей Европѣ, по выражению „Кельнской Газеты“, дѣйствіе подобное свидѣству пущеннаго ядра, — направленаго, по общему мнѣнію газетъ, не въ одного князя Александра, но рикошетомъ и въ Англію. Соображеніе не лишенное основаній, подтверждаемое отчасти и корреспонденціями, появившимися на прошлой недѣлѣ въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстнике“, что и придается имъ офиціальный характеръ. „Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ—говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ—что „князь, пускаясь на такое предприятіе (т. е. переворотъ), былъ увѣренъ въ поддержкѣ одной европейской державы, на помощь которой расчитываетъ и въ настоящее время“. Не иную какую-либо державу, какъ именно Англію, и подразумѣвается здѣсь „Правительственный Вѣстникъ“.

Приведенные нами выше слова торійской газеты свидѣтельствуютъ, какъ живо почувствовала Англія ударъ, какъ сильно возбуждено въ ней общественное мнѣніе,—точно будто бы уязвлена англійская національная честь! „Надо „убѣдить князя—возглашаетъ „Standard“—не терять духа „вслѣдствіе этого нового доказательства недоброжелательства Россіи! Онъ хорошо сдѣлаетъ, если останется на „своей позиціи... и не склонитъ голову предъ сѣверною бурей, которая, надѣемся, не сломить его... Англійскій народъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ князя Александра... единственно потому, что послѣдній пользуется „повидимому довѣріемъ своихъ подданныхъ, которые, какъ и князь, показали, что желаютъ освободиться отъ русскаго ига“... И такъ, относительно отказа Англіи въ согласіи на предложеніе Россіи мы можемъ считать себя обезпечеными...

Чтѣ же потомъ? Прежде всего исходъ, почти несомнѣнныи и давно уже напрочеченный: конференція разойдется не прида ни къ какому соглашенію. Затѣмъ возможно, что Султану надобѣсть, да окажется и слишкомъ невыгоднымъ—

ждать, и онъ, руководимый, вѣроятно, советами Англіи, рѣшился дѣйствовать самъ, какъ „сюзеренъ“ Болгаріи и „суперенъ“ Румеліи,—причемъ, конечно, сохранить, въ Болгаріи и князя Александра, въ ущербъ Россіи и ея достоинству. Но какъ же тутъ быть съ притязаніями Греціи и Сербіи? Сербія отстрочила нападеніе на Княжество до рѣшеннія конференціи; если же конференція разойдется, королю Милану медлить долѣе невозможно. А въ случаѣ войны Сербовъ съ Болгарами будетъ ли смотрѣть на нее Европа сложа руки? Угрозѣ Султана, что болгарская территорія — турецкая и что онъ вступится за нее противъ Сербовъ, нельзя придавать значенія. Можетъ ли Австрія допустить движение турецкихъ войскъ противъ Сербіи? Конечно нѣтъ. Да и мы вѣдь также не можемъ устраниТЬ себя совсѣмъ отъ дѣль Балканского полуострова, еслиъ дѣйствительно Турція принялась за расправу. При такомъ оборотѣ дѣль европейская война на Балканскомъ полуостровѣ, съ новымъ расчлененіемъ Турціи, представляется довольно возможной, — да не этого ли и добивается Англія?...

Мы полагаемъ однако, что событія внутри самой Болгаріи не замедлять съ одной стороны усложнить, а съ другой и ускорить развязку дѣла. Какъ скоро дойдетъ до свѣдѣнія Болгарскаго народа — не слухъ о неудовольствіи вообще русскаго правительства на князя, но гласно, на весь міръ заявленное дѣйствие воли Русскаго Монарха, т. е. изверженіе князя Александра вонъ изъ списковъ Русской арміи, какъ недостойнаго числиться въ ея рядахъ, — то едва ли можно и сомнѣваться въ томъ, что громадное большинство народа вскорѣ отъ него отшатнется. А чтобы этотъ русскій приказъ по арміи не дошелъ до народнаго свѣдѣнія, — этого нельзя и предположить, какія бы мѣры ни приняла преданная князю полиція. Слишкомъ на руку этотъ приказъ партіи „Цанковистовъ“, — до яности враждебной и князю и его клеветамъ, и партіи вынѣшняго Каравеловскаго министерства. Глава этой партіи — старикъ Драганъ Цанковъ, бывшій министромъ-президентомъ до Каравелова и имъ свергнутый, имѣлъ мужество противостоять одинъ приговору экстреннаго народнаго собранія, созваннаго въ Софии вслѣдъ за румелійскимъ переворотомъ. Когда все со-

браніе высказалось, съ громкими кликами и рукоплесканіями, „за соединеніе Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ“, онъ съ твердостью во всеуслышаніе заявилъ, что и онъ „готовъ признать соединеніе, но лишь въ томъ случаѣ, если Россія его признаетъ“. По отобраніи голосовъ, предсѣдатель собранія, Стамбуловъ (который считается дѣйствительнымъ верховодомъ и главою радикальной, Каравеловской партіи) торжественно возвѣстилъ, что „соединеніе признано единогласно, за исключеніемъ лишь г. Драгана Цанкова“. „Да, отозвался смѣло старикъ, за исключеніемъ лишь моего голоса, обусловливаемаго согласіемъ Россіи... Вскорѣ затѣмъ правительствомъ предположено было выслать и заточить гдѣ-нибудь Цанкова административнымъ порядкомъ, однако же популярность Цанкова настолько велика, что благоразумія ради это предположеніе было оставлено; тѣмъ не менѣе многіе изъ „цанковистовъ“ подверглись преслѣдованію. Г. Цанковъ вовсе впрочемъ не отличается слѣпой преданностью Россіи, но онъ безспорно человѣкъ умный и едва ли не самый разсудительный въ настоящее время во всей Болгаріи, самый способный оцѣнить настоящее положеніе дѣлъ. Онъ былъ два раза министромъ, былъ уже однажды заточенъ княземъ въ какомъ-то отдаленномъ отъ столицы городишкѣ Болгаріи, въ 1881 году, когда князь совершилъ свой знаменитый переворотъ, упразднившій было Тырновскую конституцію, а потому знаетъ князя вдоль и поперекъ, и искренно убѣжденъ въ несовмѣстности дальнѣйшаго пребыванія Баттенберга съ благомъ Болгаріи. Партия Цанкова найдетъ, конечно, способъ распространить среди народа вѣсть о томъ, что Русскій Царь велѣлъ снять съ князя Александра русскій мундиръ и разжаловалъ его изъ Болгарскихъ князей въ прежнее аваніе нѣмецкаго принца. Принцъ же этотъ никогда и прежде не пользовался ни симпатіями, ни уваженіемъ народа, и если благодаря перевороту популярность его нѣсколько возросла, то это главныи образомъ потому, что князь являлся какъ бы орудіемъ русской воли. Разъ этотъ ореолъ русской силы, окружавшій князя, исчезъ,—а тутъ еще слухи о дезорганизаціи арміи (своимъ неопытнымъ офицерамъ ни народъ, ни солдаты не довѣряютъ), громадныи траты государственной ка-

зны съ перспективою новыхъ усиленныхъ налоговъ, разстройство торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, угроза войны съ Сербіей, а пожалуй и съ Турціей: власть князя Александра повисла, или не нынче-завтра повиснетъ на волоскѣ. Но такъ какъ у него все же есть партія — большая часть такъ-называемой «интеллигентіи», за исключеніемъ цанковистовъ, — всѣ обязаннны князю карьерой или состояніемъ, всѣ вновь испеченные изъ прaporщиковъ полковники и т. п., — то въ несчастной Болгаріи легко можно ожидать внутреннихъ смутъ, междоусобицъ и кровопролитія. Тогда русская временная оккупацио Болгаріи окажется дѣломъ неизбѣжнымъ, будетъ призываться народомъ какъ истинное благодѣяніе и дастъ намъ возможность не только умиротворить страну, не только восстановить наши связи съ нею, но и упрочить ихъ на новыхъ лучшихъ основаніяхъ, ко благу Болгаріи и пользѣ самой Россіи.

Но дозволять ли эту оккупацию Турціи и Англія?.... По всей вѣроятности, нѣтъ. Другого однакоже выхода изъ настоящаго невыгоднаго положенія для нась не имѣется, если не захотимъ совсѣмъ отречься отъ нашего призванія и значенія Россіи, какъ великой Славянской державы. Возможно, что обойдемся и безъ войны, — но во всякомъ случаѣ ее слѣдуетъ имѣть въ виду и къ ней готовиться... Тогда-то именно можетъ-быть она и минуетъ насъ.

Москва, 9 ноября.

Второй актъ траги-комедіи на Балканскомъ полуостровѣ уже начался. Но этотъ актъ уже кровавый. Радуйся, русская дипломатія!

Австрійскій авангардъ во образѣ расхорохорившихся Сербовъ выступилъ на сцену дѣйствія. Даже не „ловкимъ“, а топорно-грубымъ маневромъ австрійской политики, — явнымъ для всѣхъ, кто не слѣпъ и не ищетъ обманываться, Сербы подадорены и натравлены на подлую братоубійственную брань. Вооружившись на австрійскій счетъ, движимый, направляемый Австріей, ея вѣрный холопъ, карикатурный король Миланъ, выпустивъ нѣсколько накально-шутовскихъ

прокламаций, нотъ и намонецъ манифестъ о войнѣ, вторгса съ своимъ войскомъ (къ вѣчному позору для Сербскаго народа, даже безъ всякого, хоть бы мнимо-законного повода) въ неуспѣвшую приготовиться, сравнительно беззащитную теперь Болгарію. Болгары дерутся, сопротивляются, но вѣдь, конечно, оказываются слабѣе числомъ; столица Княжества, Софія — не пынче-завтра въ рукахъ Сербовъ, — хотя, конечно, не Софія, а Юговосточный округъ Болгаріи съ его дорогую намъ Македоніею (которая можетъ пригодиться и Австріи) составляетъ предметъ сербскихъ вожделѣній.

Князь Александръ Баттенбергъ, въ свою очередь вдохновляемый, руководимый Аигліей (которой дипломатический агентъ съ нимъ неразлученъ), обратился — за помощью не къ Россіи, разумѣется, которая объявила, что она теперь, пока тамъ этотъ, ею же поставленный князь, знать и самой Болгаріи не хочетъ (но которая однакоже могла бы остановить кровопролитіе однимъ словомъ), а къ Султану, какъ къ суверену. Онъ просилъ: вступиться за него, Баттенберга, какъ за вѣрнаго его вассала и прислать турецкія войска для защиты болгарской территории, составляющей-де, въ силу Берлинскаго трактата, часть оттоманской имперской территории. Онъ сослался и на то постановленіе Берлинскаго трактата, которымъ Болгарія, какъ вассальная часть Оттоманской имперіи, лишена права объявлять кому-либо войну... Но къ Султану же писалъ и Сербскій король Миланъ, увѣряя, что воюя теперь Болгарію, онъ главнымъ образомъ имѣть въ виду не только „возстановить“, но и „упрочить“ сultанскія же права, оскорблennыи княземъ Александромъ и румелійскимъ переворотомъ: другими словами, мстить за нарушеніе Болгарами Берлинскаго трактата — новымъ его нарушеніемъ, такъ какъ границы между Сербіей и Болгаріей опредѣлены вѣдь этимъ же „священнымъ“ договоромъ! Къ Султану же, чуть не ежедневно, обращается и Константинопольская конференція, величающая его какъ полноправнаго государя Болгаріи общимъ хоромъ, побуждающая его (отъ лица трехъ державъ) принять „дѣйствительныи мѣры къ возстановленію его попранныхъ въ Румеліи правъ“, водворить въ ней властною рукою свой верховный авторитетъ, наказать дерзкихъ мятежниковъ по-

сагнувшихъ на его достоинство и престижъ, утвердить *status quo ante*, даже съ интервенціей вооруженной турецкой силы, — подъ контролемъ однако европейской комиссіи... Гибваются изъ-за его нарушенныхъ правъ, и тутъ же ихъ нарушаютъ; гибваются изъ-за неуваженія къ Берлинскому трактату и тутъ же рвутъ изъ него клочки, — гибваются, зачѣмъ онъ, его сultансое величество не гибвается!.. Оглушенный, огороженный со всѣхъ сторонъ такимъ надобдливъмъ величаниемъ, обиліемъ почета и радвиемъ объ его интересахъ, Султанъ запирается, совѣщается съ министрами и медлитъ, — медлитъ отвѣтомъ, но лихорадочно спѣшитъ вооружиться. Впрочемъ послать войска противъ Сербовъ въ защиту Болгаръ или разнимать ихъ — онъ отказался, хорошо понимая, что Болгарія и Румелія для Турціи отрѣзанные ломти, а суверенская или суверенская власть безъ свободнаго права держать войска на Балканахъ — тѣнь или звукъ пустой!..

Можно было бы, пожалуй, какъ и дѣлають нѣкоторыя газеты, вдоволь насытиться надъ этой взаимною потасовкою „братушекъ“, уподобляя ее схваткѣ „раззадорившихся пѣтуховъ“, вдоволь наѣвшись этою игрою „дѣтей въ большіе“, еслибы не лилась тутъ человѣческая кровь, да еще — кровь братій нашихъ, нами же призванныхъ изъ жизни и вскормленныхъ. Но какъ ни прискорбно такое кровопролитіе, можно бы съ нимъ и помириться, еслибы оно отрезвило драчливыхъ и научило ихъ уму-разуму. Настоящая, серіозная сторона дѣла не собственно въ дракѣ Болгаръ и Сербовъ: и тѣ, и другіе — не болѣе какъ марionетки, которыхъ поворачиваются, вздрагиваютъ, бѣгаютъ, дерутся, приводимы въ движение чужими руками, изъ-за ширмы, откуда же раздаются фальцетомъ крикливые звуки и рѣчи. Это ломаютъ кровавую комедію двѣ великия державы, почти и не прикрываемыя ширмами, — Англія и Австрія.

Не Англія, впрочемъ, вызвала эту братоубийственную брань; она съ самаго начала явилась защитницею князя Александра Баттенберга и того нарушенія Берлинского трактата, которое произведено румелійскимъ переворотомъ. Что эта защита предпринята ею вовсе не въ интересахъ Болгаріи, а во вредъ Россіи, въ надеждѣ изъять Болгаръ изъ-подъ-

руssкаго вліянія и вообще нанести ударъ рускому обажнію среди Славянъ и на Востокѣ, этого,—къ чести ей будь сказано,—она даже и не скрываетъ; она остается себѣ вѣрна и на Константинопольской конференціи, парализуя до совершенного безсилія „дружныя“ усилія трехъ великихъ континентальныхъ державъ, направленія къ возстановленію *status quo ante*. Объ единодушії Австріи, Германіи и Россіи не перестаетъ свидѣтельствовать печатный органъ русской дипломатіи. На единодушіе этихъ трехъ державъ „Journal de St.-Petersbourg“ продолжаетъ о сю-пору возлагать твердыя упованія.... Какимъ же это образомъ выходитъ такъ, что одна изъ державъ вмѣстѣ съ остальными двумя протестуетъ противъ нарушенія Берлинскаго трактата и провозглашаетъ его неприкосновенность, въ то же самое время сама, руками Сербіи и своими даже щедротами, производить теперь новое его нарушеніе? Не исповѣдуютъ ли всѣ три участницы Трехъ-Державнаго Союза непреложность сultанскихъ верховныхъ правъ на Болгарію,—такую непреложность, что у Султана отрицается право даже поступиться небольшою ихъ частью, признавъ фактъ соединенія Румеліи съ Болгаріей?! А между тѣмъ одна изъ соучастницъ, Австрія, одновременно, самымъ безцеремоннымъ образомъ посягаетъ на превознесеній принципъ сultанскаго верховенства, вооруживъ и двинувъ въ вассальный владѣнія Султана сербскую армію! „Россія, Австрія и Германія“,—сообщаютъ намъ официально,—выбиваются изъ силъ, чтобы доставить Балканскому полуострову умиротвореніе и предупредить кровопролитіе.... И вотъ Австрія, одна изъ трехъ, приводить всѣ эти совокупныя усилія къ нулю, возжигая пламя войны и вызывая пролитіе крови! Да, не на кого другаго, какъ на Австро-Венгерское правительство должна пастъ эта кровь, обаграющая нынѣ Болгарію. Благодаря Австріи, ей одной, конференція лишилась теперь всякого смысла, и „единодушіе“ трехъ державъ вынуждено ретироваться съ комическимъ срамомъ, въ нелестномъ сознаніи своего безсилія.

Но что же это однако за путаница и безмыслица, и какимъ образомъ можетъ быть рѣчь о „тройственномъ единодушії“—при явномъ предательствѣ одного изъ трехъ

членовъ Союза? Или только для остальныхъ двухъ членовъ оно не явно? На вопросъ: кого здѣсь обманываютъ? умѣстно было бы, кажется, отвѣтить: сами себя обманываютъ! Трудно однакоже допустить, чтобы Германія склонна была къ самообману, или чтобы Австро - Венгрія отважилась на такую открытую двойную игру (которая вѣдь въ концѣ концовъ можетъ быть сопряжена съ рискомъ)—не заручась одобрениемъ или соизволенiemъ этой своей могущественной ближайшей союзницы...

Для сужденія же о прозорливости русской дипломатіи мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, кроме издающагося на счетъ русской государственной казны органа нашей дипломатіи, французскаго „Петербургскаго Журнала“. Сей послѣдній, даже и послѣ начала сербо - болгарской войны, въ неудачѣ умиротворенія и предотвращенія кровопролитія, въ безуспѣшности усилий конференціи, винить—только Англію, или точнѣе: лорда Сольсбери, никого болѣе! На политику англійскаго премьера направлены—не рѣзкие и не Ѷдкіе впрочемъ, но неизмѣнно деликатные и даже съ оттѣнкомъ грусти—упреки нашей дипломатической газеты. Ужъ относительно братоубійственной рѣзни Сербовъ у Болгаръ естественнѣе было бы, казалось, попрекнуть, хоть бы и иѣжно, Австрію, но о ней „Journal de St.-Pétersbourg“ ни слова!

Какъ будто газетѣ и нашей дипломатіи неизвѣстно, хоть бы чрезъ посредство ея агентовъ въ Бѣлградѣ, что сербское правительство ни шагу ступить не властно, да и не можетъ—безъ указаній австрійского министерства! Какъ будто невѣдомо имъ, что австрійскій резидентъ графъ Кевенгулль, полноправный распорядитель при сербскомъ правительстве, неотлучно пребываетъ при королѣ Миланѣ въ качествѣ его политического дадьки! Какъ будто двуличная роль Австріи не яствуетъ изъ всего ея послѣдовательного образа дѣйствій!.. Очень можетъ быть, что принцъ Баттенбергъ,—который, какъ теперь вполнѣ раскрыто, зналъ о румелійскомъ заговорѣ и подготовлялся къ перевороту еще за нѣсколько мѣсяцевъ,—еще будучи на маневрахъ въ Пильзенѣ заполучилъ согласіе австрійского правительства; что самая поѣздка Императора въ Боснію, послѣдѣ за Кремзирскимъ свиданіемъ, не была чужда соображеніямъ, основаннымъ на близости но-

выхъ событій. Но это, положимъ, только догадка, — а что не догадка, а бесспорный и ничѣмъ не оправданный фактъ, такъ это — немедленное, вслѣдъ за румелійской „революціей“, совѣщаніе короля Милана съ австрійскими министрами и немедленное снабженіе Сербіи австрійскимъ банкомъ, по заявленному, даже оглашенному въ печати желанію австрійского правительства, миллионами денегъ для поспѣшной мобилизаціи сербской арміи! Никакой другой цѣли не имѣла эта мобилизація, какъ увеличеніе сербской территории, для того, чтобы чрезъ такое потворство національному честолюбію, сохранить короля Милана на шаткомъ его престолѣ, а съ нимъ — ненавистное народу австрійское въ Сербіи преобладаніе. Примѣру Сербіи послѣдовала и Греція. Это дѣйствіе Австріи, — не только усложнившее румелійско-болгарский вопросъ (безъ того не особенно и трудный для разрѣшенія), но придавшее ему опасный характеръ и ставшее центральнымъ пунктомъ всего положенія, — это дѣйствіе предпринято и совершено австрійскимъ правительствомъ вслѣдъ за Кремзирскимъ свиданіемъ, наперекоръ Скерневицкому соглашенію!.. Кому же неизвѣстно, что когда къ заявленному Россіей твердому рѣшенію созвать европейскую конференцію и держаться (какъ было условлено въ Скерневицахъ) основанного на трактатѣ *status quo ante*, присоединилась и Германія, — то Австрія пыталась нѣкоторое время настаивать на томъ, чтобы конференція допустила обсужденіе нѣкоторыхъ измѣненій въ трактатѣ, въ виду крайней нужды для Австріи вознаградить Сербію, такъ щедро надѣленную ею и долгами, и надеждами? Но ни Россія, ни Германія ни на какой пересмотръ Берлинского трактата не согласились. Какого рода переговоры шли у этихъ державъ, особенно у Германіи, съ Австріей — это дипломатическая тайна, но догадываться можно, по результатамъ. Всѣми было замѣчено, какъ Австрія вдругъ, съ официалью напускно торжественностью, перемѣнила фронтъ, заговорила предъ парламентскими делегаціями, къ ихъ велико-му непріятному изумленію, о дружбѣ съ Россіей и о своей личной приверженности къ *status quo ante* на Балканскомъ полуостровѣ! Чѣмъ же заставила ли развѣ Австрія Сербію прекратить вооруженіе арміи? Нѣть, сербская ар-

міа еще усиленіе стала довершать свою мобилизацію! Чѣмъ ревностнѣе настаивала Австрія вмѣстѣ съ Россіей и Германіей на нерушимости Берлинскаго трактата, тѣмъ усерднѣе доставлялись въ Сербію изъ Австріи разныя нужные для войны пособія, тѣмъ старательнѣе австрійскіе офиціозы выставляли ребромъ свою благосклонность къ королю Милану и Сербіи... Тутъ, впрочемъ, произведена была въ интересѣ Сербіи нѣкоторая подтасовка плановъ. Сначала объясняли сербскую мобилизацию потребностью „компенсації“ въ случаѣ признанія болгарского возсоединенія съ Румеліей; выдумали даже теорію „равновѣсія силъ“ на Балканскомъ полуостровѣ (это при Австріи-то, которая, владѣя Босніей и Герцеговиной, всѣхъ ихъ перевѣшиваетъ!). Откуда же взять эту компенсацію? „Стара Сербія!“ вотъ былъ сначала лозунгъ короля Милана, одушевившій всѣхъ легкоѣрныхъ сербскихъ націоналовъ. Но „Стара Сербія“ принадлежитъ еще Туркамъ, которые бы безъ боя ее не уступили, а вызывать Турцію на войну—этого именно и не хотѣла допустить конференція. Въ газетахъ заговорили о возможности и удобствѣ дать Сербіи вознагражденіе изъ оккупированной Австрійцами Босніи: такое соображеніе Австрію крайне перепугало, и она подставила Сербамъ иную, очевидно болѣе достижимую цѣль: поживиться болгарскими землями, именно Трнскимъ округомъ....

Спрашивается: какимъ же образомъ могла русская дипломатія настаивать на созывѣ конференціи и затѣмъ расчитывать на ея успѣхъ — въ виду сербской арміи подъ ружьемъ, постоянно разжигаемой своимъ правительствомъ и готовой немедлено перейти къ дѣлу? Какой смыслъ могла имѣть эта конференція безъ демобилизациіи сербской арміи,— чего Австріи такъ легко было бы достигнуть, еслибы она этого серіозно захотѣла и настояла бы на этомъ осталыи великии континентальнай державы? Возможно ли было расчитывать на искренность участія Австріи въ конференціи, когда успѣхъ пресловутыхъ единодушныхъ усилий Россіи, Германіи и Австріи къ возстановленію безусловнаго *status quo*, даже безъ личной уніи Румеліи и Болгаріи — не могъ быть для Австріи желателенъ, ибо ставилъ Австрію въ фальшивое положеніе относительно Сербіи, грозиль Ми-

лану потерей престола, а Австрія потерей вліянія?? Можна было бы подумать, что русские дипломаты даже не читали ни рѣчей, ни существенныхъ оговорокъ къ рѣчамъ графа Кальноки, которая онъ дѣлалъ предъ делегаціями, о томъ, что Австрія не можетъ-де не сочувствовать доблестнымъ національнымъ сербскимъ стремленіямъ; что всячески совѣтуя Сербамъ отложить пока свои надежды, Австрія однакожь не можетъ усиленно этого требовать, такъ какъ вѣдь король *Миланъ независимый государь*, а Австрія-де привыкла уважать чужія права!... Но именно отъ этихъ всѣхъ рѣчей и изреченій австрійского министра „Journal de St.-Pétersbourg“, компрометтируя русскую дипломатію, и приходилъ въ восторгъ! Всего однакожь диковиннѣе было возвѣщенное графомъ Кальноки, добытое якобы великими усилиями австрійской дипломатіи, *согласіе* короля Милана *пріостановить* начатіе военныхъ дѣйствій до окончанія совѣщаній Константинопольской конференції!.... „я-де благоволю пождать немногого, пока вы тамъ спорите; ну, столковывайтесь скорѣе, не то...“ И подъ такою угрозою королька Милана изволила совѣщаться вся Европа, съ „тремя великими единодушными державами“ вкупѣ!

Развѣ не естественно было тогда же русской дипломатіи, особенно въ виду давно обнаружившагося противодѣйствія Англіи, задать себѣ вопросъ: возможно ли арміи, стоящей подъ ружьемъ, пребывать спокойно въ такомъ положеніи, лицомъ къ лицу съ врагомъ, неопределенно-долгій срокъ, бездѣйствуя, терпя сырость и холодъ, при начинающейся зимѣ,—пока дипломаты совѣщаются?

Еслибъ кто не зналъ безусловнаго прямодушія русской политики, тотъ, пожалуй, имѣлъ бы право предположить, что шансъ вторженія Сербіи въ Болгарію, шансъ братоубийственной рѣзни былъ нами впередъ предвидѣнъ и впередъ допущенъ; можетъ-быть даже заранѣе оговоренъ и уступленъ во взаимныхъ съ Австріею дипломатическихъ соображеніяхъ... Иначе было бы трудно и объяснить, почему „Journal de St.-Pétersbourg“ возлагаетъ вину за братоубийственную рѣзню—не на Австрію, а на Англію, которая-де воспрепятствовала успѣху конференціи, — какъ будто не ясно какъ день, что именно успѣхъ скомпрометировалъ бы по-

ложеніе Австріи въ Сербіи, лишивъ послѣднюю всякаго вознагражденія за мобилизацио и обманутыя надежды, слѣдовательно бытъ Австріи не желателенъ, слѣдовательно и состояться не может...

Не доказывала ли „Русь“, еще мѣсяцъ тому назадъ, необходиомсть для русской дипломатіи потребовать рѣшительнаго отъ Австріи объясненія—ея двусмысленной политической игры, столь оскорбительной для Русской державы, искренней участницы Трехъ-Императорскаго Союза, игры заранѣе обрекавшей конференцію на бесплодность? Не предлагали ли мы пригрозить королю Милану отзваніемъ русскаго представителя и гнѣвнымъ протестомъ Россіи (что впрочемъ и теперь прилично было бы сдѣлать) противъ братоубийственной брані? Не предсказывалось ли въ „Руси“, что вида Австрію завязшую въ фальшивомъ относительно Сербіи положеніи, мы сами же озаботимся о томъ, какъ бы дать ей выкарабкаться съ честью изъ собственныхъ сѣтей, въ коихъ она запуталась,—какъ бы помочь ей рѣшить задачу: удовлетворить Сербію и сохранить „дружбу и довѣріе Россіи“?!

Чтд же будетъ теперь?

За спину воюющихъ съ одной стороны Австрія, съ другой Англія. Австрія и Англія не въ ссорѣ, и надо полагать, что онѣ стакнутся между собою въ интересѣ своихъ клиентовъ, да вѣроятно уже и стакнулись давно. Послѣднее извѣстіе гласитъ, что Турція не намѣрена послать своихъ войскъ противъ Сербіи. Это рѣшеніе вѣроятно подсказано ей Англіей, дабы избѣжать усложненія. Сербы завоюютъ Трикій Округъ, и такъ какъ сохраненіе его за Сербіей необходимо для сохраненія австрійскаго престижа, то европейская дипломатія, можетъ-быть *не исключая и русской* (дай Богъ ошибиться!), съ этимъ примирится, заставитъ примириться и Султана. При этомъ тѣ изъ нашихъ газетъ, которые такъ развязно пишутъ противъ „политики идей и чувствъ“ и за политику „реальныхъ интересовъ“, станутъ утверждать, что такое кровавое ограбленіе Болгаріи полезно для наказанія „болгарскихъ братушекъ“. Мы готовы, пожалуй, допустить этотъ ихъ резонъ, хотя наказанія заслуживаетъ не преданный Россіи Болгарскій на-

родъ, а его недостойные правители, нами же впрочемъ навязанные. Но какой же ревонъ награждать Сербовъ, заслуживающихъ наказанія, конечно, не меньшаго? Король Миланъ не уступаетъ Баттенбергу, а даже превосходитъ его своими добродѣтелями; онъ также облагодѣтельствованъ Россіей, ибо Царское слово остановило турецкія полчища послѣ Дьюниша,—также, если не пуще, отличается неблагодарностью и грубою враждою къ Россіи. Оба, конечно, недостойны занимать своихъ престоловъ, но выгонять, такъ выгонять обоихъ. О вторженіи въ Болгарію Сербы (да и Австрія), конечно, не смѣли бы никогда и помыслить, если бы Россія не отняла отъ Болгарскаго народа своего покровительства...

Единственное основаніе къ награжденію Сербовъ болгарскими землями заключается въ томъ, что этого желается Австріи, съ коей Россія связалась узами дружбы... Но и Англія не покинетъ своего питомца! Разъ Сербіи дана впередъ „компенсація“ за несостоявшуюся еще прибыль Болгаріи, т. е. за недопускаемое „тримя державами“ объединеніе Румеліи и Княжества, на какомъ же справедливомъ основаніи будетъ это объединеніе отрицаться въ принципѣ? Да и не противорѣчить развѣ увеличеніе Сербіи на счетъ болгарскихъ земель принципу *status quo ante?* Въ сербско-австрійскомъ завоеваніи лежитъ залогъ и болгарского объединенія, тѣмъ болѣе, что Турція сама по себѣ, кажется, вполнѣ готова признать и то и другое. Австрія уже признала его въ сущности—допустивъ сербскую компенсацію. Соображеніе, что такое признаніе побудить прочія Балканскія государства выступить съ своими требованіями—едва ли основательно: дѣло такъ ловко обставилось, что и Греція, и Черногорія, выступая, пришлось бы имѣть дѣло съ Турцией и всѣми ея громадными мобилизованными полчищами,—опасность, которой, благодаря Англіи и Австріи, умѣли избѣжать и Сербія и Болгарія...

Чтѣ же дѣлать Россіи? Насъ обвиняютъ въ томъ, будто мы желаемъ для нея войны. Напрасно. Да и съ кѣмъ же ей воевать? И изъ-за чего? Изъ-за логическихъ результатовъ своего союза съ Австріей и своихъ собственныхъ дипломатическихъ маневровъ? Если результаты будутъ именно

таковы, какъ мы гадаемъ, то они, безъ сомнѣнія, для насть печальны. Но мы благословимъ и ихъ, если только Россія возвратитъ себѣ полную свободу дѣйствій! Желательно было бы однакожъ, чтобы ужетеперь, сейчасъ, Россія отказалась отъ неблаговиднаго участія въ конференціи, отозвала своего резидента изъ Сербіи и распознала наконецъ—во чтѣ обходится ей „узы дружбы“ вообще и въ частности „сердечное согласіе“ съ Австріей, установленный Скерневицами и Кремзиromъ... Мы только послужили безславно австрійскимъ интересамъ, поступились своими выгодами и достоинствомъ—ad majorem Austriae gloriam.

Москва, 16 ноября.

Честь и слава нашимъ офицерамъ, создавшимъ и воспитавшимъ болгарское войско! Честь и слава ихъ достойнымъ ученикамъ! Болгарія можетъ гордиться своими солдатами и во-очію убѣдиться, какъ неизмѣримо велики, какъ существенны благодѣянія, оказанныя ей тою русскою опекой, на которую такъ безсмысленно возставала завистливая и властолюбивая часть ихъ „интелигенції“. Въ первый разъ въ бою, Болгари не только мужественно выдержали испытаніе, но несмотря на численное превосходство врага, который, кромѣ того, обладаетъ и сильною артиллерией, разбили Сербовъ на голову, вытѣсили изо всѣхъ занятыхъ ими позицій, прогнали за предѣлы болгарской земли! Разбойническое вторженіе Сербіи, король Миланъ съ его хвастливыми, нахальными прокламаціями, съ его лживыми похвалбами, и сама Австрія въ лицѣ своего протеже, съ своею вѣжною о немъ заботливостью, съ своими дальновидными на него упованіями и съ своимъ мастерствомъ въ интригѣ—покрылись позоромъ! Блестящее преимущество боевыхъ качествъ на сторонѣ болгарскаго войска объясняется именно русскою дрессировкой и русскою дисциплиной, но также, разумѣется и добрыми природными качествами Болгарскаго племени о чёмъ свидѣтельствовали намъ не разъ наши офицеры. „Совсѣмъ русское войско“—говорили они (а большей похвалы и быть не можетъ); „и команда русская, и иѣсни

солдатскія русскія, и выправка русская, и духъ тотъ же, что и у нашихъ!“ Въ этомъ и разгадка успѣха, столь удивившаго и Австрію, и всю Европу. Желательно, чтобы Болгарія не отступала отъ заложенныхъ въ ея арміи русскихъ основъ, но бережно охраняла ихъ, какъ могущественную воинскую традицію. Скажемъ кстати, что отзыва русскихъ офицеровъ, относительно русскихъ унтеръ-офицеровъ и даже фельдфебелей не сдѣлали никакого распоряженія: они остались въ рядахъ... А каждому, даже и не военному извѣстно, что значатъ „ундеры“ для низшихъ чиновъ въ сраженіи,— какая это сила!

Но не для братоубийственной рѣзни готовили наши доблестные офицеры болгарское войско! Наконецъ-то,— и кажется только ужъ послѣ рѣшительныхъ болгарскихъ побѣдъ (почему же не ранѣе, не тотчасъ послѣ вторженія?),—надумились державы, по ініціативѣ Россіи, „сдѣлать представленіе“ Сербіи о прекращеніи кровопролитія,— за что и Миланъ и Австрія съ радостью теперь ухватились, чтобъ спасти Сербію отъ пущаго погрома и срама. Очень можетъ быть, что именно, „единодушія ради“, уважая затруднительное положеніе Австріи, державы и воздерживались до сихъ поръ отъ рѣшительного шага,—пока онъ не пришелся ей совсѣмъ на руку. Какъ ни смущена была Австрія первыми неудачами своего авангарда, т. е. сербскихъ войскъ, да сверхъ того и вседобщимъ въ Европѣ чувствомъ омерзенія, вызваннымъ походомъ Милана въ Болгарію, но все же она не переставала надѣяться, что въ концѣ концовъ удастся Сербскому королю создать какой-нибудь „совершившійся фактъ“ въ видѣ хоть маленькаго завоеванія. Одновременно съ тѣмъ, столь торжествующее въ началѣ нахальство австрійскихъ офиціозовъ сбавило тонъ, стало даже оправдываться, будто Миланъ дѣйствовалъ совсѣмъ вопреки австрійскимъ предостереженіямъ! Никто этому конечно и не повѣрилъ, но дипломатія даже и съ такими заявленіями лживыми извиненіями всегда признаетъ нужнымъ считаться. Хотя Австрія и выется ужомъ въ узахъ русской и германской дружбы и то-и-дѣло выскальзываетъ, однакоже, тѣмъ не менѣе, „единодушіе трехъ великихъ восточныхъ державъ“ провозглашается и по прежнему, какъ ни въ

чемъ не бывало, непреложнымъ ручательствомъ дипломатическаго упованія на всеобщій миръ, благodenstvie и тишину!..

Въ газетахъ уже сообщаютъ о томъ, что королю Милану предстоитъ отреченіе отъ престола, вольное или вынужденное: это вполнѣ возможно, но что еще болѣе чѣмъ возможно и вполнѣ вѣроятно, это,—при первой въ Бѣлградѣ революціи,—занятіе самой Сербіи австро-венгерскимъ войскомъ. Выдержитъ ли такую новую пробу русская дружба—это другой вопросъ.

Конференція по вопросу о Восточной Румеліи все еще собирается разойтись: „единогласное“ рѣшеніе все еще пока не подписано англійскимъ уполномоченнымъ за неполученiemъ инструкцій. Сильно подвинула ее къ концу выраженная княземъ Александромъ Султану готовность подчиниться восстановленію *status quo ante* и вызвать изъ Румеліи болгарскія войска. Онъ и вызвалъ ихъ, и не только болгарскія, но и румелійскія, которая теперь и сражаются вмѣстѣ, подъ общимъ болгарскимъ знаменемъ; но Порта тѣмъ не менѣе была, какъ кажется, очень польщена изъявленіемъ „такихъ почитительныхъ чувствъ“, и согласно съ конференціей, порѣшила на томъ, что Султанъ отправить въ Румелію своего чрезвычайного комиссара для временнаго управлениія, пока смышанная европейская комиссія не пересмотрѣть и не передѣлать румелійскаго органическаго статута; затѣмъ Султану предоставляется самому назначить въ Румелію генералъ-губернатора. Однако же Англія затягиваетъ, какъ мы сказали, исполненіе этой революціи, да по послѣднимъ телеграммамъ и самъ князь Александръ обратился къ Портѣ и державамъ съ просьбою: отложить присылку турецкаго комиссара въ Румелію до окончательного заключенія удовлетворительнаго для Болгаръ мира, такъ какъ появление въ Филиппополѣ уполномоченного Порты въ настоящую минуту могло бы среди возбужденныхъ войною Болгаръ вызвать разные беспорядки. Нельзя не признать, что возраженія его не лишены основанія, и что вообще ореолъ „побѣдителя“ нѣсколько укрѣпляетъ его положеніе, такъ что константинопольской конференціи еще рано хвалиться достигнутымъ результатомъ...

Мы освѣдомились, что М. Г. Черняевъ, вслѣдъ за объявленіемъ Сербіей войны, отослалъ назадъ Сербскому королю Милану полученный отъ него въ 1876 г. орденъ Тавакова 1-ой степени. Въ письмѣ своемъ къ королю бывшій вождь сербской арміи просто и вѣжливо объясняетъ, что если чувство славянскаго братолюбія подвигло его въ 1876 г. принять дѣятельное участіе въ войнѣ Сербовъ съ Турками, то это же самое чувство побуждаетъ его въ настоящую пору отказаться отъ сербской почести, такъ какъ его величество изволитъ начинать нынѣ братоубійственную войну съ Болгарами, изъ числа коихъ въ упомянутомъ году болѣе тысячи человѣкъ дрались въ рядахъ Сербовъ и подъ сербскимъ знаменемъ противу общаго врага Славянства... Вѣроятно, примѣру генерала Черняева послѣдуютъ и многіе Русскіе украшенные девять лѣтъ назадъ тѣмъ же орденомъ. Такое гласное заявленіе порицанія Сербіи со стороны русскаго общества необходимо въ настоящее время для вразумленія Сербскаго народа и конечно не останется вовсе безъ благихъ послѣдствій.

Два слова по адресу „Нового Времени“, гдѣ кто-то, весьма беззаботный по части правды и логики, выступилъ противъ насъ со статьею „Славянская идея“. Спорить съ этими господами—трудъ неблагодарный. Не понимая или не умѣя понять своего противника, наязывая ему мнѣнія и выраженія, которыхъ онъ никогда нигдѣ не высказывалъ, съ другой стороны подхватывая его же собственную мысль, они съ крикомъ и трескомъ побѣдоносно бьютъ этою же мыслью ими самими изобрѣтенные нелѣпости и самодовольство, руки фертомъ, торжествуютъ пораженіе своего оппонента! Мы бы и не обратили вниманія на эту новую выходку „Нового Времени“ противъ „Руси“, еслибы разныя слова, поставленныя въ кавычкахъ, не представляли для читателей видъ какъ бы подлинныхъ цитатъ изъ нашихъ статей, и еслибы въ упомянутомъ произведеніи не слышалось намъ вообще—современного петербургскаго вѣянія.

„Недавно—говорить публицистъ почтенной петербургской газеты— И. С. Аксаковъ очень рѣзко противопоставлялъ „дешевой“ мудrosti и прозаическимъ интересамъ въ поли-

тикъ возвышенную идею славянской взаимности, славянского „единомыслія“... Какъ жестоко отвѣтили события почтенному публицисту взаимности!.. „Явился отвѣтъ, написанный кровью и позоромъ...“ „Будетъ ли и теперь И. С. Аксаковъ упрекать Россію, что она не захотѣла связать свою свободу дерзкими рѣшеніями болгарскихъ правителей?.. Надо имѣть необыкновенную остроту славянского чувства, чтобы при такой картинѣ не смутился за славянскую „взаимность“ и т. д. и т. д.

Да когда же И. С. Аксаковъ говорилъ о „славянской взаимности“ и „славянскомъ единомысліи“? Именно отсутствіемъ этого „единомыслія“ и отличались, къ несчастію, съ начала своей исторіи, всѣ Славянскія племена. „Славянская слѣда“ вошла въ пословицу, стала общимъ, до пошлисти затасканнымъ мѣстомъ. Это неизвѣстно развѣ только автору упомянутой статейки. Недостатокъ взаимности и единомыслія между Славянами былъ и пребываетъ причиной паденія Славянскихъ государствъ и порабощенія Славянъ иноцелеменниками. Поэтому-то именно и взывали лучшіе люди среди Славянъ о необходимости „взаимности и единомыслія“, какъ надежнѣйшаго средства для борьбы съ общимъ врагомъ, что таковыхъ внутреннихъ условій силы у нихъ не имѣется! А борзый авторъ статьи, услыхавъ когда-нибудь случайно это выраженіе, счелъ его не заувѣщаніе по поводу славянского раздора, а за самовосхваленіе!.. Пояснить, впрочемъ, нашему противнику, что такъ какъ изъ всѣхъ Славянскихъ государствъ одной Россіи судиль Богъ сплотиться внутри себя крѣпко воедино и стать наконецъ великою мощною Славянскою державою, и такъ какъ не обрѣсти прочимъ разрозненнымъ Славянскимъ племенамъ внутри себя самихъ и между собою никакой общей почвы для соединенія, никакого высшаго объединяющаго, всѣ мелкие племенные эгоизмы примиряющаго и поглощающаго начала, то вѣрный инстинктъ народныхъ массъ и влечетъ ихъ неудержимо къ Россіи, къ единомыслію и взаимности съ нею. „Народныя массы“ (не говоримъ объ „интеллигенціи“, сбитой съ толку отчасти примѣромъ русской же, западничествующей интеллигенціи) и у Болгаръ, и у Сербовъ, да даже отчасти и у иновѣрныхъ Славянъ, чують сердцемъ,

понимаютъ и здравымъ умомъ, что только о *Rossii* можетъ стоять и жить всякая славянская индивидуальность въ остальной Европѣ, что Россія одна, созидая себя, зиждеть и міръ православно-славянскій.

Велика сила притяженія, которою обладаетъ Россія у всѣхъ Славянскихъ народовъ,—и этой-то силою притяженія сълдуется Россія пользоваться, сълдуетъ Россіи ее вѣдать, и знать, а не игнорировать, не пренебрегать ею легкомысленно, какъ повидимому хотѣлось бы рыцарямъ „политики реальныхъ интересовъ“. Недавно и „Московскія Вѣдомости“, которая конечно не могутъ быть заподозрены въ какой-либо славянской сантиментальности, справедливо замѣтили, что иностранные державы „сомнѣваются въ симпатіяхъ и антипатіяхъ Славянскихъ народностей и не могутъ довѣряться ни расположению Сербовъ къ Австріи, ни антипатіи Болгаръ къ Россіи. И то и другое чувство, какъ видятъ теперь въ Берлинѣ, возникли случайно и не могутъ корениться въ национальномъ характерѣ... Въ толпу народа эти симпатіи и антипатіи не проникли... Значить сила все-таки въ Россіи, отъ которой должно зависѣть будущее Балканского полуострова и славянскихъ народностей“. Но „антипатіи и симпатіи“, но „чувства“ — это именно то, что и приводитъ въ содраганіе петербургскихъ политиковъ! „Славянскія чувства“ и служатъ главнымъ прѣдметомъ издѣвательства для автора разбираемой нами статьи. „Политика реальныхъ интересовъ“, — поучаетъ онъ нась, — гораздо шире политики славянскихъ чувствъ!“ Простодушный публицистъ и не подозрѣваетъ, что чувства народовъ, ихъ симпатіи и антипатіи — реальная сила даже и въ политикѣ!

Какая же безсмыслица въ словахъ, будто новѣйшая расправа короля Милана съ княземъ Александромъ написала „кровавый и позорный отвѣтъ“ нашимъ взглаженіямъ о „славянскомъ единомыслії“! Мы не только никогда не отрицали возможности этой распри, но всегда ее предвидѣли, такъ какъ Сербія (зачинщица, напавшая сторона) или точнѣе сербскія власти дѣйствуютъ даже не сами по себѣ, а подъ давленіемъ (и не со вчерашнаго дня) своей ближайшей могущественной особы, Австріи. Но мы указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что включила Сербію въ сферу австрій-

скаго вліянія не иная чья, а русская же, чуждающаяся *чувствъ*, мнимо-реальная политика. Именно въ предвидѣніи этой распри мы и выражали мнѣніе о необходимости для Россіи настаивать предъ Австріей на демобилизациі сербской арміи, на прекращеніи австрійскихъ подстрекательствъ, и предъявить свое рѣшительное veto сербскимъ властямъ, которое, еслибы даже и не остановило ихъ въ первую минуту, все-таки имѣло бы огромное нравственное дѣйствие на народъ, да и нась бы явило въ подобающемъ нравственномъ свѣтѣ... Что Россія этого не сдѣлала—было, кажется намъ, печальною ошибкою, а можетъ-быть и уступкою мудрости петербургскихъ политиковъ-реалистовъ, одного пошиба съ политиками „Нового Времени“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Впрочемъ, въ „Новомъ Времени“ передовая статья не рѣдко совсѣмъ противорѣчать измышленіямъ нашего настоящаго оппонента...

Не меныше безмысленно утвержденіе, что мы предлагали Россіи „связать свою свободу дерзкими рѣшеніями болгарскихъ правителей“. Напротивъ: мы именно высказали желаніе, чтобы Россія, устранивъ отъ дѣль правителей, не устраяла сама себя отъ Болгаріи, отъ своей надъ нею власти, и взяла дѣло въ свои руки, сохранивъ за собою свободу дѣйствій, а не подчиняя ее рѣшенію европейскаго, намъ чуть не сплошь втайне враждебнаго ареопага. Публицистъ „Нового Времени“ словно будто торжествуетъ по поводу результатовъ достигнутыхъ доселѣ русскою политикою; да и вообще, судя по газетамъ, въ Петербургѣ съ какою-то злорадною вѣтренностю, ради накачанія „какихъ-то тамъ Славянъ и братушекъ“, готовы разрушать то, что лѣтъ семь восемь назадъ созидалось рѣками русской крови, и чуть ли не зикуютъ, что въ Болгаріи хояйничаемъ теперь не мы, а Англичане, Австрійцы, Турки!... Это называется: „замѣнью политики *чувствъ* политикою реальныхъ интересовъ“.... Мы же позволяемъ себѣ не торжествовать пока, по поводу результатовъ добытыхъ русскою дипломатіей,—не раздѣлять петербургскаго ликованія и злорадства, и не восхищаться образцами столь восхваляемой „реальной“ политики.

Ни къ какимъ новымъ жертвамъ въ пользу Славянъ мы не призываемъ,— но жертвовать Славянами Англичанамъ и

Нѣмцамъ—это и безнравственно, и нашимъ реальнымъ интересамъ противно. Политика реальныхъ интересовъ для Россіи только тогда можетъ называться истинною разумною политикою, когда она имѣтъ въ своемъ основаніи славянскую идею (которая есть въ сущности русская идея), когда она принимаетъ въ расчетъ и чувства народовъ, ихъ симпатій, ихъ нравственное тяготѣніе къ Россіи, и тѣ нравственные обязанности, которые налагаются на Россію ея историческимъ призваніемъ и яиспосланною ей силою притяженія. У Россіи нѣть сколько-нибудь искреннихъ друзей между державами Западной Европы; русскія границы съ Запада почти совсѣмъ открыты. Наши естественные и единственные союзники, къ тому же прилегающіе отчасти и къ нашимъ границамъ—Славяне. Чѣд расчѣтливѣе,—не говоря уже о томъ чѣд нравственнѣе: притагивать ли намъ Славянъ къ себѣ или, какъ совѣтуютъ въ Петербургѣ, плевать на нихъ? создавать ли намъ изъ нихъ себѣ союзниковъ (чѣд такъ легко и просто, стойти только не заглушать естественность симпатій, не пренебрегать и „политикою чувствъ“) или же враговъ? И разумна ли та политика, которая, во имя „реальныхъ интересовъ“, отдала Славянъ Босніи, Герцеговинѣ, Сербіи—Австріи? Но именно съ той же точки зрѣнія русскихъ реальныхъ интересовъ мы и не усматриваемъ никакой особенной пользы для Россіи въ томъ, что такъ легко и добровольно, даже безъ всякой борьбы, уступили мы позицію добытую тяжкою кровавою войною 1877-78 годовъ, и которую вѣдь все-таки придется добывать снова,—хотя публицистъ „Нового Времени“ и причисляетъ удержаніе нами этой позиціи („Русь“ вѣдь ни на какомъ другомъ „предпріатіи“ и не настаивала) къ „предпріятіямъ для насъ безполезнымъ“ и способнымъ „въ концѣ концовъ ослабить наши силы!.. Думаемъ однакожъ, что смѣлая и рѣшительная политика, основанная на сознаніи славянскаго значенія и призванія Россіи и могущества славянскихъ къ намъ симпатій, всего вѣрнѣе послужила бы истинно-реальному нашимъ интересамъ, да и вообще въ гораздо меньшей степени способна подвергнуть русскія силы риску напрасной растраты, чѣмъ такъ-называемая реальная политика отвергающая значение исторической идеи и силу народныхъ „чувствъ“, даже издѣвающаяся надъ ними...

Москва, 23 ноября.

Высочайший приказъ по военному вѣдомству:

«Государь Императоръ, обращая особенное внимание на известія съ театра военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, съ удовольствиемъ изволилъ усмотреть блестящіе результаты добросовѣстной и полезной работы русскихъ офицеровъ, которымъ вѣрено было сформированіе, воспитаніе и обученіе войскъ Болгаріи и Восточной Румелии. Глубоко опечаленный братоубийственной войной между Славянскими народами, Государь Императоръ находитъ однако же отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелійскими войсками, достойными высокой похвалы. Съ удовольствиемъ убѣдившись въ разумной и самоотверженной дѣятельности русскихъ офицеровъ, сумѣвшихъ привить молодымъ войскамъ надлежащія воинскія качества и доблестный воинскій духъ, Его Императорское Величество объявляетъ Свою Высочайшую благодарность бывшему военному министру Княжества Болгарскаго генеральнаго штаба генералъ-маіору Кантакузену и Монашес благоволеніе всѣмъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ, служившимъ въ болгарскихъ и румелійскихъ войскахъ».

Радуемся появлению этого приказа. Молодые болгарскія и румелійскія войска будутъ гордиться такимъ всенародно заявленнымъ благоволеніемъ, такою торжественною похвалою, изъ устъ самого Русскаго Цара, ихъ воинской доблести и самоотверженію. Пусть же они постараются пребыть навсегда достойными этого одобренія; пусть тщательно сохранять всѣ основы заложенные въ нихъ русскими наставниками, дабы никогда ничѣмъ не отличаться отъ своего, на весь міръ славнаго образца—русскихъ войскъ!.. Нельзя конечно не скорбѣть о томъ, что поводомъ къ воинскимъ болгарскимъ подвигамъ послужила (впрочемъ по винѣ Австріи) братоубийственная брань подъятая правительствомъ Сербіи; нельзя не жалѣть и о томъ, что положеніе, въ которое поставилъ себя лично князь Александръ по отношенію къ Россіи, помѣшало воздать публично и ему заслуженную похвалу, какъ храброму и талантливому военачальнику...

Невольно однако-же приходитъ на мысль такое соображеніе: послѣ того какъ болгарскія и румелійскія дружины дрались *вмѣсть*, подъ *однимъ общимъ* начальствомъ и знаменемъ (что вѣдь съ точки зрѣнія, Берлинскаго трактата и нашей дипломатіи было вполнѣ незаконно); послѣ того какъ онѣ своими подвигами самоотверженія, удостоенными Высочайшаго одобренія, озnamеновали *фактически* и своею кровью запечатлѣли «соединеніе обѣихъ частей Болгаріи», — удобно ли и умѣстно ли будетъ, вслѣдъ затѣмъ, разъединять эти войска вновь, да еще и такъ, что по прихоти двухъ разныхъ властителей (Румеліи и княжества Болгарскаго) станетъ, пожалуй, возможнымъ и вполнѣ легальнымъ повести румелійскихъ и болгарскихъ солдатъ въ бой другъ противъ друга?..

Не хватаетъ уже и духа глумиться надъ нашей дипломатіей! Слишкомъ уже дешево торжество всѣхъ тѣхъ, что заблаговременно разоблачали неминуемыя послѣдствія ея недальновидности, ея закоренѣлаго легкомыслія, ея грубой наивности, ея систематическаго, ужъ подлинно солиднаго неуваженія историческихъ національныхъ интересовъ Россіи, ея какой-то „варварской“ робости предъ авторитетомъ „европейской культуры и цивилизациі“ въ лицѣ западныхъ государствъ! Слишкомъ уже теперь неумѣстно, да и слишкомъ уже горько злорадство! Да и подсмѣтываясь надъ ней, невольно вспоминаешь вопросъ и отвѣтъ Гоголя въ „Ревизорѣ“: „Надъ кѣмъ смѣетесь?... Надъ собой смѣетесь!“... Наша дипломатія не съ неба намъ дана и не порожденіе какихъ-либо подземныхъ силъ,—а кость отъ костей нашихъ, порожденіе общества, преимущественно петербургскаго, и преимущественно той высшей, въ добавокъ еще властной среды, которой гг. дипломаты составляютъ одно изъ главныхъ украшеній и изъ которой словно воздушнымъ насосомъ выкачана всякая серіозная мысль и, разумѣется, всякое живое русское чувство. Исключенія между дипломатами, не только рѣдкія, но можно-сказать диковинныя, не измѣняютъ общаго типа; достоинствомъ своимъ обязаны они самимъ себѣ, никакъ не дипломатической русской школѣ,

и никакъ не петербургской свѣтской средѣ, а наперекоръ и той и другой. Такія исключенія впрочемъ не пользуются у насъ почетомъ, да и не удерживаются при дѣлахъ. Они безцокойны: шевелать, будать мысль, дразнить волю. Предпочитаются для дипломатического представительства могущественной своеобразной Россіи — лица совсѣмъ безличные, у которыхъ въ головахъ пріятная тишь да гладь,—да таковая же тишь и гладь и въ политической ихъ дѣятельности, невозумимая, прочная, чтоб бы тамъ кругомъ противъ Россіи ни плелось, ни ковалось!..

Полагаемъ, что наконецъ и наша дипломатія начинаетъ проэрѣвать или по крайней мѣрѣ примѣчать, что она кругомъ обойдена и обманута, что давъ себя добровольно связать по рукамъ и ногамъ Трехъ-Державнымъ Союзомъ, она слишкомъ ужъ простосердечно обольщалась мечтою, будто ведеть за руки Германію и Австрію, когда не она вела, а ее вели да и завели въ болото, — сами же друзья остались на твердой почвѣ, предоставивъ увязнувшей Россіи умиляться „единодушiemъ“! Если дипломатія только способна чувствовать, такъ куда какъ плохо должна она себя чувствовать въ настоящую пору! Въ какомъ положеніи очутились мы теперь? Поистинѣ въ траги-комическомъ! Мы ничего не достигли, а напротивъ попятились, отодвинулись отъ цѣли назадъ; мы бездѣйствуемъ или что то же — мы ораторствуемъ, и очень горячо, на конференціи, но только потрясаемъ воздухъ словами, потому что другое, предоставивъ намъ говорить, сами-то дѣйствуютъ — наперекоръ конференціи и обращая ея рѣшенія въ нуль!.. „По инициативѣ Россіи“, „по настоящему Россіи“ (и вѣдь съ какою гордостю перепечатывались эти выраженія нашими не только наемными, но и добровольными офиціозами!) великая державы собирались на конференцію и сооружали коллективныя предложения, охотно предоставивъ Россіи починъ во всемъ томъ, чтоб компретировало честь Россіи, свидѣтельствовало какъ бы объ отреченіи ея отъ прежнихъ историческихъ завѣтовъ и отвращало отъ насъ симпатіи Славянскихъ племенъ! И всѣ эти предложения „по инициативѣ“ Россіи — потерпѣли полнѣйшее fiasco, которое всею своею тажестью легло на насъ, на насъ однихъ, — и положеніе

наше такъ запуталось, что трудно найти изъ него и выходъ, какъ бы мы теперь ни плакались на вѣроломныхъ союзникахъ. Сердитое безсиліе—вотъ что, къ собственному изумлению нашему, представляемъ мы теперь во всѣхъ этихъ новѣйшихъ историческихъ событіяхъ. Но потому-то оно такъ особенно и печально и странно, что это безсиліе — силача, что это безсиліе не отъ чего другаго происходитъ, какъ отъ отсутствія опредѣленной руководящей мысли, установленныхъ твердыхъ принциповъ и яснаго сознанія своего призванія и своихъ обязанностей. При такихъ условіяхъ поневолѣ всякое событіе застигаетъ насъ неприготовленными, врасплохъ, и наимощные въ мірѣ мы являемся до жалости немощными.

Въ самомъ дѣлѣ, наимудрѣйшему мудрецу въ свѣтѣ было бы трудно согласить нашъ настоящій образъ дѣйствій съ тѣми исполненскими дѣяніями, которыя совершила Россія не далѣе какъ лѣтъ восемь или семь тому назадъ. Словно вѣка прошли, словно мы не тѣ!.. Правда, между тѣмъ временемъ и настоящимъ стала стѣною Берлинскій трактатъ, покрывшій Россію позоромъ и срамомъ. Но вѣсто того, чтобы винить въ этомъ трактатѣ дипломатовъ и правителей, мы, съ постыднымъ ребачествомъ, перенесли свою досаду на собственныея свои прошлые увлеченія и на предметъ увлеченій — несчастныхъ Славянъ!... „Нѣть ужъ довольно, будеть“! Прочь „политика чувствъ“! Мы-де теперь созрѣли; никакой иной политики знать не хотимъ, кроме „политики реальныхъ интересовъ“! Станемъ-де подражать Бисмарку: „онъ, говорять, всегда за реальность интересовъ“!.. И вотъ въ нашемъ дипломатическомъ пустомысліи водворилось это словцо, а съ нимъ и какое-то смутное понятіе о политическомъ реализмѣ, исключающемъ всякий „идеализмъ“, къ области котораго—свойственно даже и молвить — и отнесены всѣ „славянскія чувства“ и отношенія наши къ Славянству! Нашлись и публицисты, которые борзо поддерживали такое „реальное“ направленіе нашей политики... Но въ осіплѣніи своемъ наши „созрѣвшіе“ умы перезабыли, что кровавою войною 1877—78 годовъ, служа „политикѣ чувствъ“, мы вѣдь въ то же время приобрѣли себѣ прочныя симпатіи шести миллионовъ народа,—до того прочныя, что можетъ-

быть еще придется имъ сослужить намъ добрую службу и въ будущемъ, несмотря на все модное теперь пренебрежение наше къ „чувствамъ“; мы усвоили себѣ известнымъ образомъ цѣлую обширную страну, доходящую почти вплоть до Константинополя. Вѣдь Болгарія была наша, наша не будучи въ положеніи завоеванной или порабощенной нами страны!.. Вѣдь болгарское войско, нами созданное, было русскимъ войскомъ, неотдѣльною частью русской арміи, пребывающею уже тамъ, на Балканскомъ полуостровѣ, куда изъ Россіи передвигать русскіе полки не такъ-то легко!... Чѣмъ это все, не „реальные“ развѣ интересы?? Если же мы не сумѣли упрочить нашего положенія въ Болгаріи въ томъ объемѣ и видѣ, на которые наши побѣды давали намъ право, такъ только благодаря политикѣ не „чувствъ“, а „малочувствія“ и недомыслія, проявленной нами по отношенію къ Западной Европѣ вообще и особенно на Берлинскомъ конгрессѣ. Вѣдь русскіе содѣтели Берлинского трактата и въ ту пору оправдывали его единствено „реальными интересами“!

И вотъ, эмансирировавшись отъ „чувствъ“, наша дипломатія захотѣла явить зрелице новой реалистической политики, и точно явила: зрелице дивное, неслыханное, невиданное — страны великой, исторической, могучей, добровольно, безъ сожалѣнія, а съ какимъ-то легкосердечнымъ злорадствомъ растаптывающей, руками своихъ дипломатовъ, ни чѣмъ сумняся, плоды своей собственной, тяжкимъ, мучительнейшимъ трудомъ вспаханной нивы; разрушающей собственное, всего семь лѣтъ назадъ на русскихъ костяхъ воздвигнутое зданіе; вмѣнающей ни во что потоки крови и всѣ материальные жертвы Русскаго народа, — попирающей не только „чувства“ преданного намъ племени, но и русскіе существеннѣйшіе, наиреальнѣйшіе интересы!.. Бѣдная Россія!

Мы не хотѣли политики „славянскихъ чувствъ“, а чѣмъ замѣнили ее? Не политикою „реальныхъ интересовъ“, ибо послѣдніе, истинно понятые, неотдѣлимы отъ соображеній высшаго идеального свойства, да и вовсе безсмысленны безъ общей руководящей мысли, — а ни идеализма, ни руководящей идеи у насъ въ наличности не оказалось.

Да и что же такое, повторяемъ, „чувства народовъ“ — какъ не величайшія реальная силы и двигатели въ исторії? Замѣнили мы политику чувствъ — политикою „чувствицъ“: обиды, досады, гнѣва, — чѣмъ-то мелочнымъ и личнымъ. „О, пусть потоками слезъ и крови искупать Болгары свое неуваженіе къ союзтамъ Россіи, свое самовольство!...“ „Да накажутся Болгары, да извѣдаютъ каково производить возсоединеніе безъ спроса Россіи!“... Вотъ что буквально печаталось въ русскихъ, не, лишенныхъ вліянія газетахъ! Мы не отрицаемъ вину принца Баттенберга и нѣкоторыхъ Болгаръ передъ Россіей и признаемъ законность чувства обиды, — но полагать это чувство обиды въ основу нашей политики, развѣ это не „политика чувствъ“? Разница только въ томъ, что чувства-то эти не широкія, историческія, „славянскія“, а ощущенія, вызванныя случайностью, временною и преходящую. Но подъ воздействиемъ этихъ не чувствъ, а чувствицъ, наше общество и дипломатія захотѣли казнить — за вину двухъ правителей да дюжину Болгаръ — весь Болгарскій народъ и принесли въ жертву именно наши самые серіозные реальные интересы!..

Ну и вышло:

1) Къ изумленію всего міра и въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ достоинствомъ, Россія вмѣсто того, чтобы возникшее осложненіе дѣлъ въ Болгаріи, всесдѣло входившій въ сферу русскихъ интересовъ, постараться прежде всего покончить собственнымъ авторитетомъ, который не отрицался и Европой (да такъ и подсказывалъ намъ начальѣ, говорятъ, самъ Бисмаркъ, — такъ и теперь поступаетъ Австрія въ Сербіи), — вмѣсто всего этого, Россія перенесла болгарскій вопросъ на судъ Европы и отказалась отъ своего исключительного властнаго положенія въ Болгаріи, пріобрѣтеннаго цѣною русскихъ побѣдъ и жертвъ.

2) Россія же, предъ лицомъ самихъ составителей Берлинскаго трактата, явилась найревностнѣйшею и въ сущности единственою защитницей этого, ей на зло и на позоръ, а Славянскимъ народамъ въ ущербъ составленнаго договора, — словно священной для нась хартіи, и въ то самое время, когда этотъ договоръ самъ собою, не по русской винѣ, лопнулъ.

3) Не во имя разрѣшения славянскихъ узъ и созиданія русско-славянскаго міра выступили мы, послѣ долгаго воздержанія, на европейскую политическую арену, а во имя вящаго скрѣпленія расшатанныхъ румелійскимъ переворотомъ славянскихъ узъ, и къ ущербу нашей созидательной задачи. Вознегодовавъ на самовольное объединеніе обѣихъ частей Болгаріи (хотя изъ-за этой именно цѣли пролиты рѣки русской крови, да она начерчена и Санъ-Стефанскимъ договоромъ), мы воспылали ревностью къ сохраненію *status quo ante*. Для этого затѣяли конференцію, на которую по-тащили всю Европу, не соображая, что никто изъ нашихъ союзниковъ въ сохраненіи прежняго порядка не заинтересованъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Австрія, прямо заинтересованы въ противномъ;—никто русскихъ личныхъ чувствъ обиды и досады на виновниковъ переворота не раздѣляетъ, а наоборотъ: Западная Европа именно этимъ внезапнымъ, такъ неосторожно, на весь міръ заявленнымъ русскимъ антиславянскимъ расположениемъ духа и захочетъ всенепремѣнно воспользоваться намъ во вредъ! Такимъ образомъ роли перемѣнились: мы выступили какъ бы врагами, Англія и вообще западныя державы—какъ бы друзьями Славянъ. Положимъ, что эти друзья не искренніе, но вѣдь мы и отъ Славянъ не въ правѣ требовать «политики чувствъ», а съ реалистической точки зрењія слѣдуетъ вѣдь пользоваться всякимъ случаемъ выгоды.

4) Руководимые все тѣми же, нельзя сказать чтобъ очень ужъ возвышенными побужденіями, мы, со свойственною намъ прямолинейностью въ дѣйствіяхъ, явились болѣе Турками, чѣмъ Турки, и хотя въ 1877—78 годахъ добились таки того, что власть турецкая не только въ Болгарскомъ Княжествѣ, но отчасти и въ Румелии стала чисто nominalnoю, почти призрачною, — однако на конференціи тащили изо всѣхъ силъ за шиворотъ упиравшагося Турка, чтобъ онъ снова водворился въ Филиппополѣ какъ дѣйствительная власть! Мы предлагали ему — наказать Болгаръ — виновниковъ «возсоединенія», даже не брезгали и перспективой появленія въ Румелии турецкой военной, сопровождающей султанскаго комиссара дружины...

5) Избравъ себѣ опорнымъ пунктомъ Трехъ-Державный

Союзъ, компрометтируя свое въ Славянскомъ мірѣ достоинство и положеніе усиленнымъ домогательствомъ возстановленія *status quo ante*, мы въ то же время и не подумали протестовать противъ козней Австріи, уничтожавшихъ всѣ плоды нашихъ конференціонныхъ усилий, — не осмѣлились остановить вынужденного и подготовленного Австріею сербскаго вторженія въ Болгарію!.. А между тѣмъ мы безъ сомнѣнія могли это сдѣлать, могли предотвратить братоубийственную войну въ самой началѣ...

6) Даже когда состоялось не остановленное нами разбойническое вторженіе сербскихъ войскъ въ Болгарію, мы все еще расчитывали на проявленіе турецкаго сюзеренства въ Княжествѣ (вѣроятно для ващаго униженія Болгаръ): по крайней мѣрѣ, органъ нашей дипломатіи съ негодованіемъ восклицалъ: «что же Порта? Вѣдь болгарская территорія есть оттоманская территорія! Ну что прикажете дѣлать съ государствомъ, которое не хочетъ пользоваться своими правами!.. Къ посрамленію нашей дипломатіи, дѣло обошлось и безъ Туровъ.

7) Мы хотѣли изгнать принца Баттенберга не только изъ Румеліи, но и изъ Княжества (о чёмъ громко заявляли на конференціи) — и только укрѣпили его... Допустивъ сербо-болгарскую войну по желанію Австріи, и выступивъ съ примирительнымъ словомъ противъ «братаубийственной браны» только лишь посль побѣдѣ болгарскихъ, когда перемирия, какъ манны небесной, восхотѣла, ради своихъ выгодъ въ Сербіи, сама, до смерти перепугавшаяся Австрія, — мы только дали случай князю Александру явиться героемъ, снискать себѣ симпатіи всей Европы, Болгарского народа, а главное — *преданность войска*. И преданность эта, надо сказать правду, княземъ заслужена. Первые побѣды молодаго возникающаго государства — это своего рода крещеніе для самостоятельной государственной жизни. Семь лѣтъ тому назадъ турецкіе рабы, Болгары вѣнчались теперь лаврами — какъ свободная, къ тому же не дикая, а цивилизованная сила, предъ лицомъ всего міра. Имя князя Александра неразрывно связалось теперь съ славными воспоминаніями для войска и народа. А между тѣмъ еще недавно, на засѣда-

ніяхъ конференція, отъ имени Россіи энергически «на-
стаивалось на низложеніи Болгарскаго князя»...

8) Мы лишили болгарское войско русскихъ офицеровъ—
но лишили только себя превосходнаго передового отряда
или просто части русской арміи, и дали теперь возможность хвалиться князю и Болгарамъ, что въ русскихъ офи-
церахъ они болѣе не нуждаются, умѣютъ одерживать по-
бѣды и безъ нихъ!... Конечно, всѣми достоинствами своими
войско это обязано русскимъ инструкторамъ, но плоды
этихъ русскихъ стараний послужили не Россіи, а враждеб-
ному намъ и теперь нами же усиленному болгарскому прави-
тельству.

9) Когда начались пораженія сербскаго войска и даже
поспѣшное, постыдное его отступленіе, и мы наконецъ рѣ-
шились подождить предѣлъ «братоубийственной войны» (ко-
торую почему-то не предупредили), то и тутъ однажды мы
не отважились дѣйствовать прямо отъ себя, именемъ Россіи,
а предпочли затушевать Россію въ коллективномъ заявленіи
отъ имени трехъ державъ. Коллективное заявленіе не по-
дѣйствовало на князя Александра, или, по другой версіи,
не было ему вовремя доставлено, въриѣ же, какъ и объ-
ясняютъ нѣкоторыя австрійскія газеты, было умышленно
предупреждено единоличнымъ заявлениемъ самой Австріи,
считающей сербское дѣло своимъ личнымъ дѣломъ. Именно,
не успѣлъ князь взять сербскій городъ Пиротъ, какъ пред-
сталъ передъ него австрійскій посолъ графъ Кевенгуллert
и уже не отъ имени «Союза», а отъ имени Австріи объ-
явилъ князю, что при дальнѣйшемъ слѣдованіи онъ встрѣ-
титъ австрійское войско. Князь пріостановилъ военные дѣй-
ствія, сославшись на заявление Кевенгуллера въ свое мѣсто
приказъ по арміи... Это вѣдь тоже нѣкотораго рода ка-
мурфетъ для русской политики! Почему же Австрія можетъ
дѣйствовать отъ своего имени, одна, а Россія не можетъ?
Почему? Потому ли развѣ, что наше Министерство иност-
ранныхъ дѣлъ отличается лишь молчаливскою добродѣтелью
смиренія? Скажутъ: Сербія находится «въ сферѣ австрій-
скаго вліянія и австрійскихъ политическихъ интересовъ»?
А развѣ, повторяемъ, Болгарія не принадлежитъ къ сферѣ
нашихъ интересовъ и вліянія, да еще и по такому праву,

которое никъмъ оспариваемо быть не можетъ: она нами порождена, создана, тогда какъ вліяніе Австріи на Сербію есть дѣло насилия и интриги, и ненавистно народу! Но разница между австрійской и русской дипломатіей въ томъ, что при первой вѣсти о болгарской надъ Сербами побѣдѣ, слѣдовательно обѣ опасности угрожающей австрійскому въ Сербіи вліянію, всѣ государственные люди въ Австріи встрепенулись; даже императоръ Францъ-Іосифъ, оставивъ свою прелестную резиденцію въ замкѣ Геделлѣ въ Венгрии, поспѣшно примчался въ Вѣну; сейчасъ собранъ былъ совѣтъ министровъ, на которомъ и рѣшено: «Сербію изъ сферы австрійского вліянія ни подъ какимъ видомъ не выпускать». При этомъ и не предполагалось обращаться за позволеніемъ къ Европѣ или отдавать свои интересы на судъ какой-либо конференціи и т. п., какъ учили мы, при первой попыткѣ князя Александра выскочить изъ сферы нашего вліянія. Да, мы *свой*, кровный русско-болгарскій вопросъ понесли на европейскій трибуналъ, прося наказать Болгарію за то, что она насъ не уважаетъ, и не только не постарались удержать позицію свою на Балканскомъ полуостровѣ, но тотчасъ сами, никъмъ не гонимые, а съ сердцемъ, изъ нея выскочили, да и прахъ съ ногъ отрясли!

10) Дипломатія можетъ, пожалуй, сказать себѣ въ утѣшеніе, что все же достигла своей цѣли: князь Александръ, въ виду войны, отказался отъ «въсоединенія», и права Порты (очень они намъ дороги!) надъ Румеліей возстановлены. Но развѣ все это не комедія, которую всѣ, ради насъ, только и играютъ — и Порта, и князь Александръ, и Англія, и Австрія, и пассивно — даже Германія! Мы одни искренни и серіозны... Князь Александръ, отказавшись отъ «въсоединенія», вызвалъ однакоже румелійскія войска къ себѣ, распоряжался ими полновластно и окрестилъ «въсоединеніе» кровью и жертвами, а также и словою *соединенныхъ* болгарскихъ войскъ. Султанъ, — благо конференція единогласно признала его права надъ Румеліей, — рѣшился наконецъ этими правами воспользоваться, а именно послать для *виду* комиссара, а напередъ заявить Румеліотамъ полную амністію, причемъ возвращенія румелійскихъ войскъ отнюдь не требуетъ! Затѣмъ, и это несомнѣнно, въ силу

своихъ- бесспорныхъ правъ, онъ назначить князя Александра генералъ-губернаторомъ Румеліи, т. е. признаетъ такъ-на-зывающую личную унію, при согласіи и рукоплесканіяхъ всей Европы. Что-жъ, станемъ мы развѣ воевать *изъ-за* этого? Съ кѣмъ? Съ самими Болгарами? съ Портой? съ Англіей?..

Вотъ результаты нашей политики.

Теперь пока весь интересъ сосредоточивается на Сербіи, на интригахъ въ ней Австріи и на улаженіи мировой сдѣлки между Сербіей и Болгаріей. Мы не думаемъ, чтобы сама Сербія была въ состояніи и расположена начать войну съ Болгарами снова, хотя конечно Австріи и хотѣлось бы заручиться какой-либо сербской побѣдой (можетъ-быть даже при тайномъ содѣйствіи австрійскихъ офицеровъ)... Во всякомъ случаѣ условіемъ мира, главнымъ, существеннымъ, будетъ признаніе возсоединенія или личной унії Румеліи и Болгаріи. Возможно также и отреченіе короля Милана въ пользу сына,—но низверженіе династіи Австрія едвали допустить. Несомнѣнно, что при первомъ признакѣ революціи австрійскія войска вступать въ Сербію, разумѣется временно и подъ благовидными предлогами, которые будутъ уважены всею Европой (за исключеніемъ, можетъ-быть, Россіи). Но Австрія постарается и не дойти до такой крайности: она уже заранѣе переговаривается съ Ристичемъ...

Что же намъ-то дѣлать? Да прежде всего признать, хоть передъ собой, откровенно свои — не то что ошибки, но лживость всего нашего политического пути съ Берлинского конгресса; не расчитывать впредь на «единодушіе» и «дружбу» державъ,—сознать себя, какъ Россію, Славянскою державою, въ сферу вліянія которой входитъ все православное Славянство со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, съ Босфоромъ включительно; поднять высоко русское, оно же и славянское знамя; изгнать изъ Министерства иностранныхъ дѣлъ всѣ традиціи, всѣ привычки, всѣ приемы по отношенію къ Европѣ молчалинского свойства. Въ частности же: уважить наконецъ мольбу Болгарскаго народа, выраженную отъ имени Народного Собрания извѣстною депутацией, возвратить Болгарамъ прежнее благоволеніе; затѣмъ заявить Австріи и Сербіи вполнѣ серіозно, что Россія не потерпитъ

ни новой войны между Сербієй и Болгарієй, ни какого-либо вознаграждениј Сербії изъ болгарской территории, ни вступленія хотя бы одного австрійского солдата и по какому бы то ни было поводу—въ предѣлы Сербскаго государства... Остальное доскажется само собою ходомъ вещей... Нужно оживить въ Россіи чувство ея достоинства и силы, поднять ея духъ, возвратить ей вѣру въ себя, въ свое великое призваніе и въ свое правительство, т. е. въ неуклонно-национальное направлениe русской политики. Это чувство достоинства и могущества—великій, плодотворный въ жизни народа двигатель: въ немъ условіе подъема не только духовныхъ, но и всяческихъ, даже и экономическихъ силъ. Вѣдь только въ Петербургѣ не чувствуютъ того всеобщаго поникновенія духа, которымъ недомогаетъ теперь Россія...

Москва, 6 декабря.

Повинуясь закону, мы помѣстили въ прошломъ 22 № данное „Руси“ „предостереженіе“ безъ всякихъ съ нашей стороны, въ томъ же №; примѣчаній и поясненій. Благоразумнѣе, быть-можеть, было бы и теперь оставить вовсе безъ оговорокъ это официальное назиданіе, но въ немъ есть нѣчто необыкновенное даже и для официального языка нашего высшаго литературно-полицейскаго вѣдомства, есть выраженія, которыя обойти молчаніемъ не дозволяетъ намъ чувство чести и нравственнаго достоинства. Газетѣ „Русь“ брошено въ лицо обвиненіе въ недостаткѣ „истиннаго патріотизма“... Понятно, разумѣется, то негодованіе, которое должно было вызвать въ насъ подобное публичное оскорблениe,—и ужь конечно не съ тѣмъ, чтобъ оправдываться предъ литературнымъ начальствомъ беремся мы теперь за перо: смѣемъ думать, что относительно патріотизма редакторъ „Руси“ въ оправданіи не нуждается. Каждый изъ писателей, долговременно подвизающіхся въ области печатнаго слова, оставляетъ по себѣ достаточно материала для вѣрной общественной оцѣнки его литературнаго направлениј. Мы не составляемъ исключенія; полагаемъ, что и о насъ, о нравственномъ характерѣ пашей, свыше четверти вѣка

продолжающейся и ни разу въ своемъ направлениі не измѣнившейся публицистической дѣятельности—также успѣло сложиться въ Россіи довольно опредѣленное мнѣніе. Это-то мнѣніе Россіи мы и противопоставляемъ смѣло и съ спокойною увѣренностью направленному на насъ офиціальному обвиненію. Но мы позволяемъ себѣ утверждать, что и самыи законъ не уполномочиваетъ Главное Управлениѣ по дѣламъ печати на подобную формулу обвиненія; не предоставляетъ полиції, хотя бы и высшей, дѣлать кому-либо внушенія по части „патріотизма“. Говоримъ: „полиції“, потому что Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе которого передана въ 1863 г. изъ Министерства народнаго просвѣщенія русская литература, есть по преимуществу министерство государственной полиції и обязано вѣдать литературу лишь съ точки зрењія полицейской. Да вѣдь и самыя предостереженія свои сообщаетъ оно редакторамъ черезъ полицейскихъ чиновъ: упомянутое внушеніе „объ истинномъ патріотизмѣ“, подписанное 26 ноября, только пройдя долгій путь полицейскихъ мытарствъ, отъ инстанціи къ инстанціи, было преподнесено намъ Помощникомъ Частнаго Пристава Тверской части, и именно 29 ноября (слишкомъ двое сутокъ послѣ того, какъ оно появилось въ петербургскихъ газетахъ и Сѣверное Агентство оповѣстило о немъ по телеграфу не только всю Россію, но и всю Европу,—къ величайшему торжеству австрійскихъ газетъ!) Писатель или редакторъ, подвергающійся подобнаго рода назиданіямъ чрезъ полицейскаго околодочнаго надзирателя, имѣть по крайней мѣрѣ право требовать, чтобы таковые документы были въ точности согласны со всѣми формальными предписаніями закона. Мы тщательно пересмотрѣли всѣ параграфы того специальнаго узаконенія, на которое ссылается и данное „Руси“ предостереженіе. Въ статьяхъ отъ 12 до 30-й перечислены всѣ тѣ провинности печати, которыхъ могутъ служить поводомъ Главному Управлению для принятія упомянутой мѣры: но ни о „патріотизмѣ“ вообще, ни въ частности о „патріотизмѣ истинномъ“ въ этихъ статьяхъ нѣть ни слова, ни даже намѣка. Равномѣрно не встрѣчается подобной „квалификаціи“ литературныхъ поступковъ ни въ Уголовномъ Уложеніи, ни во всемъ Сводѣ Законовъ...

Оно и вполнѣ разумно. Переходя точные предѣлы формального закона, вышеназванное вѣдомство ступило неизбѣжно на шаткую почву,—въ поле обширное для недоразумѣній и противорѣчий, слѣдовательно и для произвольныхъ личныхъ истолкованій. Въ самомъ дѣлѣ, чтѣ такое „истинный“ и „неистинный патріотизмъ“? Гдѣ надежные признаки того и другаго? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зренія, напримѣръ, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду—какъ бы она горька и жестка ни была, а для правительства—въ томъ, чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнѣнію же многихъ въ такъ-называемыхъ высшихъ сферахъ, наистинайшій патріотизмъ—въ подобострастномъ молчаніи... Авторы „предостереженія“ могутъ, пожалуй, возразить намъ, что дѣло ве въ самой правдѣ, а въ формѣ ея высказыванія, которая можетъ быть, по рѣзкости своей, неприлична. Но въ такомъ случаѣ и слѣдовало бы употребить именно этотъ терминъ, тѣмъ болѣе, что онъ есть и юридический, а не привлекать сюда понятіе о патріотизме, съ которымъ онъ ни въ какой логической связи не состоится: это уже измышленіе *сверхзаконное* и какъ видится—едва ли удачное. Именно въ запальчивости истиннаго патріотизма и можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое; мало того, мы вполнѣ готовы признать, что откровенные изъявленія патріотизма могутъ быть подчасъ для правительства, по разнымъ его соображеніямъ, почему-либо *не желанны*, но было бы ужъ совершенно неумѣстнымъ съ его стороны приемомъ обезцѣнивать въ подобныхъ случаяхъ ихъ искренность и отрицать патріотичность.

Да и всегда ли само правительство стоитъ на точкѣ зренія безошибочного патріотизма? „Истинный“ ли, а не ошибочный, патріотизмъ побудилъ, напримѣръ, безъ всякого выѣшняго принужденія отдать Выборгскій округъ Финляндіи, покушался присоединить девять русскихъ губерній къ Царству Польскому и такъ ревностно, подъ русскимъ скіпетромъ, содѣствовалъ ополаченію Бѣлоруссіи?.. „Истинными патріотами“ считали себя вѣдь и русские радѣтели

Берлинского трактата, тогда какъ „неистинные патріоты“, въ родѣ редактора „Руси“, видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ только малосмысленность и малодушіе патріотизма. И можетъ ли быть обозвано, напримѣръ, непатріотичнымъ то чувство срама, которымъ содрогнулась почти вся Россія, познакомясь съ содержаніемъ этого договора, и которое было высказано пишущимъ эти строки въ его публичной рѣчи, навлекшей на него известную правительственную кару?.. Но вѣдь въ такомъ случаѣ пришлось бы подчасъ обвинить все русское общество и весь Русскій народъ въ недостаткѣ „истиннаго патріотизма“, признавъ монополію истинности лишь за офиціальной средой!...

Дѣло въ томъ, что самое это слово „патріотизмъ“ понимается у насъ еще очень неопределенно. Въ переводѣ на русскій языкъ, оно означаетъ „любовь къ отечеству“. Однако же, вслѣдствіе особенныхъ условій нашего общественнаго развитія со временемъ Петра, развѣлось въ Россіи, особенно въ верхнихъ общественныхъ слояхъ, не мало такихъ „патріотовъ“, которые идею „отечества“ умудрились отвлечь отъ идеи русской національности, и готовые, пожалуй, пожертвовать жизнью на полѣ битвы за вѣшнюю неприкословенность и честь государства, въ то же самое время чуждаются, знать не хотятъ, да и вовсе не знаютъ ни своей русской народности, ни русской исторіи и ея завѣтовъ! Однимъ словомъ, любя сосудъ, пренебрегаютъ его содержаніемъ; любя „отечество“, не вѣдаютъ и даже презираютъ то, въ чемъ заключается внутренній смыслъ и причина его исторического бытія, чтѣ даетъ ему духовное, нравственное и политическое опредѣленіе въ мірѣ, — чѣмъ, стало-быть, опредѣляются и самое его призваніе и задачи. Понятно, что такой пустопорожній или односторонній патріотизмъ сплошь да рядомъ становится въ безсознательное противорѣчіе съ русскою народною жизнью, съ истинными народными интересами Россіи: между нимъ и ими выростаетъ порой цѣлая непроходимая чаща печальныхъ недоразумѣній...

Едва ли кто станетъ отрицать, что русское недавнее прошлое, отчасти и настоящее, богато примѣрами такихъ противорѣчій и недоразумѣній; что подобною односторонностью патріотизма не только были долго, отчасти еще и

теперь—заражены высшіе наши общественные классы (гдѣ даже и по сей день русскій языкъ въ житейскомъ обиходѣ не пользуется полными правами гражданства), но не свободна была отъ нея даже и правительственная среда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся история русского общества за послѣднія три четверти вѣка. Да и какъ иначе объяснить тотъ странный, почти чудовищный фактъ, что въ Русской землѣ между Русскими могли возникнуть, существуютъ даже и теперь: „русское направленіе“, „русская партія“, чтѣ уже само собою предполагаетъ существованіе партіи нерусской, направленія национального,— и чтѣ немыслимо ви во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Германіи, гдѣ подобнаго раздвоенія нѣтъ? Какъ истолковать явленіе такъ-называемой „славянофильской“, въ сущности просто русской школы, кото-рая лѣтъ около 50 назадъ поставила себѣ задачу раскры-вать въ русскомъ обществѣ русское народное самосознаніе? Ея борьбою съ такъ-называемыми „западниками“ (къ ко-торымъ принадлежалъ чуть не сплошь чиновный и санов-ный Санктпетербургъ) наполнены десятки лѣтъ нашей об-щественной жизни,— да она не изсякла даже и теперь; ея ученіе не есть что-то отжившее и сданное въ архивъ,— напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде оно входитъ въ силу, становится предметомъ изслѣдований, научной провѣр-ки, вызываетъ появленіе ученыхъ трудовъ и диссертаций, отчасти еще пробиваетъ себѣ дорогу,— отчасти уже про-било и стало достояніемъ не только общественнаго, даже и правительственнаго сознанія.

А между тѣмъ, несмотря на то, что „славянофилы“ не исповѣдовали ни одной изъ такъ-называемыхъ „преврат-ныхъ“ иностранныхъ доктринъ, ни революціонныхъ, ни кон-ституціонныхъ, ни разрушительного безвѣрія, а стояли твердо на историческомъ и народномъ политическомъ принципѣ (по понятіямъ ихъ вполнѣ совмѣстномъ съ свободою искрен-наго земскаго мнѣнія); несмотря на то, что никто никогда не могъ обвинить ихъ въ нарушеніи требованій самой стро-гой гражданской нравственности, едвали кто болѣе „славя-нофиловъ“ подвергался правительственнымъ гонѣніямъ за борьбу съ узкимъ и одностороннимъ, слѣдовательно ужъ никакъ не „истиннымъ“ патріотизмомъ!... Не одни цензур-

ные запрещенія, стѣсненія, ограничевія и тучи предостереженій постигали ихъ: были случаи гоненій и каръ болѣе серіознаго свойства... И за чѣд? Да за тѣ самыя мнѣнія и возврѣнія, которыя, черезъ вѣсколько лѣтъ, усвоивало себѣ само правительство. Вотъ тутъ и разбирайте—на чьей сторонѣ когда, въ какую минуту былъ, по выраженію сообщеннаго намъ чрезъ полицію документа, „истинный патріотизмъ“!...

Редакторъ „Руси“ съ самаго начала своей литературной дѣятельности принадлежалъ къ стану такъ-называемыхъ „славянофиловъ“ и, обращаясь лишь къ своему личному опыту, имѣеть право свидѣтельствовать, что правительственная точка зрењія на „истинный патріотизмъ“ неоднократно мѣнялась. Мы пощадимъ читателей отъ изложенія всей этой печальной исторіи литературно-полицейскихъ преслѣдованій. Достаточно напомнить, что газетѣ „Москва“ (награжденной шестью предостереженіями, деватимѣсячной, въ сложности, пріостановкой и наконецъ окончательнымъ запрещеніемъ) главнымъ образомъ поставляемы были въ вину: нападки на непатріотическую дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ генерала Потапова (осужденную нынѣ, какъ известно, и самимъ правительствомъ), и порицанія той вѣмецкой привилегированной автономіи въ Остзейскихъ губерніяхъ, которую, сколько мы знаемъ изъ правительственныхъ актовъ, само правительство нынѣ, въ настоящемъ ея видѣ, терпѣть долѣе не намѣreno. Въ наши дни на оставшіеся порядки только лѣнивый не нападаетъ, а тогда это называлось недостаткомъ патріотизма. Въ наши дни заступничество за Латышей и Эстовъ и за права Православной церкви въ Прибалтійской окраинѣ цензурою благословлено и стало чуть не общимъ мѣстомъ въ газетной публицистикѣ, а тогда эти сужденія признавались дерзкими, опасными для государства, слѣдовательно и непатріотичными...

Вѣрюемъ упорно, что и та точка зрењія, на которой стоимъ мы теперь при обсужденіи настоящихъ политическихъ событий и русской дружбы съ Австріей и Германіей, которая, слишкомъ ярко освѣщенная нами, навлекла на насть обвиненіе въ недостаткѣ «истинного патріотизма» и на которой не стоить пока теперь наша дипломатія—подвергнется когда-нибудь той же участі....

Послѣ долгаго перерыва нашей журнальной дѣятельности, убѣдившись что прежняя односторонность патріотизма стала значительно сглаживаться и что въ самомъ Петербургѣ понятіе о патріотизмѣ стало совмѣщаться съ понятіемъ о національныхъ русскихъ началахъ и интересахъ, мы рѣшились предпринять изданіе газеты «Русь». Мы рѣшились на этотъ та же лый подвигъ въ той надеждѣ, что въ виду трагическихъ уроковъ исторіи, въ виду тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ привело Россію антинаціональное направленіе во внѣшней и внутренней политикѣ, — основная сущность нашихъ политическихъ и нравственныхъ убѣждений, заявленная всею нашою публичною жизнью, способна наконецъ гарантировать насъ отъ докучныхъ цензурныхъ стѣсненій и отъ патріотическихъ вазиданій чрезъ обязательное посредство гг. квартальныхъ; что наше слово, правдивое и искреннее, хотя бы подчасъ и безъ всякой внѣшней, умягчающей смазки, будетъ наконецъ терпимо и уважено въ своей свободѣ.... Къ прискорбію, мы ошиблись.

Тѣмъ не менѣе, мы признаемъ долгомъ объяснить съ полнотою откровенностью, что мѣняться намъ уже поздно, да и не подстать; что мы ни мало не расположены, да и не сумѣли бы,—особенно уже теперь, въ виду уроковъ внутренней русской исторіи и подъ конецъ нашего публицистического поприща,—подлаживать свой патріотизмъ къ официальнымъ, часто мѣняющимся возврѣніямъ. Правительство можетъ закрыть нашу газету, отнять у насъ право печатнаго слова: это вполнѣ въ его власти. Но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и ужъ несомнѣнно истинно — патріотическимъ, какимъ было и есть — теперь и всегда.

И еще прошла недѣля, а политическое положеніе дѣлъ съ внѣшней стороны почти не измѣнилось, хотя иностранные газеты и предвидѣть скорый конецъ. Положеніе невыносимо тягостное, и въ нравственномъ и въ материальномъ отношеніи, для Болгаръ и Сербовъ,—томительное и для Австріи, непосредственно заинтересованной въ исходѣ болгаро-сербской распри,—томительное и для русской народной

совѣсти, смущенной и недоумѣвающей... Томительное, должно полагать, не менѣе и для русской дипломатіи, у которой первая забота, конечно—поскорѣй покончить съ тревожными заботами и настолько облагообразить мирную развязку настоящихъ осложненій, насколько это нужно для сохраненія мира и нашихъ тѣсныхъ дружественныхъ узъ съ Двойственнымъ Союзомъ Германіи и Австріи. Для сужденія объ этихъ нашихъ узахъ съ Союзомъ мы не имѣмъ, разумѣется, никакихъ русскихъ офиціальныхъ данныхъ, а потому и приходится по неволѣ прибѣгать къ иностраннѣмъ. На первый разъ напомнимъ читателямъ истолкованіе этихъ отношеній, уже цитированное въ 20 № «Руси». Еще при самомъ началѣ сербскаго похода въ Болгарію вѣнскій офиціозный органъ «Fremdenblatt» напечаталъ, а органъ германскаго канцлера «Norddeutsche Allg. Zeitung» перепечаталъ, именно слѣдующее: «такое выступленіе Сербіи въ область дѣланія (Action) представляетъ новый пробный камень искренности и нелживости (Unverfalschtheit) тѣхъ чувствъ, которыхъ *ввели Россію въ сферу идей Двойственнаго Императорскаго Союза* и обеспечили для русской политики основы вѣрности трактатамъ и уваженія къ действующему праву». Такимъ образомъ, по смыслу этихъ офиціозныхъ, почти офиціальныхъ разъясненій, Россія, чрезъ образованіе Трехъ-Державнаго Союза, примкнула не только къ существовавшему уже Двойственному Союзу Германіи и Австріи, но и къ тѣмъ идеямъ, ради коихъ послѣдній былъ основанъ. Образцомъ же прочности и искренности такого вшествія Россіи въ кругъ австро-германскихъ идей упомянутыя газеты выставляютъ допущеніе сербской войны, или, какъ онѣ деликатно выражаются, «выступленіе Сербіи въ области дѣланія». Но само собою разумѣется, что суть дѣла здѣсь вовсе не въ Сербіи и что рѣчь идетъ не о чёмъ другомъ, какъ о дѣланіи австрійскомъ. Очевидно, что обѣ великия державы не были и сами увѣрены въ томъ, какъ отнесется Россія къ такой акціи короля Милана, очевидно входившей въ «сферу идей Двойственнаго Союза», а потому это обстоятельство и величается ими *пробнымъ камнемъ* русской вѣрности и дружественности. Это и съ нашей точки зрѣнія точно былъ пробный камень.

Русское общество вполнѣ способно понять, что правительство не всегда имѣть возможность осуществлять практические все, чтѣ требуется русскими интересами и указывается русскимъ національнымъ призваніемъ; что оно, при той великой нравственной ствѣтвенности, которую несетъ, не всегда можетъ рисковать судбою Россіи, и т. д. Но иное дѣло—осуществленіе, иное—неуклонное, хотя бы и постепенное стремленіе къ памѣченной цѣли. Съ какою радостью ухватились бы мы за каждый признакъ національного, подлинно русского направлѣнія въ политикѣ! Съ какою гордостью указали бы на малѣшее проявленіе ясно сознанной, съ русскою историческою задачей согласной мысли, и охотно бы тогда обрекли себя на выжидательное молчаніе! Но русское правительство не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію его политической программы, а каждый № получаемыхъ иностраннныхъ газетъ, каждая телеграмма, каждое проявленіе русского политического дѣйствія вводятъ пока русскій умъ и русское чувство только въ недоумѣніе.

Вотъ теперь Болгарія,—только-что съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ отразившая разбойническое нашестье короля Милана (снараженное коштомъ нашей союзницы Австріи и нами, къ сожалѣнію, своевременно не остановленное),—выжидаетъ новаго нападенія сербской, стараниеми Австрійцевъ реорганизованной и австрійскими офицерами снабженной арміи, если не удастся Европѣ установить между воюющими перемирія. И князь, и всѣ войска, княжескія и румелійскія (стяжавшія себѣ на дняхъ отъ Русского Государя такую торжественную похвалу) на боевой позиції. Остальное народонаселеніе занято уходомъ за ранеными, призрѣніемъ вдовъ и сиротъ убитыхъ. Минута, конечно, самая удобная для всѣхъ враговъ болгарскаго воссоединенія: въ Румелии некому и сопротивляться. И вотъ эту самую минуту избираетъ конференція, или точнѣе сказать избираютъ три великія державы т. е., Россія вмѣстѣ съ Австріей и Германіей, и побуждаютъ Порту воспользоваться настоящимъ критическимъ для Румелии моментомъ, т. е. отсутствіемъ румелійскихъ войскъ (такъ, по словамъ газетъ, оно и выражено въ письменномъ заявлѣніи державъ), послать въ Филиппополь турецкаго комиссара и произвести

разъединение Болгаріи, — если нужно, то и вооруженною силою... Это было бы действительное возстановление *status quo ante*, но не только того *status*, который былъ до сентября нынѣшняго года, но того, который существовалъ до нашей битвы при Шейновѣ въ декабрѣ 1877 г., вообще до нашихъ побѣдъ: съ тѣхъ порь и до сего дня турецкаго комиссара и турецкихъ войскъ въ Румеліи не было. Въ газетахъ читаемъ, что на послѣднемъ засѣданіи конференціи, послѣ того, какъ Англія прямо и рѣшительно высказалась за соединеніе, а Россія точно также прямо и рѣшительно высказалась противъ онаго, «Россія, Германія и Австрія въ заключеніе заявили, что Порта въ правѣ *сама принять мѣры къ возстановленію status quo ante*», Франція и Италія, понявъ, что означаетъ такое соизволеніе, «указали на серіовыя послѣдствія, къ какимъ можетъ привести *употребленіе силы*» (см. «Моск. Вѣд.» № 327). Ихъ указаніе о неудобствѣ допускать занятіе Румеліи турецкими войсками не сумило однакоже, по словамъ газетъ, Россію—всего семь лѣтъ назадъ пролившую столько крови для очищенія Румеліи отъ турецкихъ полчищъ. Даже съ трудомъ и вѣрится этимъ иностраннымъ сообщеніямъ... Турки послѣдовали совѣту, отправили въ Румелію делегатовъ — приглашать жителей къ покорности и возвѣстить о пріѣздѣ султанскаго комиссара для временнаго управлениія страной,—однакожь, изъ осторожности, въ самую Румелію войскъ не послали, а «сосредоточили крупныя военные силы на самой Румелійской границѣ». По увѣреніямъ иностранныхъ корреспондентовъ, они и въ самомъ дѣлѣ «помышляли о постоянномъ занятіи Балканъ»...

Справивается: что должны испытывать русскіе люди читая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 328) слѣдующее сообщеніе о поведеніи русскаго дипломатическаго агента въ Филиппополѣ? По поводу пріѣзда турецкихъ делегатовъ и ихъ требованія покориться султану было совѣщаніе почетнѣйшихъ Румеліотовъ у епископа въ присутствіи русскаго агента, который, «произнесъ рѣчъ, въ коей заявилъ, что обращался за инструкціями къ русскому посольству въ Константинополь и получилъ отвѣтъ, что если румелійское населеніе не захочетъ принять турецкихъ делегатовъ, то въ Румелію вступятъ турецкія войска и Россія ничего (противъ этого)

не сдѣлаетъ». Ему былъ данъ единодушный отвѣтъ, что настояще собраніе не уполномочено рѣшать вопросъ о разъединеніи, такъ какъ правительство—въ Софіи, а значительная часть населенія на границѣ. «Тогда русскій агентъ удалился, повторивъ полученный имъ инструкцію»....

Если это клевета, то органу нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдовало бы ее опровергнуть. Но «Journal de St.-Pétersbourg» молчитъ, и по всему миру невозбранно гуляетъ молва, будто Россія грозила, что не станетъ противиться, если Турки вновь займутъ Балканскіе проходы и Шипку,—ту знаменитую Шипку, у подножія которой мы же выстроили храмъ на костяхъ нашихъ славныхъ воиновъ, выгнавшихъ Туровъ изъ этой самой Румеліи.... Да кажется Балканы бы ахнули и сама гора С. Николая сотряслась бы отъ ужаса при одной вѣсти о такомъ русскомъ соизволеніи!... Впрочемъ французская газета «Temps» отказывается этому вѣрить; она не усматриваетъ особенной гарантіи въ томъ, «чтобы Султанъ получилъ право, общее со всѣми государями, умирять мяtekъ своихъ подданныхъ и проливать христіанскую кровь, коли понадобится, не вызывая ничьего возраженія». «Кто намъ поручится,—продолжаетъ газета—«что Россія не со-дрогнется, увидѣвъ пролитою кровь православныхъ? (Qui peut nous garantir que la Russie ne fremira pas lorsqu'elle verra couler le sang orthodoxe?) Какъ бы въ соотвѣтствіе этому мнѣнію французского журнала, въ «Кievлянинѣ» напечатано, что «24 ноября высокопреосвященный митрополитъ кievскій Платонъ получилъ изъ Филиппополя телеграмму отъ епископа Гервасія, въ которой онъ просить его высокопреосвященство повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора просьбу Румеліотовъ освятить своимъ Царскимъ словомъ желаніе ихъ присоединиться къ Болгаріи и тѣмъ пріостановить движеніе стотысячной турецкой арміи въ Румелію, гдѣ въ настоящее время остались только женщины и малолѣтнія дѣти»....

Къ счастію, осторожный Султанъ уже отказался отъ мысли вводить въ Румелію свою армію: отъ того ли, что, какъ и французская газета, не довѣряя возможности полнаго безучастія Россіи къ употребленію турецкой военной надъ христіанами силы (а между тѣмъ Румеліоты добровольного

согласія на покорность не изъвили) или по внушенію Англії, только делегаты вернулись назадъ въ Константинополь ни съ чѣмъ, о посылкѣ комиссара нѣтъ теперь и рѣчи, и Султанъ рѣшился вступить въ личные переговоры о Румеліи съ самимъ княземъ Александромъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, вслѣдствіе просьбы обѣихъ воюющихъ сторонъ, великия державы взяли на себя посредническую заботу о примиреніи. Но онъ, кажется, слѣдуютъ правилу: *festina lente*. Теперь обсуждается еще только предложеніе объ установленіи демаркаціонной линіи между болгарскими и сербскими войсками чрезъ военныхъ агентовъ великихъ державъ: русскаго, германскаго, австрійскаго, итальянскаго и французскаго. Агенты уже выѣзжаютъ на мѣсто... Можно ли однако съ полною увѣренностью утверждать, что пока эта линія проведется—не произойдетъ между Сербами и Болгарами какой-либо схватки? Заручиться какимъ-нибудь военнымъ успѣхомъ до такой степени выгодно, въ виду переговоровъ о мирѣ, и для Сербіи и для самой Австріи, что едвали первая воздержится отъ нападенія, если условія успѣха сложатся для нея вполнѣ благопріятныя. Австрія же въ такомъ случаѣ будетъ вѣдь имѣть полное основаніе сложить съ себя всякую за такой „непріятный инцидентъ“ отвѣтственность, такъ какъ дѣло умирепія уже теперь не отъ нея одной зависитъ, но отъ всего Трехъ-Державнаго Союза и она, изъ уваженія къ союзницамъ, отказалась-де теперь отъ всякого личнаго на Сербію давленія! Положеніе—невшенное удобствъ... Если и условія мира будутъ Сербіи не по нраву, все же главною виновницей въ глазахъ Сербовъ будетъ не одна Австрія, а Европа или Трехъ-Державная лига.

Впрочемъ иностранныя газеты пророчатъ близкій конецъ всему балканскому усложненію, т. е. миръ между Сербіей и Болгаріей и личную унію Румеліи съ Княжествомъ въ особѣ князя Александра, причемъ не затрудняются увѣрять о готовности Россіи возвратить этому князю свое благоволеніе. Но здѣсь надо подождать слова самой Россіи...

Москва, 14 декабря.

И такъ перемиріе между Сербіей и Болгаріей заключено, и заключено на условіяхъ, о принятіи которыхъ «державы» еще наканунѣ изволили сомнѣваться, т. е. съ признаніемъ нѣкоторыхъ правъ Болгаріи, какъ побѣдительницы: именно, Сербы первые уводять свои войска съ болгарской террито-ріи, а затѣмъ уже Болгари покинуть позиціи занятны ими на сербской землѣ. Срокъ перемирію до 1-го марта. Обѣ стороны немедленно назначаютъ делегатовъ для перегово-ровъ о мирѣ...

Такимъ образомъ первое дѣйствіе балканской траги-ко-медіи кончилось, и именно то, въ которомъ собственно и замыкался существенный трагический элементъ всего современного «политического осложненія». Еще бы не трагиче-скій! Зрѣлище безмысленной, безпричинной драки двухъ братскихъ сосѣднихъ племенъ, двухъ маленькихъ вассаль-ныхъ государей, играющихъ въ «большіе» и самостоятель-ные, Сербскаго — вассального Австріи *de facto* и болгар-скаго — вассального Турціи *de jure*, — зрѣлище это было бы, пожалуй, и забавно, если бы не пролились обильные потоки крови, не насчитывалось тысячъ по десяти убитыхъ и ра-ненныхъ какъ у Болгаръ, такъ и у Сербовъ, — да и не исто-шились бы, не разорились на долго обѣ страны отъ мате-риального напряженія и жертвъ. Нельзя не радоваться прек-ращенію «братоубійственной браны», но нельзя вновь не пожалѣть о томъ, что такая брань была допущена, или точнѣе сказать, что Россія и Германія допустили Австрію подстrekнуть и снарядить Сербовъ на брань — и на брань именно съ Болгаріей. Одного твердаго слова — если не Россіи, то князя Бисмарка — обращеннаго къ Австріи было бы достаточно для того, чтобы заставить эту послѣднюю демобилизовать сербскую армію, — и такой услуги мы были бы въ правѣ, казалось, требовать себѣ отъ Германскаго канцлера: на чѣ же тогда и «Союзъ»? какая намъ отъ него польза?! Слова этого однакожъ не было сказано. По-чemu? Да потому, что Австрія успѣла уже, не спросясь державъ-союзницъ (странный «Союзъ»!), начать дѣйствія

одиночныхъ въ пользу своихъ личныхъ интересовъ (вопреки условиямъ Скерневицкаго соглашения): т. е. уже скомпрометировала себя неосторожно тѣмъ, что вооружила, снабдила Сербію деньгами и указала ей цѣлью—Болгарію; затѣмъ, убѣдившись что Россія все еще продолжаетъ вѣрить въ Троїственный Союзъ и упорно его держаться, поспѣшила, даже съ видомъ сожалѣнія о своей опрометчивости (исторический фактъ), вновь вступить въ званіе нашей союзницы! «Русь» еще въ 15 № (12 октября), въ самомъ началѣ этихъ австрійскихъ манёвровъ, догадывалась о русской дипломатической ихъ оцѣнкѣ въ такихъ выраженіяхъ: „кто знаетъ! можетъ-быть теперь сама русская дипломатія добродушно озабочится именно тѣмъ—какъ бы вывести Австрію съ почетомъ изъ ея фальшиваго положенія относительно Сербскаго королевства?“... Блистательное и авторитетное подтверждение этихъ нашихъ догадокъ представилъ недавно „Journal de St.-Pétersbourg“ въ „высокоофиціозномъ“ (какъ выражаются Нѣмцы) напечатанномъ имъ письмѣ по поводу статьи г-жи Новиковой въ англійской „Pall Mall Gazette“. Статья эта осуждается, между прочимъ, австрійское правительство именно за то, что только благодаря его помощи и содѣствію могла Сербія двинуть армію противъ Болгаріи. Органъ же русского Министерства иностранныхъ дѣлъ вступается за напрасно обвиняемую державу и находитъ образъ дѣйствій Австріи весьма естественнымъ, а потому и извинительнымъ: „не могла же она оставаться равнодушною, дѣло вѣдь шло о судьбѣ ея вліянія на Сербію“!... Этими словами газета какъ-бы даетъ понять читателямъ, что Россія въ самомъ дѣлѣ считаетъ Сербію — совсѣмъ включенную въ австрійскую Machtssphere, а для насъ въ таковой же степени чуждою...

А между тѣмъ допущеніе этой войны было, по нашему искреннему убѣждѣнію, роковою ошибкою нашей дипломатіи. Ничто такъ не осложнило всей этой, въ началѣ еще не слишкомъ мудреной исторіи. Не будь этой войны, не было бы ни пораженія сербской арміи, давшаго Австріи возможность явиться спасительницей Сербіи и упрочить въ ней свое пошатнувшееся было вліяніе,—ни болгарскихъ побѣдъ, выручившихъ князя Александра изъ того жалкаго состоянія,

въ которомъ онъ находился, и создавшихъ лично ему положение новое и для Россіи мало желанное,—положеніе, съ которымъ видимо и показнымъ образомъ считается теперь вся Европа, придется, пожалуй, считаться и намъ. Болгарія, которая вся обязана Россіи своимъ бытіемъ, которой семь-восемь лѣтъ тому назадъ вовсе не существовало даже въ точномъ географическомъ смыслѣ, которую Россія создала своею кровью и своими жертвами, — для которой еще три только мѣсяца назадъ не могло быть и рѣчи о какой-либо виѣшней своей, помимо Россіи, политикѣ, тѣмъ менѣе о какой-либо войнѣ или о какихъ-либо мирныхъ переговорахъ, — Болгарія теперь разыгрываетъ роль и даже трактуется — какъ политическая величина, какъ самостоятельная, хотя еще и не крупная, но отъ Россіи совсѣмъ независимая держава! По единодушному свидѣтельству нашихъ русскихъ, служившихъ въ Болгаріи офицеровъ (а мы ихъ видѣли не мало), три мѣсяца назадъ, въ первые дни послѣ румелійскаго переворота, наши отношенія къ Болгаріи были таковы, что достаточно было бы имъ, офицерамъ, заявить войскамъ, что Русскій Царь этого переворота не одобряетъ и двигаться войскамъ въ Румелію воспрещаетъ, — солдаты безпрекословно бы повиновались, а про народныя массы и говорить нечего: онъ и теперь продолжаютъ болѣть душой (именно такъ, имѣемъ на то достовѣрныя данныя) о разрывѣ съ Россіей. Извѣстно, что по отзываніи русскихъ офицеровъ болгарское правительство вынуждено было обмануть солдатъ и народъ, внушивъ имъ, что Россія на присоединеніе согласна и отзываетъ офицеровъ только лишь изъ „политической хитрости“... Теперь, разумѣется, сила штыковъ вся въ рукахъ князя Александра.

Если мы вновь напоминаемъ о совершенной русскою дипломатію роковой ошибкѣ (т. е. о поблажкѣ оказанной Австріи и выразившейся въ допущеніи сербскаго нашествія на Болгарію), то именно потому что наша дипломатія мало расположена сознавать свои промахи и вразумляться уроками истории. Доказательствомъ такого малаго расположенія служатъ офиціозныя статьи помѣщаемыя во французскомъ „Петербургскомъ Журналѣ“ и въ „Новомъ Времени“ преисполненные самодовольства, восхваленій Тройственному Со-

юзу—и чуть ли не прямодушію Австрії. Но сознаніе нашею дипломатією своїхъ ошибокъ было бы несравненно утѣшительнѣе для Россії всѣхъ расточаемыхъ єю оффіціозныхъ самопоздравленій: оно бы свидѣтельствовало о проясненіи нашего политического сознанія вообще, о возможності передвиженія нашей политики на путь болѣе само-стоательный, менѣе зависимый отъ дружественныхъ узъ съ тою державой, которой интересы такъ діаметрально противоположны нашимъ самимъ дорогимъ, кровнымъ національнымъ интересамъ.

Если мы указали выше на тѣ измѣненія, которые произошли въ положеніи Болгаріи, измѣненія выгодные для князя Александра и невыгодные для Россіи; на утрату значительной доли нашей силы и нашего вліянія въ государствѣ нами же такъ недавно призванномъ къ жизни и созданномъ,—то это ужъ вовсе не изъ чувства оскорблennаго національнаго самолюбія, не изъ мелочной досады, что вотъ-де Болгарія была наша, а теперь выбилась изъ-подъ нашей власти, осмѣлилась быть само-стоательною и т. д. Не о томъ скорбимъ мы, а объ искаженіи ея правильнаго развитія и извращеніи ея, да и нашихъ собственныхъ, историческихъ путей. Ни Болгарія, ни иная, также болѣе или менѣе мелкія, Балканскія государства не призваны, да и не могутъ имѣть никакой дѣйствительной политической само-стоительности. Они вѣчно будутъ терзаемы, вѣчно будутъ истощать себя взаимною политическою завистью, соперничествомъ, враждой,—внутри же своихъ предѣловъ,—при конституціонномъ режимѣ, который имъ отчасти уже данъ, отчасти сулится подобною само-стоательною будущностью,—станутъ лишь играющемъ партій. Нѣтъ, какъ извѣстно, ничего нездоровѣе для маленькихъ политическихъ организмовъ (да и ничего тягостнѣе, разорительнѣе для народонаселенія), какъ легко возбуждающійся въ нихъ политическій аппетитъ, легко овладѣвающее ими притязаніе на политическую роль и знатность, со всѣми неизбѣжными спутниками такихъ незаконныхъ возможнѣй: хвастовствомъ, самовосхваленiemъ, спѣсью, щепетильностью самолюбія, расточительностью и всѣмъ этимъ аппаратомъ королевскихъ или княжескихъ дворовъ, дипломатическихъ представительствъ, армій не по силамъ, штата

государственныхъ чиновъ не по средствамъ!.. Маленькая Сербія, величиною съ Смоленскую губернію, съ народонаселеніемъ менѣе двухъ миллионовъ, содержитъ войско въ 100 т. человѣкъ, разоряется туда же на „новѣйшія перевооруженія“, на поддержаніе такого правительства мѣханизма, который бы годился для крупной державы. Не говоримъ уже о вредѣ «политиканства», т. е. о той мании заниматься исключительно политикой, которая до такой степени овладѣваетъ въ нихъ умами, что не оставляетъ мѣста для иныхъ, высшихъ культурныхъ интересовъ, мѣшающихъ всакому развитію литературы, искусствъ, науки!..

Само собою разумѣется, такія маленькия государства, во-преки всѣмъ своимъ болѣзняеннымъ претензіямъ, никогда и не осуществляютъ мечты о самостоятельности, никогда и не живутъ о себѣ, а непремѣнно заискиваютъ опоры у какой-либо могущественной державы, подпадаютъ подъ ея вліяніе или просто подъ власть—въ той или другой формѣ. Въ этомъ отношеніи особенная опасность грозитъ именно Славянскимъ мелкимъ государствамъ на Балканскомъ полуостровѣ—сущимъ и будущимъ. Если ихъ встанетъ въ „сферу своей мощи“ держава иноцеменная, ихъ ожидаетъ самая жалкая участъ: денационализация, утрата—не политической только, но и своей духовной народной самобытности, а при такой утратѣ, обезличенные, нравственно околощенные, они осуждены войти въ составъ организма, въ самое тѣло иноцеменного мощного государства.

Только о *Rossiї*, только тяготѣя къ ней въ томъ или другомъ видѣ, можетъ жить, сберечь свою личность, развиваться въ духѣ своей национальной особенности и пронести свой духовный плодъ человѣчеству всякий отдельный славянскій организмъ. Только черезъ Россію призваны Славянскія племена къ созиданію Славянского міра, къ общему вселенско-историческому служенію. Всякое Славянское государство, всякое Славянское племя, разрывающее свою внѣшнюю или духовную связь съ Россіей, осуждено на гибель или на участъ Сербскаго королевства,—несчастнаго теперь холопа Австро-Венгерской Имперіи...

Такой вопросъ, отчасти по нашей оплошности, возникаетъ теперь и для Болгаріи. Конечно, не иноземецъ и не ино-

вѣрецъ князь Александръ способенъ самъ собою возвести Болгарію на степень политической независимой державы и направить ее на путь нормального национального развития; не болѣе способны достичь этой цѣли и такъ-называемые интеллигенты, у которыхъ нѣтъ никакой умственной и духовной самостоятельности, и всѣ идеалы взяты цѣликомъ изъ жизни чуждой, изъ мысли анти-славянской. Такъ или иначе отрѣшившись отъ своей тѣсной связи съ Россіей, Болгарія не можетъ имѣть иной перспективы, какъ подпасть подъ вліяніе или (повторимъ снова нѣмецкій новѣйшій дипломатическій терминъ) втянуться въ „сферу мощи“ Австрійской имперіи, своей ближайшей сосѣдки. Это бы значило,— даже по отношенію къ нѣкоторой, можетъ-быть порою докучавшей Болгарамъ зависимости отъ русской власти,— промѣнять кукушку на яструба! Такая ли перспектива можетъ пленять Болгарію?

Во сколько это было бы гибельно для Болгаріи, во столько это вредно и для интересовъ самой Россіи. Нѣтъ ничего по-этому невѣжественнѣе и даже глупѣе, какъ трактовать современный вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи, къ Балканскому полуострову и вообще къ Славянству—свысока, съ видомъ пренебреженія или равнодушія. Всего забавлѣе, что такие скудоумные политики въ то же время оговариваются, что Россіи нуженъ-де только Босфоръ, проливы, свободный выходъ изъ Чернаго моря, ничего болѣе! Такие отзывы встрѣчаются, къ стыду нашему, въ русской печати, преимущественно петербургской... Да если вы дадите въ томъ или другомъ видѣ вытѣснить Россію изъ Болгаріи, то вѣдь этимъ самыми вы неминуемо предоставите ее австрійской „сферѣ вліянія“, политического и культурнаго! Никакія тогда дипломатическія комбинаціи ни Болгарію, ни насы отъ этого не спасутъ... Ну, а тогда прощайтесь и съ „проливами“ и съ „Босфоромъ“! А распростившись съ ними, придется скоро рас проститься и съ Чернымъ моремъ и визойти на степень—ниже чѣмъ третьестепенной державы. Великое государство, измѣнившее своему призванию, падаетъ быстрѣе и глубже всякого маленькаго, никогда не поднимавшагося вверхъ государства...

Такого паденія съ нами, положимъ, никогда и не случит-

ся, но это лишь потому, что великій упоръ представляеть собою нашъ историческій духъ народный и сопротивляется всѣмъ толчкамъ, такъ усердно сыплющимся на него порою сверху, отъ нашей интеллигентной руководящей среды—отъ ея легкомыслія и полнаго неразумінія русскихъ національныхъ интересовъ, русскаго призванія и задачъ!.. Въ томъ-то и бѣда, что руководители-то сами частехонько не знаютъ—какого духа они суть... Не сами ли мы (не Русскій народъ, конечно, не народная историческая Россія) преподнесли Австріи, да еще отъ чистаго сердца, какъ плодъ глубокихъ дипломатическихъ соображеній, никѣмъ не нудимые, въ подарокъ — Боснію и Герцеговину (на Рейхштадтскомъ съездѣ), причемъ, сами того не сообразивъ, предали ей и вѣками испытанную въ вѣрности Россіи, независимую доблестную Черногорію? Не сами ли мы признали совсѣмъ берлинскаго оракула за слово величайшей мудрости и согласно съ нимъ выдумали дѣлить „вліяніе“ на Балканскомъ полуостровѣ между Россіей и Австріей, предоставляемъ послѣдней западную, за собой удерживая лишь восточную его половину,—какъ будто такое произвольное, противуестественное дѣленіе возможно?! Какъ будто можно сказать „вліянію“: вотъ предѣлъ его же не прѣдѣши?! Какъ будто мы уже при этомъ сами не постарались о предоставлениі Австріи такихъ существенныхъ, реальныхъ надъ нами преимуществъ, которыхъ уничтожаютъ всяку силу подобнаго дѣленія? Именно, отдавъ Австріи Боснію, мы допустили сильное австрійское войско въ самое сердце Балканского полуострова, откуда въ нѣсколько часовъ, особенно при помощи строящихся желѣзныхъ дорогъ, она можетъ явиться и въ Софію, и въ Филиппополь, черезъ сутки въ Салоники, черезъ сутки съ небольшимъ, пожалуй, и въ Константинополь; себя же самыхъ мы совсѣмъ отрѣзали отъ Болгаріи, отнявъ у себя даже и прямое свободное сухопутное сообщеніе черезъ Добруджу, подаренную нами Румыніи! Не мы ли наконецъ на Берлинскомъ конгрессѣ толкнули Сербовъ въ объятія Австріи, рекомендовавъ имъ обращаться отнынѣ по своимъ нуждамъ именно къ ней,—да и теперь, судя по приведеннымъ выше словамъ органа русской дипломатіи, какъ будто признаемъ, что этому такъ и быть надлежитъ, что это совсѣмъ въ порядкѣ вешей?!

Однимъ словомъ, мы собственными своими русскими руками взвлѣяли, вскорили и утвердили австрійскую силу на Балканскомъ полуостровѣ: оставался одинъ у насъ оплотъ—Болгарія... Но интересоваться болгарскими „братушками“—это петербургскіе газетные и не газетные политики называютъ „сантиментальностью“, политикою „чувствъ“, а не „реальныхъ интересовъ“;—, славянскую же идею“, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы давнымъ-давно выкинуть за бортъ... „Пора дескать перестать величодушничать, пора заняться *своими* собственными интересами!“... Вотъ когда Австрія или Европейская Комміssія сядутъ въ Константинополь, на Босфорѣ, тогда они авось-либо поймутъ, что значитъ пренебрегать политикою „чувствъ“ и „славянскою идею“, и чужie ли намъ, а не свои кровные—всѣ „славянскіе“ интересы! Но и тогда не скоро поймутъ, а вмѣсто того чтобъ винить себя самихъ, будуть еще долго искать виновныхъ по сторонамъ...

По поводу одной статьи помѣщенной въ „Руси“, въ которой говорилось, что Россія должна признать себя открыто и явно предъ всѣмъ міромъ „Славянскою державою“ и объявить, что ничто славянское ей не чуждо, но что напротивъ все славянское входить въ сферу ея вліянія,—редакція одной большой газеты глубокомысленно замѣчаетъ, что это значило бы для Россіи „отречься отъ самой себя и отъ своего русскаго имени, и отъ своей исторіи! Да зачѣмъ же ей отрекаться отъ своего имени? Развѣ Россія не Славянская держава? Развѣ въ одномъ уже ея имени не заключается вся полнота ея исторической славянской задачи? Сказать „Rossiа“—значитъ сказать: міръ Православно-Славянскій,—въ который могутъ, пожалуй, входить и съ Запада и съ Востока, и не-Славяне и не-единовѣрцы. Но таково ея внутреннее опредѣленіе и историческое призваніе. Въ какой бы формѣ ни было, такъ или иначе, внѣшніи ли или духовныи образомъ, всѣ Славянскія племена, области, государства, если только хотятъ они охранить свою свободу свою национальность, должны примкнуть къ Россіи, какъ къ главѣ, какъ младшіе братья къ старшему... Но дѣло для насть не въ томъ, чтобы назвать себя „Славянскою державою“, а въ томъ, чтобы *признать* себя таковою, признать умомъ

и сердцемъ, всею цѣльностью своего существа. Если же это признаніе будетъ слишкомъ долго медлить, то не станеть не только „Славянской“, но и „Русской“ державы,— ибо, отрекаясь отъ Славянства, мы отрекаемся отъ своей собственной національной сущности, отъ своего исторического служенія въ мірѣ, сами себя лишаемъ будущности, и въ политическомъ, и въ духовномъ отношеніи...

Вотъ въ этомъ и состоитъ трагизмъ нашего современного положенія,—въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи нашего исторического призванія съ мыслью и воззрѣніями еще пока господствующими въ нашей общественной руководящей—дипломатической, бюрократической, вообще властной средѣ,—въ этомъ, въ данную еще минуту, несоответствіи національного самосознанія въ русскомъ обществѣ—съ русскими народными задачами, съ содержаніемъ народного духа. Вотъ почему великія дѣянія совершенныя, великія побѣды одержанныя, несмѣтныя жертвы принесенные нашимъ великимъ историческимъ народомъ остаются такъ часто бесплодными или даютъ самые тощіе результаты, какъ скоро дѣло переходитъ въ руки петербургскихъ руководящихъ канцелярій. Вотъ почему одновременно съ тою необычайною силой притяженія, которую имя, образъ Россіи оказывають на инстинкты народныхъ массъ во всѣхъ Славянскихъ земляхъ,—та же Россія, во взаимныхъ отношеніяхъ сферъ сверхнародныхъ, интеллигентныхъ, производить порой совершенно противоположное, разъединяющее дѣйствіе... Это послѣднее явленіе мы разсмотримъ поподробнѣе въ другой разъ.

Теперь на очереди, по заключеніи „перемирія“ между воюющими сторонами, Сербіей и Болгаріей, выработка условій мира. Чего тутъ „вырабатывать“, какъ пресерьезно выражаются иностранные газеты, мы недоумѣваемъ. Ломать голову тутъ нечего. Болгарское правительство никакимъ болгарскимъ добромъ распоряжаться не имѣть ни права, ни повода; сербское правительство возмездія за сербскія потери могло бы искать лишь съ своего патрона—Австріи. Но у послѣднихъ свои счеты, и когда употребляется выражение: „сербскія власти“, „сербская сторона“, слѣдуетъ разумѣть не чѣмъ другое, какъ правительство австрійское. Какой же смыслъ приплетать къ вопросу о мірѣ между Болгаріей и

Сербіей, такъ разбойнически, ни съ того ни съ сего, напавшой на Болгаръ, вопросъ о соединеніи Румеліи съ Болгарией, чего однакожь, судя по газетамъ, именно надлежить ожидать?!

Да, мы должны ожидать раскрытия новыхъ австрійскихъ интригъ—подъ эгидой Тройственного Союза...

Во всякомъ случаѣ Россіи предстоитъ теперь рѣшить важный для нея вопросъ обѣ участіи самого князя Александра. Если наше правительство и рѣшился дать согласіе на личную унию въ особѣ этого князя, то—надобно предположить—оно обставитъ это согласіе такими условіями, при которыхъ могло бы состояться дѣйствительное возстановленіе того *status quo ante*, который существовалъ для насъ въ Болгаріи до 6 сентября сего года: болгарское войско вновь должно стать частью русского войска, мы должны вновь имѣть тамъ русскаго военнаго ministra, а можетъ быть принять и иная мѣры для огражденія Болгаріи отъ новыхъ приключений и отъ властолюбивыхъ козней англійскихъ, либо австрійскихъ, одинаково пагубныхъ какъ Болгаріи, такъ и Россіи. Да и нельзя ли какъ-нибудь, посредствомъ мирныхъ съ Румыніей переговоровъ, возвратить намъ себѣ Добруджу?

Москва, 24 декабря.

Послѣ трехмѣсячной дипломатической дѣятельности почти горячешной, къ которой весь міръ, затаивъ дыханіе, устремлялъ тревожные взоры, наступило вдругъ дипломатическое затишье, или даже дипломатическая истома... Что же, состоялось что-ли рѣшеніе «румелійскаго вопроса»? Ничуть не бывало: въ смыслѣ принципіальномъ вопросъ остается почти па той же ступени, на коей стоялъ до открытія дипломатической европейской кампаніи, которая свела было его къ полному отрицанію, но, не достигнувъ единогласія между державами, признала вмѣстѣ съ тѣмъ безполезность совокупнаго совѣщательного дѣйствія. Къ тому же, какъ известно, одновременно съ дипломатическими настояніями на возстановленіи *status quo ante*, вопросъ былъ осложненъ новыми фактами—эпизодомъ сербо-болгарской войны, кото-

ную дипломатія не умѣла или не хотѣла предупредить, но результаты которой и заставили повидимому державы признать тщету ихъ усилій, т. е. отказаться отъ первоначальныхъ требованій относительно безусловнаго возвращенія къ порядку вещей до 6 сентября сего года. На этомъ именно отрицаніи самими великими державами ихъ недавнихъ собственныхъ настоящій и собственнаго вмѣшательства дѣло пока и стоитъ. Порта,—которая быть-можетъ давно бы его порѣшила въ самомъ началѣ, еслибы была предоставлена самой себѣ,—теперь—когда Европа, не развязавъ узла, бросила ей узелъ на руки для развязки—очевидно пугается предоставляемаго ей почина, очевидно боится, чтобы державы не взвалили на нее потомъ и ответственность за рѣшеніе, и чтобы допущенное ею самою измѣненіе *status quo ante* не послужило прецедентомъ для новыхъ, нежеланныхъ ей измѣненій. Она мечется отъ державы къ державѣ, приглашая ихъ на новое совѣщеніе; заручилась даже согласіемъ Англіи, которая, говорятъ, и сама стала хлопотать о восстановленіи въ Константинополѣ конференціи—столъ еще свѣжей и нелестной памяти, но встрѣтила отпоръ, и со стороны Россіи по крайней мѣрѣ—довольно рѣшительный. Это подтверждается вовсе на сей разъ не двусмысленными словами органа нашей дипломатіи, «Journal de St.-Pétersbourg». На эту же тему появились офиціозныя статьи и въ нѣкоторыхъ другихъ нашихъ газетахъ. «Европейское вмѣшательство»,—говорятъ, напримѣръ, въ «Новомъ Времени» статья очевидно офиціознаго происхожденія,—«только усложнило и запутало восточно-румелійскій вопросъ, и политическому эпизоду, созданному переворотомъ 6 сентября, пора снова возвратить его прежнюю физіономію чисто домашнаго дѣла Порты»... «Россія теперь,—продолжаетъ газета,—лучше всего держаться до поры до времени въ сторонѣ, не связывая свою свободу дѣйствій непосредственнымъ участіемъ въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы Восточной Румеліи»... «Рано или поздно наступить время, когда послѣдствія нынѣшихъ балканскихъ событий совершенно измѣнить всю физіономію такъ-называемаго Восточнаго вопроса. Къ этому времени намъ слѣдуетъ сохранить полную возможность сказать свое властное слово. Всякія международныя

сдѣлки по восточно-румѣлійскому вопросу — такъ заканчивается офиціозъ «Нового Времени» — только уменьшать такую возможность, создавая новые предлоги для вмѣшательства западно-европейскихъ державъ тамъ, гдѣ мы можемъ достичнуть очень многаго непосредственными сдѣлками съ Турцией...

Не можемъ не порадоваться, что наша дипломатія убѣдилась наконецъ воочию и осознательно, что европейское вмѣшательство только усложнило и запутало восточно-румѣлійскій вопросъ, да и въ будущемъ можетъ лишь путать и усложнять, и взвѣт руки самой Россіи, отнимать у нея «возможность сказать свое властное слово». Но нельзя и не посѣтовать, что къ такому сознанію пришла наша дипломатія такъ поздно, только теперь, когда напутано и осложнено, и вовсе не къ выгодѣ нашей,—да и не къ выгодѣ европейскаго мира,—такъ много. Между тѣмъ этотъ результатъ нетрудно было предвидѣть. Позволяемъ себѣ напомнить, что мы съ самаго начала балканскихъ событій выражали сожалѣніе именно о томъ, что «домашнее дѣло» Россіи и Порты Россія понесла на судъ всей Европы, и если не «властное слово», то все же весьма увѣистый голосъ Русской державы далъ себя слышать совсѣмъ въ другомъ тонѣ и смыслѣ, чѣмъ, по всѣмъ признакамъ и судя по вышеупомянутой статьѣ, услышимъ мы его теперь,—въ ожиданіи (въ будущемъ) «властнаго слова»...

Если мы такъ упорно настаиваемъ на разъясненіи ошибокъ допущенныхъ, по нашему мнѣнію, въ самомъ началѣ событій русскою дипломатіей, то именно потому, что только въ сознаніи ею этихъ своихъ ошибокъ усматриваемъ мы нѣкоторое ручательство въ томъ, что новый путь ея будетъ чуждъ новыхъ, но подобныхъ же, столь же мало желанныхъ промаховъ. Едвали даже и теперь не ограничивается дипломатія наша только смутнымъ ощущеніемъ нѣкоторой неловкости своего положенія. Не это ли ощущеніе и побуждаетъ ее къ отысканію какого-либо приличнаго, удобнаго для себя выхода только изъ затрудненій данной минуты, съ возложеніемъ надеждъ на отдаленное лучшее, все будто бы исправляющее будущее? До сознанія ошибокъ, до изслѣдованія ихъ глубокаго корня, тутъ еще очень далеко. Вотъ,

напримѣръ, теперь раздаются слова о вредѣ «европейского вмѣшательства» или «международныхъ сдѣлокъ по восточно-румелийскому вопросу»... Но слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ вывести заключеніе, что дипломатія наша убѣдилась въ вредѣ для себя также и Тройственного Союза, равно и соглашенія состоявшагося при Скерневицкому свиданіи? Вѣдь кромѣ «Трехъ великихъ державъ»—остальная Европа въ настоящее время и въ счетъ нейдетъ, и сводится исключительно на Англію! А назойливыхъ интригъ Англіи, официальныхъ или неофициальныхъ, прошенныхъ или непрошенныхъ, законныхъ или беззаконныхъ—никакая сила устранить не властна: англійскую политику могло бы обуздывать лишь единодушіе трехъ великихъ континентальныхъ державъ. Но возможно ли для нихъ самихъ это единодушіе,—въ этомъ и заключается тотъ вопросъ, который слѣдуетъ себѣ задать нашей дипломатіи. Ужъ конечно не Англія одна виновата въ настоящемъ «осложненіи» на Балканскомъ полуостровѣ, а виновата вмѣстѣ съ нею, да еще и главнымъ образомъ, одна изъ выдающихся участницъ Тройственного Союза, именно—Австрія. Самымъ рѣшающимъ крупнымъ эпизодомъ этихъ событий, видоизмѣнившимъ все положеніе дѣль созданное филиппопольскимъ переворотомъ, была сербская война, воззвигнутая Австріей; она же подстрекнула и Гречію, благо Греческій король Георгій случился, во время этого переворота, въ самой Вѣнѣ... Очевидно, что австрійская политика именно и служить источникомъ того «европейского» или «международнаго» вмѣшательства, которое путаетъ, по сознанію вышеприведенной офиціозной статьи, восточно-румелийскій вопросъ,—а между тѣмъ нашъ Тройственный съ нею Союзъ связываетъ насъ по рукамъ и по ногамъ, заставляетъ Россію изъ дружбы и уваженія, хотя и въ прямой себѣ ущербъ, примѣниться къ австрійскимъ интересамъ. Значить, если «Тройственный Союзъ» и соглашеніе состоявшееся въ Скерневицахъ остаются въ силѣ, то въ силѣ пребываетъ и дѣйствіе прежнихъ условій нашего политического положенія,—тотъ же остается и путь русской политики, и чреватъ онъ тѣми же „результатами“, какіе успѣлъ породить и до сихъ поръ, а можетъ-быть и несравненно болѣе важными....

Очень удобно и повидимому даже совершенно разумно отсточивать активную деятельность нашей политики до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Будемъ надѣяться, что такое рѣшеніе вполнѣ чуждо того отрадного чувства, съ которымъ люди мириются иногда съ настоящимъ ради избавленія себя отъ тяжелыхъ заботъ, причемъ отлагаются обыкновенно, до поры до времени, и заботы о минутахъ послѣдующихъ... Будемъ надѣяться, что чаиніе какихъ-либо будущихъ благопріятностей не упразднить у нашей дипломатіи дѣятельной работы мысли— дальновидной, предусматривающей впередъ всякого рода случайности. А предусматривать есть чтѣ, такъ какъ материалъ для этихъ случайностей налицо, и материалъ обильный. Мы разумѣемъ то фальшивое положеніе, которое создано Россіи присоединеніемъ ея къ Союзу Германіи и Австріи,— Союзу заключенному противъ Россіи же, въ 1879 г. „При настоящей обстановкѣ дѣлъ“,—говорить разбираемая нами статья,— „Россіи лучше всего держаться до поры до времени въ *сторонѣ*... Чего лучше, скажемъ и мы; но будетъ ли держаться въ сторонѣ, осудить ли себя на такую же пассивную политику и Австрія? Не оставляемъ ли мы сами за нею полную возможность не бездѣйствовать 'подъ прикрытиемъ однакоже, въ то же время, нашей союзной дружбы? „Рано или поздно—продолжаетъ офиціозный публицистъ „Нового Времени“—наступить время, когда послѣдствія нынѣшнихъ балканскихъ событий совершенно измѣнятъ всю физіономію такъ-называемаго Восточнаго вопроса“,— и къ этому-де времени „намъ и слѣдуетъ сохранить полную возможность сказать свое властное слово“... Но не слишкомъ ли большое значеніе придается послѣднимъ балканскимъ событиямъ, и въ нихъ ли собственно заключается главный источникъ чаемыхъ измѣнений? Вѣдь, говоря серіозно, трудно признавать особенную важность за возсоединеніемъ Румеліи съ Болгарскимъ Княжествомъ въ какой бы то ни было формѣ. Румелія съ самого начала была для Турціи отрѣзаннымъ ломтемъ, и румелійская милиція была *точно* такъ же обучена и такъ же снабжена *русскими* офицерами, какъ и болгарское войско. Если бы возсоединеніе состоялось не революціоннымъ способомъ, побудившимъ Россію отозвать русскихъ офице-

ровъ, то оно послужило бы только къ увеличеню русско-болгарской военной силы, безъ всякихъ иныхъ послѣствій и измѣненій. Надо полагать, что если Россія и согласится теперь признать възаединеніе, то не въ прямой же себѣ изъянъ. Война Сербіи съ Болгаріей,—отдѣльно, сама по себѣ рассматриваемая,—также не болѣе какъ мелкая драка двухъ сосѣдей, и отъ воли державъ зависѣло бы вполнѣ удержать за нею именно это, совершенно пустое, значеніе. Увы, не послѣдняя событія, ничто и никто какъ мы сами, да и гораздо раньше, произвели „радикальное измѣненіе физіономіи Восточного вопроса“! именно логическія послѣствія произведенаго нами измѣненія и осложнили новѣйшія событія, сами по себѣ и неважны; они же—скажутся для насъ и въ скоромъ будущемъ,—и предусмотрѣть ихъ не трудно! Подъ этимъ радикальнымъ измѣненіемъ мы разумѣемъ: во 1-хъ, подарокъ сдѣланный нами на Рейхштадтскомъ свиданіи участницѣ Тройственного Союза (тогда еще *второго* по хронологіи, настоящій же Союзъ есть *третій*), именно Австріи—двухъ балканскихъ провинцій, Босніи и Герцеговины и вообще восточной половины полуострова: подарокъ облеченный въ форму оккупации Берлинскимъ конгрессомъ; во 2-хъ, предоставление нами Сербовъ и Сербіи, на томъ же конгрессѣ, „сферѣ австрійской моцї“, чѣмъ Австрія и воспользовалась. Логическія послѣствія такого нашего дипломатического дѣйствія объявятся вполнѣ, когда докончится (тѣмъ же конгрессомъ предположенная и наша дипломатія потому вѣремя не отстранена) постройка желѣзныхъ дорогъ связующихъ Австрію съ Софией, Салониками и Константинополемъ... Вотъ чтобъ, по винѣ самой русской дипломатіи восемь лѣть назадъ, совершенно измѣнило физіономію Восточного вопроса. Въ томъ же не выгодномъ для насъ направленіи подбавить этого измѣненія и утрата Россіей прежняго властнаго положенія въ Болгаріи—если таковое не будетъ восстановлено въ полной силѣ... Едвали эти обстоятельства изъ такихъ, которые бы побуждали Россію держать себя совершенно въ сторонѣ или бездѣйствовать именно теперь въ какомъ-то гордомъ и самодовольномъ покоѣ—въ ожиданіи какихъ-то еще новыхъ „совершенныхъ измѣненій“...

Однимъ словомъ, если съ одной стороны можно смѣло предполагать, что за осуществлениемъ рекомендуемой офиціозными голосами программы «держанья себя въ сторонѣ» у русской дипломатіи дѣло не станетъ, то съ другой—трудно было бы утверждать съ тою же увѣренностью, что она, русская дипломатія, имѣть у себя также въ запасѣ и программу дѣйствій, или хотя программу тѣхъ началь, которыми должны опредѣлиться эти дѣйствія въ будущемъ... Въ одной изъ послѣдующихъ статей того же характера, въ той же газетѣ, брошенъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ «измѣненія», которыхъ побудятъ Россію выступить со своимъ «властнымъ словомъ»: это когда въ смуту на Балканскомъ полуостровѣ «встанутъ почти всѣ великия державы»—въ убѣждѣніи, что «близокъ часъ новаго раздѣла Оттоманской имперіи». Еще бы тогда Россія осталась спокойною! Но не всегда история напередъ докладываетъ: торжественный часъ пробилъ! Пожалуйте пирорвать! Иногда онъ наступаетъ исподволь, незамѣтно, а когда его замѣтить—того и гляди, что опоздаешь къ пиру, и найдешь бдительныхъ, хотя и незванныхъ гостей уже на мѣстахъ!..

Много теперь толкуютъ о начавшемся будто бы сближеніи русскаго правительства съ княземъ Болгарскимъ. Эти толки во всякомъ случаѣ преждевременны, такъ какъ возстановленіе прежнихъ сношеній возможно лишь послѣ рѣшенія восточно-румелійскаго вопроса. Надо думать, что наше правительство не иначе согласится на признаніе пресловутаго «възсоединенія», хотя бы въ формѣ личной уніи, какъ поставивъ Болгарію въ такія точно опредѣленныя отношенія къ Россіи, при которыхъ болгарскія власти лишены были бы права и возможности имѣть свою политику, отъ русской отдѣльной, и увлекать освобожденный русскою кровью Болгарскій народъ въ ненужныя и опасныя приключенія... Желательно было бы также, чтобы при выраженіи русскихъ симпатій къ Болгарамъ, вполнѣ заслуженныхъ ихъ личною доблестью, не оскорбляли понапрасну народное самолюбіе Сербовъ, т. е. отвѣляли бы—во всемъ виновное сербское правительство отъ неповиннаго Сербскаго народа и помнили бы, что Сербы же—и Черногорцы, и Герцеговинцы съ Босняками...

Но румелійскій вопросъ все еще остается неразрѣшен-

нымъ, и главнымъ образомъ по винѣ именно этой сербо-болгарской войны, или—точнѣе говоря—по винѣ Австріи. Зачѣмъ перемиріе Болгаріи съ Сербіей отложено до 1 марта, даже съ оговоркой, что если миръ къ тому времени не будетъ заключенъ, то перемиріе продолжается? Въ чемъ же тутъ такая трудность или сложность, что державы, или—все равно—ихъ военные представители не понадѣялись на скорое и окончательное ея разрѣшеніе? Зачѣмъ Сербія не перестаетъ вооружаться, или точнѣе, такъ какъ у самой Сербіи нѣтъ на это ни охоты ни средствъ, зачѣмъ Австрія не перестаетъ вооружать Сербію? Зачѣмъ и по чьему совѣту Порта предлагается, чтобы условия сербо-болгарского мира были подвергнуты разсмотрѣнію европейской конференціи, — вмѣстѣ съ восточно-румелийскимъ вопросомъ, — на что однакожъ державы не соглашаются? Положимъ, онѣ и правы, но развѣ не въ ихъ прямомъ интересѣ содѣйствовать скорѣйшему умиротворенію Балканскаго полуострова? Устраняя себя и предоставляя поле дѣйствія лишь недоумѣвающей Портѣ да Австріи (переговоры державъ на основаніи недавно напечатанного въ австрійскихъ газетахъ французскаго циркулярнаго предложения, состоящаго изъ общихъ мѣстъ, едва ли можно считать дѣломъ серіознымъ), не служимъ ли мы чьимъ-либо чужимъ интересамъ? Въ самомъ дѣлѣ — кому нужно оттягивать скорѣйшее заключеніе мира? Никому, кроме Сербскаго короля Милана съ его министерствомъ, да Австріи. Но не въ Миланѣ и Гарашанинѣ, разумѣется, сила, а опять-таки въ Австріи, въ ней одной! И Россія съ Германіей такому австрійскому маневру не перечать, а своимъ бездѣйствиемъ потакаютъ — вотъ что по истинѣ удивительно! Удивительно особенно со стороны русской дипломатіи, — такъ какъ Германія здѣсь въ сторонѣ и дѣятельнаго участія въ дѣлѣ не принимаетъ. Впрочемъ вполнѣ понятно, что Австрія медлитъ: она согласилась на перемиріе нѣхотя, подъ давленіемъ «Союза», — она не можетъ пока соорудить почетнаго для Сербіи исхода изъ той войны, на которую сама натолкнула и за послѣдствія которой несетъ предъ нею отвѣтственность,—а между тѣмъ, тѣ единственныя условія мира, на которыхъ Сербія имѣетъ право, безъ

сомнѣнія теперь таковы, что грозятъ полнымъ разрушеніемъ австрійскому авторитету среди Сербовъ. Вотъ почему, если бы не удалось Австріи утвердить своего въ Сербіи вліянія другими способами, продолженіе войны было бы въ ея интересахъ, причемъ, конечно, она бы снабдила Сербію всѣми средствами обезпечивающими побѣду. Вотъ почему австрійскому правительству необходима оттяжка въ надеждѣ на благопріятныя случайности. Эти случайности: или возобновленіе войны, или присужденіе Сербіи какого-либо вознагражденія за болгарское воссоединеніе посредствомъ европейскаго конгресса (который можетъ-быть, въ концѣ концовъ, все-таки соберется); или же возбужденіе какихъ-либо новыхъ на Балканскомъ полуостровѣ осложненій. Съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ все это понятно, но русской-то дипломатіи зачѣмъ о нихъ радѣть? Развѣ не видѣть она, что если Австріи не удастся удовлетворить Сербію (что нужно лишь исключительно для австрійскихъ личныхъ выгодъ), то наша союзница употребить всѣ усилия къ предотвращенію того мирнаго исхода, который у насть считаются уже почти достигнутымъ? Врагомъ мира теперь никто иной, какъ Австрія, и если миръ до весны не состоится, то быть войнѣ, но не исключительно сербской... Входить ли именно это въ наши расчеты?.. Если входить, то дѣло другое...

Дойдетъ ли—не дойдетъ наша газета къ Сербамъ сквозь цензурные австрійскія и сербско-правительственные заставы, во всякомъ случаѣ вотъ имъ дружественный голосъ изъ Россіи: Сербы прозрите! Ваше правительство покрыло сербское имя, Сербскій народъ срамомъ и хочетъ теперь заслыпить вамъ глаза жаждою мщенія, злобою на Болгаръ. Но не въ томъ для васъ срамъ, срамъ на весь міръ, что васъ поразили на полѣ браны, а въ томъ, что это ваше правительство изъ личныхъ своеокорыстныхъ видовъ подвигло Сербію на гнусное, черное дѣло, на беззаконную, безпринципную брань съ вашими братьями по крови, вѣрѣ и турецкой неволѣ. Вѣримъ, что большинство вашихъ солдатъ было обмануто и думало, что ихъ ведутъ въ Старую Сербію, но какъ бы то ни было, ваши власти виновны въ томъ, что на вашу народную совѣсть легко подлое разбойническое нашествіе на Болгарію,— и когда-же? когда ей. могло гро-

зить нападеніе оттоманскихъ войскъ! Нечего вамъ теперь попусту злобствовать на Болгаръ: этимъ вы только пуще угождаете вашимъ правителямъ, перелагая на свою душу содѣянное ими преступленіе! На сторонѣ Болгаръ была правда, они защищали свою родную землю, они доблестно исполнили свой долгъ, и Богъ благословилъ ихъ оружіе... Не поддавайтесь же коварнымъ навѣтамъ вашихъ властителей, которымъ нужно распалаять въ васъ вражду къ братскому народу, чтобы вы отвели глаза отъ истинныхъ виновниковъ вашего позора, вашего разоренія и всѣхъ постигшихъ васъ бѣдъ. На нихъ, на нихъ однихъ устремите вашъ праведный гневъ. Нѣтъ вамъ другого способа снять съ себя ярмо стыда и бесславія, очиститься въ глазахъ міра и предъ собою, какъ освободивъ Сербію отъ тѣхъ, что продали и предали ее на поруганіе всему свѣту, затоптали въ грязь доброе ваше народное имя и честь! Другаго исхода вамъ нѣтъ.

1886 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 4 января.

Бодрости духа—вотъ чего да пошлетъ Россіи Новый 1886 годъ! Бодрости духа и бодрствованія... Близки великія испытанія. Уже стучится въ двери исторія,—и «блажень рабъ его же (она) обращетъ бдяща, недостойнъ же паки его же обращетъ *унывающа!*» Горе намъ, если грядущія событія застанутъ врасплохъ нашу мысль; если русское общество, словно недугомъ малокровія одержимое, не страхиетъ съ себя того гнетущаго унынія, которому такъ легко, безъ борьбы отдалось — лѣнивое умомъ, вялое сердцемъ! Нѣтъ сомнѣнія, что вицьшия условія настоящей русской жизни сами по себѣ вовсе неблагопріятны подъѣму и дѣятельности духа; что, наоборотъ, цѣлый сонмъ обстоятельствъ постороннихъ, отъ общества прямо и не зависящихъ, не перестаетъ удручать его нравственно; что самое чувство народной чести и достоинства, оскорбленное и униженное

въ немъ Берлинскимъ трактатомъ, пребываетъ до сихъ поръ безъ малъйшаго какого-либо удовлетворенія, такъ что это ощущеніе оскорблennости и уничиженности стало какъ бы принадлежностью самого русскаго современнаго существованія... Все это такъ, все это вѣрно. Но тѣмъ не менѣе, любовь къ истинѣ, любовь къ своему народу и своей землѣ дѣлаютъ борьбу обязательную. Но вѣдь не по шоссе же въ самомъ дѣлѣ достигаютъ до царства правды, а нудится оно скорбнымъ путемъ; но вѣдь именно къ подвигамъ и призываются тѣ, кому много дано и предназначено. Или мы уже разувѣрились въ томъ, что Россія много дано и предназначено? Или, ублажая свое малодушіе таковыми комфорtabельными, лукавыми смиреніемъ, мы уже возмнили себя свободными отъ всакихъ тяжкихъ трудовъ и жертвъ, съ высокимъ призваніемъ сопряженныхъ?! Оно, конечно, покойнѣе. Еще было бы покойнѣе и куда какъ удобнѣе низойти на степень Голландіи или Бельгіи и оградить себя отъ «войны съ ея ужасами» европейскимъ нейтралитетомъ.. Но предоставимъ эти мечты разнымъ нашимъ чиновнымъ и нечестивымъ Маниловымъ. Живъ Богъ и жива Россія! Не можетъ она уклониться отъ своей исторической судьбы. Какъ бы о томъ ни старались люди, судьба сама ее все-таки настигнетъ и поставить на историческую работу,—и тѣмъ хуже для насъ, если мы окажемся плохими, неподготовленными рабочими. Прочь же дремоту духа, уныніе и нытье, подъ которымъ нерѣдко прачется наша собственная трусость и лѣнь! Если обстоятельства нашей внутренней жизни не таковы, чтобы въ нихъ найти намъ достаточно силы или побужденія для самоврачеванія или хоть для нѣкотораго нравственного подъема, то предъ нами теперь подготавливается такое зрѣлище на вѣшней политической, можно сказать всемирной аренѣ, которое способно и должно неудержимо приковывать къ себѣ наши взоры, помыслы и чувства!.. Всесвѣтло должно оно овладѣть русскимъ общественнымъ вниманіемъ. Настанетъ скоро исторический пиръ, на который мы званы, т. е. звана наша Россія,—звана по преимуществу, предъ всѣми. Она ли не окажется въ числѣ избранныхъ? Она ли отвѣтитъ: «имъ мя отреченна», какъ этого повидимому хотѣлось бы смиренному-

дрію нашей дипломатії или: «впусти меня не одну, а не-премѣнно въ компаніи съ незванными», напримѣр, съ Австріей и Германіей — какъ этого быть-можетъ хотѣлось бы ея деликатному дружелюбію?

Да, большинство русского общества повидимому еще не достаточно пронято сознаніемъ, что нынѣшнія вѣнчанія политическія осложненія имѣютъ рѣшающее, роковое для Россіи значеніе,—что важность ихъ для Россіи даже пересиливаетъ въ настоящую минуту важность внутренняго ежедневнаго дѣланія — въ области ли государственного домостроительства, въ области ли экономическихъ интересовъ. Ибо вопросъ, который ставится наступающими событиями, тѣсно связанъ не только съ международнымъ положеніемъ, съ достоинствомъ и честью, но и съ историческимъ существомъ Россіи, какъ главенствующей Православно-Славянской державы. Это вопросъ нашего всемирно-исторического созиданія, которымъ, или съ которымъ, вмѣстѣ, рѣшаются и наши внутренніе вопросы и судьбы. Нечего поэтому развлекаться по сторонамъ, какъ это дѣлается до сихъ поръ, и удѣлять «внѣшней политикѣ» лишь случайную долю участія, мимоходомъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо обязано русское общество слѣдить съ возбужденіемъ, напряженнымъ вниманіемъ каждый шагъ нашей дипломаті... Тихій подходъ грозы предвѣщаетъ лишь сосредоточенную силу громовыхъ ударовъ. А ждать, чтобы они гранули, — успѣмъ-молъ и тогда перекреститься и воспрануть мыслью и духомъ—невѣжественный, гнилой расчетъ.

1886 годъ несетъ намъ такую грозу. Разразится ли она для насъ въ этомъ же году формальною войною,—это предугадать трудно, но во всакомъ случаѣ она не пройдетъ безъ великихъ, важныхъ послѣдствій....

Положеніе дѣлъ, при которомъ начинается новый годъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Союзъ нашъ съ Германіей и Австріей,—нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Австріи, подвергавшейся сильнымъ испытаніямъ и даже колебанію,—въ настоящую минуту снова укрѣпился, судя по нѣкоторымъ, кажется несомнѣннымъ, даннымъ. Но къ миру ли, а не къ войнѣ, къ упрощенію ли, а не къ усложненію общаго по-

ложењія, къ выгодѣ ли для Россіи ведеть онъ? Позволаемъ себѣ думать, что онъ во всякомъ случаѣ не упрощаетъ, а лишь усложняетъ пока общее политическое положеніе, и служитъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, лишь къ выгодѣ Австріи... Мы уже высказывали наше мнѣніе, — держимся его и теперь, такъ какъ доступныя нашему свѣдѣнію обстоятельства его не опровергаютъ, что при твердой волѣ трехъ державъ можно было бы настоять на умиротвореніи, хотя бы и временномъ, Балканского полуострова. А именно: *тотчасъ же* по прекращеніи военныхъ дѣйствій, *заставить* обѣ славянскія державы, разоренныя, истощенные междуусобною бранью, заключить миръ между собою; *затѣмъ*, въ случаѣ полной готовности князя Александра привести предъ Россіей повинную, допустить личную унію Румеліи съ княжествомъ и возвстановить къ возсоединенной такимъ образомъ Болгаріи прежнія *властныя* отношенія Россіи (которая бы, конечно, заручилась при этомъ всѣми надежными гарантіями). Если бы князь Александръ оказался потомъ такого, возвращенного ему довѣрія недостойнымъ, Россія имѣла бы всегда полную возможность, опираясь съ одной стороны на народное въ Болгаріи содѣйствіе, съ другой на самый этотъ Тройственный Союзъ, удалить или смѣнить вѣроломнаго князя. Что же касается Греціи, то—благо Берлинскій трактатъ остается въ силѣ, такъ какъ назначеніе принца Баттенберга генералъ-губернаторомъ Румеліи его не измѣняетъ—слѣдовало бы ужь кстати потребовать отъ Турціи исполненія статей Берлинскаго трактата относящихся къ греческой границѣ, равно и къ Македоніи. При единодушномъ образѣ дѣйствій Тройственного Союза, такой исходъ современныхъ осложненій былъ бы вполнѣ возможенъ,—не стала бы ему противиться и остальная Европа.

Но въ томъ-то и дѣло, что такой исходъ не выгоденъ для Австріи, для нея лишь одной: онъ бы окончательно компрометировалъ ея вліяніе въ Сербіи, которую она подвигла на самую беззаконную, разбойническую противъ Болгаріи войну и которую въ концѣ-вонцовъ надѣлила срамомъ, униженіемъ, разореніемъ. Казалось бы — что за дѣло *Rossii* до сохраненія въ Сербіи австрійскаго престижа, до удер-

жанія Сербії въ «сферѣ австрійской мощи»? Никакимъ международнымъ трактатомъ, для Россіи обязательнымъ, эта «сфера мощи» не узаконена; никакихъ даже нравственныхъ правъ на Сербію,—какія мы имѣемъ на Болгарію и даже на самое это Сербское королевство,—Австрія не имѣетъ: она не проливала за нее крови, не созидала ея бытія и свободы. Ради чего же радѣть Россіи обѣ австрійскихъ въ Сербіи интересахъ, о томъ, чтобы эта славянская и православная земля проникалась элементами враждебными и Православію, и Славянству вообще, а въ частности именно самой Россіи,—элементами враждебными самому Сербскому народу, такъ какъ задача Австріи ее денационализовать и эксплуатировать въ политическомъ и экономическомъ отношенииахъ? Зачѣмъ это нужно для насъ вбивать новый австрійский клинъ въ сердце Славянского міра и отталкивать отъ себя Сербскій народъ, съ лучшою частью его интелигенціи, молящій о спасеніи?... На эти вопросы для простаго русскаго смысла мыслимъ лишь одинъ отвѣтъ: отрицательный. Можно, конечно, сказать въ наше оправданіе, что такое завоеваніе Сербії австрійскою сферою вліянія допущено нами по неволѣ, вслѣдствіе пораженія повесеннаго Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ. Положимъ, что и такъ. Но иное дѣло—допускать, иное дѣло—замѣнить невольное допущеніе *содѣйствіемъ*.—да еще какимъ!—самымъ усерднымъ! Дипломатія наша словно бы желѣтъ эту «австрійскую сферу мощи» какъ нѣкую драгоценность, и какъ бы боится, чтобъ Сербія изъ нея не выскочила! Чтобъ вывести Австрію изъ затруднительного положенія, мы не только не настаали на дѣмобилизаціи вооруженной ю сербской арміи, но имѣя полную возможность предупредить войну, мы ее допустили и выступили съ предложеніемъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій (направивъ его путемъ дипломатической волокиты) только тогда, когда они начались,—такъ что предложеніе наше опять-таки пришлось на руку самой Австріи для спасенія сербскихъ войскъ, гонимыхъ побѣдоносными Болгарами...

Теперь же, послѣ этихъ болгарскихъ побѣдъ, заканчивать весь этотъ воинственный, столь позорный и убыточный для Сербіи эпизодъ простымъ миромъ, не дающимъ ей

ровно никакого, обещанного ей Австрією вознагражденија или «компенсації» — для австрійского вліянія конечно не прибыльно: вотъ почему она и волочить дѣло, и медлитъ... А мы не только Австрію не понуждаемъ, но и терпѣливо ждемъ—пока она изыщетъ выгодное для себя рѣшеніе,—какъ будто намъ самимъ до примиренія Сербіи съ Болгаріей нѣтъ никакого дѣла! Но если бы только ждали! Мы, кажется, и теперь, можетъ-быть и ненамѣренно, собираемся сослужить Австріи службу.

Единственною «компенсацію», которая бы придала миру характеръ вполнѣ почетный для побѣжденной Сербіи,—и безчестный для побѣдительницы-Болгаріи,—представляется разъединеніе Румеліи съ княжествомъ: Сербія тогда могла бы себѣ сказать въ утѣшениѣ, что воевала не даромъ, ибо восстановила-де «равновѣсіе силъ на Балканскомъ полуостровѣ», поработала интересамъ европейской политики и т. д. и т. д.!—могла бы, однимъ словомъ, обратить свое разбойническое нашествіе въ великий подвигъ самопожертвованія, и свое пораженіе въ торжество, и австрійскій престижъ закрѣпилъ бы Сербію еще прочнѣе въ сферу австрійской мощи. Для этой «сферы» вовсе невыгодно было и прежде имѣть бокъ-о-бокъ съ собой сильную и хорошо организованную Болгарію, подчиненную русскому вліянію, да еще съ прекраснымъ войскомъ, русскими офицерами командуемымъ. Тѣмъ менѣе было бы удобно для Австріи сосѣдство Болгаріи объединенной ч. восстановившей прежнія отношения къ Россіи...

Къ счастію для Австріи, такому ея расчету не противорѣчать и новѣйшія русскія дипломатическія комбинаціі. Такова ужь наша судьба, что намъ волей-неволей доводится приходить къ ней на выручку. По крайней мѣрѣ всѣ свѣдѣнія полученные нами съ мяста удостовѣряютъ, что Россія возвратилась будто бы къ прежнему своему рѣшенію: не признавать соединенія Румеліи съ Болгаріей—при настоящемъ князѣ и правительству... («Правительство» собственно тутъ ни причемъ, такъ какъ Каравеловъ и безъ того ожидаетъ своей отставки по почину самого князя.) На этотъ разъ рѣшеніе Россіи дано будто бы въ согласіи съ ея союзницами... Не это ли рѣшеніе имѣла въ виду одна австрій-

ская газета, возвещавшая, что три великия державы выступят вскорѣ съ единодушнымъ рѣшеніемъ по румелійскому вопросу? Было ли уже учинено такое коллективное заявление Портѣ—намъ неизвѣстно, но изъ Болгаріи намъ пишутъ, что сообщеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано всѣмъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ... Подтверждениемъ этому могутъ, впрочемъ, служить и корреспонденціи изъ Софіи, помѣщенные въ послѣднихъ № №: «Нового Времени». Онѣ—не болѣе какъ отголосокъ взглядовъ, мнѣній и чувствъ Россійского Генерального въ Софіи консульства,—по собственному свидѣтельству г. корреспондента: *только* по этой причинѣ, а ужъ никакъ не по своему внутреннему нравственному достоинству, онѣ и могутъ заслуживать вниманія. Вообще этотъ корреспондентъ точно будто задался задачею поселить въ русской публикѣ чувство вражды, отвращенія и злобы къ Болгарскому, освобожденному нами народу, старательно выгребая и преподнося читателямъ одной изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи газетъ—всякій соръ и помои. Онъ издѣвался надъ одушевленіемъ и жалкимъ вѣшнимъ видомъ Болгаръ-милиционеровъ и хотя и былъ непріятно озадаченъ болгарскими побѣдами, однако же потщился набросить сомнительную тѣнь и на нихъ,—а въ упомянутой нами корреспонденціи чернить князя и Болгаръ (если только они состоять не въ оппозиціи, а при дѣлѣ) на пропалую, называя послѣднихъ презрительно «перетрусившимися братушками», а первого прямо—«трусомъ», только «слѣдовавшимъ потомъ сзади за побѣдоносною арміею»!.. Мы ужъ вовсе не сторонники князя Александра, но не обинуясь называемъ эти слова клеветой, такъ какъ и сами имѣемъ свѣдѣнія о болгарскихъ съ Сербами битвахъ изъ надежныхъ источниковъ. Но дѣло, повторяемъ, не въ личныхъ сужденіяхъ г. «Русского Странника», а въ томъ, что его корреспонденціи имѣютъ тенденціозно-офиціозный характеръ и выражаютъ точку зреїнія господствующую въ нашемъ дипломатическомъ агентствѣ, солидарностью съ которымъ г. корреспондентъ то и дѣло хвалится... Кстати, позволимъ себѣ замѣтить мимоходомъ: чего же можно ожидать отъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, отъ ихъ отношений съ Болгаріей, если только хоть пятая доля того духа, которымъ дышать эти

печатаемыя въ «Новомъ Времени» письма, внушена изъ этой официальной среды? Какого проку можно надѣяться отъ подобной системы издѣвательствъ и оскорблений? И не имѣемъ ли мы повода опасаться, что петербургская дипломатическая властная среда не совершенно чужда и съ своей стороны такихъ пристрастныхъ, узкихъ воззрѣй своихъ агентовъ?...

Вотъ въ этихъ-то упомянутыхъ нами корреспонденціяхъ изъ Софіи прямо, наголо настаивается на мнѣніи, очевидно офиціозномъ, что князь во чтѣ бы ни стало долженъ быть *свергнутъ*, такъ какъ-де только послѣ этого можно быть увѣреннымъ въ полной покорности Болгаріи. Можетъ-быть это и вѣрно. Мы не станемъ оспаривать справедливость этого мнѣнія, а только заявляемъ о немъ, какъ о фактѣ подтверждающемъ сообщенное нами выше извѣстіе. Личная судьба князя Александра, повторяемъ, настѣ собственно мало интересуетъ. Надо предполагать, что правительство обладаетъ вполнѣ основательными данными для принятаго имъ рѣшенія,—хотя намъ всегда казалось, что оно могло бы достигнуть той же своей цѣли и впослѣдствіи, возвративъ напередъ для себя *status quo ante* въ Болгаріи и поставивъ болгарское войско въ полную зависимость отъ русской верховной власти. Тѣмъ не менѣе, предъявлять такое требование относительно князя (какъ условіе *sine qua non* для признания соединенія) въ настоящую минуту—это во всякомъ случаѣ значить откладывать рѣшеніе румелійского вопроса въ долгій ящикъ, отлагать на исограниченный срокъ умиротвореніе страны (столь нуждающейся теперь въ мирѣ, послѣ такого страшнаго напряженія силъ), отлагать вмѣстѣ съ тѣмъ и восстановленіе нашего прежнаго господствующаго положенія въ Болгаріи... Несомнѣнно также, что такое рѣшеніе русскаго правительства теперь вполнѣ на руку Австріи... Впрочемъ, если «союзники» съ нами въ этомъ пунктѣ за одно,—стало-быть нашли въ томъ себѣ выгоду.

Доставляя какъ бы нѣкоторую «компенсацію» самолюбію Сербіи и въ этомъ смыслѣ поправляя обстоятельства короля Милана и самой Австріи, упомянутое заявленіе Россіи о непризнаніи факта соединенія Румеліи съ Болгаріей при настоящемъ болгарскомъ правительстве,—если и облегчаетъ

повидимому заключеніе мира Сербія съ Болгаріей черезъ Порту, какъ сюзерена Болгаріи—то все же, оставляя существенный вопросъ первыеннымъ, упрочиваетъ лишь настоящее опасное броженіе на Балканскомъ полуостровѣ. Правда, газеты сообщаютъ, что Россія недавно выступила съ предложеніемъ обѣ обезоруженіи или демобилизациіи армій всѣхъ балканскихъ государствъ. Но это предложеніе свидѣтельствуетъ лишь о русскомъ миролюбіи, не болѣе; въ сущности же представляется вполнѣ платоническимъ. Надо было настаивать на этомъ ранѣе, и можно было бы настоять—еслибъ имѣлось въ виду какое-либо единодушное рѣшеніе великихъ державъ. Теперь же, когда страсти вполнѣ разгорѣлись, на мобилизациію понесены огромныя жертвы и издержки, а главное—когда не только никакіе вопросы не решены, но обличилась полная несостоительность великихъ державъ и даже Тройственного Союза выработать какое-либо умиротворяющее рѣшеніе,—теперь такое предложеніе является по меньшей мѣрѣ запоздалымъ. Пусть оно не осталось одинокимъ, а обратилось въ «коллективное», отъ имени всѣхъ державъ, но если оно не будетъ сопровождаться какими-либо искренними принудительными мѣрами, оно не приведетъ ни къ чему. Да печать только и дѣлаетъ, что сообщаетъ о новыхъ заказахъ, то торпедъ, то пушекъ! По всей вѣроятности въ качествѣ «принудительной мѣры» державы объявлять угрозу—въ родѣ той, о которой недавно оповѣстилъ офиціозный органъ князя Бисмарка, газета «Post», по отношенію къ Греціи, т. е., что если Греція (или иное Балканское государство) вступить въ войну съ Турцией, то должно будетъ вести ее на свой рискъ и страхъ: Европа же останется безучастной зрительницей! Но кому же не ясно, что такая угроза есть въ сущности поощреніе! Мы уже знаемъ, что Греція, Черногорія и сама Сербія не только переглядываются, но уже стакиваются между собою. И кто же повѣрить, что если пожаръ войны охватитъ весь Балканский полуостровъ, Европа будетъ лишь любоваться зрѣющемъ сидя въ ложахъ?!

Газеты общимъ хоромъ, да отчасти и европейскіе кабинеты (послѣдніе впрочемъ съ сомнительной искренностью) винятъ Порту въ проволочкѣ по рѣшенію вопроса о Руме-

лі. Но какое же рѣшеніе можетъ она предложить? Если ей принять за основу *status quo ante*, такъ горячо рекомендованный ей Тройственнымъ Союзомъ, то вѣдь онъ связанъ съ правомъ присужденнымъ ей Берлинскимъ трактатомъ: ввести гарнизоны въ балканские проходы. Но прибѣгать къ такой мѣрѣ—этого не хватаетъ духа совѣтовать даже у дипломатіи трехъ великихъ державъ! Возстановленіе *status quo ante* очевидно не можетъ быть исполнено добровольно самими Болгарами: надо пустить въ ходъ вооруженное насилие... А можетъ ли Турція вѣрить, что если не Россія, то Европа станетъ хладнокровно взирать на повтореніе бани-бузуками рѣзви въ предѣлахъ Румеліи и Болгаріи? Султанъ не прочно былъ бы признать личное воссоединеніе,—но ему нужна гарантія, что принявъ такое его рѣшеніе, державы обеспечатъ Порту отъ тѣхъ притязаній, къ коимъ воссоединеніе даже въ подобной формѣ можетъ подать поводъ Греціи или Сербіи. Да наконецъ, какое же «личное» воссоединеніе, когда лицо князя Александра·тремя великими державами вычеркивается? Нужно, согласно съ трактатомъ, напередъ пріискать нового князя для Болгаріи...

Однимъ словомъ—очевидно, что никакого рѣшенія Румелійского вопроса и никакого умиротворенія на Балканскомъ полуостровѣ до весны не состоится, а съ весною не послѣдуетъ и подавно. Очевидно также, что *изъ чьи-то расчеты* входитъ даже иѣчто совсѣмъ противоположное умиротворенію... Не даромъ Турція, чуя близость рокового для себя часа, вооружается съ головы до ногъ. Древній Оттоманъ, если и умретъ, то умретъ достойною себя смертью,—и отъ судорогъ его агоніи потрясется весь міръ... Что-жъ! Можетъ-быть и приспѣло время. Насъ долженъ занимать лишь одинъ вопросъ: какой жребій въ этомъ вселенскомъ переворотѣ выпадетъ на долю Россіи?.. Достойною ли окажется она своего призванія... достойнымъ ли Россіи окажется Петербургъ съ своими вѣдомствами и канцеляріями?... Въ 1878 г. онъ не оказался достойнымъ. Будемъ вѣрить, что времена измѣнились...

Бодрствованія—вотъ чего пожелаемъ снова русскому обществу на 1886 годъ!..

Москва, 11 января.

Недавно редакторъ «Гражданина», со свойственной ему необдуманностью и развязностью, тиснулъ въ своеемъ журналь «характерную»—по его словамъ—новость». Сущность ея въ томъ, что прошлою осенью, въ началѣ, пріѣзжалъ въ Россію иѣкій Черногорецъ—сь тѣмъ, чтобы добыть здѣсь, въ видѣ пожертвованія, тысячу 20 рублей, нужныхъ Черногоріи для окончательного пріобрѣтенія торгового парохода. «Мы любимъ кричать про наши симпатіи къ Славянамъ»—негодуетъ князь Мещерскій: «казалось бы, что Черногорія могла бы эту чистую сумму найти въ Россіи и у Русскихъ!... Какъ не такъ! Онъ поѣхалъ въ Москву и тамъ представитель Славянского Общества, И. С. Аксаковъ», объявилъ ему, «что расчитывать на Москву трудно.... потому что *всѧ дѣла въ застопѣ*»,—вслѣдствіе чего означенный Черногорецъ обратился въ Вѣну, гдѣ и досталъ, къ великому посрамленію Москвы, потребную ему сумму. Издѣваясь надъ московскимъ славянолюбіемъ, князь Мещерскій выражаетъ недовѣріе и къ ссылкѣ на застой: на устройство какого-то юбилея мѣстнымъ властямъ — восклицаетъ онъ — «хватило застоя у Москвы.... а на какихъ-нибудь 20 т. р. для Черногоріи не хватило русской сердца!... «Вотъ какъ мы, кричащіе, за историческое преданіе Россіи» — заключаетъ явственно и наставительно «Гражданинъ» — «ведемъ свои дѣла.... воспитывая Каравеловыхъ для Болгаріи и отказывая въ грощѣ Черногоріи.... Но за то кричать и говорить мы мастера!...» По поводу этихъ дешевыхъ перуновъ петербургскаго на Москву и русское общество негодованія, «Русь» хотѣла тогда же дать приличную отповѣдь, но затѣмъ мы какъ-то забыли о нихъ и вспомнили теперь лишь потому, что иностранныя иѣмецкія газеты съ превеликимъ злорадствомъ перепечатали сообщенную «Гражданиномъ» «характерную новость», пріукрасивъ и расцвѣтивъ ее красками еще болѣе яркими....

Начать съ того, что И. С. Аксаковъ никакого Славянского Общества въ Москвѣ представителемъ не состоитъ—уже по той простой причинѣ, что такового общества въ

Москвѣ не имѣется. Существовалъ, точно, въ Москвѣ Славянскій Комитетъ еще съ 1858 года, въ которомъ дѣятельнымъ членомъ, а подъ конецъ и предсѣдательствующимъ былъ, дѣйствительно, настоящій редакторъ «Руси», и который въ началѣ 1877 года былъ преобразованъ самимъ правительствомъ въ «Московское Славянское Общество». Но не можетъ не знать князь Мещерскій, что это Московское Славянское Общество было правительствомъ же въ 1878 году, вслѣдъ за Берлинскимъ трактатомъ, закрыто, и не только закрыто, но и совсѣмъ уничтожено. Имѣются Славянскія Общества и въ Петербургѣ, и въ Киевѣ, и въ Одесѣ, — въ Москвѣ же ему быть не дозволено. Между тѣмъ въ Славянскихъ земляхъ никакъ не хотятъ взять въ толкъ, что именно-то Москва и лишена этого русского национальнаго, дорогаго Славянамъ учрежденія. Тамъ все по прежнему наивно вѣруютъ, что Москва — «сердце Россіи», что къ біенію этого сердца прислушивается и самая власть и т. д. и т. д., а потому упорно не признаютъ закрытия Общества, воображая, что это лишь правительственная хитрость! Простодушному Славянству совершенно невдомѣкъ, да и выяснить-то ему это не совсѣмъ удобно, что Петербургъ давнымъ-давно покушается конфисковать это такъ-называемое «сердце» въ свою пользу, т. е. перемѣстить его на окончность, гдѣ самъ обрѣтается, отъ каковыхъ противоестественныхъ затѣй и достигается лишь тотъ результатъ, что настоящаго-то сердца дѣятельность парализуется и нѣмѣеть, а фальшиваго — только фальшивитъ, — весь же государственный организмъ болѣеть отъ неправильного кровообращенія. Вслѣдствіе однажды такої непонятливости Славянскихъ племенъ, Славяне не перестаютъ устремляться въ Москву и обращаться къ ней со вскими своими нуждами, удовлетвореніе коихъ, при отсутствіи всякой законной и правильной организаціи для сбора пожертвованій и вообще денежныхъ средствъ, тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ крупнѣе эти нужды и чѣмъ крупнѣе запросъ на благотворительное пособіе. Это и побудило нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ Московскаго Славянскаго Общества весною прошлаго года (даже помимо редактора «Руси», отсутствовавшаго изъ Москвы по болѣзни) «войти съ ходатайствомъ» о приравненіи Мо-

сквы въ ея правахъ хотѣ къ Одессѣ и Кіеву, т. е. о разрѣшениі возстановить Общество по всѣмъ правиламъ устава, для таковыхъ Обществъ правительствомъ изданнаго 12 апрѣля 1877 года. Высшая московская мѣстная власть, очень часто утруждаемая и съ своей стороны просьбами наѣжающіхъ Славянъ о пособіи и вполнѣ сознающая необходимость специального для сей цѣли учрежденія, отнеслась къ ходатайству вполнѣ сочувственно и въ началѣ прошлаго августа, съ одобрительнымъ отзывомъ своимъ, представила его куда слѣдуетъ, т. е. въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Повидимому и тамъ не встрѣтило бы оно препятствій, но запнулось о послѣднее мытарство — о Министерство иностраннныхъ дѣлъ или точнѣе обѣ Азіатскій онаго департаментъ (вѣдающій, какъ это ни странно, всѣ Славянскія земли). По нашимъ частнымъ свѣдѣніямъ, Министерство или департаментъ, принимая на видъ съ одной стороны, что всякую «политику славянскихъ чувствъ и идей» рѣшено теперь въ Петербургѣ уволить въ отставку, — съ другой, что на Москву и въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ усердныя увѣренія въ противномъ, продолжаютъ взирать не только между Славянами, но — и это главное — даже въ Австріи съ Германіей какъ на очагъ русской національности, — заявило, именно по этому самому, свой рѣшительный протестъ противъ возстановленія въ Москвѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества, т. е. такой организаціи, которая бы дала возможность Москвѣ оказывать правильнымъ и широкимъ образомъ помошь славянскимъ, хотя бы вовсе и не политическимъ нуждамъ: въ Австріи и Германіи взглянули бы-де на это неблагопріятно....

Дѣйствительно, въ началѣ сентября явился къ намъ въ Москву, съ письмомъ отъ русскаго резидента въ Цетинѣ, г. Аргиропуло — молодой морякъ Далматинецъ, состоящій на службѣ Черногоріи и завѣдывающій тамъ «морскою частью». Въ письмѣ своемъ г. Аргиропуло объяснялъ, что Берлинскій трактатъ, какъ извѣстно, лишивъ самыи наглѣйшимъ образомъ Черногорію большей части завоеваннаго ею морскаго прибережья въ пользу ничего не завоевавшей и вовсе не воевавшей Австріи, отнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ у Черногорцевъ право имѣть военные морскія суда и военный морской флагъ; во частичку «соленой воды» они все же

имѣютъ, и единственное средство для нихъ явить свое обладаніе ею и извлечь изъ нея хоть какія-нибудь выгоды—это завести торговый пароходъ. Таковой и пріобрѣтенъ на деньги вырученныя отъ продажи княжеской яхты, которую князь Николай рѣшился пожертвовать для пользы родной Черногоріи; недостаетъ однако же для полной уплаты стоимости парохода 20 т. руб. Обращаться съ просьбою о деньгахъ къ русскому правительству Князь положительно отказался, говоря, что у него на это не хватаетъ духа, такъ какъ онъ и безъ того щедро благодѣтельствованъ личною милостью Русского Императора. Тѣмъ не менѣе г. Аргиропуло, которому очевидно были совсѣмъ невѣдомы совершившіяся въ Москвѣ перемѣны, напечь нужнымъ направить молодаго Далматинца къ редактору «Руси», чрезъ посредство котораго, во время оно, были доставлены въ Черногорію такія обильныя изъ Москвы пожертвованія.... Но собирать 20 т. р. черезъ газету «Русь» посредствомъгласнаго воззванія было бы неблаговидно по отношенію къ Черногорскому правительству, да и слишкомъ долго; обращаться же къ двумъ-тремъ знакомымъ намъ капиталистамъ (которые и безъ того постоянно снабжаютъ насъ деньгами для оказанія неотложной помощи бѣднякамъ—учащимся Славянамъ) мы не признали удобнымъ—какъ въ виду несомнѣннаго, хорошо намъ известнаго экономического застоя, такъ и въ виду другихъ обстоятельствъ, о которыхъ скажемъ нѣсколько ниже. Наконецъ самое это дѣло (покупка парохода) представляло, по нашему мнѣнію, интересъ не столько благотворительный, сколько политическій, и мы посовѣтовали черногорскому посланцу ѻхать въ Петербургъ съ письмомъ отъ насъ къ г. директору Азіатскаго департамента. Вотъ самый лучшій и дешевый для русскаго правительства способъ,—въ такомъ смыслѣ, помнится, писали мы, преподать нѣкоторое утѣшеніе, нѣкоторый знакъ вниманія Черногоріи въ настоящее критическое время, когда Россія теряетъ позицію за позиціей на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарія готова съ чужою помощью пріобрѣсти Румелію, Австрія обѣщаетъ Сербіи «компенсацію»,—одна Черногорія не только не домогается помимо насъ какого-либо вознагражденія, но пребываетъ намъ сердечно и политически вѣрна, несмотря на то, что по грѣ-

хамъ нашей же дипломатіи засажена Австрією въ каменный мѣшокъ, окружена со всѣхъ сторонъ австрійскими блокгаузами, обижена и оборана по Берлинскому трактату (съ нашего же попущенія), да наконецъ не можетъ даже и до сихъ поръ добиться себѣ отъ Турціи границы, трактатомъ опредѣленной. Чѣмъ значать 20 т. рублей для русской казны? Такія деньги всегда найдутся, и не можетъ быть сомнѣнія, что если только дойдетъ о томъ хоть стороною до высшаго свѣдѣнія, то помошь будетъ охотно оказана; а оказанная отъ имени русской власти—она будетъ имѣть несравненно большее политическое значение, чѣмъ отъ имени купца Н., да купца М.

Каємся со стыдомъ, что несмотря на извѣстное нашимъ читателямъ мнѣніе «Руси» о петербургской дипломатіи, мы все-таки ожидали, что она ухватится съ радостью за этотъ представившійся ей такой удобный и недорогой случай оказать именно *теперь* услугу преданной намъ Черногоріи. Но ходатайство наше оставлено было безъ вниманія и вынудило Черногорію обратиться—конечно не къ великодушію, но къ кредиту вѣнскихъ банкировъ, вѣроятно изъ добрыхъ процентовъ....

Къ кому же должны относиться слова князя Мещерскаго: «Вотъ какъ мы, кричащіе за историческое преданіе, ведемъ свои дѣла — отказывая въ грошѣ Черногорії»?! Или: «на какихъ-нибудь 20 т. р. для Черногоріи не хватило сердца»!? У кого его не хватило?...

«Гражданинъ» обращаетъ этотъ упрекъ къ Москвѣ. Но обращенный къ Москвѣ—это упрекъ лживый и наглый. «Не хватило сердца!»... О, какъ его хватало, да и не на 20 т. какихъ-нибудь, а на миллионы рублей, всего лѣтъ восемь тому назадъ, когда объятая одушевленіемъ вѣрила Россія, что и руководящій ея судьбами Петербургъ единѣ съ нею въ мысляхъ, упованіяхъ и чувствахъ!.. Эта вѣра пристыжена, поругана, разрушена Берлинскимъ трактатомъ, а съ той поры, спрашивается, было ли хоть одно русское дипломатическое или политическое дѣйствіе, которое бы хоть сколько-нибудь залѣчило нанесенную русскому сердцу обиду, сколько бы нибудь приподняло сломанную вѣру? Вотъ этого-то въ Петербургѣ и не хотять брать въ расчетъ. Съ

этими народными оскорблennыми чувствами и не хотять считаться. Гдѣ, въ чёмъ для Россіи ручательство, что русская политика дѣйствительно вступила на путь национальный? Въ Россіи конечно вѣдаются, что съ той поры обстоятельства перемѣнились и готовы ласкать себя надеждою, что перемѣнится наконецъ и самая политика, но вѣдь эта надежда,—что должны признать и всѣ разсудительные государственные люди въ Петербургѣ,—еще не можетъ имѣть твердой подъ собою почвы, такой твердой, опираясь на которую могла бы она заставить забыть ударъ 1878 года и весь гнетъ постигшаго съ того времени Россію разочарованія. Напротивъ: не несутся ли именно теперь изъ Петербурга дикие безумные возгласы, ругающіеся надъ «чувствами», надъ «увлечениемъ славянской идеей» и «историческими преданіями Россіи»?! Не стало ли теперь тамъ, въ правительственномъ Петербургѣ, какимъ-то общепринятымъ лозунгомъ—признавать и энтузіазмъ и подвигъ нашего великаго исторического народа въ прошлую войну—трагико-мическою ошибкою, печальнымъ и отчасти забавнымъ заблужденіемъ, котораго впередъ надо остерегаться и отнюдь не допускать?... Да не самъ ли князь Мещерскій обозвалъ недавно всю нашу восточную политику, начинай съ Екатерины вплоть до осени 1885 г., «политикою приключений» и возвѣстилъ, что съ сей поры настаетъ эра политики, которой до Славянъ не будетъ никакого дѣла, развѣ лишь впослѣдствіи, когда-нибудь?... Такъ съ какой же стати бранить онъ Москву за недостатокъ будто бы сердоболія и сочувствія племенамъ и землямъ—для Россіи, по новой политической петербургской философіи, постороннимъ?... «Политика эгоистическихъ, реальныхъ интересовъ» — вотъ что теперь установилось девизомъ для правительственного Петербурга.... Но вѣдь во имя однихъ реальныхъ, эгоистическихъ интересовъ нельзя и приглашать къ возвышеннымъ сердечнымъ порывамъ и жертвамъ; но вѣдь общество политики не ведеть, дѣйствуетъ лишь по внушенню чувствъ и идей,—а ихъ-то осмысливаніе и вошло теперь въ моду!....

Есть пословица: «не плуй въ колодезь, годится воды испить». Не мѣшаешь и правительству имѣть эту пословицу въ виду: энтузіазмъ—великая сила; пожалуй пригодится...

«Не хватаетъ сердца!» Какъ его станетъ хватать, когда все, чтб этимъ сердцемъ созидалось — разрушалось потомъ русской политикой или дипломатіей! Хватило этого сердца въ 1876—77 годахъ у Москвы настолько, что въ эту самую Черногорію отправила она нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а въ результатѣ вышло то, что теперь и никакими деньгами Черногоріи не поможешь, что всѣ эти великодушные дѣйствія русского общества увѣнчались по мудрости нашей дипломатіи... передачею самой Черногоріи въ австрійскій полонъ! Какъ думаетъ князь Мещерскій: располагаетъ ли такой результатъ къ новымъ жертвамъ?... Сотни же тысячъ были высланы изъ Москвы въ Боснию и Герцеговину для содѣйствія освобожденію ихъ изъ-подъ турецкаго ига,— и высланы въ то время, когда въ благородномъ порывѣ своемъ русское общество даже и не подозрѣвало, что обѣими этими Славянскими землями русская дипломатія уже успѣла посулиться Австріи впередъ, на Рейхштадтскомъ свиданіи, такъ что мы своими народными кровными деньгами оказали содѣйствіе... одной лишь замѣнѣ турецкаго ига — худшимъ игомъ, австрійскимъ!... Хорошо поощреніе для жертвователей!... Спрашиваемъ: кто по одному тайному намѣку правительства, еще до объявленія имъ войны Султану, снарядилъ и вооружилъ Болгарское ополченіе въ Бессарабіи, — кто какъ не Московское купечество вмѣстѣ съ Славянскимъ Московскимъ Обществомъ? Нынѣшній редакторъ «Руси» имѣть счастіе стоять тогда во главѣ этого дѣла и имѣть честь передать лично, хотя и секретно, русскому военному вѣдомству, десятки тысячъ ружей Шасспо, дюжину крупновскихъ пушекъ съ гранатами, патронами и прочими принадлежностями; онъ можетъ документально свидѣтельствовать, во сколько сотенъ тысячъ обошлась эта жертва купечеству и во сколько десятковъ тысячъ Славянскому Обществу. Ужъ не воображаетъ ли князь Мещерскій, что особенно одушевляющимъ образомъ подѣйствовало на московское купечество недавнее извѣстіе, что болгарская армія, ядромъ для которой послужили именно эти созданыя Москвою въ 1877 году болгарскія дружины, поступаетъ, по соглашенію Порты съ княземъ Александромъ, въ распоряженіе Турецкаго Султана?! Та самая армія, которая

еще только четыре мѣсяца тому назадъ состояла въ завѣдываніи русскаго военнаго министра, составляла часть русскаго войска!.. Вотъ тутъ и жертвуй, да еще выслушай выговоры за недостатокъ русскаго сердца, за противорѣчие слова съ дѣломъ!... Но и этого мало. Несмотря на услуги, оказанныя Московскому Славянскому Обществомъ правительству, — услуги, которыми послѣднее не брезгало пользоваться, — какъ только послѣдовалъ Берлинскій трактатъ, Общество было не только закрыто, но и ликвидировано... съ отмѣннымъ упрощенiemъ формъ. У него былъ свой капиталъ тысячъ въ 70, составленный изъ разныхъ пожертвованій. многія изъ коихъ имѣли специальныя назначенія, нѣкоторыя же перешли къ Обществу по завѣщанію; были определенные, не малые доходы отъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ. Не предупреждая жертвователей, безъ вѣдома и спроса лицъ, коимъ деньги принадлежали, безъ вѣдома и спроса хозяевъ — членовъ Общества, даже съ благоразумнымъ устраниемъ огласки (т. е. съ запрещенiemъ упоминать о томъ въ газетахъ), распорядились капиталомъ по своему, распредѣлили по учебнымъ заведеніямъ — гдѣ на доходы съ онаго воспитывались молодые Славяне и Славянки (ихъ было тогда до сотни) и гдѣ съ того времени они должны были даканчивать свое воспитаніе уже на счетъ капитала, такъ чтобы впредь воспитывать новыхъ было бы ужь нечѣмъ. — Однимъ словомъ уничтожили самый капиталъ. Не малый былъ сюрпризъ членовъ и жертвователей, не подозрѣвавшихъ о катастрофѣ, когда они въ извѣстный срокъ пришли спрашивать о ходѣ дѣлъ въ Обществѣ, и не нашли ни Общества, ни денегъ, ни даже указаній, чтѣсталось съ ними. Однимъ словомъ, Петербургъ онимъ членамъ и жертвователямъ, за симпатіи ихъ къ Славянству, за «политику чувствъ», преподалъ чувствительный урокъ!..

И урокъ подвѣйствовалъ, — сильнѣе, чѣмъ того ожидали. Недавно, на наши письма къ нѣкоторымъ лицамъ изъ купеческаго сословія съ просьбою о деньгахъ для удовлетворенія хотя небольшихъ, но вопіющихъ славянскихъ нуждъ (ибо, повторяемъ, Славяне никакъ не хотятъ привыкнуть къ мысли, что Петербургъ уволилъ Москву въ отставку),

мы получили интересные отзывы. Препровождая къ намъ нѣсколько сотъ рублей, — «вѣрте», — писалъ одинъ изъ жертвователей — «что наши убѣжденія и чувства не измѣнились, что мы все тѣ же... но вѣдь та же и дипломатія! но вѣдь рука даже не поднимается жертвовать, когда знаешь напередъ, что всѣ наши общественные увлеченія и даянія приведутъ, пожалуй, только къ пущему заупенію и оплѣванію»... Слѣдуютъ затѣмъ аргументы въ родѣ вышеприведенныхъ. «Не мало потратили мы луши и сердца, не говоря уже о материальныхъ жертвахъ, въ 1876 — 77 годахъ!» — пишетъ другой, жертвовавшій въ тѣ годы десятками тысячъ. «Едвали когда въ своей исторіи принимало русское общество такое непосредственное, дѣятельное участіе во вѣнчихъ политическихъ событіяхъ... и что же вышло? Петербургъ съ своими канцеляріями и вѣдомствами окатилъ насъ холодной водой — позоромъ Берлинского трактата Тepерь, по общему признанію, международное положеніе Россіи вообще, и въ частности на Balkанскомъ полуостровѣ, стало хуже чѣмъ прежде, хуже чѣмъ до нашей войны, до нашего дѣятельного общественного въ ней участія! Да оно и точно такъ. На самую эту Сербію сколько пошло русской крови и достоянія, а теперь сама наша дипломатія числить ее въ «сферь австрійской мощні»... Нѣть ужъ, слуга покорный! Мы достаточно проучены. Мы обожглись, извѣрились, и такъ какъ сами мы не властны давать направление русской политикѣ, да и не наше это дѣло, то мы и рѣшились держать себя въ сторонѣ, поодаль, замкнуться въ свои частные интересы, въ политику не вмѣшиваться и не давать хода своимъ славянскимъ или вообще национальнымъ, общественнымъ порывамъ и симпатіямъ, какъ бы ни болѣло сердце! А то — станемъ вновь горячиться, тратиться, совершать всяческие подвиги... Гладъ!.. выйдеть пожалуй что-нибудь похоже даже и Берлинского трактата»... Эти послѣднія слова — конечно не болѣе какъ гиперболическая формула выраженія, но она свидѣтельствуетъ однако, какъ глубоко недовѣріе русского общества къ канцелярско-полицейскому петербургскому режиму вообще, въ частности же къ нашей дипломатіи. Положимъ, въ старыхъ ея грѣхахъ настоящіе дѣятели неповинны; положимъ, эти дѣятели

даже вполнѣ достойны довѣрія,—но вѣдь старые-то грѣхиничѣмъ не заглажены; но вѣдь ничего съ той поры и не произошло такого, чѣмъ бы могла утѣшиться Русь въ своемъ национальномъ достоинствѣ...

Редакторъ «Гражданина» повидимому скептически относится къ словамъ о настоящемъ въ Россіи «экономическомъ застое». Не мудрено. Жалованье петербургскимъ чиновникамъ остается неизмѣннымъ, ни отъ какого «застоя» независящимъ,—равно и другія подобные выдачи изъ казны. Гдѣ же въ Петербургѣ, градѣ чиновниковъ по преимуществу, подмѣтить застой, которымъ страждеть вся Россія?!... Князь Мещерскій возмущается также тѣмъ, что для празднованія юбилеевъ мѣстныхъ властей деньги у мѣстныхъ людей находятся... Но вѣдь мѣстные люди состоять отъ мѣстныхъ властей въ зависимости и волей-неволей должны придерживаться «политики реальныхъ интересовъ», столь Петербургу сочувственной. Не самъ ли князь Мещерскій проповѣдуется неустанно о «сильной власти», объ усиленіи зависимости отъ нея мѣстныхъ жителей и въ то же время объ ослабленіи и даже уничтоженіи всякого мѣстного самоуправленія? Можемъ увѣритъ почтеннаго князя, что, по мѣрѣ успѣха его проповѣди, человѣкоугодничество (въ формѣ ли юбилеевъ или какой-либо иной) будетъ только все болѣе разvиваться и процвѣтать.

Подлость и пошлость и безъ того растутъ пышными цветомъ на русской общественной нивѣ. Въ новой поливкѣ и уходѣ онѣ не нуждаются...

Москва, 25-го января.

Привѣтствуемъ прибытие въ русскую сѣверную столицу доблестнаго и мудраго князя Черногоріи! Радуемся искренно тому сердечному привѣту, которымъ удостоенъ онъ со стороны нашего Государа! Полагаемъ, что на этотъ разъ глубокомысленные дипломаты С.-Петербургра сознаютъ тщету своихъ умствованій по части «русско-славянской идеи» и сконфуженно отрекутся отъ своего высокомудраго гоненія на «политику чувствъ» во имя будто бы «политики реаль-

ныхъ интересовъ». Какими «реальными интересами» опредѣляются стародавнія отношенія Россіи къ Черногорії? На чёмъ виждется наша связь съ этой отдаленнѣйшей и бѣднѣйшей изо всѣхъ Славянскихъ земель? Никакимъ корыстнымъ расчетомъ съ нашей стороны она объяснена быть не можетъ, а между тѣмъ самый вопросъ о политической причинѣ таковыхъ симпатій представляется совершенно празднѣмъ русскому уму и русскому сердцу, — до такой степени онъ — въ самой природѣ вещей. Въ основаніи ихъ лежитъ чувство братства, — тѣмъ болѣе, относительно Черногорцевъ, сильное и простое, что оно всегда было неразрывно и съ чувствомъ искреннягоуваженія къ черногорской доблести, что оно ни разу, въ теченіи двухъ почти столѣтій, не подвергалось въ насть оскорблению и смущенію. Мало того: съ этими чувствомъ сопряжено для Россіи и иѣкое добре чувство долга, того нравственного долга защиты и покровительства, который, какъ благое бремя, естественно тяготѣть на старшемъ мощномъ братѣ по отношенію къ младшему, и который представляется конечно безмыслицей съ точки зренія политики эгоистическихъ интересовъ, такъ усердно называемой Россія петербургскими мудрецами.

Совсѣмъ ужь обѣденъ смысломъ былъ бы у Бога тотъ, кто бы попытался уразумѣть историческую жизнь народовъ вообще, а Русского народа въ особенности, на основаніи лишь выводовъ формально-логического разума и вышешихъ материальныхъ соображеній, — не считаясь съ народною психологіею, съ безуміемъ вѣрованій, чувствъ, духовныхъ и нравственныхъ безкорыстныхъ побужденій... Особенно уже не поддается такому способу уразумѣнія историческое существо русского народного духа. Только невѣжество и ограниченность способны требовать отъ русской национальной политики — забвенія высшихъ нравственныхъ началь, къ числу которыхъ принадлежитъ и начало племенного братства, особенно же освященное единовѣріемъ, а вмѣстѣ и сознаніемъ тѣхъ братскихъ обязанностей, которая лежать на великому, могучему и независимому народу Русскому по отношенію къ братскимъ племенамъ — слабымъ и малымъ, и тѣмъ болѣе — къ подневольнымъ...

Для пишущаго эти строки, которому привелось въ 1876

и 1877 гг. быть не только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю, — который непосредственно изъ народныхъ рукъ принималъ народныя лепты, не святѣе коихъ была лепта Евангельской вдовицы, — предъ которыми живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣнахъ упрашивавшихъ, какъ о «Божеской милости», дарованія имъ способовъ «помереть», «мученическій вѣнецъ пріять за освобожденіе братій — христіанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ отъ басурманскаго ига или нашествія», — для настъ лично особенно рѣзкою фальшью звучать всѣ эти петербургскія дипломатическія притязанія — основать русскую національную политику на принципѣ какого-то отвлеченнаго бездушія, съ исключеніемъ всѣхъ факторовъ нравственнаго, психического свойства. Впрочемъ, эти притязанія понятны. Попробуйте только сопоставить въ своей мысли этихъ колѣнопреклоненныхъ, приносящихъ себя въ святую жертву за свободу братій, русскихъ крестьянъ рядомъ съ петербургскими чиновниками — бюрократами и дипломатами, для которыхъ *en fait de nationalités* существуетъ только одна національность — *des gens comme il faut*, которые иначе какъ на краюшкахъ губъ и съ иронической ужимкой не могутъ и выговорить слово: «Славяне», — попробуйте только сопоставить въ вашемъ воображеніи вмѣстъ этихъ жертвователей и этихъ жрецовъ, болѣе или менѣе воздѣйствующихъ тамъ въ Петербургѣ на судьбы Русскаго народа и дающихъ направленіе русской политикѣ, — такъ и обдастъ васъ холодомъ безнадежности: ни языка, ни иныхъ способовъ для взаимнаго пониманія, ни надежды на соглашеніе, — тарабарская грамота для нихъ — рѣчь, мысль, душа Русскаго народа, которую развѣ лишь гроза событій можетъ подчасъ заставить ихъ уразумѣть!

Не умна, никуда не годна та русская политика, которая не считается съ русскою народою совѣтствомъ, не признается въ соображеніе нравственныхъ свойствъ и историческихъ инстинктовъ такого великаго исторического организма, каковъ народъ Русскій. И наоборотъ, только согласная съ требованіями народной совѣсти политика и есть политика

практически плодотворная. Преступлениемъ противъ русской народной исторической совѣсти, признающей за собой священный долгъ братскаго старѣйшинства, было раздѣленіе Балканскаго полуострова на двѣ сферы вліянія, русскую и австрійскую; преступлениемъ противъ нея было преданіе во власть католическо-швабской Австріи славянскихъ странъ Босніи и Герцеговины; такимъ же преступлениемъ или по крайней мѣрѣ противорѣчіемъ была и уступка Сербіи австрійской «сферѣ вліянія»... Всѣ эти дипломатическія преступленія были совершены во имя будто бы здравой, чуждой сентиментальности, реальной политики. Вкусны ли и выгодны ли для Россіи практическіе ея плоды?...

Само собою разумѣется, что говоря о необходимости согласовать національную русскую политику съ требованіями русской народной совѣсти, мы предполагаемъ необходимымъ и присутствіе въ исполнителяхъ того русскаго народнаго самосознанія, той стихіи русскаго народнаго ума, безъ которыхъ никакое дѣло спориться не можетъ и великодушные народныя жертвы осуждены стать лишь напрасными жертвами, какъ это и случилось въ 1878 г. и въ послѣдующемъ рядѣ годовъ...

Относительно Черногоріи Россія въ долгу. Россія не отстояла ее на Берлинскомъ конгрессѣ и — конечно нѣхотя — дала все-таки свое согласіе на кровную для нея обиду: большая часть черногорскихъ у Турціи завоеваній отдана была, ни за что ни про что, въ собственность Австріи, не обнажившей даже и меча, не пролившей ни капли крови, а та небольшая часть, которая присуждена была конгрессомъ Черногоріи, до сихъ поръ вдоль албанской своей границы оспаривается у неї Турціей! Россія, столь ревнующая теперь о святости и неприкосновенности Берлинскаго трактата и требовавшая еще недавно возвстановленія *status quo ante* тамъ где онъ нарушенъ, не хотѣла или не сумѣла настоять на исполненіи Портовою статьи касающейся Черногоріи!... А между тѣмъ Австрія обставила эту вольную прежде страну кругомъ каменными блокгаузами и заоборомъ штыковъ, держитъ ее подъ дозоромъ, — подлинно въ «сферѣ своей мощи» хотя, благодаря черногорской вѣрности и доблести, и мудрости Князя, еще не въ «сферѣ

австрійського вліяння! Черногорія — ще не въ званії княжества, а въ званії «владыката», — земли населеної независимими Сербами, подчинявши місса лишь управлению своїхъ Владыкъ-митрополитовъ, — была первымъ звеномъ свя-
звшимъ православную славянскую Россію съ православно-
славянскимъ міромъ, когда Россія возросла въ силу. Это
былъ нашъ первый православно-славянский этапъ на пути
всемірно-исторической политики, на который ступила Россія
при Петрѣ Великомъ: онъ же первый и завелъ съ ней тѣ непо-
средственные прямые сношения, которые и не прерывались
съ той поры, не прервались и тогда, когда Императоръ
Николай, снисходя къ желанію кандидата въ митрополиты,
юного Данилы, привезенного для поставленія и рукополо-
женія въ Петербургъ, произвелъ его въ князя, а Черногорію
въ княжество... Черногорія и теперь, когда у насъ утрачены
почти всѣ позиціи на Балканскомъ полуостровѣ, остается
единственнымъ живымъ звеномъ въ цѣліи отношений нашихъ
къ Балканскимъ Славянамъ и залогомъ возстановленія этой
цѣліи въ полнотѣ ея звеньевъ...

Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что пребываніе въ Петербургѣ князя Черногорскаго, который умѣетъ сочетать въ себѣ замѣчательное дипломатическое искусство съ несомнѣннымъ, черногорскимъ патріотизмомъ, будетъ не бесполезнымъ для нѣкотораго проясненія мыслей нашихъ дипломатовъ,— да кстати напомнить имъ, что Черногорцы — тоже Сербы, что честь сербскаго имени, подвергающаяся теперь въ нашихъ газетахъ такому безшабашному, дешевому поношенню, имъ равно дорога; что Сербскій народъ заключается не въ одномъ несчастномъ королевствѣ Сербіи, да и въ королевствѣ — не въ одной партіи «напредняковъ», продавшейся Австріи... Къ счастію, на днѣхъ проѣхалъ чрезъ Москву изъ Аѳинъ въ Петербургъ новый сербскій посланникъ Савва Груичъ, служившій нѣкогда въ русской службѣ по артиллеріи. Это не генералу Хорватовичу чета, и можно надѣяться, что, при его содѣйствіи, въ отношеніяхъ Россіи къ Сербіи произойдетъ нѣкоторая перемѣна ко благу всего Славянства...

Но каково общее политическое положение дѣлъ, бывшее

укоренившагося недуга? Быть или не быть войнѣ весною? Вѣдь и до весны-то всего какой-либо мѣсяцъ!

На этотъ вопросъ всего точнѣе могла бы дать отвѣтъ только Австрія. «Великія державы» выражаютъ, пожалуй, увѣренность, что миръ нарушенъ не будетъ и принимаютъ, повидимому, грозныя, энергическая мѣры съ цѣлью предупредить пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ; но мѣры-то всѣ эти — какія-то странныя, неполныя, нецѣлесообразныя, заставляющія очень и очень сомнѣваться въ полномъ единодушіи искренности всей этой шестидержавной лиги мира! Въ самомъ дѣлѣ, что представляеть намъ настоящій образъ дѣйствій державъ, если подвергнуть его внимательной критикѣ?

Во 1-хъ) кого нужно «умиротворять» или понуждать къ укрощенію расходившихся военныхъ страстей и политическихъ аппетитовъ? Сербію, Болгарію, Грецію, пожалуй и Порту. Каждому ясно, что Порта не желаетъ и не можетъ желать войны: ея вооруженіе — только самозащита въ виду грозящихъ опасностей. Что же касается требованія демобилизациіи и разоруженія отъ Сербіи и Болгаріи, то когда же видано и слыхано, чтобы двѣ воевавшія между собою стороны разоруживались во времена *перемирія*, до заключенія мира? Сами же державы назначили срокъ *перемирію* до 1-го марта (срокъ *подозрительно* долгій, ибо онъ протянуть какъ разъ до времени удобнаго для возобновленія военныхъ дѣйствій. Ужъ не по совѣту ли австрійскаго военного агента онъ принятъ?) Слѣдовательно, если великія державы дѣйствительно все хотятъ мира, то имъ, вмѣсто всякихъ колективныхъ нотъ о демобилизациіи, слѣдовало бы, колективно же, прежде всего настаивать на скорѣйшемъ заключеніи мира между Болгаріей и Сербіей. Но всѣ мы видимъ, съ какою поразительной вѣлостью ведутся эти переговоры. Вѣлость эта не въ интересѣ Болгаріи или князя Александра. Промедленіе, стало быть, со стороны Сербіи. Но кто же могъ бы успѣшище всего воздѣйствовать на сербскія власти, самымъ реальнымъ образомъ понудить ихъ? Только Австрія — одна изъ «великихъ державъ» подписавшихъ Берлинскій трактатъ и членъ Трехъ-Державнаго Союза. И средствомъ понужденія могла бы служить для нея даже и не угроза

вступлениі австрійскихъ войскъ, а положительный отказъ въ австрійской на случай войны поддержкѣ,—въ какомъ бы то ни было видѣ. Развѣ при искреннемъ желаніи предупредить войну, при искреннемъ требованіи разоруженія, не могла бы Австрія остановить беспрестанный подвозъ въ Сербію чрезъ свои владѣнія всякого рода оружія и военныхъ запасовъ, объявивъ эти предметы военнай контрабандой? Да наконецъ осмѣлилось ли бы сербское правительство продолжать свои вооруженія и мѣшкать переговорами или предъявлять для заключенія мира какія-либо условія о «равновѣсіи» и «компенсації» противъ воли *всей* Европы, еслибы не имѣло за спиной твердаго надежнаго оплота — Австріи, входящей въ составъ той же *всей* Европы?! Кого же здѣсь морочатъ?..

Относительно же Греціи, удостоившейся вдругъ чести вызвать противъ себя коллективную морскую демонстрацію чуть не всѣхъ великихъ державъ, о которой скажемъ ниже, — державамъ слѣдовало бы и прежде, казалось, задать самимъ себѣ вопросъ: могла ли бы Греція одна, на свой рискъ и страхъ, отважиться на войну съ Турцией, чуть не въ 10 разъ превосходящей ее силами, еслибы Сербія перевела копье на рало и заключила съ Болгаріей прочный миръ? Конечно нѣтъ. И такъ секретъ греческаго упорства въ сербскомъ упорствѣ, а секретъ сербскаго упорства — въ упорствѣ, въ политическихъ планахъ Австріи, для которой заключеніе сербо-болгарскаго мира безъ всякаго для Сербіи вознагражденія за всю ея жертвы, издергки, понесенный позоръ (на что на все подтолкнула Сербію Австрія), равняется утратѣ политического властительнаго обаянія, не только въ королевствѣ Сербскомъ, но и въ Сербскомъ племени Босніи и Герцеговины....

Такимъ образомъ для Сербіи (а съ нею и для Австріи) заключеніе мира связывалось съ разрѣшеніемъ румелійско-болгарскаго вопроса. На это же открыто указывала и Греція.

2) На разрѣшеніе этого вопроса, казалось, и должны бы были державы направить всю коллективную тягость своихъ усилий,—такъ какъ въ немъ ядро раскусываемаго, но не раскүщенаго еще орѣха. Но надо отдать справедливость державамъ,—спѣшили они сначала медленно. Словно

бы все́ онъ сговорились или какой-то таинственный магъ подталкивалъ ихъ оттагивать дѣло поближе къ веснѣ, т. е. опять-таки ко времени удобному для возобновленія военныхъ дѣйствій! Правда, Порта крѣпко стучалась въ дверь ко всѣмъ державамъ, прося ихъ оказать ей дружное и спѣшное содѣйствіе въ разрѣшеніи этого вопроса и такимъ образомъ гарантировать ей одновременно и прочность того *modus vivendi*, который былъ бы установленъ, но державы, проученные опытомъ Константинопольской трехмѣсячной конференціи и не довѣряя своему единодушію, свели вопросъ на сдѣлку между княземъ Александромъ и самой Портой. Послѣдняя однако же, въ виду заявленія Сербіи и Греціи, что даже и „личная унія“ Болгаріи и Румеліи по-дастъ имъ поводъ требовать компенсаціи, по неволѣ замѣшлась; Султану приходилось, безъ увѣренности въ поддержкѣ Европы, наносить на самого себя руку. Тогда и состоялась дипломатическая комбинація такого рода, чтобы искусственно или насильственно отдѣлить болгарско-румелійскій вопросъ отъ вопроса о притязаніяхъ Греціи и Сербіи: комбинація совершенно искрення со стороны Россіи, искрення можетъ быть со стороны Франціи и Италіи, но сомнительной искренности со стороны прочихъ державъ. Первое „нравственное“ коллективное давленіе, какъ мы уже пояснили, не привело ни къ какому результату. Послѣдовала вторая, коллективная же, болѣе энергическая угроза: „въ случаѣ войны все́ державы опрокинутся — де на зacinника, и никакой территоріальной перемѣны произведенной войною не допустятъ“! Но и эта угроза никого по-видимому не пугнула — въ виду явной затруднительности въ исполненіи угрозы. Въ самомъ дѣлѣ, кто же бы взялъ на себя обузу фактически, посредствомъ сухопутныхъ войскъ, уничтожать совершившіеся факты территоріальныхъ перемѣнъ или даже наказывать зacinника?! Посыпать противъ Сербіи и Греціи коллективную сухопутную военную силу отъ всѣхъ шести державъ, или даже отъ одной, избранной въ должность полицеімейстера, очевидно немыслимо. Къ тому же принимать такую мѣру относительно Сербіи Австрія, — правда не официально, но только офиціозно, хотя и довольно торжественно, на отрѣзъ отказалась, — да и для Рос-

сії какої же расчетъ побуждать Австрію занимать Сербію своими войсками! Вся дипломатическая хлопотня въ практической формѣ свелась на комедію морской демонстраціи— и собственно противъ наименѣе опасной и грозной для Турціи—Греціи, — Греціи, которой шумные рѣчи и бряцанья оружіемъ возвуждали до сихъ поръ въ Европѣ только улыбку, — которая потому только и шумитъ и грозить, и мечтаетъ о войнѣ, что имѣеть въ виду угрозы и приготовленія Сербіи, Австріею поддерживаемой! Инициатива этой демонстраціи принадлежитъ Англіи или точнѣе сказать министру Сольсбери, по соглашенію его съ Германіей и вѣроятно Австріей. Греческій флотъ, чтобы не очутиться въ блокадѣ, ушелъ заблаговременно въ открытое море, и морскія эскадры всѣхъ великихъ державъ, за исключеніемъ Франціи, рѣшительно отказавшейся отъ понудительныхъ противъ Греціи мѣръ, величаво сходятся въ Греческія воды— караулить праздные греческие порты, безъ возможности помѣшать враждебнымъ дѣйствіямъ сухопутныхъ греческихъ войскъ, если бы таковыя начались... Спрашивается однако— какой же смыслъ въ этой практической, хотя и безвредной противъ Греціи демонстраціи, когда относительно Сербіи довольствуются только хорошими словами? Разгадку смысла слѣдовало бы, прежде всего, искать у Сольсбери, но онъ теперь смѣнился,—впрочемъ догадываться о смыслѣ можно бы, кажется, и по практическимъ ея послѣдствіямъ. Нѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это дѣйствіе Англіи было въ то же время демонстраціей въ пользу Султана, придало ему бодрости и ускорило сдѣлку его съ княземъ Александромъ, давъ ей благопріятный для послѣдняго и неблагопріятный для Россіи оборотъ.

3) По газетнымъ свѣдѣніямъ, сдѣлка уже состоялась, даже будто бы утверждена Султаномъ, даже сообщаются условія, явныя и тайныя, „личной унії“. Румеліи и княжества въ особѣ князя Александра. Но въ числѣ этихъ условій есть такія, на которыхъ Россія конечно согласиться не можетъ, а именно (это условіе принадлежитъ однако къ числу негласныхъ): предоставление Турціи права держать турецкій гарнизонъ въ Бургасѣ, хотя бы и подъ верховнымъ командованіемъ князя. Такое право ведеть за собою

и право стоянки въ Бургасѣ турецкихъ судовъ!... Равно-
мѣрно безобразно и то условіе, въ силу которого князь
Александръ, на случай войны Порты съ Греціей или Сер-
біей, обязуется будто бы предоставить въ распоряженіе Тур-
ціи и подъ команду турецкихъ офицеровъ—вспомогательный
корпусъ въ 50 т. человѣкъ. Не для защиты же Турціи со-
здавали мы болгарское войско и обучали его русской ко-
мандѣ!... Даѣте, Султанъ оставляетъ себѣ право, по про-
шествіи 5 лѣтъ, на которыхъ допускается личная унія, во-
зобновить этотъ срокъ, не испрашивая уже согласія державъ... Вообще сдѣлка, въ ея настоящемъ видѣ, не только
дѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе прежнихъ отношений
Россіи къ Болгаріи, но, пріурочивая соединеніе Румеліи съ
Княжествомъ лишь къ лицу князя Александра, только уп-
рочиваетъ его личное въ Болгаріи положеніе,—что можетъ
быть даже несовсѣмъ согласно и съ интересами самой
страны.

Къ чему же до сихъ поръ привели всѣ колективныя,
умиротворительныя усилия державъ? Положеніе князя Але-
ксандра, конечно, вѣсколько упрочилось, благодаря турец-
кой санкціи, и упрочилось бы можетъ-быть еще крѣпче,
если бы не пало министерство Сольсбери; но вмѣстѣ съ
тѣмъ упрочились и шансы войны на Балканскомъ полу-
островѣ, тѣмъ болѣе, что сдѣлка Турціи съ княземъ, по-
давая Грецію и Сербію поводъ къ требованію компенсацій,
не можетъ быть въ ея настоящемъ видѣ утверждена и Рос-
сіей, и вопросъ болгарско-румелійскій остается все еще не
разрѣшеннымъ... Въ чьихъ же видахъ — допущеніе этой
войны?...

Не можетъ быть и сомнѣнія, что ни Россія, ни Франція,
ни Италия, ни Англія (теперь, при Гладстонѣ) не имѣютъ
никакого повода желать новой вспышки на Балканскомъ полуостровѣ, новой войны. Франція уже потому, что она
не желаетъ, при настоящемъ своемъ положеніи, допустить
рѣшеніе Восточного вопроса безъ своего прямаго участія,
на которое даетъ ей право ея званіе великой державы, но
котораго фактически проявить она теперь не въ силахъ.
Англіи, которая болѣе или менѣе сама заварила всю эту
политическую кашу при министерствѣ маркиза Сольсбери,

теперь также не до того, какъ потому что дѣла ея въ Суданѣ приняли очень плохой оборотъ, такъ и потому, что она слишкомъ заната теперь у себя дома. Внезапная перемѣна министерства и предстоящее рѣшеніе вопроса объ Ирландіи сосредоточиваются въ настоящую минуту все вниманіе Англичанъ на внутреннихъ дѣлахъ. Въ прямомъ интересѣ Гладстона — отсрочить теперь всякий кризисъ на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе что въ области вѣнѣшней политики общественное мнѣніе Англіи относится къ либеральной партіи несочувственно. Было бы поэтомъ совершенно ошибочно ожидать, что Гладстонъ вотъ такъ прямо и начнетъ осуществлять на Востокѣ свои извѣстныя политическія воззрѣнія! Но уже самый переходъ отъ активной англійской политики къ пассивной представляетъ немаловажное значеніе. Нельзя поэтомъ и предполагать, что великия державы, коихъ эскадры качаются теперь въ греческихъ водахъ, доведутъ свое желаніе *мира* до того, что сами объявлять войну Греціи, станутъ бомбардировать греческіе порты, топить или жечь греческія суда! Напротивъ, всякая подобная попытка встрѣчена будетъ теперь не-премѣннымъ протестомъ не только со стороны Франціи, но и Англіи. А Германія, а Австрія? Вѣдь онѣ также участвуютъ въ демонстрації, значитъ — также жаждутъ мира? Да, — но участіе Австріи не мѣшаетъ ей въ то же время отказываться отъ всякаго принудительного дѣйствія относительно Сербіи, а въ этомъ и весь узелъ настоящаго усложненія и всѣ зачатки не морской, а сухопутной войны!! Но Германія, участвуя въ „концертѣ шести великихъ державъ“, затѣмъ и въ Союзѣ Трехъ Державъ, состоя одновременно съ Австріей въ специальному *Двойственному* Союзѣ, посылая и отъ себя эскадру къ греческимъ берегамъ, выѣстѣ съ тѣмъ не оказывается однако ни малѣшаго давленія на Австрію, — чтобы заставить ее согласовать свою политику въ Сербіи съ политикою Россіи!...

Извѣстно, какая доля вліянія въ области вѣнѣшней австрійской политики принадлежитъ Венгріи. Недавно въ венгерскомъ парламентѣ бывшій австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Андраши, одинъ изъ главныхъ творцовъ Берлинскаго трактата и *Двойственного* съ Гер-

манієй Союза, высказалъ съ вѣдома Вѣнскаго кабинета свою политическую программу: полное воссоединеніе Румеліи съ Княжествомъ, удовлетвореніе въ иѣкоторой степени территоріальныхъ притязаній Греціи и Сербіи, затѣмъ полная гарантія неприкосновенности Порты относительно всѣхъ осталыныхъ ея европейскихъ владѣній (это уже направлено противъ Россіи)... Наконецъ графъ Андраши прямо требуетъ, чтобы инициатива, главная дѣятельная роль въ умиротвореніи Балканскаго полуострова и такъ - сказать полицейской надзоръ надъ нимъ принадлежали не кому другому, какъ Австріи...

Такимъ образомъ центръ всего современаго политического усложненія въ Австріи, нашей же ближайшей союзницѣ, опирающейся конечно на Германію — другую нашу союзницу, а Россія, опутанная сѣтями этого союза, продолжаетъ самымъ искреннимъ образомъ вѣрить въ возможность соблюденія своихъ политическихъ интересовъ, интересамъ Австріи и Германіи противоположныхъ — при содѣйствіи же Австріи и Германії!! Это все равно, какъ бы при посредствѣ двухъ, напримѣръ, зеленыхъ красокъ пытаться произвести третью — розовую. Однако же чего другаго, кроме пачкотни, можно бы ожидать отъ такого смѣшнія красокъ?... Не знаемъ каковы будутъ дальнѣйшіе результаты нашихъ дипломатическихъ стараний, но тѣ, которые добыты до сихъ поръ, — т. е. утрата нашего властнаго положенія въ Болгаріи и Румеліи — налицо.

Изъ Берлина, чрезъ уста иѣкоторыхъ офиціозовъ (между прочимъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“) несутся таинственные намеки на какое-то скорое, по планамъ германской политики, осуществление „завѣтѣйшихъ чаяній Россіи въ области Восточного вопроса“... *Timeto Danaos et dona ferentes!* Этими обѣщаніями мы не вѣримъ, — да и можно ли имъ вѣрить, если исполненіе „чаяній“ комбинировано одновременно съ усиленіемъ, укрѣпленіемъ и господствомъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ?...

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемое ниже письмо нашего корреспондента изъ Берлина. Изъ него видно, какую опасность усматриваетъ для себя Германія въ присутствіи не только польского, но вообще славянскаго

элемента, какъ въ своихъ восточныхъ провинціяхъ, такъ даже и въ Австрійской Богеміи. Очевидно, что германизація нашихъ западныхъ окраинъ съ одной стороны, съ другой—оттѣсненіе Австріи туда, за Дунай и Саву—составляютъ задачу современной германской политики... Что жь! Съ русско-азіатскимъ знаменемъ, можетъ-быть даже и на верхнемъ Босфорѣ, но обращеннымъ лицомъ къ Азіи и спиной къ Европѣ, Германія съ Австріей, пожалуй, и примирится,—но только оградивъ отъ насъ и Царь-градъ, и весь Балканский полуостровъ, но только заставивъ насъ отречься отъ знамени славянскаго и предать Славянъ Полуострова подъ власть піонера германизації—Австро-Венгерской Имперіи... Впрочемъ даже и эта уступка еще журавль въ неѣ! Не надежнѣе ли будетъ возлагать намъ надежды въ нашемъ кровномъ дѣлѣ исключительно на себя самихъ и помнить, что отрекаясь отъ Славянъ—Россія перестанетъ быть не только Славянскою, но и Русскою державою, и сойдетъ позорно съ своего всемірно-исторического поприща...

Всякія сдѣлки съ Германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянского вопроса противоестественны и гибельны. Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами.... А гроза близится....

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

THE NEW YORK
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be
taken from the Building

